

Кристиан Штрайт

ОНИ НАМ НЕ ТОВАРИЩИ

**Вермахт и советские военнопленные
в 1941–1945 гг.**

РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

Кристиан Штрайт

ОНИ НАМ НЕ ТОВАРИЩИ

**Вермахт и советские военнопленные
в 1941–1945 гг.**

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Christian Streit. KEINE KAMERADEN. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen. 1941–1945. – Neuausg. – Bonn, Dietz, 1997.

Перевод с немецкого и дополнения к комментариям *И. Дьяконова*; предисловие, редактора перевода, дополнения *И. Настенко*

Штрайт Кристиан

Ш93 «ОНИ НАМ НЕ ТОВАРИЩИ...»: Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / Пер. с нем. *И. Дьяконова*, предисл. и ред. *И. Настенко*. – М.: АНО «Русское историческое общество»–НП ИД «Русская панорама», 2009. – 480 с. (Серия «Весь мир»).

ISBN 978-5-93165-147-7

Это исследование профессора Гейдельбергского университета является самой цитируемой книгой по проблеме советских военнопленных в Германии в 1941–1945 гг. Вызвавшая после первого издания неприятие и ожесточенные дискуссии как среди советских военных историков, так и с немецкой стороны, ныне эта книга считается «хрестоматийной» и «классической». Оценки общего количества советских военнопленных и числа погибших в немецком плену, которые приводит профессор Штрайт, ныне считаются наиболее объективными и продолжают оставаться свидетельством преступной деятельности фашистского режима. В полном объеме на русском языке публикуется впервые. Издание снабжено научным аппаратом.

ББК 60.3(0)62

ISBN 978-5-93165-147-7

© Штрайт К., 1997–2009

© Дьяконов И., перевод с немецкого, 2009

© Настенко И., предисловие, редактора перевода, дополнения, 2009

© АНО «Русское историческое общество», 2009

© НП ИД «Русская панорама», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редактора</i>	5
I. Введение	7
Постановка проблемы	9
Выводы	11
Источники и литература	14
Современное состояние проблемы	17
II. Значение национал-социалистских военных целей для политики уничтожения в войне против Советского Союза	24
III. Вовлечение вермахта в национал-социалистскую политику уничтожения	28
1. Порядок действий айнцагрупп СС	31
2. Ограничение военного судопроизводства	33
3. Приказ о комиссарах	45
4. «Директивы о поведении войск в России»	51
5. Причины вовлечения вермахта в политику уничтожения	51
6. Значение этого комплекса приказов	61
IV. Планирование использования завоеванных земель	64
1. Военно-экономический штаб «Восток»	64
2. Ведомство Розенберга	67
3. ОКВ и ОКХ	68
V. Организационные приготовления по обращению с военнопленными согласно плану «Барбаросса»	70
1. Приготовления в ОКВ	71
а) Отдел по делам военнопленных в общем управлении ОКВ	71
б) Проникновение национал-социалистской идеологии в ведомство по делам военнопленных до 1941 года	71
в) Организационные приготовления	74
2. Планирование в ОКХ и в высшем войсковом командовании	80
3. Значение победных ожиданий немецкого руководства	83
VI. «Уничтожение мировоззрения»	87
1. Выполнение приказа о комиссарах	88
2. Расширение акций по «уничтожению противника»	92
3. Массовые расстрелы советских пленных подразделениями вермахта	111
4. Обращение с военнопленными еврейской национальности	114
5. Взаимодействие вермахта и айнцагрупп СС	115
6. Последствия сотрудничества	131
VII. Массовая смертность советских военнопленных в 1941–1942 гг.	135
1. Процесс массовой смертности	137
а) Прифронтовая зона	137
б) Рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина», и генерал-губернаторство	140
в) Территория рейха	142
2. Причины массовой смертности	144
а) Питание	144
б) Эвакуация	171
в) Размещение	181
г) Сыпной тиф	187
3. Другие факторы	190

а) Приказ об обращении с пленными и позиция вермахта относительно пленнх	190
б) Обращение с ранеными пленными	193
4. «Умысел или необходимость?»	198
VIII. Решение об использовании советских военнопленных в качестве рабочей силы на территории рейха	201
1. Запрет на использование пленнх в июле 1941 г.	203
а) Внутриполитические причины	203
б) Планы национал-социалистского руководства по использованию пленнх	206
в) Позиция немецких промышленников	208
г) Смягчение запрета под давлением необходимости	210
2. Решение об использовании труда советских военнопленных	212
а) Процесс принятия решения	212
б) Значение этого решения	218
3. Последствия	219
а) Последствия для управления использованием рабочей силы	219
б) Ответная реакция на «борьбу с противником»	221
в) Развитие процесса использования труда пленнх до весны 1942 г.	222
IX. Советские военнопленные в лагерях СС	228
X. Попытки добиться обращения с советскими военнопленными согласно нормам международного права	236
XI. Использование труда советских военнопленных в 1942–1945 годах	251
1. Использование рабочей силы в прифронтовой зоне	252
2. Развитие смертности в 1942–1943 годах	257
3. Питание советских военнопленных в 1942–1945 годах	263
4. Последовательное «уничтожение противника»	267
5. Попытки добиться повышения производительности труда пленнх	274
а) Открытие службы по делам военнопленных для влияний со стороны партии и экономики	275
б) Усилия министерства вооружения	280
6. Советские военнопленные в угольной промышленности	283
а) Угольная промышленность и её усилия по повышению производительности труда: «продуктивное питание»	283
б) Связанные с этим структурные изменения в ведомстве по делам военнопленных	288
в) Процесс использования советских военнопленных в горной промышленности в 1942–1945 годах	289
г) Усилия имперского объединения угля по снижению расходов на советских военнопленных	297
7. Развитие процесса использования советских военнопленных в других отраслях экономики	302
XII. Судьба советских военнопленных на последнем этапе войны	306
1. Передача службы по делам военнопленных Гиммлеру	306
2. Судьба советских военнопленных в последние месяцы войны	309
XIII. Решения относительно судьбы советских военнопленных в связи с национал-социалистской политикой	313
<i>Примечания</i>	319
<i>Список источников и литературы</i>	454
<i>Именной указатель (Персоналии)</i>	471

От редактора

Это исследование профессора Гейдельбергского университета является самой цитируемой книгой по проблеме советских военнопленных. Книга неоднократно издавалась в Германии и только впервые в полном объеме будет издана в России. Она – о судьбе более 5,7 млн. советских военнопленных, оказавшихся в течение 1941–1945 гг. в лагерях и на принудительных работах в Германии. Книга – результат многолетней кропотливой работы автора; при ее подготовке были использованы тысячи документов, сохранившихся в немецких архивах. Уже после первого издания (1978 г.) она вызвала неприятие и ожесточенные дискуссии как среди советских, так и среди немецких военных историков.

Понятно, что с советской стороны потери в виде огромного числа взятых в плен военнослужащих свидетельствовали об ошибках военного руководства. Можно вспомнить сталинское: «У нас пленных нет, это – предатели!», а также об отказе инициативе Международного комитета Красного Креста об оказании гуманитарной помощи советским военнопленным и узникам концлагерей. Поэтому цифры потерь в виде захваченных в плен занижались. Большинство советских военнопленных – 3,3 млн. чел. (около 60%) – погибло от голода, плохого содержания и непосильного труда... Ну а тех, кому посчастливилось вернуться после окончания войны, ждали проверочно-фильтрационные лагеря, унижения и несправедливые приговоры, и для очень многих это обернулось ограничением в правах. Факт нахождения в немецком плену в биографии советского гражданина становился для него несмыслимым пятном, влекшим подозрения в предательстве и шпионаже. Трагедия советских военнопленных обернулась болью для каждой шестой советской семьи. До сих пор не произошла настоящая реабилитация для лиц, прошедших после немецких лагерей сталинские лагеря...

На Западе любая попытка рассказать о военных преступлениях Германии рассматривается как пропагандистский прием. Проигранная «горячая» война против большевизма и Советского Союза плавно перешла в «холодную войну» против того же большевизма и восточной «империи зла». И если, например, руководство ФРГ «покаялось» перед еврейским народом за холокост, то ничего подобного не произошло по поводу массового уничтожения советских военнопленных и мирного населения на оккупированных восточных территориях. Однако прошлое нацистской Германии было настолько преступным, позорным и проигранным, что не позволяло сделать из него фундамент для идеологии новой, возрожденной Германии, а потому делались попытки свалить все на голову Гитлера, нацистской верхушки и аппарата СС, а также «обелить» славный вермахт, героически сражавшийся на фронтах и якобы неповинный в преступлениях фашизма. А что же происходило на самом деле? На совещании командующих и начальников штабов армий Восточного фронта А. Гитлер заявил: «Они нам не товарищи... Речь идет о борьбе на уничтожение».

Этими словами рыцарское отношение по отношению к военнопленным, зафиксированное в уставе вермахта, или проявление гуманизма к ним же, в соответствии с международными конвенциями, отменялись. Это послужило необсуждаемым принципом к бесчеловечному отношению к советским военнопленным. Другим, было отношение немцев к пленным из других государств, например, из 1547 тыс. французских военнопленных (с лета 1940 г.) умерли или погибли 40 тысяч (2,6%). Проводилась последовательная политика по уничтожению миллионов советских военнопленных, а также мирного населения на оккупированных территориях.

Почему везде фигурируют столь большие цифры советских военнопленных? Как признают нынешние эксперты, Советская армия войну встретила неподготовленной. Повсеместно не хватало опытных командиров (последствия репрессий 1937–38 гг. и многочисленных предвоенных «чисток»). Многие части были не только недокомплектованы личным составом, но элементарно не имели даже недельного запаса боеприпасов. Неравномерное отступление приводило к попаданию не только отдельных частей, но и целых соединений в окружение (в так называемые «котлы»). При необеспеченности ресурсами, отказе (или невозможности) Верховным главнокомандованием принятия необходимых мер по их вызволению – все это вело к неминуемому уничтожению или захвату в плен огромного числа советских воинов. Так например, по свидетельству профессора В.А.Храброва (участвовавшего в подготовке настоящего издания), его отец – Храбров Александр Серафимович – в свое время отказался «от брони» (была такая отмазка от передовой на оборонных предприятиях) и ушел добровольцем на фронт. Его дивизия (в числе еще 28 подобных) попала в знаменитый и страшный «вяземский котел». Маршал Г.К.Жуков писал впоследствии: «Благодаря упорству и стойкости, которые проявили наши войска, дравшиеся в окружении в районе Вязьмы, мы выиграли драгоценное время для организации обороны на Можайской линии...». Вяземская операция обошлась советской стране в более миллиона погибших и «пропавших без вести», а также взятых в двух «котлах» (под Брянском и Ельней) 600 тыс. пленных. Неустрашимый и дерзкий Александр Храбров «пропал без вести» – долгие годы его семья оставалась в неведении, считать ли его погибшим или ждать из плена (он так и не вернулся). И этот случай не был исключением – в течение Отечественной войны почти в каждой советской семье был или погибший (а во многих и не один!), или один из членов семьи оказался в плену (больше половины из них также погибло, а уцелевшие сполна хлебнули горечь последовавших репрессий и сталинских лагерей)...

Многие годы исследования о судьбе советских военнопленных в фашистской Германии были закрытыми (как в СССР, так и в Германии). После конца холодной войны с изменением ситуации в мире историки получили доступ в архивы, а также возможность встречаться с зарубежными коллегами и обсуждать результаты. Более двадцати лет профессору Кристиану Штрайту приходилось переносить огульные поношения и несправедливую критику. Ныне эта книга считается «хрестоматийной» и «классической». Оценки общего количества советских военнопленных и числа погибших в немецком плену, которые приводит профессор Штрайт, сейчас считаются наиболее объективными и продолжают оставаться свидетельством преступной деятельности фашистского режима.

«Мы должны отказаться от понятия солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и никогда не будет товарищем. Речь идёт о борьбе на уничтожение...».

Отрывок из речи Гитлера 30 марта 1941 г. перед командующими и начальниками штабов Восточного фронта

I. ВВЕДЕНИЕ

В начале марта 1942 г. начальник верховного командования вермахта¹ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель получил докладную записку об обращении с советскими военнопленными, в которой значилось:

Судьба советских военнопленных в Германии... является трагедией величайшего масштаба. Из 3,6 млн. военнопленных полную работоспособность на сегодня сохранили всего несколько сотен тысяч. Значительная часть из них погибла от голода и ненастья. Тысячи умерли от сыпного тифа. Само собой разумеется, что обеспечение питанием такой массы военнопленных наталкивается на определённые трудности. Однако [...] смертности и потерь в таких масштабах вполне можно было бы избежать. Так, например, согласно имеющимся сообщениям, в самом Советском Союзе местное население было вполне согласно давать военнопленным продукты питания. Некоторые рассудительные коменданты лагерей с успехом шли по этому пути. Однако в подавляющем большинстве случаев коменданты лагерей запрещали гражданскому населению снабжать военнопленных продовольствием, предпочитая обрекать их на голодную смерть. Даже по пути в лагерь гражданскому населению было запрещено давать военнопленным продукты питания. Во многих случаях, когда военнопленные во время перехода не могли больше идти вместе со всеми из-за голода и истощения, их расстреливали на глазах у перепуганных мирных жителей, а трупы оставляли лежать. Во многих лагерях вообще не заботились о жилье для военнопленных. И в дождь, и в снег они лежали под открытым небом. Им не давали даже средств, чтобы вырыть себе землянки или норы. Плановая дезинсекция военнопленных в лагерях и самих лагерей, очевидно, не проводилась. Слышны были высказывания, вроде: «Чем больше этих пленных умрёт, тем лучше для нас». [...] Следовало бы, наконец, упомянуть ещё и о расстрелах военнопленных, которые проводились отчасти по идеологическим соображениям и не доступны никакому политическому пониманию^{1а}.

Когда война через 3 года завершилась, народы Советского Союза и Германии понесли величайшие потери. В то время, как Германия потеряла примерно 3,2 млн. солдат (из них более 1 млн. в советском плену²) и около 3,6 млн. гражданского населения, народы Советского Союза оплакали более 20 млн. убитых³. По имеющимся ныне данным, около 7 млн. из них были жертвами среди мирного населения, которые погибли от голода и эпидемий, в ходе жестокой партизанской борьбы на оккупированных территориях, в качестве жертв геноцида евреев, на принудительных работах и в ходе боевых действий. Около 10 млн. солдат погибли или умерли от ран. Кроме тех 2-х млн. военнопленных, которые уже были мертвы к тому времени, как была составлена приведённая выше докладная записка, до конца войны умерло ещё 1,3 млн. человек; таким образом, в немецком плену погибло около 3,3 млн. человек советских военнопленных при их общей численности в 5,7 млн. (57,8%)⁴.

В сравнении с судьбой русских военнопленных во время Первой мировой войны настоятельно возникает вопрос о причинах этой крайне высокой смертности. Тогда в немецком плену оказалось 1434500 русских⁵. Смертность русских военнопленных в целом соответствовала средней смертности пленных под надзором западно- и средневропейских властей (5,4%), но была, правда, выше, чем смертность других пленных в руках немцев (3,5%)⁶.

Когда в 1978 г. вышел первый тираж этой книги, – работа над ней началась в 1969 г., – судьба советских военнопленных, равно как и самые худшие аспекты войны на Востоке в целом, была почти совсем неизвестна немецкой общественности⁷. Интерес к этой теме возник у меня не в последнюю очередь из сознания, что здесь речь идёт о значительно замалчиваемой и неприкасаемой главе немецкой истории⁸. Процесс замалчивания начался в основном уже во время войны. Воспоминания о немецком вторжении 1941 г., а также применяемых тогда методах ведения войны и оккупационной политике у большинства солдат, как и вообще в общественном сознании, сменились воспоминаниями об ожесточённой, кровавой оборонительной борьбе против превосходящих сил Красной Армии: наступательная и завоевательная война преобразовалась в войну оборонительную. В памяти немцев преобладают главным образом три следующих аспекта: убийства и насилия, которые советские войска совершали, вступив в земли Восточной Германии; диктуемая сталинскими принципами политика Советского Союза в его оккупационной зоне; и, пожалуй, наиболее упорно, судьба немецких военнопленных в Советском Союзе.

Представления, сложившиеся тогда о Советском Союзе, сохранялись, пусть и в смягчённом варианте, в широких кругах общественности вплоть до 80-х годов. Только в настоящее время фундаментальные перемены в советско-русской политике со времени вступления в должность Горбачёва способствовали смягчению устойчивого образа врага. Тогда как в период непосредственно после войны советская экспансия и «холодная война» давали возможность видеть в СССР врага в непрерывной последовательности. А это требовало убеждения в том, что война на Востоке была оправдана и даже необходима, и что только из-за крайностей, которые совершались вопреки воли вермахта и с которыми он боролся, а также из-за преступлений СС она была извращена. Национал-социалистский антибольшевизм сумел таким образом, убрав свою антисемитскую составляющую, плавно перерастить

в антибольшевизм холодной войны. В остром противостоянии обеих сторон и в особой ситуации национального разделения критические исследования войны на Востоке воспринимались как ущемление собственного положения, как попытка «гадить в собственное гнездо». Значительная часть общественности и немалое число политиков судило о советской политике в духе доктрин догматического антибольшевизма. В качестве её движущих сил рассматривались, с одной стороны – цели мировой революции, а с другой – экспансионистские устремления в традициях царского империализма⁹. Напротив, потребность обрести в СССР залог безопасности, – признанный с 20-х годов аспект в немецкой внешней политике, – более не учитывался. Не ставился вопрос о том, насколько сильно на советскую политику наложил отпечаток печальный опыт немецкого вторжения 1941 г., которое поставило на грань уничтожения не только советское государство, но и само советское население.

Всё это неизбежно должно было привести к ошибочным оценкам и суждениям, а потому оценить исторические основания отношений обоих народов возможно было только больше узнав о судьбе друг друга. Настоящая работа намерена содействовать выяснению факторов, которые до сих пор ещё – и после распада СССР – оказывают влияние на чувства той и другой стороны. Судьба советских военнопленных, ещё сильнее, чем обращение с гражданским населением на оккупированных немцами территориях, явилась одной из главных причин ожесточённого сопротивления, которое встретили немцы вскоре после своего вторжения¹⁰. Было бы неверно полагать, что сегодня об этом забыли в странах СНГ. Однако предпосылкой к примирению является память о том, что было¹¹.

Постановка проблемы

В этой работе описана судьба советских военнопленных в 1941–1945 гг. Два аспекта проблемы не были рассмотрены из-за недостаточного количества имеющихся источников, а именно: судьба пленных, которые в качестве «добровольных помощников» служили на стороне немцев в «земляческих соединениях» и частях СС¹², и движение сопротивления среди советских пленных¹³.

Первый раздел (гл. 2–5) посвящён подготовке нападения на Советский Союз. После анализа целей войны (гл. 2) в 3-й главе подробно рассказывается о возникновении комплекса «преступных приказов», которыми руководствовался вермахт при проведении политики уничтожения. На Нюрнбергском процессе обвиняемые военные заявляли, что массовая смертность советских военнопленных была следствием непредумышленной и неотвратимой необходимости. Далее следовало выяснить, какие существовали планы в экономической сфере, особенно в сфере снабжения, и насколько были учтены потребности советского населения, а также потребности ожидаемых военнопленных (гл. 4). Далее следовало установить, какие организационные приготовления были проведены по эвакуации, размещению и снабжению (гл. 4).

Второй раздел (гл. 6–8) охватывает временные рамки с июня 1941 по весну 1942 гг. В 6-й главе были исследованы последствия «преступных приказов». При этом следовало установить, насколько широко исполнялся «приказ о комиссарах». В действительности ещё более худшим, чем этот приказ, было принятое в июле

1941 г. решение, согласно которому отдельные группы военнопленных в подчинённых ОКВ лагерях должны были быть «отобраны» айнзацкомандами СС для уничтожения. В связи с этим следовало выяснить – как это решение осуществлялось, какие имело последствия и какие факторы способствовали перенесению этой практики в зону ответственности ОКХ^{13а}. Наконец, следовало выяснить вопрос – какие последствия имел «приказ о военном судопроизводстве» и как взаимодействовали соединения сухопутных сил и айнзацгруппы СС^{13б}. В 7-й главе сначала описан процесс массовой смертности советских пленных между июнем 1941 г. и весной 1942 г. С целью выяснения более конкретных причин следует анализ таких факторов, как питание, эвакуация и размещение. 8-я глава посвящена использованию труда пленных. В связи с этим возникает вопрос, почему Гитлер поначалу запрещал использование их труда на территории рейха, каковы были планы национал-социалистского руководства относительно пленных, почему в последующем, а именно, в конце октября 1941 г., первоначальный запрет был отменён и какое значение это решение имело для порядка обращения с пленными.

Третий раздел включает в себя две главы. В 9-й главе были исследованы «рабочие лагеря СС для военнопленных», которые были созданы осенью 1941 г. и занимали тогда важное место в планах Гимmlера по развитию подчинённых собственнo СС промышленных предприятий. В 10-й главе была предпринята попытка изобразить порядок обращения с пленными той и другой стороной с точки зрения Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны 1907 г. и Женевской конвенции о военнопленных 1929 г. При этом следовало выяснить, как немецкое руководство, с самого начала отказавшееся от соответствующего международному праву ведения войны, реагировало на предложения о посредничестве Международного Комитета Красного Креста и нейтральных государств, а также на предложение СССР соблюдать Гаагскую конвенцию о ведении сухопутной войны, и почему национал-социалистское руководство, руководство вермахта, а позже и само советское правительство неизменно давали отрицательный ответ на все инициативы.

В *четвёртом разделе* (гл. 11–12) описана судьба пленных с весны 1942 г. и до конца войны. Большое место при этом уделено изложению процесса использования труда пленных (гл. 11). В связи с этим возникает вопрос – насколько вызванная массовой смертностью нехватка рабочей силы повлияла на процесс обращения с пленными и какие причины имела под собой столь высокая смертность. Далее следовало установить, как было снято противоречие между требованием как можно большего количества рабочей силы, с одной стороны, и стремлением помешать всякому коммунистическому влиянию на немецких рабочих, с другой. Следующий параграф рассказывает о попытках поднять производительность труда пленных. При этом следовало выяснить – в какой мере приобретали значение различные концепции – использование принуждения, с одной стороны, и материальное стимулирование, с другой, и кем они были представлены. В связи с этим возникает вопрос – какое влияние на положение военнопленных оказывали партия и экономика и какие это имело последствия.

Состояние источников не позволяет рассказать об использовании пленных во всех отраслях экономики. Только по угольной промышленности, – причём только по важнейшему её сектору, – мы располагаем достаточным количеством источни-

ков. При этом возникла необходимость исследовать явления, которые должны были иметь своим следствием принципиально различные изменения в общем положении военнопленных. Так, следовало выяснить значение «продуктивного питания», то есть питания, соответствующего производительности труда, параллельно с рассмотрением процесса развития смертности. Далее следовало выяснить вопрос – как проведённые в угольной промышленности структурные изменения отразились на положении военнопленных и какое значение для военнопленных имели условия имперского объединения угля по сокращению расходов.

12-я глава рассказывает о судьбе советских военнопленных на заключительном этапе войны. Служба по делам военнопленных осенью 1944 г. была передана в ведение Гиммлера. Поскольку он по свидетельству ответственных военных ещё в 1942 г. настаивал на передаче ему этих полномочий, то нужно исследовать процесс возникновения этого решения. Далее следовало выяснить – привело ли это развитие к тем страшным последствиям, которых заставляла опасаться участь пленных в собственно лагерях СС. И, наконец, в связи с этим возникает вопрос – как развивалась судьба пленных в последние месяцы войны.

Выводы

Поначалу я исходил из широко представленного тогда мнения, что «преступные приказы» Гитлера были навязаны оппозиционно настроенному военному командованию и практически не исполнялись войсками на практике. Это мнение, однако, оказалось неверным. Ни арестованное за прежние национал-социалистские взгляды руководство вермахта, ни консервативное руководство сухопутных сил не играли при разработке этого комплекса приказов той пассивно-оборонительной роли, о которой они заявляли в 1945 г. «Приказ о комиссарах» исполнялся с гораздо большим рвением, чем это было бы допустимо. Жертвами «отборов», проводившихся айнзацкомандами, пали не только все пленные еврейской национальности, но и все те, которые считались *потенциальными* противниками. Анализ взаимодействия между вермахтом и айнзацгруппами СС показал, что войска в процессе сотрудничества на всех уровнях решительно выходили за рамки согласованных между ОКХ и главным управлением имперской безопасности (РСХА) мер.

Приготовлений к приёму военнопленных почти совсем не было сделано. ОКВ и ОКХ разделяли требование политического руководства выделять для размещения и содержания советских пленных как можно меньше материальных средств. Снабжение пленных при осознании последствий было полностью подчинено цели путём использования продовольственных ресурсов Востока улучшить снабжение немецкого населения. Вопрос о движущих силах этой политики следует оставить открытым, ибо ответить на него можно только в самой тесной связи с проблемой военнопленных. Политика в отношении советских пленных образует, как мне кажется, чрезвычайно важный шаг в процессе вовлечения вермахта в политику уничтожения. При этом действительные причины этого процесса будут ясны только при освещении общего процесса вовлечения вермахта в эту политику в 1941 г. Первым этапом в данном процессе стало согласие руководства сухопутных сил на использование в прифронтовой зоне айнзацгрупп СС в гораздо большей степени, чем во время польской кампании. Следующим этапом были «приказ о военном судопроизвод-

стве», «приказ о комиссарах» и прочие, основанные на них приказы. Именно на этом этапе процесса решающую роль сыграли внутривластные соображения – боязнь нового нарастания революционных настроений среди немецкого населения под влиянием голода и коммунистической агитации. Этот фактор стал решающим как для «отборов» «политически нежелательных» пленных, так и для политики голода в отношении пленных. При анализе процесса отнюдь не видно той слепой и не терпящей возражений покорности воле Гитлера, на которую постоянно ссылались участники после войны. Напротив, здесь также заметна та, уже многократно упоминаемая в исследовании картина борьбы противоборствующих властных элит в национал-социалистском государстве¹⁴ (имеются в виду: руководство вермахта, руководство сухопутных сил и отдельные группировки в партии и СС), которые путём принятия идей Гитлера и благодаря собственным инициативам рассчитывали занять ведущее положение в *непосредственном будущем* национал-социалистского государства.

После блестящих побед на первом этапе войны армия стала фактором силы, с которым даже Гитлер вынужден был считаться. По меньшей мере часть руководства сухопутных сил, начиная с 1938 года рассчитывала на участие в принятии решений, а руководство сухопутных сил в целом решило не допустить дальнейшего снижения своей роли в национал-социалистском государстве. В связи с этим оно должно было попытаться утвердить свою позицию в борьбе с другими конкурентами – с Гиммлером, а также с «политическими солдатами» в ОКВ. Цена за это – участие в политике уничтожения – казалась приемлемой, ибо речь шла лишь о кратком «пути по грязи». И без того устранение большевизма было той целью, которая сильнее всего связывала консервативное руководство сухопутных сил с национал-социалистским руководством. Эти расчёты базировались на безусловной вере в победу, которую руководство сухопутных сил разделяло наравне с руководством партии и вермахта. Крах немецкого наступления под Москвой в конце ноября 1941 г. означал крушение этих расчётов, а равно и крушение стратегии молниеносной войны немецкого руководства.

Для политики в отношении советских пленных это крушение имело двойное значение. Теперь внутри руководства сухопутных сил приобрели вес усилия выстраивать своё поведение не по идеологическим, а по политическим соображениям. Эти усилия не имели решительного успеха не в последнюю очередь потому, что были лишены последовательности. Для пленных же важнее было то, что из-за краха концепции молниеносной войны возникла необходимость приобретения для немецкой военной экономики достаточного количества рабочей силы. Это, а отнюдь не гуманные соображения стало причиной того, что во время пика массовой смертности им попытались сохранить жизнь. Это решение, однако, не означало радикального поворота. Внутривластные расчёты стабилизировать систему, переложив тяготы войны с немецкого населения на плечи покорённых народов, имели такое же решающее значение, как и идеологические догмы. Для пленных это означало, что их рационы хоть и приблизятся к необходимому для жизни минимуму, но никак не сравняются полностью с рационами для немецкого населения. Кроме того, уверенность в победе вела к тому, что руководство сухопутных сил так же мало, как и политическое руководство, а также руководство вермахта было

заинтересовано в том, чтобы прийти с СССР к казавшемуся поначалу возможным соглашению по вопросу об условиях соответствующего международным нормам ведения войны.

Гораздо более негативным следствием этой политики было то, что из-за казавшихся временными мер армия оказалась нерасторжимо связана с политикой уничтожения. Сверх того, уступки руководства вермахта и сухопутных сил окончательно устранили те существенные препятствия, которые всё ещё стояли на пути конечного результата политики уничтожения – геноцида евреев. «Окончательное решение» этого вопроса несомненно являлось конечной целью национал-социалистского руководства. Однако как его следует решать и решать ли, на рубеже 1940–1941 гг. было ещё неясно. В соответствии с этим Гитлер ещё в марте 1941 г. формулировал сравнительно ограниченные цели. Сотрудничество с руководством сухопутных сил при проведении «преступных приказов» и тесное взаимодействие между войсками и айнзацкомандами с первых дней вторжения показали Гитлеру, что достижение конечных целей уже перешло в сферу возможного¹⁵. То, что процесс вовлечения в войну на уничтожение стал протекать таким образом и иметь *такие* последствия, явно не входило в расчёты руководства сухопутных сил. Предполагалось, что частичной интеграцией можно будет чётко управлять и что благодаря общим ценностным нормам можно быть уверенными в армии и генеральном штабе. Однако группового согласия такого рода больше не существовало, ибо в широких кругах армии давно уже преобладали национал-социалистские убеждения. В сотрудничестве с айнзацгруппами и в обращении с советскими военнопленными «падение престижа армии» (генерал-полковник Людвиг Бек) проявилось особенно явно.

Для судьбы советских военнопленных в период с весны 1942 г. до конца войны исследование показало следующее: смертность вследствие неизменных принципов в сфере питания оставалась крайне высокой и опять выросла к концу войны. Этому не в последнюю очередь способствовали условия труда и содержание на многих предприятиях. Важную роль при этом играло также «продуктивное питание», которое, по крайней мере в горной и тяжёлой промышленности, применялось как инструмент чистого насилия.

РСХА лишь с большой неохотой отказалось от ликвидации всякого *потенциального* противника. Превентивные меры безопасности должны были уступить место использованию труда военнопленных. Следствием этого было то, что при малейших признаках политической деятельности она тем более сурово наказывалась. Для пленных еврейской национальности сохранялись массовые казни.

Особая идеологическая опасность, которую немецкое руководство приписывало советским пленным, рано привела к стремлению партийной канцелярии держать под строгим контролем обращение с ними. Против этого с самого начала выступил начальник общего управления ОКВ, генерал-лейтенант Герман Рейнеке, которому была подчинена служба по делам военнопленных. Задолго до того, как в декабре 1943 г. под его руководством был создан Штаб национал-социалистского руководства, НСДАП смогла на всех уровнях обеспечить институционально закреплённые возможности контроля и влияния на службу по делам военнопленных. Они постоянно позволяли партии проводить любые ужесточения в порядке обращения со всеми военнопленными.

Параллельно с этим усилия руководителей экономики также были направлены на то, чтобы урезать полномочия военных ведомств, которые часто в «бюрократической форме» препятствовали интересам промышленности, и «выжать из пленных как можно больше пользы». При поддержке ОКВ, партийной канцелярии и министерства вооружения Шпеера в горной промышленности возникла во многом характерная для национал-социалистской экономики двойная организация во главе с «руководителями службы по делам военнопленных». Эти «руководители» оплачивались горной промышленностью, но осуществляли верховные функции в службе по делам военнопленных. В перспективе вермахт тем самым был низведён до уровня всего лишь охранного ведомства. Тем самым всё в большей степени ставилось под вопрос соблюдение военных международно-правовых соглашений и в отношении *несоветских* военнопленных. Обращение с советскими пленными создало негативный прецедент, который в значительной мере ухудшил и обращение с другими пленными.

Использование труда советских пленнх в гражданской сфере было выгодно, если предприниматель рассчитывал «извлекать из пленнх прибыль». Особенно это касалось угольной промышленности, где имперскому объединению угля удалось довести расценки за работу советских военнопленных ниже того уровня, которого добивался Гиммлер для заключённых концлагерей. Целью усилий имперского объединения угля при этом было не только снижение в перспективе расходов горной промышленности, но и снятие социальной напряжённости в этой сфере производства. Это соответствовало долгосрочным целям немецкого руководства путём создания поселений на Востоке, колониальной эксплуатации и созданию слоя рабов разрешить возникшие в результате индустриализации Германии социальные конфликты.

Относительно последствий перехода ведомства по делам военнопленных в руки Гиммлера осенью 1944 г. возможны лишь осторожные высказывания. Положение военнопленных, – в том числе и советских, – существенно не ухудшилось. Срастание с личным составом СС произошло лишь на верхнем уровне. Это не привело к изменению целей руководства СС ещё и потому, что хаотическое развитие последних месяцев войны более не допускало радикальных изменений.

Источники и литература

Проблема источников представлена в настоящей работе принципиально иначе, чем в изданной Эрихом Машке *«Истории немецких военнопленных периода Второй мировой войны»*¹⁶. В то время, как там советские документы почти полностью отсутствовали и коллективная судьба была реконструирована на основании тысяч индивидуальных высказываний, здесь дело обстоит с точностью до наоборот. Были использованы неопубликованные источники военного происхождения, а также источники из различных имперских ведомств, из сферы НСДАП, СС и частных хозяйств¹⁷. Существенным недостатком является неполнота дошедших до нас источников. В то время как для 1941 г. источниковая база достаточно высока, уже для 1942 г. количество источников резко сокращается. Для последних месяцев войны существует всего несколько разрозненных документов. Из документации занимавшихся военнопленными ведомств сохранились лишь несколько документальных

отрывков. Не сохранились документы службы по делам военнопленных (с 1942 г.: начальник службы по делам военнопленных) в общем управлении ОКВ¹⁸. То же касается и документов начальников служб содержания военнопленных в корпусных округах¹⁹. Это означает, что важнейшие процессы внутри общего управления ОКВ и отдела по делам военнопленных по прежнему остаются неосвещёнными. Отдел по делам военнопленных, а также начальник службы по делам военнопленных не имели решающих полномочий при решении важнейших вопросов. Это право сохранил за собой генерал Рейнеке; в каком объёме он тогда учитывал указания начальника верховного командования вермахта фельдмаршала Кейтеля неясно, ибо из руководства ОКВ документы также сохранились лишь фрагментарно²⁰.

Пробелы, которые возникли из-за отсутствия документов общего управления и отдела по делам военнопленных, частично восполняются тем, что почти все наиболее значимые распоряжения этих ведомств содержатся в других фондах. К тому же различного происхождения приказы отдела по делам военнопленных были соединены в военном архиве в один фонд²¹. В дополнение к ним особое значение имеют фонды имперского министерства труда²². Кроме того доступны важнейшие приказы о порядке обращения с военнопленными в тайных инструкциях партийной канцелярии к гауляйтерам и крайсляйтерам, которые также весьма показательны для процесса сотрудничества между партийной канцелярией и общим управлением²³. Далее очень важный материал по «борьбе с противником» содержится в сохранившихся фондах РСХА²⁴. Особый интерес при этом вызывают составленные на основании ежедневных отчётов айнзацгрупп «Донесения о событиях СССР», а также «Информационная газета начальника полиции безопасности и СД». Последняя является также чрезвычайно интересным источником по развитию органов власти на захваченных восточных территориях и по планам на будущее национал-социалистского руководства и немецкой экономики.

Для освещения судьбы советских военнопленных в зоне ответственности сухопутных сил в распоряжении имеется большое количество источников. Не сохранились, правда, документы входившего в состав ОКХ ведомства – отдела генерал-квартирмейстера. Точно так же отсутствуют документы главнокомандующего сухопутными силами и его генерала для особых поручений, которые могли бы дать дальнейшие разъяснения о происхождении «преступных приказов». Здесь следует также искать специальные распоряжения при этих адресатах. Документы отдельных армий содержат богатый материал о периоде планирования, а также о судьбе пленных в прифронтовой зоне. Большинство документов относится к 1941 г., хотя для некоторых армий необходимый материал имеется вплоть до лета 1944 г. Для судьбы советских военнопленных наряду с этими большое значение имеют также документы командующего тыловым районом сухопутных сил и комендантов тыловых районов отдельных армий. Для положения пленных в зоне ответственности ОКВ наряду с уже названными фондами существует ещё один важный источник: документы командующего войсками и командующего корпусным округом в генерал-губернаторстве²⁵. Документы из фондов командующих войсками «Остланда» и «Украины» полностью отсутствуют.

Статистические данные о численности пленных содержатся в различных фондах. Донесения генерал-квартирмейстера сухопутных сил, дающие чёткие сведения

о смертности зимой 1941–1942 гг., находятся в фондах отдела иностранных армий «Восток» ОКХ и имперского министерства труда. Наряду с ними весьма значимы также донесения, которые отдел по делам военнопленных ежемесячно предоставлял Международному Комитету Красного Креста в Женеве, но которые, однако, позволяют сделать лишь ограниченные выводы²⁶.

Для описания использования труда советских военнопленных наряду с уже упомянутыми фондами имперского министерства труда обильный материал дают также документы управления военной экономики и вооружения в ОКВ и инспекций и команд по вооружению²⁷. Ценные источники содержат также богатые фонды имперского министерства вооружения и боеприпасов, а также имперского министерства вооружения и военной продукции²⁸. Об использовании труда военнопленных в военной экономике имеются исчерпывающие документы имперского объединения угля, а также верхнесилезской горной промышленности. Менее достоверны сохранившиеся фонды имперского объединения железа и хозяйственной группы металлургической промышленности²⁹. Наряду с этими источниками были использованы фонды имперской канцелярии, имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий, имперского министерства юстиции, управления 4-хлетним планом, продовольствия, «организации Тодта» и главного управления СС «администрация и экономика»³⁰.

В дополнение к этим оригинальным актам были привлечены неопубликованные Нюрнбергские документы из военного архива и института истории. Были использованы также протоколы Нюрнбергского процесса и мемуары. Признания участников событий оказалось возможным использовать лишь в очень незначительной степени³¹. Ибо большинство ответственных лиц или уже умерло, или не было найдено, а потому можно было опросить лишь очень немногих свидетелей³².

В западногерманских исследованиях никогда не ставилось под сомнение, что война на Востоке в значительной степени имела идеологическую направленность. Эрнст Нольте был одним из первых немецких историков, кто чётко охарактеризовал эту войну, как «самую чудовищную завоевательную, поработительскую войну на уничтожение, какую только знает современная история»³³. «Элементарное значение этого факта для характера дальнейшего процесса и катастрофического для Германии исхода» войны не нашло, как утверждал в 1965 г. Андреас Хильгрубер, своего отражения ни в исторических монографиях, ни в сознании широкой общественности³⁴. В описаниях войны отдельные её аспекты предполагалось замалчивать или настойчиво утверждать, что ведение войны вермахтом ничем не отличалось от прочих военных кампаний. Геноцид евреев проводился якобы без всякого участия вермахта «далеко за линией фронта». Преступные приказы, в том числе приказ о комиссарах, войсками, как правило, не исполнялись. В бесчисленных историях дивизий настойчиво внушалась мысль: вермахт не принимал никакого участия в национал-социалистских преступлениях. Принципиально иная оценка роли вермахта в национал-социалистском государстве впервые была дана только в работе Манфреда Мессершмидта и Клауса-Юргена Мюллера в 1969 г.³⁵

Исследования, посвящённые судьбе советских военнопленных, вплоть до 1978 г. появлялись лишь в очень малом количестве³⁶. Не было соответствующих исследований и у советской стороны. Официальная *«История Великой Отечест-*

венной войны Советского Союза» посвятила судьбе советских военнопленных всего лишь несколько строк. Говорилось, правда, о «больших потерях», но одновременно подчёркивалось, что «западные фальсификаторы истории» «безмерно преувеличивают» поражения Красной Армии. Для оказавшихся в плену солдат Красной Армии не были названы цифры, а только упомянуто, что «десятки тысяч ... погибли в фашистских лагерях»³⁷.

Подводя итоги, можно сказать, что вплоть до 1980 г. немецкая общественность фактически не имела возможности получить более менее объективную информацию о характере этой войны. Это имело тем большее значение, что серьёзные исследования фактически не доходили до широкой публики. Преобладали популярные издания, которые следовали духу национал-социалистской пропаганды «превентивной войны»³⁸.

Современное состояние проблемы

Постепенно картина войны на Востоке в исторических сочинениях существенно изменилась. От устоявшихся стереотипов, в которых преобладали идеологические догмы, с конца 70-х годов перешли к критическому пересмотру. Для общего освещения войны были уже созданы обширные статьи³⁹. Исследования подтвердили результаты моей работы, которая вышла первым тиражом в 1978 г. Тезис о том, что вермахт в значительной мере взаимодействовал с айнзацгруппами СС, был подтверждён в 1981 г. исследованием Хельмута Краусника и Ганса-Генриха Вильгельма⁴⁰. После дальнейших исследований, проведённых Омером Бартовым, Юргеном Фёрстером, Арно Й. Майером, Манфредом Мессершмидтом, Ральфом Огорреком, Тео Й. Шульге и другими, этот тезис получил всеобщее признание⁴¹. «Акции отбора», которые проводились айнзацкомандами в лагерях для военнопленных и жертвами которых пало шестизначное число военнопленных, получили дальнейшее освещение в исследованиях Альфреда Штрайма и Рейнхарда Отто⁴².

Утверждение, что военное командование активно содействовало разработке «преступных приказов» и выполняло «приказ о комиссарах», натолкнулось на сопротивление со стороны, прежде всего, бывших офицеров. Эрнст Клинк пытался отстаивать старый тезис о том, что главнокомандующий сухопутными силами фон Браухич якобы смягчил и «приказ о военном судопроизводстве», и «приказ о комиссарах» дополнительными приказами⁴³. Однако Клинк упустил из виду, что смягчающие дополнения фон Браухича были фактически отменены как официальной их интерпретацией со стороны его генерала для особых поручений перед представителями армий Восточного фронта, так и последующим приказом самого фон Браухича от 25 июля 1941 г.⁴⁴ Юрген Фёрстер справедливо утверждает в том же томе, что дополнения эти не означали никакого существенного ограничения, напротив, руководство сухопутных сил соглашалось в нём с Гитлером в том, что на Востоке следует принимать решительные меры как против действительного, так и против предполагаемого противника. Новым при этом явилось доказательство того, что ответственность за это в первую очередь лежит на начальнике генерального штаба сухопутных сил, генерал-полковнике Гальдере, а не на Браухиче⁴⁵. Выполнение «приказа о комиссарах» было поставлено под сомнение прежде всего ссылкой на дюжину клятвенных заверений, данных командующим и офицерами

генерального штаба в 1945 г. союзному трибуналу⁴⁶. Однако эти заверения весьма сомнительны, ибо сохранившиеся документы показывают явную недостоверность большинства их⁴⁷. Я сам расцениваю соответствующее заявление начальника оперативного отдела^{47а} 17-й танковой дивизии, как «суровое» тому подтверждение: так, он заявлял, что хотя «приказ о комиссарах» и был отдан 47-му танковому корпусу 2-й танковой группой генерал-полковника Гудериана, но командующий корпусом генерал Лемельзен якобы запретил его выполнять. Однако найденный между тем приказ Лемельзена убедительно доказывает, что генерал, напротив, настойчиво выступал за то, чтобы пленных, несмотря на отданный ранее приказ, «постоянно» расстреливали; одновременно он ужесточил «приказ о комиссарах»: «Бесспорно относящихся к этой категории людей следует отводить в сторону и расстреливать исключительно по приказу офицера»⁴⁸. Этот приказ весьма характерен. Он показывает, как крайний антибольшевизм, который уже в 1933 г. был сильнейшим связующим звеном между консерватизмом и национал-социализмом, частично втянул в политику уничтожения и тех солдат, которые чувствовали свою приверженность традиционным солдатским ценностям. Итак, ныне следует считать доказанным, что этот приказ летом и осенью 1941 г. выполнялся в большинстве дивизий. Об этом свидетельствует не только обилие имеющихся сведений о его выполнении⁴⁹. Ещё более явным доказательством являются отчаянные попытки командующих фронтами добиться отмены этого приказа уже после того, как о расстрелах стало известно в Красной Армии, которая в июле 1941 г., казалось, вот-вот будет разбита, и привело к отчаянному сопротивлению⁵⁰. Невыполнение приказа было возможно только там, где ответственные лица могли быть уверены в том, что фанатичные товарищи не донесут на них за это, то есть в небольшом кругу полкового штаба.

Рольф-Дитер Мюллер в ряде очень интересных статей существенно расширил наши знания о разработке и изменении политики эксплуатации на Востоке. Он отстаивает тезис о том, что консервативно-ориентированная часть немецкого генералитета, – имеется в виду начальник управления военной экономики и вооружения в ОКВ генерал Томас, в 1939 г. близкий к оппозиционному кружку Гёрделера и Хасселя, – внесла весьма существенный вклад в разработку и ужесточение политики эксплуатации и истребления, и что командующие фронтами также принимали участие в этой политике⁵¹.

Как и следовало ожидать, подсчитанное мною число жертв, – около 3,3 миллиона человек⁵², – также вызвало возражения. Вопреки этому, Альфред Штрайм оценивает число жертв «минимум в 2 530 000 человек». Его расчёты основаны в первую очередь на смете отдела по делам военнопленных в ОКВ за 1 мая 1944 г.; за основу он взял общее число пленных в 5 200 000 человек⁵³. В то время как Штрайм разъясняет методику своих расчётов, Йоахим Гофман, оценивая число жертв «примерно в 2 млн. человек» при общей численности пленных в «5 245 882», не даёт никаких пояснений этой цифры; он говорит лишь о «неизвестных оригинальных документах и прочих данных», никак их не обосновывая⁵⁴. Ни Штрайм, ни Гофман не поясняют, почему взятое мною из доклада отдела иностранных армий «Восток» при ОКХ общее число пленных в 5 734 528 человек (на февраль 1945 г.) не соответствует истине. Однако документы ещё раз подтверждают истин-

ность этой цифры. Так, начальник службы по делам военнопленных оценивал общее количество советских военнопленных в декабре 1944 г. в 5,6 млн. человек⁵⁵.

С советской стороны вплоть до недавнего времени также называлось заниженное количество жертв. Комиссия военных историков во главе с генерал-полковником Г.Ф. Кривошеевым⁵⁶ оценивает число погибших советских военнопленных в 1 283 300 человек. Расчёты, правда, не выдерживают более детальной проверки. Если исходить из немецких данных, то бездоказательный тезис о том, будто погибло 673 000 пленных – абсурдное утверждение ввиду точности, с которой фиксировалась в немецких документах смерть миллионов пленных. Комиссия просто постулирует, что использованные в немецких исследованиях общие цифры – 5,7 или 5,2 млн. человек – были якобы чистой пропагандой. При подсчёте не были использованы ни немецкие документы, ни результаты немецких исследований. Цифры комиссии неточны также и по другой причине. Термин «военнопленные» применялся только к солдатам Красной Армии. Члены специальных дружин из гражданских учреждений, народное ополчение, рабочие батальоны, милиция и пр. исключались из этой категории как мобилизованные, которые оказались в плену до включения их в состав войск. Однако именно эти категории составляли в 1941 г. значительную часть пленных. Невозможно понять, почему те, кого немецкая сторона рассматривала как военнопленных, были проигнорированы при подсчёте общего количества жертв. Я, как и прежде, не вижу никаких оснований отказываться от своих расчётов. В целом же я считаю, что даже более низкая цифра, – как полагают, около 2,5 млн., – ничуть не преуменьшает чудовищность случившегося. У нас до сих пор часто ведутся многочисленные дебаты о том, что лучше, мол, пересчитывать немецкие, а не чужие потери, и что следует говорить о неучастии вермахта в войне на уничтожение⁵⁷.

В исследовании судьбы советских военнопленных с 1978 г. были достигнуты значительные успехи. Это стало возможным благодаря обилию краеведческих работ, для которых были найдены новые источники и свидетельства очевидцев. Важную роль при этом сыграл исторический конкурс Кёрберского фонда, проведенный в 1982–1983 гг., из которого вышел ряд заслуживающих внимания работ по данной теме⁵⁸. Драгоценную помощь в освоении ставшей, между тем, весьма объёмной литературы, оказал составленный Йоргом Остерло исследовательский обзор с библиографией⁵⁹.

Между тем появились также монографии о нескольких крупных лагерях на территории рейха. Жизнь и смерть пленных в одном из крупнейших лагерей, а именно, в стационарном лагере 356/VI К Зенне-Штукенброке, подробнейшим образом исследована в объёмной работе Карла Хюзера и Рейнхарда Отто⁶⁰. Наряду с лагерем Зенне-Штукенброк решающую роль в использовании труда советских пленных в горной промышленности играл стационарный лагерь VI А Хемер. Изданное Гансом-Германом Штопзаком и Эберхардом Томасом исследование существенно расширяет наши знания об этом лагере. При этом бросается в глаза прежде всего то, что в этом лагере, где во время массовой смертности 1941–1942 гг. погибло сравнительно мало пленных, большая смертность началась только в 1943 г. Так, до марта 1943 г. было зарегистрировано всего около 3000 умерших. Но затем, до конца войны, здесь умерло ещё 20 000 пленных⁶¹. При освобождении в апреле 1945 г.

816 пленных были настолько истощены, что умерли в последующие затем недели. Здесь со всей отчётливостью проявились последствия безжалостной эксплуатации советских пленнх в горной промышленности. О характере этой эксплуатации, а также об отношениях между пленными и немецкими горняками подробно и обстоятельно повествует Хайнц Вайшер в исследовании об использовании советских пленнх на рудниках Саксонии в Хеессене (Хамм)⁶².

Состояние источников о стационарных лагерях VI В Верзен и VI С Батхорст оставляет желать лучшего. Но и здесь возможно описание в общих чертах. Число жертв здесь оценивается от 14250 до 26250 человек. Согласно докладу канадской дивизии, которая освобождала эти лагеря, там ежедневно умирало от 20 до 40 пленнх. С начала 1945 г. погибло более 2500 пленнх, – преимущественно пленные, которых невозможно было использовать в горной промышленности⁶³. Подобным же образом, в госпитале стационарного лагеря 326/VI К в течение 3-х недель до освобождения умерло 3500 пленнх, преимущественно в тубдиспансере – лишнее доказательство того, в какой мере последствия лишений и эксплуатации ещё раз вызвали рост смертности на заключительном этапе⁶⁴.

В Люнебургской пустоши возле нынешнего военного полигона Берген-Хоне летом 1941 г. возник комплекс 3-х «русских лагерей»: стационарный лагерь 311 / XI С Берген-Бельзен, стационарный лагерь 321 / XI D Фаллингбостель-Эрбке и стационарный лагерь 310 / X D Витцендорф. Там осенью 1941 г. сначала под открытым небом, а затем в землянках влачили существование более 100000 пленнх, из которых уже к февралю 1942 г. умерло 44000. В целом количество жертв оценивается: для Берген-Бельзена – от 30000 до 50000, для Эрбке – не менее 30000 и для Витцендорфа – 16000 человек⁶⁵. При лагере Берген-Бельзен существовал также госпиталь, в который выдворялись прежде всего «не подлежащие выздоровлению пленные». Только там в период с весны 1942 по 1945 гг. умерло 12000 пленнх⁶⁶.

Вернер Боргзен и Клаус Фолланд написали объёмную монографию о стационарном лагере X В Зандбостель, которая повествует также о пленнх других национальностей и о размещении эвакуированных в 1945 г. заключённых концлагерей. Несмотря на то, что об отношениях в лагере имелось очень много свидетельств очевидцев, – в том числе итальянских и французских пленнх, – число жертв может быть установлено только с очень большой долей вероятности, – от 18800 до 46300 погибших⁶⁷. Герхард Кох и Рольф Шварц издали весьма информативное исследование о лагерях для пленнх и лиц, работавших по принуждению в Шлезвиг-Гольштейне⁶⁸. Йорг Остерло только что окончил монографию о стационарном лагере 304 / IV Н Цайтхайн; её значение велико уже потому, что до сих пор не существовало ни одной надёжной работы о лагерях на территории бывшей ГДР⁶⁹. Об отношениях, сложившихся в комплексе стационарных лагерей 318 / 344 / VIII В / VIII F в Ламсдорфе, предпринято исследование в центральном музее военнопленнх в Ламбиновиче – Ополе⁷⁰.

В заключение следует обратить внимание ещё на ряд аспектов данной работы. Первые разъяснения о судьбе советских военнопленнх-женщин дают две статьи в сборнике о концлагере Равенсбрюк⁷¹. Появилось несколько новых указаний о судьбе раненых пленнх. Биографический очерк о генерале Рейнеке, который несёт главную ответственность за обращение с военнопленными, лишний раз дока-

зывает, что он играл решающую роль в проведении национал-социалистских целей в вермахте⁷².

Следует также упомянуть, что в 1995 г. стремящаяся к объективности выставка в доме истории ознакомила широкую общественность с судьбой советских пленных в Германии и немецких пленных в Советском Союзе⁷³.

В то время, как факт ужасающей массовой смертности в «русских лагерях» поздним летом 1941 г. безусловно подтверждается на основании имеющихся документов и свидетельств очевидцев, источники, которые позволили бы более менее точно подсчитать количество жертв, отсутствуют. По прежнему приходится ссылаться на оценки непосредственно послевоенного времени, надёжность которых, правда, можно проверить на основании сохранившихся документов и показаний очевидцев. Надежда на то, что со временем могут быть получены более точные данные, представляется нереальной. Даже если в русских архивах и найдётся лагерная картотека, – это кажется вероятным для стационарных лагерей Зенне и Хеммер, – полноты картины ожидать не приходится. Так, например, из того факта, что в Зенне уже в июле 1941 г. были зарегистрированы пленные, нельзя делать вывод, что были зарегистрированы *все* пленные и *каждый* случай смерти⁷⁴. Бросается в глаза, что все относящиеся к этому лагерю реестры, насколько они вообще фиксировали случаи смерти, прекратили это делать осенью 1941 г., то есть после начала массовой смертности и за 4 месяца до того, как имперское министерство внутренних дел в марте 1942 г. потребовало от ОКВ прекратить регистрацию по причине того, что списки якобы «переполнены» из-за массовой смертности и что в большинстве случаев «личности умерших советских военнопленных всё равно неизвестны»⁷⁵. Цель ОКВ – с самого начала помешать тому, чтобы массовая смертность была отображена в документах⁷⁶ – должна была быть известна комендантам лагерей. При этом не вызывает сомнения ни то, что они на совещаниях комендантов получали дополнительно устные инструкции, ни то, что коменданты с самого начала считали регистрацию немощных и больных пленных лишним трудом, тем более, что стационарные лагеря были укомплектованы личным составом в очень малом объёме.

Захватывающие дух перемены в Советском Союзе и сменивших его государствах позволяют ныне, начиная с 1987 г., сказать гораздо больше о судьбе советских пленных после их возвращения на родину в 1945 г.⁷⁷ Уже во время войны миллионы красноармейцев, которые оказались в плену, были клеймены как предатели. Согласно сталинскому «Приказу № 270» даже семьи «командиров и политруков», которые попали в плен, подлежали аресту, а семьи простых солдат следовало «лишить ... государственной поддержки». После возвращения на родину пленные проверялись в «фильтрационных лагерях», причём большой процент их был приговорён к длительному заключению. Большинство их было амнистировано только после XX съезда партии в 1956 г. Однако запланированная тогда полная реабилитация военнопленных так и не состоялась. Бывшие пленные и в дальнейшем подвергались дискриминации; пребывание в плену считалось позорным пятном, которое скрывали как можно лучше. В литературе плен также представлялся, как судьба, которую можно оправдать только в исключительных случаях⁷⁸. Так что не стоит удивляться тому, что когда книга «*Они нам не товарищи*» была переведена в 1978 г.,

то есть сразу после своего выхода в свет, её перевод тут же был помечен грифом «Совершенно секретно» и спрятан под замок⁷⁹. Как и другие закрытые темы, – «репрессии» 1936–1938 гг., пакт Сталина–Гитлера, катастрофу 1941 г., потери Красной Армии – эту тему также следовало обходить в исторических сочинениях.

Во время горбачёвской политики *гласности* и *перестройки* советские историки опять взялись за критические статьи хрущёвского времени. Проблема военнопленных теперь открыто обсуждалась. Как широко известно, повод к этому дала статья в правительственной газете «Известия» в августе 1987 г.: доброе имя всех, бывших в немецком плену, опять должно быть восстановлено по закону⁸⁰. Эта идея натолкнулась на ожесточённое сопротивление прежде всего в руководстве Красной Армии. Газета вооружённых сил «Красная звезда» в январе 1988 г. подтвердила, что сдача в плен означает «позор, бесчестье и гибель». Когда вскоре и министерство обороны разрешило обсуждение запретной темы⁸¹, – «Военно-исторический журнал» издал в 1992–1994 гг. в 15 выпусках отрывки из книги «Они нам не товарищи», – то это означало дальнейшую отсрочку реабилитации. Только в декабре 1994 г., почти 50 лет спустя после окончания войны, президент Ельцин издал указ «О восстановлении законных прав [российских граждан –] бывших [советских военнослужащих и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период]». Однако уравнивание в правах с ветеранами и ныне остаётся неполным. В параде к 50-летию Победы 9 мая 1995 г. бывшие военнопленные не имели права участвовать⁸². Тот факт, что и спустя 2 года после ельцинского указа он надлежащим образом не исполнен, указывает на то, в какой мере полная реабилитация сомнительна и в настоящее время.

Участие вермахта в национал-социалистских преступлениях не вызывает сегодня у профессиональных историков ни тени сомнения. Дискуссии, вызванные по поводу организованной Гамбургским институтом выставки для социальных исследований «Преступления вермахта», показывают, правда, что часть общественности не приняла к сведению или не захотела принять результаты исследований. Высказанные при этом упрёки и возражения были направлены также и против этой книги.

Наиболее часто приводится аргумент, что прошлое якобы было измерено на основании ценностей и представлений настоящего. Что в отношении Советского Союза Германия не была связана никакими нормами международного права, ибо тот не признал ни Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны 1907 г., ни Женевской конвенции о военнопленных 1929 г. Однако этот аргумент не убедителен. Участники сопротивления уже в 1941 г. критиковали эту политику как преступную. Основные нормы международного права, как, например, принцип человеческого обращения с военнопленными, были тогда прекрасно известны. Руководство вермахта знало, что Советский Союз, хоть и не признал Женевской конвенции о военнопленных, но ратифицировал Женевскую конвенцию о раненых 1929 г. и что Германия была связана общими принципами международного права ведения войны⁸³. Однако уже в начале 1941 г. она совершенно сознательно решила игнорировать в войне на Востоке нормы международного права.

Особенно критиков возмущает, что вермахт в связи с этим выглядит как преступная организация. Но как иначе можно назвать организацию, которая, – приве-

дём лишь некоторые примеры, – требовала от своих подчинённых расстреливать безоружных пленных в соответствии с «приказом о комиссарах», объявила применение оружия по отношению к военнопленным «вполне законным», организацию, которая прямо призывала к убийству гражданских лиц согласно приказу о военном судопроизводстве, заявляла, что войска в борьбе против партизан вправе и обязаны «применять любые средства без ограничения даже против женщин и детей, если это будет способствовать успеху», и которая приказывала войскам оказывать содействие в истреблении евреев?⁸⁴ Утверждать это – вовсе не значит говорить, – как это умышленно пытаются представить критики, – будто все солдаты были преступниками. Не вызывает сомнения, что в вооружённых силах на Восточном фронте существовали сотни тысяч солдат, которые заботились о том, чтобы сохранить свою человечность. Об этом сохранились документальные свидетельства, об этом можно также вычитать из приказов, в которых военачальники весьма сурово критиковали это явление, – когда, например, главнокомандующий сухопутными силами в июле 1941 г. сокрушался, что не везде «с надлежащей суровостью» поступают в отношении гражданского населения, или когда такие командующие армиями, как фельдмаршал фон Рейхенау и генерал-полковник Гот выступали против «мягкости и сочувствия по отношению к населению», или когда считали необходимым средствами пропаганды добиваться в вермахте большего «понимания» в отношении политики голода, направленной против пленных⁸⁵. Решающим, однако, остаётся тот факт, что таких солдат, как правило, не могло быть слишком много из-за угрозы доносов. Следует исходить из того, что, как правило, таких случаев почти не было. Омер Бартов в своём исследовании, посвящённом трём дивизиям, указал, что треть офицеров, которых он смог идентифицировать, были членами партии⁸⁶. Общественное мнение и решения определялись теми, кто всякое стремление к человечности расценивал, как «распускание соплей». При всей необходимости учитывать каждый отдельный случай следует констатировать, что вермахт, как *институт*, был поставлен своим руководством на службу преступной политике и что военное командование на всех уровнях, как правило, проводило эту политику.

Этим утверждением, как гласит следующий упрёк критиков, под сомнение ставится честь вермахта. Но хорошо было бы вспомнить о том, что думали по этому поводу участники сопротивления, для которых понятие «честь» не было пустым звуком. 8 апреля 1941 г., за два месяца до нападения на Советский Союз, Ульрих фон Хассель обсуждал с генерал-полковником Людвигом фон Бекком проект приказа о военном судопроизводстве, о котором они были проинформированы. Их вывод был однозначен: «Подчиняясь этому приказу Гитлера, [главнокомандующий сухопутными силами фельдмаршал фон] Браухич жертвует честью немецкой армии»⁸⁷.

II. ЗНАЧЕНИЕ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКИХ ВОЕННЫХ ЦЕЛЕЙ ДЛЯ ПОЛИТИКИ УНИЧТОЖЕНИЯ В ВОЙНЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Обращение с советскими военнопленными с самого начала в гораздо большей степени, чем обращение с другими военнопленными было обусловлено ключевыми принципами национал-социалистской идеологии; в этой связи несомненны чёткие параллели с уничтожением европейских евреев. Признаком этого, наряду с уже упоминавшимися массовыми расстрелами, является тот факт, что технически совершенное массовое убийство газом «Циклон В» в концлагере Освенцим осенью 1941 г. было впервые «опробовано» на 900 советских военнопленных¹. Тесная связь судьбы советских военнопленных с определённой сферой национал-социалистской идеологии требует вначале краткого упоминания о национал-социалистских военных целях; это необходимо также потому, что знакомство с источниками очень быстро покажет, что руководство вермахта и сухопутных сил во время подготовительного этапа выступали против идеологических требований национал-социалистского руководства.

Только в последние годы была выяснена целостность мировоззрения Гитлера, – впрочем, ещё требующая понимания, – и удивительно последовательное осуществление разработанных им в середине 20-х гг. целей². Однако признание существования у Гитлера подобной программы не позволяет нам придти к ошибочному заключению, будто Гитлер в силу неординарности своей личности и в силу тоталитарного режима силой добивался осуществления этих проектов – вопреки сопротивлению немецкой правящей элиты. Если в последующем речь пойдёт о «целях Гитлера» и о «войне Гитлера», то всегда с оговоркой, что имеются в виду его замыслы, но не осуществление их на практике. Описание процесса реализации его планов весной 1941 г. покажет, в какой значительной степени эти планы были приняты, – если и не разделялись полностью, – руководством вермахта и сухопутных сил.

В планах Гитлера, направленных на достижение мирового господства, – их, правда, не следует понимать, как сверхрациональный план, ибо они представляли собой лишь грубо начертанные цели, – заметны 3 этапа³:

1. Достижение за счёт отказа от заморских колоний союза с Англией, что позволит поработить континентальную Европу, включая Советский Союз, и тем самым создать базу для установления немецкого мирового господства;
2. Перенос действий за океан и связанный с этим конфликт с США, что превращает противостояние в борьбу за мировое господство;
3. Достижение обусловленного расовым превосходством мирового господства⁴.

При этом Гитлер рассматривал первый этап как свою центральную задачу; для её осуществления он наметил в ноябре 1937 г. период с 1943 по 1945 гг.⁵

Его расчёты создать стратегические предпосылки для достижения этой цели путём ряда изолированных «молниеносных кампаний» были сорваны, когда Англия и Франция в ответ на нападение Германии на Польшу в сентябре 1939 г. вопреки его ожиданиям объявили ему войну, а Англия отказалась идти на уступки даже после капитуляции Франции⁶. Гитлер ответил на это принятием в декабре 1940 г. «импровизированного плана войны», который во изменение первоначальной концепции предусматривал немедленную войну против Советского Союза. Это было не только попыткой сокрушить «континентальный меч» Англии и тем самым заставить её пойти на уступки, но и одновременно решением начать «настоящую войну», к которой Гитлер стремился ещё с 20-х годов⁷. Это решение одновременно означало переход от политики «расчётов на мировое господство» к политике «расистских догм». Цель и средства должны были стать единым целым⁸.

Тот факт, что война на Востоке не только имела важное значение для ведения войны в целом, но и была одновременно той «настоящей войной», к которой с 20-х годов стремилось национал-социалистское руководство, означает, что для способа ведения войны большое значение имели долгосрочные целевые установки. В этих целях сливались воедино следующие четыре задачи⁹:

1. Уничтожение «еврейско-большевистской» правящей элиты Советского Союза, в том числе восточноевропейских евреев, как «биологического корня» «еврейского большевизма»;
2. Порабощение славянских народов [и их частичное уничтожение]¹⁰;
3. Создание посредством немецких переселенцев германизированной колониальной империи на лучшей части территории Советского Союза¹¹;
4. Создание в континентальной Европе самодостаточного «великого пространства» под немецким господством, как надёжной базы для дальнейшей борьбы с оставшимися противниками – англосаксонскими морскими державами.

Наряду с реализацией этих целей, которые, – за исключением первой, – по сути следовало решать только после поражения Советского Союза и которые первоначально рассматривались лишь как глобальные требования, национал-социалистское руководство и руководство вермахта ожидали от завоевания Советского Союза осуществления прежде всего конкретных насущных задач, считавшихся необходимыми для дальнейшего ведения мировой войны.

После признания того, что концепция нескольких изолированных молниеносных кампаний для достижения главной цели – завоевания «жизненного пространства на Востоке» – потерпела крах из-за сопротивления Англии, перед всем немецким руководством вновь замаячил призрак «второй голодной блокады» и «нового поражения отечества»¹². Да и сама концепция «молниеносной войны» была в сущности разработана только потому, что этим средством рассчитывали избежать угрозы «тотальной войны», иметь возможность «вести войну, не слишком обременяя гражданское население и не ставя таким образом под удар существование режима, который отнюдь не считал своё положение достаточно прочным»¹³. Крах концепции «молниеносной войны» неминуемо должен был повлечь за собой эти тяготы. Поэтому у немецкого руководства была надежда путём быстрой победы над Советским

Союзом и колониальной эксплуатации завоёванных территорий одним ударом радикально улучшить сырьевую и продовольственную базу Германии – решающий довод в пользу войны на Востоке. Из застольных бесед Гитлера становится ясно, какие страшно преувеличенные ожидания он возлагал на продовольственный потенциал Украины, с одной стороны, и насколько большое значение придавал обеспечению «морального духа» немецкого населения путём приобретения продовольственных и жизненных стандартов мирного времени, с другой¹⁴. С эксплуатацией завоёванных территорий на Востоке должно было осуществиться, – по крайней мере частично, словно в предвосхищение долгосрочной цели войны, – «образование самодостаточного, неуязвимого для блокады великого пространства». Не случайно осенью 1941 г. Гитлер впервые употребил в своих «застольных беседах» термин «укрепление Европа»¹⁵.

Точно так же уже во время кампании следовало обратить внимание на первую из 4-х конечных целей: уничтожение «еврейского большевизма». При этом следует констатировать, что эта цель была радикализована ещё во время подготовительной фазы¹⁶.

Осуществление этих целей привело к расстрелам сотен тысяч евреев и коммунистов, гражданского населения и военнопленных не только айнзацгруппами СС, но и подразделениями вермахта. Кроме того, в связи со следующей целью – частичным уничтожением советского населения – изначально предусматривалась направленная на уничтожение славянского населения «борьба против партизан», – ещё до того, как возникло само партизанское движение¹⁷. Наконец, политика ограбления явилась важнейшей причиной голодной смерти миллионов советских военнопленных и гражданских лиц.

Уже говорилось об опасности переоценки восточных планов национал-социалистского руководства и тем самым целеустремлённости его действий. Изучение долгосрочных планов Гитлера и их, – в ретроспективе! – последующего жёсткого выполнения не должно привести к поспешному выводу, будто «тоталитарная система» национал-социализма после унификации всех общественных и государственных институтов в «монолитно структурированное» и «макиавеллистски сверхрациональное» властное образование якобы принудила их к осуществлению планов Гитлера, применяя террористические методы¹⁸. При этом следовало бы отметить, что в национал-социалистских планах достижения целей войны речь идёт о чём угодно, только не о систематически продуманных планах с ясно сформулированными приоритетами. Анализ планов Гитлера показывает, что они были перенасыщены очень грубыми целевыми установками, с одной стороны, и причудливо детализированными картинками будущего, с другой¹⁹. Конкретных планов осуществления этих фантазий не существовало²⁰: вопрос о связи между желаемой картиной и реальностью оставался открытым. Так как национал-социалистскому руководству не удалось ни полностью склонить на свою сторону традиционную правящую элиту, – прежде всего руководство вермахта и сухопутных сил, а также министерскую бюрократию, – ни заменить её собственной национал-социалистской элитой, национал-социалистская верхушка при реализации этих целей была вынуждена рассчитывать на добровольное сотрудничество традиционных элит. «Реализация»

означала при этом не только фактическое выполнение планов, но и необходимое при этом планирование выполнения.

Интеграция старых элит при этом стала возможной благодаря тому, что глобальная цель представляла собой лишь грубый набросок, который мог быть заполнен их собственными целями и что участие в планировании и проведении этих планов, казалось, служило гарантией осуществления этих целей. Для национал-социалистского руководства это означало, что всегда существовала возможность того, что традиционные правящие элиты, придя на определённом этапе к выводу о несовместимости их собственных целей с целями национал-социализма, могли заявить о разрыве сотрудничества.

На этом фоне возникает вопрос – считало ли национал-социалистское руководство возможным в первые месяцы 1941 г. добиться уничтожения большевизма и еврейства в той мере, в какой это имело место летом 1941 г. Я хотел бы выдвинуть тезис – ниже он будет соответствующим образом обоснован – что это не могло быть случайным²¹.

III. ВОВЛЕЧЕНИЕ ВЕРМАХТАВ НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКУЮ ПОЛИТИКУ УНИЧТОЖЕНИЯ

Первым документальным подтверждением последующих приказов об уничтожении людей является высказывание Геринга, отмеченное начальником управления военной экономики и вооружения в ОКВ, генералом Томасом 26 февраля 1941 г.: При оккупации Советского Союза «первым делом следует как можно быстрее покончить с большевистскими вождями»¹. То, что уже в это время в национал-социалистских верхах исключалось ведение этой войны в соответствии с международным военным правом не только по отношению к коммунистическим деятелям, следует из того, что Гиммлер уже тогда планировал использовать по крайней мере часть ожидавшихся советских военнопленных для работ в 10 концернах по изготовлению красок, которые должны были войти в промышленный комплекс в Освенциме².

Планирование военных операций против Советского Союза шло с конца июня 1940 г. Это кажется тем более удивительным, что планы по осуществлению главной цели – «уничтожению еврейства и большевизма» были составлены всего лишь за несколько месяцев до начала вторжения. Это, однако, поясняет лишь принципиальную позицию Гитлера корректировать свои цели только постепенно и, прежде чем выдвинуть следующее, более радикальное требование, удостовериться – готовы ли традиционные элиты к сотрудничеству. Используемую при этом тактику, – всякий раз идти до тех пор, пока не появится сопротивление, проверять это сопротивление на прочность и, в случае чего, путём кажущегося компромисса изображать уступку, а затем, при первой же возможности двигаться дальше в прежнем направлении, – Ульрих фон Хассель назвал «методом пробных шаров»³.

После того как вермахт уже в Польше стал соучастником национал-социалистской политики порабощения и истребления, Гитлер пытался теперь постоянно использовать его при проведении политики уничтожения. Часть руководства вермахта и сухопутных сил участвовала в этом с неохотой, а часть сама проявляла инициативу. Между мартом и апрелем 1941 г. в ОКВ и ОКХ был издан ряд приказов, которые явились беспримерными в истории германской армии по той бесперемонности, с какой они выступали против фундаментальных основ международного военного права. Имеются в виду прежде всего приказы о взаимодействии сухопутных сил с айнзацгруппами, о «военном судопроизводстве в соответствии с планом «Барбаросса» (далее – «план Барбаросса»), «о действиях войск в России» и так называемый приказ о комиссарах⁴.

Не все эти приказы непосредственно касаются обращения с советскими военнопленными. Тем не менее исследование всего комплекса приказов необходимо, ибо

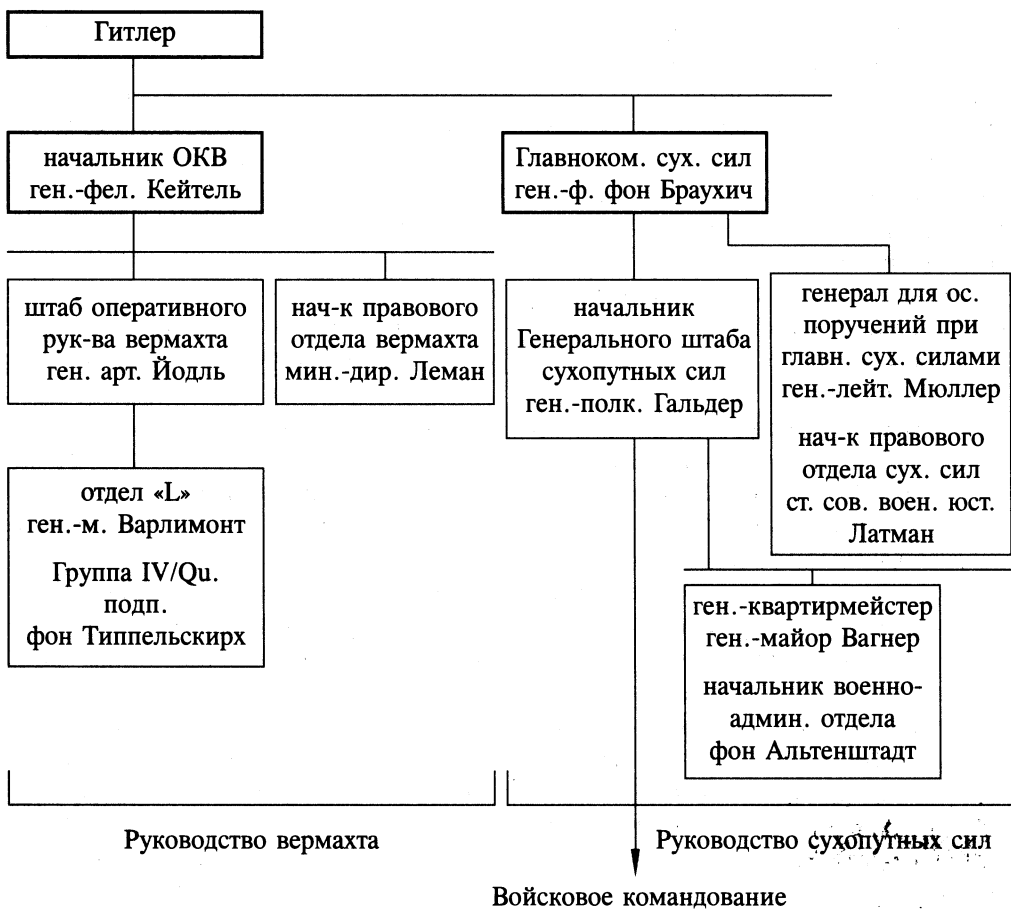

Рис. 1. Учреждения, принимавшие участие в разработке «преступных приказов»

и приказ о взаимодействии с айнзацгруппами, и «план Барбаросса», и «директивы о действиях войск» имели чрезвычайно важные последствия для поведения вермахта на оккупированных советских территориях. Они не только создавали «моральный дух», но и устраняли нравственные сомнения, закладывали «базовые» основания для требуемых мероприятий. Они создавали тем самым общий настрой и мотивационный фон, который допускал возможность обращения с военнопленными совершенно иначе, чем то предписывал чётко сформулированный приказ сам по себе.

Основой для всех 4-х приказов послужили «Директивы по специальным зонам к инструкции № 21», то есть к указаниям Гитлера о подготовке нападения на Советский Союз от 18 декабря 1940 г.⁵

В дополнение к этим директивам подчинённый генерал-майору Вальтеру Варлимонту⁶ отдел «L»^{6а} штаба оперативного руководства вермахта разработал проект плана, – документ не сохранился, – и представил его начальнику этого штаба – генералу артиллерии Альфреду Йодлю⁷. 3 марта 1941 г. Йодль вернул этот план вместе с новыми указаниями Гитлера. Эти довольно краткие указания Гитлера ста-

ли основой как для запланированной в то время организации управления завоёванными восточными территориями, так и для планов национал-социалистского руководства по уничтожению людей⁸. Советский Союз следовало уничтожить, а на его месте создать зависимые от Германии государственные образования. При этом «еврейско-большевистскую интеллигенцию, как прежнего «угнетателя» народа, ... следовало устранить». Это, а также создание господствующего положения в новых государственных образованиях – настолько сложная задача, что нельзя «требовать её выполнения от армии».

На основании этих указаний Гитлера Йодль⁹ отдал 3 марта 1941 г. распоряжение об изменении проекта плана отдела «L»: прифронтовая зона, то есть зона, в которой армия обладала всей полнотой власти, должна быть настолько мала, насколько это возможно:

Нужно ли создавать там также органы рейхсфюрера СС наряду с тайной полевой полицией, следует обсудить вместе с рейхсфюрером СС. Необходимость немедленно обезвредить всех большевистских лидеров и комиссаров говорит за это. Военные суды следует изъять из решения всех этих вопросов, они должны вершить судопроизводство только внутри самой армии¹⁰.

Очень ясный язык не мог оставить отдел «L» в неведении относительно характера планируемых мероприятий. Начальник ОКВ генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель¹¹, несомненно знакомый с указаниями Гитлера, и начальник штаба оперативного руководства вермахта Йодль, по-видимому, приняли требования Гитлера без сопротивления, и, хоть и не полностью, как было рекомендовано Йодлю исполнять жёсткие указания Гитлера, но поддержали их. Распоряжения Йодля, которые должны были быть переработаны в виде директив верховного командования вермахта, пусть не на словах, но совершенно ясно поставили руководство сухопутных сил перед альтернативой – или армия в прифронтовой зоне примет участие в акциях истребления, или Гиммлер добьётся нового расширения своих властных полномочий¹². Кроме того, Йодль действовал уже через голову главнокомандующего сухопутными силами генерал-фельдмаршала фон Браухича, чьи властные полномочия – полный объём исполнительной власти на оккупированных территориях – он значительно урезал.

Согласно запискам тогдашнего адъютанта Гитлера при сухопутных силах, майора Герхарда Энгеля, главнокомандующий сухопутными силами в беседе с Гитлером, Кейтелем и генерал-квартирмейстером сухопутных сил, генерал-майором Эдуардом Вагнером¹³, сделал попытку настоять на введении военно-административного управления на оккупированных территориях, как это было в обыкновении до сих пор, но был «довольно грубо прерван» Гитлером и ретировался¹⁴.

В любом случае руководство сухопутных сил было не готово вступать в конфликт по этому поводу. Кажется даже, что Гальдер и генерал-квартирмейстер Вагнер склонялись к тому, чтобы и дальше отказываться от введения нормального военно-административного управления, чтобы избегать конфликтов, как они делали это в Польше¹⁵.

8 марта Варлимонт предложил Йодлю новый план директив, в котором были учтены «предложения генерал-квартирмейстера»¹⁶. После того как Кейтель его написал 13 марта, – согласно изменениям, которые, однако, не касались введения подчинённого главнокомандующему сухопутными силами военно-административ-

ного управления¹⁷, – ограничение властных полномочий главнокомандующего сухопутными силами было утверждено на бумаге.

В этом приказе значилось также важное в последующем решение:

В прифронтовой зоне сухопутных сил рейхсфюрер СС получает по поручению фюрера особые задачи по осуществлению политического руководства, которые вытекают из решительной борьбы 2-х противоборствующих политических систем. Рейхсфюрер СС поступает в рамках этих задач самостоятельно и под собственную ответственность. [...] Детали ОКХ оговаривает непосредственно с рейхсфюрером СС¹⁸.

В результате функции ОКХ были значительно урезаны, причём без какого-либо решительного сопротивления с его стороны.

1. Порядок действий айнзацгрупп СС

Переговоры о порядке действий айнзацгрупп СС в прифронтовой зоне сухопутных сил между генерал-квартирмейстером Вагнером и начальником главного управления имперской безопасности, группенфюрером СС Рейнхардом Гейдрихом начались ещё 13 марта¹⁹. 17 марта Вагнер в присутствии начальника генерального штаба Гальдера и генерал-майора Хойзингера узнал ещё раз от самого Гитлера, о чём в то время шла речь. Гальдер записал:

Используемая Сталиным интеллигенция должна быть уничтожена. Управляющий механизм русского государства должен быть сломан. В великорусской зоне необходимо применение грубого насилия. Мировоззренческие узы связывают русский народ воедино ещё недостаточно прочно. Они будут разорваны посредством устранения руководящих кадров²⁰.

Знаменательно, что Гитлер говорит здесь «только» об уничтожении советской правящей элиты и не упоминает о долгосрочных целях – о расовом уничтожении. Он обращается поэтому к расчётам, которые заставили руководство сухопутных сил смириться с уничтожением польской правящей элиты уже во время польской кампании. В самом деле, если хотели подчинить Восток немецкой власти или немецкой гегемонии на длительный срок, ликвидация политической и духовной элиты советского государства являлась безусловно необходимой. Поскольку руководство сухопутных сил разделяло цели восстановления империи на Востоке, – при любых формах господства, – оно по необходимости должно было согласиться и с уничтожением советской правящей элиты, причём открытым оставался вопрос – насколько это было необходимо и кто должен этим заниматься. Это дало в руки Гитлеру рычаг для привлечения руководства сухопутных сил к своим далеко идущим планам.

25 и 26 марта Вагнер пришёл с Гейдрихом к соглашению, которое было им письменно зафиксировано 26 марта и 4 апреля направлено Гейдриху и начальнику отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта Варлимонту «для оценки и согласования»²¹. ОКХ не намеревалось затягивать дело, чтобы найти возможность не участвовать в нём. Это видно из того, что уже в «Особых распоряжениях о снабжении [в войне на Востоке]», подписанных Гальдером 4 апреля, были названы полномочия Гимmlера и объявлен приказ о порядке выполнения этих распоряжений²².

Достигнутое между Вагнером и Гейдрихом соглашение без изменений было подписано 28 апреля главнокомандующим сухопутными силами фельдмаршалом фон Браухичем и тут же направлено в войска²³. В нём речь шла преимущественно о порядке действий айнцагрупп СС, который был установлен для польской кампании. Айнцагруппы должны были получать специальные указания от Гейдриха, и им предоставлялось право «в рамках своих задач под собственную ответственность осуществлять карательные меры в отношении гражданского населения». В тыловом районе сухопутных сил их действия ограничивались

работой с намеченными до начала операции объектами (материалами, архивами, карточками враждебных государству организаций, объединений, групп и т. д.), а также с отдельными особо важными лицами (ведущими эмигрантами, диверсантами, террористами и т. д.).

Кроме того, командующие фронтами имели право не допускать деятельность команд по военным соображениям. Итак, соглашения не давали айнцагруппам СС «права» осуществлять массовое истребление евреев и коммунистов уже в прифронтовой зоне сухопутных сил, как это позже стало почти правилом²⁴. В целом их задачи для тыловой зоны сухопутных сил, в том числе для тыловых районов отдельных групп армий, были существенно ограничены: «Выявление и борьба с враждебными государству и рейху соединениями, которые не входят в состав вооружённых сил врага»²⁵. Посредством неясной формулировки «враждебные государству и рейху соединения» круг жертв был существенно расширен по сравнению с прежней формулировкой Гитлера и Геринга «еврейско-большевистская интеллигенция» или «большевистские вожди». Последняя фраза, кроме того, предполагала уже участие вермахта в работе по уничтожению, – в соответствии с приказом о комиссарах, – ибо невозможно допустить, чтобы «входившие в вооружённые силы врага, враждебные государству и рейху соединения» были оставлены без внимания.

Не было недостатка в попытках найти объяснение этому быстро заключённому соглашению с Гейдрихом²⁶. Все признаки указывают на то, что Вагнер вовсе не старался совсем устранить айнцагруппы из прифронтовой зоны сухопутных сил, а хотел лишь уточнить нюансы их деятельности: в какой мере командующие соединениями сухопутных сил должны оказывать влияние на действия айнцагрупп в прифронтовой зоне и в какой мере части сухопутных сил должны принимать участие в этих акциях. Если даже нельзя предположить, что Вагнер уже в это время знал, какие размеры должно было принять массовое истребление, то всё же он не мог питать никаких иллюзий относительно *характера* задач айнцагрупп СС. Вагнер ещё в августе и сентябре 1939 г. разрабатывал с Гейдрихом аналогичное урегулирование для польской кампании²⁷. Гитлер дал тогда понять главнокомандующему сухопутными силами,

что если вермахт не захочет иметь с этим [с «истреблением народа»] никакого дела, то он должен будет смириться с тем, что рядом с ним выступают войска СС и гестапо²⁸.

Главнокомандующий сухопутными силами принял это во внимание, и Вагнер в согласии с Гальдером занял позицию, согласно которой «чистка должна предприниматься только после ухода армии и передачи власти постоянной гражданской администрации»²⁹. Правда, Вагнер, когда стали известны масштабы убийств в Польше и в армии возникло заметное беспокойство, предлагал объявить чрезвычайное

положение и принять меры против войск СС и полиции. Однако он не встретил в этом вопросе поддержки со стороны фон Браухича и Гальдера³⁰. Позиция руководства сухопутных сил осенью 1939 г. ограничивалась тем, «чтобы держать армию в стороне от этих дел, но не выступать против политики планомерного истребления»³¹. Кроме того, что это ещё больше ослабляло позиции руководства сухопутных сил по отношению к национал-социалистскому руководству, тем самым был создан прецедент, на который могло ссылаться национал-социалистское руководство, а также руководство вермахта.

Во время своих переговоров в марте 1941 г. Вагнер, вероятно, надеялся благодаря неучастию армии в акциях массового уничтожения «сохранить чистоту мундира»³². Но даже если он и тешил себя иллюзиями о том, что командующие отдельными частями, из которых некоторые яростно возражали против деятельности СС в Польше, широко понимают оставленные им права, то и это выглядит довольно неправдоподобно, ибо руководство сухопутных сил ещё осенью 1939 г. сместило этих командующих и они поэтому явно не рассчитывали найти взаимопонимание со стороны главнокомандующего сухопутными силами или начальника генерального штаба. С другой стороны Вагнер, – не в последнюю очередь благодаря беседе с Гитлером от 17 марта, – уже знал, что «акции» айнзацгрупп должны быть более масштабными, чем в Польше. Его условием на согласие с главнокомандующим сухопутными силами, которое после протестов командующих отдельными частями в Польше стало известно также и Гейдриху, было вероятно то, что эти «акции» должны были иметь место только вне сферы деятельности войсковых соединений³³.

2. Ограничение военного судопроизводства

Браухичу, Гальдеру и Вагнеру ещё в 1939 г. казалось частичным успехом то, что они смогли помешать прямому участию армии в акциях уничтожения. Для Гитлера же терпимое отношение со стороны ОКХ к этим акциям стало важнейшим прецедентом на пути к достижению цели по превращению вермахта в отряды «политических солдат», то есть безусловно преданных национал-социалистской идеологии «борцов», которые отвергали бы во время войны всякие международные нормы и были бы готовы к проведения «уничтожения народов»³⁴.

В конце марта 1941 г. для Гитлера наступил благоприятный момент для дальнейшего продвижения по этому пути. Руководство сухопутных сил примирилось с убийствами в Польше, не доводя дело до серьёзных споров. Оно успокоило возникшее в армии брожение и дало Гиммлеру возможность защитить действия айнзацгрупп перед руководством сухопутных сил и добиться его согласия³⁵. Незадолго до того ОКХ согласилось с порядком действий команд СС, которые, – несмотря на весь опыт польской кампании, – приняли гораздо большие масштабы, чем это было предусмотрено в 1939 г. Наконец, – и это, пожалуй, самое важное, – руководство сухопутных сил, соглашаясь на этот новый порядок, *в принципе* согласилось и на ведение требуемой Гитлером войны на уничтожение. Всё это должно было привести Гитлера к убеждению, что теперь он может попытаться предъявить вермахту ещё более радикальные требования, хотя он и не мог быть

полностью уверенным в том, что войсковые командиры преодолели своё возмущение действиями в Польше.

Готовность войскового командования принять участие в идеологически обоснованной войне на уничтожение Гитлер проверил 30 марта 1941 г., выступив в рейхсканцелярии с длившейся 2,5 часа речью примерно перед 250 высшими офицерами: командующими и начальниками штабов групп армий, командирами корпусов и дивизий, предназначенных для ведения войны на Востоке. Перед предыдущими кампаниями Гитлер также пытался склонить высших войсковых командиров к угодным ему действиям, но ещё никогда не собирал такого большого круга лиц³⁶. Уже перед польской кампанией он заявлял, что война «будет вестись до полного уничтожения Польши, с величайшей жестокостью и беспощадностью»³⁷. Но тогда войсковые командиры не знали о задачах, поставленных перед айнзагруппами СС. Теперь же, 30 марта 1941 г., в беспримерно откровенной речи перед собравшимся генералитетом он ясно изложил, какие методы в борьбе против Советского Союза он намерен применить³⁸. Начальник генерального штаба Гальдер записал её по пунктам:

[...] Колониальные задачи!

Борьба между собой 2-х мировоззрений. Уничтожающий приговор большевизму, как антиобщественному, преступному явлению. Коммунизм – чудовищная опасность для будущего. Мы должны отказаться от понятия солдатского товарищества. Коммунист никогда не был и никогда не будет товарищем. Речь идёт о борьбе на уничтожение. Если мы этого не усвоим, то, хоть мы и разобьём врага, через 30 лет нам опять будет противостоять коммунистический враг. Мы ведём войну не для того, чтобы сохранять врага.

[...] *Борьба против России:* Уничтожение большевистских комиссаров и коммунистической интеллигенции. Новые государства должны быть социалистическими государствами, но без собственной интеллигенции. Нельзя допустить образования новой интеллигенции. Нам достаточно и примитивной социалистической интеллигенции.

Борьба должна вестись против яда разложения. Это не вопрос военных судов. Войсковые командиры должны знать, почему это происходит. Они должны руководить борьбой. Воинская часть должна защищаться теми средствами, с какими на неё нападают. Комиссары и работники ГПУ являются преступниками и с ними надлежит обращаться как с таковыми.

Поэтому войскам не нужно выходить из рук командира. Командир должен отдавать свои распоряжения в соответствии с настроениями воинской части. [Заметка Гальдера на полях: Война существенно отличается от войны на Западе. На Востоке жестокость оправдывается интересами будущего.]

Командиры должны потребовать от себя жертвы, преодолеть свои сомнения. [Заметка Гальдера на полях: приказ главнокомандующего сухопутными силами]³⁹.

С другой стороны Гитлер, судя по отзывам Гальдера, не стал слишком подчёркнуто обращаться к расовой идеологии. Напротив, он приводил для обоснования своих беспримерных требований аргументы, которые были созвучны с менталитетом войсковых командиров. Делая ударение на необходимость уничтожения большевизма, он обращался к цели, которую разделял генералитет. Когда он, сверх то-

го, обращал внимание на то, что это должно быть сделано ради того, чтобы в будущем избавить Германию от «чудовищной опасности», что ради этого следует пойти на жертвы, «преодолеть свои сомнения», то этим он обращался к особенной жертвенности, которая явилась одним из важнейших условий того, что национал-социалистские преступления вообще оказались возможны⁴⁰. Требуемые карательные акции имели таким образом характер исключительных, разовых акций, «грязных этапов пути», которые следовало преодолеть во имя интересов будущего германского государства. Далее Гитлер взывал к ответственности войсковых командиров за свои подразделения, когда требовал, чтобы воинские части защищались теми средствами, с какими на них нападают. Тем самым были вызваны неясные опасения, которые и так уже имели место в борьбе против гораздо более неизвестного в сравнении с предыдущими противниками и потому в любом случае явного врага.

В процессе над военными преступниками после войны некоторые из присутствовавших тогда, в том числе главнокомандующий сухопутными силами фон Браухич, заявляли, что после окончания речи Гитлера раздались яростные протесты со стороны командующего по поводу недостойного армии способа ведения войны, после чего Гитлер покинул зал⁴¹. Браухич хотел сказать, будто он не издавал соответствующего требованиям Гитлера приказа. Скорее наоборот, он якобы на основании этого велел разработать так называемое «дисциплинарное распоряжение», чтобы воспрепятствовать требуемому Гитлером способу ведения войны. То, что эта картина не соответствует действительности, следует из анализа процесса возникновения плана «Барбаросса» и приказа о комиссарах.

Штабы ОКВ и ОКХ сразу же после речи Гитлера принялись преобразовывать его требования в приказы, если только они сами не пришли уже к решениям, которые были по меньшей мере очень близки желаниям Гитлера. Разработка этих приказов, после того, как не последовало протестов, явилась решающим шагом на пути вовлечения вермахта в политику уничтожения.

На следующей после речи Гитлера неделе, 8 апреля, Ульрих фон Хассель вместе с начальником штаба адмирала Канариса полковником Остером был у генерал-полковника Людвиг Бека. Хассель записал:

[...] волосы встают дыбом от того, что документально изложено в приказах, подписанных Гальдером и отданных войскам, по поводу действий в России и от систематического применения военной юстиции по отношению к гражданскому населению в этой издевающейся над законом карикатуре. [...] Подчиняясь приказам Гитлера, Браухич жертвует честью немецкой армии⁴².

Сохранился, по крайней мере один из этих приказов, подписанный Гальдером 3 апреля 1941 г.⁴³ Он содержал в себе рекомендации по обращению с населением: Активное или пассивное сопротивление *гражданского населения* в зародыше подавлять строгими карательными мерами. Сознательные и беспощадные действия в отношении враждебных Германии элементов будет действенным профилактическим средством.

Своевременно следует внести ясность относительно того, на какие части населения могут опереться немецкие войска. Враждебное советско-русскому правительству и государственному строю население следует сделать полезным в интересах Германии, конкретно посредством предоставления определённых свобод и материальных выгод.

Ещё более важная часть приказа касалась организации службы по делам военнопленных⁴⁴. Из этого, равно как и из приведённого выше отрывка, ясно видно, что в отношении Советского Союза не должны были применяться ни принципы Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны 1907 г., ни Женевской конвенции о военнопленных 1929 г. Однако это решение не вытекало напрямую из произнесённой Гитлером четыре дня назад речи⁴⁵. В нём также нет никаких признаков того, чтобы со стороны ОКХ были запрошены в отделе международного права в управлении разведки и контрразведки в ОКВ сведения о международных обязательствах Германии в военной сфере.

Способы аргументации в приказе, а также используемые понятия вытекают не столько из национал-социалистского образа мыслей, сколько из традиционных расчётов. Реализация немецких притязаний на господство в советских землях всеми имеющимися средствами считалась само собой разумеющейся. Отличие от политики Гитлера состояло лишь в том, что здесь предусматривалась возможность посредством лучшего обращения использовать часть населения в качестве вспомогательных отрядов – мысль, не имевшая места в расовой идеологии Гитлера⁴⁶. Всё же это отличие имело место в то время, когда руководство сухопутных сил верило, что Советский Союз можно сокрушить в течение нескольких недель и благодаря этому несомненно поднять собственное значение в национал-социалистском государстве, а потому не было существенным⁴⁷.

Между тем в верховном командовании вермахта готовились также ограничения применения военного судопроизводства в отношении преступлений немецких солдат, а значит и применения без судопроизводства «карательных мер» против враждебно настроенного советского населения. Руководство разработкой соответствующего приказа, который позднее стал известен как «план Барбаросса», принадлежало отделу «L», возглавляемому Варлимонтом⁴⁸.

Варлимонт и начальник его группы IV/Qu. подполковник Вернер фон Типпельскирх, начиная с 4 марта, вели переговоры по этой проблеме с начальником правового отдела вермахта, министераль-диригентом доктором Рудольфом Леманом⁴⁹.

Уже упомянутый выше проект отдела «L», представленный Варлимонтом Йодлю 8 марта, ограничивал деятельность военных трибуналов в отношении преступлений советских гражданских лиц против вермахта⁵⁰, тогда как обычно вермахт располагал на оккупированных территориях неограниченной исполнительной властью. Все прочие уголовные дела должны были быть переданы «учреждениям рейхсфюрера СС».

Итак, следует констатировать, что уже на этой стадии развития в сфере уголовного правосудия в отношении гражданского населения было установлено состояние правового вакуума, которое имело место в Польше между прекращением военного управления (25 окт. 1939 г.) и введением немецкого уголовного права (6 июня 1940 г.) и которого впоследствии добивались представители НСДАП и РСХА⁵¹. Это тем более достойно внимания, что ОКВ, – в уже переработанных Йодлем в начале марта директивах Гитлера, – тем самым изначально дезавуировало для подлежащих завоеванию восточных территорий те силы в вермахте, администрации и юстиции, которые стремились путём введения немецкого уголовного права обеспечить хотя бы минимум «необходимого даже 3-му рейху соблюдения законности в общест-

венной и хозяйственной жизни»⁵². В ОКВ уже были готовы, несмотря на все эксцессы, имевшие место в Польше, согласиться с новым расширением властных полномочий СС и полиции и законодательно их закрепить, причём без всякого давления со стороны национал-социалистского руководства. При этом следует вспомнить о том, что ввиду будущих планов на Востоке это было чрезвычайно обширным предварительным решением об административном устройстве этих областей, в которых главенствующая роль отводилась СС.

Во-вторых, при взгляде на дальнейший процесс развития следует отметить, что этот проект Варлимонта существенно ограничивал компетенцию военного судопроизводства. Однако в компетенцию военных судов по-прежнему входило применение карательных мер за преступления советских солдат и гражданских лиц против личного состава вермахта – это всегда характеризовалось именно как «преступления». Войска были ограничены собственно ведением войны.

Как уже было сказано, Кейтель перед тем, как подписать «Директивы по специальным зонам к инструкции № 21», изъял из этих директив весь комплекс «военного судопроизводства», чтобы переработать его в особом приказе. Кто решил, что предусмотренное Варлимонтom урегулирование недостаточно, точно установить нельзя. Но так как это урегулирование уже было одобрено Гитлером⁵³, следует предположить, что Кейтель, Йодль и Леман были здесь введены в заблуждение ещё более радикальными предложениями. Проект начальника правового отдела вермахта доктора Лемана от 28 апреля явился следующим документальным шагом на пути к ещё большей радикализации. Проект был адресован Варлимонту и Йодлю. Необычайно чёткое изложение ожидаемых от приказа последствий наводит на мысль, что Леман был одного мнения с обоими адресатами, тем более что с Варлимонтom он в начале марта неоднократно совещался⁵⁴. В этом отношении проект Лемана означал качественное изменение в поэтапном развитии плана «Барбаросса», так как в нём впервые было предусмотрено вовлечение вермахта в войну на уничтожение.

- I. 1. Войскам следует беспощадно убивать партизан в бою или во время бегства.
2. Прочие нападения враждебно настроенных гражданских лиц на вермахт, его личный состав и сопровождающих войска лиц следует решительно и всеми средствами отражать на месте вплоть до уничтожения нападающих.
- II. 1. Военное судопроизводство предназначается в первую очередь для поддержания дисциплины.
Наказуемые действия, направленные против войск, должны отражаться самими войсками согласно пункту I. Только в тех исключительных случаях, когда этого не произошло, они должны преследоваться в судебном порядке⁵⁵.
2. В остальном наказуемые действия со стороны враждебно настроенных гражданских лиц только тогда должны подлежать военному судопроизводству, когда это необходимо по политическим мотивам.
- III. 1. Действия личного состава вермахта и сопровождающих его лиц против гражданского населения противника преследованию не подлежат, даже если такие действия являются военным преступлением или правонарушением.
2. При оценке таких действий следует учитывать, что крах в 1918 г., последующий период страданий немецкого народа и борьба против национал-социализ-

ма с бесчисленными кровавыми жертвами среди членов этого движения, были вызваны большевистским влиянием и что ни один немец этого не забыл. 3. Поэтому председатель судебного органа должен разобраться, следует ли в таких случаях применять меры дисциплинарного воздействия или же необходимо назначить судебное разбирательство. Председатель судебного органа назначает разбирательство действий против жителей страны в порядке военного судопроизводства лишь в тех случаях, когда это нужно для поддержания дисциплины или обеспечения безопасности войск.

[...] 4. При оценке достоверности показаний гражданских лиц из населения противника необходимо проявлять крайнюю осторожность.

IV. Войсковые командиры в рамках своих полномочий несут *личную* ответственность за то, чтобы:

1. Все офицеры подчинённых им подразделений были своевременно и обстоятельно ознакомлены с принципами пункта I.

2. Их консультанты по правовым вопросам были *своевременно* информированы об этих указаниях и устных высказываниях, в которых командующим разъясняются политические намерения руководства.

3. Утверждались только те приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства⁵⁶.

Здесь впервые была высказана мысль, что *войска* сами должны «расправляться» с партизанами, что прочих «нападающих», – кто бы ни понимался под ними, ибо партизаны уже были названы, – следует уничтожать, причём ни военные трибуналы, ни военно-полевые суды⁵⁷ не должны этим заниматься. Компетенция военных трибуналов ограничивалась исключительно наказаниями *солдат* за уголовные действия. Если Леман во 2-м абзаце пункта 1 раздела II и предусматривал, что военные трибуналы должны были «в виде исключения» судить советских гражданских лиц «исключительно» за уголовные действия против войск, то в одном из примечаний он пояснил, что это для него в смысле планируемой политики нежелательно:

Поскольку вопреки прежнему предположению учреждений рейхсфюрера СС в требуемом количестве не будет, то остаётся только один выбор: гражданских лиц, чью вину сразу доказать невозможно, следует осуждать трибуналами или расстреливать войсками. Если они преданы суду, суды должны принимать решения о виновности или недоказуемости вины, и в случае недоказуемости – выносить оправдательный приговор. На это я настоятельно обращаю внимание⁵⁸.

Более решительным ужесточением по сравнению с предложенным Варлимонт-порядком была заранее предоставленная за преступления против советского гражданского населения амнистия, которая должна была способствовать более жестокому ведению войны в духе национал-социалистского руководства⁵⁹. Кроме того, новым было то, что войсковые командиры делались лично ответственными за проведение приказа, а также за то, чтобы их консультанты были ознакомлены с распоряжением Гитлера от 30 марта. Проект Лемана имел ещё мало общего с проектом Варлимонта.

Кроме того, Леман находился в постоянном контакте с генералом для особых поручений при главнокомандующем сухопутными силами генерал-лейтенантом Ойгеном Мюллером⁶⁰, который занимался правовыми вопросами. Последний

после беседы с Леманом и доклада Гальдеру⁶¹ направил 6 мая 1941 г. в отдел «L» Варлимонту вместе с проектом «приказа о комиссарах» проект об ограничении военного судопроизводства⁶². Когда Леман представил 9 мая 1941 г. Йодлю и Варлимонту переработанный в соответствии с предложениями Мюллера проект, то с удовлетворением мог утверждать, что:

Предложение армии близко нашим предложениям. В нём не хватает только положения о том, что юрисдикция военных судов в отношении населения страны (то есть гражданского населения) вообще не существует⁶³.

Под «нашими предложениями» следует понимать требования Йодля и Лемана – и, очевидно, также Варлимонта! – о более значительном участии вермахта в «политическом», идеологизированном ведении войны.

На деле проект Мюллера, который кроме Гальдера должен был рассмотреть также фон Браухич⁶⁴, не только по содержанию превосходил проект Лемана от 28 апреля. Новым в проекте было идеологическое обоснование, которое опиралось на аргументы Гитлера в его речи от 30 марта и одновременно отвечало требованиям обеспечения безопасности войск. В нём подчёркивалось, что

кроме подлежащего разгрому обычного противника войскам на этот раз в качестве особо опасного и разлагающего всякий порядок элемента из гражданского населения противостоит носитель еврейско-большевистского мировоззрения. Нет никакого сомнения в том, что он везде, где только сможет, коварно и из засады будет использовать своё *оружие разложения* против ведущего борьбу и освобождающего страну немецкого вермахта. Поэтому войска имеют право и обязанность всесторонне и энергично обеспечивать свою безопасность и от этих разлагающих сил⁶⁵.

В действительности Мюллер высказался значительно более чётко, чем проект Лемана о том, чего следует ожидать от войск:

Жители страны, которые как партизаны участвуют или желают участвовать в боевых действиях, которые своими действиями представляют *непосредственную угрозу* войскам или *каким-то* своим поступком *выступают* против немецкого вермахта (например, насильственные действия против сопровождающих армию лиц или военного имущества, саботаж, сопротивление), *подлежат расстрелу в бою или во время бегства*. Там, где такого рода преступные элементы не будут устранены подобным образом, их надлежит тут же представить офицеру, который должен решить – следует ли их расстрелять⁶⁶.

Таким образом, ОКХ не только согласилось с требованием прямого участия войск в проведении политики уничтожения, но и изыскало способ практического выполнения этого требования.

Новым в проекте Мюллера был, кроме того, следующий раздел:

В отношении *населённых пунктов*, из которых предпринимаются коварные и предательские нападения в том или ином виде, необходимо немедленно по распоряжению командира, рангом не ниже батальонного, принимать *коллективные меры насилия*, в случае, если *обстоятельства не позволяют ожидать быстрого обнаружения конкретных виновных*.

Требование самосохранения и долг всех командиров повелевают действовать против трусливых вылазок ослеплённого населения с железной строгостью и без всякого промедления.

Это положение, которое впоследствии должно было привести к значительно большему количеству жертв, чем пресловутый приказ о комиссарах, основывалось на предложении начальника генерального штаба Гальдера⁶⁷, который вопреки собственным утверждениям сыграл в этом активную роль⁶⁸.

Как было предусмотрено ещё в проекте Лемана от 28 апреля, но теперь с более сильным идеологическим обоснованием указывалось, что

наказуемые действия личного состава сухопутных сил, которые совершены по злобе, вызванной зверствами противника, или в результате *разлагающей деятельности* носителей *еврейско-большевистской системы*, [...] за исключением отдельных случаев, когда этого требуют интересы поддержания дисциплины,

преследоваться не будут⁶⁹. Парадоксально, но характерно для позиции руководства сухопутных сил, – это, правда, уже прозвучало в речи Гитлера, – что вслед за этим сразу же последовал раздел, который *можно* понимать как ограничение:

При всех обстоятельствах остаётся в силе задача начальников всех уровней предотвращать произвольные выступления *отдельных* военнослужащих и не допускать одичания войск. Отдельный военнослужащий не должен доходить до того, чтобы делать в отношении жителей страны всё, что ему вздумается, но в любом случае *связан приказами своих начальников*⁷⁰.

Итак, в ОКХ видели опасность, что предоставляемые в первой части неограниченные полномочия могут привести к совершенно произвольным действиям в отношении гражданского населения, что хоть и было в духе национал-социалистского руководства, но неизбежно подорвало бы устои армии, основывающиеся на приказах и послушании. Однако там, видимо, считали, что офицерский корпус по своим настроениям настолько однороден, что можно применять беспримерно грубые методы для обеспечения немецкого господства в «восточном пространстве» и в то же время не допустить негативных последствий такой политики для устоев армии.

Начальник правового отдела вермахта Леман на основе имевшихся проектов и после повторного согласования с генералом Мюллером и начальником генерального штаба авиации Ешонеком, а также с начальниками правовых отделов сухопутных сил и авиации⁷¹ разработал другой проект, который вместе с сопроводительной запиской направил 9 мая Йодлю и Варлимонту⁷². Проект предусматривал новое ужесточение. Речь Лемана в сопроводительной записке опять-таки была слишком откровенной.

Леману не нравилось, что Гальдер хотел сохранить военное судопроизводство по крайней мере в тех случаях, когда войска не могли выяснить и «оправдать расстрелы».

Я, напротив, придерживаюсь мнения, которое разделяет также генерал Ешонек. Если мы уже однажды сделали этот шаг, его следует делать и впредь. Иначе существует опасность, что войска будут передавать в суд те дела, которые для них неудобны, и что таким образом [...] произойдёт обратное тому, к чему мы стремимся⁷³.

Начальники правовых отделов армии и авиации потребовали, чтобы в духе достижения требуемых мер вскоре опять было введено военное судопроизводство:

Меры, которые надлежит выполнять войскам, должны осуществляться войсками в процессе боевых действий и до первого умиротворения. Уже для этого времени

вполне вероятно, что офицеры будут гораздо менее строги, чем привыкшие к строгости при вынесении приговоров судьи. После прекращения боевых действий и в более спокойной обстановке войска вообще не должны более привлекаться к таким мероприятиям⁷⁴.

Если уже проект Мюллера стремился снабдить первый проект Лемана от 28 апреля «убедительными» для войск аргументами, чтобы обеспечить его выполнение, то во втором проекте Лемана эта тенденция стала ещё более заметна. Сам Леман сформулировал это гораздо лучше, чем написал в сопроводительной записке Йодлю и Варлимонту, сказав, что он «добавил преамбулу, которая должна сделать дело более привлекательным»⁷⁵. В этой преамбуле были заимствованы некоторые элементы из вступления Мюллера, но весьма характерно, что Леман полностью отказался от использованных Мюллером в качестве нового элемента идеологических оснований, так как он, очевидно, придерживался мнения, что войска должны обращать внимание скорее на «реальные» доводы, чем на типично национал-социалистские лозунги:

Дальнейшее расширение оперативного пространства на Востоке, форма предложенного для этого ведения войны и специфика противника ставят перед военными судами задачи, которые в процессе боевых действий и вплоть до первого умиротворения завоёванных областей они при их малом личном составе смогут решить только в том случае, если судопроизводство ограничится прежде всего своими главными задачами. А это возможно только тогда, когда *войска сами* будут безжалостно защищать себя от всякой угрозы со стороны гражданского населения противника⁷⁶.

Явным ужесточением является категорическое запрещение – «новое или только мною добавленное» – «сохранять подозреваемых в преступлениях ради того, чтобы затем предать их суду после восстановления судопроизводства...». Леман, как он писал Йодлю и Варлимонту, хотел этим помешать «попыткам переложить на суды ответственность за сомнительные деяния»⁷⁷. Это всего лишь оставляло войскам альтернативу – или расстрелять подозреваемого, или позволить ему бежать, и было предусмотрено, что в условиях ожесточения борьбы девиз должен гласить: «В сомнительных случаях действовать против обвиняемого». Здесь, как и в доводах Лемана относительно его преамбулы чётко видно, что в ОКВ всё же предполагали со стороны войск значительное сопротивление такому способу ведения войны и пытались устранить его, с одной стороны, благодаря искусным психологическим доводам, – прежде всего, апеллируя к необходимости защиты войск, – с другой – благодаря чётким формулировкам и запретам. Характерно, что разделительная линия прошла на этот раз уже не между ОКВ и ОКХ, но между ОКВ и ОКХ, с одной стороны, и армией, с другой.

После выхода этого проекта Лемана Варлимонт велел руководителю группы IV/Qu. отдела «L», подполковнику фон Типпельскирху разработать для подготовки решения сборник всех имеющихся проектов, в том числе докладную записку. 13 мая он представил эти документы, – вместе с докладной запиской по поводу приказа о комиссарах, – Йодлю в качестве материала для заключительного обсуждения плана «Барбаросса»⁷⁸, а последний передал их Кейтелю. Наконец, подписанный 13 мая Кейтелем окончательный вариант приказа лишь немногим отличался от последнего проекта Лемана.

Важнейшие положения выглядели теперь следующим образом⁷⁹:

Судопроизводство вермахта служит в первую очередь поддержанию дисциплины. [...] [Этому следует уже приведённая «преамбула» Лемана.]

I. *Рассмотрение преступлений, совершённых гражданскими лицами противника.*

1. Дела о преступлениях гражданских лиц противника следует изъять из ведения военных трибуналов и военно-полевых судов впредь до особых указаний.
2. Партизаны должны безжалостно уничтожаться войсками в бою или во время бегства⁸⁰.
3. Все прочие нападения гражданских лиц противника на вермахт, его личный состав и сопровождающих лиц также подавлять на месте с помощью войск самыми крайними средствами вплоть до уничтожения нападавшего.
4. Если эти меры не осуществлены или не могли быть осуществлены сразу, подозреваемые элементы должны быть немедленно доставлены к офицеру. Он решит – следует ли их расстрелять.

Против населённых пунктов, из которых совершаются коварные, вероломные нападения на вермахт, немедленно по распоряжению офицера в должности не ниже командира батальона применять коллективные меры насилия, если обстоятельства не позволяют быстро выявить конкретных виновных.

5. Категорически запрещается сохранять подозреваемых в преступлениях ради того, чтобы затем предать их суду после восстановления судопроизводства над местным населением.

[...] II. *Рассмотрение преступлений личного состава вермахта и сопровождающих лиц против жителей страны.*

1. Обязанности преследования за действия [...] совершаемые личным составом вермахта против лиц из гражданского населения противника, не существует, даже если такое действие является одновременно военным преступлением или проступком.

2. При оценке таких действий в любом случае следует учитывать, что крах в 1918 г., последующий период страданий немецкого народа и борьба против национал-социализма с бесчисленными кровавыми жертвами среди членов этого движения, были вызваны большевистским влиянием и что ни один немец этого не забыл⁸¹. [...]

3. Председатель судебного органа назначает судебное преследование за действия против жителей страны только в том случае, если это нужно для поддержания дисциплины или обеспечения безопасности войск. Это касается, например, тяжких преступлений, связанных с половой распущенностью, побегом из заключения, или проступков, несущих признаки угрозы одичания войск.

[...] III. *Ответственность войсковых командиров.*

Войсковые командиры в рамках своих полномочий несут личную ответственность за то, чтобы:

1. Все офицеры подчинённых им подразделений были своевременно и обстоятельно ознакомлены с принципами пункта I.
2. Их консультанты по правовым вопросам были своевременно информированы об этих указаниях и устных высказываниях, в которых командующим разъясняются политические намерения руководства.

3. Утверждались только те приговоры, которые соответствуют политическим намерениям руководства.

В целом заметно, что Леман и Варлимонт, исключив военное судопроизводство, придали проекту Мюллера большую жёсткость по содержанию и в смысле более эффективного контроля за исполнением. Необходимость поддержания в войсках дисциплины подчёркивалась значительно меньше по сравнению с проектом Мюллера⁸³.

Этот приказ также был немедленно направлен в войска после того, как Гальдер в своём приказе от 3 апреля довёл до сведения основные идеи этого урегулирования. На совещании у генерал-квартирмейстера 19 мая, в котором предположительно приняли участие начальники разведывательных отделов^{83а} армий и групп армий, руководитель правового отдела при генерале для особых поручений в ОКХ, старший советник военной юстиции Латман предложил проект нового урегулирования⁸⁴. На то, что и здесь со стороны ОКХ не было предпринято никаких попыток смягчить приказ так, как это, судя по его собственному высказыванию, с самого начала хотел сделать Гальдер, указывает подпись участника:

Военное судопроизводство по отношению к жителям страны следует упразднить. Только вооружённая борьба. Каждый партизан должен быть расстрелян. [...] Никакого возвращения к протестам. Коллективные карательные меры, например, против населённых пунктов, из которых стреляют. (Не сжигать, но расстрелять 30 человек)⁸⁵. [...] Возможны бесполезные жестокости (сначала борьба, затем – покой). [...] Преступления солдат против жителей страны следует наказывать только в том случае, если этого требуют интересы дисциплины. (Решающее значение имеет мотив, а именно, ожесточение против зверств противника)⁸⁶.

На основании этих данных в руководстве сухопутных сил должны были ожидать протестов со стороны отдельных войсковых командиров⁸⁷. Действительно, когда ОКХ передало письменный приказ от 24 мая командирам подразделений, к нему были добавлены пояснения фон Браухича, больше известные, как «дисциплинарный приказ»⁸⁸. В нём более чётко говорилось об обязанности начальников в интересах дисциплины «препятствовать своевольным выходкам отдельных военнослужащих». Новым было то, что предусматривались меньшие, нежели расстрел наказания, «например, временный арест при скудном содержании, оковы, привлечение к работам». Кроме того, подчёркивалось, что непосредственной задачей войск является война и что «особые сыскные акции и зачистки» в целом не являются делом армии. Итак, следует признать, что намерением ОКХ было не дать предвиденным негативным последствиям сказаться на воинской дисциплине, а тем самым и на структуре самой армии. Приказ Браухича предлагал солдатам, которые чувствовали себя обязанными следовать международным нормам ведения войны, определённую поддержку; однако, его *не следует* понимать как ограничение, ибо он ни в коем случае не мешал «политическим солдатам», которые больше не были в армии в меньшинстве, вести войну в варварском духе, и от которых национал-социалистское руководство ожидало устранения всех потенциальных противников на завоёванных восточных территориях и, как побочный результат, радикализации и ужесточения ведения войны, последствием чего стало бы вовлечение традиционных мыслящих солдат в войну на уничтожение.

О принципиальном изменении позиции руководства сухопутных сил нечего и говорить, исходя из «дисциплинарного приказа»: важнейшие отрывки при ближайшем рассмотрении оказываются переработанным вариантом тех положений из проекта Мюллера, от которых отказались Леман и Варлимонт и которые теперь частью дословно опять были приняты, в том числе положение, заявленное в приказе о комиссарах. То, что ограничительное действие «дисциплинарного приказа» зависело в первую очередь от намерений адресатов в войсковом командовании, самым ясным образом показывает официальное разъяснение, которое генерал Мюллер – как генерал для особых поручений при главнокомандующем сухопутными силами и представитель Браухича в этих вопросах – 11 июня 1941 г. дал в Варшаве начальникам разведывательных отделов и членам военных трибуналов отдельных армий:

Генерал-лейтенант Мюллер после оглашения [плана «Барбаросса»] сделал вывод, что на практике *правосознание и прочее* должно следовать за *военной необходимостью*.

Требуется следующее:

Возврат к старому военному праву; наше прежнее военное право было установлено только после мировой войны⁸⁹. Один из врагов должен остаться не у дел; носителей враждебной идеологии следует не сохранять, но уничтожать⁹⁰. Под понятие «партизан» подпадает любое гражданское лицо, которое или само чинит помехи немецкому вермахту, или призывает к этому других (например, подстрекатель, распространитель листовок, поджигатель, а также такие деяния, как невыполнение немецких распоряжений, разрушение путей сообщения, измена и т. д.)

[...] *Наказание*. Основное правило: немедленно, никакой отсрочки для ответных действий. В лёгких случаях и т. д. *отдельные лица* могут отделаться всего лишь побоями. Жестокость войны требует суровых наказаний. [...]

В сомнительных случаях достаточно одного лишь подозрения в совершении преступных действий. [...]

Не следует отказываться от *коллективных карательных мер* посредством поджога, расстрела группы людей или целого отряда, но не нужно и упиваться кровью. Не следует применять ненужные строгости, но только те, которые требуются для безопасности войск и быстрее умиротворения страны.

Относительно отдельных лиц *решение* принимает любой офицер, при коллективных карательных мерах – офицер рангом не ниже командующего батальоном.

Решения о *наказаниях за проступки или преступления отдельных солдат* против жителей страны принимает председатель судебной инстанции, а уже судебные или дисциплинарные – следует решать в каждом конкретном случае. Противоречащие его точке зрения предписания⁹¹ – подлежат отмене⁹².

Здесь также, как в докладе Латмана от 19 мая ограничительное указание на необходимость поддержания дисциплины в войсках отходит на второй план по сравнению с другими точками зрения. Напротив, в целом произошло ещё большее ужесточение, когда понятие «партизан» было столь расширено, что под него подпадал любой советский гражданин, который не подчинялся безусловно немецкой власти⁹³.

«Дисциплинарный приказ» также не устранил сомнения войсковых командиров в том, что план «Барбаросса» ставит под сомнение дисциплину в войсках, – причём сам этот аргумент мог служить формулой для принципиальных сомнений. Доку-

ментально засвидетельствованы протест главнокомандующего группой армий «Центр», генерал-фельдмаршала фон Бока⁹⁴, и предложение изменить приказ со стороны командующего подчинённой Боку 4-й армией генерал-фельдмаршала фон Клюге⁹⁵. Оба подчёркивали его опасность для дисциплины. Когда Бок ознакомился 4 июня с «дисциплинарным приказом» плана «Барбаросса», то возмущённо писал, что приказ даёт «каждому солдату право... расстрелять каждого русского, которого он примет, – или будет утверждать, что принял, – за партизана, в лицо или в спину». Он поручил начальнику своего штаба, генералу Грейфенбергу, потребовать у Браухича изменения приказа и, наконец, после того, как это ни к чему не привело, посредством повторного личного вмешательства 7 июня добился у главнокомандующего сухопутными силами уступки, чтобы преступления солдат против советских граждан рассматривались, как подлежащие военному трибуналу; при этом «соображения дисциплины должны были играть решающую роль». Приказ, мол, именно так и понимается фон Браухичем⁹⁶. Главнокомандующий сухопутными силами предоставил фон Боку свободу действий и своим замечанием, будто он понимает приказ точно также, как его хотел толковать фон Бок, по-видимому, пытался дистанцироваться от плана «Барбаросса». То, что это случилось только благодаря критике Бока, которая поставила его в неудобное положение, показывает как раз данное генералом Мюллером через четыре дня в Варшаве разъяснение, не дававшее никаких послаблений. Итак, главнокомандующий сухопутными силами был не готов своей властью предоставить уступку, которую он дал главнокомандующему группой армий «Центр», другим командующим группами армий и армий. Однако процесс вмешательства Бока показывает, каким неуверенным было руководство сухопутных сил в своей политике и чего мог добиться командир отдельного соединения, если он действовал уверенно. Сомнительным, правда, остаётся, какие практические результаты имело вмешательство фон Бока; по крайней мере три подчинённые фон Боку танковые группы, по-видимому, не исполняли соответствующие указания со стороны командования группы армий⁹⁷.

3. Приказ о комиссарах

Во время процесса над военными преступниками, в мемуарах немецких генералов, а также в историографии по странному стечению обстоятельств приказу о комиссарах⁹⁸ было уделено гораздо больше внимания, чем плану «Барбаросса» или ещё требующим рассмотрения приказам об обращении с советскими военнопленными, хотя последние привели к гораздо большему числу жертв. Тому есть ряд причин. В приказе о комиссарах устранение элементарнейшего положения международного права – «с военнопленными следует обращаться по человечески»⁹⁹ – выступает гораздо отчётливее, чем в других приказах. Он обрекал определённую группу личного состава вражеской армии¹⁰⁰ целиком, ещё до начала боевых действий, на уничтожение без суда и следствия. Приказ о комиссарах, незаконность которого оспаривалась во время процесса над военными преступниками в Нюрнберге и во время процесса по делу ОКВ¹⁰¹, стал символом вовлечения вермахта в национал-социалистскую политику уничтожения. Этот приказ оказался в центре внимания, поскольку

даже здесь обвиняемые и их защитники решительно отрицали вовлечение вермахта в политику уничтожения. Последовательно отрицалось как выполнение приказа, так и ответственность руководства вермахта и сухопутных сил в его разработке¹⁰².

Когда Гитлер сначала устно объявил в марте 1941 г. об этом планируемом им приказе, то он сразу же натолкнулся на сильнейшее внутреннее сопротивление со стороны всех присутствовавших генералов в силу их воинских и человеческих настроений. После того как все попытки генералов из ОКХ и ОКВ помешать изданию этого приказа Гитлера потерпели крах и приказ о комиссарах был некоторое время спустя издан в письменной форме, командующие группами армий и армиями либо вовсе не довели его до своих войск, либо своей властью установили порядок обхода этого приказа. Они сделали это с полным сознанием опасности строгого наказания за открытое неподчинение приказу верховного главнокомандующего в военное время. Приказ главнокомандующего сухопутными силами о поддержании дисциплины, изданный в связи с приказом о комиссарах, имел ожидаемый успех. Он дал командующим на фронте возможность поступать согласно их пониманию. Таким образом, военные руководители добились, что приказ о комиссарах в группах армий и в армиях в целом не выполнялся.

При этом между процессом по делу главных военных преступников и процессом по делу ОКВ выявилось различие, когда на процессе по делу ОКВ ответственность за этот приказ, – не считая, конечно, Гитлера, Гимmlера и Бормана, – была теперь приписана также Йодлю и прежде всего «слабовольному фельдмаршалу» Кейтелю.

Приказ о комиссарах представляется также непосредственным следствием прежде всего речи Гитлера от 30 марта 1941 г., в которой Гитлер сказал, что «комиссары и работники ГПУ являются преступниками и с ними надлежит обращаться как с таковыми»¹⁰³. Начальник отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта Варлимонт доказывал после войны, что в штабе оперативного руководства вермахта пытались предать намерения Гитлера забвению посредством «заговора молчания»¹⁰⁴. Достоверность этих доводов, однако, вызывает сомнение, поскольку Варлимонт применяет их также и в отношении плана «Барбаросса», где они совершенно очевидно не соответствуют истине. Тем не менее в пользу приведённых им доводов говорит тот факт, что в сохранившихся документах никаких доказательств инициативы со стороны отдела «L» не найдено. Итак, следует предположить, что решающая инициатива здесь принадлежала ОКХ, когда генерал Мюллер 6 мая направил Варлимонту в отдел «L» наряду с проектом плана «Барбаросса» проект «Директив об обращении с представителями политической власти»¹⁰⁵. Представленный ранее довод Гальдера, будто разработка этого проекта была осуществлена по приказу Кейтеля, не соответствует истине¹⁰⁶. Ясно, что Мюллер, даже если он и был «послушным Гитлеру» генералом, не мог действовать по собственной инициативе, но только по указанию Браухича, тем более что в проектах главнокомандующего сухопутными силами он выступает, как отдающая распоряжения инстанция. Ясно также, что после речи Гитлера от 30 марта Гальдер хотел инициировать приказ главнокомандующего сухопутными силами и ознакомился с проектами Мюллера ещё до того, как те были переданы «на согласование» Варлимонту. После доклада Мюллера и Латмана 6 мая Гальдер заметил:

- а) Приказ войскам в духе последней речи фюрера перед генералами. Во время восточной кампании войска должны вести идеологическую борьбу.
- б) Вопросы судопроизводства в зоне ответственности групп армий¹⁰⁷.

Объяснение Гальдера, будто он уже после речи Гитлера от 30 марта хотел побудить фон Браухича издать приказ, который бы помешал выполнению требований Гитлера, не убедительно¹⁰⁸. Итак, следует предположить, что под приказом, который Гальдер хотел побудить издать главнокомандующего сухопутными силами, он имел в виду приказ о комиссарах или план «Барбаросса», а то и оба этих приказа.

Проект, который Мюллер направил 6 мая Варлимонту¹⁰⁹, содержал в качестве проекта идеологически обоснованное вступление к плану «Барбаросса», которое в дополнение к речи Гитлера от 30 марта апеллировало прежде всего к потребности обеспечения безопасности войск:

Носители политической власти и руководители (комиссары) являются при нынешнем положении вещей страшной угрозой для безопасности войск [...], поскольку они всей своей прежней подстрекательской и разрушительной работой чётко и ясно доказали, насколько они чужды всякой европейской культуре, цивилизации, государственному устройству и порядку. Поэтому они должны быть устранены.

Офицер с помощью 2-х других офицеров или унтер-офицеров должен установить – является ли пленный комиссаром и следует ли его затем расстрелять.

Политические функции в войсках принадлежат политическим руководителям (комиссарам). Особое значение придаётся своевременному выявлению их среди пленных и уничтожению, ибо они в первую очередь могут продолжать среди пленных пропаганду¹¹⁰. По возможности их следует уничтожать на сборных пунктах военнопленных, самое позднее – в дулагах [пересыльных лагерях]. [...] *Они не должны считаться солдатами.* Постановления, касающиеся военнопленных, не должны на них распространяться...

Эвакуация в тыл взятых в плен представителей власти и комиссаров запрещается¹¹¹.

В зоне ответственности сухопутных сил *гражданских* комиссаров следовало передавать айнзацкомандам, а *войсковых* комиссаров – расстреливать на месте. О проводимых расстрелах требовалось докладывать в то или иное вышестоящее учреждение, чтобы осуществлять тем самым контроль за их исполнением.

Этим решением руководство сухопутных сил показало себя готовым поручить полевым войскам ликвидацию, – в зоне ответственности армии, – целой категории *политических* противников, причём не только во вражеской армии, но и в администрации и партийной организации противника. Это была «задача», которая прежде решалась только полицией безопасности Гейдриха и которая по соглашению между Гейдрихом и Вагнером уже и в тыловом районе сухопутных сил была возложена на айнзацгруппы. Основанием для ликвидации должна была служить не их враждебная позиция, но лишь положение комиссаров во вражеской государственной и политической системе. Приказ о комиссарах был таким образом 3-й частью комплекса приказов, которые ставили своей целью устранение всякого оппозиционного движения, могущего угрожать немецкому господству на Востоке. Айнзацгруппы имели задание систематически уничтожать строго определённые группы

советского населения: политическую и духовную элиту противника и, – что было провозглашено целью несколько позже, – еврейство, как «биологический корень» большевизма. Цель, которую преследовал план «Барбаросса», состояла в том, чтобы «разгрузить» айнзацгруппы и поручить вермахту устранение сил, которые своим активным или пассивным сопротивлением давали о себе знать, как о врагах немецкой власти.

Приказ о комиссарах передавал, наконец, вермахту ряд полномочий айнзацгрупп, касающихся части прифронтовой зоны и соответствующей части личного состава вражеской армии. Варлимонт, как он пишет в своих воспоминаниях, был «крайне поражён» тем, что ОКХ желает издать письменный приказ такого рода, и сделал пометку в сопроводительном письме Мюллера, что остаётся, мол, решить – «*нужен ли письменный приказ такого рода*»¹¹². Варлимонт трактует этот вопрос в свою пользу. Однако его можно понять и так, что Варлимонту просто не хотелось облекать в письменную, а потому доказуемую форму заведомо противозаконный приказ¹¹³.

До 12 мая фон Типпельскирх разработал для Варлимонта докладную записку¹¹⁴, которая смягчила предложения Мюллера только в том смысле, что гражданских комиссаров следовало расстреливать только тогда, когда они «оказывались виновными во враждебных действиях», а остальных оставлять невредимыми и по возможности ставить под контроль команд СД. Кроме того, было указано, что обращение с функционерами, «которые действуют против войск, чего и следует ожидать от радикальной части», уже определено планом «Барбаросса»¹¹⁵. Главное положение Варлимонт, правда, оставил: «*Войсковых комиссаров следует доставлять в пересыльные лагеря и ни в коем случае не эвакуировать в тыл*»¹¹⁶.

Варлимонт 13 мая представил эту докладную записку вместе с проектом Мюллера Кейтелю и Йодлю. Решение ещё не было принято. Йодль, который предоставил проект с примечаниями Гитлеру, сделал пометку: «*нужно ещё раз представить фюреру*». Одновременно он старался также найти для этого приказа убедительное – для войск! – обоснование:

Мы должны считаться с возмездием против немецких лётчиков, а потому лучше предпринять целую акцию, чем возмездие.

Это примечание Йодля показывает, что он ясно понимал, насколько эта «акция» противоречит международному праву, что он её поддерживал и что видел в ней не ограниченную карательную меру, которая должна побудить противника к изменению своих действий, но планомерную акцию по уничтожению политической элиты противника. Ещё более важно то, что благодаря этому примечанию видно, как Йодль и, конечно, Гитлер, оценивали *войсковое командование*: ибо они, собственно, не ожидали с его стороны, – в том числе и со стороны руководства сухопутными силами, которое уже продемонстрировало свою готовность к сотрудничеству, – существенного сопротивления. Решающим доказательством этого является то, что Йодль, – возможно, что Кейтель или Гитлер, не суть важно, – искали не пути и средства, могущие *заставить* выполнять приказ, как то соответствовало бы теории тоталитаризма, но искали аргументы, чтобы представить его выполнение в качестве *настоятельной необходимости*. Эта ситуация показывает также, насколько неуверенно чувствовало себя национал-социалистское руководство, а также руководство вермахта, в вопросе – до какой степени можно предъявлять требования войсковому командованию.

Когда было принято окончательное решение, точно установить нельзя. Изменения, которые в итоге были приняты в тексте приказа, указывают на то, что, как и в случае с приказом о военном судопроизводстве, речь шла прежде всего о том, чтобы найти доводы, которые годились бы для устранения человеческих или правовых сомнений в войсках. Йодль лично был занят тем, чтобы найти «самые лучшие» доводы¹¹⁷:

В борьбе против большевизма не следует считать, что враг будет вести себя в соответствии с принципами человечности и международного права. Особенно ненавистного, жестокого и бесчеловечного отношения с нашими пленными следует ожидать от политических комиссаров всех видов. Поэтому следует сразу и во всём объёме карать тех лиц, которые известны как носители и инициаторы этих известных азиатско-варварских методов, то есть политических комиссаров. Они представляют также ещё большую угрозу для безопасности наших войск и препятствуют умиротворению завоёванных областей.

Поэтому они должны быть устранены.

23 мая, вероятно, фон Типпельскирх представил основанный на предыдущем новый проект¹¹⁸. Этот проект был ещё раз переработан и, наконец, 6 июня направлен Варлимонтом в ОКХ и ОКЛ для препровождения в войска¹¹⁹.

В окончательном варианте аргументы Йодля были стилистически переработаны и включены в преамбулу:

В борьбе против большевизма не следует считать, что враг будет вести себя в соответствии с принципами человечности и международного права. Особенно ненавистного, жестокого и бесчеловечного отношения с нашими пленными следует ожидать от *политических комиссаров всех видов*, как главных инициаторов сопротивления. Войска должны сознавать, что:

1. В этой борьбе жалость и предупредительность к этим элементам согласно нормам международного права бессмысленны. Они представляют собой угрозу для самой безопасности и быстрого умиротворения завоёванных территорий.

2. Инициаторами варварских азиатских методов борьбы являются политические комиссары. Поэтому против них *тут же* и не откладывая следует принимать самые строгие меры. Так, если они будут схвачены во время *борьбы* или при *сопротивлении*, их следует принципиально *быстро* уничтожить при помощи оружия¹²⁰.

Деловые распоряжения по сравнению с предыдущим проектом были ужесточены в некоторых пунктах:

– Теперь следовало расстреливать гражданских комиссаров «всякого ранга и звания», «даже если они были только заподозрены в сопротивлении, саботаже или подстрекательстве».

– Контроль за ведущими себя лояльно *гражданскими* комиссарами должно осуществлять СД.

– *Войсковых* комиссаров следовало принципиально «быстро, то есть ещё на самом поле битвы выявлять [...] и уничтожать, причём не только на сборных пунктах военнопленных, но и с помощью тех самых войск, которые их захватили».

– При обращении с *гражданскими* комиссарами добавилось ещё приглашение к полному произволу, так как при решении вопроса – «виновен или не виновен» –

принципиальное значение придавалось личному впечатлению об убеждениях и позиции комиссара, чем, возможно, не особенно убедительным фактам.

Авторитетным лицам в ОКВ противоположность приказа была ясна с самого начала. Если здесь, в этом изложении Варлимонт и стоит на первом плане, то это не значит, что ему следует приписывать высшую степень ответственности за возникновение приказа о комиссарах. Ответственность в первую очередь ложится на Кейтеля и Йодля в ОКВ и на фон Браухича и Гальдера в ОКХ. Решение было намечено ещё за неделю до речи Гитлера от 30 марта, когда Кейтель и Йодль 3 марта, а Гальдер и Вагнер 17 марта беспрекословно приняли требования Гитлера, и окончательно принято, когда фон Браухич подписал достигнутое между Вагнером и Гейдрихом соглашение, которое передавало полевым войскам «ведение борьбы с антигосударственными и антиимперскими соединениями, входившими в состав вооружённых сил противника». Однако Варлимонт, равно как Леман в правовом отделе вермахта или Мюллер и Латман в ОКХ, был не просто исполнительным органом¹²¹. Все они старались так сформулировать приказ, чтобы войсковые командиры сочли его выполнение необходимым и чтобы у них не осталось места для умышленного непонимания. Они представили своим тогдашним начальникам оценки и соображения и тем самым оказали существенное содействие принятию решения.

Приказ о комиссарах 8 июня был разослан верховным командованием сухопутных сил в группы армий, армии и танковые группы, предназначенные для ведения войны на Востоке, после того, как его огласил 19 мая старший советник военной юстиции Латман¹²². В соответствии с характером приказа был установлен необычайно строгий порядок сохранения его в тайне: письменные экземпляры поступали только в штабы армий и выше, а на более низком уровне он распространялся лишь устно. Сопроводительная записка фон Браухича не устанавливала никаких существенных ограничений¹²³:

Предпосылкой для принятия мер против политического [то есть гражданского] комиссара следует считать тот факт, что он своим *особо заметным действием или поведением* выступает или намеревается выступить против германского вермахта.

[...]

Уничтожать политических комиссаров силами войск необходимо после их изоляции, *вне зоны боевых действий*, незаметно, *по приказу офицера*.

Первый абзац давал войсковым командирам относительную свободу принятия решения относительно того, как поступать с *гражданскими* комиссарами¹²⁴. Второй абзац формально шёл навстречу требованиям войсковых командиров о предотвращении подрыва дисциплины: расстрелы можно проводить только «по порядку» и «дисциплинированно»¹²⁵. Проведением «незаметного уничтожения вне зоны боевых действий своих войск» стремились избежать гласности казней и вытекающих из этого неблагоприятных политических последствий, а также контролируемого одичания армии. Кроме того, имело место стремление создать видимость чистоты мундира. Однако после всего сказанного вовлечение вермахта в национал-социалистскую политику уничтожения стало необратимым. Приказам был дан ход, и их стали выполнять¹²⁶.

4. «Директивы о поведении войск в России»

В качестве последнего приказа в этой связи следует упомянуть «Директивы о поведении войск в России»¹²⁷. Об их появлении ничего точно не известно, но и они, видимо, были разработаны в отделе «L» штаба оперативного руководства вермахта до 23 мая¹²⁸. Эти «директивы» в первых 2-х разделах представляют собой дополнение к плану «Барбаросса» и к приказу о комиссарах. Они должны были наставлять войска в том, как следует исполнять эти приказы:

- I. 1. *Большевизм является смертельным врагом национал-социалистского немецкого народа. Борьба Германии направлена против этого разлагающего мировоззрения и его носителей.*
2. *Эта борьба требует беспощадных и энергичных мер против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и устранения без остатка всякого активного и пассивного сопротивления.*
- II. 3. По отношению к личному составу *Красной Армии*, в том числе военнопленным, требуется крайняя сдержанность и высочайшая бдительность, так как есть основания рассчитывать на коварные методы борьбы. Особенно неприемлемыми, не поддающимися расчёту, коварными и бесчувственными являются *азиатские солдаты Красной Армии*.

Здесь ОКВ и ОКХ также, – как всегда с готовностью, – встали «на почву национал-социалистского мировоззрения» и создали обстановку «понимания» в отношении «работы» айнзацгрупп. Наиболее ясно это проявилось в том, что евреи здесь впервые в приказе вермахта с такой чёткостью объявлялись преступниками только из-за своей расовой принадлежности. В этом положении «директивы» сделали шаг ещё дальше, чем другие названные приказы.

5. Причины вовлечения вермахта в политику уничтожения

Когда читаешь план «Барбаросса» или приказ о комиссарах, то сразу же возникает вопрос, как руководство вермахта и сухопутных сил дошли до того, чтобы разработать такого рода приказ и ввести его в действие. При всей готовности к «военной жестокости» и пренебрежении «нормами гуманности» полное игнорирование принципов международного права всё же никогда не входило в традиции немецкой армии.

Распространённый тезис о том, будто эти приказы были навязаны Гитлером военному руководству вопреки его явному или тайному сопротивлению¹²⁹, включает предпосылку, что возможности для переговоров ответственных лиц в ОКВ и ОКХ весной 1941 года были, якобы, настолько ограничены, что попытки добиться отмены этих приказов были заранее обречены на неудачу. В действительности руководство вермахта и сухопутных сил благодаря своему отношению к национал-социалистской программе уничтожения в Польше осенью 1939 г. сознательно согласилось и с дальнейшей политикой национал-социалистского руководства, хотя настоящей необходимости в дальнейшей интеграции не было. Наряду с уже

упомянутым соглашением между Гейдрихом и Вагнером осенью 1939 г., которое урегулировало деятельность айнзацгрупп СС в Польше, существовал и другой прецедент. Совершённые айнзацгруппами и другими соединениями СС убийства рассматривались тогда войсковыми командирами, которые не были информированы о «задачах» айнзацгрупп, как единичные зверства. Некоторые командиры добились предания отдельных преступников военному трибуналу. В ответ на это 4 октября вышел тайный приказ Гитлера о помиловании, согласно которому преследованию не подлежали преступления, совершённые «из ожесточения, вызванного učinёнными поляками зверствами». А 7 октября 1939 г. Браухич издал директивы, согласно которым из амнистии исключались только те преступления, которые были совершены «преимущественно из корысти (напр. грабежи...) или эгоизма (при нарушении дисциплины)»¹³⁰.

По плану «Барбаросса» эта амнистия на том же основании распространялась на политически или якобы политически мотивированные преступления. В ОКХ такое урегулирование очевидно сочли нежелательным в сравнении с соответствующей формулой, включённой в проект Мюллера¹³¹. Наиболее весомым было в первую очередь намерение упредить возможные требования политического руководства, предоставить доказательства политической лояльности и этим упрочить своё собственное положение в национал-социалистском государстве вопреки конкурирующим группам – СС¹³² и руководству вермахта¹³³.

Эти прецеденты важны, но вывод о том, будто *непосредственное* вовлечение вермахта в политику уничтожения весной 1941 года было всего лишь очередной уступкой руководства сухопутных сил, сделанной под давлением национал-социалистского руководства и добровольно преданных ему генералов Кейтеля и Йодля, игравших ведущую роль в ОКВ, был бы слишком односторонним. Уже в 1939 г. позиция военного руководства ни в коем случае не была только пассивно-оборонительной в вопросе о действиях в Польше. В ОКВ эту политику по-видимому с самого начала поддерживали Кейтель и Йодль. Браухич также без особых возражений согласился с тем, чтобы СС в зоне ответственности сухопутных сил была предоставлена возможность «народного землеустройства», а его собственные права были существенно урезаны¹³⁴. Руководство сухопутных сил с самого начала пошло на то, чтобы в качестве альтернатив были названы не политика на уничтожение или оккупационная политика с соблюдением международных норм, но либо участие вермахта в истреблении, либо устранение его от этого. Итак, указанный выше вопрос следует ставить не так: «Какие возможности для переговоров ещё оставались у руководства сухопутных сил весной 1941 года?», но: «В какой мере руководство сухопутных сил было готово прекратить дальнейшее сопротивление и какими соображениями оно при этом руководствовалось?». Правильность этого вопроса подтвердится, если рассмотреть позицию Браухича, а также Гальдера в период до весны 1940 года.

На рубеже 1939–1940 гг. руководство сухопутных сил получило возможность, опираясь на возмущение, которое царило в войсковом командовании из-за обстановки в Польше¹³⁵, бороться за изменение польской политики и тем самым за расширение в значительной мере своих *ограниченных* возможностей. Однако вместо того чтобы воспользоваться этим шансом, главнокомандующий сухопутными силами постарался, «лавируя между опасностью высочайшей немилости, с одной сто-

роны, и протестами подчинённых ему командиров, с другой»¹³⁶, успокоить возмущение. Он не только избежал конфликта с Гиммлером, на котором в первую очередь лежала ответственность за убийства в Польше, хоть и имел, – даже по меркам Гиммлера, – на своей стороне отличные аргументы, но и дал Гиммлеру возможность в речи перед важнейшими военачальниками¹³⁷ привлечь их к «пониманию» политики уничтожения и «будущих задач» на Востоке. Этим он дезавуировал тех военачальников, которые выступали против политики убийств и дал понять, что подобные настроения не найдут поддержки в руководстве сухопутных сил. Позицию Браухича нельзя объяснить его неоднократно цитированной боязнью столкновения с Гитлером. Речь Гиммлера, посредством которой главнокомандующий сухопутными силами сделал важнейший шаг навстречу СС, – не потребовав ответной услуги! – и существенно сузил свои возможности, состоялась по собственной инициативе Браухича. При этом Браухич заботился не о том, чтобы посредством тактической уступки предоставить армии самостоятельность, но о привлечении тех войсковых командиров, которые выступали против польской политики: «дать высшим офицерам возможность рассмотреть дело также с точки зрения Гиммлера»¹³⁸.

Однако это дело интересно и с другой точки зрения. После того как фон Браухич дал знать о своём намерении пригласить Гиммлера выступить с лекцией¹³⁹, Гиммлер притворился оскорблённым критикой со стороны войсковых командиров и заставил себя просить. И, хотя Браухич имел со своей стороны достаточно поводов к жалобам, он согласился выступить в роли просителя. Однако и в последующем Гиммлер не раз давал ему понять, что он не желает забывать оскорбление. Только в конце июля 1941 г. он решил, что «восточные события прошлых лет должны быть окончательно забыты»¹⁴⁰. Ввиду того обстоятельства, что он не сделал фон Браухичу в польской политике никакой уступки и что руководство сухопутных сил для похода на Восток согласилось на такое расширение властных полномочий СС, какое в 1939 г. казалось ещё немыслимым, эта «уступка» Гиммлера выразительно подчеркнула победу, которую он одержал над соперниками в ОКХ.

На примере начальника генерального штаба Франца Гальдера¹⁴¹ ещё убедительнее, чем в случае с фон Браухичем видно, что тезис, будто позиция руководства сухопутных сил была принята только под давлением национал-социалистского руководства, не соответствует истине, ибо о его мотивах дают содержательную картину дневники Гроскурта. Исходя из них, можно найти исчерпывающее объяснение действиям руководства сухопутных сил относительно требуемого Гитлером идеологического ведения войны.

Гальдер, который с начала сентября 1939 г. был хорошо информирован о запланированных акциях уничтожения и их выполнении, как и фон Браухич отказался воспользоваться возмущениями по поводу убийств в Польше как поводом добиться изменения польской политики. По словам начальника отдела для особых поручений в ОКХ, майора генерального штаба Хельмута Гроскурта, одного из активистов военной оппозиции, Гальдер 13 января 1940 г. обосновал свою позицию следующим образом¹⁴²:

Он подтверждает необходимость борьбы с Англией, к которой мы были вынуждены и которая всё равно неминуема. Он видит ряд крупных возможностей для успеха. После успеха армия станет столь сильной, что сможет одержать верх сама

по себе. Однако что происходит при заедании он не говорит чётко. В СС он не видит серьёзной угрозы. Мол, каждый человек в армии тут же будет стрелять в них и попадать. [...] Он не видит оснований для бунта, ибо войска ещё верят в фюрера. [...] Он осуждает всех людей, которые думают о путче, но не едины во мнении, борются друг с другом и, являясь по большей части всего лишь реакционерами, хотят повернуть вспять колесо истории. [...] Он неоднократно подчёркивал, что всё ещё продолжается революция и ничего нельзя уступить из священных для нас традиций¹⁴³. Затем следует благожелательное наставление о нецелесообразности моей поездки на Запад. Не нужно загружать фронт ненужными проблемами.

Первый мотив Гальдер ещё более чётко назвал в начале декабря в разговоре с начальником управления военной экономики и вооружения в ОКВ, генералом Томасом:

Нужно дать Гитлеру ещё этот последний шанс освободить немецкий народ из рабских оков английского капитала¹⁴⁴.

Итак, следует заключить, что Гальдер разделял эту внешнеполитическую цель Гитлера и потому заранее примирился с нарушением нейтралитета Бельгии и Нидерландов. Во внутривнутриполитической сфере также заметно было определённое сходство: возврат к «реакционным» отношениям до 1933 г. – то ли к империи, то ли к «системному времени» – не стоял для Гальдера на повестке дня. Внутренняя структура национал-социалистического государства, созданная в результате «революции» 1933 г., – ещё не законченная в полной мере, – в принципе его устраивала. Это, конечно, не относится к «недостаткам»: СС, безусловно, следовало устранить, равно как и пороки партийной системы, – представления, поразительно напоминавшие воззрения Бека в 1938 г.: «за фюрера»¹⁴⁵, но против СС и власти партийных бонз»¹⁴⁶. Принципиальное расхождение между Гальдером и группой Бека, Остера и Хасселя проявилось в оценке убийств в Польше. В то время, как последние видели в них решающее доказательство того, что теперь пришла пора действовать, для Гальдера события в Польше были некрасивым, но лишь побочным явлением всё ещё продолжавшейся «национальной революции». Недовольство не должно было подвергнуть опасности достижение поставленных в ходе войны целей и установление немецкой гегемонии на континенте вместе с инкорпорацией Польши; войска и дальше должны были сплочённо противостоять внешним врагам. Поэтому Гальдер и дальше стремился замалчивать инциденты в Польше. Даже после ознакомления с известной докладной запиской главнокомандующего группой армий «Восток», генерал-полковника Бласковица, и сообщением военного коменданта в Кракове, генерала Улекса, а также «уничтожающим докладом» специально откомандированного от ОКХ для расследования положения вещей офицера Гальдер заявил 13 февраля 1940 г. адмиралу Канарису, что «события в Польше позже забудутся, да и вообще они вовсе не так уж и плохи»¹⁴⁷. Крупная военная победа, предстоящая по мысли Гальдера, имела для него решающее значение¹⁴⁸. Ибо после неё положение Германии в Европе станет неоспоримым, а заодно и положение армии, которая главным образом и завоевала эту победу. Упрочившееся благодаря этому положение армии позволит консолидировать достигнутое как на внешней арене, так и внутри страны. А затем уже настанет время свести счёты с партией и СС; но до этого времени ни в коем случае нельзя ставить под сомнение положение армии

посредством «капповского путча», то есть путча без всякой надежды на успех¹⁴⁹. Точно так же положение армии в национал-социалистском государстве не могло умалиться из-за того, что руководство сухопутных сил показало себя «идеологически ненадёжным» и его обошли другие структуры. Уже поэтому руководство сухопутных сил было не готово оказать решительное сопротивление требуемым от него акциям уничтожения.

Политика руководства сухопутных сил проявила себя как продолжение описанной Клаусом-Юргеном Мюллером «институционально-охранительной политики»¹⁵⁰ согласно изменившимся условиям. Дальнейшее исключение Гитлером в 1937–1938 гг.¹⁵¹ консервативных союзников по 1933 г. и противоречия по поводу объявления войны и похода на Запад, а также связанное с ними растущее недовольство социальной политикой со стороны старой элиты сделали явным «консервативное непонимание» и настолько сузили общественную опору, что для некоторых представителей руководства сухопутными силами на первый план всё отчётливее выступала необходимость корректировки системы¹⁵². Речь теперь шла о том, чтобы выждать удобный момент, а до тех пор укреплять собственную позицию и расширять её где только можно – чтобы благодаря этому «переплюнуть» соперников (Клаус-Юрген Мюллер). После блестящих военных побед между весной 1940 и поздней осенью 1941 гг. и связанным с ними новым сближением между Гитлером и генералитетом вопрос о перевороте, правда, отошёл на задний план и снова ожил только после Сталинграда.

Очевидно, что в основе «институционально-охранительной политики», как и в основе её нового варианта лежала грубейшая ошибка¹⁵³. Даже если исходить из ошибочного предположения, будто сплочённое групповое согласие в духе руководства сухопутных сил ещё существовало в армии, то эта политика предполагала, что армия в целом осуществит интеграцию в национал-социалистскую идеологию точно в том же масштабе, в каком это совершило руководство сухопутных сил. Это означало, что нужно было узнать и в армии, где это приспособление было тактикой, а где происходило от безграничного убеждения – что таким образом и армия принимала условия, которые ставили перед собой возглавлявшие армию офицеры, хоть и с индивидуальными различиями. Уже последние предвоенные годы показали, что было невозможно

сохранить сплочёнными собственные ряды, и тем самым сберечь силу духовной и структурной однородности, тем более что эта однородность уже стала разрушаться в важнейших своих элементах¹⁵⁴.

Процесс распада группового согласия в армии, – который и так протекал быстрыми темпами из-за раздувания офицерского корпуса в рамках развития власти вермахта, прежде всего по причине принятия руководителями полиции и СА, – подвергся дальнейшему ускорению с началом втягивания вермахта в национал-социалистскую политику уничтожения во время польской кампании. Отказ руководства сухопутных сил поддержать тех войсковых командиров, которые как раз ссылались на это групповое согласие и протестовали против убийств в Польше, знаменовал собой чрезвычайно важный этап. Войсковые командиры, которые хотели и впредь выступать против программы «народного землеустройства», – это, очевидно, касается лишь небольшой части генералитета, – знали теперь, что могут

делать это лишь под собственную ответственность и не найдут при этом поддержки в руководстве сухопутных сил.

Полудобровольное втягивание руководства сухопутных сил в политику истребления в Польше не мешало к тому же возвышению соперничавших с ними СС. Не только соединение «Мёртвая Голова» и полицейские войска, которые были инструментами этой политики, но и «ваффен-СС», которые в качестве полноценных войск представляли собой образец для «политических солдат» и были таким образом конкурентами действующей армии, повысили темпы своей экспансии. Роль, которую ОКВ и ОКХ уступили теперь СС в войне на Востоке, способствовала ускорению этого процесса.

В расчётах руководства сухопутных сил это, конечно, не было предусмотрено именно так. Восточная кампания должна была привести к ещё более впечатляющей молниеносной победе, чем предыдущие кампании¹⁵⁵. Тем самым следовало переоценить силу армии, которая была в состоянии произвести внутри себя реформы, считавшиеся необходимыми¹⁵⁶. До этого момента верили, что, демонстрируя идеологическую лояльность, смогут тем самым если не расширить, то укрепить собственную позицию. Проекты Мюллера относительно плана «Барбаросса» и приказа о комиссарах являются тому чёткими примерами, – при этом возникает вопрос, насколько руководство сухопутных сил считало необходимыми подобные приказы в связи с особым характером этой кампании¹⁵⁷. Меры по уничтожению, предусмотренные для войны на Востоке, очевидно, рассматривались как грязная работа, которую приходилось брать на себя ради собственного будущего.

Возникли ли такие расчёты у руководства сухопутных сил, сомнительно по уже названным причинам, – несмотря даже на то, сыграл ли бы Советский Союз ту роль, которая была ему отведена планировщиками из ОКВ и ОКХ. Намерение доказать значимость собственной позиции в национал-социалистском государстве путём добровольного сотрудничества при планировании «политического» ведения войны на Востоке также заметно по позиции руководства вермахта. Осуществлённая по ряду положений радикализация проектов ОКХ в штабе оперативного руководства вермахта не в последнюю очередь соответствовала намерению штаба перещеголять тем самым своих соперников в ОКХ и выглядеть «более решительными» национал-социалистами. Это проявилось, к примеру, в том, что приказ о комиссарах, который согласно проекту ОКХ должен был отдать главнокомандующий сухопутными силами, был отдан ОКВ от своего имени. В случае с планом «Барбаросса» ОКВ опять аналогичным образом выступило против фон Браухича, который сам хотел отдать этот приказ¹⁵⁸.

Профильные баталии между отдельными ведомствами, как то между руководствами вермахта и сухопутных сил или между руководством сухопутных сил и СС, – достаточно и 2-х примеров, – оказались таким образом очень важным фактором для радикализации ведения войны¹⁵⁹. Для всех участников речь шла о том, чтобы обеспечить себе лучшую исходную позицию в борьбе за то, кто будет играть решающую роль при образовании грядущей «Великой Германской Империи».

То, что руководство сухопутных сил в 1941 г. было готово к существенно большим уступкам, чем в 1939 г., не в последнюю очередь зависело от значительного изменения перспектив на будущее в промежутке между этими годами. То, что

Гитлер предусмотрел в 1937 г. на период с 1943 до 1945 гг. – создание стратегических предпосылок для решения «проблемы жизненного пространства» – было достигнуто уже летом 1940 г. Впечатляющая молниеносная победа над Францией доказала ошибочность точки зрения тех скептиков, которые в 1939 г. предостерегали от наступления на Западе: не только тогдашнего начальника генерального штаба Бека, доверенные лица которого – адмирал Канарис, Остер и Гроскурт – решительнее всех выступали за государственный переворот, но и фон Браухича и Гальдера¹⁶⁰, а также большинства командующих группами армий и армиями¹⁶¹. Если они и так уже находились в заведомо психологически проигрышном положении по отношению к Гитлеру¹⁶², то успехи в Югославии, Греции и Северной Африке весной 1941 г., казалось, ещё раз убедительно доказали правильность гитлеровских прогнозов и непобедимость немецкого вермахта. Будущие перспективы на рубеже 1939/1940 гг. для большей части генералитета были отмечены неуверенностью и не исключали возможности нового немецкого поражения. Теперь же казалось, что будущее в любом случае принадлежит Германии. Континентальная Европа под немецкой гегемонией, немецкая колониальная империя на Востоке, новые немецкие победы, возможность сделать карьеру в доблестной армии – таковы были реальные перспективы в 1940/1941 гг., а не капитуляция Германии в 1945 г.¹⁶³ После неожиданно быстрой победы над Францией ожидалась такая же быстрая победа над Советским Союзом, который считался с военной точки зрения более слабым противником, чем Франция, – в этом у немецкого военного руководства не было никаких сомнений. «Компеньский поворот» показал также генералам, которые в 1939 г. выступали против польской политики, что будущее, кажется, на стороне национал-социалистского руководства, и по крайней мере некоторые из них стремились теперь доказать свою верность линии партии. В качестве примера этому следует назвать генерал-полковника Кюхлера; так, во время польской кампании Кюхлер, тогда генерал артиллерии и командующий 3-й армией, потребовал от ОКХ использовать в другом месте приданные ему части СС из-за учинённых ими убийств евреев, заявив, что они, мол, являются «позором для армии»¹⁶⁴. Однако уже в августе 1940 г. он, став, между тем, генерал-полковником и командующим 18-й армией, отдал приказ, который образцово демонстрирует приспособляемость к изменившимся условиям¹⁶⁵:

Я прошу [...] действовать так, чтобы каждый солдат армии, особенно офицер, воздерживался от критики проводимой в генерал-губернаторстве народной борьбы, например, по поводу обращения с польскими меньшинствами, евреями и церковными деятелями. Народная борьба, уже столетиями бушующая на восточной границе, требует для окончательного народного решения одноразовых, строго проводимых мер. Определённым соединениям партии и государства поручено проведение этой народной борьбы. Поэтому солдат должен держаться в стороне от этих заданий, возложенных на другие соединения. Ему запрещается вмешиваться в эти задания со своей критикой.

Тезис о важности «институционально-охранительной политики» для вовлечения вермахта в национал-социалистскую политику, связанный с указанием на последствия межведомственной борьбы, предлагает вполне убедительное объяснение политики руководства вермахта и сухопутных сил. Это объяснение недостаточно

само по себе, так как иначе возникло бы впечатление, – ложное! – будто руководство вермахта и сухопутных сил принципиально и решительно отказалось от целей национал-социалистского руководства, и их политику в сущности следует объяснять *лишь* тактическим отступлением перед требованиями национал-социалистского руководства. Тем самым полностью игнорировался бы действительный масштаб идеологической идентичности интересов политического руководства, военной правящей верхушки и войскового командования. Однако качественный скачок, который начался соучастием (в преступлениях) в случае с Польшей и завершился совместной виной в случае с Советским Союзом, можно понять только в том случае, если принять к сведению также идеологическое совпадение, которое в борьбе с Советским Союзом было несравнимо больше, чем в борьбе с Польшей.

Это идеологическое совпадение включало в себя ряд компонентов. В связи с упомянутым изменением будущих перспектив нужно помнить о том, что генералитету цель захвата восточных территорий была близка с самого начала¹⁶⁶. При этом не следует считать, будто генералитет был склонен к гитлеровским планам уже в 1933 г. Его высказывания по этому поводу представляли собой грубый набросок, в который могли войти различные цели. Устранение «коридора», обретение вновь Верхней Силезии, присоединение других польских областей, аннексия прибалтийских государств, создание немецкой продовольственной базы на Украине, приобретение территорий для поселения в лучших областях СССР: аннексионные цели немецких политиков первой мировой войны, желания пересмотреть её итоги в Веймарскую эпоху¹⁶⁷, территории для поселений фанатиков «крови и земли» – всё было поднято в этом наброске. Как раз неопределённость целей способствовала в итоге интеграции генералитета¹⁶⁸, причём масштаб военных успехов повышал готовность стремиться ко всё более далекому идущим целям. То, что даже в 1941 г. планы Гитлера еще не были признаны правильными или, что они были переформулированы более правильно в соответствии с собственными «консервативными» целями и предполагаемым в будущем более сильным влиянием руководства сухопутных сил, ясно из цитированного уже приказа Гальдера от 3 апреля 1941 г. об осуществлении немецкого господства в Советском Союзе.

Однако если допускают, что в 1941 г. подавляющая часть генералитета приветствовала цель создания Германской Восточной Империи или воспринимала её только как уже установившуюся данность, – и это можно сделать на мой взгляд¹⁶⁹, – то отсюда следует, что для обеспечения этой формы господства нужно было устранить и политические правящие элиты. В каком масштабе это признавалось необходимым, и какие оговорки делались при этом в отношении проведения – не имеет большого значения. Принципиальное решение о том, что «на Востоке ... жестокость будет милосердием для будущего»¹⁷⁰, следовало принять в силу необходимости¹⁷¹.

Это было тем легче, что объединяющие факторы – «жизненное пространство» и «собственное будущее», – которые уже сыграли свою роль в случае с Польшей, в случае с Советским Союзом были усилены с помощью несравненно более сильного фактора – «антибольшевизма». В отличие от польского государства советское было в первую очередь не *национальным*, но *социальным* врагом. Привлекательность концепции Гитлера для войны на Востоке в самой решающей части заклю-

чалось в том, что он, выбрав объектом агрессии «еврейский большевизм», объявил единым врагом те вражеские группы, борьба с которыми с конца эпохи Бисмарка служила в немецкой внутренней политике объединяющим мотивом, – евреев и социалистов¹⁷². Уравняв понятия «евреи» и «большевики», можно было побудить, по крайней мере к пассивному участию в истреблении евреев, даже те группы, которые обычно были чужды «вульгарному» антисемитизму Штрейхера. Если принятие «народного землеустройства» и его настойчивая защита со стороны военачальников были возможны уже в случае с Польшей, – которую в офицерском корпусе явно считали европейским культурным государством, в отличие от Советского Союза, – то сколько препятствий устранялось, когда речь шла о борьбе с «заклятым врагом» рейха и всякого буржуазного строя.

большевизмом и международным еврейством, разлагающее влияние которого мы достаточно ощутили на теле собственного народа¹⁷³.

Готовность игнорировать нормы закона в отношении социал-демократов и коммунистов руководство рейхсвера проявляло с самого начала национал-социалистской эпохи. Уже в феврале 1933 г. возглавлявший тогда министерство рейхсвера полковник фон Рейхенау, передавая дела своему преемнику в должности министра фон Бломбергу, распорядился:

Гниль в государстве должна быть уничтожена, а это возможно только с помощью террора. Партия примет решительные меры против марксизма. Задача вермахта: винтовку к ноге. Никакой поддержки, если преследуемые будут искать убежища в армии¹⁷⁴.

От такого заявления тогда, возможно, ещё считавшегося слишком радикальным офицера до приказа о комиссарах и введения отбора расово и политически «нежелательных лиц» в лагерях для военнопленных, по крайней мере для части военного руководства, был всего один шаг. Мнение о том, что, мол, коммунисты, а также социал-демократы уже сами по себе являются заслуживающими смерти преступниками, было широко распространено в кругах рейхсвера, среди правой буржуазии и в высших кругах общества. Так, когда руководство рейхсвера оказало важную охранную помощь при ликвидации руководства СА в 1934 г.¹⁷⁵, то сделало это также потому, что увидело шанс устранить не только грозного конкурента, но и, прежде всего, «большевистский элемент» в национал-социалистском движении¹⁷⁶. Эта позиция не ограничивалась периодом консолидации режима против мнимых опасностей слева, целью была ликвидация левых движений вообще. Этому соответствовало то, что в мае 1936 г. согласно отданному по инициативе фон Бломберга приказу Кейтеля о политически ненадёжных солдатах при их увольнении следовало докладывать в гестапо¹⁷⁷. Когда в сентябре 1938 г. вермахт вступил в Судетскую область, тайная полевая полиция вермахта (ГФП) спорила с айнзац-группами СД по поводу того, кто отвечает за «устранение немецких коммунистов в судетско-немецкой области»¹⁷⁸.

Как далеко зашла готовность руководства вермахта и сухопутных сил к активному сотрудничеству в «борьбе с противником» уже в 1940 г., показывает тайный приказ, который был разослан в армии при их вступлении во Францию:

Пленные немцы рейха (в том числе присоединённых к рейху территорий) и чешские граждане, поскольку они считаются гражданами германского рейха, после уста-

новления их личности подлежат расстрелу, так как речь идет об эмигрантах. Приведение приговора в исполнение должно осуществляться в пунктах сбора пленных¹⁷⁹.

Под «эмигрантами» понимались в первую очередь левые противники режима, но в любом случае *политические* противники. Это был также первый раз, когда части действующей армии, – не тайная военная полиция, – должны были взяться за ликвидацию *политических* противников. Таким образом этот приказ следует с полным основанием считать предшественником приказа о комиссарах.

План «Барбаросса» и приказ о комиссарах оказываются таким образом, – конечно не обязательно, – результатом развития вермахта в национал-социалистском государстве. Болезненный страх перед большевиками, который офицерский корпус разделял вместе со средними и высшими слоями, и который сыграл решающую роль в заключении союза между консерваторами и национал-социализмом в 1933 г., привёл теперь руководство вермахта и сухопутных сил к своему конечному результату.

Анализ причин и развития этого болезненного страха перед большевиками и стереотипа, сложившегося в отношении Советского Союза – тема отдельной работы. Если попытаться дать примерную оценку причин, то сначала следовало бы назвать советскую Октябрьскую революцию, о которой, конечно, в основном было известно из публикаций консервативной и народной прессы. Более конкретным было переживание революционных боёв сразу после первой мировой войны, которые большая часть молодых тогда офицеров, – а это были те, которые заняли в 1939 г. командные и штабные должности¹⁸⁰, – пережила в качестве бойцов добровольческих войск. Как раз добровольческие бои, – прежде всего в Прибалтике, но также и в Германии, – оказались во многом примером для войны на Востоке. Тогда возникли не только «политические солдаты»; истребление большевизма, – путём более или менее бессистемной ликвидации всех схваченных коммунистов, в том числе тех, кого только считали коммунистами, – и установление немецкого господства на Востоке также содержалось в программе добровольческого корпуса¹⁸¹. Такие события, как коллективизация советского сельского хозяйства с её варварскими последствиями и сталинские «чистки» 30-х годов, – особенно их пропагандистская обработка в национал-социалистской прессе и литературе, – также оказали большое содействие закреплению маниакального образа кровавого красного комиссара.

«Комиссары русских хорошо известны; их следует быстро выводить из строя», – заявил офицер абвера^{181а} разведотдела участкового штаба «Восточная Пруссия» (группа армий «Север») 16 июня 1941 г. на совещании с начальниками разведывательных отделов и директорами тайной полевой полиции вермахта тылового района группы армий «Север» в Эльбинге¹⁸². Комиссары, конечно, были «хорошо известны» почти только из национал-социалистской прессы и мемуарной литературы добровольцев. Весьма показательны то, что в сохранившихся документах ведомств, которые участвовали в разработке приказа о комиссарах, не сохранилось ни одной заметки, по которой можно было бы сделать вывод, что старались получить достоверный портрет комиссара¹⁸³. Военное руководство, конечно, было точно также не заинтересовано в этом, как и политическое. Даже если представления руководства сухопутных сил по поводу формы немецкого господства на Востоке и отличались от представлений национал-социалистского руководства в отдельных

деталей, то по крайней мере в одной цели они были единомышленны: результаты революции 1917 г. следовало полностью устранить, а советский коммунизм – уничтожить¹⁸⁴. Как национал-социалистское руководство, так и руководство сухопутных сил и вермахта считали устранение войсковых и гражданских комиссаров безусловно необходимым, ибо те без обиняков считались воплощением всего злого в коммунизме¹⁸⁵. Боялись, что именно они организуют сопротивление против немецкого господства на Востоке и, – что, возможно, ещё хуже, – агитацию среди немецкого населения, создав тем самым угрозу «народному фронту» и окончательный крах общественного «статус кво»¹⁸⁶, – катастрофа ноября 1918 г. была ещё слишком свежа. «Преступные приказы» ни в коем случае не зывали, как рассуждает Мессершмидт по поводу плана «Барбаросса», к низменным инстинктам¹⁸⁷. Гораздо важнее было то, что они требовали особой самоотверженности и готовности к жертвам, подобно речи Гитлера от 30 марта, которая сделала возможной жертву во имя собственного народа при отбрасывании собственных сомнений, которая признавала «суровость по отношению к себе» добродетелью, если эта «суровость» помогала преодолеть решающие моральные сомнения. Такой самоотверженности и готовности к жертвам уже была присуща возможность злоупотребления, а значит и вовлечения в национал-социалистскую политику уничтожения.

6. Значение этого комплекса приказов

Значение этих приказов было совершенно ясно понято уже некоторыми современниками. Ульрих фон Хассель чётко сформулировал их, когда 16 июня 1941 г. – за неделю до вторжения – записал, что во время повторной беседы с Попицем, Гёрделером, Беком и Остером снова обсуждался вопрос:

не достаточно ли дошедших ныне до военачальников, но пока ещё не отданных приказов относительно грубого, не контролируемого более образа действий войск против большевизма при вторжении в Россию, чтобы открыть военному руководству глаза о духе режима, за который они сражаются. Но пришли к выводу, что и в этом случае надеяться не на что. Браухич и Гальдер уже поддались на уловку Гитлера переложить на армию вину за массовые убийства, которая до сих пор целиком лежала только на плечах СС. Взяв на себя ответственность, они путём ряда ничуть не отличающихся друг от друга, но кажущихся блестящими доводов (о необходимости поддержания дисциплины и т. д.) вовлекли в это дело себя и других. – Безнадёжные фельдфебели!¹⁸⁸

Приговор Хасселя очень чётко показывает, какая пропасть отделяла в это время его и группу Бека от Гальдера. При этом следует заметить, что фон Хассель и группа Бека были такими же непримиримыми противниками коммунизма, как и военное руководство, но в отличие от последнего считали себя не готовыми использовать в этой борьбе любые средства.

После отдачи приказа о комиссарах и прочих приказов этой группы стало уже практически ясно, что их придётся исполнять и дальше. С утверждением Варлимонта, будто отданная им редакция приказа оставляла ещё командирам на фронте достаточную свободу действий¹⁸⁹, нельзя согласиться. Пожалуй, можно было бы

уклониться от его выполнения, если бы командующие 3-х групп армий отказались от дальнейшей передачи приказа. Но как только приказ был спущен в подчинённые им армии и армейские корпуса, возможность помешать его выполнению миновала. Это было ещё возможно только там, где командир имел тесный контакт с *ограниченным* кругом подчинённых и был гарантирован от доноса, то есть занимал очень низкий пост. После распространения приказа в полках, как это засвидетельствовано для всех 3-х групп армий¹⁹⁰, число соучастников возросло, а тем самым возросли и возможности следить за выполнением приказа фюрера со стороны националистически мыслящих солдат.

Выдвинутый Варлимонтон, а также Гальдером и другими тезис о том, будто саботаж «преступного приказа» был возможен и в целом осуществлён благодаря молчаливой договорённости офицерского корпуса, основан на предпосылке о существовании в офицерском корпусе нейтрального в отношении национал-социализма группового согласия. О таком групповом согласии, якобы основанном на традиционных представлениях о рыцарском ведении войны, заявляли в Нюрнберге обвиняемые генералы. О нём же постоянно говорилось в послевоенной мемуарной литературе. Существуют убедительные примеры того, что в узких кругах такое согласие действительно существовало¹⁹¹. Однако в целом в офицерском корпусе после 1934 г. такое согласие более не существовало¹⁹². Единственным лозунгом «политических солдат», уже не являвшихся в 1941 г. меньшинством, было: «Фюрер приказал, мы выполняем!». Руководство вермахта и сухопутных сил слишком долго воспитывало вермахт в этом духе, чтобы это осталось без последствий¹⁹³. Руководство сухопутных сил своим отказом воспользоваться недовольством в военной элите по поводу убийств в Польше, чтобы добиться изменения польской политики, само внесло дальнейший вклад в разрушение этой групповой морали, ибо недовольство событиями в Польше как раз и было последним проблеском этой ещё сохранившейся морали.

Браухич и Гальдер не могли также рассчитывать на то, что преданные старым традициям командиры будут игнорировать эти приказы, ибо они очень хорошо знали, что в войсках даже самые принципиальные члены партии выступали ревнителями идеологической верности убеждениям. Правда, формально членство в партии во время военной службы не имело места и руководство сухопутных сил старалось не допустить здесь введения *официальных* партийных информационных и кассационных инстанций. Однако оно не могло помешать тому, чтобы *фактически* возник такой путь, по которому партийная канцелярия могла бы узнавать об отклонениях от нового, национал-социалистского группового согласия¹⁹⁴.

При этом руководство сухопутных сил решительно способствовало тому, чтобы возможности действий войскового руководства, равно как и его собственные возможности и дальше сужались. В ретроспективе это выглядит как дальнейший, очень важный шаг в самоослаблении вермахта. Собственный вклад руководства вермахта и сухопутных сил в этот процесс, который находится в столь удивительном противоречии с внешне возросшим положением вермахта, тем более бросается в глаза, когда во время периода планирования и первого этапа войны на Востоке руководство сухопутных сил и вермахта пользовалось у Гитлера высоким почётом. Весьма сомнительно – рискнул ли бы Гитлер *в этот момент* настоять на

идеологизации войны на Востоке таким образом или *принудить* вермахт к ещё большему участию в преследовании этой цели вопреки воле руководства вермахта и сухопутных сил¹⁹⁵.

Руководство вермахта и сухопутных сил было готово ради сохранения и упрочения собственного положения, а также в расчёте на укрепление будущих позиций принимать всё более и более активное участие в политике истребления. Этим велась рискованная игра в расчёте на будущее, которая должна была уравнивать армию и вермахт в целом с СС – если и так уже не произошло слияния вермахта и СС¹⁹⁶. В победной уверенности весны 1941 года это хотели рассматривать, как краткий негативный период, через который следовало пройти, ибо верили, что после него можно будет рассчитывать на то, что победоносная армия овладеет ситуацией. Оглядываясь назад, можно утверждать, что руководство сухопутных сил оказалось в положении игрока, который для того, чтобы добиться победы, поставил на последнюю карту всё, даже основной капитал. Неудача немецкого наступления в 1941 г. была равнозначна неудаче этого расчёта – армия до самого краха оказалась связана с национал-социалистской политикой уничтожения.

Проследив процесс вовлечения вермахта в политику уничтожения на Востоке, следует утверждать, что во время этого процесса вовлечения, между февралём и июлем 1941 г., цели были ещё более радикализированы. Если в начале Гитлер и Геринг говорили «только» о том, что следует устранить «большевистских вождей» и «еврейско-большевистскую интеллигенцию», то затем, согласно приказу о комиссарах следовало уже уничтожить всех партийных функционеров, а согласно плану «Барбаросса» – всех, которые окажут сопротивление в какой угодно форме. В июле среди советских военнопленных должны были быть уничтожены также все евреи и вся «советская интеллигенция», а также все те, которые с точки зрения немецкого руководства в силу своей расы или образования представляли потенциальную угрозу для немецкого господства¹⁹⁷. С февраля круг жертв увеличивался прямо в геометрической прогрессии. Далее следует поставить вопрос – какие последствия имело столь быстрое и непрерывное вовлечение вермахта в политику уничтожения на Востоке¹⁹⁸.

IV. ПЛАНИРОВАНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗАВОЁВАННЫХ ЗЕМЕЛЬ

В историографии о войне на Востоке и в мемуарной литературе смерть от голода в первые 12 месяцев войны более 2-х миллионов советских военнопленных, – насколько об этом вообще имеются сведения, – обычно без дальнейшей проверки «плохой организации содержания военнопленных», объясняется невозможностью прокормить такое количество военнопленных и влиянием перебоев со снабжением на русском фронте осенью 1941 г.¹ В связи с этим необходимо установить, какие экономические планы существовали для восточных территорий и как вермахт предполагал решить проблему снабжения ожидавшихся военнопленных.

1. Военно-экономический штаб «Восток»

Осенью 1940 г. Гитлер поручил Герингу заняться подготовкой планирования экономического использования советских земель. Это была задача в духе Геринга, которую он в последующем осуществил с большой энергией.

В ноябре 1940 г. он поставил перед начальником управления военной экономики и вооружения в ОКВ, генералом пехоты Георгом Томасом, задачу разработать исследование об экономических результатах военной кампании. Томас уже в августе, – то есть ещё до того, как Гитлер дал Герингу поручение! – по собственной инициативе собрал в управлении военной экономики и вооружения «специалистов по России» для исследования экономических аспектов войны на Востоке и создал из них в начале января 1941 г. рабочий штаб «Россия»². Начальником штаба, в который с самого начала входили специалисты из частной экономики, был генерал авиации доктор Вильгельм Шуберт, позже возглавивший военно-экономический штаб «Восток» – организацию по использованию ресурсов на Востоке³. Этот рабочий штаб «Россия» подготовил для Томаса материалы для обширного исследования, которое он 13 февраля представил Герингу⁴. Его первая часть, которая в связи с этим весьма важна для нас, содержит данные о возможных сельскохозяйственных трофеях: излишки зерна на территории европейской части Советского Союза оценивались в 2,5–3 млн. т. Количество зерна на центральных складах на случай неурожая составляло 4,2 млн. т. Кроме того, имелись резервы зерна в отдельных колхозах.

Томас пришёл к следующим выводам:

Хоть и неизвестно, удастся ли спасти от уничтожения МТС [машинно-тракторные станции] и большую часть запасов, и если даже в лучшем случае, – из-за превратностей войны, – можно будет надеяться на 70% урожая, то и тогда следует принять

во внимание то обстоятельство, что русский человек привык приравнивать свои потребности к плохому урожаю и что при населении в 160 млн. чел. даже *небольшое снижение* норм выдачи высвободит большие массы зерна. При таких условиях есть возможность покрыть *потребность* Германии в дополнительных средствах на 1941 г.⁵

Разработка Томаса была расценена как попытка указанием на недостаточный в долгосрочной перспективе немецкий потенциал повлиять на наступательные планы⁶. В конкретной ситуации это указание оказало лишь незначительное влияние: в штабе оперативного руководства вермахта, равно как и в генеральном штабе сухопутных сил рассчитывали на молниеносную войну, посредством которой как раз и должна была расширяться немецкая сырьевая база. Более важны были оценки Томаса относительно возможных сельскохозяйственных трофеев, которыегодились для того, чтобы безмерно увеличить аппетиты, которые и без того имело национал-социалистское руководство, и укрепить его в намерении напасть на СССР. Это имело тем большее значение, что когда ситуация с продовольствием в Германии летом 1940 г. ухудшилась, это привело к признакам недовольства в рабочей среде⁷. Однако, несмотря на это, поражает, с каким цинизмом Томас рассуждал о том, что «русский» при более низком (почти на 30%) урожае и уничтожении существенной части припасов будет способен на дальнейшее «небольшое снижение» норм выдачи⁸.

Результатом этого исследования было то, что Геринг 26 февраля 1941 г. поручил Томасу представить проект организации экономического использования подлежащих завоеванию территорий. Это привело 29 апреля 1941 г. к созданию военно-экономического штаба особого назначения «Ольденбург», – в последующем он был преобразован в военно-экономический штаб «Восток»⁹.

Планы по использованию запасов продовольствия советских земель были составлены только в начале мая, то есть довольно поздно. 2 мая начальник военно-экономического штаба «Ольденбург» генерал доктор Шуберт провёл совещание со статс-секретарями различных министерств по поводу целей, которых следовало достигнуть на советской территории. В результате было записано:

1. Войну можно продолжать и дальше, если весь вермахт на 3-м году войны [т. е. в 1941/1942 г.] будет обеспечен продовольствием из России.
2. При этом несомненно, что несколько миллионов людей в России умрёт от голода, если необходимое для нас продовольствие будет вывезено из страны.
3. Самым важным является уборка и вывоз масличных культур и жмыхов¹⁰, и только потом зерна. Имеющиеся сало и мясо будут по-видимому использованы войсками¹¹.

Следуя этой основной мысли, группа сельского хозяйства военно-экономического штаба «Восток» представила 23 мая «Военно-политические директивы для военно-экономической организации «Восток», группы сельского хозяйства»¹². Этот продукт штаба министерских чиновников и национал-социалистских, а также «неполитических» экспертов по сельскому хозяйству тем более замечателен, что высказанные в нём с удивительным откровением требования имеют много общего с разработанным несколько позже расовыми фанатиками Гиммлера генеральным планом «Восток». Они, равно как и принятые 2 мая на совещании статс-секретарей директивы, дополняли основанные на расовой идеологии планы экономическими

соображениями, которые наряду со специфически национал-социалистскими мыслями содержали в себе также идеи в духе старых традиций¹³.

Здесь также следует отметить радикализацию взглядов по сравнению с прежними планами. Так, на совещании статс-секретарей 2 мая снабжение всего вермахта за счёт России было названо целью, а теперь – всего лишь «минимальной целью»¹⁴. Для этого надо было бы реквизировать для вермахта по крайней мере 1 млн. т. зерна, 1,2–1,5 млн. т овса, 475 000 т мяса и 100 000 т жиров:

*Кроме того, было необходимо обеспечить максимально возможное количество поставок в Германию 3-х различных видов продовольствия – масличных культур, зерна и мяса*¹⁵.

«Ключевым моментом» этих планов было снижение рационов для населения с 250 до 220 кг зерна на человека в год – средние арифметические показатели для всех подлежащих завоеванию земель, которые по большей части, как показывают следующие цитаты, следовало ещё более уменьшены¹⁶. Одновременно должны были быть снижены размеры фуража для лошадей на 25%. Подсчитано, что дополнительно добытое таким образом зерно вместе с ранее вывезенным из СССР зерном составило бы 8,7 млн. т. Снижение потребления возможно было на основе территориального разобщения районов с избытком и недостатком сельскохозяйственных продуктов:

*Следствием этого явилось бы прекращение снабжения всей лесной зоны, включая крупные промышленные центры – Москву и Петербург*¹⁷.

Это привело бы к деурбанизации и деиндустриализации:

Иными словами: *Это означало бы возврат к структуре 1909/1913 гг. или даже 1900/1902 гг.*¹⁸ [...]

Из этого положения, которое нашло одобрение высших инстанций, ибо оно было созвучно с их политическими взглядами (сохранение Малороссии, Кавказа, балтийских провинций, Белороссии за счёт отеснения Великороссии), можно сделать следующие выводы:

Заинтересованности *Германии* в сохранении производительных сил этих областей [то есть лесной зоны], кроме обеспечения снабжения расположенных там войск, не существует.

Население этих областей, особенно население городов, должно будет испытывать жестокий голод. Речь пойдёт о том, чтобы вытеснить это население на территорию Сибири. Поскольку о железнодорожном транспорте не может быть и речи, то и эту проблему решить будет чрезвычайно сложно¹⁹.

Поголовье скота для вывоза в Германию также следовало учесть прежде, чем население получит возможность забить его для своих нужд. Гитлер потребовал опять увеличить до осени (1941 г.) мясные рационы, что было возможно «только при ещё большем вывозе скота из России»²⁰.

Страшные последствия этого плана ясно видны исходя из следующего:

Многие десятки миллионов людей в этом регионе [то есть в лесной области и промышленных городах Севера] станут лишними и либо умрут, либо будут вынуждены переселиться в Сибирь. *Попытки спасти там население от голода путём изъятия излишков из чернозёмной зоны могут быть осуществлены только за счёт ограничения снабжения продовольствием Европы. Однако это ослабило бы военный*

потенциал Германии, а также способность Германии и Европы противостоять блокаде. В этом должна быть абсолютная ясность.

Была поставлена задача «опять вовлечь Россию в Европу на основе распределения труда»²¹.

Эта аргументация не была «чисто» национал-социалистской, ибо она не нашла своего отражения в расовой теории, но зато мотивировалась в основном насилием. Упоминание о Европе делалось скорее из консервативных ожиданий, что Европа будто бы надеется на освобождение Западной Европы от большевизма и «азиатского нашествия» под гегемонией Германии. Основанная на насилии мысль натравить белорусов и литовцев против великороссов и проявить тем самым «заботливое отношение» к ним, также была несовместима с расовой догмой²². Решающим было то, что составители этих планов соглашались также с тем, что «многие десятки миллионов людей» должны будут умереть от голода.

Выраженные в этих директивах мысли вошли в «Директивы для экономики на недавно оккупированных восточных территориях», больше известные как «Зелёная карта», которые в большом количестве были розданы 1 июня полевым частям и дивизиям²³. Самое жестокое и откровенное выражение они нашли в изданных статс-секретарём имперского министерства продовольствия Баке «12 заповедях относительно поведения немцев на Востоке и об обращении с русским населением», которые стали основными указаниями для руководителей районных управлений сельского хозяйства. 11-я «заповедь» гласила:

Бедность, голод и недостаток русский человек терпит уже столетиями. Его желудок гибок, поэтому никакого ложного сочувствия. Не пытайтесь немецкий уровень жизни брать за образец и менять русский образ жизни²⁴.

2. Ведомство Розенберга

Важная роль в «преобразованиях» советских земель на этом этапе отводилась гитлеровскому «эксперту по России» Альфреду Розенбергу, хотя вскоре выяснилось, что он намного уступал своим конкурентам²⁵. На этой ранней фазе планирования взгляды Розенберга играли, однако, существенную роль в формировании суждений Гитлера²⁶.

Если Розенберг в своих докладных записках²⁷ и не занимался детально вопросами экономического использования восточных территорий, то прекрасно известно, что результаты, вытекавшие из планов военно-экономического штаба «Восток», он считал политически желанными. Его целью было «долгосрочное ослабление Великороссии»²⁸ – эвфемистическое выражение для тех планов истребления, которые только приблизительно нашли своё варварское воплощение в жизнь в 1941–1944 гг.

В речи перед своими ближайшими сотрудниками, – за 2 дня до нападения, – он обобщил основные направления будущей политики²⁹: «На Западе Германия вне опасности, а на Востоке свободна для любых действий и всего, что пожелает фюрер». Советский Союз более не является *субъектом* европейской политики, но «благодаря силе германского вермахта ... стал *объектом* немецкой мировой политики». Поэтому стало возможным «принимать *принципиальные* решения»:

Задача обеспечения продовольствием немецкого населения в эти годы безусловно стоит во главе германских требований на Востоке. Южные области и Северный Кавказ должны внести свой вклад в дело снабжения немецкого народа. Мы вовсе не обязуемся кормить из этих богатых хлебом областей русский народ. Мы знаем, что это суровая необходимость, стоящая вне всяких чувств. Без сомнения будет необходима очень большая эвакуация, и русским, конечно, предстоит пережить очень тяжёлые годы³⁰.

Эти высказывания показывают, что Розенберг, который позже благодаря усилиям некоторых сотрудников своего министерства полудобровольно поддерживал менее догматическую политику на Востоке, тогда безусловно выступал за самые крайние целевые установки.

3. ОКВ и ОКХ

По аналогии с директивами военно-экономического штаба «Восток» ОКВ и ОКХ после совещания с генералом Томасом также издали директивы, которые предусматривали снабжение войск исключительно за счёт советских территорий, а значит и использование страны для улучшения продовольственного снабжения Германии³¹. Наиболее чётко *долгосрочная* целевая установка находит своё выражение в исследовании, в котором отдел генерал-квартирмейстера сухопутных сил дал оберквартирмейстерам армий директивы о дальнейшем снабжении вермахта за счёт оккупированных территорий³². Для облегчения снабжения «при проведении операций следовало использовать хозяйственные мощности страны так быстро, как только возможно согласно плану». Необходимо создать «большие продовольственные зоны», где «на самой широкой основе при использовании оборудования, припасов и рабочей силы страны» должны быть конфискованы продукты питания, замена для одежды и другие материалы вплоть до трофейного оружия и амуниции. При этом должен соблюдаться принцип:

Снабжение операций при беспощадной эксплуатации страны, с сохранением только тех запасов, которые возможны и нужны для последующего хозяйственного использования (напр. посевное зерно, тракторы, молодой скот).

При этом «большие продовольственные зоны», которые были уже намечены для территорий вокруг Грозного и Баку на Юге и вокруг Горького и Тамбова к востоку от Москвы³³, имели «решающее значение» не только для проведения операций, – с целью разрушить ещё остававшиеся советские промышленные области к востоку от этих территорий, – но и «образовывали существенные источники для последующего снабжения родины».

О последствиях, которые после осуществления этих целей будут иметь место для мирного населения данных территорий, в этих директивах ничего не говорилось. Однако это было единственным существенным отличием от уже упомянутых планов; эксплуатационные цели и здесь, и там были одинаковы.

От исследования Томаса относительно «директив» группы сельского хозяйства военно-экономического штаба «Восток» до планов Гитлера, Гимmlера и Розенберга заметна последовательность, которая, правда, уже у Томаса *de facto* не исключала

вовлечение в планы уничтожения национал-социалистской верхушки. Из имеющейся в оценке положения Томаса возможности голодной смерти в «директивах» был выведен бесспорный вывод, который был принят из политических соображений. В национал-социалистском руководстве увидели в этом удобный шанс приблизить желанное из расовых и политических соображений сокращение советского населения на несколько десятков миллионов, чтобы, как писал Розенберг³⁴, «на ближайшее столетие освободить немецкий народ от чудовищного давления со стороны 180 млн. человек». Осуществление планов национал-социалистской верхушки по уничтожению выходит на свет благодаря тому, что в управлении 4-хлетним планом Геринга, имперском министерстве продовольствия, военно-экономическом штабе «Восток», а также в управлении военной экономики и вооружения в ОКВ и отделе генерал-квартирмейстера сухопутных сил была подготовлена особая категория чиновников, обязанностью которых было учитывать смерть «многих десятков миллионов человек», – не в последнюю очередь для того, чтобы поддержать «моральный дух» на родине и этим обеспечить также общественное *статус кво*³⁵.

Из описанных здесь планов вполне понятно, что на вопрос о причинах массовой смертности советских военнопленных в первые 12 месяцев после начала наступления можно ответить только приняв во внимание планы по эксплуатации и их *предвиденные* последствия.

V. ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ ПО ОБРАЩЕНИЮ С ВОЕННОПЛЕННЫМИ СОГЛАСНО ПЛАНУ «БАРБАРОССА»

Разработанные с июля 1940 г. в ОКВ и ОКХ оперативные планы против советской армии предусматривали молниеносное наступление быстро продвигавшимися танковыми клиньями и последующее окружение крупных частей Красной Армии. Поскольку уже с самого начала операции следовало рассчитывать на огромное число военнопленных, то анализ организационной подготовки обращения с ними приобретает повышенный интерес среди военного руководства.

Ответственность за вопросы, связанные с военнопленными, была разделена между ОКВ и ОКХ. В прифронтовой зоне сухопутных сил и в зоне ответственности германской военной миссии в Румынии, то есть в так называемой «зоне ответственности ОКХ», ответственность за эти вопросы нёс военно-административный отдел генерал-квартирмейстера сухопутных сил. В деловом отношении ему подчинялись окружные коменданты по делам военнопленных, находившиеся в подчинении командующих тыловыми районами отдельных армий, в основном старшие офицеры в чине полковника. Им, в свою очередь, в деловом отношении подчинялись коменданты пересыльных лагерей военнопленных («дулагов») и армейских пунктов сбора военнопленных («AGSSt»), – в служебном отношении последние подчинялись охранным дивизиям в тыловых районах сухопутных сил и командующим армиями¹.

В так называемой «зоне ответственности ОКВ», которая охватывала территорию рейха с присоединёнными областями, генерал-губернаторство и районы командующих войсками «Остланда», «Украины» и «Норвегии», ответственность лежала на отделе по делам военнопленных – с 1 января 1942 г. – на начальнике службы по делам военнопленных – в общем управлении ОКВ. «Стационарные лагеря для рядовых военнопленных» («шталаги») в отдельных корпусных округах^{1а} подчинялись соответствующему «начальнику службы содержания военнопленных в корпусном округе...» Он, а также кадровый состав лагеря и используемые в качестве охраны стрелковые батальоны охраны тылов в служебном, административно-техническом и дисциплинарном отношении подчинялись начальнику вооружения сухопутных сил и командующему армией резерва, генерал-полковнику Фридриху Фромму. Однако *специальные* указания по делам военнопленных исходили исключительно из отдела по делам военнопленных в ОКВ и, соответственно, от начальника службы по делам военнопленных в ОКВ².

Насколько отдел по делам военнопленных в ОКВ имел формальное право давать указания генерал-квартирмейстеру сухопутных сил по *прифронтовой* зоне, неясно; фактически же генерал-квартирмейстер сухопутных сил принимал директи-

вы, а начальник общего управления вермахта, генерал-лейтенант Рейнеке проводил совещания с представителями органов службы по делам военнопленных в зоне ответственности ОКХ и давал им указания³.

1. Приготовления в ОКВ

а) Отдел по делам военнопленных в общем управлении ОКВ

Начальником отдела по делам военнопленных в общем управлении ОКВ с 1939 по 31 декабря 1941 г. был подполковник Ганс-Йоахим Брейер⁴. Его полномочия в этой должности были сравнительно невелики; компетенция Брейера была в сущности ограничена пленными из западных государств, на которых распространялись условия «нормальной войны» и обращение с которыми в целом регулировалось соответствующей служебной инструкцией (HDv 38/2), а тем самым соответствовало нормам Женевской конвенции о военнопленных 1929 г. Приказы по всем важным случаям, касавшимся советских военнопленных, а это были по большей части отклонения от норм международного военного права, как правило, подписывались начальником общего управления, генерал-лейтенантом Германом Рейнеке⁵. Это не изменилось и тогда, когда 1 января 1942 г. отдел по делам военнопленных был преобразован в учреждение под названием «начальник службы по делам военнопленных в ОКВ», получившее нового начальника в лице полковника Ганса фон Гревеница⁶. И даже когда Гревениц был замещён 1 апреля 1944 г. полковником Адольфом Вестгофом⁷, всё осталось по прежнему. Только когда после 20 июля 1944 г. Гиммлер в рамках перестановки кадров в вермахте получил в сентябре 1944 г. контроль над важнейшими отделами службы по делам военнопленных, Рейнеке лишился большей части своих полномочий в этой сфере⁸. Однако на протяжении большей части войны он являлся в военном руководстве ключевой фигурой по обращению с военнопленными⁹. Генерал Рейнеке наряду с Кейтелем, Йодлем, шеф-адъютантом вермахта при Гитлере, генерал-лейтенантом Рудольфом Шмундтом, начальником военно-исторического отдела в ОКВ, генерал-майором Вальтером Шерфом и начальником управления кадров, генералом пехоты Вильгельмом Бургдорфом, принадлежал к «послушным орудиям Гитлера» в ОКВ¹⁰. «Маленький Кейтель», как его прозвали противники в ОКВ¹¹, олицетворял собой тип «партийного генерала». Самое позднее с 1938 г. он ратовал за воспитание вермахта в духе национал-социализма и за создание «политического солдата», то есть солдата, который должен воплощать в жизнь принципы национал-социализма, который благодаря воинской присяге был бы связан не только с личностью фюрера, но также с его делами и убеждениями, от которого требовалось безусловное одобрение национал-социализма и безусловное подчинение всем установкам и мероприятиям внешней и внутренней политики¹². То, что среди высказанных установок не была исключена также «борьба против еврейства», показывают изданные отделом имперских территорий общего управления «Курсы по обучению основам национал-социалистского мировоззрения и национал-социалистских целей», которые уже в 1939 г. пропагандировали «2 большие и важные цели» и готовили время, когда последний еврей покинет территорию Германии:

1. Искоренение всех проявлений еврейского влияния, прежде всего в экономике и духовной жизни.
2. Борьба против мирового еврейства, которое пытается натравить на Германию все народы мира¹³.

Следующий этим установкам солдат являлся тем самым типом солдата, в котором нуждался Гитлер для идеологической войны на Востоке. После этого не вызывает удивления тот факт, что Рейнеке ратовал также за тесное сотрудничество между вермахтом и СС¹⁴, следствием чего было то, что 22 декабря 1943 г. его назначили начальником новообразованного национал-социалистского руководящего штаба в ОКВ, которому принадлежало руководство работой национал-социалистских высших офицеров (НСФО)¹⁵, а также то обстоятельство, что он присутствовал на открытом процессе против участников восстания 20 июля в качестве заседателя со стороны Фрайслера¹⁶.

б) Проникновение национал-социалистской идеологии в ведомство по делам военнопленных до 1941 г.

Избранная высшим военным руководством политика в отношении советских военнопленных, если её рассматривать изолированно от политики ОКВ в отношении пленных других национальностей, во многом должна казаться результатом того, что Гитлер и его помощники – Геринг, Гиммлер и Борман – будто бы застигли армию врасплох. До сих пор не принималось во внимание, что именно при содействии ОКВ и ОКХ среди военнопленных различных вражеских государств с самого начала войны была установлена чёткая иерархия различных прав и гарантий¹⁷. Это не могло произойти только под влиянием постоянного давления со стороны Гитлера, так как уже поверхностный взгляд показывает постоянный, проходящий ряд ступеней процесс дифференциации, который был бы невозможен при отсутствии заинтересованности со стороны задействованных ведомств.

При этом решающими критериями для расположения пленных внутри созданной шкалы рангов было, с одной стороны, их место в национал-социалистской расовой иерархии, с другой – расчёт на возможные репрессии против немецких пленных в тюрьмах соответствующих вражеских государств при ограниченных возможностях контроля со стороны Международного Комитета Красного Креста или представителей государств-гарантов. В отношении советских военнопленных эти расчёты *изначально* исключались немецким руководством¹⁸. обстоятельное исследование этой всё более сегментированной в военные годы и постоянно изменявшейся иерархии было бы очень интересно, но здесь придётся ограничиться лишь несколькими штрихами.

Во главе иерархии стояли англичане, а позже наряду с ними также американцы. Важным при этом было то, что Гитлер долгое время питал надежду привлечь на свою сторону Англию, которую рассматривал, как естественного союзника Германии. К этому добавлялось ещё то, что в Англии находилось большое количество немецких пленных, прежде всего пилотов и моряков, что при плохом обращении с английскими пленными, – а это стало бы известно благодаря контролю со стороны представителей Международного Комитета Красного Креста, – привело бы в отношении их к репрессиям. Вследствие этого положения Женевской конвенции

по отношению к ним по крайней мере в первые годы войны соблюдались, как правило, довольно чётко, причём лагеря регулярно инспектировались представителями Международного Комитета Красного Креста¹⁹.

Меньшими правами пользовались пленные тех государств, которые оказались под властью нацистской Германии. Что касается пленных из западноевропейских государств и Норвегии, то здесь ещё были возможны инспекции Международного Комитета Красного Креста и представителей государств-гарантов согласно Женевской конвенции о военнопленных²⁰. Однако это не было эффективным средством давления на нацистскую Германию в отношении репрессий. Среди бельгийских пленных по политическим причинам лучше обращались с фламандцами. Они могли оставаться в Бельгии и отчасти довольно быстро освобождались из плена, тогда как валлонов отправляли на работу в Германию²¹. Для французов была ограничена деятельность вспомогательных обществ²², а бельгийских и французских унтер-офицеров насильно заставляли в 1942 г. работать²³, что в соответствии с Женевской конвенцией о военнопленных можно было делать только на добровольной основе.

Ниже их в шкале пленных находились пленные из Юго-Восточной Европы. Они также были разделены на этнические группы, чтобы можно было натравливать эти группы друг на друга. Уже несколько дней спустя после нападения на Югославию и Грецию, вышел приказ ОКВ, в котором, – согласно пожеланию Гитлера, – указывалось, что «с греческой армией ... следует обращаться исключительно хорошо, а с сербскими офицерами – исключительно плохо»²⁴. Кроме того, югославские пленные должны были использоваться в военной промышленности и на «вспомогательных службах для наших войск», что было строго запрещено не только Женевской конвенцией о военнопленных, но и её предшественницей – Гагской конвенцией о ведении сухопутной войны 1909 г.²⁵ Греки, сербы и хорваты, равно как и поляки, стоявшие к этому времени на самой низшей ступени иерархии, получали лишь около 2/3 заработной платы западных пленных, которая соответствовала требованиям Женевской конвенции²⁶. Сербь подвергались ещё большей дискриминации: Они не могли быть представлены государством-гарантом²⁷ и, когда позднее медицинский персонал среди военнопленных других национальностей получил льготы, – а англичане даже право получать посылки в неограниченном количестве, – сербы и советские военнопленные были лишены и этих льгот²⁸.

На самой низшей ступени иерархии до нападения на Советский Союз находились польские военнопленные. По мнению ведомства иностранных дел, Польша после своего поражения перестала существовать как субъект международного права. Поэтому мандат Швеции, как государства-гаранта, был признан утратившим силу²⁹. Далее, из этого делался вывод, что в отношении поляков можно применять только отдельные части Женевской конвенции о военнопленных, которые не являются условием существования государства, что привело к ликвидации важнейших прав пленных. Так, например, установленные Женевской конвенцией о военнопленных военные суды по делам о преступлениях пленных были заменены чрезвычайными судами. Пленные по большей части были освобождены, – из-за чего согласно Женевской конвенции они лишались всякой защиты, – и были вынуждены подписывать трудовые договоры, после чего становились бесправными рабами³⁰ и подвергались гиммлеровскому «обращению с иноземцами»³¹. Среди

польских военнопленных особой дискриминации с самого начала подвергались евреи. Унтер-офицеры и рядовые формально были освобождены из плена и доставлены в Польшу в гетто, где они вскоре в ходе «окончательного решения» были уничтожены. Офицеров поместили в офицерских лагерях в гетто³². Позднее относительно советских военнопленных между отделом по делам военнопленных в ОКВ и РСХА было заключено соглашение, согласно которому военнопленных по заявке полиции безопасности формально освобождали из отдела по делам военнопленных и передавали для ликвидации в гестапо³³.

Всё это было явным нарушением Женевской конвенции о военнопленных, причём не только отдельных её положений: статья 4-я Женевской конвенции запрещает какие-либо различия в обращении с военнопленными за исключением чётко определённых льгот. Здесь особенно чётко бросается в глаза тот факт, что полномочные лица в ОКВ и ОКХ совершенно не заботились о соблюдении международных правовых обязательств даже тогда, которые те, в отличие от обязательств в отношении Советского Союза, были совершенно ясны. То, что Польша и Югославия подписали и ратифицировали Женевскую конвенцию, было нелицеприятным фактом. Пока был возможен контроль со стороны третьих лиц, с ними обращались терпимо³⁴. В остальном же, представляется, не было никаких препятствий для проведения национал-социалистской расовой политики. То, что евреи среди английских и американских пленников испытывали сравнительно меньшие тяготы³⁵, объясняется тем, что очень явно сознавалась опасность ответных репрессий. Это ясно видно из приказа отдела по делам военнопленных от декабря 1941 г., в котором указывалось, что к военнопленным в соответствии с Женевской конвенцией о военнопленных следует применять только армейский военно-процессуальный кодекс, после того, как в отдельных лагерях были применены отличные от него наказания. Они, согласно приказу,

являются рискованными ввиду возможных ответных действий в отношении немецких пленников во вражеских странах и, если только речь не идёт о советских и польских военнопленных, не должны более применяться³⁶.

Для вермахта в проводимой им политике данное исключение означало ещё один шаг на пути к политике уничтожения советских военнопленных. Пренебрежение нормами Женевской конвенции, которое проявилось в готовности «отпускать» пленников еврейской национальности в СС и создавать в подконтрольных вермахту лагерях гетто для пленников польских и французских евреев, подготовило отбор «политически нежелательных» советских пленников и их передачу для уничтожения айнзацкомандам полиции безопасности³⁷.

Военное руководство в ОКВ и ОКХ своим добровольным сотрудничеством при разработке иерархии военнопленных само себя поставило в положение, логическим следствием которого являлось активное участие в нацистской политике уничтожения на Востоке, совершенно игнорируя тот факт, что в этом случае готовность к такому сотрудничеству и так была существенно выше.

в) Организационные приготовления

В то время, как для описания развития комплекса «преступных приказов» имеются довольно хорошие источники, материалов для анализа планирования

обращения с советскими военнопленными по вопросам эвакуации, размещения, использования на работах, питания, обращения в узком смысле слова, в период с января по июнь 1941 г. сохранилось очень мало³⁸. Но и те немногие сохранившиеся источники дают возможность представить картину в общих чертах.

На процессе по делу ОКВ генерал Рейнеке утверждал, будто начальник ОКВ Кейтель сообщил ему примерно в мае 1941 г. о возможной войне против Советского Союза и в соответствии с этим обязал его дать распоряжение об обучении штабов лагерей военнопленных и о подготовке лагерей на востоке Германии. При этом Кейтель запретил возводить какие-то постройки; подготовительные мероприятия должны были проводиться только на учебных полигонах. Впрочем, о самом факте нападения Рейнеке якобы узнал только 22 июня 1941 г.³⁹

Напротив, из других источников видно, что подготовка к строительству лагерей военнопленных началась по меньшей мере в середине апреля 1941 г. и что в среднем звене в это время уже было известно, что с советскими военнопленными следовало обращаться гораздо хуже, чем с другими пленными. В военном дневнике VI инспекции по вооружению в Мюнстере под 30 мая было записано, что администрация VI корпусного округа *в середине апреля* обратилась с просьбой к инспекции по вооружению об оказании помощи необходимыми материалами для постройки новых лагерей для военнопленных.

Судя по высказываниям сотрудников администрации VI корпусного округа, можно сделать вывод, что военнопленные, предназначенные для этих лагерей, должны были сами строить себе жилые помещения и размещаться на огороженном, но неподготовленном для жилья месте. Предположение близко к тому, что речь идёт о военнопленных, с которыми будут обращаться без обычного внимания. (Как позже выяснилось, с русскими.)⁴⁰

Эти распоряжения могли быть отданы только отделом по делам военнопленных, а значит соответствующее планирование должно было начаться не позже марта 1941 г., то есть в то же время, что и рассмотрение планов⁴¹.

Сохранившиеся документы отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта позволяют заключить, что и этот отдел в значительной мере был вовлечён в подготовку вопроса о военнопленных. 18 мая 1941 г. были разработаны директивы о привлечении на работы советских пленных в запланированных рейхскомиссариатах, 21 мая были готовы «Докладная записка с проектом положений об обращении с военнопленными» и проект (?) «Об организации службы содержания военнопленных по плану «Барбаросса». О содержании и последствиях этих документов трудно судить, поскольку сами документы не сохранились⁴².

Таким образом, следует заключить, что изданный 16 июня 1941 г. отделом по делам военнопленных приказ «О службе содержания военнопленных по плану «Барбаросса» в важных своих частях поступал на предварительную разработку к Варлимунту в отдел «L»⁴³. Этот приказ регулировал полномочия службы содержания военнопленных на Востоке и принципы, по которым следовало обращаться с советскими пленными. Как уже говорилось, ответственность в вопросах, связанных с военнопленными, была разделена между ОКВ и ОКХ; за прифронтовую зону ответственность несло ОКХ, а за территорию рейха и генерал-губернаторство, а также за районы командующих войсками в будущих рейхскомиссариатах – отдел

по делам военнопленных в ОКВ. При этом в зоне ответственности ОКВ было предусмотрено тройное деление: Для передачи пленных из зоны ответственности ОКХ на восточной границе I корпусного округа (Восточная Пруссия) и генерал-губернаторства следовало создать «приёмные пункты военнопленных»; внутри этих территорий нужно было подготовить приёмные лагеря, в то время как для всей остальной территории рейха было предусмотрено создание 19 «стационарных лагерей для рядовых военнопленных» (т. н. «шталаги») и «лагерей для офицеров-военнопленных» (т. н. «офлаг») на 30 000–50 000 мест и общей вместимостью до 790 000 пленных. Одновременно было приказано, чтобы лагеря в Восточной Пруссии и в генерал-губернаторстве заполнялись пленными «до максимального предела» и «лишь по особому приказу ОКВ» пленные могли быть эвакуированы на территорию рейха⁴⁴.

Обширный раздел был посвящён обращению с советскими военнопленными. Как и в «преступных приказах», здесь имелось «обоснование», наполненное элементами национал-социалистской идеологии. Оно почти дословно согласуется с «директивами о поведении войск в России» и было направлено на то, чтобы развеять сомнения войск, ссылаясь и апеллируя к расовым предрассудкам⁴⁵:

Большевизм является смертельным врагом национал-социалистской Германии! Поэтому по отношению к военнопленным Красной Армии рекомендуется крайняя осторожность и повышенная бдительность. Следует считаться с коварным поведением, особенно со стороны военнопленных азиатского происхождения. Исходя из этого, следует применять решительные и энергичные действия при малейших признаках неповиновения, особенно против большевистских подстрекателей. Полное устранение всякого активного и пассивного сопротивления!

Всякое общение военнопленных с гражданским населением или с охраной следует решительно пресекать.

Противник не признал Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г. *И несмотря на это, её требования составляют основу для обращения с военнопленными*⁴⁶.

Это последнее предложение звучит весьма цинично ввиду последующих ограничений, которые отбросили не только основное содержание Женевской конвенции о военнопленных, но и важнейшие положения Гаагских конвенций о ведении сухопутной войны от 1907 и 1899 г. Это предложение было, пожалуй, весьма характерно для тех немногих сведений, которыми располагали разрабатывавшие приказ офицеры о духе и содержании Женевской конвенции; однако важнее было то, что это предложение развеяло их сомнения в том, что, несмотря на исключения, они действуют в соответствии с международным правом⁴⁷. В частности, было приказано⁴⁸:

1. Военнопленных к работам в экономике не привлекать, но «использовать только для непосредственных потребностей войск». – По 3-м вышеназванным конвенциям пленным нельзя было использовать для работ на военных предприятиях⁴⁹.

2. Эти работы не оплачиваются; офицеры и медицинский персонал жалования не получают⁵⁰.

4. «Нет надобности» посылать сведения в центральное бюро по учёту военнопленных, – обычно оно регистрировало всех пленных и сообщало их фамилии в Международный Комитет Красного Креста⁵¹. Это может быть понято как указание на

то, что в ОКВ к этому времени уже рассчитывали на значительную смертность среди пленных. Не зарегистрированные пленные «официально» вообще не числились. 6. «Предметы одежды и снаряжения, особенно котелки [...], столовые приборы, палатки и т. д.» следует оставлять военнопленным и «при перевозке в лагеря на территорию рейха разрешать брать с собой». Это говорит о том, что пленным предполагалось размещать с минимально возможными материальными издержками; палатки, между прочим, должны были служить пленным укрытием до тех пор, пока они сами не построят себе бараки. При этом, конечно, не считались с тем, что пленные при окружении или во время последующих затем длительных изнурительных маршей только в самых редких случаях могли сохранить предметы своего снаряжения⁵².

7. О питании пленных был издан особый приказ⁵³.

8. Пленным не разрешались никакие связи с государством-гарантом или с обществами помощи⁵⁴. Тем самым исключался всякий контроль и возможная помощь, в том числе гуманитарного порядка.

9. Доверенные лица, которые должны были представлять интересы пленных перед государством, в чьей власти они оказались, не должны допускаться к военнопленным⁵⁵.

10. Уголовное преследование военнопленных не ограничивать наказаниями, предусмотренными Женевской конвенцией о военнопленных⁵⁶.

Таким образом, от сущности конвенции ничего не осталось. Содержание позволяет видеть, что основная мысль 3-х конвенций, а именно, что с пленными «в любое время должны обращаться по-человечески», была устранена. Следующие, изданные после 22 июня приказы об обращении и питании военнопленных достаточно это подтверждают.

Особо следует обратить внимание на 2 момента в приказе:

1. «Руководящий состав» (офицеры и унтер-офицеры) должен отделяться и увозиться «в первую очередь»⁵⁷.

На первый взгляд кажется удивительным, что для обращения с комиссарами не было дано никаких распоряжений. Но при более точном рассмотрении становится ясно, что это означает не что иное, как то, что приказ о комиссарах был уже известен и предполагалось его выполнение. Касающийся «руководящего состава» абзац практически дословно заимствован из неоднократно упоминавшегося приказа Гальдера от 3 апреля⁵⁸; там, правда, значится: «Офицеры, *политические комиссары*, унтер-офицеры»⁵⁹.

2. Далее в лагерях, входивших в зону ответственности ОКВ, было приказано производить «отбор [военнопленных] по их национальной принадлежности», причём «прежде всего» следовало обращать внимание на немцев, украинцев, белорусов, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, румын и финнов. Это соответствовало проводившейся уже на Западе и Юго-востоке политике разделять пленных по этническим группам, чтобы с некоторыми из них обращаться лучше и натравливать их всех друг на друга. Однако удивительно, что и здесь не были упомянуты ни комиссары, ни евреи. Национал-социалистская расовая политика, как уже говорилось, нашла своё отражение и в вопросах, касающихся военнопленных. Так, 16 июня 1941 г., когда вышел рассматриваемый здесь приказ, отдел по делам военнопленных приказал евреев среди французских военнослужащих размещать

отдельно, то есть создать в «шталагах» и «офлагах» гетто⁶⁰. Поэтому трудно представить, чтобы считавшиеся особенно «неполноценными» восточные евреи не привлекли к себе никакого внимания; напротив, следует предположить, что их судьбу определял не сохранившийся особый приказ⁶¹.

На вопрос, в какой мере на самом деле была проведена подготовительная работа по приёму ожидавшихся пленных на территории рейха и в генерал-губернаторстве⁶², ответить довольно сложно. Позднейшая обстановка в лагерях на территории рейха заставляет предположить, что начатые в соответствии с отданными в апреле распоряжениями подготовительные работы ограничились заготовкой «огороженных, но совершенно неподготовленных для жилья» мест. Лучшую информацию источники дают о приготовлениях в генерал-губернаторстве. Однако и здесь видно, как между маем и июлем концепция содержания военнопленных была радикализована по ряду положений. Начальник службы содержания военнопленных особого назначения в генерал-губернаторстве, генерал-лейтенант Гергот⁶³ получил в начале мая задание оборудовать 4 пересыльных лагеря для военнопленных, «которые время от времени, в зависимости от имеющихся транспортных средств, должны освобождаться от военнопленных путём их эвакуации на территорию рейха»⁶⁴. Приказ ОКВ от 16 июня предусматривал создание уже 6 лагерей, в которых следовало разместить военнопленных «до максимального предела их вместимости»⁶⁵. 2 июля Гергот получил от отдела по делам военнопленных в ОКВ приказ переоборудовать эти лагеря на зимний период для длительного пребывания в них 1 млн. военнопленных. То, что это значительно превышало плановые задания и материальные возможности генерал-губернаторства, ясно из того, что командующий войсками генерал-губернаторства уже в тот же день заявил по телеграфу протест ОКВ⁶⁶.

В генерал-губернаторстве для подготовки лагерей также было сделано лишь самое необходимое. Были подготовлены только «летние лагеря», в которых военнопленные должны были находиться большей частью под открытым небом в норах и землянках⁶⁷. Резюмируя ряд последовательных планов, становится ясно, что сначала, как и в случае с пленными других национальностей, большую часть советских пленных предполагалось доставить на территорию рейха, где их наряду с другими пленными надлежало использовать для работ в промышленности и сельском хозяйстве. На 2-м этапе планирования решено было в зависимости от численности пленных по возможности удалить их с территории рейха. На 3-м этапе ясно прослеживается тенденция любой ценой и невзирая ни на какие последствия для военнопленных вывезти их с территории рейха⁶⁸.

В связи с проблемой подготовки лагерей возникает вопрос, на какое количество военнопленных рассчитывало или должно было рассчитывать военное руководство. В сохранившихся документах на этот счёт нет конкретных указаний, однако выводы о приблизительном количестве сделать можно. Неоднократно упоминавшийся организационный приказ отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941 г. предусматривал создание на территории рейха, – причём все на учебных полигонах⁶⁹, – 19 лагерей общей вместимостью на 790 000 человек. Для генерал-губернаторства и I корпусного округа (Восточная Пруссия) были предусмотрены 6 или 8 комендатур стационарных лагерей, что при средней величине лагеря на террито-

рии рейха (40 000 чел.), позволило бы разместить 560 000 человек. При этом для определения вместимости указывались критерии – «возможность предотвращения массовых побегов и бунтов, а также возможность достаточного медицинского обслуживания (против угрозы эпидемии)». Это указывает на то, что в этих лагерях планировалось создать ещё более примитивные условия, чем в таких же на территории рейха, и разместить в них возможно большее количество пленных. Если принять в расчёт ещё и тех пленных, которых следовало использовать на работах в прифронтовой зоне и в рейхскомиссариатах, – а это большая их часть, – то можно предположить, что расчёт делался *по меньшей мере* на 2–3 млн. пленных. К такому же количеству можно прийти на основании предполагаемого весной 1941 г. со стороны ОКВ и ОКХ боевого состава Красной Армии в 227–247 соединений⁷⁰. Это тем более верно, если учесть, что исходили из того, что сопротивление Красной Армии будет сломлено уже в первые 4 недели войны и что основные её силы могут быть «окружены и уничтожены» в первых пограничных сражениях⁷¹. Следовательно, при планировании надо было исходить из того, что в течение 6–8 недель нужно будет обеспечить снабжение по меньшей мере 1–2 млн. военнопленных.

2. Планирование в ОКХ и в высшем войсковом командовании

По сообщению сотрудника генерал-квартирмейстера Вагнера, чьё ведомство в ОКХ несло ответственность за военнопленных, вопросы, касающиеся военнопленных, «разрабатывались с перспективой и в кропотливом труде»⁷². Об этих приготовлениях можно в основном судить также на основе сохранившихся приказов.

ОКХ на основании уже упомянутого приказа Гальдера от 3 апреля издало основополагающие директивы, которые были изменены в июне в отдельных своих пунктах⁷³. Уже говорилось о том, что положения этих директив отменяли важнейшие части Женевской и Гаагской конвенций, причём это делалось, вероятно, не на основании речи Гитлера от 30 марта⁷⁴. В частности, было дано указание:

1. Пленные уже в дивизиях должны использоваться в прифронтовой зоне в качестве «ценной рабочей силы»⁷⁵.
2. В тыл должны отправляться только те пленные, которые не нужны на работах; пленных, взятых в самых первых боях, следует включить в «тыловую организацию», то есть отправить на территорию рейха и в генерал-губернаторство.
3. «Руководящий состав (офицеров, политических комиссаров, унтер-офицеров) следует отделить в первую очередь и направить в тыловую организацию».
4. Для эвакуации следует использовать порожний транспорт (то есть возвращающиеся грузовые автомашины), чтобы избежать нарушения дорожного движения марширующими колоннами пленных.
5. С самого начала строго пресекать неповиновение пленных и в то же время награждать прилежную работу достаточным питанием и хорошим обеспечением.

Этот последний пункт также является выражением уже упомянутых «консервативных расчётов», представителями которых были Гальдер и фон Браухич. В этом проявляется политика «кнута и пряника» и своего рода патриархальная мораль колонизаторов, причём особенно чётко в дополнении, которое сделал обер-

квартирмейстер 4-й армии (командующий генерал-фельдмаршал фон Клюге) при передаче этого приказа: «Пресекать всякую фамильярность, германский солдат выступает как *господин* на оккупированных территориях»⁷⁶. Сравнение этой цитаты с приказом отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941 г. ясно показывает разницу, а также сходство со специфически национал-социалистской концепцией.

На отдельных примерах, – из-за отсутствия достаточного количества документов, – можно показать, что планирование мер по обращению с военнопленными и их эвакуации началось своевременно как в отдельных армиях, так и в тыловых районах групп армий⁷⁷. При этом в ведомствах как ОКВ, так и ОКХ главное внимание уделялось отнюдь не вопросу, каким образом следует решить назревшую проблему ожидаемой массы военнопленных и тем самым сохранить жизнь сотням тысяч, а то и миллионам пленных. Решающим было соображение, что нужно сделать, чтобы эти пленные не помешали ведению боевых действий, и каким образом можно быстрее всего использовать в интересах собственных подразделений эту, находящуюся в их распоряжении рабочую силу. Так, например, во время совещания в отделе обер-квартирмейстера 9-й армии (командующий генерал-полковник Штраус) ещё 28 марта 1941 г. было принято решение свести военнопленных в строительные, дорожно-строительные батальоны и батальоны связи уже в прифронтовой зоне и использовать на соответствующих работах, а также принять меры для того, чтобы их эвакуация не сказалась отрицательно на войсках и их снабжении и не поставила под угрозу тыловые коммуникации⁷⁸. Это распоряжение, отданное ещё до речи Гитлера от 30 марта и до приказа ОКХ от 3 апреля, являлось явным нарушением как Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны, так и Женевской конвенции о военнопленных, что свидетельствует об изначальном намерении высшего войскового командования игнорировать в войне против Советского Союза нормы международного права ведения войны⁷⁹. При этом стремление к достижению военной эффективности совпадало с желанием национал-социалистского руководства, – разделяемым к тому же войсковым командованием, – держать «опасных большевиков» по возможности подальше от Германии.

Тех пленных, которых не смогли использовать в прифронтовой зоне, необходимо было эвакуировать согласно системе, которая основывалась в основном на опыте предыдущих войн: При дивизиях были созданы пункты сбора военнопленных, откуда пленные должны были направляться в пункты сбора военнопленных при армиях. Командующим тыловых районов групп армий подчинялись пересыльные лагеря, охрану которых обеспечивали охранные дивизии, состоящие из стрелковых батальонов охраны тылов и пехотных полков. Из этих пересыльных лагерей («дулагов») пленные должны были направляться в «пункты приёма» на границе с генерал-губернаторством, а оттуда – в стационарные лагеря («шталаги») на территории генерал-губернаторства и рейха⁸⁰.

Если бы большая часть военнопленных была оставлена в прифронтовой зоне, возник бы вопрос, каким образом прокормить такую массу пленных на разорённой войной территории. Из цитированного выше приказа ОКХ от 3 апреля вытекает, что уже в этот момент не рассчитывали на «достаточное обеспечение продуктами питания» огромной массы пленных⁸¹. Это утверждение, кажущееся довольно резким, подтверждается также полученными от армейского командования распоряже-

ниями. Итак, следует признать, что генерал-квартирмейстер Вагнер отдал в мае соответствующие распоряжения на основании целей военно-экономического штаба «Ольденбург», с которыми он ознакомился во время совещания у начальника управления военной экономики и вооружения в ОКВ, генерала пехоты Георга Томаса. Уже 29–30 мая 1941 г. обер-квартирмейстер 17-й армии (командующий генерал пехоты Карл-Генрих Штюльпнагель) объявил квартирмейстерам и офицерам отделений тыла подчинённых корпусов и дивизий о том, что советские военнопленные могут получать только самые необходимые продукты питания, в то время как 9 июня командование 4-й армии постановило:

Кормить военнопленных самыми простыми продуктами питания (например, кониной). Запрещается выдавать им высокосортные и дефицитные продукты питания и изделия пищевой промышленности⁸².

В приказе по снабжению командования 11-й армии от 29 июня были указаны конкретные рационы. Согласно им военнопленные должны получать продовольствие «в зависимости от его наличия», а пищевая ценность продовольствия «при полной затрате труда» должна составлять 1300 калорий в день. То есть рационы были значительно ниже абсолютного прожиточного минимума⁸³. Затем последовало ещё одно крайне важное решение, которое, судя по всему, было принято в самом ОКХ⁸⁴.

В целом относительно организационных приготовлений в ОКВ, ОКХ и в высшем войсковом командовании складывается следующая картина: О «перспективной» разработке вопросов, касающихся военнопленных, «в кропотливом труде» не может быть и речи. По сравнению с оперативным планированием этому вопросу было уделено крайне незначительное внимание. Исходя из имеющихся источников, размещение и питание военнопленных рассматривались не как первоочередная организационная задача, но как побочная проблема. Гораздо более высоким приоритетом по сравнению с этим считалось обеспечение германского господства на Востоке и использование продовольственных и сырьевых ресурсов в интересах германского рейха. С самого начала заметно стремление использовать для поддержания жизни этих пленных лишь минимальные средства и энергию⁸⁵. Поэтому, после ознакомления с планами военно-экономического штаба «Ольденбург» в ОКВ и ОКХ, не может быть никаких сомнений в том, что большая часть пленных, а также гражданского населения была обречена на голодную смерть. В *этот момент* ещё не существовало заинтересованности в сохранении жизни этих пленных для использования их в немецкой экономике в качестве рабочей силы⁸⁶. Потребность в рабочей силе на подлежащих завоеванию территориях, казалось, легко можно будет удовлетворить за счёт огромного количества ожидаемых пленных и гражданского населения.

3. Значение победных ожиданий немецкого руководства

В действительности нельзя установить, имела ли в политическом и военном руководстве на этапе приготовлений к войне на Востоке вообще какая-либо конкретная концепция относительно судьбы советских военнопленных после ожидае-

мой победы. Первоочередной задачей было установление и обеспечение германского господства «на восточных территориях» посредством завоёванной с крайней беспощадностью молниеносной победы. Чрезмерная убеждённость в том, что такая победа достижима в течение нескольких недель, имела в политическом и военном руководстве такое значение для общего планирования войны на Востоке, что многое останется просто непонятным, если не будет учтён этот момент⁸⁷.

В отличие от сомнений, которые осенью 1939 г. существовали в руководстве сухопутных сил и войсковом командовании в отношении наступления на Западе, при планировании войны на Востоке ни в руководстве вермахта, ни в руководстве отдельных подразделений, ни в высшем войсковом командовании не возникло никаких опасений относительно того, что предприятие может не удалиться⁸⁸. То, что в середине 20-х годов Гитлер постулировал в «*Майн Кампф*», постоянно всплывало теперь в оценке шансов на успех, даваемых Гитлером и верхушкой военного руководства: «Гигантская империя на Востоке созрела для краха»⁸⁹. Насколько уверенным было военное руководство в своей оценке Красной Армии, видно из того, что расположение немецких сил между декабрём 1940 г. и июнем 1941 г. осталось почти неизменным, хотя по оценке отдела иностранных армий «Восток» соотношение сил между вермахтом и Красной Армией постоянно изменялось не в пользу вермахта. Главнокомандующий сухопутными силами фон Браухич в похожей форме повторил 30 апреля уже неоднократно даваемую оценку шансов на успех: «Вероятны ожесточённые пограничные сражения продолжительностью до 4-х недель. Однако в дальнейшем следует рассчитывать лишь на незначительное сопротивление»⁹⁰. Эта уверенность основывалась на предположении, что Красная Армия будет втянута в решающие сражения на границе страны, ибо Прибалтика и Украина являются, якобы, «жизненно необходимыми» для Советского Союза⁹¹. Даже у начальника генерального штаба, генерал-полковника Гальдера эта убеждённость в победе была настолько сильна, что уже 5 мая он мог размышлять о «задачах военно-исторической работы осенью 1941 г. после окончания наших европейских задач»⁹². Кажется, что уверенность в победе со стороны военного руководства в этом случае превосходила даже уверенность Гитлера, который в самом узком кругу приближённых позволил себе выразить некоторую неуверенность⁹³.

Наиболее яркое выражение эта уверенность в победе нашла в планах относительно периода после осуществления плана «Барбаросса». В проекте отдела «L» для Гитлера «директива № 32: Подготовка к периоду после осуществления плана «Барбаросса» от 11 июня было предусмотрено перенести центр тяжести в области вооружения с сухопутных сил на военно-морской флот и авиацию, ибо «*после разгрома советско-русских вооружённых сил... какой-либо серьёзной опасности для европейского пространства со стороны суши ... более не существует*»⁹⁴. После этого перед вермахтом на позднюю осень 1941 г. и зиму 1941/1942 гг. были поставлены следующие стратегические задачи:

1. *Недавно обрётённое пространство* на Востоке должно быть приведено в порядок, обеспечено и экономически освоено при активном содействии вермахта.

[...]

2. *Продолжение борьбы против британского присутствия в Средиземном море и Передней Азии* посредством концентрированного наступления, которое предусмат-

ривалось осуществить из Ливии через Египет, из Болгарии через Турцию и, если позволят обстоятельства, из Закавказья через Иран⁹⁵.

Это были не просто намерения, которые возникли в окружении Гитлера и были откорректированы Варлимонтom в отделе «L». В том же направлении шли и намерения генерального штаба сухопутных сил. Уже через 2 недели после нападения на Советский Союз, 3 июля, Гальдер, полагая, что поход «займёт всего 14 дней», размышлял о возможностях продолжения войны с Англией, которая вновь выступала на передний план. Он занимался также планированием операций на Ближнем Востоке⁹⁶.

Дополнение к этим стратегическим замыслам образует планирование потребностей в силах для обеспечения немецкого господства на Востоке. Начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных сил, генерал-майор Хойзингер разработал к 15 июля докладную записку, которая отразила уверенность в предстоящей победе так же, как и названные ранее планы⁹⁷. Для оккупации и обеспечения порядка на завоёванных территориях Хойзингер выделял 56 дивизий, включая «оперативную группу для проведения операции Кавказ – Иран»; остальные 78 дивизий должны были вернуться в рейх.

Неотложные дела, которые призывают на родину возвращавшиеся соединения ещё до наступления зимы, а также ограниченные возможности снабжения требуют ограничения сил для дальнейшего проведения операций, насколько то позволяет положение. Как только находившееся ещё к востоку от линии Днепр – Двина русские силы будут в основном разбиты, операции по возможности следует продолжать только моторизованными соединениями и теми соединениями пехоты, которые окончательно должны остаться на русской территории. Основная масса соединений пехоты, как только достигнет линии Крым – Москва – Ленинград, должна в начале августа выступить в обратный путь пешком, если, – что вполне вероятно, – она не сможет отправиться домой по железной дороге; оставшиеся дальше к западу части – соответственно позже. Занятые связанными с оккупацией боевыми действиями силы, которые должны вернуться домой гораздо позже, отправятся в обратный путь только зимой.

[...]

Возвращение моторизованных соединений, которые не должны оставаться там в дальнейшем, должно последовать где-то в начале сентября, насколько то позволит для отдельных частей железнодорожный транспорт⁹⁸.

Такая чудовищная недооценка противника, которая, как можно предположить, оказала влияние на отношение военного руководства к Красной Армии и к советским военнопленным в первые недели войны, объясняется прежде всего надменным чувством превосходства над восточными народами, которые считались неполноценными в расовом и культурном отношении, оценкой внутренней ситуации в Советском Союзе, которая вытекала из постулатов консервативной и национал-социалистской идеологии, но не из реалистических суждений, и упованием на то, что ликвидация Сталиным значительной части советского офицерского корпуса в 1937–1938 гг. сделала из Красной Армии «глиняного колосса без головы»⁹⁹.

Быстро достигнутая согласно этим ожиданиям победа должна была создать «чистую доску», на которой можно будет построить «новый порядок». Если, подоб-

но Гальдеру и Хойзингеру исходить из того, что крупные сражения, которые могли дать большое количество пленных, закончатся уже в августе, то дальнейшие размышления об их судьбе можно отнести на оставшееся до зимы время. Поскольку таким образом ничем не ограниченная военная победа не вызывала никаких сомнений, то считалось возможным действовать в деле достижения главной цели без политической осторожности. Полная победа в силу собственного превосходства делала излишним поиск союзников среди восточных народов, а до её достижения главной целью как политического, так и военного руководства оставалось устранение всех потенциальных противников. Когда в военном руководстве ещё только составлялись планы для территорий на Востоке на ближайшее будущее, то определённую роль при этом играло то, что от этой быстрой победы ожидалось решительное укрепление позиций вермахта и осуществление иллюзорных устремлений укротить консервативных партнёров Гитлера по 1933 г.; в военном руководстве полагали, что тогда они смогут оказать решающее влияние на «переустройство восточного пространства» в духе собственных «реалистических» военных целей.

Кроме того, установка на молниеносную победу привела к тому, что имеющаяся наверное в каждом военном руководстве скрытая тенденция подчинять принципы международного военного права так называемой «военной необходимости» трансформировалась в самоуправство. То, что международные военно-правовые обязательства относительно Советского Союза были неясны, при этом не играет в качестве аргумента никакой роли, ибо в источниках нигде не делается акцент на этом неясном правовом положении. С убеждением в том, что международные военно-правовые нормы, предписывающие при ведении войны уважительное отношение к гражданскому населению и военнопленным, являются всего лишь неприятной помехой для требуемого быстрого проведения операций и обеспечения безопасности войск, военное руководство, – не говоря уже о сложившемся идеологическом согласии по этому вопросу, – поддержало направленные на уничтожение цели национал-социалистского руководства¹⁰⁰.

Если сделать вывод из решений, принятых на подготовительном этапе разработки операции «Барбаросса», то можно установить, что тем самым были созданы основы для массового истребления айнзацгруппами гражданского населения на оккупированных территориях Советского Союза и массовой смертности советских пленн. Но даже и в этот период такой результат не был абсолютно неизбежен. Всё в решающей степени зависело от того, как высшее, среднее и низшее войсковое командование воспользуется оставшимися у него возможностями.

VI. «УНИЧТОЖЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ»

В связи с быстрым продвижением вперёд германских войск и упорной обороной советского руководства, которая давала возможность вермахту окружить крупные соединения войск противника, в первые месяцы войны советские войска массами попадали в плен к немцам. По прошествии 3-х недель войны к 11 июля насчитывалось уже 360 000 пленных¹, а к середине декабря их было уже 3,35 млн. человек². Чтобы дать картину распределения по времени и месту поступления этих масс пленных, назовём важнейшие битвы, завершившиеся окружением³:

Дата	Группа армий «Север»	Группа армий «Центр»	Группа армий «Юг»	Места окружений
9.07.41		323 000		Белосток – Минск
Начало августа			103 000	Умань
5.08.41		348 000		Смоленск – Рославль
20.08.41		50 000		Гомель
23.08.41	18 000			оз. Ильмень
Конец августа		30 000		Великие Луки
4.09.41	11 000			Эстония
Середина сентября	35 000			Демянск
26.09.41			665 000	Киев
Конец сентября	20 000			Луга – Ленинград
10.10.41			100 000	Мелитополь – Бердянск
14.10.41		662 000		Вязьма – Брянск
16.11.41			100 000	Керчь
Итого	84 000	1 413 000	968 000	Всего 2 465 000

Обращение с пленными с первого дня нападения осуществлялось в соответствии с отданными приказами. Выполнение плана «Барбаросса», приказа о комиссарах и «директив о поведении войск в России» привело к тому, что сопротивление советских войск с самого начала до предела усилилось, а в национал-социалистском руководстве появилось ожесточение, что опять-таки повысило готовность германских солдат к выполнению «преступных приказов», ибо, казалось, подтверждается то, что с самого начала утверждала германская пропаганда⁴.

1. Выполнение приказа о комиссарах

Уже говорилось, что после войны приказ о комиссарах привлёк к себе гораздо большее внимание, чем другие аналогичные приказы, отданные во время войны на истребление и исполнявшиеся вермахтом. Во время процесса над ОКВ все обвиняемые военные руководители оспаривали тот факт, что комиссары расстреливались на основании отданного ими приказа о комиссарах. После того как на процессе было опровергнуто утверждение, будто приказ вообще не передавался в войска, они прибегли к заявлению, что имеющиеся сообщения о расстрелах были якобы вымышлены для того, чтобы имитировать выполнение приказа⁵. По словам обвиняемых генералов, командующие армиями и группами армий вопреки указаниям ОКХ якобы уклонялись от выполнения приказа.

Этот довод защиты преобладал в военно-исторической литературе или ограничивался лишь в незначительной степени⁶. Вслед за Гансом-Адольфом Якобсеном, который так же, как и Улих в ещё большей степени ограничил этот довод защиты, можно с уверенностью предположить,

что определённая часть действующей армии последовательно выполняла приказ. Однако некоторые пытались его обходить, а некоторые вообще его не выполняли, как то доказывают последующие отборы комиссаров в лагерях для военнопленных⁷.

Правда, при более тщательном анализе доводы, приводимые им и Улихом о невыполнении приказа, оказываются не столь убедительными⁸. Так что следует предположить, что приказ всё-таки исполнялся в большинстве дивизий Восточного фронта, что, конечно, не означает, будто те дивизии, которые давали рапорт о его выполнении, последовательно исполняли его вплоть до последней кампании⁹. Несомненным является невыполнение приказа только в 17-й танковой дивизии, находившейся в распоряжении генерал-лейтенанта Ганса-Юргена фон Арнима¹⁰. Интерес войскового командования к выполнению приказа настолько вырос, что штаб одной из групп армий сделал в ОКХ запрос,

следует ли рассматривать политических помощников (политруков) в качестве политических комиссаров в смысле «директивы об обращении с политическими комиссарами» и обращаться с ними соответственно.

Доктор Латман, старший советник военной юстиции при генерале для особых поручений при главнокомандующем сухопутных сил, передал 16 августа этот запрос в отдел «L» Варлимонту с просьбой «как можно скорее разъяснить этот вопрос»¹¹. Руководство вермахта в подписанном Йодлем документе постановило, что политруков следует рассматривать «как политических комиссаров... и обращаться с ними соответственно»¹².

Этот случай весьма показателен. Так, в приказе о комиссарах политруки вообще не были упомянуты. А теперь соответствующая группа армий, равно как и руководство сухопутных сил сами содействовали тому, чтобы группа политруков, которая была гораздо многочисленнее группы комиссаров, также была включена в акции, направленные на уничтожение. Ответственность за это решение была переложена на верх, хотя в той ситуации от руководства вермахта не могли ждать иного решения. Если бы войсковые командиры были настолько заинтересованы

в невыполнении приказа, как они это утверждали после войны, то они молчали бы в этом случае. Этот случай является примером того, что до радикализации дело дошло благодаря тому, что подчинённые ведомства поставили руководство перед необходимостью выбора, причём постоянно принимались самые радикальные из представленных к решению вариантов. В данном случае, правда, решение руководства вермахта лишь санкционировало задним числом то, что часть войск и так осуществляла по собственной инициативе: по крайней мере в 3-й танковой группе (командующий генерал-полковник Герман Гот) расстрелы политруков, – в которых принимал участие также штаб группы¹³, – изначально считались решённым делом¹⁴.

Запрос со стороны ОКХ в штаб оперативного руководства вермахта доказывает, что руководство сухопутных сил было отнюдь не так равнодушно к выполнению приказа о комиссарах, как это утверждали после войны фон Браухич и начальник генерального штаба Гальдер. Напротив, это совершенно очевидно доказывает обратное, а именно, что руководство сухопутных сил проявляло в этом вопросе очень активную заинтересованность. Уже в своём докладе перед начальниками разведывательных отделов армий и армейскими судьями в Варшаве 10 июня генерал для особых поручений при главнокомандующем сухопутными силами, генерал-лейтенант Мюллер требовал выполнения приказа о комиссарах: «Носителей вражеской идеологии следует не сохранять, но уничтожать»¹⁵. В беседе с начальником разведотдела группы армий «Север» и офицером абвера разведотдела тылового района группы армий «Север» 10 июля Мюллер вновь сослался на приказ о комиссарах и «по поручению господина главнокомандующего сухопутными силами» обратил внимание на то, что из-за быстрого продвижения линии фронта «ряд политических комиссаров Красной Армии после снятия своих знаков отличия могут не узнанными оказаться в лагерях для военнопленных»; по этой, мол, причине лагеря следует постоянно проверять¹⁶. Опасения фон Браухича, что комиссары могут не узнанными попасть в лагеря для военнопленных, а тем самым, возможно, и на территорию рейха, отразились и в приказе генерал-квартирмейстера от 24 июля 1941 г., который также отдал принципиальные директивы об обращении с национальными и расовыми меньшинствами, ранеными пленными, об эвакуации и использовании труда советских пленных¹⁷. Согласно этим директивам в лагерях прифронтовой зоны следовало «срочно [...] «отобрать» политически нежелательные и подозрительные элементы, комиссаров и подстрекателей»:

После решения со стороны коменданта лагеря с ними следует поступать согласно отданным особым распоряжениям [то есть согласно приказу о комиссарах и плану «Барбаросса»]. Участие айнзацкоманд полиции безопасности и СД в лагерях для военнопленных прифронтовой зоны при этом не предусматривается.

Это означало, что даже тогда, когда комиссары оставались не узнанными или войска их просто пожалели, – а это, как уже говорилось, было возможно только там, где в узком кругу существовало единодушие или где у войск из-за большого количества пленных не оставалось времени на розыски, – то и тогда у них не оставалось шансов на выживание. В лагерях для военнопленных их благодаря шпионам вскоре выявляли «и поступали с ними согласно особому распоряжению» [то есть согласно приказу о комиссарах]¹⁸, а иногда «передавали службе безопасности

для дальнейшего разбирательства»¹⁹, – вопреки приказу ОКХ от 24 июля, который это категорически запрещал! Комиссары, взятые в плен немецкими союзниками, также не были в безопасности. По приказу 11-й армии румынские войска передавали немцам «политических комиссаров, подстрекателей и нежелательные элементы»²⁰.

Между тем с самого начала войны на Востоке руководство вермахта старалось посредством соответствующих ухищрений в области пропаганды добиться от войск выполнения «преступных приказов»²¹. Изданные отделом пропаганды ОКВ *рекомендации к войскам* мало чем отличались по своей антисемитской и антибольшевистской агитации от прессы Геббельса. Постоянно внушалось, что с нападением на Советский Союз напрямую связано спасение Германии от ада, от самого страшного на земле варварства, еврейско-русского большевизма, «позора всех культур». С помощью аргумента о том, что, мол, в результате этого крестового похода будут уничтожены «красные безбожники», не преминули привлечь к войне также консервативных и религиозных солдат, которые иначе могли бы дистанцироваться от режима. В *рекомендациях к войскам* говорилось, что большевик – это нигилист; у него нет ценностей, убеждений, он ни во что не верит, он бесхарактерен: «Русско-еврейский большевизм основывает своё господство на терроре и на разрушении всех духовных ценностей»²². Стремлению «доказать» связь большевизма с еврейством соответствует картина, изображавшая комиссаров следующим образом:

То, что они большевики, поймёт каждый, кто хотя бы раз глянул в лицо красного комиссара. Здесь более не нужны теоретические дискуссии. Назвать черты этого по большей части еврейского отребья звериными, значило бы оскорбить зверя. Они – воплощение всего адского, олицетворение бессмысленной ненависти против всего благородного человечества. В образе этих комиссаров мы видим мятеж недочеловеков против благородной крови. Массы, которые они всеми средствами холодного террора и бессмысленного подстрекательства гонят на смерть, принесли бы конец всей осмысленной жизни, если бы этому в последний момент не помешало наше вторжение²³.

Метод был прост: противник объявлялся не только в расовом, но и в моральном плане неполноценным преступником. С другой стороны, каждому солдату внушалось, что он – представитель «благородной крови» и прямая обязанность, моральный долг этой благородной крови заключается в том, чтобы отвратить эту угрозу путём уничтожения комиссаров.

Как эта пропаганда отражалась в фронтовых газетах, точно установить нельзя. Однако те листовки, которые войска направляли советским солдатам, полностью соответствовали этой линии:

Бейте еврейских комиссаров, их морда требует кирпича!

Бейте евреев! Бейте их, палачей, комиссаров, не верьте лжецам, политическим руководителям! [...] Переходите к нам!

Убивайте всех комиссаров и евреев! Они – ваше несчастье, ваша гибель!²⁴.

В пропагандистских листовках к Красной Армии и к гражданскому населению неоднократно обращались с призывами уничтожать комиссаров, – с идеологически обоснованным ожиданием, что советские солдаты, «которых якобы только комиссары заставляют сражаться», будут приветствовать вермахт как своего рыцаря-освободителя и перебежать на его сторону. Так, призыв 11-го армейского корпуса

к украинцам начать сбор урожая, включал в себя такое дополнение: «Винные в вашей нищете комиссары устранены»²⁵. Однако эта идеологически обоснованная надежда была обманчивой. По мере того, как становилось известно о расстреле комиссаров и ужасающем обращении с советскими военнопленными, сопротивление Красной Армии росло:

Особое обращение²⁶ войск с политическими комиссарами вскоре стало известно русской стороне и привело к усилению воли к сопротивлению. Чтобы избежать утечки информации, «особое обращение» можно было бы осуществлять в лагерях, расположенных глубоко в тылу. Большинство пленных красноармейцев и офицеров верило в это «особое обращение», о котором они узнавали из служебных приказов и от сбежавших политических комиссаров.

[...]

Указывалось, что *политические комиссары* были волевыми носителями большевистской идеи. Духовное влияние охваченных ими войск было огромно. Упорное сопротивление большевистских войск, видимо, следует объяснить в первую очередь их подстрекательством, ибо огромное множество солдат верит, что им остаётся только один выбор – или пасть в бою, или быть замученными в плену немцами. В первые недели войны политические комиссары и офицеры попадали в плен лишь в очень малом количестве. До начала августа во всей зоне ответственности группы всего 170 политических комиссаров (в войсках) были взяты в плен и, согласно донесениям армейских корпусов, устранены²⁷, как особо опасные. Выполнение приказа не является проблемой для войск²⁸.

Усиление советского сопротивления вследствие выполнения приказа о комиссарах привело к тому, что войсковое командование по мере того, как таяли надежды на молниеносную победу, стало требовать отмены приказа о комиссарах²⁹. По этому поводу генерал для особых поручений при главнокомандующем сухопутными силами, генерал-лейтенант Мюллер направил 23 сентября в ОКВ соответствующее предложение:

Прошу проверить необходимость выполнения приказа о комиссарах в прежней редакции ввиду изменения ситуации. От командующих, командиров и отдельных частей поступают сообщения, что ослабление боевого духа русской стороны можно было бы добиться, если бы комиссарам, которые несомненно являются главными носителями ожесточённого и озлобленного сопротивления, облегчили путь к прекращению борьбы, сдаче или переходу на нашу сторону. Тогда как в настоящее время ситуация такова, что комиссар знает, что его в любом случае ожидает смерть; поэтому подавляющее большинство их сражается до последнего и принуждает к ожесточённому сопротивлению с использованием самых грубых средств также красноармейцев.

Именно при нынешнем положении дел, когда вследствие высоких потерь, истощения притока духовных и материальных сил и смешения соединений с русской стороны повсеместно начинает проявляться неуверенность в управлении войсками, ослабление общего духа борьбы путём ломки сопротивления комиссаров могло бы принести значительные успехи и при определённых обстоятельствах сберечь много крови.

[...]

Главнокомандующий сухопутными силами также полагает, что соображения, *которые ему лично были представлены во всех группах войск, с военной точки зрения заслуживают внимания* и представляют целесообразность пересмотра прежней практики обращения с комиссарами³⁰.

Это предложение было представлено Варлимонтом Йодлю, а тот в свою очередь представил его 26 сентября Гитлеру, после чего заметил: «Фюрер отказался от каких-либо изменений уже существующей редакции приказа об обращении с политическими комиссарами»³¹. Приказ о комиссарах по-прежнему оставался в силе и был отменён только весной 1942 года, когда изменившаяся военная обстановка заставила отказаться от «политического» ведения войны. До тех пор он и дальше выполнялся в войсках, хоть, как кажется, и не в таких масштабах, как прежде³².

2. Расширение акций по «уничтожению противника»

В самой тесной связи с приказом о комиссарах стоит следующее решение руководства вермахта, которое под лозунгом «уничтожения мировоззрения» привело к очередной радикализации приказов об истреблении. 17 июля начальник РСХА, группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих издал «особый приказ № 8» с «директивами относительно чистки лагерей военнопленных, в которых содержались русские»³³. Согласно этому приказу «айнзацкоманды полиции безопасности и СД»³⁴ должны были «отбирать» и ликвидировать большие, строго определённые группы военнопленных. Сначала эта акция должна была ограничиться лишь лагерями военнопленных на территории I корпусного округа (Восточная Пруссия) и генерал-губернаторства, ибо советские военнопленные должны были размещаться только там. К начальникам служб содержания военнопленных в I корпусном округе и генерал-губернаторстве были направлены особые «чиновники связи», которые должны были обеспечить выполнение директив и «надлежащую связь с учреждениями вермахта». Это служит доказательством того, сколь сильно в то время Гейдрих стремился избежать осложнений с вермахтом и обеспечить их совместные действия в деле «уничтожения противника»³⁵.

Сотрудничество с задействованными учреждениями вермахта, то есть с начальниками служб содержания военнопленных и комендантами лагерей, осуществлялось на основании *приказа отдела по делам военнопленных в ОКВ*³⁶, который был добавлен к «особому приказу» в качестве 1-го приложения. Этот приказ, дававший задействованным учреждениям вермахта указания относительно их образа действий при намеченном «отборе», был выдержан целиком в духе «политической солдатчины» и ещё более, чем план «Барбаросса» и приказ о комиссарах, показывает, в какой мере руководство вермахта было готово сделать вермахт послушным инструментом в идеологической войне на уничтожение.

Во вступлении было указано намерение руководства вермахта:

Вермахт должен срочно освободиться от всех тех элементов среди военнопленных, которые признаны движущими силами большевизма. Особое положение войны на Востоке требует и *особых мер*, которые с полным осознанием ответственности должны быть проведены независимо от бюрократических и административных влия-

ний³⁷. В то время, как прежние предписания и приказы службы по делам военнопленных исходили исключительно из *военных* соображений, теперь должна быть достигнута *политическая* цель – защитить немецкий народ от большевистских подстрекателей и как можно прочнее удержать в наших руках оккупированные территории³⁸.

Ради достижения этой цели персоналу вермахта в лагерях военнопленных надлежало произвести «грубое деление» пленных на 5 категорий:

1. Гражданские лица;
2. Солдаты (также те, которые переоделись в гражданскую одежду);
3. Политически нежелательные элементы из 1-й и 2-й категорий;
4. Лица из 1-й и 2-й категорий, которые кажутся достойными доверия и потому могут быть использованы на оккупированных территориях;
5. Этнические группы среди гражданских лиц и солдат.

Дальнейший «отбор» среди лиц 3-й и 4-й категорий осуществляли «специально обученные» карательные команды, которые находились «в распоряжении рейхсфюрера СС...» и получали указания от Гейдриха. Комендантам лагерей не предоставлялось большой свободы в принятии решений:

Комендантам, особенно офицерам абвера, вменялось в обязанность самое тесное сотрудничество с карательными командами.

Решение о «подозрительных», – к которым «зачастую» относили также офицеров, – должна принимать айнзацкоманда, которой по её «просьбе» должны были передаваться и другие лица. Отказать в такой «просьбе» можно было лишь в том случае, если к таким лицам проявлял интерес абвер³⁹. К этническим группам, которые должны были быть отделены друг от друга, относились украинцы, белорусы, поволжские немцы и другие. Пленные евреи вообще не были упомянуты. Но, так как помимо этого «азиаты» и военнопленные, говорящие на немецком языке, считались нежелательными для эвакуации на территорию рейха, то из этого можно сделать вывод о том, что относительно их судьбы уже поступили другие указания⁴⁰. Особенно ясно это вытекает из добавленных в качестве 2-го приложения директив Гейдриха для айнзацкоманд, «о которых было поставлено в известность ОКВ, а через него также командующие и коменданты лагерей»⁴¹.

В этих директивах Гейдрих обращал внимание команд на самое тесное сотрудничество с комендантами лагерей, поскольку в журналах разыскиваемых лиц регистрируется, мол, «лишь очень незначительная часть признанных опасными русских», а коменданты могут собрать полезные сведения «в ходе слежки и допросов пленных». Особое внимание обращалось на использование шпионов, даже из коммунистов, чтобы «шаг за шагом выявлять среди пленных все подлежащие исключению элементы». Такими подлежащими исключению элементами признавались:

- все значительные государственные и партийные деятели, в особенности профессиональные революционеры;
- деятели Коминтерна;
- все авторитетные деятели ВКП(б) и её дочерних организаций в ЦК, обкомах и райкомах;
- все народные комиссары и их представители;
- все бывшие политические комиссары Красной Армии;
- руководящий состав центральных и местных органов власти;

Следующее собрание доказательств выполнения приказа о комиссарах не является результатом систематического, интенсивного поиска – здесь использована лишь малая часть Нюрнбергских обвинительных документов серии NOKW, а также лишь небольшая часть имеющихся в ВА/МА документов разведывательных отделов действовавших на Восточном фронте соединений.

Зона ответственности	Соединение	Период	Содержание источника	Источник
1. Группа армий «Север»				
Группа армий «Север»		2.07.1941	Начальник штаба группы армий «Север» призвал 4-ю танковую группу, 16-ю и 18-ю армии, а также командующего 101-м тыловым районом (= тыловым районом группы армий «Север») не расстреливать комиссаров задним числом из уже выстроенных подразделений	NOKW-3136
4-я танковая группа	41-й танк. корпус (Рейнхард)	8.07.1941	До сих пор был расстрелян 101 комиссар, в том числе:	NOKW-1674
			97	
	56-й танк. корпус (фон Манштейн)		4	
4-я танковая группа		19.07.1941	Расстрелян ещё 71 комиссар	Trials, XI, 597
18-я армия	1-й арм. корпус	21.07.1941	Расстрелян 1 комиссар	NOKW-1328
16-я армия	28-й арм. корпус	22.06.1941	Первое сообщение по 16-й армии о расстреле одного комиссара	Trials, X, 128
	2-й арм. корпус	26.07–2.08.1941	Расстреляны 6 комиссаров	NOKW-2148
16-я армия	1-й арм. корпус 2-й арм. корпус 39-й арм. корпус	12.10–15.11.1941	Расстреляно 20 комиссаров и политруков	NOKW-1349
		1.11	2	NOKW-2288
		1.11	2	NOKW-2148
		2.11	7	NOKW-2148
16-я армия	1-й арм. корпус 227-я пех. див.	16.11–15.12.1941	3	NOKW-1325
		17.11.1941	1	NOKW-2148
		31.12.1941	1 политрук	NOKW-1346
Тыловой район группы армий «Север»	281-я охр. див.	19.12.1941	Расстреляно 2 комиссара	NOKW-2154
2. Группа армий «Центр»				
2-я армия	53-й арм. корпус 167-я пех. див. 9-й арм. корпус	до 5.07.1941 до 8.07.1941 30.06–8.07	Расстреляно 14 комиссаров Расстрелян 1 партийный секретарь Расстреляно 6 комиссаров	NOKW-2263
2-я армия		25.07–4.08.1941	Расстреляно 99 комиссаров	NOKW-2396
4-я армия		29.06.1941	Начальник разведывательного отдела 4-й армии потребовал по радио ориентировочных сведений к 1 июля 1941 г. «по делу политических комиссаров». Разведывательный отдел 13-го армейского корпуса сообщил 30 июня, что подчинённые ему подразделения не брали в плен комиссаров	NOKW-2479 ВА/ МА XIII. АК/ 18225/3
9-я армия	582-й тыловой район 582-й тыловой район 35-я пех. див.	сент. 1941	В район ОК I/593 расстреляно несколько комиссаров	NOKW-1326
		июнь (?) 1941	В приложении к приказу коменданта 582-го тылового района № 82 предписано расстреливать комиссаров после допроса	ВА/МА RH 23/v. 236
		июнь/ноябрь 1941	Опытный отчёт разведывательного отдела дивизии: О расстрелах комиссаров узнал враг, в том числе благодаря пропагандистским листовкам немецких войск; более целесообразно	NOKW-2356

			было бы производить расстрелы в специальном лагере при [5-м] корпусе	
	6-й арм. корпус	март 1942	1 политрук	Отчёт о деятельности 580-го батальона полевой жандармерии, 1.01-31.03. 1942, АОК 9/18989/6
3-я танк. группа	20-я танк. див., в составе 39-го арм. корп.	до начала августа 1942	Расстреляно 170 комиссаров	Отчёт разведывательного отдела 3-й танк. группы, янв. – июль 1941, PzАОК 3/13119/1 (= NOKW-1904)
		17 июля 1941	2 комиссара задержаны штабом 3-й танковой группы и расстреляны	NOKW-2283
		22/23 июня 1941 5-18.07.1941	2 20	Trials, XI, 582
Тыловой район группы армий «Центр»		август 1941 г. и далее	Выявленные в лагерях для пленных комиссары были подвергнуты «соответствующему обращению»	RH 22/v. 205
	230-й пересыл. лагерь 127-й пересыл. лагерь в Орше 155-й пересыл. лагерь	январь 1942 сент. 1941 21.08.1941	Со времени существования лагеря в СД были переданы 200 евреев и 50-60 комиссаров 15 комиссаров переданы в СД По меньшей мере 125 комиссаров подвергнуты «предписанному обращению»	RH 22/v. 220

3. Группа армий «Юг»

Гр. армий «Юг»	99-я лёгкая див. (в непосредств. подчинении гр. армий)	27.06.1941 30.06.1941	Расстрелян 1 комиссар Командир дивизии приказал расстреливать всех пленных за исключением украинцев	NOKW-1294
6-я армия	17-й арм. корпус (62-я и 298-я пех. див.)	25/26.09.1941	Расстреляны 13 комиссаров	NOKW-1302
	62-я пех. див.	[10.]10.1941	Приказ о комиссарах подкреплён ссылкой на приказ командующего 6-й армией фон Рейхенау от 10 октября 1941 г.	NOKW-1318
Тыловой район группы армий «Юг»	62-я пех. див.	24.11.1941	Расстреляны 2 комиссара и 24 еврея	NOKW-1291
11-я армия		лето 1941	Листовка с призывом к украинцам начинать сбор урожая: «Виновные в вашей бедности комиссары устранены»	BA/MA RH 19 VI/405
		3.08.1941	Обер-квартирмейстер 11-й армии в приказе №472/41 распорядился, чтобы союзные войска передавали немцам политических комиссаров, подстрекателей и «нежелательные элементы»	указ. соч.
	553-й тыловой район	лето 1941	В тыловом районе армии комиссары после допроса были расстреляны (донесение гарнизонной комендатуры)	RH 23/v. 66
17-я армия	182-й пересыл. лагерь в Умани	13/15.08.1941	30-40 комиссаров были «устранены»	АОК 17/ChdSt. v. 13.08.1941. АОК 17/OQu. v. 15.08.1941
17-я армия		ноябрь 1941	Приказ разведывательного отдела 17-й армии №4055/41 секр. от 25 ноября 1941 г.: в возведённом армией концлагере комиссары подлежали «особому обращению»	АОК 17/14499/18. АОК 17/14499/51
Тыловой район группы армий «Юг»	454-я охр. див.	14.10.1941	Комиссары были расстреляны после допроса	Отчёт 454-й охр. див. от 14.10.1941, RH 22/v. 7

- руководящий состав экономической жизни;
- советско-русская интеллигенция;
- все евреи;
- все лица, относительно которых установлено, что они подстрекатели или фанатичные коммунисты⁴².

Руководители айнцакоманд должны еженедельно представлять отчёт в РСХА, причём сообщать как о количестве «лиц, признанных явно подозрительными», так и о «лицах, находящихся вне подозрений». Это осуществлялось, очевидно, для того, чтобы посредством средних показателей иметь возможность контролировать работающие «небрежно» команды. Затем от РСХА поступали распоряжения о расстреле отобранных пленных, причём Гейдрих настаивал на их тайном осуществлении:

Казни нельзя проводить в лагере или в непосредственной близости от лагеря. Если лагеря находятся в непосредственной близости от границы, то проведение особого обращения с пленными следует проводить по возможности на бывшей советско-русской территории⁴³.

Последний абзац директив опять-таки содержал ссылку на намерение Гейдриха свести к минимуму разногласия с вермахтом, чтобы из-за критики со стороны вермахта не поставить под сомнение запланированные акции:

Безупречное поведение на службе и вне её, отличное взаимопонимание с комендантами лагерей, тщательная проверочная работа вменяются в обязанность руководителей айнцакоманд и всего личного состава⁴⁴.

Как появились эти решения, согласно которым в руки расстрельных команд должны были попасть сотни тысяч военнопленных, нельзя выяснить в точности. Начальник общего управления ОКВ, генерал-лейтенант Рейнеке, заключивший соглашение с Гейдрихом⁴⁵, заявил во время процесса над ОКВ, что до сентября 1941 г., когда приказы были переработаны во всех отношениях, он якобы ничего не знал ни о приказе о комиссарах, ни об «отборе» и связанных с ним расправах. Более того, он будто бы вынужден был перенять эту практику из зоны ответственности *ОКХ*, где она применялась уже с июля 1941 г.⁴⁶ Такое заявление переворачивает ход событий с ног на голову. Из сохранившегося проекта директив Гейдриха для айнцакоманд от 28 июня 1941 г., который уже содержал все важнейшие положения, вытекает, что РСХА в это время уже вело переговоры с отделом по делам военнопленных в ОКВ и что между ними уже тогда существовало принципиальное согласие⁴⁷. Вступившие в силу 17 июля директивы Гейдриха были изменены всего в нескольких пунктах. По сравнению с проектом более сильно подчёркивалась обязанность команд поддерживать самый тесный контакт с задействованными учреждениями вермахта. Наряду с этим было отмечено, что команды должны выявлять «казавшиеся надёжными элементы» для «восстановления оккупированных территорий» и для диверсионной работы. Новым был следующий тезис:

Если проведения казней требуют интересы лагерной дисциплины, руководитель айнцакоманды должен обратиться по этому поводу к коменданту лагеря⁴⁸.

Наконец, новым был уже приведённый выше тезис о том, что командам вменяется в обязанность «безупречное поведение» и «отличное взаимопонимание с комендантами лагерей».

Эти изменения были выторгованы предположительно на заключительном совещании в середине июля, которое состоялось вероятно 16 июля и в котором наряду с Рейнеке приняли участие также начальник IV управления РСХА, бригаденфюрер СС Генрих Мюллер («Гестапо-Мюллер»), начальник отдела по делам военнопленных, подполковник Брейер и в качестве представителя управления разведки и контрразведки полковник Эрвин Лахузен⁴⁹. Лахузен сообщил Нюрнбергскому трибуналу, что Рейнеке на этом совещании в сущности поддержал точку зрения Мюллера и Кейтеля и заявил, что казни – справедливы и необходимы, ибо речь идёт о борьбе 2-х типов мировоззрения; эту позицию, мол, следует разъяснить вермахту и офицерскому корпусу, «которым, по-видимому, до сих пор присущи идеалы ледникового периода, но никак не национал-социалистской современности»⁵⁰. Сохранившиеся источники не дают повода усомниться в этом заявлении Лахузена. Рейнеке определённо принимал самое активное участие в разработке директив отдела по делам военнопленных от 17 июля⁵¹. Заявление Лахузена подтверждается к тому же ещё одним источником, который позволяет объяснить согласие Рейнеке с позицией РСХА. После многодневной инспекционной поездки по недавно оккупированным территориям, – в том числе по непосредственно подчинённой ОКХ прифронтовой зоне! ⁵²– Рейнеке провёл 4 сентября 1941 г. в Варшаве совещание с начальниками служб содержания военнопленных, окружными комендантами по делам военнопленных, – в том числе в зоне ответственности ОКХ, – и комендантами лагерей. При этом Рейнеке объявил среди прочего следующее⁵³:

Совместную работу [с айнзацкомандами] в целом следует признать успешной. А если местами и случались конфликты, то это в порядке вещей. Принципиально, чтобы СД *следовала предписанным ей директивам* [курсив мой]. Целесообразно, чтобы там, где могут возникнуть расхождения во мнениях, коменданты пересыльных лагерей вступали в контакт с СД.

После этого Рейнеке рассматривал своё положение относительно РСХА как целиком равноправное, если не более весомое.

Приказом от 17 июля была достигнута последняя степень радикализации приказов об уничтожении противника по мотивам мировоззрения, совершенствуемых с марта 1941 г. Отсутствие сопротивления предыдущим приказам по уничтожению позволило Гитлеру постоянно выдвигать всё новые и новые требования. При этом не исключена возможность того, что Гитлер в данном случае вообще не оказывал никакого влияния и что приказ появился по чьей-то инициативе из общего управления ОКВ и РСХА, где задействованные офицеры «под свою ответственность» работали над усовершенствованием методов «уничтожения противника».

Гейдрих и Рейнеке могли быть уверены в том, что запланированные меры *в принципе* с пониманием будут встречены в других политических кругах. Другой вопрос, будут ли одобрены также и методы их проведения. После обсуждения всеми заинтересованными сторонами вопроса об использовании труда советских военнопленных на территории рейха 4 июля 1941 г., будущий начальник отдела «Кавказ» имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий профессор фон Менде обобщил условия ведомства Розенберга относительно использования труда пленных следующим образом: «Не будет никаких возражений, если это использование будет осуществляться в закрытых, то есть находящихся под

строгим контролем колоннах и если все политические комиссары и руководящие партийные, а также комсомольские деятели⁵⁴ будут устранены»⁵⁵. Ещё более чётко связь с перспективами на будущее, которые существовали в ведомстве Розенберга, прослеживается в другом отчёте, а именно в отчёте чиновника связи министра иностранных дел Риббентропа при Розенберге, полномочного советника посольства Гроскопфа о совещании, состоявшемся в середине июля в ведомстве Розенберга. На нём были изложены результаты проверки стационарного лагеря для советских пленных в Хаммерштейне (Померания). При этом было критически замечено, что вера пленных в СССР поколеблена лишь частично и что «активисты» держат пленных под контролем и запугивают:

Устранение этих советских «активистов», которые представлены во всех званиях, [...] могло бы способствовать отрыву пленных от советизма, а также тому, чтобы сделать из них полезный, нетребовательный в материальном и податливый в духовном отношении рабочий инструмент. При этом, кроме более менее удовлетворительного питания и при всей необходимой строгости, следует применять к ним такое обращение, которое воспринималось бы как справедливое и достойное человека⁵⁶.

При этом в национал-социалистском руководстве большую роль играла не только мысль сделать советское население безэлитным и легко манипулируемым народом рабов, но и мысль предотвратить посредством ликвидации всех «фанатичных коммунистов» любую коммунистическую агитацию среди немецкого населения и соответственно опасность сеяния «настроений». Во время другого совещания по вопросу «отбора» в начале сентября Рейнеке вновь подчеркнул необходимость этих мероприятий. Перед этим Геринг настойчиво заявлял ему: «Нам не хватает ещё, чтобы теперь во время войны немецкие рабочие благодаря соприкосновению с военнопленными оказались заражены большевизмом»⁵⁷.

Выполнение приказов осуществлялось с уничтожающей эффективностью. Вслед за «особым приказом № 8» от 17 июля начальник гестапо Мюллер издал 21 июля «особый приказ № 9», согласно которому в лагеря для советских военнопленных, расположенные в отдельных районах территории рейха, в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве откомандировывались команды⁵⁸. Так как вскоре после этого советские военнопленные в постоянно возрастающем количестве перемещались в лагеря по всей территории рейха, то Мюллер издал 27 августа распоряжение всем бюро гестапо на территории рейха постоянно следить за тем, не имеются ли в зоне их компетенции такие пленные и, если имеются, тут же «посылать туда айнзацкоманды для чистки лагерей»⁵⁹. С тех пор транспорты, в которых «нежелательные» пленные доставлялись в концентрационные лагеря для уничтожения, не прекращались до конца войны.

Формально процесс «отбора» осуществлялся следующим образом: После того как айнзацкоманды отбирали «нежелательные элементы», – на основании общего перечня «врагов» и при крайнем произволе, – они через соответствующее бюро гестапо направляли в отдел IV A 1 с РСХА список с фамилиями в качестве «заявки на проведение казни». Управляющий делами отдела⁶⁰ представлял затем соответствующий приказ о проведении казни на подпись начальнику гестапо Мюллеру. Один экземпляр этого приказа направлялся в лагерь для пленных, который формально,

согласно договорённости между Гейдрихом и Рейнеке должен быть освобождать назначенных лиц из плена и перевести в концлагерь, где их должны были казнить, и второй экземпляр – в собственно концентрационный лагерь. Концлагерь докладывал об исполнении приговора в отдел IV А 1 с РСХА и инспектору концентрационных лагерей в Ораниенбурге⁶¹. Предписанное «особое обращение», то есть убийство отобранных осуществлялось не по единому стандарту. Так, на территории рейха они, как правило, доставлялись в ближайший концентрационный лагерь⁶². В Дахау их расстреливала на стрельбище особая команда, в Заксенхаузене и Бухенвальде – убивали в приспособленных якобы для научных исследований помещениях выстрелом в затылок; в Маутхаузене умерщвление осуществлялось особенно жестокими способами: в каменоломне лагеря «посредством работы» с помощью инъекций фенола и других химикалий, путём удушения с помощью хлората магния, изнурения голодом, а позднее путём расстрелов. О числе убитых таким образом советских военнопленных нет даже приблизительных данных. Оно составляет примерно 50 000 человек, но это минимальная цифра⁶³.

Об «отборах» в Восточной Пруссии, генерал-губернаторстве и районах командующих войсками «Остланда» и «Украины», где ликвидация пленных осуществлялась иным способом, ввиду неудовлетворительного состояния источников также сохранилось очень мало сведений. В этих районах казни осуществлялись, как правило, самими айзацкомандами или мобильными расстрельными командами СС и полиции. Так, 1-я рота 13-го запасного батальона полиции расстреляла утром 3 октября 1941 г. 141 пленного [56-й лагерь для офицеров] в Просткене (Восточная Пруссия), во второй половине того же дня – 51 пленного [331-й стационарный лагерь] в Фишборне (Восточная Пруссия) и 30 октября – 166 пленного лагеря к западу от Белостока⁶⁴. В другом, ставшем известном случае служащие 306-го батальона полиции расстреляли между 21 и 28 сентября 1941 г. от 5000 до 6000 советских пленного из лагеря Калилов близ Бяла-Подляска в генерал-губернаторстве⁶⁵. Эти цифры свидетельствуют, что в этих районах расстрелы военнопленных были гораздо более массовыми, чем на территории рейха⁶⁶.

О том, что айзацкоманды осознавали свои действия, говорит запись доклада, в котором 2 служащих гестапо из Веймара сообщали в начале октября 1941 г. функционерам НСДАП о своих задачах:

Судя по поступившим приказам и директивам, мы должны сделать большую часть недавно завоёванных нами территорий пригодной для немецкой колонизации. Как ясно каждому, для завоёванных территорий нам нужны люди, которые, во-первых, потребуются для восстановления, во-вторых, для введения в действие предприятий и угодий. В настоящее время мы пока ещё не располагаем большим количеством соотечественников для решения этих задач. Поэтому мы вынуждены обращаться к русским людям. Вполне понятно, что не каждого советского русского можно использовать для этих работ, ибо с начала 20-х годов и до сих пор русские систематически обучались и подстрекались в большевистском духе. Поэтому следует выявлять и устранять все нежелательные элементы, которые находятся среди военнопленных и использование которых на оккупированной территории весьма сомнительно.

После перечисления различных категорий «врагов», доклад продолжает:

Нет оснований испытывать по отношению к русским сентиментальные или иные чувства. Поэтому советские русские, признанные айнцацкомандами «подозрительными», должны быть немедленно расстреляны после подачи об этом рапорта согласно отданным РСХА директивам от 17 июля 1941 г. и получения разрешения на казнь. [...]

Первая проверка производится в прифронтовом стационарном лагере, где уже происходит контроль и отбор по каждому из направлений. В первом и последующих лагерях на территории рейха та же работа повторно проводится действующими рабочими командами. Это можно объяснить тем, что поступившие здесь для проверки советские русские в основной массе уже освобождены от подозрительных элементов⁶⁷. Верховное командование вермахта только в последние дни отдало соответствующие распоряжения об обращении с советско-русскими военнопленными во всех лагерях для военнопленных заинтересованным в этом вопросе учреждениям вермахта...⁶⁸ Они подчёркивают важность политической и иной проверки советско-русских военнопленных и понимают, что в случае с русскими пленными речь идёт не о военнопленных в обычном смысле, но, как подчеркнул фюрер в своей последней речи перед открытием зимней кампании 1941–1942 гг.⁶⁹, о врагах, которые сплошь состоят из зверей и скотов. Так с ними в первую очередь и следует поступать⁷⁰.

С каким ожесточением айнцацкоманды настаивали на казни своих произвольно выявленных жертв даже тогда, когда против этого были чисто деловые, правдоподобные для убеждённого национал-социалиста доводы, показывает событие, случайно отражённое в документах. Этот случай, а именно, длившаяся несколько месяцев тяжба между бюро гестапо в Мюнхене и начальником службы содержания военнопленных в VII корпусном округе (Мюнхен), в которую оказались вовлечены также РСХА, отдел по делам военнопленных в ОКВ, биржа труда Баварии и, наконец, управление 4-хлетним планом, во многих отношениях настолько показателен, что на нём, вероятно, следует остановиться более подробно. Этот случай проливает яркий свет на позицию задействованных органов гестапо. Ещё важнее то, что он со всей очевидностью показывает, какие возможности предоставлялись самим подчинённым военным органам организовать, – в известных рамках, – сопротивление выполнению приказов о расстрелах, и как руководство вермахта содействовало тому, чтобы свести эти возможности на нет⁷¹.

В середине сентября в стационарный лагерь VII А Моосбург были доставлены 5238 советских военнопленных. Поскольку эти пленные ещё не были «проверены», бюро гестапо Мюнхена откомандировало туда в конце сентября айнцацкоманду с соответствующим заданием. В ноябре начальник службы содержания военнопленных в VII корпусном округе, генерал-майор Заур⁷² заявил протест в отдел по делам военнопленных в ОКВ против «поверхностного», то есть слишком общего «отбора» со стороны команды. Этот протест, переданный отделом по делам военнопленных в РСХА, вызвал в бюро гестапо Мюнхена кипучую деятельность. Там старались доказать, что каждый отдельный пленный был по праву отобран для «особого обращения». До 26 ноября это были: 3 «функционера и офицера», 25 евреев, 69 «интеллигентов», 146 «фанатичных коммунистов», 85 «подстрекателей, провокаторов и воров», 35 беглецов и 47 «неизлечимо больных»⁷³. Они составили, как выразился

представитель гестапо в докладной записке, «всего» 13% от общего числа (3788) проверенных пленных, в то время как бюро гестапо в Нюрнберге-Фюрте и Регенсбурге в среднем «отбирали» 15–17%⁷⁴; команды якобы строго придерживались буквы директив, и выявляли пленных за «малейшее нарушение лагерной дисциплины», несмотря на протесты офицеров и охранников стационарного лагеря, не оставив в лагере также немецкоязычных евреев, которых руководство лагеря хотело сохранить в качестве переводчиков. У офицеров стационарного лагеря VII А якобы сплошь существовали намерения

облегчить положение русских путём милосердия, больных русских опять поставить на ноги⁷⁵ и тем самым прикрыть себя личиной гуманности. Но опыт якобы показывает, что русских можно было заставить работать только посредством крайней строгости и с применением телесных наказаний⁷⁶.

Ни у начальника службы содержания военнопленных, ни у коменданта лагеря, «старого, опытного офицера», они не нашли поддержки. При этом особенно «нежелательным» выглядит офицер по использованию труда пленных при начальнике службы содержания военнопленных, майор Мейнель, увольнения которого потребовал в РСХА мюнхенский инспектор полиции и СС, обер-группенфюрер СС фон Эберштейн⁷⁷. В ходе беседы с управляющим делами мюнхенского гестапо Мейнель дал о себе знать,

что он считает нашу манеру обращения с советскими военнопленными никуда не годной. Он – старый солдат и с солдатской точки зрения не одобряет такие действия. Если вражеский солдат взят в плен, то он именно взят в плен и не может быть просто так расстрелян. Второй причиной того, что он против такого образа действий, является то, что ситуация с рабочей силой в VII корпусном округе сложилась катастрофическая, а потому необходимой считается любая сила.

Русские – хорошие работники, а кроме того, существует опасность, что Советский Союз будет обращаться точно так же с немецкими пленными, «ибо общественность постепенно узнает обо всём». Сначала нужно накопить опыт и соответственно обращаться с пленными; следует также дать интеллигенции возможность ознакомиться с немецкими условиями и уже тогда вести среди их товарищей разъяснительную работу⁷⁸. В другой беседе Мейнель обратил внимание на то, что 560 «отобранных» пленных означают ежедневную потерю 5600 рабочих часов и что предназначенные к уничтожению пленные-интеллигенты будут нужны в качестве высококвалифицированных рабочих-специалистов⁷⁹. Вместо того чтобы позволить запугать себя постоянным вмешательством гестапо, Мейнель при поддержке фон Заура запретил в середине января 1942 г. передавать гестапо 173 пленных, которые были уже «отобраны», но ещё не доставлены в концентрационный лагерь Дахау. 15 января фон Заур объяснил это в бюро гестапо в Мюнхене тем, что эти пленные прошли проверку до того, как Гитлер отдал приказ о широком использовании труда советских пленных. Положение с рабочей силой в корпусном округе является «крайне напряжённым, и ценность представляет любая рабочая единица»; поэтому он просит о повторной проверке военнопленных с тем, чтобы «использовать их, если среди них окажутся пригодные для выполнения работ»⁸⁰. Несмотря на то, что задействованные чиновники гестапо, – согласно их письменным показаниям, – очевидно, серьёзно были убеждены в «опасности» советских военнопленных,

данный вопрос стал уже к этому времени для Эберштейна и бюро гестапо в Мюнхене вопросом престижа. Инспектор полиции и СС отклонил 23 января предложение фон Заура произвести повторную проверку военнопленных, и, когда пленные всё ещё не были переданы, направил 28 января в РСХА телеграмму-молнию, в которой потребовал немедленного вмешательства в это дело генерала Рейнеке, ибо «использование этих фанатичных большевиков на внешних работах... означает страшную угрозу для безопасности народа и государства»⁸¹. В главном управлении имперской безопасности, где уже были информированы о необходимости широкого использования труда советских военнопленных в военной экономике⁸², были склонны пойти на компромисс, тем более что в это вмешалась рабочая группа по использованию рабочей силы в управлении четырёхлетним планом⁸³⁻⁸⁴. После беседы с Рейнеке 9 февраля представитель Мюллера и руководитель группы IV А, обер-фюрер СС Фридрих Панцингер решил вновь подвергнуть проверке тех уже «обобранных» военнопленных, которые были включены в рабочие команды, а остальных⁸⁵ немедленно передать гестапо. При этом он «доверительно» указал на то,

что численность военнопленных по разным причинам является значительно меньшей, чем предполагалось, а потому в интересах внутренней безопасности и военной экономики необходим тщательный отбор⁸⁶.

Бюро гестапо в Мюнхене не было склонно соглашаться на этот компромисс и потребовало, чтобы все пленные были переданы ему без повторной проверки. Рейнеке заявил, что после повторной беседы с Панцингером он согласился с тем, чтобы все пленные были доставлены в концентрационный лагерь Бухенвальд и там проверены ещё раз⁸⁷. Точку в этом деле поставило сообщение начальника тайной полиции Мюллера в бюро гестапо Мюнхена о том, что, мол, фон Заур и Мейнель под давлением РСХА сняты со своих постов. Было заявлено, что 120 из 188 доставленных в Бухенвальд пленных не будут подвергнуты «особому обращению». Однако вопреки первоначальному соглашению с Рейнеке было сказано, что их вернут только в том случае, «если вермахт ещё раз вернётся к этой теме»⁸⁸, – чего не случилось.

В системе начальника службы содержания военнопленных в VII корпусном округе групповое согласие в отношении традиционного ведения войны было ещё сравнительно сильно⁸⁹. Поэтому Мейнель смог, прикрываясь фон Зауром, использовать предоставленные возможности и противопоставить себя мерам мюнхенского гестапо. Но это сразу же потерпело неудачу, как только Рейнеке в ОКВ не оказал ему поддержки. Нехватка рабочей силы и возникшие в результате этого осложнения в экономике давали ему возможность поддержать фон Заура. Это не значило противопоставить себя режиму. Но Рейнеке не согласился на это. Казалось, что и у него взяли верх идеологические сомнения. Ему хотелось оправдать свою позицию ещё и тем, что в других корпусных округах такие конфликты не имели места⁹⁰. А бюро гестапо могло в своих отчётах ссылаться на то, что в соседнем XIII корпусном округе (Нюрнберг) до 24 января было «отобрано и подвергнуто особому обращению» 2009 советских пленных и что сотрудничество с тамошним начальником службы содержания военнопленных Николаусом Шеммелем было «превосходным»: «Трудности того или иного вида до сих пор не имели места»⁹¹.

Хотя, насколько известно, принципиального сопротивления активным действиям айнцакоманд, – несмотря на описанный выше случай, – не произошло, всё же это показало в начале сентября 1941 г. необходимость определённой модификации директив Гейдриха. Во второй неделе сентября с Рейнеке вновь встретились представители РСХА, управления разведки и контрразведки и на этот раз также имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий⁹². Результатом этого совещания стало подписание Гейдрихом «дополнения» к директивам для айнцакоманд, которое вступило в силу 12 сентября 1941 г.⁹³ Прежде всего представитель министерства восточных территорий, генеральный консул доктор Отто Бройтигам добился в нескольких пунктах более чёткого определения категории «врагов» и тем самым некоторого послабления. Во вступлении к этому «дополнению» Гейдрих подчёркнуто указал на то, что задача выявления «надёжных элементов... для восстановления территорий на Востоке» является не менее важной, чем отбор «нежелательных» пленных, – задача, которой айнцакоманды к досаде министерства по делам оккупированных восточных территорий до сих пор пренебрегали. Далее указывалось на то, что следует обращать больше внимания на «этническую принадлежность» пленных. Украинцев, азербайджанцев, белорусов, армян, кавказцев и представителей тюркских народов

только в том случае следует считать окончательно подозрительными и обращаться с ними в дальнейшем согласно директивам, если в речь идёт о действительно фанатически убеждённом большевике, политическом комиссаре или об иных опасных комиссарах. Следует иметь в виду, что тюркские народы в особенности часто имеют еврейскую внешность и что одно обрезание не может быть доказательством еврейского происхождения (например мусульмане)⁹⁴.

На этом пункте Бройтигам настаивал особо. Как представитель «консервативной» линии, он настаивал на вербовке союзников среди национальных меньшинств Советского Союза, особенно на Кавказе, который он хорошо знал. Поскольку он знал, что эти народы благодаря сталинской политике относительно национальных меньшинств весьма чувствительны к антибольшевистской пропаганде, то для него было очевидно, что большой политической глупостью было особенно плохое обращение именно с этими народами соответственно национал-социалистской расовой теории. А именно это и делалось до сих пор: айнцакоманды уничтожали *всех* «азиатов», тысячи пленных мусульман были расстреляны как «евреи» потому, что были обрезаны⁹⁵. Но не только среди айнцакоманд господствовало убеждение,

что чем дальше идёшь на Восток, тем более неполноценны живущие там народы. Если уже поляков подвергали суровому обращению, то согласно этому мнению, украинцев, белорусов, русских и, наконец, «азиатов» следовало подвергать ещё более суровому обращению⁹⁶.

Было также определено понятие «интеллигенция». После того как прежде все пленные, которые имели более менее приличное образование, были, очевидно, в большинстве случаев расстреляны, Гейдрих подчеркнул, что «самый простой, безграмотный советско-русский невежа... в своём политическом фанатизме» может быть опаснее, чем советский инженер. В первую очередь следовало ликвидировать «профессиональных революционеров, писателей, редакторов, служащих Коминтерна и т. д.». Это также, вероятно, было конкретизировано под влиянием министер-

ства восточных территорий, где знали о том, что для использования инфраструктуры советских территорий необходим хотя бы минимум «советской интеллигенции».

Для процедуры ликвидации также были даны новые указания, которые явились ответом на жалобы. Гейдрих неоднократно подчёркивал, что казни должны производиться «немедленно». Их также «ни в коем случае не следует проводить в лагере или в непосредственной близости от него; категорически запрещается присутствие свидетелей»⁹⁷. Здесь Бройтигам также заявил протест: Во многих лагерях «отобранных» неделями без пищи мурьжили в забоях за колочей проволокой поблизости от лагеря, ибо расстрельные команды не успевали справляться с требуемыми казнями⁹⁸. Поскольку остальные пленные становились таким образом свидетелями подобного обращения, то в некоторых командах дополнительно появилась тенденция проводить ликвидации открыто в качестве пропагандистских «карательных акций»⁹⁹. Всё это, конечно, не способствовало тому, чтобы облегчить усилия министерства по делам оккупированных восточных территорий по «пропагандистскому охвату» пленных.

Тот факт, что в «дополнениях» Гейдриха в 4-й раз в течение короткого времени повторялось указание о том, чтобы акции проводились немедленно и без свидетелей, говорит о чётко организованной работе по уничтожению. То, что система приказов и повиновения¹⁰⁰, якобы безупречно действовавшая в системе СС, оказалась не такой совершенной, как это хотели доказать защитники, говоря о требованиях «преступных приказов», показывает подробно описанный уже конфликт в VII корпусном округе, когда бюро гестапо одержало верх над готовым к компромиссу РСХА¹⁰¹. В дело были пущены также другие механизмы, вытекавшие из самих же карательных акций. Вытекавший из деятельности айнзацкоманд огрубляющий эффект приводил их к убеждению, что если уж проводить «чистку», то нужно делать это основательно¹⁰²; личный состав айнзацкоманд по собственной инициативе усовершенствовал технику массового убийства¹⁰³, и принятые РСХА по политико-тактическим основаниям меры по соблюдению тайны казались им лишь досадной помехой. Наряду с этим в качестве психологического момента выступает стремление воззвать к общественности по поводу убийств, чтобы получить одобрение выполнению «сурового» долга, а также чтобы поставить в известность «об этих делах» и привлечь к их осуществлению хотя бы в качестве соучастников более широкий круг лиц¹⁰⁴.

Директивы отдела по делам военнопленных в ОКВ от 17 июля 1941 г. распространялись также на прифронтовую зону, отдавать распоряжения по которой имело право только ОКХ. В своём «особом приказе № 8» о проверке пересыльных лагерей на недавно оккупированных территориях Гейдрих дал ряд указаний начальникам айнзацгрупп. В дополнении он просил начальников айнзацгрупп «позаботиться о том, чтобы проводить чистку пересыльных лагерей по возможности собственными силами»¹⁰⁵. В этом случае, однако, руководство сухопутных сил оказалось не готово повторно расширять полномочия айнзацгрупп, которые были закреплены по соглашению с Гейдрихом в марте 1941 г. Уже упомянутым приказом от 24 июля 1941 г.¹⁰⁶ генерал-квартирмейстер Вагнер категорически запретил деятельность айнзацкоманд в лагерях прифронтовой зоны. Одновременно был приказано, как и в приказе отдела по делам военнопленных от 17 июля, осуществить «разбивку»

пленных на различные группы. Группа подлежащих ликвидации врагов была меньше, чем в директивах Гейдриха: «Политически нежелательные и подозрительные элементы, комиссары и подстрекатели» подлежат обращению «согласно отданным особым распоряжениям», то есть должны быть расстреляны согласно плану «Барбаросса» и приказу о комиссарах. «Азиатов (в зависимости от их расы), евреев и русских, говорящих по-немецки»¹⁰⁷, следовало изолировать, но в отличие от предусмотренного в директивах Гейдриха «особого обращения», использовать на работах в прифронтовой зоне и в любом случае держать вдали от Германии. Отличие от директив Гейдриха означает также отличие политики руководства сухопутных сил от «сугубо национал-социалистского»: Приказ Вагнера требовал уничтожения «только» «истинных», то есть *политических* противников. Директивы Гейдриха, напротив, следуя постулатам чисто национал-социалистского учения, требовали уничтожения евреев, как «биологического корня» большевизма, а заодно всех тех, которые принадлежали к «интеллигенции» в общем смысле слова и могли в последующем образовать потенциально опасную для Германии элиту.

Этим приказом руководство сухопутных сил ещё раз с особым ударением и особой настойчивостью в основном повторило уже существующие предписания относительно военнопленных, а именно, план «Барбаросса» и приказ о комиссарах, причём сделало это по инициативе главнокомандующего сухопутными силами¹⁰⁸. К более эффективной форме идеологической войны ещё не были готовы. Правда, события должны были показать, что войска на фронте и в тыловых районах часто не считались с этим различием и вопреки приказу Вагнера предоставляли айнзацкомандам широкое поле деятельности. По некоторым примерам можно заключить, в каком широком объёме части вермахта и айнзацкоманды сотрудничали на фронте при «тщательном отборе» пленных уже в первые недели войны. Составленные РСХА по сообщениям айнзацгрупп «Донесения о событиях в СССР»¹⁰⁹ содержат достаточно тому доказательств.

В середине июля офицер связи Гейдриха при армии «Норвегия» сообщил, что его команда войдёт в Мурманск по возможности вместе с 20-м горнострелковым корпусом (генерал горно-стрелковых войск Дитль). «Практическая работа состоит в отборе комиссаров и руководящих коммунистов»¹¹⁰. Здесь, как и в других воинских частях существовала тенденция предоставлять исключительно айнзацкомандам выявление и ликвидацию комиссаров. 24 августа 1941 г. командующий тыловым районом группы армий «Юг», генерал пехоты Карл фон Рок также приказал СД «присутствовать при сортировке военнопленных, чтобы отобрать соответствующие элементы»¹¹¹. При этом некоторые отряды самостоятельно расширяли круг жертв: После того как в айнзацгруппе «Ц» один советский полковник заявил, что все офицеры от старшего лейтенанта и выше являются *членами* партии, в айнзацгруппе сделали вывод: «Значит этих офицеров следует считать политическими работниками»¹¹², – что могло означать только одно – все они будут расстреляны.

В зоне ответственности всех 3-х групп армий айнзацкомандам уже в первые недели войны был предоставлен доступ в лагеря для военнопленных или по крайней мере «передавались» пленные, «отобранные» вермахтом для ликвидации. Из группы армий «Юг» (главнокомандующий генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт), где сотрудничество с айнзацгруппой «Ц» (командир бригаденфюрер СС доктор Отто

Раш) было особенно тесным, 9 августа команды докладывали о том, что наряду с «акциями» против евреев планомерно осуществляется «чистка лагерей военнопленных»¹¹³. В начале ноября айнзацгруппа докладывала:

Число казней, проведённых зондеркомандой 4 а, возросло между тем до 55 432. В общее число расстрелянных зондеркомандой 4 а во второй половине октября и до дня донесения лиц, наряду с относительно небольшим количеством политработников, активных коммунистов, саботажников и др., входят в первую очередь евреи, причём большую часть евреев опять-таки составляют переданные вермахтом военнопленные. В Борисполе по требованию коменданта тамошнего лагеря для военнопленных взвод зондеркоманды 4 б расстрелял 14 октября 1941 г. – 752 и 18 октября 1941 г. – 357 военнопленных еврейской национальности, среди которых было несколько комиссаров и 78 раненых евреев, переданных лагерным врачом. [...] К этому следует заметить, что не все акции в Борисполе осуществлялись при активной поддержке местных учреждений вермахта. Другой взвод зондеркоманды 4 а действовал в Лубнах и беспрепятственно казнил 1865 евреев, коммунистов и партизан, среди которых было 53 военнопленных и несколько женщин еврейской национальности¹¹⁴.

В группах армий «Центр» и «Север» такое систематическое и тесное сотрудничество, кажется, не было правилом в первые недели войны. Однако, действовавшая в зоне ответственности группы армий «Север» айнзацгруппа «А» докладывала в начале сентября под рубрикой «Проверка военнопленных», – по-видимому, регулярно применявшейся, но обычно не всплывавшей в *Донесениях о событиях*, – о проверке 2-х лагерей:

Успех удовлетворителен в той мере, в какой установлена численность *членов* коммунистической партии, партийных деятелей и руководящих деятелей колхозных и совхозных предприятий. С ними поступили согласно данным особым указаниям¹¹⁵.

Из другого отчёта айнзацгруппы «А» следует, что «*систематическое прочёсывание и чистка лагерей военнопленных*» уже стала обычным делом¹¹⁶.

Было бы, конечно, ошибочно делать из приведённых здесь случаев вывод, будто использование отрядов СС в лагерях прифронтовой зоны являлось общей практикой ещё до того, как на это была получена санкция со стороны ОКХ. Однако в *Донесениях о событиях* до начала ноября имеется только одно донесение из зоны ответственности айнзацгруппы «Ц», из которого следует, что при «передаче» военнопленных еврейской национальности из лагерей прифронтовой зоны дело дошло «до открытого конфликта с комендантом лагеря»:

Только по еврейскому вопросу вплоть до недавнего времени в нижестоящих инстанциях вермахта нельзя было найти безусловного понимания. Это сказалось прежде всего на чистке лагерей военнопленных. В качестве особо яркого примера следует назвать действия одного коменданта лагеря в Виннице, который через своего представителя категорически запретил проводившуюся выдачу 362 военнопленных евреев и даже возбудил против этих и ещё 2-х других офицеров уголовное дело. Слишком часто айнзацкомандам приходилось терпеливо сносить более или менее скрытые формы упреков по поводу их твёрдой позиции в еврейском вопросе. К этому в последующем добавился ещё один неприятный момент, когда по

приказу ОКХ доступ в пересыльные лагеря для СД вообще был закрыт. Только благодаря недавнему приказу ОКВ¹¹⁷ эти препятствия были устранены, ибо отныне в этом приказе чётко указано, что вермахт также должен вносить свою долю в решение данной проблемы и стараться, чтобы СД были предоставлены все возможные полномочия. Правда, именно в последние дни следует констатировать, что этот основной приказ всё ещё не достиг нижестоящих инстанций. Но в будущем, по крайней мере если речь идёт о зоне ответственности 6-й армии, от учреждений вермахта следует ожидать дальнейшей поддержки и готовности прийти на помощь. Так, генерал-фельдмаршал фон Рейхенау ещё 10 октября 1941 г. издал приказ¹¹⁸, в котором было чётко указано, что вермахт должен рассматривать русского солдата как представителя большевизма и подвергать соответствующему обращению¹¹⁹.

При этом показательно, что конфликты возникали только из-за пленных евреев, в то время, как взаимодействие, по-видимому, проходило успешно, пока речь шла только о коммунистах и подстрекателях. «Разногласия» не могли быть слишком серьёзными, ибо прежде айнцагруппа докладывала о «планомерной чистке» лагерей военнопленных, не упоминая о сопротивлении.

Другой конфликт произошёл в группе армий «Центр». Там в начале ноября оберштурмфюрер СС 8-й айнцагкоманды жаловался инспектору полиции и СС «Центральной России», обер-группенфюреру СС Бах-Зелевскому на «недостойное» поведение коменданта 185-го пересыльного лагеря в Могилёве майора Витмера. Эта жалоба является настолько поучительной, что её следует привести целиком. Из неё следует, что комендант лагеря со своей позицией якобы одинок среди многих других офицеров вермахта и полиции¹²⁰ и что его возражения против убийства евреев не согласуются с «суровой» позицией в отношении военнопленных. Кроме того, этот источник даёт необычайно чёткое представление о менталитете командиров айнцагкоманд:

3 ноября 1941 г. [...] в 191-й полевой комендатуре под председательством коменданта, подполковника фон Ягвица, состоялось совещание, в котором также приняли участие начальник тайной полевой полиции, полевой жандармерии, советник Рот, начальник гарнизона майор Мост, комендант лагеря майор Витмер и капитан Нёльс из полицейского полка «Центр».

После произнесённой мною по поручению коменданта полевой комендатуры речи о необходимости радикальных мер для окончательного решения еврейского вопроса, майор Витмер высказался об этом в общих чертах и на вопрос, поставленный в связи с этим комендантом полевой комендатуры, как следует поступать с сомнительными элементами в лагерях гражданских пленных в плане более целесообразного с ними обращения, ответил почти дословно следующее:

«У меня в лагере тоже имеется какое-то число пленных евреев, но я и не подумав выдавать их для «особого обращения», ибо на это нет приказа со стороны полномочных учреждений вермахта, а это для меня очень важно».

По поводу борьбы с партизанским движением майор Витмер также занимает противоречащую мнению полиции безопасности, совершенно ложную и непонятную позицию, которая станет ясна в ходе этого дела благодаря его последовательно переданным возражениям.

Так, комендантом полевой комендатуры был задан вопрос, как целесообразнее всего можно бороться с бродяжничеством на просёлочных дорогах. Когда от меня потребовали высказать своё мнение по этому вопросу, я заявил, что всех мужчин призывного возраста, которые, проходя через немецкую воинскую часть в период после оккупации новых территорий на Востоке, не могут удостоверить свою личность, следует непременно считать партизанами и ликвидировать как антиобщественные элементы из-за потенциальной угрозы, которую они представляют для общественной безопасности. А майор Витмер, протестуя, заявил:

«Ну, ну, не так рьяно, можно ведь не совершать явных убийств».

Эти высказывания, за истинность которых я ручаюсь, доказывают, что майор Витмер:

а) не только не поддерживает то решение еврейского вопроса, которое защищает и предлагает имперское правительство, но проводит свою собственную, совершенно ложную политику путём мелочного толкования чисто военных положений и предписаний;

б) в борьбе с партизанским движением и бродяжничеством занимает позицию, которая с точки зрения полиции безопасности не согласуется с его задачами и обязанностями коменданта лагеря для военнопленных.

В заключение я могу подчеркнуть, что объявление подобной точки зрения перед определённым и занятым этим делом кругом лиц способно вызвать препятствия и оказать довольно неблагоприятное влияние на практическое решение этих вопросов, особенно тогда, когда тот или иной из участвующих в этом идеологически не достаточно подкован или крепок. Наконец, остаётся подчеркнуть, что майор Витмер ещё и добавил к слову, что при существенных промахах со стороны подчинённых ему пленных он и сам умеет управляться с ними, не привлекая СД. (Он привёл случай, когда один из пленных угрожал через переводчика часовому, и он тут же распорядился расстрелять виновного)¹²¹.

Этот случай, кажется, ещё раз подтверждает то, что и так ясно из *Донесений о событиях*, а именно, что солдаты, которые выступали против уничтожения евреев и во исполнение отданных им приказов запрещали айнзацкомандам доступ в лагеря для военнопленных, уже находились в меньшинстве. Несомненно, что в зоне ответственности группы армий «Юг», особенно 6-й армии, это сопротивление осуществлялось только нижестоящими учреждениями вермахта и не находило никакой поддержки на высшем уровне¹²². В самом деле, фронтовым частям должно было казаться бессмысленным пачкать свои руки и расстреливать пленных, когда айнзацкоманды сами стремились к этому, желая этими действиями предоставить своему начальнику Гейдриху доказательства образцового служебного рвения. Кроме того, комендантам лагерей должно было казаться нелепым стремлением вести довольно рискованную борьбу за жизнь нескольких дюжин пленных в то время, как в их лагерях ежедневно умирало от голода по 50 или 100 пленных¹²³. И почему было айнзацкомандам не воспользоваться представившимся шансом и не улучшить существенно позицию полиции безопасности в сравнении с позицией вермахта согласно желанию Гейдриха, в то время, как они оказались той самой силой, которая одна только и была в состоянии радикально и окончательно решить «восточный вопрос»?

7 октября 1941 г. руководство сухопутных сил отменило запрет на доступ отрядов СД в лагеря и приняло распространённую в зоне ответственности ОКВ, начиная с июля месяца, практику:

[...]

б) Использование зондеркоманд по договорённости с командующими тыловых районов (окружными комендантами по делам военнопленных) следует урегулировать таким образом, чтобы отбор проводился по возможности незаметно, а ликвидация – немедленно и вдали от пересыльных лагерей и населённых пунктов, чтобы об этом не знали ни прочие военнопленные, ни гражданское население.

с) Главкомандующие группами армий и командующие тыловыми районами согласно соглашению от 28 апреля могут не разрешить деятельность зондеркоманд в части тыловых районов в интересах проведения операций.

д) В тех пересыльных лагерях тыловых районов, в которых зондеркоманды ещё не смогли произвести «отбор», следовало действовать под ответственность комендантов согласно действующим положениям. По прибытии зондеркоманд «отбор» нежелательных элементов становился исключительно их задачей. Совместного проведения «отбора» следует избегать.

3. Следует избегать передавать этот приказ в письменной форме, а также делать из него выписки. Окружным комендантам по делам военнопленных и комендантам пересыльных лагерей он должен сообщаться устно¹²⁴.

Прецеденты, которые имелись на практике в прифронтовой зоне, наводят на мысль о том, что руководство сухопутных сил только теперь сделало из них соответствующие выводы. Однако весьма вероятно, что это произошло не без нажима со стороны руководства вермахта. На это указывает ряд признаков. Процитированный здесь проект ОКХ, кажется, не был обнародован в такой форме. Заметное в нём намерение руководства сухопутных сил как можно больше дистанцироваться от команд, – так, было запрещено «проводить совместные отборы», – в окончательном варианте приказа сошло на нет. Согласно сложившейся в зоне ответственности ОКВ практике комендантам лагерей было теперь приказано осуществлять «тесное сотрудничество» с командами¹²⁵. О соучастии ОКВ можно заключить хотя бы из того, что айнзацкоманды получили теперь вместо директив Гейдриха от 17 июля новые директивы, в которые, – отчасти дословно, – были включены значительные отрывки из приказов Рейнеке, то есть приказов отдела по делам военнопленных от 17 июля и 8 сентября. При этом речь шла об идеологически разработанном обосновании этих «особых мер», которое, пожалуй, в первую очередь должно было служить аргументацией в переговорах с учреждениями сухопутных сил на фронте, а заодно укреплять оперативную готовность команд¹²⁶.

Что касается реакции войсковых командиров на решение ОКХ, то сохранилась только реакция фельдмаршала фон Бока. Его позиция в отличие от позиции фон Браухича начиналась словами о признании ответственности армии за «жизнь и безопасность её военнопленных», которая «как любая ответственность» неразделима: не годится, «чтобы служащие полиции принимали решения о жизни и смерти военнопленных в военных лагерях». Однако это принципиальное утверждение имело своим намерением лишь обеспечение алиби, ибо на деле фон Бок почти полностью уступил по всем пунктам: Если «отбор определённых лиц... необходим

по политическим причинам», то это может происходить в согласии с комендантами лагерей, причём «в отдельных случаях», а именно, в случае возражений коменданта лагеря, решение, «заслушав доводы начальника полиции», должен принять командующий тыловым районом. С отобранными «вне зоны ответственности армии ... можно поступать так, как того требуют политическая необходимость и безопасность государства»¹²⁷.

Таким образом политика руководства сухопутных сил принять лишь частичное, – хоть и довольно существенное, – исходящее из собственных целей участие в акциях по уничтожению на Востоке, потерпела крах. Это произошло не только потому, что «мировоззренчески» гораздо сильнее интегрированное руководство вермахта навязало изменения, но также и потому, что предположения руководства сухопутных сил, будто оно может твёрдо управлять действиями войск, оказались ошибочными¹²⁸.

Сколько советских военнопленных стало жертвами расстрелов со стороны отрядов СД, можно, судя по состоянию источников, указать лишь приблизительно. Для территории рейха (исключая Восточную Пруссию) уже была названа *минимальная цифра* 50 000 человек, из которых большая часть была уничтожена в 1941 г. Представляется, что на территории рейха до февраля 1942 г. в качестве «нежелательных» было ликвидировано в среднем от 10 до 20% пленных¹²⁹. На остальной, подчинённой ОКВ территории, а именно, в Восточной Пруссии, генерал-губернаторстве и рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина» общие цифры, несомненно, были существенно выше, что среди прочего следует из того, что акции на территории рейха в большинстве случаев означали второе или третье «просеивание» пленных¹³⁰. Более точное количество жертв определить невозможно потому, что, кажется, только в декабре 1941 г., – когда по ещё требующим выяснения причинам уже был достигнут апогей массовых расстрелов и массовой смертности, – начался точный и постоянный учёт советских военнопленных¹³¹. Во всяком случае весной 1942 года в зоне ответственности ОКВ еврейская проблема была разрешена: во всей зоне ответственности ОКВ к 1 апреля 1942 года ещё проживало всего 68 советских военнопленных еврейской национальности¹³².

Сколько пленных стало жертвами «отборов», с трудом можно установить даже приблизительно. Очень грубый подсчёт можно сделать на основании отчёта, составленного в отделе по делам военнопленных в ОКВ в мае 1944 г.¹³³ Опираясь на него, я подсчитал, что по меньшей мере от 580 000 до 600 000 пленных были переданы и казнены СД¹³⁴. Вопреки этому Йоахим Гофман заявляет, что «передача СД» не означала якобы автоматической казни, что вспомогательные полицейские отряды на оккупированных территориях, которые уже в 1942 г. насчитывали около 300 000 человек, были набраны именно из этих пленных¹³⁵. Возражение имеет определённый резон, но предположение Гофмана, будто эти отряды набирались *по большей части из переданных СД пленных* и можно якобы просто отнять это число из общего количества переданных СД пленных, не верно¹³⁶. Альфред Штрайм на основании обширных сведений из Центрального архива в Людвигсбурге высчитал, что минимальным количеством убитых пленных является 140 000, но добавил, что действительное число может быть «значительно выше»¹³⁷. Последнее следует особенно подчеркнуть. Поздней осенью 1941 г. в РСХА даже страшная цифра от 10 до 20% «отобранных» и казнённых не считалась слишком высокой. Из общего

сопоставления источников кажется невероятным, что РСХА в это время приняло норму отбора «всего» в 2 или 3%¹³⁸.

Апогей акций массового уничтожения пришёлся на период между августом и декабрём 1941 г. Причём они проводились в основном на оккупированных восточных территориях. После краха концепции блицкрига в декабре 1941 г., снижения числа пленных и необходимости ради устранения нехватки рабочей силы в немецкой военной промышленности в большом объёме использовать там труд советских военнопленных, массовые казни уменьшились. Весной 1942 года они продолжились при значительно изменившихся условиях, но до самого конца войны никогда более не достигали объёмов 1941 г.^{138a} В немецком руководстве появилось убеждение в том, что «основную массу людей... следует ценить как сырьё, как рабочую силу» и обращаться с ней более бережно^{138b}.

3. Массовые расстрелы советских пленных подразделениями вермахта

Расстрелы советских военнопленных не ограничиваются действиями команд СС. Политическая цель «защитить немецкий народ от большевистских подстрекателей и прочно удерживать занятую территорию», неоднократно повторявшиеся требования принять для достижения этой цели «решительные и энергичные меры» в отношении пленных и «полное устранение любого активного и пассивного сопротивления»¹³⁹ вместе с жестокостью, вызванной этими приказами, привели к тому, что и цифра расстрелянных войсками вермахта советских военнопленных была пяти-, а то и шестизначной.

Для войск порядок обращения с советскими военнопленными определялся приказом Гальдера от 3 апреля и «директивами о поведении войск в России», изданными штабом оперативного руководства вермахта¹⁴⁰. Вскоре после начала войны эти суровые указания оказались с точки зрения руководства сухопутных сил недостаточными. 25 июля генерал для особых поручений при главнокомандующем сухопутными силами, генерал-лейтенант Мюллер отдал по поручению фон Браухича следующее распоряжение, которое опять-таки означало новую радикализацию¹⁴¹. После введения, которое чуть ли не дословно было взято из проекта ОКХ для плана «Барбаросса», Мюллер заявлял, что, мол, «известно, что не во всех местах меры проводятся с надлежащей суровостью». Поэтому главнокомандующий сухопутными силами распорядился «ещё раз со всей ясностью обратить внимание» на позицию некоторых людей.

Первая часть приказа посвящена обращению с гражданским населением и содержит в основном настоятельное повторение плана «Барбаросса». Под девизом «Русский издавна привык к твёрдой и безжалостной власти» и со ссылкой на объявленную Сталиным партизанскую войну, было приказано при малейших признаках сопротивления принимать самые суровые меры. Брать заложников в качестве превентивной меры не требуется, ибо «население и без специального уведомления... отвечает за спокойствие в своём районе».

Суровые меры были предусмотрены также и против красноармейцев, которые избежали плена и теперь пытались добраться до родных мест или соединиться со

своими войсками. Поскольку они «в отдельности или шайками» могут представлять опасность, то следует потребовать, чтобы они явились к властям. В противном случае их «с чётко установленного срока следует рассматривать в качестве партизан и поступать с ними соответственно», то есть расстреливать. Любую помощь им со стороны населения «также следует расценивать как партизанство».

Вторая часть, посвящённая обращению с военнопленными, также превосходила по своей суровости отданные прежде директивы:

С трудолюбивыми и послушными военнопленными следует хорошо обращаться. А тот, кто поступает вопреки правилам, должен наказываться соответственно своему проступку.

Престиж и достоинство немецкой армии требуют, чтобы каждый немецкий солдат соблюдал в отношении русских военнопленных дистанцию и позицию, которая была бы ответом на жестокость и бесчеловечную грубость русских во время войны. Любое снисхождение или даже сочувствие следует карать самым суровым образом. В любое время должно оставаться заметным чувство гордости и превосходства.

Положения об употреблении оружия в вермахте от 1936 г. были ещё более усилены. При «неподчинении, сопротивлении и т. д.» следовало «*тотчас же* применять оружие». В особенности, это касалось бегущих пленных. Их следовало *немедленно* расстреливать, даже без предварительного окрика:

Любое запоздание в применении оружия может означать опасность. С другой стороны, всякий произвол недопустим. Главнокомандующий сухопутными силами надеется, что этих указаний достаточно, чтобы самым настоящим образом показать всем значение этих задач¹⁴².

В этом приказе ещё более чётко, чем в цитированных прежде распоряжениях проявляется противоречивость в отдавании приказов руководства сухопутных сил относительно касающихся идеологии вещей. Какой следовало ожидать позиции, которая бы соответствовала «престижу и достоинству немецкой армии» и одновременно «была бы ответом на жестокость и бесчеловечную грубость русских во время войны»? Возможно, фон Браухич и Мюллер имели в виду тип господина, который бы с холодным презрением выносил над русскими суровый приговор. Но ещё более вероятно, что эти положения были восприняты в качестве призывов к произвольной мести. Если в них, кроме того, утверждалось, что «любое снисхождение и мягкость ... являются слабостью» и означают опасность, если было приказано немедленно и без окрика стрелять в «оказывавших неповиновение» и обратившихся в бегство пленных и рядом замечено, что «всякий произвол не допускается», то противоречие налицо. Правда, солдаты, которые чувствовали своим долгом вести войну в традиционном духе, могли использовать эти ограничения по своему разумению. Но источники производят впечатление, что приказ понимался прежде всего как охранная грамота для произвольного обращения с пленными. Это с особенной ясностью проявилось при эвакуации военнопленных¹⁴³.

Указание расстреливать в установленный срок как «партизан» отставших солдат или совершивших побег и опять пойманных военнопленных привело к пяти-, а то и к шестизначному количеству жертв, особенно в тех районах, где после ожесточённых боёв в окружении в лесах прятались тысячи красноармейцев. После выхода

приказа Мюллера в тыловых районах к советским солдатам были немедленно направлены требования сдаваться в плен¹⁴⁴. Выполнение приказа не везде осуществлялось одинаково радикально. Если в некоторых районах с задержанными и отставшими в большинстве случаев обращались как с пленными¹⁴⁵, то в других они почти все без исключения были расстреляны. Наряду с соединениями «ваффен СС»¹⁴⁶, действовавшими в тыловом районе группы армий «Центр», особенно решительные акции проводили войска командующего вооружёнными силами в Белоруссии. Последний подчёркивал в отчёте, что бежавшие пленные представляют собой большую опасность из-за их связи с партизанскими группами, а потому необходимо «принимать самые строгие меры против каждого военнопленного, задержанного на данной территории». Что это означало, поясняет прилагаемое донесение о количестве «боёв с партизанами»: за один месяц из 10 940 пленных было расстреляно 10 431. То, что о партизанах здесь не могло быть и речи, следует из того факта, что немецкие войска потеряли убитыми всего 2-х и ранеными 5 человек. В качестве трофеев было захвачено 89 единиц пехотного оружия¹⁴⁷.

Также и после того, как немецкое руководство в интересах получения рабочей силы для германской военной промышленности решило перейти к другой политике в отношении военнопленных, эти приказы оставались в силе. 6 января 1942 г. командир 281-й охранной дивизии подтвердил, что красноармейцев следует немедленно «расстреливать как подозреваемых в причастности к партизанам» в тех случаях, когда они были задержаны патрулями или когда являлись сами, но в ходе допроса выяснялось, что они «долгое время находились в пределах тыловой зоны»¹⁴⁸.

Из сказанного уже становится ясным, что также и против бежавших во время транспортировки и из лагерей пленных надлежало действовать «с крайней жестокостью». Попытки к побегу пресекались путём драконовских мер¹⁴⁹; пленным в большинстве случаев сообщалось, что «если их опять схватят после неудачного побега, то тут же расстреляют»¹⁵⁰. При этом число попыток к побегу из отчаяния от дурного обращения и явной перспективой голодной смерти было особенно высоко на оккупированных советских территориях¹⁵¹.

Если принятие мер против бежавших пленных в зоне ответственности ОКХ было, насколько известно, поручено в основном комендантам лагерей и тем самым давалась возможность поступать с ним более мягко, то в зоне ответственности ОКВ эта возможность отсутствовала. Когда произошли первые случаи бегства на территории рейха, где генерал Рейнеке провозгласил «защиту немецкого народа от вторжения русских» первой заповедью¹⁵², отдел по делам военнопленных, кажется, от случая к случаю объединялся с РСХА, чтобы «немедленно казнить проникших на территорию рейха советских русских»¹⁵³. 22 ноября 1941 г. Рейнеке распорядился, чтобы на всей подчинённой ОКВ территории повторно схваченные советские пленные «в любом случае передавались полномочному органу государственной тайной полиции» для казни¹⁵⁴.

В виду того, что и в зоне ответственности ОКХ проводились систематические массовые расстрелы, кажется противоречивым, что руководство сухопутных сил отменило расстрелы советских пленных в качестве «репрессий». Относительно небольшое количество¹⁵⁵ ставших известными случаев, когда советские войска плохо обращались с немецкими пленными или даже убивали их, было умело использо-

вано немецкой пропагандой и привело к тому, что вскоре после нападения отдельные войсковые командиры стали требовать расстреливать советских пленнх в качестве возмездия. Главнокомандующий сухопутными силами отменил это в начале июля 1941 г., так как «даже от расстрелов очень большого числа русских военнопленных он никакого успеха для себя не ожидал», – иначе, чем в случае с западными державами; напротив, он опасался растущего ожесточения борьбы¹⁵⁶. Всё же в начале борьбы это решение было принято; позднее развитие сделало формальные приказы излишними. Позднее отданные приказы оставляли достаточно полномочий тем войсковым командирам, которые хотели отомстить за дурное обращение или убийство немецких солдат¹⁵⁷.

Способ ведения войны на Востоке не имел ничего общего с традиционным ведением войны; вместо репрессий, – оспариваемых международным военным правом, – которые должны были вынудить противника прекратить нарушать нормы международного военного права, у немецкого руководства созрела идея тотального уничтожения сопротивления противника¹⁵⁸.

4. Обращение с военнопленными еврейской национальности

Из описания акций по уничтожению, проводимых айнзацкомандами, уже стало ясно, что судьба евреев среди советских пленнх в зоне ответственности ОКХ также решалась в соответствии с приказом Гейдриха № 14 от 29 октября 1941 г.¹⁵⁹ Однако именно по вопросам обращения с пленными евреями состояние источников крайне неудовлетворительное. Всё же сохранившиеся источники позволяют сделать вывод о том, что и вермахт обращался с евреями гораздо хуже, чем с другими советскими пленными¹⁶⁰.

Приказы ОКВ или ОКХ, которые бы касались обращения с собственно пленными *евреями*, не обнаружены¹⁶¹. Приказ от 24 июля 1941 г., который был подписан генерал-квартирмейстером Вагнером и требовал «отбора» и ликвидации «политически нежелательных и подозрительных элементов, комиссаров и подстрекателей», предписывал только, чтобы «азиатов (в зависимости от их расовой принадлежности), евреев и говорящих по-немецки русских» не вывозили на территорию рейха, а использовали на работах в прифронтовой зоне¹⁶². Поскольку в этом случае участь евреев резко отличалась от участи «политически нежелательных» пленнх, можно предположить, что по меньшей мере к началу боевых действий в распоряжении ОКХ не было приказа, который бы требовал ликвидации этих пленнх. А если многие коменданты лагерей и передавали по своему усмотрению пленнх еврейской национальности айнзацкомандам или позволяли последним производить в лагерях отборы, то это следует объяснить тем, что эти коменданты, так же как и большинство командующих группами армий и армиями, делали свои собственные выводы из противоречивой политики руководства сухопутных сил: если айнзацкомандам уже дозволено действовать в прифронтовой зоне, то они и должны осуществлять всю работу по уничтожению, тем более что многие офицеры были готовы отнести всех евреев целиком к «политически нежелательным и подозрительным элементам».

5. Взаимодействие вермахта и айнзацгрупп СС

Чтобы выяснить позицию в этом вопросе действующей армии, в особенности высшего войскового командования, необходимо вкратце остановиться на отношениях, сложившихся между действующей армией и айнзацгруппами¹⁶³. Выяснение этого вопроса, даже если оно и не может быть исчерпывающим, поможет сделать более понятной позицию вермахта в отношении советских военнопленных. Здесь со всей чёткостью проявляется, в каком масштабе значительная часть вермахта была вовлечена в национал-социалистскую идеологию и как мало могли рассчитывать на поддержку те солдаты, которые руководствовались групповой моралью, о существовании которой так много говорили после войны.

В западногерманской историографии до середины 60-х годов почти догмой считалось положение о том, что вермахт не имел ничего общего с преступлениями национал-социалистов, которые в основном сводились к истреблению евреев. Возникли «2 исторических типа солдат.: тип противника национал-социализма и тип жестокого, но честного солдата, стоящего в стороне от политики»¹⁶⁴. Было проведено различие между боями на Восточном фронте, где якобы имела место так называемая «чистая» война, убийствами, которые совершали айнзацкоманды СС, и угнетением и грабежом оккупированных территорий, проводимыми партийными органами «далеко за линией фронта».

Такой традиционный тезис содержится и в биографии Гитлера, написанной Йоахимом К. Фестом:

В то время, как войска вермахта стремительно наступали вперёд, айнзацгруппы насаждали террор в завоёванных областях, прочёсывали города и населённые пункты, преследовали евреев, коммунистических деятелей, интеллигенцию и вообще всех, кто мог принадлежать к руководящим кадрам, и ликвидировали их¹⁶⁵.

Такое изображение можно считать довольно верным для периода, наступившего после достижения немцами на Востоке наивысших успехов, когда часть руководства сухопутными силами и войскового командования из соображений военной необходимости выступала за «более благоразумную» восточную политику, что приводило к постоянным разногласиям с партийными органами. Однако в 1941 г. ситуация выглядела иначе.

Соглашение, достигнутое в марте 1941 г. между генерал-квартирмейстером Вагнером и начальником РСХА Гейдрихом, предусматривало, что основная тяжесть «работы полиции безопасности» придётся на тыловой район *сухопутных сил*. Здесь следует вспомнить о том, что задачи зондеркоманд в тыловых районах *армий* ограничивались «сохранением перед началом операции установленных объектов (материалов, архива, карт и т. д.) и, что особенно важно, отдельных лиц (ведущих эмигрантов, саботажников, террористов и т. д.)»¹⁶⁶. Соответственно этому генерал-квартирмейстер объявил 14 июня, что в каждом из тыловых районов 3-х *групп армий* должны действовать по 2 *айнзацкоманды*, а в тыловых районах *армий* – по одной *зондеркоманде*; четыре танковые группы силами полиции не обеспечивались¹⁶⁷. Однако в скором времени эти решения были пересмотрены¹⁶⁸: айнзацкоманды по большей части шли в первом эшелоне вместе с армией, а части команд –

в соединении с танковыми группами, отчасти по настоящему желанию командиров¹⁶⁹. Расстрелы евреев и коммунистов сразу после занятия населённого пункта начинали немецкие войска. «Донесения о событиях в СССР», составленные в РСХА на основании ежедневных отчётов айнзацгрупп, – сначала только для информирования Гимmlера, начальников управлений и отдельных ведомств РСХА, а затем также руководства вермахта и партийной канцелярии, – дают тому достаточно доказательств.

27 июня 1941 г., через 5 дней после нападения, *Донесения о событиях* получили первое сообщение айнзацкоманды: зондеркоманда 1а (штандартенфюрер СС Мартин Зандбергер) соединилась в Приколе (к востоку от Либавы) с 291-й пехотной дивизией, наступавшей в авангарде 18-й армии. Уже на следующий день поступило сообщение о проведении в Шкоудасе первой «карательной акции против евреев»¹⁷⁰. Начальник айнзацгруппы «А», бригаденфюрер СС доктор Франц Шталекер, которому подчинялась эта команда, в середине июля в беседе с командующим 4-й танковой группой генерал-полковником Эрихом Хёпнером, а также начальниками его штаба и разведотдела добился их согласия в том,

чтобы передовым частям дивизии, [предназначенным для вступления в Ленинград], согласно детально разработанному плану были приданы команды полиции безопасности¹⁷¹.

Аналогичное сообщение поступило в это время и от айнзацгруппы «Ц», которая действовала в зоне ответственности группы армий «Юг» генерал-фельдмаршала фон Рундштедта:

После переговоров с группой армий «Юг» было также достигнуто соглашение в том, чтобы все айнзацкоманды и штаб группы по возможности двигались поблизости от действующих войск. Это необходимо для того, чтобы передовые, а также и головные отряды во время предстоящего взятия Киева как можно скорее вошли туда [...] вместе со штабом группы¹⁷².

Оглядываясь назад, айнзацгруппа сообщала в начале ноября:

С первого дня айнзацгруппе удалось найти полное взаимопонимание со всеми учреждениями вермахта. Благодаря этому оказалось возможным то, что айнзацгруппа с самого начала своей деятельности ни разу не находилась на территории тылового района армии. Напротив, от вермахта постоянно звучали просьбы, чтобы айнзацкоманды по возможности двигались в первом эшелоне¹⁷³.

То, что и в зоне ответственности группы армий «Центр» команды продвигались совместно с передовыми частями, свидетельствуют названные в *Донесениях о событиях* места дислокации¹⁷⁴. Сотрудничество там также было очень тесным:

В период, указанный в донесении, сотрудничество с полицейскими и военными руководящими инстанциями протекало весьма удовлетворительно и бесконфликтно.

Среди учреждений вермахта полиция безопасности пользуется большой известностью. Они охотно используют нашу помощь, наши опыт и инициативу. При проведении отдельных крупных акций нашему руководству предоставлялись воинские соединения. Хозяйственные учреждения, как и вся военная администрация в целом, обращались к нам за советом и охотно пользовались нашими предложениями. Как уже неоднократно упоминалось, взаимный обмен инфор-

мазией между айнзацгруппами, с одной стороны, и группой армий, командующим тыловым районом, командованием армий, полевыми и гарнизонными комендатурами, с другой, осуществлялся весьма плодотворно. Все наши желания до сих пор выполнялись¹⁷⁵.

Уже 29 июня начальник айнзацгруппы «Б», бригаденфюрер СС Артур Небе, в «основополагающей беседе» с директором военно-административного отдела тылового района группы армий «Центр» Тесмером, которого он прежде знал как чиновника в управлении гестапо, добился «полного взаимопонимания»¹⁷⁶.

Другие начальники айнзацгрупп и команд также, как и Небе, выражали удовлетворение тем, как мало проблем у них возникает в ходе сотрудничества с вермахтом.

4 июля айнзацкоманда 2 сообщала: «Сотрудничество с [16-й?] армией отличное... количество погромов растёт»¹⁷⁷. Зондеркоманда 4 b, наступавшая вместе с 17-й армией (командующий генерал пехоты Карл-Генрих фон Штюльпнагель), сообщала: «Вермахт занимает хорошую позицию против евреев»¹⁷⁸. Айнзацкоманда 8, которая базировалась в Барановичах, в тыловом районе группы армий «Центр», сообщала об «особенно успешном» сотрудничестве с полномочными учреждениями вермахта¹⁷⁹. Начальник айнзацгруппы «Ц» бригаденфюрер СС доктор Отто Раш дал в начале ноября 1941 г. особенно подробную оценку отношений с вермахтом:

Что касается отношений айнзацгруппы [«Ц»] и её команд с другими инстанциями, то отношения с вермахтом заслуживают особого внимания. С первого дня айнзацгруппе удалось добиться полного взаимного согласия со всеми учреждениями вермахта. [...] Неоднократно даже случалось, что войскам, ведущим бой, требовалась поддержка со стороны айнзацкоманд. В каждой крупной военной акции постоянно участвовали также передовые отряды айнзацгруппы, которые вступали в захваченный населённый пункт вместе с сражавшимися войсками. При этом во всех случаях оказывалась максимальная поддержка. В этой связи, например, следует упомянуть поддержку при взятии Житомира, где непосредственно за первыми танками в город вступили 3 машины айнзацкоманды 4 а. Успешная деятельность айнзацгруппы привела к тому, что полиция безопасности получила высокую оценку прежде всего в штабах вермахта. Офицеры связи при штабах армий были проинструктированы самым тщательным образом; им, кроме того, была оказана самая широкая поддержка. Командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал фон Рейхенау неоднократно с похвалой отзывался о работе айнзацкоманд и соответствующим образом защищал интересы СД перед своими штабами¹⁸⁰.

С такой же похвалой высказывался начальник айнзацгруппы «А» бригаденфюрер СС доктор Франц Шталекер:

С самого начала можно было утверждать, что сотрудничество с вермахтом протекает в целом хорошо, а в отдельных случаях, как например с 4-й танковой группой генерал-полковника Хёпнера, очень хорошо, чуть ли не сердечно. Разногласия, которые возникли с некоторыми ведомствами в первые дни, были в основном улажены в ходе личных переговоров¹⁸¹.

Начальник айнзацгруппы «Д», которая наступала в южной части Восточного фронта вместе с 11-й армией (генерал-полковник Риттер фон Шоберт), сообщал об «отличных» отношениях с учреждениями вермахта¹⁸².

Значение столь позитивного отношения вермахта к айнзацгруппам с точки зрения самих айнзацгрупп, распространённое Гейдрихом в предназначенных для информирования национал-социалистского руководства *Донесениях о событиях*, следует особо отметить именно потому, что ни Гейдрих, ни Гиммлер не были расположены к преувеличенному восхвалению вермахта¹⁸³. Кроме того, из этого описания отношений видно, что любезность армии ни в коей мере не была *вынужденной*. Шталекер, а также Раш и Небе старались изобразить дело так, будто именно благодаря их умению, рвению и выдающемуся поведению удалось достигнуть столь многого в учреждениях вермахта.

Командиры айнзацгрупп и айнзацкоманд имели для своей удовлетворённости веские основания. Гейдрих и командиры айнзацгрупп заботились о том, чтобы «при проведении особо жестоких акций, которые могли привлечь внимание даже некоторых кругов в Германии», проявлять осторожность и по возможности оставаться на заднем плане¹⁸⁴. Гейдрих и командиры айнзацгрупп надеялись на возможность проведения погромов в оккупированных областях. В основе их расово-идеологической ограниченности лежало убеждение в том, что местное население якобы само по себе склонно к «самоочищению» от «проклятых» евреев и коммунистов.

Уже 17 июня Гейдрих объявил начальникам айнзацгрупп, чтобы они «не мешали... стремлениям антикоммунистических и антиеврейских кругов самоочиститься».

Они, напротив, если потребуется, должны инспирировать погромы, сами, правда, оставаясь в стороне, и направлять в нужном направлении. [...]

Так как подобные действия по понятным причинам возможны только в первый период оккупации, айнзацгруппы и команды полиции безопасности и СД должны стремиться при взаимодействии с военными учреждениями по возможности вступать в захваченные районы по крайней мере вместе с передовыми командами.

Это указание¹⁸⁵ также было занесено начальниками айнзацгрупп в приказ¹⁸⁶. Однако айнзацкоманды уже очень скоро должны были признать, что успехи, достигнутые с помощью этих методов, были крайне незначительны:

Предпринятые в своё время попытки тайно инспирировать еврейские погромы не привели, к сожалению, к желаемым результатам¹⁸⁷.

Процент евреев, которые стали жертвами таких погромов, был сравнительно низким¹⁸⁸.

Алиби, которое эти погромы должны были создать для айнзацгрупп перед вермахтом, оказалось явно излишним. Учреждения вермахта оказались готовы к сотрудничеству совсем иного рода, чем то, на которое мог надеяться Гейдрих, исходя из полученного в Польше опыта. Между отдельными армиями и прежде всего в нижнем звене самих армий существовало значительное расхождение в отношении масштабов сотрудничества. Отдельные части, находившиеся также и в тыловых районах, ограничивались необходимым минимумом контактов или даже старались саботировать «мероприятия» команд; некоторые смелые офицеры в полной мере использовали свободу действий, предоставленную руководством сухопутных сил¹⁸⁹. Однако готовность к сотрудничеству, кажется, являлась правилом.

Соглашение между Гейдрихом и Вагнером обязывало армии брать команды на довольствие: снабжать их продовольствием, топливом, боеприпасами и т. д. Кроме

этого минимума снабжения, вскоре появилась система помощи, которая только и позволила малочисленным командам за несколько месяцев «справиться» с расстрелами десятков тысяч людей¹⁹⁰.

К важнейшим проявлениям такой поддержки относятся приказы командующих армиями, которые издавались сразу после вступления в захваченные районы и обязывали евреев отмечаться и регистрироваться по месту жительства. Вероятно, по всему Восточному фронту командующие армиями обращались к гражданскому населению со следующими требованиями, которые печатались на больших плакатах:

Немецкий солдат пришёл не как завоеватель, но как освободитель от преступной системы правления, которая эксплуатировала и угнетала трудящихся крестьян и рабочих. После жестокой борьбы, хаоса и опустошения вместе с немецкими солдатами пришли порядок и безопасность.

Можно начинать новую жизнь!

До окончательного урегулирования требуется следующее:

Все коммунистические и еврейские органы управления немедленно упраздняются. [...] Все евреи обоего пола должны носить на руках в качестве знака отличия белые повязки со звездой Давида.

Все евреи обоего пола должны срочно сообщить старосте общины о своём местожительстве.

Право свободного передвижения для евреев отменяется. Евреи, которые покидают населённые пункты без письменного разрешения старосты общины или немецкой инстанции, подлежат суровому наказанию.

Все евреи обоего пола от 16 до 50 лет находятся в распоряжении старосты общины для привлечения к работам.

Все евреи должны сдать старосте общины все принадлежащие им радиоприёмники.

Главнокомандующий немецкой армией¹⁹¹.

Если таким образом уже были созданы предпосылки к тому, чтобы командам оставалось всего лишь собрать зарегистрированных¹⁹² и отмеченных знаком жертв, то в отдельных районах войска ещё и помогали им в этом. Приказ командования 17-й армии от 7 сентября 1941 г., согласно которому «евреев обоего пола и любого возраста» при прохождении по мостам через Днепр следовало задерживать как «подозреваемых в контрразведывательных действиях», далеко не единичен¹⁹³.

Особенно интенсивно сотрудничество между вермахтом и айнзацкомандами протекало в зоне ответственности группы армий «Юг» (главнокомандующий генерал-фельдмаршал Герд фон Рундштедт), причём следует оставить открытым вопрос, зависело ли это от личности командующих тамошними частями или было «суровой необходимостью», то есть было следствием того, что на Украине проживала наибольшая часть еврейского населения¹⁹⁴. В районе этой группы армий действовала айнзацгруппа «Ц», команды которой взаимодействовали с 6-й армией (генерал-фельдмаршал фон Рейхенау), 17-й армией (генерал пехоты фон Штюльпнагель) и 1-й танковой группой (генерал-полковник Эвальд фон Клейст), а также айнзацгруппа «Д», которая взаимодействовала непосредственно с 11-й армией (генерал-полковник Риттер фон Шоберт), наступавшей с территории Румынии.

Уже отмечалась особая похвала, содержавшаяся в донесении айнзацгруппы «Ц» относительно готовности к сотрудничеству со стороны фон Рейхенау¹⁹⁵. В свою

очередь Рейхенау «неоднократно с похвалой отзывался о работе айнзацкоманд и соответствующим образом защищал интересы СД перед своими штабами»¹⁹⁶. Командир айнзацкоманды 4 а, штандартенфюрер СС Пауль Блобель отдал должное требованиям Рейхенау, когда в начале декабря смог сообщить о расстреле почти 60 000 евреев и коммунистов¹⁹⁷. В ряде крупных «акций», предпринятых командой Блобеля, заметна активная поддержка со стороны армии. Так, в июле 1941 г. в районе Житомира было расстреляно 2000 мужчин, женщин и детей еврейской национальности, после того, как комендант города оказал содействие при «прочёсывании» населённого пункта¹⁹⁸. Ещё значительнее была помощь, оказанная при взятии украинской столицы Киева, где вообще состоялась одна из самых кровавых акций айнзацкоманд. Передовые части айнзацкоманды 4 а уже 19 сентября вошли в город вместе с первыми частями 6-й армии. 24 сентября туда прибыл штаб айнзацгруппы «Ц» и несколько позже сообщил:

Предусмотрена казнь по меньшей мере 50 000 евреев. Вермахт приветствует эти меры и требует решительных действий. Комендант города лично выступил за публичную казнь 20 евреев¹⁹⁹.

29 и 30 сентября в урочище Бабий Яр зондеркомандой 4 а, штабом группы и командами полицейского полка «Юг» было расстреляно 33 771 евреев. Айнзацгруппа «Ц» подготавливала эту «акцию» в ходе ежедневных совещаний с учреждениями вермахта. Так, евреям было объявлено, что они будут переселены²⁰⁰.

Поддержка, которая была предоставлена Блобелю, не ограничивалась вспомогательными мерами, как, скажем, поддержка во время «акций по прочёсыванию населённых пунктов», задержание евреев в сельской местности, заготовка автомобилей и создание оцеплений во время самих «акций». По крайней мере в этом случае солдатам было приказано принять участие в акции: Когда в середине июля войска 6-й армии обнаружили в яме изуродованные трупы 10 немецких солдат, зондеркомандой 4а «в качестве возмездия ... при содействии полка полиции и полка пехоты было расстреляно 1160 евреев»²⁰¹. Согласно общепризнанному мнению, Рейхенау в это время якобы верил в то, что евреи являются «носителями большевизма» и, соответственно, партизанского движения, а значит должны отвечать за все акции сопротивления. Однако это мало правдоподобно, поскольку сообщения айнзацкоманд и айнзацгрупп поступали также к офицерам абвера разведывательных отделов тех соединений, которым они были подчинены. То есть последние с самого начала обо всём знали²⁰². *Самое позднее* в августе 1941 г. Рейхенау должен был знать, что речь идёт не о проводимых с большей «строгостью» наказаниях за отдельные преступления, а об истреблении целого народа²⁰³.

Знание этих причин необходимо, чтобы правильно оценить значение приказа, который был отдан фон Рейхенау 10 октября 1941 г. Конкретным поводом для этого приказа явилось то, что в армии Рейхенау, несмотря на поддержку, которая была оказана со стороны командования армии, это часто приводило к недоразумениям в нижнем звене²⁰⁴. Поэтому Рейхенау счёл необходимым занять принципиальную позицию:

Поведение войск по отношению к большевистской системе ещё чётко не определено.

Важнейшей целью кампании против еврейско-большевистской системы является полное уничтожение органов власти и истребление азиатского влияния на европейскую культуру.

В связи с этим перед войсками возникают *задачи*, которые выходят за чисто военные рамки. Солдат на Востоке не только сражается по правилам военного искусства, но и несёт в себе неумолимую народную идею и мстит за все зверства, причинённые немецкому народу и родственным с ним народам.

Поэтому солдат должен иметь полное представление о необходимости сурового, но справедливого возмездия по отношению к еврейской низшей расе. Его дальнейшей целью является подавление в зародыше беспорядков в тылу вермахта, которые постоянно организуются евреями²⁰⁵.

Затем Рейхенау взялся за борьбу с партизанами, которые воспринимались ещё недостаточно серьёзно. Он категорически запретил брать в плен партизан и потребовал применения «драконовских мер», чтобы отвлечь гражданское население от поддержки партизан²⁰⁶. В заключение он приказал:

Далёкий от всех политических соображений будущего солдат должен выполнить 2 задачи:

1. Полное уничтожение большевистского лжеучения, советского государства и его вооружённых сил;

2. Безжалостное истребление чуждого нам вероломства и жестокости и тем самым обеспечение жизни немецких солдат в России.

Только так мы решим наши исторические задачи и раз и навсегда освободим немецкий народ от азиатско-еврейской опасности²⁰⁷.

Этот приказ фон Рейхенау вскоре стал известен по всему Восточному фронту. Уже через неделю после его подписания фельдмаршал фон Рундштедт направил его в 11-ю и 17-ю армии, 1-ю танковую группу и командующему тыловым районом группы армий для передачи подчинённым частям²⁰⁸. До сих пор неясно каким путём, но явно с согласия Рейхенау, этот приказ был опубликован также в ставке фюрера; Гитлер охарактеризовал его как «отличный», после чего фон Браухич поручил генерал-квартирмейстеру Вагнеру направить этот приказ всем подразделениям на Востоке «с просьбой, – если это ещё не сделано, – отдать соответствующие этому приказу распоряжения». В последующем это приняло широкий размах²⁰⁹.

Командующие 11-й и 17-й армиями издали 20 и 25 ноября собственные версии приказа Рейхенау, которые при всей разнице в расстановке акцентов также представляют большой интерес. Генерал пехоты Эрих фон Манштейн, с 17 сентября командующий 11-й армией²¹⁰, передал существенную часть из приказа Рейхенау с небольшими изменениями:

С 22 июня немецкий народ находится в состоянии войны не на жизнь, а на смерть против большевистской системы. Эта борьба ведётся не только против советских вооружённых сил согласно обычной форме и европейским правилам ведения войны.

Борьба идёт также за линией фронта. [...]

Еврейство является посредником между врагами в тылу и ещё ведущими борьбу остатками Красной Армии и Красного руководства. Оно сильнее, чем в Европе

занимает все ключевые пункты политического руководства и администрации, торговли и промышленности и является источником всяких смут и всевозможных беспорядков²¹¹.

Еврейско-большевистская система должна быть раз и навсегда уничтожена. Нельзя более допускать её в нашу европейскую жизнь.

Поэтому немецкий солдат имеет не одну задачу – сокрушить военные органы власти этой системы. Он выступает также носителем народной идеи и мстителем за все жестокости, причинённые ему и немецкому народу.

[...]

Солдат должен знать о необходимости сурового возмездия по отношению к еврейству, духовному носителю большевистского террора. Необходимо также, чтобы все беспорядки, которые по большей части организуются евреями, подавлялись в зародыше²¹².

Наряду с этим суровым выступлением против евреев и коммунистов, которое мало чем отличалось от выступления Рейхенау, фон Манштейн расставил также свои собственные акценты. Сознавая, что «добровольная помощь [населения] в восстановлении оккупированных территорий абсолютно необходима для достижения наших экономических и политических целей», он потребовал «справедливого обращения со всеми небошевистскими слоями населения»²¹³. В заключение он «со всей суровостью» выступил

против произвола и корысти,
против одичания и нарушения дисциплины,
против всякого повреждения солдатской чести²¹⁴.

Приказ командующего 17-й армии генерал-полковника Германа Гота²¹⁵ также в основном соответствовал приказу фон Рейхенау. Всё же версия Гота интересна тем, что здесь приведено существенно более подробное обоснование важных выводов относительно факторов, которые благоприятствовали вовлечению войсковых командиров в политику уничтожения²¹⁶. Во вступлении Гот утверждал, что приобрёл на фронте впечатление, будто не существует ясных представлений о немецких задачах на территориях Востока и о требуемой позиции солдат. Однако борьба против Советского Союза требует иного метода ведения войны, чем предыдущие кампании:

Этим летом нам становилось всё более ясно, что здесь на Востоке друг с другом борются внутренне непреодолимые взгляды: с одной стороны – немецкое чувство чести и расы, столетиями сложившийся долг солдата, с другой – азиатское мышление, а также примитивные, натравливаемые небольшой кучкой еврейской интеллигенции инстинкты: страх перед кнутом, неуважение к нормам морали, нивелирование и пренебрежение собственной, ничего не стоящей жизнью.

Всё же тем сильнее в нас мысль о том времени, когда к немецкому народу в силу превосходства его расы и его трудолюбия перейдёт господство над Европой. Мы ясно осознаём наше призвание спасти европейскую культуру от проникновения азиатского варварства. Мы знаем теперь, что должны бороться против ожесточённого и упорного противника. Эта борьба может окончиться только гибелью одного из нас. Третьего не дано.

Советское население должно быть убеждено в бессилии прежних хозяев и в неумолимой воле немцев уничтожить носителей большевизма. «Сочувствию и мягкос-

ти» по отношению к населению не должно быть места, и солдату следует особенно чётко понять «необходимость суровых мер против чуждых народу и расе элементов»:

Россия – не европейское, но азиатское государство. Каждый шаг по этой враждебной, рабской стране говорит об этой разнице. Европа и в особенности Германия должны быть избавлены от этого давления и разрушительных сил большевизма²¹⁷.

Манфред Мессершмидт отстаивает мнение, будто Манштейн и Рейхенау рассматривали идеологические штампы не более, чем вид психологического приёма, испытанное средство для укрепления «моральной» и боевой готовности войск, а вовсе не как неизбежные догмы, из которых обязательно должно было следовать определённое поведение в отношении «неполноценных» рас.

Командующим, пожалуй, было не совсем ясно, почему Гитлер находил приказы такого рода «отличными». Однако из-за «духовной ограниченности» этих командующих готовность «ставить военную необходимость над требованиями права» резко возросла²¹⁸. Справедливо также, что эти приказы должны были одновременно служить укреплению боевого духа. Однако это значит, что идеологическую основу следует понимать только как побочный продукт и упускать из виду конкретную историческую ситуацию, в которой возникли эти приказы. Так, в отношении фон Рейхенау уже ясно, что обращения против еврейского населения были сформулированы им совершенно сознательно. Наиболее чётко это нашло своё выражение в высокой оценке, которую начальник айнзацгруппы «Ц», – на основании ясного представления о позиции фон Рейхенау, сложившегося в результате личного контакта, – дал этому приказу; Раш оценил этот приказ как чёткое вспомогательное средство по проведению его задачи²¹⁹. Несмотря на это, приказ Рейхенау вместе с последующими приказами других командующих является примером того, как радикализация национал-социалистской политики уничтожения опережала сама себя: в стремлении отличиться фон Рейхенау существенно вышел за рамки существовавших к тому времени в армии приказов. Этим он поставил других командующих перед необходимостью следовать за ним, если они не хотели отстать от показанного им примера. Одновременно он провёл грань, переступив которую, армия в своей совокупности уже не могла более выйти из политики уничтожения. Он дал знать Гитлеру, что армия созрела для дальнейших требований.

Уже упоминалось, что подобно 6-й армии 11-я и 17-я армии также очень тесно сотрудничали с айнзацгруппой «Д» (штандартенфюрер СС Отто Олендорф) и зондеркомандой 4 b (штурмбанфюрер СС Гюнтер Херман), причём ещё при фон Шоберте и фон Штюльпнагеле, которые возглавляли эти армии до фон Манштейна и Гота.

Для 11-й армии богатый материал по этой проблеме дают прежде всего сохранившиеся документы коменданта 553-го тылового района 11-й армии²²⁰. Позицию задействованных в этом районе полевых комендантов разъясняет к примеру сообщение от 27 июля 1941 г.:

Еврейское население грубо и поэтому с ним следует обращаться с величайшим недоверием. Румынские войска обращаются с евреями отчасти с нехарактерными для немецких чувств средствами и поступают с ними с надлежащей суровостью²²¹.

О расстрелах еврейского населения, проводившихся командами айнзацгруппы «Д» совместно с украинской милицией, дают чёткую картину донесения гарни-

зонных и полевых комендатур²²². Здесь также показано, что евреи регулярно задерживались патрулями и передавались СД «для дальнейших распоряжений»²²³. Коменданты гарнизона заботились о регистрации евреев и тем самым о подготовке «акций», армейские инстанции постоянно информировались о предстоящих расстрелах.

Регистрация проживающего в Керчи еврейского населения ещё не завершена. Ликвидация евреев должна быть проведена как можно скорее из-за угрожающей ситуации со снабжением города²²⁴.

Если расстрелы евреев воспринимались как само собой разумеющиеся, то не стоит удивляться, что и подразделения вермахта отнимали у команд СД их работу:

Для защиты от происков партизан и ради обеспечения безопасности расположенных здесь соединений оказалось крайне необходимым обезвредить 14 проживавших здесь евреев (мужчин и женщин). Приведено в исполнение [836-м стрелковым батальоном охраны тыла] 26 ноября 1941 г.²²⁵

Случалось также, что гарнизонные коменданты сами привлекали айнзацкоманды к проведению расстрельных акций²²⁶. – Так, командование 11-й армии *привлекло* зондеркоманду 11 b к акции «по регистрации нежелательных элементов (партизан, саботажников, различных вражеских групп, шпионов, евреев, руководящих коммунистов и т. д.)»²²⁷.

Когда историки ознакомились после войны с приказом Манштейна, то закономерно возник вопрос, знал ли он о расстрелах евреев. Сам Манштейн категорически это отрицает²²⁸. Такая постановка вопроса некорректна, так как она предусматривает, что один Манштейн несёт за это ответственность. Однако, не принимая во внимание его личную позицию, сохранившиеся источники свидетельствуют очень чётко, что взаимодействие между армейскими инстанциями и командами СД зависело в значительной мере от отдельных решений, которые были приняты подчинёнными инстанциями²²⁹. Что касается самого Манштейна, то возникает вопрос, что *конкретно* имел в виду командующий армией, который к примеру слушал речь Гитлера от 30 марта и не мог на протяжении полугода войны на Востоке стоять в стороне от явлений этой войны, когда говорил о «суровом возмездии по отношению к еврейству, духовному носителю большевистского террора», которое немецкий солдат должен быть «осознать»²³⁰.

В случае с 17-й армией готовность к сотрудничеству при истреблении евреев шла ещё дальше. Уже в первые дни кампании верховное командование думало о том, как наиболее целесообразно должны действовать айнзацкоманды и предложило РСХА

использовать в акциях по самоочищению антикоммунистически и антиеврейски настроенных поляков, проживавших на недавно оккупированных территориях²³¹.

Когда в занятом войсками Кременчуге было отмечено 3 случая повреждения кабеля, «зондеркоманде 4b было предложено предпринять репрессии против кременчугских евреев»²³². То, что речь идёт не только о самоуправстве офицера абвера разведотдела армии, видно из характерного приказа, подписанного командующим армией, генералом пехоты Карлом-Генрихом фон Штюльпнагелем 30 июля 1941 г.: «Если в случае саботажа или нападения на военнослужащих нельзя найти конкретных виновных, то в качестве возмездия должны быть расстреляны

евреи или коммунисты, особенно еврейские комсомольцы»²³³. Что же могло побудить фон Штюльпнагеля, который в 1939–1940 гг., будучи первым оберквартирмейстером в генеральном штабе сухопутных сил, оказывал содействие военной оппозиции и поддерживал борьбу против преступлений СС в Польше²³⁴, сотрудничать таким образом с приданной ему командой в деле ликвидации евреев и большевиков? Очень часто повторяемый аргумент, что, мол, готовность к борьбе с коммунизмом всеми имеющимися средствами заставляла забывать о последствиях, которые это имело для евреев, к Штюльпнагелю не относится. То, что он полностью принял гитлеровское отождествление еврейства и коммунизма, доказывает не только упомянутый выше приказ от 30 июля 1941 г., но ещё более явно письмо, которое он направил 21 августа 1941 г. в отдел пропаганды вермахта в ОКВ. В нём Штюльпнагель ставил следующие «требования к немецкой пропаганде: *Ожесточённая борьба против еврейства...* самое убедительное разъяснение сути еврейства»²³⁵.

Если даже на основании этих примеров вопрос о сотрудничестве между армией и айнзацгруппами и не раскрыт в полной мере, то всё же из этого становится ясно, что нет почти никакого смысла в общепринятой классификации генералитета: «исключительно консервативный» фон Рундштедт, узкий специалист фон Манштейн, национал-социалист фон Рейхенау, консервативный оппозиционер фон Штюльпнагель²³⁶: в их отношении к карательным командам существуют лишь незначительные различия.

Сопrotивление акциям команд документально засвидетельствовано только в нескольких случаях. То, что командующие армиями не разрешали критиковать действия команд, не в последнюю очередь видно из приказов фон Рейхенау, фон Манштейна и Гота, направленных против недостаточного «понимания». Там, где доходило до серьёзных конфликтов, речь шла о протестах отдельных смельчаков, желавших воспользоваться свободой действий, которую ещё оставляли отданные ОКВ и ОКХ приказы. Однако только в очень редких случаях они находили поддержку у войсковых командиров. Это со всей убедительностью показывает следующий факт, случайно получивший отражение в документах²³⁷.

Начальник оперативного отдела 295-й пехотной дивизии, подполковник генерального штаба Хельмут Гроскурт²³⁸ узнал в августе 1941 г. в Белой Церкви (Украина) о том, что 90 грудных и малолетних детей еврейской национальности, долгое время в жалком состоянии страдавшие без пищи и воды, – их родители уже были расстреляны, – должны быть убиты частями зондеркоманды 4а (штанартенфюрер СС Блобель). Гроскурт пытался добиться у главнокомандующего группой армий «Юг» решения об отмене проведения расстрелов, но был направлен начальником оперативного отдела группы армий в 6-ю армию, – ответственную за акцию. На следующий день Гроскурт узнал от начальника разведотдела 6-й армии, что «господин командующий [фон Рейхенау] признаёт необходимость устранения детей и хотел бы, чтобы эти меры были выполнены в любом случае»²³⁹, после чего дети были расстреляны.

Во время переговоров с Блобелем возник конфликт между Гроскуртом и его адъютантом, с одной стороны, и Блобелем, офицером абвера разведотдела 6-й армии, неким капитаном и подполковником, исполнявшим обязанности полевого

коменданта, с другой. *Полевой комендант*, который, как полагал Гроскурт, был инициатором расстрела, пытался при этом

перевести дело в идеологическое русло и вызвать спор по принципиальным вопросам. Он заявил, что считает уничтожение женщин и детей еврейской национальности действительно необходимым, и не имеет значения – в каких формах оно протекает²⁴⁰.

Так как Блобель угрожал донести об этом Гиммлеру и Гроскурт опасался «осложнений с политическими инстанциями», которые действительно могли возникнуть, ибо Блобель имел основательное прикрытие в лице Рейхенау, он сообщил об этом инциденте начальнику штаба группы армий «Юг» фон Зоденштерну. В качестве обоснования своего вмешательства он привёл довод, что это, мол, имело лучшие шансы на успех при необходимости поддерживать дисциплину, причём он также со всей открытостью критиковал практику расстрелов. В заключение, однако, он занял очень ясную позицию:

Войска должны воспитываться своими командирами в чисто солдатском образе мыслей, призывая избегать насилия и грубости в отношении безоружного населения. Они должны иметь самое полное представление о суровых мерах против партизан. Однако в данном случае против женщин и детей приняты такие меры, которые ничем не лучше тех зверств со стороны противника, с которыми войска уже ознакомились по ходу дела [...] Войска ожидают каких-то действий со стороны своих офицеров²⁴¹.

С этим докладом фон Зоденштерну Гроскурт ознакомил также фон Рейхенау. В резком письме к дивизии Гроскурта последний выразил ему своё неодобрение²⁴². Через начальника разведотдела группы армий «Юг», с которым он был довольно близок, Гроскурт ещё раз обратился к фон Зоденштерну, причём зывал к его долгу по отношению к прусским традициям.

Начальник разведотдела группы армий «Юг», который как постоянный участник переговоров с начальником айнцагруппы «Ц» в целом был информирован об этом деле гораздо лучше, чем сам Гроскурт, сообщил последнему, что считает дело закрытым после того, как фон Рейхенау признал его решённым:

По сути дела тут не получится ничего, кроме неприятностей, ибо от вмешательства высших инстанций в столь деликатное дело я на основании своего опыта не ожидаю для подчинённых слишком многого, если таковое вообще произойдёт в этом деле. Так что давайте думать о своих делах и забудем про этот случай!²⁴³

Групповое согласие, к которому апеллировал Гроскурт, ещё существовало в его дивизии, – её командир одобрил его действия, – но его уже не было в штабах группы армий «Юг» и 6-й армии; в свою очередь полевой комендант представлял новое, национал-социалистское групповое согласие.

Правда, и в других штабах прозвучала критика; так, офицер абвера разведотдела группы армий «Центр», майор генерального штаба фон Герсдорф в декабре 1941 г. в связи с объездом линии фронта сообщал, что «расстрелы евреев, пленных и комиссаров почти везде в офицерском корпусе вызывают осуждение» и рассматриваются «как урон для чести немецкой армии»²⁴⁴. Фон Хассель в Берлине в начале ноября 1941 г. также констатировал перелом в настроениях; в качестве определяющих факторов он среди прочего назвал:

[...] 4. Гневное осуждение со стороны всех порядочных людей гнусных действий на Востоке против евреев и пленных. [...]

5. Медленно нарастающая «склонность» военного руководства к отстранению от всего этого гнусного свинства²⁴⁵.

Однако ни в руководстве сухопутных сил, ни в высшем войсковом командовании осознание этого не привело ни к каким последствиям. Командующие группами армий и армиями не были готовы рисковать своей карьерой из-за расстрелов евреев и пленных. Их столкновения с Гитлером и ОКВ, равно как и конфликты с ними фон Браухича и Гальдера касались исключительно проведения военных операций²⁴⁶. Те же, которые пытались что-то изменить, были тогда совсем молодыми штабными офицерами, которые только после поражения под Сталинградом занялись организацией военного сопротивления, правда, вовсе не из-за морального возмущения политикой истребления. Конечно, неверным было бы утверждение, что, мол, сотрудничество с айнзацкомандами во всех армиях было таким же интенсивным, как в зоне ответственности группы армий «Юг».

Правда, в группах армий «Север» и «Центр» сотрудничество тоже было достаточно тесным. «Донесения о событиях» для этих зон также содержат только похвалу в адрес вермахта²⁴⁷. Причём для зоны ответственности группы армий «Центр» источники позволяют получить более полное представление о позиции командующих и о мотивах, которые способствовали дальнейшей такого рода интеграции.

Главнокомандующий группой армий «Центр», генерал-фельдмаршал Федор фон Бок записал 4 августа 1941 г. в своём дневнике:

На основании представленных мне, оказавшихся позднее преувеличенными слухов, я велел просить ответственного за мой тыловой район, но не подчинённого мне начальника полиции Небеля [то есть Небе] дать указания, чтобы казни в зоне ответственности моего непосредственного командования проводились только в том случае, если речь идёт о вооружённых бандитах и преступниках. Герсдорф²⁴⁸ сообщает, что Небель дал на это своё согласие²⁴⁹.

Эта запись интересна во многих отношениях. Она со всей желаемой ясностью раскрывает точку зрения большей части офицерского корпуса: нежелание быть связанными с убийствами, совершёнными айнзацкомандами, и «сохранить чистоту мундира». При этом фон Боку удалось, однако, оставить нетронутой «непосредственно подчинённую ему зону» командования. К тому же его ограничение приняло весьма относительный характер, поскольку он особо исключил из него «вооружённых бандитов и преступников» – для команд СД весьма растяжимое понятие.

Далее из записи следует, что по всей вероятности, лица из числа подчинённых обратили внимание Бока на масштаб расстрелов евреев. Однако он или не проявил большого интереса к выяснению этих дел, или был неверно информирован о масштабе казней своим штабом или командующим тыловым районом группы армий «Центр» генералом пехоты Максом фон Шенкендорфом. «Слухи» были отнюдь не преувеличенными: уже 22 июля из штаба группы армий «Центр» сообщалось в военно-экономический штаб «Восток»:

В огромном количестве, доходящем до нескольких тысяч, расстреляны евреи, подозреваемые в призыве к неповиновению. В результате этого еврейство запугано и готово к работам²⁵⁰.

В тыловом районе группы армий «Центр» начальник айнзацгруппы «Б» Небе с самого начала установил хорошие отношения с командующим²⁵¹. В этом районе вскоре возникли крупные партизанские отряды. Они пополнялись в основном за счёт отставших войсковых частей, которые избежали плена во время боёв в окружении. Кроме того, очень скоро сказалось действие неслыханно жестоких «чисток» в тыловых районах, в процессе которых особо выделилась прежде всего кавалерийская бригада СС²⁵². Развернувшееся партизанское движение дало возможность начальнику айнзацгруппы «Б» Небе и инспектору полиции и СС в «Центральной России» фон Бах-Зелевскому воспользоваться потерями, нанесёнными войскам со стороны партизан, и провести уничтожение евреев под видом «борьбы с партизанами». Небе и Бах-Зелевский использовали готовность войск к принятию суровых мер. Совместно с Шенкендорфом они организовали курс обучения необходимым методам борьбы с партизанами. Будучи последовательным, Небе выступил с докладом на тему «Еврейский вопрос с учётом партизанского движения»²⁵³. И здесь войска были вполне готовы к отождествлению евреев, большевиков и партизан.

Интенсивное сотрудничество вермахта с айнзацгруппами, доходившее во многих отдельных случаях до совместно производимых расстрелов, привело в течение первых месяцев к таким явлениям в войсках, которые даже с точки зрения сторонников более тесного сотрудничества зашли слишком далеко.

22 июля 1941 г. начальник штаба 11-й армии полковник Вёлер выступил против того, чтобы солдаты фотографировались во время массовых расстрелов и погромов и сообщали об этом на родину: «Нездоровый интерес к таким акциям – не достоин звания немецкого солдата». Вёлер резко высказался о «гнусных бесчинствах», которые «глубоко противоречат чувству собственного достоинства немцев»²⁵⁴. Правда, имелись в виду массовые убийства, совершаемые *румынской* армией; с айнзацгруппой «Д», которая, как и её начальник Олендорф, проводила казни «в военной форме», Вёлер сотрудничал весьма активно.

Жадные до сенсаций зрители долгое время создавали проблему, с которой приходилось бороться соединениям вермахта, в зоне ответственности которых проводились расстрелы евреев. Об этом свидетельствуют многочисленные приказы, посредством которых войсковые командиры выступали против «присутствия любопытных или фотографирования во время проведения мероприятий зондеркомандами»²⁵⁵. Более серьёзным, однако, было то, что «солдаты и даже офицеры брались за расстрелы евреев и принимали в них активное участие»²⁵⁶, причём не только в единичных случаях. Это зашло так далеко, что в одном случае айнзацгруппа «Ц» жаловалась на то, что одной из её акций помешали, в таких словах:

Вопреки запланированному мероприятию в Умани уже 21 сентября 1941 г. дело дошло до эксцессов против евреев со стороны личного состава милиции и при активном участии очень многих немецких военнослужащих²⁵⁷.

Здесь если и не во всеобщем, то всё же в ужасающе широком масштабе наступило предвиденное уже последствие вовлечения вермахта в политику уничтожения, а именно: ожесточение войск, направленное равным образом против евреев, коммунистов и военнопленных. Неоднократно повторявшиеся приказы против самовольного участия солдат в расстрелах евреев, боязнь, что в противном случае

«власть выскользнет из рук командиров и войска превратятся в толпу», ясно показывают в какой мере одичание войск прогрессировало осенью 1941 г.²⁵⁸ Указанные в приказе Манштейна обращения «против произвола и своекорыстия, одичания и недисциплинированности, всякого нарушения воинской чести», также следует рассматривать именно как выступления против данных явлений, а не как скрытую критику совершённых айнзацкомандами карательных акций²⁵⁹.

Хоть руководство сухопутных сил и видело этот огрубляющий эффект, как возможное следствие «преступных приказов», но надеялось на то, что офицерский корпус по прежнему привержен своей в высшей степени оппозиционной позиции и будет в состоянии помешать негативным последствиям приказов. Оно исходило из того, что офицерский корпус вполне способен увидеть разницу между мерами террора, проводимыми в рамках дисциплины, и «произволом». Допускаемые и поддерживаемые войсковыми командирами убийства, которые со всей открытостью проводились айнзацкомандами в первые месяцы; откомандирование частей для оказания помощи в «акциях прочёсывания», в оцеплении мест расстрела и в самих казнях; безжалостные меры воздействия на население, как то расстрелы заложников, выставление напоказ на несколько дней повешенных коммунистов, «саботажников», «террористов», сжигание дотла деревень и массовые расстрелы их жителей; именно воспринятая армией пропаганда в отношении представителей низшей расы²⁶⁰ и «преступные приказы» прежде всего и привели к тому, что многие солдаты вообще не знали об этом различии. Однако часто случалось и так, что солдаты, хоть и видели разницу, но считали её признаком недостаточной последовательности руководства сухопутных сил. Эти солдаты были готовы вести войну так, как этого желало национал-социалистское руководство и как это уже отработали айнзац-группы и «ваффен СС».

Во всяком случае войсковое командование оказалось беспомощным перед лицом идеологически мотивированных «эксцессов» со стороны отдельных солдат. Это видно, например, из распоряжения командующего тыловым районом группы армий «Юг» генерала пехоты Карла фон Рока от 1 сентября 1941 г. После того как он – в повторение приказа от 29 июля – резко выступил против самовольных расстрелов евреев или участия в казнях, он распорядился:

Любые *самовольные* расстрелы местных жителей, в том числе евреев, отдельными солдатами, а также любое участие в карательных мероприятиях, проводимых органами СС и силами полиции, следует рассматривать по меньшей мере как нарушение дисциплины, но привлекать к судебной ответственности за это не нужно²⁶¹.

Из-за противоречивой позиции руководства сухопутных сил и значительных уступок, сделанных в отношении ведения войны по идеологическому принципу, дела приняли такой оборот, что командующие войсками были уже в значительной степени не властны повернуть ход событий вспять даже тогда, когда негативные последствия такого ведения войны стали для всех очевидны. Если командующий хотел принять меры против такого рода индивидуальных «эксцессов», – если вообще о них знал, – то это было возможно только там, где военный судья был одного с ним мнения в понимании сути плана «Барбаросса»²⁶².

Во всех звеньях армии проявились теперь последствия развития вермахта в национал-социалистском государстве. Ибо дальнейшее вовлечение вермахта в поли-

тику истребления на Востоке было не только непосредственным следствием «преступных приказов» и давления высших командных инстанций, но и результатом «приобщения» армии к национал-социализму при фон Фриче и в ещё большей степени при фон Браухиче. Не случайно в приказах фон Рейхенау, фон Манштейна и Гота говорилось о том, что войска на Востоке имеют такие задачи, которые выходят «за рамки традиционной солдатской морали», и что солдат должен выступать здесь «носителем народной идеи», иными словами, необходим был борец за такое мировоззрение, которое фон Браухич, следуя примеру СС, пропагандировал в армии с 1938 г.²⁶³

«Идеологическая ориентация» вермахта в национал-социалистском государстве была, конечно, необходимым, но не достаточным условием для достигнутых в 1941 г. масштабов вовлечения вермахта в национал-социалистскую политику истребления. Этим, конечно, ещё нельзя объяснить вовлечение в это многих солдат, которые прежде придерживались «консервативной линии». Дальнейшее объяснение предполагает анализ механизмов оправдания и самоуспокоения, с помощью которых как айнцацкоманды, так и войска, сознававшие своё участие в истреблении евреев, справлялись со своими переживаниями. Первой исходной установкой был широко распространённый воинствующий антибольшевизм, который привёл к тому, что они слепо поверили всему, что отечественная пропаганда говорила об идеологических врагах. отождествление понятий «еврейство» и «большевизм» позволило привлечь к уничтожению евреев представителей этой линии, хотя обычно они держались весьма отстранённо по отношению к «вульгарному» антисемитизму в духе Штрейхера. Этот элемент ясно виден в приказах фон Рейхенау и фон Манштейна и преобладает в рапортах айнцацгрупп, где политические основания в убийстве евреев имели гораздо больший вес, чем расовые. Следующей исходной установкой были увечья, нанесённые войскам со стороны партизан, которые ещё деятелям в ОКВ и ОКХ позволили найти убедительные объяснения для «преступных приказов». Когда войска разрешили айнцацкомандам наступать в первом эшелоне вместе с передовыми частями, – команды сами просили об этом, – то сделали это потому, что предпочитали передать этим командам расстрелы комиссаров и коммунистических деятелей, как того требовали «преступные приказы»²⁶⁴, и надеялись благодаря им в зародыше подавить ожидавшееся партизанское движение, тем самым «защитив войска от каких бы то ни было беспорядков»²⁶⁵. Предоставив айнцацкомандам неприятное дело – борьбу с первоначально незначительными партизанскими группами, они одновременно дали им возможность преподнести борьбу с партизанами как истребление евреев. Команды без содействия со своей стороны получили монополию на получение сведений о «бесчинствах партизан». Это позволило им манипулировать действиями войскового командования там, где и без того имелась готовность к бесцеремонному «решению еврейской проблемы». Почти везде командующие войсками были, видимо, готовы поверить в сфабрикованный айнцацкомандами или даже утверждённый ими вымысел о том, что за партизанами якобы скрываются евреи. Это подтверждают следующие примеры.

Когда 6 июля 4-я танковая группа (генерал-полковник Хёпнер) обратилась в ОКХ с просьбой выступить в защиту «хорошего и *справедливого* обращения с

лояльно настроенным населением», было добавлено, что в «довольно редких случаях саботажа ... следует обвинять отдельные коммунистические элементы, прежде всего евреев»²⁶⁶. В штабе 17-й армии были также убеждены в том, что за случаи саботажа ответственность должны нести именно евреи²⁶⁷. Эта убежденность особенно ясно выражена в приказах фон Рейхенау и фон Манштейна, в которых говорится, что «беспорядки [в тылу армии] организуются в большинстве случаев евреями» и что «еврейство ... является посредником» между противником и партизанами. В конце концов, было безразлично, были ли сами упомянутые лица воинствующими антисемитами и использовали это утверждение как средство для достижения цели, отнеслись ли они доверчиво к вымыслу айнцакоманд или же они тем самым просто успокаивали свою совесть²⁶⁸.

Эти объяснения с самого начала были привычны для айнцагрупп и команд. Они сознавали, что для массовых убийств необходимо «убедительное» обоснование, не только для того, чтобы убедить в необходимости их действий такие непосредственные инстанции, как учреждения вермахта, но и отдельных членов команд, которые сновали от одной братской могилы к другой. Уже первое массовое убийство евреев, о котором было заявлено, характеризовалось как «карательная акция»²⁶⁹. В других случаях евреи расстреливались «в качестве возмездия», – или для этого находили действительные причины, как то нападение партизан, саботаж, мнимый или действительный поджог, или речь шла просто «о возмездии за зверства Советов»²⁷⁰. В других случаях говорили о расстрелах «по праву войны» или «согласно обычаям военного времени», о расстрелах за «распространение слухов» и по причине «угрозы возникновения эпидемии» или за «нарушение прав». Эти вымыслы часто обнаруживаются в донесениях айнцагрупп. Так, когда айнцагруппа «А» сообщала в донесении, что она, мол, казнила в Белоруссии 41 000 евреев, то сюда следует причислить также «около 19 000 партизан и преступников, то есть также в большинстве своём евреев, расстрелянных вермахтом [!] к декабрю 1941 г.»²⁷¹. Приказы фон Рейхенау и его последователей важны по той причине, что они скрепляли печатью своего военного авторитета вымысел айнцакоманд.

6. Последствия сотрудничества

Политика руководства сухопутных сил, направленная на то, чтобы в самом широком масштабе содействовать уничтожению большевизма, но избегать участия в акциях массового истребления и «сохранить чистоту мундира», потерпела крах. Эта концепция, согласно которой такого рода интенсивное сотрудничество не могло возникнуть уже потому, что завоёванные территории очень быстро должны были перейти из-под ответственности военных в ведение рейхскомиссаров, потерпела поражение не только потому, что не получилось быстрой победы. Она не удалась уже в силу противоречивой политики руководства сухопутных сил в отдании приказов, которая содействовала радикализации этих самых приказов, а также в силу широкой готовности войск к дальнейшей интеграции.

Ускоренный самой армией процесс вовлечения её в политику истребления на Востоке имел далеко идущие последствия. До этого существовало не подлежащее

отмене особое положение армии, как относительно самостоятельного носителя власти в национал-социалистском государстве. Это особое положение могло сохраняться только до тех пор, пока армия сохраняла чёткую внешнюю и внутреннюю дистанцию в отношении сугубо национал-социалистских принципов ведения войны. Политика руководства сухопутных сил отнюдь не способствовала укреплению позиций армии в национал-социалистском государстве, даже если так могло казаться летом 1941 г. В выигрыше оказались только Гиммлер и Гейдрих, чей вес возрос за счёт потери веса руководства сухопутных сил и внутреннего упадка армии. Масштаб сотрудничества между армией и айнзацкомандами был таким образом индикатором «падения престижа армии»²⁷². После всего сказанного возникает вопрос, какое значение это вовлечение в политику истребления имело для «решения еврейского вопроса».

До последнего времени в науке преобладала концепция, согласно которой Гитлер отдал приказ об истреблении евреев весной 1941 года в самой тесной связи с приказом о комиссарах²⁷³. Уве Дитрих Адам убедительно доказал, что такой приказ не мог быть издан до осени 1941 г. и что Гитлер «с большой долей вероятности... не стремился изначально к «окончательному решению» в той форме, в какой оно было осуществлено позже, как к политической цели»²⁷⁴. Этот тезис Адама, исходя из анализа процесса вовлечения, следует поддержать и дополнить.

Не подлежит сомнению, что в начале 1941 г. Гитлеру мерещилась общая цель – устранение единых «еврейства и большевизма». Синхронно с процессом вовлечения вермахта в политику уничтожения была принята более радикальная формулировка и дифференциация этой направленной на уничтожение цели. В начале марта 1941 г. Гитлер ещё не верил, что советские земли можно подчинить немецкой власти в той мере, в какой он решил это сделать в июле 1941 г. В его директивах, которые 3 марта Йодль передал в отдел «L» штаба оперативного руководства вермахта, ещё говорилось о том, что Советский Союз должен быть «расчленён на государства с собственными правительствами, с которыми мы можем заключить мир». Если «еврейско-большевистская интеллигенция и должна быть устранена, то условия, созданные в результате русской революции, устранить не удастся.

Несомненно, что ещё в марте Гитлер считал нереальным устранение результатов большевистской революции, однако в июле это стало уже его главной целью. На смену планам расчленения СССР на подчинённые немецкой гегемонии национальные государства, пришёл план низвести статус советских территорий по эту сторону Урала до уровня эксплуатируемых колоний с населением готовых к работе рабов. Однако это было возможно только в том случае, если бы была истреблена не только «еврейско-большевистская интеллигенция», но и всякий *потенциальный* источник сопротивления, если бы, как выразился Гитлер на одном из решающих совещаний с руководящими кадрами, «расстреливали каждого, кто косо посмотрит»²⁷⁵. Однако это означает, что для Гитлера с марта месяца оценка результатов, достижимых посредством имеющихся сил, решительно изменилась. Условием этого было согласие военного командования на значительно большее участие вермахта в политике уничтожения.

Тезис о том, что сама готовность к участию в политике истребления радикализовала эту политику, по моему мнению подтверждают имеющиеся источники о начале карательных акций, совершённых айнзацгруппами.

Начальник РСХА, группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих настойчиво указывал в письменных директивах, которые он направил 2 июля 4-м предусмотренным для оккупированных советских территорий инспекторам полиции и СС «в целях избежания возможных неясностей при взгляде на организационное использование и фактический круг задач айнзацгрупп», на достигнутое с ОКХ соглашение от 26 марта²⁷⁶. В «инструкции для командира айнзацгруппы и айнзацкоманды» об этом говорилось следующее:

Отношениям с вермахтом посвящён приказ ОКХ от 26 марта 1941 г., который следует чётко исполнять. На основании этого приказа следует поддерживать самое лояльное сотрудничество с вермахтом. Отданные в рамках этого приказа указания вермахта следует чётко соблюдать²⁷⁷.

Как уже упоминалось, это соглашение было сформулировано открыто, но дело было главным образом в том, какую интерпретацию примут заинтересованные инстанции. Формулировка, которая допускала бы общую казнь *всех* евреев, причём в армейской зоне ответственности, в нём явно не было. Поэтому интересно, как Гейдрих в директивах для инспекторов полиции и СС, которые должны были играть в предусмотренных рейхскомиссариатах ту же роль, что играли айнзацгруппы в зоне ответственности ОКХ, определил круг жертв. При этом его требования по сути не выходили за рамки плана «Барбаросса» и приказа о комиссарах. Следовало ликвидировать всех высших, средних и «радикально настроенных низших» партийных деятелей, все «прочие радикальные элементы», а также всех «евреев в государственных и партийных органах»²⁷⁸.

То, что в момент, когда вышли директивы Гейдриха, массовые казни евреев уже шли полным ходом, не противоречит моему тезису²⁷⁹. Согласно детальному сообщению начальника айнзацгруппы «А» бригаденфюрера СС доктора Франца Шталекера, с октября 1941 г. «посвящённая чистке работа полиции безопасности согласно принципиальным приказам имела своей целью как можно более масштабное устранение евреев»²⁸⁰. Из этого же сообщения следует, что к началу восточной кампании, принимая во внимание вермахт, действовали очень осторожно:

[...] уже в первые часы после вторжения, хоть и среди существенных трудностей, местные антисемитские силы побуждались к погромам против евреев. Согласно приказу полиция безопасности принялась за разрешение еврейского вопроса всеми средствами и со всей решительностью. Причём было желательно, чтобы необычайно суровые меры, могущие вызвать возмущение даже в немецких кругах, применялись ими далеко не сразу. Внешне следовало представить дело так, будто эти меры были инициированы местным населением и являлись его естественной реакцией на многолетнее угнетение со стороны евреев и террор со стороны коммунистов в предыдущие годы²⁸¹.

Погромы, которые должны были инициировать айнзацкоманды, – сами, правда, по распоряжению Гейдриха, «оставаясь в стороне»²⁸², – должны были с одной стороны устранить имеющиеся со стороны вермахта сомнения, а с другой – сохра-

нить для айнзацкоманд путь к отступлению, который был возможен путём указания на то, что речь, мол, идёт об эксцессах со стороны местного населения²⁸³.

Сверх ожиданий лёгкая работа айнзацгрупп на Востоке привела не только к тому, что Гиммлер и Гейдрих приблизились к цели «как можно более масштабного устранения евреев» в советских землях гораздо быстрее, чем они сами могли на это надеяться. Широкий масштаб сотрудничества со стороны вермахта дал национал-социалистскому руководству понять, что эта властная структура не будет противиться последующему суровому обращению с *немецкими* евреями и евреями на остальных, контролируемых немцами территориях²⁸⁴. Следствием этого процесса было *также* то, что осенью 1941 г. произошло полное формальное лишение прав немецких евреев и начата их депортация на Восток²⁸⁵. Благодаря предупредительности вермахта национал-социалистское руководство смогло довести цель уничтожения к её конечному результату. Речь шла уже не о «как можно более масштабном устранении евреев» на Востоке, но о ликвидации *всех* евреев на контролируемых немцами территориях.

VII. МАССОВАЯ СМЕРТНОСТЬ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1941–1942 гг.

---

19 февраля 1942 г. руководитель рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-хлетним планом, министра-директор Мансфельд¹ выступил в имперской экономической палате с докладом по «общим вопросам использования рабочей силы». Касаясь постоянно обостряющейся нехватки рабочей силы, Мансфельд заявил:

Нынешние трудности с использованием рабочей силы не возникли бы, если бы своевременно было принято решение о широком *использовании труда русских военнопленных*. В нашем распоряжении находилось 3,9 млн. русских², из которых осталось лишь 1,1 млн. Только с ноября 1941 г.³ по январь 1942 г. умерло 500 000 русских. Число русских военнопленных, в настоящее время используемых на работах (400 000), едва ли может быть увеличено. Если устранить тифозные заболевания, то, пожалуй, появится возможность задействовать в экономике ещё дополнительно 100 000–150 000 русских⁴.

Итак, из советских военнопленных, находившихся в немецких руках, к этому времени умерло или было убито 2 млн. человек⁵. Уже было показано, как стало возможным уничтожение айнзацгруппами в районе ОКВ и прифронтовой зоне примерно 600 000 военнопленных, большая часть которых была ликвидирована до весны 1942 г. Как же произошло, что между началом похода на Восток и концом января 1942 г. ежедневно погибало около 6000 пленных?

Военное командование уже ранее было озабочено тем, чтобы найти извинительное объяснение для массового вымирания пленных, ибо бедствия пленных вызвали беспокойство среди гражданского населения оккупированных территорий и, естественно, среди самих пленных. Отдел пропаганды штаба оперативного руководства вермахта издал 10 ноября директиву о том, как следует вести пропаганду в прифронтовых районах:

Поскольку настроения в лагерях военнопленных не являются тайной для гражданского населения и партизан, а тем самым известны также противнику, следует провести тщательно спланированную контрпропаганду. [...] Недостаточное питание военнопленных и задержка с использованием их на работах не входят в намерение немецкого вермахта. Ответственность за войну и, соответственно, за лишения, которые должны переносить военнопленные, несут московские правители. Сталин отдал преступный приказ об уничтожении запасов продовольствия, средств производства и транспорта. Соотечественники пленных сами принимали участие в осуществлении этого дьявольского приказа. [...] Немецкий вермахт обеспечен регулярным снабжением и снабжён всем необходимым. Однако никто не вправе

ожидать, что военные смогут сверх этого осуществлять ещё значительные доставки продовольствия для пленных в то время, как ведутся боевые действия.

Напряжённая ситуация со снабжением и скудное размещение характерны прежде всего для пересыльных лагерей вблизи фронта. По мере эвакуации пленных на Запад положение улучшается⁶.

К версии, что, мол, главным виновником страданий пленных является Сталин, ибо в оккупированных вермахтом областях были уничтожены запасы продовольствия, примыкает другая версия, которая объясняет смерть советских военнопленных возникновением эпидемий, борьба с которыми была якобы безуспешной⁷, – то есть естественной катастрофой. Изданный начальником службы по делам военнопленных в марте 1942 г. секретный приказ о содержании советских военнопленных возлагает всю ответственность за плохое состояние их здоровья на «многoletнее недоедание», «трудности с питанием в Советской Армии» и «военные действия»⁸. Наконец, наиболее частым является объяснение, которое высказали в Нюрнберге также представители обвиняемого военного командования: массовая смертность советских пленных осенью 1941 г. явилась следствием того, что огромное количество пленных, прежде всего после больших окружений под Вязьмой и Брянском (середина октября 1941 г.; 662 000 пленных) невозможно было прокормить. Так, начальник штаба оперативного руководства вермахта, генерал-полковник Йодль заявил:

Окружённые русские армии оказывали фанатичное сопротивление, хотя последние 8–10 дней были лишены какого-либо снабжения. Они питались буквально древесной корой и корнями, ибо отошли в непроходимые лесные дебри и попали затем в наши руки в таком состоянии, что едва были способны ещё передвигаться. Вывести их было невозможно. В том напряжённом положении со снабжением, в котором мы очутились из-за разрушения путей сообщения, было невозможно их всех эвакуировать. Поблизости не было мест для их размещения. Большую часть можно было бы спасти только в результате немедленного и заботливого лечения в условиях госпиталя. Очень скоро начались дожди, а позднее – холода; это и есть причина того, что большинство пленных из-под Вязьмы умерло⁹.

Все эти объяснения содержат в себе долю правды; однако то, что они в такой категорической форме являются предвзятой попыткой защитить себя, ясно уже из поверхностного изучения источников. Чтобы выяснить причины массовой смертности советских военнопленных в 1941–1941 гг., представляется необходимым восстановить сначала сам процесс этой массовой смертности.

Подобная попытка наталкивается на существенные трудности. Ибо несмотря на то, что количество источников по первым месяцам войны на Востоке в целом относительно велико, статистические данные о советских военнопленных для периода до начала 1942 г. весьма незначительны. Напрашивающееся поначалу объяснение, что это, мол, произошло из-за случайной утери документов, при ближайшем рассмотрении оказывается несоответствующим действительности. Давать точные статистические отчёты о *местопребывании* советских военнопленных для зоны ответственности ОКХ стало обязательным только с 1 января 1942 г., когда пик массовой смертности был уже позади¹⁰. В зоне ответственности ОКВ с самого начала не было никакого интереса к созданию статистической базы данных. Если даже

предположить, что отдел по делам военнопленных вёл учёт пленных в зоне ответственности ОКВ, то представляется, что это делалось поверхностным образом и что цифры не передавались в другие ведомства¹¹. Организационный приказ отдела по делам военнопленных от 16 июня счёл «необязательными» донесения о военнопленных в справочное бюро вермахта¹². 2 июля 1942 г. отдел по делам военнопленных в ОКВ, напротив, потребовал во изменение этого приказа направлять донесения в справочное бюро вермахта, ибо советское правительство заявило о своей готовности сообщать имена немецких военнопленных. Соответствующие картотеки следовало, однако, создать только в «лагерях, расположенных на территории рейха»¹³. Этот приказ был повторно отдан 30 сентября, ибо от комендантов лагерей на Востоке были потребованы картотеки для регистрации пленных. При этом было подчёркнуто, что «приказ об учёте советских военнопленных в генерал-губернаторстве [...] будет отдан только после завершения операций на Восточном фронте» и что в справочное бюро вермахта следует сообщать только о тех военнопленных, которые после «отборов», проведённых айнзацкомандами, «окончательно остаются в лагере или используются на работах»¹⁴. Совершенно очевидным было намерение изъять из документов справочного бюро ожидаемые потери по пути из прифронтовой зоны в лагеря на территории рейха, а также потери за счёт карательных акций, проведённых айнзацкомандами¹⁵. В донесениях, которые отдел по делам военнопленных в ОКВ, – только для зоны ответственности ОКВ, – предоставлял Международному Комитету Красного Креста, советские военнопленные учитывались только с февраля 1942 г.¹⁶ – после того как было принято принципиальное решение об использовании этих пленных на работах в немецкой военной экономике и тем самым доказана необходимость сохранения им жизни.

Это объясняет отсутствие статистических данных для первого полугодия войны на Востоке. Одновременно следует отметить, что военное командование принимало в расчёт высокие потери и с самого начала стремилось их скрыть. Таким образом, для воссоздания масштабов и динамики смертности пленных в распоряжении имеются лишь очень немногие разрозненные источники, которые позволяют изобразить её весьма приблизительно. При этом сравнительно хорошо представлены источники по генерал-губернаторству и тыловому району группы армий «Центр». Немногие сохранившиеся источники по другим областям позволяют сделать вывод о схожести происходивших там процессов. При этом особенно прискорбно то, что почти целиком утеряна источниковая база для зоны рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина», где осенью 1941 г. находилась большая часть пленных.

1. Процесс массовой смертности

а) Прифронтовая зона

В качестве объяснения массовой смертности пленных чаще всего указывают на то, что огромное количество пленных, прежде всего после окружений под Вязьмой и Брянском, а также под Киевом (середина сентября 1941 г; 665 000 пленных), сделало невозможным их снабжение и что советские солдаты очутились в немецком плену уже будучи истощены. Не вызывает сомнения, что именно эти два ок-

ружения поставили войска перед сложной проблемой эвакуации и снабжения пленных¹⁷. Однако массовая смертность началась значительно раньше, предпосылки для этого были созданы уже в первые недели кампании.

Уже указывалось на то, что согласно всей концепции войны на Востоке *значительно*, – то есть ещё до того, как было совершено нападение, – должны были рассчитывать на принятие большого количества пленных в течение самого короткого времени. По крайней мере огромное количество пленных из первых 2-х окружений, осуществлённых группой армий «Центр» (Белосток – Минск, начало июля, 323 000 пленных и Смоленск – Рославль, начало августа, 348 000 пленных), в организационном плане не могло представлять собой никакой проблемы, тем более, что вермахт уже не в первый раз имел дело с большим количеством пленных, – следствие тактики молниеносных нападений с окружением больших воинских соединений мобильными подразделениями¹⁸.

Если же, как уже было сказано, масштаб смертности пленных в первые недели не подлежит точному учёту, то имеющиеся в распоряжении источники не оставляют сомнения в том, что уже в то время потери были очень велики.

Хельмут Джеймс, граф фон Мольтке, который, как сотрудник отдела международного права в управлении разведки и контрразведки в ОКВ, всегда был хорошо осведомлён о положении дел, писал в августе своей жене:

Новости с Востока опять ужасающи. Мы явно несём очень и очень большие потери. Но это было бы ещё терпимо, если бы на наших плечах не лежали горы трупов. Постоянно слышны вести, что из транспортов пленных и евреев живыми доходят лишь 20%, что в лагерях для военнопленных царит голод, распространяется тиф и все прочие опасные эпидемии. [...] ¹⁹.

Сохранившиеся по зоне ответственности группы армий «Центр» источники позволяют сделать вывод, что известия, которые получал Мольтке, не преувеличены. Уже 10 июля министерский советник Ксавьер Дорш из организации Тодта обратил внимание будущего имперского министра по делам оккупированных восточных территорий Розенберга на опасность эпидемий вследствие голода и катастрофических санитарных условий в Минске. Войска 4-й армии (генерал-фельдмаршал фон Клюге) оборудовали там «на территории, величиной примерно с [Берлинскую] Вильгельм-плац» лагерь для почти 100 000 военнопленных и 40 000 гражданских лиц – почти всё мужское население Минска:

Пленные, которые были загнаны на эту площадь, едва могли двигаться и были вынуждены справлять свои естественные надобности прямо на том месте, где стояли. Лагерь охраняется командой кадровых солдат в составе роты. Охрана лагеря при малой численности охранной команды возможно только путём применения самого грубого насилия.

Военнопленные, проблему питания которых решить практически невозможно, частично от 6 до 8 дней вообще не получают пищи и в результате вызванной голодом звериной апатии знают только одну страсть: как бы добыть что-нибудь съестное. [...]

Единственно возможным языком небольшой охранной команды, которая бессменно, день и ночь несёт свою службу, является стрелковое оружие, которое применяется самым беспощадным образом²⁰.

То, что смертность, по крайней мере в зоне ответственности группы армий «Центр», вскоре перешагнула «нормальные» размеры, явилось следствием норм питания, которые полагались для пленных. Пленные, которые были эвакуированы через зону ответственности коменданта по делам военнопленных округа «J», полковника Маршалла, в зоне ответственности группы армий «Центр»²¹ получали ежедневные рационы в размере «20 г пшена и 100 г хлеба без мяса», «100 г пшена без хлеба», «в зависимости от использования рабочей силы, до 50 г пшена и 200 г хлеба, а в случае наличия – свежее мясо»²², – рационы, которые, имея максимальную питательность от 300 до 700 калорий, составляли менее половины жизненно необходимого минимума, и это в то время, когда о проблеме военнопленных ещё не могло быть и речи²³. Последствия этих голодных рационов известны. Офицер службы снабжения одной из участвовавших в эвакуации охранных дивизий обратил внимание на то,

что нормы питания (20–30 г пшена, 100–200 г хлеба) слишком малы даже для пешего перехода в 30–40 км, а потому следует считать, что большая часть людей не достигала цели из-за истощения²⁴.

Насколько быстро наступили эти последствия – неизвестно²⁵. В отчётах квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за июль нет никаких данных о состоянии здоровья военнопленных; в августе оно оценивается, как «в целом удовлетворительное», в сентябре – как «нормальное, частично [...] хорошее»²⁶. Эти данные ни о чём не говорят, так как не был указан используемый критерий. Однако уже в сентябре в 112-м пересыльном лагере в Молодечно «был отмечен высокий уровень смертности, который объяснялся явлениями истощения и дизентерийными заболеваниями»²⁷. При этом, по крайней мере временами, *ежедневный* показатель смертности уже превышал 1%. Из позднейшего донесения квартирмейстера следует, что ещё до притока пленных после сражения под Брянском (середина октября) показатель смертности составлял «в среднем 0,3%» *в день* – то есть почти 10% в месяц, – крайне высокий показатель:

После поступлений пленных, взятых в плен под Брянском, показатель смертности поднялся «в среднем до 1% в день». В конце ноября – до 2%. В начале декабря, с наступлением сильных холодов, он поднялся ещё выше, так что в отдельных лагерях (Вязьма, Смоленск, Гомель) ежедневно умирало до 350 военнопленных²⁹.

В декабре «процент смертности по прежнему оставался очень высоким, до 2% в день»³⁰.

В целом, для зоны ответственности группы армий «Центр» получается следующая картина: смертность на протяжении первых 3-х месяцев возрастала относительно постоянно и предположительно в сентябре достигла среднего показателя 0,3% в день или около 10% в месяц. В связи с притоком пленных из окружения под Вязьмой и Брянском она в середине октября резко возросла до 1% в день, так что ежемесячная смертность достигла 15–20%. В ноябре смертность поднялась ещё выше, достигнув 1,3% в день, а значит 40% в месяц³¹. В декабре эти цифры несколько снизились; согласно донесению генерал-квартирмейстера в этом месяце во всей зоне ответственности группы армий «Центр», – то есть включая зоны ответственности подчинённых армий, – умерло 64 165 пленных, четверть имеющейся к началу месяца численности³². В январе 1942 г. смертность снизилась весьма

незначительно – до 23% в месяц (44 752 пленных), в феврале заметнее – до 15% (19 117 пленных), в марте – до 10,3% (11 582 пленных)³³; в апреле она сократилась до 6,2% (8476 пленных)³⁴. В течение всего этого времени показатели смертности в тыловом районе группы армий «Центр» были значительно выше³⁵.

Для зоны ответственности групп армий «Север» и «Юг» данных о летних месяцах нет. Однако из сохранившихся источников следует, что в зоне ответственности группы армий «Север» смертность в октябре резко выросла и продолжала расти до января. При этом, как абсолютные, так и относительные цифры были ниже тех, что наблюдались в районе группы армий «Центр», ибо группа армий «Север» захватила значительно меньшее количество пленных. В тыловой зоне, подчинённой коменданту по делам военнопленных округа «Ц», с 16 по 30 ноября умерло 4612 пленных, то есть 5–6,5% имевшихся в наличии пленных³⁶. В зоне ответственности всей группы армий «Север» в декабре умерло 12 802 пленных (12,3%), в январе смертность выросла до 17,4% (16 051 пленный), а в феврале сократилась до 11,8% (10 197 пленных), в марте – до 9,45% (7636 пленных) и в апреле – до 6,3% (4852 пленных)³⁷.

В зоне ответственности группы армий «Юг» смертность только после окружения под Киевом приняла чудовищные размеры. Согласно донесению обер-квартирмейстера 17-й армии, которая в этой битве захватила большую часть пленных, ежедневная смертность этих пленных достигла при эвакуации 1%³⁸, так что здесь уже в октябре – ноябре впервые был достигнут пик массовой смертности. В декабре наступило заметное снижение смертности до 7,1% (11 306 пленных), ибо из-за эвакуации и смерти численность пленных сократилась. Однако в январе цифра ещё раз выросла более, чем вдвое – до 16,8% (24 861 пленный), в феврале снизилась до 12,2% (15 543 пленных), в марте – до 9,4% (11 812 пленных), в апреле – до 5,3% (6132 пленных)³⁹. Для всей прифронтовой зоны⁴⁰ получаются следующие цифры:

Период	Количество смертных случаев	Процент
Декабрь 1941 г.	89 693	15,4%
Январь 1942 г.	87 451	19,4%
Февраль 1942 г.	46 579	13,2%
Март 1942 г.	31 703	9,4%
Апрель 1942 г.	19 537	5,8% ⁴¹

б) Рейхскомиссариаты «Остланд» и «Украина», и генерал-губернаторство

Гораздо сложнее оценить процесс вымирания в рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина». В качестве достоверных данных можно рассматривать только данные о масштабах смертности в декабре 1941 г. В телеграмме в имперское министерство труда от 5 декабря 1941 г. отдел по использованию рабочей силы рейхскомиссариата «Остланд» сообщал о трудностях транспортировки советских пленных из «Остланда» на территорию рейха для использования на работах. Тифозные заболевания в большинстве лагерей и транспортные проблемы препятствуют этому и в то же время заставляют действовать с «чрезвычайной быстротой. [...] По слухам, в зоне ответственности начальника службы содержания военнопленных в «Остлан-

де» ежедневно умирает от истощения около 2000 пленных»⁴². Достоверность этих данных подтверждает сообщение Мансфельда от февраля 1942 г.; в последующем, в рейхскомиссариате «Остланд» с (конца) ноября 1941 г. по 1 января 1942 г. умерло 68 000 пленных – 29,4%; то есть в день умирало в среднем по 2190 пленных⁴³.

Для зоны ответственности рейхскомиссариата «Украина» инспектор по вооружению Украины представил 2 декабря 1941 г. доклад, в котором обращалось внимание на очень высокую смертность пленных: «Следует рассчитывать на гибель десятков, а то и сотен тысяч в течение этой зимы»⁴⁴. 14 декабря 1941 г. имперский министр по делам оккупированных восточных территорий Розенберг доложил Гитлеру, что командующий вооружёнными силами на Украине, генерал-лейтенант Китцингер сообщил ему, «что в результате истощения в лагерях его зоны ежедневно умирает около 2500 пленных»⁴⁵. В этой зоне смертность в течение декабря поднялась, видимо, ещё выше, ибо, согласно данным Мансфельда, в феврале умерло 134 000 пленных – 46,4%; то есть в день умирало по 4300 пленных⁴⁶.

В обоих рейхскомиссариатах смертность в январе существенно снизилась; численность пленных в рейхскомиссариате «Украина» сократилась на 15 000 человек (9,7%), в рейхскомиссариате «Остланд» – на 13 000 (8%); однако смертность, видимо, была всё же значительно выше, так как в это самое время из прифронтовой зоны было доставлено 26 426 пленных, которые, однако, ни в генерал-губернаторство, ни на территорию рейха эвакуированы не были⁴⁷. До апреля численность пленных в этих областях также продолжала сокращаться, хотя источники не позволяют узнать, какая часть их была отправлена на Запад.

Вопрос о том, какое развитие приняла смертность в этих районах между сентябрём⁴⁸ и ноябрём 1941 г., следует оставить открытым. Но можно предположить, что смертность в этих областях уже в сентябре была относительно высока, – так же, как смертность в тыловом районе группы армий «Центр», – и резко возросла затем в октябре – ноябре. Это предположение основано на том, что пленные, которые прибыли в эти области, в значительной степени уже были истощены недельными пешими маршами из прифронтовой зоны, а затем, при абсолютно недостаточном питании, тем быстрее пали жертвами начавшихся холодов и инфекционных болезней⁴⁹. Об этом говорит также большое количество нетрудоспособных пленных: в целом в начале декабря таковыми были две трети всех пленных, а в рейхскомиссариате «Остланд» – даже 90 %⁵⁰. Это предположение подтверждают также процессы смертности в лагерях оккупированной Польши, где царили те же самые условия.

Генерал-губернаторство – единственная область, для которой имеются более менее точные цифры⁵¹. В документах обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства начиная с 27 ноября 1941 г. содержатся данные о «положении военнопленных», в которых приводится также количество пленных, умерших до указанного срока⁵². Благодаря этому возможно проследить динамику смертности до 20 октября⁵³. Из этих данных следует, что между июнем 1941 г. и 15 апреля 1942 г. в лагерях генерал-губернаторства умерло 292 560 пленных⁵⁴. Но и здесь процесс остаётся невыясненным до конца сентября. Генерал Рейнеке заявил в октябре 1941 г. во время одной из «застольных бесед» у Гитлера, что в сентябре в генерал-губернаторстве умерло 9000 советских пленных, но и эта цифра кажется чересчур заниженной⁵⁵. С уверенностью можно говорить, что в конце сентября

смертность резко возросла. До 20 октября было отмечено уже 54 000 смертных случаев и кривая смертности резко поползла вверх: с 21 по 30 октября умерло 45 690 пленных, что составило 17,3% от общего их количества, в день в среднем умирало почти 4600 пленных. Эта высокая смертность ничуть не сократилась в ноябре: умерло 83 000 пленных, что составило 38,2% от имевшегося к началу месяца количества. В декабре абсолютные цифры были меньшими, но показатель смертности опять пополз вверх: умерло 65 000 пленных, что составило 45,8%. В январе число смертных случаев заметно сократилось: умерло 10 000 пленных (13%)⁵⁶. В феврале смертность вновь поднялась до 20,1% (13 678 случаев смерти) и только в марте упала до 10% (5470 случаев смерти = 9,3%). На том же уровне оставались показатели и в первой половине апреля (1772 смертных случая = 8% в месяц). К 15 апреля из 361 612 пленных, которые осенью 1941 г. были доставлены в генерал-губернаторство⁵⁷, в живых осталось всего 44 235; 7559 пленных сбежало, 292 560 – умерло, а об оставшихся 17 256 было заявлено, как о «переданных в СД», то есть они были расстреляны⁵⁸; таким образом, более чем 85,7% пленных в этой зоне или погибло, или было убито.

в) Территория рейха

Для территории рейха также, как и для рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина» имеется сравнительно мало надёжной информации⁵⁹. Отдельные данные позволяют думать, что и здесь динамика смертности была примерно такой же, как в генерал-губернаторстве. Согласно докладу земского отдела труда Саксонии от 15 августа, находившиеся в этом районе советские пленные на протяжении указанного периода времени всюду были истощены, а потому нетрудоспособны⁶⁰. Доклад окружного управления в Фалькенберге (Верхняя Силезия) от 11 сентября 1941 г. даёт очень чёткое представление о судьбах советских военнопленных в 318-м стационарном лагере в Ламсдорфе. Пленные, находящиеся в лагере с конца июля,

рыли ложками и руками ямы в земле, в которых укрывались ночью. Содержание [...] хоть и скудное, но всё же вполне достаточное. На завтрак регулярно подают горячий кофе, а на обед – суп. На ужин следует выдача холодного пайка, состоящего из солдатского хлеба (1 буханка на 5 человек) и мармелада. Этого, однако, слишком мало для этих вечно голодных людей; так что в первые недели можно было наблюдать, как они, словно звери, пожирали траву, цветы и сырой картофель. После того как на территории лагеря не осталось больше ничего съестного, они обратились к людоедству^{60а}.

Насколько серьёзной была ситуация в лагерях на территории рейха уже в начале сентября, ясно из распоряжения командующего армией резерва от 6 сентября. В соответствии с ним советским военнопленным в течение 3-х недель можно было выдавать рацион «несоветских военнопленных», «если полномочный врач сочтёт это необходимым для предотвращения эпидемии и восстановления трудоспособности»⁶¹. Значение этой уступки можно понять только зная размер рационов советских военнопленных и связанных с этим внутриаполитических расчётов⁶².

На территории рейха, как показывают различные источники, смертность самое позднее к началу ноября также достигла высокого уровня и продолжала расти в дальнейшем. Начальник гестапо Мюллер потребовал 9 ноября от органов гестапо

в дальнейшем прекратить доставку для уничтожения в концентрационные лагеря «находящихся при смерти» пленных:

Коменданты концентрационных лагерей жалуются на то, что от 5 до 10% приговорённых к казни советских пленных прибывают в лагеря мёртвыми или полумёртвыми. [...]

Особенно следует отметить, что при пеших переходах, например с вокзала до лагеря, не малое число военнопленных или умирает по пути от истощения, или падает полумёртвыми и их должны подбирать следующие за ними автомашины. Невозможно сохранить это в тайне от немецкого населения⁶³.

Другой пример даёт стационарный лагерь Берген-Бельзен. Этот лагерь, позднее известный как «лагерь временного пребывания» СС, был в 1941 г. «нормальным» лагерем для советских военнопленных. В начале ноября там проживало в шалашах около 14000 пленных; если в начале месяца там ежедневно умирало по 80 пленных (0,6%), то в конце месяца – уже по 150 (1,1%); к концу зимы лагерь почти полностью вымер⁶⁴.

Точные данные о смертности на территории рейха имеются только для декабря 1941 г.; в этом месяце из 390000 пленных умерло 72000 (18,5%)⁶⁵. Так что смертность здесь была значительно ниже, чем в остальной зоне ответственности ОКВ, но выше соответствующих показателей в прифронтовой зоне. Как процесс смертности развивался в дальнейшем, а именно, в начале 1942 г., установить невозможно. Однако, как утверждал представитель генерал-квартирмейстера Вагнера подполковник Шмидт фон Альтенштадт на совещании обер-квартирмейстеров армий и групп армий 17–18 апреля, «из русских военнопленных в Германии к началу апреля 1942 г. от голода и тифозных заболеваний умерло около 47%»⁶⁶.

На основании имеющихся данных развитие смертности до конца марта 1942 г. по отдельным районам зоны ответственности ОКВ, – за исключением генерал-губернаторства, – проследить невозможно. Однако для зоны ответственности ОКВ в целом необходимые данные имеются⁶⁷. Согласно им, в зоне ответственности ОКВ, – то есть на территории рейха, в генерал-губернаторстве и рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина», – в январе умерло 68400 пленных (9,6% от бывших в наличии на 1 января 1942 г.); в феврале как абсолютная, так и относительная смертность снизилась до 33244 человек (5%), а в марте опять существенно возросла: умерло 54184 пленных (8,3%). В декабре месячный уровень смертности в зоне ответственности ОКВ составлял в среднем 32,3%.

Итого, из 3350000 пленных 1941 г. до 1 февраля 1942 г. почти 60% умерло или было уничтожено, в том числе, – как показывают данные смертности по отдельным частям подвластной немцам территории, – свыше 600000 с начала декабря 1941 г. Исходя из этих расчётов, можно ещё раз провести оценку смертности в предыдущие месяцы. К началу декабря умерло около 1400000 пленных, что является ясным указанием на то, что смертность уже в октябре достигла очень высокого уровня, а в ноябре была выше, чем в декабре. Достигнув ужасающих размеров уже в предыдущие месяцы, она, очевидно, продолжала оставаться в тех же пределах, причём это не вызывало никакого беспокойства в немецком руководстве, ибо вплоть до конца октября у него ещё не было ясного представления о том, что вообще следует делать с такой массой пленных⁶⁸. Когда в начале ноября национал-социалистское руковод-

ство вдруг оказалось готово принять меры по сохранению жизни этих пленных, то дело было не столько в том, что массовая смертность в этот период достигла своего апогея и это вызвало беспокойство даже у национал-социалистского руководства, но скорее в том, что планы национал-социалистского руководства изменились по причинам, которые будут изложены ниже. Если до сих пор оно наотрез отказывалось от использования труда этих пленных в немецкой военной экономике, то теперь, напротив, самым причудливым образом настаивало на том, чтобы большая часть этих пленных была как можно быстрее доставлена в Германию и включена в процесс производства. Когда 7 ноября 1941 г. Геринг указывал принципы, которым национал-социалистское руководство намеревалось следовать при использовании советских военнопленных, он подчеркнул, что «нужно [...] *спешить*, ибо количество рабочей силы ежедневно сокращается из-за потерь (вызванных нехваткой питания и жилья)»⁶⁹.

Представляется, что пик смертности по времени перемещался с запада на восток и впервые достиг апогея в генерал-губернаторстве в середине октября, когда пленные, взятые в ходе окружений в июле и августе, из-за длительного недоедания и трудностей изнурительных маршей, совершенно обессилили. Ещё не было никаких серьёзных «массовых проблем», когда консультант обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства сделал 19 октября запись:

ОКВ знает о том, что массовую смертность среди советских военнопленных предотвратить невозможно, ибо последние совершенно лишились сил. Невозможно ни предоставить им усиленное питание, ни выдать одеяла⁷⁰.

Количество советских военнопленных в генерал-губернаторстве до этого времени ни разу не достигало предусмотренного в июне 1941 г. для этой зоны уровня, и в генерал-губернаторстве до сих пор не было ни пленных из битвы под Киевом, ни пленных из сражений под Вязьмой и Брянском. Массовая смертность пленных, достигшая ужасающих размеров в конце сентября – начале октября, имела другие, причём гораздо более важные причины, нежели неоднократно упоминавшиеся и, конечно, вполне осознанные трудности со снабжением большой массы пленных.

2. Причины массовой смертности

Уже поверхностное изучение источников даёт возможность выделить 3 фактора, которые, тесно переплетаясь, определяли масштабы и динамику смертности и которые в последующем, по практическим причинам, будут рассмотрены по отдельности. Это: 1) голод; 2) проводимая самыми грубыми методами эвакуация пленных в тыл; 3) абсолютно неудовлетворительное размещение пленных.

а) Питание

Уже при анализе сложившихся до 22 июня 1941 г. условий для участи советских военнопленных указывалось на то, что вопрос питания советских пленных может быть решён только при учёте последствий, которые вытекали из мотивированных внутренней политикой целей немецкого руководства и расово обусловленной цели частичного уничтожения советского населения для ведения войны против Советского Союза.

ОКХ к началу войны на Востоке кроме общего указания о питании пленных, – использовать как можно меньшее количество продовольствия, – не дало никаких конкретных распоряжений. Насколько удалось установить, до середины августа командующие армиями регулировали снабжение пленными по своему усмотрению. При этом размеры рационов были различны; однако, сохранившиеся примеры позволяют предположить, что общая цель – давать советским пленным «только самое необходимое питание» – непременно осуществлялась⁷³. Примеры по тыловому району группы армий «Центр» уже были приведены. Эти рационы, максимальная калорийность которых составляла 700 калорий и которые в течение нескольких недель неминуемо должны были привести пленных к смерти от голода, отнюдь не были вызваны недостатком продовольствия. Полномочный квартирмейстер в своём отчёте за июль записал, что

вследствие больших запасов в стране пшена, гречихи и муки [...] питание [пленных], несмотря на неравномерный подвоз продовольствия не [вызывало] особых трудностей⁷⁴.

В других войсковых тылах пленным полагались более высокие рационы. Так, в зоне 11-й армии пленные «в зависимости от наличия продовольствия» должны были получать в неделю до 300 г мяса, 3000 г хлеба, 300 г бобов и 100 г мармелада, а при «полной занятости на работах» – несколько больше; во время переходов продолжительностью более 8 часов им следовало выдавать до 500 г хлеба и 100 г сыра, колбасы или сала⁷⁵. Но даже и эти рационы, содержащие *в лучшем случае* 1300 калорий – при использовании на работах – и 2035 калорий⁷⁶ – при совершении пеших маршей – были существенно ниже необходимого для существования минимума. В этой зоне снабжение пленных также «не представляло трудностей»; правда, здесь оно зависело «от оперативности служб», так как занимавшиеся снабжением пленными инстанции полагались лишь на трофейные склады⁷⁷. Армейские склады ничего им не выдавали, – вопреки приказу 11-й армии, согласно которому «заявки службы сбора военнопленных на продовольствие во всех случаях должны удовлетворяться из армейских складов»⁷⁸. Здесь проявляется ещё один важный фактор, на который уже указывалось в другой связи и о котором ещё часто будет идти речь, а именно: приказ и послушание там, где речь шла об обращении с советскими военнопленными, более не считались неограниченными; подчинённые инстанции уклонялись от выполнения приказов, если те не соответствовали вытекавшим из национал-социалистского расового учения выводам; и вышестоящие инстанции в таких случаях проявляли мало склонности к тому, чтобы заставить их выполнять эти приказы.

На территории рейха, как показывает пример от июля 1941 г., рационы были не выше: в стационарном лагере II В Хаммерштейн (Померания) пленные в середине июля получали в день 200 г хлеба, эрзац-кофе и овощной суп⁷⁹, – рацион, питательность которого якобы составляла 1000 калорий.

6 августа 1941 г. по приказу военно-административного отдела ОКХ, подчинявшегося начальнику вооружения сухопутных сил и командующему армией резерва, питание советских военнопленных было впервые единообразно урегулировано во всей зоне ответственности ОКВ и ОКХ⁸⁰. При этом определяющее значение имела цель, к которой стремилось как политическое, так и военное руководство, а

именно – предоставить пленным «только самое необходимое питание», чтобы не «перегрузить немецкий продовольственный баланс» и не поставить под угрозу «моральный дух» немецкого населения. Одной из основных целей войны на Востоке являлось как раз расширение немецкой продовольственной базы, и при планировании экономического использования оккупированных восточных территорий с самого начала было решено, что оно должно осуществляться за счёт покорённого населения.

Во введении к приказу в качестве обоснования было указано, что «Советский Союз [...] не присоединился к соглашению об обращении с военнопленными от 27 июля 1929 г.»:

Вследствие этого не существует обязательств обеспечивать советских военнопленных количеством и качеством продовольствия, соответствующим этому договору⁸¹.

Пленные получали «с учётом общего положения со снабжением⁸² по оценке врачей достаточные рационы питания» – рационы, которые для узников «в лагерях для военнопленных (без определённой работы)» по питательности соответствовали 2040 калориям, а для пленных, «занятых на работах», – примерно 2200 калориям⁸³. Эти размеры, правда, были выше размеров, названных по примерам из зоны ответственности ОКВ и прифронтовой зоны, но и они, в случае их применения на практике, должны были привести к истощению. Прежде чем перейти к вопросу, насколько это имело место в действительности, необходимо сначала показать дальнейшее развитие рационов питания, установленных немецким руководством.

Цель – в интересах немецкого населения использовать для питания советских пленных лишь самые минимальные средства – оставалась и далее определяющей. Сначала даже существовала тенденция к дальнейшему сокращению рационов, несмотря на то, что обозначилась возрастающая смертность среди пленных и от учреждений, занимавшихся военнопленными, поступили заявки на повышение рационов⁸⁴. В начале сентября считалось необходимым «во избежание эпидемий и с целью восстановления работоспособности» разрешить добавки к рационам⁸⁵. Однако 21 октября 1941 г. в прифронтовой зоне, а также зоне ответственности ОКВ, за исключением территории рейха, рационы для пленных были резко сокращены⁸⁶, хотя самое позднее к этому времени стало известно, что «массовую смертность среди военнопленных уже нельзя остановить»⁸⁷. Хотя хлебный рацион оставался равен 1500 г, «неработающие» пленные теперь вообще не получали никакого мяса; рацион жира был снижен на 36 %, картофеля – на 44 %. К тому же картофель должен был в возможно большей мере заменяться брюквой, а хлеб «при всех обстоятельствах» – на пшено и гречиху. Питательная ценность рациона была тем самым снижена до 1490 калорий (на 27 %), содержание белков – на 46 %, животные белки отсутствовали почти полностью⁸⁸. Рационы работающих пленных были снижены незначительно (до 2175 калорий)⁸⁹. Эти рационы получали теперь также лагерные ремесленники (сапожники, портные) и санитары. Кроме того, для пленных, занятых на тяжёлых работах, была предусмотрена добавка (236 калорий в день), однако на её разрешение налагались «особо строгие требования»:

Начальники подразделений должны сознавать, что любой продукт питания, который выдаётся военнопленному не по праву или в слишком больших количествах, должен быть отнят у их родственников на родине или у немецких солдат⁹⁰.

То, что эти рационы даже по мнению ОКХ представляли *абсолютный* минимум, следует из распоряжения о том, чтобы в случае отсутствия предписанных продуктов они заменялись другими продуктами, имеющими одинаковую питательность. Однако продукты питания следовало принципиально добывать «на месте»; только в исключительных случаях можно было получать продукты «самого низкого качества» от учреждений, ведавших снабжением сухопутных сил, а из армейских запасов – только с разрешения соответствующей армии. Однако «в каждом отдельном случае следовало *докладывать* об этом через штаб армии генерал-квартирмейстеру генерального штаба сухопутных сил»⁹¹. Следует констатировать, что ОКВ здесь настойчиво защищало важнейшее положение национал-социалистов о том, что выдача советским пленным рационов больших, чем эти из захваченных на оккупированных советских территориях запасов, является воровством у собственного народа и предприняло меры по контролю путём введения обязательного доклада о таких случаях.

Размер рационов опять-таки обосновывался тем, что в отношении Советского Союза, мол, не существует никаких международно-правовых обязательств:

Рационы питания представляют собой максимум того, что может быть отдано в виде долгосрочного снабжения исходя из ситуации с продовольствием в рейхе и восточных областях. Они даже частично перекрывают нормы снабжения, которые могут быть выданы работающему русскому гражданскому населению. Предусмотренные ОКВ добавки для восстановления работоспособности военнопленных в прифронтовой зоне рейха также не могут быть предоставлены⁹².

Принципиальное решение об этом снижении рационов было принято уже месяц назад 16 сентября 1941 г. на заседании под председательством Геринга, в котором наряду с Баке, бывшим *фактически* министром продовольствия, приняли участие также представители генерал-квартирмейстера⁹³.

Референт Геринга записал:

1. Господин рейхсмаршал приказал, чтобы рационы на родине нигде и ни при каких обстоятельствах не снижались.
2. Он никогда этого не потерпит, так как настроение родины во время войны является существенным фактором обороны рейха. Противник знает совершенно точно, что в военном отношении разбить немецкий народ он не может. У него есть только одна надежда, а именно: ему, возможно, удастся разрушить фронт родины, нанеся удар по её моральному духу. Это следует из всех его мероприятий. Он пытается путём длительного воздействия авианалётов вызвать неуверенность и беспокойство; далее, он, отступая, пытается подстрекать население оккупированных территорий к тому, чтобы оно требовало всё большего и большего, особенно в области продовольственного снабжения, чтобы тем самым создать соответствующие трудности. Кроме того, он пытается оказывать на родину чисто пропагандистское воздействие. Поэтому следует сделать всё, чтобы этому помешать и нельзя допустить ничего, что хотя бы в малейшей степени способствовало этим устремлениям. Фронт родины держится потому, что по сравнению с мировой войной следует отметить:

- 1) Небольшие потери;
- 2) Постоянный уровень жизни.

Рационы советских военнопленных в 1941-1944 гг. (в неделю, в граммах)	Питатель- ность		Приказ 11-й армии от 29.06.1941 (ВА/МА RH 19 VI/398)		ОКН/Аз.62 f. VA ... v. 6.08.41 (в ВАР обер-кв. 11-й арм. №25 от 19.08.41, ук.соч.)		Приказ ген.-кварт. ОКХ №1/26738/41 секр. от 21.10.41 (RH 22/v. 263)			Приказ ген.-кварт. ОКХ №1/36760/41 секр. от 26.11.41 (в ВАВ ком. тыл. р- ном гр. арм. «Юг» №96, RH 22/v. 263)		
	калорий на 100 г	белков на 100 г		при полной выработке	без дост. упом. работы	зан. на работах	без дост. упом. работы	зан. на работах	зан. на тяж. работах	в лагере и на работах	доб. для восст. работосп.	доб. для зан. на тяж. работах
1. Мясо (конина, низко- сортное мясо) и колбас- ные изделия	95	14,2	300	350	100	150	-	100	+100	200		150
2. Жиры (маргарин)	760	-	-	100	110	130	70	100	+50	130		
3. Творог	88	17	-	-	47,5	47,5	-	-	-			
4. Обезжир. молоко	35	4	-	-	-	-	-	-	-			
5. Обезжир. сыр	192	37	-	-	46,25	46,25	62,5	62,5	-	31,25		
6. Яичный порошок	260	19,4	-	-	33,75	33,75	30	-	-			
7. Треска, рыба	238	51	-	-	-	-	-	-	-		50	
8. (Ржаной) хлеб	263	6	3000	2250	1500	2250	1500	2000	+500	2250		600
9. «Русский хлеб»	245 ¹⁾	6	-	-	-	-	-	-	-			
10. Ржаная мука	359	11,6	-	-	-	-	-	-	-			
11. Кукуруза	375	9,2	-	-	-	-	-	-	-			
12. Пшено	382	10,6	-	-	-	-	-	-	-			
13. Гречиха	364	9,8	-	-	-	-	-	-	-			
14. Бобы	350	22	300	300	-	-	-	-	-			
15. Рис	371	7,4	-	-	-	-	-	-	-			
16. Крупа и макарон- ные изделия (лапша, пер- ловая крупа)	370	10	-	-	100	112,5	100	150	-	150		
17. Сахар	394	-	-	200	150	225	150	150	-	225		
18. Мармелад	200	-	100	150	1125	150	150	175	-	175		
19. Овощи (капуста, кор- мовая свёкла)	30	1	-	-	-	1125	1125	1125	-	1125		
20. Квашеная капуста, су- шёная капуста	26	2	-	-	137,5	137,5	137,9	225	-	275		
21. Картофель (без кожу- ры)	359	14	-	-	12,5	12,5	-	-	-			
22. Брюква	85	2	-	-	9000	7500	5000	8500	-	8500		
	29	1	-	-	4750 г карт. + 12500 г бр. или 6875 г карт. + 6250 г брюквы	5500 г карт. + 5600 г бр. или 6500 г карт. + 2800 г брюквы	2500 г карт. + 7500 г брюк- вы	4250 г карт. + 12750 г брюк- вы	-		3500	
23. Искусств. мёд	301	-	-	-	-	-	-	-	-		100	
24. Эрэца-чай, эрэца-кофе	-	-	60	100	28	28	28	28	-	28		
25. Суповой набор	350	-	-	-	-	-	-	-	-			
26. Дрожжи (богатые ви- таминами)	344	48	-	-	-	-	-	-	-			
27. Соль (жизненно необ- ходима)	-	-	50	100	105	105	105	105	-	175		
Калорий в неделю			9125	8923	14280	15400	10407	15228	всего 16878	16347	+1435 в нед.	+1661 в нед.
Калорий в день			1304	1275	2040	2200	1487	2175	2411	2335	всего 2540	всего 2573
Белков в день			37,2	31,8	61	52	33	50	57	54	82	62

«Дон.о соб.», дек. 41 (USSR-177)		Рационы в 152-м пересыл. лагере (ук. соч.)	REM/I/1 - 7092 v. 17.04.42 (BA/MA Wi/IF. 5.2717)			REM/I/1 - 10477 v. 6.10.42 (BA R 43 I/ 614)			Рационы для оstarб. и советских военнопленных в заводских и лагерных столовых на 60-й прод. период (5.03-2.04.44)			REM/I/1 - 7460 v. 27.10.44. Уравнивание сов. военнопл. с пленными др. стран и тем самым дальн. уравнивание с гражд. населением (ARG, 1944, № 1225/1944)		
зан. на лёгких работах	Пр.ген.-кв. ОКХ № I/36761/41 сер. от 2.12.41 в пр. 1-й танк. арм. от 20.02.41		зан. на обычн. работах	зан. на тяж. работах	горняки	зан. на обычн. работах	зан. на тяж. работах	горняки	зан. на обычн. работах	зан. на тяж. работах	горняки	зан. на обычн. работах	зан. на тяж. работах	горняки
250	200	400	250	400	600	250	500	600	200	400	600	250	480	650
130	130	380 пид-солн.	130	200	300	130	200	300	130	200	400	218	280	460
2330	31,25											62,5	62,5	62,5
2850 ¹⁾	2250	2250	2600 ¹⁾	3400 ¹⁾	4400 ¹⁾	2600	3400	4400	2750	3750	4400	2225 ⁶⁾	3150 ⁶⁾	3825 ⁶⁾
		280 600												
150	150	450	150	150	150	150	150	150	150	150	150	150	150	150
70	225	110	110	110	110	110	110	110	110	110	110	175	175	175
1125	175											175	175	175
	1125											«по мере поступления»		
275	275													
3000	8500		5250	5250	5250	7000	7000	7000	5000	5000	5000	как немецкое гражд. население (принятие: 3500)		
6500			овощи и брюква «по мере поступления» (принятие: 5000 г в неделю) вместо 500 г хлеба можно использовать 380 г ржаной муки «для приготовления супа»			овощи и брюква «по мере поступления» (принятие: 5000 г в неделю) вместо 500 г хлеба 380 г ржаной муки								
	28	28	14	14	14	14	14	25	14	14	14	37,5	37,5	37,5
	175	105										140	140	140
7780 ⁹⁾	16382	11477	14496	17131	20531	15983	18713	22018	12108	16625	19980	9148	14879	18416
2540 ⁹⁾	2340	1640	2070	2447	2933	2283	2673	3145	1730	2375	2854	1307 ⁷⁾	2125 ⁷⁾	2630 ⁷⁾
58,9	55	47	51	61	74	57	68	79	40	57	66	38	50	60

Сравнительные нормы ⁸⁾	Питательность		Несоветские военнопленные				Гражданское население				Немецк. войска
			REM/I/I - 10477 v. 6.10.42 (BA R 43 I/614, л. 154 и сл.)		Рационы ... 5.03-2.04.44 (R 10 VI/134a, л. 11)		Рационы для заводских и лагерных столовых на 60-й прод. период (BA R 10 VI/134a, л. 11)				
	калорий на 100 г	белков на 100 г	зан. на общ. работах	зан. на тяж. работах	горняки	зан. на общ. работах	зан. на общ. работах	зан. на тяж. работах	зан. на очень тяж. работах	руководство лагеря	Расчёт потребностей для немецких войск и ген.-губ. 16.09.41 (RH 53-23/v. 68)
1. Мясо	234	16					250	600	850	400	
2. Копченая/низкосортное мясо	45	14,2	350	580	750	200					
3. Колбаса	324	11									
4. Жиры (маргарин)	760	-	206	270	450	219	50	87,5	168,75	219	240
5. Масло	777	1					93,75	93,75	93,75		
6. Растительное масло	930	-					12,5	12,5	12,5		
7. Свиное сало	770	2					31,25	31,25	31,25		
8. Творог	88	17	31,25	31,25	31,25	31,5	31,5	31,5	31,5	31,5	?
9. Обезжир. молоко	35	4					«по прибытию»			400	
10. Обезжир. сыр, сыр	192	37	31,25	31,25	31,25	31,5	31,5	31,5	31,5	31,5	200
11. Рыбий жир	238	51									100
12. Рыбные консервы	268	17									100
13. Ржаной хлеб	253	6	2250 ⁹⁾	3180	3850	2425	1675	3075	4075	2596	4200
14. Пшеничный хлеб	260	8					750	750	750	750	
15. Крупяные и макаронные изделия	370	10	150	150	150	150	150	150	150	315	580
16. Ржаная мука	360	11,6									
17. Пшеничная мука	370	10,6								210	
18. Бобы	350	22								30	
19. Сахар	394	-	175	175	175	175	225	225	225	225	?
20. Мармелад	200	-	175	175	175	175	175	175	175	175	150
21. Искусств. мёд	301	-									150
22. Овощи, кормовая свёкла	30	1	«по мере поступления» (принятие: 5000 г в неделю)				«по мере поступления»				580
23. Картофель	85	2	5250	5250	5250	3500	«по мере поступления» (принятие: 7500 г)			3500	5250
24. Яйца	51,97	7					«по мере поступления»			«по прибытию»	?
25. Суповой набор	350	-								80	?
26. Эрзац-чай, эрзац-кофе	-	-					62,5	62,5	62,5	62,5	?
27. Соль	-	-									
Калорий в неделю			15184	18188	21468	12646	13091	18220	23390	19012	24203
Калорий в день			2169	2598	3067	1806	1870	2603	3341	2716	3458+
Белков в день			53	60	75	39	43	63	78	59	100+

Примечания:

1. Полноценный ржаной хлеб имеет питательность 253 калории на 100 г. Приведённая же для «русского хлеба» пищевая ценность явно завышена.
2. Желательным считалось, чтобы 1 г белков приходился на 1 кг веса человека, минимальный размер соответствовал 30-40 г в день, причём половина белков должна была быть животного происхождения.
3. Не имеющиеся в наличии продукты следовало «в широкой мере» заменять другими, в особенности мукой, для восстановления работоспособности рекомендовалось готовить мучной суп.
4. Питательность здесь, как и в тех рационах, где был предусмотрен «русский хлеб», была гораздо ниже указанной пищевой ценности.
5. Хлебный рацион был ниже соответствующего рациона для гражданского населения.
6. Из-за лучшего состава продуктов питательность предположительно была несколько выше.
7. Сравнение этих рационов с рационами советских военнопленных возможно лишь очень условное. Во-первых, следует учесть, что здесь собраны более питательные и разнообразные продукты питания. Далее следует исходить из того, что в распоряжении были именно полноценные продукты питания, а значит была достигнута приведённая калорийность, и что выдавались предписанные продовольственные нормы или им создавался равноценная замена, по крайней мере до начала 1944 года. Всё это не относится к советским военнопленным. Напротив, можно предположить, что в очень многих случаях рационы даже отдалённо не соответствовали предписанным, см. текст.

8. Эти нормы неполные и могут дать лишь общее представление.

Подсчёт калорийности осуществлён по: Hermann Rein - Max Schneider, *Einführung in die Physiologie des Menschen*, Berlin¹³⁻¹⁶ 1960. Hermann Schall - Hermann Schall jun., *Nahrungsmitteltabelle*, Leipzig¹⁵ 1949.

Kleine Nährwertabelle der deutschen Gesellschaft für Ernährung e. V., zusammengestellt von Prof. Dr. W. Wirths, Frankfurt²² 1972.

Если бы нам удалось ещё и улучшить этот уровень жизни, то помимо эффекта на родине это оказало бы колоссальное воздействие на противника. Поэтому при всех обстоятельствах следует стремиться к тому, чтобы в обозримом будущем произошло повышение рационов на масло, жиры и мясо, а также норм отпуска тканей.

3. Если ввиду нынешнего продовольственного положения требуются какие-либо ограничения, то во всех без исключения случаях они должны осуществляться за счёт побеждённых нами наций⁸⁴.

В соответствии с этим Геринг определил порядок, согласно которому следовало распределять продовольствие:

Сначала идут *действующие* войска, затем прочие войска *на территории противника*, а потом *войска на территории родины*. В соответствии с этим должны устанавливаться рационы. Затем снабжается *немецкое* мирное население. И только после этого идёт *население на оккупированных территориях*. В оккупированных землях соответствующим питанием принципиально должны обеспечиваться те люди, которые работают на нас. Но если бы даже *хотелось* [!] прокормить всех остальных жителей, то это всё равно *нельзя было бы* сделать во вновь завоёванных областях на Востоке.

В обеспечении питанием большевистских *пленных* мы, в противоположность снабжению пленных других стран, не связаны никакими международными обязательствами. Поэтому их снабжение может осуществляться только согласно результатам работы на нас⁸⁵.

Здесь со всей отчётливостью находит своё выражение внутривнутриполитическая мотивация решения о сокращении рационов пленных. При этом речь идёт не только о том, чтобы помешать сокращению рационов немецкого населения и тем самым предотвратить «падение морального духа»⁸⁶, но и о том, чтобы путём *улучшения* уровня жизни за счёт покорённых народов, – будто в предвосхищении плодов окончательной победы, – укрепить основы режима, который даже в момент величайшего военного триумфа своего дела не чувствовал себя достаточно уверенно⁸⁷. При этом обеспечение «морального духа» стало удобным поводом для устранения политических противников внутри государства и для ликвидации коммунистов среди советских военнопленных с помощью айнцакоманд⁸⁸. Несмотря на то, что тут видно, в какой мере катастрофа ноября 1918 г. определяла действия национал-социалистского руководства, становится также очевидно, что бонапартистско-народный компонент в этот момент всё ещё являлся важной характерной чертой национал-социалистского режима. Характеристика национал-социалистского государства как «тоталитарного и террористического режима» недопустимо ограничивает его анализ, сводя его лишь к крайне важному, но не полностью охватывающему характер режима аспекту.

Принятое генерал-квартирмейстером согласно с министром продовольствия и рабочей группой по питанию в управлении 4-хлетним планом 21 октября 1941 г. решение о питании пленных следует рассматривать в его связи с долгосрочными целевыми представлениями о проводимой на Востоке политике. В самом деле, это решение могло быть одним из последних решений, принятых исходя из ненарушенных ещё предпосылок в отношении целей и ведения войны на Востоке весны 1941 года. Решение было ещё отмечено уверенностью в том, что по крайней мере

большая часть пленных – лишняя и что сознательные усилия по сохранению жизни необходимы только для тех пленных, которые могут принести пользу экономике Германского Рейха. Это находит довольно отчётливое выражение в докладе начальника военно-экономического штаба «Восток» генерал-лейтенанта доктора Шуберта от 20 октября 1941 г.⁹⁹ Поскольку, мол, численность пленных существенно возросла, возникли трудности с питанием этих пленных. Поэтому требуются «меры по сохранению работоспособности» тех пленных, «чья рабочая сила для военной экономики представляет особенную ценность». Следует, мол, осуществить «профессиональный отбор», причём следует учитывать не только потребности военной экономики, но и «возрастающие задачи в восточных землях после войны». Насколько малую роль при этом играли актуальные оборонно-экономические потребности по сравнению с «послевоенными задачами», видно из того, что наряду с квалифицированными рабочими металлургической и горной промышленности следовало отбирать только строителей и каменщиков. Картины нового немецкого Востока с городами в духе национал-социалистского монументального стиля являлись ещё определяющими для мышления многих ответственных лиц.

При этом из данного и следующего докладов военно-экономического штаба «Восток» чётко следует, что так называемые трудности в деле снабжения пленных были вызваны отнюдь не недостатком продуктов питания в завоёванных областях. Такая ситуация могла сложиться в отдельных областях. Но в целом военно-экономический штаб «Восток» сделал всё для того, чтобы выполнить поставленные весной 1941 года и подтверждённые Герингом 16 сентября цели¹⁰⁰. Правда, ситуация с транспортом не позволяла доставить на территорию рейха запланированное количество продовольствия¹⁰¹; тем не менее, захваченные продукты питания, – слова Геринга 16 сентября 1941 года¹⁰², – не должны были «быть сожраны бродящим поблизости населением» или выданы военнопленным. Их следовало «собрать в определённых, охраняемых пунктах по лагерям в качестве имперского резерва»¹⁰³.

Всего несколько дней спустя после того, как генерал-квартирмейстер распорядился провести резкое сокращение рационов для пленных, начальник ОКВ Кейтель подписал 31 октября 1941 года приказ фюрера, который при его последовательном исполнении поставил бы под сомнение некоторые из важнейших предпосылок проводившейся до сих пор политики в отношении советских пленных¹⁰⁴. Этим приказом вводилось «массовое использование» советских пленных в немецкой военной экономике. Причины возникновения этого приказа будут проанализированы в другом месте¹⁰⁵. Забегая вперёд, скажем, что это решение стало необходимым потому, что нехватка рабочей силы в немецкой военной экономике давно уже перешагнула допустимые рамки, а положение на Востоке всё яснее показывало, что в 1941 г. война там ещё не будет окончена и надежда на рабочую силу, которая могла бы высвободиться при расформировании восточных дивизий, исчезла. Таким образом, это решение было вызвано суровой необходимостью.

Нас, однако, интересовали пока лишь последствия, которые из-за этого имели место для питания советских военнопленных. В приказе Кейтеля по этому поводу было сказано: «Исходным условием производительности труда является соразмерное питание». Кроме того, ограничение использования рабочей силы происходит из-за необходимости «обеспечить достаточное питание»¹⁰⁶. Итак, впервые был

проявлен *принципиальный* интерес к сохранению жизни как можно большего числа пленных с целью использования их рабочей силы. Объём использования труда пленных поставили в зависимость от того, можно ли получить дополнительные ресурсы за счёт усиления эксплуатации оккупированных областей и без ухудшения снабжения немецкого населения¹⁰⁷. Поскольку внутривойсковые приоритеты как и прежде преобладали над настоящими военно-экономическими потребностями.

Это находит своё выражение также в директивах по использованию труда советских военнопленных, которые Геринг как уполномоченный по 4-хлетнему плану отдал в своём выступлении 7 ноября 1941 г. Относительно питания пленных в этих, подготовленных управлением 4-хлетнего плана директивах Геринга говорилось следующее:

Русский неприязнителен, поэтому его легко прокормить без серьёзного ущерба для нашего продовольственного баланса. Его не следует баловать или приучать к немецкой пище, но следует кормить и поддерживать в работоспособном состоянии согласно выполняемой им работе¹⁰⁸.

На заседании Геринг высказался ещё более определённо. Представитель управления военной экономики и вооружения записал:

Питание – дело управления 4-хлетним планом. Установление самообеспечения (кошки, лошади и т. д.). *Одежда, размещение, снабжение* – несколько лучше, чем дома, где люди отчасти живут в землянках¹⁰⁹.

То, что Геринг говорил об этом совершенно серьёзно, доказывает протокол совещания в имперском министерстве продовольствия, на котором статс-секретарь Баке и министерский директор Мориц (имперское министерство продовольствия) вместе с генерал-лейтенантом Рейнеке, министерский директор Мансфельдом и другими представителями заинтересованных ведомств обсуждали проблему питания советских пленных и гражданских рабочих¹¹⁰. Как результат совещания представитель управления 4-хлетним планом записал следующее:

I. Вид продуктов питания

Испытания специально изготовленного «русского хлеба» показали, что наилучшей смесью для него является: 50% ржаной муки, 20% отходов сахарной свеклы¹¹¹, 20% целлюлозной муки и 10% соломенной муки или листвы. Потребность в мясе обычно не может быть покрыта в сколько-нибудь существенном объёме за счёт несъедобных животных. Поэтому для питания русских следует использовать конину и низкосортное мясо, которое сегодня выдаётся в двойном размере по продовольственным карточкам. При современном состоянии техники производства жиров выпускать обеднённые жиры не представляется возможным. Поэтому русские должны будут получать нормальные пищевые жиры.

II. Рационы

Поскольку присутствовавшие специалисты имперского руководства здравоохранением, имперского управления здравоохранением и санитарной инспекции сухопутных сил представили слишком различные данные о необходимом количестве калорий, окончательное утверждение рационов будет осуществлено в более узком кругу специалистов в течение недели¹¹².

На основании этих переговоров в конце ноября для *территории рейха* было предписано, что *все* пленные должны получать рационы для «пленных, занятых на работах», и дополнительно в течение недели мучной суп¹¹³. 4 декабря были установлены, – только для территории рейха, – новые рационы: хлебный рацион, – в виде «русского хлеба»¹¹⁴, – был увеличен до 2850 г; рацион картофеля уменьшен, но зато повышен рацион брюквы до 16 500 г в неделю и рацион мяса (низкосортное мясо и конина) – на 250 г; была предусмотрена также выдача 2,3 литра обезжиренного молока. В целом приведённый рацион оценивается в 2540 калорий¹¹⁵.

Эти рационы оставались в силе всю зиму. 17 апреля 1942 г. согласно новому приказу имперского министерства продовольствия они вновь были снижены¹¹⁶.

Наряду с общим повышением рационов предполагалось провести также другие мероприятия для «ускоренного приведения военнопленных в состояние работоспособности», «после того, как господин рейхсмаршал распорядился в широком объёме использовать труд советских военнопленных»¹¹⁷. Это было началом «акции восстановления сил», которую генерал Рейнеке позднее приписал себе и объявил «быстрым и крупным успехом»¹¹⁸. Здесь, правда, он, как всегда, существенно приукрасил действительность.

26 ноября 1941 г. отдел по делам военнопленных ОКВ приказал провести в лагерях «предварительную сортировку [советских пленных...] по состоянию здоровья [...] и по профессиональной пригодности»¹¹⁹. Среди узников лагеря лагерные врачи должны были выбрать и отобрать:

- а) полностью работоспособных;
- б) военнопленных, которые по их нынешнему состоянию здоровья в данный момент не являются полностью работоспособными, но от которых можно ожидать, что они станут работоспособными;
- в) военнопленных, которые, предположительно, больше не будут работоспособными.

Военнопленные второй категории должны были поддерживаться в состоянии «восстановления сил»; кроме того, следовало

в усиленном размере использовать возможности их перевода в отапливаемые бараки, а в подающих надежду случаях для вывода из состояния истощённости применять под наблюдением врачей постельный режим и абсолютный покой.

О том, что следовало делать «в безнадёжных случаях», ничего определённого сказано не было, но логика событий не оставляет никаких сомнений в том, что пленные предоставлялись своей судьбе.

Ответственность за тех пленных, которых следовало использовать в качестве специалистов в оборонной промышленности, 3 декабря взял на себя министр вооружения Тодт¹²⁰. Тодт распорядился, чтобы здоровье обессиленных пленных

сначала укрепили путём подходящего питания, общего ухода и постепенно возрастающего использования на строительстве имперских автострад, тем самым восстановив их работоспособность.

Министр вооружения «тут же» предоставил помещения для 30 000 пленных¹²¹. Однако большого успеха это мероприятие не принесло, так как состояние большинства неработоспособных пленных было настолько плохое, что они «умирали, так

и не достигнув предписанной готовности к работам». Поэтому 19 февраля отдел по делам военнопленных распорядился передать этих пленных «сельскохозяйственным предпринимателям», чтобы «постепенно укрепить их здоровье и вернуть им работоспособность»¹²². Сельскохозяйственный предприниматель должен был,

в особенности в первое время, не требовать от них работы, близкой к полноценной, но ограничиваться поначалу кормёжкой этих военнопленных.

В течение 2-х месяцев предприниматель обязан был безвозмездно давать им кров и пищу; зато ему в это время не нужно было перечислять плату в лагерь и платить пленным зарплату¹²³. Но важнее, пожалуй, было уверение в том, что после восстановления сил он сможет использовать труд этих пленных. Тем самым создали систему «восстановления сил», которая продолжала существовать до самого окончания войны. Представляется, что из всех предписанных мероприятий это раньше всего могло благоприятно сказаться на положении пленных. Даже если в приказе отдела по делам военнопленных и отмечалась необходимость придерживаться «принципа использования рабочей силы в колоннах», то есть под строгим контролем и в колоннах, численностью по меньшей мере в 20 пленных¹²⁴, то пленные всё же имели здесь шанс избежать массовой участи и получить больше пищи в селе, где ситуация с продовольствием была гораздо лучше. При этом следует допустить, что шансы пленных в небольших крестьянских хозяйствах были, как правило, лучше, чем в крупных имениях, где многочисленных пленных можно было использовать только «в колоннах». Правда, в первую очередь это зависело от личной позиции предпринимателя. Во всяком случае пример человеческого отношения показал померанский землевладелец Ганс-Йоахим фон Рор¹²⁵.

В последующие годы получил развитие настоящий цикл: обессиленные пленные направлялись для «восстановления сил» в сельское хозяйство и, как только силы восстанавливались, их возвращали обратно в оборонную или горную промышленность, причём часто случалось, что из-за беспощадной эксплуатации, которой их там подвергали, они вскоре опять нуждались в «восстановлении сил». Уже в первом квартале 1942 г. в зоне ответственности команды по вооружению в Дюссельдорфе «убыль» советских пленных, – из-за смерти и истощения, – была почти столь же велика, как приток новых пленных, которые поступали «по большей части из сельского хозяйства»¹²⁶.

После того как было принято принципиальное решение об использовании труда советских пленных, ОКХ также стало принимать меры по спасению жизни пленных. 16 ноября 1941 г. было «загодя» предписано в течение 6 недель выдавать пленным «для восстановления работоспособности» еженедельную добавку в виде 50 г рыбы и 3500 г картофеля или брюквы¹²⁷. 26 ноября были утверждены временные размеры рационов, которые 2 декабря были объявлены долгосрочными. Здесь также отменяется категория «без достойной упоминания работы», все пленные теперь опять должны были получать мясо, рационы жиров и хлеба были повышены на 50%, а картофеля – на 70%. Нормальный рацион составлял теперь 2335 калорий, а рацион пленных, занятых на тяжёлых работах, – 2570 калорий. Кроме того, были предусмотрены добавки для «восстановления работоспособности», которые примерно соответствовали добавкам занятых на тяжёлых работах пленных¹²⁸. Изменение позиции было очевидно также из-за того, что теперь продукты питания,

которые нельзя было добыть «на селе», следовало «как можно шире заменять другими [...] в особенности мукой»: «Для восстановления работоспособности следует как можно шире практиковать приготовление мучного супа». Ещё 21 октября было выдвинуто требование стараться «при всех обстоятельствах» заменять хлеб пшеном и гречихой, чтобы тем самым сэкономить зерно. В зоне ответственности ОКХ также самое позднее с мая 1942 г. «русский хлеб» изготавливался с «применением 15 % низкосортной муки»¹²⁹.

Итак, рационы советских военнопленных снижались до октября 1941 г. в пользу снабжения продовольствием немецкого населения. Только под влиянием военно-экономической необходимости в широком объёме использовать этих пленных для работ в немецкой военной экономике, решились на то, что в два этапа улучшить их питание и тем самым сделать их работоспособными. Но и в этом случае были приняты явно недостаточные меры. Хотя вследствие длительного недоедания и по-прежнему явно недостаточных рационов работоспособность пленных оставалась значительно ниже среднего уровня и оборонные ведомства постоянно хлопотали о повышении рационов, снабжение продовольствием немецкого населения и далее считалось абсолютным приоритетом¹³⁰. Когда 6 апреля 1942 г. размеры рационов для немецкого населения были сокращены¹³¹, то несмотря на эти требования и продолжавшееся истощение советских пленных, размеры их рационов, пусть и не очень сильно, но также были уменьшены. В этом плане ничего не изменил и тот факт, что вновь назначенный имперский министр вооружения и боеприпасов Альберт Шпеер получил от Гитлера обещание улучшить рационы для советских пленных и «восточных рабочих»:

Фюрер в довольно длинной речи заявил совершенно определённо, что он не согласен с плохим питанием русских. Русские должны получать абсолютно достаточное питание и Заукель¹³² должен позаботиться о том, чтобы Баке обеспечил такое питание¹³³.

Об этом деле ещё раз докладывали Гитлеру Баке и Борман, и следует полагать, что они опять подчеркнули необходимость поддержания «морального духа» населения, по возможности не ограничивая его снабжения. До октября 1942 г. рационы оставались на несколько более низком уровне, чем зимой 1941–1942 гг.

Понятно, однако, что официально установленные для пленных рационы ничего не значат, пока не будет проверено, в каком объёме они выдавались в действительности. Ответить на этот вопрос возможно, конечно, только в отношении тех районов, по которым имеется достаточное количество источников.

Для территории рейха таких источников крайне мало. В соответствующих документах речь в большинстве случаев идёт о «недостаточном» питании пленных, которое зачастую делало невозможным использование их на работах. Можно лишь предполагать, что при наличии хороших условий в плане организации и распределения можно было бы обеспечить упорядоченное снабжение пленных; немногие примеры, в которых речь идёт конкретно о питании, указывают на то, что во многих случаях не выдавались даже эти, и без того недостаточные рационы. В докладе команды по вооружению в Дюссельдорфе от 6 декабря 1941 г. приводится письмо из «Машиненфабрик Гревенбройх АГ», в котором администрация жалуется на то, что работающим на фабрике советским пленным выдаётся в день всего по фунту

картофеля на человека и что все усилия по улучшению их питания остались безуспешными¹³⁴. В том же VI корпусном округе, Дюссельдорфе, который охватывает Рурскую область, 19 декабря рацион картофеля был сокращён с 3000 до 2500 г в неделю без какой-либо компенсации¹³⁵. Некоторые примеры из концерна Круппа свидетельствуют о том, что обстановка там была особенно тяжёлой. Представитель машиностроительного завода № 8 жаловался 14 марта 1942 г. на то, что пища русских настолько скудна, что у них не хватает сил даже для того, чтобы закрепить токарный резец¹³⁶. В другом месте эта пища описывается так:

Совершенно пустой и чуть ли не водянистый суп; по сути это вода с пригоршней брюквы, да и выглядит он как помои,

и

водянистый суп с листьями капусты и несколькими кусочками брюквы¹³⁷.

Предположение о том, что рационы зачастую оставались ниже установленных норм, подтверждается также тем, что имперское министерство продовольствия при установлении новых рационов 6 октября 1942 г. потребовало среди прочего следующее:

В любом случае необходимо следить за тем, чтобы ниже установленные нормы питания для советских военнопленных и восточных рабочих в полном объёме предоставлялись в распоряжение администрации лагеря¹³⁸.

Немного спустя в одном из приказов отдела по делам военнопленных ОКВ значилось, что якобы установлено,

будто в некоторых местах советским военнопленным не выдавались или выдавались не в полной мере установленные для них рационы питания. Причиной этого является, с одной стороны, нехватка продовольствия, например, картофеля, или неправильная организация выдачи пищи (обед в 20.00). Следствием этого было падение работоспособности, которое местами воспринималось как злонамеренный отказ от работы и наказывалось соответственно.

Комендантам лагерей было ещё раз указано на то, чтобы они обращали пристальное внимание на питание советских военнопленных и незамедлительно устраняли возникающие местами трудности. Если предприятие не в состоянии обеспечить требуемый уровень питания, то ради сохранения столь ценной для Третьего Рейха рабочей силы военнопленных следует у него забрать *прежде, чем* они станут неработоспособными¹³⁹.

В то время, как для территории рейха имеется лишь небольшое количество источников, а для всей зоны ответственности ОКВ их вообще нет¹⁴⁰, положение с источниками для прифронтовой зоны относительно хорошее.

О голодных рационах, которые были установлены для пленных в июле в тыловом районе группы армий «Центр», уже говорилось¹⁴¹. Как ситуация с питанием развивалась в дальнейшем, то есть летом, точно установить невозможно. Согласно отчётам о деятельности квартирмейстера тылового района группы армий «Центр», снабжение пленных в июле «не встречало особых трудностей», в августе оно было «в целом достаточным и хорошим»; оно было якобы даже выше установленных генерал-квартирмейстером сухопутных сил рационов [от 6.08.1941 г.] ввиду маршрутов, которые военнопленным нужно было пройти¹⁴². Очевидно, что так было не

езде в тыловом районе группы армий «Центр». Во время беседы между комендантом по делам военнопленных округа «J» полковником Маршаллом и начальником службы содержания военнопленных в рейхскомиссариате «Остланд» генерал-лейтенантом Гайсертом было установлено, что часто ни та дивизия, которая отправляла пленных, ни те ведомства, которые должны были их принять, не чувствовали себя ответственными за их питание¹⁴³. Вполне понятно, что наладить снабжение пленными соединениями действующей армии было гораздо труднее, но войска изначально были готовы к тому, чтобы не рассматривать в этом случае трудности как непреодолимые. Обер-квартирмейстер 9-й армии заметил 17 июля 1941 г. в военном дневнике, что снабжение пленными с самого начала было сложной проблемой, поскольку трофейных полевых кухонь не хватало, а у пленных посуды с собой не было¹⁴⁴. В середине августа он заметил, что трудности со снабжением до сих пор постоянно можно было бы преодолеть, но затем возникли новые проблемы, численность пленных на армейских пунктах сбора и в пересыльных лагерях возросла с 5000 до 6000 человек, из-за чего эвакуация пленных в тыл стала крайне необходимой. Имелись трудности и с обеспечением лагерей полевыми кухнями и варочными котлами, так что в больших лагерях почти непрерывно нужно было готовить пищу:

В качестве пищи пленные получали из трофейных запасов главным образом пшено, перловую крупу или суп из гречихи, а там, где возможно, отходы от забоя скота и конину. Хлеб, конечно, не выдавался. Однако при напряжённом положении со снабжением обеспечение пленных питанием (один-два раза в день – горячий суп) представляется довольно приличным¹⁴⁵.

Но и в этом вопросе по крайней мере в первые недели ситуация была такова, что армейские пункты сбора военнопленных должны были полагаться на собственный организаторский талант, поскольку армейские склады ничего им не выдавали. Так, 7-й армейский пункт сбора военнопленных конфисковал на одной мельнице муку, а на одной из боен – потроха и отходы; так же добывались колючая проволока и инструменты¹⁴⁶.

Другой пример из зоны ответственности группы армий «Юг» показывает, как вследствие организационных ошибок и без того сложная ситуация с пленными могла обостриться ещё больше. В ходе боёв на окружение в районе Умани (начало августа 1941 г.) 17-я армия оборудовала два армейских пункта сбора военнопленных, создав ограниченные запасы продуктов «за счёт сбора трофейных запасов и выдачи малоценного продовольствия с армейских складов». 1-я танковая группа и дивизии направляли теперь *без предварительного уведомления* большую массу пленных в Умань на 16-й пункт сбора, где к 10 августа 1941 г. скопилось 50 000, а к 12 августа – 60 000–70 000 пленных. И, хотя продовольствие на пункте имелось, пищу готовить не могли из-за отсутствия полевых кухонь; воды также не было. Поскольку материалы следовало экономить, был отдан общий приказ, чтобы армейские пункты сбора пленных и пересыльные лагеря работали только с трофейными кухнями; здесь, как и в большинстве других случаев пленные «прибыли в лагерь не то что без полевой кухни, но и почти исключительно без какой-либо посуды». Соответствующие приказы войскам направлять пленных обязательно с этими предметами «войска опять-таки оставляли без внимания»¹⁴⁷. 13 августа

пленные впервые получили питание, после того как был подавлен бунт путём расстрела «зачинщиков»¹⁴⁸.

В сентябре ситуация обострилась во всей прифронтовой зоне. Это следует объяснить не только тем, что численность пленных и далее неуклонно возрастала, но также тем, что у пленных, которые уже давно находились в плену, теперь по нарастающей начали проявляться последствия лишений. Правда, и теперь ещё в описании квартирмейстера тылового района группы армий «Юг» не звучало тревожных ноток: питание пленных было якобы «в целом удовлетворительным»; для пересыльных лагерей, правда, большую проблему составляет транспортировка пленных на большие расстояния, но и с этим, мол, справляются. Мясо в целом выдаётся в достаточной мере благодаря конским заводам, «но отсутствуют жиры и овощи».

В целом можно сказать, что нормы рационов, установленные ОКХ для находившихся в лагере и ограниченно привлекавшихся к работам военнопленных, были достаточны, но они были недостаточны для рабочих команд, на которые в течение длительного времени ложилась значительная рабочая нагрузка. О дополнительном питании можно говорить только в зимнее время¹⁴⁹.

Если физическое истощение пленных в прифронтовой зоне в это время и было менее заметно, чем в лагерях рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина», а также в генерал-губернаторстве и на территории рейха, то это объясняется тем, что здесь пленным не приходилось совершать изнурительные пешие марши через многие сотни километров. Однако в отдельных лагерях уже появились симптомы того, что должно было произойти. В 112-м пересыльном лагере в Молодечно в начале сентября было размещено 20 000 пленных. Пленные прибыли с фронта уже «полностью обессиленными», так как прошли к этому времени более 400 км. И, хотя эти пленные получали «предписанные рационы», смертность достигла уже 1% в день, в лагере появились случаи людоедства¹⁵⁰. В 314-м пересыльном лагере в Бобруйске некоторое время спустя комендант по делам военнопленных округа «J» нашёл питание вполне достаточным; пленные, однако, жаловались на недостаток хлеба, а лагерный врач заявил, что они не смогут «длительное время обходиться положенными им нормами питания без риска заболевания и физического истощения»¹⁵¹. В это же время 403-я охранная дивизия, которая занималась эвакуацией пленных в пространстве Полоцк – Витебск (тыловой район группы армий «Центр»), сослалась в особом приказе на безусловную необходимость давать пленным во время пеших маршей достаточное питание. При этом, само население, мол, предлагает давать пищу на отдельных участках маршрута: *«Было бы глупо охране мешать вооружённой силой в случае, если население само предоставляет продовольствие»*¹⁵².

Из отчётов квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» не видно, какие конкретные последствия оказал приток пленных из сражений под Вязьмой и Брянском в середине октября¹⁵³. Речь идёт лишь о том, что это привело к «большим осложнениям», которые, однако, были «преодолены путём принятия всех возможных мер». Мяса «в целом было ещё достаточно» благодаря использованию убитых лошадей, а пшеница и гречиха временами не хватало. Создание запасов на зиму в лагере было невозможно, «поскольку из-за недостатка транспортных средств даже необходимое текущее снабжение продовольствием огромного числа военнопленных осуществлялось с большим трудом». Состояние здоровья тех советских

пленных, которые уже долгое время находились в лагерях, было хорошим, а «военнопленные, прибывшие из недавних сражений, находились, как правило, в состоянии полного истощения, что зачастую приводило к смерти»¹⁵⁴.

Существенно более ясную картину о конкретных условиях питания, предоставленного пленным, дают источники из зоны ответственности группы армий «Юг». Военно-экономический штаб «Восток» докладывал:

Особые трудности в зоне ответственности *военно-экономической инспекции «Юг»*¹⁵⁵ возникли в связи с питанием огромного количества пленнх. В качестве пищи им в сыром виде давали сахарную свеклу, не пошедшую на производство сахара. Речь идёт о большом количестве свеклы, которая из-за разрушения сахарных заводов не могла быть переработана. Однако и этой массы сахарной свеклы не хватало для обеспечения даже самого скудного питания пленнх. На всех дорогах, по которым передвигались военнопленные, можно было видеть, как они с дикой жадностью хватали и пожирали листья и брошенную на полях свекольную ботву. Эти колонны пленнх вызывали у местного населения глубокое сострадание. В деревнях жители собирались и бросали пленным свеклу, картофель, дольки арбузов. С приближением такой колонны пленнх женщины на полях бросали на дорогу свеклу, которая немедленно подбиралась пленными. Можно предположить, что при виде этих обессиленных пленнх, в чьих глазах читался голод, настроение местного населения складывалось не в пользу немцев.

Аналогичные трудности существуют также в зоне ответственности *военно-экономической инспекции «Центр»*¹⁵⁶.

Представитель немецкой сталелитейной промышленности, который в середине октября побывал на Украине, чтобы организовать принятие захваченных советских сталелитейных заводов в районе Кривой Рог – Днепропетровск, так описывал встречу с пленными:

Бесконечные колонны пленнх проходили мимо. Однажды проследовало 12 500 человек под охраной всего 30 немецких солдат. Тех, кто не в состоянии был идти дальше, расстреливали. Мы провели ночь в небольшой деревне, где наша машина застряла в грязи. Там находился пересыльный лагерь, где мы стали свидетелями того, как пленные ночью жарили и поедали своих собственных товарищей¹⁵⁷, которые этой же ночью были застрелены нашими патрульными за нарушение дисциплины. Питание пленнх состояло из картофеля, взятого у населения этой деревни. Каждый получал самое большее по 2 картофелины в день¹⁵⁸.

Пленные, о которых шла речь в обоих докладах, по большей части поступили из-под Киевского «котла», где во второй половине сентября в плену оказалось более 600 000 советских солдат. Поскольку источников вполне достаточно, судьбу этих пленнх следует описать более подробно, причём особое внимание уделить факторам, которые определяли массовую смертность – эвакуации и размещению.

Уже до окончания операции по окружению советских войск к востоку от Киева стало ясно, «что следует рассчитывать на приток большой массы пленнх»¹⁵⁹. 22 сентября 1941 г. штаб 17-й армии, в зоне действия которой в плен сдалось 200 000 солдат, приказал создать 6 армейских пунктов сбора военнопленнх с расчётом на 10 000–40 000 чел. каждый, то есть в целом – на 185 000 чел. Доставку продовольствия с трофейных складов должен был взять на себя комендант 550-го ты-

лового района, в чьё распоряжение были переданы 2 колонны грузовиков общей грузоподъёмностью 60 т. Кроме того, тотчас же должна была начаться акция по обеспечению лагерей варочными котлами и полевыми кухнями из трофейных запасов. Следовало немедленно начать эвакуацию пленных со станции Кременчуг, причём до железнодорожных станций они должны были двигаться пешим порядком или доставляться порожним транспортом 1-й танковой группы¹⁶⁰. Помимо того, 23 сентября командование 17-й армии ввиду чрезвычайно высокого количества пленных запросило у генерал-квартирмейстера разрешение на использование для эвакуации пленных не только открытых, но и закрытых товарных вагонов, а в противном случае – разрешение на использование для эвакуации поездов местного сообщения¹⁶¹. 26 сентября командование группы армий «Юг» сообщило, что эвакуация поездом в тыловые районы группы армий и на территорию вновь созданного рейхскомиссариата «Украина» возможна¹⁶², но эта возможность не может рассматриваться как реальная, поскольку пленные всё ещё находятся к востоку от Днепра. Обстановка там уже приняла угрожающий характер. 25 сентября командование 24-й пехотной дивизии, которой поручили охрану 200 000 пленных, настоятельно запросило у армии помощи, после того, как в Лубнах, куда были доставлены 33 000 пленных, дошло до волнений, поскольку не было ни воды, ни продовольствия, ни помещений¹⁶³. По данным обер-квартирмейстера армии положение со снабжением армии продовольствием также было крайне напряжённым, так как с родины больше ожидать было нечего. Это, правда, нужно понимать относительно, поскольку он добавил: «Захваченные трофеи следует рассматривать уже не как *дополнительный* источник питания, но как основной и расходовать как таковой»¹⁶⁴. В последующем 24-я пехотная дивизия должна была взять на себя также эвакуацию и питание 200 000 пленных. При этом, однако, у коменданта 550-го тылового района были отобраны находившиеся в его распоряжении грузовики, «так как они срочно требовались для обеспечения снабжения войск»; 24-я пехотная дивизия должна была решать проблему питания пленных с помощью собственных автомобилей, – однако таковых не было¹⁶⁵. Эвакуация этих 200 000 пленных из района Лубны – Хорол в Умань осуществлялась *пешим порядком*; это расстояние длиной более 400 км пленные прошли до 24 октября¹⁶⁶. При каких обстоятельствах это произошло, отчасти ясно из уже цитированных докладов. Вскоре после начала марша, 15 октября, 24-я пехотная дивизия сообщила командующему тыловым районом группы армий «Юг», которому она была подчинена, что эвакуация из-за сопротивления и крайней слабости пленных проходит очень тяжело, и «вследствие расстрелов и истощения» уже насчитывается свыше 1000 трупов¹⁶⁷.

Сколько пленных из 200 000 человек пережило этот переход, установить невозможно. Всё же доклад обер-квартирмейстера 17-й армии от 25 ноября даёт некоторое представление об их судьбе. Он сообщил, что армия с начала операции «взяла в плен и эвакуировала в целом 366 540 военнопленных»:

О выдаче предписанных [ОКХ 21 октября 1941 г.] рационов¹⁶⁸ пленным, конечно, не могло быть и речи. Жиры, сыр, соевая мука, мармелад и чай не всегда могли выдаваться даже нашим собственным войскам. Эти продукты питания частично заменялись пшеном, кукурузой, зёрнами подсолнуха, гречихой, чечевицей и горохом, а также частично – хлебом.

Полная или частичная выдача предписанных рационов была попросту невозможна, потому что такие рационы нигде было взять. Питание пленных можно было осуществлять только за счёт найденных в сельской местности запасов. Приготовление пищи создавало дополнительные трудности, потому что пленные только в исключительных случаях имели с собой полевые кухни¹⁶⁹. Даже наши войска из-за трудностей со снабжением вынуждены были выживать за счёт села.

[...]

При существующей нехватке жиров и белков смертность [среди пленных] в зимние месяцы должна была возрасти. Участились случаи воспаления лёгких и тяжёлых кишечных заболеваний. При эвакуации огромного количества пленных, захваченных в сражении к востоку от Киева, когда в условиях плохой погоды только часть их можно было разместить в сараях, каждый день умирало до 1 % пленных¹⁷⁰.

Итак, можно предположить, что когда 24-я пехотная дивизия начала эвакуацию пленных, уже умерло от 10 000 до 20 000 пленных. Здоровье этих пленных уже в начале перехода было сильно подорвано в результате голодания до и после их взятия в плен, – переход по дорогам в осеннюю распутицу также должен был оказать на пленных более губительное воздействие, чем переход в «нормальных» условиях. На одном из совещаний, на которых рассматривался вопрос о том, как избежать в будущем ошибок, в результате которых [в 1941/42 гг.] погибло 2 миллиона военнопленных, представитель генерал-квартирмейстера заявил:

В ходе боёв на окружение под Киевом для эвакуации 600 000 военнопленных были задействованы 2 дивизии. Поскольку о достаточном продовольствии не позаботились, военнопленные вынуждены были неделями двигаться в тыл, не получая достаточного питания. 10 000 человек умерли¹⁷¹, не дойдя до пересыльного лагеря¹⁷².

Несмотря на резкое ухудшение состояния здоровья пленных, которое должно было вызвать беспокойство даже в том случае, если в учёт брались только немецкие интересы¹⁷³, для повышения рационов пленных не было принято никаких мер¹⁷⁴. Решение проблемы видели скорее в ещё большей эксплуатации села, хотя при этом речь могла идти лишь о том, кому придётся голодать – гражданскому населению или пленным. Снабжение городов в зоне ответственности группы армий «Юг» и «Центр» уже в это время давало повод «к серьёзному беспокойству»; с сельским населением дело обстояло несколько лучше, но оно «всеми силами пыталось создавать запасы, из-за чего резко снизились поставки продовольствия»¹⁷⁵. Чтобы эти запасы, которые сельское население создало с целью пережить зиму, по-прежнему шли к городскому населению, – которое «уже теперь [...] не получает установленные для городов довольно высокие рационы», – а также к немецкой администрации, которая наряду с военным испытывало также психологическое давление, населению было объявлено, что

русские участники войны, то есть их отцы и сыновья, будут голодать, если продовольствия будет сдано меньше, чем это возможно¹⁷⁶.

Хоть ситуация с пленными в прифронтовой зоне в октябре резко ухудшилась, источники производят впечатление, будто ответственные ведомства ещё не осознали всей серьёзности положения и не были готовы к резкому скачку смертности в конце месяца. Открытым остаётся вопрос – какую роль при этом играла идеоло-

гическая установка, согласно которой «примитивный русский» способен якобы к выживанию даже в самых экстремальных условиях¹⁷⁷.

В донесениях квартирмейстера в тыловом районе группы армий «Центр» за ноябрь заметен поворот к значительно более пессимистической оценке положения:

Проблема *снабжения* размещённой в пределах тылового района группы армий «Центр» *массы пленных* как и прежде является одной из самых острых. Снабжение только через учреждения вермахта – невозможно. *Сами пересыльные лагеря* не располагают ни оборудованием, ни *административным аппаратом*, чтобы прокормить такое огромное количество. Так, пересыльный лагерь на 20 000 военнопленных вынужден ежедневно варить до 10 т картофеля. Но это невозможно уже из-за *нехватки необходимого кухонного оборудования*. Саму доставку необходимых каждый день продуктов питания пересыльный лагерь *не может* осуществлять из-за нехватки транспортных средств. Требования к войскам насчёт транспортных колонн не могут быть удовлетворены, поскольку каждый имеющийся в распоряжении грузовик необходим для пополнения зимнего запаса войск. По этой причине пополнения зимнего запаса пересыльного лагеря также осуществляется лишь в самой незначительной степени. В какой мере тут может оказать помощь *привлечение гражданского населения*, пока что *трудно судить*; видимо, в каждом случае следует поступать по разному. Используя все возможности (пекарни, мельницы для пленных, трофейные лагеря и т. д.) следует, конечно, попытаться обеспечить в дальнейшем питание пленных. Вмешательства в процесс текущего *снабжения войск* как и прежде следует *избегать*. Следует по пытаться *обеспечить снабжение военнопленных* за счёт добровольных *пожертвований* и *услуг* деревенских общин. Новым было бы включение пленных в трудовой процесс. Иногда от крестьянских собраний поступают предложения о найме, которые, правда, следует держать под контролем¹⁷⁸.

Состояние здоровья пленных, которые поступили теперь с фронта, – из сражений под Вязьмой и Брянском, – было гораздо хуже, чем у пленных несколькими месяцами раньше:

Военнопленные из-за длительного голодания во время борьбы и поначалу только крайне ограниченного питания после взятия в плен *физически чрезвычайно сильно истощены*. [...] *Смертность* поэтому довольно высока. Бросилось в глаза, что многие пленные даже при наличии достаточного питания физически были не в состоянии взять и воспользоваться соответствующей пищей. Почти из всех пересыльных лагерей докладывают, что после первого же приёма пищи пленные падали и оставались лежать уже мёртвыми¹⁷⁹.

[...]

Ещё до крупных сражений на окружение в отдельных русских воинских частях питание и без того было плохим. Затем, уже во время окружения питание стало ещё хуже. Отчасти пленные *в течение 6–8 дней* во время битвы вообще не получали *никакой пищи* и питались лесными ягодами и древесной корой. По окончании этих событий последовал переход в *немецкий лагерь для пленных*, где также возникли *проблемы с питанием*. Спротивляемость этих людей из-за длительных лишений и начавшихся между тем холодов до того ослабла, что их организм не смог бороться с инфекцией. Правда, особо следует подчеркнуть, что при высокой смертности процент пленных, умерших от эпидемий, болезней в узком смысле слова и ранений был *крайне незначителен*.

Со стороны врачей была предпринята попытка предоставить этим ослабевшим людям как можно более целесообразное питание и тепло в более спокойной обстановке¹⁸⁰. Но *успех был невелик*.

В созданных из пленных рабочих командах и рабочих ротах производительность труда постоянно падала; особенно из-за наступивших холодов часто доходило до того, что пленные падали во время работы; повышение рационов настоятельно необходимо¹⁸¹. Питание пленных зависит от имеющихся кое-где запасов:

Благодаря самодельной муке, пекарням, а частично также мясным лавкам удалось обеспечить снабжение хлебом и насколько можно мясом. Уже не хватает пшеница, гречихи, перловой крупы и т. д. В качестве замены использованы картофель и мучной суп. Указанные согласно распоряжению ОКХ от 21 октября 1941 г. размеры пайков могут быть предоставлены только по калорийной ценности, но не по названным там сортам. Жиры, творог, мармелад и чай *в селе раздобыть было нельзя*. Ответственные за снабжение лица также не смогли выдать эти продукты питания. Для обеспечения питания пленными зимой в лагерь завезено как можно больше картофеля, добыта рожь и т. д. Брюкву и капусту не смогли привезти в лагерь, так как они не были выращены в достаточном количестве¹⁸².

Донесения коменданта по делам военнопленных округа «J» о проведённой им инспекции дают чёткое представление об ужасающем состоянии лагерей. После посещения 142-го пересыльного лагеря в Брянске он сообщил, что там ничего не было сделано для проживания пленными в зимних условиях; нет воды для умывания, не сколочены нары, а запасы продовольствия недостаточны. Голод довёл пленными до людоедства, шесть «людоедов» уже расстреляны, а ещё пять – схвачены и «утром также будут расстреляны»¹⁸³. Доклад от середины ноября 1941 г., который особенно наглядно характеризует обстановку в лагерях, а также те трудности, с которыми сталкивались коменданты лагерей, следует процитировать более подробно. 22 ноября 1941 г. полковник Маршалл сообщал:

1. 203-й пересыльный лагерь в Кричеве, 17.11.1941 г.

Пленные спят в 2-х деревянных бараках, один из которых побелен известью. Дров и соломы нет. [...] В лагере следует оставить 6000 человек, которым, правда, всё равно придётся спать ночью на голых досках, а остальных – эвакуировать, чтобы тем самым хоть как-то снизить смертность. Пересыльный лагерь имеет возможность получить значительное количество хорошей ржи, пригодной для выпечки хлеба. [...] При осмотре лагеря пленными хором требовали хлеба.

2. 185-й пересыльный лагерь в Могилёве, [18.11.1941 г.]

[...]

За последние 4 недели смертность при общем количестве пленными в 30 000 чел. составила 5% или 15 000 чел. Случаев людоедства не наблюдалось. Питание пленными, не занятыми на работах, составляет 1400 калорий, а тех, кто привлекался к труду – 1600 калорий. Уже в течение 3-х недель не поступают предназначенные на убой лошади. Питание состоит из картофеля, пшеница, картофельной муки и соли. Комендант по делам военнопленных округа «J» распорядился, чтобы войсковым командирам в «особых указаниях» было разъяснено, что требовать пленными из лагерей для работы можно только в безусловно необходимом количестве. У начальника ветеринарной службы он попытался добиться, чтобы в Могилёв было

доставлено гораздо большее количество лошадей. [...] В указанное время пленные получают всего около 10 г конины в течение 3-х дней. Создание зимних запасов продовольствия протекает хорошо и в настоящее время их вполне достаточно на один месяц для 35 000 человек (= 3,5 месяца для 10 000 чел.). Продовольствия (гречихи, пшеница и т. д.) для 35 000 человек хватит на 50 дней. В настоящее время пленные получают 340 г хлеба в день. Комендант по делам военнопленных округа «J» требует, чтобы по крайней мере было достигнуто соответствие предписанным калорийным нормам. Запасов дров (для кухни и отопления) хватит примерно на 10–14 дней. [...] Лагерь находится в образцовом состоянии. Особой похвалы заслуживают прекрасно оборудованные сторожевые вышки и чрезвычайно чистый лазарет. [...] В ближайшие дни в строй войдет дезинсекционная камера. Она сможет пропускать ежедневно по 360, а то и по 480 человек¹⁸⁴.

В последующем пленные должны получать:

	Картофель	Овощи	Хлеб
Не привлекаемые к работе (в день, в граммах)	700	70	333
Привлекаемые к работе (в день, в граммах)	1200	120	333

При таких нормах запасов картофеля, хлеба и других продуктов хватит для 35 000 человек на один месяц. Руководитель счётной палаты Менц (185-й пересыльный лагерь) считает, что для доставки необходимого продовольствия до 15 апреля 1942 г. потребуется ежедневно использовать 100–120 повозок. [...]

Лейтенант Долихкайт заявил, что снабжение хлебом в предписанном количестве невозможно. Однако он обещал доставить до 1 декабря 1941 г. из Шклова 100 т зерна. Картофель можно регулярно доставлять в любом количестве на станцию Могилёв. [...] Число пленных должно быть, однако, сокращено до 20 000 человек. [...]

3. 131-й пересыльный лагерь в Бобруйске, [20/21.11.1941 г.]

[...] 11 ноября руководство 131-го пересыльного лагеря направило коменданту по делам военнопленных округа «J» донесение относительно случаев людоедства. Численность пленных в 60 000 человек, а также их эвакуация превышают возможности лагеря.

[...] По существующим нормам пленные ежедневно получали питание в 1039 калорий. Имеющиеся запасы таковы, что согласно самым последним нормам работающим пленным можно выдавать в день пищу, равную 2000 калорий, а неработающим – 1200 калорий. [...]

Открытые автомашины¹⁸⁵ не должны больше использоваться для перевозки пленных. При последнем вывозе из Бобруйска в Минск погибло 20% пленных (1000 чел. из 5000). В целом до настоящего времени умерло 14 777 пленных, а через лагерь прошло 158 000 человек¹⁸⁶.

[...] Осмотр лагеря II показал, что бараки проветриваются недостаточно. При входе в помещение поражает затхлый неприятный запах. В течение прошедшей ночи умерло 430 пленных. Комендант по делам военнопленных округа «J» требует, чтобы работоспособные пленные были переведены в отдельные бараки и таким образом опять стали жизнеспособными.

[...] Для 10 000 пленных в день требуется 100 центнеров картофеля и 16 грузовиков, чтобы его доставить; сюда ещё следует добавить 10 грузовиков для подвоза хлеба и 4 грузовика для подвоза других продуктов. В целом получается 30 грузовиков, которые нужны для ежедневной доставки всего продовольствия.

[...]

Имеющихся продуктов для 10 000 пленных хватает:

картофеля – на 2,5 месяца;
бобовых – на 6 месяцев;
муки – на 2 месяца;
соли – на 3 месяца.

Старший врач доктор Беренс заявил: «При существующем питании пленные будут и дальше умирать, даже если будут получать ежедневно 3000 калорий. Пленные прибыли сюда полностью истощёнными, ибо ещё до плена у русских они целую неделю не получали никакой пищи¹⁸⁷.

Итак, ни в одном из осмотренных лагерей не выдавались рационы, предписанные ОКХ 21 октября. Об этом знали и главнокомандующий группой армий «Центр» фон Бок, и командующий тыловым районом группы армий «Центр» фон Шенкендорф. Хотя Шенкендорф ходатайствовал перед фон Боком о том, чтобы соблюдались по крайней мере предписанные рационы¹⁸⁸, никаких необходимых мер принято не было. Квартирмейстер тылового района группы армий «Центр» писал: «Следует как и прежде *избегать вмешательства* в текущее *снабжение войск* и их зимние запасы продовольствия»¹⁸⁹. Особые трудности, несмотря на хорошее снабжение войск, возникли в Смоленске, где находилось до 420 000 человек¹⁹⁰. «Потребность в мясе удовлетворялась полностью, потребность в муке – по большей части за счёт села»¹⁹¹. Решение и далее отдавать абсолютный приоритет снабжению немецких войск зависело также от фон Бока и Шенкендорфа. Оба были заинтересованы в улучшении положения пленных, но только при условии, что эта помощь будет оказана сверху. Начальник штаба Бока генерал фон Грейфенберг за несколько дней до доклада Шенкендорфа поднял эту проблему на совещании начальников штабов групп армий и армий с начальником генерального штаба Гальдером и генерал-квартирмейстером Вагнером, которое проходило 13 ноября 1941 г. в Орше. Он указал на то, что

военнопленные представляют необходимый резерв рабочей силы, однако в их теперешнем состоянии не могут работать, напротив, в большом количестве падают от истощения¹⁹².

В своём выступлении по этому поводу генерал-квартирмейстер Вагнер высказал принципиальную позицию военного руководства:

Неработающие военнопленные в лагерях должны умирать от голода. Работающие военнопленные в отдельных случаях могут получать питание из армейских запасов. В целом, однако, этого нельзя, к сожалению, сделать в приказном порядке ввиду общего положения с продовольствием¹⁹³.

Всё внимание руководства сухопутных сил, как и немецкого руководства в целом, было обращено в этот момент исключительно на текущие операции в районе Москвы, чтобы ещё в 1941 г. путём использования всех имеющихся средств добиться решительного результата на Востоке¹⁹⁴. Ситуация с транспортом была по

сути, как заявил Вагнер, очень плохой¹⁹⁵, и большую часть пленных, которые прибыли из сражений под Вязьмой и Брянском, можно было спасти *к этому времени* только путём интенсивного медицинского ухода. Однако направление средств и энергии на спасение большого количества пленных, которые умерли затем в декабре и январе, явно не согласовывалось с неоднократно заявленными принципами немецкого руководства. Сам Вагнер использовал на совещании в Орше ту же аргументацию, которую применил Геринг 26 сентября 1941 г. По поводу питания гражданского населения Вагнер заявил следующее:

Население должно получать лишь необходимый для существования минимум. При этом село в той или иной мере выйдет из положения, тогда как проблема питания больших городов неразрешима. Нет никаких сомнений в том, что в особенности Ленинград должен будет вымереть от голода, поскольку прокормить этот город невозможно. Задачей командования является изолировать войска от этого и связанных с ним проявлений¹⁹⁶.

Это высказывание важно, поскольку оно подчёркивает сказанное Вагнером о судьбе неработающих, то есть не работоспособных пленных. Проблема питания советских больших городов была «неразрешима» только с учётом основных предпосылок, гласивших, что весь вермахт должен питаться за счёт завоёванных территорий и что следует дополнительно «выделять продукты для питания немецкого населения», даже если бы это имело следствием гибель «десятков миллионов человек»¹⁹⁷. Здесь Вагнер также подчёркивал требования Гитлера и Геринга¹⁹⁸, которые стали известны военному руководству самое позднее в июле месяце¹⁹⁹ и побудили его к созданию планов, ещё раз демонстрирующих готовность высшего и среднего военного руководства к сотрудничеству в деле «решения восточной проблемы» в национал-социалистском духе²⁰⁰.

Решение использовать советских пленных в немецкой военной промышленности, насколько это можно установить, не имело для пленных в прифронтовой зоне никаких конкретных последствий вплоть до весны 1942 года. Руководство сухопутных сил не могло заставить себя выступать теперь за принципиальное изменение приоритетов. Было бы, конечно, нереальным ожидать от руководства сухопутных сил, что оно потребует от армий и групп армий направить значительные усилия на спасение пленных в тот момент, когда оно верило, что победа на Востоке зависит от последнего напряжения сил. Это было невозможно как по причине боевых действий, так и по идеологическим соображениям – не только национал-социалистского руководства, но и руководства сухопутных сил. Однако даже с деловой точки зрения резкие высказывания Вагнера в Орше непонятны. Ведь к этому моменту Вагнеру также должно было стать ясным, что государство рассчитывает на рабочую силу советских пленных; неясно, информировал ли он вообще войсковое командование о том, что под давлением военно-экономических причин отношение Гитлера к этим пленным, пусть не кардинально, но изменилось и что Гитлер считал теперь использование их рабочей силы в большом масштабе очень важным для ведения войны со стороны Германии²⁰¹.

Положение военнопленных в прифронтовой зоне в последующие месяцы улучшалось очень медленно. Предписанное ОКХ 26 ноября повышение рационов²⁰² не было полностью осуществлено.

В своём отчёте за декабрь 1941 г. квартирмейстер тылового района группы армий «Центр» заметил, что последствий повышения рационов пока что не видно, «поскольку предписанные нормы вследствие отсутствия главным образом мяса и жиров не везде могут быть выданы»²⁰³. Питание пленным по прежнему затруднено, хотя рожь и картофель имеются в достаточном количестве²⁰⁴.

Конкретную картину дают опять-таки донесения непосредственно занимавшихся этим ведомств. В начале декабря штаб 9-й армии получил донесение квартирмейстера тылового района армии о трудностях снабжения пленными:

Вновь установленные нормы питания для военнопленных кажутся достаточными, но остаются таковыми пока лишь на бумаге главным образом ввиду своего состава. Согласно существующим требованиям запасы должны добываться в сельской местности. Однако требование о твороге, сахаре, мармеладе, пищевых продуктах, свежих фруктах, квашеной капусте, немецком чае и пряностях являются чистой теорией. Ничего из этого в сельской местности нет. Если эти предметы нельзя будет брать из армейских складов, то следует ограничиться прежними продуктами питания – рожью, гречихой, картофелем и кониной. Лагерь может считать себя счастливыми, если и эти продукты получит в достаточной мере²⁰⁵.

В 240-м пересыльном лагере в Ржеве, который подчинялся коменданту 582-го тылового района, в декабре 1941 г. пленные получали в день в среднем 300 г хлеба, 30 г конины и 175 г других продуктов (1435 калорий)²⁰⁶. Здесь источники позволяют проследить положение в этом лагере за несколько недель. 23 ноября комендант принял в лагерь из 7-го армейского пункта сбора военнопленных 5582 человека. Смертность составляла в это время около 2% в день и достигла 27 ноября своего апогея – 125 смертных случаев (2,3%). 4 декабря комендант сообщил, что теперь [!] стало возможным выдавать пищу два раза в день. «Почти катастрофическое положение с питанием» улучшилось, равно как и работоспособность; теперь работать могла треть пленным²⁰⁷. Смертность, однако, вновь возросла из-за убогих условий содержания, когда наступили холода. Всего между 25 ноября и 14 декабря умер 1191 пленный, то есть около 22%. Комендант старался уменьшить смертность путём улучшения условий содержания; в новый отапливаемый барак для больных следовало принимать

только таких больных, которые согласно медицинскому заключению ещё могли выздороветь; а те больные, которые не имели более надежды встать на ноги, как ни сурово это звучит, должны были ожидать своей участи в прежнем больничном бараке²⁰⁸.

Если пленным этого лагеря не стало ещё хуже, то это следует приписать инициативам его коменданта, который принял лагерь в исключительно плохом состоянии, а также готовности коменданта 582-го тылового района и командования 9-й армии помочь в преодолении существующих трудностей²⁰⁹. При этом речь шла о том, чтобы вообще достигнуть предписанных ОКХ 26 ноября рационов; причём не следует забывать, что из-за низкого процента работоспособных пленным, – в данном случае всего треть, – войсковое командование также было теперь заинтересовано в лучшем питании пленным.

Аналогичным образом комендант по делам военнопленных округа «J» стремился добиться выдачи предписанных рационов в инспектируемых им лагерях. Эти

нормы, правда, и для него были верхней гранью, переступить которую он не имел права. О подчинённом 1-й бригаде СС лагере в Новгороде-Северском он писал:

Порции достаточны. Проверка полевых кухонь показывает, что используются даже баранина и телятина. Полковник Маршалл дал указание контролировать поставки из колхозов, чтобы продукты, предназначенные для войск, не поставлялись пленным. [...] Нормы калорий следует сохранить.

Правда, было ли это «достаточное» снабжение правилом, весьма сомнительно: процент смертности составлял 2% в день, 40% не направляемых на работу пленных были «кандидатами на тот свет» и начальник лагеря из «ваффен СС» не смог объяснить, каким образом возникла разница между заявленным ранее общим числом пленных (12 000 чел.) и нынешним числом (2800 чел.)²¹⁰.

В другом лагере района, который до сих пор также управлялся ротой СС «скорее плохо, чем справедливо», работающие пленные получали 200 г хлеба, 1000 г картофеля и 200 г капусты (1415 калорий), а неработающие – 125 г хлеба, 500 г картофеля и 100 г овощей (770 калорий). «Проверка еды в посуде показывает, что фактически в большинстве случаев выдаётся ещё меньше»²¹¹.

В 220-м пересыльном лагере в Гомеле «питание было хорошим. Предписанные нормы калорий были почти достигнуты». Однако среди 12 800 пленных «кандидатов на тот свет» было «около 2000–3000 чел.», ежедневно умирало «около 400 человек» (3,1%). В другом лагере, 21-м армейском пункте сбора пленных в Конотопе, по данным окружного коменданта «ситуация с питанием пленных в целом хорошая», рационы выдерживаются, «смертность остаётся в допустимых пределах»²¹². Однако и эти данные следует воспринимать с сомнением, поскольку спустя 4 недели ситуация стала настолько угрожающей, что обер-квартирмейстер 2-й армии, которому тем временем был подчинён лагерь, собирался начать расследование с целью выявления виновных²¹³.

Насколько известно, предписанные рационы, как правило, не были достигнуты и в январе–феврале²¹⁴; причём это касается также всей зоны ответственности групп армий «Север» и «Юг»²¹⁵. Только в марте – мае в отдельных районах по разному и постепенно предписанные нормы были достигнуты. Полковник Маршалл, к тому времени главный комендант по делам военнопленных во всём тыловом районе группы армий «Центр»²¹⁶, в своём отчёте за март 1942 г. утверждал, что теперь якобы всюду выдаются надлежащие нормы рационов²¹⁷. Соответственно смертность (в среднем теперь 0,5% в день по сравнению с 0,9% в феврале и 1,4% в январе) наступала в первую очередь не от истощения, а от сыпного тифа и простуды²¹⁸.

В других районах была та же картина²¹⁹. Причину улучшения положения комендант округа «С» (тыловой район группы армий «Север») видел, не без основания, в том, что,

несмотря на все старания, нежизнеспособные элементы вымерли, а уровень питания оставшихся военнопленных после ряда эвакуаций стал выше²²⁰.

Однако была и другая причина:

Сознание того, что военнопленные представляют собой ценность в виде необходимой рабочей силы, всё более и более укрепляется и оказывает воздействие также на состояние снабжения²²¹.

То, что раньше из-за большого количества пленных считалось невозможным и даже не нужным, теперь ввиду нехватки рабочей силы стало цениться даже на фронте. Если осенью 1941 г. казалось, что рабочая сила имеется в избытке, так что каждое подразделение могло держать своих «домашних рабов»²²², то теперь количество пленных настолько уменьшилось, что даже в прифронтовой зоне потребность в военнопленных далеко превосходила их наличие²²³.

Мнение, что пленные необходимы в качестве рабочей силы, – уже летом 1941 г. его разделяли некоторые войсковые командиры, – большинство восприняло гораздо позже. При этом решение, принятое в октябре 1941 г. об использовании пленных в военной экономике не имело заметных последствий. Сознание того, что «в будущем каждый отдельный военнопленный должен рассматриваться как дополнительная рабочая сила для Германии»²²⁴, очень медленно проникало в армии в среднем и низшем звене, и к весне 1942 года этот процесс ещё не завершился. Ещё в мае 1942 г.

отдельные органы снабжения [...] видели в выдаче продуктов для военнопленных всего лишь ненужную обузу для армейских органов снабжения, что и приводило к сокращению рационов²²⁵.

Этот пример не единичен. Так, в зоне ответственности коменданта по делам военнопленных округа «J» случалось, что «не имеющие на то права подразделения вермахта» не долго думая захватывали предназначенные для лагеря пленными машины с продовольствием, а администрация пассивно к этому относилась; что лагеря получали слишком мало поддержки от интендантов, а армии и дивизии вообще не оказывали им никакой помощи²²⁶. Приказы о питании пленными зачастую трактовали по своему собственному усмотрению: приказ и послушание здесь более не имели безусловной силы²²⁷. У многих солдат сложилось мнение, которое разделялось также руководством вермахта и сухопутных сил: что пленный, который не работает, не *хочет* работать и что голод – лучшее средство для поддержания дисциплины. Сам Рейнеке заявил перед представителями службы по делам военнопленных из ОКВ и ОКХ 4 сентября 1941 г., что, мол, опыт показывает,

что даже за лёгкие проступки невыдача пищи на полдня или на целый день оказывает очень благотворное и воспитующее действие²²⁸.

Для создания и укрепления этого мнения прилагались усилия пропагандистски обосновать «необходимость» выдавать пленным лишь самые минимальные рационы. Частота, с которой это случалось, показывает, что в войсках были ещё солдаты, у которых сохранились человеческие чувства и которые в меру своих сил старались в отдельных случаях смягчить положение пленных. В приказе Манштейна от 20 ноября 1941 г. по этому поводу говорилось:

Ситуация с продовольствием на родине требует, чтобы войска и в дальнейшем питались за счёт оккупированной страны и чтобы сверх того предоставляли родине как можно больше припасов отсюда. [!] Большая часть населения, особенно во вражеских городах, должна голодать. Но, несмотря на это, из неверно понимаемой человечности пленным и населению, – если только они не находятся на службе немецкого вермахта, – ничего нельзя давать из того, что отрывает от себя наша родина [!]²²⁹.

Аналогичные аргументы за 6 недель до этого приводил фон Рейхенау²³⁰. Это целиком и полностью соответствовало указаниям, которые исходили из управления пропаганды штаба оперативного руководства вермахта и отдела пропаганды сухопутных сил. Последний в одном из своих приказов подробно объяснил, как следует освещать тему «Питание фронта и родины» во фронтовых газетах. Так же противоречиво, как и в приказах фон Рейхенау и фон Манштейна здесь, с одной стороны, утверждалось, что если население советских городов вынуждено голодать, то это, мол, вина советского правительства, которое приказало вывезти или уничтожить все припасы; с другой стороны, буквально в следующем предложении звучал призыв, чтобы войска «и в дальнейшем жили за счёт этой страны» и сверх того вывозили излишки на родину. Немецкий солдат

должен отказаться от того, чтобы отдавать населению что-либо из своей пищи. Он должен сказать себе: Каждый грамм хлеба или других продуктов, который я из великодушия даю населению в оккупированных областях, я забираю у немецкого народа и тем самым у своей семьи.

[...]

Поэтому солдат должен оставаться твёрд при виде голодающих женщин и детей. Если он этого не сделает, он создаст помехи питанию нашего народа. Противник испытает теперь судьбу, которую нам уготовил. Только он несёт за это ответственность перед миром и историей²³¹.

Даже опыт зимы 1941–1942 гг. не смог внести изменения в эту принципиальную позицию. Руководство сухопутных сил пыталось путём организационных изменений и критики «пороков» исправить ситуацию. Однако руководство сухопутных сил, также как и национал-социалистское руководство, пыталось добиться 2-х взаимоисключающих друг друга целей: эксплуатации продовольственного потенциала захваченных областей, чтобы и дальше обеспечивать питание войск за счёт этих территорий, а излишки вывозить на территорию рейха; и эксплуатации рабочей силы советского населения и военнопленных²³². Как и прежде неизменной оставалась задача – как можно меньше возлагать на немецкое население тяготы войны, – как в сфере питания, так и в сфере труда, – чтобы избежать всякого недовольства, а тем самым и угрозы для режима. Только весной 1943 года руководство сухопутных сил оказалось готово принципиально изменить «позицию в сфере обращения с [советским] населением и военнопленными»²³³.

б) Эвакуация

«Период повышенного риска» для пленных, то есть период между взятием в плен и прибытием в стационарный лагерь²³⁴, как правило, длился для советских пленных особенно долго. Это происходило не только от того, что сеть путей сообщения Советского Союза не обладала густотой и пропускной способностью западноевропейской сети, которая во время кампании на Западе позволила без особых сложностей решить проблему эвакуации и питания 1,9 млн. военнопленных, вставшую перед руководством сухопутных сил в мае – июне 1940 г. И далеко не в первую очередь от того, что расстояния, которые требовалось преодолеть, были здесь гораздо обширнее, а количество людей, которых следовало эвакуировать и прокормить, намного больше. Эти факторы имели важное, но отнюдь не решающее значение.

Во время кампании на Западе старались в соответствии с требованиями Женевской и Гаагской конвенций как можно скорее эвакуировать пленных из района боевых действий. При этом использовались прежде всего колонны возвращавшихся с фронта порожняком грузовиков из-под продовольствия, а также специально предназначенные для перевозки пленных поезда²³⁵. Не говоря о том, что советские военнопленные уже в широком масштабе использовались на различных работах в прифронтовой зоне, здесь было также предусмотрено, что не нужных для этого пленных следует эвакуировать на возвращавшихся порожняком машинах, чтобы избежать на дорогах заторов из-за пеших колонн²³⁶.

Однако на практике это редко осуществлялось. Представляется, что как комендатуры путей сообщения, так и руководители автоколонн в большинстве случаев просто отказывались перевозить советских пленных. Комендант округа «J» сообщал 7 июля 1941 года, что железнодорожная комендатура Брест-Литовска отказалась от перевозки пленных из-за возможного «заражения и завшивления вагонов». Автоколонны брали пленных только на прицепы, но в сами машины «не грузили, так как шофёры возражали против этого ввиду возможного завшивления машин»²³⁷. Хотя по приказу фон Шенкендорфа «в дальнейшем это следовало прекратить», полковник Маршалл сообщал, что руководители порожних колонн и железнодорожные службы по-прежнему отказываются эвакуировать пленных в тыловые районы²³⁸. По-видимому, не помогло и то, что квартирмейстер тылового района группы армий «Центр» обратился в штаб группы армий «Центр» с просьбой распорядиться расширить эвакуацию пленных по железной дороге²³⁹: В июле 1941 г., по крайней мере, в тыловом районе группы армий «Центр» эвакуация пленных «поневоле, несмотря на большие расстояния, осуществлялась в основном пешим порядком». И только в конце августа пленные стали эвакуироваться поездами, тогда как прежде им, как правило, приходилось идти пешком²⁴⁰. В зоне ответственности других групп армий готовность железнодорожных ведомств и автоколонн брать с собой пленных была столь же мала²⁴¹. Командование 9-й армии было готово признать справедливость отговорок этих органов: первоначально предусмотренная эвакуация пленных автоколоннами и поездами «невозможна по гигиеническим соображениям»²⁴². Поэтому неудивительно, что генерал-квартирмейстер сухопутных сил 31 июля уступил и вместо эвакуации предусмотренным ранее способом распорядился в дальнейшем проводить её, как правило, пешим порядком;

чтобы не создавать этим помех и препятствий для доставки продуктов питания, он разрешил также проводить эвакуацию:

(1) *железнодорожным транспортом, идущим порожняком, с открытыми товарными вагонами, если из-за напряжённого положения с транспортом нельзя будет использовать специальные поезда для военнопленных. Перевозка военнопленных в закрытых товарных или пассажирских вагонах была запрещена.*

(2) *автоколоннами, идущими порожняком*²⁴³.

Это решение ОКХ было принято не только из стремления всеми возможными способами ускорить наступление, так как марширующие колонны пленных приводили к «пробкам» на дорогах. Определённое влияние на него оказало также желание учитывать «настроение» в войсках и идеологические ожидания национал-социалистского руководства.

Наряду с этим принципиальным решением руководства сухопутных сил, ставившим эвакуацию пленных поездом и на грузовых машинах на самое последнее место, и без того плохая ситуация с транспортом также способствовало тому, что вплоть до поздней осени пешие марши оставались правилом²⁴⁴. Кроме того, после создания рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина» были приняты столь сложные условия получения разрешения на перевозку пленными по железной дороге, что, к примеру, «проходили недели», пока транспорт из тылового района группы армий «Центр» доходил до рейхскомиссариата «Остланд», – к слову сказать, прежде отчасти входившего в состав этого тылового района!²⁴⁵

Так дошло до тех страшных переходов, которые уже в августе привели к невероятным жертвам²⁴⁶. Например, из зоны ответственности группы армий «Центр» пленные в августе 1941 г. двумя маршрутами доставлялись в генерал-губернаторство и Восточную Пруссию, – через пространство *длиной* около 500 км, которое пленные, проходя каждый день по 25–40 км, одолели за 3–4 недели²⁴⁷. С удалением линии фронта эти расстояния возрастали. Так, пленные из битвы под Киевом, как уже говорилось, должны были пройти в сентябре – октябре более 400 км до стационарных лагерей на территории рейхскомиссариата «Украина». Пленные из двойного сражения под Вязьмой и Брянском также должны были пешком одолеть участки Брянск – Гомель и Вязьма – Смоленск (около 250 и 150 км соответственно), и только тогда их поездом отправили в рейхскомиссариат «Остланд»²⁴⁸. По меньшей мере в октябре большинство пленных в тыловом районе группы армий «Центр» эвакуировали пешим порядком. Ещё в начале декабря айнзацгруппа СС «Б» сообщала из Смоленска о волнениях среди населения по поводу

трупов русских пленных, которые пали во время перехода от истощения или болезни и в большом количестве лежат на всех дорогах маршрута²⁴⁹.

Из приказов, которые неоднократно издавались армейским командованием и другими ведомствами, видно при каких обстоятельствах происходила эта эвакуация. Примером является приказ 403-й охранной дивизии, через зону которой в тыловом районе группы армий «Центр» проходил один из маршрутов, от 4 сентября 1941 г.:

Эвакуация пленных не может рассматриваться как второстепенная, побочная задача. [...]

Об их снабжении в установленных размерах следует проявлять своевременную заботу. Нельзя требовать от пленных больших усилий при переходе, если они недостаточно накормлены. Нужно, как и прежде, стремиться использовать железную дорогу и автоколонны. Места привалов на марше и далее следует оборудовать с привлечением местных жителей.

Жителей деревень в районе маршрута следует обязать давать продовольствие.

Глупо, чтобы охранники под угрозой оружия запрещали населению давать пленным продовольствие.

Поведение охранников следует контролировать. Необходимо постоянно разъяснять им их права и обязанности.

Недостойное обращение с военнопленными со стороны охраны следует всячески пресекать. Однако *при попытках к бегству или неповиновению* следует применять самые суровые меры²⁵⁰.

Как видно из сказанного, зачастую никто, по-видимому, не чувствовал себя ответственным за питание пленных²⁵¹. Последний абзац приказа указывает на проблему, о которой ещё будет сказано более подробно: жестокость охранников, которая происходила оттого, что обессиленных пленных можно было заставить идти дальше только применяя самые жестокие средства.

Проблема обострилась с наступлением холодов. Пешие марши в тыловом районе группы армий «Центр» из-за холодов и состояния здоровья пленных в ноябре более не проводились²⁵². Но теперь и по железной дороге транспортировать их стало гораздо сложнее. Уже в сентябре комендант по делам военнопленных округа «J» запросил ОКВ, «можно ли теперь в холодное время года перевозить пленных в закрытых вагонах»²⁵³, – уже 19 сентября имели место ночные заморозки, а с 10 октября, сначала временно, а затем постоянно – заморозки и снегопад²⁵⁴. Однако этот запрос, видимо, успеха не имел, так как квартирмейстер тылового района группы армий «Центр» докладывал позднее, что в *октябре* в зону командующего войсками рейхскомиссариата «Остланд» было отправлено 200 000 пленным:

Военнопленные перед эвакуацией получили горячую пищу и перевозились в несколько этапов с тем, чтобы не подвергать их слишком длительному пребыванию на холоде в открытых вагонах²⁵⁵.

Ещё в *ноябре* транспортировка в «открытых вагонах» являлась правилом. После осмотра 131-го пересыльного лагеря в Бобруйске полковник Маршалл распорядился, чтобы пленные *в будущем* больше не перевозились в открытых вагонах, так как во время последней транспортировки из Бобруйска в Минск (около 200 км) погибла пятая часть пленным – 1000 чел.²⁵⁶ Только 26 ноября, после того как в течение по меньшей мере 3-х недель стоял мороз²⁵⁷, действовавшая в зоне ответственности группы армий «Центр» 2-я полевая транспортная комендатура ввела принципиально новый порядок эвакуации пленным²⁵⁸. Организация такой транспортировки была крайне сложна: согласие на транспортировку теперь должен был давать только уполномоченный офицер по транспорту тылового района группы армий «Центр» или руководство транспорта вермахта «Северо-востока»; причём при транспортировке в рейхскомиссариат «Остланд» заявку следовало подавать за 96 часов, а внутри тылового района группы армий «Центр» – за 72 часа²⁵⁹. Поскольку «вагоны не отапливались и в дороге были трудности с выдачей продовольствия, транспорты должны были быть в пути не более 12–18 часов». Пленные поэтому должны были перевозиться поэтапно, а поезда на промежуточных станциях загружаться новыми пленными. Предотвращение побегов и беспрепятственное прохождение других транспортов считались безусловно приоритетными: разгрузка и выдача продовольствия должны были производиться «по возможности в светлое время суток», поезда должны были «находиться под охраной до наступления рассвета». Пленные должны были заблаговременно доставляться к местам погрузки, «чтобы это никоим образом не нарушило ход погрузки». Всё это означало, что пленные, которые в большинстве случаев были крайне плохо одеты или у которых отобрали зимнюю одежду²⁶⁰, должны были часами стоять на холоде в ожидании погрузки.

Этот приказ, который предположительно был составлен по решению генерал-квартирмейстера, также не привёл к повсеместному прекращению транспортировки пленным в открытых вагонах. Довольно часто ведомства-отправители

были заинтересованы лишь в том, чтобы любым способом избавиться от пленных, не думая о последствиях. В середине января комендант по делам военнопленных округа «С» в тыловом районе группы армий «Север» жаловался, что при перевозке пленными из района 16-й армии «на одном из транспортных [...] умерло несколько сотен человек». Во время транспортировки из 13-го армейского пункта сбора военнопленных в Чудове 16 января 1942 г. из 2347 пленными «1600 прибыли едва живыми, а 760 – умерли». При погрузке «уже 400 чел. были в таком плохом состоянии, что их пришлось везти на поезд в санях». Из другого транспорта с 2000 пленными живыми прибыл лишь 661 человек, остальные замёрзли, сбежали или были расстреляны при попытке к бегству, – пленные перевозились на открытых платформах²⁶¹.

В конце концов, не было большой разницы в том, перевозились ли пленные в открытых или неотопливаемых закрытых товарных вагонах. При перевозке в таких товарных вагонах из рейхскомиссариата «Остланд» за один маршрут умирало «от 25 до 70% пленными», в том числе и потому, что во время многодневного пути их практически не кормили²⁶².

Если руководство вермахта и сухопутных сил и оказалось готово к изменению своей позиции, то это в первую очередь объясняется тем, что согласно решению в конце октября пленные стали рассматриваться как ценная рабочая сила. Слишком поздно, – 8 декабря 1941 г., – отдел по делам военнопленных ОКВ составил перечень условий, которые следовало соблюдать при перевозке пленными²⁶³: в товарных вагонах следовало установить печки; пленным должны были выдать одеяла и верхнюю одежду, а также соломенные подстилки для защиты от холода. Далее, перед отправкой требовалось провести двукратную дезинсекцию для предотвращения заражения сыпным тифом. В каждом вагоне следовало перевозить не более 50 пленными; необходимо было обеспечить «регулярное питание в пути, возможность отправления естественных потребностей вне вагона при длительных стоянках и т. д.»²⁶⁴. Этот приказ, правда, можно рассматривать лишь в качестве создания алиби, ибо никаких материальных условий для его выполнения создано не было. Квартирмейстер тылового района группы армий «Центр» отмечал:

Этот приказ практически невыполним из-за отсутствия печей, соломы и одеял.

При очень сильных морозах в это время (до – 30°) транспортировка по железной дороге очень затруднительна и её по возможности следует избегать. Опыт показывает, что смертность при таких перевозках чрезвычайно высока²⁶⁵.

Рабочая группа 4-хлетнего плана по использованию рабочей силы оказывала настойчивое давление на отдел по делам военнопленных ОКВ с целью добиться ускоренной отправки пленными на территорию рейха, а тем самым и увеличения имеющейся рабочей силы²⁶⁶, но быстрое распространение сыпного тифа в лагерях и продолжающийся рост количества неработоспособных пленными фактически привели к прекращению транспортировок в начале декабря 1941 г.²⁶⁷; только в марте они постепенно возобновились²⁶⁸. Перевозки зимой, как и прежде, приводили к большим потерям. Перевозка, при которой не умер или не убежал *хотя бы один* пленный, была редкостью: когда в марте 1942 г. транспорт с 3080 пленными без всяких потерь прибыл из генерал-губернаторства в стационарный лагерь II В Хаммерштейн (Померания), начальник службы по делам военнопленных особого

назначения в генерал-губернаторстве получил от отдела по делам военнопленных ОКВ особую похвалу:

Особенно следует отметить образцовое оборудование вагонов, в частности соломенные матрасы на стенках и на полу против холода, и принятые меры относительно снабжения (выдача сухого пайка)²⁶⁹.

В заключение следует сказать, что изменение позиции, произошедшее в ОКВ и ОКХ с начала ноября 1941 г. ввиду постепенного осознания необходимости обеспечения немецкой военной экономики рабочей силой, вплоть до весны 1942 года не имело заметных последствий. К этому моменту политическое руководство, вынужденное усилившейся нехваткой рабочей силы, также было готово изменить некоторые приоритеты: так, транспортировка «восточных рабочих» и военнопленных «была поставлена по своей значимости непосредственно за транспортировкой войск и перед транспортировкой грузов»²⁷⁰. Особенно заметно это изменение позиции отразилось в «Инструкции по эвакуации вновь поступающих военнопленных», которую генерал-квартирмейстер сухопутных сил издал 15 июня 1942 года:

При эвакуации вновь поступающих военнопленных главной заповедью является то, что военные, политические и экономические принципы ведения войны требуют справедливого обращения с пленными и сохранения их работоспособности:

I. Экипировка

Оставлять военнопленным предметы одежды и снаряжения (сапоги, посуду, ложки, одеяла и т. д.) и при эвакуации давать их с собой²⁷¹. Недостающие предметы одежды и снаряжения снимать с убитых и умерших и раздавать военнопленным. Передавать им трофейные полевые кухни!

II. Эвакуация пешим порядком

Использовать все транспортные возможности (автоколонны и т. д.). Отpravку пешим порядком по возможности ограничивать. При пешем переходе:

- 1) на каждые 25 – максимум 30 км сооружать временные места ночёвок (желательно крытые) и обеспечивать там выдачу горячего питания.
- 2) выдавать продовольствие соответственно тяжести перехода. Снабжение организовывать в согласии с хозяйственными органами. К запасам армейских продовольственных складов обращаться лишь в самом крайнем случае²⁷².
- 3) численность охраны должна составлять не менее 2-х человек на 100 военнопленных. [...]
- 4) маршировать группами, численностью не более 2500 человек. Расстояние между ними должно быть не менее 1 км.
- 5) при каждой группе иметь санитарный персонал. Брать с собой достаточное количество транспортных средств для перевозки заболевших в пути пленных.

III. Эвакуация по железной дороге.

[...]

- 3) использовать возможно более близкие к месту назначения станции, чтобы избежать длинных пеших переходов и сохранить трудоспособность пленных.
- 4) заранее позаботиться о выдаче горячей пищи военнопленным во время перевозки в согласии с полномочными органами. Везти с собой сухой паёк в закрытых вагонах. На остановках пополнять запасы питьевой воды.
- 5) Брать с собой достаточное количество охраны.

[...]

*Довести приведённые выше указания до сведения каждого немецкого солдата, занятого снабжением или охраной военнопленных*²⁷³.

Уже неоднократно говорилось о том, что потери при перевозке пленных были такими огромными в том числе потому, что десятки тысяч пленных расстреливались в пути.

Вначале стрелковые соединения охраны тылов, предусмотренные для охраны и перевозки пленных, были крайне малочисленными²⁷⁴. Не подлежит сомнению, что при данных условиях малочисленной охране было чрезвычайно трудно эвакуировать в тыл голодных и обессиленных пленных. И если расстрелы не прекращались, несмотря на неоднократные приказы войскового командования, выступавшего против них, то это имело под собой другие причины. 22 августа 1941 г. главнокомандующий группой армий «Центр» фельдмаршал фон Бок записал в своём дневнике следующее:

При эвакуации военнопленных происходили жестокости, против которых я издал очень суровый приказ²⁷⁵ по армиям. При истощении пленных и невозможности кормить их на длинных маршрутах по широким и безлюдным районам более менее сносно, их эвакуация по прежнему остаётся особенно тяжёлой проблемой²⁷⁶.

Несколько позже подчинённые группе армий «Центр» армии получили донесение командующего тыловым районом группы армий о настроениях белорусского населения:

На его настроение очень негативное влияние оказали будто бы имевшие место бесчеловечные избиения советских военнопленных, которые из-за голода и истощения в конце пути не в состоянии были идти дальше. Случаи такого рода неоднократно происходили на глазах местного населения в Орше в период с 18 по 20 августа [1941 г.]. Белорусы, которые рассказали мне об этом, заявляли, что нет ничего плохого в том, если бьют здорового, ленивого военнопленного, но избиение полуживых, истощённых людей вызывает у всего населения лишь ожесточение и ненависть. У белоруса, которого я знал раньше как лояльно настроенного к немцам и от которого услышал об этих вещах, чувствовалось явное изменение настроения²⁷⁷.

Почти во всех приказах об эвакуации пленных указывалось, что «с недостойным обращением с военнопленными со стороны сил охраны [...] следует бороться всеми средствами»²⁷⁸.

Однако устранить подобное обращение с пленными было невозможно. В начале сентября представитель отдела пропаганды сухопутных сил информировал начальника генерального штаба Гальдера о падении дисциплины в войсках на Восточном фронте в связи с «выходками против пленных в тыловой зоне»²⁷⁹. Следует полагать, что руководство сухопутных сил, которое при всей готовности к «беспощадной жестокости» стремилось поддерживать в армии дисциплину, попыталось исправить ситуацию, издав соответствующий приказ²⁸⁰, но и тогда ничего не изменилось. На совещании по поводу подготовки к эвакуации большого количества пленных из окружения советских армий под Вязьмой и Брянском фон Шенкендорф вновь заявил, что «следует уделить большое внимание тому, чтобы эвакуация пленных проходила согласно достоинству немецкого вермахта»²⁸¹. Однако представ-

ляется, что в последующем дела пошли ещё хуже. Комендант 240-го пересыльного лагеря в Смоленске докладывал 25 октября 1941 г.:

Неоднократно случается, что охрана обращается с военнопленными с преувеличенной жестокостью. Так, в ночь с 19 на 20 сего месяца около 30 000 пленных, которых не смогли принять в лагере «Север», были отправлены обратно в город. Утром 20 числа только на одном участке от вокзала до лагеря «Север» насчитывалось 125 убитых военнопленных. Большинство из них лежало на дороге с простреленной головой. При этом в большинстве случаев речь шла не о попытке к бегству и не о фактическом сопротивлении, которые только и могут служить оправданием применению оружия. Чтобы избежать в будущем подобным эксцессов, охрана получила соответствующие инструкции; им было заявлено, что с военнопленными следует обращаться строго, но гуманно²⁸².

Немного позже в отчёте о настроениях отдела пропаганды «В» при командующем тыловым районом группы армий «Центр» за первую половину ноября указывалось:

Продолжаются случаи, когда пленные, которые вследствие полного истощения не могут больше продолжать марш в тыловую зону, просто расстреливаются. Если это происходит в уединённых районах и за пределами населённых пунктов, то население может об этом и не знать. Однако слухи о случаях, когда пленных просто расстреливали в пределах населённых пунктов, распространяются по всему краю со скоростью ветра [...]»²⁸³.

Сообщения о расстрелах истощённых пленных не прекращаются. Отдел пропаганды «Б» при командующем войсками «Остланда» в своём донесении о настроениях в Белоруссии в конце ноября 1941 г. обратил внимание на то, что обращение с военнопленными «зачастую сводит на нет всю пропагандистскую работу»:

Пленные совершенно обессилели из-за недостаточного питания, они падают на своих рабочих местах, остаются лежать на дорогах во время марша и поэтому частично расстреливаются на глазах гражданского населения²⁸⁴.

Следующее донесение этого отдела в конце января 1942 г. показывает, что количество случаев такого рода не уменьшилось. В Минске на главной улице во время марша от вокзала к лагерю были расстреляны якобы пытавшиеся совершить побег пленные. Ещё на следующий день трупы «в большом количестве лежали на несколько километров вдоль дороги; только к вечеру отчасти уже начавшие разлагаться трупы были убраны»²⁸⁵.

Случаи такого рода не ограничивались исключительно рейхскомисариатом «Остланд» и зоной ответственности группы армий «Центр». На юге дела обстояли ещё хуже. Начальник военно-экономического штаба «Восток» генерал-лейтенант доктор Шуберт уже в своём отчёте за вторую половину сентября обратил внимание на то, что настроение население резко ухудшилось из-за нехватки продуктов питания; неоднократное жестокое обращение с военнопленными и тот факт, что пленные от истощения часто падают во время перевозок, также с негодованием воспринимается простым украинским населением²⁸⁶.

Командир 24-й пехотной дивизии генерал-лейтенант фон Теттау во время эвакуации 200 000 пленных из сражения под Киевом 18 октября 1941 года был вынужден отдать приказ о запрете произвольных расстрелов истощённых пленных:

Там, где того требует поддержание дисциплины среди пленных, следует принимать самые суровые меры. Однако честь солдата и уважение к жизни запрещают нам применять оружие против безоружных и действительно обессиленных военнопленных.

[...]

Чтобы избежать жестокости со стороны войск, применение оружия по решению одного человека допускается согласно этому порядку лишь при внезапной попытке к бегству и явном неповиновении²⁸⁷.

В этом приказе определённо заметны традиционные ценности, – обычно в связи с обращением с советскими военнопленными никогда не говорилось об «уважении к жизни». Однако это были ценности тех традиций, которые во многих соединениях больше не существовали.

Такие генералы, как фон Бок, фон Шенкендорф и фон Теттау пытались посредством приказов прекратить издевательства и произвольные расстрелы пленных. Но повторявшиеся рапорты о таких расстрелах из тылового района группы армий «Центр» показывают, что их попытка не увенчалась успехом.

Даже при нормальных обстоятельствах во время перевозки пленными с фронта в тыловые районы существует опасность жестокого обращения с ними со стороны охраны. Ведь она должна перевозить безликую массу пленными, с которыми, как правило, не может изъясняться, которых считает опасными врагами и которые совсем недавно, возможно, противостояли ей с оружием в руках. Здесь же опасность жестокого обращения усиливалась вдвойне. Уже внешние условия эвакуации способствовали тому, что охранники зачастую могли помочь себе только применяя грубое насилие. Их начальники требовали от них как можно более быстрой эвакуации пленными, но почти ничего не делали для создания материальных предпосылок этого; не были обеспечены ни достаточное питание, ни транспортные средства для больных, ни соответствующая охрана, ни хотя бы самые скромные помещения в местах отдыха. Несколько охранников, утомлённых и обозлённых пешим переходом, – хоть и в гораздо меньшей степени, чем пленными, – были вынуждены гнать вперёд пленными, терявших повиновение из-за лишений и дурного обращения.

Однако намного важнее было то, что не только национал-социалистская пропаганда, но и приказы руководства вермахта и сухопутных сил самым решительным образом дали толчок этому проявлению жестокости в обращении с пленными²⁸⁸. Эти приказы давали каждому солдату право поступать в отношении пленными по своему усмотрению, ибо любая жестокость могла быть оправдана как «необходимая», если только она не совершалась слишком явно на глазах свидетелей, готовых выступить против. И наверняка не много находилось солдат, готовых при данных обстоятельствах выступить против своих товарищей, даже если они и осуждали их действия.

Даже распоряжения тех войсковых командиров, которые выступали против дурного обращения, в требовании применять «самые суровые меры» в случае неповиновения и попытки к бегству уже содержали то характерное противоречие, которое с самого начала имело место в соответствующих приказах военного руководства и которое делало возможным их произвольное толкование. И если солдатам, мыслящим в духе национал-социализма, было столь легко обращаться с «большевистски-

ми скотами» соответственно «идеологическим» аксиомам, то это объясняется в первую очередь тем, что они не видели никакой разницы между тем, что приказывало военное руководство, и тем, что отвергалось им как «произвол». Принцип приказа и послушания, на который опиралось руководство сухопутных сил, им самим был подорван путём издания этих приказов. То, что жизнь пленных, а также населения оккупированных областей не имели никакой ценности для политического и военного руководства, судя по пропаганде и «преступным приказам» было ясно даже последнему солдату. Выполнение приказов доказало, что это касалось не только теории. Во многих случаях солдаты становились свидетелями отборов, которые айнцакоманды проводили на фронте, в пунктах сбора пленных и в лагерях; массовые расстрелы евреев также отнюдь не оставались для них тайной. Почти каждый солдат видел в деревнях или городах трупы повешенных партизан или «пособников партизан», которых часто подолгу оставляли висеть «для устрашения»²⁸⁹. Эвакуация и размещение, а также связанные с этим приказы ещё более подтверждали вывод, что жизнь пленных ничего не стоит, – так стоило ли охраннику пытаться удержать бегущего пленника, если тот всё равно через 2 дня умер бы от голода? Отсюда недалеко было до вывода, что убийство пленных *разрешено*.

И действительно, позиция фон Бока и других, которые выступали против расстрелов обессиленных пленных, не разделялась большинством. В этом случае опять-таки видно отсутствие группового согласия, о котором так часто говорилось после войны, поскольку другие командующие придерживались в отношении расстрелов совершенно иной точки зрения. Начальник военно-экономического штаба «Восток» генерал-лейтенант доктор Шуберт вновь докладывал в декабре 1941 г., что наряду с продовольственным положением негативное воздействие на настроение советского населения оказывает «необходимое на сегодняшний день обращение» с пленными:

Ранее переводчики неоднократно сообщали, что по данным старост и самих пленных большевистская пропаганда о плохом обращении с пленными отчасти не имеет успеха, поскольку обращение с русскими военнопленными во время мировой войны ещё не совсем забыто. Однако если теперь советские пленные тут и там избиваются дубинками, а не имеющие сил идти дальше больные падают и их тут же расстреливают, то это производит на население удручающее впечатление²⁹⁰.

Были также войсковые командиры, которые считали расстрелы обессиленных пленных правильным делом, то ли исходя из «военной необходимости», то ли в виде эвтаназии, то ли по расовым или политическим причинам. Руководитель II отдела абвера в управлении разведки и контрразведки в ОКВ полковник Лахузен докладывал 31 октября 1941 г. после инспекционной поездки по фронту:

Командование 6-й армии [командующий генерал-фельдмаршал фон Рейхенау] отдало приказ о расстреле всех ослабевших пленных. К несчастью, это происходит на улицах, в населённых пунктах, так что местное население является свидетелем всего этого²⁹¹.

Естественно, невозможно даже приблизительно сосчитать количество жертв, – от истощения, морозов и расстрелов, – к которым привели эти перевозки. Если на одном этапе транспортировки по железной дороге замерзли сотни пленных, если во время пешего перехода в день гибели или были расстреляны десятки пленных,

если, например, в 131-м пересыльном лагере в Бобруйске в середине ноября 1941 г. из 158 000 прошедших через него пленных умерло 14 777 человек (9,35%)²⁹², то можно только предполагать, насколько количество пленных сокращалось во время недельного марша от одного привала к другому и через некоторые пересыльные лагеря, пока пленные не прибывали, наконец, в лагеря на территории рейхскомиссариатов, генерал-губернаторства или рейха.

в) Размещение

Третьим фактором, который имел решающее значение для массовой смертности пленных, были условия размещения, предоставляемые пленным. Определённую роль при этом сыграло изменение представлений политического и военного руководства в период между весной и поздней осенью 1941 года относительно того, что следует делать с советскими пленными. Согласно уже рассмотренным принципиальным приказам ОКВ и ОКХ огромная масса пленных уже в прифронтовой зоне должна была привлекаться к работам. Не занятых там на работах пленных следовало размещать главным образом в генерал-губернаторстве и Восточной Пруссии, а на территории рейха – только с особого разрешения ОКВ. Позже будет рассказано, почему национал-социалистское руководство стало, наконец, настаивать на том, чтобы *как можно больше пленных* было доставлено на территорию рейха. Пока же следует отметить, что ещё в начале сентября основная масса пленных должна была оставаться в прифронтовой зоне и на территории рейхскомиссариатов. Важной причиной этого было то, что в это время в руководстве вермахта и сухопутных сил всё ещё полагали, будто кампанию на Востоке удастся завершить до наступления зимы и что во всяком случае к этому времени на вновь завоёванных территориях будет установлено безраздельное господство.

Первое решительное изменение произошло 23 сентября 1941 года, когда было дано согласие на размещение на территории рейха 500 000 пленных²⁹³. Решающую роль при этом сыграла не потребность в рабочей силе, но боязнь того, что недостаточная охрана огромного количества пленных в прифронтовой зоне может привести к массовому восстанию и тем самым к усилению возникшего уже там партизанского движения²⁹⁴. Вторым шагом было уже неоднократно упомянутое решение конца октября 1941 г. о широком использовании советских пленных на работах в немецкой военной экономике²⁹⁵.

Однако эти изменения коснулись только размещения пленных в прифронтовой зоне и, возможно, также в рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина», поскольку ни на территории рейха, ни в генерал-губернаторстве предусмотренные в начале лета 1941 г. предельные показатели размещения пленных ещё не были достигнуты. Уже говорилось о том, что для размещения пленных, будь то на территории рейха или в восточных землях, требовалось использовать лишь самые ограниченные средства. Лагеря повсюду должны были строиться самими пленными, причём практически все участки огораживались колючей проволокой и снабжались сторожевыми вышками. Пленные также не должны были получать уже готовые бараки, но должны были сами строить себе помещения, используя самые примитивные средства. Во всяком случае такой вывод получается на основании данных, которыми мы располагаем по территории рейха.

Советские военнопленные, которых представители ведомства Розенберга посетили в начале июля в стационарном лагере II В Хаммерштейн (Померания), размещались под открытым небом на песке²⁹⁶. В 52-м (Эбенроде) и 53-м (Погеген) офлагах на территории Восточной Пруссии

пленные [...] поначалу вынуждены были ночевать в вырытых ими ямах. Из-за этого резко выросла смертность. Вскоре, однако, их разместили в самодельных, вырытых глубоко в земле и утеплённых травой бараках. Нары в них состояли из сложенных в два ряда досок и были устланы сеном²⁹⁷.

Даже на территории рейха, где это явно не было вызвано нехваткой материальных средств, пленные и в ноябре продолжали ютиться в норах, землянках и шалашах²⁹⁸. Правда, осенью на территории рейха были приняты меры по строительству помещений, но стремления построить их как можно быстрее заметно при этом не было. *19 сентября* эта проблема обсуждалась на совещании у начальника вооружения сухопутных сил и командующего армией резерва, – совещание предположительно было посвящено подготовке уже упомянутого приказа о размещении на территории рейха 500 000 пленных, – но только *17 октября* в администрации корпусных округов были направлены соответствующие распоряжения: в одном стандартном бараке²⁹⁹ при использовании многоярусных нар разрешалось размещать на длительный срок до 150 пленных; в случае удаления нар и перегородок, можно размещать на соломенных подстилках до 300 пленных. Кроме того, разрешалось увеличивать количество размещённых в крупных бараках пленных до 900–1200 человек:

Этот вид размещения – вынужденная и временная мера. Но она предпочтительнее, чем размещение под открытым небом, в норах или в землянках³⁰⁰.

Это, однако, не означало, что бараки тут же были построены. Только *21 ноября*, – то есть после принятого тем временем решения об использовании рабочей силы пленных, – начальник вооружения сухопутных сил и командующий армией резерва распорядился, чтобы «русским лагерям» было выделено по 20 бараков; в этих бараках следовало размещать тех пленных, которые в короткий срок опять смогут стать работоспособными³⁰¹, – то есть решающую роль сыграла потребность в рабочей силе. Но и принятое под давлением необходимости решение об использовании пленных в военной экономике не привело к нужному результату. Правда, *13 декабря* Мансфельд докладывал Герингу, что проблему размещения пленных и советских гражданских лиц, работающих по принуждению, после проведённых им переговоров можно «считать решённой», поскольку имперский уполномоченный по дереву обещал прислать стандартные бараки как для сборных лагерей, так и для лагерей отдельных предприятий и даже ОКВ признало это «особо необходимым»³⁰². Размещение даже тех немногих пленных, которые в те зимние месяцы уже использовались в промышленности, наталкивалось на существенные трудности³⁰³. Несмотря на всё более обостряющуюся нехватку рабочей силы, ещё не были готовы к последовательному отказу от идеологически определённых приоритетов. Команда по вооружению в Дортмунде 21 марта 1942 г. констатировала, что, мол,

известно, что поставки бараков для «гитлер-югенда» считаются более важными, чем поставки бараков для работающих русских³⁰⁴.

Отсутствие готовности, несмотря на признанную необходимость, постепенно отойти от принципов, которые в первые месяцы войны на Востоке считались неизблемыми, привело к тому, что даже на территории рейха, где возможности в плане организации и инфраструктуры были самыми оптимальными, улучшение размещения, а тем самым и сокращение смертности, было достигнуто далеко не сразу. А условия в присоединённых землях на Востоке были ещё хуже.

Приготовления, которые были сделаны в оккупированной Польше по размещению советских пленнх, уже были описаны. Хотя с самого начала было ясно, что большая часть пленнх будет размещена там на зиму, строительство зимних помещений начали, по-видимому, только в начале сентября, после того как отдел по делам военнопленнх ОКВ отдал 22 августа распоряжение о размещении находившихся в генерал-губернаторстве пленнх *на длительный период*³⁰⁵. Это означает также, что размещавшиеся до сих пор в генерал-губернаторстве пленные вынуждены были жить, как правило, под открытым небом или в вырытых ими ямах, поскольку бараки стали строиться только теперь. В одном из лагерей в начале сентября скопилось 90 000 пленнх³⁰⁶. И хотя оберквартирмейстер при командующем войсками генерал-губернаторства признал необходимые работы «важнейшими на данный момент задачами», ОКВ и ОКХ не оказали ему почти никакой материальной поддержки. В середине сентября для строительства зимних лагерей на 400 000–500 000 пленнх обер-квартирмейстеру было выделено всего 34 грузовика, а необходимое горючее к ним предоставлено только после долгих усилий³⁰⁷. Это ещё раз прекрасно иллюстрирует, что именно генерал-квартирмейстер сухопутных сил считал приоритетом: 16 сентября оберквартирмейстер записал в своём военном дневнике, что генерал-квартирмейстер сухопутных сил отказал ему в его просьбе о выделении трофейных грузовиков для строительства лагерей военнопленнх. В тот же день генерал-квартирмейстер сухопутных сил

распорядился предоставить грузовики из трофейных запасов для военно-экономической организации «Восток» [то есть для военно-экономического штаба «Восток»]. Нужно было по меньшей мере 1200 грузовиков для сбора в оккупированных восточных областях мяса и зерна и подвоза их к железнодорожным станциям³⁰⁸.

После продолжительных усилий 8 октября и 15 ноября были, наконец, составлены две «маленькие автоколонны»³⁰⁹. В качестве зимних помещений использовались отчасти бывшие казармы, фабрики и тюрьмы, отчасти – бараки. Какие при этом предъявлялись требования, можно предположить исходя из того факта, что в период между 11 октября и 1 ноября число мест в зимних лагерях должно было вырасти со 159 000 до 568 000, – 100 000 из них в «землянках»³¹⁰. Это среди прочего достигалось тем, что пленным приходилось спать, разместившись на нарах в пять рядов³¹¹, – идеальные условия для распространения всякого рода эпидемий.

Перемещение пленнх из «летних лагерей» в «зимние» началось примерно в начале октября, причём пленнх перевозили преимущественно на поездах. К 1 ноября 84 529 пленнх всё ещё находились в летних лагерях, то есть как правило под открытым небом; к 1 декабря там оставалось ещё 24 330 человек³¹².

Из-за страшной массовой смертности, которая к началу декабря сократила количество пленнх в генерал-губернаторстве более чем на половину, запланированные максимальные нормы их размещения достигнуты не были. Так продолжа-

лось до весны, когда условия питания и размещения изменились настолько, что смертность сократилась до «нормального» уровня, который и тогда, правда, превышал уровень смертности среди прочих пленных, – говоря точнее, было достигнуто то количество пленных, которое соответствовало установленным немецким руководством условиям существования.

Источники дают очень мало информации о конкретной ситуации в лагерях. Некоторые данные имеются разве что по 307-му стационарному лагерю в Деблине, который долгое время являлся очень крупным лагерем и в котором также повидимому царили ужасающие условия. Пленные 307-го стационарного лагеря были доставлены сюда, а именно в бывшую цитадель Деблина, расположенную у впадения Випра в Вексель, в конце октября из «особого лагеря» в Бяла-Подляске. Ужасающие условия царили уже в Бяла-Подляске; в сентябре из скопившихся там пленных 20000 были больны дизентерией, и к 19 сентября умерло 2500 человек³¹³. Затем, в октябре начался сыпной тиф, который был занесён также и в Деблин, когда туда были переведены пленные³¹⁴.

В Деблине почти ничего не было сделано для размещения пленных; одни из них без одеял лежали в сырых, не отапливаемых казематах крепости, тысячи других – под открытым небом в крепостных рвах. Питание было столь скудное, что пленные съели всю листву с деревьев и траву; как и в других лагерях имели место случаи каннибализма³¹⁵. На 30 ноября в живых ещё оставалось 14 162 пленника; к этому времени даже немецкие учреждения считали ситуацию настолько угрожающей, что не желали принимать более никаких пленных³¹⁶. Сколько пленных погибло в этом лагере, установить невозможно, однако названная Шимоном Датнером цифра – от 200 до 500 человек в день в период с октября по декабрь 1941 г. – вполне вероятна³¹⁷. Массовая смертность в Деблине продолжалась всю зиму. 2 февраля поступило предложение закрыть лагерь по соображениям гигиены, что и было сделано в начале марта 1942 г.³¹⁸ Помимо Деблина ситуация с пленными была особенно угрожающей в лагерях Холма, Острова, Островца, Седльце, Перемышля и Беньяминава; поэтому в начале декабря 1941 г. охрана этих лагерей стала получать «повышенное довольствие для поднятия морального духа»³¹⁹.

О территории рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина» источники также отсутствуют. Данные о смертности, которые имеются за декабрь месяц, позволяют, однако, сделать вывод, что положение там было таким же плохим, как и в генерал-губернаторстве.

Источников по прифронтовой зоне опять-таки несколько больше. Отчёты об инспекционных поездках коменданта по делам военнопленных округа «J», как и другие уже названные источники дают достаточно информации и о размещении пленных.

В летние месяцы главными критериями для вместимости лагеря считались прежде всего возможности охраны и оборудование кухонь. Армии иногда, по крайней мере в отдельных случаях, не долго думая эвакуировали целые населённые пункты, чтобы создать там места для армейских пунктов сбора пленных³²⁰. Войска действующей армии уделяли мало внимания строительству лагерей; армейские пункты сбора пленных и пересыльные лагеря также почти не находили у них поддержки. Так, например, 240-й пересыльный лагерь, который в конце ноября 1941 г.

принял в Ржеве ещё один лагерь с более чем 5000 пленных, только тогда и приступил к строительству более менее сносных помещений³²¹. Очень многое при этом зависело от того, брался ли комендант лагеря за это дело с энергией и находчивостью или судьба пленных была ему совершенно безразлична³²².

Насколько удалось установить, к подготовке зимних помещений в тыловом районе группы армий «Центр» приступили только в сентябре:

Особое внимание уделялось рытью канав, подвозу щебня для дорог, кладке печей, размещению военнопленных в крытых и по возможности закрытых помещениях, созданию мастерских и зимостойких уборных³²³.

При постройке лагерей очень скоро обнаружилась нехватка досок и прежде всего транспортных средств³²⁴, – здесь, как и во всех прочих случаях лагерям для пленных уделялось наименьшее внимание.

Особый интерес представляет здесь сравнение отчёта об инспекционной поездке полковника Маршалла и отчёта о деятельности его начальника, квартирмейстера в тыловом районе группы армий «Центр». Последний докладывал в ноябре 1941 г. следующее:

Строительство лагерей продолжается уже в зимних условиях и продвинулось столь далеко, что в настоящее время всех находящихся в лагерях военнопленных можно разместить под крышей и в отапливаемых помещениях. [...] Для пленных построены нары.

В декабре он докладывал:

Строительство продолжается [...] Большие трудности возникли из-за *нехватки таких строительных материалов*, как дерево, жёсть и проволока, а также из-за отсутствия транспортных средств. Несмотря на это, помещения оборудованы таким образом, что их можно считать подходящими для зимовки военнопленных³²⁵.

Если же сравнить этот отчёт с отчётами полковника Маршалла, – которые отчасти являются основой для отчётов квартирмейстера, – то складывается гораздо менее отрадная картина. Согласно этим отчётам приготовления до сентября месяца ограничивались лишь созданием для пленных навесов; но и под этими крышами они могли только лежать на земле. Зачастую им приходилось стоять, чтобы при плохой погоде все пленные могли найти здесь защиту, но и это не всегда было возможно³²⁶. В ноябре большинство пленных уже находилось под крышей, но о размещении в отапливаемых помещениях речь могла идти только в редких случаях. Пленные в большинстве случаев лежали в больших залах, и по крайней мере в некоторых случаях без деревянных и соломенных подстилок на голой земле³²⁷. Некоторые лагеря были «в образцовом состоянии», что впрочем не касалось условий размещения пленных, поскольку смертность там была не намного меньшей, чем в других местах³²⁸. В декабре, насколько известно, ничего не изменилось; помещения можно считать «подходящими для зимовки пленных» только в том случае, если применять крайне низкие мерки. В 22-м армейском пункте сбора пленных в Новгороде-Северском «большая часть пленных располагалась в землянках» и «только с помощью ручных гранат их удавалось выгонять на свет Божий». В 19-м армейском пункте сбора пленных в Михайловском из 10 400 пленных в «приличных, отапливаемых помещениях [...] можно было нормально разместить только 5000 человек»; пленные лежали на досках без соломы. 21-й армейский пункт сбора

пленных в Конотопе также был переполнен, умывальников не было, «помещения, одежда и санитарные условия требовали улучшения»³²⁹. Согласно ещё одному отчёту, содержание пленным в этом лагере, который существовал с конца сентября, ещё в январе 1942 г. было «безнадёжным и недостойным человека; около 120 пленным всё ещё ютились в вырытых в земле ямах»³³⁰.

В последующие месяцы условия размещения улучшались очень медленно, да и то в основном за счёт сокращения количества пленным. Ещё в конце марта полковник Маршалл жаловался на то, что расширению или строительству лагерей мешает отсутствие строительных материалов и транспортных средств; «все более менее пригодные здания» заняты войсками и потому не отдаются под помещения для пленным³³¹. Это позволяет заключить, что размещение пленным, несмотря на сокращение их количества, по-прежнему оставалось невыносимым.

Размещение пленным оказывало решительное влияние на уровень смертности. В особенности это касается периода с сентября по ноябрь, когда огромная масса пленным не получала практически никакой защиты от холодной и сырой осенней непогоды и приближающейся зимы. Но и позднее холод в неотапливаемых или почти неотапливаемых помещениях по-прежнему определял уровень смертности. Донесение из 240-го пересыльного лагеря в Ржеве от 14 декабря 1941 г. проливает на это яркий свет:

Опыт показал, что число смертных случаев в значительной мере зависит от холода. Так, в чрезвычайно холодные дни с 5 по 12 декабря оно возросло до 88–119 чел., а с ослаблением холодов 8 декабря снизилось до 98–62 чел. Затем с наступлением оттепели количество смертных случаев сократилось до 47 чел. 9 декабря и до 30 чел. 10 и 11 декабря. С возобновлением холодов кривая смертности постоянно шла вверх: 35 чел. – 12 декабря, 38 – 13-го и 53 – 14 декабря³³².

Ответственность за такое состояние дел в большинстве случаев лежит не на администрации лагерей; если ситуация не стала хуже, то за это следует благодарить именно их изобретательность и организаторские способности³³³. Первые армейские пункты сбора военнопленных, пересыльные и вошедшие в обиход стационарные лагеря были, хоть и в недостаточной степени, но обеспечены грузовыми машинами, – а наличие транспортных средств было одним из самых решающих факторов для лагерей на Востоке. Зато необходимые для постройки лагеря инструменты – пилы, топоры, кирки, лопаты, гвозди и т.д. – они уже тогда вынуждены были «добывать на месте», причём никакой поддержки со стороны стоящих над ними армий и дивизий они практически не получали³³⁴. Среднее и высшее командование не мешало последним и далее ухудшать материальное оснащение лагерей военнопленных. Созданные летом пересыльные и стационарные лагеря направлялись в прифронтовую зону вообще «без каких-либо транспортных средств»; 4 сентября на уже неоднократно упомянутом совещании в Варшаве с представителями служб по делам военнопленных из зон ответственности ОКВ и ОКХ генерал Рейнеке потребовал, «чтобы «старые» пересыльные лагеря выделили из своих транспортных средств по 1–2 грузовика для новых лагерей»³³⁵. Когда командование группы армий «Центр» приказало 19 сентября придать каждому из 20 строительных и дорожно-строительных батальонов по 2 рабочие роты из военнопленных, то их формирование было поручено пересыльным лагерям. Они должны были обеспечить пленным

плотницкими и шанцевыми инструментами; кроме того, каждая рота должна была взять с собой две полевые кухни³³⁶. При слабом материальном оснащении лагерей и нехватке личного состава было почти невозможно обеспечивать даже текущее снабжение: лагерю на 10 000 пленных даже при снабжении по рационам ниже установленных норм ежедневно требовалось 5 т картофеля, 3 т хлеба и 60 стеров дров для отопления и кухни³³⁷. А добыть строительные материалы для расширения лагеря можно было только с помощью армейских инстанций.

Положение пленных обстоятельно изложено в подробно цитированной в начале введения докладной записке, которую министр по делам восточных территорий Розенберг направил Кейтелю. Из неё также следует, что абсолютно недостаточное размещение пленных явилось одной из главных причин массовой смертности³³⁸.

г) Сыпной тиф

Следующей, правда, гораздо менее важной причиной массовой смертности в сравнении с голодом и жилищными условиями следует считать эпидемию сыпного тифа³³⁹, которая распространилась в лагерях военнопленных в период между октябрём 1941 г. и летом 1942 г. На совещании 4 сентября в Варшаве генерал Рейнеке потребовал, чтобы барачные лагеря не были слишком крупными, ибо это затруднит изоляцию больных³⁴⁰. Это требование Рейнеке было вполне обоснованно: 16 июня 1941 г. отдел по делам военнопленных ОКВ предусматривал создание на территории рейха лагерей *в среднем* на 40 000 человек каждый. В генерал-губернаторстве этот показатель отчасти был превышен уже в сентябре, а в прифронтовой зоне коменданты лагерей из-за недостаточного оборудования были вынуждены размещать большие массы пленных на очень маленьком пространстве в самых неблагоприятных условиях.

Представители руководства вермахта заявляли позднее, будто они сразу же после возникновения эпидемии в декабре 1941 г. приняли меры, результат которых сказался уже в январе месяце³⁴¹. Однако о быстрых мерах не может быть и речи. В генерал-губернаторстве случаи заболевания сыпным тифом резко участились среди голодающего гражданского населения уже во втором квартале 1941 года. 20 октября 1941 г. в 307-м стационарном лагере в Бяла-Подляске впервые были отмечены случаи заболевания сыпным тифом. Несколько позже эпидемия вспыхнула уже в рейхскомиссариате «Остланд», а в конце ноября – проникла за Одер на территорию рейха³⁴². В середине декабря сыпной тиф свирепствовал почти во всех лагерях за пределами рейха и в большинстве лагерей на его территории³⁴³. И если сыпной тиф распространился в лагерях генерал-губернаторства и обоих рейхскомиссариатов особенно быстро, то это, так же как и достигнутый там поначалу пик массовой смертности, говорит о том, что ситуация со здоровьем в этих краях была особенно плачевна.

Если в декабре и принимались какие-то контрмеры, – поначалу, правда, очень неохотно, – то это объясняется в первую очередь нехваткой рабочей силы и опасностью заражения немецкого населения³⁴⁴. Из документов совершенно ясно следует, что до середины ноября профилактические мероприятия по сути не проводились. Министерский диригент Мансфельд, руководитель рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-хлетним планом, 13 декабря в своём

первом докладе Герингу сообщал о мерах, которые были им приняты по мобилизации советских пленных и гражданских рабочих, и заметил, что врачебное обслуживание и санитарная обработка потребовали «весьма детального их обсуждения с полномочными инстанциями». Дезинсекционные камеры в стационарных лагерях пришлось расширить.

Точно так же необходимо как можно скорее оборудовать дезинсекционные камеры в восточных областях и на территории рейха. [...]

Стационарные лагеря будут оснащены карантинными помещениями. От вербовки рабочей силы в тех населённых пунктах, где свирепствует эпидемия, следует временно отказаться, пока на территории рейха не будет создано достаточное количество дезинсекционных камер. [...] Эти меры вынуждают *ограничить использование рабочей силы* до тех пор, пока не будут созданы все необходимые объекты. С этим придётся смириться ради защиты гражданского населения, поскольку распространение эпидемии помимо нежелательных политических последствий нанесло бы также огромный вред военной экономике вследствие выхода из строя рабочей силы³⁴⁵.

В прифронтовой зоне дезинсекционные камеры также, по-видимому, почти не были созданы, хотя от эвакуации пленных по железной дороге и посредством автоколонн уже в июле пришлось отказаться именно по причине возможного заражения вшами транспортных средств. Хотя квартирмейстер тылового района группы армий «Центр» в своём отчёте за ноябрь и утверждал, что пленные якобы «повсюду» проходят тщательное обследование и дезинсекцию и только после этого размещаются по отдельным баракам, это далеко не полностью соответствовало действительности³⁴⁶.

Профилактику сыпного тифа существенно затрудняли сложившиеся исходные условия, а именно, определяемая идеологией склонность использовать для снабжения этих пленных лишь крайний минимум, а также имевшая место нехватка нужных для этого материалов, которая без сомнения была бы преодолена при соответствующем изменении приоритетов. Недостаток предусмотрительности остаётся непонятным, ибо с самого начала было известно об угрозе эпидемии сыпного тифа, которая в своём развитии непременно должна была затронуть и немецкие войска. Представляется, однако, что немецкое военное руководство здесь так же, как и в случае с последствиями голодных рационов было застигнуто врасплох слишком быстрым развитием событий. Ответственность за это не в последнюю очередь лежит на санитарной инспекции сухопутных сил, которая признала голодные рационы достаточными и совершенно очевидно не рассчитывала на столь быстрое распространение сыпного тифа. Негативную роль сыграли также донесения соответствующих учреждений, которые, по-видимому, стремились, как правило, сообщать о том, что без особых трудностей справляются со всеми проблемами в деле размещения и снабжения пленных. Если главнокомандующий группой армий «Центр» или командующий тыловым районом этой группы армий получали информацию о положении пленных только из донесений квартирмейстера тылового района, то они действительно были застигнуты врасплох как масштабом смертности от голода, так и распространением сыпного тифа. Об очень плохой их информированности и об очень медленном реагировании говорит тот факт, что ОКВ и ОКХ

только в середине *декабря* 1941 г. издали директивы о борьбе с сыпным тифом. Предписанные меры поначалу распространялись лишь на тех пленных, которых собирались отправить на территорию рейха. Здесь были предъявлены следующие крупные требования:

Лагеря должны быть хорошо и целесообразно оборудованы. Размещение должно быть просторным. Успехи дезинсекции не должны быть поставлены под сомнение примитивными условиями размещения³⁴⁷.

Ввиду сложившихся в лагерях отношений эти распоряжения выглядят почти как насмешка, поскольку даже для лагерей военнопленных в генерал-губернаторстве, чьё положение стало известно в ОКВ самое позднее *19 октября*³⁴⁸ и снабжение которых, учитывая ситуацию с транспортом, можно было бы организовать легче всего, практически ничего не было сделано. Насколько пленные вообще уже находились в «зимних лагерях», они размещались на очень узком пространстве. Они вынуждены были спать на 3-х и 5-ти ярусных деревянных нарах, шерстяных одеял им не давали; они могли радоваться, если получали бумажные, набитые газетной бумагой, стружками или соломой «спальные одеяла»³⁴⁹. В сентябре Рейнеке потребовал в целях профилактики сыпного тифа приучать пленных «к повышенной чистоплотности с помощью соответствующих разъяснений и средств»³⁵⁰. Однако бани только в очень немногих случаях соответствовали самым примитивным требованиям, при проведении дезинсекции пленные получали одно полотенце на двоих³⁵¹, а мыло можно было выдавать только в самом ограниченном количестве: «Всякое слишком щедрое и великодушное снабжение наносит вред общему обеспечению вермахта и родины»³⁵². Ясно, что эти условия, а также голод, истощение и нехватка витаминов свели на нет способность организма пленных к сопротивлению инфекции и создали наилучшие предпосылки для распространения сыпного тифа. Если в начале лета 1942 г. удалось, наконец, поставить эпидемию под контроль, то прежде всего потому, что вследствие массовой смертности питание и размещение пленных стали лучше. Действительно эффективные контрмеры удалось принять только в мае–июне 1942 г.³⁵³

В какой мере политико-идеологические расчёты в конце концов одержали верх над военно-экономическими соображениями, ясно видно благодаря ещё одному факту. Международный Комитет Красного Креста примерно в начале декабря 1941 г. предложил Рейнеке организовать обеспечение продовольствием и одеждой из США немецких пленных в Советском Союзе и советских пленных в Германии, а также приобрести вакцину против сыпного тифа для советских пленных в Германии³⁵⁴. Это предложение было поддержано Рейнеке, а также министром пропаганды Геббельсом, ибо надеялись, что таким образом удастся без переговоров и без политических уступок облегчить судьбу немецких пленных в СССР, что было весьма желательно «с точки зрения воздействия на настроения населения». Кроме того, Рейнеке учёл «материальную сторону» снабжения советских пленных из-за границы. Однако Гитлер в начале января категорически отклонил это предложение, хотя сам же за несколько дней до того в своём приказе назвал «использование советских военнопленных в оборонной и военной промышленности решающей проблемой сохранения возможностей производства вооружения и обеспечения эффективности военной экономики»: «Предпосылками этого являются прежде всего достаточное

питание и устранение опасности сыпного тифа»³⁵⁵. Эти противоречащие друг другу решения лучше всего изображают желание Гитлера, с одной стороны, сохранить неизменными идеологические установки, а с другой – учитывать реальные потребности, вытекавшие из коренного изменения военной обстановки в конце 1941 г. Кроме того, они показали, что приказы фюрера не раскрывают его собственной точки зрения, а лишь отражают ловкость и положение тех лиц, которые сумели провести такой приказ.

Радикальные национал-социалисты имели совершенно иное представление о том, как следует решать проблему сыпного тифа. Айнзацгруппа «А» в начале декабря 1941 г. докладывала, что источником заразы является стационарный лагерь в Молодечно:

Несмотря на предложение отдела здравоохранения генерального комиссариата [в Минске], пленные, заболевшие сыпным тифом, не были тут же расстреляны, а лагерь не был полностью изолирован. Это было якобы невозможно по причине использования пленных на работах³⁵⁶.

Находившийся в Ревеле личный друг Гимmlера обер-фюрер СС доктор Ганс Дейшл предложил Гимmlеру 24 января 1942 г. с целью предотвращения сыпного тифа расстрелять половину советских пленных в его зоне. Тогда другая половина этих «большевистских зверей» сможет получать двойной рацион и станет «полноценной рабочей силой». Кроме того, с помощью одежды расстрелянных можно будет лучше одеть оставшихся. Гимmlер был того же мнения и рекомендовал «милому Гансику» обратиться к местным инстанциям СС, которые ему наверняка помогут³⁵⁷.

Сколько жертв среди советских пленных вызвала эпидемия сыпного тифа в 1941–1942 гг. установить невозможно. Ясно, однако, что эта эпидемия в гораздо меньшей степени определила уровень массовой смертности, чем это утверждалось в последующем с апологетическим умыслом³⁵⁸. По подсчётам главного санитарного офицера при командующем войсками генерал-губернаторства до 10 февраля 1942 г. «с начала эпидемии» от сыпного тифа умерло 2242 пленных, то есть менее 1% из 270 000 погибших к тому времени в генерал-губернаторстве пленных. Возможно, в этом рапорте учтены не все смертные случаи, однако он не оставляет сомнений в том, что в генерал-губернаторстве сыпной тиф привёл к *сравнительно* малому количеству жертв³⁵⁹. По другим районам сведения отсутствуют, но можно предположить, что при существующих принципиально одинаковых условиях число жертв там также было относительно невелико.

3. Другие факторы

а) Приказ об обращении с пленными и позиция вермахта относительно пленных

Чтобы выяснить причины массовой смертности в полной мере, необходимо ещё раз подробно остановиться на позиции вермахта относительно пленных. О приказах, которые были отданы руководством вермахта и сухопутных сил по поводу обращения с пленными, говорилось уже неоднократно, но здесь следует дать ещё несколько дополнений.

В начале сентября 1941 г. генерал-лейтенант Рейнеке обобщил имеющиеся директивы об обращении с советскими военнопленными, причём, пользуясь приказом генерала для особых поручений при главнокомандующем сухопутными силами Мюллера от 25 июля вновь ужесточил требования³⁶¹. При этом не следует забывать, что Рейнеке, для которого «обращение с военнопленными и все связанные с этим вопросы [...] были лишь частью решаемых немецкими солдатами на Востоке задач», за несколько дней до этого вернулся из своей инспекционной поездки по лагерям на оккупированных территориях³⁶². Отсюда следует заключить, что принятые распоряжения он счёл необходимыми исходя из личных впечатлений и бесед с представителями служб по делам военнопленных.

Новый приказ Рейнеке состоял из 4-х частей; наряду с проблемой обращения с пленными в узком смысле слова здесь были урегулированы также вопросы, касающиеся обращения с национальными меньшинствами, передачей «политически нежелательных» пленных расстрельным командам СД, – отданные 17 июля указания Рейнеке по сути остались неизменными, – и использованием рабочей силы.

Во вступлении по сути повторялось приложение к приказу от 16 июня, но в гораздо более суровых выражениях³⁶³:

Большевизм – смертельный враг национал-социалистской Германии.

[...] Большевистский солдат потерял право на достойное обращение согласно условиям Женевской конвенции.

Поэтому чести и достоинству немецкого вермахта соответствует, чтобы *каждый немецкий солдат соблюдал в отношении советских военнопленных самую строгую дистанцию*. Обращение с ними должно быть строгим, но корректным. Следует самым жёстким образом относиться к любому снисхождению или даже доверию. О чувстве гордости и превосходстве немецкого солдата, которому приказано охранять советских военнопленных, следует давать знать в любое время.

Поэтому следует принимать беспощадные и энергичные меры при малейших признаках неповиновения, в особенности в отношении большевистских подстрекателей. Неповиновение, активное или пассивное сопротивление следует *немедленно* и беспощадно устранять с помощью оружия (штыка, приклада или огнестрельного оружия). Положения об употреблении оружия вермахтом могут играть лишь ограниченную роль, поскольку они рассчитаны на принятие мер в условиях *мирных отношений*. В случае с советскими военнопленными оружие следует применять очень сурово уже по дисциплинарным соображениям. Кто не будет исполнять отданный приказ о применении оружия или будет исполнять его недостаточно энергично, тот будет наказан.

В бегущих военнопленных следует стрелять *тут же без предварительного окрика*. Предварительный выстрел производить не нужно. [...] С другой стороны, запрещается всякий произвол. С работающими и послушными военнопленными обращаться следует корректно. Однако настороженность и недоверие в отношении военнопленных никогда не следует упускать из виду. Применение оружия в отношении советских военнопленных, как правило, считается законным.

Следует препятствовать любым контактам военнопленных с гражданским населением. В особенности это касается оккупированных территорий.

[...] Из подходящих советских военнопленных следует образовать лагерную полицию³⁶⁴, которую комендант будет использовать для наведения порядка и поддер-

жания дисциплины. Для нормального выполнения своих задач члены лагерной полиции имеют право в пределах проволочных заграждений носить с собой дубинки, плети и тому подобное оружие. Использовать подобные инструменты *немецким солдатам* категорически запрещается. Путём обеспечения лучшего питания, обращения и жилья в лагере должен быть создан исполнительный орган, который взял бы на себя часть функций немецкой охраны».

В заключение Рейнеке возложил

на начальников служб содержания военнопленных [...] *личную* ответственность за то [...], чтобы приведённые выше распоряжения со всей строгостью соблюдались подчинёнными соединениями³⁶⁵.

К приказу была добавлена открытая памятка для охраны, в которой условия повторялись более простым языком. Во введении, которое в общих чертах соответствовало введению приказа, было особо подчёркнуто, что советский солдат,

хоть внешне и представляется таким безобидным, [...] использует любую возможность, чтобы доказать свою ненависть ко всему немецкому³⁶⁶.

Для подавления сопротивления следовало «беспощадно применять оружие», в бегущего пленного следовало «*тут же* (без окрика) стрелять на поражение». Любое общение между пленными, с одной стороны, и охраной и гражданским населением, с другой, также категорическим образом запрещалось: несмотря на ликвидацию «политически нежелательных» пленных, опасались коммунистической агитации, – или даже просто открытия, что им приходится иметь дело с людьми, а не с «большевистскими зверями». Здесь также имелось характерное обращение:

При всей строгости и жестокости в деле беспощадного выполнения всех отданных приказов немецким солдатам запрещён любой *произвол* и *издевательства*, прежде всего использование дубинок, плетей и т. п. Ибо это противоречило бы достоинству немецкого солдата, как носителя оружия³⁶⁷.

Этот приказ помимо полномочных военных учреждений был передан также в партийную канцелярию, а оттуда – гауляйтерам и крайсляйтерам³⁶⁸. Тем самым в руках НСДАП оказалось средство контроля за выполнением этого приказа и возможность добиваться через партийную канцелярию его ужесточения – этап развития, на котором прежде всего благодаря влиянию Рейнеке партийной канцелярии были предоставлены постоянно возрастающие контрольные полномочия в отношении службы по делам военнопленных и возможности влияния на неё³⁶⁹.

Против приказа Рейнеке с разработанной графом Мольтке докладной запиской с решительным протестом выступил начальник управления разведки и контрразведки адмирал Канарис³⁷⁰. Однако начальник ОКВ фельдмаршал Кейтель отклонил его возражение:

Сомнения соответствуют солдатским представлениям о рыцарском ведении войны! Здесь же речь идёт об уничтожении мировоззрения. Поэтому я одобряю эти меры и беру их под свою защиту³⁷¹.

Критики в отделе международного права управления разведки и контрразведки справедливо предвидели неизбежные последствия этого приказа: принцип – «применение оружия в отношении советских военнопленных, как правило, считается законным» – освобождает охранников от «всякой обязанности рассуждать», а заключительное замечание рекомендует комендантам лагерей

поступать гораздо строже, чем предписывают распоряжения, чтобы быть уверенными в том, что их самих не привлекут к ответственности³⁷².

Уже 7 ноября 1941 г. начальник службы содержания военнопленных в VIII корпусном округе (Бреслау) вынужден был ввести ограничения: увеличилось количество случаев, когда охранники убивали пленных по самому незначительному поводу. Если приказы не исполнялись пленными, то это часто объяснялось их физической слабостью. Поэтому на начальников рабочих команд была возложена обязанность добиваться выполнения приказа используя приклады и штыки, а огнестрельное оружие следовало применять только как самое последнее средство³⁷³.

Это не был, конечно, единственный округ, где наступили указанные последствия, поскольку 24 марта 1942 г., когда вновь были составлены директивы об обращении с пленными³⁷⁴, в них появилось следующее распоряжение:

Если советский военнопленный был застрелен охранником, то в целях поддержания дисциплины и во избежание неоправданных расстрелов комендант лагеря в любом случае обязан предоставить начальнику службы содержания военнопленных краткое описание обстоятельств инцидента. [...]

Этот новый порядок явно преследовал цель сохранить рабочую силу советских пленников ввиду изменившегося военного положения. Из введения были изъяты слишком резко звучавшие строки. Вновь было добавлено и подчеркнуто следующее предложение:

Хорошая работа советских военнопленных может поощряться сдержанным и корректным обращением, ограждением от насилия и оскорблений и защитой от явного любопытства. Применять к таким пленным карательные меры запрещается³⁷⁵.

Однако положения о применении оружия, несмотря на приведённые ограничения, остались без изменений. Как и прежде, «тот, кто не исполнял приказ о применении оружия или исполнял его недостаточно энергично», подлежал наказанию.

б) Обращение с ранеными пленными

На основании приказов об обращении с советскими военнопленными можно сделать вывод в первую очередь о позиции руководства вермахта и сухопутных сил. Несмотря на то, что весь проанализированный до сих пор материал и так даёт ясное представление о позиции войскового командования и армии, есть одна сфера, которая даёт ещё более чёткое указание на позицию войскового командования в отношении советских пленников – обращение с *ранеными* советскими пленными.

Хотя СССР не ратифицировал Женевских конвенций об обращении с военнопленными, но ратифицировал «договор об улучшении участи раненых и больных в полевых условиях» 1929 г.³⁷⁶ Тем самым Германское государство имело совершенно ясное обязательство обращаться с *ранеными* и *больными* советскими пленными согласно этой конвенции. Немецкое руководство пыталось оправдать своё обращение с советскими пленными тем, что Советский Союз, мол, не примкнул к конвенции об обращении с военнопленными. Оставляя открытым вопрос, насколько отданные тогда распоряжения противоречили *всему* международному военному праву, тот факт, что конвенция о *раненых* в этой связи вообще не была упомянута, показывает, что этот аргумент был выдвинут лишь в качестве предлога. Национал-социалистское руководство *изначально* желало вести войну против Советского

Союза только в соответствии со своими идеологическими целями и невзирая ни на какие международные обязательства³⁷⁷. Обращение с советскими ранеными пленными показывает, что руководство вермахта и сухопутных сил, а также войсковое командование были готовы следовать этой политике даже в том случае, если нарушение международного права было налицо.

Какие директивы об обращении с ранеными были отданы ОКВ или ОКХ до нападения на СССР – неизвестно. 7 июля руководство сухопутных сил дало указание «оказывать военнопленным первую медицинскую помощь при армиях и дивизиях, как это было во время предыдущих кампаний». При этом «в первую очередь следовало использовать русский медицинский персонал, а также русские лекарства и перевязочные средства». Эвакуацию рекомендовалось по возможности осуществлять с помощью следующих порожняком колонн, «автомобили для больных для этого не выделять», то есть их использование было запрещено³⁷⁸. Две недели спустя этот приказ был дополнен и ужесточён. Теперь в зону ответственности ОКВ можно было эвакуировать только тех раненых, чьи раны заживут в течение 4-х недель. За другими

следовало присматривать в особых вспомогательных *лазаретах для военнопленных*, оборудованных персоналом пересыльных лагерей³⁷⁹. Эти лазареты следовало создавать не внутри пересыльных лагерей, а в некотором отдалении от них (на расстоянии 500–1000 м)³⁸⁰. Для оказания помощи и ухода в *самом широком объёме*³⁸¹ надлежало использовать русских пленников и гражданских врачей, а также русский обслуживающий персонал. Рекомендовалось применять исключительно русские инструменты, а также русские лекарства и перевязочные средства, прежде всего русскую серу [...], в остальном также полагаться лишь на русские силы³⁸².

Об обращении с ранеными источники, как правило, говорят очень мало³⁸³. По меньшей мере в некоторых случаях раненых расстреливали сразу при взятии в плен³⁸⁴. Обстановка в лазаретах для пленных летом 1942 года была по сути не лучше, чем осенью 1941 года³⁸⁵.

Более чёткое, чем обращение с ранеными в целом, выражение нашло в документах обращение с «ненужными на войне» пленными, то есть теми пленными, которые из-за утраты зрения, конечностей или из-за других ранений были «более неспособны к службе», а тем самым и нетрудоспособны. Даже в ужасающих условиях лагеря их участь была особенно трагична.

Уже в сентябре 1941 г. в тыловом районе группы армий «Центр» размышляли над тем, нельзя ли избавиться от этих «более непригодных к войне» пленных просто отпустив их из плена: «Само собой должна была состояться тщательная проверка относительно достоверности их увечий»³⁸⁶. С наступлением зимы, когда ситуация со снабжением лагерей особенно обострилась, стремление избавиться от «ненужных едоков» усилилось. 17 декабря 1941 г. комендант тылового района 9-й армии дал указание освободить неспособных к службе инвалидов из лазарета для пленных в Смоленске³⁸⁷. Остальные раненые, «обессиленные, истощённые и замёрзшие до смерти», недавно перенёвшие ампутацию конечностей и без перевязок были доставлены в «открытый сборный лагерь, где они вскоре должны были погибнуть от холода»³⁸⁸. 30 декабря 1941 г. командование 9-й армии распорядилось, чтобы все пленные (слепые, утратившие конечности и т. д.), которые будут признаны полно-

мочным немецким врачом «безвредными», после тщательной проверки были отпущены, так как «без всякой пользы отягощают и без того не простую ситуацию со снабжением»³⁸⁹. Отпущенные должны были жить при гражданском населении, что фактически должно было означать их смертный приговор: как «неработающие» они не получали никаких продуктов питания и были обречены жить на то, что им из жалости выделяют граждане из своих и без того скудных рационов³⁹⁰.

В тыловом районе группы армий «Север» в декабре 1941 г. также размышляли над тем, как можно было бы в той или иной форме «удалить безвредных военнопленных [...] из пересыльных лагерей, прежде всего в прифронтовой зоне»³⁹¹. В начале февраля 207-я охранная дивизия получила по этому поводу приказ

вывести из зоны ответственности 18-й армии [...] около 1800 военнопленных, которые вследствие ран или болезней не представляют опасности и разместить в тыловом районе группы армий среди гражданского населения. Эвакуацию провести с помощью саней³⁹².

Месяц спустя начальник тылового района группы армий «Север» Фриц фон Рок докладывал:

Эта акция оказала на настроение населения крайне неблагоприятное впечатление, которое не прошло до сих пор. Военнопленные, почти умирающие от голода, отчасти с гноящимися и зловонными ранами походили на живые скелеты и производили ужасающее впечатление. То, что они рассказали об условиях, в которых жили, не осталось без последствий³⁹³.

Несмотря на эти ужасающие сведения, «непригодные к службе» пленные по прежнему выдворялись в голодные районы, в частности в апреле и мае 1942 г. – в район Себежа³⁹⁴. Только в середине мая был отдан приказ вывозить таких пленных в 340-й стационарный лагерь в Динабурге (Даугавпилс) на территории рейхскомиссариата «Остланд»³⁹⁵.

То же самое происходило и в районах других групп армий, после того как ОКХ 22 января 1942 г. распорядилось вывезти этих пленных в тыловые районы групп армий и отпустить³⁹⁶. Ничего не говорится о том, что судьба этих пленных существенно отличалась от той, которую фон Рок описал в середине марта. Даже там, где войсковые командиры не были информированы о конкретной обстановке, они не могли не знать, что обрекают этих пленных на скорую голодную смерть. Решающее значение при этом имел тот факт, что именно *войсковые командиры* наладили этот процесс. Тем самым они дали знать, что до человеческого обращения с беззащитными пленными им совершенно нет дела. Обращение с тяжелоранеными пленными показывает, что заявления войсковых командиров во время послевоенных процессов и в мемуарах о том, что они якобы пытались вести войну в традиционном солдатском духе, а все нарушения международного военного права будто бы совершались только под давлением Гитлера, следует воспринимать с большой долей сомнения. Здесь они не могли сослаться ни на приказ Гитлера, ни на приказ Кейтеля; даже приказ ОКХ от 22 января 1942 г. лишь санкционировал ту практику, которая и так уже сложилась в прифронтовой зоне.

Обращение с тяжелоранеными пленными показывает также, что все улучшения в области обращения с пленными *в целом* и с легкоранеными в частности, последовавшие в 1942–1943 гг.³⁹⁷, в первую очередь служили цели – приобрести побольше ра-

бочей силы. В обращении с тяжелоранеными пленными ситуация обострилась в 1942 г.; существенную роль в этом вопросе сыграли жалобы войсковых командиров.

Начальник ОКВ Кейтель констатировал в приказе 22 сентября 1942 г., что Гиммлер жалуется на то, что отпущенные пленные, даже те, которые «более не пригодны к службе», ходят, выпрашивая милостыню, по оккупированным восточным областям и представляют «тем самым большую опасность для этих областей», поскольку могут помогать партизанам. Поэтому в будущем

тех советских военнопленных, которые согласно прежним положениям были признаны нетрудоспособными и отпущены, следует передать в руки полномочных руководителей СС и полиции на местах. Последние согласно указаниям рейхсфюрера СС и начальника германской полиции позаботятся о передаче их дальше, в том числе о работе³⁹⁸.

«Передача дальше и работа» – вот термины, которые использовали для обозначения намеченной ликвидации этих пленных³⁹⁹. Соответствующий приказ об исполнении имперского управления безопасности не сохранился, но приказ начальника гестапо Мюллера от 3 декабря 1942 г. даёт следующее указание⁴⁰⁰: 27 ноября Гиммлер приказал,

чтобы обращение [...] с отпущенными по причине нетрудоспособности советскими военнопленными было поручено руководителям СС и полиции. [...] В применявшуюся до сих пор практику приказ рейхсфюрера СС не внёс никаких изменений».

Как о «стандартной процедуре» Мюллер распорядился о том, чтобы этих пленных доставляли в ближайший концентрационный лагерь, где следовало проверить, «нельзя ли в последующем хотя бы отчасти использовать доставленных военнопленных на работах». Хотя в заключение и говорится, что

право отдавать распоряжения о возможной казни нетрудоспособных военнопленных Гиммлер пока что оставил за собой,

нет никакого в сомнения в том, что они в самом скором времени были убиты⁴⁰¹. Это не в последнюю очередь следует из того, что в генерал-губернаторстве, где переводение в концентрационный лагерь отчасти наталкивалось на значительные трудности, должны были приниматься только те пленные, которые в какой-то мере ещё обладали трудоспособностью. Остальных следовало оставлять в стационарных лагерях, «пока не поступят дальнейшие указания относительно этих военнопленных»⁴⁰². В остальной части зоны ответственности ОКВ предписанная передача, по-видимому, не встречала никаких трудностей. Эта практика была введена также в зоне ответственности ОКХ⁴⁰³.

О происхождении этого решения – ликвидировать нетрудоспособных пленных – трудно сказать что-либо определённое. Показания участников противоречивы. Бывший руководитель отдела IV А 1 РСХА штурмбанфюрер СС Курт Линдов заявлял после войны, что генерал-майор фон Гревениц, начальник службы по делам военнопленных, предложил в 1942 г. на совещании представителей ОКВ и РСХА, – при участии врачей, – передавать неизлечимо больных советских пленных для ликвидации в гестапо. Но представители гестапо будто бы отклонили это предложение на том основании, что «гестапо, мол, не будет более палачом вермахта»⁴⁰⁴. Генерал Рейнеке утверждал, что предложение не прошло, что даже Кейтель

вопреки своему обыкновению не поддержал это требование⁴⁰⁵. Однако то, что Кейтель не имел к этому отношения, опровергается его приказом от 22 сентября 1942 г. Если этот приказ производит впечатление, будто инициатором акции был Гиммлер, то два приказа Рейнеке говорят о том, что в ОКВ действительно рассматривали гестапо в качестве «палача вермахта»⁴⁰⁶. Точно известно, что в 1944 г., в то время, когда среди пленных как следствие лишений свирепствовал туберкулёз лёгких, между отделом по делам военнопленных ОКВ и РСХА существовало соглашение о ликвидации по меньшей мере части этих пленных. Согласно приказу начальника отдела по делам военнопленных от 16 июля 1944 г., который был отдан «по согласованию» с РСХА, комендантам лагерей вменялось в обязанность при «передаче» советских пленных в гестапо «в любом случае [...] обращать особенное внимание на то, не болен ли пленный «туберкулёзом или другой заразной болезнью». В приказе РСХА, который информировал органы гестапо об этом приказе ОКВ, было указано,

что при передаче советских военнопленных, больных туберкулёзом или другими заразными болезнями, которые могут представлять угрозу для немецкого населения, следует немедленно подать заявление на «особое обращение» с ними [то есть их ликвидацию] в отдел IV В 2а⁴⁰⁷ РСХА⁴⁰⁸.

В каком масштабе нетрудоспособные пленные передавались в гестапо, установить невозможно; но то, что это было, сомнений не вызывает. Уже осенью 1941 г. айнзацкоманды мюнхенского гестапо отбирали в VII корпусном округе «неизлечимо больных» пленных, и ОКВ не возражало против этого⁴⁰⁹. После выхода в сентябре 1942 г. приказа Кейтеля нетрудоспособные пленные были доставлены в несколько концентрационных лагерях, но точный подсчёт количества жертв невозможен⁴¹⁰. В концлагере Нойенгамме в ноябре 1942 г. газом отравили 251 советского пленного инвалида. Большое количество нетрудоспособных пленных было доставлено в концлагерь Маутхаузен, где их попросту уморили голодом. В концлагере Майданек в ноябре 1943 г. газом отравили группу из 334 советских пленных инвалидов, которые были доставлены туда из стационарного лагеря в Эстонии.

Как показывают некоторые случайно сохранившиеся документы, в оккупированных советских областях также поступали в соответствии с приказами Мюллера и Кейтеля⁴¹¹. В конце октября 1942 г. нетрудоспособные военнопленные из 358-го стационарного лагеря в Житомире «в большом количестве были отпущены и переданы в распоряжение начальника полиции безопасности и СД». Часть пленных была тут же «вывезена на грузовике в какую-то местность и устранена, [...] ликвидация остальных не состоялась из-за возражений вермахта». Наконец, 24 декабря 1942 г. оставшиеся в живых «68 или 70 военнопленных были по приказу начальника полиции безопасности подвергнуты в Житомире особому обращению». При этом речь шла

исключительно о тяжелораненых пленных. У одних пленных не было обеих ног, у других – обеих рук; некоторые были лишены одного из членов. Только немногие из них обладали всеми конечностями, но были настолько измучены прочими ранами, что использовать их на каких-либо работах было невозможно⁴¹².

Дело только потому попало в документы, что 20 человек «из подлежащих особому обращению» пленных, которые уже стали свидетелями расстрела своих товарищей, убили 2-х эсэсовцев и сумели бежать⁴¹³.

4. «Умысел или необходимость?»

Подводя итоги в конце этой главы, следует попытаться ответить на вопрос – была ли массовая смертность советских пленных в 1941–1942 гг. *желательна* для немецкого руководства, и если да, то в какой степени.

То, что массовую смертность нельзя объяснить только нуждой⁴¹⁴, то есть объективной невозможностью прокормить пленных, прекрасно видно уже из описания касавшегося их снабжения планирования и хода событий после 22 июня 1941 г. Это станет ещё более ясно, если сравнить меры, касавшиеся советских пленных, с теми, которые принимались во время «нормальной войны» (Нольте). Весьма показательным является приказ обер-квартирмейстера группы армий «А» от 28 мая 1940 г. В этом приказе во введении указывалось на то, что *«большое количество ожидаемых в Северной Франции пленных [...] потребует проведения масштабных мероприятий»*. Если наряду с эвакуацией по железной дороге и следующими порожняком автоколоннами необходимы будут также пешие марши, то при создании мест для привала следует *в широком объёме* полагаться «на действующие войска и органы снабжения армии». Поскольку до сих пор пункты сбора пленных не обеспечивались продовольствием со стороны армий, командование группы армий приказало ежедневно докладывать о положении дел и велело пунктам сбора пленных

самим заботиться о себе в случае необходимости. Если продовольствие нельзя будет добыть за счёт оккупированной страны, а армии по прежнему не будут его поставлять, то руководители пунктов сбора пленных получают право самостоятельно, смотря по обстоятельствам изымать у прибывающих с продовольствием для армий поездов до 1/10 их содержимого⁴¹⁵.

Такой приказ, который не отдавал бы исключительного приоритета интересам немецких войск, был *изначально* немислим во время войны на Востоке, причём не только в национал-социалистском, но и в военном руководстве.

Нет никакого сомнения в том, что целью национал-социалистского руководства в войне на Востоке было «максимальное ослабление русского народа, так чтобы он не мог более подавлять нас массой своих людей»⁴¹⁶. Гитлер и Гиммлер, правда, не собирались уничтожать военнопленных *целиком*, – не говоря, конечно, о ликвидации «нежелательных» пленных. Ведь они знали, что при «восстановлении Востока» им ещё понадобятся рабы⁴¹⁷. Но и уменьшение количества пленных, а также гражданского населения в результате голода было для них весьма желательно, поскольку по их мнению «и тех, и других было слишком много». То, что вплоть до решения конца октября 1941 г. эту точку зрения разделяли и в руководстве вермахта, видно из высказывания Йодля от 28 ноября по поводу проблемы расстрелов обессиленных пленных: «Имея в виду нынешние намерения относительно русских пленных», следует, мол, «стремиться вернуть в строй как можно большее их количество»⁴¹⁸, – что означает неслучайность прежней политики в их отношении.

Насколько это касается военного руководства, то абсолютное преимущество, которое отдавали интересам собственных войск и собственного населения, было решающим фактором в формировании позиции в отношении пленных. Это проявлялось не только в организации питания собственных войск и немецкого граждан-

ского населения за счёт советских пленных и населения захваченных территорий, но и в цели путём политики беспощадного подавления принудить советское население к безусловной покорности и таким образом изначально ликвидировать движение сопротивления, которое могло привести к большим потерям; незначительные – вплоть до войны на Востоке – потери немецких войск также являлись существенным «моральным фактором». Здесь в представлениях национал-социалистского и военного руководства существовали лишь незначительные, но отнюдь не существенные различия.

Следующим фактором явилось оперативное планирование плана «Барбаросса». Руководство сухопутных сил без всяких оговорок делало ставку на молниеносную войну. Оперативный план в значительной мере был составлен так, что из многих возможных альтернатив предпочтение отдавалось лишь самым благоприятным. По всей своей структуре он в любом случае исходил из того, что большая часть Красной Армии в течение короткого времени в результате нескольких крупных окружений окажется в плену, однако это вовсе не означало, что будет достигнута молниеносная победа. В размышлениях о судьбе советских пленных также исходили из самых благоприятных альтернатив среди возможных. Размеры рационов, которые по мнению санитарной инспекции сухопутных сил были «достаточными», могли *сохранить* пленным *жизнь* только при совершенно определённых обстоятельствах, а именно: при условии, что от здоровых пленных не станут требовать работы, предоставят им много времени для отдыха и защитят от непогоды, прежде всего от холода.

Поскольку физиологический обмен не был восстановлен, следовало изначально знать, что последуют голод и истощение. Однако это опять-таки была самая благоприятная альтернатива: если же пленные во время борьбы или сразу после взятия в плен испытывали даже кратковременный голод, если от них требовали тяжёлой физической работы или длинных пеших переходов, если они долгое время подвергались действию холода или сырости, то вызванную всем этим потерю сил нельзя было компенсировать с помощью установленных рационов; напротив, неизбежным следствием этого должна была явиться массовая смертность.

При этом со стороны национал-социалистского руководства, по-видимому, вообще не требовалось никакого давления, чтобы склонить руководство сухопутных сил к планированию в этом направлении. При всей разнице во взглядах между представителями «консервативного направления» и национал-социалистского руководства, они были согласны друг с другом в том, что «моральный дух» населения не стоит ставить под угрозу.

Следует признать, что даже при «нормальных» условиях, то есть при наличии желания сделать всё для спасения пленных, снабжение продовольствием огромной массы пленных из крупных «котлов» под Киевом, Вязьмой и Брянском являлось чрезвычайно трудным делом и высокой смертности вряд ли удалось бы избежать: погода, особенности железных и просёлочных дорог крайне затрудняли эвакуацию и снабжение. Однако развитие процесса смертности в генерал-губернаторстве со всей отчётливостью показывает, что это проблема отнюдь не играла решающего значения. Среди 309 816 пленных, – 85% размещённых там пленных, – которые умерли там до 15 апреля 1942 г., едва ли были пленные из тех 3-х сражений, в результате которых в немецком плену до начала сентября оказалось такое огромное количество пленных.

При всём этом ввиду состояния источников следует оставить открытым вопрос, в какой мере в руководстве сухопутных сил и в войсках было представлено мнение, что, мол, «было бы хорошо вообще избавиться от военнопленных». Постоянно повторявшиеся расстрелы истощённых пленных, – в 6-й армии фон Рейхенау это происходило в приказном порядке, – драконовские карательные меры за нападение или попытку побега со стороны пленных, а также помощь, которую учреждения вермахта оказывали при ликвидации «нежелательных» пленных показывают, что эта позиция в действительности существовала в самой различной степени. Однако приказы фон Бока, фон Шенкендорфа и фон Тетрау, с одной стороны, и постоянные усилия предоставлять пленным в качестве объективной необходимости хотя бы голодные рационы, с другой, показывают, что эта позиция разделялась далеко не всеми. При этом, правда, следует отметить, что приказы фон Бока и фон Шенкендорфа были направлены в первую очередь против «нарушения дисциплины». Ни один из них не ставил под сомнение установленные приоритеты в деле питания пленных, оба активно сотрудничали с айнзацгруппой «Б»; они были согласны с ликвидацией евреев и коммунистов, поскольку понимали её как ликвидацию «бандитов и преступников», а приказ о комиссарах критиковали только тогда, когда он казался бессмысленным в военном отношении.

Групповое согласие в вермахте не существовало ни в том, ни в другом направлении. Представители старого группового согласия, ориентированного на традиционные военные ценностные представления, давно уже больше не определяли самосознание вермахта. В нём такую же большую роль, как и во всём немецком народе играли теперь «подлинные» национал-социалисты – со всеми вытекающими отсюда для советских пленных последствиями⁴²⁰.

Для войсковых командиров главный интерес представляла военная победа, а не обращение с пленными – но и здесь совершенно иным образом, чем при «нормальной войне». Хотя и они сами, и их консультанты с самого начала должны были знать, к каким последствиям для населения и пленных приведёт концепция войны на Востоке. Но им было гораздо удобнее подчёркивать свою ответственность за подчинённые им войска, заниматься исключительно военными проблемами и закрывать глаза на неприятные вопросы, пока это обещало им в рамках будущих перспектив честь, славу и карьеру. Занятие «политическими вопросами» могло лишь возбудить нежелательное внимание со стороны верховных и высших инстанций и поставить под угрозу карьеру. Даже там, где с самого начала не ограничивались сугубо военными задачами, где совершенно ясно видели, что происходит, и где в доверенном кругу не скрывали своего мнения по этому поводу, находили утешение в аргументе, что это, мол, вопросы, ответственность за которые несут национал-социалистское руководство и руководство вермахта⁴²¹, и что против этого ничего поделать нельзя – аргумент, который в вермахте в следующие после 1938 г. годы всё больше и больше становился *self-fulfilling prophecy*. Обращение с ранеными советскими пленными и тот факт, что улучшение положения советских пленных оказалось возможно, как только нехватка рабочей силы в прифронтовой зоне сделала это настоятельно необходимым, показывают, что имело место не просто пассивное неучастие, но и усвоение значительной частью войсковых командиров идеологически мотивированных требований политического руководства.

VIII. РЕШЕНИЕ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В КАЧЕСТВЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ НА ТЕРРИТОРИИ РЕЙХА

Уже неоднократно обращалось внимание на решение Гитлера от 31 октября, на основании которого был отдан приказ о «широком использовании» советских военнопленных в германской военной промышленности¹. Это решение, даже если бы оно не сразу принесло плоды или совсем их не дало, означало качественное изменение в отношении к советским пленным. Впервые, как это позднее сформулировал Гиммлер, была признана их «ценность в качестве рабочей силы», и если в декабре 1941 г. массовая смертность снизилась по сравнению с первыми месяцами, то лишь благодаря этому решению. В настоящей главе предполагается, с одной стороны, раскрыть процесс принятия этого решения и определить его значение для обращения с пленными, с другой – исследовать национал-социалистскую политику в этом вопросе.

Немецкая военная экономика до зимы 1941/42 гг. основывалась на концепции «молниеносной войны», которая должна была позволить бедному ресурсами немецкому государству быстро и победоносно завершить многочисленные кампании, прежде чем противник, даже если ему удастся объединить усилия, сможет достигнуть материального превосходства. Наряду с этим стратегическим доводом имелся также не менее важный внутривнутриполитический аргумент: В будущей войне или, лучше сказать, серии блицкригов, которые одним ударом должны решить все социальные проблемы немецкого народа по «расширению жизненного пространства, а также сырьевой и продовольственной базы нашего народа»², следовало устранить всё, что могло бы помешать осуществлению этой цели, и не допустить повторения тех явлений, которые считались причинами краха Германии в 1918 г., а именно: развала «внутреннего фронта», падения «морального духа» населения под влиянием голодной блокады и «марксистского разложения»³. Концепция «молниеносной войны» должна была позволить избежать жестокостей тотальной мобилизации военной экономики, которая в определённых условиях могла вызвать «большой социальный взрыв»⁴. Этот момент подчёркивал в своих мемуарах и Альберт Шпеер:

В частных беседах Гитлер часто намекал, что, исходя из опыта 1918 г., не нужно быть сверх осторожным. Чтобы предотвратить всякое недовольство, достаточно выделять на обеспечение потребительскими товарами, на пенсии военным или на компенсации жёнам, у которых мужья пали на фронте, гораздо больше средств, чем это делается в демократически управляемых странах⁵.

Генерал Томас, который весьма критически относился к концепции блицкрига, ещё до войны требовал проведения подготовки к длительной войне с вооружением

не «вширь», а «вглубь» и с характерным внутренним противоречием предупреждал о «психологических последствиях», которые должно было вызвать сильное ограничение товаров потребления⁶. Этой политической цели, а именно, посредством «подобной мирному времени военной экономике» исключить угрозу режиму, соответствовало то, что производство продуктов потребления к началу войны не только не сократилось, но продолжало расти вплоть до 1941 г., а в некоторых отраслях даже до 1943–1944 гг.⁷

Крах концепции «молниеносной войны», а с ней в основном и надежд на достижение общей цели, стал очевиден, когда в начале декабря 1941 года провалилось немецкое наступление на Москву⁸. Отказ от концепции блицкрига был длительным процессом, который начался отнюдь не с поражения под Москвой и, конечно, не завершился приказом Гитлера о «вооружении на 1942 год»⁹. В этом процессе важную роль играло решение об использовании в немецкой военной экономике труда советских военнопленных, которое в определённом смысле можно рассматривать в качестве индикатора процесса развития. Это и понятно, если сравнить данное решение с перспективами на будущее весны 1941 г. Тогда в немецком политическом и военном руководстве, по-видимому, ещё не решили – нужно ли вообще использовать труд советских пленных в Германии.

Нехватка рабочей силы наряду с недостатком сырья с самого начала являлись главным препятствием для производства вооружения в Германии¹⁰. Поскольку эта нехватка должна была существенно возрасти в связи с мобилизацией при нападении на Польшу, 28 января 1939 г. главный уполномоченный по экономике призвал ОКВ подготовиться к «возможно более широкому и целесообразному использованию ожидаемых военнопленных»¹¹. В соответствие с этим использование труда пленных вскоре приняло широкий размах¹². Привлечение военнопленных и работавших по принуждению польских гражданских лиц дало возможность снизить потребность в рабочей силе до нужного уровня без полномасштабного привлечения немцев к производству, ибо при увеличении продолжительности рабочего дня или при систематическом применении женского труда в промышленности вполне мог пострадать «моральный дух» населения¹³. Однако в немецком руководстве по требующим ещё выяснения причинам категорически возражали против использования труда советских пленных, надеялись его избежать, ибо вплоть до конца лета 1941 г. верили в быструю победу на Востоке. «Военное господство в Европе после сокрушения России позволит существенно сократить масштабы использования *сухопутных сил* в ближайшее время», – указывал Гитлер в дополнении к «директиве № 32» от 14 июля 1941 г.

В соответствии с дальнейшими стратегическими целями основное внимание в производстве вооружения следовало теперь уделять авиации, – ввиду главного направления против Англии. Вооружение сухопутных сил должно быть существенно сокращено, а освободившаяся рабочая сила задействована в новых отраслях вооружения¹⁴. За счёт сокращения оккупационных войск на Востоке и «закавказской оперативной группы» предполагалось расформировать примерно 50 дивизий и тем самым получить около 300 000 рабочих для оборонной промышленности¹⁵. Таким образом надеялись уменьшать острую нехватку рабочей силы до того, как положение станет угрожающим.

1. Запрет на использование пленных в июле 1941 г.

а) Внутривойсковые причины

Как уже неоднократно упоминалось, национал-социалистское и военное руководство категорически возражало против использования советских пленных в немецкой экономике. Этот отказ находился в самой тесной связи с ноябрьской катастрофой. Несмотря на уничтожение в 1933 г. немецкого рабочего движения боязнь подобного «рецидива» сохранялась. Директива, изданная летом 1942 г. министром пропаганды Геббельсом, подтверждает это со всей очевидностью. Поводом явилось одно «психологически чрезвычайно опасное» донесение о боях под Севастополем, из которого, по словам Геббельса, видно, что «и у Советов есть идея, которая воодушевляла их до фанатизма и героического сопротивления»:

Если не принять соответствующих мер, то подобного рода донесение способно поколебать точку зрения немецкого народа на большевизм. [...]

Впредь следует иметь в виду, что хоть национал-социализм и освободил немецкий народ от *болезни* большевизма, к нему всё ещё существует определённая склонность, которая при условии затягивания войны и растущем количестве жертв может усилиться. Это точно так же, как с туберкулёзным больным, который должен пройти курс лечения. Даже выздоровев, он остаётся восприимчив к прежней болезни. Бациллы ещё сохраняются в изолированном состоянии, а потому было бы величайшей глупостью и могло бы привести прямо к духовной катастрофе в Германии, если бы мы сами раскрыли капсулу и тем самым позволили яду бацилл опять проникнуть в тело немецкого народа. Не следует забывать, что среди нашего народа живут ещё 5 млн. человек, которые прежде голосовали за коммунистов¹⁶.

Насколько велик и глубок был страх перед «новым заражением» немецкого народа, показывают уже рассмотренные директивы об обращении с советскими пленными и комиссарами. Организационный приказ отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941 года поставил эвакуацию пленных в лагеря на территории рейха в зависимость от особого приказа ОКВ. Было также приказано отделять офицеров и унтер-офицеров от рядового состава и препятствовать всякому взаимопониманию между пленными, с одной стороны, и гражданским населением и охраной, с другой. Кроме того, запрещалось любое «использование военнопленных на работах в экономике», разрешены были только работы для удовлетворения «непосредственных потребностей войск». При этом обязательным условием являлось «использование пленных только в закрытых колоннах при самой строгой охране»¹⁷.

В то время как национал-социалистское руководство отказывалось от использования труда этих пленных, считая это «совершенно невыносимым»¹⁸, «настоятельная потребность в нём экономики и сельского хозяйства»¹⁹ делала крайне необходимым обсуждение этой проблемы. 4 июля 1941 года в управлении военной экономики и вооружения в ОКВ состоялось совещание, в котором приняли участие представители отдела по делам военнопленных в ОКВ, имперского министерства продовольствия, имперского министерства труда, управления 4-хлетним планом и «ведомства Розенберга», – будущего имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий. Примечательным являлось отсутствие представи-

телей Гиммлера. Начальник отдела по делам военнопленных, подполковник Брейер указал во вступлении, что

сам по себе запрет фюрера «использовать на территории рейха труд русских военнопленных» остаётся в силе. Однако следует считаться с тем, что этот запрет должен быть по меньшей мере ослаблен.

[...]

Военнопленные азиатского происхождения (например, монголы) ни в коем случае не должны направляться в рейх на работы. Кроме того, из-за возможной большевистской пропаганды к труду должны привлекаться только русскоговорящие пленные.

Представители управления военной экономики и вооружения, управления 4-хлетним планом и имперского министерства труда сочли использование пленных «безусловно необходимым»²⁰. Представитель имперского министерства труда указал на то, что уже в конце мая сообщалось о наличии 300 000 «рабочих мест для военнопленных» и что в данный момент количество «рабочих мест в сельском хозяйстве составляет 430 000». Чтобы удовлетворить минимальную потребность в 500 000 пленных, необходимо доставить на территорию рейха 600 000–700 000 человек. Дальнейшие размышления предполагалось уточнить только после того, как будет принято решение, разрешающее использование труда военнопленных на территории рейха, и тогда же оценить, на какое количество военнопленных с Востока можно рассчитывать²¹.

На основании этого совещания управление военной экономики и вооружения 5 июля потребовало от управления 4-хлетним планом смягчения существующих директив. Минимальная потребность в военнопленных составляла 500 000–700 000 человек, из которых 400 000 были необходимы сельскому хозяйству. Если бы использование пленных в промышленности, – в первую очередь в строительном секторе и добыче бурого угля из-за прекрасных возможностей охраны в этих отраслях, – было сокращено, то можно было бы посредством соответствующего перераспределения сил добиться облегчения работы оборонной промышленности²². То, что на совещании 4 июля речь зашла также о политических аспектах, видно из условий, в зависимость от которых представитель ведомства Розенберга поставил использование труда пленных. Он потребовал использовать их только в закрытых колоннах, а также исключения всех политических комиссаров, руководящих деятелей партии и всех комсомольцев; советских военнопленных следовало отделить от всех других пленных славян и гражданских рабочих. Наибольшее предпочтение следовало отдавать пленным из районов, которые были присоединены к СССР после 1939 г. и недолго пребывали под коммунистическим влиянием²³.

Несколько позже имперское министерство труда потребовало от управления 4-хлетним планом «достаточное количество русских военнопленных» для обеспечения 600 000 рабочих мест:

Как показал опыт, значительная часть находящихся в лагерях военнопленных для работ не годится. Среди русских военнопленных этот процент по национальным, общеполитическим и военным соображениям²⁴ особенно высок. Поэтому первоначально было затребовано около 700 000 человек²⁵.

На основании совещания 4 июля использование труда военнопленных было принципиально урегулировано приказом Кейтеля от 8 июля. В нём вновь подчёркивалось, что советские пленные

должны использоваться на работах в первую очередь на русской территории. Их отправка на территорию германского рейха осуществляется только в том случае, если уполномоченный по 4-хлетнему плану или представитель военной экономики и вооружения в ОКВ сочтёт безусловно необходимым использование этих военнопленных в германской военной экономике. Отправка на территорию рейха владеющих немецким языком русских, евреев и представителей азиатских народов вообще не должна осуществляться²⁶.

Из приказа отдела по делам военнопленных становится ясно, что сомнения в этот период времени стали ещё сильнее:

Использование советских военнопленных в пределах рейха – неизбежное зло, а потому его следует ограничить до минимума. *Их принципиально следует использовать только на таких работах, где они смогут работать в полной изоляции и в закрытых колоннах.*

[...]

По приказу фюрера на территорию рейха будет направлено не более 120 000 военнопленных²⁷.

Эти пленные должны были сменить «в первую очередь [...] французских, сербских, бельгийских или польских военнопленных, которых вермахт использовал в собственных интересах в закрытых колоннах». Таким образом руководству вермахту, по-видимому, раньше всех был предоставлен считавшийся необходимым контроль за использованием военнопленных.

Начальник общего управления ОКВ генерал-лейтенант Рейнеке, которому подчинялся отдел по делам военнопленных, 12 августа 1941 года на совещании с ответственными за использование рабочей силы при начальниках служб содержания военнопленных чиновниками объяснил точку зрения руководства вермахта:

Между Германией и Россией не существует соглашения о двустороннем порядке обращения с военнопленными. Это означает, что использование труда советско-русских военнопленных не идёт ни в какое сравнение с использованием труда других военнопленных. До сих пор относительно использования труда русских не существует ни указаний, ни каких-либо специальных директив.

Есть только один закон, который следует выполнять – интерес Германии, направленный на то, чтобы оградить немецкий народ от организованных в рабочие команды советско-русских военнопленных и использовать рабочую силу русских. Ответственность за использование труда русских несёт вермахт.

[...] Если в Германии могут произойти пусть немногие, но значительные инциденты (например мятеж, саботаж, общение с немцами и т. д.), то, по словам генерала Рейнеке, от использования труда русских вообще следует отказаться, ибо защиту немецкого народа следует в данном случае считать первоочередной задачей, а использование труда русских – задачей второго порядка²⁸.

Четыре дня спустя начальник ОКВ фельдмаршал Кейтель на совещании с министром вооружения Тодтом и представителями всех частей вермахта также высказал своё мнение по этой проблеме:

Вопрос об использовании труда русских военнопленных следует всесторонне обсудить, ибо существует опасность акций саботажа и т. д. Только после просеивания в пересыльных лагерях будет видно, насколько возможно использование их труда в сельском хозяйстве. С другой стороны, использование их в строительных бригадах весьма целесообразно из-за легко осуществимой при этом охраны²⁹.

Под просеиванием в пересыльных лагерях понимались отборы, которые айнзацкоманды осуществляли по соглашению между РСХА и отделом по делам военнопленных в ОКВ от 17 июля. Эти акции, правда, не были предусмотрены планом по использованию труда советских пленных, но считались необходимыми в рамках будущих планов ликвидации на Востоке ядра всякого возможного сопротивления. Однако они создали некоторые *непременные условия* для использования труда пленных. Устранение всех потенциальных коммунистических агитаторов создало негативный коррелят для обеспечения «морального духа» посредством поддержания подобных мирному времени жизненных стандартов. Если, несмотря на эти кровавые «просеивания», национал-социалистское руководство только с очень большой неохотой разрешало любое незначительное расширение использования труда пленных, то это лишний раз доказывает, насколько неуверенно чувствовал себя режим и как сильны были его опасения перед «заражением» населения.

Рейнеке к этому времени считал себя ответственным в первую очередь за безопасность рейха. Ещё в приказе об обращении с советскими военнопленными от 8 сентября 1941 г. он указывал:

Главным принципом использования советских военнопленных на территории рейха является безусловная безопасность жизни и имущества немцев.

Ответственность за порядок использования труда советских военнопленных несут здесь *исключительно* полномочные в данном вопросе *учреждения вермахта*³⁰.

Это положение Рейнеке подчеркнул также на совещании с представителями РСХА, управления разведки и контрразведки и имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий в начале сентября, посвящённом проблеме отбора «неблагонадёжных» пленных. Геринг лишь заметил по этому поводу, что нам, мол, не хватало ещё только, чтобы теперь, во время войны, наши рабочие через общение с военнопленными заразились большевизмом³¹.

б) Планы национал-социалистского руководства по использованию пленных

Национал-социалистское руководство сначала, по-видимому, не имело никаких конкретных планов в отношении советских пленных. Упорядоченное использование их труда в рамках военных операций на Востоке было скорее исключением, причём и там их труд применялся лишь в отдельных случаях по мере возникавших потребностей³². Однако всем прекрасно известно, что национал-социалистское руководство с самого начала рассматривало этих пленных, а также и советское гражданское население в качестве рабов для «восстановительных работ» на Востоке³³.

Вопросом, что следует делать с советскими пленными, Гитлер занялся, по-видимому, не раньше середины октября 1941 г., когда их количество перевалило за 3 млн. человек.

Он заявил: «Мы всегда говорили: Нужно брать пленных! А теперь думаем: Что нам делать со всеми этими пленными?»³⁴.

Гитлер, чьи помыслы в первые месяцы после вторжения вращались вокруг проблемы создания «империи на Востоке», – как то показывают сохранившиеся заметки о его «застольных беседах», – занялся теперь проблемой использования пленных более интенсивно. 15 октября начальник партийной канцелярии Мартин Борман сообщил начальнику имперской канцелярии, министру Ламмерсу, о новых задачах:

Вчера вечером фюрер говорил о необходимости использования труда русских военнопленных; нужно как можно скорее и с наибольшей продуктивностью использовать эту самую дешёвую рабочую силу, ибо мы должны кормить этих пленных, а потому было бы глупо позволять им бездельничать в лагерях как бесполезным едокам. Фюрер уже беседовал с генерал-инспектором³⁵ доктором Тодтом об использовании русских военнопленных на строительстве автомобильных и других дорог. Следует возобновить также другие крупные земляные работы, продолжение которых до сих пор было невозможно из-за нехватки рабочей силы. Генерал-инспектор по строительству профессор Шпеер направил на необходимые земляные работы в Берлине и его окрестностях 20 000 русских военнопленных. К необходимым для новостроек Мюнхена масштабным и долгосрочным земляным работам, в особенности строительству имперской железной дороги, можно теперь приступить с очень большим количеством русских военнопленных.

Ламмерсу теперь рекомендовалось побудить имперского министра путей сообщения предпринять необходимые шаги³⁶.

Это был решительный поворот. Месяцами управление военной экономики и вооружения напрасно добивалось разрешения на масштабное использование труда пленнх в немецкой экономике. А теперь, так сказать, Гитлер-строитель победил Гитлера-идеолога: гигантские планы по реконструкции имперской столицы Берлина перевесили все сомнения³⁷.

Строительные работы, которые должны были сделать Берлин и Мюнхен «достойными» центрами великой германской мировой империи, выглядели, правда, по сравнению с запланированными работами в новой восточной империи весьма незначительными. 17 октября 1941 г. Гитлер беседовал за ужином с министром вооружения Тодтом и гауляйтером Тюрингии Заукелем о преобразовании завоёванных советских территорий:

Фюрер [...] ещё раз в общих чертах изложил свои соображения по поводу развития новых восточных территорий. Важнейшей проблемой являются дороги. Он сказал доктору Тодту, что собирается существенно расширить его ранее составленный проект. При этом в его распоряжение на ближайшие 20 лет будет выделено 3 млн. пленнх. Большие дороги должны быть проложены в районах с прекрасным ландшафтом, – фюрер говорил сегодня не только о дороге в Крым, но и о дороге на Кавказ, а также о 2-х или 3-х дорогах в лежащих далее к северу районах. В местах крупных речных переправ должны появиться немецкие города – центры военной, полицейской, административной и партийной власти. Вдоль дорог должны располагаться немецкие крестьянские дворы, и таким образом однообразная азиатская степь скоро примет совершенно другой вид. Через 10 лет там будет поселено 4 млн., а через 20 лет – по крайней мере 10 млн. немцев³⁸.

Наряду с этими безумными планами достойны внимания также мысли Гитлера о жизни многих миллионов людей. Эти планы важны прежде всего при решении

вопроса, в какой мере Гитлер желал уничтожения огромной массы пленных. В полдень того же дня генерал Рейнеке сообщил за столом, что в сентябре в лагерях генерал-губернаторства погибло 9000 советских пленных³⁹. Когда Рейнеке рассказал об этом и Гитлер отдал приказ «использовать 3 млн. пленных для преобразования Востока», в генерал-губернаторстве уже *ежедневно* умирало от 3000 до 4000 пленных, и массовую смертность можно было поставить под контроль только посредством радикальной смены курса. По-видимому, ни Гитлер, ни Рейнеке не были информированы о точном положении дел. Военнопленные рассматривались как неистощимый резерв рабочей силы. Поэтому не существовало никаких приоритетов в их использовании; каждый, кто докладывал Гитлеру о «важности использования труда пленных», получал требуемое их количество. Ни Гитлер, ни его советники по партии и вермахту, по-видимому, не допускали и мысли о том, к каким последствиям приведёт упорядоченное по идеологическим причинам обращение с пленными. Согласно национал-социалистской расовой идеологии «большевистские человекообразные скоты» считались исключительно живучими:

Существуют живые существа, которые живучи, потому что обладают малой ценностью. Собака-дворняга более живуча, чем породистая хорошая собака. Поэтому дворняга не столь ценна. Крыса более живуча, чем домашнее животное, потому что она живёт в настолько плохих социальных и хозяйственных условиях, что для того, чтобы выжить, она просто обязана обладать большей силой сопротивления. Подобной живучестью обладает и большевик⁴⁰.

Тем самым была создана предпосылка, будто большая часть пленных вполне сможет жить в ужасных условиях. С другой стороны, желательным было также сокращение их численности, ибо 60 млн. человек на Востоке считались явно «излишними»⁴¹. Полагали, что рабочей силы имеется более чем достаточно и, если ряды пленных поредеют, то хуже от этого в дальнейшем не будет. Решающее значение при этом играл тот факт, что в этот момент ещё не считались с тем, что военное положение, а тем самым и ситуация с рабочей силой изменится не в пользу Германии. Планы и распоряжения Гитлера приводят к выводу, что он по меньшей мере не в полном объёме был информирован о тех требованиях, которые с июля месяца делались со стороны оборонных ведомств. Это, а также неполная информация о состоянии здоровья пленных приводят к предположению, что многие решения были приняты помимо высших правящих кругов, – причём они явно не совпадали с требованиями Гитлера. Сомнения, в силу которых Гитлер выступал против использования труда советских пленных в Германии, разделялись не только его сторонниками по партии. Даже решительные противники Гитлера из консервативного лагеря опасались, что в случае использования труда «большевистских элементов [...] у нас могут наладиться связи между ними и близкими к ним кругами»⁴².

в) Позиция немецких промышленников

Насколько такого рода сомнения были распространены в немецких экономических кругах, сказать трудно. Но единой позиции здесь явно не существовало. Во всяком случае не замечено, чтобы в это время имел место «горячий и чрезвычайный интерес монополий к советским невольникам». Защищаемые заводской администрацией концерна Круппа нормы обращения с советскими пленными и

гражданскими рабочими позволяют предположить, что по крайней мере в первое время не единичными были явления, когда идеологические принципы брали верх над интересами экономически рациональной эксплуатации пленных в немецкой промышленности⁴⁵.

Сомнения относительно использования труда советских военнопленных в первое время широко распространились. При этом наряду со страхом перед коммунистической агитацией среди собственных рабочих определённую роль играли и другие причины. Так, очень скоро стало известно, что советские пленные из-за ужасного состояния их здоровья обладают весьма малой трудоспособностью⁴⁶. Ради обеспечения требуемых для пленных строгих мер безопасности в большинстве случаев нужно было возводить новые лагеря с бараками. К тому же требование использовать пленных только в строго охраняемых колоннах означало, что их труд можно применять лишь на вспомогательных работах. Фирмы же были заинтересованы прежде всего в квалифицированных рабочих⁴⁷.

Сомнения такого рода высказывались и в имперском министерстве труда. В первом приказе, который касался порядка использования труда советских пленных, – сначала в очень ограниченном объёме, для замены французских пленных, которых должны были «перевести» в авиационную промышленность, – говорилось:

Замена военнопленных вызывает много возражений. Соответствующие предприятия неохотно меняют втянувшихся в работу и благонадёжных французских военнопленных на советских. В таких случаях биржи труда указывают предприятиям на государственно-политическую необходимость этого и на предписание рейхсмаршала⁴⁸.

Позиция большей части промышленников проявилась 19 ноября 1941 года на заседании совета хозяйственной группы металлургической промышленности северо-западного округа. На этом заседании, в котором под руководством председателя правления объединения «Штальверке АГ» Эрнста Поензгена приняли участие важнейшие представители сталелитейной промышленности Рура и Зигерланда⁴⁹, была рассмотрена проблема использования труда советских пленных. Было отмечено, что надежда получить, как в 1940 году, «большое количество отозванных из вермахта специалистов для работы в оборонной промышленности» до сих пор, к сожалению, не осуществилась⁵⁰. А потому использование труда (советских) военнопленных «представляет тем большую ценность». Путём ликвидации принципа работы в колоннах и разрешения использовать немецких мастеровых можно достигнуть «существенного облегчения»:

Отношение к использованию труда русских следует постепенно улучшать, даже если полученный ранее опыт оказался неудачным⁵¹.

Считалось, что пленные «физически нетрудоспособны, истощены и частично завшивлены». Сомнения возникали также из-за возможности саботажа во время ночных смен. Однако представитель VI инспекции по вооружению в Мюнстере подчеркнул, «что в долгосрочной перспективе только тот окажется прав, кто приобретёт себе русских». Поэтому управляющие делами предприятий на совещании также согласились с тем,

что следует как можно скорее осуществить замену французов на русских.

[...]

Итак, поскольку мы не можем отказаться от использования труда русских, остаётся только выяснить, не должна ли северо-западная группа попытаться путём совместной акции по возможности оттянуть время этой замены. Мы также обсудили этот вопрос с управляющими делами предприятий. Господа придерживаются того мнения, что ввиду общей ситуации совместная акция ничего не даст, а потому нужно предоставить каждому отдельному предприятию возможность предпринять шаги, необходимые с его точки зрения.

Поскольку между тем было признано, что «люди работают усердно и по порядку, если их хорошо кормить», то Поензген признал целесообразным ввиду требуемой от русских производительности труда [...] добиться как можно лучшего для них питания⁵².

Промышленники не везде с самого начала выступали против использования труда советских пленных. Команда по вооружению в Дортмунде уже 28 июня 1941 г. отмечала:

Чтобы добиться общего облегчения в области использования труда, фирмы уже сейчас надеются на то, что после начала кампании против России военнопленные поступят в их распоряжение в огромном количестве. Поэтому они уже теперь со всей серьёзностью просят о предварительных замечаниях в деле использования русских пленных⁵³.

Аналогичное заявление было сделано командой по вооружению в Эссене 30 июня 1941 г.: «Оборонная промышленность надеется получить вскоре русских пленных в качестве рабочей силы»⁵⁴. Этот интерес сохранялся до тех пор, пока не стали известны принятые ограничения и не прибыли первые пленные: истощённые люди, которые едва годились для самой лёгкой работы, казались малопривлекательными. В августе и сентябре оставалась ещё огромная надежда

на привлечение рабочей силы из вермахта в результате изменения военной обстановки, то есть после завершения боевых действий в России⁵⁵.

VI инспекция по вооружению, к примеру, до этого момента почти не проявляла интереса к использованию советских пленных. Решение проблемы там видели, во-первых, в демобилизации освободившихся «восточных дивизий» и, во-вторых, в усиленном использовании труда женщин⁵⁶. Однако в середине октября 1941 г. стало ясно, что «увеличение использования русских военнопленных [...] – одна из немногих возможностей получить дополнительную рабочую силу»:

Принимая во внимание хороший опыт, приобретённый относительно русских военнопленных в предыдущей войне, VI инспекция по вооружению просит принять во внимание необходимость использования русских военнопленных в большем объёме, чем прежде. Уже теперь после отбора политически подозрительных элементов получен хороший опыт. При этом следует исходить из того, что питание этих русских обеспечит достаточную трудоспособность⁵⁷.

Наконец, проблема обеспечения рабочей силой, прежде всего оборонной промышленности, резко обострилась. Возможностей набрать других рабочих, кроме советских пленных и советских гражданских рабочих, больше не существовало.

г) Смягчение запрета под давлением необходимости

Проблемы такого рода с самого начала способствовали ослаблению авторитета основанных на идеологических аксиомах концепций национал-социалистского

руководства. Уже в июле нехватка рабочей силы в сельском хозяйстве вынудила, – поначалу только в нескольких корпусных округах, – заменить французских, сербских, бельгийских и польских пленных, которых использовали на работах при вермахте, советскими, чтобы первых можно было использовать в сельском хозяйстве⁵⁸. Советские пленные, как подчёркивалось во всех прежних распоряжениях, должны были работать «при полной изоляции и в закрытых колоннах»; с каким недоверием ОКВ отнеслось даже к такому ограниченному использованию их труда, видно из требования докладывать «о *текущем* состоянии дел»⁵⁹.

В последующем за самое широкое использование этой рабочей силы ратовали прежде всего управление 4-хлетним планом и имперское министерство авиации. При этом давление технократов, работавших в подчинении у Геринга, было, кажется, сильнее, чем давление самого Геринга; последний поначалу воздерживался, мотивируя это тем, что он якобы разделяет опасения Гитлера и не желает защищать мнение, которое Гитлер отверг.

С июня 1941 г. Геринг как уполномоченный по 4-хлетнему плану должен был отвечать не только за приобретение рабочей силы. Согласно директиве Гитлера № 32 о приготовлениях, касающихся периода «после осуществления плана «Барбаросса», основное внимание в производстве вооружения следовало уделять авиации и флоту, а значит первоначальному ведомству Геринга – авиационной промышленности. Поскольку рабочих для оборонной промышленности, как это планировалось, в скором времени демобилизовать не удалось, их следовало искать в другом месте. Поэтому 26 августа 1941 г. имперское министерство труда получило срочное предписание о том,

что по личному указанию господина рейхсмаршала [...] из французских военнопленных, которые до сих пор не использовались в оборонной промышленности, следовало выделить 100 000 человек и перевести в оборонную (авиационную) промышленность.

До 1 октября их должны были заменить советские пленные⁶⁰. Поскольку «известные ограничения» не были смягчены, речь могла идти только об использовании их на строительных и крупных погрузочных работах, что в последующем привело к тому, что несмотря на постоянное давление со стороны отдела по делам военнопленных в ОКВ⁶¹, акция по замене имела весьма незначительный успех. Так, например, до декабря 1941 г. количество «заменённых» французских военнопленных в Рурской области оказалось гораздо меньше ожидаемого⁶².

Следствием этой неудачи явилось то, что 14 октября было предпринято дальнейшее смягчение требований по строгой изоляции советских пленных. Говорилось, что это предписание из страха перед нарушением истолковывалось так строго, что «практически сделало невозможным использование рабочей силы» и помешало отвлечению французских пленных: «...Настойчивый призыв экономики увеличить количество рабочих рук не был удовлетворён». Понятие «работа в колоннах» толковалось теперь иначе: 20 человек должны исполнять общую работу на ограниченном пространстве. Теперь разрешалось, чтобы их «контролировали» немецкие мастеровые, которые должны были *проверять* работу и исполнять обязанности часовых⁶³.

2. Решение об использовании труда советских военнопленных

а) Процесс принятия решения

Самое позднее в октябре немецкому руководству должно было стать ясно, что оно оказалось перед дилеммой и что выход следует искать в отказе от считавшихся до сих пор незыблемыми принципов. Если в начале октября ещё высока была надежда на то, что наступление группы армий «Центр» на Москву окажется успешным и тем самым в 1941 году будет по крайней мере предрешена победа на Востоке, то теперь более не могли предаваться иллюзиям, что проблема рабочей силы будет решена в ожидаемом смысле⁶⁴. Дилемма была ясна: в конце июня не хватало около 1 млн. рабочих, в июле потребность в них составила 1,5 млн. человек; даже путём запланированного роспуска 49 дивизий эту потребность можно было удовлетворить лишь на треть, а в квалифицированных рабочих – только на одну пятую⁶⁵. Последний имевшийся в распоряжении резерв составляли советские пленные и советское гражданское население. Однако их использование в немецкой промышленности, с одной стороны, обуславливало необходимость решительного улучшения их питания, чтобы добиться более менее нормальной трудоспособности. А с другой стороны это означало, что не только существовала опасность того, что эти рабочие вновь «заразят» немецкий рабочий класс коммунизмом, но и продовольственные рационы для немецкого населения придётся резко сократить, а это по мнению немецкого руководства должно было отрицательно сказаться на его «моральном духе» и тем самым подготовить почву для коммунистической агитации. Но поскольку другой рабочей силы получить было нельзя, а численность занятых на производстве рабочих постоянно сокращалась из-за высоких потерь на Восточном фронте⁶⁶, немецкое руководство, если только оно хотело избежать краха оборонной промышленности, *должно было* решиться на использование советских пленных.

Наконец, принятое Гитлером 31 октября 1941 г. решение о разрешении использовать советских пленных в немецкой военной промышленности не было единоличным. Начиная с июля, на этом решении с возрастающей энергией и упорством настаивали управление 4-хлетним планом, имперское министерство труда, имперское министерство вооружения и боеприпасов и управление военной экономики и вооружения. С сентября это давление усилилось, отдельные ведомства скоординировали свои общие усилия.

Собственно процесс принятия решения, который привёл к приказу фюрера от 31 октября, начался в сентябре 1941 г.⁶⁷ Важнейшую роль в этом процессе сыграло стремление имперского объединения угля⁶⁸ получить для горной промышленности советских пленных или гражданских рабочих.

Правда, с начала войны немецкая угольная промышленность испытывала постоянный подъём⁶⁹. Однако, с другой стороны, в результате того, что потребности существенно возросли, – из-за оборонной промышленности, поставок в оккупированные и присоединённые страны и особенно из-за возросших потребностей имперских железных дорог в связи с боевыми действиями на Востоке, – уже в начале 1941 г. оказалось, что «угля не хватает». Несмотря на все усилия председателя им-

перского объединения угля Пауля Плейгера добыча угля в течение 1941 г. постоянно падала, так как ситуация с рабочей силой из-за призыва ухудшилась, а трудоспособность имеющихся сил из-за недостаточного питания и перенапряжения снизилась⁷⁰. Это привело к тому, что Плейгер летом 1941 г. хотел ограничить снабжение энергетической промышленности, чтобы обеспечить снабжение топливом частных хозяйств. Против этого тут же выступили министр вооружения Тодт и Геринг, как уполномоченный по 4-хлетнему плану. Они заявили, что выход из кризиса – не в ограничении потребления угля, а в увеличении его добычи, за что Плейгер должен взяться со «всею энергией, которая свойственна ему, как никому другому»⁷¹. В своём ответе Герингу Плейгер потребовал, чтобы потребление было ограничено для мирных отраслей экономики, ибо ограничение снабжения топливом частных хозяйств приведёт к «политическим последствиям», за которые он не намерен «один нести всю ответственность»⁷². Помимо этого ограничения он потребовал, чтобы в ОКВ распорядились о демобилизации призванных на Восточный фронт горняков, а также подал заявку в имперское министерство труда на 83 000 советских пленных, использование которых в дневную смену следует одобрить⁷³.

Соответствующее требование Плейгер уже через неделю после вторжения направил Рейнеке и Томасу⁷⁴. Тогда он хотел получить наряду с 83 000 пленных для горной промышленности по возможности ещё какое-то количество пленных для работ, связанных с торговлей углём, чтобы ускорить оборот вагонов, – из-за малого количества вагонов это было одной из главных причин перебоев со снабжением.

Полагаю, – писал Плейгер, – что закрытое использование советских пленных при строгой охране и надзоре на угледобывающих предприятиях в политическом отношении терпимо и вполне осуществимо⁷⁵.

Письмо Плейгера к Герингу от 15 августа, по-видимому, сдвинуло дело с мёртвой точки. Правда, теперь задействованные ведомства склонялись к тому, чтобы в качестве военнопленных использовать советских гражданских лиц: украинские горняки из Криворожского района казались менее опасными как принадлежащие к враждебно настроенному по отношению к Московскому правительству этническому меньшинству. Хотя Геринг должен был быть лично заинтересован в снятии ограничений⁷⁶, он, видимо, не был готов особо рьяно отстаивать перед Гитлером это требование. Усилия были предприняты прежде всего со стороны Плейгера и управления военной экономики и вооружения. Плейгер, который, как руководитель созданного 20 августа 1941 г. «Горно-металлургического концерна «Восток»⁷⁷, ещё во время битвы под Киевом прилетел в только что захваченный Криворожский рудный бассейн, чтобы организовать эксплуатацию месторождения немецкими фирмами и обеспечить передачу им предприятий, тут же после своего возвращения направил Герингу предложение одобрить использование украинских гражданских рабочих. 19 сентября Плейгер уже обсуждал с группой по использованию рабочей силы в управлении военной экономики и вооружения тонкости найма этих рабочих, причём отстаивал мнение, что их, мол, нужно не вербовать, а «просто откомандировывать»⁷⁸. 24 сентября в имперском министерстве труда состоялось совещание между представителями имперского объединения угля, управления военной экономики и вооружения, рейхсфюрера СС и заинтересованных государственных ведомств. Протокол совещания вновь показывает, насколько осторожно вели себя все

участвующие ведомства. Представитель управления 4-хлетним планом заявил, что Геринг хотел бы, «чтобы сначала высказались все участвующие ведомства, а затем он примет своё решение». Представители имперского министерства труда подчеркнули «крайне напряжённое положение с использованием рабочей силы», но предложили ограничить вербовку «поначалу лишь *новорусскими* областями (Прибалтика и русская часть бывшего польского государства)». Сверх того, вербовку в «старорусских» областях производить следует только в том случае, если вновь возникнет потребность в рабочей силе, да и то «поначалу следует ограничиться только Украиной»⁷⁹. Представители Гимmlера заявили, что «использование рабочих из новорусских областей с точки зрения полиции безопасности допустимо», но выразили сомнения в отношении использования рабочих из старорусских областей. Решения Геринга, которое «в значительной мере» зависело от позиции Гимmlера, пришлось ждать ещё целый месяц.

Кроме того, 26 сентября имперское министерство труда запросило также мнение III отдела абвера управления разведки и контрразведки в ОКВ, и это мнение следует считать позицией по меньшей мере части руководства вермахта⁸⁰. Использование труда *свободных* гражданских рабочих было категорически запрещено:

Опыт, который был приобретён учреждениями абвера при использовании труда польских рабочих на территории рейха, в соединении с сообщениями о действиях и целях партизанского движения на оккупированных восточных территориях заставляет принять самые строгие меры безопасности при использовании труда русских рабочих. Предусмотренные для привлечения и содержания польских рабочих меры были бы [...] в этом случае] явно недостаточны.

Напротив, использование труда военнопленных, «если из-за нехватки рабочей силы использование труда русских крайне необходимо», было одобрено:

Ибо только над военнопленными, но никак не над свободными рабочими можно обеспечить необходимый контроль и охрану и дать гарантии того, что при недостаточной производительности труда, нарушениях рабочей дисциплины или попытках саботажа будут со всей строгостью приняты требуемые меры.

[...]

Верховное командование вермахта придаёт большое значение тому, чтобы при принятии решения рейхсмаршалом [...] его ознакомили с содержанием вышесказанного⁸¹.

24 октября 1941 г. было принято первое решение: Плейгер получил разрешение доставить на территорию рейха 10 000–12 000 украинских горняков. Геринг обставил это рядом условий: среди украинцев должен быть произведён «тщательный отбор»; следует проследить, чтобы они «по своему характеру не были склонны к распространению коммунистических взглядов». Их следует везти в Германию в закрытых транспортах под охраной, «использовать в горном деле только в закрытых охраняемых колоннах» и содержать «отдельно от остальных рабочих» в закрытых охраняемых лагерях. Питание должно быть «ниже немецкого уровня», вместо зарплаты им следует выдавать только карманные деньги на водку и сигареты⁸².

Значение решения заключалось не столько в том, что оно обеспечивало горную промышленность рабочей силой⁸³, сколько в том, что таким образом был преодолен упорный отказ немецкого руководства от ввоза советской рабочей силы на

территорию рейха. Одновременно с усилиями Плейгера по привлечению украинских гражданских рабочих опять началась дискуссия об использовании советских пленных, поскольку 10 000–12 000 украинцев в любом случае не могли удовлетворить настоятельные потребности горной промышленности в рабочей силе. Они даже на процент не сократили количество вакантных рабочих мест в военной экономике: согласно разработанной 4 октября отделом по использованию рабочей силы в управлении военной экономики и вооружения докладной записке на имя начальника этого управления Томаса «настоятельная потребность в рабочей силе в важнейших отраслях военной экономики составляет около 800 000 человек»⁸⁴. Поскольку от штаба оперативного руководства вермахта как раз стало известно, что «запланированное сокращение вооружённых сил»⁸⁵ внесёт лишь малый вклад в расширение военной экономики», пришлось признать, что «удовлетворение возникающих потребностей в рабочей силе [...] без ввоза русских военнопленных и гражданских рабочих невозможно». И хотя рейхсфюрер СС, а также управление разведки и контрразведки возражали против использования гражданских рабочих, а использование советских пленных допускали «только при очень жёстких условиях», отдел по использованию рабочей силы, прежде более скромный в своих требованиях, заявил, что следует одобрить использование советских пленных, – в закрытых колоннах, – также в производстве вооружения и в горной промышленности – для работ на поверхности, а использование украинских гражданских рабочих – для работ под землёй: «Сомнения контрразведки должны уступить место потребностям в рабочей силе»⁸⁶. Это требование, по-видимому, поначалу не было одобрено в самом управлении военной экономики и вооружения, так как только 15 октября начальник управления Томас принял решение, чтобы его офицер связи при Геринге, генерал-майор Нагель, сделал последнему доклад по этому делу⁸⁷.

Окончательное решение было принято Гитлером предположительно после доклада Геринга⁸⁸ 31 октября 1941 г. В подписанном Кейтелем приказе фюрера решающие мотивы были выражены совершенно ясно: нехватка рабочей силы становится «всё более угрожающей для будущего немецкой экономики и производства вооружения», а на скорое заполнение вакантных мест за счёт вермахта рассчитывать не приходится, да оно и не сможет удовлетворить эту потребность в полной мере.

Отныне фюрер распорядился, чтобы рабочую силу русских также широко использовали благодаря её большому значению для потребностей военной экономики. Исходным условием трудоспособности является соразмерное питание. Наряду с этим следует позаботиться о крайне низкой заработной плате, обеспечении жизненно необходимыми продуктами и премиях за выполнение плана⁸⁹.

Интересно, что приведённые в приказе сферы использования лишь в малой степени совпали с требованиями управления военной экономики и вооружения и имперского министерства труда. На первое место, как и ранее, была поставлена сфера вооружённых сил. Наряду с «подразделениями по расчистке и строительству» в оккупированных советских областях рабочие и строительные батальоны должны были создаваться и на других оккупированных территориях, а также на территории рейха. Кроме того, советские пленные должны были заменить на этих работах по возможности большее количество солдат. Очевидно, ведущей здесь оставалась

старая цель – освободить солдат из вермахта для экономики, с одной стороны, и держать использование пленных как можно крепче под контролем вермахта, с другой. На втором месте этой иерархии стояла строительная промышленность и производство вооружения. Пленных следовало использовать на стройках различного рода, «в особенности, для усиленного развития береговой обороны». В собственной оборонной промышленности производственный процесс следовало по возможности наладить таким образом, «чтобы основная масса военнопленных находилась под [немецким] руководством и надзором». При этом надежды оборонных ведомств и оборонной промышленности были учтены далеко не в полной мере.

На третьем месте находились горнодобывающие предприятия, часть которых предполагалось сделать «чисто русскими»⁹⁰, далее шли рабочие команды по прокладке железнодорожных путей и, наконец, сельское и лесное хозяйство.

Полномочия управления по использованию рабочей силы пленных вне вермахта были разделены между министром вооружения и боеприпасов Тодтом, – он был ответственным за горную промышленность и производство вооружения, – и имперским министром труда Зельдте.

Сомнения немецкого руководства ещё раз отразились в ограничительных условиях, которыми было обставлено это использование:

- 1) обеспечение охраны с целью предотвращения угрозы немецкому народу;
- 2) размещение пленных в закрытых лагерях;
- 3) обеспечение достаточного питания⁹¹.

Ровно через неделю после этого решения, 7 ноября, в имперском министерстве авиации состоялось совещание, на котором Геринг дал дальнейшие указания относительно использования труда советских военнопленных, а теперь также и советских гражданских рабочих⁹². На протяжении этой недели немецким руководством был принят ряд важных решений, которые означали существенные изменения по сравнению с приказом Кейтеля от 31 октября. Если Кейтель в последовательности использования труда пленных исходил в первую очередь из чисто военных соображений штаба оперативного руководства вермахта, то теперь приоритет явно отдавался военной экономике. В особенности многого добился Плейгер. Если в приказе Кейтеля горная промышленность занимала третье место – после строительной промышленности и производства вооружения, то теперь она стояла на первом месте. На втором месте стояли ремонтные работы на железных дорогах; здесь также заметно явное повышение их статуса из-за сложного положения с транспортом не только на Востоке, но и на территории рейха. Затем следовали производство вооружения (производство танков, артиллерийских орудий и самолётов), сельское хозяйство, строительство, крупные фабрики, как, например, обувные, и, наконец, рабочие команды по чрезвычайным работам.

Второе принципиальное изменение коснулось полномочий управления использованием рабочей силы. Вместо указанного в приказе Кейтеля разделения полномочий между Тодтом и Зельдте Геринг сохранил за собой управление всей организацией. Недели позже завершилось полное вытеснение обоих министров из этой сферы. Геринг распорядился, чтобы

общий централизованный контроль за использованием русских (военнопленных и гражданских рабочих) не в военных целях на территории рейха, включая протекто-

рат^{92а} и генерал-губернаторство, а также в рейхскомиссариатах осуществляла его рабочая группа по использованию рабочей силы⁹³.

Начиная 7 ноября совещание, Геринг обратился к прежней своей позиции и, соблюдая субординацию, представил инициатором этого решения самого Гитлера:

Русская рабочая сила доказала свою эффективность при создании мощной русской промышленности. Поэтому теперь её следует использовать к выгоде рейха. Все возражения против этого приказа фюрера – второстепенны.

Геринг потребовал замены немецких строительных батальонов в вермахте рабочими подразделениями из военнопленных:

[...] немецкие квалифицированные рабочие должны защищать отечество; лопаты и кирки – задача не их, а русских⁹⁴.

Тогда же впервые прозвучала мысль «произвести беспощадную эксплуатацию русских угольных месторождений» с помощью советской рабочей силы.

Из высказываний Геринга следует, что долгосрочные планы на будущее весны 1941 г. к этому моменту ещё оставались в силе. Всё ещё верили, что военнопленные и гражданские рабочие будут поступать практически в неограниченном количестве⁹⁵, и эта армия рабов послужит не только тому, чтобы устранить острую нехватку рабочей силы, но и вообще изменит структуру рабочего класса в Германии. Говоря о потребностях, Геринг заявил, что «следует исходить из того, что малопродуцирующих и много едящих рабочих других государств придётся выдворить с территории рейха». Должна быть также достигнута старая идеологическая цель: «немецкая женщина в будущем больше не должна так сильно вовлекаться в процесс производства»⁹⁶.

Приоритетные перспективы на будущее заметны также в предусмотренной оплате труда этих рабов. При

использовании труда русских, – говорил Геринг, – на Востоке ни при каких обстоятельствах не следует решать *проблему оплаты* в юридическом порядке. Каждое финансовое мероприятие в этой области должно исходить из того, что наименьшая оплата на Востоке, – по выразительному мнению фюрера, – предпосылка для покрытия военных расходов и оплаты военных долгов рейха после окончания войны. [...] По смыслу это считается всяким поощрением «социальных усилий» в русской колонии⁹⁷.

Поскольку эта рабочая сила поступает «в распоряжение предпринимателя» почти даром, с работодателя «на основе финансовой компенсации» следует брать определённую часть продукции, – чтобы обеспечить государству требуемый доход.

Согласно национал-социалистской расовой иерархии здесь также следовало создать различия. Только прибалты могли иметь «льготы», – их самый высокий заработок должен был равняться заработку работавшего по принуждению поляка, который, в свою очередь, был гораздо ниже средней зарплаты немца. Экономии заработной платы соответствовала также экономия других расходов, которые требовались при использовании труда пленных.

Наконец, очень большое внимание Геринг уделил мерам безопасности, которые должны были служить защитой от саботажа и коммунистической заразы. Принципиальным следовало считать:

Мерам безопасности должна быть присуща суровая и быстрая эффективность. В целом шкала наказаний не знает никаких других ступеней между ограничением в пище и казнью по приговору военно-полевого суда.

Военнопленные, а также гражданские рабочие на оккупированных территориях подлежали «просеиванию с точки зрения полиции безопасности и контрразведки»⁹⁸. Для той и другой категории действовал принцип «использования в закрытых колоннах»; производительности труда следовало добиваться «суровыми и решительными мерами»⁹⁹. В промышленности, как и в горном деле, – говорил Геринг, – идеалом было бы добиться создания «русских предприятий» (то есть предприятий с исключительно русской рабочей силой и немецкими мастеровыми)¹⁰⁰. Делая немецкого рабочего «в принципе господином над русскими», – пусть даже в качестве простого охранника, – рассчитывали на то, что смогут помешать образованию у немецких рабочих чувства солидарности¹⁰¹. Это было не только «негативной», но и позитивной целью национал-социалистской восточной политики: в то время, как советские люди провозглашались бесправными рабами, даже последний немецкий рабочий, – по крайней мере психологически, – должен был чувствовать себя господином. Народ господ, чьё благосостояние было обеспечено колониальной империей на Востоке, «немецкой Индией» и трудом массы рабов, не мог иметь социальных конфликтов и не мог больше повторить ноябрь 1918 г. Однако эти социал-империалистические мотивы, которые имели большое значение в долгосрочных военных целях, в конкретной ситуации ноября 1941 г. играли второстепенную роль для обсуждаемого здесь решения. Наряду с неотвратимой необходимостью решающим для национал-социалистского руководства было признание того, что теперь использование пленных «возможно», так как главная опасность устранена посредством ликвидации среди этой рабочей силы политически и расово «нежелательных» элементов. Помощь в принятии этого решения сыграло, видимо, также то обстоятельство, что со всех сторон сообщалось о готовности пленных и гражданского населения работать¹⁰².

Гитлер, который, по-видимому, разрешил использование труда советских пленных только после упорного сопротивления, вскоре косвенно заявил претензию на то, будто это он сам нашёл решение проблемы рабочей силы осенью 1941 г.:

Главная проблема сегодня – это проблема рабочей силы. Затем следует проблема сырья: угля и железа. [...] Как мы должны поступить, чтобы увеличить производство угля и железа? Если мы используем русских рабочих, то сможем поручить нашим соотечественникам решение иных задач. Ведь лучше позаботиться об эксплуатации труда русских, чем приглашать с юга итальянцев, которые через 6 недель скажут «До свидания»! Русский, наконец, не так глуп, чтобы он не смог работать на горнодобывающем предприятии.

Это проливает яркий свет на психическое состояние Гитлера и на способ, каким в национал-социалистском руководстве принимались решения, показывает, как он разъяснял необходимость использования этой рабочей силы как раз тому человеку, который с первых дней войны на Востоке с большой энергией ратовал за это, то есть Паулю Плейгеру¹⁰³.

б) Значение этого решения

Решение использовать советскую рабочую силу на территории рейха представляет собой важный этап в истории национал-социалистского государства не

только по оборонно-хозяйственным причинам, – из-за начавшегося перехода к «подлинной» военной экономике. Оно одновременно означало, что значительная часть принципиальных планов немецкого руководства на будущее по причине вызванной им самой необходимостью ведения войны потерпела крах¹⁰⁴. Война на Востоке должна была задержать социальную динамику промышленного развития. Аграрные поселения в завоёванных польских и советских областях, – подобные планы являлись, наверное, самым характерным выражением того «бегства в социальную романтику»¹⁰⁵, которое придавало национал-социализму такую притягательную силу, – завоевание Германией источников сырья и порабощение восточных соседних народов должны были создать то богатство, которое предупреждало бы внутренние социальные конфликты. Концепция «молниеносной войны» была по сути основана на том, что промышленное развитие предполагалось ускорить отнюдь не путём тотального перехода к производству вооружения сверх безусловно необходимой меры; завоевания на Востоке должны были до некоторой степени создать возможности пересмотра последствий перевооружения. Когда в октябре 1941 г. выяснилось, что эта концепция не может быть выдержана в чистом виде, ставка была сделана на использование советской рабочей силы, даже если это, с другой стороны, могло привести к социальному возмущению. Но хотя в последующем в Германию были перемещены миллионы советских рабочих рук¹⁰⁶, этот шаг также не привёл к достижению цели. Неисчерпаемый, как предполагалось, резерв рабочей силы уже зимой 1941/42 гг. вследствие голода и массовых расстрелов резко сократился; рабский принудительный труд и недостаточное питание удерживали производительность труда на низком уровне. Поэтому необходимость повышения военного производства должна была резко ускорить образование производственно-технической системы, привести к сосредоточению населения в городах, использованию женского труда и экономической концентрации – тем 3-м явлениям, которые национал-социализм, судя по его лозунгам, как раз и хотел устранить. Преодоление недостатков буржуазного и индустриального общества средствами этого общества потерпело крах¹⁰⁷, причём цель, несмотря на все политические просчёты, оказалась иллюзорной: если говорить о тенденциях, существовавших к началу 1941 г., то экономика Великой Германской империи определялась скорее гигантскими промышленными комплексами, такими как «ИГ Фарбениндустри» в Освенциме-Моновице и артиллерийские заводы Круппа в Маркшtedте (Верхняя Силезия), – они процветали за счёт того, что большие концерны создавали промышленную инфраструктуру и обеспечивали современное «ноу-хау», а Гиммлер из своих концентрационных лагерей нового типа снабжал их рабами, – чем крестьянами, выращивающими урожай на Украине с помощью лошади и плуга¹⁰⁸.

3. Последствия

а) Последствия для управления использованием рабочей силы

Использование труда советских военнопленных и гражданских лиц осуществлялось очень медленно. Руководитель рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-хлетним планом министерства-директор Мансфельд в своём

первом отчёте Герингу 13 декабря сообщал, что он мог бы использовать 93 000 военнопленных. Из них 85 000 следовало «взять» в стационарных лагерях на территории рейха, а 8000 – доставить из рейхскомиссариата Остланд¹⁰⁹. Однако к концу января смогли использовать только 8400 пленных, к концу февраля – ещё дополнительно 12 287; кроме того 26 000 пленных были переведены в оборонную промышленность из сектора вермахта¹¹⁰. Из сообщения Мансфельда, разумеется, не видно, что из-за смертности, болезней и истощения *реальная* численность использованных советских пленных была существенно ниже приведённых им цифр¹¹¹.

Поскольку уже в начале декабря выяснилось, что голодная смерть и эпидемия сыпного тифа в лагерях оказывают очень сильные препятствия на пути использования труда пленных, если вообще не ставят на нём крест, немецкое руководство попыталось ускорить переводение пленных в промышленность. Во второй половине декабря вследствие больших потерь на Восточном фронте и особенно после провала немецкого наступления под Москвой призыв квалифицированных рабочих из оборонной промышленности, считавшихся до сих пор «незаменимыми», стал неизбежным. Кейтель подписал следующий приказ фюрера, в котором говорилось, что «направление советских военнопленных в оборонную промышленность и военную экономику»

для поддержания оборонной мощи и для эффективной производительности нашей военной экономики отныне следует считать первостепенной задачей¹¹².

Все учреждения должны были «сделать всё, чтобы повысить трудоспособность военнопленных и ускорить этот процесс». Предварительным условием этого является «в особенности достаточное питание и устранение опасности сыпного тифа»:

Все ответственные за это учреждения должны в полной мере сознавать свою ответственность и необходимость поставлять на родину как можно больше военнопленных. [...]

ОКВ получило задание вместе с рабочей группой по использованию рабочей силы определить новые приоритеты – «принимая во внимание [...] позиционное строительство на Востоке»¹¹³. Судя по буквальному тексту приказа, можно прийти к выводу, будто немецкое руководство решило, наконец, путём решительного улучшения судьбы советских пленных получить в их лице трудоспособную и готовую к работе рабочую силу. Однако энергичные формулировки не могут скрыть того факта, что и теперь никаких радикальных изменений не произошло: рационы остались неизменными, основополагающие идеологические приоритеты остались нетронутыми.

Правда, рабочая группа по использованию рабочей силы, издав инструкции по выполнению приказа фюрера, 2 недели спустя осуществила проверку всей системы использованию труда военнопленных; она тут же отказалась от использования их труда в сельском и лесном хозяйстве, горном деле, стратегически важных отраслях металлургической и сталелитейной промышленности, ограничившись по сути только мелиоративно-землеустроительными работами и строительством. Имевшихся в наличии пленных следовало «*немедленно*» использовать в оборонной промышленности, включая горное дело и имперские железные дороги, *только* при соблюдении определённых условий¹¹⁴.

Для утверждения новых приоритетов в использовании советских пленных в оборонной промышленности задействованным ведомствам понадобилось ещё 6 недель¹¹⁵. Важнее, чем система приоритетов¹¹⁶ было то, что теперь за рабочей группой по ис-

пользованию рабочей силы окончательно были закреплены «неограниченные полномочия по управлению всем процессом использования рабочей силы»¹¹⁷. Эти *формальные* полномочия, которые вскоре после этого вместе с самой группой по использованию рабочей силы перешли к новому ведомству в лице генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, не были в последующем оспорены даже новым министром вооружения Шпеером. Но фактически всем процессом использования рабочей силы с апреля 1942 г. всё в большей степени управляла новая коллегия «*Центрального Планирования*»¹¹⁸. Правящая верхушка «Центрального Планирования», а именно, министр вооружения Шпеер, генерал-инспектор авиации Мильх, статс-секретарь Геринга Кёрнер, а позднее также начальник управления планирования в ведомстве Шпеера Керл и начальник имперского объединения угля Плейгер занимались не только распределением рабочей силы, но и оказывали существенное давление на Заукеля, заставляя его добывать больше рабочих рук¹¹⁹.

б) Ответная реакция на «борьбу с противником»

К усилиям по увеличению объёма использования советских пленных относится также то обстоятельство, что рабочая группа по использованию рабочей силы стала теперь настаивать на сокращении ликвидации «нежелательных» пленных до «разумных» пределов; это показывает, насколько Германия была теперь заинтересована в жизни пленных.

5 декабря 1941 г. в общем управлении вермахта под председательством генерал-лейтенанта Рейнеке состоялось совещание, в котором наряду с представителями имперского министерства труда и имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий принял участие также начальник гестапо Мюллер. Рейнеке обратился к нему с просьбой

ввиду новой обстановки, во время акций «отбора», проводимых органами полиции безопасности, особое внимание обращать на квалифицированных рабочих редких специальностей.

Мюллер заявил, что

до сих пор отобрано всего лишь 22 000 русских военнопленных и около 16 000 из них ликвидировано¹²⁰. [...] Он понимает создавшееся положение и готов ещё раз дать указания своим органам, чтобы те в сомнительных случаях избавляли от отбора ценных специалистов ради использования их в производстве¹²¹.

Правда, «понимание» Мюллера было неискренним; то, что он дал или готов был дать соответствующие указания своим органам, было в высшей степени маловероятно. Хотя отдел по делам военнопленных 18 декабря ещё раз информировал рейхсфюрера СС о том, что «от фюрера должен прийти приказ об усилении использования труда советских военнопленных»¹²², Мюллер только 13 февраля 1942 г. изменил инструкции для айнзацкоманд. Отныне

[отбору подлежали] только действительно неблагонадёжные и совершенно нетерпимые элементы, которые представляли собой серьёзную угрозу при использовании их труда на стратегически важных предприятиях (красные комиссары, политруки, руководящий состав НКВД и КПСС и др.). Соблюдение справедливого баланса между охранительными мерами полиции безопасности и неотложной потребностью оборонной промышленности в рабочей силе должно было стать обязательным¹²³.

То, что речь при этом действительно шла о принципиальном изменении, становится ясно из необычайно обширного количества параграфов в приказе¹²⁴.

Проводившаяся в 1941 г. практика *превентивной* ликвидации *всех* пленных, которые возможно когда-нибудь могли стать опасными для национал-социалистской системы, в 1942 г. была существенно ограничена. Однако со всеми теми пленными, чьё поведение во время трудовой деятельности согласно применявшимся при этом довольно пространственным критериям вызывало подозрение в том, что они могут представлять собой расовую или политическую «опасность»¹²⁵, «боролись» тем более безжалостно.

в) Развитие процесса использования труда пленных до весны 1942 г.

Из описания развития предписаний об использовании рабочей силы советских пленных между началом ноября 1941 и мартом 1942 г. уже становится ясно, что несмотря на требование Геринга от 7 ноября ко всем задействованным ведомствам «содействовать самому широкому *использованию русской рабочей силы*»¹²⁶, на практике проявилась удивительная инерция, которая ещё раз показала огромную пропасть между идеями национал-социализма и действительностью в национал-социалистском государстве. В особенности в первые недели после решения, где-то до середины января 1942 г., даже в предусмотренных национал-социалистским руководством рамках ничего не было сделано для того, чтобы ограничить массовую смертность и организовать быстрое использование пленных на работах; причинами этого были широко распространённое идеологически мотивированное сопротивление и бюрократическая неповоротливость¹²⁷. К концу января 1942 г. в немецкой военной экономике было занято 147 736 советских пленных; почти половина из них (69 518 чел. = 47%) использовалась в строительстве и на железной дороге, ещё 31 460 (21,3%) – в сельском хозяйстве; в металлургической и сталелитейной промышленности (5284 чел. = 3,58%), а также в горном деле (3140 чел. = 2,1%), напротив, была занята сравнительно небольшая часть пленных¹²⁸. Сначала эти показатели росли очень медленно: от 153 764 чел. в конце февраля (+ 4%) до 166 881 чел. в конце марта (+ 8,6%)¹²⁹. Только в апреле с увеличением на 30 508 человек (= 18,3%) начался резкий рост, который продолжался до конца октября 1942 г., когда в военной экономике работало уже 487 535 советских пленных¹³⁰. Главную роль в усилении этого роста с одной стороны сыграло то обстоятельство, что теперь все задействованные ведомства знали, что использование пленных неизбежно и не хотели окончательно поставить под сомнение победу Германии. Так что возражений по этому поводу становилось всё меньше. С другой стороны, в наличии теперь имелось гораздо больше пленных: состояние здоровья тех пленных, которые пережили зиму, улучшилось, а с конца мая в зоне ответственности ОКВ стали поступать новые пленные из боёв в Крыму и под Харьковом¹³¹.

Другим фактором, который сделал возможным этот быстрый рост, стало изменение позиции немецких промышленников. В зимние месяцы 1941/42 гг. среди них наступило прозрение; в отличие от осени 1941 г. советские пленные теперь казались желанной рабочей силой; считалось, что благодаря достаточному питанию они сохраняют свою трудоспособность. Как уже говорилось, промышленники поначалу также относились к использованию труда пленных с большим недоверием.

Из-за сравнительно малочисленных поначалу случаев использования пленных, по-видимому, только на рубеже 1941/42 гг. стали поступать исчерпывающие сведения о его результатах¹³². 20 января подгруппа танкостроения отправила в VI особую комиссию (по танкам)¹³³ циркулярное письмо с докладом одного из членов этой комиссии о посещении автомобильного завода в Фаллерслебене¹³⁴. Там уже было занято несколько сотен военнопленных советских квалифицированных рабочих и руководство завода было довольно их работой:

В Фаллерслебене доказано, что русские военнопленные также могут использоваться в производстве, а при правильном использовании и справедливом обращении даже приносить определённую прибыль¹³⁵.

Другие фирмы также оказались поражены способностями пленных. На заводах Германа Геринга в Ватенштедте, где было занято 1850 пленных, последние якобы «вопреки ожиданиям [...] проявили большую аккуратность в обращении с доверенными им машинами». Их темп работы отчасти превосходил темп не только других иностранных, но и немецких рабочих¹³⁶. Даже председатель особой комиссии по тракторам Динкелакер во время своих визитов по различным фирмам констатировал, «что русские – хорошие работники, если они получают достаточное питание»¹³⁷. Когда 16 февраля 1942 г. председатель правления «Гарпенер Бергбау АГ», генеральный директор Эрнст Бускюль в письме к руководителю концерна Фридриху Флику настоятельно рекомендовал ему не использовать советских пленных, ибо это, мол, «*по меньшей мере безответственно для горного дела*»¹³⁸, то генеральный уполномоченный Флика Бернгард Вейс указал ему на то, что на другом предприятии концерна, а именно, на заводах Линке-Гофман в Бреслау с их помощью добились «наилучших результатов»¹³⁹. Пленных, которые прибыли «в совершенно изнурённом и истощённом состоянии», сначала целую неделю «до некоторой степени выхаживали», применяя постельный режим; пленные, которые «в целом произвели довольно хорошее впечатление, разумеется подвергались справедливому обращению с надлежащей строгостью». «Особенно действенным» оказалось то обстоятельство, что пленные, прилагавшие особое старание, на ужин получали двойную порцию¹⁴⁰. Вейс пришёл к выводу, что

с русскими военнопленными гораздо проще добиться нужной производительности труда, чем с итальянскими, испанскими или иными гражданскими рабочими, с которыми к тому же следует бережно обращаться.

Это была позиция так называемых «просвещённых» технократов¹⁴¹, которые свободно от идеологически застывших установок ясно видели долгосрочные возможности, которые использование советских пленных предлагало для борьбы за промышленное первенство на период после окончательной победы, и которые решительно выступали за использование этих возможностей¹⁴². Они полностью отказались от близорукой эксплуатации по принципу износа, с самого начала проводившейся прежде всего в некоторых учреждениях горной промышленности, и большинством голосов заглушили голос генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Фрица Заукеля, который в программной речи 26 апреля 1942 г. заявил, что использование пленных и гражданских советско-русских лиц следует поставить под сомнение, что, мол,

Использование труда советских военнопленных

Отрасль экономики	конец января 1942	конец февраля 1942	конец марта 1942	конец апреля 1942	конец мая 1942	конец июня 1942	конец июля 1942	конец августа 1942	конец сентября 1942
1. Сельское хозяйство	31460	39374	45566	68935	86838	98491	107100	116431	135486
2. Лесное хозяйство	3967	4222	4027	4136	4942	4896	5954	6391	6293
3. Горная промышленность	3140	3889	4050	4103	5294	7399	19485	38976	61896
	(9,67%)	(11,65%)	(11,63%)	(12,10%)	(15,36%)	(2023%)	(37,47%)	(57,98%)	(69,48%)
7./8. Производство строительных материалов	7-10								
9. Производство керамики	11363	11720	11639	11420	12882	13848	14947	17301	19265
10. Стекольная промышленность									
11./12. Выплавка чугуна и металлов									
13./16. Metallургическая и сталелитейная промышленность									
17. а) машиностроение, котлостроение и приборостроение	11-19								
б) стале- и металлоконструкции	5284	12091	25147	35824	49603	60330	72359	86711	101041
в) кораблестроение									
г) транспортное машиностроение									
д) самолётостроение									
18. Электротехника									
19. Точная механика и оптика									
20. Химическая промышленность	476	714	1136	1726	3233	3801	4973	4832	5385
21. Текстильное производство									
22. Производство и переработка бумаги									
26./28. Кустарные промыслы	3200	3366	3399	4113	5718	6363	7464	99196	10179
30./35. Пищевая и вкусовая пром-сть									
36./38. Производство одежды	194	264	356	299	330	423	576	764	910
39. Строительная промышленность	39, 40, 45	31917	27453	24856	26125	26839	27466	30197	32152
40. Обеспечение водой, газом и электричеством	69518								
45. Имперские автомобильные и железные дороги		20617	18664	18483	19985	23806	25042	25839	27873
41./43. Торговля	41/43,46/47	2444	2438	2667	4628	5102	8221	13159	23128
46./47. Остальной транспорт	1917								
49, 50, 52. Администрация, образование, правовое и хозяйственное обучение	49, 50, 52, 51 и пр.								
51. Вермахт, имперская служба труда	17227	27056	22986	20817	22568	22318	24055	25654	31486
Прочие отрасли экономики									
Итого	147736	153674	166881	197389	242146	273616	317642	375451	455054
% от общего количества военнопленных всех вражеских государств	10,75	11,22	12,0	13,96	16,65	18,56	21,07	24,12	27,93

В НЕМЕЦКОЙ ВОЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ

конец октября 1942	конец января 1943	15.03. 1943	15.04. 1943	15.05. 1943	15.06. 1943	15.07. 1943	15.08. 1943	15.11. 1943	15.02. 1944	15.05. 1944	15.08. 1944
132615 6699 63210 (70,39%)	92836 13225 90759 (74,61%)	101461 11966 94030 (75,31%) 15843	110606 10761 96879 (76,20%) 16260	115987 12027 93379 (75,04%) 16071	121806 9412 93964 (74,30%) 16291	123760 8680 98391 (75,98%) 16206	121346 8176 100633 (76,77%) 16193	119313 16186 154536 (74,13%) 17057	116158 16063 165512 (70,37%) 17253	132625 10544 168456 (69,61%) 16615	138416 10515 159898 18366
20015	21737	4284 883	4173 976	4131 1073	4063 1109	4273 1124	4022 1139	4362 1162	4542 1325	4306 1351	4062 1361
		26274	26365	25668	25205	25843	25397	30121	35988	35628	36051
		29792	27590	26574	26410	25575	25757	26333	29196	30526	31615
11-19											a) 36806
110789	126135	63234	60597	59862	58100	57835	55554	55219	59506	60878	b) 2540
17 (а-д)											b) 5397
123767 119180 117449 114077 113700 111074 116426 128975 133025											c) 10102
3204 3452 3967 3250 3241 3178 3565 3165 4823											d) 8194
1263 1176 1378 1112 1206 1188 1188 1190 1170											4949
6445	8795	10391	11056	10679	10575	10541	10173	10070	10750	8369	1979
1762 1639 1674 1510 1687 1481 1669 1948 1983											2085
3214 3196 3026 3579 3530 3314 3169 3021 3270											3231
11308	12972	13092	13000	13071	11506	12992	12437	12092	12889	13165	12895
6444 5724 4920 4922 5109 5109 4917 8506 5615 5187											5524
1044	1470	1602	2046	1823	1338	1548	1653	1671	2015	2200	2474
32577	30268	36535	34634	36180	33980	33233	30734	26748	31640	31896	32299
1366 1600 1852 1780 1838 1891 2232 1755 1490											1337
28674	28229	23164	22248	21789	20976	21683	20579	21606	21840	23802	25827
27605	30370	6253	5545	5752	5602	5863	5001	5157	5661	5326	5229
20391 19431 20146 19899 21560 21147 21212 20711 21520											21474
2519 2420 2323 2099 1872 1868 2064 1990 2429											3016
46562	36955	14246	14576	15298	14520	16544	16512	17989	22936	28816	35839
1815 1801 1838 1961 1841 1816 1464 1680 2153											2101
487535	493761	495038	497751	500487	494969	505975	496106	564692	594279	618528	631559
29,42	30,43	30,74	31,09	31,27	31,60	33,11	33,93	30,43 ^{a)}	31,25	32,26	32,72

Источник: Der Arbeitseinsatz im (Groß)-Deutschen Reich, 1942-1944.

даже машина может произвести только то, что я ей предоставил в виде горючего, смазочного масла и ухода. И насколько больше предварительных условий я должен принять во внимание в отношении человека, особенно если он принадлежит к более примитивному народу и расе¹⁴³.

Условия, которые были предписаны немецким руководством относительно использования труда советских пленных шли навстречу пожеланиям этих технократов. С полным основанием Вейс подчёркивал, что в отличие от испанских и итальянских рабочих, которые находились в Германии на добровольной основе и с которыми по политическим причинам вынуждены были обращаться очень бережно, с советскими пленными можно было обращаться «как угодно плохо». Советских пленных, а также гражданских рабочих можно было заставить работать какими угодно суровыми средствами. При недостаточной производительности труда пищевые рационы могли быть сокращены или вообще не выданы, что при общей ситуации с питанием пленных было очень действенным принудительным средством. Обращённые в позитив, они с предложением умеренного питания могли существенно поднять производительность труда. Эти средства, уже использованные в 1940 г. в отношении польских гражданских рабочих, вскоре стали систематически применяться. С лета 1942 г. различные стороны настаивали на введении «продуктивного питания», с помощью которого рассчитывали добиться повышения производительности труда¹⁴⁴. У пленных не было возможности выступить против этой практики, ибо каждый пленный, который восставал против этого, подвергался опасности тут же угодить в концентрационный лагерь¹⁴⁵.

Согласно цели немецкого руководства финансировать войну за счёт беспощадной эксплуатации покорённых народов, государство оставляло за собой большую часть дохода от работы советско-русских пленных. Однако и для частных предпринимателей эти условия оставались достаточно выгодными.

Сначала в сентябре 1941 г. было предписано, чтобы предприниматели выплачивали им такую же зарплату, как и польским пленным¹⁴⁶. Для сельского и лесного хозяйства это означало чистую прибыль, так как промышленные отрасли должны были отчислять лагерям военнопленных одинаковые суммы за *всех* пленных¹⁴⁷. Из этих платежей, – в промышленных отраслях – 60%, при сдельной оплате – 80% зарплаты, которую немец получал за ту же работу, плюс 10-процентный «паушальный сбор» в качестве компенсации за социальные выплаты, которые удерживал предприниматель, – советские пленные поначалу не получали ничего. Ежедневно 0,05 марки отчислялись в средства лагеря¹⁴⁸. Кроме того, из «зарплаты» оплачивались помещение и питание, а остаток поступал в доход государства.

После объявления всеобщей трудовой повинности была велено осуществлять «выплату небольшой заработной платы» – 20 пфеннигов за рабочий день – из денег, которые предприниматель перечислял лагерю¹⁴⁹.

Хотя порядок оплаты советских пленных на первый взгляд не давал предпринимателям преимуществ по сравнению с оплатой других пленных, возможности по извлечению прибыли тем не менее оставались. 60-процентная доля почасовой оплаты определялась исходя из того, что военнопленные выполняли 60% выработки среднего немецкого рабочего. Если же пленные производили больше, а для советских пленных это было правилом, если их кормили более менее сносно¹⁵⁰, то

для предпринимателя это означало прямую прибыль. К тому же в первые месяцы, когда истощённые пленные едва могли работать, отчисления с предпринимателей были резко сокращены¹⁵¹. Использование сдельной оплаты труда было принципиально выгодно, ибо при 88-процентной зарплате предприниматель получал 100-процентную выработку. Наиболее ловкие предприниматели умели использовать и другие возможности получения прибыли¹⁵². Так, угольная промышленность при энергичном покровительстве Плейгера добилась в 1943 г. чрезвычайно большого снижения расходов за работу советских пленных¹⁵³.

Ортодоксальная марксистско-ленинская наука, прежде всего в ГДР, даже в существенно более требовательных и эмпирически обоснованных работах последних лет упорствовала в основных принципах теории агентов: Немецкие промышленные «монополии» якобы по объективным экономическим причинам испытывали «формальную нехватку живой и сверхурочной работы», а потому «решили» организовать массовое привлечение на территорию рейха самой дешёвой рабочей силы. Они заставили зависимое от них политическое руководство «установить систему крайнего рабства...» и использовали её в своих интересах. Однако сам процесс принятия решения об использовании рабочей силы показывает, что не может быть и речи о

существовании достаточно конкретных доказательств этой явно преступной позиции ведущих немецких монополий, доказательств их инициативы и ведущей роли в массовом привлечении пленных на всех этапах войны¹⁵⁴.

Приведенные выше доказательства не оставляют ни капли сомнения в том, что по меньшей мере значительная часть немецкой тяжёлой промышленности отдала бы предпочтение возвращению призванных немецких рабочих, как существенно менее рискованному решению. Работа советских рабочих отнюдь не обещала «сверхдоходов в колониальном смысле»¹⁵⁵, – государство само хотело получать эти доходы. Это утверждение, однако, вовсе не означает, что мы разделяем ошибочное мнение, будто немецкая экономика не имела никакой заинтересованности в эксплуатации рабочей силы этих военнопленных и работавших по принуждению рабочих с Востока и будто бы примирилась с этим только под давлением национал-социалистского руководства¹⁵⁶. Утверждение, что большая часть немецкой промышленности поначалу с неудовольствием отнеслась к использованию этой рабочей силы, – то ли по деловым, то ли по идеологическим причинам, – не исключает ни того, что отдельные «идеологически» инертные технократы уже очень рано стали бороться за возможность эксплуатации этих пленных, ни того, что немецкие предприниматели уже после принятия решения по мере сил воспользовались этой возможностью¹⁵⁷.

Здесь следует также констатировать тот «примат политики», который Тим Мэсон убедительно противопоставил постулированному историками ГДР «примату промышленности»¹⁵⁸. Это не означает полного снятия вины с немецкой экономики при национал-социализме, ибо она «варварски, – как того требовал здравый смысл, в том числе в отношении советских пленных, – использовала предоставленные ей возможности»¹⁵⁹, искала и воспользовалась данным ей шансом, даже если её требования и решения и не были *первичны* в ответственности за судьбу советских пленных.

IX. СОВЕТСКИЕ ВОЕННОПЛЕННЫЕ В ЛАГЕРЯХ СС

Существование «трудовых лагерей для военнопленных», принадлежащих войскам СС, до сих пор привлекало к себе сравнительно мало внимания. Состояние источников, освещающих это явление, оставляет желать лучшего, но всё же позволяет описать важнейшие черты этого процесса.

Как уже говорилось, ещё 1 марта 1941 г. Гиммлер отдал приказ коменданту концлагеря в Освенциме штурмбанфюреру СС Рудольфу Хёссу построить «лагерь для военнопленных» на 100 000 человек, – речь при этом могла идти только о советских пленных¹. Этот проект находился в теснейшей связи с планированием поблизости от концлагеря крупного промышленного комплекса по производству синтетического каучука и синтетического горючего, к строительству которого концерн «ИГ Фарбен АГ» приступил на рубеже 1940–1941 г. Поскольку возникновение этого промышленного комплекса, который должен был стать «краеугольным камнем здоровой немецкой нации на Востоке»², даёт важные разъяснения относительно перспектив на будущее, существовавших в начале 1941 г. в важнейших отраслях немецкой промышленности, и относительно планов в отношении советских пленных, на нём следует кратко остановиться³.

В ноябре 1940 г. на совещании между представителями «ИГ Фарбен АГ» и имперского правительства было решено, что для увеличения годового производства синтетического каучука до 150 000 тонн нужно построить ещё два таких же завода⁴ по производству каучука, как завод III в Людвигсхафене и завод IV в Верхней Силезии. Дальнейшее планирование осуществлялось очень быстро. В начале декабря 1940 г. проектировщики «ИГ Фарбен АГ» обратили внимание на участок земли площадью в 5 кв. км возле Освенцима, который наряду с близостью к необходимому основному сырью, – углю и извести, – отличался ещё и тем, что после запланированного выселения поляков и евреев из Освенцима и окрестностей должна была освободиться жилая площадь для необходимой рабочей силы⁵. Немного позже стало ясно, что евреи и поляки, несмотря на «выселение», могут пригодиться в качестве рабочей силы, и что из концлагеря Освенцим, – в котором в это время находилось целых 8000 заключённых!⁶ – вероятно, также можно будет получить рабочих⁷. Вместе с близостью к углю это уже в конце января 1941 г. сыграло решающую роль для принятия решения в пользу Освенцима, хотя президент правительства Нижней Силезии выступал за иной вариант, – в пользу Ратвица возле Бреслау, – обещая в этом случае значительную помощь и льготы⁸. Так как «выселение» поляков и евреев по планам Гиммлера в отношении восточных поселенцев весной 1942 г. привело бы к нехватке рабочей силы, концерну «ИГ Фарбен АГ» вскоре пришлось «вступить с

рейхсфюрером СС в переговоры, чтобы обсудить необходимые меры»⁹. Соответствующие распоряжения были отданы очень быстро. Уже 18 февраля 1941 г. Геринг, как уполномоченный по выполнению 4-хлетнего плана, поручил Гиммлеру принять меры по обеспечению рабочей силой строительства завода по производству каучука в Освенциме, которое должно было начаться в апреле 1941 г. Евреев из Освенцима и окрестностей следовало «удалить», чтобы освободить жильё для строительных рабочих; работоспособные поляки должны были получить «разрешение на пребывание» до конца строительных работ, а из концлагеря Освенцим¹⁰ следовало брать «максимально возможное количество обученных и необученных строительных рабочих». Это было сделано по требованию¹¹ Карла Крауха, который после своего назначения генеральным уполномоченным по специальным вопросам химического производства (Гебехем) в управлении 4-хлетнего плана продолжал оставаться членом правления и председателем наблюдательного совета «ИГ Фарбен АГ»¹². 26 февраля Гиммлер по распоряжению Геринга и *по предложению Крауха* отдал приказ о выселении евреев из Освенцима. Инспектору концентрационных лагерей бригаденфюреру СС Рихарду Глюксу и начальнику главных управлений СС «бюджет и строительство» и «администрация и экономика» группенфюреру СС Освальду Полю, было поручено немедленно связаться с руководителем строительства «ИГ Фарбен АГ» в Освенциме и оказывать ему любую возможную помощь путём поставки заключённых из концентрационных лагерей. Начальник личного штаба рейхсфюрера СС, группенфюрер СС Карл Вольф, был назначен офицером связи Гиммлера по «проекту Освенцим» и получил полномочия¹³, – одно из многочисленных указаний на то, насколько важно это было для Гиммлера, – вступить в деловые отношения с «ИГ Фарбен АГ».

Вслед за тем 1 марта в Освенцим прибыл сам Гиммлер. Среди сопровождавших его лиц наряду с гауляйтером Верхней Силезии Брахтом и инспектором полиции и СС обер-группенфюрером СС Шмаузером, находились также инспектор концентрационных лагерей Глюкс и «руководящие лица концерна «ИГ Фарбен Индустри»¹⁴. Во время совещания Хёсс получил от Гиммлера задание построить лагерь на 100 000 военнопленных:

Для «ИГ» следует подготовить 10 000 заключённых в зависимости от потребности и для ускорения строительных работ. Концлагерь Освенцим следует расширить до 30 000 заключённых в мирное время [то есть на будущее]. Я собираюсь перевести сюда важнейшие отрасли оборонной промышленности.

На целях, которые преследовал при этом Гиммлер, следует остановиться более подробно. Следующий шаг сотрудничества Гиммлера с «ИГ Фарбен АГ» состоял в уточнении и заключении договора в два этапа. 20 марта в Берлине член правления «ИГ Фарбен АГ» доктор Генрих Бютефиш провёл переговоры с уполномоченным Гиммлера Вольфом, инспектором концентрационных лагерей Глюксом и начальником I управления по бюджету в возглавляемом Полем главным управлением СС «бюджет и строительство» обер-фюрером СС Георгом Лёрнером о «деталях [...] помощи, которую концлагерь может на себя взять при строительстве завода»¹⁵. При этом отнюдь не случайным был тот факт, что концерн «ИГ Фарбен АГ» представлял некомпетентный в этом деле Бютефиш, так как он был представителем «ИГ Фарбен АГ» в промышленных кругах, дружественных Гиммлеру и благодаря этому был знаком с Вольфом и Полем¹⁶.

Договорились быстро; предупредительность СС вновь показывает, какое значение придавал Гиммлер установлению этой связи. Вольф обещал, что из концлагеря не только будут мобилизованы все имеющиеся в его распоряжении заключённые, но и что главное управление личного штаба рейхсфюрера СС использует всё своё влияние, чтобы с помощью обмена между концлагерями в Освенцим было доставлено достаточное количество квалифицированных рабочих [!]. Кроме того, строительная площадка должна была охраняться часовыми концлагеря, а в самом лагере будут по мере возможности построены мастерские для потребностей «ИГ Фарбен АГ»¹⁷.

Неделю спустя в Освенциме состоялись переговоры руководителя проекта, доктора Вальтера Дюрфельда и руководителя строительства, главного инженера Фауста с Хёссом, представителями Глюкса и Поля и ответственным за использование труда заключённых Бурбёком¹⁸. На этих переговорах, которые «проходили в чрезвычайно деловой, но тем не менее тёплой атмосфере», «ИГ Фарбен АГ» потребовал 1000 подсобных рабочих на 1941 г. и 3000 – на 1942 г. Хёсс дал согласие на первое и второе, заявив, что в случае надобности в их распоряжение будет предоставлена и дополнительная рабочая сила¹⁹. 7 апреля 1941 г. в Катовице состоялось учредительное собрание акционеров. Ожидания концерна «ИГ Фарбен АГ» на будущее после благоприятного результата переговоров с СС возросли: вместо 25 000 тонн синтетического каучука в год, как было предусмотрено ещё в феврале, теперь намеревались произвести 30 000 тонн. Кроме того, по поручению имперского управления по вопросам хозяйственного строительства, которое также подчинялось Крауху, на участке следовало как можно скорее построить гидролизный завод с годовой производительностью 75 000 тонн²⁰. Ввиду готовности Гиммлера к сотрудничеству отнюдь не вызывает удивления тот факт, что 12 апреля Амброс писал в центральное правление «ИГ Фарбен АГ» во Франкфурте, что «новая дружба» «ИГ Фарбен АГ» с СС оказывается «очень плодотворной»²¹.

Описанный здесь процесс был в равной степени важен как для развития системы концентрационных лагерей, так и для общих тенденций развития отдельных отраслей немецкой промышленности. Во взаимодействии с крупной промышленностью Гиммлер видел возможность придать экономическим предприятиям СС новое качество, перевести их из стадии мануфактуры на самый современный промышленный уровень, причём действующая модель промышленных предприятий должна была возникнуть в завоёванных восточных областях: предприятия, на которых под руководством немецких специалистов по новейшим технологиям будет трудиться армия рабочих-рабов, – склонный к анахронизму проект будущего²². Сотрудничество с крупными промышленными предприятиями должно было позволить Гиммлеру при этом получить доступ к современному управлению и технологиям и к созданию армии квалифицированных рабочих-заключённых, что со временем позволило бы ему освободиться от зависимости со стороны промышленников. До этого момента времени союз обещал, однако, гораздо больше служить интересам промышленников, которые тем самым на долгое время рассчитывали остаться, по крайней мере, равноправными партнёрами²³.

Эти планы по принципиальному изменению экономической функции концентрационных лагерей, которые, насколько известно, возникли в короткий срок

на рубеже 1940/1941 гг. и находились, вероятно, в самой тесной связи с проектом «ИГ Фарбен АГ», означали в то же время принципиальное изменение самих концлагерей. Только теперь возникли те гигантские комплексы, в которых насчитывались уже не тысячи, а десятки и сотни тысяч заключённых. Расширение лагеря Освенцим с 8000 до более чем 100 000 узников в течение года должно было послужить этому началом.

В расчётах Гиммлера Освенцим ни коим образом не должен был стать лишь поставщиком рабов для «ИГ Фарбен АГ»; скорее Освенциму предстояло уже в ближайшем будущем стать «мощным центром оборонной промышленности, использующим в качестве рабочей силы заключённых»²⁴. Однако планы Гиммлера не ограничивались только промышленной эксплуатацией казавшегося неисчерпаемым резервуара рабочих-рабов, они были обусловлены также специфическими взглядами партийной верхушки. Из 130 000 заключённых, которые по планам Гиммлера должны были быть собраны в Освенциме в 1942 г., на долю завода по производству каучука в соответствии с планами марта 1941 г. приходилось не более 10%. Одной из центральных задач концлагеря в Освенциме было стать «сельскохозяйственной опытной станцией для Востока»²⁵. Ещё одна часть заключённых должна была производить необходимые для расширения лагеря и для «ИГ Фарбен АГ» материалы – кирпичи и щебень. Однако его задачи не ограничивались только этой целью; более того, принадлежащий СС концерн «Немецкие карьеры и каменоломни», основанный главным образом на труде заключённых, был наилучшим образом оборудован для безумных послевоенных строительных проектов СС²⁶.

Для развития промышленной составляющей его вождественной цели – экономической империи – сотрудничество с «ИГ Фарбен АГ» было чрезвычайно важным. Какое значение при этом должно было иметь использование советских пленных, по имеющимся источникам установить невозможно. Но когда Гиммлер хотел предоставить в распоряжение «ИГ Фарбен АГ» 10 000 заключённых, а концлагерь Освенцим предстояло расширить «в мирное время» всего до 30 000 заключённых, то он при этом, должно быть, думал уже о 100 000 военнопленных.

Действительно ли советские пленные использовались осенью 1941 г. на строительной площадке концерна «ИГ Фарбен АГ» – точно сказать нельзя²⁷. Неясно также, получил ли Гиммлер уже весной 1941 года твёрдое обещание ОКВ предоставить ему его контингент военнопленных. Ответственные в ОКВ лица – Кейтель и Рейнеке – постоянно заявляли после войны, что ничего не знали об этом контингенте Гиммлера. Рейнеке уверял, что не мог передать пленных СС, поскольку лагеря в зоне ответственности ОКВ подчинялись командующему армией резерва. Возможно, Гиммлер получил этих пленных от генерал-квартирмейстера²⁸. Однако соответствующие распоряжения могли отдавать лишь Кейтель и Рейнеке²⁹, и они это делали. 25 сентября 1941 года отдел по делам военнопленных в ОКВ распорядился, чтобы до 100 000 [советских] военнопленных было передано рейхсфюреру СС и начальнику немецкой полиции в районе Люблина по мере поступления от ОКВ особых указаний³⁰.

На основании этого распоряжения в октябре 1941 года в Освенцим³¹ было доставлено около 10 000 советских пленных. Уже в середине сентября часть концлагеря была огорожена колючей проволокой и по ней пущен сильный ток, – указание на

то, каким опасным элементом считались военнопленные даже в лагере, уже отрезанном от внешнего мира. Первые 2014 пленных прибыли 7 октября³². Они должны были построить «лагерь для военнопленных в Биркенау», для которого с момента мартовского приказа Гиммлера³³, по-видимому, ещё ничего не было сделано. Пленные, якобы «лучшие из тех, что были в Ламсдорфе [318-й стационарный лагерь]», были совершенно измучены и истощены голодом³⁴ после недельных маршей с линии фронта. К 25 октября в лагере находилось около 10 000 пленных. В ноябре в лагерь прибыла команда СД, которая рассортировала пленных по четырём категориям: «фанатичные коммунисты», «политически нежелательные», «политически внушающие доверие» и «пригодные для перевоспитания». В первые две категории попало около 1000 пленных, которые в течение короткого времени были расстреляны или брошены в газовые камеры³⁵. Остальные пленные в жесточайших условиях использовались на работах по строительству лагеря в Биркенау. Те из них, которые выжили несмотря на болезни и голод, в последующем были замучены охраной и надзирателями из числа немецких преступников, которых набрали в концлагере Заксенхаузен³⁶. До конца февраля 1942 г. умерло 8320 пленных, причём только в ноябре 1941 г. – 3726 человек³⁷. В августе 1942 г. было зарегистрировано ещё 163 смертных случая, а при последней лагерной переключке 17 января 1945 г. – ещё 96³⁸. «Трудовой лагерь для военнопленных» Освенцим-Биркенау, построенный летом 1942 г., должен был теперь служить другой цели – стать крупнейшим лагерем по уничтожению людей в оккупированной Польше.

Освенцим не был единственным концлагерем, в который осенью 1941 г. привозили советских военнопленных. В большинстве других концлагерей также были огорожены забором «трудовые лагеря для военнопленных»; осенью 1941 г. туда завезли несколько тысяч советских пленных³⁹. Как и пленные в лагерях вермахта, они находились в жалком состоянии, а ужасные условия в концентрационных лагерях в сочетании со зверским обращением быстро приводили эти «трудовые лагеря СС для военнопленных» к вымиранию⁴⁰.

Кроме этих, включённых в состав концлагеря лагерей, существовало ещё два лагеря, которые призваны были служить исключительно или по крайней мере в первую очередь для размещения и эксплуатации советских военнопленных. Вблизи Люблина в генерал-губернаторстве в сентябре 1941 г. появился «лагерь СС для военнопленных в Люблине». Там пленные также истреблялись очень быстро: из 5000 человек, которых доставили ранней весной, в конце ноября в живых оставалось всего 1500, а в июне 1942 г. – лишь несколько сотен, которые все были убиты при попытке к бегству⁴¹. Хотя лагерь в дальнейшем назывался «трудовой лагерь для военнопленных», у него уже весной 1942 г. были все признаки «обычного» концентрационного лагеря⁴². Тем не менее, от «больших» перспектив на будущее отказались не столь быстро: уже 19 марта 1942 г. генерал-губернатор Франк был информирован о планах «создания лагеря [СС] для военнопленных в Люблине на 150 000 [!] военнопленных»⁴³. В концлагере Штутгоф под Данцигом, который только в декабре 1941 г. был преобразован в концлагерь, в начале декабря 1941 г. по плану также следовало разместить 25 000 советских пленных. Здесь заметно поэтапное изменение планов: по приказу Гиммлера с начала января 1942 г. здесь следовало разместить 25 000 заключённых – *включая военнопленных*⁴⁴. То, что затем

в 1942 г. советские военнопленные прибывали в этот лагерь в большом количестве – маловероятно.

В прифронтовой зоне сухопутных войск также существовало несколько лагерей СС для военнопленных. В то время как обычно лагерь в зоне ответственности ОКХ – армейские пункты сбора пленных и пересыльные лагеря – управлялись специально для этого сформированными и обученными подразделениями, четыре лагеря для военнопленных в тыловом районе группы армий «Центр» в районе Кототопа в период с октября по декабрь 1941 года были подчинены 1-й (мот.) пехотной бригаде СС и «обслуживались» исключительно подразделениями этой бригады. Во всех этих лагерях господствовало мнение, «что было бы очень хорошо, если бы пленные исчезли – были расстреляны или умерли сами»⁴⁵.

Наряду с этой общей тенденцией в концлагерях источники позволяют узнать также некоторые подробности о порядке передачи пленных, осуществляемой ОКВ, и об организации использования труда пленных, проводимой инспекцией концлагерей.

4 октября 1941 года отдел по делам военнопленных в ОКВ издал директивы о порядке «перемещения 25 000 советских военнопленных для использования их на работах на предприятиях СС на территории рейха». Согласно этим директивам разрешалось передавать лишь таких пленных, которые уже были внесены в картотеку в стационарных лагерях. Пленные, хотя и подчинялись «во всех отношениях» СС, и в последующем должны были оставаться «на учёте в *картотеке*» справочного бюро вермахта. СС взяли на себя обязанность сообщать в справочное бюро о передаче, изменениях и тому подобном в используемых вермахтом карточках⁴⁶. Обязанность информирования следует расценивать как попытку начальника отдела по делам военнопленных, подполковника Брейера, добиться от СС более-менее «нормального» обращения с пленными.

Соответствующие приказы инспекции концлагерей показывают, что поначалу там действовали осторожно. 23 октября вышло предписание сообщать в требуемых со стороны справочного бюро вермахта донесениях «пока только» о пленных, уже учтённых справочным бюро; по поводу других пленных в «надлежащее время» будут якобы оглашены особые распоряжения⁴⁷. О том же намерении свидетельствует ещё один приказ от 29 октября, в котором при неестественных случаях смерти советских пленных кроме предписанного извещения о смерти требовался также краткий отчёт *офицера-юриста*. Но и этот отчёт «пока» не следовало подавать в справочное бюро⁴⁸. Правда, не заметно, чтобы справочное бюро вермахта или отдел по делам военнопленных в ОКВ использовали эту возможность.

Кажется, что, несмотря на прежние поручения Гиммлера, инспекция концентрационных лагерей и сами концлагеря осенью 1941 г. ни коим образом не были готовы к использованию советских пленных. Хотя самое позднее в начале октября в концлагеря прибыли десятки тысяч пленных, организационные вопросы по их трудовому использованию были разрешены только в ноябре, когда количество пленных вследствие убийств, голода и эпидемий уже сильно сократилось. 10/11 ноября 1941 г. Глюкс на съезде комендантов лагерей и ответственных за лагерь военнопленных «начальников лагерей превентивного заключения Е» дал устные указания, а 29 ноября в приказе «уполномоченного по использованию рабочей

силы [заключённых]» значилось, что «вероятно, уже пришло то время, когда русских военнопленных можно привлекать к работам»⁴⁹.

Главное управление имперской безопасности, по-видимому, также поначалу с недоверием относилось к этому использованию труда в концлагерях. Особенно были озабочены тем, что отобранные «нежелательные» пленные могли таким образом стать ещё опаснее. Поэтому начальник гестапо Мюллер 11 октября 1941 г. проинструктировал органы гестапо по телеграфу «во избежание ошибок» позаботиться о том, чтобы о «транспортах с приговорёнными к казни пленными» своевременно оповещали и чтобы

из транспортных сопроводительных документов было ясно, что в данном транспорте речь идёт о советских военнопленных, о казни которых имеется распоряжение начальника полиции безопасности и СД⁵⁰.

Напротив, предположительно Глюкс добился от Гиммлера согласия на то, чтобы казнь тех русских военнопленных (в особенности комиссаров), переданных для уничтожения в концлагерь, которых по причине физической пригодности можно использовать на работах в каменоломнях, была отложена⁵¹.

Использование в каменоломнях означало в данном случае один из самых жестоких способов «уничтожения трудом». То, что это должно было применяться именно в отношении пленных, которых национал-социалисты считали воплощением «большевистских бестий», говорит о том, что здесь совершенно осознанно стремились к зверской «мести»⁵².

В стремлении Гиммлера к эксплуатации рабочей силы советских пленных с самого начала содержалась скрытый план «уничтожения трудом». Сохранять пленных в качестве ценной рабочей силы противоречило логике системы концлагерей. В парадоксальном стремлении, с одной стороны, сделать концлагеря продуктивными экономическими предприятиями, а с другой – проводить в них устранение расово и политически нежелательных групп⁵³, слишком большую роль играло желание в лице советских пленных уничтожить «большевистского мирового врага» в его основе. Коменданты концлагерей, наподобие Хёсса, который верил в то, «что никакую работу невозможно выполнить без палки»⁵⁴, вероятно, благодаря противоречивым приказам Гиммлера и Глюкса ещё больше укрепились во мнении, что «резерв» пленных неисчерпаем, и не ограничивается несколькими тысячами⁵⁵. Уже в середине декабря 1941 г., когда немецкому руководству уже было ясно, что массовая смертность вообще может поставить под сомнение длительное использование труда военнопленных, Хёсс заявил представителям «ИГ Фарбен АГ», что он не может больше откомандировывать на стройку каучукового завода заключённых, поскольку должен как можно быстрее построить бараки для размещения 120 000 советских пленных⁵⁶.

Лишь в конце января 1942 г. Гиммлер также признал, что его планы, связанные с советскими пленными, по крайней мере, временно потерпели неудачу. Через неделю после конференции в Ванзее он сделал из этого отразившийся в приказе Глюксу примечательный вывод:

Поскольку русских военнопленных в ближайшее время ожидать не приходится, я буду отправлять в лагеря большое количество тех евреев и евреек, которых депортируют из Германии. Приготовьтесь к тому, чтобы в ближайшие четыре не-

дели принять в концлагеря 100 000 мужчин и до 50 000 женщин еврейской национальности. В ближайшие недели перед концлагерями встанут большие экономические задачи⁵⁷.

Тем самым, как показал дальнейший ход событий, планы Гиммлера в отношении советских военнопленных вообще потерпели крах. После ноября – декабря 1941 г. Гиммлер больше не получал пленных для предприятий СС, не считая, конечно, тех пленных, которые до 1945 г. поступали в концлагеря на основании приказов об отборе и которых, в основном, убивали в течение короткого времени. При этом ничего не изменилось даже тогда, когда Гиммлер в октябре 1942 г. ещё раз договорился с Рейнеке и Заукелем о путях направления советских военнопленных⁵⁸. Замыслам Гиммлера больше не предоставлялись соответствующие приоритеты⁵⁹. Однако планы по эксплуатации рабочей силы советских военнопленных в концлагере Освенцим подготовили проведение «окончательного решения еврейского вопроса» двумя способами. С помощью «лагеря для военнопленных в Биркенау», – включая подъездные железнодорожные пути, – была создана основа инфраструктуры, которая позволяла перебрасывать в Освенцим сотни тысяч европейских евреев. А Хёсс и его заместитель Фрич изобрели в ходе экспериментов, – совершенно случайно, – техническое средство, позволившее истребить миллионы людей с минимальными затратами труда.

Х. ПОПЫТКИ ДОБИТЬСЯ ОБРАЩЕНИЯ С СОВЕТСКИМИ ВОЕННОПЛЕННЫМИ СОГЛАСНО НОРМАМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

До сих пор ещё ничего не было сказано о попытках добиться в войне между Германией и Советским Союзом такого обращения с пленными, которое соответствовало бы Женевской конвенции о военнопленных 1929 г. или хотя бы нормам всеобщего международного военного права¹. Эти попытки были предприняты, прежде всего, нейтральными силами – Международным Комитетом Красного Креста в Женеве и правительствами Швеции и Соединенных Штатов. Усилия Советского Союза и в особенности немецкого руководства были менее активны по ещё требующим рассмотрения причинам.

Основополагающие решения об обращении с советскими военнопленными были приняты ещё за несколько месяцев до нападения на Советский Союз. При обосновании преступных приказов немецкое руководство воспользовалось тем фактом, что Советский Союз не присоединился к Женевской конвенции и, сверх того, будучи правопреемником царской империи, заявил, что не чувствует себя связанным нормами Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны 1907 г.² Эти обоснования были всего лишь прикрытием. Во время подготовки плана «Барбаросса» ни политическое, ни военное руководство не удосужилось даже выяснить, какие у него существуют международно-правовые обязательства. Такое выяснение началось только *после* нападения на Советский Союз, когда последний вынудил немецкую сторону принять срочное решение, предложив соблюдать правила Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны. К этому времени из-за преступных приказов уже были совершены деяния, исправить которые было очень трудно.

Как мало немецкое руководство было склонно стеснять себя международно-правовыми ограничениями в предстоящей войне на уничтожение, видно из того, что распоряжения об обращении с ранеными и больными советскими пленными были отданы на скорую руку, не считаясь с тем, что в этом случае Германия была связана совершенно определёнными обязательствами³.

Попытка незначительного меньшинства в военном руководстве поставить обращение с пленными с обеих сторон на международно-правовую основу была принята сравнительно поздно и практически не получила поддержки со стороны верхушки ОКВ и ОКХ.

Не говоря об очевидных предубеждениях в приказе о комиссарах и плане «Барбаросса», важнейшие охранительные положения Гаагской и Женевской конвенций в отношении советских военнопленных были фактически аннулированы организационным приказом отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941 г.⁴ На этом

фоне непонятными кажутся два официальных письма, которые отдел по делам военнопленных 24 июня 1941 г. направил в управленческую группу «Заграница»^{4а} управления разведки и контрразведки в ОКВ⁵. В первом письме содержалась просьба выяснить, сможет ли Международный Комитет Красного Креста осуществить предписанное Женевской конвенцией (статья 79) создание справочного бюро о военнопленных обеих сторон в нейтральной стране и можно ли будет использовать его для оказания помощи немецким пленным в Советском Союзе, – что молча предполагало соблюдение Женевской конвенции. Во втором письме в искажённой формулировке статьи 82 Женевской конвенции было заявлено, что Германия считает себя связанной предписаниями конвенции даже в том случае, если военный противник её не подписывал, а значит, и в случае с СССР⁶, – ввиду отданных приказов – удивительное утверждение. Поэтому отдел по делам военнопленных предложил

через министерство иностранных дел обратиться к государству-гаранту [Германии, то есть к Болгарии] с просьбой передать русскому правительству заявление, что Германия применяет в отношении русских военнопленных положения конвенции 1929 г. и обращается с ними соответственно. При этом ожидается, что и Россия будет придерживаться предписаний этой конвенции, задним числом заявив о своём присоединении к ней⁷.

Приемлемым объяснением для этого письма является то, что он был составлен по инициативе VI группы (международное военное право) управленческой группы «Заграница», в которой в то время значительную роль играл Хельмут Джеймс граф фон Мольтке, и что тем самым была сделана попытка добиться изменения существующих директив относительно обращения с военнопленными⁸. Это позволяет понять также дальнейший ход событий. В докладной записке начальнику управленческой группы «Заграница» капитан права, профессор, доктор Эрнст Мартин Шмитц, один из экспертов по международному праву в этом отделе, утверждал, что Германия в отношении Советского Союза не связана Женевской конвенцией, и СССР до сих пор не заявил, что считает себя связанным нормами Гаагской конвенции о ведении сухопутной войны. Однако возникает вопрос,

не вступают ли в противоречие некоторые из отданных приказов⁹ с заявлением о том, что Германия соблюдает в отношении Советского Союза конвенцию о военнопленных. Если это так, то такое заявление можно сделать лишь в том случае, если эти приказы будут изменены в интересах немецких военнопленных в Советском Союзе.

Шмитц предложил заявить, что Германия будет соблюдать Женевскую конвенцию только в том случае, если СССР обязуется действовать аналогичным образом¹⁰. По-видимому, после этого соответствующее письмо было направлено в штаб оперативного руководства вермахта, а там заявили о том, что СССР, мол, не считает себя связанным даже Гаагской конвенцией¹¹, – аргумент, который потерял силу вскоре после этого. Так что инициатива группы Мольтке оказалась безрезультатной. Тем не менее, благодаря ей на обсуждение был вынесен аргумент, который, как показало дальнейшее развитие событий, имел единственное намерение – заставить политическое и военное руководство позаботиться о собственных пленных в Советском Союзе.

Тем временем на другом уровне также были предприняты попытки, поначалу обещавшие успех. Уже через день после нападения Германии на СССР президент Международного Комитета Красного Креста Макс Хубер предложил правительствам СССР, Германии, Финляндии и Румынии в аналогичных телеграммах услуги Международного Комитета Красного Креста по организации обмена сведениями о раненых и погибших и списками фамилий пленных. Тот факт, что СССР не подписал Женевскую конвенцию, не должно было стать препятствием в том случае, если прочие стороны-участники примут предложенное урегулирование¹². 27 июня нарком иностранных дел СССР Молотов принял это предложение от имени Советского Союза при условии, что так же поступят и его противники. Международный Комитет Красного Креста воспринял это как обнадеживающий знак, тем более, что это был первый раз, когда Советский Союз принял к сведению инициативу Международного Комитета Красного Креста. В тот же самый день Германия, Финляндия и Румыния были проинформированы об этом согласии.

Международный Комитет Красного Креста сразу же попытался использовать благоприятную ситуацию и 6 июля добился того, что Молотов заявил о согласии на установление контакта между советским послом в Анкаре и представителем Международного Комитета Красного Креста, в ходе которого следовало договориться об организации последующего обмена сведениями. Тем временем в начале июля имперское правительство также заявило о готовности к обмену списками фамилий¹³, что давало ещё большую надежду на заключение соглашения.

О серьёзности намерений Советского Союза заключить соглашение об обращении с пленными обеих сторон было заявлено в ноте, которую 17 июля 1941 г. советское правительство вручило правительству Швеции, выступавшей государством-гарантом, представлявшим интересы Советского Союза перед имперским правительством. В этой ноте, которая была передана министерству иностранных дел 19 июля, СССР заявлял, что он признаёт Гагскую конвенцию о ведении сухопутной войны 1907 г. и будет соблюдать её на условиях взаимности¹⁴. Советский Союз, считавший обязательными для себя только те заключённые царским правительством соглашения, которые он официально признал, осуществил тем самым присоединение к Гагской конвенции. Кроме того, заявлением, что он будет соблюдать положения Гагской конвенции в отношении Германии на условиях взаимности, Советский Союз принял во внимание также то обстоятельство, что Гагская конвенция содержит оговорку о всеобщем участии в договоре, и что Италия и Словакия не присоединились к этой конвенции¹⁵.

Для Советского Союза очень важно было прийти к взаимному урегулированию по поводу ведения войны. В вопросе обращения с пленными СССР, как показало дальнейшее развитие событий, не был готов соблюдать Женевскую конвенцию в полном объёме¹⁶, хотя это было связано также с неуступчивой позицией имперского правительства. Во всяком случае, даже положения Гагской конвенции могли представлять собой сравнительно удовлетворительную основу. Постановление Совета Народных Комиссаров от 1 июля 1941 г.¹⁷, перехваченное немецкими войсками в конце августа 1941 г., показало, что ноту от 17 июля нельзя считать всего лишь пропагандистским мероприятием. Приведенные в этом постановлении директивы об

обращении с пленными не ограничивались положениями Гаагской конвенции, но содержали также отдельные положения Женевской конвенции¹⁸.

Немецкое руководство не было удовлетворено советской нотой от 17 июля; отсюда видно, что вопрос о взаимном обращении с пленными был для него сравнительно второстепенной заботой.

25 июля посланник Макебен докладывал, что в ОКВ, – имелись в виду Кейтель и штаб оперативного руководства вермахта, – «мнения о немецкой заинтересованности в этом вопросе разделились»:

С точки зрения ведения войны считалось более желательным, чтобы русские не осуществили своего мнимого намерения присоединиться к конвенции. С другой стороны, такое присоединение представляется желательным ввиду его благотворного воздействия на обращение с немецкими военнопленными.

Кроме того, ОКВ поставило вопрос, будет ли Германия связана обязательствами Гаагской конвенции в отношении Советского Союза, даже если тот к ней не присоединится, и будет ли зависеть его присоединение к Гаагской конвенции от согласия Германии¹⁹. Отсюда следует, что ОКВ, по-видимому, было довольно плохо информировано министерством иностранных дел, поскольку Советский Союз по своему волеизъявлению уже присоединился к конвенции. Однако более важным представляется то, что ОКВ по сути дела не выяснило перед нападением на СССР, связана ли Германия обязательствами по Женевской конвенции, несмотря на то, что на этот счёт не было ясного представления²⁰.

О позиции немецкого руководства, – а это отнюдь не была вынужденная Гитлером позиция, – можно судить по записке советника посольства доктора Альбрехта (правовой отдел министерства иностранных дел) от 1 августа 1941 г.²¹ Согласно ей ОКВ между тем сообщило, что отданные до сих пор указания по ведению войны не противоречат Гаагской конвенции, что либо ещё раз свидетельствует о недостаточном знании офицерами в ОКВ международного права, либо было просто обманом со стороны министерства иностранных дел. ОКВ, – продолжал Альбрехт, – считает, что советскую ноту следует трактовать «лишь с внешнеполитической точки зрения», кроме того, советское правительство должно гарантировать, что его войска будут обращаться с пленными и ранеными в соответствии с положениями Гаагской конвенции.

Альбрехт в своей внешнеполитической оценке ноты указал на то, что отклонять предложение СССР нежелательно, так как это в пропагандистских целях может быть использовано против Германии. Немецко-русская договоренность была бы «единственным способом создания основы для организации содержания немецких военнопленных в русском плену». Третий пункт, названный Альбрехтом, ввиду восточных планов немецкого руководства, возможно, является самым значимым. Гаагская конвенция содержала также правила о военной власти на оккупированных вражеских территориях. Альбрехт указал на то, что союзники считают создание гражданских администраций в оккупированных польских областях, в Норвегии и Голландии нарушением Гаагской конвенции, – министерство иностранных дел считает действия Германии законными, – и что СССР также придерживается этой точки зрения. Поэтому в заключении он рекомендовал ответить на ноту заявлением, что, мол, отданные вермахтом указания соответствуют Гаагской конвенции,

а при необходимости добавить, что имперское правительство ожидает, что и Красная Армия также получит соответствующие указания.

На основе этой записки до 8 августа были разработаны докладная записка для Гитлера и проект ответной ноты. Гитлер при участии постоянного представителя Риббентропа в ставке фюрера Вальтера Хевеля существенно усилил резкий тон ноты²²:

Имперское правительство может лишь выразить крайнее изумление тем, что советское правительство, несмотря на поведение его войск в отношении попавших в их руки немецких солдат, ещё считает себя вправе говорить о применении норм международного права при обращении с военнопленными и при этом ставить вопрос о взаимности. Само собой разумеется, что имперское правительство всегда обращалось с попавшими в его руки военнопленными в соответствии с действующими положениями международного права.

Вермахт обнаружил зверски убитых советскими войсками немецких пленных, что делает невозможным

говорить о Красной Армии, как об армии цивилизованного государства. При таком положении вещей Советскому правительству, – если вообще может идти речь о соглашении с ним относительно обращения с военнопленными, – следует сначала доказать, что оно действительно желает и в состоянии коренным образом изменить поведение своих войск и прочих своих органов в отношении немецких пленных²³.

Это правда, что советские войска в ряде случаев убивали немецких пленных²⁴. Однако это, как показывает уже первая реакция ОКВ на советскую ноту, отнюдь не было истинной причиной, по которой у немецкого руководства не было повода для возмущения отданными преступными приказами, исполнение которых и было существенной причиной для актов возмездия советских солдат в отношении немецких пленных. Решающее значение имело желание немецкого руководства иметь свободу действий на Востоке. Свою принципиальную позицию Гитлер изложил 16 июля 1941 г. на решающем совещании за несколько дней до получения советской ноты:

Сейчас очень важно, чтобы мы не обнаружили перед всем миром наши цели. [...] Ни в коем случае нельзя усложнить наш путь излишними объяснениями. Подобные объяснения излишни, так как мы можем делать всё, насколько хватит наших сил, а всё, что не в наших силах, мы и так не сможем сделать²⁵.

Отклонение советского предложения произошло по тактическим соображениям. Для Гитлера, несмотря на всё презрение, которое он испытывал в отношении международных обязательств и договоров, очень важно было также формально иметь развязанные руки, причём не только ради «переустройства» завоёванных восточных территорий. Генерал Рейнеке, который, беспокоясь о судьбе немецких пленных в СССР, пытался «изменить резкий тон ноты», узнал от Кейтеля,

что фюрер решил не заключать никаких юридических соглашений с советским правительством по вопросу обращения с военнопленными²⁶.

Гитлер хотел сохранить свободу действий для ликвидации расово и политически нежелательных пленных и порабощения остальных.

Позиция немецкого руководства, невзирая на принципиальные идеологические предпосылки, определялась существовавшей к тому времени уверенностью в по-

беде. Поскольку были убеждены, что до полного краха Советского Союза осталось всего несколько недель, то поначалу пытались избежать ответа на советскую ноту путём затягивания времени²⁷. К тому же Гитлер и военное руководство полагали, – из-за безответственных донесений с фронта, – что Красная Армия расстреливает всех пленных, и количество немецких пленных в советском плену сравнительно невелико²⁸; по этой причине они считали излишним соглашаться на советское предложение, которое означало бы ограничение свободного от каких-либо предрас-судков способа ведения войны. В грубой форме отклонив предложение, – что должно было исключить дальнейшие инициативы советского руководства, – немецкое правительство из-за чрезмерной переоценки собственных сил упустило важнейший и отнюдь не бесперспективный шанс привести взаимное обращение с пленными в соответствие с принципами человечности.

Уклонившись от заключения принципиального соглашения, с немецкой стороны всё же пытались добиться лучшего обращения с собственными пленными путём небольших практических уступок. Это происходило не в последнюю очередь и по внутривосточным причинам – из-за позиции родственников пропавших без вести солдат и связанного с этим воздействия на моральный дух населения. По этой причине в середине августа Рейнке попытался добиться смягчения ответной ноты, чтобы даже в случае отказа в этом вопросе не лишиться по формальным причинам возможности связи. Немецкое руководство, однако, не было готово платить за это ценой принципиального соблюдения Гаагской конвенции.

Министерство иностранных дел питало непонятные иллюзии по поводу послед-ствий ответной ноты. В этом не видели

принципиального отказа советскому правительству в отношении выяснения всего неразрешённого комплекса вопросов. Тем не менее заключение особого правого соглашения между обоими правительствами отклонялось. Правда, меры по улуч-шению положения [пленных] и в дальнейшем следовало предпринимать²⁹.

На этой основе Рейнке и отдел по делам военнопленных³⁰ действовали уже со времени первого предложения Международного Комитета Красного Креста³¹, эта политика проводилась и в последующем.

В то время как немецкое руководство занималось советской нотой от 17 июля, Международный Комитет Красного Креста продолжал свои попытки добиться результатов прагматическим путём посредством прямых контактов с Рейнке и от-делом по делам военнопленных, с одной стороны, и с советским послом в Анкаре Виноградовым, с другой. Советское правительство, судя по всему, и в дальнейшем стремилось к тому, чтобы добиться взаимного соблюдения условий Гаагской конвенции. На переданное Международным Комитетом Красного Креста предло-жение Италии соблюдать Женевскую конвенцию заместитель наркома иностран-ных дел СССР Вышинский ответил заявлением, что СССР будет соблюдать пра-вила Женевской конвенции только на условиях взаимности и согласен на обмен сведениями о раненых и больных согласно статье 4 Женевской конвенции о ра-неных. Соблюдение Женевской конвенции излишне, поскольку все важные воп-росы уже урегулированы в Гаагской³².

22 июля в Анкару прибыл также представитель Международного Комитета Красного Креста, доктор Марсель Жюно³³. Переговоры с Виноградовым поначалу

продвигались хорошо. 13 августа Жюно узнал от советского посольства, что исполнительный комитет Общества советского Красного Креста и Красного Полумесяца создал центральное справочное бюро, которое в соответствии с положениями Гаагской конвенции будет собирать и передавать дальше сведения о пленных и организует для них переписку. Казалось, что речь теперь идёт лишь о том, чтобы уладить технические детали.

Немецкая сторона также проявила в рамках своей политики готовность путём мелких уступок, – но не касаясь уровня политических обязательств, – улучшить положение немецких пленных: два представителя Международного Комитета Красного Креста, бывший комиссар Лиги Наций от Данцига Карл Бурхард и Эдуард де Халлер получили в августе возможность *неофициально* посетить лагерь с советскими военнопленными. Затем также «неофициально» был подготовлен, – записан карандашом на бумаге в косую линейку, – первый список из 300 фамилий³⁴. Однако климат переговоров в Анкаре сразу ухудшился, после того как немецкий посол фон Папен поручил Жюно официально запросить советского посла, действительно ли Сталин угрожал репрессиями в отношении семей попавших в плен советских солдат³⁵. После долгих проволочек 20 августа Папен передал Жюно список фамилий, причём последний подчеркнул, что это – единственная возможность получить информацию о пропавших без вести немецких лётчиках³⁶. Кроме того, советское посольство получило в середине сентября отчёт о посещении Бурхардом и де Халлером лагеря для военнопленных. Теперь Виноградов обещал, что поддержит прошение о разрешении для одного из делегатов Международного Комитета Красного Креста посетить лагерь для немецких пленных в СССР. Однако в качестве ответной услуги он хотел получить согласие на то, что тем самым *фактически* будет гарантировано взаимное соблюдение условий Гаагской конвенции³⁷, согласие, которое не мог дать представитель Международного Комитета Красного Креста, поскольку оно было не в интересах немецкого руководства.

Немецкая сторона, тем временем, потеряла терпение, поскольку ответного шага со стороны СССР не последовало. ОКВ, – то есть генерал Рейнеке, – заявило, что при таком отношении списки фамилий больше передаваться не будут, хотя Международный Комитет Красного Креста тут же указал на то, что тем самым обмен сведениями вообще будет поставлен под сомнение, и в последующем постоянно уклонялось от категорического отрицательного ответа.

Тем самым обе стороны принципиально решили не идти на дальнейшие уступки. При этом на позицию советского правительства кроме резкой немецкой ответной ноты от 25 августа³⁸ существенное влияние оказало также постепенно ставшее известным обращение немцев с советским гражданским населением и пленными. Важным было также то обстоятельство, что Советский Союз, к тому времени потерявший более двух миллионов человек пленными, хотел избежать дальнейших потерь, – опасаясь, что многие сдадутся в плен, если станет известно о хорошем обращении с пленными.

Поскольку больших уступок с немецкой стороны ожидать не приходилось, Международный Комитет Красного Креста с ещё большей энергией попытался добиться уступок со стороны СССР, который опять мог начать диалог об обмене списками фамилий и сведениями. Поскольку климат в Анкаре из-за запроса

Папена ухудшился, Международный Комитет Красного Креста попытался в октябре через шведское Общество Красного Креста и советского посла в Стокгольме Александру Коллонтай, с одной стороны, и Карла Бурхарда и советского посла в Лондоне Ивана Майского³⁹, с другой, получить разрешение на посещение представителями Красного Креста советского лагеря для военнопленных. И те и другие проявили предупредительность, но положительного решения со стороны советского правительства не последовало⁴⁰.

К усилиям Международного Комитета Красного Креста подключилось также правительство США, стремясь добиться от обоих государств обязательств на основе принципов международного военного права. В государственном департаменте США опасались, что если Женевская конвенция не будет применяться одинаково ко всем пленным, то следствием этого будет общее ухудшение обращения со *всеми* пленными⁴¹, – как показал дальнейший ход событий, это были довольно обоснованные опасения⁴².

До более тесных контактов с советским правительством по этому вопросу дело дошло лишь в октябре 1941 г. Соответствующие доклады американского посла Штейнхардта дают ценную информацию о позиции СССР на тот момент времени. В то время как Международный Комитет Красного Креста пытался прагматически постепенно перейти от обмена поимёнными списками с возможностью извещения родственников пленных к обеспечению пленных защитными средствами, и перейти от единичных к регулярным проверкам, США с настойчивым упорством предпринимали попытки обязать СССР выполнять положения Женевской конвенции. Эта политика грубыми средствами добиться максимальных целей при отказе от предложения альтернативных вариантов мало считалась с интересами другой стороны и, собственно говоря, изначально была обречена на провал.

Советское правительство уклонялось от давления со стороны США. Оно настаивало на том, что Гагская конвенция, которую правительство СССР впредь собиралось соблюдать при соответствующем поведении со стороны Германии, содержит важнейшие пункты Гагской конвенции. Аргументы, приведённые здесь слишком явно⁴³, вскоре показали, что на тот момент СССР хотел любой ценой избежать обязательств по Женевской конвенции. Важной причиной этого были, вероятно, предусмотренные в конвенции регулярные инспекции нейтральных комиссий. Возможно также, что СССР не в последнюю очередь был намерен скрыть плохое обращение с пленными. Важным было также принципиальное недоверие относительно вмешательства в его внутренние дела представителей «капиталистических» государств⁴⁴. Решающее влияние оказало, однако, ставшее тем временем известным обращение с советскими пленными⁴⁵, которое показало, что не стоит ожидать слишком многого от формального присоединения к Гагской конвенции.

23 декабря 1941 г. после объявления Германией войны США государственный секретарь США Гулль сделал последнюю попытку добиться от СССР уступки с помощью аргумента, что, мол, только соблюдение Женевской конвенции может гарантировать советским пленным человеческое обращение. Однако положительной реакции не последовало и на этот раз, и заместитель государственного секретаря США Лонг 30 декабря разочарованно констатировал, что в данный момент продолжать переговоры не имеет смысла⁴⁶.

В это же время в Германии также окончательно рухнули попытки убедить национал-социалистское руководство и командование вермахта изменить свою позицию. После того как позиции обеих сторон устоялись, отдел по делам военнопленным ожидал реакции противника. В это время подписанный генерал-лейтенантом Рейнеке приказ от 8 сентября 1941 г. об обращении с советскими пленными дал группе международного права в управлении разведки и контрразведки повод попытаться добиться изменения позиции немецкого руководства. Инициатором этих попыток был граф Мольтке, который с июня 1941 года с растущим возмущением наблюдал за обращением с советскими пленными⁴⁷. 15 сентября он представил начальнику управления разведки и контрразведки адмиралу Канарису, к которому имел свободный доступ, докладную записку для Кейтеля, которую Канарис также подписал⁴⁸. Это была одна из важнейших попыток, которая к тому же разъяснила позицию верхушки ОКВ.

Во вступлении были обрисованы международно-правовые обязательства Германии. Авторы докладной записки указали на то, что даже если Женевская конвенция не является обязательной для Германии и СССР, принципы *всеобщего международного права* по прежнему сохраняют силу, с тех пор как были разработаны в XVIII веке⁴⁹. На основании принципа, что взятие в плен служит лишь тому, чтобы помешать дальнейшему участию в боевых действиях,

во всех армиях сложилось мнение, что, мол, убивать или наносить ранения безоружным противоречит воинской морали. Этот принцип отвечает интересам всех воюющих сторон, – суметь защитить своих солдат от дурного обращения в случае их взятия в плен.

Далее говорилось, что приказ Рейнеке исходит из принципиально иной точки зрения, которая характеризует военную службу советских солдат «в своей совокупности как преступление». Тем самым отрицается не только всякое действие норм военного права, но и

устраняется многое из того, что на основании прежнего опыта рассматривалось не только как целесообразное с военной точки зрения, но и, безусловно, необходимое для поддержания дисциплины и ударной силы собственных войск.

«Даже если произвол и был формально запрещен, то открыто санкционированные меры должны были привести к самовольным издевательствам и убийствам»⁵⁰. Кроме того, указывалось на обращение с пленными посредством производимых айнцакомандами отборов, – Кейтель в примечаниях на полях охарактеризовал их как «весьма целесообразные», – и введение образованной из пленных лагерной полиции, «взявшей на себя надзорные функции вермахта», в то время как внешняя ответственность сохранялась за вермахтом.

Наряду с этим был приведён ещё ряд военно-практических аргументов, которые были чрезвычайно важны. Авторы указывали на то, что подобное обращение может привести к сопротивлению пленных, а потому придётся ещё увеличить количество охранников. Будет невозможно использовать пленных на строительных работах в оккупированных областях, зато «мобилизация всех внутренних сил России против единого врага» облегчится, а воля к сопротивлению Красной Армии усилится⁵¹.

В поддержку этих аргументов был приведён уже упомянутое постановление Совета Народных Комиссаров от 1 июля 1941 г., которое соответствует «принципам все-

общего международного права и в значительной степени также принципам Женевской конвенции о военнопленных». А немецкий приказ не даёт возможности выступить против дурного обращения с немецкими пленными со стороны Красной Армии⁵².

Это поддержанное Канарисом ходатайство успеха не имело. Кейтель, который скорее всего вообще не докладывал Гитлеру о докладной записке, сделал в заглавии документа заметку:

Эти размышления соответствуют солдатским понятиям о рыцарской войне! Здесь же речь идёт об уничтожении мировоззрения! Поэтому я одобряю эти меры и поддерживаю их⁵³.

Это решение Кейтеля было следующим шагом на пути свершения таких деяний, которые *фактически* должны были сделать совершенно невозможной любую договоренность с СССР об обращении с пленными.

В отделе по делам военнопленных в это время также понимали, что добиться каких-либо улучшений в положении немецких военнопленных и в особенности прекращения расстрелов можно будет только в том случае, если произойдёт изменение распоряжений [...] ОКВ⁵⁴ и если откажутся от прежних мер в отношении политических комиссаров и офицеров. Изменение тогдашней процедуры вполне можно было осуществить, размещая политически нежелательных военнопленных в специальных лагерях. Прежние расстрелы следовало оправдать тем, что они якобы были произведены в качестве ответной меры против расстрелов немецких офицеров»⁵⁵.

Хотели ещё раз представить «весь комплекс вопросов в полномочную инстанцию». Однако невозможно установить, случилось ли это при Кейтеле или Рейнеке.

Мольтке и его единомышленники и в последующем не оставили своих попыток. Поскольку Кейтель обратился к одному из национал-социалистских постулатов, – что Красная Армия якобы не берёт пленных, – то речь шла прежде всего о том, чтобы доказать, что в Советском Союзе имеются немецкие военнопленные. Впрочем в этом сомневался лишь Рейнеке, а вовсе не отдел по делам военнопленных. Там подсчитали, что из 20 000 пропавших без вести к 1 сентября 1941 г. немецких солдат в советском плену могут находиться «около 13 000–14 000 человек»⁵⁶. Группе Мольтке удалось раздобыть доказательства. 14 ноября он смог записать о достигнутом, хоть и непрочном успехе:

В деле, касающемся пленных, мой главный противник генерал Рейнеке был, наконец, вынужден предложить, чтобы Красный Крест взял на себя заботу об оказавшихся в советском плену немецких солдатах; в результате этого нам следует пригласить к себе Красный Крест и тем самым изменить наши методы⁵⁷.

Два фактора способствовали изменению позиции Рейнеке: во-первых, доказательство того, что значительной части немецких пленных в СССР сохранили жизнь, и, во-вторых, тот факт, что родственники всё более многочисленного числа пропавших без вести солдат всё настойчивее требовали активных действий со стороны руководства вермахта. К тому же как раз в это время Международный Комитет Красного Креста попытался в процессе серии новых переговоров получить разрешение на оказание пленным, – прежде всего советским в Германии, так как сведения о массовой смертности дошли уже и до Женевы, – по крайней мере, минимальной материальной помощи⁵⁸. С этой целью в Женеве постарались разве-

дать возможность приобретения продуктов питания и одежды в нейтральных государствах и СССР. Однако это грозило сорваться из-за позиции союзников, принципиально желавших пропускать через кольцо блокады только те передачи, распределение которых в лагерях могли контролировать представители Международного Комитета Красного Креста. Поначалу ОКВ в августе 1941 г. заявило о своём согласии с этим, но затем предложило, чтобы отправлялись только коллективные посылки и распределялись под контролем комендантов лагерей. Тем не менее Международный Комитет Красного Креста надеялся прийти к практическому урегулированию проблемы. Тем временем Марсель Жюно, вероятно, в конце ноября⁵⁹ предложил Рейнеке в Берлине, чтобы Международный Комитет Красного Креста организовал «по собственной инициативе, – то есть без переговоров между Германией и Россией», – акцию в пользу немецких и советских военнопленных⁶⁰.

Рейнеке заинтересовался этим предложением по ещё требующим рассмотрения причинам. Он обратился к министру иностранных дел фон Риббентропу, который предположительно 22 декабря доложил о предложении Гитлеру.

Первым пунктом этого уже упомянутого в другой связи⁶¹ предложения было то, что Международный Комитет Красного Креста организует снабжение немецких военнопленных в России и советских военнопленных в Германии одеждой и продовольствием из Америки.

Жюно был уверен, что этого можно будет добиться даже после вступления США в войну, и что Англия также сможет пропустить соответствующие транспорты. Второй пункт предусматривал, что имена пленных и сведения о них с обеих сторон будут храниться в Женеве при Международном Комитете Красного Креста. Обмен должен был происходить только тогда, «когда имена и сведения противной стороны будут представлены в равноценном объеме»⁶². Выставленный против обмена поимёнными списками аргумент, что, мол, семьи советских пленных будут подвергнуты репрессиям, был отвергнут и было предложено выбирать главным образом имена тех пленных, которые жили на оккупированных Германией территориях. Наконец, на третьем месте стояло предложение приобрести для пленных с обеих сторон вакцину против сыпного тифа.

Генерал Рейнеке хотел в качестве эксперимента принять это предложение. Его аргументы, которые Риббентроп изложил Гитлеру, были довольно интересны:

Родственниками 30 000 пропавших без вести солдат овладело растущее беспокойство. В отделах социального обеспечения для немецких военнопленных⁶³ дело доходит до драматических и неприятных сцен. Отделы соцобеспечения подвергаются упрекам за бездеятельность. По этой причине ОКВ [то есть Рейнеке] желало бы испытать все средства. Министр народного просвещения и пропаганды, мнение которого ОКВ [то есть Рейнеке] запросило по поводу проистекающего отсюда воздействия на настроения населения, также рекомендовал предпринять эту попытку по той же причине. Кроме того, обеспечение русских военнопленных в Германии одеждой и продуктами питания при их большом количестве имело бы значение также и с материальной точки зрения.

Риббентроп также поддержал эту попытку, которая не содержит в себе непосредственных переговоров с русским правительством, и которая в определённой степени не касается ни политических, ни правовых вопросов⁶⁴.

Тем самым и Рейнеке, и Риббентроп старались заранее опровергнуть ожидаемые возражения Гитлера. Правда, и теперь их целью вовсе не было добиться обращения с советскими пленными согласно условиям Женевской конвенции. Германия от предложенного урегулирования ожидала выгод прежде всего для самой себя: надеялись получить помощь для собственных пленных и снять с себя заботы по обеспечению советских пленных, – что тоже имело значение в отношении запланированного использования труда военнопленных, – причём без необходимости платить за это ценой политических уступок.

Причины, которые Геббельс, Риббентроп и Рейнеке приводили для принятия предложения, полностью соответствовали системе. Настроения населения в национал-социалистских расчётах, по крайней мере, в этот момент времени были ещё одним фактором, которым нельзя было пренебрегать. Кроме того, у Рейнеке следует признать определённое попечительское мышление, которое, однако, как вскоре обнаружилось, имело довольно узкие рамки. Да и мысль о репрессиях также имела для него определённый вес. В то время как эта мысль имела большое значение при обращении с английскими и американскими пленными, она с самого начала не нашла поддержки при обращении с советскими пленными. Во-первых, исходили из того, что Красная Армия вообще не наберёт большого количества пленных, а во-вторых, полагали, что немногие солдаты, которых возьмут в плен, будут тут же расстреляны. Поскольку теперь Рейнеке благодаря усилиям группы Мольтке стало ясно, что относительно большому количеству пленных в СССР всё же сохранили жизнь, этот пункт также приобрёл значение. Эта мысль была важна также для Геббельса⁶⁵, причём следует, конечно, оставить открытым вопрос, насколько эта рациональная, основанная на силовом расчёте мысль осталась у него нереализованной в случае с Советским Союзом из-за идеологических предубеждений.

Для Гитлера такая мысль, вероятно, имела значение только в войне с западными державами, на Востоке же она изначально и в принципе была неприемлема. Последовавший в начале января 1942 г. отказ от предложения Жюно показал это с предельной ясностью.

Гитлер принял решение на совещании с Кейтелем и Йодлем. В какой мере эти высшие военные советники высказались за или против этого предложения установить невозможно, однако ничто не говорит за то, что они его энергично поддержали. По сообщению Хевеля, представителя Риббентропа в ставке фюрера, Гитлер привёл два довода:

Первая причина заключается в том, что он не желает, чтобы в войсках на Восточном фронте сложилось мнение, что в случае их пленения русскими с ними будут обращаться согласно договору. Вторая причина состоит в том, что из сравнения имён русских военнопленных русское правительство может установить, что в живых остались далеко не все из попавших в руки немцев русских солдат⁶⁶.

Даже если допустить, что это была принципиальная позиция Гитлера, то он, пожалуй, ещё более укрепился в ней из-за ситуации, сложившейся на Восточном фронте во время обсуждения этого предложения. Если бы у дивизий на Восточном фронте отняли веру в то, что советский плен означает верную смерть, то фронту, который можно было удерживать лишь с помощью жесточайших мер, угрожал бы полнейший развал.

Реакция Рейнеке показывает, сколь узки были рамки его попечительских мыслей и сколь силен страх перед возможными репрессиями. Послу Риттеру он заявил, что делает из решения Гитлера вывод,

что с пропавшими без вести немецкими солдатами в дальнейшем будут обращаться, как с живущими в русском плену, то есть, например, их родственникам по прежнему будет выплачиваться пенсия⁶⁷.

Для верившего в фюрера⁶⁸ Рейнеке решение Гитлера было «последним доводом», который освобождал его от всякой дальнейшей ответственности.

Этим отказом от инициативы Международного Комитета Красного Креста был, наверное, отвергнут последний серьёзный шанс прийти к взаимному сосуществованию, которое хотя бы немного улучшило судьбу пленных с обеих сторон.

Международный Комитет Красного Креста и в дальнейшем не прекращал попыток облегчить участь пленных посредством акций гуманитарной помощи. Весной 1942 г. ОКВ, казалось, поначалу было склонно к тому, чтобы согласиться принимать подарочные посылки для советских пленных⁶⁹. Однако после ряда проволочек 2 сентября 1942 г. предложение было отвергнуто. ОКВ соглашалось принимать такие посылки только при условии, что коменданты лагерей возьмут на себя их раздачу, и что Международный Комитет Красного Креста откажется от всякого контроля, как, например, при посещении лагерей. На этом основании, кстати, советские пленные получили пожертвования в Финляндии, которая дала согласие на требуемый контроль⁷⁰.

Единственной акцией, которая была, наконец, проведена, была передача в середине 1944 г. настойки из лекарственных трав, предоставленной Международным Комитетом Красного Креста. При этом ОКВ настояло на том, чтобы раздача происходила без указания её происхождения⁷¹. Кроме того, представители Международного Комитета Красного Креста смогли оказать помощь своими «белыми грузовиками» с гуманитарными грузами в последние недели войны и тем самым смягчить страдания также советских пленных во время эвакуационных маршей перед прибытием союзников⁷².

Соединенные Штаты в 1942 г. также возобновили усилия по принятию обеими сторонами международно-правовых обязательств, однако советская позиция по прежнему оставалась неизменной⁷³. Нарком иностранных дел Молотов заявил при встрече с президентом Рузвельтом, что по всем сообщениям советские пленные в Германии подвергаются бесчеловечному и жестокому обращению. Его правительство не готово идти на какое-либо соглашение, которое позволило бы немецкой стороне утверждать, что она действует в соответствии с международным правом. Германия не соблюдает положений Гагской конвенции, в то время как Советский Союз стремится к этому всеми силами⁷⁴. Незадолго до этого Молотов вновь подчеркнул в циркулярной ноте нейтральным и союзным государствам, что СССР соблюдает Гагские конвенции о ведении сухопутной войны⁷⁵.

В последующем стремление СССР добиваться взаимных обязательств в отношении Женевской конвенции снизилось ещё больше. Советские послы в нейтральных государствах проявляли всё большее нежелание обсуждать меры по улучшению участи пленных с обеих сторон. Советский посол в Анкаре заявил в апреле 1943 г. папскому легату, которому папа поручил прозондировать вопрос об обращении с пленными,

что советское правительство не придает значения сообщениям о русских военнопленных, поскольку считает их предателями⁷⁶.

То же самое сообщали и послы из Софии и Стокгольма – донесения, которыми тут же воспользовался отдел по делам военнопленных, чтобы объяснить советским пленным, что никто не заботится об их судьбе, и что они могут надеяться на возвращение на родину только после победы Германии⁷⁷.

На рубеже 1942–1943 гг. ещё раз показалось, что появилась возможность договориться об основах взаимного сосуществования. Советский Союз, у которого теперь было больше немецких пленнх, и который в отличие от имперского правительства собирался воспользоваться этим с *политической целью*, позволил части пленнх дать о себе весточку своим родственникам в Германии. В ноябре 1942 г. советский посол в Анкаре передал Международному Комитету Красного Креста сначала 390 открыток, а несколько позже ещё 190. К концу января 1943 г. 6000 открыток были переданы Международным Комитетом Красного Креста частью в ОКВ, частью в ДРК; 3000 из них *по недосмотру* попали к адресатам, – при передаче цензурой писем из вермахта в полицию в декабре 1942 г. из-за срыва в работе на несколько недель образовалась «брешь в надзоре». Эта советская инициатива и, особенно, тот факт, что не удалось задержать все открытки, поставил немецкое руководство в очень неловкое положение. Возникшее поначалу подозрение, что таким образом старые коммунисты будут призваны к сопротивлению, не подтвердилось. Проверка гестапо 2000 писем и адресатов выявила лишь 52 имевших политической контекст. Остальные были вне подозрения или вообще не касались политики⁷⁸.

Поскольку в связи с произошедшей капитуляцией 6-й армии под Сталинградом количество немецких пленнх резко возросло и в населении усилилось беспокойство, то немецкое руководство оказалось перед необходимостью принятия нового решения. В начале марта 1943 г. начальник службы по делам военнопленных, генерал фон Гревениц, сообщил министерству иностранных дел, что Кейтель обратился по этому вопросу к Гитлеру, и тот заявил, что ему об этом «с точки зрения внутренней политики» должен доложить Геббельс. Неделий позже стало известно, что Гитлер и далее настаивал на запрете доставлять открытки адресатам⁷⁹. Гитлер продолжал настаивать на запрете даже тогда, когда открытки продолжали прибывать, а Кейтель и Геббельс снова затронули эту проблему в беседе в июле и августе 1943 г.⁸⁰

Тем самым проблема не была решена. Почтовые открытки были зарегистрированы Международным Комитетом Красного Креста в Женеве и, когда родственники пропавших без вести, которые не получили предназначенных для них извещений из-за вмешательства ОКВ, обратились в Женеву с просьбой о помощи, возникла чрезвычайно неприятная, особенно для генерала Рейнеке, ситуация. Поэтому Рейнеке 3 сентября 1943 г. вновь обратился в министерство иностранных дел и потребовал «добиваться нового решения фюрера», так как положение дел со времени последнего решения Гитлера изменилось. Факт наличия открыток с сообщениями стал «в широком объёме» известен населению по слухам, благодаря сведениям из нейтральных стран, которые не пресекались, через прослушивание вражеских радиостанций и не в последнюю очередь из прессы румынских, венгерских и итальянских союзников. Теперь это дело затрагивало уже отнюдь не малую часть населения, но, учитывая «100 000–150 000 пропавших без вести...», касалось по

крайней мере 1–1,5 миллиона немецких соотечественников». Поскольку неконтролируемое распространение слухов могло поколебать «доверие населения к руководству», Рейнеке предложил гестапо проверять получателей и тем из них, кто внушал доверие, вручать открытки «от высших чинов [партии ...] с соответствующими наставлениями». В любом случае требовалось какое-то решение, поскольку ему нужно было дать отчёт Международному Комитету Красного Креста, а «любое дальнейшее промедление с ответом поставило бы нас в ещё более сложное положение»⁸¹.

Невозможно установить, чем обосновал Гитлер свой повторный отказ, известно лишь, что он по прежнему упорствовал в своём отказе. Тем самым был окончательно отвергнут последний слабый шанс на улучшение участи пленных с обеих сторон.

Хотя при принятии важнейших решений по этому вопросу – в августе 1941 г., на рубеже 1941–1942 гг. и вновь весной 1943 г. – за Гитлером всегда оставалось последнее слово, нельзя сводить неудачу попыток добиться обращения с пленными с обеих сторон в соответствии с международным правом только к его отказу. Решение Гитлера уже было predetermined, когда в начале 1941 г. сначала руководство вермахта и сухопутных сил, а затем в марте – июне 1941 г. также командующие войсками были ознакомлены с тем, как по представлению фюрера следует вести войну на Востоке. Вопрос, не следует ли вести эту войну, – уже по политическим причинам, – по существующим принципам международного военного права, никогда не имел веса в планах военного руководства. Дискуссии об этом, которые велись в доверенных кругах, ничего не изменили. Преступное высокомерие, с которым преобладающее большинство заранее приписало себе быструю победу, поначалу вообще не допускало и мысли, что Советский Союз сможет взять в плен немецких солдат в количестве, хотя бы отдалённо внушающем опасение. Частичное и полное отождествление с целями и убеждениями Гитлера всё сделало для того, чтобы, с одной стороны, не допустить собственных политических расчётов, а с другой – добиться безразличия к судьбе пленных с обеих сторон. Ничто не указывает на то, что руководство сухопутных сил хоть в какой-то мере подключалось к описанным здесь усилиям в 1941-м или в последующие годы. Слишком глубоко сидело подкреплённое идеологией убеждение, что немецкие пленные так или иначе обречены на нечеловеческую участь и что повлиять на это невозможно. Всё это породило фразу – «Что вы вообще хотите!» – с которой Кейтель и Йодль встречали аргументы сторонников международного права в окружении графа Мольтке⁸². Дальнейшее выполнение преступных приказов способствовало тому, чтобы укрепить советскую сторону в том поведении, которое, казалось, подтверждает ожидания военного руководства, и одновременно породило такие факты, которые даже без идеологической негибкости Гитлера должны были сделать невозможным возвращение к ведению войны в соответствии с международным правом.

XI. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРУДА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В 1942–1945 ГГ.

Жизнь советских военнопленных в период с 1942 по 1945 гг. определялась в первую очередь использованием их рабочей силы в немецкой военной экономике. Идеологические цели, которые определяли их судьбу в первый период войны на Востоке, на рубеже 1941–1942 гг. были подчинены этой цели, не потеряв, правда, полностью своего значения для обращения с пленными.

Советские военнопленные были заняты во всех отраслях экономики. В горной промышленности, в сельском хозяйстве, в чёрной металлургии и металлургии цветных металлов их насчитывалось сотни тысяч. В менее важных отраслях промышленности их было совсем немного. Так, где-то в мае 1943 г. в производстве музыкальных инструментов и игрушек был задействован всего один пленный, в печатно-множительном деле – тоже один, в содержании гостиниц и ресторанов – шестеро пленных, в театре, музыке и кино – семеро, в домашних услугах – четверо пленных. В несколько большем количестве они были заняты также в сфере социальной гигиены (в мае 1943 г. – 287 чел.), в управлении, церкви, образовании и воспитании (2323 чел.), в торговле, банковском деле, биржевом деле и страховании (5752 чел.)¹.

Анализ столь комплексного использования рабочей силы – задача, которую невозможно удовлетворительным образом решить в узких рамках диссертации, исследующей *общий контекст* судьбы советских военнопленных. Чтобы суметь ответить на этот вопрос с претензией на более-менее достаточное объяснение, потребовалось бы сделать это в связи с исследованием использования труда «остарбайтеров» и, возможно, также заключённых концлагерей². Это уже сделали Хомзе и Пфальман в своих исследованиях³, однако их очерки оставляют открытыми ещё многие вопросы. Дальнейшее исследование проблемы предполагало бы, прежде всего, анализ системы факторов национал-социалистской экономики, определяющих использования труда пленных. Для этого вначале потребовалось бы описать, как изменялась структура немецкой экономики в 1939–1945 гг., – с одной стороны, вследствие вынужденной необходимости, вытекавшей из целей войны и её хода, с другой – из-за стремлений к концентрации в экономике. Чтобы основательно исследовать процессы управления экономикой и распределением трудовых ресурсов потребовалось бы исследовать также определяющие органы, с помощью которых государство, партия и экономика *совместно* и с переменным влиянием принимали решения.

При этом на верхнем уровне следовало бы вспомнить, прежде всего, о «Центральном Планировании», а также об органах «самоответственности промышлен-

ности», – которые ввёл не только Шпеер, – как то имперские объединения угля и железа, имперская промышленная группа и в значительной мере тождественный ей эксперт по вооружению; экономические группы и, наконец, система комиссий и концернов в оборонной промышленности.

Без этого вступления в вопросе о распределении трудовых ресурсов невозможно было бы дать оценку значению генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Фрица Заукеля и его организации, которая в значительной мере основывалась на подчинявшихся прежде имперскому министерству труда государственных органах.

Однако подобное исследование выходит за рамки тематики настоящей работы. Даже подробное описание процесса использования рабочей силы при отказе от такой постановки вопроса потребовало бы привлечения более широкой источниковой базы путём организации поисков в архивах предприятий. Без этого невозможно было бы исследовать использование труда советских военнопленных в сельском хозяйстве, так как источники по этой теме практически отсутствуют⁴. По этим причинам изначально следует отказаться от обстоятельного изложения. Можно дать лишь краткий очерк развития событий, наметив в нём ряд проблем, на которые следовало бы обратить внимание в дальнейшем исследовании.

1. Использование рабочей силы в прифронтовой зоне

Наряду с нехваткой сырья важнейшей проблемой, с которой столкнулась немецкая военная экономика весной 1942 г., был недостаток рабочей силы. Казавшаяся неисчерпаемой осенью 1941 г. армия советских пленных, прежде чем стало возможным использовать её хотя бы частично, сократилась до такой степени, что оказалось невозможно удовлетворить растущую потребность в рабочей силе в полной мере. Надежды военного руководства и экономики были направлены теперь на ожидаемое с большой уверенностью победное окончание войны на Востоке летом 1942 г., и тем самым на получение захваченных в результате новых операций пленных, а также, – особенно со стороны экономики, – на привлечение гражданских рабочих из недавно захваченных восточных областей, которые были бы в их распоряжении как самая дешёвая рабочая сила.

В руководстве сухопутных сил и в войсках зачастую росло понимание, что следует лучше обращаться с пленными. Изменение позиции произошло не только из-за постоянно растущих заявок на работоспособных военнопленных, которые поступали из рейха и со стороны войск. Лучшее обращение было настоятельно необходимо также по военным причинам. После того как в Красной Армии стало известно, какая судьба ждала пленных и перебежчиков без всякого различия, воля к сопротивлению существенно окрепла, а перебежчиков почти не стало. Поэтому уже в марте 1942 г. руководство сухопутных сил дало указание в будущем лучше обращаться с пленными и перебежчиками, чтобы ослабить сопротивление противника и создать лучшие возможности для получения разведанных⁵.

Кроме этого чисто военного мотива некоторые представители руководства сухопутных сил и войскового командования пришли к выводу, что нельзя больше

соблюдать политический нейтралитет, но следует добиваться изменения принципов ведения войны в целом, что следует вести «политическую» войну в прямом смысле слова и, предложив советскому населению и пленным достойную альтернативу советской системе, получить поддержку с их стороны.

Однако осознание этого росло очень медленно. В некоторых ведомствах, как уже говорилось, оно существовало уже в 1941 г., однако значение приобрело только в течение 1942 г., когда стало ясно, что победы не удастся добиться и в ходе второй кампании. На рубеже 1942–1943 гг. широкие круги высшего войскового командования убедились в том, что необходимо отойти от «прежней чисто негативной целевой установки», от «явной колониальной системы» и поставить перед населением «новую идеологическую цель»⁶.

Эти целевые установки зачастую положительно отражались на положении пленных, но так и не смогли произвести решающего поворота в политике немецкого руководства. Этому мешало как неизменное преобладание первоначальных максимальных целей у Гитлера и его ближайшего окружения, – а также у его «вице-королей» на Востоке, – так и продолжавшая существовать несогласованность военно-экономических целей. Хотя в войсковом командовании очень быстро заметили связь между охотой за рабами со стороны Заукеля и ростом партизанского движения, но единой оппозиции по поводу этого так и не возникло. Даже в обращении с пленными, где этому отнюдь не мешали распоряжения сверху, в 1942 г. не было заметно никаких *коренных* изменений.

Из источников, которых для 1942 г. имеется уже гораздо меньше, чем для 1941 г., складывается следующая картина: как ОКВ, так и ОКХ настаивают теперь на ускоренном вывозе пленных на территорию рейха, чтобы как можно быстрее использовать их рабочую силу в военной экономике и не причинить вреда их работоспособности в ходе долгих изматывающих маршей. Однако в конце зимы, видимо, понадеялись на то, что в войсках сделают всё необходимое, если им станут известны эти цели⁷. Однако и обращение с пленными, и их вывоз на территорию рейха в весенние месяцы проходили, очевидно, совсем не так, как того ожидало руководство сухопутных сил, поскольку 15 июня 1942 г., – то есть по прошествии немалого времени после обоих крупных котлов на Керченском полуострове и под Харьковом, в результате которых в руках вермахта вновь оказалось 500 000 пленных⁸, – оно издало подробные распоряжения о вывозе вновь поступающих пленных и об обращении с ними⁹. Одновременно существенные изменения претерпела организация службы по делам военнопленных в зоне ответственности ОКХ. Отдельным группам армий были подчинены «начальники служб содержания военнопленных в прифронтовой зоне...», которым, в свою очередь, в *деловом отношении* подчинялись окружные коменданты по делам военнопленных, пересыльные лагеря и армейские пункты сбора пленных, даже если они и были подчинены также армиям или командующему тыловым районом сухопутных сил. Тем самым полномочия по обращению с военнопленными от армий переходили к группам армий; при этом в обращении с военнопленными стремились к большему единообразию. Позиция органов службы по делам пленных в отношении командующих войсками окрепла благодаря тому, что начальник службы содержания военнопленных получил право контроля за снабжением пленных и использованием их рабочей силы,

а также право сообщать главнокомандующему группы армий о недостатках, которые не были устранены по его просьбе¹⁰.

Уже эти усилия показывают, как трудно было устранить в войсках ту позицию по отношению к пленным, распространению которой руководство сухопутных сил и высшее войсковое командование сами способствовали в 1941 году, – не в последнюю очередь благодаря требованию «беспощадно использовать»¹¹ рабочую силу пленных. Сохранившиеся источники подтверждают это. Несмотря на неоднократно направлявшиеся в войска требования о лучшем обращении и явную военную нецелесообразность специфически национал-социалистского способа обращения с пленными обычным явлением по прежнему оставались и недостаточное питание пленных, и варварская эксплуатация их рабочей силы, и жестокое обращение.

Так, например, в 16-й армии в апреле и мае 1942 г. сначала начальник штаба, а затем и командующий требовали ввиду угрожающего положения с использованием рабочей силы «безупречного обращения» с пленными¹². Тем не менее оберквартирмейстер этой армии в своём отчете о положении дел за второе полугодие 1942 г. вынужден был констатировать: «Размещение, обеспечение и продовольственное снабжение работающих при военных частях гражданских рабочих и военнопленных очень часто оставляет желать лучшего»¹³. В сентябре 1942 г. начальник штаба 9-й армии, генерал-майор Ганс Кребс также выступал против того, что, мол, военнопленных, как уже неоднократно наблюдалось, «бессмысленно избивают или подвергают другим издевательствам»¹⁴. В то же время в 184-м пересыльном лагере в Вязьме, в районе 3-й танковой армии опять ежедневно умирало по 50–60 пленных. Врачебная комиссия, которая по заданию армии провела расследование, пришла к выводу, что причина, с одной стороны, заключается в «чрезвычайно плохом состоянии здоровья» недавно поступивших пленных, а с другой – в чрезмерных нагрузках при явно недостаточном питании. От иностранных команд требуют производительности труда, которой невозможно добиться от пленных, причём особенно усердствует организация Тодта¹⁵. Пленных привозят на работу в 6 часов, а увозят только в 17. Следующая за этим выдача пищи заканчивается только в 20 часов. Поскольку пленные работают без перерыва, то у них нет времени даже на личную гигиену. Предусмотренное питание, которого «вполне достаточно при несложной работе», следует выдавать в полном объёме, требуемую выработку нужно сократить. Сюда же относится и «прекращение всех издевательства вследствие непосильного физического труда». Следует ввести один выходной день раз в две недели, чтобы можно было проводить дезинсекцию и врачебное обследование¹⁶. Тот факт, что это обследование было предписано врачебной комиссией, характеризует отличие ситуации от 1941 г., равно как и тот факт, что командование 3-й танковой армии немедленно отдало приказ о принятии мер, требуемых этой комиссией¹⁷.

Случаи такого рода имели место отнюдь не только в районе этих трёх армий. В начале декабря 1942 г. ОКВ было вынуждено распорядиться начать издание «особых распоряжений для службы по делам военнопленных в прифронтовой зоне (Восток)» для «улучшения понимания во взаимоотношениях со службой по делам военнопленных»¹⁸. После введения должности начальников службы содержания военнопленных при главнокомандующих группами армий в июне это было ещё одной попыткой поставить обращение с пленными в соответствие с изменившимися

целями руководства сухопутных сил, – генерал-квартирмейстер Вагнер, как явствует из источников, стал к этому времени сторонником «разумной восточной политики».

Во введении к этим распоряжениям говорилось:

Несмотря на отданные приказы об обращении с пленными в ОКХ по прежнему поступают донесения о том, что ещё не везде обращение с военнопленными соответствует отданным предписаниям. Сохранение рабочей силы пленных является военной, экономической и пропагандистской необходимостью. Каждый военнопленный трудится в интересах ведения войны Германией.

[...] *Всем командным инстанциям и учреждениям по делам военнопленных ещё раз вменяется в обязанность безупречное обращение с военнопленными и сохранение их* [...] ¹⁹.

Насколько положение пленных в прифронтовой зоне опять ухудшилось с приходом зимы, следует из заметки о том, что, мол, «количество смертных случаев и побегов значительно увеличилось в последнее время...» и что командование групп армий вновь должно «обратить на эти процессы особое внимание»²⁰. Но и эти усилия не привели к желаемому результату.

Командующий тыловым районом 2-й армии отдал 5 мая 1943 года приказ о подготовке службы по делам пленных для планируемого крупного наступления в районе Курска. Из пространных и детальных определений этого приказа по поводу правил эвакуации пленных видно, в какой мере в 1943 году повысился интерес к сохранению жизни пленных. Но и в этом приказе во введении утверждалось:

Ценность военнопленных и их рабочей силы по прежнему ясны далеко не каждому командиру и солдату, иначе они не стали бы оставлять пленных при себе для личных услуг и прочих второстепенных работ, которые гораздо лучше могут выполнять гражданские лица, и лишать военнопленных трудоспособности путём чрезмерных нагрузок, недостаточного обеспечения и лишения необходимых предметов обихода и одежды²¹.

В глубоком тылу ситуация была такой же. Когда начальник общего управления сухопутных сил, генерал пехоты Ольбрихт 27 января 1943 г. издал директиву о включении 50 000 советских пленных в армию резерва, то счёл необходимым добавить в распоряжениях об обращении с пленными, – которые впрочем в точности следовали суровому приказу Рейнеке от 8 сентября 1941 г., – следующее предложение: «Всякого рода жестокости и издевательства недостойны немецкого солдата и не должны иметь место»²².

Если, несмотря на неоднократные приказы различных командных инстанций нельзя было коренным образом прекратить бесчеловечное, – и бессмысленное с военной точки зрения, – обращение с военнопленными, то это вновь поясняет, в какой степени якобы имевшее место безупречное повиновение приказу и послушание было подорвано политикой руководства вермахта и сухопутных сил.

Как развивалась судьба пленных в прифронтовой зоне в последующем вплоть до конца войны, в подробностях установить невозможно. Можно предположить, что в действующих войсках поддерживались и по возможности укреплялись стремления – путём «подобающего» обращения ослабить сопротивление Красной Армии

и приобрести перебежчиков. Это соответствовало требованиям руководства сухопутных сил²³. Но ещё важнее была потребность в рабочей силе для немецкой военной экономики. При планировании последнего крупного немецкого наступления на Востоке, – операции «Цитадель» в районе Курска в начале лета 1943 г., – «возможно больший захват военнопленных и их быстрая эвакуация...» стали «одной из важнейших задач будущих операций»²⁴. Для организации захвата военнопленных и трофеев при группе армий «Центр» начальником службы содержания военнопленных в III прифронтовой зоне был образован «штаб по захвату пленных и трофеев при ОКХ», который среди прочего должен был следить также за тем, чтобы войска отдавали для эвакуации всех пленных и не оставляли их для собственных целей²⁵. На уровне армий были назначены командующие тыловыми районами армий в качестве «штабов особого назначения» с теми же задачами, а также для захвата всех *гражданских рабочих сил*²⁶. Усилившееся давление по поводу приобретения рабочей силы на Востоке было, с одной стороны, следствием усилий Шпеера в возможно большей мере поднять уровень производства вооружения, с другой – следствием потерь Германии прежде всего на Восточном фронте, которые постоянно приводили к новым призывам и тем самым в ещё большей мере усиливали нехватку рабочей силы в немецкой экономике²⁷. В качестве ещё одного, не менее важного фактора следует назвать то обстоятельство, что постоянное недоедание ограничивало производительность труда советских пленных и «остарбайтеров», и, наряду с этим, привело осенью 1942 г. к повторному росту их смертности²⁸.

Вследствие этого, а также потому, что количество советских пленных, которые использовались в войсках, из-за новых акций постоянно сокращалось, немецкое руководство и настаивало на том, чтобы вновь попавших в плен советских солдат как можно скорее привозили на территорию рейха и использовали на работах. Уже в июле 1942 г. был отдан приказ, чтобы горные и оружейные рабочие не оставлялись при войсках, но в приоритетном порядке отправлялись в тыл²⁹. В октябре 1942 г. Гитлер приказал для удовлетворения потребности в рабочей силе в оборонной промышленности «освободить» большое количество советских пленных и тех пленных, которые были заняты в прифронтовой зоне, заменить гражданскими русскими лицами³⁰. Поэтому подразделения «добровольных помощников»^{30а} при войсках в значительной степени состояли из гражданских лиц³¹. Поздней осенью 1943 г. часть этих «добровольных помощников» была заменена интернированными итальянцами³², чтобы иметь возможность использовать первых на работах в другом месте³³. Лишних пленных к этому времени в зоне ответственности ОКХ давно уже не было. В марте 1942 г. вновь начали брать в плен военнопленных, которые осенью 1941 г. были отпущены как представители «национальных меньшинств»³⁴; эти акции по приказу ОКХ систематически продолжались и в дальнейшем³⁵.

Количество пленных в прифронтовой зоне сокращалось не только из-за вывоза рабочей силы на территорию рейха. При начавшемся в декабре 1942 г. отступлении немецких войск армиям было приказано «принимать все надлежащие меры для того, чтобы по возможности ни один пленный не попал в руки врага»³⁶. Вывоз пленных, однако, зачастую наталкивался «на большие затруднения», поскольку вывоз предметов питания, боеприпасов и тому подобного был ограничен приоритетным правом, так что пленным приходилось маршировать в тыл пешком:

При скорости движения моторизованных соединений приходилось поэтому часто требовать таких темпов передвижения, которые, несмотря на подготовленные станции с жильём и питанием, неизбежно приводили к большим потерям³⁷.

Количество пленных, которые погибли или сумели бежать во время таких маршей, установить невозможно. В смете отдела иностранных армий «Восток» генерального штаба сухопутных сил от 20 февраля 1945 г. было указано, что до этого времени около 500 000 пленных вновь оказались в руках Советского Союза, количество, в котором наверняка учтены также пленные, бежавшие в оккупированных советских областях³⁸.

Все приказы обращаться с пленными «благоразумно» в интересах ведения войны и использования их рабочей силы так и не смогли повлиять на тех солдат, которые как «политические солдаты» хотели и дальше вести войну против большевизма так, как она была начата в 1941 г., и как её вопреки всем рациональным доводам намеревалось продолжать национал-социалистское руководство. Главнокомандующий группой армий «Центр» генерал-фельдмаршал Фердинанд Шёрнер, наверное, самый фанатичный нацист среди командующих войсками, заявил в конце февраля 1945 г. в одном из характерных для такого типа солдат приказов:

Почти 4 года азиатской войны дали солдатам-фронтовикам другое лицо, как некогда бойцу под Верденом и на Сомме. Они сделали его твёрдым и укрепили в борьбе с большевизмом. Даже на Лужицкой Нейсе в эти дни больше не берут пленных. В восточной кампании вырос *политический солдат*, который появился уже тогда в окопах Западного фронта и основал национал-социалистский фронт³⁹.

Приказы такого рода не были, конечно, правилом в армии, но они сказывались на обращении с пленными, с ужасными последствиями не только для советских, но и для немецких военнопленных.

2. Развитие смертности в 1942–1943 гг.

Хотя в 1942–1945 гг. для работ на территорию рейха постоянно привозились военнопленные из прифронтовой зоны и восточных районов зоны ответственности ОКВ, нехватку рабочей силы в военной промышленности Германии ликвидировать так и не удалось. Тем не менее количество пленных, которые были заняты на территории рейха, увеличилось с 487 535 человек в октябре 1942 г. до 505 975 в июле 1943, 594 279 в феврале 1944 и около 750 000 человек⁴⁰ к 1 января 1945 г.⁴¹ Если сравнить эту цифру с *общим числом* советских военнопленных, которые оказались в руках немцев, и с *общим числом имеющих* в тот или иной момент пленных, то становится ясно, что большая часть этих транспортов служила тому, чтобы возместить потери, которые возникали из-за случаев смерти и нетрудоспособности. Общее число пленных увеличилось с 3 350 000 человек в декабре 1941 г. до 4 716 903 в середине июля 1942, 5 003 697 в январе 1943, 5 637 482 в феврале 1944 и 5 734 528 человек к 1 февраля 1945 г.⁴² Зато количество пленных, находящихся в зоне ответственности ОКВ и ОКХ, после некоторого увеличения с 976 458 до 1 675 626 человек в марте–сентябре 1942 г., сократилось до 1 501 145 человек к 1 января

1943 г., 1 054 820 к 1 мая 1944 г. и 930 287 человек к 1 января 1945 г.⁴³ В то время как общее количество пленных увеличилось с июля 1942 по февраль 1945 гг. на 1 017 625 человек, число находящихся в плену в течение того же периода сократилось на 745 000 человек, несмотря на все усилия увеличить количество рабочей силы.

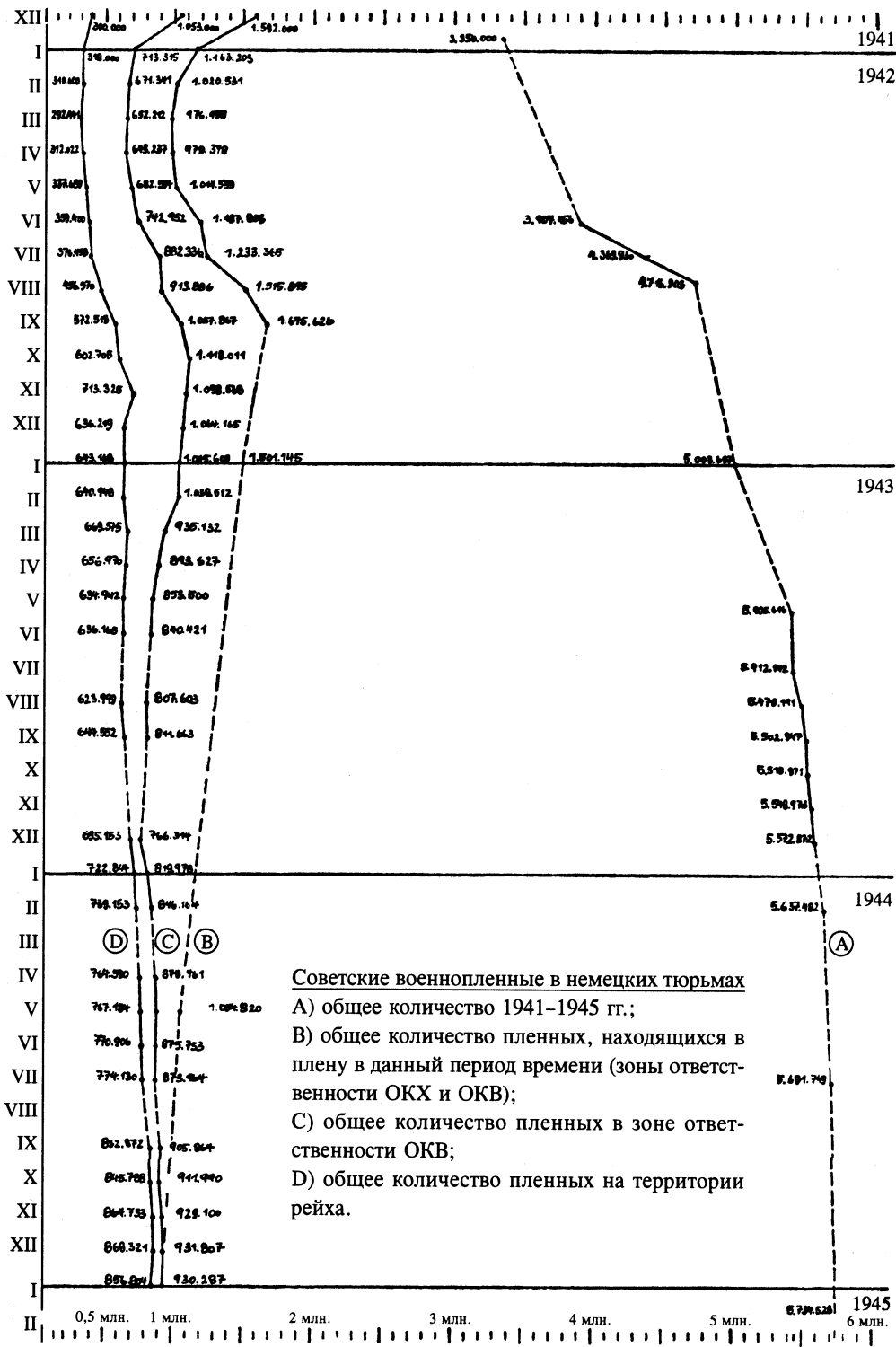
Постоянное сокращение количества пленных отчасти происходило за счёт их освобождения, – почти исключительно «добровольных помощников» и добровольцев для «восточных войск». До 1 мая 1944 г. в зоне ответственности ОКВ и ОКХ было освобождено 818 220 пленных; до конца войны, в рамках усилий по укреплению «восточных войск» было освобождено ещё 200 000 человек, так что в целом число освобождённых составило около миллиона человек.

Главным образом, однако, численность пленных сокращалась за счёт по-прежнему чрезвычайно высокой смертности, которая зимой 1942/1943 и 1943/1944 гг., а также начиная с лета 1944 года вновь достигла своего апогея. Точные данные и здесь привести невозможно. Однако если вычесть из общего количества советских пленных, которые попали в плен к немцам, – 5 734 528 человек – количество пленных, которые ещё находились в руках у немцев к 1 января 1945 г., – 930 287 человек, – затем примерное число освобождённых – 1 млн. человек – и приблизительное число пленных, которые в результате побега или при отступлении вновь оказались в советских руках⁴⁴, – 500 000 человек, – то получится цифра около 3 300 000 пленных, которые или погибли в немецком плену, или были убиты айнзаккомандами, что составляет 57,8% от общего числа пленных⁴⁵.

Подлинное значение этого числа будет понятно, только если сравнить его со смертностью других пленных в немецком заключении. Из французских пленных к 31 января 1945 г. умерло 14 147 человек, из английских – 1851, а из американских – 136 человек⁴⁶. Это составляет: у французов 1,58%, у англичан 1,15% и у американцев 0,3% от общего количества пленных⁴⁷. Хотя в последние месяцы войны смертность и у этих пленных резко выросла, прежде всего, из-за мучительных маршей при эвакуации лагерей перед наступающими союзниками, но в итоге всё равно оставалась ниже 4%⁴⁸. Из 3 155 000 немецких пленных, попавших в руки Красной Армии в 1941–1945 гг., умерло от 1 110 000 до 1 185 000 человек, то есть от 35,1 до 37,4%⁴⁹.

Смертность советских пленных в 1942–1945 гг. невозможно представить столь подробно, как массовую смертность с октября 1941 г. по март 1942 г., но некоторые выводы всё же сделать можно. В период с 1 февраля 1942 года до конца войны, то есть в период, когда ценность советских пленных для немецкого вооружения уже была ясно признана широкими кругами немецкого руководства, умерло около 1 300 000 советских пленных. Это позволяет полагать, что идеологические приоритеты, установленные весной 1941 г. для войны на Востоке, оставались определяющими в гораздо большей степени, чем этого следовало ожидать от постоянно повторяемых высказываний о необходимости путём лучшего обращения улучшать работоспособность пленных и тем самым их шансы на выживание.

Судя по имеющимся данным об изменениях в общей численности советских пленных, а также в численности пленных в зоне ответственности ОКХ и ОКВ и на территории рейха, видно, что смертность после некоторого спада в начале лета

1942 г., уже в августе того же года опять резко возросла. В отчётах генерал-квартирмейстера о военнопленных в зоне ответственности ОКХ среди «прочих потерь» были приведены цифры, которые могут служить примерными исходными данными по количеству смертных случаев⁵⁰, а именно, за апрель 1942 г. было показано 19 535 человек, за май – 13 142, за июнь – 16 736, за июль – 32 977 и за август – 65 814 человек⁵¹. В целом количество пленных с 1 июня 1942 г. по 1 января 1943 г. увеличилось на 1 096 241 человек, тогда как количество пленных, находящихся в лагерях в зоне ответственности ОКВ и ОКХ, выросло всего на 313 292 человека. Даже если предположить, что значительное количество пленных было освобождено в качестве «добровольных помощников» и что из-за неверных донесений вкралась ошибка в размере нескольких тысяч, то и тогда разница в 782 949 человек приводит к выводу, что смертные случаи в этот период достигли шестизначного числа. Аналогичный вывод можно сделать также из уже приведённого приказа ОКХ от декабря 1942 г., в котором речь идёт о том, что смертность опять «значительно возросла»⁵².

Имеющиеся в распоряжении источники по зоне ответственности ОКВ подтверждают это предположение. Несмотря на следующие из зоны ответственности ОКХ транспорты, количество советских пленных в зоне ответственности ОКВ, судя по месячным отчётам отдела по делам военнопленных, постоянно сокращалось. Так, с 1 октября 1942 г. по 1 августа 1943 г. оно сократилось с 1 118 011 человек до 807 603. В августе 1943 г. это количество незначительно увеличилось, но затем к 1 декабря 1943 г. опять снизилось до 766 314 человек, тем самым в целом сократившись *по меньшей мере* на 355 757 человек⁵³. Поскольку освобождение пленных в зоне ответственности ОКВ не достигало большого объёма⁵⁴, то и количество смертных случаев здесь с 1 октября 1942 г. по 1 декабря 1943 г., вероятно, достигло по меньшей мере 250 000–300 000 человек, тем более, что в этих расчётах не были приняты во внимание пополнения из зоны ответственности ОКХ, достигавшие, как минимум, шестизначного числа⁵⁵.

Благодаря данным, имеющимся по территории рейха, становится более понятной временная динамика смертности. Хотя и здесь данных для более точного изложения явно недостаточно, поскольку только в отдельных случаях можно получить информацию о пополнении за счёт новых транспортов с Востока. Однако явно снижающиеся цифры дают знать, что осенью 1942 и весной 1943 годов смертность была особенно высокой.

Так, численность пленных на территории рейха только в ноябре 1942 г. сократилась с 713 325 до 636 219 человек (– 77 106 человек = 10,8%); в январе 1943 г. она снизилась на 7220 человек, в феврале несколько увеличилась за счёт новых поступлений, а в марте и апреле опять сократилась на 12 605 (1,88%) и 22 028 (3,35%) человек соответственно, составив 634 942 человек.

Низшая точка была достигнута 1 августа 1943 г. – 623 999 человек. С этого момента количество советских пленных росло медленно, но неуклонно вплоть до 1 декабря 1944 г.⁵⁶ Но и здесь цифры вводят в заблуждение; в то время как согласно им число пленных на территории рейха с 1 июля по середину ноября 1943 г. увеличилось всего на 50 000 человек – с 630 000 до 680 000, одна лишь немецкая угольная промышленность получила в это период 88 790 новых пленных⁵⁷.

За 1944 год отчёты службы по делам военнопленных не дают больше никаких разъяснений, поскольку в стремлении добыть для немецкой военной промышленности рабочую силу и вывезти пленных из зоны боевых действий перед наступающими союзниками, в лагеря на территории рейха постоянно шли эшелоны с пленными. Высокая смертность советских пленных, однако, не сократилась; напротив, многое говорит за то, что в последние месяцы она ещё раз существенно возросла.

Минимальная цифра получается из списка пленных, зарегистрированных в справочном бюро вермахта. Там была зарегистрирована лишь очень незначительная часть советских пленных; максимальное количество – 647 545 человек – было достигнуто в июле 1943 г. После этого новые пленные, видимо, больше не поступали. С 18 декабря 1943 г. по 21 августа 1944 г. количество этих зарегистрированных пленных сократилось с 621 480 до 599 750 человек, то есть на 21 730 человек⁵⁸. Но общее число умерших было, конечно, гораздо большим.

У пленных теперь проявились последствия длительного недоедания при физических перегрузках. Заболеваемость и смертность ощутимо росли начиная с рубежа 1942–1943 г. Это могут подтвердить некоторые примеры.

Команда по вооружению в Дортмунде заметила в своём отчёте за первый квартал 1944 г., что трудности с питанием из-за нехватки картофеля и овощей особенно негативно сказались на производительности труда советских военнопленных, «остарбайтеров» и интернированных итальянцев, и что количество больных дошло уже до 50%: «Увеличиваются смертные случаи из-за недоедания»⁵⁹.

Интересен в этой связи отчёт об обследовании консультанта по гигиене при старшем враче VI корпусного округа от 23 июня 1944 г., направленный начальником службы содержания военнопленных в VI корпусном округе в Дюссельдорфе в окружающую группу угольной промышленности Рура⁶⁰. Согласно этому отчёту десять процентов советских военнопленных в VI корпусном округе были на данный момент амбулаторными больными, а ещё восемь процентов – стационарными больными. Лишь немногим ниже была заболеваемость среди интернированных итальянцев. Высокая заболеваемость привела к тому, что лазареты для пленных вообще были временно закрыты для приёмов. Большинство больных поступало из горной промышленности, что докладчику казалось «тем более поразительным», ибо «в горную промышленность направлялись самые здоровые пленные». Во второй половине мая «произошло небольшое снижение уровня заболеваемости», однако приток больных, в особенности исхудавших, совершенно обессиленных русских и итальянцев с отёками и поражёнными туберкулёзом легкими, продолжался и дальше во внушающем опасения масштабе.

Количество смертных случаев во время работы в самих шахтах также заметно возросло, причём доля случаев, причиной которых были внутренние заболевания, с октября 1943 по апрель 1944 гг. увеличилась в три раза⁶¹.

Из другого источника видно, что в период с 1 января по 30 июня 1944 г. только в горной промышленности Рура обратно в лагеря, как «окончательно непригодные для горной промышленности» были отправлены 8922 советских пленных, остарбайтеров и «интернированных итальянцев». В это число вошли также 7429 больных туберкулёзом и неназванное количество смертных случаев⁶². При этом следует учесть, что данные цифры скрывают истинный масштаб смертности, обусловлен-

ной непосильным трудом в горной промышленности, поскольку в лагерях, куда доставлялись эти «непригодные для горной промышленности» человеческие останки, отмечалась гораздо более высокая смертность.

Этот высокий уровень заболеваемости и смертности был характерен не только для Рурской области. Инспекция по вооружению VIII в в Катовице, которая в апреле 1944 г. призывала начальника службы содержания военнопленных в Бреслау к более эффективному использованию рабочей силы советских военнопленных в горной промышленности путём увеличения рабочего времени, вынуждена была заметить, что «потери из-за недоедания и заболеваний туберкулёзом» в горной промышленности «особенно велики»⁶³. В июле эта инспекция отметила, что состояние здоровья советских пленных даёт повод к «серьёзным опасениям», а в августе 1944 г. оно вообще стало «чрезвычайно тревожным»⁶⁴. В одном, ещё требующем более детального рассмотрения письме, в котором отдел по делам военнопленных в ОКВ в начале сентября 1944 г. жаловался имперскому объединению угля на «чрезвычайно высокие потери среди советских военнопленных» в горной промышленности, «убыль» в верхнесилезской горной промышленности в первой половине 1944 г. была оценена в 10 963 человек. 818 пленных сбежало, 639 – умерло в шахтах; 7914 чел. из-за болезней были возвращены в стационарные лагеря, ещё 1592 – в лазареты для пленных⁶⁵. Окружная группа угольной промышленности Верхней Силезии в отзыве на это письмо подчёркивала, что большая часть больных пленных больна туберкулёзом; по сообщению военных инстанций в июле 1944 г. только в 344-м стационарном лагере в Ламсдорфе было более 4000 больных туберкулёзом советских пленных, «из которых по данным лечащего врача каждую неделю умирало от 500 до 600 человек»⁶⁶.

Из упомянутого письма отдела по делам военнопленных в ОКВ от 4 сентября следует, что в первом полугодии 1944 г. сообщалось о 32 236 занятых в угольной промышленности советских пленных, как об «убывших» вследствие нетрудоспособности или смерти, – на 1495 человек больше, чем за тот же период времени имперским объединением угля было получено новых пленных. Исходя из этого, отдел по делам военнопленных в ОКВ оценил «среднюю месячную убыль советских военнопленных в угольной промышленности примерно в 5000 рабочих или в 3,3%»⁶⁷. При этом, однако, верхнесилезская горная промышленность, по-видимому, не занимала в этом отношении первого места, поскольку управляющий делами имперского объединения угля Мартин Зогемейер 8 декабря 1944 г. в письме окружной группе угольной промышленности Центральной Германии заметил, что его поражает,

что потери [советских] военнопленных вследствие полной нетрудоспособности или смерти в их округе гораздо выше средних показателей по всей угольной промышленности⁶⁸.

Но даже из всех имеющихся цифр вывести конкретные указания о величине смертности невозможно. Высокая численность больных туберкулёзом, которая, судя по всему, ещё более возросла в последние месяцы, кажется, однако, достаточным указанием на то, что у большинства советских пленных силы были на исходе. Недоедание, нехватка витаминов, постоянное перенапряжение в течение долгих месяцев, а то и лет, жизнь в антисанитарных, тесных, плохо отапливаемых или со-

всем неотапливаемых бараках привели к росту их предрасположенности к дистрофии и в особенности туберкулёзу лёгких в такой степени, что эти болезни распространялись теперь в виде эпидемий и гораздо быстрее и чаще приводили к смерти, чем это обычно бывает при заболевании туберкулезом⁶⁹.

3. Питание советских военнопленных в 1942–1945 гг.

Главной причиной повторения чрезвычайно высокой смертности советских плен­ных в 1942–1945 гг. по-прежнему оставалось недостаточное питание. Развитие событий в 1944 г. и здесь является косвенным свидетельством растущей смертности. Выше уже говорилось, что весной 1942 года рационы советских плен­ных были сокращены и только в октябре 1942 года опять увеличены. После того как министр вооружения Шпеер сразу после своего вступления в должность безуспешно выступил за увеличение рационов⁷⁰, имперское министерство вооружения и боеприпасов летом 1942 г. продолжило безрезультатно настаивать на увеличении рационов для плен­ных, поскольку многие предприниматели постоянно указывали на то, что рационы для плен­ных и «остарбайтеров» не достаточны и что хорошей производительности труда от них можно ожидать лишь тогда, когда они получают больше пищи⁷¹. В ответ на это отдел по делам военнопленных в ОКВ предложил в сентябре 1942 г. имперскому министерству продовольствия «предоставить советским плен­ным пищевые рационы несоветских плен­ных и тем самым уравнивать советского военнопленного со средним [немецким] потребителем»⁷².

Это предложение было рассмотрено 29 сентября на совещании, в котором приняли участие представители имперской и партийной канцелярий, управления 4-хлетним планом, генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и отдела по делам военнопленных, и отвергнуто. Когда в октябре хлебные рационы для немецкого населения опять вернулись на уровень июля 1940 – апреля 1942 гг., а мясные рационы выросли ещё больше⁷³, то увеличились и рационы для советских плен­ных. Но и теперь они оставались ниже уровня других плен­ных (а тем самым и немецкого гражданского населения), прежде всего из-за низкой питательности причитавшихся им продуктов питания⁷⁴. Эти рационы оставались в силе до середины 1944 г.

28 июня 1944 г. имперское министерство продовольствия по предложению генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, ОКХ и Немецкого Трудового Фронта отдало распоряжение о продовольственных добавках для советских плен­ных и «остарбайтеров», а также интернированных итальянцев на 64-й и 65-й продовольственные периоды (с 26 июня до 20 августа 1944 г.); в то же время было объявлено о новых нормах рационов с 21 августа⁷⁵. Советские пленные должны были получать дополнительно 50 г низкосортного мяса и 400 г ржаной муки в неделю, а также 35 г супового набора, 0,7 л обезжиренного молока и 20 г сухих дрожжей. Не только тот факт, что теперь дали согласие на такое повышение, но и состав продуктов питания, является ясным указанием на чрезвычайно угрожающее состояние здоровья советских плен­ных, «остарбайтеров» и «интернированных итальянцев»⁷⁶.

Затем «в интересах сохранения и повышения трудоспособности советских военнопленных и остарбайтеров» имперское министерство продовольствия уравнило 26 июля 1944 г. рационы советских пленных и «остарбайтеров» с рационами всех остальных военнопленных⁷⁷. Чуть позже, 27 октября 1944 г. имперское министерство продовольствия распорядилось также уравнивать рационы пленных с рационами гражданского населения⁷⁸, что, конечно, не привело к достойным упоминания изменениям, так как питание «несоветских» пленных на основании Женевской конвенции и так, в общем и целом, соответствовало питанию гражданского населения⁷⁹. Показательно, однако, что и это повышение рационов опять было частично сведено на нет: «в согласии с министром продовольствия выдача повышенных рационов [...] была увязана с производительностью труда того или иного лица», и предпринято разделение на три производственные категории⁸⁰.

Тем самым это соответствовало ещё требующим рассмотрения требованиям о «снабжении в соответствии с производительностью труда», которые начиная с 1942 г. приобретали всё больший вес сначала в экономике, а затем и в немецком руководстве⁸¹.

Рационы, установленные в октябре 1942 г., были бы вполне достаточны при оптимальной комбинации всех важных для питания факторов. Однако это не было правилом. Пленные, которые уже долгое время недоедали, не могли возместить этими рационами дефицит калорий и прежде всего дефицит витаминов. Тем большее значение это имело в том случае, если продукты питания были низкого качества или если пищу из-за близорукоего стремления к эффективности производства выдавали через явно неразумные промежутки времени. Однако в директивах о питании пленных, которые были изданы отделом по делам военнопленных в ОКВ, имперским министерством продовольствия и органами «самоответственности промышленности», всё равно постоянно содержатся требования – не «вываривать до конца» продукты питания, – что было особенно важно, так как картофель наряду с хлебом были единственными значительными носителями витаминов, – и выдавать горячую пищу также и во время работы. Особенно в горной промышленности, по-видимому, долгое время было правилом, чтобы пленные в четыре часа утра в начале смены получали немного хлеба, а потом только в конце смены – после 16 часов – получали свой «обед» и в 20 часов свой «ужин»⁸².

Очевидно часто бывало и так, что предписанные рационы вообще не выдавались. Это могло быть вызвано как временными перебоями в поставках картофеля и брюквы, – основных продуктов питания пленных, – и тем, что их нельзя было заменить другими продуктами⁸³, так и просто незаинтересованностью органов снабжения. Однако в очень многих случаях это было вызвано тем, что промышленные предприятия, – либо по идеологическим причинам⁸⁴, либо из страха перед «лишними» затратами труда, а то и просто из стремления к прибыли, – не желали полностью выдавать рационы. Какое значение имели отдельные мотивы, на основании имеющихся в распоряжении источников определить невозможно. То, что они не были незначительными, видно на основании ряда примеров.

15 октября 1942 г. полковник Брейер из отдела по делам военнопленных в ОКВ позвонил в управление концерна Круппа. Он заявил, что благодаря органам службы по делам военнопленных и «анонимным письмам от немецкого населения» в

ОКВ поступили «весьма основательные жалобы на обращение с военнопленными в фирме Круппа». Пленных, – имелись в виду не только советские, – избивали, они не получали причитающегося им довольствия, – так, они шесть недель не получали картофеля, – а также положенного им свободного времени. ОКВ предстояло расследовать этот случай⁸⁵. Жалобы отнюдь не были преувеличены; они были подтверждены в отчёте, который несколько позже получил заместитель начальника отдела по использованию рабочей силы в концерне Круппа. В нём говорилось, что во всех лагерях концерна охранники, – в том числе старые борцы за Россию, которых, конечно, нельзя было считать друзьями большевиков, – сочли питание явно недостаточным и по количеству, и по качеству. Охранники также заявили, что наблюдали в ряде случаев, как пленные, которые прибывали здоровыми и сильными, полностью лишались сил в течение нескольких недель. Врачи вермахта высказались аналогичным образом и заявили, что никогда не наблюдали при использовании советских пленных столь скверных общих условий, как в лагерях Круппа⁸⁶.

Точно так же в начале 1943 г. комендант стационарного лагеря VI А Хемер жаловался в Изерлон, в окружную группу угольной промышленности Рура на то, что советские пленные далеко не во всех случаях получали полные хлебные рационы, и что зачастую для удобства между ужином и концом смены во второй половине следующего дня еда вообще не выдавалась⁸⁷.

Тенденция извлекать выгоду из использования советских пленных любыми способами, по-видимому, особенно наглядно проявилась на металлургическом заводе «Максимилиансхютте» в Зульцбахе-Розенберге, предприятии концерна Флика. 26 февраля 1943 г. руководство фирмы дало указание отдельным заводам, как вести учёт расходов на советских пленных. Поскольку руководство фирмы считало, что ему следует удержать из расходов по заработной плате, отчисляемых в стационарный лагерь, «сумму на содержание, превышающую фактические расходы на содержание»⁸⁸, то оно определило, что под «содержанием [...] следует понимать заботу о пленных в духовном или физическом отношении». Из соответствующих средств, таким образом, следовало финансировать

приобретение книг, радиоприёмников, одежды для военнопленных⁸⁹, починку одежды и обуви, а также их дезинсекцию и стрижку.

«Расходы на поездки, налоги в биржу труда и т. п.» также должны были оплачиваться из этих средств⁹⁰. О состоянии здоровья занятых на этот момент времени военнопленных ничего определённого сказать нельзя, но сомнительно, чтобы эта позиция руководства предприятия благоприятно отразилась на положении пленных⁹¹.

Какую прибыль можно было извлечь при политике сознательной «экономии», показывает другой случай. Завод «Штейнколенбергверкс-АГ» в Эссене, – ещё одно предприятие концерна Флика, – выразило 14 июля 1944 г. порицание руководству шахты в Дорстфельде за столовые расчёты, которые по своей расходной части резко отличались от расчётов всех остальных шахт, – расходы были на 50% ниже, чем в других шахтах. Так, например, в апреле 1944 г. руководство шахты выдало 577 советским пленным и 463 «остарбайтерам» вместо 29 120 кг картофеля – 15 595 кг, вместо 17 940 кг хлеба – 11 973 кг, вместо 234 кг макаронных изделий – всего 90 кг. «Поразительно низкими» были суммы, уплаченные за овощи; там, где другие шах-

ты тратили в среднем 27,4 пфеннига на человека в день, шахта в Дорстфельде тратила лишь 10,5 пфеннига⁹². Руководство предприятия подсчитало, что шахта при выдаче предписанных норм, – при том, что они вместо 28 кг картофеля на человека в месяц использовали лишь 20 кг, – должна была израсходовать 23 757,35 рейхсмарок (76,5 пфеннигов на человека в день). Шахта потратила 15 702,29 рейхсмарок (51 пфенниг на человека в день) и сэкономила ровно треть – 8055 рейхсмарок⁹³. Тому, что руководство предприятия осудило позицию шахты в Дорстфельде, была серьезная причина. Ещё год тому назад представитель имперского объединения угля подчеркнул в докладе перед членами окружной группы Рура, что генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы лично будет заботиться о том,

чтобы иностранным рабочим выдавали продовольствие в соответствии с отпущенным им количеством. Присвоение государственных средств, ростовщические цены и т. п. контрольные и исполнительные органы будут рассматривать как преступление против немцев⁹⁴.

Однако это предупреждение, очевидно, не везде произвело должный эффект.

Конечно, были предприятия, которые руководствовались иными принципами, но здесь можно привести лишь один пример. 2 октября 1942 г. имперское объединение угля направило во все окружные группы угольной промышленности опытный отчёт Вильгельма Генуита, директора завода «Луитпольдхютте» (в Амберге) концерна «Рейхсверке Герман Геринг»⁹⁵. На этом предприятии в то время было занято 516 советских пленных, отчасти уже с декабря 1941 г. С пленными обращались в патриархальной манере. Генуит придавал значение «строжайшей дисциплине в лагерях и на рабочих местах», тому, чтобы «в точности соблюдались знаки уважения», «самой тщательной чистоте тела», – что включало «ношение волос длиной 0,1 мм», – а также

*обильному определению продовольственных порций [...] тому, чтобы выдаваемая пища не была слишком жидкой, но, как говорят в народе, чтобы ложка торчала в ней*⁹⁶.

Чтобы создать дополнительные продукты питания, пленных заставляли весной собирать «съедобные дикорастущие растения (крапиву и т. п.)». Кроме того, был разбит большой сад, который пленные обрабатывали в свободное время для «особых кушаний и табачных изделий». Тем самым здесь была достигнута самая низкая заболеваемость – она составляла всего 3%. «Хорошее обращение с военнопленными (не бьют)» и «небольшие добавки..., как, например, специальная порция еды и несколько сигарет» для «особенно усердных пленных» привели к тому, «что производительность труда во всех отделениях завода составляла 70–80% и могла быть охарактеризована как хорошая»⁹⁷.

Плейгер потребовал от горнодобывающих предприятий «воспринять полезные для горной промышленности меры», но, как видно из уже приведённых источников, это, конечно, не было правилом. Но и это ничуть не изменило становившееся к концу войны всё более критическим положение рабочей силы. 2 ноября 1944 г. обер-группенфюрер СС фон дер Бах-Зелевский⁹⁸ потребовал в своём приказе к органам службы по делам военнопленных,

чтобы коменданты лагерей распорядились использовать на кухне самих военнопленных в зависимости от объёма приготовления пищи. Этим военнопленных [...] нужно непрерывно информировать о причитающемся им количестве продуктов питания и путём взвешивания давать возможность убедиться [...] в правильности этого количества.

Поводом к этому предписанию послужило подозрение, «что рационы не всегда выдаются полностью», так как заболеваемость у рабочих команд в частной экономике была выше, чем у команд на предприятиях вермахта⁹⁹.

Немецкое руководство, конечно, само поощряло соответствующий образ мыслей с помощью представленных им правил обращения с советскими пленными и, не в последнюю очередь, с помощью «высшего принципа – выжимать из военнопленных из восточных народов такую производительность труда, какую только возможно»¹⁰⁰. К тому же поэтапное введение «продуктивного питания» облегчило возможность оправдывать невыдачу пленным пищи наказанием за низкую производительность труда¹⁰¹.

4. Последовательное «уничтожение противника»

Несмотря на всё более усиливающуюся нехватку рабочей силы и продолжающуюся высокую смертность, важнейшая детерминанта участи советских пленных и использования их рабочей силы – «уничтожение противника» – хоть и в меньшей степени, но по-прежнему оставалась в силе.

Лишь очень медленно в РСХА стали сознавать, что количество нужных для немецкой военной экономики советских пленных из-за массовой смертности сократилось более чем вдвое. Лишь 13 февраля 1942 г. начальник гестапо Мюллер принципиальным приказом ограничил количество «отборов»¹⁰². Но и теперь круг жертв оставался ещё довольно широк; то, что вынужденное изменение политики явно не по нраву было ответственным лицам в РСХА, видно не в последнюю очередь из того, что три дня спустя было отдано распоряжение об усилении айнзацкоманд в генерал-губернаторстве за счёт временно освобождённых от должности служащих полиции безопасности¹⁰³.

В стремлении проводить «отборы» насколько возможно более эффективно и, чтобы избежать трений наподобие тех, которые в отдельных случаях имели место в 1941 г., РСХА распорядилось 26 марта 1942 г. завершить «отборы» на территории рейха и в последующем проводить подобные акции только в генерал-губернаторстве¹⁰⁴. Этот приказ был повторно отдан 27 апреля 1942 г. и подтверждён 5 мая соответствующим распоряжением отдела по делам военнопленных¹⁰⁵. Согласно ему коменданты лагерей в генерал-губернаторстве и рейхскомиссариатах «Остланд» и «Украина» должны были тут же докладывать в гестапо о прибытии новых пленных. При переводе «проверенных» пленных айнзацкомандам следовало выдавать ответственным за транспортировку соответствующее удостоверение.

Неясно, в какой мере решение от середины февраля, которое привело к сокращению количества казней, восходит к решениям высшего руководства. Но точно известно, что решающую роль при этом сыграла необходимость получения рабочей

силы. Аналогичным несколько недель спустя было желание ослабить советское сопротивление и «повысить склонность к переходу на нашу сторону и капитуляции окружённых групп советских войск», которое побудило Гитлера «сначала в виде опыта» обещать комиссарам и политрукам «сохранение жизни»¹⁰⁶. Тем самым приказ о комиссарах был фактически отменён. Не известно, чтобы после этого в войсках всё ещё расстреливали комиссаров.

Однако судьба комиссаров при этом не улучшилась. Вероятно, именно Рейнеке приказал 1 июня 1942 г., чтобы «отбор комиссаров и политруков [...] производился ещё только в генерал-губернаторстве». Отобранных следовало перевозить в «специально подготовленные лагеря полиции безопасности» и

особому обращению, как прежде, больше не подвергать, разве что речь шла о людях, явно виновных в заслуживающих наказания проступках, как то убийство, людоедство и т. п.¹⁰⁷

Приказ об исполнении РСХА также предусматривал «отказ от особого обращения [...] для политических комиссаров и политруков»¹⁰⁸, но в октябре 1942 г. его подкорректировали: командам следовало установить, идёт ли речь о добровольно перешедших на нашу сторону или о захваченных в бою комиссарах и политруках; последних следовало немедленно казнить, а перебежчиков доставляли в концлагерь Маутхаузен, что вряд ли было более мягкой участью¹⁰⁹. Для «евреев, преступников и т. д.» в силе оставалась «прежняя процедура» – их расстреливали.

Благодаря приказу Рейнеке от 1 июня 1942 г. «отборы» были в общем ограничены областью генерал-губернаторства, «чтобы предотвратить любую задержку в эвакуации вновь поступающих военнопленных на территорию рейха»¹¹⁰. Это также было уступкой политическому руководству в вопросе более быстрой доставки советских пленнх для работ на территории рейха. Хотя этот приказ поступил на фронт, минуя РСХА и, конечно, ОКХ, отборы на фронте не прекратились. Только в зоне ответственности 11-й армии с июня по август 1942 г. айнзацгруппам было передано 2655 советских пленнх; из районов действия других армий поступили донесения с меньшими цифрами¹¹¹.

О проведении «политического карантина», – по выражению Рейнеке в его приказе от 1 июня, – ценную информацию даёт «протокол рабочего съезда айнзацкоманд полиции безопасности в стационарных лагерях генерал-губернаторства» 27 января 1943 г.¹¹². Этот съезд проводили представители РСХА – начальник отдела IV A 1, штурмбанфюрер СС Линдов и управляющий отделом IV A 1 с, гауптштурмфюрер СС Кёнигсхаус, а также начальник связи при начальнике службы содержания военнопленных в генерал-губернаторстве, штурмбанфюрер СС Лиска.

Из этого протокола следует, что в генерал-губернаторстве в 1942 г. «всего было казнено 3217 советско-русских военнопленных и 78 советско-русских военнопленных передано в концлагеря».

Интересна статья Линдова, в которой он указывает на «новые концепции», которые «следует в будущем учитывать ввиду срочно необходимой рейху рабочей силы». После отбора «устранять путём смертной казни следовало в будущем только действительно политически нетерпимые элементы». Политруки, которые исполняли свои обязанности «под большим или меньшим принуждением», должны были доставляться в концлагеря в качестве рабочей силы:

В отдельных случаях в зависимости от обстоятельств следует предоставить начальнику айнзацкоманды право самому решать – нужно ли рассматривать данного военнопленного в качестве политически нетерпимого в смысле этих директив¹¹³, или его всё-таки можно использовать в качестве рабочей силы. При этом особое внимание следует обращать на то, чтобы направленные в концлагеря политически ненадёжные военнопленные не использовались в свободном рабочем процессе. Чтобы получить как можно больше рабочей силы для рейха, это должно считаться в будущем лейтмотивом при отборах¹¹⁴.

Было бы ошибочно видеть в ограничении отборов одним генерал-губернаторством и меньшем количестве приводимых по 1942 году цифр принципиальный поворот в политике истребления. Для евреев по прежнему оставался в силе весь набор приказов о казни¹¹⁵. Для остальных советских пленников ситуация, правда, несколько изменилась, – от принципа, согласно которому каждого, хотя бы лишь отдалённо неблагонадежного пленного следовало *в качестве превентивной меры* отправлять для казни в ближайший концлагерь, пришлось отказаться. Зато тем более строго следили за тем, как вели себя пленные, и любая попытка сопротивления пресекалась с максимальной жестокостью. В своей пресловутой речи перед группенфюрерами СС в Познани 4 октября 1943 г. Гиммлер сформулировал соответствующую установку: «Миллионы пленников в Германии не представляют опасности, «пока мы жестоко подавляем любое недовольство... Каждая малая искра будет немедленно затоптана»¹¹⁶.

Для советских пленников это означало особенно интенсивный надзор. Уже 24 марта 1942 г. Рейнеке в новой редакции директив об обращении с пленными и об «отборе политически нежелательных элементов» распорядился, чтобы за пленными, классифицированными как политически неопасные, охранники продолжали и дальше «следить в отношении их взглядов» и в случае необходимости передавать их в гестапо¹¹⁷. Соответствующее требование о дальнейшем надзоре было направлено также в органы гестапо¹¹⁸.

Постоянно растущая потребность в рабочей силе привела не только к тому, что критерии отбора были несколько смягчены, – чтобы можно было привозить больше пленников для работ. Направленные на безопасность ограничения, прежде всего, принцип «использования пленников в закрытых колоннах», приходилось смягчать всё в большей степени, чтобы сделать возможным использование отдельных квалифицированных рабочих в оборонной промышленности или отдельных подсобных рабочих в крестьянских хозяйствах. Но, с другой стороны, это настолько повышало в глазах немецкого руководства риск, связанный с использованием советских пленников, что вновь стали закручивать гайки. 28 января 1943 г. отдел по делам военнопленных в ОКВ приказал провести среди советских пленников «пропагандистскую акцию», чтобы привлечь больше пленников для освобождения немецких сил. Исходным условием этого должно было стать выделение из массы пленников «фанатиков и профессиональных помощников большевизма» и передача их в соответствии с прежними приказами в гестапо. Тем самым, мол, станет возможным

во всё большей мере и без особой опасности для немецкого народа привлекать советских пленников к решению задач, которые до сих пор приходилось поручать исключительно немцам¹¹⁹.

Тем самым *фактически* был отдан приказ об очередной волне отборов.

Изменившиеся условия нашли своё выражение в дальнейших приказах РСХА. 30 марта 1943 г. начальник гестапо Мюллер дал новые директивы о применении «полицейских мер в отношении советских военнопленных». В то время как до сих пор советские военнопленные, которые совершили после побега уголовные преступления¹²⁰ или были «предоставлены в распоряжение» полиции безопасности комендантами стационарных лагерей, по требованию соответствующего бюро гестапо направлялись *через РСХА* для казни или работы в концлагерь, то теперь «для упрощения процедуры» сочли необходимым в случаях, когда «особое обращение кажется неуместным», передать право на направление органам государственной полиции или начальникам полиции безопасности¹²¹:

Только при насильственных преступлениях советских военнопленных (например убийстве, поджоге, применении силы против работодателей и их охраны или преступном поведении в отношении женщин, – изнасиловании, – и т. д.) или опасных политических правонарушениях (призыве к саботажу, забастовке и т. д.) о казни следует сообщать [телеграммой] в отдел IV А 1 с главного управления имперской безопасности.

В приказе особое внимание обращалось на то, что «при уголовных правонарушениях, в частности при особо тяжких преступлениях, [...] следует применять только полицейские меры» и даже не думать о «вынесении приговора немецкими судами». Поэтому органам уголовной полиции следует направлять указанные дела не в прокуратуру, но в органы государственной полиции¹²². Уже 27 августа 1942 г. отдел по делам военнопленных в ОКВ распорядился, чтобы при преступлениях советских военнопленных, за которые по мнению коменданта лагеря нельзя было вынести дисциплинарное наказание, не нужно было подавать отчёт, – который привёл бы к процедуре обычного в таких случаях для военнопленных военного суда, – но следовало передавать преступников в гестапо¹²³.

Тем самым в этом приказе было окончательно сформулировано то, что и так уже в сущности содержалось в приказе Рейнеке от 22 ноября 1941 г.¹²⁴: создание особого беспроцессуального уголовного права для советских пленных. Таким образом руководство вермахта, – по-видимому, не особенно об этом задумываясь, – согласилось с введением на территории рейха порядка, который до сих пор действовал лишь в отношении поляков и евреев в генерал-губернаторстве¹²⁵. Только в сентябре 1942 г. министр юстиции Тирак и Гиммлер договорились о том, что от «проведения штатных карательных мер против поляков и представителей восточных народов», а также против евреев и цыган в общем следует отказаться, поскольку речь при этом идёт о «чужеземных и расово неполноценных людях»¹²⁶. То, что касалось этих жертв, было в силе и для советских военнопленных, а именно, что «преступления» любого рода следует «рассматривать не с точки зрения соответствующего праву наказания, а с точки зрения предотвращения опасности полицейскими мерами»¹²⁷.

Проблема «борьбы с противником» в последующее время всё в большей степени переходила от превентивного отбора «нежелательных» пленных к принятию решительных мер в случаях, которые казались угрожающими немецкому руководству. При этом можно выделить три вида преступлений: побег и последствия по-

бега; сношения советских пленнх с немецкими женщинами, и «опасные политические правонарушения», такие как призыв к забастовке и саботажу.

Случаи побегов советских пленнх немецкое руководство с самого начала воспринимало как особую угрозу. Самое позднее в августе 1941 г. отдел по делам военнопленнх в ОКВ отдал приказ о передаче повторно пойманнх пленнх для казни в СД. В марте 1942 г. этот приказ был смягчён, но уже 5 мая вернулись к старому порядку¹²⁸. Повторно пойманнх пленнх следовало теперь *в любом случае* передавать сначала в гестапо, которое должно было установить, совершил ли пленный преступления после побега. Поскольку сбежавшим пленным по необходимости приходилось красть продукты питания и одежду, это означало, как правило, смертный приговор¹²⁹.

В марте 1944 г. для «офицеров и неработающих унтер-офицеров»¹³⁰ процедура была упрощена, причём одновременно сюда же были включены пленные других наций¹³¹. 4 марта 1944 г. начальник гестапо Мюллер направил в органы гестапо новый приказ отдела по делам военнопленнх в ОКВ с соответствующими собственными указаниями¹³². Отдел по делам военнопленнх в ОКВ распорядился, чтобы *всех* повторно пойманнх военнопленнх офицеров и унтер-офицеров, за исключением британских и американских пленнх, при поимке передавали в гестапо с пометкой «III степень». Об этой мере нельзя было говорить ни при каких обстоятельствах, поэтому и в справочное бюро вермахта, и в Международный Комитет Красного Креста об этих пленнх докладывали, как о «сбежавших и до сих пор не пойманнх». Британских и американских пленнх сначала следовало задерживать *за пределами* лагеря, а затем об их судьбе в каждом отдельном случае должен был принять решение начальник службы по делам военнопленнх в ОКВ. Остальнх пленнх при соблюдении особых мер предосторожности и высшей степени секретности Мюллер приказал перевезти в рамках операции под кодовым названием «Пуля» в концлагерь Маутхаузен. Там пленнх вносили лишь в секретный реестр политического отдела под отдельным номером или вообще не регистрировали¹³³. Их запирали в специально охраняемом блок и большинство из них просто оставляли умирать от голода. Одни были расстреляны, другие – отравлены в газовых камерах или замучены до смерти иным способом. В рамках операции «Пуля» в Маутхаузене было убито около 5000 военнопленнх различных национальностей, большей частью советско-русских¹³⁴.

Возможной причиной того, что жертвами этой истребительной акции пали лишь неработающие офицеры и унтер-офицеры, было то обстоятельство, что их рассматривали как «беспользньх едоков». Однако с советскими офицерами дело было несколько иначе, ибо им не было предоставлено право не работать¹³⁵. Здесь в глазах как национал-социалистского руководства, так и руководства вермахта только тот факт, что данный пленный обладал в определённой степени волей к сопротивлению, уже говорил о необходимости его устранения. Поэтому руководство вермахта с самого начала поставило использование труда советских офицеров в зависимость от особого разрешения со стороны ОКВ и потребовало от айнзацкоманд особенно тщательной проверки этого¹³⁶. В последующем был предписан ещё ряд мер по предотвращению побегов. Офицеров следовало изолировать от всех остальнх пленнх и гражданских рабочих. Наряду со строгими мерами безопас-

ности, всех офицеров, которые работали в оборонной промышленности, и поведение которых внушало опасения, следовало в качестве превентивной меры отделить от остальных

и в закрытых колоннах использовать на тяжёлых работах с возможностью бдительного надзора. Явных подстрекателей следовало передавать в СД¹³⁷.

К усилиям по предотвращению побегов советских пленных относится распоряжение о мере, которая ещё раз показывает, в какой мере руководство вермахта было готово отказаться при обращении с советскими пленными от всяких человеческих соображений. 16 января 1942 г. отдел по делам военнопленных в ОКВ распорядился отмечать советских пленных крестом на левом предплечье с помощью ляписного карандаша¹³⁸. Эта мера, видимо, оказалась неудовлетворительной с технической или медицинской точки зрения, так как приказ вскоре после этого был отменён. Однако 20 июля вновь был отдан приказ «отмечать пленных особым и долговечным знаком». Этот знак – «открытый вниз острый угол примерно 45 градусов и длиной стороны 1 см на левой ягодице» – нужно было вытатуировать китайской тушью¹³⁹. Эта акция также вскоре после этого была приостановлена, «поскольку изменились обстоятельства»¹⁴⁰, и, наконец, совершенно прекращена.

Происхождение соответствующих приказов выяснить невозможно. Рейнеке утверждал на процессе по делу ОКВ, будто он ничего не знал о первом приказе, а второй вышел по распоряжению Гитлера и Кейтеля. Последний якобы поручил его разработку генералу фон Гревеницу¹⁴¹. Отмена попытки клеймения советских пленных как рабов, вероятно, была заслугой адмирала Канариса, – то есть, графа Мольтке¹⁴², – который «немедленно выразил свой протест»¹⁴³.

Впрочем, это ни в коей мере не означало, будто отдел по делам военнопленных в ОКВ и его органы на местах заботились о том, чтобы военнопленные в случае побега при известных условиях отделялись слишком дёшево. 20 октября 1942 г. начальник гестапо Мюллер вновь обратил внимание органов гестапо на соответствующие приказы. Он сокрушался по поводу того, что эти директивы постоянно нарушаются:

Так, верховное командование вермахта¹⁴⁴ сообщает мне, что очень многие учреждения полиции вновь отправляют в стационарные лагеря бывших беглых советских военнопленных с протоколами допросов, из которых следует, что военнопленными были совершены уголовные преступления¹⁴⁵.

Вплоть до конца войны эти приказы оставались в силе без изменений¹⁴⁶.

Необходимость во всё возрастающей степени использовать советских пленных в оборонной промышленности и тем самым игнорировать требуемую изоляцию от гражданского населения неизбежно приводила к контактам с немецкими женщинами. Отдел по делам военнопленных уже в начале 1942 года ознакомил пленных с тем, что в таких случаях им «при известных условиях придётся ожидать самого строгого наказания»¹⁴⁷. В 1942 г., однако, «не было установлено случаев связи советско-русских военнопленных с немецкими женщинами»¹⁴⁸. Таким образом, следует, вероятно, считать предупредительной мерой то обстоятельство, что отдел по делам военнопленных в ОКВ распорядился 9 марта 1943 г. отправлять замеченных в этом деле пленных в гестапо¹⁴⁹. Начальник гестапо Мюллер заявил по этому поводу, что «в случае доказанной половой связи он лично распорядится об особом

обращении, а в простых случаях – о переводе в концлагерь». Замешанных в этом немецких женщин следовало доставлять в концлагерь ещё до начала процесса¹⁵⁰. Количество таких случаев до конца войны существенно возросло; так что в 1944 г. в РСХА иной раз в один день поступало по два – три заявления о казни, а общее их количество доходило до сотни¹⁵¹.

Наибольшее значение в пределах этого комплекса, судя по количеству связанных с этим приказов, вероятно, имели «опасные политические преступления», такие как подстрекательство к отказу от работы и саботажу.

Уже в первых директивах об обращении с пленными было приказано «при отказе работать [...] принимать самые суровые меры»¹⁵². Неоднократно повторяемое требование следить за рабочими командами и после завершения первоначального отбора на предмет «нежелательных элементов»¹⁵³ давало возможность в любое время передавать в гестапо тех пленных, которые по чему-либо казались нежелательными. «Подстрекательство к саботажу, забастовке и т. п.» было отнесено в марте 1943 года к преступлениям, за которые в любом случае следовало подавать в РСХА заявку на казнь¹⁵⁴. После того как отдел по делам военнопленных в ОКВ уже 28 января 1943 г. приказал в интересах безопасного использования рабочей силы отобрать «фанатиков и профессиональных пособников большевизма», 10 апреля 1943 г. было ещё раз отдано настоятельное распоряжение передавать в гестапо «как политически нежелательных подстрекателей» пленных советских офицеров, «которые ведут себя подстрекательски и тем самым оказывают отрицательное влияние на желание работать прочих советско-русских военнопленных»¹⁵⁵.

В июне 1943 г. опасения немецкого руководства усилились вследствие случайного раскрытия организации сопротивления среди советских пленных – БСВ (Братского Содружества Военнопленных). Группы этого движения сопротивления распространились по различным частям рейха и до своего последующего уничтожения на рубеже 1943–1944 гг., по-видимому, могли записать на свой счёт некоторые успехи в организации саботажа и пассивного сопротивления¹⁵⁶.

В каком объёме советские пленные стали жертвами этих приказов установить невозможно, тем более, что источники 1943–1945 гг. становятся всё скуднее. Сохранившиеся источники из управления мюнхенского гестапо показывают, что по меньшей мере отдельные учреждения вермахта стремились выдворить военнопленных на «работы» в концлагеря, как обременительный элемент. В период с ноября 1943 по январь 1944 гг. из стационарного лагеря VII А Моосбург в бюро мюнхенского гестапо доложили по крайней мере о 29 пленных, как о «вредных элементах» и отправили их в концлагерь Дахау. При этом речь шла по большей части о бывших «добровольных помощниках», которые из-за мелких правонарушений вновь были взяты под стражу, но о которых их бывшие немецкие начальники не доложили в СД, наказав лишь дисциплинарно¹⁵⁷.

На предприятиях немецкой военной экономики по меньшей мере в отдельных случаях знали, что передача советских пленных в гестапо, как правило, означала смертный приговор¹⁵⁸. По крайней мере, в некоторых случаях предприятия настаивали на том, чтобы с военнопленными обращались «ещё строже» с целью пресечь пассивное сопротивление, медленную работу, «халтуру» и кражу материалов даже в небольших размерах. 19 ноября 1943 г., например, предприятие «БМВ Флюгмо-

торен» в Мюнхене-Аллахе обратилось в имперское министерство вооружения и боеприпасов, к начальнику службы содержания военнопленных в VII корпусном округе и в управление мюнхенского гестапо с требованием «более строгими воспитательными мерами» показать занятым там советским пленным,

что мы вовсе не чувствуем себя слабыми. Таким образом, можно было бы с самого начала подавить у иностранцев и военнопленных всякую надежду и довести до их сознания необходимость полного подчинения.

Руководство завода особенно подчёркивало в своём письме, что военнопленные изготовляли из ценной хромоникелевой стали кольца, браслеты и мундштуки для сигарет, что следует рассматривать, как «планомерный саботаж и повреждение оборонных средств» и тем самым как нарушение уголовно-правовых предписаний по защите обороноспособности немецкого народа от 25 ноября 1939 г.:

Мы придерживаемся мнения, что расстрел нескольких саботажников перед собранием рабочего коллектива сразу же прекратит эти случаи саботажа¹⁵⁹.

При этом стремление искоренить активное и пассивное сопротивление переплеталось с намерением запугать других пленных и принудить их к более высокой производительности труда¹⁶⁰.

Растущие трудности в приобретении новых пленных и здесь способствовали изменению методов. Наказания в качестве назидания по прежнему считались полезными, однако предприятия, а также имперское министерство вооружения и боеприпасов стремились ограничить постоянный отток рабочей силы в концлагерь Гимmlера, предпочитая вместо этого тяжёлым трудом и голодом добиваться от пленных и иностранных рабочих требуемой «грудовой дисциплины» в «трудовых воспитательных лагерях», которые курировались совместно с гестапо¹⁶¹. Однако эти планы были осуществлены главным образом лишь в отношении «остарбайтеров» и других принудительно набранных гражданских рабочих, поскольку вермахт стремился сохранить обращение с военнопленными под собственным контролем¹⁶².

5. Попытки добиться повышения производительности труда пленных

Уже неоднократно говорилось о том, что следствием недостатка рабочей силы были постоянные попытки добиться повышения производительности труда как советских, так и других военнопленных и принудительно набранных рабочих. В этих усилиях столкнулись требования партийных идеологов, которые требовали безжалостной эксплуатации именно польских и советских пленных и гражданских рабочих¹⁶³, и требования технократов из экономики и организации вооружения, которые, возможно, посмеивались над расовыми фанатиками партии и презирали их, но руководствовались принципом производительности труда и производственных цифр и потому выдвигали подобные требования.

Некоторые из этих технократов склонялись к тому, чтобы в деле повышения производительности труда отдать предпочтение увеличению материальной заинтересованности, другие – колебались между жестокими принудительными мерами и

лучшим обращением; в итоге складывается картина постоянных колебаний между кнутом и пряником. Причём весьма показательным, что кнут в качестве наибольшего общего знаменателя всегда оставался *последним доводом*. Попытки добиться в определенной мере сотрудничества посредством лучшего обращения и пропагандистских манипуляций были обречены на провал не только поэтому, что национал-социалистское руководство не было склонно к такой политике. Сама политическая система, основанная на порабощении и эксплуатации других народов, была *в принципе* неспособна перейти к сотрудничеству, которое предполагало бы уступки в отношении других народов. Кроме того, сопротивление, вызванное жестокой политикой порабощения во всех оккупированных странах уже невозможно было подавить. Национал-социалистское правительство оказалось по сути бессильным перед лицом пассивного сопротивления подвергавшихся эксплуатации принудительно набранных рабочих. Квалифицированных рабочих при выполнении сложных технологических операций очень трудно было уличить в намеренном саботаже, уловить грань между трудовой непригодностью и нежеланием трудиться, и каждая принудительная мера, которая была использована, должна была лишь укрепить волю к пассивному сопротивлению.

а) Открытие службы по делам военнопленных для влияний со стороны партии и экономики

Чтобы выяснить возможности влияния партийной канцелярии, с одной стороны, и военной экономики, с другой, необходимо сначала кратко описать происходившие в этой области процессы.

Генерал Рейнеке, который ещё до войны ратовал за тесное сотрудничество вермахта с НСДАП, в деле обращения с советскими военнопленными с самого начала старался действовать в тесном согласии с партией. На процессе по делу ОКВ Рейнеке заявил, что он отдавал соответствующие приказы только по указанию Гитлера, Бормана и Кейтеля¹⁶⁴, но это заявление нелепо уже потому, что подразумевает, будто они каждый из этих приказов проводили вопреки его активному сопротивлению.

Первый этап этого тесного сотрудничества заключался в том, что все соответствующие приказы службы по делам военнопленных направлялись в партийную канцелярию, откуда затем в виде «конфиденциальной информации» или секретных циркулярных писем передавались Борманом гауляйтерам и крайсляйтерам¹⁶⁵. Одним из первых объявленных таким образом приказов был основополагающий приказ Рейнеке об обращении с советскими военнопленными от 8 сентября 1941 г. Партийные органы получали тем самым возможность контролировать выполнение этих приказов и сообщать о солдатах, которые были склонны к более человечному обращению с пленными.

Этот первый этап оказался недостаточным как для партийной канцелярии, так и для Рейнеке. 24 сентября 1941 г. начальник штаба Рейнеке, подполковник Константин фон Бегвельин подписал основополагающий приказ о сотрудничестве начальников служб содержания военнопленных с гауляйтерами:

Установлено, что связь между начальниками служб содержания военнопленных и гауляйтерами в данной области не столь тесна, как то желательно для того, чтобы держать гауляйтеров в курсе по вопросу о положении советских военнопленных,

который имеет чрезвычайно важное значение для их округа с политической точки зрения. Именно ввоз советских военнопленных в Германию таит в себе множество политических проблем, которые невозможно решить без представителей партии. Охрана, использование и снабжение – исключительная прерогатива вермахта. Однако это не мешает постоянно лично информировать гауляйтеров обо всех возникающих в этой области вопросах. Так как именно они являются теми людьми, которые должны сориентировать подчинённые им службы на то, чтобы те смогли дать отпор возможным волнениям среди населения. Они же являются теми, которые могут точно оценить обстановку в округе, в то время как работающие в службе по делам военнопленных офицеры именно теперь во время войны часто прибывают из других частей рейха¹⁶⁶.

В какой мере начальники служб содержания военнопленных, – в основном пожилые генералы «в запасе», которые вновь были призваны в условиях войны, – следовали этому распоряжению установить невозможно. Представляется, что с их стороны усилиям руководства вермахта оказывалось в определенной мере пассивное сопротивление, так как Рейнке в 1942 и 1943 г. неоднократно считал необходимым принимать аналогичные решительные меры. При этом его приказы всякий раз выходили далеко за рамки проблемы. В то же время из них ясно следует, что усилия партийной канцелярии не были продиктованы исключительно идеологическими мотивами и что представители военной экономики также пытались проводить через партийную канцелярию свои интересы.

Следующим этапом процесса подчинения службы по делам военнопленных контролю партии было «указание» ОКВ партийной канцелярии, что, мол, «*весьма желательно было бы посещение лагерей для военнопленных полномочными представителями государственной власти*». Во время каждого посещения следовало информировать комендантов лагерей о том, что все учреждения вермахта, которые должны заниматься охраной пленных, обязаны поддерживать «теснейшую связь» с партийными структурами. То же самое следовало делать и на курсах для комендантов лагерей. Партийная канцелярия, со своей стороны, дала указания своим органам не ждать приглашения со стороны вермахта, но самим «регулярно выражать желание посетить лагерь, расположенные в зоне их ответственности¹⁶⁷».

26 июня 1942 г. отдел по делам военнопленных в ОКВ «по инициативе партийной канцелярии»¹⁶⁸ отдал приказ о «повышении производительности труда всех военнопленных»¹⁶⁹. В нём говорилось, что производительность труда военнопленных, в особенности «западных и юго-восточных», сильно снизилась. Это объяснялось тем, что на местах проявляется безразличие к труду пленных и что охранники «видят свою задачу лишь в охране военнопленных, но не в надзоре за производительностью их труда». Каждый пленный обязан «использовать свою рабочую силу в полной мере», но он этого не делает, так что до выхода новых предписаний к нему следует «со всей строгостью применять меры в соответствии с прежними распоряжениями». Охране в случае, «если она не будет принимать меры в отношении военнопленных, которые сдерживают свою производительность труда»¹⁷⁰, грозило суровое наказание.

Когда вскоре после этого на совещании гауляйтеров была изложена жалоба по поводу того, «что охранники во многих местах принимают недостаточно строгие

меры в тех случаях, когда военнопленные снижают производительность труда или вообще бастуют», то Рейнеке использовал это в качестве повода для требований, которые зашли ещё дальше. От начальников служб содержания пленных, комендантов лагерей и командиров стрелковых батальонов охраны тыла теперь требовалось лично вручать «полномочным представителям НСДАП (гауляйтерам, [...] крайсляйтерам и руководителям населенных пунктов)» копию приказа от 26 июня:

При таких посещениях [...] следует спрашивать, известно ли, и если да, то откуда, что охрана пренебрегает своей обязанностью надзора за производительностью труда военнопленных. [...] К 10 сентября 1942 года следует доложить ОКВ, что все представители НСДАП, в чьих округах используются для работы военнопленные, получили данное предписание¹⁷¹.

Принятием этого распоряжения Рейнеке дал понять, что речь идёт уже не о равноправном сотрудничестве, а о том, что органы службы по делам военнопленных на всех уровнях должны подчиниться партийным органам. В то же время он тем самым в значительной мере подчинил партийному контролю один из секторов вермахта – службу по делам военнопленных, – что для всего вермахта не было достигнуто даже после введения НСФО в декабре 1943 г., а произошло лишь после открытия официального порядка подачи жалобы по поводу мировоззрения в марте 1945 г.¹⁷²

Принципы, изложенные в этих приказах, об отношениях между военнопленными и партией были дополнены 16 ноября 1942 г. распоряжением, подписанным генерал-майором фон Гревеницем, которое урегулировало условия посещения лагерей и рабочих команд «представителями»¹⁷³.

Тем временем, в мае 1943 г. руководство вермахта и партийная канцелярия создали «налаженную тесную связь с партийными органами...». Таким образом можно было говорить лишь о том, чтобы ещё больше укреплять и организационно совершенствовать эту тесную связь. Это было целью следующего приказа, который фон Гревениц подписал 13 мая 1943 г. В нём говорилось, что задачу повышения «трудового энтузиазма и стремления к успехам» у пленных и постоянного разъяснения «всем соотечественникам» угрозы, которую пленные представляют для немецкого народа, можно выполнить только в «неразрывном сотрудничестве» с партией. Дополнительно было приказано проводить на уровне руководителей населенных пунктов и рабочих команд ежемесячные, а на уровне крайсляйтеров и командиров стрелковых батальонов охраны тыла ежеквартальные «товарищеские обмены мнениями»¹⁷⁴.

На основе созданных таким образом отношений – несомненно одной из причин, по которым Рейнеке получил 30 января 1943 г. золотой партийный значок, – партийная канцелярия могла теперь напрямую, без обходных путей через ставку фюрера, настойчиво добиваться проведения своих пожеланий. Отсюда исходила наибольшая угроза тем пленным, которые ещё находились под защитой Женевской конвенции, так как в глазах партийного руководства эта конвенция означала лишь нежелательное препятствие для «целесообразного» обращения со всеми военнопленными. Когда осенью 1943 г. несколько гауляйтеров пожаловались Борману на то, что с пленными обращаются «слишком мягко», и что в некоторых местах охрана стала прямо-таки защитницей пленных, тот обратился с «указанием» в ОКВ:

У работающего немецкого населения не существует абсолютно никакого понимания того, что в то время, как немецкий народ борется не на жизнь, а на смерть, военнопленные, – следовательно наши враги, – ведут лучшую жизнь, чем немецкий рабочий¹⁷⁵.

26 октября после этого фон Гревениц издал ещё один строгий приказ об обращении с военнопленными и их использовании. Намерение обращаться с «несоветскими» пленными строго в соответствии с Женевской конвенцией зачастую приводило к обращению, «которое не согласовывалось с требованиями навязанной нам тотальной войны». В случае с советскими пленными теперь, «как правило, больше не требуется» строго следить за здоровьем и проверять текущий вес. Хорошее обращение с пленными воспринимается населением довольно скептически из-за воздушных налётов:

В особенности слишком мягкое обращение с советскими военнопленными нигде не найдет понимания после того, как стало известно, какие ужасные страдания приходится выносить немецким солдатам, которые попали в советские руки.

Задачей охраны является путём соответствующего обращения

поднять производительность труда в возможно большей мере и тут же сурово наказывать военнопленных, если они ленятся, проявляют небрежность и оказывают неповиновение.

Причём любопытно, что фон Гревениц счёл необходимым выразить своё мнение по поводу неоднократно высказываемой критики относительно методов предпринимателей:

Мысль, что, мол, военнопленные своим трудом наполняют прежде всего кошельки предпринимателей и поэтому должны браться под защиту против последних, является ложной. [...] Предприниматели знают, что эти рабочие руки заменить некем и хотя бы по этой причине должны проявлять больший интерес к сохранению их сил.

Охранники, предприниматели и немецкие рабочие должны иметь лишь одну общую цель – *достижение победы!*

Тот, кто не служит этой цели или мешает её достижению, является врагом народа и совершает преступление против своих товарищей на фронте.

Поэтому обращение с используемыми на работах военнопленными должно быть направлено исключительно на то, чтобы добиться от них как можно более высокой производительности труда; следует тут же принимать самые суровые меры в том случае, если военнопленные небрежны, ленивы и оказывают неповиновение. О военнопленных нужно «заботиться», но в то же время обращаться так, чтобы требуемый максимум выработки был достигнут¹⁷⁶.

Несмотря на эти усилия, поставленная цель и теперь не была достигнута. Во всяком случае ещё, пожалуй, оставшиеся у пленных остатки сил можно было мобилизовать только посредством лучшего питания и человеческого обращения, но никак не путём угроз. В немецком же руководстве ставку делали почти исключительно на насилие. Об иллюзиях, которые при этом питали, яркое представление даёт следующий приказ начальника службы по делам военнопленных от 13 мая 1944 г. В нём излагались следующие соображения: если среднюю выработку

миллиона советских военнопленных удастся поднять с 80 до 100%, то это будет равнозначно «привлечению 250 000 дополнительных рабочих рук». Точно так же повышение выработки 800 000 французских пленным с 70 до 100% будет равно «привлечению» ещё 340 000 рабочих рук. Тем самым обратились прежде всего к офицерам по использованию рабочей силы. От них требовалось стать «фанатиками идеи повышения производительности труда военнопленных». Добиваться реализации цели – повышения производительности труда – следовало только «в постоянном контакте с лидерами экономики», минуя при этом «бюрократические структуры»¹⁷⁷.

Но и летом 1944 г. отданные распоряжения «во многих случаях не достигли ожидаемого результата». Партийные и хозяйственные органы «постоянно [...] жаловались на низкую производительности труда всех военнопленных». Поэтому 17 августа 1944 г. Рейнеке оказался вынужден «в согласии с заинтересованными органами партии и государства» отдать новые и опять-таки более жёсткие директивы об обращении с военнопленными¹⁷⁸. При этом во главе стояло требование «ещё больше прежнего усилить» сотрудничество с партийными инстанциями. Для этого коменданты лагерей должны были откомандировать «к крайслэйтерам по одному опытному, энергичному офицеру в качестве офицера связи». Поскольку «внутренняя готовность к правильной позиции охранников в отношении военнопленных [...] по сути является вопросом их политических взглядов», следовало «как можно активнее проводить в охранных войсках работу по политическому воспитанию». Для этого «при всех стационарных лагерях нужно было побыстрее ввести должности национал-социалистских высших офицеров»¹⁷⁹.

Наряду с этим усовершенствованием организации партийного влияния и обычным требованием – «направлять обращение с пленными исключительно на то, чтобы добиться от них как можно более высокой производительности труда», стояли ещё два требования, касавшиеся экономики. Теперь *официально* вводилось «продуктивное питание», к которому часть угледобывающих предприятий призвала ещё в 1942 г. В перспективе, пожалуй, ещё более важным было то, что «директорам предприятий» были предоставлены чрезвычайно широкие полномочия в отношении военнопленных и охранников. Поскольку «оценку производительности труда и поддержание трудовой дисциплины» удобнее всего осуществлять директору предприятия, то ему

было предоставлено *право внесения предложения* о наказании военнопленных. Само наказание должно было немедленно налагаться полномочным дисциплинарным начальником или в каждом отдельном случае полномочным судом вермахта. Директора предприятий должны быть срочно извещены о допустимых в отношении военнопленных наказаниях. Точно так же директору предприятия предоставляется право предлагать полномочному учреждению вермахта наказывать или отстранять от должности нерадивых охранников или служащих вспомогательного персонала.

Охранники обязаны принуждать пленных к работе «со всей энергией и без всякой пощады»:

Их следует прилекать к ответственности и наказывать в том случае, если они не приняли мер в отношении военнопленных, которые ленились или отказывались работать.

В первый раз косвенно одобрялось дурное обращение с военнопленными:

Маловажные проступки при обращении с военнопленными со стороны охранного и вспомогательного персонала в той мере, в какой они служат повышению производительности труда, преследоваться не должны¹⁸⁰.

Поначалу общее управление ОКВ лишь от случая к случаю информировало партийную канцелярию о принятых им решениях, затем последовало вначале бессистемное информирование партийных органов на различных уровнях, а позже были предписаны регулярные консультации, и *фактически* партийным органам было предоставлено право инспекций. Теперь же посредством двойной связи между партией и вермахтом, – здесь офицеры связи при крайслейтерах, там – офицеры НСФО, – была достигнута кульминация. Следует подчеркнуть, что предписанные меры имели силу для *всех* пленных. После обозначившегося поражения и всё более отчаянных усилий немецкого руководства репрессивная точка зрения начала терять значение для всей службы содержания пленных. В то же время фанатичная партийная линия, не придававшая даже тактического значения соблюдению международных конвенций, приобретала всё больший вес.

б) Усилия министерства вооружения

Однако опасность для относительно хорошо защищаемых до сих пор Женевской конвенцией «несоветских» пленных исходила отнюдь не только из партийной канцелярии. Оба последних пункта в приведённом выше приказе Рейнеке следует приписать скорее усилиям министерства вооружения Шпеера. Уже 23 декабря 1943 г. Шпеер в доверительном циркулярном письме «к немецким директорам предприятий» предлагал соответствующие меры¹⁸¹. Для «поддержания дисциплины» охранникам следует разрешить «в тяжёлых случаях применять также оружие, чтобы сломить возможное сопротивление военнопленных против распоряжений директора предприятия». В остальном рекомендуется использовать иные «воспитательные и карательные средства»:

Так, например, с успехом была предпринята попытка воспитания или наказания плохо работавшей части военнопленных путём выдачи еды разного качества. Тем самым подавляющее большинство военнопленных будет стараться путём лучшей работы опять добиться выдачи более качественной пищи.

В любом случае следует

путём соответствующего воспитания или в случае необходимости наказания позаботиться о том, чтобы выработка военнопленных приблизилась к выработке немецкого рабочего.

Для этого путём более тесного сотрудничества между командами по вооружению и командами лагерей следует пробудить «интерес охранников к повышению производительности труда военнопленных, за которыми они надзирают».

Эти предписанные Шпеером меры существенно выходили за рамки того, что к этому времени было «официально» разрешено на основании существующих в отношении пленных приказов. Представители жёсткой линии вскоре добились того, что их методы были санкционированы сверху. Поначалу они коснулись интернированных итальянцев, которым теперь пришлось испытать на себе долго копившую

ся ненависть бывших союзников. После того как до слуха Гитлера дошли «многочисленные жалобы о лени интернированных итальянцев», Кейтель в телеграмме от 27 февраля 1944 г. призвал командующих корпусными округами заставлять этих пленных «трудиться как можно усердней» самыми «жесткими методами»:

Только полностью удовлетворительная производительность труда даёт право на полный размер рациона. Питание должно принципиально зависеть от производительности труда, и в том случае, если она неудовлетворительна, его следует сокращать для всей рабочей команды, невзирая на отдельных тружеников¹⁸².

Решение о градации и сокращении питания принимает предприниматель; при осуществлении решения ему должен оказывать поддержку охранный персонал. Сэкономленную пищу предприниматель должен выдавать в качестве добавки за производительность труда прилежным военнопленным и интернированным итальянцам других рабочих подразделений. Начальник ОКВ будет привлекать к ответственности каждого руководителя, который не примет суровых мер в ответ на жалобы по поводу низкой производительности труда и плохой дисциплины интернированных итальянцев. Тот, кто не реагирует на эти жалобы, саботирует ведение войны Германией. Начальник ОКВ защитит каждого, кто прибавит силы его авторитету¹⁸³.

В этом приказе содержались уже все те положения, которые Рейнеке распространил 17 августа 1944 г. на *всех* военнопленных. Этот приказ Рейнеке опять-таки по меньшей мере в отдельных частях восходит к переговорам между имперским министерством вооружения и боеприпасов и отделом по делам военнопленных в ОКВ, которые велись около февраля – марта 1944 г. Позиция имперского министерства вооружения и боеприпасов по поводу несохранившегося проекта приказа отдела по делам военнопленных от 20 апреля 1944 г. даёт в этом отношении очень ценную информацию¹⁸⁴. В этой позиции было заявлено, что «один из важнейших пунктов», который уже был оговорён с Рейнеке, не был принят во внимание:

По нашему мнению, следовало чётко прописать, что охранники в случае небрежного исполнения обязанностей будут привлекаться к ответственности, с другой стороны, – в случае принятия жестких, но справедливых мер в отношении военнопленных, – братья под защиту и даже поощряться, не боясь попасть под трибунал.

Директоров предприятий следует информировать о наказании пленнх. В том случае, если наказания, несмотря на предложение директора предприятия, не последует, последнему обязаны дать по этому поводу «разъяснение».

Если эти пункты были включены только в приказ Рейнеке от 17 августа, то это, вероятно, объясняется тем, что против распространения этих принципов на *всех* пленнх ещё существовали сомнения, ибо это должно было негативно сказаться на обращении с немецкими пленными прежде всего в английских и американских тюрьмах. К тому же отдел по делам военнопленных опять, начиная с 1942 г. оказался вынужден выступить против слишком жесткого даже в его глазах обращения с пленными со стороны предпринимателей и по этой причине не хотел идти на ещё большее ужесточение правил обращения. В какой мере это было поддержано Рейнеке и фон Гревеницем, установить невозможно.

Усилия имперского министерства вооружения и боеприпасов этим не ограничились. Представляется, однако, что только осенью 1944 г. от импровизированных

мер перешли к систематическим размышлениям о том, как можно наиболее рационально использовать рабочую силу советских пленных и «остарбайтеров». Предложение «активизировать производительные ресурсы советских военнопленных и остарбайтеров» в октябре 1944 г. предусматривало перечень мер, в котором впервые была предпринята попытка сочетания принудительных мер и материального поощрения¹⁸⁵. Использование этих рабочих должно было происходить при немецком планировании, руководстве и контроле, но при ответственности за выполнение работы со стороны самих советских рабочих. Для этого пленных и «остарбайтеров» решили разбить на «бригады», причём «рабочие-ударники» должны были стать бригадирами и нести ответственность за производительность труда своей бригады. Рабочие принципиально должны были использоваться только в коллективе и получать пищу в соответствии с производительностью своего труда, причём подумывали о том, чтобы отобрать у вермахта выдачу пищи. Точно так же в соответствии с производительностью труда решили ввести и оплату. При этом, однако, желаемые принципы вообще должны были поставить под сомнение имевшие до сих пор силу приоритеты немецкого руководства в использовании рабочей силы советских рабочих. Так, введение «социально-компенсационного сбора» должно было сделать возможным «обеспечение схожего с немецким уровня жизни», а также «финансирование социальных направлений» (например, перекалфикация русских инвалидов, забота о больных, [...] проведение пропаганды). Более широко следовало использовать материальное поощрение; «социалистическое соревнование» должно было поощряться производственной премией, старательных рабочих следовало лучше одевать и селить в «лучше оборудованных жилищах»; они должны были также получать возможность выходить в город и посещать кино. Кроме того, требовалось создавать «клубы», музыкальные, игровые и спортивные группы и передать лагерный буфет в ведение остарбайтеров под их ответственность. Поистине революционным было решение ввести право подавать жалобы. Поддержание дисциплины также следовало передать самим «остарбайтерам». Ядром всего была мысль отпускать из плена хорошо работающих военнопленных и переводить их в разряд «остарбайтеров». Соответствующие меры следовало опробовать сначала на отдельных образцовых предприятиях и в случае успеха распространить по всей территории рейха.

В имперском министерстве вооружения и боеприпасов это предложение, по-видимому, получило одобрение¹⁸⁶. Крах национал-социалистского режима помешал реализации этого плана в полном объёме, однако первые шаги в этом направлении были сделаны. Так, 9 января 1945 г. начальник службы по делам военнопленных, – после передачи ведомства по делам военнопленных Гиммлеру 1 октября 1944 г. им был обер-группенфюрер СС Готлоб Бергер, – приказал в целях «повышения производительности труда» перевести большое количество советских пленных на 3-х берлинских испытательных предприятиях в разряд гражданских рабочих. Пленные должны были «отличаться особенно высокой производительностью труда, безупречной позицией и надёжным политическим образом мыслей». Одновременно с этим был отдан приказ подготовить соответствующие меры по всей территории рейха¹⁸⁷.

В этих планах, равно как при вербовке добровольцев в «Русскую Освободительную Армию» и в «Авиацию восточных народов»¹⁸⁸, речь шла об отчаянных

попытках использовать антисоветские настроения среди пленных и «остарбайтеров». С помощью этих попыток хотели добиться определённого отклика; их неудача объясняется не только тем, что из-за продвижения союзников они были доведены до абсурда. Немецкое руководство, которое в течение долгих лет делало ставку исключительно на беспощадную эксплуатацию военнопленных и «остарбайтеров» и тем самым портило им жизнь, только в крайнем самоослеплении могло теперь надеяться на то, что сможет добиться успеха с помощью этих методов.

6. Советские военнопленные в угольной промышленности

а) Угольная промышленность и её усилия по повышению производительности труда: «продуктивное питание»

Тем средством по повышению производительности труда, которое в наибольшей степени определяло жизнь советских пленных, – а в конце войны во всё большей степени также жизнь других пленных, – было так называемое «продуктивное питание». Тенденция добиться повиновения, а тем самым и требуемой производительности труда путём сокращения продовольственных рационов существовала в немецком руководстве с самого начала¹⁸⁹. Однако признаки перехода к правильной системе, в которой положенные рационы ставились в зависимость от выработки отдельных пленных, стали заметны только в 1942 г. Эти усилия объясняются не требованиями национал-социалистского руководства, но стремлением отдельных крупных предпринимателей любыми средствами добиться повышения производительности труда советских пленных и «остарбайтеров».

В середине октября 1942 г. руководство строительными работами концерна «ИГ Фарбен АГ» в Освенциме – Моновице докладывало, что

снабжение продовольствием остарбайтеров [...] с целью повышения производительности труда поставлено на иную основу, а именно, произведено разделение рационов на три группы. Вторая группа соответствует размеру среднего рациона, первая группа равна второй плюс 25%, третья группа равна второй минус 25%¹⁹⁰.

27 октября 1942 г. руководство заводской полиции и «лагеря для иностранных рабочих» концерна Круппа также решило ограничить рационы «плохих остарбайтеров» и за счёт этого давать добавки «популярным остарбайтерам»¹⁹¹.

Однако ввести эту систему в широком объёме удалось поначалу только в угольной промышленности. Для описания процесса реализации этой системы следует обратить внимание на ряд факторов. Поэтому данный параграф будет в определённой мере посвящён описанию использования советских военнопленных в угольной промышленности. Это описание отнюдь не стремится к полноте, – доступные мне источники и в этом случае зачастую довольно скудны, – но лишь к тому, чтобы наметить основные тенденции. Фундаментальное изложение в данном случае предполагало бы привлечение всего комплекса принудительного труда.

В усилиях по внедрению «продуктивного питания» ключевая роль принадлежит предприятиям окружной группы угольной промышленности Верхней Силезии. 29 октября 1942 г. на заседании руководства предприятий концерна «Фюрстлих Плессише Бергверкс АГ»¹⁹² в Катовице директор концерна Брукман потребовал,

чтобы использование труда русских приносило соответствующую прибыль и чтобы русские не потребляли из наших скудных запасов больше того, что они производят. Месяц спустя он высказался более определённо:

Имеющиеся в наличии продукты питания следует распределять таким образом, чтобы возможно было уделять дополнительные порции ударникам производства. За счёт этого те, чья выработка очень мала, должны получать соответственно меньше. Будет только справедливо, если выданные порции еды будут соответствовать производительности труда¹⁹³.

Вскоре здесь также образовались «три пищевые категории»¹⁹⁴, возможно, благодаря тесным связям с управлением строительными работами концерна «ИГ Фарбен АГ» в Освенциме, для которого рудник Фюрстенгрубе концерна «Плессише Бергверк АГ» поставлял уголь. Представляется также, что именно окружная группа угольной промышленности Верхней Силезии, – председателем правления компании был генеральный директор Гюнтер Фалькенхан, – первой направила в имперское объединение угля требования о введении «продуктивного питания». Первые шаги в этом направлении были предприняты, по-видимому, только в начале лета 1943 г. После переговоров с имперским объединением угля представитель администрации угледобывающих предприятий Верхней Силезии 31 июля 1943 г. сообщил правлению окружной группы, что имперское объединение угля

также придерживается того мнения, что военнопленных русских следует разделить на группы в соответствии с их выработкой. Сверх того, военные учреждения следует лишить всякой возможности влиять на процесс питания и ограничить их деятельность сугубо охранными функциями¹⁹⁵.

Намерения свести роль вермахта только к охране пленных существовали в Верхней Силезии в течение уже долгого времени, причём открытым следует оставить вопрос, в какой мере это были единичные случаи.

Для позиции отдельных крупных промышленников в отношении обращения с военнопленными весьма примечателен тот факт, что концерн «Фюрстлих Плессише Бергверк АГ» практиковал систему «продуктивного питания» в течение 3-х кварталов, ещё до того, как ОКВ дало на это своё согласие. Только 31 августа 1943 г. окружная группа Верхней Силезии сообщила предприятиям горной промышленности, что начальник службы содержания военнопленных в VIII корпусном округе в Бреслау

после первоначального отказа [...] и последующего запроса со стороны верховного командования вермахта заявил о своём согласии с предложенным нами разделением советских военнопленных на группы в соответствии с их выработкой¹⁹⁶.

Начальник службы содержания военнопленных поставил это в зависимость от ряда условий, которые позволяют выяснить, какие именно опасения до сих пор мешали ему дать на это согласие:

- 1) Главным принципом есть и остаётся, чтобы введение связанных с выработкой категорий не привело к хищнической эксплуатации рабочей силы военнопленных, но создало бы разумные отношения между работоспособностью, готовностью трудиться и питанием в целях долгосрочного её сохранения.
- 2) Деление на категории в соответствии с их выработкой должно учитывать не

только фактическую выработку, но и физическое состояние пленных, а также их способность к той или иной производительности труда [...].

3) Среди советских военнопленных, которых только недавно доставили на предприятие, связанные с выработкой категории следует вводить только после того, как они войдут в курс дела, то есть не раньше, чем через два месяца.

4) Даже для тех лиц, которые относятся к низшей производственной категории, следует обеспечить питание, которое не позволит им умереть с голоду. За физическим состоянием советских пленных, особенно тех, которые относятся к низшей производственной категории, следует наблюдать, проводя регулярные проверки веса, и в случае необходимости оказывать врачебную помощь.

5) Французских, сербских и британских военнопленных по политическим и практическим основаниям (получение подарков) следует исключить из деления на производственные и пищевые категории¹⁹⁷.

Однако на практике, насколько это позволяют установить источники, ограничения слабо соблюдались. Возражения, которые раздались против введения этой системы, вскоре были устранены при энергичном давлении со стороны концерна «Плессише Бергверкс АГ» и окружной группы Верхней Силезии¹⁹⁸. Цель начальника службы содержания военнопленных – сохранить работоспособность пленных и их готовность трудиться – по крайней мере в случае с концерном «Плессише Бергверкс АГ» целиком отошла на задний план. Руководство этого концерна стремилось добиться более высокой производительности труда не путём добавок, но путём угрозы лишения пищи. Так, когда на совещании комендантов лагерей 10 октября 1943 г. некоторые коменданты заметили, что, мол, осуществить деление пленных на три категории невозможно, поскольку неясно, откуда брать повышенные добавки для пленных первой группы, то представитель руководства фирмы, доктор Пток заявил:

По моему мнению, речь идёт вовсе не о том, чтобы первая группа получала повышенные порции, но о том, чтобы лишить ленивых рабочих, то есть третью группу, добавок и тем самым подстегнуть их рвение к работе¹⁹⁹.

Таким образом расходы на советских пленных, которые благодаря влиянию имперского объединению угля и так были существенно ниже расходов на других пленных²⁰⁰, должны были ещё более сократиться, а производительность труда возрасти²⁰¹.

Эта жёсткая позиция не совпадала полностью с целями имперского объединения угля. Хотя Плейгер поначалу и выступал за ещё более грубые формы «продуктивного питания»²⁰², всё же технократы в имперском объединении угля пришли в середине 1943 г. к выводу, что только более умеренные методы могут привести к повышению производительности труда советских пленных и тем самым к повышению добычи угля.

Толчок к поиску таких методов был дан окружной группой угольной промышленности Рура. В начале 1943 г. инспектор предприятий Норкус получил там задание разработать на основании полученного в Рурской горной промышленности опыта работы с советскими пленными предложения о том, как можно поднять производительность труда этих пленных и «остарбайтеров». Методы, которые Норкус предложил в апреле 1943 г. в докладе для окружной группы Рура и изложил не-

сколько позже перед руководителями учебных центров Рурской горной промышленности²⁰³, несмотря на явное желание при наименьших материальных затратах добиться от этой рабочей силы максимальной работоспособности, были гораздо гуманнее жёстких эксплуатационных методов в верхнесилезской горной промышленности и с самого начала обещали определённый успех. Считая убогое положение советских пленных и «остарбайтеров» главной причиной их низкой работоспособности, Норкус пришёл к выводу, что в первую очередь следует усилить материальное поощрение. При этом, правда, он не исключал применения средств принуждения.

Любопытно, что в его предложениях вообще ни слова не было сказано о «продуктивном питании». Напротив, именно улучшенное питание Норкус считал «важнейшей предпосылкой дальнейшего повышения производительности труда». Он критиковал практику выдачи пищи, когда советских горняков зачастую с вечера до второй половины следующего дня оставляли без еды, и требовал, чтобы им была предоставлена возможность за их – крайне малый – заработок покупать в качестве дополнительного питания овощи в лагерном буфете²⁰⁴. Сверх того, Норкус требовал «справедливого обращения» с этой рабочей силой:

Каждый – даже примитивный человек – имеет острое чувство справедливости. Поэтому любое несправедливое обращение приводит к разрушительным последствиям. Итак, несправедливости, оскорбления, издевательства должны быть прекращены.

Ни одного человека невозможно призвать к активному сотрудничеству во имя новой идеи, одновременно оскорбляя его чувство собственного достоинства. От людей, которых называют не иначе, как бестии, варвары, недочеловеки, нельзя требовать высокой производительности труда.

Вместо этого следует сделать всё, чтобы пробудить их готовность к борьбе против большевизма.

В качестве третьего решающего пункта Норкус назвал «правильное использование рабочей силы». При этом речь идёт о правильном обучении, которое «тут же продуктивно отразится на подземных работах»; далее очень важно по возможности не использовать эту рабочую силу вместе с немецкими рабочими, но создать специальные «русские карьеры» и, возможно, «русские участки». Это будет целесообразно не только для того, чтобы иметь возможность контролировать выработку, но и для того, чтобы избегать ссор по поводу доли выработки среди советских пленных и не позволять немецким рабочим заставлять «русских работать вместо себя»²⁰⁵.

Эти шаги существенно отличались от сильно идеологизированной и ориентированной на краткосрочную эксплуатацию позиции окружной группы Верхней Силезии. Здесь учитывалась долгосрочная перспектива:

Наши усилия должны быть направлены на такое обращение с русским рабочим и заботу о нём, чтобы он оставался для нас ценной рабочей силой не только теперь, но и в последующее время²⁰⁶.

В какой мере позицию Норкуса разделяла вся окружная группа Рура, установить невозможно. Во всяком случае его выступления против грубого обращения, недостаточного питания и превышения рабочего времени показывают, что такое понимание проблемы не было правилом.

В руководстве имперского объединения угля предложенные им методы вызвали некоторый интерес. В декабре 1943 г. руководство комиссии поручило Норкусу проверить соблюдение разработанных к тому времени «директив об эффективном использовании советских военнопленных, интернированных итальянцев и остарбайтеров»²⁰⁷ и найти дальнейшие возможности повышения производительности труда. Эти «директивы» по сути следовали тем предложениям, которые Норкус уже сделал восемь месяцев назад. В перечень «направленных на повышение производительности труда мер» было теперь включено также «продуктивное питание». Однако в противоположность распространённой в Верхней Силезии практике здесь акцент делался на создание стимулов к более высокой производительности труда путём обещания более высоких рационов. Кроме того, были упорядочены размеры обычной с 1942 г. премии за производительность труда²⁰⁸.

Существенную пользу мог принести также ещё один эксплуатационный метод, применение которого было рекомендовано: немецким горнякам, которые осуществляли надзор за группой советских рабочих, следовало платить так, чтобы они были заинтересованы в возможно большей производительности труда этой группы иностранцев. Этого, к примеру, можно добиться, если давать немецкому надзирателю средний размер заработанной его группой иностранцев зарплаты и сверх того стабильную прибавку²⁰⁹.

Следует усомниться, что эти директивы, насколько они ставили своей целью добиться повышения производительности труда путём несколько лучшего обращения, вообще выполнялись в окружной группе. В 1944 г. существенно более высокий по сравнению с 1943 г. процент больных и растущая смертность говорят скорее об обратном. В окружной группе Верхней Силезии «в согласии с господином Норкусом» были сделаны изначально более существенные вычеты в пользу их первоначальной концепции²¹⁰.

Неизменно жёсткая линия окружной группы Верхней Силезии влекла за собой «трудности с охранными командами»²¹¹, поскольку грубое обращение с советскими пленными и жалкие условия их жизни и работы в других частях горной промышленности с 1942 г. постоянно приводили к конфликтам между органами службы по делам военнопленных и горнодобывающими предприятиями, в том числе представителями их интересов²¹².

При этом позиции имперского объединения угля и окружных групп далеко не во всём совпадали. В принципе и та, и другая организации в первую очередь были заинтересованы в увеличении количества выпускаемой продукции. Средства, которые при этом использовались, имели для них второстепенное значение. Однако в окружной группе Рура и в определённой мере также в имперском объединении угля, по-видимому, сильнее, чем в других окружных группах существовало сознание того, что в интересах долгосрочной эксплуатации следует избегать хищнической эксплуатации²¹³.

Не везде дело доходило до конфликтов с вермахтом. Отдельные коменданты лагерей и сами являлись сторонниками особо грубого обращения с пленными²¹⁴. Кроме того, со стороны вермахта конфликты затевались прежде всего отдельными начальниками служб содержания военнопленных, комендантами лагерей и персоналом охраны, отчасти также чиновниками при отделе по делам военноплен-

ных в ОКВ, тогда как руководство вермахта, а также Рейнеке и фон Гревениц, активно сотрудничали с партийной канцелярией, давая жёсткой линии всё больший простор.

б) Связанные с этим структурные изменения в ведомстве по делам военнопленных

Конфликты побудили имперское объединение угля уже в начале 1943 г. изыскивать пути, которые позволили бы проводить массовое использование советских военнопленных, – с середины 1942 г. имперское объединение угля стремилось приобретать исключительно *советских* военнопленных²¹⁵, – как можно свободнее от влияния вермахта. Имперское объединение угля поставило перед собой задачу – «ограничить деятельность вермахта исключительно охраной пленных»²¹⁶. С этой целью имперское объединение угля предложило в начале 1943 г. отделу по делам военнопленных ОКВ

предоставить в его распоряжение офицеров, хорошо разбирающихся в современной организации проблем военнопленных, для решения вопросов, связанных с размещением и использованием последних²¹⁷.

Один из этих офицеров, которым «как официальным штатным должностным лицам полагались соответствующие широкие полномочия», должен был исполнять обязанности офицера связи между имперским объединением угля и отделом по делам военнопленных, других следовало прикомандировать к окружным группам. Вначале ОКВ назначило 2-х бывших подполковников – Гёдеке и доктора Лозе, – имперское объединение угля использовало их при окружных группах Рура и Верхней Силезии, – а также полковника Людерса в качестве офицера связи при самом имперском объединении угля. После того как назначение других офицеров, по-видимому, натолкнулось на определённые трудности, полномочия Гёдеке были распространены также на окружные группы Аахена и Нижней Саксонии и бурогольные разработки Рейнской области, а полномочия Лозе – на окружные группы Нижней Силезии и Центральной Германии. 8 декабря 1943 г. эти офицеры получили от отдела по делам военнопленных официальное служебное наименование – «руководители службы по делам военнопленных при окружных группах...». В то время, как их официальные полномочия, по-видимому, в значительной мере остались неясны, их «личные отношения к окружным группам [...] изначально были чётко определены»: жалование, которое намного превышало жалование среднего чиновника²¹⁸, вероятно, должно было обеспечить их благосклонную позицию в отношении пожеланий угольной промышленности.

В лице «руководителей службы по делам военнопленных» появился институт связи между частной экономикой и государством, который в перспективе должен был кардинально изменить структуру всего ведомства по делам военнопленных. «Руководители» материально зависели от организаций, лоббирующих интересы горной промышленности, но исполняли верховные функции. Переданные им со стороны ОКВ полномочия²¹⁹ неизбежно должны были сократить полномочия начальников рабочих команд, комендантов лагерей и начальников служб содержания военнопленных. Тем самым имперское объединение угля и окружные группы

могли не только настаивать на соответствующем их пожеланиям обращении с военнопленными на высшем и среднем уровнях, – на высшем – путём непосредственного доступа Плейгера к Гитлеру и Герингу, а также благодаря его связям с партийной канцелярией, на среднем – благодаря контактам предприятий горной промышленности с гауляйтерами, – но и оказывать непосредственное воздействие на это обращение. При этом значение этого института состоит не столько в установившейся практике, – источники здесь отсутствуют, – сколько в возможностях, которые он предлагал для непосредственного будущего.

в) Процесс использования советских военнопленных в горной промышленности в 1942–1945 гг.

Непосредственной причиной столь сильного интереса, проявленного угольной промышленностью к институту «руководителей службы по делам военнопленных», стали будущие перспективы, наметившиеся в горном деле в начале 1943 г.

В другой связи уже говорилось о том, что хотя Плейгер и настаивал изначально на использовании советских пленных, в горном деле, также как и в других отраслях промышленности, по этому вопросу существовали определённые сомнения. Поскольку вначале было дано разрешение на использование только советских гражданских рабочих, а от советских военнопленных, которые приступили к работам несколько позже, будучи в совершенно обессиленном состоянии, добились весьма незначительных результатов, то в начале 1942 г. ставку в горном деле сделали на советских гражданских рабочих, как на будущую рабочую силу. Хотя, как и прежде уповали на то, что после победы Германии на Востоке в 1942 г. немецкие горняки вернутся домой, от использования принудительного труда иностранных рабочих отказаться было нельзя, если, конечно, хотели добиться обусловленного форсированным вооружением повышения производительности труда.

Однако вскоре выяснилось, что принудительно набранные организацией генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Фрица Заукеля «остарбайтеры» не соответствуют потребностям горного дела. Уже в июне 1942 г. Плейгер в циркулярном письме к членам президиума имперского объединения угля утверждал, «что поступающие в возрастающем объёме из России транспорты рабочих не годятся для горного дела». Транспорты наполовину состоят из женщин, кроме того, «высокий процент» составляют дети. По этой причине он с согласия Шпеера и полномочных учреждений вермахта условился с генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы о том, «что путём немедленных действий в немецкую угольную промышленность будут доставлены русские военнопленные»²²⁰.

И вот, начались те акции, которые с конца июня до конца сентября 1942 г. привели к увеличению количества занятых в горном деле советских пленных с 7399 до 61 896 человек и, соответственно, росту удельного веса этих пленных в горной промышленности. Возможности влияния, проявленные при этом Плейгером и имперским объединением угля, по большей части объясняются тем, что новообразованное «Центральное Планирование» признало добычу угля ключевой отраслью в деле достижения поставленных оборонных целей. В соответствии с этим Шпеер, Мильх и Кёрнер, стремясь добиться требуемых Плейгером рабочих, оказали давление на Заукеля. Плейгер, со своей стороны, также оказал на Заукеля давление²²¹.

Правда, Плейгер и имперское объединение угля действовали отнюдь не *только* под чьим-то давлением. Всё большие усилия по привлечению постоянно возраставшего количества советских военнопленных были также результатом изменившихся перспектив на будущее. Угольная промышленность при этом преследовала цели, выходявшие далеко за рамки требуемого краткосрочного повышения добычи угля для увеличения производства вооружения. Речь при этом шла о том, чтобы путём использования советских рабочих рук коренным образом изменить структуру использования рабочей силы в горной промышленности и будто заранее осуществить одну из целей войны на Востоке. Использование этой рабочей силы должно было не только улучшить «финансовое положение горной промышленности», но и ослабить социальную напряжённость в горном деле²²².

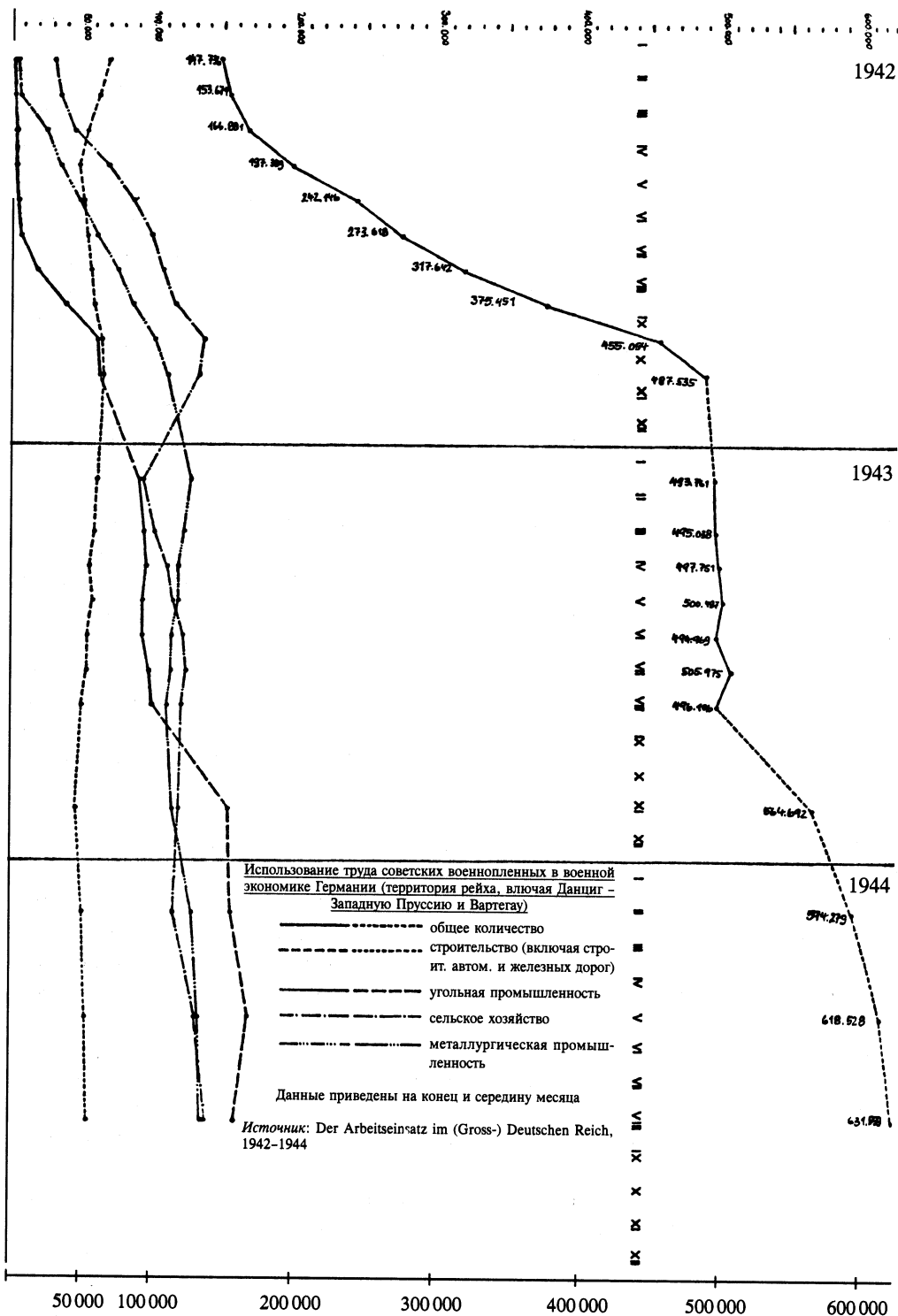
Для реализации этой цели Плейгер не стал использовать свои позиции в «Центральном Планировании», но воспользовался прямым доступом к Гитлеру и Герингу, а именно, потребовав в беседе с Герингом 21 июля 1942 г., чтобы «прибыль от труда военнопленных» поступала не в стационарный лагерь, – и тем самым государству, – а шла в горное дело «для улучшения уровня зарплаты»²²³. Об усилиях по сокращению расходов на пленных далее ещё пойдёт речь. Поначалу имперское объединение угля вообще стремилось только к тому, чтобы добиться большего количества этих пленных.

После того как Шпеер, Заукель и ОКВ согласились с требованиями Плейгера направить большое количество советских пленных в горное дело, Плейгер 22 июля 1942 г. выступил на 11-м заседании «Центрального Планирования» с конкретными требованиями. Он доложил о потребности в 137 000 рабочих рук. Ему были обещаны 120 000 военнопленных и 6000 гражданских лиц; Заукель обещал доставить их «в течение 4-х недель». Поскольку до сих пор при использовании рабочей силы в горном деле «принимали во внимание 50-процентную убыль непригодных людей», то сочли необходимым

не предъявлять слишком высоких требований при отборе военнопленных. Медицинский персонал следовало информировать о том, что к военнопленным должны применяться иные критерии, нежели к немецким горнякам²²⁴.

На этом же заседании или несколько позже было принято решение использовать в горном деле «только русских военнопленных»²²⁵.

В самом деле к этому моменту казалось, что в лице взятых между апрелем и июлем 1942 г. советских пленных, – более миллиона человек, – в распоряжение Германии вновь поступил колоссальный резервуар рабочей силы. Однако уже в конце августа 1942 г. эти иллюзии рассеялись. С 15 апреля по 22 августа 1942 г. Заукелем были доставлены 39 906 советских военнопленных и 28 533 «остарбайтера» и тем самым на 43% выполнены требования Плейгера²²⁶. Однако неделю спустя сотрудник Плейгера записал, что на доставку следующей партии военнопленных пока рассчитывать не приходится. Благодаря новой тактике Советов в плен попало гораздо меньше советских солдат, чем в 1941 году²²⁷, да и этих пленных фронт использовал на строительстве дорог и укреплений. Плейгер договорился с генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы о том, что последний добьётся у Кейтеля издания приказа о вывозе ещё 150 000 пленных, чтобы обеспечить поставку для горного дела «третьей партии» из 65 000 человек²²⁸.

Теперь, однако, начались споры по поводу квот на военнопленных. Не только действующие войска стремились использовать военнопленных на строительстве дорог, укреплений и для обозной службы. Наряду с распространёнными требованиями по использованию рабочей силы в оборонной промышленности пленные были нужны также для реализации гигантских проектов. Сотрудник Плейгера записал для информирования последнего,

что на очереди будто бы стоит программа фюрера по укреплению западного побережья, для которой потребуются 250 000 русских военнопленных²²⁹.

За две недели до этого Гитлер отдал приказ об ускоренном использовании 33 000 советских пленных для строительства прибрежных укреплений в Норвегии, где, как он полагал, могут высадиться англичане²³⁰. Поэтому руководство имперского объединения угля ревностно следило за тем, чтобы ни один из конкурентов не получил преимущества в борьбе за эту рабочую силу²³¹.

Условия, при которых советские пленные и «остарбайтеры» использовались в горной промышленности, способствовали тому, что фактическое использование рабочей силы было гораздо ниже приводимых Заукелем показателей. Так, в горную промышленность Рура между 15 апреля и 7 августа 1942 г. было доставлено 25 482 советских военнопленных и гражданских рабочих. Из них 7 132 человека (28%) были «отвергнуты», так что реальные поступления составили всего 18 350 человек²³². Всего в угольную промышленность до 24 октября было доставлено 70 680 советских пленных, – 25 497 из них в горную промышленность Рура и 15 439 – в горную промышленность Верхней Силезии, – и 31 183 «остарбайтера». Из них к этому времени 9 051 пленных и 8 150 «остарбайтеров» опять были записаны как «убывшие»²³³. До конца года количество советских военнопленных в горном деле выросло до 90 759 человек²³⁴. Однако вновь прибывшие пленные поступали по большей части не с Востока, а «переводились» из других отраслей экономики, прежде всего из сельского хозяйства²³⁵.

Положение не изменилось и в первые месяцы 1943 г. До середины марта количество пленных увеличилось на 6 000 человек, а затем до середины апреля сократилось на 3 500, составив 93 379 пленных. Все последующие усилия существенно увеличить их количество остались безуспешными. Правда, к середине июля оно выросло до 100 633 человек. Акция «15 000 человек», ради которой ОКВ перевело в сборный лагерь горного дела Зенне (326-й стационарный лагерь) и Ламсдорф (стационарный лагерь VIII В) 13 939 пленных из оккупированных областей, окончилась неудачей:

[...] из 13 939 человек только 3 327 (23,87%) оказались пригодными для горного дела, 4 014 (29,5%) – не могут быть использованы для работ, потому что они или больны (313 чел.), или увечны, а то и мертвы (480 чел.), или нуждаются в оздоровлении (3 196 чел.), или пригодны далеко не в той мере, в какой было заявлено 9 115 чел.)²³⁶.

Эти цифры оказались гораздо ниже требований горной промышленности, которые резко возросли по сравнению с 1942 годом в связи с требованиями обороны. 22 апреля 1943 г. «Центральное Планирование» на своём 36-м заседании поставило цель – добыть в течение 1943/44 гг. 290 млн. т угля, то есть на 10% больше по сравнению с 1942/43 гг. (264,5 млн. т). Подсчитали, что для обеспечения этого роста

добычи горной промышленности при полной производственной мощности требуется 192 000 рабочих рук, из которых 70 000 нужны немедленно²³⁷.

Однако вместо того, чтобы расти количество рабочей силы сокращалось. Причём не только из-за потерь вследствие смерти и утраты работоспособности, но также благодаря призыву немецких горняков, то есть квалифицированных специалистов. Между началом и концом мая количество горняков, «несмотря на все поступления, сократилось в целом на 10 000 человек», а производительность труда упала «так глубоко, как ещё никогда прежде» (Плейгер)²³⁸. Доставленные Заукелем рабочие руки смогли лишь «компенсировать убыль до нормального уровня», и Плейгер по-прежнему оценивал потребность горной промышленности в 192 000 рабочих рук для добычи каменного угля и 48 000 – для добычи бурого угля²³⁹.

Эта ситуация побудила Гитлера потребовать 3 мая 1943 г. проведения совещания с Заукелем, Плейгером, Баке и Кейтелем. На нём следовало выяснить, можно ли будет добыть достаточное количество рабочей силы для горной промышленности, если отозвать советских пленных из сельского хозяйства и из текстильной промышленности и заменить их принудительно набранными рабочими с Востока. Баке, кроме того, должен был подготовить для советских рабочих «достаточное дополнительное питание», которое «должно было распределяться директором предприятия в соответствии с выработкой»²⁴⁰.

Прошло больше месяца, прежде чем состоялось это совещание. 23 июня 1943 г. проблема была предварительно рассмотрена на 42-м заседании «Центрального Планирования». После «детального обсуждения» решили, что будет целесообразно все вакантные места в горной промышленности заполнить советскими пленными:

Тем самым будут достигнуты более единые по производительности труда коллективы, – в качестве основы для необходимого увеличения выработки, – и в особенности ограничена текучесть рабочей силы²⁴¹.

Часть требуемых для этого советских военнопленных планировалось получить, изъяв из экономики Германии всех пригодных к горному делу неквалифицированных пленных и «заменяв их набранными в принудительном порядке поляками или остарбайтерами». От этой акции ожидали получить 50 000 горняков.

Решительное улучшение положения с рабочей силой в горной промышленности ожидалось, однако, от второй акции. «Центральное Планирование» решило предложить Гитлеру

через главнокомандующих группами армий освободить из фондов вермахта и «ваффен СС» 200 000 пригодных к тяжёлой работе русских военнопленных, подходящих отобрать на месте с помощью врачей и затем через органы генерального уполномоченного по использованию рабочей силы передать по назначению.

Поскольку полагали, что даже из этих «пригодных к тяжёлой работе» рабочих рук многих вскоре опять-таки придётся списать, то в конце 1943 г. предусматривалось «расширение этой акции»²⁴².

Решение «Центрального Планирования» «принципиально поставлять в угольную промышленность только советских военнопленных» объясняется поручением имперского объединения угля²⁴³. Оба положения, прозвучавшие в решении «Центрального Планирования», имели, конечно, большое значение. Второе положение

было предложено горной промышленности прежде всего потому, что количество «остарбайтеров», бежавших из лагерей для горняков, было ненормально велико. Со строго охраняемыми советскими пленными эта опасность была гораздо меньшей²⁴⁴. Ещё одно положение, которое по меньшей мере в равной степени определяло желание горной промышленности по возможности получать только советских пленных, не было упомянуто: имперское объединение угля добилось в апреле 1943 г., чтобы взносы, которые следовало отчислять государству за работу пленных, были существенно сокращены. Расходы на советских военнопленных, которые и так наряду с заключёнными концентрационных лагерей считались самой дешёвой рабочей силой, были в горной промышленности теперь даже ниже тех взносов, которые Гиммлер установил на промышленных предприятиях для рабочих-рабов из концлагерей²⁴⁵.

Хотя приказ Гитлера ещё только должен был выйти, имперское объединение угля было уверено в том, что в горную промышленность «до конца августа [!] будет поставлено 200 000 пригодных для горного дела советских военнопленных из тыловых районов групп армий», более того, уже в июле в их распоряжении будет находиться 50 000 советских военнопленных и, кроме того, из «майской квоты»²⁴⁶ ещё 50 000 советских пленных, «остарбайтеров» и принудительно набранных польских рабочих²⁴⁷. К циркулярному письму уже был приложен план того, как следует распределить ожидавшихся в июле и августе 250 000 военнопленных. Львиную долю (100 000 человек = 40%) должна была получить окружная группа Рура; на втором месте стояла горная промышленность Верхней Силезии (78 000 чел. = 31%), на третьем – Судетской области (22 500 чел. = 9%). Как в течение 2-х месяцев столь колоссальное количество пленных собирались разместить по шахтам, не говоря уже о том, чтобы рационально использовать, непонятно. Удивляет также та уверенность, которую имперское объединение угля проявило после неудачи прежних проектов. Очевидно, определённую роль в этом сыграли надежды на то, что летнее наступление немцев, которое как раз предстояло, будет переломным в войне на Востоке и тем самым доставит новую массу пленных.

Решение Гитлера было принято 7 июля, по-видимому, после некоторых колебаний²⁴⁸. Хотя процесс принятия решения понятен лишь отчасти, всё же можно утверждать, что на совещании, в котором наряду с Плейгером принял участие по крайней мере Шпеер²⁴⁹, Плейгер сумел отстоять планы имперского объединения угля. Для реализации его цели – «поставить в угольную промышленность 300 000 дополнительных рабочих рук» – было решено для начала поручить генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы и отделу по делам военнопленных перевести «к 1 сентября 1943 г. в горную промышленность в качестве первой партии 200 000 пригодных для горного дела военнопленных из уже находившихся в немецких руках»²⁵⁰.

Кроме того, было заявлено, что при новом поступлении пленных угольная промышленность имеет «неограниченное преимущество перед заявками всех прочих ведомств». Все поступающие с 5 июля, – начала крупного наступления под Курском (операция «Цитадель»), – пленные тут же направлялись в находившиеся в зоне ответственности ОКВ лагеря и передавались там генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы для угольной промышленности.

Чтобы в любом случае добиться нужного количества пленных, Гитлер согласился даже на отмену одной из идеологических целей:

Взятых в плен участников *партизанской борьбы* в прифронтовой зоне, районе действия сухопутных сил, восточных комиссариатах, генерал-губернаторстве и на Балканах в возрасте от 16 до 55 лет следует в будущем считать военнопленными²⁵¹.

Нехватка рабочей силы привела к тому, что даже жизнь партизан, которых до сих пор расстреливали на месте или вешали, приобрела определённую ценность для национал-социалистского руководства²⁵².

Этим приказом главная цель горной промышленности была достигнута: использовать на работах следовало только советских военнопленных²⁵³. Соответственно интересы оборонного ведомства Шпеера в приказе от 8 июля были учтены довольно слабо²⁵⁴.

Для осуществления запланированного «перевода» 200 000 пленных отдел по делам военнопленных в ОКВ отдал 15 июля 1943 г. подробный приказ²⁵⁵. На первом этапе из зоны ответственности вермахта следовало вывезти 65 000 пленных. Эта масса пленных должна была поступить с территории рейха (20 000 чел.), из прифронтовой зоны (20 000 чел.) и из рейхскомиссариата «Остланд». Эта акция должна была проводиться под кодовым названием «горный мастер». Кроме того, под кодовым названием «забойщик» следовало как можно скорее предоставить в распоряжение горной промышленности всех поступивших с 5 июля и ещё поступающих военнопленных и перебежчиков. Пленных следовало подвергнуть дезинсекции в «расположенных как можно дальше к востоку лагерях», тщательно «проверить», а затем как можно быстрее доставить на территорию рейха, – во всяком случае, в генерал-губернаторстве было приказано сделать «повторную 48-часовую остановку [...] для ещё одной тщательной проверки». Для «наблюдения за текущей и упорядоченной эвакуацией» к начальнику службы содержания военнопленных при группе армий «Центр» со стороны ОКВ был откомандирован офицер связи в чине полковника; кроме того, начальники служб содержания военнопленных должны были в течение всех 10 дней «телеграфировать и телефонировать» в отдел по делам военнопленных в ОКВ о положении дел, а отдел по делам военнопленных в ОКВ в свою очередь должен был докладывать об этом Кейтелю.

Но и эта широко задуманная попытка одним махом устранить и нехватку рабочей силы в горном деле, и внести решительные и долгосрочные изменения в «структуру затрат» входивших в имперское объединение угля горнодобывающих предприятий, окончилась неудачей. Операция «Цитадель», целью которой среди прочего было также приобретение новых рабочих рук, захлебнулась уже через несколько дней. Немногие взятые пленные были удержаны войсками для снятия урожая и строительства укреплений, после того как началось советское контрнаступление²⁵⁶. Вследствие этого поступления из прифронтовой зоны оказались гораздо меньше ожидаемых цифр.

Запланированные цифры даже отдалённо не были достигнуты также посредством перемещений из гражданской сферы. К тому же там, откуда энергичные представители рабочих ведомств забирали пленных для горного дела, часто лишь возникали новые бреши. Так, команда по вооружению в Дюссельдорфе докладывала в августе 1943 г., что дело дошло до сбоев в производстве вооружения из-за

того, что при «постоянно ухудшающемся положении с рабочей силой» для горной промышленности забрали 300 квалифицированных и уже включившихся в рабочий процесс советских пленных²⁵⁷. Хотя, к примеру, в горной промышленности Рура общее количество рабочих увеличилось в сентябре 1943 г. с 380 000 до 398 000, – «почти исключительно за счёт поступления советских пленных»²⁵⁸, – общие поступления всё равно оставались гораздо ниже поставленных целей. Согласно статистическим данным имперского объединения угля всего в угольную промышленность Германии между 1 июля и 10 ноября поступило 76 528 (советских) военнопленных. Однако в течение того же периода 27 638 человек были списаны как «убывшие», так что «чистые поступления» составили 48 890 человек²⁵⁹. До конца года в угольную промышленность поступило примерно 100 000 новых советских пленных; однако, поскольку «убыль среди военнопленных [...] составляла более трети от поступившего числа», то осталось всего 66 377 пленных²⁶⁰. Уже в начале октября 1943 г. имперское объединение угля признало, что акция потерпела крах: «Несмотря на некоторое количество прибывших к этому времени транспортов», больше советских пленных доставить невозможно; вместо них бреши следует латать с помощью интернированных итальянцев²⁶¹. Однако вскоре выяснилось, что и это оказалось иллюзией²⁶².

Акции по приобретению советских военнопленных для угольной промышленности продолжались и в 1944 г. Когда 25 мая 1944 г. на 58-м заседании «Центрального Планирования» зашла речь о добыче угля в 1944/45 гг., Плейгер доложил об общей потребности в 165 000 рабочих рук. Ещё 10 500 рабочих рук он потребовал для подающей промышленности и создания крепёжного лесоматериала. Рабочую силу, – как правило, советских пленных, – следовало добыть путём «прочёсывания групп армий на предмет рабочей силы» и путём «особых акций» из самой немецкой экономики. Кроме того, начальник сырьевого ведомства в министерстве Шпеера Керл должен был связаться с начальником главного управления СС «администрация и экономика» Полем и договориться, чтобы пойманные беглецы, – «остарбайтеры» и советские пленные, – вместо того чтобы отправляться в концлагерь, направлялись в горную промышленность²⁶³.

Прочёсывание групп армий было проведено вскоре после этого в виде акции «шахтёр». Но и здесь результаты оказались ниже ожидаемых. Из фактически освобождённых рабочих рук горная промышленность до 28 сентября 1944 г. должна была получить 11 000 пленных, 11 400 «остарбайтеров» и 5000 бывших «легионеров»²⁶⁴, то есть всего 27 400 человек. Однако положение на Восточном фронте привело к тому, что из уже составленных транспортов часть «остарбайтеров» и легионеров была удержана для «работ, связанных с безопасностью», то есть для строительства укреплений. Представитель уполномоченного по использованию рабочей силы констатировал 28 сентября 1944 г.:

Ввиду сложившегося положения, с трудом верится, чтобы от этой акции следует ожидать ещё каких-то достойных упоминания рабочих рук, так что её, по-видимому, можно считать оконченной²⁶⁵.

Таким количеством потери в горной промышленности компенсировать было нельзя, не говоря уже о том, чтобы добиться запланированного повышения добычи угля. Так, если в апреле 1944 г. добыча угля оставалась на уровне 15 000 т в день, –

ниже установленной «Центральным Планированием» нормы, – то в июле уже на уровне 40 000 т. Около 20 июля 1944 г. Плейгер в разговоре с Кейтелем попытался добиться прекращения призыва немецких горняков и потребовал покрытия насущной потребности в 60 000 человек и замены для ещё 50 000 рабочих, которые, как показал опыт, должны были «убыть» в следующие месяцы²⁶⁶. Не нужно думать, что после этого в последние месяцы войны произошло ещё что-то важное²⁶⁷. С 15 мая по 15 августа 1944 г. количество советских военнопленных в горной промышленности сократилось с 168 456 – максимально достигнутое количество – до 159 898 человек²⁶⁸.

Но даже достижение запланированного количества пленных вряд ли смогло бы надолго отсрочить крах немецкой оборонной промышленности. В конце сентября 1944 г. Рурская область из-за налётов союзников была закрыта в транспортно-техническом отношении, а в ноябре 1944 г. добыча угля на контролируемой немцами территории сократилась уже на 35–40%²⁶⁹. Так что и здесь крах был неизбежен.

г) Усилия имперского объединения угля по снижению расходов на советских военнопленных

Теперь следует более подробно остановиться на факторе, который при анализе направленной на приобретение рабочей силы политики имперского объединения угля нельзя упускать из виду, а именно, на сокращении взносов, которые горнодобывающие предприятия должны были уплачивать за советских пленных.

Уже говорилось о том, что использование советских пленных, – в той мере, в какой они были работоспособны, – обходилось предпринимателям гораздо дешевле, чем использование других военнопленных, даже при учёте того, что национал-социалистское руководство стремилось «отбирать» большую часть прибыли для покрытия военных расходов.

Использование большого количества военнопленных в горном деле, начавшееся в июне 1942 г., поначалу не привело к ожидаемым горной промышленностью результатам. Пленные, по большей части слабые физически, обладали малой работоспособностью и к тому же должны были изучить дело. Поэтому 7 сентября 1942 г. отдел по делам военнопленных в ОКВ отдал распоряжение о временном сокращении оплаты труда занятых в угольной промышленности пленных²⁷⁰. Для тех пленных, которые включились в рабочий процесс после 1 мая 1942 г., предприниматели в течение 2-х месяцев должны были давать только жильё и питание, отчислять в соответствующий стационарный лагерь 0,30 рейхсмарок в день за человека и платить 10-процентный паушальный сбор, то есть тратить около 1,40 рейхсмарок в день²⁷¹.

Это временное сокращение показалось окружной группе Рура недостаточным. 1 декабря 1942 г. она представила в отдел по делам военнопленных в ОКВ результаты исследования, которое призвано было доказать, что и без того низкий уровень доходов горной промышленности из-за использования советских военнопленных станет ещё ниже²⁷². 19 февраля 1943 г. после переговоров с представителями генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и отдела по делам военнопленных ОКВ окружная группа Рура обратилась в имперское министерство финансов с тщательно обоснованным предложением²⁷³.

Одним из первых аргументов был тезис о том, что цена на уголь в течение уже долгого времени не покрывает текущих расходов. При точном расчёте, – даже с учётом прибыли отдельных входящих в состав группы горнодобывающих предприятий, в том числе коксохимических заводов и т. д., – получается «убыток» в 1,61 рейхсмарок на тонну реализованной продукции. Далее указывалось, что и этот расчёт ещё слишком благоприятен, поскольку из-за уровня издержек дело всё в большей мере идёт к тому, что будут разрабатываться только богатые пласты, а это, в свою очередь, приведёт к тому, что ограниченно пригодные для промышленного использования пласты навсегда будут потеряны; количество полезных ископаемых из-за этого сократится. Кроме того, низкий уровень доходов не позволит в будущем производить достаточные отчисления в резервный фонд по сохранению производственных мощностей²⁷⁴. Эти аргументы не подлежат детальной перепроверке и отчасти довольно справедливы²⁷⁵. Однако там, где речь идёт о расходуемых на советских военнопленных средствах, эти доводы вполне можно проверить. В подробном расчёте окружная группа попыталась доказать, что на каждого советского военнопленного, который производит 50% средней выработки немецкого рабочего, потери составляют 0,71 рейхсмарок за смену, в то время как при 60%-ной выработке убыток составляет 0,53 рейхсмарок, которые отправляются в стационарный лагерь. Чуть ли не 50% приведённых при этом расходов оказываются «завышенными расходами при заниженной выработке», как то увеличенные расходы из-за экстенсивной эксплуатации, увеличения сети подземных горных выработок шахты, использования дополнительных добывающих и технологических средств. Расходы за смену были установлены между 0,75 и 2,04 рейхсмарок. Большая часть их оказалась тратами на жильё (1,50 рейхсмарок), питание (1,87 рейхсмарки), одежду и другими побочными расходами, как то охрана, администрация и т. д. (0,48 рейхсмарок). Эти расходы, как будет показано, слишком завышены.

Свою аргументацию окружная группа заключила фразой, что это обоснование «без сомнения не предлагает исчерпывающий статистический материал», но позволяет

установить наличие большой опасности, а именно, дальнейшего увеличения расходов в связи с использованием советско-русских военнопленных, если будут требовать слишком высоких выплат.

Окружная группа внесла предложение, чтобы в будущем ей, – как и пользующемуся особым покровительством государства сельскому хозяйству, – приходилось платить всего 0,54 рейхсмарок в день за одного пленного. Это предложение

описывает крайности, которые могут угрожать горной промышленности Рура. Следует предоставить полномочным органам, в особенности господину рейхскомиссару по ценообразованию и господину рейхскомиссару финансов [...] высказать по этому поводу своё мнение – нужно ли и впредь придерживаться этой ставки и, в случае невозможности привести цены в соответствие с уровнем расходов, установить лишь признанный налог в виде отчисляемой в стационарный лагерь суммы в размере 0,25 рейхсмарок за одного советско-русского военнопленного в день.

Полномочный референт в имперском министерстве финансов, министериаль-диригент доктор Бендер представил 15 марта подробную рецензию на это предложение имперскому министру финансов Шверину фон Крозигу²⁷⁶. Вначале Бендер

изобразил существующие условия: до сих пор горная промышленность Рура платила 3,50 рейхсмарок за рабочий день и смену плюс 0,35 рейхсмарок паушального сбора²⁷⁷; из этой суммы горная промышленность оплачивает питание и жильё (1 рейхсмарка, + 0,20 рейхсмарок для рабочих, занятых на тяжёлых работах), зарплату для пленных в 0,20 рейхсмарок, среднюю производственную премию в 0,15 рейхсмарок, а также определённую сумму на спецодежду; остаток в 1,80 рейхсмарок переводится в стационарный лагерь как «доход государства»²⁷⁸. Эта ставка «чрезвычайно выгодна», поскольку устанавливается не сдельная, но почасовая оплата, – соответственно предполагаемой минимальной производительности труда в 60%, – за основу берётся не зарплата горняка (9,40 рейхсмарок в день + 3,60 рейхсмарок социального страхования), а зарплата грузчика, подсобного рабочего в 5,88 рейхсмарок и неучтённым остаётся взнос работодателя на социальное страхование.

В своей рецензии Бендер подробно касается лишь той части аргументов, которые были для него проверены, а именно, расходов на питание и жильё, а также указанных норм выработки. Этими данными окружная группа оперировала уж слишком бесцеремонно. Так, Бендер критически заявлял:

Если вермахт тратит 1,20 рейхсмарок в день на лучшее питание одного солдата, то невозможно согласиться со ставкой в 1,87 рейхсмарок на одного военнопленного. Однако высокая сумма получается только из-за явных приписок, отчислений и т. д. К примеру, указана сумма в 40 рейхсмарок на одного человека для приобретения кухонных принадлежностей, то есть котлов, мисок и столовых приборов. Расходы на жильё во всяком случае слишком завышены. Установленная ОКВ ставка составляет 0,20 рейхсмарок.

Дальнейшая проверка показывает, что сомнения Бендера были вполне обоснованы. Из сохранившегося столового отчёта можно установить, что на питание военнопленных, занятых на *очень тяжёлых* работах, в день тратилось в среднем 77,4 пфеннигов, а на питание занятых на *тяжёлых* работах – 68 пфеннигов²⁷⁹. Это означало, что окружная группа Рура только в этом случае рассчитывала удержать за собой сумму в размере одной рейхсмарки в день на одного пленного, что для предприятия, на котором, к примеру, было занято 500 пленных, означало амортизацию примитивного столового оборудования и, предположительно, также покрытие расходов предприятия за счёт сэкономленной в результате этого за год²⁸⁰ суммы в 150 000 рейхсмарок. Точно так же дело обстояло и с расходами на жильё. Один стандартный барачный комплекс Тодта с тремя жилыми и одним хозяйственным бараком, с фундаментом и полностью оборудованный для *немецкого* рабочего стоил в 1941 г. от 250 000 до 300 000 рейхсмарок²⁸¹. Так вот, в одном из таких барачных комплексов следовало размещать до 150 советских военнопленных²⁸². Это значило, что указанные окружной группой Рура в расчёте расходы на такой комплекс, – при 450 пленных и 300 рабочих дней, – вполне могли быть покрыты за счёт 202 500 рейхсмарок²⁸³.

Бендер коснулся также данных, представленных окружной группой по поводу производительности труда советских пленных. В обосновании своего предложения окружная группа исходила из средней производительности труда в размере 50–60% выработки среднего немецкого горняка. Несколько позже Плейгер в своём письме

к Шверину фон Крозигу, в котором он поддерживал предложение окружной группы, вообще говорил о «средней выработке в 45%»²⁸⁴. Но и здесь Бендер выразил сомнение. Он указал на то, что уже в конце октября 1942 г. выработка 67% советских пленных была выше 50%. Поскольку пленные были по большей части незнакомы с профессией, то вполне естественно, что с каждой партией новых пленных средняя производительность труда падала, но также скоро опять возрастала²⁸⁵. Тщательная проверка и здесь подтверждает правомерность сомнений Бендера. В официальном, хранящемся в тайне исследовании об использовании труда иностранцев и военнопленных выработка советских пленных в горной промышленности Рура оценивалась на уровне «60–80%»²⁸⁶. Эксперт имперского объединения угля в этом вопросе, инспектор предприятий Норкус в своих отчётах за апрель и май указывал на то, что в феврале 1943 г. средняя производительность труда в день составляла «около 55% выработки немецкого рабочего». Он заявлял также,

что русские, чей труд оплачивался посменно, отчасти благодаря предварительному обучению достигают полноценной выработки немецкого рабочего²⁸⁷.

Указанный Норкусом рост производительности труда произошёл уже поздней осенью 1943 г. Представитель окружной группы Верхней Силезии, который на собственном опыте ознакомился с советскими пленными в горной промышленности Рура, утверждал:

Выработка русских в сравнении с выработкой немецких забойщиков по большей части превышает 80%; отчасти они достигают даже 100-процентной выработки немецкого забойщика²⁸⁸.

Здесь расчёты окружной группы Рура также исходили из слишком неблагоприятных предположений²⁸⁹. Правда, Рурская горная промышленность поступала в соответствии с девизом, который установил Плейгер в апреле 1941 г. Тогда в беседе с тремя важнейшими представителями Рурной горной промышленности – Эрнстом Бускюлем, Густавом Кнеппером и Эрнстом Тенгельманом²⁹⁰ – он потребовал, чтобы горная промышленность как можно быстрее позаботилась о жилье для 15 000 верхнесилезских горняков и 30 000 военнопленных, которых планировалось перевести в Рурскую область. На вопрос, кто возьмёт на себя расходы, Плейгер ответил, что

сейчас крайне важно как можно быстрее подготовить бараки, а расчёт будет предоставлен несколько позже²⁹¹.

Вначале, как то видно из рецензии Бендера, натиск окружной группы Рура не встретил понимания в имперском министерстве финансов. Письмо, с которым Плейгер обратился 3 марта прямо к Крозигу, сначала способствовало лишь усилению негативной реакции референта. Это письмо, по словам Бендера, «было, очевидно, рассчитано на то, чтобы горная промышленность узнала о том, что её искания окончились неблагоприятным для неё образом»²⁹².

В своём письме²⁹³ Плейгер также подчеркивал, что использование советских пленных в угольной промышленности стоит предприятиям колоссальных расходов. Однако он придерживается мнения, что нельзя «производить крупного расследования там, где расчёты должна вести сама горная промышленность». Выработка пленных «по последним утверждениям составляет в среднем около 45%»²⁹⁴, но даже если исходить при расчёте суммы отчисления из 50-процентной выработки, то это

всё равно означает для горной промышленности дополнительное бремя. После недвусмысленного намёка на то, что он уполномочен фюрером «решить теперь вопрос о цене на уголь», – что было крайне неприятно для Крозига, поскольку повышение цены на уголь явно привело бы к росту инфляции²⁹⁵, – он потребовал избавить горную промышленность от дальнейших тягот. В противном случае он якобы будет вынужден, с одной стороны, просить о дотациях, в то время как с другой стороны «дополнительные отчисления от горной промышленности через стационарные лагеря опять поступят в казну государства». Плейгер чётко дал понять, что не желает передавать решение вопроса на усмотрение одного только полномочного министра финансов: он якобы уже договорился с генералом фон Гревеницем, Заукелем и рейхскомиссаром по ценообразованию, «что для горной промышленности следует использовать как можно более простое паушальное урегулирование». Из расчётов горной промышленности Рура следует, что сумма в 0,60 рейхсмарок будет вполне приемлема. Он якобы хочет избежать переговоров и вместе с Заукелем, Гревеницем и комиссаром по ценообразованию «пришёл к выводу, что ставка в 0,80 рейхсмарок в день устроит всю угольную промышленность»²⁹⁶. Тем самым Плейгер сделал ещё один шаг вперёд; речь теперь шла уже не только о горной промышленности Рура, хотя, как заметил по этому поводу Бендер, из других районов жалоб не поступало.

Несмотря на резкий тон рецензии Бендера, из представленного им тогда же Крозигу проекта ответного письма Плейгеру²⁹⁷ видно о его очевидной готовности к компромиссу. Там говорилось о невозможности

отказаться от принципиального определения – оценивать выплаты предпринимателя за использование одного военнопленного по результатам труда последнего.

Ибо в противном случае возникнут «несправедливые доходы тех, которые используют труд военнопленных». Если отказаться от этого принципа в пользу горной промышленности, то того же самого по праву смогут требовать для себя и другие отрасли промышленности²⁹⁸. Этот отказ, однако, тут же был существенно смягчён. Было заявлено, что предприниматель должен платить за работу пленного столько, во сколько она ему обошлась; принципы определения её цены следует оговорить на совещании заинтересованных ведомств.

Как, в конце концов, было принято решение, неизвестно. Можно лишь утверждать, что установленный 14 апреля 1943 г. новый порядок, – отчислять в стационарный лагерь 1,00 рейхсмарку + 0,30 паушального сбора за одного пленного в день²⁹⁹, – являлся компромиссом между предложением Плейгера и предыдущей суммой в 1,80 рейхсмарок³⁰⁰. Этот «особый порядок» был принят сроком на один год, и ещё в феврале 1944 г. в имперском министерстве финансов господствовало убеждение, «что после 31 марта 1944 г. этот порядок не будет продлён», поскольку рассчитывали на улучшение производительности труда советских пленн³⁰¹.

Когда на совещании всех заинтересованных ведомств 23 февраля 1944 г. речь зашла о продлении порядка, представители горной промышленности вновь заявили, что отчисления якобы слишком высоки и «следует собственно предложить вообще ничего не платить за военнопленных». ОКВ и имперское министерство финансов «выступили категорически против этого» и заявили,

что установленный в прошлом году порядок вообще имеет ограниченные сроки и

что невозможно именно при самых дешёвых рабочих делать ещё и скидки из-за того, что горная промышленность якобы имеет низкий уровень доходов.

Тем не менее новый натиск горной промышленности привёл к тому, что в имперском министерстве финансов вопреки первоначально заявленному намерению согласились с сохранением «минимального уровня», который сверх того был объявлен теперь «долгосрочным порядком» для *всей* горной промышленности³⁰². Имперское объединение угля намеревалось также добиться разрешения поощрять высокую производительность труда пленных путём повышения выплачиваемой им зарплаты с 0,20 до 0,35 рейхсмарок в день и различных производственных добавок, а также разрешения делать вычеты при низкой производительности труда³⁰³.

С принятием этого порядка советские военнопленные стали самой дешёвой рабочей силой, какой когда-либо располагали немецкие предприниматели. Максимальные расходы составляли 3,65 рейхсмарок в день³⁰⁴. В то же время главное управление СС «администрация и экономика» платило за рабочих-рабов из концлагеря от 4,00 (за подсобных рабочих) до 6,00 (за квалифицированных рабочих) рейхсмарок³⁰⁵.

7. Развитие процесса использования советских военнопленных в других отраслях экономики

При описании положения дел в угольной промышленности можно, конечно, описать лишь некоторые из происходивших в этой важной отрасли экономики процессов. Для других отраслей экономики и это невозможно³⁰⁶; для этих отраслей можно дать только некоторые указания на статистические процессы, которые, правда, позволяют сделать ряд существенных выводов³⁰⁷.

В конце января 1942 г. большинство советских военнопленных – 69 518 человек, то есть 47,1% от общего количества используемых на работах 147 736 человек, – было занято в строительной промышленности и на предприятиях, производящих завершающие строительные работы³⁰⁸. Большая часть этих пленных – 35 449 человек (51%) – ещё не была занята на работах, которым в это время уже был отдан приоритет, как, например, ремонт железнодорожных путей, но использовалась на строительных работах; высокий удельный вес этой категории рабочих является отзвуком будущих перспектив позднего лета 1942 г., а именно, ожидания, что этих пленных можно будет использовать для осуществления безумных строительных планов фюрера.

К концу апреля 1942 г. количество занятых в этой отрасли экономики пленных сократилось до 48 803 человек, а затем к концу октября 1942 г. опять выросло до 64 745 чел. В последующем наблюдалось устойчивое падение, достигшее своей нижней отметки в ноябре 1943 г. (48 354 чел.). С тех пор до августа 1944 г., – последнего месяца, по которому имеются данные, – их количество возросло до 58 125 человек. Количество пленных, занятых в наземном и подземном строительстве³⁰⁹, оставалось высоким; оно колебалось между 25 000 и 35 000 человек, хотя интерес имперских железных дорог к ремонту путей рос в гораздо большей степени. В целом

число занятых в строительной промышленности и на предприятиях, производящих завершающие строительные работы, пленным оставалось на одинаковом уровне. Высокое число января 1942 г. более не было достигнуто, ибо строительный сектор не проявлял интереса к усиленному использованию труда пленников.

На втором месте в январе 1942 г. – 31 460 пленников (21,3%) – стояло сельское хозяйство. В этом секторе экономики количество пленников в последующие месяцы постоянно возрастало, только в апреле 1942 г. на 23 369 человек (= 51,3%). Следующий резкий рост последовал в сентябре (+ 19 055 человек = 16,4%), временно достигнув высшей отметки в 135 468 человек (29,8% от занятых тогда 455 486 пленников).

Резкий рост количества пленников в сельском хозяйстве привёл к тому, что занятые там пленники с апреля 1942 г. составили большую часть пленников: 30 апреля их было 68 935 человек (34,9%), а в конце июня был достигнут высший удельный вес – 36%.

Очень большой рост между январём и сентябрём 1942 г. (на 104 026 человек = 330,7%) произошёл, конечно, исключительно за счёт чрезвычайно высокого количества ставших неработоспособными пленников, которых «для восстановления сил» направляли в сельское хозяйство³¹⁰.

С сентября 1942 г. до конца января 1943 г. численность сократилась до 92 836 человек. С одной стороны, это было обусловлено временем года, а с другой – вызвано тем, что сельское хозяйство под знаком нехватки рабочей силы постоянно «прочёсывалось» с конца лета 1942 г. в поисках работоспособных пленников и квалифицированных рабочих и тем, что часть пленников благодаря лучшему питанию в сельском хозяйстве опять пришла в норму.

В феврале 1943 г. количество занятых в сельском хозяйстве пленников опять стало расти. К 15 июля оно выросло на 30 924 человека (33,3%), составив 123 760 человек (24,5% от общего числа в 505 975 пленников). С июня по август эти пленники опять составляли большую часть занятых в немецкой военной экономике пленников. Это положение изменилось только потому, что из-за проведённых имперским объединением угля акций количество занятых в угольной промышленности пленников с августа 1943 г. стало резко расти, и тем самым именно угольная промышленность стала тем сектором экономики, в котором, – вплоть до конца войны, – было занято большинство советских пленников.

Вновь выросшая с августа 1943 г. доля сельского хозяйства, – совершенно очевидно не обусловленная временем года, – была вызвана опять-таки резко ухудшившимся общим состоянием пленников. Это становится ещё понятней, если вспомнить, что этот рост противоречил усилиям по изъятию из сельского хозяйства большого количества советских пленников для горной и оборонной промышленности.

С июля 1943 г. до середины февраля 1944 г.³¹¹ их количество слегка сократилось на 5188 человек (6,1%), составив 116 158 пленников, но не достигло более низкой точки конца января 1943 г. С середины февраля 1944 г. их численность вновь стала расти и в середине августа достигла уровня – 138 416 человек (+ 22 258 чел. = 19,2%), который превзошёл даже уровень сентября 1942 г. Тем самым сельское хозяйство, которое поздней осенью 1943 г. из-за сильного роста доли металлургической промышленности сместилось на третье место, опять заняло второе место вслед

за горной промышленностью. Этот новый рост в то время, когда «Центральное Планирование» было занято отчаянными поисками рабочей силы для горной промышленности и производства вооружения, служит ещё одним доказательством постоянно ухудшавшегося состояния здоровья советских военнопленных. Статистических данных о периоде после 15 августа 1944 г. не сохранилось, но уже приведённые донесения о резком ухудшении состояния здоровья пленных в верхнесилезской и рурской горной промышленности летом 1944 г., а также падающая численность направленных в рурское горное дело пленных стационарного лагеря VI А Хемер³¹² свидетельствуют о том, что большое количество истощённых пленных по-прежнему направлялось для «восстановления сил» в сельское хозяйство.

О развитии использования труда военнопленных в горной промышленности уже неоднократно говорилось. Тем не менее по ходу дела следует ещё раз сказать здесь об этом пару слов. Первая акция летом 1942 г. привела к резкому росту численности занятых здесь пленных с 7399 человек (в конце июня) до 61 896 человек (в конце сентября 1942 г.). В конце января 1943 г. эта численность достигла 90 759 человек, а к 15 апреля 1943 г., – при явно сократившемся притоке, – 96 879. К середине мая численность сократилась до 93 379 человек, а затем к 15 августа 1943 г. незначительно возросла до 100 633 человек. Только тогда о себе дали знать результаты «акции 300 000 человек», которая была одобрена приказом фюрера от 8 июля: к 15 ноября численность пленных в горной промышленности возросла на 53 903 человека (53,6%), составив 154 536 человек³¹³ (27,4% от общего количества пленных в 564 692). Тем самым горная промышленность, которая ещё в августе 1943 г. (100 633 чел. = 20,3%) стояла на третьем месте после сельского хозяйства (121 346 чел. = 24,5%) и металлургической промышленности (111 074 чел. = 22,4%), прибрала к рукам большую часть советских пленных и, насколько известно, до самого конца войны сохраняла в этом отношении лидирующие позиции³¹⁴. Численность пленных в горном деле продолжала расти. 15 февраля 1944 г. доля горной промышленности составила 27,9%, а абсолютно рекордное количество пленных было достигнуто 15 мая 1944 г. – 168 456 человек.

Численность советских пленных в металлургической промышленности на всём протяжении 1942 г. постоянно росла – с 5284 человек в конце января, до 60 330 человек в конце июня и 126 135 человек в конце января 1943 г. Предположительно в ноябре 1942 г.³¹⁵ доля металлургической промышленности впервые превысила долю сельского хозяйства. В конце января 1943 г. металлургическая промышленность располагала наибольшим количеством пленных (25,6%); это место она удерживала до середины мая. В конце января 1943 г. в первый раз была достигнута высшая точка, после чего численность пленных вплоть до середины августа (– 15 061 чел. = 11,9%) неуклонно падала. С этого времени численность пленных опять начала медленно расти: 15 февраля 1944 г. она составила 128 975 человек (21,7%), 15 мая – 133 025 человек (21,5%), 15 августа 1944 г. – 137 633 человека (21,8%). Тем самым временно, – с декабря 1943 г. по май 1944 г., – металлургическая промышленность опять занимала второе место, пока летом 1944 года это место вновь не перешло к сельскому хозяйству.

О распределении пленных внутри самой металлургической промышленности известно лишь с марта 1943 г., поскольку статистика использования рабочей силы

начала аккуратно вестись только с этого времени. Удельный вес отдельных отраслей металлургической промышленности в указанный период времени оставался довольно стабильным, разве что выплавка чугуна смогла существенно поднять своё значение³¹⁶.

Приведённые здесь цифры ясно показывают, что советские пленные играли существенную роль в немецкой военной экономике. Если считать, что производительность труда занятых в угольной и металлургической промышленности советских пленных в феврале 1944 г. примерно соответствовала 70% выработки среднего немецкого рабочего, – предположение, которое подтверждается по крайней мере для горной промышленности, – то это значит, что 295 000 занятых там советских пленных заменили собой более 200 000 немецких рабочих. В 1944 г. выработка более 600 000 занятых в немецкой экономике пленных соответствовала почти 2 миллиардам рабочих часов. Прибыль, которую частные предприниматели извлекли из использования этой рабочей силы, подсчитать довольно сложно. Зато с большой точностью можно вычислить прибыль, полученную государством, сосчитав суммы, перечисленные в имперскую казну угольной промышленностью. За примерно 160 000 пленных и 310 рабочих дней, – при ежедневной сумме отчислений в 1,30 рейхсмарок, – государству перечислили 64 480 000 рейхсмарок. За пленных в сельском хозяйстве сумма отчислений была существенно ниже – 0,54 рейхсмарок, за пленных в металлургической промышленности – существенно выше, поскольку эти суммы составлялись в зависимости от размера зарплаты среднего немецкого рабочего. В соответствии с этим, наверно, не будет большим преувеличением сказать, что сумма, которая поступила в имперскую казну за работу советских пленных, соответствует более чем 500 млн. рейхсмарок³¹⁷.

ХІІ. СУДЬБА СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ НА ПОСЛЕДНЕМ ЭТАПЕ ВОЙНЫ

---

1. Передача службы по делам военнопленных Гиммлеру

25 сентября 1944 г. Гитлер передал рейхсфюреру СС Гиммлеру, который уже с 20 июля был командующим армией резерва, «содержание всех военнопленных и интернированных лиц, а также лагеря для военнопленных и их оборудование силами охраны»¹; 1 октября это решение вступило в силу.

С принятием этого решения, которое касалось только зоны ответственности ОКВ², начался последний этап в судьбе военнопленных в немецком заключении.

По словам Кейтеля и Рейнеке Гиммлер с лета 1942 г. стремился к тому, чтобы получить в своё распоряжение службу по делам военнопленных³, которой по его мнению слишком «слабо» управляли. Рейнеке заявлял, что именно из-за этого давления он якобы был вынужден отдать свой приказ от 19 августа 1942 г.⁴, и передача не состоялась тогда только потому, что Гиммлер «не хотел целиком и полностью принимать в войска СС» соединения ополченцев⁵.

Этим же мнимым давлением Рейнеке и Кейтель объясняли издание некоторых лежащих на их совести приказов, которые они якобы были вынуждены отдать только для того, чтобы помешать СС установить власть над вермахтом. Это утверждение по меньшей мере вызывает сомнения. Давление Гиммлера, насколько известно, не подтверждается современными источниками, и даже летом 1942 г. позиции вермахта были ещё настолько сильны, что Гиммлер вряд ли бы всерьёз выдвинул требование о передаче в своё распоряжение той или иной части вермахта.

Первое достоверное требование относительно этой передачи относится к началу марта 1944 г., причём любопытно, что выдвинул его вовсе не Гиммлер. Министр вооружения Шпеер записал 5 марта после беседы с Гитлером, что он

ознакомил фюрера с желанием рейхсмаршала передать СС управление стационарными лагерями, – за исключением англичан и американцев, – в целях дальнейшего использования рабочей силы военнопленных. Фюрер счёл предложение хорошим и поручил господину полковнику фон Белову [своему адъютанту при авиации] принять надлежащие меры⁶.

Таким образом, поводом здесь послужило, во-первых, желание Геринга отличиться, выдвинув столь радикальное предложение, во-вторых, желание гиммлеровскими методами добиться от пленных более высокой производительности труда. Предположение, что только с весны 1944 г. можно говорить о давлении Гиммлера, подтверждается показанием, данным в Нюрнберге обер-группенфюрером СС

Готлобом Бергером, которого Гиммлер назначил начальником службы по делам военнопленных. Так, он заявил, что соответствующие планы обсуждались в мае 1944 г.⁷ К этому времени позиции вермахта по сравнению с летом 1942 г. существенно ослабли, и Гиммлер вполне мог использовать в качестве повода какой-нибудь нашумевший массовый побег, чтобы преувеличить якобы имевшие место нарушения при охране военнопленных⁸. Но и тогда поначалу ничего не произошло. Лишь неудавшееся покушение 20 июля 1944 г. создало предпосылки для передачи СС службы по делам военнопленных. 20 июля Гиммлер был назначен командующим армией резерва вместо генерал-полковника Фромма. Тем самым ему уже были подчинены органы службы по делам военнопленных в корпусных округах, то есть начальники служб содержания военнопленных и лагеря; однако, получив власть только над исполнительными органами, Гиммлер по-прежнему не имел права давать указания относительно обращения с пленными. Тот факт, что прошло ещё два месяца, прежде чем он получил это, – даже тогда не безграничное, – право показывает, что либо возможности влияния Гиммлера были не столь велики, либо Гитлер имел основательные сомнения в целесообразности этого шага. Во всяком случае только новая должность Гиммлера в качестве командующего армией резерва позволила провести эту реорганизацию: служба по делам военнопленных сохранилась именно как организация *вермахта*. Проблема передачи в СС решилась сама собой, когда 20 июля Гиммлер смог получить командную власть над частью вермахта.

Реорганизация службы по делам военнопленных заняла некоторое время, что является ещё одним доказательством неготовности к ней руководства СС.

25 сентября Гитлер отдал приказ о передаче этой службы Гиммлеру. Полномочия между ОКВ и командующим армией резерва он распределил в этом приказе следующим образом:

Все вопросы, связанные с выполнением конвенции [1929 года], дела, касающиеся гарантийных и вспомогательных обществ, а также все дела, касающиеся находящихся во вражеских руках немецких военнопленных *по прежнему остаются в ведении верховного командования вермахта*⁹.

Тем самым инспектор по делам военнопленных в ОКВ, – так в последующем стала именоваться эта должность, – сохранил некоторое влияние на судьбу тех пленнх, которые находились под защитой Женевской конвенции. Окончательное уточнение задач должно было произойти только в результате переговоров задействованных ведомств. Вскоре после этого Гиммлер, – «в своём качестве командующего армией резерва», – передал службу по делам военнопленных обер-группенфюреру СС Бергеру. Одновременно с этим он приказал реорганизовать в ходе переговоров между Бергером и начальником главного управления СС «администрация и экономика» Полем ведомство по использованию рабочей силы и входившие в него учреждения. Для «усиления безопасности в сфере связанных с военнопленными вопросов» Бергер должен был установить связь с начальником главного управления имперской безопасности обер-группенфюрером СС доктором Эрнстом Кальтенбруннером; следовательно, гестапо были предоставлены более широкие возможности влияния. Следующее мероприятие, которое Гиммлер осуществил в качестве командующего армией резерва, кардинально изменило статус начальников

служб содержания военнопленных в корпусных округах: они были подчинены инспекторам полиции и СС в своих округах¹⁰.

Разграничение функций между Бергером и Рейнеке завершилось в конце октября 1944 г. Использование немецких сил охраны, личного состава начальников служб содержания военнопленных и комендантов лагерей, рабочей силы пленных, а также вопросы контрразведки и сотрудничества с рейхсфюрером СС были переданы начальнику службы по делам военнопленных при командующем армией резерва, то есть Бергеру. «Инспектору по делам военнопленных в ОКВ»¹¹ вменялась в обязанность прежде всего связь с имперским министерством иностранных дел, странами-гарантами и Международным Комитетом Красного Креста, – любопытно, но легко объяснимо благодаря позиции Рейнеке, что ему подчинялись также отделы «внутриполитического воздействия службы по делам военнопленных» и «взаимодействия с партийными и гражданскими органами»¹².

Реорганизация армии резерва и службы по делам военнопленных означала в то же время символическое завершение того процесса, который в угрожающей перспективе проявлялся в политике руководства вермахта, начиная с 1939 г., а именно, процесса вовлечения в сферу влияния СС. Привело ли это к негативным последствиям для военнопленных различных наций, чего следовало опасаться, точно сказать нельзя. Немногие имеющиеся в нашем распоряжении источники производят впечатление, что положение пленных не особенно изменилось. В принципе можно предположить, что проникновение одной организации в другую, в данном случае СС в вермахт, встретило ряд значительных трудностей, вызванных инерцией бюрократических структур. Следует помнить, что реорганизация началась только в октябре 1944 г., в то время, когда союзники с Востока и Запада уже вышли к границам рейха. Надо полагать, что главные усилия инспекторов полиции и СС были направлены в первую очередь на «поддержание внутреннего порядка», борьбу с «пораженчеством» и саботажем, а также поимку бежавших военнопленных и гражданских рабочих, и что свои обязанности в качестве «верховных начальников службы содержания военнопленных» они считали относительно менее важными, во всяком случае до тех пор, пока какой-нибудь особый повод не вынуждал их к принятию соответствующих мер. В качестве ещё одного фактора следует вспомнить о том, что СС просто не располагали достаточным персоналом для укомплектования органов по делам военнопленных.

Эти соображения подтверждаются организационными мероприятиями, которые осуществил Бергер. По его словам, он не назначил в своё ведомство «начальника службы по делам военнопленных» ни одного члена СС, поскольку к тому времени ему уже была известна реакция иностранных держав на реорганизацию службы по делам военнопленных, и он хотел избежать идентификации этого ведомства с СС¹³. Если это и нельзя проверить в деталях, то можно всё таки утверждать, что Бергер укомплектовал своё ведомство личным составом, взяв из ОКВ целые отделы, – среди прочих «организационный отдел» службы по делам военнопленных. Его начальник штаба полковник Фриц Мойер, который в последующем по сути руководил всеми делами ведомства, также служил ранее в службе по делам военнопленных. Во всяком случае до этого он был комендантом одного пересыльного лагеря на фронте¹⁴. И если теперь его назначили на этот высокий пост, то

следует предположить, что его считали особо пригодным для решения вновь поставленных задач.

Насколько известно, полномочия органов по использованию рабочей силы остались неизменными; Поль, как начальник главного управления СС «администрация и экономика», а также как начальник организации концлагерей, видимо, не получил никаких возможностей оказывать влияние. Шпеер и «Центральное Планирование», конечно, не желали допустить ограничения своих позиций в органах власти. Шпеер к этому времени уже разочаровался в эффективности системы концлагерей, и настроения, которые в это время сложились в имперском министерстве вооружения и боеприпасов по поводу повышения производительности труда, не оставляли Полю никаких возможностей для вмешательства¹⁵. Более того, кажется, что и Бергер поддерживал эти усилия имперского министерства вооружения и боеприпасов. В начале января 1945 г. его представитель Мойрер распорядился, согласно этим планам, о переводе большого количества советских военнопленных на положение гражданских рабочих. Этой мерой, – одновременно распорядились подготовить аналогичное освобождение пленных по всей территории рейха, – рассчитывали мобилизовать остатки производительных сил советских пленных¹⁶.

Сотрудничество с Кальтенбруннером, напротив, предполагалось сделать более тесным, поскольку предотвращение побегов военнопленных было одной из основных причин реорганизации. Уже в приказе Гиммлера в конце сентября было предписано «проверить все лагеря на безопасность и возможность предотвращения любой попытки восстания»¹⁷. Впрочем, ещё в январе 1945 г. Бергер распорядился о проведении новой акции «отборов»; при этом всех советских военнопленных, которые «как зачинщики контрпропаганды» агитировали против вступления советских пленных в армию Власова, следовало «немедленно отстранять от работ и передавать службе безопасности»¹⁸.

2. Судьба советских военнопленных в последние месяцы войны

Источники содержат очень мало точной информации о последней фазе судьбы советских военнопленных, а также о последствиях передачи Гиммлеру службы по делам военнопленных¹⁹. Поэтому дальнейшее развитие событий можно изложить лишь в самых общих чертах.

На случай вторжения союзников или приближения линии фронта в службе по делам военнопленных заранее были предусмотрены меры безопасности. Так, например, в середине марта 1944 г. в VI инспекции по вооружению в Мюнстере стало известно о директиве, согласно которой всех пленных по отданному сигналу следовало вывезти из пограничных районов²⁰. 13 000 советских пленных и «остарбайтеров», которые в апреле 1944 г. были заняты в бельгийской и северофранцузской угольной промышленности, следовало с этого месяца переводить в горную промышленность Рура; кроме того, на случай вторжения существовали планы срочной эвакуации²¹.

Перевод пленных, занятых на работах при войсках Восточного фронта, начался самое позднее в июле 1944 г. Командование группы армий «Центр» отдало 22 июля

1944 г. приказ доставить на территорию рейха всех «подлежащих вывозу» пленных, то есть пленных, которых следовало эвакуировать до прихода Красной Армии, чтобы использовать их на работах в рамках программы вооружения Шпеера²². 9 августа 1944 г. генерал-квартирмейстер сухопутных сил потребовал, чтобы группы армий немедленно передали для программы вооружения «всех работоспособных военнопленных», которые не являются «безусловно необходимыми для ведения боевых действий». В соответствии с этим командование 2-й армии распорядилось 16 августа 1944 г. вывезти *всех* пленных, кроме тех, которые «были включены в штат в качестве специалистов»²³. Уже 11 августа командование 2-й армии отдало приказ всех пленных и гражданских лиц, не входивших в число «добровольных помощников», «без всяких исключений срочно вывезти для строительства позиций в Восточной Пруссии»²⁴. Выходящие за рамки требований ОКХ и группы армий «Центр» приказы командования 2-й армии показывают, что по крайней мере в этой армии существовала тенденция вывозить пленных на Запад в возможно более полном объёме. Это решение было, вероятно, продиктовано опасениями, что пленные при отступлении создадут трудности силам охраны и транспортной системе.

Источники не позволяют оценить, как проходила эта эвакуация. Представляется, что при неподготовленных перебросках правилом были пешие марши, в то время как при планомерной эвакуации пленных вывозили по железной дороге²⁵.

С приближением союзников на Западе проблема ещё более обострилась, поскольку теперь следовало эвакуировать также пленных, которые, – к примеру, в Лотарингии и Саарской области, а чуть позже также в Аахенском каменноугольном бассейне, – работали как раз в интересах немецкой военной экономики²⁶.

Уже 13 сентября 1944 г. штаб оперативного руководства вермахта вынужден был издать приказ об эвакуации военнопленных из VI (Дюссельдорф) и XII (Висбаден) корпусных округов, поскольку они размещались к западу от Рейна и Наа. Против этого выступили некоторые из гауляйтеров указанных областей, и Борман добился, чтобы штаб оперативного руководства вермахта распорядился в дополнительном приказе,

чтобы военнопленные на стратегически важных, в особенности сельскохозяйственных работах вывозились не раньше, чем военное положение сделает это безусловно необходимым²⁷.

С другой стороны в это же время гауляйтер Южной Вестфалии Альберт Гофман выступил против того, что находившиеся в лагере для офицеров в Зоесте французские офицеры до сих пор ещё не были вывезены в Центральную Германию. Он видел в них «силы..., которые в серьёзном случае могут доставить ему в его округе крупные неприятности»²⁸. Надо полагать, что к советским пленным также относились с особым недоверием.

Эвакуации протекали тем более беспорядочно, чем ближе подступали к границам рейха союзники. Когда в сентябре 1944 г. иностранных рабочих должны были перевести из Аахенского округа в Рурскую область, это проходило «поспешно и неорганизованно». Из 12 000 военнопленных и гражданских рабочих к началу ноября в Рурской области вновь были «учтены» только 10 000 человек, местопребывание остальных было «ещё неизвестно». Следует полагать, что часть из них погибла в бою или попала в руки союзников, поскольку 4000–5000 человек были за-

няты рытьём окопов в Аахенском округе²⁹. Путаница была вызвана не только стремительным развитием событий, но и тем обстоятельством, что пленными и гражданскими рабочими теперь распоряжались несколько инстанций. Поскольку отдел по делам военнопленных в ОКВ никаких указаний об эвакуации пленных не дал, то имперское объединение угля само дало указания своим органам переправить пленных и гражданских рабочих в Рурскую область. Одновременно гауляйтеры в роли рейхскомиссаров по обороне приказали направить эти же силы на рытьё окопов³⁰, а учреждения под руководством Эдмунда Гейленберга³¹, которым было поручено укрытие авиационной техники и оборудования в подземных хранилищах, старались приобрести себе как можно больше горняков³².

Эвакуации в последние месяцы войны, – с сентября 1944 г., – привели к большому количеству жертв. Конкретных цифр по советским пленным не существует. Ориентировочные данные может дать судьба английских и американских пленных. Насколько сильно среди этих пленных в последние месяцы войны выросла смертность, видно из того, что к концу января 1945 г. умерло 1987 пленных³³, а к концу войны количество умерших увеличилось до 8348 человек (3,6%)³⁴. Если среди тех пленных, с которыми обращались гораздо лучше, чем с советскими, и которые благодаря находящимся в их распоряжении подаркам питались значительно лучше, так резко выросла смертность, то надо полагать, что среди советских пленных количество жертв было, конечно, гораздо большим³⁵.

О пеших маршах, в ходе которых военнопленных через многие сотни километров эвакуировали из Восточной Пруссии и Северной Польши в Нижнюю Саксонию, даже на Нюрнбергском процессе свидетельские показания давать было некому. Чуть больше известно о ликвидации силезских лагерей в январе и феврале 1945 г. Оттуда пешим маршем через «протекторат» в Саксонию, Баварию и Австрию было выведено около 100 000 пленных³⁶. Сначала планировали вывезти пленных по железной дороге, но вследствие сложного транспортного положения из-за быстрого продвижения Красной Армии это оказалось невозможным. Начальник службы содержания военнопленных в VIII корпусном округе в Бреслау генерал-лейтенант Рольф Детмеринг выступил против предписанного марша, который из-за нехватки зимней одежды, мест для размещения в пути и продовольствия безусловно привёл бы к большому количеству жертв. С протестом выступили также генерал-губернатор Франк и уполномоченный вермахта в протекторате Чехии и Моравии, которые опасались волнений среди населения и попыток освобождения пленных, и либо не могли, либо не хотели предоставить продовольствие. Бергер также собирался заявить по этому поводу протест Гитлеру.

Как принимались решения Гитлера в таких случаях, видно, например, из протокола совещания от 27 января 1945 г., на котором среди прочего речь шла о том, как следует вывезти из стационарного лагеря в Загане (для пленных пилотов) 10 000 пленных союзных лётчиков. Реплики подавались окружением Гитлера: Геринг сказал, что этот вопрос несомненно можно решить на более низком уровне, а офицер связи Гиммлера при ставке фюрера Фегеляйн резко прервал разговор, предложив поручить проведение эвакуации инспектору концентрационных лагерей Глюксу³⁷.

Представляется, что эти перевозки, равно как и перевозки принудительно набранных иностранных рабочих, проводились главным образом подразделениями

фольксштурма, которые менялись по челночному принципу. Поскольку правительство протектората отказалось размещать и обеспечивать проходящие колонны, транспорты направили в Саксонию через Судетскую область³⁸. При этом количество жертв среди советских пленнх было очень велико. По показаниям очевидца в один день сообщили о смерти 200 советских пленнх. Мойрер также показал, что он знал о том, что советские пленные умирали от истощения сил, и докладывал об этом Бергеру³⁹. Не во всех случаях окончание перевозки означало для пленнх, что всё самое худшее уже позади. По меньшей мере в транспорте с советскими пленными, прибывшем 30 апреля 1945 г. в концлагерь Маутхаузен, в тот же день умерло ещё 28 человек⁴⁰.

Если участь всех пленнх ещё раз ухудшилась в последние дни войны, то это, с одной стороны, объясняется тем, что их судьбу зачастую определяли фанатичные партийные функционеры и ожесточённые люди из фольксштурма. С другой стороны, важное значение имело то обстоятельство, что немецкое руководство любой ценой хотело сохранить пленнх в своих руках в качестве заложников, а потому часто предпочитало эвакуировать их в нечеловеческих условиях, чем передать наступающему врагу⁴¹. Это решение было пересмотрено только в середине апреля. Тогда начальник службы содержания военнопленнх в VII корпусном округе приказал, чтобы часть пленнх, которые находились на территории Баварии к северу от Дуная, была передана союзникам, – «за исключением британцев и американцев»⁴².

Наряду с этим, жизнь пленнх, которые по прежнему находились во власти немецкого руководства, определяли следующие факторы. Неудержимый крах всей системы снабжения в последние недели войны и обусловленные трудностями с транспортом ограничения в продуктах питания оказывали всё более негативное влияние. Пленные страдали также от ударов бомбардировочной и штурмовой авиации⁴³. Если в эти последние недели войны число жертв среди пленнх не стало ещё больше, то это произошло прежде всего благодаря активным действиям со стороны Международного Комитета Красного Креста, который своими «белыми фургонами» обеспечивал продовольствием и медикаментами лагерь пленнх и их маршевые колонны. Эти акции шли на пользу и советским пленным.

Для большинства союзнических пленнх освобождение из немецкого плена означало возвращение к нормальной жизни. Однако, для многих советских пленнх путь страданий на этом ещё не закончился. Сталинский режим не мог признать, что большое количество пленнх оказалось в немецком плену по его собственной вине. Поэтому часть пленнх, – сколько именно, сказать трудно, – была приговорена за «предательство» к принудительным работам. Их жизнь изменилась лишь в незначительной степени⁴⁴.

ХІІІ. РЕШЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО СУДЬБЫ СОВЕТСКИХ ВОЕННОПЛЕННЫХ В СВЯЗИ С НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТСКОЙ ПОЛИТИКОЙ

Биография Гитлера, написанная Йоахимом Ц. Фестом, благодаря большому тиражу и искусной манере изложения вполне могла быть той исторической монографией, которая оказала в последние годы самое значительное влияние на формирование образа, сложившегося о национал-социализме у интересующегося историей немецкого читателя. Прискорбно, однако, что в этой во многих отношениях очень значительной работе Фест вновь возвращается к традициям историографии 50-х годов, провозглащая Гитлера источником всякого зла, и по сути пытается представить национал-социализм результатом творчества одного Гитлера¹.

Это относится также к войне на Востоке, ответственность за которую, по описанию Феста, несёт исключительно Гитлер: план «Барбаросса», приказ о комиссарах, убийства, совершённые айнзацгруппами, всё без ограничений объясняется единственными и прямолинейными решениями Гитлера. Исключительно на Гитлера возлагается также ответственность за оперативные просчёты и неудачи². Конечно, «манере [Гитлера] не совсем противоречило» то, что он, как утверждает Фест в случае со Сталинградом, подкреплял «своё решение мнением третьего лица»³. Однако процесс принятия решений в национал-социалистском руководстве протекал отнюдь не так просто и прямолинейно сверху вниз, как это изображено у Феста⁴.

В конце этой работы, не в последнюю очередь из-за резонанса, вызванного биографией Феста, следует ещё раз поставить вопрос о том, что на основании данного исследования может быть сказано о прямом влиянии Гитлера на судьбу советских военнопленных и, сверх того, о процессе принятия решений в немецком руководстве.

Прямого влияния Гитлера на судьбу советских пленных практически не видно из *современных* источников. Не считая общих целевых установок в его речи от 30 марта 1941 г., можно говорить собственно лишь о трех других, уже подробно описанных случаях. В первом случае он потребовал в июле 1941 г. выдворить советских пленных с территории рейха. Во втором он решил в октябре 1941 г. использовать этих пленных при «реконструкции» Берлина и Мюнхена, а также при реализации своих грандиозных замыслов по строительству дорог на Востоке⁵. Наконец, в третьем случае недавно назначенный министр вооружения Шпеер информировал его в марте 1942 г. о том, что советские рабочие руки из-за плохого питания в очень большой степени неработоспособны. Шпеер заметил, что Гитлер «совершенно ясно в длинной речи» заявил, что он с этим не согласен и что «русские [...] должны получать абсолютно достаточное питание», которое обязан подготовить министр про-

довольствия Баке. Гитлер изменил своё мнение только под влиянием Бормана и Баке, которые, вероятно, указали ему на негативные последствия неизбежного в этом случае сокращения рационов немецкого населения⁶.

Эти случаи показательны и в ином отношении. Мартовская речь Гитлера и его июльское решение в возможно большей мере вывезти советских пленных из Германии вроде бы подтверждают привычный образ Гитлера, жившего в плену закостенелых догм. Однако оба других решения совершенно не вписываются в эту картину.

В своих планах относительно советских пленных в октябре 1941 г. Гитлер исходил из того, что «трём миллионам пленных» следует сохранить жизнь, чтобы затем использовать в качестве рабов. Следовательно, можно предположить, что Гитлер не призывал к масштабному сокращению численности пленных, и что он не был информирован о судьбе пленных, чья смертность к моменту принятия этого решения равнялась 1–2 % в день.

Показание Шпеера, кажется, доказывает и тот факт, что Гитлер поддавался доводам разума и никогда не жил исключительно в плену закостенелых догм. Альберт Шпеер, касаясь также и других случаев, по праву утверждал, что «прагматизм Гитлера был довольно хорошо развит»⁷. Это прагматизм имел, конечно, свои границы, как то видно из принятого, наконец, в этом случае Гитлером решения, даже если исход дела при этом решали внутривластные, а не идеологические соображения.

Тем не менее следует утверждать, что Гитлер поддавался влиянию, – в «*Воспоминаниях*» Шпеера это ясно видно в ряде мест. При этом понятно, что любая попытка влияния, противоречащая основным тенденциям национал-социалистской политики, могла рассчитывать на успех только в том случае, если была подкреплена солидными доводами и предпринималась лицами, которым Гитлер не приписывал изначально нечестных намерений. Гораздо легче было, конечно, укрепить Гитлера в принятом решении. Но и оказать на него влияние тоже, оказывается, было возможно.

Этим объясняется поначалу небольшое, затем на гребне побед довольно значительное⁸ и, наконец, после неудачи зимнего наступления под Москвой и, особенно, после краха второго наступления поздним летом 1942 г. резко сократившееся влияние военных на Гитлера. Пока военные, – здесь имеется в виду, прежде всего, руководство сухопутных сил и войсковое командование, – поддерживали гибридные цели и во всех отношениях беспощадные методы борьбы лета 1941 г., до конфликта не доходило. Из тактической оценки положения в начале лета 1941 г. руководство сухопутных сил и войсковое командование приняли решение вести войну в желаемом для Гитлера духе. Когда же выяснилось, что оценка положения оказалась ошибочной, руководство сухопутных сил и войсковое командование, исходя из реальной обстановки, вскоре были вынуждены принять меры по изменению этих целей и методов. Усилия по отмене приказа о комиссарах и борьба за «более разумную восточную политику» являются тому примером.

По своему психическому складу Гитлер не был склонен воспринимать горькую правду. К тому же его ближайшее окружение и его военные советники скрывали от него истинное положение дел. Его окружение в слепом идеологическом рвении

и слепом благоговении делало всё, чтобы укрепить фюрера в его убеждениях и очернить своих же, более склонных к реалиям товарищей. Поэтому такие усилия, как те, что были направлены на отмену приказа о комиссарах, могли быть расценены Гитлером не иначе, как признаком того, что руководство сухопутных сил неспособно далее продолжать столь бодро начатую им в 1941 г. идеологическую войну.

Из-за этого состояния и структуры принятия решений в ставке фюрера, где его клеветы, – не в последнюю очередь, солдаты типа Кейтеля и Шмундта, – стремились перешеголять друг друга в радикализме, национал-социалистское руководство было неспособно внести решительные изменения в обращение с советскими военнопленными, даже когда выяснилось, что первоначальные предпосылки оказались ложными. В этом деле ничего не изменилось даже тогда, когда Гитлер 24 декабря 1941 г. высказал в своём приказе уверенность в том, что если мы хотим поддерживать военную экономику в рабочем состоянии, то нам следует отныне считать «доставку советских военнопленных в оборонную и военную экономику решающей проблемой»⁹.

Немецкое руководство, как военное, так и национал-социалистское в более узком смысле, оказалось заложником ситуации, сложившейся в результате принятия решений весны 1941 г. Гитлер, даже если под впечатлением угрожающего краха Восточного фронта в середине декабря 1941 г. он – временно – и считал войну проигранной¹⁰, не хотел отказываться от постоянно заклинаемых несколько месяцев назад перспектив будущего. К тому же именно образ врага, сложившийся в результате ставшего благодаря «преступным приказам» более радикальным способа ведения войны, предлагал единственное оружие для того, чтобы немецкие войска остановили советское контрнаступление. Оба фактора, – причём второй в возрастающей мере, – определили позицию Гитлера в отношении общего ведения войны.

1941-й год был последним годом, когда немецкое руководство могло принимать решения в рамках установленных им перед собой границ. В этом году были приняты решения, которые определили дальнейший ход войны – решения, которые придали национал-социалистской политике новое качество. Все эти решения, а именно, – решение ограничить распорядительную власть армии в прифронтовой зоне, разрешить айнзацгруппам СС их карательную миссию в этом районе и тем самым в значительной мере усилить позиции СС; решение расстреливать большую часть советских пленных; решение уничтожить в рамках борьбы с партизанами евреев и большую часть советского населения; решение низвести народы Восточной Европы до положения колониальных народов; реорганизация концлагерей из карательных лагерей в гигантские места производства и уничтожения; наконец, решение полностью уничтожить европейских евреев, – все эти решения находились в самой тесной связи с идеологической войной на уничтожение на Востоке.

В последующие годы Германия уже больше не могла отказаться от подобного ведения войны. Все решения, которые были тогда приняты, могут рассматриваться только как реакция на те процессы, которые были вызваны решениями 1941 г. В 1941 г. немецкое руководство разрушило за собой мосты. Однако не один только Гитлер, как полагает Фест, единоличным решением сжёг за собой мосты, и не было никакого «решительного жеста с поворотом к стене»¹¹. Ни при вторжении в Польшу, ни при нападении на Францию ни Гитлер, ни руководство вермахта и сухо-

путных сил не были настолько уверены в будущем успехе, как при нападении на Советский Союз.

Непременным условием всех названных решений 1941 г. было то, что военное руководство путём разработки и введения в силу «преступных приказов» показало свою терпимость к такого рода ведению войны и целевым установкам.

Процесс принятия решений, который привёл к возникновению этих приказов, подробно исследован в той мере, в какой это позволяют источники. В качестве вывода следует ещё раз заявить, что как раз при этом комплексе приказов, который столь решительно определил поведение вермахта в отношении пленных и гражданского населения, влияния Гитлера по сравнению с инициативами со стороны руководства вермахта и сухопутных сил практически не видно. При разработке плана «Барбаросса» отчётливо заметны усилия руководства вермахта представить требования политического руководства в более выигрышном свете для адресатов в войсковом командовании и добиться их проведения в жизнь. Однако и ОКХ путём идеологического обоснования и призывов Гальдера к «коллективным мерам насилия» также внесло свою лепту в радикализацию первоначального проекта. В случае с приказом о комиссарах, кроме общих требований Гитлера 30 марта 1941 г., никакого иного влияния с его стороны не заметно. Здесь, насколько известно, инициатива исходила только из ОКХ. Наконец, при принятии решения о ликвидации всех «нежелательных» пленных и передаче их для этого айнзацкомандам влияние Гитлера вообще не доказано, и вовсе не удивительно, что инициатива опять-таки исходила от лица 2-го или 3-го уровня, – то ли от Кейтеля, то ли от Гейдриха или Рейнеке.

Соображения, которыми руководствовались при принятии этих решений военное руководство, в значительной мере уже были рассмотрены. Представляется, что фактором, сыгравшим решающую роль в возникновении «преступных приказов» было соперничество между идеологически надёжным и «современным» ОКВ, – то есть Кейтелем и штабом оперативного руководства вермахта, – и ОКХ. В 1939–1940 гг. руководство сухопутных сил из-за своей двусмысленной позиции по отношению к убийствам в Польше и, прежде всего, из-за возражений против французской кампании и оппозиции по другим менее важным вопросам, – как, например, по поводу понимания офицерского кодекса чести, – считалось недостаточно твёрдым в идеологическом плане. Представляется, что руководство сухопутных сил хотело путём «образцовых» приказов исправить положение во время восточной кампании и устранить своих соперников в ОКХ. В проектах, которые генерал фон Браухич направил 6 мая 1941 г. Варлимунту, главнокомандующий сухопутных сил рассматривался как отдающая распоряжения инстанция и по плану «Барбаросса» и по приказу о комиссарах. В окончательном же варианте руководство вермахта оба приказа издало от своего имени. И то, и другое говорит о том, что соперничество между обоими штабами играло определённую роль.

Следующий значимый фактор следует видеть в господствовавших тогда перспективах на будущее. Руководство сухопутных сил, а тем самым и консервативная часть военного руководства видело себя вынужденным сохранить позиции в конкурентной борьбе, если не хотело, чтобы в будущей Великой Германской империи влияние консервативных партнёров по 1933 г. было совершенно исключено.

При этом кажется, что надежды на то, что победоносная армия будет достаточно сильна для того, чтобы устранить внутри страны «пороки» национал-социализма, разделявшиеся в 1939–1940 гг. по крайней мере некоторыми представителями руководства сухопутных сил, были сильны ещё и в 1941 г.¹²

Руководство сухопутных сил укрепилось в своей готовности к соучастию в желаемом Гитлером способе ведения войны благодаря собственной оценке шансов на успех в войне на Востоке. Фон Браухич и Гальдер считали, что речь идёт о кампании сроком не более нескольких недель. Благодаря краткости борьбы армия очень скоро освободится от ответственности за акции по ликвидации. Краткое участие в этом, – путём выполнения приказа о комиссарах, – в последующем будет забыто. Зато позиции армии в результате победы решительно укрепятся.

Готовность к сотрудничеству была тем более высока, что и здесь цели национал-социалистского руководства и руководства сухопутных сил мало чем отличались друг от друга. Ликвидация советского коммунизма и расширение восточных границ Германии было их общей целью. Следовало бы задать вопрос, в какой мере здесь сыграл свою роль социал-империалистический момент: надежда путём завоевания территорий для поселений на Востоке и колониальной эксплуатации оккупированных областей устранить социальные противоречия внутри страны, которые со всей отчётливостью проявились в ходе экономического кризиса. У народа, который за счёт покорённых народов достиг более высокого жизненного уровня, у народа господ, не могло быть социальных проблем. Если в конкретных представлениях о будущей восточной империи и существовали определённые различия, то общих позиций в ситуации весны 1941 г., – которые имели свой корень в крайних военных целях Первой мировой войны, – было вполне достаточно.

В связи с крахом молниеносной кампании поздней осенью 1941 г. консервативное крыло военного руководства вместо того, чтобы восстановить свои позиции, полностью их утратило. Устранение Гитлером фон Браухича и тем самым следующий шаг в устранении последних влиятельных консервативных кругов в национал-социалистском государстве было менее всего результатом последовательной стратегии Гитлера, но именно следствием крушения этих расчётов руководства сухопутных сил и опирающейся на них политики. Тактические оговорки, которые сделало руководство сухопутных сил при подключении весной 1941 г. к такому способу ведения войны, в новой ситуации ничего не значили. Армия вынуждена была продолжать сотрудничество в уже изменившихся условиях. Из-за трений, которые явились следствием пропасти между ожиданиями Гитлера и всё более склонной к реальности позиции руководства сухопутных сил и войскового командования, а также из-за явно убывающей политической однородности генералитета дошло, наконец, до полного подчинения армии национал-социалистскому руководству. Введение института национал-социалистских высших офицеров и передача командования армией резерва в руки Гиммлера были всего лишь последовательными этапами на этом пути.

Тезис Ганса Моммзена, что, мол, традиционные правящие элиты как раз при попытке одержать верх над преуспевающими фашистскими кланами, – к последним в данном случае следует причислить также убеждённых национал-социалистов в руководстве вермахта, а заодно и в руководстве сухопутных сил и войсковом ко-

мандовании, – не смогли надолго устранились от преступных действий режима и, наконец, вынуждены были стать активными исполнителями политики уничтожения, подтверждается и в отношении вермахта¹³.

Систему власти при национал-социализме будет не достаточно назвать общепринятым термином «национал-социалистский террористический режим». Те преступления, которые наиболее явно характеризуют господство национал-социалистов, – истребление европейских евреев и уничтожение коммунистов на подвластной немцам территории, террористический режим в оккупированных странах Европы, ограбление покорённых народов, эксплуатация «иностраных рабочих» и узников концлагерей, – были бы немислимы без добровольного сотрудничества значительной части традиционной правящей элиты немецкого народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. Введение

¹ Верховное командование вермахта (ОКВ; Oberkommando der Wehrmacht) – верховный орган управления вооруженными силами Германии. ОКВ было создано 4 февраля 1938 г. на базе преобразования Военного министерства. Кейтель был начальником ОКВ в 1938–1945 гг. – *Прим. перев.*

^{1a} Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher (zit.: IMG), Bd. XXV, Nürnberg 1948, S. 156–161, Dok. 081-PS. См. об этом прим. 338 к гл. VII.

² Комиссия историков ФРГ пришла в 60-е годы к выводу, что в советском плену оказалось около 3 155 000 немцев, из которых погибло от 1 110 000 до 1 185 000 человек (35,2–37,4 %); Kurt W. Böhme, *Die deutschen Kriegsgefangenen* (1966), S. 151 и таблица. – Советские историки энергично оспаривают эти цифры. Так, Александр Бланк (*Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR*, 1979) оценивает общее количество немецких пленных в 2 207 000 человек, из которых вернулось на родину 1 952 601, а умерло 254 399 (11,5%). Советский историк Вл. Галицкий в журнале «Новое время» (Москва) за 11 июня 1990 г. определил общую численность немецких военнопленных в 2 389 560 человек, из которых «на территории Советского Союза» умерло 352 182 человека (или 14,9%). Стефан Карнер (*Archipel GUPVI*, 1995, S. 79) называет несколько большую цифру и говорит, что, мол, ещё до регистрации умерло от 500 000 до 1 млн. пленных. Однако, Карнер не приводит никаких убедительных доказательств этой высокой оценки, превышающей установленные комиссией Машке цифры.

³ Цифры взяты у Хельмута Арнца («Menschen Verluste», in: *Universitas* 8 (1953), S. 704–709). Рюдигер Оверман («Die Toten des Zweiten Weltkriegs in Deutschland» (1989), S. 858–873)

убедительно доказал, что называемые до сих пор цифры немецких потерь не достоверны. С российской стороны историки также взялись в это время за установление научно обоснованного количества жертв. См. Kozlov V.I. *Die Kriegsverluste der Sowjetunion* (1990), S. A 199–209. Исходя из демографических расчётов, Козлов пришёл к выводу, что общие потери советского гражданского населения достигают порядка 40 млн. человек. Происхождение называемой до сих пор цифры – 20 млн. человек – неясно; точно известно только то, что Сталин сразу после войны объявил размеры советских потерь государственной тайной.

⁴ О расчётах см. ниже, стр. 128–137, 244–249. – Официальное советское сочинение, *История Великой Отечественной войны»* (1962–1968), не даёт данных о количестве погибших военнопленных. Новейшие русские публикации также используют приведенные здесь цифры. Так, Козлов оценивает численность погибших пленных в «более чем 4 млн. человек», однако при этом ошибочно исходит из того, что уже в январе 1944 г. погибло 3,3 млн. человек (Kozlov S. A 205). См. стр. 20.

⁵ Franz Scheidl, *Die Kriegsgefangenschaft*, Berlin 1943, S. 96 f.

⁶ Ernst-Günther Schenck, *Das menschliche Elend.*, Herford, 1965, S. 85.

⁷ Более подробное описание состояния проблемы на 1978 г. см. в 1-м и 2-м издании этой книги (*Они нам не товарищи*, Штутгарт, 1978¹, 1980², стр. 21–23 с прим.).

⁸ Весьма характерным кажется то, что первая работа о судьбе советских военнопленных (Hans-Adolf Jacobsen, *Kommissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener*, первое изд. 1965) была воспринята именно в качестве отклика на процесс об Освенциме.

- ⁹ По поводу Конрада Аденауэра см., например, его воспоминания – *Erinnerungen 1945–1953* (1967), S. 88–90, 234–237, 454 f.; *Erinnerungen 1953–1955* (1968), S. 440 f.; 480 f.
- ¹⁰ Александр Даллин (*Deutsche Herrschaft in Rußland*, Düsseldorf 1958, S. 432) сообщает об опросе депортированных советских граждан; обращение с советскими военнопленными подавляющее большинство из них назвало чудовищной ошибкой немецкой политики.
- ¹¹ Об этом см. Elisabeth Raiser u. a., Hrsg.: *Brücken der Verständigung* (1986). – Dietrich Goldschmidt, *Frieden mit der Sowjetunion – eine unerledigte Aufgabe* (1989).
- ¹² Об этом см. Gerald Reitlinger, *Ein Haus auf Sand gebaut* (1962); Patrick von zur Mühlen, *Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern* (1971). – Йоахим Гофман (*Die Ostlegionen 1941–1943* (1976) и *Die Geschichte der Wlassow-Armee*, 1984) при анализе немецкой политики на Востоке исходит скорее из желаемого, чем из реального положения вещей, а потому слишком высоко оценивает возможности, представившиеся немецкому руководству в виде «Восточного легиона» и «Армии Власова».
- ¹³ Об этом см.: J.A. Brodski, *Die Lebenden kämpfen* (1968); ders., *Im Kampf gegen den Faschismus* (1975); Alfred Streim, *Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener* (1981), S. 145–152.
- ^{13a} ОКХ (Oberkommando des Heeres; ОКН) – верховное командование сухопутных сил, верховный орган управления сухопутными силами. Создано из Руководства сухопутными силами 11 января 1936 г. – *Прим. перев.*
- ^{13b} Айнзацгруппы (Einsatzgruppe) – оперативные группы, главной задачей которых было уничтожение «враждебных элементов» на захваченных территориях. Каждая айнзацгруппа в составе 400–900 солдат была разбита на отдельные айнзацкоманды и зондеркоманды. На оккупированной территории СССР действовали 4 айнзацгруппы: группа «А» – в Прибалтике и под Ленинградом, группа «Б» – в Белоруссии и на Московском направлении, группа «Ц» – на Украине и группа «Д» – на Черноморском побережье, в Крыму и на Кавказе. – *Прим. перев.*
- ¹⁴ См.: Hans Mommsen, *Zur Verschränkung traditioneller und faschistischer Führungsgruppen* (1976), S. 157–181.
- ¹⁵ Об этом см. также Christian Streit, *Ostkrieg, Antibolschewismus und ‚Endlösung‘* (1991).
- ¹⁶ О немецких военнопленных в Советском Союзе см. II–VII т., Мюнхен, 1966–1973. – Это исследование подверглось резкой критике со стороны советских историков, как труд, созданный в духе холодной войны; см. Blank, *Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR*, S. 198–208. Однако если во многих статьях антикоммунистические мотивы холодной войны действительно имеют место, то Эрих Машке, напротив, выступал против мнения, будто тяжёлую судьбу немецких военнопленных следует приписать именно советской политике возмездия. Он подчёркивал, что немецкие военнопленные получали точно такие же рационы, как и советское гражданское население и что они голодали в разорённой войной стране наряду с советскими людьми. – В связи с этим весьма характерен тот факт, что сегодня в России обращение с немецкими военнопленными рассматривается более дифференцированно. Если раньше более 10000 пленных, которые после 1950 г. ещё оставались в плену, рассматривались в качестве справедливо осуждённых военных преступников, то уже в 1990 г. было признано, что основная масса этих пленных была осуждена по политическим мотивам: см. *Советский Союз сегодня*, октябрь 1990 г., стр. 38–41. Постепенно многие из осуждённых были официально реабилитированы.
- ¹⁷ Об этом см. ниже на стр. 423 перечень источников и литературы.
- ¹⁸ Рейнке заявил в 1945 г., что большая часть документов погибла во время бомбёжек, а остальную часть уничтожили: протокол допроса Рейнке советским генералом Трусковым, ВА/МА ОКВ/32. – Однако поскольку в конце войны начальник отдела по делам военнопленных в ОКВ находился в Торгау, вполне вероятно, что документы хранятся в русских архивах.
- ¹⁹ Сохранившиеся документы начальников служб содержания военнопленных в VII и XVII корпусных округах в ВА/МА малосодержательны. Запросы в государственные архивы федеральных земель показали, что другие документы там тоже нет.
- ²⁰ Важный для происхождения «преступных приказов» фонд из отдела «L» штаба опера-

тивного руководства ОКВ (ВА/МА RW 4/ v.575; -/v.577– 578) говорит о том, что возглавляемое Рейнеке общее управление ОКВ было полномочным органом по ряду областей.

²¹ ВА/МА RW 6/v.270–279.

²² Фонд ВА R 41.

²³ ВА NS 6, частично опубликован: ВА NSD 3/ 12–18.

²⁴ ВА R 58; R 70.

²⁵ ВА/МА RH 53 – 23/v.61–67.

Генерал-губернаторством называлась территория оккупированной Польши. – *Прим. перев.*

²⁶ ВА/МА N 3/729; ВА R 41/172–173; -/229; ВА/МА RW 6/v.450ff.

²⁷ ВА/МА Фонды Wi.I, Wi. IF, Wi. VIII, а также RW 20, RW 21.

²⁸ ВА R 3.

²⁹ ВА R 10 VIII, а также R 13 I.

³⁰ ВА R 43 II; R 6; R 22; R 26 IV; R 16; R 51 I; NS 3.

³¹ Были использованы завещания фельдмаршалов Кейтеля и фон Бока (ВА/МА №22 и №54) и генерала Карла фон Рока (№152). Графиня Фрея фон Мольтке с большой любовью предоставила в наше распоряжение копии писем своего мужа, которые очень важны для некоторых вопросов (позднее их опубликовали: *Briefe an Freya* [1988]).

³² Были опрошены бывший министр вооружения Альберт Шпеер, генеральный консул доктор Отто Бройтигам и профессор доктор Гюнтер Енике (сотрудник графа Мольтке в управлении разведки и контрразведки в ОКВ). Всем им в соответствующем месте выражена благодарность за их содействие. – Генерал пехоты Герман Рейнеке также выразил готовность ответить на все вопросы, но этому помешала его смерть 10 окт. 1973 г.

³³ Nolte, *Der Faschismus in seiner Epoche* (1963), S. 436. – Однако сам Нольте много сделал для того, чтобы опять затушевать этот вывод. Тезис, который он теперь отстаивает, что «расовые убийства» национал-социалистов стали якобы логическим и фактическим следствием «классовых убийств» большевиков и что Гитлер якобы ввёл расовые убийства как превентивную меру из страха перед большевистскими «азиатскими» деяниями, приближает его к давно опровергнутому в науке представлению о том, что война на

Востоке будто бы являлась превентивной войной. См. статьи Нольте в сборнике *Historikerstreit*, München 1987, S. 13–35; 39–47; цитата на стр. 45. – Его тезисы были убедительно опровергнуты, см. статьи Эберхарда Екеля, Ганса Моммзена и Генриха-Августа Винклера в сборнике *Historikerstreit*, а также Bianca Pietrow-Ennker, *Deutschland im Juni 1941* (1989), S. 586–607.

³⁴ Hillgruber, *Hitlers Strategie* (1965), S. 516. Её анализ см. в первом издании книги *Они нам не товарищи*, 1978, стр. 21–23.

³⁵ Manfred Messerschmidt, *Die Wehrmacht im NS-Staat* (1969); Klaus-Jürgen Müller, *Das Heer und Hitler* (1969).

³⁶ См. указанные в библиографии работы Шимона Датнера (1964); Ганса-Адольфа Якобсена (1965); Эдварда Хомзе (1967); Ганса Пфальмана (1968); этой же темы касаются отдельные главы в работах Александра Даллина (1958) и Геральда Рейтлингера (1962). См. об этом *Они нам не товарищи*, 1978, стр. 22 и сл.

³⁷ Цит. по: т. 1, стр. 511; 422. – Критические очерки оппозиционных историков, – см., например, Александр Некрич / Пётр Григоренко, *Выстрел в затылок* (1969), – не могли возбудить над официальной точкой зрения. – О развитии после 1987 г. см. стр. 22.

³⁸ Показательным примером является ещё и сегодня имеющаяся в продаже работа Пауля Карела [d. i. Paul Karl Schmidt]: *Unternehmen Barbarossa* (1963). Шмидт, бывший «пресс-секретарь» в национал-социалистском министерстве иностранных дел, не сказал ни слова о политике уничтожения. Его описание начинается занимающей 2 страницы цитатой из гитлеровского приказа о нападении, в котором преподносится ложь о превентивной войне.

³⁹ См. *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*, Bd. 4 (1983). – Имеющиеся в нём статьи Эрнста Клинка и Йоахима Гофмана (см. ниже прим. 43 и 54) следуют старой апологетической линии военно-исторического описания. Статьи Юргена Фёрстера и Рольфа-Дитера Мюллера (см. прим. 41 и 51), напротив, достоверно отображают исторические реалии. – Gerd R. Ueberschär/Wolfram Wette, *„Unternehmen Barbarossa“* (1984) (также как Fischer – Taschenbuch, 1991) предлагают резюме важнейших аспектов войны на

- Востоке и в занимающем 100 страниц перечне источников – важнейшие документы.
- ⁴⁰ *Die Truppe des Weltanschauungskrieges* (1981). Уже за год до этого Юрген Фёрстер («Zur Rolle der Wehrmacht», 1980) сделал аналогичные выводы.
- ⁴¹ Omer Bartov, *The Eastern Front* (1985); *Hitler's Army* (1991); Jürgen Förster, «Das Unternehmen ‚Barbarossa‘» и «Die Sicherung des ‚Lebensraumes‘» (1983), S. 413–447; 1030–1078; Heer/Naumann, *Vernichtungskrieg* (1995), Arno J. Mayer, *Der Krieg als Kreuzzug* (1989); Ralf Ogorreck, *Die Einsatzgruppen* (1996); Theo J. Schulte, *The German Army* (1989).
- ⁴² Streim, *Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener* (1981); Reinhard Otto, «Vernichten oder Ausnutzen?» (1996). – О проблеме подсчётов см. ниже стр. 105.
- ⁴³ Klink, «Die militärische Konzeption des Krieges» (1983), S. 255–257. – Аналогична аргументация Штрайма (*Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener*, S. 37–52), который, правда, непонятно почему верит уверениям начальника правового отдела вермахта Рудольфа Лемана в том, что тот якобы пытался смягчить приказ о военном судопроизводстве, хотя источники показывают обратное: см. ниже стр. 36–42.
- ⁴⁴ Об этом и следующем см. ниже стр. 42 и сл.; стр. 106 и сл.
- ⁴⁵ Förster, *Das Unternehmen ‚Barbarossa‘* (1983), S. 426–440; о Гальдере: S. 428 f. – См. ниже стр. 313.
- ⁴⁶ См. Streim, *Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener*, S. 52, 95; Alfred-M. de Zayas, Rezension von *Keine Kameraden* (1981), S. 497.
- ⁴⁷ Доказательства о выполнении приказа приведенными у Штрайма (*Op. cit.*) соединениями: 3-м танковым корпусом, 44-й пехотной дивизией, 24-м танковым корпусом (1-й кавалерийской дивизией): Förster, *Sicherung des ‚Lebensraumes‘*, S. 1063–1065; Krausnick, *Kommissarbefehl* (1977), S. 734. – 2-й армией, 5-м танковым корпусом (35-й пехотной дивизией), 39-м танковым корпусом, 41-м танковым корпусом: см. ниже стр. 88 и сл. – 18-й танковой дивизией: см. Bartov, *The Eastern Front* (1985), S. 109. – В апологетических очерках выполнение приказа постоянно отрицается: см. Hans Roschmann, *Gutachten* (1982), S. 9. В 1941 г. Рошман был квартирмейстером 52-го армейского корпуса.
- Начальник разведотдела этого корпуса сообщил 14 ноября 1941 г. о расстреле 17 комиссаров: *ВА/МА* 16041/43-47. – Военный дневник 454-й охранной дивизии, переданной во время вторжения в распоряжение 52-го армейского корпуса, содержит под 20 июня 1941 г. приказ и даёт ряд сведений: *ВА/МА RH* 26-454/6. – В созданном 52-м армейским корпусом в ноябре 1941 г. по приказу 17-й армии «концентрационном лагере» следовало «подвергать особому обращению комиссаров»: *ВА/МА* АОК 17/14499/51. – Рошман, который как квартирмейстер должен был обо всём этом знать, не побоялся опубликовать в качестве «доказательства» своего тезиса о том, что вермахт якобы вёл войну на Востоке в духе «принципов немецкой армии», «директивы о поведении [войск]», взятые из *кампании на Западе*. См. приведенный им в качестве приложения № 1 отрывок с фактически изданными «директивами о поведении ни войск в России», которые не оставляют ни капли сомнения в характере этой войны: *ВА/МА RH* 22/v.11, изд. в работе Ueberschär/Wette, *Unternehmen ‚Barbarossa‘* (1984), S. 312. – Об этом см. ниже стр. 49 и сл.
- ^{47a} Ia = Erster Generalstabsoffizier, Leiter der taktischen Führungsabteilung – первый офицер генерального штаба, начальник оперативного отдела (дивизии, армии, группы армий). – *Прим. перев.*
- ⁴⁸ См. ниже стр. 334, прим. 6. – Приказ Лемельзена в кн.: Ortwin Buchbender, *Das tönende Erz* (1978), S. 104.
- ⁴⁹ На неё указывает Юрген Фёрстер («Sicherung des ‚Lebensraumes‘», S. 1062).
- ⁵⁰ См. ниже стр. 87.
- ⁵¹ «Von der Wirtschaftsallianz zum kolonialen Ausbeutungskrieg», и «Das Scheitern der wirtschaftlichen Blitzkriegsstrategie» (1983), S. 98–189, 936–1029. – О Томасе см. особенно оценку Мюллера, S. 1029.
- ⁵² См. ниже стр. 128–190; 244–249.
- ⁵³ Streim, *Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener*, S. 246, курсив в ориг. – Смета опубликована в кн.: Ueberschär/Wette, *Unternehmen ‚Barbarossa‘*, S. 364–366.
- ⁵⁴ «Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion» (1984), S. 730. – Рошман (*Gutachten*, S. 17–25), за неоднократным вычетом того или иного фактора сокращает их числен-

- ность до 1 680 000 чел. Он аргументирует это тем, что войска на фронте в духе победной эйфории 1941 г. сообщали якобы сильно завышенные цифры. Поэтому он изначально отвергает число в 280 810 чел., которое было указано в смете от 1 мая 1944 г. как «потери при транспортировке, ошибке при счёте и т. д.» (Штрайм, S. 225, с полным основанием считает, что это число «по большей части означает количество умерших»). Затем Рошман, недолго думая, вычитает из 845 128 заявленных по зоне ответственности ОКХ *смертных случаев* 300 000, как «указанных по ошибке». Он не учитывает того, что генерал-квартирмейстер сухопутных сил уже 25 декабря 1941 г. исправил статистику военнопленных из-за «установленных ныне ошибочных сведений... примерно на 500 000 чел.»: *KTB OKW*, Bd. I, S. 1106. – См. ниже стр. 128, прим. 2.
- ⁵⁵ Документ управление военно-полевым хозяйством № 10124/45 сов. секр. от 20 янв. 1945 г., *ВА/МА Wi/VI.82*.
- ⁵⁶ *Гриф секретности снят*, 1993, стр. 330–340. Другие российские учёные отстаивают гораздо более высокие цифры. Так, Борис Соколов («Der Preis des Sieges», 1995) оценивает число погибших пленных «примерно в 4 млн. чел.». См. также выше прим. 4.
- ⁵⁷ См. замечания Вольфрама Ветте в кн.: *Wette/UEberschär, 'Unternehmen Barbarossa'*, S. 20. – Я особо подчёркиваю, что этот мотив не затеян в книге Альфреда Штрайма. – О дебатах по поводу цифр см. например: *Баварский курьер* от 26 янв. 1980 г., стр. 17 и сл.; Письма читателей в *SZ* от 30–31.05.1981; *FAZ* от 18.04, 13.06 и 9.07.1985.
- ⁵⁸ См. *Katalog der preisgekrönten Arbeiten*, Hamburg: Körber-Stiftung 1985. – О местах дислокации лагерей военнопленных и захоронениях советских пленных см. изданный кружком исследователей для изучения сопротивления *Heimatgeschichtlicher Wegweiser*, см. Библиографию.
- ⁵⁹ *Sowjetische Kriegsgefangene 1941–1945* (1995).
- ⁶⁰ *Das Stammlager 326 (VI K) Senne 1941–1945*, 1992. Кроме того, см. указанные в библиографии 1991 г. работы Хюзера и Отто, а также Фолькера Пипера, Михеля Зиденханза и Фолькера Шокенхофа.
- ⁶¹ *Stalag VI A Hemer* (1995), S. 68 f.; 190–203.
- ⁶² *Russenlager* (1992).
- ⁶³ Об этом см. Erich Kosthorst/Bernd Walter, *Konzentrations- und Strafgefangenenlager* (1983), S. 3554; *Lager unterm Hakenkreuz* (1990); *Die Kriegsgefangenenlager Oberlangen und Wesuwe* (о. J.).
- ⁶⁴ Schockenhoff, «Wer hat schon damals genau gezählt» (1993), S. 348. – См. ниже стр. 247–249.
- ⁶⁵ Rolf Keller, *Russenlager* (1992) и *Die kamen in Scharen hier an* (1995) (с фотографиями из собственности бывшего охранника). Келлер подготовил по этим лагерям объемную монографию. Далее см. Obenaus, «Schreiben, wie es wirklich war...» (1985) и ниже стр. 135. – Об использовании военнопленных из этих лагерей на заводах Фольксваген см. Hans Mommsen/Manfred Grieger, *Das Volkswagenwerk* (1996).
- ⁶⁶ Keller, «Russenlager» (1992), S. 120.
- ⁶⁷ *Stalag X B, Sandbostel* (1991), S. 240–253.
- ⁶⁸ *Verschleppt zur Sklavenarbeit* (1985).
- ⁶⁹ *Ein ganz normales Lager* (1997).
- ⁷⁰ См. пока что: Edmund Nowak, *Ocalone dla pamieci* (1995).
- ⁷¹ Vera Unverzagt, *Das soll sich nicht wiederholen*, и Bernhard Strebel, *Die 'Lagergesellschaft' в сб.: Frauen in Konzentrationslagern* (1994). См. Streim, *Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener* (1981), S. 153 f. – Штаб 4-й армии фельдмаршала фон Клюге отдал 29 июня 1941 г. приказ расстреливать женщин в военной форме: Ogorreck, *Die Einsatzgruppen* (1996), S. 117.
- ⁷² Streit, *Die Behandlung der verwundeten sowjetischen Kriegsgefangenen* (1995); Streit, *General Hermann Reinecke* (1997); см. ниже стр. 68.
- ⁷³ *Kriegsgefangene – Wojennoplennyje* (1995), в которой приведены и другие статьи Бернда Бонвеца и Ганса Моммзена.
- ⁷⁴ Хюзер и Отто отстаивают мнение, будто руководство лагеря располагало «точными данными о количестве пленных в стационарном лагере»; с другой стороны, до сентября 1942 г. организационные проблемы и «хаотические отношения» действительно подлежали регистрации: *Das Stalag 326*, S. 53 f.; 68.
- ⁷⁵ О Зенне: *ibid*, S. 81; документ имперского министерства внутренних дел в ОКВ Id 57/42 от 16 марта 1942 г.: *BA R 22/755*, ОКВ отдало 27 июня 1942 г. соответствующее распоряжение: *ВА/МА RW 6/v.220*.

- ⁷⁶ См. ниже стр. 129 и сл.
- ⁷⁷ Об этом см. ниже стр. 230 и сл.; 295, а также резюме у Штрайта, *Zum Schicksal der sowjetischen Kriegsgefangenen* (1995), S. 447–454; далее Bernd Bonwetsch, *Die Geschichte des Krieges ist noch nicht geschrieben* (1989), S. 1021–1039; «Приказ №270», стр. 1035–1038; «Фильтрационный лагерь»: Волкогонов, *Сталин*, 1989, стр. 668.
- ⁷⁸ См. Константин Симонов, *Живые и мёртвые*, 1959, или Василий Быков, *Третья сигнальная ракета*, 1961.
- ⁷⁹ 110-страничное резюме издано в более чем 400 экземплярах: Кристиан Штрайт, *Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг.* (М., 1979); см. *Новое время* (М.), №24 (1990), стр. 38.
- ⁸⁰ См. Hans-Henning Schröder, «Weiße Flecken» (1989), S. 464 f. с документацией на S. 199–208. См. также эмоциональную статью Юрия Теплякова, «Родина встречает их лагерями», в «Московских новостях», июнь 1990 г., стр. 12 и сл.
- ⁸¹ См. Schröder, «Weiße Flecken» (1989), S. 467 ff.; о следующем: Osterloh, *Sowjetische Kriegsgefangene* (1995), S. 115.
- ⁸² «Штигель», №23 от 5.06.95 г., с. 154. За информацию об этом приношу благодарность фрау Улле Кукс, *Aktion Sühnezeichen*, Берлин.
- ⁸³ См. *RGBI* 1934 II, S. 207 ff.; см. также ниже гл. III и X.
- ⁸⁴ См. ниже стр. 33–49, 83 и сл., 181; о партизанской войне: приказ Кейтеля от 16 дек. 1942 г.: Bernd Wegner, «Der Krieg gegen die Sowjetunion 1942/43» (1990), S. 923.
- ⁸⁵ Об этом см. ниже стр. 106; 142 с прим. 84; 115–117; 161 и сл.
- ⁸⁶ Bartov, *The Eastern Front* (1985), S. 49 ff.
- ⁸⁷ von Hassell, *Vom Andern Deutschland* (1964), S. 178.

II. Значение национал-социалистских военных целей для политики уничтожения в войне против Советского Союза

- ¹ По сообщению бывшего коменданта Освенцима; Rudolf Höss, *Kommandant in Auschwitz*, hrsg. Martin Broszat, München 1963, S. 126 f.; 159. См. ниже гл. IX.
- ² В приложении в кн.: Ernst Nolte, *Der Faschis-*

mus in seiner Epoche, S. 54 f.; теперь прежде всего: Eberhard Jäckel, *Hitlers Weltanschauung*, Tübingen 1969; Klaus Hildebrand, *Deutsche Außenpolitik 1933–1945*, Stuttgart 1971, и в качестве самого жгаторого резюме: Andreas Hillgruber, *Die „Endlösung“ und das deutsche Ostimperium*, *VfZ* 20 (1972), S. 133–153.

- ³ По: Hildebrand, *Außenpolitik*, S. 27 f.
- ⁴ См. речи Гитлера от 25 янв. 1939 г. (Hans-Adolf Jacobsen/Werner Jochmann, *Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus*, Bielefeld 1961, S. 5) и 8 мая 1943 г. (в записи Геббельса: Hans-Adolf Jacobsen, *Der Zweite Weltkrieg. Grundzüge der Politik und Strategie in Dokumenten*, Frankfurt 1965, S. 198). – Самое сумасбродное выражение эта цель нашла в строительных планах Гитлера: «гигантскую залу» должен был венчать имперский орёл, который держит в своих лапах земной шар: см. Albert Speer, *Erinnerungen*, Berlin 1969, S. 175, с таблицами-вклейками на S. 160.
- ⁵ См. т. н. протокол Хоссбаха, *ADAP*, Ser. D., Bd. I, № 19; Hildebrand, *Außenpolitik*, S. 55–57.
- ⁶ Hillgruber, *Strategie*, S. 28–64.
- ⁷ *Ibidem*, S. 362. См. указанную в прим. 2 статью Хильгрубера с приведенными там источниками.
- ⁸ Hildebrand, *Außenpolitik*, S. 107–121. Аналогично Hillgruber, *Strategie*, S. 392.
- ⁹ По: Hillgruber, (*Op. cit.*), S. 519 f. (в другой последовательности).
- ¹⁰ См. высказывание Геринга о министре иностранных дел Италии Чиано в ноябре 1941 г.: *Ciano's Diplomatic Papers*, hrsg. v. Malcolm Muggeridge, London 1948, S. 465. – Личный референт Розенберга штандартенфюрер СА доктор Кёппен, бывший представителем Розенберга в ставке фюрера, 17 октября 1941 г. призвал Розенберга «заботиться о более чётком разграничении своих полномочий министра по делам оккупированных восточных территорий, и полномочий Гиммлера, как рейхскомиссара обороны, ввиду крайне резких и определённых высказываний Гитлера. Иначе министерство по делам оккупированных восточных территорий скатится до второстепенных ролей... Его задачи тогда будут состоять лишь в том, чтобы как можно скорее принуждать запертых в резервациях славян к

эмиграции и доводить их до вымирания», *BA R 6/34a*, л. 52.

¹¹ Вопреки мнению Хильгрубера (*Strategie*, S. 519, прим. 13) генералитет с самого начала знал о цели Гитлера колонизировать захваченные территории на Востоке. Ещё в своей первой речи перед генералами рейхсвера после прихода к власти 3 февраля 1933 г. Гитлер одной из целей своей политики назвал «завоевание нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадную германизацию»; см. т. н. Liebmann-Niederschmitt, *VfZ* 2, 1954, S. 435. О том, что эта цель не была забыта, свидетельствует отправленная в августе 1937 г. докладная записка имперскому министру фон Бломбергу, в которой главнокомандующий сухопутных сил фон Фрич подчёркивал, что сухопутные силы в сравнении с другими видами вооружённых сил постоянно будут проявлять решительность «до тех пор, пока не будут достигнуты цели немецкой победы в завоевании Востока...»: цит. по: Walter Görnitz (Hrsg.), *Generalfeldmarschall Keitel*, Göttingen 1961, S. 128.

¹² О значении ноябрьской катастрофы см. Tim Mason, *The Legacy of 1918 for National Socialism*, in: A. Nicholls-E. Matthias, *German Democracy and the Triumph of Hitler*, London 1971, S. 215–239. – Тот факт, что Гитлер до 22 июня 1941 г. не был полностью уверен в отсутствии среди военных «заражённых коммунизмом элементов» (*Hitler's Table Talk*, ed. H. R. Trevor-Roper, London 1953, S. 34, 17/18 сент. 1941 г.), а также его ещё подлежащий доказательству страх перед «заражением» промышленных рабочих коммунизмом от советских военнопленных, подчёркивают значение этой катастрофы.

¹³ Alan S. Milward, *Die deutsche Kriegswirtschaft 1939–1945*, Stuttgart 1966, S. 15.

¹⁴ О значении Украины в расчётах Гитлера см., например, застольные беседы за 19–20 авг. 1941 г.; 17–18 сент. 1941 г.; Украина будет поставлять пшеницу для всей Европы: *Table Talk*, S. 28 f.; 34. – О значении «морального духа» населения см. те же беседы за 9 июля 1942 г. (за обедом): H. Picker, *Hitlers Tischgespräche*, hrsg. v. Andreas Hillgruber, München 1968, S. 230.

¹⁵ Застольная беседа за 17–18 сент. 1941 г., *Table Talk*, S. 32.

¹⁶ См. ниже гл. III и VI, 6.

¹⁷ Ещё до призыва Сталина к партизанской борьбе по крайней мере Гитлеру и руководству вермахта было ясно, что партизанское движение возникнет уже «вследствие голода, ожидавшегося на большей части захваченной территории»: так начальник ОКВ Кейтель писал 5 июля 1941 г. командующему армией резерва Фромму (документ отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта № 441158/41 сов. секр. [под грифом «Совершенно секретно»], *BA/MA RW 4/v. 578*, л. 105 и сл.). – Реакция Гитлера на призыв Сталина: «Русские получили приказ начать партизанскую войну за линией нашего фронта. Но эта партизанская война имеет и свои преимущества: она даёт нам возможность *искоренить* всё, что *противостоит нам*». (Заметка Бормана о беседе Гитлера с Борманом, Герингом, Кейтелем, Ламмерсом 16 июля 1941 г., *IGM XXXVIII*, S. 88, 221-L; курсив в ориг.).

¹⁸ Основанная на этой точке зрения теория тоталитаризма, которой грешила большая часть ранних работ о национал-социализме и которая поныне ещё определяет консервативное видение национал-социализма, убедительно опровергнута в последние годы: см. Hans Mommsen, *Beamtenum im Dritten Reich*, Stuttgart 1966; Martin Broszat, *Der Staat Hitlers*, München 1969. Это, конечно, не означает, что *тоталитарные притязания режима* и использование террора в качестве инструмента дисциплины не были учтены.

¹⁹ Об этом см. «Застольные беседы» Гитлера с июля 1941 г. по осень 1942 г., в которых будущее обустройство подлежащих колонизации территорий на Востоке было постоянно повторяющейся темой: *Tischgespräche* и *Table Talk*.

²⁰ Генеральный план «Восток», в первой версии представленный Гиммлеру 15 июля 1941 г. руководителем управления планирования штаба рейхскомиссариата обороны штандартенфюрером СС проф. Мейер-Хетлингом, представлял собой первую попытку систематического планирования и по поручению Гиммлера был возвращён 24 июня 1941 г. назад: G. Eisenblätter, *Grundlinien der Politik des Reichs gegenüber dem Generalgouvernement*, Frankfurt, 1969, S. 206 f. с прим. 4.

²¹ См. ниже гл. III, 5 и VI, 6.

III. Вовлечение вермахта в национал-социалистскую политику уничтожения.

¹ Запись Томаса от 26 февраля 1941 г. (= 1456-PS) в кн.: Georg Thomas, *Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft*, hrsg. v. Wolfgang Birkenfeld, Boppard 1966, S. 18. – Геринг находился в это время на вершине своей власти. Наряду с его главенствующим положением в экономике в качестве уполномоченного по 4-летнему плану, которое он в последующем смог ещё более расширить благодаря тому, что присвоил себе полномочия по управлению экономикой в новом «восточном пространстве», его позицию характеризует также то обстоятельство, что он был тем, кому Гейдрих 31 июля 1941 г. поручил подготовку «окончательного решения» еврейского вопроса: NG-2586, опубл. в кн.: Helmut Krausnick, *Judenverfolgung* in: *SS-Staat*, Bd. 2, S. 306 f.

² См. гл. IX.

³ См. Ulrich von Hassell, *Vom Andern Deutschland*, [zit.: Hassell-Tgb.], Frankfurt 1964, S. 197; 189.

⁴ Об этом комплексе см. прежде всего: Helmut Krausnick, «Kommissarbefehl und Kriegsgerechtigkeitserslaß Barbarossa' in neuer Sicht, *VfZ* 25 (1977), S. 682–738. Краусник несколько иными путями и после обстоятельного анализа уже послевоенных высказываний участников приходит примерно к тем же выводам, что и я. Так как все сочинения приведены в конце моей работы, я не смог больше учитывать его работу в тексте. – Далее см. Jacobsen, «Kommissarbefehl», и Heinrich Uhlig, «Der verbrecherische Befehl», in: *Vollmacht des Gewissens*, Frankfurt 1965, S. 289–347. В приложениях к обоим работам также приведено очень много важных источников. – Кроме того, см. Manfred Messerschmidt, *Die Wehrmacht im NS-Staat*, S. 390–422. По сравнению с этими, более новыми работами прежние публикации, отчасти принципиально опровергавшие тезис о проведении приказа о комиссарах, явно устарели: Dallin, *Deutsche Herrschaft*, S. 42–46; A. Philippi – F. Heim, *Der Feldzug gegen Sowjetrußland*, Stuttgart 1962. – С точки зрения активного участника событий и не без апологетической тенденции в собственном деле: Walter Warlimont, *Im Hauptquartier der*

deutschen Wehrmacht, Frankfurt 1962. – Полемически заострённое и с рядом фактических ошибок. G. Reitlinger, *The Truth about Hitler's Commissar Order*, в *Commentary* 28 (1959), S. 7–18. – Крайне апологетическое: Görnitz, *Keitel*, S. 257–259; 414–418. – Вюрцбургская юр. дисс. Германа Дитера Бетца, *Das OKW und seine Haltung zum Landkriegsvölkerrecht*, 1970, мало чем отличается от позиции защиты на Нюрнбергском процессе. Бетц исходит из грубой формы теории тоталитаризма и ограничивается использованием устаревшей литературы о национал-социализме. Поскольку всех участников из ОКВ и ОКХ за исключением Кейтеля он причисляет к принципиальным противникам режима и признаёт сверх того авторитетное толкование составленных ими документов, то приходит к неверным выводам.

⁵ См. *Hitlers Weisungen für die Kriegführung*, S. 96–101.

⁶ *Вальтер Варлимонт*, род/ в 1894 г. В 1939–1944 гг. – начальник отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта; 1940 г. – генерал-майор; 1942 г. – генерал-лейтенант; 1944 г. – генерал артиллерии. Преимущественно из-за своего участия в разработке приказа о комиссарах и «приказа о командах» (об этом см. Messerschmidt, *Die Wehrmacht im NS-Staat*, S. 416–419) был приговорён на Нюрнбергском процессе к пожизненному заключению. В 1957 г. – освобождён из Ландсбергской тюрьмы.

^{6a} *Отдел «L»*, Abt. L = Abteilung Landesverteidigung (в штабе оперативного руководства вермахта) – Отдел обороны страны. – *Прим. перев.*

⁷ *Альфред Йодль* (1890–1946). С авг. 1939 г. по 1945 г. – начальник штаба оперативного руководства вермахта; 1939 г. – генерал-майор; 1940 г. – генерал артиллерии; 1944 г. – генерал-полковник; 30 января 1943 г. – награждён золотым партийным значком. На Нюрнбергском процессе Йодль был приговорён к смерти и казнён 16 окт. 1946 г.

⁸ О довольно существенных различиях в отношении существовавшей после 22 июня 1941 г. концепции см. ниже гл. VI, 6.

⁹ Распоряжения Йодля вместе с отмеченными в источниках в качестве цитаты директивами Гитлера обозначаются и рассматриваются в целом как указания Гитлера (так,

например, Hillgruber, *Strategie*, S. 523 A. 33). Из военного дневника ОКВ (КТВ ОКВ, I, S. 341) ясно следует, что Йодль действовал в разрез с существовавшими директивами Гитлера. Возникает, конечно, вопрос интерпретации: возможно, кроме открыто записанных директив Гитлер дал Йодлю также устные указания. Однако, по моему мнению, это значило бы недооценивать Йодля; источники приводят к выводу, что Йодль здесь, напротив, в значительной мере действовал самостоятельно, – также против соперников в ОКХ.

¹⁰ Полный текст указаний Гитлера и Йодля см.: *Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht* [zit.: КТВ ОКВ], I, S. 340–342, цит. по S. 341.

¹¹ Вильгельм Кейтель (1882–1946.4.02.). В 1938–1945 гг. – начальник ОКВ; 1938 г. – генерал-полковник, 1940 г. – генерал-фельдмаршал; с апреля 1938 г. – награждён золотым партийным значком. На Нюрнбергском процессе приговорён к смерти и казнён 16 окт. 1946 г.

¹² Суждение Гитлера, что, мол, уничтожение «еврейско-большевистской интеллигенции» и создание новых властных структур – столь сложная задача, «что её нельзя доверить армии», очень важно, но его следует рассматривать дифференцировано. Реакция, которую Гитлер ожидал от руководства сухопутных сил на это суждение, в любом случае заключалась не в том, чтобы добиться устранения армии от участия в «мировоззренческих делах», но чтобы руководство сухопутных сил постаралось доказать, что и в этом случае на него можно положиться. Целью Гитлера было иметь вермахт, состоящий из «политических солдат», цель, которую до сих пор широко выполняли только «Ваффен-СС». Однако только с «органами рейхсфюрера СС» более радикальных целей было не добиться. Гиммлер также не просто предлагал машину убийств неограниченной мощности, но и надеялся на сотрудничество традиционных правящих элит, руководство обычной и криминальной полиции, а свои айнзацгруппы хотел использовать только в особых случаях.

¹³ Эдуард Вагнер (1894–1944). К сфере полномочий генерал-квартирмейстера относилось не только обеспечение всего подвоза и снаб-

жения армии в самом широком смысле, но и управление оккупированными территориями; далее он нес ответственность за снабжение и обращение с военнопленными в зоне ответственности армии. Поэтому Вагнер был одной из ключевых фигур для всего комплекса вопросов.

¹⁴ *Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel*, hrsg. v. Hildgard v. Kotze, Stuttgart 1974, S. 96 f. – Энгель датирует эту беседу 16 марта 1941 г. Однако эта дата вызывает сомнения как из-за общей ненадёжности датировки Энгеля (*Op. cit.*, S. 12–14), так и в связи с тем, что в приказе Кейтеля от 13 марта и пр. всё и так уже было решено.

¹⁵ Когда Вагнер 5 марта представил Гальдеру «проект ОКВ» относительно администрации на Востоке, Гальдер записал: «Требования главнокомандующего сухопутных сил следует учесть, но в остальном сухопутные силы не должны обременять себя администрацией. Особое поручение рейхсфюрера СС». (КТВ Halder, II, S. 303). – Вагнеру из-за его роли в военной оппозиции приписывают твёрдое желание удалить СС из сферы действия сухопутных сил *даже в случае войны на Востоке*, см. Warlimont, *Im Hauptquartier*, S. 172 ff., Uhlig, *Der verbrecherische Befehl*, S. 300–304. – Однако начальник управления военной экономики и вооружения в ОКВ Томас утверждает в своей «Истории» (*Geschichte*, S. 272), что Вагнер приветствовал преждевременную передачу полномочий гражданской администрации, то есть рейхскомиссарам, «так как с него тем самым снималось существенное бремя забот». – 20 сент. 1941 г. Вагнер писал своей жене: «Я рад, что мы на этот раз ничего не должны делать со всеми этими политическими делами. На Западе это ещё имеет место, но здесь, где идеология играет такую большую роль, я просто счастлив!», Elisabeth Wagner, Hrsg., *Der Generalquartiermeister*, München 1963, S. 201.

¹⁶ КТВ ОКВ, I, S. 349. Варлимонт дважды беседовал с Вагнером. – Проект: *BA/MA RW 4/v. 575*, лл. 15–23.

¹⁷ Полномочия будущих командующих вооружёнными силами (подчинённых ОКВ) были урезаны в пользу политического института рейхскомиссаров; комплекс «поведение

войск» и «военное судопроизводство» были изъяты и переработаны в отдельном приказе.

¹⁸ Jacobsen, «Kommissarbefehl», S. 167.

¹⁹ КТВ Halder, II, S. 311 (13.03.1941.). Из записей Гальдера следует, что Вагнер его постоянно информировал. – Показания начальника 6-го управления РСХА бригаденфюрера СС Вальтера Шелленберга, который по его собственным словам часть переговоров с Вагнером провёл лично по поручению Гейдриха, мало проясняют действительные обстоятельства ввиду своей противоречивости. Шелленберг датирует соглашение *маем* 1941 г., что явно не соответствует действительности; см. *IMG XXXII*, S. 471–475 (показание под присягой от 26 ноября 1945 г., 3710-PS) и мемуары Шелленберга (*Memoiren*, Köln 1959, S. 172–178). – Письма и записи Вагнера в дневнике, изданные вдовой Вагнера, не содержат никаких сведений о периоде с 22 июля 1940 г. по 20 сент. 1941 г. Как показывают приведенные здесь источники, представленная в них картина выглядит весьма односторонней. Было бы желательно провести более солидное исследование.

²⁰ КТВ Halder, II, S. 320 (17.03.1941.). Генерал-майор Адольф Хойзингер занимал должность начальника оперативного отдела генерального штаба сухопутных сил.

²¹ 25 марта Вагнер ещё раз отчитался перед Гальдером о ходе своих переговоров с Гейдрихом: КТВ Halder, II, S. 328 (25.03.). – Текст соглашения: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 170 f. – Сопроводительное письмо Вагнера к Гейдриху и Варлимонту от 4 апреля 1941 г.: *ВА/МА RW 4/v. 575*, л. 42.

²² Приказ военно-административного отдела сухопутных сил № II/0315/41 сов. секр. от 3 апреля 1941 г., *ВА/МА RH 22/v. 11*. Из дневника Гальдера, КТВ Halder, II, S. 345 (4.04), следует, что Вагнер представил этот приказ на подпись 4 апреля.

²³ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/2101/41 секр., опублик. в кн.: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 171–173. По поводу соглашения у командующего 103-м тыловым районом сухопутных сил (= «Юг») уже 9 мая состоялось совещание с начальниками оперативных отделов подчинённых дивизий; докладная записка начальника

штаба 103-го тылового района сухопутных сил: *ВА/МА RH 22/v. 11*. – 19 мая и 6 июня по тому же вопросу, а также ради обсуждения порядка военного судопроизводства в соответствии с планом «Барбаросса» (см. ниже) у генерал-квартирмейстера состоялось ещё 2 обстоятельных совещания, в которых приняли участие представители штабов предназначенных для войны на Востоке подразделений. В совещании 6 июня согласно уже упомянутому клятвенному заявлению Шелленберга (3710-PS) приняли участие также Гальдер и начальники айнзацгрупп и айнзацкоманд СС. – Сохранившаяся запись этого совещания, которую начальник штаба тылового района сухопутных сил «Юг» подготовил для информирования главнокомандующего, представляет интерес, так как из неё следует, как обстоятельно было урегулировано сотрудничество с айнзацгруппами. Однако из неё вовсе не следует, что уже на этом совещании расстрел всех евреев был включён в круг задач айнзацгрупп: *RH 22/v. 11*. См. также ниже прим. 33 и гл. III, 2.

²⁴ См. гл. VI, 5.

²⁵ Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 172.

²⁶ Uhlig, *Op. cit.*, S. 300–304.

²⁷ Об этом см. Müller, *Das Heer und Hitler*, S. 427–440; «Zu Vorgeschichte und Inhalt der Rede Himmlers»; см. также гл. III, 5.

²⁸ Докладная записка начальника управления разведки и контрразведки в ОКВ адмирала Канариса от 14 сент. 1939 г. цит. по: Müller, *Das Heer und Hitler*, S. 428.

²⁹ КТВ Halder, I, S. 79 (19.09.1939.).

³⁰ Müller, «Zu Vorgeschichte...», S. 102; Helmuth Groscurth, *Tagebucher eines Abwehroffiziers 1938–1940*, hrsg. v. Helmut Krausnick u.a., Stuttgart 1970 [zit.: Groscurth-Tgb.], S. 230–247.

³¹ Müller, *Das Heer und Hitler*, S. 430.

³² То, что стремление «исключить армию из этих дел» было присуще Вагнеру и в 1941 г., следует из цитированного выше в прим. 15 письма Вагнера от 20 сент. 1941 г.

³³ 19 мая у генерал-квартирмейстера состоялось совещание, в котором предположительно приняли участие все начальники разведотделов армий и групп армий. Согласно заметкам одного из участников руководитель военно-административного отдела при генерал-квартирмейстере майор фон Аль-

тенштадт назвал в качестве задач айнцац-групп: «... б) проведение крупных акций в тыловых районах сухопутных сил. Борьба с политическими противниками, поскольку те являются врагами государства и рейха. Основное внимание уделить работе в стороне от магистралей». (NOKW-486). Поскольку и раньше трудно было понять, где «враги государства и рейха», – устоявшееся обозначение евреев, коммунистов и социал-демократов, – представляют главную опасность, тот факт, что «крупные акции» следует проводить в стороне от магистралей, может быть понят только как чёткое указание на то, что массовые казни по возможности следует проводить в стороне от войск, чтобы избежать ненужных конфликтов, которые имели место в Польше в 1939 г. На этом или на следующем совещании начальников разведотделов у генерал-квартирмейстера 6 июня, в котором приняли участие также представители РСХА, по-видимому, уже было дано чёткое указание на предстоящее уничтожение по крайней мере части евреев. 16 июня 1941 г. офицер абвера разведотдела «участкового штаба Восточная Пруссия» [= группа армий «Север»] обратил внимание начальников разведотделов и директоров тайной полевой полиции [GFP] тылового района группы армий «Север» на то, что евреев, как «носителей вражеской пропаганды» следует передавать айнцацкомандам: отчёт офицера абвера разведотдела тылового района группы армий «Север» за 16–30 июня 1941 г., *ВА/МА RH 22/v. 221*, л. 66 и сл. Участники едва ли верили в то, что айнцацгруппа «А» общей численностью в 990 чел. будет «охранять» евреев в лагерях.

³⁴ Создание этого солдатского типа, – примером для него были добровольцы и «старые борцы» НСДАП, – было поддержано руководством вермахта, в том числе тогдашним начальником общего управления ОКВ полковником Германом Рейнеке, самое позднее в 1938 г., см.: Messerschmidt, *Wehrmacht im NS-Staat*, S. 233–235. Позднее Рейнеке контролировал всю службу по делам военнопленных в зоне ответственности ОКВ, см. ниже гл. V, 1.

³⁵ См. гл. III, 5.

³⁶ Так было 22 августа перед польской кампанией, см. Winfried Baumgart, «Zur Ansprache

Hitlers ... am 22. August 1939» *VfZ* 16 (1968), S. 120–149 и *VfZ* 19 (1971), S. 294–304 с названными там источниками; так было и перед нападением на Францию 23 ноября 1939 г.; *IMG XXVI*, S. 327–336; см. Groscurth-Tgb., S. 414–418.

³⁷ Согласно переданной Гроскуртом записи адмирала Канариса: Groscurth-Tgb., S. 179 f.

³⁸ Самые подробные современные записки: KTB Halder, II, S. 335–337. См. дневник генерал-фельдмаршала Федора фон Бока, 30.03.1941 г., *ВА/МА N 22/8*. Описание, предложенное Варлимонтом (*Im Hauptquartier*, S. 175–178) также важно для сопутствующих обстоятельств; однако его акцент на «неизменном различии идеологических позиций Гитлера и выражающей молчаливое сопротивление части офицерского корпуса» (S. 176) слишком приукрашивает действительность.

³⁹ KTB Halder, II, S. 336 f. курсив в ориг. Гальдер доказывал после войны, что его вторая запись на полях имеет в виду «дисциплинарный приказ», посредством которого он якобы хотел помешать выполнению приказа о комиссарах: Uhlig, *Op. cit.*, S. 307. Это было не случайно: см. оставшуюся часть главы.

⁴⁰ См. Hans Buchheim, «Befehl und Gehorsam», in: *SS-Staat*, I, bes. S. 247–263.

⁴¹ Uhlig, *Op. cit.*, S. 306 f. называет различные примеры. Он справедливо указывает на то, что эти показания шатки и противоречивы в датировке, а потому вызывают сомнение. При более точном анализе эти протесты, насколько они подтверждаются современными источниками, оказываются или позднейшими возражениями против плана «Барбаросса», или возражениями против приказа о комиссарах уже *после того*, как они оказали своё негативное воздействие на германский способ ведения войны (об этом см. гл. VI, 1). Например, генерал-фельдмаршал фон Бок, который согласно этим показаниям должен был протестовать больше всех, записал в своём дневнике требования Гитлера без всяких комментариев («Суровое требование. Мы не готовы к тому, чтобы сохранять жизнь преступникам, комиссарам»: Дневник фон Бока, *ВА/МА N 22/8*, 30.03.1941 г.), тогда как позднее он очень резко критиковал план «Барбаросса» и добился у фон Браухича уступок (см. в конце

этой главы). Варлимонт (*Op. cit.*, S. 177) утверждает, что не заметил никаких простот.

⁴² Hassell-Tgb., S. 178.

⁴³ Приказ военно-административного отдела генерального штаба сухопутных сил № II/0315/41 сов. секр. от 3.04.1941 г., «Особые распоряжения относительно снабжения [по плану «Барбаросса»], часть «С»: *ВА/МА RH 22/v. 11*, курсив в ориг. Приказ был разработан представителем Вагнера майором Шмидтом фон Альтенштадтом, которого Даллин наряду с Вагнером характеризует как «поборника восточной политики» (Dal-*lin, Deutsche Herrschaft*, S. 108; 519); это, однако, не соответствует данному периоду. – Один экземпляр этого приказа поступил в управление разведки и контрразведки в ОКВ, то есть ведомство Остера. – Оговоренного порядка военного судопроизводства в нём не было, значит он содержался в одной из других частей. Во всяком случае из записей фон Хасселя следует, что основные черты норм военного судопроизводства, позднее зафиксированные в плане «Барбаросса», были одобрены Гальдером ещё до обсуждения проекта ОКВ от 6 мая 1941 г.

⁴⁴ См. гл. V, 2. В одной из последующих глав будет объявлен приказ о возложенных на СС «особых задачах» в прифронтовой зоне.

⁴⁵ Ограничения принципов международного военного права, касающиеся по крайней мере военнопленных, были предположены уже в решениях, принятых ранее командующими отдельных армий. См. гл. V, 2.

⁴⁶ Основные черты «более разумной восточной политики», к которой призывали генерал-квартирмейстер Вагнер и его представитель фон Альтенштадт с конца 1941 г., уже были здесь изложены. См. выше прим. 15 к гл. I.

⁴⁷ Предположительно в апреле из ОКХ вышел следующий идеологически мотивированный приказ. Он близок к тому приказу, который штаб 4-й танковой группы отдал 2 мая подчинённому ему корпусам. В приказе в духе явно национал-социалистской риторики значилось:

«Борьба против России – неизбежный результат навязанной нам борьбы за выживание... Это старинная борьба германской расы против славян, защита европейской культуры против московско-азиатской вол-

ны, отражение еврейского большевизма... Поэтому данная борьба должна вестись с крайней жестокостью... Особенно в отношении приверженцев современной русско-большевистской системы нельзя проявлять ни капли жалости. (NOKW-2510, обратный перевод с англ.).

Даже если приказ возник в верховном командовании генерал-полковника Хёпнера, он всё равно остаётся крайне важным, так как доказывает, как глубоко подобные воззрения и без содействия ОКХ распространились среди высшего войскового командования и как мало уже осталось от группового согласия, основанного на «старых» идеалах ведения войны в рыцарском духе. Приказ тем более интересен, что Хёпнер является одним из самых видных заговорщиков 20 июля 1944 г.

⁴⁸ Сам Варлимонт после войны утверждал, что этот приказ разрабатывался другими ведомствами ОКВ без участия отдела «L», однако сохранившиеся документы отдела «L» однозначно указывают на то, что данный отдел играл в этом процессе ведущую роль. См. *Warlimont, Op. cit.*, S. 185 и сохранившиеся в «главных делах по плану «Барбаросса» отдела «L» проекты и докладные записки, *ВА/МА RW 4/v. 575, -/v. 577, -/v. 578*, а также прим. 78 к гл. III.

⁴⁹ *КТВ ОКВ*, I, S. 344 (4.03.); о последующих переговорах и соответственно дальнейшей работе над проектом внутри отдела «L» см. S. 334 (24.02); 346 (6.03); 349 (8.03); 384 (22.04); 390 (30.04).

⁵⁰ *RW 4/v. 575*, лл. 14–23, здесь л. 19 и сл. Военные суды даже в этом случае должны были действовать только тогда, когда доказательная база была столь очевидна, что виновный не мог избежать приговора.

⁵¹ Об этом см.: *Martin Broszat, Nationalsozialistische Polenpolitik*, Frankfurt 1965, S. 128 ff. *Broszat, Op. cit.*, S. 128.

⁵³ Примечание министра-диригента Лемана к его обсуждённому в последующем проекту от 28 апреля 1941 г.

⁵⁴ Проект: *RW 4/v. 575*, лл. 71–73. – На Нюрнбергском процессе Леман предстал перед судом вместе с Варлимонтом; там он заявил, что при разработке плана «Барбаросса» хотел якобы сделать всё, чтобы предотвратить «худшее», см. некритическое описание:

Betz, *Op. cit.* Лемана прекрасно характеризует также тот факт, что он вместе с группенфюрером СС доктором Бестом, статс-секретарём имперского министерства внутренних дел группенфюрером СС доктором Вильгельмом Штуккартом, руководителем III отдела партийной канцелярии бригаденфюрером СС доктором Герхардом Клопфером и директором института государственных исследований при Берлинском университете, штандартенфюрером СС, проф. доктором Рейнхардом Хёном был издателем журнала «*Рейх – народный порядок – жизненное пространство. Журнал для морального духа народа и администрации*». Этот журнал был рупором для «подлинных» национал-социалистских государственных и международных юристов. Его задачей было «исходя из национал-социалистского мировоззрения... как можно глубже понять сущность *морального духа народа* и ясно, с пользой для дела разработать основные черты и необходимость *народной администрации* немецких и европейских жизненных отношений». (Предисловие к т. I, 1941 г., курсив в ориг.). О роли, которую этот журнал сыграл в «научном» обосновании национал-социалистской доктрины жизненного пространства, см. Lothar Gruchmann, *Nationalsozialistische Großraumordnung*, Stuttgart 1962.

⁵⁵ К этому абзацу Леман сделал приведенное ниже в тексте примечание.

⁵⁶ RW 4/v. 575, л. 71.

⁵⁷ То есть военно-полевые суды, которые после сокращённого разбирательства выносят приговор, подлежащий немедленному приведению в исполнение. В отличие от регулярных военных судов, укомплектованных образованными юристами (дивизионного уровня и выше), военно-полевые суды образовывались на уровне полка и состояли в целом из одного офицера, одного унтер-офицера и одного военнослужащего. См. приказ фон Браухича (Der ObdH/Az. 453 GenQu... № 5962/39) от 4 ноября 1939 г., *ВА/МА*, АОК 18/11271/1.

⁵⁸ RW 4/v. 575, л. 71.

⁵⁹ Об этом см. гл. III, 5.

⁶⁰ *Ойген Мюллер* (1891–1951). Последнее воинское звание – генерал артиллерии; с 1 мая по 1 сент. 1939 г. – начальник военной академии; с 1 сент. 1939 г. по 20 сент. 1940 г. –

генерал-квартирмейстер; с 1 окт. 1940 г. – генерал для особых поручений при главнокомандующем сухопутных сил.

⁶¹ Говоря об этом, Леман писал 9 мая Йодлю и Варлимонту, что, мол, проект основан «на поручении, которое генерал Мюллер получил после разговора со мной от генерал-полковника Гальдера». Документ правового отдела вермахта № 32/41 сов. секр. от 9 мая, RW 4/v. 577 л. 38. Это означает, что Мюллер подготовил этот проект, – а также предположительно проект приказа о комиссарах, – только после поручения Гальдера, что крайне важно для оценки роли Гальдера. – См. KTB Halder, II, S. 399 f. (6.05.).

⁶² Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 174–177. – Спорным является вопрос, кто отдал приказ о разработке этих проектов. Показания начальника генерального штаба Гальдера, которые в связи с этим имеют большое значение, довольно противоречивы. В одном месте, – этой версии следует Улих, *Op. cit.*, S. 309 f., – Гальдер говорит о поручении «чересчур усердного фельдмаршала» Кейтеля, тогда как Мюллер упоминает о «поручении 31 марта», – правда, без ссылки на приказ о комиссарах. В другом месте Гальдер пытается переложить вину на генерал-квартирмейстера Вагнера, «который убедил главнокомандующего сухопутных сил дать своё согласие на проект приказа ОКВ, который там вовсе не требовался» (цит. по: Heidemarie Gräfin Schall-Riaucour, *Aufstand und Gehorsam... Leben und Wirken von Generaloberst Franz Halder*, Wiesbaden 1972, S. 164. – Об этой биографии см. ниже прим. 141 к гл. III). Варлимонт (*Op. cit.*, S. 178) отстаивает мнение, что дата «31 марта» была якобы поставлена ошибочно вместо «30 марта» и указывает на то, что Гальдер при упоминании проекта Мюллера от 6 мая (КТВ Halder, II, S. 399) ссылается только на речь Гитлера от 30 марта. Это объяснение представляется тем более вероятным, что Гальдер записал тогда о намерении добиться у главнокомандующего сухопутных сил приказа и указал, что формулировка Мюллера ссылается якобы только на содержание, но не на поручение о *разработке*. Заметка Гальдера с моей точки зрения может иметь в виду только разработанные Мюллером проекты приказов, тогда как его собственное объяс-

- нение, будто он хотел добиться у фон Браухича «дисциплинарного приказа» для предотвращения выполнения приказа о комиссарах (КТВ Halder, II, S. 337, прим. 12; Uhlig, *Op. cit.*, S. 307 f.), явно не убедительно. Этот приказ был разработан только после того, как план «Барбаросса», – в разработке которого Гальдер принимал участие, см. далее, – встретил критику со стороны войсковых командиров. Приказ о комиссарах был к тому же ясно провозглашён в «дисциплинарном приказе». – То есть инициатива в разработке проектов обоих приказов однозначно принадлежит ОКХ, причём предположительно именно Гальдер дал толчок по меньшей мере проекту плана «Барбаросса».
- ⁶³ В уже упомянутом письме к Йодлю и Варлимонту от 9 мая 1941 г., RW 4/v. 577, л. 38.
- ⁶⁴ Предусматривалось, что как план «Барбаросса», так и приказ о комиссарах будут отданы главнокомандующим сухопутных сил. Проекты поэтому вряд ли могли быть переданы на согласование в ОКВ без ведома фон Браухича, тем более что Мюллер был напрямую ему подчинён.
- ⁶⁵ Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 176. Курсив здесь, как и в последующем цитатах дан в соответствии с оригиналом, RW 4/v. 577, лл. 34–37.
- ⁶⁵ Этот отрывок содержит указания, из которых следует, что именно следует понимать под отданными Гальдером уже 3 апреля в виде приказа «суровых нормах поведения в отношении гражданского населения». Он, как заметил Варлимонт на проекте, «шёл гораздо дальше, чем [проект правового отдела вермахта] и, как утверждал Леман в письме от 9 мая, встретил «безоговорочное одобрение генерал-полковника Гальдера». См. ещё раз текст речи Гитлера, как её передал Гальдер: «Борьба должна вестись против яда разложения. Это не вопрос военного судопроизводства. Войсковые командиры должны знать, почему мы так поступаем. Они должны руководить борьбой. Войска должны защищаться теми средствами, с какими на них нападают... Поэтому войскам не нужно выходить из рук командиров». (КТВ Halder, II, S. 337).
- ⁶⁷ Это Леман подчеркнул в своём письме: RW 4/v. 577, л. 39.
- ⁶⁸ Schall-Riauacour, *Op. cit.*, S. 163.
- ⁶⁹ RW 4/v. 577, л. 36 и сл., курсив в ориг.
- ⁷⁰ RW 4/v. 577, л. 36 и сл., курсив в ориг. (Jacobsen, «Kommissarbefehl», S. 177).
- ⁷¹ Начальником правового отдела сухопутных сил (= правового отдела при генерале для особых поручений) был старший советник военной юстиции Латман.
- ⁷² RW 4/v. 577, лл. 38–40.
- ⁷³ RW 4/v. 577, лл. 38.
- ⁷⁴ *Ibidem*, л. 38 и сл.
- ⁷⁵ *Ibidem*, л. 39.
- ⁷⁶ Проект Лемана от 9 мая 1941 г., *Ibidem*, лл. 41–43, цит. л. 41, курсив в ориг.
- ⁷⁷ *Ibidem*, лл. 39; 41 и сл. (циф. I, 5).
- ⁷⁸ Докладная записка с замечаниями Варлимонта и проект фон Типпельскирха: RW 4/v. 577, лл. 47 и сл.; 51–53. Варлимонт, присоединяясь к мнению фон Типпельскирха, счёл необходимым исключить согласно проекту Лемана судопроизводство, чтобы избежать оправдательных приговоров. Обдуманную Варлимонтом передачу судопроизводства органам СД, – в случаях, когда офицер должен принять решения о расстреле (прим. Варлимонта в документе), – фон Типпельскирх отклонил, так как ответственность оставалась та же самая. Для позиции Варлимонта интерес представляет также то обстоятельство, что ему и фон Типпельскирху казалось «безусловно необходимым» «ясное установление ответственности» войсковых командиров за выполнение приказа в духе высшего руководства.
- ⁷⁹ См. полный текст в кн.: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 181–184. Курсив в следующем тексте по оригиналу.
- ⁸⁰ Следует иметь в виду, что понятие «застрелен во время бегства» употребляется здесь точно в том смысле, в каком оно употреблялось с 1933 г. органами СС для объяснения убийств политических противников.
- ⁸¹ Как раз происхождение этого абзаца ясно показывает, с какой заботой Леман и его коллеги в штабе оперативного руководства вермахта старались подыскать для войск убедительные обоснования. Йодль хотел вставить в этом месте: «...чтобы ни один немец не мог этого забыть». Леман сумел настоять на своём первоначальном предложении: «...не забыл». Его обоснование: «Только если признать, что ни один немец

этого не забыл, любые эксцессы – извинительны». (RW 4/v. 577, л. 39).

⁸² Имеется в виду речь Гитлера от 30 марта.

⁸³ Это противоречит мнению Улиха («Der verbrecherische Befehl», S. 315–320), который считает, будто Варлимонт здесь так же, как и в отношении приказа о комиссарах, действовал очень мягко. Бетц (*OKW und seine Haltung zum Landkriegsvölkerrecht*, S. 133–151), который воспользовался только частью источников и в главном вопросе опирается на показания Варлимонта, Лемана и Латмана, приходит к неверному выводу, будто Варлимонт и Леман имели твёрдое намерение «спасти то, что следовало спасти».

^{83a} Ic-Offiziere. Ic = Dritter Generalstabsoffizier (Feindnachrichten und Abwehr), то есть 3-й офицер генерального штаба разведки и контрразведки = начальник разведывательного отдела (дивизии, корпуса, армии, группы армий). – *Прим. перев.*

⁸⁴ См. выше прим. 33.

⁸⁵ Поскольку Гальдер сам предложил этот пункт, а Латман присутствовал 6 мая, когда Мюллер представлял проекты, то это могло способствовать согласию Гальдера с «коллективными мерами насилия». После этого известный приказ Кейтеля от 16 сентября 1941 г. (см. Jacobsen, «Kommissarbefehl», S. 215–217), согласно которому ради подавления коммунистического повстанческого движения за каждого убитого немецкого солдата следовало в порядке устрашения казнить «50–100 коммунистов», не принёс ничего нового.

⁸⁶ NOKW-486.

⁸⁷ Речь идёт о тех протестах, которые после войны в совокупности были датированы 30 марта.

⁸⁸ Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 185 f. Исходя из записи NOKW-486, следует считать, что Латман не предлагал эту точку зрения в своем докладе 19 мая, но, напротив, указывал на то, что мотив играет «решающую роль».

⁸⁹ Это не соответствует истине: требуемые меры были направлены также против Гаагской конвенции 1907 г.

⁹⁰ Мюллер использовал эти обороты из речи Гитлера от 30 марта, см. приведенную выше цитату (прим. 39).

⁹¹ То есть предписания, которые предписывали *принудительное судебное преследование*.

⁹² Отчёт начальника разведотдела 3-й танковой группы № 2 за 1.01–11.08.1941 г. *ВА/МА PzAOK 3/13119/1*, л. 29 и сл., курсив в ориг.; опубли. (с некоторыми неточностями) в кн.: Jacobsen, «Kommissarbefehl», S. 192.

⁹³ Это уже в зародыше содержалось в приведенном выше приказе Гальдера от 3 апреля 1941 г.

⁹⁴ Дневник фон Бока, *ВА/МА N 22/8*, лл. 30–33 (4–6.06.1941 г.). Подробное описание см. Uhlig, *Op. cit.*, S. 307 f.; 319–321.

⁹⁵ Документ штаба 4-й армии № 16/41 сов. секр. от 6 июня 1941 г., опубли. в кн.: Fall Barbarossa, hrsg. v. Erhard Moritz, Berlin (Ost), 1970, S. 323 f. Проект изменений фон Клюге касался только преступлений личного состава вермахта против советских гражданских лиц. Суть его была в том, что идеологическое обоснование эксцессов (со ссылкой на 1918 г.) было сформулировано более искусно; далее указывалось на возможность наказания таких преступлений дисциплинарными методами. Этот проект был менее радикален, чем проект фон Бока.

⁹⁶ Дневник фон Бока, лл. 30–33.

⁹⁷ В отчёте отдела разведки 3-й танковой группы (за 1.01–11.08.1941 г.) приводится только приведенное выше разъяснение генерала для особых поручений.

⁹⁸ Об этом см. также названные в прим. 4 работы.

⁹⁹ Так говорится уже в статье 4 первой Гаагской конвенции 1899 г.

¹⁰⁰ Носившие военную форму «политические комиссары» Красной Армии, – первоначально, во время гражданской войны они были введены для надзора за лояльностью бывших царских офицеров, – к началу войны на Востоке выполняли ещё только функции политических советников и заместителей соответствующих командиров. Во время критических для Красной Армии событий лета 1941 г. они вновь получили большие командные полномочия: Uhlig, «Der verbrecherische Befehl», S. 333, прим. 62. Указом Президиума Верховного Совета от 9.10.1942 г. (Текст *ВА R 58/225*, л. 191 и сл.) их роль опять была ограничена функциями политических советников и заместителей. Этим комиссарам на уровне роты подчинялись «политруки» («политические руководители»). Различия между ними были практи-

чески незаметны, и в источниках понятия «комиссар» и «политрук» часто использовались как синонимы. – В силу положения комиссаров в структуре советских вооружённых сил они должны были однозначно причисляться к определённой и защищаемой по международному праву группе военнослужащих и, согласно общим нормам международного права, в случае взятия в плен подлежать такому же обращению, как и прочие военнопленные, – то есть даже если между воюющими сторонами не было соответствующего международного соглашения: Uhlig, *Op. cit.*, S. 328–347.

¹⁰¹ На процессе главных военных преступников в Нюрнберге в 1945–1946 гг. перед судом в качестве непосредственных участников создания этого приказа предстали начальник ОКВ генерал-фельдмаршал Кейтель и начальник штаба оперативного руководства вермахта генерал-полковник Йодль. Оба они были приговорены к смертной казни и казнены. Во время процесса над ОКВ (1948 г.) из участников перед судом в качестве обвиняемых предстали: начальник отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта генерал артиллерии Варлимонт, начальник правового отдела вермахта министерия-диригент Леман, а также ряд войсковых командиров, которые, в частности, были обвинены в выполнении приказа о комиссарах и осуждены. Был обвинён также генерал пехоты Рейнеке, которому подчинялась служба по делам военнопленных. Он и Варлимонт были приговорены к пожизненному заключению, Леман – к 7 годам заключения. – Ни один участник из руководства сухопутных сил перед судом в Нюрнберге не предстал. Бывший главнокомандующий сухопутных сил фон Браухич умер в 1948 г. в ожидании рассмотрения своего дела в английском суде. Гальдер и Мюллер выступали на Нюрнбергском процессе в качестве свидетелей защиты.

¹⁰² Следующая цитата из заключительной речи защитника «генерального штаба и ОКВ» Ганса Латернзера: *IMG*, XXII, S. 91; см. далее показания Кейтеля и Йодля, *IMG*, XV, S. 339 f., 448 f., а также показания обвиняемых на процессе по делу ОКВ войсковых командиров, в частности бывшего главнокомандующего группой армий «Север» гене-

рал-фельдмаршала фон Лееба (*Proz. Prot. engl.* S. 2346–2384), бывшего командующего 18-й армией генерал-фельдмаршала фон Кюхлера (S. 2820 ff.), бывшего командующего 3-й танковой группой генерал-полковника Гота (S. 3080–3100) и бывшего командующего тыловым районом группы армий «Юг» генерала пехоты фон Рока (S. 2492 f.); см., кроме того, показания Варлимонта и Лемана (*Op. cit.*), и описание Варлимонта: *Im Hauptquartier*, S. 175–186.

¹⁰³ КТВ Halder, II, S. 337.

¹⁰⁴ Warlimont, *Im Hauptquartier*, S. 177 f.

¹⁰⁵ Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 174 f., 177–179.

¹⁰⁶ См. прим. 62.

¹⁰⁷ КТВ Halder, II, S. 399 (6.05.1941.): а) он ссылается на приказ о комиссарах; б) на план «Барбаросса». Под речью фюрера имеется в виду речь Гитлера от 30 марта.

¹⁰⁸ См. прим. 62.

¹⁰⁸ Текст по: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 177–179. курсив в ориг. Согласно заглавию текст составил старший советник военной юстиции Латман.

¹¹⁰ В этом нашли своё выражение опасения национал-социалистского руководства, а также руководства вермахта и сухопутных сил перед угрозой, которую советские военнопленные якобы могли представлять «моральному духу» на родине благодаря возможной коммунистической агитации.

¹¹¹ Последнее предложение явно говорит о том, что Мюллер опасался попытки военных избежать выполнения приказа. Установив ответственность за ликвидацию комиссаров уже на самом низшем уровне, он тем самым хотел помешать любому «непониманию» в пользу пленных комиссаров.

¹¹² *BA/MA RW 4/v. 577*, л. 33 (= Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 175). Курсив у Варлимонта в оригинале.

¹¹³ Варлимонт (*Op. cit.*, S. 178–181) доказывает далее, что он изъял из делопроизводства приказ, который был направлен к нему исключительно по распоряжению штаба оперативного руководства вермахта, и не проинформировал об этом ни Кейтеля, ни Йодля, чтобы в выигрышное таким образом время попытаться «найти средства и способы, которые возможно ещё позволили бы помешать изданию такого приказа в письменном виде». Затем он якобы передал

проект на проверку Леману в правовой отдел вермахта «в надежде, что правовые аргументы убедят начальника ОКВ скорее, чем его собственные представления». Но Леман сообщил этой, «что Кейтель запретил ему заниматься этой темой». Однако Варлимонт вовсе не изымал проект из делопроизводства: напротив, он имел намерение представить его начальнику ОКВ, то есть Кейтелю, и поэтому велел руководителю своей группы IV/Qu. в отделе «L» фон Типпельскирху разработать докладную записку. «Выигранное время», которое так расхваливал Варлимонт, а вслед за ним и Бетц (*Op. cit.*, S. 154 ff.), не стоит оценивать слишком высоко. Проект Мюллера поступил к Варлимонту 7 мая (в среду); последний направил его 8 мая для оценки Леману, который 9 мая (в пятницу) вернул его вместе со своим новым проектом плана «Барбаросса». 12 мая (в понедельник) фон Типпельскирх подготовил для Варлимонта докладную записку, которую последний вместе с проектом Мюллера представил 13 мая Йодлю и Кейтелю. Несмотря на «требование ускорить» работу над планом «Барбаросса», проекты и докладные записки к нему были готовы не ранее, чем приказ о комиссарах. Сомнительно также, чтобы Варлимонт действительно верил, что Леман после тех проектов и обоснований, которые он представил по плану «Барбаросса», даст *правовые* аргументы, которые переубедят Кейтеля.

¹¹⁴ RW 4/v. 478, л. 10 и сл. Включённая в текст подпись указывает на авторство фон Типпельскирха. В книге Якобсена (*Kommissarbefehl*, S. 179 f.) приведен оригинал первого проекта, который Варлимонт представил Йодля с подписями Йодля и Кейтеля от 13 мая и приведенными ниже примечаниями Йодля.

¹¹⁵ Имеется в виду известная Варлимонту «3-я докладная записка» Розенберга, который опасался, что экономика и местное управление рухнут, если будут ликвидированы все функционеры. Варлимонт был офицером связи между Розенбергом и ОКВ.

¹¹⁶ Чтобы, как он пишет (*Im Hauptquartier*, S. 183), добиться смягчения первого пункта!

¹¹⁷ Заметка Йодля от руки и без даты: RW 4/v. 577, л. 69. (Вычеркнутые и исправленные места не были переданы).

¹¹⁸ 19–29 мая Варлимонт был в Париже: *KTB OKW*, I, S. 396 f. 13 и 17 мая он сделал доклад Йодлю. – К сопроводительному письму фон Типпельскирха от 23 мая (RW 4/v. 578, л. 9) относится не следующая в фонде докладная записка Варлимонта от 12 мая, но с большой долей вероятности проект без даты и подписи, который был основан на заметке Йодля и отпечатан на машинке квартирмейстера отдела «L»: RW 4/v. 577, лл. 66–68.

¹¹⁹ См. полный текст приказа и сопроводительной письмо RW 4/v. 578, лл. 41–44 (Jacobson, *Kommissarbefehl*, S. 188–191). Адресатами были: оперативный отдел генерального штаба сухопутных сил (Хойзингер); генерал для особых поручений при главнокомандующем сухопутных сил (Мюллер); генерал-квартирмейстер сухопутных сил (Вагнер); штаб оперативного руководства люфтваффе; командование военно-морского флота; главное управление СС (для ваффен-СС); командующие вооружёнными силами «Остланда» и «Норвегии»; правовой отдел вермахта (Леман); отдел пропаганды вермахта и управление разведки и контрразведки в ОКВ (Канарис).

¹²⁰ Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 189, курсив в ориг.

¹²¹ То, что Варлимонт, сверх того, в идеологическом плане был гораздо сильнее интегрирован, чем это следует из его воспоминаний, показывает записанное Гроскуртом высказывание Варлимонта по поводу речи Гитлера от 22 августа 1939 г.: «Гитлер говорил, как Фридрих Великий перед своими офицерами»: см. Groscurth-Tgb., S. 179 f. (24.08.1939) с переданной там записью речи адмирала Канариса.

¹²² NOKW-486.

¹²³ Текст сопроводительного письма в кн.: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 191, курсив в ориг.

¹²⁴ Якобсен (*Op. cit.*, S. 151 f.) полагает, что речь здесь идёт о *войсковых комиссарах*, и потому делает неправильный вывод о смягчении. Но приказ совершенно чётко различает «политических комиссаров» и «политических комиссаров при войсках», которых принципиально «следовало уничтожать».

¹²⁵ См. также Uhlig, *Op. cit.*, S. 306–309. Гальдер утверждал, что критика войсковых командиров была направлена в первую оче-

редь против ожидаемого ими ослабления дисциплины.

¹²⁶ Об этом см. ниже гл. VI, 1. – Записки бывшего адъютанта Гитлера при сухопутных силах Энгеля, только теперь ставшие доступными во всей своей полноте, содержат некоторые места, которые фон Якобсен (Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 148–155) и Хильгрубер (Hillgruber, *Hitlers Strategie*, S. 527 f.) приводили в качестве важнейших доказательств того, что войсковое командование с самого начала не соблюдало приказ о комиссарах. Однако ценность приведенных отрывков в качестве источников представляется весьма сомнительной, по меньшей мере в датировке (см. об этом: *Aufzeichnungen Engel*, S. 12–14).

– 1. Энгель записал под 10 мая 1941 г., что он беседовал в Познани с начальниками штаба и оперативного отдела группы армий «Центр» фон Зальмутом и фон Тресковом «по поводу приказа о комиссарах»: «Они считали его несчастьем и опасались тяжких последствий для армии. Мы были едины в этом мнении. Зальмут и Тресков доверительно сказали мне, что будут изыскивать пути и средства обойти этот приказ прежде всего посредством устных бесед с командирами дивизий» (*ibid.*, S. 103). Здесь следует сказать, что к этому моменту формального приказа о комиссарах ещё не существовало, – первый проект Мюллера был передан Варлимонту только три дня назад, – поэтому эти три офицера просто не могли ещё знать о том, что будет отдан столь обязательный приказ. Разговор, правда, можно объяснить ссылкой на речь Гитлера от 30 марта, но и тогда употребление понятия «приказ о комиссарах» вызывает удивление.

– 2. Под 23 мая Энгель заметил, что командующий 4-й армией фон Клюге просил его «побудить Гитлера внести изменения в опасные указания относительно комиссаров и прежде всего поставить команды СД под более строгий контроль военных» (*ibidem*, S. 106). Известно, что Клюге действительно хотел добиться изменения плана «*Барбаросса*», от которого ожидал падения дисциплины в войсках (см. выше). Поэтому нет ничего удивительного в том, что Энгель допустил последующую путаницу. Позиция Клюге относительно айнзацкоманд СС описана

в записке не вполне определённо, так как последний ни в коей мере не ограничивал сотрудничество с включёнными в состав его армии командами в требуемом по соглашению Гейдриха–Вагнера минимальном размере (см. ниже прим. 250 к гл. VI).

– 3. Под 18 окт. 1942 г. Энгель записал, что по поводу подписания «приказа о командах» Йодль дал адъютантам поручение «сообщить командующим и начальникам, чтобы этот приказ выполнялся так же, как и приказ о комиссарах» (*ibid.*, S. 130 f.), – иными словами, чтобы он также не выполнялся. Учитывая роль Йодля при составлении приказа о комиссарах, это представляется крайне сомнительным (см. по этому поводу запись от 18 окт. 1942 г. в приведенном ниже прим. 8 к гл. VI).

¹²⁷ Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 187, курсив в ориг.

¹²⁸ Под этой датой они вместе с приказом генерал-квартирмейстера № II/0514/41 сов. секр. (*BA/MA RH 22/v. 11*) были направлены ОКХ в группу армий «Юг». Варлимонт представил Йодлю проект 13 мая.

¹²⁹ Это представление более или менее явно лежит в основе всех названных выше в прим. 4 работ.

¹³⁰ Groscurth-Tgb., S. 212, прим. 525. – Эта амнистия уже имела своих предшественников: Закон от 23 апреля 1936 г. (*RGBI*, I, S. 379), согласно которому преступления, «совершённые виновными из крайнего усердия в борьбе за национал-социалистические идеалы», оставались безнаказанными (цит. по: Hans Buchheim, «*Befehl und Gehorsam*», S. 263), и объявленная 21 марта 1933 г. на основании права рейхспрезидента издавать чрезвычайные постановления амнистия за все преступления, которые были совершены «в борьбе за национальное величие немецкого народа» (Broszat, *Der Staat Hitlers*, S. 405).

¹³¹ В отличие от формулировки Лемана проект Мюллера строго придерживался текста амнистии 1939 г.

¹³² В сентябре 1939 г. Гейдрих в беседе с фон Браухичем обосновал карательные акции айнзацгрупп в частности тем, что польских мятежников следовало якобы расстреливать немедленно, а военные суды работали очень медленно. Браухич приказал ввести военно-полевые суды на уровне батальонов, чтобы

посредством быстрых приговоров лишить жалобы Гейдриха оснований (Запись Гроскурта, Groscurth-Tgb., S. 361). То, что фон Браухич старался путём превентивных уступок избежать трений такого рода и в случае плана «Барбаросса», видно из его аргументации в беседе с фельдмаршалом фон Боком, которому он заявил, что придаёт большое значение тому, «что судопроизводство должно осуществляться быстро даже во время боевых действий, чтобы избежать последующей бумажной волокиты»: *ВА/МА*, N 22/8, л. 33).

¹³³ Именно о таком порядке, – согласно проекту Лемана от 28 апреля, – и шла речь.

¹³⁴ См.: Müller, *Heer und Hitler*, S. 422–470, и его же «*Zu Vorgeschichte...*», *VfZ* 18 (1970), S. 95–120. Мюллер впечатляюще изобразил, в какой мере руководство сухопутных сил шло при этом навстречу национал-социалистскому руководству, – даже вопреки ожиданиям последнего: см. приведенную в его книге (*Heer und Hitler*, S. 431) запись совещания Гейдриха от 19 сент. 1939 г.

¹³⁵ По крайней мере в этом смысле были настроены главнокомандующие группами армий «Б» и «Ц» фон Бок и фон Лееб, командующие 1-й, 2-й, 4-й и 18-й армиями фон Вицлебен, фон Вейхс, фон Клюге и фон Кюхлер, а также главнокомандующий группой армий «Восток» Бласковиц и командующие корпусными округами Макс фон Бок (Данциг) и Петцель (Познань): см.: Müller, *Heer und Hitler*, S. 455 f.; его же *Zu Vorgeschichte...*, и Groscurth-Tgb., S. 236–248. Представляется, что никогда ни до, ни после этого в войсковом командовании не существовало такого широкого, направленного против Гитлера согласия. К беспокойству по поводу событий в Польше добавились сомнения относительно запланированного наступления на Западе и возмущение так называемым «приказом о зачатии» Гиммлера от 28 окт. 1939 г.

¹³⁶ Müller, *Zu Vorgeschichte...*, S. 101.

¹³⁷ 13 марта 1940 г. См. об этом вышеназванную статью Мюллера.

¹³⁸ Заметка 4-го обер-квартирмейстера генерального штаба сухопутных сил, генерал-майора Курта фон Типпельскирха, который вёл переговоры с Гиммлером, от 20 февраля 1940 г. цитирована по кн.: Müller, *Zu Vorgeschichte...*, S. 112.

¹³⁹ Посредником между Гиммлером и фон Браухичем был начальник общего управления в ОКВ генерал Рейнеке (см. выше прим. 34), о котором в последующем ещё не раз пойдёт речь.

¹⁴⁰ КТВ Halder, III, S. 135 (31.07.1941.). – В начале 1941 г. опять зашла речь о конфликте с СС, см. КТВ Halder, II, S. 322 (19.03), 345 (4.04), 372 (18.04), 390 (2.05). Уже в конце мая было достигнуто соглашение с Гиммлером: о «событиях на Востоке 1939 г.», – даже в самой армии! – не следовало более вспоминать, что впрочем явно не соблюдалось (*ibid.*, S. 482). Было ли сознательной тактикой Гиммлера постоянно напоминать главнокомандующему сухопутных сил об этих «проступках» 1939 г. и тем самым побуждать его к уступкам в вопросах идеологического ведения войны, источники не позволяют установить.

¹⁴¹ Подробной биографии Гальдера до сих пор нет. Сочинение его внучки, – Heidemarie Gräfin Schall-Riaucour, *Aufstand und Gehorsam*, – лишь частично заполняет эту лакуну. Гальдер представлен в нём как убеждённый борец, который в постоянных столкновениях с Гитлером пытался избежать худшего. Дискуссии удалось избежать благодаря результату работ Клауса-Юргена Мюллера (см. прим. 56 к гл. I и прим. 134 к гл. III). – Поскольку автор следовала исключительно версии Гальдера и отдавала предпочтение его интерпретации документов, эту биографию следует считать скорее заменой мемуаров, которые сам Гальдер писать не захотел. – Описание процесса формирования «преступных приказов» (*ibid.*, S. 161–164) недостаточно. Сравнение этого, следующее Гальдеру сочинения с источниками показывает, что возможности Гальдера к воспоминаниям были отнюдь не бесспорны. Это тем более важно, что он до сих пор считается одним из авторитетов в области военно-исторической литературы.

¹⁴² Groscurth-Tgb., S. 241. – Для понимания связи событий: Гроскурт за три недели до этого без поручения Гальдера информировал о событиях в Польше командующих армий и групп армий на Западном фронте, – как он сам писал, – «взбудоражил важнейшие части Западного фронта». Гальдер пытался теперь обязать его к более взвешенной

- в последующем позиции. Для оценки этого аргумента важно то, что он мог говорить в отношении Гальдера совершенно открыто.
- ¹⁴³ Аналогичные аргументы несколько позже приволил другой участник оппозиции, статс-секретарь в министерстве иностранных дел фон Вайцзеккер в отношении Хасселя: «...следует утешаться тем, что большие перемены в истории очень часто совершались в результате преступлений» (Groscurth-Tgb., S. 136, 27.05.1940). Это является указанием на ещё существовавшие в консервативных кругах иллюзии, а также на то, что достигнутые прежде успехи на дипломатическом поприще в целом приветствовались.
- ¹⁴⁴ Groscurth-Tgb., S. 93 (5.12.1939). Это подтверждается данными *дневника Гроскурта*, S. 236.
- ¹⁴⁵ Гальдер, вероятно, больше не поддерживал *эту* лозунг; однако то, что он, несмотря на свою неоднократно проявляемую антипатию, не был принципиальным противником Гитлера, ясно из его, приведенного выше ответа Томасу в начале декабря 1939 г.
- ¹⁴⁶ См., например, приведенную Гертом Бухгейтом (Buchheit, *Ludwig Beck*, München 1964, S. 165) запись Бека за июль 1938 г.
- ¹⁴⁷ Groscurth-Tgb., S. 247 (14.02.1940.).
- ¹⁴⁸ Хотя в отношении фон Браухича и сохранилось гораздо меньше источников, всё же можно считать, что его позиция была примерно такой же. Различные места в *дневнике Хасселя* указывают на то, что он был бы рад устранению режима, но ни в коем случае не желал сам проявлять в этом деле активность: *Ibid.*, S. 121; 123 (11.03, 19.03.1941.). Весьма характерно, что в марте 1941 г. он заметил, что в любом случае для действий против Гитлера «наверно ещё слишком рано»: *Ibid.*, S. 163 (2.03.1941.).
- ¹⁴⁹ Erich Kosthorst, *Die Deutsche Opposition gegen Hitler*, Bonn 1954, S. 57. На основании одного из сообщений Гальдера.
- ¹⁵⁰ См.: Müller, *Heer und Hitler*.
- ¹⁵¹ В том числе замена Шахта и фон Нейрата «истинными» национал-социалистами, отставка фон Бломберга и замена фон Фрича фон Браухичем.
- ¹⁵² Выяснить, какой вес имели подобные рассуждения в руководстве сухопутных сил, на основании имеющихся источников не представляется возможным.
- ¹⁵³ На это уже указывал Мюллер, *Heer und Hitler*, S. 579.
- ¹⁵⁴ *Ibidem*.
- ¹⁵⁵ О крайних победных ожиданиях военного руководства см. ниже гл. V, 3.
- ¹⁵⁶ Ввиду краха концепции блицкрига в декабре 1941 г. фон Браухич, – незадолго до своей отставки, – и Гальдер независимо друг от друга признали необходимость действий против Гитлера. Гальдер вскоре после этого сделал отзыв с характерным аргументом: «следует лишь дождаться начала [1942 г...].» (Hassell-Tgb., S. 212, 21 дек. 1941 г.).
- ¹⁵⁷ См. ниже гл. VI, 1.
- ¹⁵⁸ Желание руководства вермахта, – прежде всего Кейтеля, Йодля и Рейнеке, – представить ОКХ в состоянии недостаточной «идеологической твёрдости», в конце концов привело в конце 1943 г. к созданию НСФО. См.: Volker R. Berghahn, «NSDAP und „geistige Führung“ der Wehrmacht 1939–1943», *VfZ* 17 (1969), S. 17–71.
- ¹⁵⁹ Тем самым вермахт и армия не отличались от других правящих кругов в национал-социалистском государстве. Об этом см. также Reinhard Bollmus, *Das Amt Rosenberg und seine Gegner*, Stuttgart 1970, S. 236 f., и, особенно, сказанное на S. 236 о «приказе фюрера».
- ¹⁶⁰ Гальдер изменил своё мнение уже в январе 1940 г., когда он начал считаться с достигнутыми успехами: Groscurth-Tgb., S. 241 (13.01.1940.).
- ¹⁶¹ На значимость этого положения указывают Мюллер, *Heer und Hitler*, S. 11, и Мессершмидт, *Die Wehrmacht im NS-Staat*, S. 393 f.
- ¹⁶² Об этом см. весьма содержательные отрывки из *дневника Хасселя*, S. 132–140 (29.04–27.06.1940 г.).
- ¹⁶³ Об этом см. гл. V, 3. – Фон Хассель нашёл в конце мая 1940 г. «в высших слоях отчасти безудержное ликование, граничащее с планами передела мира высшего стиля. В других слоях, напротив, крайнюю подавленность ввиду того факта, что теперь на длительное время придётся считаться с неограниченным господством партии» (*ibidem*, S. 137). – См. также повторяемые Хасселем выпады против тех генералов, для которых карьера в худшем смысле слова, денежные выплаты и жезл фельдмаршала важнее, чем великие, поставленные на карту идеалы и

нравственные ценности» (*ibidem*, S. 271 (20.04.1940) и 143 (10.08.1940)).

¹⁶⁴ Müller, *Zu Vorgeschichte...*, S. 113.

¹⁶⁵ Цит. по.: Broszat, *Polenpolitik*, S. 186, прим. 93. В этом приказе позиция ОКХ также находит показательное выражение: согласие с мерами уничтожения, устранение армии от «этих дел». – В качестве следующего примера можно назвать будущего командующего 17-й армии, генерала пехоты Карла-Генриха фон Штюльпнагеля, который в 1939–1940 гг. был одним из активистов военной оппозиции в ОКХ (и 20 июля 1944 г. возглавил в Париже единственную успешную акцию сопротивления), а летом 1941 г. в своём сотрудничестве с зондеркомандой 4 b в деле истребления евреев существенно превзошёл предписанную по соглашению Гейдриха – Вагнера меру, см. ниже гл. VI, 5.

¹⁶⁶ То, что цель завоевания восточного пространства была перспективной целью внешней политики Германии и потому должна была играть существенную роль в воспитании генерального штаба, следует из упомянутой выше докладной записки фон Фрича в августе 1937 г. (см. прим. 11 к гл. II). – Главнокомандующий сухопутных сил фон Браухич в связи с дискуссиями по поводу наступления на Западе заявил 15 ноября 1939 г. 4-му обер-квартирмейстеру в генеральном штабе сухопутных сил, генералу фон Типпельскирху, что, мол, в нынешней войне речь идёт о том, чтобы «окончательно обеспечить Германии жизненное пространство»: Müller, *Heer und Hitler*, S. 544 f.

¹⁶⁷ Об этом, а также о проблеме последовательности внешней политики Германии в целом, см. Andreas Hillgruber, *Kontinuität und Diskontinuität*, Düsseldorf 1969.

¹⁶⁸ Национал-социалистская программа как раз потому и обладала такой притягательной силой, что являлась «совокупностью и диктатом всех существовавших в Германии с 1866–1871 гг. политических целей, экономических требований и идеологических представлений»: Hildebrand, *Deutsche Außenpolitik*, S. 80.

¹⁶⁹ Для правильного понимания этого положения следует принять во внимание уверенность в победе со стороны руководства вермахта и сухопутных сил, о которой сказано в гл. V, 3.

¹⁷⁰ Слова Гальдера в замечании на речь Гитлера от 30 марта: KTB Halder, II, S. 337.

¹⁷¹ Если, например, Гальдер уже 3 апреля хотел «суровыми карательными мерами в корне... задушить любое сопротивление *гражданского населения...*», а в плане «Барбаросса» вообще подверг сомнению только «коллективные меры насилия», то трудно предположить, что он мог испытывать какие-то сомнения, когда речь зашла о ликвидации комиссаров, которые вообще считались самой отвратительной категорией людей.

¹⁷² См. Hildebrand, *Op. cit.*, S. 80–83. – О возникновении современного антисемитизма и его экономических причинах см. Hans Rosenberg, *Grosse Depression und Bismarckzeit*, Berlin 1967, S. 88–117.

¹⁷³ Слова главнокомандующего военно-морскими силами, адмирала Редер в речи к дню памяти героев в 1939 г. (12.03.1939 г.), *IMG*, XXXV, S. 311, (653-D).

¹⁷⁴ Цит. по.: Müller, *Heer und Hitler*, S. 64.

¹⁷⁵ *Ibidem*, S. 88–141.

¹⁷⁶ Для оценки позиции Гальдера в отношении идеологического ведения войны представляет интерес письмо, которое он написал 6 августа 1934 г. начальнику генерального штаба Беку. В нём Гальдер противопоставлял, – после кровавой чистки 30 июня 1934 г., жертвами которой пали два его товарища-генерала! – «чистую и наполненную идеалистическим порывом волю канцлера» и деятельность внутри национал-социалистского движения некоей группы, олицетворявшей собой «коммунистическую угрозу»: «Мне во всяком случае ясно, что мятеж Рема был всего одним и, возможно, не самым опасным из нарывов, которыми покрыто больное тело Германии... Поэтому для нас так важна бдительность». Цит. по: Gert Buchheit, *Ludwig Beck*, S. 49 f.

¹⁷⁷ Messerschmidt, *Wehrmacht im NS-Staat*, S. 62.

¹⁷⁸ Заметка из дневника Йодля, цит. по: Groscurth-Tgb., S. 127, прим. 136. Гроскурт записал при этом: «Добровольческий корпус [судетских немцев] по предложению [Карла-Германа] Франка получил 3 дня для расправы со всеми нежелательными элементами!! Чудовищно! Однако теперь дело передано в руки тайной полевой полиции. Будет наведен порядок! Правда, эвакуация нежелательных элементов в концентрационные

лагеря может производиться только «по мере возможности» (*ibidem*). Дело в том, что Гроскурт, который в последующем занял очень резкую и смелую позицию в отношении политики в Польше и убийств евреев в оккупированных советских областях (см. гл. VI, 5), не возражал против ликвидации коммунистов, если она осуществлялась не по произволу и не по суду Линча. Его критика в этом случае была направлена против действий айнзацгрупп в отношении врагов немецкой нации.

¹⁷⁹ Приказ офицера абвера (I отдел абвера) разведотдела 4-й армии № 976/40 сов. секр. от 18.06.1940 г., подписанный командующим 4-й армии генерал-майором Бреннеке (ВА/МА АОК 4/W6969/28). – Происхождение этого приказа покрыто мраком. Процесс передачи приказа от ОКХ к войсковому командованию, насколько его можно восстановить, проливает яркий свет на позицию руководства сухопутных сил. Из документов квартирмейстера 18-й армии следует, что главнокомандующий сухопутных сил сначала, – 16 июня 1940 г., – отдал распоряжение обращаться с пленными немцами так же, как и со всеми другими пленными (отчёт о положении дел на Западе № 371 от 16.06.1940 г.). Однако несколько часов спустя он отдал распоряжение, приведенное в «Отчёте о состоянии дел на Западе» под № 372 от 16.06; по аналогии с другими приказами такого рода из этого можно сделать вывод, что в период между этими распоряжениями соответствующую «инициативу» проявил Гитлер, ОКВ или какой-то чересчур усердный офицер из ОКХ. На следующий день 4-й обер-квартирмейстер генерального штаба сухопутных сил (генерал-майор Курт фон Типпельскирх) уточнил вместе со штабом оперативного руководства, что «расстрелы... должны проводиться только по приговорам военно-полевых судов». Предположение, что этому следует придать видимость легальности, поскольку со стороны военных высказываются сомнения, было поддержано письмом старшего советника военной юстиции Латмана от 18 июня (Az 458 GenQu. (III) GenStdH № 14633/40). Это письмо Латман направил старшим советникам военной юстиции отдельных армий, – в качестве адресата был дополнительно назван

советник по правовым вопросам группы армий «А», что позволяет сделать заключение о его вмешательстве, – в качестве «разъяснения правового положения для личного ознакомления». Согласно ему «эмигранты, имеющие немецкое гражданство, чехи, австрийцы и т. д., которые принадлежат пространству Великой Германии, подлежат юрисдикции военно-полевых судов. Утверждение смертных приговоров, – другие наказания вообще не принимались во внимание, – в обход обычной практики входит в компетенцию уже полковых командиров. В качестве правового основания говорилось о том, что эмигранты, которые имели немецкое гражданство (ввиду того факта, что многие эмигранты были его лишены, – а это имело для задержанных большое значение, – ни о каком ограничении не шла речь ни в первоначальном распоряжении, ни в последующем приказе об исполнении!), «как другие немцы могли быть виновны в вооружённой помощи (§ 91а имперского уголовного кодекса) и пособничестве врагу (§ 91b имперского уголовного кодекса)». «На чехов, согласно распоряжению от 14 апреля 1939 г. о судопроизводстве в протекторате, распространялся ряд уголовных положений, имеющих значение для немцев, в том числе положение о государственной измене (вооружённая помощь и пособничество врагу)». Наряду с приведенным приказом 4-й армии 26 июня 1940 г. 18-й армией был отдан также приказ об исполнении и подписан её командующим фон Кюхлером. – Вообще приведенные Латманом правовые основания настолько убоги, что противоправный характер приказа обнаруживается тем более ясно. Приведённые параграфы, конечно, угрожают за соответствующее преступление суровым наказанием; а вот были ли они применимы ко всем эмигрантам в целом, сомнительно. Совершенно очевидно, однако, что вынесение приговоров находилось исключительно в компетенции штатных судов. Вынесение приговора военно-полевым судом (обычный его состав: 1 офицер, 1 унтер-офицер и 1 военнослужащий рядового состава), который устанавливал лишь тот факт, что задержанный – «эмигрант», без выяснения обстоятельств вины, без профессиональной подготовки и при предписанном

немедленном приведении приговора в исполнение, было всего на всего плохо прикрытой ликвидацией без судебного процесса. Это был тот способ правосудия согласно «народному волеизъявлению», который национал-социалисты уже в течение ряда лет хотели ввести на территории рейха, но который, правда, до сих пор практиковался только органами СС в концентрационных лагерях и в оккупированной Польше, а также тайной полевой полицией в Судетской области (все цитир. источники: *ВА/МА АОК 18/11271/3*; приказ об исполнении *АОК 18/ОQu/Ис/III, Nr. 1063/40* секр. от 24.06.1940: *АОК 18/11271/1*; курсив в ориг.).

¹⁸⁰ См. Messerschmidt, *Op. cit.*, S. 38. – Из непосредственных участников создания «преступных приказов» в ОКВ и ОКХ в добровольческом движении 1919 г. принимали участие Варлимонт и Вагнер, а также Гейдрих (как и Варлимонт в добровольческом корпусе Меркера). См. весьма интересные письма Вагнера (с такими же интересными высказываниями) от 26 апреля и 12 мая 1919 г. в книге Вагнера (*Op. cit.*, S. 29).

¹⁸¹ Указанная здесь непрерывность образует, конечно, только один аспект общего комплекса «добровольческого движения». – Надёжного описания добровольческого движения в целом до сих пор не существует. Новейшая попытка резюме (Hagen Schulze, *Freikorps und Republik 1918–1920*, Boppard 1969) имеет своим недостатком то, что Шульце некритически воспринимает антикоммунистические стереотипы прежних публикаций и слишком поспешно выносит за скобки вопрос о непрерывном переходе к национал-социализму, без чего описание всего комплекса по необходимости остаётся неполным. Если Шульце характеризует изданные исследовательским отделом сухопутных сил *Очерки послевоенной борьбы немецких войск и добровольцев* (в 7 т., 1936–1942 гг.), как «чисто деловое произведение... приятной объективности», которое представляет собой превосходное основание для проверки первоисточников (S. 353), то это позволяет сделать вывод о явном недостатке критического подхода. *Очерки* в значительной степени состоят из первоисточников, которые Шульце хочет по ним проверить, и партийность того слоя, который

желает изобразить добровольческий корпус как «предшественника и проводника лучшего, – то есть нацистского, – будущего» (предисловие имперского министра обороны фон Бломберга ко 2-му тому, S. 5) явно бросается здесь в глаза.

О целях добровольческого корпуса на Востоке см. работу командующего добровольческим корпусом в Прибалтике, графа Рюдигера фон дер Гольца, *Meine Sendung in Finnland und im Baltikum*, Leipzig 1920, S. 127. Согласно ей фон дер Гольц намеревался в изменённой форме осуществить восточные цели 3-го ОХИ, причём поначалу борьба против большевизма должна была служить предлогом в отношении союзников. См. также приведенные Шульце (*Op. cit.*, S. 171 f.) планы «Железной дивизии» создать на Востоке плацдарм для борьбы против Антанты и правительства в Берлине.

С пренебрежением всеми гражданскими нормами, которое пропагандировалось в добровольческом корпусе, было связано устранение международных принципов ведения войны. Пленных, как правило, не брали; «большевистских вождей», – это понятие использовалось крайне произвольно, – расстреливали на месте; см. *Очерки*, т. 2: *Кампания в Прибалтике...*, Берлин, 1937, S. 5, 7, 12, 38, причём монография весьма сдержанна. См. описание ликвидации одного комиссара в кн.: Ernst von Salomon, Hrsg., *Das Buch vom deutschen Freikorpskämpfer*, Berlin 1938, S. 156. Обе монографии умалчивают о том, что при взятии прибалтийских городов Митавы, Туккума, Динамюнде было уничтожено несколько сотен, а при взятии Риги – 3 000 «большевиков»: Robert G. L. Waite, *Vanguard of Nazism*, Cambridge (Mass.), 1952, S. 118 f.

«Белый террор» был обусловлен «красным террором», который ему предшествовал, но который бледнеет по сравнению с белым. Эта оценка Вайте подтверждается, если рассмотреть борьбу вокруг Баварской Советской Республики и в Рурской области в 1919–1920 гг. Шульце, который рассматривает «красный террор» как причину и оправдание «белого террора», в качестве примера «красного террора» в Мюнхене может привести лишь расстрел 12 человек и должен согласиться с тем, что последовавший за

ним «белый террор» привёл к сотням жертв (*Op. cit.*, S. 98 f.); да и во время Рурского восстания со стороны правительства пало 250 человек, а со стороны повстанцев – тысячи. Однако это не помешало Шульце приписать главную ответственность за это «коммунистам». Он, правда, не учёл, что при подавлении Баварской Советской Республики изначально был отдан приказ никому не давать пощады, а нежелательных пленников расстреливать «при попытке к бегству» (см.: Н. und E. Hannover, *Politische Justiz 1918–1933*, Frankfurt, 1966, S. 54 f.). Из периода борьбы в Рурской области сохранился тайный приказ командующего в VI корпусном округе, генерала фон Виттера от 22 марта 1920 г., который следует рассматривать как приказ не брать пленных:

«Уже теперь следует ознакомить войсковых командиров с тем, что для сражающихся войск и подразделений будет большой обузой захват в плен большого количества лиц... Массу пленных некуда будет эвакуировать, а охранять их мы не можем». Цит. по: Erhard Lucas, *Märzrevolution im Ruhrgebiet*, Bd. I, Frankfurt, 1967, S. 307 f.

Согласно всему этому внешние соответствия с национал-социалистской символикой, частое употребление в качестве значков свастики и мёртвой головы (см. абб. у Саломона, *Op. cit.*), а также название журнала бывших добровольцев («Der Reiter gen Osten») представляется неслучайным.

^{181a} Ic/АО = Abwehroffizier in der Abt. Ic. То есть офицер абвера (военной разведки) в разведывательном отделе (дивизии, армии, группы армий). См. прим. 83а. – *Прим. перев.*

¹⁸² Отчёт офицера абвера разведотдела тылового района группы армий «Север» за 16–30 июня 1941 г., *ВА/МА RH 22/v. 221*, л. 66. По-видимому, ликвидацию согласно приказу о комиссарах следовало доверять СД: «При разведывательном отделе находится связной от полиции [то есть от айнзацкоманды]; политических комиссаров следует передавать в разведотдел». К этой тенденции, «сохранять чистым мундир вермахта», а «подобные дела» передавать айнзацкомандам, позднее ещё вернулись.

¹⁸³ Аналогичным образом утверждалось, будто Красная Армия не берёт пленных, но тут же убивает попавших ей в руки солдат. Этот

постулат применялся в качестве оправдания варварского обращения с советскими пленными. Только 31 марта 1943 г. начальник службы содержания военнопленных направил просьбу в управление разведки и контрразведки получить от военного атташе в Хельсинки хоть какие-то сведения об обращении с финскими пленными во время «зимней войны» 1939–1940 гг.

¹⁸⁴ Различия во взглядах между руководством сухопутных сил и национал-социалистским руководством, а также руководством вермахта должны были получить практическое, но отнюдь не решающее значение только после краха концепции блицкрига в конце 1941 г. Тем, которые рассматривали войну на Востоке в первую очередь как борьбу против революции, а не как расовую борьбу, следовало как можно скорее готовиться к тому, чтобы настоять на изменении проводимой на Востоке политики и попытаться путём более гибких методов господства приобрести союзников в борьбе против Советского Союза.

¹⁸⁵ См. их описания в приказе о комиссарах (гл. III, 3), а также в пропаганде вермахта (гл. VI, 1).

¹⁸⁶ См. приведенные выше цитаты из проекта Мюллера относительно приказа о комиссарах.

¹⁸⁷ Messerschmidt, *Op. cit.*, S. 408 f.

¹⁸⁸ Hassell-Tgb., *Op. cit.* S. 186 f. Хассель продолжает: «Бытовало мнение, что командующие корпусами и пр. *все же* откажутся выполнять приказ и тем самым дадут делу ход (то есть падению правительства). Я в этом усомнился» (курсив в ориг.). Хассель очень рано узнал от Бека и Остера об этом приказе, см. выше прим. 42. За несколько дней до вторжения он и Попиц уговаривали Бека, «как самого видного представителя своего сословия... написать Паппенхейму [фон Браухичу] и убедить его выступить против приказа об убийствах» (*Op. cit.*, S. 189). Бек уже выразил по этому поводу своё возмущение. Но писал ли он такое письмо – неизвестно; воспоминания Бека (в *ВА/МА*) не содержат на этот счёт никаких указаний. Впрочем, об исходе подобного вмешательства Бек не мог питать никаких иллюзий. В феврале 1940 г. он и Попиц сумели убедить 90-летнего генерал-фельдмаршала фон

Макензена выразить в качестве пожилого немецкого офицера своё возмущение фон Браухичу по поводу убийств в Польше («Уважение и честь [армии] не могут быть запятнаны получившими уже известность преступлениями наёмных подонков и выпущенных на свободу преступников»), но без всякого успеха. (См. письмо Макензена с нелюбезным ответом фон Браухича в кн.: Müller, *Heer und Hitler*, S. 675 f.).

¹⁸⁹ Warlimont, *Op. cit.*, S. 184, 180 f., а также его показания на процесса по делу ОКВ: *Trials of War Criminals Before the Nuernberg Military Tribunals*, Bd. X, (zit.: Trials), S. 1077. – Об этом см. Uhlig, *Op. cit.*, S. 317 с прим. 45.

¹⁹⁰ См. гл. VI, 1.

¹⁹¹ См. приведенный ниже в гл. VI, 5 пример из 295-й пехотной дивизии.

¹⁹² См. Messerschmidt, *Op. cit.*, S. 95 f. Мессершмидт доказал на основании многих примеров, насколько руководство рейхсвера, а позднее вермахта и сухопутных сил само способствовало разрушению этого согласия и в какой степени офицерский корпус уже к началу войны оказался проникнут идеями национал-социализма. Клаус-Юрген Мюллер также приходит к выводу, что уже в 1934 г. в связи с увольнением еврейских солдат из рейхсвера и «путчем Рема» были нарушены основы «автономной групповой морали» офицерского корпуса и что с тех пор любой призыв к ней со стороны руководства рейхсвера следовало расценивать «не более, чем слова»: *Heer und Hitler*, S. 85 f., 140. Кроме того, Андреас Хильгрубер (*Hitlers Strategie*, S. 529) справедливо обратил внимание на то, что социальных предпосылок для типа вроде фон дер Марвица-Фридерсдорфа, который «избирал немилость там, где верность не могла принести чести», или для идеала офицерства эпохи прусских реформ, который был в моде в XIX веке до эпохи Бисмарка, – даже если вне узкого круга это хотя бы приблизительно соответствовало действительности, – к началу эпохи национал-социализма более не существовало.

¹⁹³ См. Messerschmidt, *Op. cit.*, S. 210–305. – В связи с этим интерес также вызывает тот факт, что Гальдер в декабре 1939 г. в беседе с Томасом отказался от государственного переворота и т. д. по той причине, что моло-

дой офицерский корпус был якобы не вполне надёжен: Groscurth-Tgb., S. 237.

¹⁹⁴ См. приведенные в книге Мюллера («Zu Vorgeschichte...», S. 103, 116–120) случаи, а также КТВ Halder, II, S. 294, 307, 342, 344 f. ¹⁹⁵ 14 июля 1941 г., в то время, когда война на Востоке казалась уже выигранной, Гитлер в присутствии японского посла Ошимы заявил, что «он, дескать, испытывает огромное доверие к немецкому вермахту... У него якобы исторического формата маршалы и прехвосходный офицерский корпус». (Andreas Hillgruber, Hrsg., *Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler*, Bd. I, Frankfurt 1967, S. 605 f.). То, что это высказывание следует расценивать не как обязательный пропагандистский акт, доказано Шпеером в приведенных им в его «Воспоминаниях» (S. 184 f.) высказываниях Гитлера в самом узком кругу.

Данные, которые приводят в качестве доказательств распространённого тезиса о том, что Гитлер якобы постоянно с сильным недоверием относился к армии, относятся, как правило, к периоду после ноября 1941 г., то есть после краха немецкого наступления на Москву и зимнего кризиса 1941–1942 гг., в процессе которого Гитлер потерял доверие к военному командованию. Бывший адъютант Гитлера при сухопутных силах, генерал Энгель также утверждает, что в начале 1941 г. Гитлер ещё не выступал так «рьяно» против вермахта: Betz, *Op. cit.*, S. 132. Не говоря уже о том, что взглядам Гитлера также было свойственно развитие, приведенный тезис игнорирует тот факт, что его позиция в отношении вермахта и сухопутных сил отнюдь не была прямойлинейной.

¹⁹⁶ Согласно заметке в КТВ ОКВ, I, S. 114 (8.10.1940), подчинённое генералу Рейнеке общее управление в ОКВ предложило «слияние вермахта и «ваффен-СС» на основе широких задач военного права, смешении понятия обороны и всех естественных различий, а также на основе отказа от верховного надзора военных». Уже в ноябре 1939 г. Рейнеке ходатайствовал об учреждении из 4-х авторитетных руководителей СС ведомства «идеологического руководства» при отделе имперских территорий общего управления ОКВ: Groscurth-Tgb., S. 227 (9.11.1939.).

¹⁹⁷ О соответствующем соглашении, которое в июне–июле 1941 г. было заключено между

подчинённым генералу Рейнеке отделом по делам военнопленных в ОКВ и РСХА, см. гл. VI, 2.

¹⁹⁸ См. гл. VI, 6.

IV. Планирование использования завоеванных земель

¹ См. Görlitz, *Keitel*, S. 286; более дифференцировано: Dallin, *Deutsche Herrschaft*, S. 422–424; Jacobsen, «Kommissarbefehl», S. 163 f.; Kurt W. Böhme, *Absicht oder Notstand?*, Bonn 1963. Господин Бёме весьма любезно предоставил мне свой экземпляр этой брошюры.

² Dietrich Eichholtz, *Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft*, Berlin (Ost), 2. Aufl. 1971, (zit.: Eichholtz, *Geschichte*), S. 231 f. См. Thomas, *Op. cit.*, S. 261 f., 266 ff.

³ Шуберт также был экспертом по России; в 1914–1917 гг. он был руководителем группы по России отдела иностранных армий верховного командования, затем в 1918 г. военным уполномоченным верховного командования и военным атташе при германском посольстве в Москве: Winfried Baumgart, *Deutsche Ostpolitik 1918*, München 1966, S. 454.

⁴ Документ управления военной экономики и вооружения № 10/41 сов. секр. от 13 февраля 1941 г., опублик. в кн.: Thomas, *Op. cit.*, S. 514–532; см. стр. 267.

⁵ *Ibid.*, S. 517, курсив в ориг.

⁶ Так у Вольфганга Биркенфельда, издателя «Истории» Томаса, *Ibid.*, S. 17.

⁷ Hassell-Tgb., S. 155 f. (23.12.1940); см. донесение СД о моральном духе № 111 от 1 августа 1940 г. и № 143 от 21 ноября 1940 г.: *Meldungen aus dem Reich*, hrsg. v. Heinz Boberach, München 1968, S. 106 ff., 121 ff.

⁸ К каким последствиям в национал-социалистской верхушке привели такие «осторожные» оценки, можно заключить из протокола заседания Геринга с рейхскомиссарами, то есть командующими вооружёнными силами на оккупированных территориях, на котором определялась используемая квота на 1943 г. Диалог между Герингом и начальником группы сельского хозяйства военно-экономического штаба «Восток» Рике протекал следующим образом:

«Геринг: Теперь давайте посмотрим, что мо-

жет поставить Россия. Я думаю, Рике, что со всей русской территории можно будет добыть 2 млн. т хлеба и фуража.

Рике: Их можно будет добыть.

Геринг: Итак, нам нужно будет изъять 3 млн. т., включая вермахт.

Рике: Нет, то, о чём шла речь, рассчитано только на вермахт.

Геринг: Тогда поставьте ещё 2 млн. [в Германию].

Рике: Нет.

Геринг: Тогда 1,5 млн.

Рике: Да.

Геринг: Хорошо!». *IMG*, XXXIX, S. 406, 170-USSR.

⁹ Военно-экономическому штабу «Восток» был предпочтён военно-экономический руководящий штаб «Восток», руководство которым номинально осуществлял Геринг. Обязанности постоянного представителя Геринга исполнял его статс-секретарь в управлении 4-летним планом Пауль Кёрнер; то есть управление 4-летним планом Геринга имело в этом органе явный перевес. Далее следовали статс-секретари Герберт Баке (имперское министерство продовольствия), Фридрих Сируп (имперское министерство труда), генерал фон Ханнекен (имперское министерство экономики) и Фридрих Альперс (имперское управление лесного хозяйства). Отдельные группы военно-экономического штаба «Восток» возглавлялись министромскими чиновниками отдельных ведомств: во главе административной группы стоял начальник военно-административного отдела доктор Муссет, который одновременно являлся представителем Шуберта; группу сельского хозяйства возглавлял начальник военно-административного отдела министерства-директор Ганс-Йоахим Рике (имперское министерство продовольствия); во главе промышленной группы стоял начальник военно-административного отдела министерства-диригент Густав Шлоттерер (имперское министерство экономики); главой группы труда был начальник военно-административного отдела министерства-диригент доктор Рахнер (имперское министерство труда); группу лесного хозяйства возглавлял начальник военно-административного отдела Барт (имперское управление лесного хозяйства). (По кн.: Eichholtz, *Ge-*

- schichte*, S. 234 f., добавлено на основании документов из BA R 41/136; -/147; -/247). До сих пор наиболее подробно процесс возникновения военно-экономического штаба «Восток» изложен у Эйхгольца (*Op. cit.*, S. 213–246). Деятельность военно-экономического штаба «Восток» и использование оккупированных советских территорий ещё ждут своего исследователя.
- ¹⁰ Из-за критического положения со снабжением пищевыми и техническими жирами.
- ¹¹ *IMG*, XXXI, S. 84, 2718-PS. – докладная записка взята из документов генерала Томаса (Eichholtz, *Op. cit.*, S. 239, прим. 150), который по всей видимости присутствовал на совещании. Точно так же, очевидно, там присутствовали работавшие в штабе руководства военной экономикой статс-секретари Кёрнер, Баке, фон Ханнекен, а также руководитель военно-экономического штаба «Восток» Шуберт.
- ¹² Документ группы сельского хозяйства военно-экономического штаба «Восток» от 23 мая 1941, *IMG* XXXVI, S. 135–157, 126-EC. Кто принимал участие в разработке этих директив, установить невозможно. О некоторых моментах даёт знать рукопись статс-секретаря Баке, который был «одним из самых решительных борцов за идею автаркии» (Dieter Peitzina, *Autarkiepolitik*, Stuttgart, 1968, S. 61), но маловероятно, что именно он был её автором. Скорее всего директивы являются результатом работы экспертов по сельскому хозяйству под руководством министерия-дирижента Рике, причём ряд идей был, конечно, подан начальником Рике – Баке.
- ¹³ Сравнительный анализ этих военных целей, а также «более разумной» восточной политики, к которой призывали отдельные представители министерства по делам восточных территорий и руководства сухопутных сил, с военными целями и восточной политикой немецкого руководства во время I Мировой войны несомненно был бы очень интересен, но невыполним в этой работе.
- ¹⁴ 126-EC, S. 148.
- ¹⁵ *Ibidem*, S. 148 f., курсив в ориг.
- ¹⁶ При этом следует обратить внимание на то, что зерновые продукты (хлеб, крупы и т. д.) для советского населения, как основные продукты питания, имеют существенно большее значение, чем для немецкого народа.
- ¹⁷ 126-EC, S. 138, курсив в ориг.
- ¹⁸ Курсив в ориг. – Наряду с этим следует заметить, что эта целевая установка, конечно, находилась в противоречии с планированием промышленного сектора, в особенности с планированием использования промышленных мощностей заинтересованными предпринимателями частной промышленности.
- ¹⁹ *Ibidem*, S. 140 f. – Идея резко сократить население великорусских территорий, в частности «вытеснить его в Сибирь», постоянно всплывает в планах национал-социалистского руководства. См. опубликованные Робертом М.В. Кемпнером во «Франкфуртском обозрении» (№ 140 от 22 июня 1971 г.) записки Розенберга (за 1 июня 1941 г.). Далее «Генеральный план «Восток», *VfZ* 6 (1958) и планы по уничтожению Ленинграда осенью 1941 г., см. ниже прим. 200 к гл. VII.
- ²⁰ См. протокол 11-го заседания генерального совета 24 июня 1941 г., V.P. № 10103/41 g. Rs., *BA/MA* Wi.IF/ 5.1189, на котором Баке отстаивал аналогичные требования.
- ²¹ 126-EC, S. 144 f., 155, курсив в ориг.
- ²² *Ibidem*, S. 143. – Во всяком случае эти расчёты изначально существовали у Розенберга (см. его речь перед узким кругом сотрудников от 20 июня 1941 г., *IMG* XXVI, S. 610–627, bes. 616 = 1058-PS), но это не было убеждением, за которое он упорно цеплялся. Не прошло и месяца, как Гитлер и Геринг объяснили ему, что беспощадная эксплуатация и террористический режим являются абсолютными приоритетами, и Розенберг не стал возражать. См. уже упомянутую записку Бормана о совещании 16 июля 1941 г. у Гитлера, *IMG* XXXVIII, bes. S. 89–91 = 221-L.
- ²³ *BA/MA* W 08-1/3, издан в отрывках: *IMG* XXVIII, S. 3/15, 1743-PS. Из-за большого круга адресатов эти директивы не были сформулированы столь откровенно и ожидаемые последствия не были упомянуты. Впрочем, адресаты едва ли остались в неведении относительно последствий. – О необходимости заботиться о питании военнопленных не было сказано ни слова.
- ²⁴ *IMG*, XXXIX, S. 366–371, 089-USSR, цит. по стр. 371.
- ²⁵ Сначала Геринг и Гиммлер, а также рейхс-комиссары Кох («Украина») и Лозе («Ост-

ланд»), которые пытались осуществлять свои собственные представления о «новом обустройстве» Востока, а с 1942 г. также Шпеер и Заукель, которые одержали верх над интересами Розенберга.

²⁶ Во всяком случае такое впечатление получается из записок Розенберга на этом этапе. См. записки Розенберга от 2.04, 11.04, 1.05, 6.05, 1.06.1941 г., *Франкфуртское обозрение*, № 140 от 22 июня 1971 г., С. 3.

²⁷ См., например, докладные записки от 2.04.1941 г. (1017-PS); от 7.04.1941 г. (1019-PS); от 29.04.1941 г. (1024-PS), а также речь от 20.06.1941 г. (1058-PS); *IMG XXVI*, S. 547–566; 610–627. Кроме того, см. упомянутые выше записки Розенберга.

²⁸ «Докладная записка № 1» от 2 апр. 1941 г., 1017-PS.

²⁹ Речь от 20 июня 1941 г., 1058-PS, цитата на S. 625, 612 f., курсив в ориг.

³⁰ *Ibidem*, S. 622.

³¹ Документ отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта № 44 560/41 сов. секр. от 19 мая 1941 г., отрывки из которого опубликованы в кн.: *Trials*, X, S. 991. Документ генерал-квартирмейстера № 050/41 сов. секр., дело № 6, «распоряжения о снабжении», *ВА/МА RH 22/v. 11* (там имеется только часть «С»). См. «Выписки из совещания у генерал-квартирмейстера 15 мая 1941 г.», *op. cit.*, (Запись из штаба командующего тыловым районом группы армий «Юг»). – О беседах военных с Томасом см. *KTB Halder*, II, S. 328 (25.03.), 338 (31.03.).

³² Документ отдела снабжения сухопутных сил № I/4385/41 сов. секр. от 6 июля 1941 г., «Размышления о снабжении во время продолжения боевых действий с дальнейшей целью», *ВА/МА АОК 17/14311/2*. Это исследование предположительно принадлежит генерал-квартирмейстеру Вагнеру, который 3 июля 1941 г. делал доклад по этой теме у начальника генерального штаба Гальдера: *KTB Halder*, III, S. 39, 3.07.1941 г.

³³ То есть на расстоянии 1000–1500 км по прямой от достигнутых тогда позиций. Гальдер уже 3 июля считал войну выигранной и ожидал скорого взятия Москвы: *Ibidem*, S. 38 f. (3.07.1941).

³⁴ Розенберг в своих записках от 1 июня 1941 г., см. прим. 19.

³⁵ О необходимости обеспечения немцев пи-

танием постоянно говорится в названных источниках, см. 1058-PS, S. 622, документ штаба оперативного руководства вермахта № 44560/41 сов. секр. от 19 мая 1941 г. (см. выше прим. 31); распоряжение генерал-квартирмейстера от 6.07.1941 г. Об этом см. также протокол 11-го заседания генерального совета от 24.06.1941 г. под председательством статс-секретаря Кёрнера, *VJPI/V.P. 10103/1 g.Rs.*, *ВА/МА Wi/IF 5.1189*.

V. Организационные приготовления по обращению с военнопленными согласно плану «Барбаросса»

¹ См. распоряжение генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/0315/41 сов. секр. от 3 апреля 1941 г., *ВА/МА RH 22/v. 11*. Уже осенью 1941 г. в тыловом районе сухопутных сил было создано несколько окружных комендатур по делам военнопленных; летом 1942 г. все они в зоне ответственности каждой группы армий были подчинены «начальнику служб содержания военнопленных в прифронтовой зоне...». См. гл. XI, 1.

^{1a} В 1940 году территория Германии делилась на 17 корпусных округов (*Wehrkreise*), которые примерно соответствовали советским военным округам. Позже их количество возросло. – *Прим. переа.*

² Об изменениях, которые последовали в связи с назначением Гимmlера командующим армией резерва 21 июля 1944 г. см. ниже гл. XII.

³ См. прим. 52 и 53 к гл. VI.

⁴ Ганс-Йоахим Брейер (1880–1945). 1942 г. – полковник; до 28.02.1943 г. – начальник «общего отдела» службы по делам военнопленных; затем переведён из ОКВ на должность коменданта лагеря для военнопленных. В отделе международного права управления разведки и контрразведки, который заботился о соответствии обращения с советскими военнопленными международным нормам, Брейер считался «умным и любезным человеком»: сообщение проф. доктора Гюнтера Енике от 22.06.1970 г. Проф. Енике был в 1939–1942 гг. сотрудником этого отдела. См. ниже гл. X.

⁵ Герман Рейнеке (1888–1973); с 1935 г. – начальник отдела имперских территорий в

военном управлении имперского министерства обороны; в 1939–1945 гг. – начальник общего управления ОКВ; с 1943 г. – начальник штаба национал-социалистского руководства в ОКВ; 1939 г. – генерал-майор; 1940 г. – генерал-лейтенант; 1942 г. – генерал пехоты. – После войны в ходе процесса над ОКВ Рейнеке, – единственный обвиняемый наряду с Варлимонтом, – был приговорён к пожизненному заключению, но в 1957 г. – помилован и освобождён. – Рейнеке среди прочего мог принимать личные решения в следующих сферах: «Всё, что должно было представляться на усмотрение начальника ОКВ, как то освобождение из плена, передача из плена в руки полиции [т. е. гестапо], основные принципы обращения с русскими военнопленными и вообще принципиальное смягчение предписанных положений»: Ответы Рейнеке на вопросы Кейтеля в ноябре 1945 г. в завещании Кейтеля, *ВА/МА № 54/30*. – Более подробно о Рейнеке см. Streit, *General Hermann Reinecke*, 1997.

⁶ Ганс фон Гревениц, род. 1894 г.; с 1 августа 1938 г. по 31 декабря 1941 г. – начальник службы пенсионного обеспечения в общем управлении ОКВ; с 1 января 1942 г. по 31 марта 1944 г. – начальник службы по делам военнопленных; с 1 апреля 1944 г. – начальник резервов; с 12 июля 1944 г. – командир 237-й пехотной дивизии; в 1945–1950 гг. – в югославском плену; 1 февраля 1942 г. – генерал-майор; 1 августа 1944 г. – генерал-лейтенант. Поскольку Гревениц ещё до своего назначения начальником службы по делам военнопленных подчинялся Рейнеке, его назначили на эту должность предположительно по протекции Рейнеке. – Я хотел бы от всего сердца поблагодарить господина Рейнхарда Штумпфа за то, что он предоставил в моё распоряжение хранившиеся у него личные дела и биографии работавших в службе по делам военнопленных генералов. – Полковник Брейер стал в качестве представителя Гревеница начальником «общего отдела по делам военнопленных». Преобразование службы по делам военнопленных в ведомственную группу, – обозначение не совсем правильное, но употреблённое здесь весьма кстати, – состоящую из «общего отдела по делам военнопленных» и «организации военнопленных»,

произошло после того, как задачи службы невероятно возросли из-за огромного количества советских пленных. В источниках же постоянно употребляется сокращённая форма «ОКВ/Kgf.», причём часть документов идентифицируется вполне определённо благодаря данным дневника. Данные всего заглавия сохранились, но процесс принятия решений внутри службы по делам военнопленных всё равно не может быть полностью выяснен.

⁷ Адольф Вестгоф, род. 1899 г.; с 1.04.1944 г. – начальник службы по делам военнопленных в ОКВ; с 1.10.1944 г. – генеральный инспектор службы по делам военнопленных в ОКВ (отвечал за оставшиеся в сфере ОКВ вопросы и подчинялся Рейнеке); с 1944 г. – генерал-майор. – Вестгоф уже с 1943 г. в качестве преемника Брейера возглавлял «общий отдел» службы по делам военнопленных.

⁸ См. ниже гл. XII.

⁹ Во время процесса над ОКВ Рейнеке старался переложить ответственность в первую очередь на Гитлера и Бормана, а также Кейтеля, который в 1946 г. уже был казнён, и во вторую очередь – на генерал-квартирмейстера сухопутных сил и командующего армией резерва, генерал-полковника Фромма; см. его показания: *Proz. Prot. deutsch*, S. 7026–7262; 7280–7400; далее, его подготовленную в Нюрнберге для Кейтеля разработку «ОКВ и служба по делам военнопленных» от 1 февраля 1946 г. и уже упомянутые ответы на вопросы Кейтеля, оба завещания Кейтеля, № 54/30. Об этом см. сл. главу.

¹⁰ Messerschmidt, *Wehrmacht im NS-Staat*, S. 239. – Подробный анализ, конечно, позволил бы установить различную степень доверия этих генералов к Гитлеру, но всё равно это не имело бы для данного утверждения принципиального значения. – То, что Рейнеке говорил в ходе процесса над ОКВ об эволюции своих политических взглядов, звучит весьма правдоподобно и, по-видимому, было характерно для большей части офицерского корпуса, а именно: в 1918 г. он, как королевский прусский офицер, был убеждённым монархистом, пережил восстание Спартака и инфляцию, – которые, очевидно, произвели на него глубокое впечатление, – и постепенно стал республиканцем национал-либерального направления. При-

ход к власти национал-социалистов он при-
ветствовал как спасение от коммунизма:

«В целом я равнялся на результаты и на то,
что было сказано. Хотя в конце концов ре-
шающее значение имела не партийная про-
грамма, но практическое управление госу-
дарством. И в этом смысле национал-соци-
алисты, говоря, что «общее благо выше лич-
ного», обещали тогда создание народного
единства в противовес разрушительной и
раскалывающей обществу классовой борь-
бе, защиту рабочего класса и борьбу против
безбожия, которое тогда уже пустило глибо-
кие корни в Германском государстве...».

Он примкнул к народному антисемитскому
движению и не совсем от него отказался:
«Нет, я... я не относился к тем, которые по-
стоянно были против этого». Правда, после
«хрустальной ночи» он якобы засомневался
(*Proz. Prof. deutsch*, S. 7014–7021).

¹¹ Показания руководителя 2-го отдела абвера
в управлении разведки и контрразведки,
генерал-майора Эрвина Лахуэна, *IMG*, II,
S. 501.

¹² Слова Рейнеке в декабре 1938 г. в докладе
перед командирами, 4060-PS, по кн.: Mes-
serschmidt, *Op. cit.*, S. 234 с прим. 825.

¹³ Выпуск 5, 1 (1939 г.), «Еврей в истории Гер-
мании», цит. по: Messerschmidt, *Op. cit.*,
S. 354.

¹⁴ См. выше прим. 196 к гл. III.

¹⁵ О роли Рейнеке при этом см. Messerschmidt,
Wehrmacht im NS-Saat, S. 441–480; Waldemar
Besson, «Zur Geschichte des Nationalsozialis-
tischen Führungsoffiziers» (1961); Gerhard L.
Weinberg, «Adolf Hitler und der NSFO»
(1964); Volker R. Berghahn, «NSDAP und
'Geistige Führung' der Wehrmacht» (1969);
Arne W.G. Zoepf, *Wehrmacht zwischen Tradi-
tion und Ideologie* (1988); Streit, «General Her-
mann Reinecke», 1997.

¹⁶ Рейнеке, которого Гитлер иногда приглашал
к столу (например, 17 окт. 1941 г., см. упо-
мянутое в прим. 55 к кн. VII сообщение
штандартенфюрера СА доктора Кёппена, и
11 августа 1942 г., см. Table Talk, S. 625),
18 января 1943 г. был награждён золотым
партийным значком, а 30 апреля 1944 г. так-
же почётным значком Гитлерюгенда. На
процессе по делу ОКВ он заявил, что это
якобы было хитрым ходом со стороны Бор-
мана, чтобы отметить его как члена партии:

Prot. dt., S. 7044 f. Но остаётся фактом, что
Рейнеке уже в 1934 г. пользовался в партий-
ной канцелярии репутацией убеждённого
национал-социалиста и что по крайней мере
с 1937 г. он ратовал за самое тесное привле-
чение вермахта к национал-социализму.
С 25 октября 1943 г. он – член НСДАП. Его
назначение начальником штаба национал-
социалистского руководства 22 декабря
1943 г. было в этом отношении отнюдь не
случайным. Кейтель в краткой характерис-
тике от 31 марта 1944 г. утверждал, что Рей-
неке «с воодушевлением взялся за своё но-
вое поручение»: Личное дело (Кор.), IfZ, Zs.
1344, Bd. I; см. Streit, «General Hermann Rei-
necke», 1997.

¹⁷ Документы, приведенные в кн.: Helmuth
Forwick, «Zur Behandlung alliierter Kriegs-
gefangener im Zweiten Weltkrieg», *MGM 2/*
1967, S. 119–134, дают по этому поводу бо-
гатый материал. К сожалению, автор не раз-
деляет данную точку зрения.

¹⁸ См. гл. X.

¹⁹ См. публикацию сообщений о таких ин-
спекциях в журнале Международного Коми-
тета Красного Креста, *Revue Internationale de
la Croix-Rouge*, 21 (1939) f.

²⁰ Женевская конвенция, статьи 86–88.

²¹ Телеграмма начальника оперативного отде-
ла при генерал-квартирмейстере сухопутных
сил № 7739/40, секр. от 31 мая 1940 г. в
штаб 4-й армии, *BA/MA W 6969/28*.

²² Forwick, *Op. cit.*, S. 127, прим. 34.

²³ Документ отдела по делам военнопленных в
ОКВ № 3900/42 от 11 апреля 1942 г., *BA/MA
Wi VIII*, 21: «унтер-офицерам, которые
уклоняются от работ, следует ещё раз ука-
зать на целесообразность немедленного
включения в трудовой процесс, так как в
противном случае они «ввиду надрывающе-
гося на работах немецкого населения будут
переведены в лагеря за пределами рейха [то
есть на Восток]» (курсив в ориг.). Эти лаге-
ря, вроде Равы Русской в генерал-губерна-
торстве, внушали страх из-за царивших там
ужасающих условий жизни.

²⁴ КТВ Halder, II, S. 357 (9.04.1941).

²⁵ КТВ Halder, II, S. 368 (15.04.1941). – Же-
невская конвенция, статья 31; Гагская кон-
венция о ведении сухопутной войны 1899 г.
(текст RGBI. 1901, S. 423–454), статья 6;
Гагская конвенция 1907 г. (текст RGBI.

- 1910, S. 107–151), статья 6. – Югославия ратифицировала все три конвенции.
- ²⁶ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 2429/41 от 23 апр. 1941 г.; согласно приказу отдела по делам военнопленных в ОКВ № 6421/41 от 23 сент. 1941 г они, – но не поляки, – были уравнены в этом отношении с «западными пленными»: *ВА/МА Wi VIII*, 21.
- ²⁷ Forwick, *Op. cit.*, S. 127, прим. 34. О гораздо худшем положении сербов среди военнопленных см. отчёт о визите делегации Международного Комитета Красного креста в стационарный лагерь II С Грайфсвальд, 25 окт. 1941 г., в: *Revue...*, 23 (1941), S. 976.
- ²⁸ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 5194/41 = «Сводные уведомления» № 4 от 1 сент. 1941 г., *ВА/МА RW 6/v.270*. «Сводные уведомления» были собранием приказов отдела по делам военнопленных, которые были отданы в разное время. Тайных приказов в них не содержалось.
- ²⁹ Datner, *Crimes Against POWs*, S. XVII f.
- ³⁰ О суровых предписаниях относительно обращения, которые в феврале–марте 1941 г. союз крестьянства Бадена направил крестьянам отдельных округов и согласно которым против польских сельскохозяйственных рабочих можно было применять даже телесные наказания, см. *IMG*, XXXVI, S. 132–135, 068-ЕС.
- ³¹ Об этом см. Martin Broszat, *Nationalsozialistische Polenpolitik*, bes. S. 128–143.
- ³² Datner, *Op. cit.*, S. XVIII f. – См. приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 1764/40 от 22 мая 1940 г., где речь идёт о «возможно ещё сохранившихся польских евреях»: *ВА/МА Wi/VIII*, 21, курсив мой. – Мнение Форвика, *Op. cit.*, S. 126, будто начальник службы по делам военнопленных «в вопросе обращения с еврейскими пленными до декабря 1944 г. удивительным образом умел избегать распространения на них национал-социалистских расовых законов», подтверждается только в отношении английских и американских пленных и частично в отношении французских, и совершенно не соответствует действительности в отношении польских и советских пленных. Об участии советских пленных евреев см. гл. VI, 2 и VI, 4.
- ³³ См. приказ начальника генерального штаба № 98/409 от 12 февраля 1940 г., предоставленный господином генеральным прокурором Берлина Хаусвальдом, см. выше прим. 25 к кн. I.
- ³⁴ Даже после перехода службы по делам военнопленных в распоряжение Гимmlера в октябре 1944 г. польские офицеры-евреи так и остались в лагерях для офицеров, вероятно, потому, что они были зарегистрированы в Международном Комитете Красного Креста: Datner, *Op. cit.*, S. 107.
- ³⁵ *Ibidem*, S. 101.
- ³⁶ Приказ от 31 декабря 1941 г., цит. по: Forwick, *Op. cit.*, S. 125, прим. 28.
- ³⁷ Впрочем и в Польше военнопленные местами расстреливались айнзацкомандами СС без всяких принципиальных протестов со стороны вермахта. См. докладную записку руководителя отдела для особых поручений в генеральном штабе сухопутных сил, подполковника Гроскурта от 5 янв. 1940 г.: Groscurth-Tgb., S. 466. См. также упомянутый в прим. 33 приказ начальника штаба от 12 февр. 1940 г. – Об издевательствах и расстрелах польских пленных подразделениями вермахта см. Datner, *Op. cit.*, S. 21–31.
- ³⁸ См. гл. I, 2.
- ³⁹ *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7117–7122; 7172. На собрании генералов, перед которыми 30 марта 1941 г. держал свою речь Гитлер, Рейнеке не пожелал участвовать. Однако, по словам Кейтеля там присутствовали все начальники отделов: Görlitz, *Keitel*, S. 251.
- ⁴⁰ Военный дневник VI инспекции по вооружению, 1.01–30.06.1941 г., стр. 228 и сл. (30.05.1941 г.): *ВА/МА RW 20-6/3* (по приговоренному 22 июня 1941 г. чистовику). – В генерал-губернаторстве тамошний начальник службы содержания военнопленных особого назначения, генерал-лейтенант Гергот провёл 5 мая 1941 г. первое совещание по поводу своих задач с консультантом службы содержания военнопленных при командующем войсками генерал-губернаторства: Сводка о решениях, принятых службой содержания военнопленных в генерал-губернаторстве, 23 окт. 1941 г.: *ВА/МА RH 53-23/v. 63*.
- ⁴¹ Как уже упоминалось, лагеря военнопленных на территории рейха и в генерал-губернаторстве в военном и административном отношении подчинялись командующему

армией резерва, а фактические указания, то есть решения о способе обращения, устройстве лагерей и т. д., поступали исключительно из отдела по делам военнопленных в ОКВ, «министерской инстанции». Планирование в отделе по делам военнопленных в ОКВ и ещё какое-то время у командующего армией резерва должны были занять по меньшей мере 2–3 недели. – Тем самым достоверным представляется показание бывшего начальника службы содержания военнопленных в XX корпусном округе (Данциг) Курта фон Остеррайха о том, что Рейнеке уже в марте созвал начальников служб содержания военнопленных на совещание в Берлине. Рейнеке информировал их о предстоящей войне с Советским Союзом и обязал подготовить лагеря для военнопленных. Каждый начальник службы содержания военнопленных получил конкретное задание; так, Курт фон Остеррайх должен был разместить в XX корпусном округе 50 000 военнопленных. (Это соответствует действительности, см. подробно анализированный в последующем организационный приказ от 16 июня 1941 г.). Из-за недостатка времени Рейнеке приказал размещать пленных в крайнем случае под открытым небом и за колючей проволокой, а при попытке к бегству вопреки имевшим силу служебным инструкциям стрелять без предупреждения: Документы Нюрнбергского процесса, СССР-151, в: *ВА/МА* № 54/14 (завещание Кейтеля). Этот документ, представленный советскими обвинителями, был с успехом отклонен защитой, так как генерал фон Остеррайх не был допущен к перекрёстному допросу.

⁴² Отрывки записаны в перечне «секретных документов по плану «Барбаросса», т. 2», *ВА/МА* RW 4/v. 577, л. 2–4. Данные отрывки были взяты из других документов, которые не могут быть установлены.

⁴³ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 26/41 сов. секр. от 16.06.1941 г., *ВА/МА* RW 4/v. 578, л. 91–98. Этот приказ подписан руководителем организационного ведомства отдела по делам военнопленных, подполковником Димером-Вильрода. Рейнеке заявил в Нюрнберге, будто он в это время находился на лечении в Дрездене и приказ был разработан по распоряжению

Кейтеля: *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7120–7122. Приказ был направлен непосредственно начальнику службы содержания военнопленных в I корпусном округе, генерал-майору Оскару фон Гинденбургу («не предусмотренному Веймарской конституцией сыну рейхспрезидента») и начальнику службы содержания военнопленных особого назначения в генерал-губернаторстве, генерал-лейтенанту Герготу. Далее приказ поступил в отдел «L» штаба оперативного руководства вермахта, III отдел абвера в управлении разведки и контрразведки в ОКВ, к командующему войсками генерал-губернаторства, в санитарную инспекцию ОКВ и к начальнику вооружения сухопутных сил и командующему армией резерва. – Три приложения (сохранилось только первое) содержали в себе структуру организации по делам военнопленных и служебные указания. – Приказ с сокращениями был опубликован в кн.: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 198–200. (Эта публикация содержит ряд незначительных погрешностей, в том числе ошибочно указанный дневник № 25/41). Об участии в этом отделе «L» Варлимонта свидетельствует то, что Варлимонт 22 июня 1941 г. в письме в отдел по делам военнопленных (документ отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта № 44746/41 сов. секр., RW 4/v. 578, л. 90) указал в качестве недостатка на то, что, мол, не были учтены распоряжения штаба оперативного руководства вермахта об использовании труда военнопленных в рейхскомиссариатах и организациях пленных в Финляндии и Румынии.

⁴⁴ О вместительности лагерей в Восточной Пруссии и в генерал-губернаторстве нет никаких данных, но см. окончание V.i.c. Цит. по: RW 4/v. 578, л. 94 и сл. Курсив в ориг.

⁴⁵ *Ibidem*, л. 95, Курсив в ориг. – См. «директивы», циф. I, 1–II, 3, Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 187, и приказ отдела по делам военнопленных, *Ibidem*, S. 199 (циф. III); см. цитату выше в гл. III, 4.

⁴⁶ Курсив в ориг. – Имеется в виду Женевская конвенция. СССР ратифицировал только «договор об улучшении участи раненых и больных в полевых условиях» (*RGBl.* 1934/II, S. 207–231). О последовавших в результате этого проблемах см. ниже гл. X.

⁴⁷ Работа Бетца, *OKW und Landkriegsvölkerrecht*,

- главное внимание уделяет только «преступным приказам», но отнюдь не обращению с советскими военнопленными в целом.
- ⁴⁸ См. текст в кн.: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 199 f. Нумерация та же, что и в оригинале.
- ⁴⁹ Гагская конвенция 1899 г., статья 6; Гагская конвенция 1907 г., статья 6; Женевская конвенция, статья 31.
- ⁵⁰ Вопреки статьям 34 и 23 Женевской конвенции и статьям 6 и 17 Гагской конвенции.
- ⁵¹ Вопреки статьям 77 и 79 Женевской конвенции и статье 14 Гагской конвенции. (Приведенные здесь статьи Гагских конвенций 1899 и 1907 гг. – идентичны).
- ⁵² См. гл. VII.
- ⁵³ Согласно статье 34 Женевской конвенции и статье 7 Гагской конвенции питание пленных должно было соответствовать питанию резервных войск, несущих охранную службу.
- ⁵⁴ Вопреки статьям 35 и 41 Женевской конвенции и статьям 15 и 16 Гагской конвенции.
- ⁵⁵ Вопреки статьям 43 и 44 Женевской конвенции. Сравнение с другими мерами позволяет заключить, что и здесь хотели добиться того, чтобы пленные оставались массой без лидеров.
- ⁵⁶ Эти ограничения были существенным новшеством в Женевской конвенции; среди прочих устранилось приведение в действие смертных приговоров в присутствии стран-гарантов: статьи 45–47.
- ⁵⁷ Курсив в ориг.
- ⁵⁸ Приказ военно-административного отдела генерального штаба сухопутных сил № II/0315/41 сов. секр. от 3 апреля 1941 г., *ВА/МА RH 22/v. 11*.
- ⁵⁹ В указателе КБ не сказано, что он был направлен в отдел по делам военнопленных. Замечания Варлимонта на адресованном ему экземпляре приказа отдела по делам военнопленных предполагают знакомство этого отдела с приказом о комиссарах.
- ⁶⁰ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 3712/41 от 16 июня 1941 г. (Сводные уведомления о военнопленных, № 1), *ВА/МА RW 6/v. 270*. Сосредоточение евреев в особых лагерях не было предусмотрено, воздерживались также от применения «особых отличительных знаков евреев». Последнее, согласно Датнеру (*Op. cit.*, S. 100), уже делалось прежде по инициативе отдельных комендантов стационарных лагерей для военнопленных: так, в стационарном лагере VII А Моосбург пленные евреи в 1940 г. должны были носить красные повязки и подвергались дурному обращению.
- ⁶¹ См. гл. VI, 2.
- ⁶² Планы для Румынии и Финляндии не были приняты во внимание, так как они в последующем имели значение лишь для очень малой части пленных.
- ⁶³ Генерал-лейтенант для поручений Адольф Гергот (1872–1957) в мае–сентябре 1941 г. был начальником службы содержания военнопленных особого назначения в генерал-губернаторстве. Его преемником был генерал-лейтенант для поручений Пауль Риттер фон Виттас, который занимал эту должность до апреля 1944 г.
- ⁶⁴ «Сводка» (о решениях, принятых службой содержания военнопленных в генерал-губернаторстве) от 23 октября 1941 г.; отчет интendanта отдела IVa при командующем войсками генерал-губернаторства за 1–31 мая 1941 г., оба в: *ВА/МА RH 53 – 23/v. 63*. Приведенное в отчете интendanта количество варочных котлов (3500 штук) для лагеря ёмкостью 457 000 литров позволяет заключить, что в это время численность пленных составляла от 350 000 до 500 000 чел. – «Сводка», очевидно, возникла тогда, когда катастрофическая ситуация с пленными в конце октября 1941 г. стала слишком заметна и стали искать виновных.
- ⁶⁵ *RW 4/v. 578*, л. 94, курсив в ориг.
- ⁶⁶ «Сводка», *RH 53 – 23/v. 63*.
- ⁶⁷ Подготовка барачков не зафиксирована в актах квартирмейстера. Было предоставлено 250 т колючей проволоки (Военный дневник обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства, т. I, 1 мая 1941 г. – 31 дек. 1943 г., заметка за 2 июня 1941 г., *RH 53 – 23/v. 61*), а также варочные котлы, черпаки, столовые приборы, инструменты и хлорная известь: отчет интendanта отдела IVa при командующем войсками генерал-губернаторства, 1–30 июня 1941 г., *RH 53 – 23/v. 63*. – Незначительное внимание, которое уделялось строительству лагерей, объясняется тем, что в начале июня имевшиеся до сих пор колонны грузовых машин были убраны и заменены автоколоннами, которые, конечно, обладали лишь частью транспортной мощности: военный

дневник обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства, *Ibid.*, т. I, 2.06.1941 г.

⁶⁸ Об этом см. гл. VIII, 1.

⁶⁹ Это также является свидетельством намерения как можно тщательнее отгородить пленных от населения.

⁷⁰ Оценка ситуации Гальдером, а также отделом иностранных армий «Восток» в ОКХ за апрель и июнь 1941 г. см. Hillgruber, *Hitlers Strategie*, S. 509 f.

⁷¹ См., например, оценку ситуации Гитлером и верхушкой военного руководства 5 декабря 1940 г. и 9 января 1941 г., *КТВ ОКВ*, I, S. 205, 209. Поскольку к ожесточённому сопротивлению, которое оказали советские войска, готовы не были (см. *КТВ Halder*, III, S. 25 [29.06.], 42 [4.07.], 47 [6.07.], 65 [11.07.], 79 [15.07.1941 г.]), то, очевидно, должны были делать расчёт на меньшие потери и большее количество пленников.

⁷² Wilhelm v. Rucker, «Die Vorbereitungen [der Abt. Gen.Qu.] für den Feldzug gegen Rußland», in: Wagner, *Op. cit.*, S. 314.

⁷³ Приказ генерал-квартирмейстера № II/0315/41 сов. секр. от 3 апреля 1941 г., RH 22/v. 11. См. организационный приказ отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941 г.

⁷⁴ Вагнер представил проект 14 марта: *КТВ Halder*, II, S. 312. – Важнейшие пункты из положений, которые касаются военнопленных, содержатся уже в стенограмме совещания из штаба 9-й армии, так что их, видимо, обсудили ещё раньше на совещании обер-квартирмейстеров армий с генерал-квартирмейстером, см. далее.

⁷⁵ Это было явным нарушением условий Женевской и Гаагской конвенций. Запрещение принуждать военнопленных к работам, которое находится в непосредственной связи с боевыми действиями, и запрещение как можно скорее вывозить пленных из района боевых действий относятся к важнейшим идеям этих конвенций.

⁷⁶ Приказ обер-квартирмейстера 4-й армии № 501/41 сов. секр. «Особые распоряжения о районе боевых действий» от 8 июня 1941 г., курсив в ориг., *ВА/МА АОК 4/11193/9*. Обер-квартирмейстер счёл также необходимым «поручить карательные меры против евреев ... следовавшим за нами политическим органам»!

⁷⁷ Этим занималась группа 2-го квартирмейстера в подчинении обер-квартирмейстера армии или отдел квартирмейстера службы содержания военнопленных при командующем тыловым районом сухопутных сил.

⁷⁸ Обер-квартирмейстер 9-й армии, Протокол совещания от 28 марта 1941 г., *ВА/МА АОК 9/13904/1*.

⁷⁹ Здесь также не заметно, чтобы кто-то запрашивал сведения о международных обязательствах Германии в отношении Советского Союза, которые, конечно, не были чётко установлены.

⁸⁰ См. схему в приказе обер-квартирмейстера 9-й армии № 904/41 секр. (март 1941 г.), *ВА/МА АОК 9/13904/1*.

⁸¹ См. приведенную выше цитату из этого приказа.

⁸² Заметка обер-квартирмейстера 17-й армии, *ВА/МА АОК 17/14311/2*. – Приказ обер-квартирмейстера 4-й армии № 456/41 сов. секр. от 9.06.1941 г., «ОСР [Особые распоряжения о снабжении] в зоне айнзагруппы «Б», *ВА/МА АОК 4/11193/9*. – 15 мая у генерал-квартирмейстера состоялось соответствующее совещание.

⁸³ Подсчитано согласно «Особым распоряжениям о снабжении № 2» от 29.06.1941 г. обер-квартирмейстера 11-й армии, *ВА/МА RH 19 VI/398*. – Размеры рационов приведены далее в таблице на стр. 138–140. Об этом см. гл. VII, 2, а. Эти и названные ранее распоряжения из 4-й и 17-й армий являются единственными нормативными актами, регулирующими снабжение военнопленных в период подготовительной фазы, которые я смог найти.

⁸⁴ Представляется маловероятным, чтобы распоряжение 11-й армии было основано на *иницированной ОКВ* директиве ОКХ. В приказе отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941 г. говорится, что о питании военнопленных будет сказано в готовящемся приказе, а до тех пор следует пользоваться обычными нормами. Приказ был отдан в конце июля или начале августа и записан только 6 августа 1941 г. в приказе ОКХ, см. гл. VII, 2, а.

⁸⁵ Рейнхард Хенкис (Reinhard Henkys, *Die nationalsozialistischen Gewaltverbrecher*, Stuttgart, 2. Aufl. 1965, S. 174) верно заметил, что «приказы, направленные на истребление

и голод, отчасти были подготовлены за месяц до вторжения в Россию и вступили в силу, в то время как подготовительные меры по поддержанию жизни пленных почти полностью отсутствовали».

⁸⁷ Дитрих Эйхгольц не смог привести ни одного доказательства в подтверждение приведенного им в его «Истории военной экономики Германии» тезиса о «горячем и чрезвычайно сильном интересе германских монополий к принудительному труду советских рабочих» в период планирования нападения на Советский Союз. Впрочем, он и не мог найти этих доказательств, так как немецкое руководство, так же как и немецкие промышленники исходили на этом этапе из того, что потребность в рабочей силе на территории рейха можно будет покрыть путём демобилизации немецких солдат после победы на Востоке. – Об этом вопросе см. гл. VIII и XI.

⁸⁷ На значение этого фактора указывает также Клаус Рейнхард, *Die Wende vor Moskau*, Stuttgart 1972, S. 18–26; там же следующие доказательства. (Цит. по: Reinhardt, *Wende*).

⁸⁸ Hillgruber, *Hitlers Strategie*, S. 211. По сравнению с тем, лишь кое-где сомневались в том, что война на Востоке имеет стратегический смысл. Одним из немногих офицеров, которые, будучи на ответственных постах, критически относились к победным ожиданиям, был начальник штаба Канариса полковник Остер: Hassell-Tgb., S. 186 (15.06.1941).

⁸⁹ Hitler, *Mein Kampf*, Ausg. 1930 г., S. 743.

⁹⁰ На совещании у Йодля, *BA/MA RW 4/v. 575*, л. 105. – Более детальное описание развития оценок Красной Армии между декабрём 1940 г. и июнем 1941 г. см. у Хильгубера (*Op. cit.*).

⁹¹ Слова Гальдера 3 февраля 1941 г. на совещании с Гитлером, Кейтелем, Йодлем и фон Браухичем: *RW 4/v. 575*, л. 2.

⁹² *KTB Halder*, II, S. 395. – Биограф Гальдера, графиня Шалль-Риокур, утверждает, будто доказательств того, «что Гальдер рассчитывал на поражение Советского Союза в течение 3–4-х месяцев, не существует». (Schall-Riaucour, *Op. cit.*, S. 159). Однако, не говоря о неоспоримых и тем самым «непреходящих» доказательствах в самом *военном дневнике Гальдера*, из приведенного ею несколько позже (*Op. cit.*, S. 168 f.) письма Гальдера

от 23 августа 1941 г. следует, что он и в это время ещё считал возможным достигнуть «цель, которую я перед собой поставил и которая вполне достижима, а именно, окончательно разбить русских в этом году» (курсив мой). То, что Гальдер возражал против войны на Востоке (*Op. cit.*, S. 156 f.), относится к области исторических легенд.

⁹³ Hillgruber, *Op. cit.*, S. 510 f. – Это, правда, не следует переоценивать. В связи с этим, однако, важно, что Гитлер в своей оценке СССР в значительной мере был поддержан военными.

⁹⁴ См. *Hitlers Weisungen*, S. 151 f., курсив в оригинале. Эта директива позднее была отдана в несколько изменённой форме. Указанные здесь последствия для вооружения были предусмотрены директивой Гитлера от 14 июля 1941 г. (*Ibid.*, стр. 159–162).

⁹⁵ *Ibidem*, S. 152, курсив в ориг.

⁹⁶ *KTB Halder*, III, S. 38 f. (3.07.1941.). – Для царившей тогда уверенности в том, что крушение Советского Союза – вопрос всего лишь нескольких дней, характерно также, что Гейдрих в своём «особом приказе № 6» к командирам айнзацгрупп от 4 июля 1941 г. уже распорядился, чтобы «передовая часть Московской команды», то есть часть айнзацкоманды, которая должна войти в Москву вместе с передовыми частями войск и овладеть зданиями партии и НКВД, была названа «его собственным именем», – Гейдрих хотел быть готовым к сообщению об этом успехе Гимmlеру и Гитлеру (*BA R 70 SU/32*, л. 20).

⁹⁷ Опубликовано в кн.: Moritz, *Fall Barbarossa*, S. 325–330; см. *KTB Halder*, II, S. 336, прим. 7.

⁹⁸ *Ibidem*, S. 327 f. – Эти планы ОКХ показывают, что не один Гитлер несёт ответственность за то, что войска на Восточном фронте оказались во время русской зимы без зимнего снаряжения (так у Schall-Riaucour, *Op. cit.*, S. 171 f.).

⁹⁹ Слова Гитлера на совещании с руководящими чинами ОКВ и ОКХ 9 января 1941 г., *KTB OKW*, I, S. 258. – О причинах ошибочной оценки см. Hillgruber, *Op. cit.*, S. 214.

¹⁰⁰ Об этом ещё раз см. приведенные выше в гл. III, 2 высказывания генерала для особых поручений при главнокомандующем сухопутных сил, генерал-лейтенанта Мюллера в Варшаве 11 июня 1941 г.

VI. «Уничтожение мировоззрения»

- ¹ Hillgruber, *Hitlers Strategie*, S. 536, прим. 2.
- ² Согласно скорректированной смете генерал-квартирмейстера сухопутных сил № 1/6562/41 сов. секр. от 25.12.1941 г., приложение 5, *KTB OKW*, I, S. 1106. Гитлер в своей речи перед рейхстагом от 11 декабря 1941 г. говорил о 3,8 млн. пленнх: *Reden des Führers*, hrsg. v. E. Klöss, München 1967, S. 264 f.
- ³ Цифры даны по: Philippi-Heim, *Op. cit.*, S. 54–89, и Gruchmann, *Der Zweite Weltkrieg*, S. 124–127. Однако это только количество пленнх из больших «котлов», но никак не общие цифры. – В советской историографии эти цифры были отвергнуты, как «историческая фальшивка». Так, например, согласно официальной «Истории Великой Отечественной войны», т. II, с. 60 и сл., под Киевом сражалось всего 677 085 солдат, из которых 150541 – избежали окружения; т. е., из-за жестокой борьбы в плену якобы оказалась лишь третья часть всех сил: т. II, с. 133. Вопреки этому следует утверждать, что только 17-я армия захватила 200 тыс. пленнх, эвакуация которых силами 24-й пехотной дивизии заняла две недели. Ещё 200 тыс. пленнх эвакуировала 113-я пехотная дивизия, а 62-я пехотная дивизия должна была охранять 155 тыс. пленнх: см. докладную записку обер-квартирмейстера 17-й армии о совещании 26 сент. 1941 г., *ВА/МА АОК 17/14311/6*; телеграмму начальника оперативного отдела при командующем тыловым районом группы армий «ЮГ» от 11 или 22 октября генерал-квартирмейстеру сухопутных сил, RH 22/v. 7. В этой информации исключительно для высших штабов общая численность пленнх была определено в 665 тыс. чел.
- ⁴ Весьма характерно для последующего времени, что уже в первый день войны в 504-м пехотном полку 291-й пехотной дивизии был расстрелян пленный, который отказался выдать связь между 2-мя бункерами: Dapfer, *Crimes Against POWs*, S. 47 f., по NOKW-1170. – По крайней мере 28-й армейский корпус и 20-я танковая дивизия сообщили 22 июня о первых расстрелах комиссаров: *Trials*, X, S. 128; XI, S. 582.
- ⁵ См. защиту главнокомандующего группой

армий «Север» генерал-фельдмаршала Риттера фон Лееба, *OKW-Proz. Prot. engl.*, S. 2357–2359. О передаче приказа через офицера абвера разведотдела группы армий «Север» в непосредственно подчинённые группе армий подразделения см. выше, прим. 182 к гл. III. Данные, аналогичные показаниям фон Лееба, см. также: Warlimont, *Im Hauptquartier*, S. 183.

- ⁵ См., например, Philippi-Heim, *Op. cit.*, S. 50 f., а также прежде всего мемуарную литературу, например, Manstein, *Verlorene Siege*, S. 176; Guderian, *Erinnerungen eines Soldaten*, Heidelberg 1951, S. 138. (Гудериан якобы вообще не знал о приказе, который, вероятно, не пошёл дальше штаба группы армий «Центр»; согласно показаниям бывшего начальника оперативного отдела 17-й танковой дивизии, эта дивизия официально получила данный приказ от 47-го танкового корпуса (ген. Лемельзен), а тот, в свою очередь, – от 2-й танковой группы Гудериана: 3718-PS). Далее см. Neusinger, *Befehl im Widerstreit*, Tübingen, 1950, S. 124 f., Dallin, *Deutsche Herrschaft*, S. 42–46. А также Peter Hoffmann, *Widerstand–Staatsstreich–Attentat*, München 1969, S. 315 f.

⁷ Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 153. См. Uhlig, *Op. cit.*, S. 320–323.

⁸ Улих (*Op. cit.*, S. 321) и Якобсен (*Op. cit.*, S. 153, прим. 29) привели показания бывшего командира 39-го армейского корпуса, генерала танковых войск Рудольфа Шмидта о том, что он якобы запретил выполнение приказа. Однако 18 июля 1941 г. 20-я танковая дивизия в ответ на запрос 39-го армейского корпуса сообщила, что в зоне её ответственности начиная с 5 июля расстреляно около 20 комиссаров; дивизия сообщала далее, что уже 22 и 23 июня было расстреляно по 1 комиссару: *Trials*, XI, S. 582. 2 ноября 1941 г. 39-й армейский корпус сообщил штабу 16-й армии, что за прошедшую неделю было расстреляно 7 комиссаров: NOKW-2148. – Далее оба привели в качестве важнейшего доказательства заметку Гальдера от 1 августа 1941 г.: «Генерал для особых поручений Мюллер: ...нормы обращения с пленными комиссарами (будут установлены по большей части только в лагерях для военнопленнх)», (*KTB Halder*, III, S. 139). В качестве следующего доказательства они

- привели переданное адъютантом Гитлера при сухопутных силах Энгелем высказывание фюрера от 18 окт. 1942 г., «что он якобы знает, что отданный приказ в армии или совсем не выполняется, подобно приказу о комиссарах, или выполняется только через силу. Вину за это несёт верховное командование сухопутных сил, которое по возможности хочет сделать из профессии солдата профессию пастора. Если бы у него, мол, не было СС, то что бы с ним стало»: (Jacobsen, *Op. cit.*, S. 155). Правда, это высказывание Гитлера относится к октябрю 1942 г., когда приказ о комиссарах был отменён по требованию командующих войсками из-за вызванной им на фронте обратной реакции и когда Гитлер из-за изменившейся военной обстановки стал относиться к руководству сухопутных сил и войсковому командованию гораздо более критически, нежели летом 1941 г. Из последующих записок Энгеля видно совершенно отчётливо, насколько стремительно падало доверие Гитлера к генералитету в сентябре–октябре 1942 г., когда он узнал, что и вторая попытка сокрушить СССР потерпела крах: «Фюрер не видит более конца войне в России, после того, как общие цели лета 1942 г. не были достигнуты» (Aufzeichnungen Engel, 8.09.1942 г., см. 27.08, 14.09, 18.09, 18.10. 1942 г., S. 124, 126–131). К тому же Гитлера по-прежнему не устраивало даже 50 или 70%-е выполнение приказа. – К показаниям Мюллера также следует относиться критически, поскольку Мюллер, по указанию фон Браухича, настаивал на беспощадном выполнении приказа. Об этом см. далее.
- ⁹ См. приведенное выше на с. 88 и сл. резюме всех собранных доказательств, которые свидетельствуют о выполнении приказа почти во всех армиях. Эти доказательства являются не результатом интенсивного, систематического поиска, но лишь побочным следствием изучения документов в рамках этой работы. – Ряд следующих доказательств см. у Краусника, «Kommissarbefehl und 'Gerichtsbarketerserlaß Barbarossa'», S. 733–736.
- ¹⁰ *KTB Halder*, III, S. 243 (21.07.1941.).
- ¹¹ Приказ генерала для особых поручений при главнокомандующем сухопутных сил № 412/41 сов. секр. от 16 августа 1941 г., *BA/MA RW 4/v. 578*, л. 129.
- ¹² Приказ группы IV/Qu. штаба оперативного руководства вермахта № 001797/41 сов. секр. от 12 августа 1941 г. с подписью Кейтеля от 19 августа. Варлимонт заметил 20 августа, что политруков согласно указанию отдела иностранных армий «Восток» [ОКХ!] следует рассматривать как политических комиссаров: *Ibidem*, л. 128.
- ¹³ 17 июля 1941 г. штабом 3-й танковой группы были задержаны и расстреляны 2 комиссара: NOKW-2283.
- ¹⁴ В «донесении о врагах № 18» (8.08.1941 г.) начальник разведотдела 3-й танковой группы сообщил «в ответ на вопросы со стороны войск», что «в обращении с этими людьми ничего не изменилось»: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 194.
- ¹⁵ См. прим. 92 к гл. III.
- ¹⁶ Приказ начальника разведотдела 18-й армии № 2037/41 от 14.07.1941 г., опубл. в: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 194; об этом см. Отчёт офицера абвера разведотдела тылового района группы армий «Север» за 1–15 июля 1941 г., *BA/MA RH 22/v. 221*, л. 89. – То, что и другие армии были соответственно проинформированы Мюллером, следует из «донесения о врагах № 10» начальника разведотдела 3-й танковой группы, в котором говорится о комиссарах, которые не узнанными оказались в плену: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 194. – 25 июля Мюллер по указанию фон Браухича подписал ещё один суровый приказ об обращении с пленными, который следует считать подтверждением приказа о комиссарах и который повлёк за собой расстрелы тысяч пленных; см. гл. VI, 3.
- ¹⁷ Приказ военно-административного отдела № II/4590/41 секр. от 24 июля 1941 г. АОК 16/14989/56. Судя по всему, генерал-лейтенант Мюллер участвовал в его разработке; приказ подписан генерал-квартирмейстером, генерал-майором Вагнером. О его содержании см. гл. VI, 2 и VI, 4.
- ¹⁸ Так, например, в зоне ответственности коменданта по делам военнопленных округа «J» (тыловой район группы армий «Центр») в 155-м пересыльном лагере в Лиде в июле «особому обращению» были подвергнуты 30 комиссаров; в последующие месяцы их было уже гораздо больше. См. доклад об инспекции коменданта по делам военнопленных округа «J» за период между июлем

и декабрём 1941 г., *ВА/МА RH 22/v. 220*. Из этого вовсе не следует, будто в лагерях внезапно было обнаружено множество комиссаров. Окружной комендант по делам военнопленных, полковник, заботился о выполнении приказа; после осмотра 126-го пересыльного лагеря 26 августа он заявил: «Абвер совершенно не выполняет своих функций. Обнаружено всего несколько комиссаров». Это тем более интересно, что этого офицера в целом можно охарактеризовать как представителя «консервативной линии». Его пример показывает, что представители этой линии так же слабо возражали против выполнения приказа о комиссарах, как и против «отбора» евреев. Аналогичная картина обращения с комиссарами складывается и на основании отчётов квартирмейстера тылового района группы армий «Центр», который нёс в этом районе ответственность за размещение, питание и эвакуацию пленных, см. *ВА/МА RH 22/v. 205*, л. 39–137. Из этого также не следует делать вывод, будто в лагерях внезапно было обнаружено очень много комиссаров. В июле, месяце, к которому относится утверждение Мюллера, комиссары вообще не были упомянуты. – *Philippi-Heim, Op. cit.*, S. 51, бездоказательно утверждают, будто невыполнение приказа произошло из-за того, что комиссары якобы «тысячами» попадали в лагеря для военнопленных. Здесь во всяком случае представляется, что их смешили с пленными, которые позднее были отобраны и расстреляны в лагерях айнзацкомандами СС.

¹⁹ Донесение коменданта по делам военнопленных округа «J» от 8 сент. 1941 г. (127-й пересыльный лагерь в Орше), *RH 22/v. 220*.

²⁰ Приказ обер-квартирмейстера 11-й армии №472/41 секр. от 3 августа 1941 г., *ВА/МА RH 19 VI/405*.

²¹ *См. Messerschmidt, Wehrmacht im NS-Staat*, S. 326 f.

²² *Messerschmidt, Op. cit.*, S. 326.

²³ *Mitteilungen für die Truppe*, №116 (июнь 1941 г.), цит. по: *Messerschmidt, Op. cit.*, S. 326 f.

²⁴ Этот призыв был использован в приказе 4-й армии № 2 от 27 августа 1941 г. в качестве лозунга для перебежчиков: *ВА/МА АОК 4/13748/2*. – Листовка с пропуском, изданная 13-м армейским корпусом, июнь–июль

1941 г., *ВА/МА XIII. АК/18225/3*. – Из листовки, которую использовали на территории Украины: *РААА фонд пол.*, XIII, т. 9, все документы за май–август 1941 г. Фонд содержит некоторое количество пропагандистских листовок аналогичного типа.

²⁵ *ВА/МА RH 19 VI/405*. – Начальник разведотдела 35-й пехотной дивизии (в июне 1941 г. подчинялась 5-му армейскому корпусу 9-й армии) в своём отчёте за период с 22 июня по 10 ноября 1941 г. заявил, что допустили, мол, крупную ошибку, говоря о расстреле комиссаров «даже в немецких пропагандистских листовках». Это, дескать, привело к ожесточению воли к борьбе: «Целесообразнее было бы держать обращение с комиссарами в секрете. Достаточно было бы отделить и вывезти их в тыл в специально для этого созданный лагерь, и только там привлечь к ответственности». (*NOKW-2356*, цит. по: *Uhlig, Der verbrecherische Befehl*, S. 322).

²⁶ Если здесь употребляется обычно применявшийся айнзацкомандами СС термин для обозначения ликвидации политических и расовых «противников», то его следует рассматривать в качестве соответствующего индикатора для степени вовлечения вермахта в национал-социалистскую политику уничтожения. См. гл. VI, 5.

²⁷ Это выражение также, как видно из предыдущего текста, обозначало расстрел комиссаров.

²⁸ Отчёт начальника разведотдела 3-й танковой группы за январь–июль 1941 г., *ВА/МА PzAOK 3/ 13119/ 1*, л. 25, 30, курсив в ориг.

²⁹ См. документ офицера абвера разведотдела 2-й армии № 218/41 сов. секретно от 9 сент. 1941 г. в штаб группы армий «Центр»; донесение 39-го армейского корпуса в штаб 16-й армии от 17 сент. 1941 г. (с просьбой передать докладную записку Гитлеру). Оба опубли. в кн.: *Jacobsen, Kommissarbefehl*, S. 195–197. 30 ноября 1941 г. представитель министерства иностранных дел при 18-й армии предложил в своём отчёте в министерство пересмотреть обращение с комиссарами; соответствующие предложения уже раньше делались штабом 16-й армии: *РААА, Pol. XIII, Bd. 15*, все документы о положении в оккупированных восточных областях, сентябрь 1941 г. – январь 1942 г.

- ³⁰ Документ генерала для особых поручений при главнокомандующем сухопутных сил №516/41 сов. секр. от 23 сентября 1941 г., RW 4/v. 578, л. 152 и сл., опубли. в кн.: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 197 f. Соответствующее место в оригинале было подчеркнuto Варлимонтom, а первый отрывок помечен крестиком на полях.
- ³¹ *Ibidem*, л. 152. ОКХ в тот же день было информировано телеграммой об отказе.
- ³² См. список. Если количество донесений о расстрелах зимой 1941–1942 гг., насколько известно, убывало, то это объясняется тем, что, во-первых, пленных брали очень мало, и, во-вторых, тем, что войска отказались от дальнейшего выполнения приказа ввиду его явной военной нецелесообразности.
- ³³ Оригинал в: BA R 58/272. Частично опубликован в кн.: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 200–204 (= NO-3414). Все эти «особые приказы», – известно 15 таких приказов, – касаются мер, которые айнзацгруппы и соответственно айнзацкоманды должны предпринять по «уничтожению большевизма и еврейства». См. сохранившиеся приказы в BA R 70 SU/32.
- ³⁴ Таким было официальное обозначение айнзацкоманд. Они подчинялись начальнику полиции безопасности и IV управления СД, которому были подчинены также полиция безопасности и гестапо. Команды состояли из чиновников полиции безопасности (Зипо), уголовной полиции (Крипо) и службы безопасности (СД). В источниках в отношении состава команд и непосредственно руководящих ими органов (инспекторов полиции и СС, начальника полиции безопасности, учреждений гестапо) нет понятийных различий; военнопленные передавались «в СД», «в Зипо», «в гестапо», сотрудничали «с СД». Соответственно этому данные обозначения употребляются и здесь в тексте. – Казни частично осуществлялись самими командами, на Востоке часто – органами обычной полиции, «ваффен СС», в отдельных случаях – при участии подразделений вермахта, а на территории рейха, как правило, в концентрационных лагерях.
- ³⁵ За это объяснение говорит также то, что «чиновниками связи» избирались советники и комиссары уголовной полиции, т. е. происходившие из старой крипо, а не из СС.
- ³⁶ Более полный текст в: BA R 58/272, отрывок в кн.: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 201 f. Этот приказ сохранился только в качестве дополнения к приказу Гейдриха. До сих пор он не был известен как приказ ОКВ; ещё Якобсен (*Op. cit.*, S. 157) ошибочно считал его приказом Гейдриха. Однако как из самого текста, так и из «особого приказа» Гейдриха следует совершенно определённо, что это – приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ. Приказ должен был быть подписан Рейнеке, так как именно Рейнеке удержал за собой право принимать решения такого рода и все аналогичные приказы за 1941 г. имеют его подпись (об этом см. также далее); здесь, видимо, речь идёт о приказе отдела по делам военнопленных №2401/41 секр. от 17 июля 1941 г., который в одном из последующих приказов был назван исходным для всего этого комплекса; см. приказ отдела по делам военнопленных №3058/41 секр. от 8 сентября 1941 г.; Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 218.
- ³⁷ То есть независимо от сомнений, которые возникли ввиду ссылки на международное военное право и существующие служебные предписания; о нравственных сомнениях речь не шла.
- ³⁸ Jacobsen, *Op. cit.*, S. 201, курсив в ориг.
- ³⁹ Входивший в состав управления разведки и контрразведки в ОКВ «Абвер» искал среди пленных добровольцев для выполнения шпионских заданий и для роли провокаторов в лагерях.
- ⁴⁰ Скорее всего об этом говорилось в несохранившемся приказе отдела по делам военнопленных в ОКВ № 2114/41 секр. от 26.06.1941 г., кот. в указанном приказе №3058/41 секр. от 8.09.1941 г. был назван исходным.
- ⁴¹ «Особый приказ» № 8, *Ibidem*, S. 201. – Тем самым становится совершенно ясно, что отдел по делам военнопленных и соответственно генерал Рейнеке с самого начала знали о судьбе всех «отобранных», в том числе евреев, и что показания Рейнеке, будто он считал, что «отобранных» следовало лишь особо охранять, чтобы помешать их контактам с гражданским населением, не соответствуют истине: *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7288.
- ⁴² Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 203. Последняя категория давала особенно широкий простор для произвола.

- ⁴³ *Ibidem*, S. 204.
- ⁴⁴ NO-3414.
- ⁴⁵ Об этом см. далее.
- ⁴⁶ Показания Рейнеке на Нюрнбергском процессе, *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7284–7357. См. упомянутую разработку Рейнеке для Кейтеля за ноябрь (?) 1945 г., *ВА/МА № 54/30, Punkt Vc*. Кроме того, заявление, будто ответственность за эти отборы несёт управление разведки и контрразведки адмирала Канариса (*Op. cit.* и Prot. dt., S. 7287). Это было особенной «любезностью» в отношении Канариса, замученного в апреле 1945 г. в концлагере Флоссенберг, который осенью 1941 г. постоянно вёл с Рейнеке споры по поводу нечеловеческого обращения с советскими военнопленными. Рейнеке должен был бы по крайней мере вспомнить ещё протест Канариса от 15.09.1941 г. против своего собственного приказа от 8.09.1941 г., в котором Канарис также требовал прекращения отборов: *IMG, XXXVII, S. 317 f.* (338-EC), см. об этом в гл. X.
- ⁴⁷ Документ отд. IV 1 А с IV управления РСХА от 28 июня 1941 г., *ВА R 58/272*, лл. 38–40.
- ⁴⁸ Скорее всего этот пассаж был добавлен по поручению генерал-лейтенанта Рейнеке. Совершенно невероятно, чтобы Гейдрих рискнул в это время столь грубо вмешиваться во внутренние дела лагеря. Кроме того, из других источников видно, что Рейнеке очень интересовался лагерной дисциплиной; позднее он подписал два приказа, согласно которым советских военнопленных за определённые проступки следовало передавать в гестапо для казни. – См. гл. VII, 3, а с прим. 364 и прим. 154 и 406 к гл. VI.
- ⁴⁹ IV управление Мюллера отвечало за «выявление и ликвидацию противника». Ему подчинялись как вновь набранные айнзацкоманды, так и айнзацгруппы на Востоке. – Лахузен был начальником II отдела абвера в управлении разведки и контрразведки в ОКВ. Этому отделу подчинялись офицеры абвера в лагерях военнопленных, задачей которых было препятствовать активному сопротивлению среди пленных, добывать сведения о враге и вербовать агентов. В результате соглашения между отделом по делам военнопленных в ОКВ и РСХА офицеры абвера приняли активное участие в отборе «нежелательных» пленных.
- ⁵⁰ См. показания Лахузена, *IMG, II, S. 499–510; OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 434–480. Датировка Лахузена – недостоверна; некоторые из упомянутых им фактов могли обсуждаться только на втором совещании в начале сентября, см. далее. – В связи с первым совещанием Лахузен, судя по его показаниям, говорил ещё с Брейером о возможности изменений. Но Брейер якобы лишь разочарованно сказал: «Что Вы хотите? Вы же знаете Рейнеке» (*OKW-Proz.*, *Ibid.*, S. 439).
- ⁵¹ Право на принятие соответствующих решений он оставил за собой. Обвинители сослались при этом также на защищаемые им целевые установки о «политических солдатах».
- ⁵² 28 августа 1941 г. он вместе с командующим тыловым районом группы армий «Центр» генералом пехоты фон Шенкендорфом осмотрел концентрационные лагеря в зоне ответственности коменданта по делам военнопленных округа «J» (*ВА/МА RH 22/v. 219, Kgf. Bez. Kdt. J, Ktb. Nr. 1*), а 29 августа 1941 г. обсудил с квартирмейстером тылового района группы армий «Центр» касающиеся военнопленных вопросы: *RH 22/v. 205*.
- ⁵³ Доклад коменданта по делам военнопленных округа «J» о совещании у начальника общего управления ОКВ в Варшаве 4 сентября 1941 г., *RH 22/v. 220*.
- ⁵⁴ То есть молодёжная организация КПСС.
- ⁵⁵ Доклад уполномоченного по разработке общих вопросов восточноевропейского пространства [в ведомстве Розенберга] доктора фон Менде № 94/41 секр. от 8 июля 1941 г. в имперское министерство труда: *ВА R 41/168, л. 143*. Менде, равно как и многих сотрудников имперского министерства по делам восточных территорий, следует в определённом смысле – прим. 15 к кн. I – считать представителем «консервативной» линии.
- ⁵⁶ *РААА, Pol. XIII, Bd. 9*: Все документы за май–август 1941 г., доклад советника дипломатической миссии Баума, представленный им 19 июля полномочному советнику посольства Гроскопфу. – В этом докладе цель была сформулирована в «консервативном» духе, что Гиммлер в своей докладной записке об «обращении с иностранцами на Востоке» за май 1940 г. охарактеризовал следующим образом: «Это население должно находиться в нашем распоряжении как безэлитный на-

- род рабов... и при собственном бескультурьи пребывать под строгим, последовательным и справедливым руководством немецкого народа, содействовать его постоянной культурной миссии и строительным работам и выполнять всю самую грубую работу». [*VfZ* 5 (1957), S. 198]. – Близость между двумя этими позициями отчётливо выступает здесь как различие (докладчик в ведомстве Розенберга понимал под «справедливым обращением» нечто иное, чем Гиммлер). – Линия, которую позднее отстаивали представители имперского министерства по делам восточных территорий Бройтигама и фон Менде, уже приведена здесь.
- ⁵⁷ Показания Бройтигама на Нюрнбергском процессе, *OKW-Proz.*, *Prot. dt.*, S. 8954–8977, цитата на S. 8977. См. гл. VIII, 1.
- ⁵⁸ Оpubл. в кн.: Jacobsen, «Kommissarbefehl», S. 205–207.
- ⁵⁹ Инструкция начальника полиции безопасности и СД № 21В/41 секр. для отд. IV А 1 с от 27 авг. 1941 г., *BA R 58/272*, лл. 71–73.
- ⁶⁰ До 31 марта 1942 г. – гауптштурмфюрер СС Тидеке, затем до весны 1944 г. – гауптштурмфюрер СС и правительственный чиновник Франц Кёнигсхаус. В рамках реорганизации РСХА этот отдел был преобразован в мае 1943 г. в IV D 5d.
- ⁶¹ Письменное показание под присягой руководителя отдела IV А 1, штурмбанфюрера СС и криминаль-директора Курта Линдова от 30 сентября 1945 г. (2542-PS) и 29 июля 1947 г. (NO-5481), опубл. в кн.: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 223–225; письменное показание под присягой Пауля Олера, *Op. cit.*, S. 226–228. См. пример сообщения о казни из концлагеря Гросс-Розен, *IMG*, XXVII, S. 42–45 (1165-PS). 20 убитых в этом случае советских пленных носили обычные регистрационные номера стационарного лагеря, что позволяет сделать вывод о произвольном методе отбора.
- ⁶² В концентрационных лагерях процесс уничтожения протекал под деловым номером «14 f 14» – по характерной параллели с «акцией 14 f 13» по «уничтожению недостойных жить пленным», в результате которой начиная с марта 1941 г. в концлагерях были уничтожены отобранные медицинскими комиссиями СС душевнобольные, инвалиды и «нежелательные» заключённые. Об этом см. Martin Broszat, «Nationalsozialistische Konzentrationslager» in: *SS-Staat*, II, S. 104 f.; Lothar Gruchmann, «Euthanasie und Justiz im Dritten Reich», *VfZ* 20 (1972), S. 278.
- ⁶³ Согласно оценкам, для Заксенхаузена (10000–18000 чел.), Дахау (4000–6000 чел.), Флоссенбурга (1350 чел.), Бухенвальда (4000–9000 чел.), Освенцима (11000–12000 чел.) и Маутхаузена (10660 чел.) получается как минимум 41000–57000 чел. Поскольку для концлагерей Гросс-Розен (возле Бреслау), Нейенгамме (воле Гамбурга), Нацвейлер (в Эльзасе) и Штутгоф (возле Данцига) сведения отсутствуют, также как и для лагеря военнопленных службы СС в Люблине (позднее – концлагеря), то число убитых в концлагерях между 1941 и 1945 гг. военнопленных должно быть гораздо большим. В это число входят также несколько тысяч военнопленных, которые осенью 1941 г. использовались на работах в «лагере военнопленных службы СС» и в течение месяца были замучены там до смерти или умерли от голода (об этом см. гл. IX). – Цифры даны по: H. G. van Dam – R. Giordano, *KZ-Verbrechen vor deutschen Gerichten*, Frankfurt 1962, S. 225–227; 333; Eugen Kogon, *Der SS-Staat*, München 1946, S. 185–190; Hans Marsalek, *Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen*, Wien 1974, S. 122 f.; Сообщения господина генерального прокурора Берлина Хаусвальда, на основании данных процесса. Генеральный прокурор Хаусвальд выдвигал на процессе обвинение против управляющего делами в РСХА Кёнигсвальда.
- ⁶⁴ Выдержка из военного дневника подразделения в кн.: *Le Crime Methodique*, Moskau, 1963, S. 201. – Поскольку команды были учреждены в стационарных лагерях Просткен и Фишборн уже согласно «особому приказу» №9, речь здесь явно идёт не о первых казнях в этих лагерях.
- ⁶⁵ Обвинительный акт Az. 4 Ks 1/71 государственного архива при земском суде Франкфурта-на-Майне. Эти пленные уже были частично «отобраны» в июле и размещены внутри лагеря в двойне охраняемом помещении. Под предлогом перевода в зимний лагерь их на грузовике доставили в сентябре в близлежащий лес и расстреляли.
- ⁶⁶ О попытке подытожить количество жертв см. конец этого отрывка.

- ⁶⁷ Это также является указанием на то, что количество жертв на территории рейха было *сравнительно* низким.
- ⁶⁸ Имеется в виду ещё требующий рассмотрения приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 3058/41 секр. от 8 сент. 1941 г.
- ⁶⁹ См. речь Гитлера от 3 октября 1941 г., опублик. в кн.: Max Domarus, Hrsg., *Hitler. Reden und Proklamationen 1932-1945*, Bd. II, 2, München 1965, S. 1764.
- ⁷⁰ Kogon, *Der SS-Staat*, S. 186-188.
- ⁷¹ Далее см. опубликованный в качестве Нюрнбергских документов (178-R в: *IMG, XXXVIII*, S. 419-498) архив Мюнхенского гестапо, а также *BA R 41/170-172*.
- ⁷² Генерал-лейтенант Отто Риттер фон Заур (род. 1876 г.) - с февраля 1941 г. - начальник службы содержания пленных в VII корпусном округе; в июле 1942 г. - уволен.
- ⁷³ 178-R, № 1-5. См. гл. VII, 3, б.
- ⁷⁴ Органы регенсбургского гестапо отобрали в VII корпусном округе более 22 %, а в отдельных рабочих командах - более 40 % пленных: *Ibidem*, № 20, S. 450 f.
- ⁷⁵ Имеются в виду обессилившие от голода пленные, которые согласно приказу ОКВ с ноября опять должны были обрести работоспособность; об этом см. гл. VII, 2, а.
- ⁷⁶ *Ibidem*, S. 431, доклад оберштурмбанфюрера СС и уголовного комиссара Шермера от 24 ноября 1941 г.
- ⁷⁷ Мейнелъ, бывший офицер полиции, который в 30-е годы был уволен по политическим мотивам, являлся согласно личному делу СД «офицером, выросшим в духе немецкого национализма, который... никогда не отклонялся от этой принципиальной позиции» (*Ibidem*, S. 429 f., 438).
- ⁷⁸ *Ibidem*, S. 433 f. - Мейнелъ мог опираться на то, что Гитлер 31.10.1941 г. отдал приказ об использовании труда советских военнопленных в нем. промышленности в большом масштабе; см. об этом ниже гл. VIII.
- ⁷⁹ *Ibidem*, S. 439. Последнее - по записи Мейнелъ. Весьма характерно, что участвовавшие чиновники гестапо постоянно старались отодвигать на задний план эту часть аргументации Мейнелъ и в то же время делать упор на недостаточную идеологическую твердость и «гуманность» Мейнелъ.
- ⁸⁰ *Ibidem*, S. 143 f.
- ⁸¹ *Ibidem*, S. 474 f.
- ⁸² Об этом см. гл. VIII, 3, б.
- ⁸³ То есть прежнее V главное управление - по использованию рабочей силы - имперского министерства труда, которое как раз в это время перешло в управление 4-летним планом и как учреждение в этом ведомстве Геринга, конечно, было дееспособно. - Вмешательство последовало на основании письма президента баварской биржи труда от 20 янв. 1942 г., *BA R 41/270*, л. 271.
- ⁸⁴ Документ отдела Va рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-летним планом № 5135/902/42 секр., записка и письмо в РСХА, и одновременно письмо по делам военнопленных в ОКВ от 4.02.1942 г., *R 41/179*, лл. 273-276. - Реакция РСХА была весьма характерна: Хотя дальнейшее поведение в этом деле позволяет заключить, что доводы рабочей группы были учтены, «официальной» реакции не последовало. Повторные запросы рабочей группы по использованию рабочей силы от 24.02, 2.04, 20.04.1942 г. остались без ответа. После того, как дело из-за явной безнадёжности дальнейших усилий было сдано 7.05.1942 г. «в архив», Панцингер снизошёл 15.05.1942 г. до ответа: Следует, мол, соблюдать «справедливый баланс между необходимыми полицейскими мерами, которые проводятся по приказу фюрера, и неотложностью использования рабочей силы», по-немецки: Дело касается только РСХА (*R 41/172*, л. 5).
- ⁸⁵ То есть пленных, которые из-за состояния своего здоровья не могли быть использованы на работах и находились в лагере.
- ⁸⁶ Телеграмма от 9.02.1942 г., 178-R, S. 480.
- ⁸⁷ Телеграмма Панцингера от 17.02.1942 г., *Ibidem*, S. 484.
- ⁸⁸ Заметка бюро мюнхенского гестапо от 13.07.1942 г., *Ibidem*, S. 488 f.
- ⁸⁹ Однако и здесь групповое согласие также частично было нарушено: офицер абвера разводотдела штаба VII корпусного округа, капитан доктор Вёльцль, «старый нацист», интриговал против фон Заура и Мейнелъ и обеспечил гестапо поддержку со стороны своего ведомства: *Ibidem*, S. 428-432.
- ⁹⁰ В использованных мною документах я не смог найти указаний на другие случаи. Правда, рабочая группа по использованию рабочей силы в своём письме от 4 февраля

- 1942 г. в РСХА указывала на то, что по словам «отдельных» чиновников, отвечающих за сельскохозяйственные работы, использование рабочей силы наталкивается на «трудности» из-за деятельности айнзацкоманд, но и там было указано лишь на случаи в VII корпусном округе. В документах имперского министерства труда нет иных свидетельств, так что это указание на другие случаи, видимо, следует рассматривать как намерение придать письму больший вес.
- ⁹¹ Телеграмма нюрнбергского отделения в бюро мюнхенского гестапо, 178-R, S. 471.
- ⁹² Наряду с Рейнеке присутствовали: начальник отдела имперских территорий в общем управлении ОКВ полковник фон Бегвелин, начальник отдела по делам военнопленных подполковник Брейер, от РСХА – начальник гестапо Мюллер, от управления разведки и контрразведки в ОКВ – полковник Лахузен и представитель имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий, заместитель руководителя главного политического отдела – Бройтигам. См. описания Лахузена (*OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 434–440), фон Бегвелина (*Ibid.*, S. 7481–7507) и Бройтигама (*Ibid.*, S. 8954–8986, а также его кн.: *So hat es sich zugetragen*, Würzburg 1968, S. 389–392).
- ⁹³ Документ начальника полиции безопасности и СД № 21В/41 секр. для отдела IV A 1 с от 12 сентября 1941 г., BA R 58/272, лл. 76; 60–62. – Соответствующие распоряжения отдела по делам военнопленных от 17 июля 1941 г. остались по сути без изменений; см. приказ отдела по делам военнопленных № 3058/41 секр. от 8 сентября 1941 г., *IMG*, XXVII, S. 274–283 (= 1519-PS).
- ⁹⁴ *Ibidem*, л. 61.
- ⁹⁵ Dallin, *Deutsche Herrschaft*, S. 431; см. Bräutigam, *Op. cit.*, S. 391–393. В остальном Бройтигам также придерживается мнения, что «из большой аморфной массы военнопленных не подлежащие исправлению большевистские, подстрекательские и преступные элементы, от которых следует опасаться саботажа и политического противодействия», должны быть отобраны айнзацкомандами. «Ликвидация комиссаров и евреев» считалась само собой разумеющейся: докладная записка Бройтигама на имя Розенберга от 13 октября 1941 г., 082-PS.
- ⁹⁶ Слова Бройтигама в составленной им в начале 1942 г. докладной записке; см. об этом прим. 338 к кн. VII, а также подробную цитату оттуда в начале введения.
- ⁹⁷ R 58/272, л. 61 и сл., курсив в ориг.
- ⁹⁸ Bräutigam, *Op. cit.*, S. 375. Бройтигам возложил ответственность за это на команды СД; однако, в лагерях ответственность принципиально лежала на органах вермахта.
- ⁹⁹ Для лагерей военнопленных это не доказано, но судя по приказу Гейдриха вполне вероятно. См. описание казни 400 евреев в Житомире 7 авг. 1941 г. зондеркомандой 4а, которая с помощью пропагандистской кампании стала своего рода «народным праздником» для солдат и гражданских лиц: Alfred Streim, «Zum Beispiel: Die Verbrechen der Einsatzgruppen in der Sowjetunion», in: Adalbert Rückerl, Hrsg. *NS-Prozesse*, Karlsruhe 1971, S. 73 f. Кроме того, см. доклад руководителя 3-й айнзацкоманды Егера от 10 декабря 1941 г. в приложении к *Op. cit.*
- ¹⁰⁰ О критике этой точки зрения см. также Hans Buchheim, «Befehl und Gehorsam», S. 213–320.
- ¹⁰¹ Кажется, что в остальном даже дополнения Гейдриха от 12 сентября едва ли были учтены. В качестве «интеллигентов» отбирали, как представляется, в основном квалифицированных рабочих.
- ¹⁰² Вермахт также не остался в стороне от этого огрубляющего эффекта, см. гл. VI, 5 и VII, 2, б. Особенно вопиющим примером этого, а также извращённого образа мыслей некоторых врачей, причём отнюдь не только врачей из СС, являются эксперименты, которые руководитель института судебной медицины Берлинской военно-медицинской академии доктор Герхард Паннинг проводил на советских пленных. В июле 1941 г. Паннинг получил задание сделать анализ захваченной советской противопехотной взрывчатки, использование которой противоречило нормам международного права. Паннинг велел передать в его распоряжение 11 отобранных зондеркомандой 4а «нежелательных» военнопленных. Пленные были доставлены на различном расстоянии друг от друга, после чего Паннинг указал стрелкам зондеркоманды, в какие части тела они должны были целиться. О своём эксперименте Паннинг опубликовал «научную» статью в

специальном журнале, см. Streim, *Op. cit.*, S. 75; Hassell-Tgb., S. 204 (4.10.1941 г.).

¹⁰³ *Ibidem*, S. 72 f.

¹⁰⁴ Насколько сильно сожалел Гиммлер о том, что уничтожение евреев так и останется «никогда и никем не описанной славной страницей нашей истории», видно из его пресловутой речи 4 октября 1943 г. перед группенфюрерами СС в Познани: *IMG*, XXIX, S. 145 f. (= 1919-PS).

¹⁰⁵ «Особый приказ» № 8, *BA R 58/272*. – В «особом приказе» № 9 Мюллера говорилось о лагерях в прифронтовой зоне: «Пересыльные лагеря по сообщению ОКВ находятся в прифронтовой зоне и ... время от времени передислоцируются ближе к фронту. Об их нынешнем состоянии в отделе по делам военнопленных в данном случае следует спросить у генерал-квартирмейстера» (Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 207).

¹⁰⁶ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/4590/41 секр., *BA/MA AOK 16/14989/56*.

¹⁰⁷ В этом также проявился страх немецкого руководства перед коммунистическим влиянием на немецкое население, который зашёл так далеко, что в некоторых лагерях на территории рейха пришлось даже отказаться от необходимых там переводчиков.

¹⁰⁸ См. выше гл. VI, 1. Браухич вернулся 5 июля из поездки по фронту и заявил Гальдеру, что проблема пленных приняла угрожающий характер; кроме того, растёт неуверенность в тылу, [в том числе из-за] движения населения на улицах: *KTB Halder*, III, S. 45. Эти опасения вели не только к активизации усилий по наведению порядка в лагерях путём устранения «подстрекателей», но и к подлежащему ещё рассмотрению приказу генерала для особых поручений Мюллера от 25.07.1941 г.

¹⁰⁹ *Донесения о событиях в СССР* № 1 от 23.06.1941 – № 195 от 24.04.1942, *BA R 58/214–/221*. *Донесения о событиях*, отмеченные высшим невоенным рангом секретности «совершенно секретно», составлялись сначала ежедневно, а затем в течение 2–4 дней на основании донесений айнзагрупп в РСХА. Из анализа сохранившихся донесений следует, что принимались только те из них, которые представляли интерес для РСХА, так что полноты картины от них ожидать не сле-

дует. Круг получателей был ограничен сперва только Гиммлером, Гейдрихом, другими начальниками управлений РСХА и некоторых отделов IV управления. Вскоре он существенно расширился и порой включал в себя также отдел «L» Варлимонта. – Появившиеся с 1 мая 1942 г. *Ведомости из оккупированных восточных областей* (№ 1, 1 мая 1942 – № 55, 21 мая 1943, *BA R 58/697 – 699; –/222–224*) выходили, кажется, раз в неделю; содержащиеся в них сведения, для ответственно большего круга получателей и меньшего ранга секретности, менее показательны. Обе серии являются первостепенным источником по оккупационной политике Германии на территории СССР и по уничтожению евреев.

¹¹⁰ *Донесения о событиях в СССР*, № 27 от 19.07.1941, *R 58/214*.

¹¹¹ NOKW-2595, цит. по: Raul Hilberg, *The Destruction of the European Jews*, Chicago, 1961, S. 221 f. Этот приказ был явным нарушением запрета Вагнера от 24 июля 1941 г. См. об этом гл. VI, 4. Советский писатель Леонид Волынский изобразил в своём автобиографическом очерке «В течение ночи» то, как его взяли в плен во время окружения под Киевом 18 сентября 1941 г. Волынский был одним из примерно 10 тысяч пленных в этой части «котла»: «На следующее утро пришли 15 эсэсовцев с белыми черепами на фуражках и велели выйти вперёд «комиссарам, коммунистам и евреям»; их оказалось около 300. Они должны были оголить торс и выстроиться в линию. Затем переводчик прокричал... что, видимо, некоторые из них ещё скрываются и что каждый, кто даст сведения о коммунисте, комиссаре и еврее, получит его одежду и прочее имущество... В конце концов, расстреляли 400 человек. Их уводили по 10 человек и заставляли копать себе могилы». (В сб.: Alexander Werth, *Rusland in Krieg*, Bd. I, S. 174 f.).

¹¹² *Донесения о событиях в СССР*, № 28 от 20.07.1941 г.

¹¹³ *Донесения о событиях в СССР*, № 47 от 9.08.1941 г., *R 58/215*. – Отдельные сообщения об успешных казнях встречаются всё реже; так, в «Донесениях о событиях» № 58 от 20.08.1941: «Из лагеря военнопленных в Бердичеве были обнаружены и казнены как коммунисты 9 подозрительных евреев» (*R 58/216*).

- ¹¹⁴ *Донесения о событиях в СССР*, № 132 от 12.11.1941 г., R 58/219. Эти казни также состоялись ещё до того, как ОКХ разрешило деятельность команд в прифронтовой зоне. Та же самая айнзацгруппа сообщала в конце октября о «проделанной до сих пор работе» следующей: «Особое внимание было уделено лагерям для военнопленных, где требовалось схватить политруков и политкомиссаров русской армии» (*Донесения о событиях в СССР*, № 127 от 31.10.1941 г., R 58/218).
- ¹¹⁵ *Донесения о событиях в СССР*, № 71 от 2.09.1941 г., R 58/216.
- ¹¹⁶ *Донесения о событиях в СССР*, № 130 от 7.11.1941 г., курсив в ориг. РСХА только 29 октября отдало айнзацкомандам формальный приказ, – теперь уже с санкции ОКХ, – распространить свою деятельность на лагерь военнопленных. Для зоны ответственности группы армий «Центр» «Донесения о событиях» не содержат таких сведений. То, что и здесь в начале октября айнзацкоманды уже действовали в лагерях, видно из доклада 720-го охранного батальона коменданту 582-го тылового района [9-й армии] от 14 октября 1941 г.: в лагере для военнопленных в Великих Луках органы СД после допроса расстреляли 3-х еврейских пленных: NOKW-2595. В пересыльном лагере в Орше в сентябре «службе безопасности были переданы комиссары для дальнейшего исполнения», см. выше прим. 19.
- ¹¹⁷ По всей видимости имеется в виду подписанный Рейнеке приказ отдела по делам военнопленных № 3058/ 41 секр. от 8 сент. 1941 г., о котором ещё будет сказано более подробно; см. цитату из него в гл. VII, 3, а.
- ¹¹⁸ Приказ начальника оперативного отдела 6-й армии от 10 октября 1941 г., *IMG XXXV*, S. 84–86, 411-D. Ниже об этом приказе также будет ещё сказано более подробно. Пока же следует констатировать, какое значение придавала этому приказу айнзацгруппа «Ц».
- ¹¹⁹ *Донесения о событиях в СССР*, № 128 от 3.11.1941 г., R 58/218. К моменту составления доклада «особый приказ № 14», согласно которому Гейдрих 29 октября 1941 г. передавал айнзацгруппам директивы, касавшиеся отбора, от 17 июля 1941 г. и согласие ОКХ на их деятельность в прифронтовой зоне, очевидно, ещё не были известны в айнзацгруппах.
- ¹²⁰ См. описанный в гл. VI, 5 протест подполковника Гроскурта против расстрелов евреев в Белой Церкви, где имело место аналогичное положение дел.
- ¹²¹ Доклад 8-й айнзацкоманды от 3 ноября 1941 г. инспектору полиции и СС «Центральной России», *BA R 70 SU/26*, лл. 1–3. Курсив в ориг.
- ¹²² См. гл. VI, 5. – В случае майора Витмера нельзя сказать, что его позиция имела для него негативные последствия. По крайней мере 3 месяца спустя Витмер по-прежнему был комендантом 185-го пересыльного лагеря: донесение коменданта по делам военнопленных округа «J» от 27 января 1942 г., *BA/MA RH 22/v. 220*.
- ¹²³ В 185-м пересыльном лагере между 21 октября и 18 ноября 1941 г. умерло 1 500 пленных: доклад коменданта по делам военнопленных округа «J» от 22 ноября 1941 г. *BA/MA RH 22/v. 220*. См. об этом гл. VII.
- ¹²⁴ Документ военно-административного отдела генерального штаба сухопутных сил № II/41 сов. секр. от 7 октября 1941 г. (проект): NO-3422.
- ¹²⁵ Это следует из приведенного ниже отрывка из дневника фон Бока. Неясным, правда, остаётся вопрос, почему Гейдрих передал проект приказа ОКХ в качестве дополнения к своему «особому приказу» № 14. – Вероятно, виновником этого был Рейнеке, инициировавший данный процесс. Согласно его собственным показаниям, он в связи со своей инспекционной поездкой на Восток во изменение своих планов ездил якобы в ставку фюрера, чтобы, как он говорит, в присутствии Кейтеля возразить против расстрелов и приказа о комиссарах: *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7290–7293. То, что он хотел протестовать против расстрелов, которые сам же и организовал в зоне ответственности ОКВ, совершенно невероятно. К тому же сам ход событий говорит за то, что он ездил к Кейтелю с совершенно иными намерениями: 4 сентября Рейнеке выразил в Варшаве удовлетворение по поводу «успешного» сотрудничества с командами. 8 сентября, сразу после своего возвращения, он подписал строжайший приказ об обращении с пленными, в котором ещё раз рекомендовал практику «отборов», распространив её также на зону ответственности ОКВ (приказ отдела

по делам военнопленных в ОКВ № 3058/41 секр. = 1519-PS; об этом приказе см. гл. VII, 3, а). Этот приказ поступил также к генерал-квартирмейстеру, и спустя четыре недели деятельность команд в зоне ответственности ОКХ была формально разрешена.

¹²⁶ См. директивы Гейдриха к «особому приказу» № 14 (NO-3422), а также к его «особому приказу» № 8 (NO-3414, см. выше прим. 41) и приказу Рейнеке от 8 сентября 1941 г.

¹²⁷ Дневник фон Бока, *ВА/МА* № 22/10, 9.11. 1941 г., курсив в ориг.

¹²⁸ Об этом см. гл. VI, 5.

¹²⁹ См. цифры в VII и XIII корпусных округах, где команды мюнхенского гестапо определили к ликвидации в среднем 13 % пленнх, а гестаповские команды в Регенсбурге и Нюрнберге-Фюрте – 15–17 %, а в отдельных случаях – даже до 40 % пленнх: *IMG*, XXXVIII, S. 425–496. Этот процентный показатель подтверждает ставшее в последующем известным число: из 4600 пленнх стационарного лагеря Погеген (Вост. Пруссия) до 12 октября 1941 г. было расстреляно 650 «евреев и комиссаров» (= 14 %): доклад Вейса [в имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий] от 23.10.1941 г., *ВА R* 6/95, л. 1. – Начальник гестапо Мюллер заявил на совещании с генералом Рейнеке и представителями имперского министерства труда 5 декабря 1941 г., что «до сих пор было отобрано всего 22 000 русских военнопленных и около 16 000 из них – ликвидировано»: Заметка доктора Леча (имперское министерство труда) от 22.12.1941 г., *ВА R* 41/168, л. 203 и сл. Эти данные Мюллера ни в коей мере не соответствуют действительности, так как только в XIII корпусном округе до сих пор (из максимум 13 000 пленнх) в концлагерях Дахау и Флоссенбург было расстреляно около 2 000 пленнх, а в концлагере Заксенхаузен уже ранней осенью уничтожено более 10 000 пленнх. Мюллер имел причины преуменьшать во время совещания количество жертв, так как обсуждался вопрос, как ввиду изменившегося военного положения можно будет использовать труд возможно большего количества советских пленнх. См. об этом ниже гл. VIII, 3, б. – Если принять 10–20 % в качестве среднего показателя для всей территории рейха, то количество

жертв до конца 1941 г. составит от 40 000 до 80 000 человек, так как к тому времени на территорию рейха было доставлено около 400 000 советских военнопленных.

¹³⁰ См. приведенную выше цитату из доклада веймарского чиновника гестапо (прим. 70).

¹³¹ Главной причиной того, что не существует точных данных о количестве советских военнопленных и их вымирании от голода, эпидемий и расстрелов в первые месяцы войны, следует видеть в нежелании статистически регистрировать ожидаемые и отнюдь не нежелательные для части немецкого руководства потери; см. ниже в начале гл. VII. – Обер-квартирмейстер при командующем войсками генерал-губернаторства также начал более точный учёт пленнх только тогда, когда стало ясно, что массовую смертность пленнх уже не остановить. Первый общий баланс, сделанный, видимо, довольно приблизительно, так как речь шла лишь об округлённых цифрах, называет 17 000 «переданных СД» пленнх. То, что эта цифра не точна, видно из того факта, что цифры в записях о наличии за следующие месяцы постоянно колебались то вверх, то вниз. Однако поскольку только в лагере Бяла-Подляска в сентябре 1941 г. было казнено от 5 000 до 6 000 пленнх, цифра в 17 000 вызывает сомнение. Это было бы всего 2,6 % от доставленных до декабря в генерал-губернаторство 646 000 пленнх (см. сметы в *ВА/МА RH* 53 – 23/v. 64 и -/v. 65). Следует принять число между 60 000 и 120 000 пленнх.

¹³² Документ отдела по делам военнопленных в ОКВ об общем наличии военнопленных в зоне ответственности ОКВ, 1.04.1942 г., *ВА/МА RW* 6/v. 450. Из 68 пленнх 61 находились в лагерях рейхскомиссариата «Остланд». – Это было единственным случаем, когда в ежемесячном отчёте о наличии, который отдел по делам военнопленных в ОКВ передавал в Международный Комитет Красного Креста, были упомянуты советские военнопленные-евреи. То, что это сообщение вообще дошло до Женевы, мы обязаны ошибке, – вероятно, намеренной. – В случае с этими военнопленными речь, очевидно, шла о врачах-евреях.

¹³³ Документ начальника организационного отдела (Id) службы по делам военнопленных,

«Перечень мест пребывания советских военнопленных...» (= ОКВ-2125), опубли. в кн.: Ueberschar/Wette, «Unternehmen Barbarossa», S. 364–366.

¹³⁴ *Keine Kameraden*, Stuttgart 1978¹, 1980², S. 105.

¹³⁵ «Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion», in: *DRZW*, 4, S. 730.

¹³⁶ Набирались также *отпущенные из плена представители национальных меньшинств* (в приведенной в прим. 133 статистике подсчитаны отдельно) и гражданские лица. Удельный вес этих 3-х групп не установлен.

¹³⁷ *Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener*, S. 244; курсив у Штрайма.

¹³⁸ Из приведенного выше на стр. 95–98 комплекса документов (Nurnb. Dok. 178-R, *IMG*, XXXVIII, S. 419–449) можно также сделать вывод и о позиции РСХА. – 140 000 «отобранных» составляло 2,4 % от общего количества советских военнопленных или около 4 % от более чем 3 350 000 пленных 1941 г. Более детальное описание отмеченных в документах случаев см. у Штрайма. Следует подчеркнуть, что крайне неполная передача данных не может служить основанием для ошибочного намерения ограничить количество казнённых только доказанными случаями.

^{138a} См. гл. XI, 4.

^{138b} Со слов Гимmlера в его уже упомянутой речи перед группенфюрерами СС в Познани 4 октября 1943 г., где он сокрушался о «потерях в рабочей силе». Примечательно, что в качестве причин он назвал только голод и истощение: *IMG*, XXIX, S. 112 (= 1919-PS).

¹³⁹ Из директив об «отборе» отдела по делам военнопленных от 17 июля 1941 г., приказа ОКХ от 3 апреля 1941 г. и организационного приказа отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941 г. Об этом см. также в следующих, подлежащих обсуждению приказах ОКВ и ОКХ.

¹⁴⁰ Приказ ОКВ от 16 июня 1941 г. был направлен только начальнику службы содержания военнопленных в I корпусном округе и в генерал-губернаторство.

¹⁴¹ Приказ генерала для особых поручений при главнокомандующем сухопутных сил № 1332/41 секр. от 25 июля 1941 г.; его копия в отрывках в качестве дополнения к приказу обер-квартирмейстера 11-й армии

№ 454/41 секр. от 30 июля 1941 г., *ВА/МА RH 19 VI/405*. – Подробности его происхождения неизвестны. 22 июля 1941 г. после доклада фон Браухича о его поездке на фронт Гитлер в качестве «дополнения к директиве № 33» приказал:

«6). Деятельность занятых *обеспечением завоёванных восточных территорий* войск при обширности этих пространств будет успешной не тогда, когда всякое сопротивление будет подавляться путём юридического наказания виновных, но тогда, когда оккупационная власть сумеет внушить им ужас, который только и способен отбить у них желание сопротивляться.

Полномочные командиры вместе с находящимися в их распоряжении войсками несут ответственность за спокойствие в своих областях. Не в привлечении дополнительных сил безопасности, но в применении соответствующих драконовских мер командиры должны искать средство для поддержания порядка на своей территории». (*Hitlers Weisungen*, S. 167 f., курсив в ориг.). – Однако представляется невероятным, чтобы распоряжение Мюллера восходило в первую очередь к приказу Гитлера. Уже 5 июля после своей поездки на фронт фон Браухич сообщил Гальдеру о том, что «проблема пленных... приняла угрожающий размах» и что неуверенность в тыловых районах растёт (см. выше прим. 108). Все затронутые тогда фон Браухичем вопросы были учтены в приказе Мюллера.

¹⁴² *Ibidem*, курсив в ориг.

¹⁴³ См. гл. VII, 2, 6.

¹⁴⁴ См. приказ начальника разведотдела тылового района группы армий «Юг» № 1125/41 секр. от 29 июля 1941 г. (со сроком до 8 августа 1941 г.): *Zentralstelle, Verschiedenes, Ordner 4, Bild 880 f.* – Приказ обер-квартирмейстера 9-й армии № 254/41 секр. от 10 сентября 1941 г. (срок до 16 сентября), *ВА/МА АОК 9/14162/7*. – Офицер абвера разведотдела 9-й армии уже в приказе № 2058/41 секр. от 3 июля 1941 г. распорядился задерживать прохожих в возрасте от 17 до 50 лет и, если они покажутся подозрительными, обращаться с ними как с врагами, то есть расстреливать, в противном случае – обращаться как с пленными; *Ibidem*. – Приказ офицера абвера разведотдела 4-й ар-

мии от 28 августа 1941 г. (срок до 11 сентября): NOKW-1564.

¹⁴⁵ Из 1784 задержанных между 7 и 13 сентября 1941 г. в районе гарнизонной комендатуры тылового района 9-й армии в качестве «партизан» лиц, 357 были «расстреляны или повешены, как партизаны, комиссары или саботажники», а остальные, как «скрывавшиеся русские солдаты», отправлены в лагеря для военнопленных, где подверглись проверке со стороны айнзацкоманды 7а (NOKW-1326), – что является лишним доказательством деятельности команд в лагерях для военнопленных группы армий «Центр» ещё до приказа ОКХ, который это разрешил. – В зоне ответственности 285-й охранной дивизии (тыловой район группы армий «Север») с подавляющим числом захваченных в октябре и ноябре 1941 г. красноармейцев обращались как с пленными. Правда, было также заявлено, что их «едва ли... следует отличать от партизан»: NOKW-2421. Из военного дневника размещённой в том же районе 281-й охранной дивизии следует, что красноармейцы, которые примкнули к партизанским группам, расстреливались в большом количестве: NOKW-2154. – В районе 207-й охранной дивизии (также тыловой район группы армий «Север») до 30 сент. 1941 г. из 17 542 захваченных в плен солдат было расстреляно 1085. При этом дивизия объясняла «большое количество» пленных тем, что изначально не было дано чёткого разграничения понятий «разбойник», «военнопленный» и «партизан»: отчёт начальника разведотдела тылового района группы армий «Север» № 620/41 секр. в разведотдел группы армий «Север» от 29 октября 1941 г., *ВА/МА RH 22/v. 234*. – В целом следует сказать, что «партизанские группы» в это время формировались в первую очередь из оставших от своих частей солдат, главной целью которых было избежать немецкого плена и пробиться к своим войскам, в особенности после того, как стало известно об обращении с пленными.

¹⁴⁶ См. донесения полицейского полка «Центр» и кавалерийской бригады СС в штаб командования рейхсфюрера СС, *ВА R 70 SU/27*.

¹⁴⁷ Месячный отчёт командующего вооружёнными силами в Белоруссии с 11.10 по 10.11. 1941 г., 19 ноября 1941 г. переданный ко-

мандующим вооружёнными силами «Остланда» рейхскомиссару «Остланда», с приложением: *ВА R 90/v. 556*. Войска командующего вооружёнными силами в Белоруссии также участвовали в истреблении евреев: «Поскольку они до сих пор делали вместе с коммунистами и партизанами одно общее дело, будет проведено полное искоренение этого антинародного элемента». – В зоне ответственности полевого коменданта Могилёва 8-я айнзацкоманда также настаивала на расстреле всех способных носить оружие мужчин, которые будут встречены на улице без необходимого удостоверения, см. выше прим. 121.

¹⁴⁸ Отчёт начальника оперативного отдела 281-й охранной дивизии от 6 января 1942 г., NOKW-2032, курсив в ориг. С расстрелянных снимали одежду – см. соответствующие сведения о расстрелах в тыловом районе группы армий «Север» и зоне ответственности 16-й армии с декабря 1941 г. по март 1942 г.: NOKW-2121; NOKW-2234.

¹⁴⁹ О предотвращении попыток побегов часто сообщается в отчётах квартирмейстеров, но подробности упоминаются крайне редко. Три документальных примера говорят о том, как обстояло дело. После того как айнзацкоманде в лагере для военнопленных в Минске стало известно в начале января 1942 г. о плане массового побега, до 23 января 1942 г. было расстреляно по меньшей мере 60 пленных: *Донесения о событиях в СССР*, № 142–59, 7–23.01.1942 г., *ВА R 58/220*. – Чтобы помешать массовому побегу из III сектора 131-го пересыльного лагеря в Бобруйске, «целую ночь вёлся заградительный огонь из пулемётов, так что утром 10 октября 1941 г. из 17 000 находившихся в III секторе пленных 1700 лежали на плацу мёртвыми». (Доклад коменданта по делам военнопленных округа «J» от 22 ноября 1941 г., *ВА/МА RH 22/v. 220*). – Когда двое пленных при побеге с аэродрома в Либаве убили часового, местное подразделение вермахта расстреляло в отместку 20 пленных: доклад отделения полиции безопасности в Либаве от 29 ноября 1941 г., *ВА R 70 SU/20*, л. 51.

¹⁵⁰ Документ 112-го строительного батальона [военнопленных] в 152-й пересыльный лагерь от 16 февраля 1941 г., *ВА/МА PzAOK*

1/19194/43. Уже осенью 1941 г. во всех лагерях, в которых размещались советские военнопленные, по распоряжению отдела по делам военнопленных в ОКВ был вывешен приказ, в котором за попытку побега пленным угрожали самыми страшными карами, в том числе смертной казнью: конфиденциальная информация партийной канцелярии для гауляйтеров и крайсляйтеров № 53/606 от 1 ноября 1941 г., *ВА NSD 3/14*, с. 580.

¹⁵¹ См. отчёт айнзацгруппы «А» [середина января 1942 г.], *ВА R 70 SU/20*, лл. 71–73. Там среди прочего сообщается, что из 8000–9000 пленных, которые использовались на работах поблизости от Риги, 32 человека уже было расстреляно охранными отрядами латышей при попытке к бегству.

¹⁵² См. прим. 28 к гл. VIII.

¹⁵³ *Донесения о событиях в СССР*, № 64 от 26.08.1941 г., см. *Донесения о событиях в СССР*, № 85 от 16.09, № 97 от 28.09, № 111 от 12.10, № 119 от 20.10.1941 г.: *ВА R 58/216–218*.

¹⁵⁴ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 3624/41 секр. от 22 ноября 1941 г., *ВА/МА RW 5/v. 242 (= 569-D)*. – Приказом отдела по делам военнопленных в ОКВ № 389/42 секр. от 24 марта 1942 г. этот приказ был смягчён, в том числе потому, что из-за высокой смертности пленным казалось необходимым сохранить рабочую силу:

«Повторно схваченные советские военнопленные, даже если они были схвачены органами полиции, должны доставляться последними в ближайший лагерь для военнопленных... Комендант лагеря должен установить в каждом отдельном случае причину побега. Если причиной являлась всего лишь тоска по родным или голод и если военнопленный не совершил во время побега преступлений, то комендант лагеря должен подвергнуть его дисциплинарному наказанию и опять использовать на работах». Но уже 2 месяца спустя по приказу отдела по делам военнопленных в ОКВ № 1155/42 секр. от 5 мая 1942 г. распоряжение опять было ужесточено: «Ввиду приобретённого между тем опыта, что советских военнопленных можно удержать от побега только путём карательных мер», – а именно путём лишения продуктов питания и одежды, – военнопленных теперь в любом случае сле-

дует передавать гестапо. Только если гестапо установит, что пленный не совершил во время побега преступлений, его следует опять вернуть в лагерь и использовать на работах. (Оба приказа: *ВА/МА RW 6/v. 272*). – См. об этом гл. XI, 4.

¹⁵⁵ Отто Бройтигам пишет в своих воспоминаниях, что в ответ на его жалобы по поводу дурного обращения с советскими пленными поздним летом 1941 г. в *ОКХ* возразили, что, мол, Красная Армия точно так же поступает с немецкими пленными. Когда Бройтигам вслед за тем проверил подготовленный в *ОКХ* сборник имевших место случаев, то установил, что «в целом речь идёт о примерно 180 случаях, большинство из которых были, очевидно, взяты из разных источников и потому дважды попали в сборник». Бройтигам, *Op. cit.*, S. 376. – И использованные мною документы подтверждают этот вывод. – «Оценка врага», которая была составлена офицером абвера разведотдела группы армий «Центр» 10 марта 1941 г. и передана из II отдела абвера управления разведки и контрразведки в ОКВ [полковник Лахузен] в имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий, объясняла расстрелы немецких пленников исключительно «бедственным состоянием русских военнопленных, о котором очень быстро стало известно»: *ВА R 41/169*, л. 259.

¹⁵⁶ Письмо генерала для особых поручений при главнокомандующем сухопутных сил № 1215/41 секр. от 9 июля 1941 г., подпись Мюллером, в 6-ю армию (командующий фон Рейхенау), *ВА/МА АОК 18/13787/23*. – Поскольку это письмо было, по-видимому, распространено по всей армии, – предыдущая копия была направлена 17 июля 1941 г. коменданту 583-го тылового района, – следует заключить, что наряду с запросом фон Рейхенау были и другие запросы. – 12 августа 1941 г. командующий 17-й армией фон Штюльпнагель отклонил предложение 49-го армейского корпуса (генерал Кюблер) расстреливать пленных советских генералов и заявил об этом в листовках, поскольку, судя по показаниям пленников, «упорное сопротивление русских не в последнюю очередь объясняется страхом перед расстрелом»: телеграмма командования

17-й армии от 12 августа 1941 г., *ВА/МА АОК 17/14499/51*. – Представляется, однако, что отдельные войсковые командиры уже прежде по собственной инициативе давали распоряжения о расстреле советских пленных. Командир 99-й лёгкой дивизии генерал фон дер Шевалье приказал 30 июня 1941 г. расстрелять всех советских пленных, кроме украинцев, после того, как взвод немецких солдат был найден растерзанным на куски: *NOKW-1284*.

¹⁵⁷ См. приведенный выше в прим. 19 в качестве примера расстрел 20 пленных в отместку за то, что при попытке побега был убит один часовой.

¹⁵⁸ Сюда же относится приказ Кейтеля (по распоряжению Гитлера) по «подавлению коммунистического повстанческого движения» (приказ группы IV/Qu. отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта №002060/41 сов. секр. от 16 сент. 1941 г.). В нём среди прочего было приказано: «Чтобы в зародыше подавить заговор, нужно немедленно при первом же поводе применять самые суровые меры, чтобы тем самым поддерживать авторитет оккупационных властей и предупреждать дальнейшие поползновения. При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в этих странах зачастую ничего не стоит и устрашающий эффект может быть достигнут только путём необыкновенной жестокости. В этих случаях в качестве возмездия за жизнь одного немецкого солдата следует казнить 50–100 коммунистов. Способ приведения приговора в исполнение должен ещё более усилить устрашающий эффект» [*Jacobsen, Kommissarbefehl*, S. 216].

¹⁵⁹ Во всей зоне ответственности ОКВ к 1 апреля 1942 г. оставалось ещё всего 68 советских пленных-евреев, см. прим. 132. – Гейдрих приказал делать исключения, – «кроме особо оговорённых случаев», – только для евреев врачей и медицинского персонала, очевидно, по предложению ОКХ, поскольку к этому времени в лагерях уже начались эпидемии. В своих директивах для инспекторов полиции и СС от 2 июля 1941 г. Гейдрих распорядился также, чтобы «при расстрелах врачей и прочих, сведущих в медицине лиц действовали особенно осторожно»: «Поскольку в этой стране на 10000 жителей

приходится только один врач, то при возможной эпидемии в результате расстрела слишком большого количества врачей возникнет трудно заполняемый вакуум» (*BA R 70 SU/15*, л. 7 и сл.). – Правда, айнзацкоманды вряд ли соблюдали эти ограничения Гейдриха. Офицер для поручений при коменданте по делам военнопленных округа «J» докладывал 23 июля 1941 г. о посещении 131-го пересыльного лагеря в Слониме:

«Комендант пересыльного лагеря указал на то, что в деле уничтожения евреев была бы желательна детальная проработка. Например, врачей устранять не следует, так как в случае эпидемии они всё ещё могут оказать определённую пользу. Он предложил, чтобы комендант пересыльного лагеря в согласии с полевым комендантом при случае сделали выбор людей, которых можно было бы пощадить» [*ВА/МА RH 22/v. 220*].

Айнзацкоманды и в последующем стремились к ликвидации по возможности всех без исключения пленных евреев. Это видно из заметки 2-го квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства в военном дневнике за январь–февраль 1943 г. Чиновник из отдела по делам военнопленных в ОКВ якобы сообщил ему, «что после доклада у руководителя отдела и беседы с санитарной инспекцией не осталось более сомнений, по которым следовало бы иначе обращаться с ещё оставшимися на территории генерал-губернаторства 4 врачами-евреями, поскольку они нужны для медицинского обслуживания советско-русских пленных, а СД более не будет их требовать» [*ВА/МА RH 53 –23/v. 67*].

Однако, как правило, СД проявляло упорство, а учреждения вермахта шли на уступки. Согласно данным из Центрального архива в Людвигсбурге даже те врачи-евреи, которые прожили в лагерях долгое время, однажды всё равно были отобраны СД: сообщение господина Штрайма, Центральный архив, от 7.11.1973 г.

¹⁶⁰ Об обращении с еврейскими пленными см. *Jacobsen, Kommissarbefehl*, S. 229 f. (показание одного из выживших о положении в 160-м пересыльном лагере в Хороле в 1941–1942 гг.); более подробно: *Raul Hilberg, Destruction of the European Jews*, S. 220–222. По крайней мере в одном случае комендант

лагеря приказал подчинённому ему охранному персоналу расстрелять 300 «евреев и коммунистов»: *Ibidem*, S. 221. – Отдельные подразделения «ваффен СС» также на месте расстреливали пленных евреев, как, например, подчинённый 17-му армейскому корпусу 8-й кавалерийский полк СС (мот.): NOKW-1350. – Это соединение в рамках 1-й пехотной бригады СС (мот.) также участвовало в систематических расстрелах евреев, см. Отчёт бригады: *Unsere Ehre heißt Treue*, Wien, 1965, S. 96 f.

¹⁶¹ В Центральном архиве в Людвигсбурге такой приказ также оказалось невозможно найти: Сообщение господина Штрайма от 7 ноября 1973 г.

¹⁶² Документ военно-административного отдела генерального штаба сухопутных сил № II/4590/41 секр., BA/MA AOK 16/14989/56. Наряду с этим было предписано разделение пленных по национальному признаку. Командант по делам военнопленных округа «J» приказал отмечать каждую группу буквами, которые белой масляной краской выводились на униформе. Евреи при этом помечались звездой Давида: отчёт от 29 июля 1941 г., BA/MA RH 22/v. 220. По-видимому, это делалось везде: в 160-м пересыльном лагере в Хорле евреи помечались точно так же: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 230.

¹⁶³ Следующий рассказ о взаимодействии между армией и айнзацгруппами, конечно, не может считаться исчерпывающим описанием этой темы. Сохранившиеся по данной теме источники были использованы только в той степени, в какой сама тема имела отношение к нашей работе. Более обстоятельное описание подготовили Хельмут Краусник и Ганс-Генрих Вильгельм. – Самое подробное до сих пор описание уничтожения евреев айнзацгруппами и стационарными айнзацкомандами между 1941 и 1944 гг. дал Рауль Хильберг (*Op. cit.*, S. 177–256). Хильберг использовал широкий круг источников. Согласно своей первоначальной постановке вопроса он отказался от подробного анализа роли военных и не смог поэтому в достаточной мере объяснить руководившие ими мотивы. Хайнц Хёне (Heinz Höhne, *Der Orden unter dem Totenkopf*, Frankfurt 1969, S. 371–390) соблюдал те же принципы при описании карательных акций, не занимаясь спе-

циально исследованием роли вермахта. – Самое вдумчивое на сегодняшний день исследование предлагает Хельмут Краусник («Judenverfolgung», bes. S. 297–313).

¹⁶⁴ Volker R. Berghahn, «Wehrmacht und Nationalsozialismus», *NPL* 15 (1970), S. 44 f.

¹⁶⁶ Joachim C. Fest, *Hitler. Eine Biographie*, Berlin 1973, S. 887. Если Фест понятным образом и не смог всё усвоить из источников, то он всё же на основании использованной им литературы должен был прийти к более дифференцированному описанию. Это относится вообще к описанию войны на Востоке (S. 874 f.), где Фест, обращая слишком пристальное внимание на Гитлера, очень быстро находит ответ на поставленные вопросы. Уже ранее сам Фест более правильно описал отношение вермахта к национал-социализму (*Das Gesicht des Dritten Reiches*, Berlin 1969, S. 277–294).

¹⁶⁶ См. гл. III, 1 и VI, 6.

¹⁶⁷ Приказ военно-административного отдела генерального штаба сухопутных сил № II/807/41 сов. секр.: военная организация айнзацгрупп и отношения субординации: BA/MA RH 22/v. 11. 11-я армия не была в нём учтена; ей была подчинена айнзацгруппа «Д» (штандартенфюрер СС Отто Олендорф).

¹⁶⁸ В последующем даже в понятиях не делалось чёткого различия между более малочисленными зондеркомандами (составом 70–82 чел.) и айнзацкомандами (состав 136–160 чел.).

¹⁶⁹ При этом следует иметь в виду, что должности главнокомандующих групп армий занимали фельдмаршалы, а должности начальников айнзацгрупп – бригаденфюреры СС и генерал-майоры полиции, то есть лица в ранге дивизионных командиров. Должности командующих армиями занимали, как правило, генерал-полковники, в то время как подчинённые им руководители команд были штандартенфюрерами СС, то есть лицами в ранге полковых командиров.

¹⁷⁰ *Донесения о событиях в СССР*, № 6 от 27.06. и № 7 от 28.06.1941 г.: BA R 58/214.

¹⁷¹ *Донесения о событиях в СССР*, № 26 от 18.07.1941 г., *Ibidem*. Это произошло «по настоятельному желанию» 4-й танковой группы. Поскольку вступление в Ленинград не состоялось, команды были использованы для «зачистки и умиротворения» в районе

4-й танковой группы: *IMG*, XXXVII, S. 712 (180-L).

¹⁷² *Донесения о событиях в СССР*, № 28 от 20.07.1941 г., *Ibidem*. – См. *Донесения о событиях в СССР*, № 127 от 31.10.1941 г., где говорится о соответствующем соглашении с командующим тыловым районом группы армий «Ют» фон Роком: R 58/218.

¹⁷³ *Донесения о событиях в СССР*, № 128 от 3.11.1941 г., R 58/218.

¹⁷⁴ В июле 1941 г. зондеркоманды 7 а и 7 б действовали вместе с передовыми частями. В ноябре 1941 г. команды айнзацгруппы «Б» вместе с передовыми отрядами группы армий «Центр» стояли непосредственно под Москвой: зондеркоманда 7 а в составе соединений 9-й армии и 4-й танковой армии – под Ржевом и Калинином, «передовая команда Москва» – под Малоярославцем, зондеркоманда 7 б в составе 2-й танковой армии – под Тулой, 9-я айнзацкоманда – под Вязьмой, передовая команда штаба группы – под Можайском: *Донесения о событиях в СССР*, № 135, 19.11.1941 г., R 58/219.

¹⁷⁵ *Донесения о событиях в СССР*, № 90 от 21.09.1941 г., R 58/217. То же самое уже в *Донесениях о событиях*, № 43 от 5.08.1941 г., R 58/215, где подчёркивалось «исключительно доброе» взаимодействие с комендантами и органами полевой полиции.

¹⁷⁶ *Донесения о событиях в СССР*, № 8 от 30.06.1941 г., R 58/214. Следующее совещание Небе с командующим тыловым районом группы армий «Центр» фон Шенкендорфом и инспектором полиции и СС «Центральной России» Эрихом фон дер Бах-Зелевским также констатировало «полное взаимопонимание относительно нашей деятельности». «Особые меры» должны были согласовываться с начальником оперативного отдела командующего. «Ликвидации ежедневно протекают дальше» (*Донесения о событиях в СССР*, № 27 от 19.07.1941 г., R 58/214).

¹⁷⁷ *Донесения о событиях в СССР*, № 12 от 4.07.1941 г., *Ibidem*.

¹⁷⁸ *Донесения о событиях в СССР*, № 14 от 6.07.1941 г., *Ibidem*, то же самое: *Донесения о событиях в СССР*, № 132 от 12.11.1941 г., R 58/219.

¹⁷⁹ *Донесения о событиях в СССР*, № 32 от 24.07.1941 г., R 58/215: «Текущие акции против большевистских агентов, политичес-

ких комиссаров, служащих НКВД и т. д. были продолжены при активном привлечении тайной полевой полиции, войск авбера и полевой жандармерии. – Аналогичные сведения поступали и от армейских ведомств. 580-я группа тайной полевой полиции 9-й армии сообщала в своём отчёте за июль 1941 г., что «взаимодействие с айнзацкомандой [7а] СД – превосходно»: *ВА/МА АОК 9/14162/7*.

¹⁸⁰ *Донесения о событиях в СССР*, № 128 от 3.11.1941 г., R 58/218.

¹⁸¹ «Общий отчёт» к 15.10.1941 г., *IMG*, XXXVII, S. 671 (180-L).

¹⁸² NOKW-3234, по кн.: Hilberg, *Op. cit.*, S. 197.

¹⁸³ Эти сообщения, которые даже Гитлеру пришлось принять к сведению, заставляют сильно сомневаться в том, что он уже в 1941 г. столь негативно относился к армии, как это засвидетельствовал его адъютант при сухопутных силах Энгель в октябре 1942 г. (см. выше прим. 8).

¹⁸⁴ См. VI, 6.

¹⁸⁵ Цитата из телеграммы Гейдриха от 29 июня 1941 г. к начальникам айнзацгрупп (= «особый приказ» № 1), *ВА R 70 SU/32*, л. 11 и сл. – Этот «особый приказ» проливает также яркий свет на позицию Гейдриха в отношении Гимmlера и начальников айнзацгрупп. Гейдрих настаивал на регулярных, подробных отчётах в его, специально для этого созданное «центральное информационное ведомство» и указывал на то, что только он имеет право непосредственного доклада рейхсфюреру СС, – в этом выразилось его опасение перед тем, как бы начальники айнзацгрупп своими сообщениями об успехах не потеснили его в глазах Гимmlера.

¹⁸⁶ См. соответствующий приказ Небе, *Донесения о событиях в СССР*, № 10 от 2.07.1941 г., R 58/214.

¹⁸⁷ *Донесения о событиях в СССР*, № 47 от 9.08.1941 г., R 58/215. Только в Тернополе и Хоростковке удалось организовать крупные погромы; см. *Донесения о событиях в СССР*, № 81 от 12.09.1941 г., R 58/217. – Даже в зоне ответственности айнзацгруппы «А» только в Литве и Латвии, «хоть и при существенных трудностях, но удалось побудить местные антисемитские силы к погромам»: *IMG XXXVII*, S. 672 (= 180-L). – Для зоны

ответственности айнцагруппы «Б» такие сведения отсутствуют. – В зоне ответственности айнцагруппы «Ц» с большой жестокостью действовала румынская армия: только в Одессе 22–23 октября 1941 г. во время кровавой расправы было перебито 60 000 евреев: Hilberg, *Op. cit.*, S. 199–201.

¹⁸⁸ Из 240 410 евреев, коммунистов и душевнобольных, которые были уничтожены айнцагруппой «А» до 1 февраля 1942 г., только 5500 (2,3 %) стали жертвами погромов: отчёт айнцагруппы «А» по состоянию на 1 февраля 1941 г., *BA R 70 SU/15*, л. 89. – На Украине этот процент вряд ли был существенно выше.

¹⁸⁹ См. упомянутые в гл. VI, 2 и далее случаи.

¹⁹⁰ Так, например, 3-я айнцагкоманда (штан-дартенфюрер СС Карл Егер), которая действовала в тыловом районе группы армий «Север» и в рейхскомиссариате «Остланд», сообщала, что до 1 декабря 1941 г. было расстреляно 133 346 жертв, по большей части евреи: «Общий отчёт о проведённых в зоне ответственности 3-й айнцагкоманды казнях» от 1 декабря 1941 г. в кн.: Ruckerl, *NS-Prozesse*, приложение. – Зондеркоманда 4 а, которая действовала в зоне ответственности 6-й армии, сообщала в начале декабря о 57 243 жертвах, а 5-я айнцагкоманда, входившая в состав айнцагруппы «Б», – о 29 644 жертвах на 10 ноября 1941 г.: *Донесения о событиях в СССР*, № 143 от 8.12.1941 г., *R 58/219*.

¹⁹¹ Плакат крупного формата на 2-х языках (немецком и русском) в различном печатном оформлении, но с одинаковым текстом; примерно июнь–июль 1941 г.: *BA/MA AOK 9/13904/1* или *RH 19 VI/405* (AOK 11). Выделение текста в оригинале жирной линией или большими буквами. Поскольку плакаты находятся в документах двух армий, которые никак не были связаны друг с другом, – они размещались в более чем 700 км друг от друга, – то из этого следует заключить, что авторство текста принадлежало руководству сухопутных сил.

¹⁹² В списках жителей, которые должны были предоставить старосты деревень, евреев следовало помечать буквой «J», см. приказ командующего немецкими войсками в Крыму, апрель 1942 г.: *RH 19 VI/457*. – Самое позднее 19 ноября 1942 г. ОКХ отдало при-

каз о стандартном формате списков жителей и паспортов для гражданского населения для всей прифронтовой зоны. Бывшие красноармейцы и коммунисты помечались в списках буквами «RA» и «K», а евреи и в паспортах буквой «J»: приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/13241/42 от 19 ноября 1942 г., *BA R 58/225*.

¹⁹³ Приказ офицера абвера разведотдела 17-й армии от 7 сентября 1941 г., *BA/MA AOK 17/14499/51*, курсив в ориг. Это было очень важно в данном случае, потому что евреи тем самым лишались возможности бежать от карательных команд на Восток. – Штаб 9-й армии упоминал в сообщениях о пленных и трофеях отдельно как о евреях, так и о других народах: *AOK 9/13904/1*. – В тыловом районе группы армий «Юг» патрули из охранных дивизий хватали евреев и зачастую расстреливали их тут же на месте: см. сведения в *RH 22/v. 7*. Входивший в состав 454-й охранной дивизии 375-й пехотный полк (тыловой район группы армий «Юг») так основательно провёл «зачистку», что 1-я пехотная бригада СС (мот.), которая следовала за ним с тем же заданием, вынуждена была констатировать: «Территория умиротворена, ни евреев, ни большевиков не обнаружено... Все они расстреляны». (Отчёт 1-й бригады СС 6.08–10.08.1941 г. в кн.: *Unsere Ehre...*, S. 104). Следующие примеры см. далее.

¹⁹⁴ См. об этом данные у Хильберга, *Op. cit.*, S. 190.

¹⁹⁵ См. выше стр. 100 и сл. и текст в прим. 180.

¹⁹⁶ *Донесения о событиях в СССР*, № 132 от 3.11.1941 г., *R 58/218*. – Вальтер фон Рейхенау (1884–1942). Рейхенау, который с 1930 г. находился в союзе с Гитлером и привлёк к союзу с ним также будущего имперского министра обороны фон Бломберга, играл немаловажную роль в привлечении вермахта к национал-социализму. Он был значительно более самостоятельно мыслящим политиком, чем такие генералы, как Кейтель и Рейнеке в ОКВ. В своей оценке проводимых целей и используемых для этого средств он не во всём совпадал с Гитлером и являлся одним из немногих генералов, которые не боялись открытого конфликта с Гитлером. В 1939 г. он также критиковал действия СС в Польше, а в войне на Востоке, – не говоря

- уже о далеко идущем идеологическом согла-
сии, – увидел шанс стать путём особенно
энергичного применения карательных мер
возможным преемником фон Браухича на
посту главнокомандующего сухопутных
сил. О Рейхенау см. Müller, *Heer und Hitler*,
и Messerschmidt, *Die Wehrmacht im NS-Staat*.
- ¹⁹⁷ *Донесения о событиях в СССР*, № 143 от
8.12.1941 г., R 58/219.
- ¹⁹⁸ *Донесения о событиях в СССР*, № 38 от
30.07.1941 г., см. Streim, *Op. cit.*, S. 86 и сл.
и сообщение очевидца майора Рёслера,
USSR-293 (1).
- ¹⁹⁹ *Донесения о событиях в СССР*, № 97 от
28.09.1941 г., R 58/217. – Комендантом го-
рода был генерал Эберхард.
- ²⁰⁰ См. *Донесения о событиях в СССР*, № 101 от
2.10.1941 г., № 106 от 7.10.1941 г., R 58/218.
Снятые с жертв одежды заполнили собой
137 грузовика. – См. также Streim, *Op. cit.*,
S. 86 f.
- ²⁰¹ *Донесения о событиях в СССР*, № 24 от
16.07.1941 г., R 58/214. – Здесь также видно,
что установленная Кейтелем и Гитлером
квота в 50–100 коммунистов за одного уби-
того немецкого солдата на практике зачасту-
ю перевыполнялась.
- ²⁰² Обязанность информирования следовала из
соглашения между Гейдрихом и Вагнером.
См. об этом показания Олендорфа от 24 ап-
реля 1947 г., NO-2890. – Некоторые сведе-
ния такого рода сохранились, см. для зоны
ответственности 11-й армии: NOKW-3234;
NOKW-628. В фонде BA R 70 SU/9 находится
ряд «отчётов о деятельности и ситуации»
айнзацгруппы «Б» в разведывательный отдел
группы армий «Центр» за 1942 год; в нём, в
частности, содержатся данные о достигнутом
«общем количестве лиц, подвергнутых
особому обращению», то есть жертв. – Со-
ответствующие отчёты 1-й айнзацкоманды
поступали в 1943 г. в 1-ю армию: BA R 70
SU/15.
- ²⁰³ См. описанный ниже случай с Гроскургом.
- ²⁰⁴ См. уже приведенную оценку сотрудничест-
ва со стороны айнзацгруппы «Ц», где гово-
рилось, что «только в еврейском вопросе ...
до самого последнего времени не было
безусловного понимания со стороны *ниже-*
стоящих учреждений вермахта»: *Донесения*
о событиях в СССР, № 128 от 3.11.1941 г.,
BA R 58/218, курсив мой.
- ²⁰⁵ Приказ начальника оперативного отдела
6-й армии от 10 октября 1941 г. *IMG*, XXXV,
S. 84–86 (411-D), курсив в ориг.
- ²⁰⁶ Какие последствия это имело, видно из док-
лада начальника оперативного отдела 6-й
армии от 7 дек. 1941 г. в штаб группы армий
«Ю»: «В зоне ответственности армии парти-
занское движение практически устранено.
Армия приписывает это решительным ме-
рам, которые были приняты: ...так, в зоне
ответственности армии было публично по-
вешено или расстреляно несколько тысяч
человек. Несколько сотен в Харькове...»:
цит. по: Erich Hesse, *Der sowjetrussische Par-*
tisanenkrieg 1941 bis 1944, Göttingen 1969,
S. 106.
- ²⁰⁷ 411-D, курсив в ориг.
- ²⁰⁸ NOKW-309, по кн.: Hilberg, *Op. cit.*, S. 211 f.
- ²⁰⁸ Приказ генерал-квартирмейстера сухопут-
ных сил № II/7498/41 секр. от 28 октября
1941 г., *IMG*, XXXV, S. 84 (= 411-D). В зоне
ответственности группы армий «Центр»
обязательным его объявил по крайней мере
командир 2-й танковой армии генерал-пол-
ковник Гудериан: Messerschmidt, *Op. cit.*,
S. 412; кроме того, доказано, что он приме-
нялся также в зондеркоманде 7 а айнзац-
группы «Б» (*IMG*, XXXIX, S. 264, 012-
USSR), а в зоне ответственности группы ар-
мий «Север» – в 16-й армии (411-D).
- ²¹⁰ Манштейн сменил на этом посту павшего
генерал-полковника Риттера фон Шоберта,
одного из «верующих» генералов.
- ²¹¹ Своим обоснованием «опасности» еврей-
ства, которое по своей «убедительности»
способствовало дальнейшему «пониманию»
в отношении карательных акций, приказ
Манштейна превосходил даже приказ фон
Рейхенау.
- ²¹² *IMG*, XXXIV, S. 129–131 (4064-PS).
- ²¹³ Манштейн выступал против бесцеремонных
реквизиций и требовал уважения к рели-
гиозным обычаям населения.
- ²¹⁴ *Ibidem*, S. 132, курсив в ориг.
- ²¹⁵ Хессе (*Op. cit.*, S. 89) приписывает этот при-
каз предшественнику Гота – фон Штюльп-
нагелю. Однако последний в начале октября
был снят с должности по состоянию здоро-
вья. Гот, ранее командовавший 3-й танковой
группой, принял командование вместо него.
- ²¹⁶ Учитывая тесное сотрудничество 17-й ар-
мии с зондеркомандой 4 b, невозможно рас-

- смагивать это только как «речевые особенности того времени», как это делает Хессе (*Op. cit.*, S. 89). В то время, как Хессе изначально исходит из того, что это так, он ограничивает себя первоначально довольно широкой постановкой вопроса. Из-за этого ему в конце концов осталась неясной позиция сухопутных сил в партизанской борьбе, а также «часто слишком большая готовность отказаться от собственных традиций воинской чести» (*Ibidem*, S. 258).
- ²¹⁷ Содержание и цитата по: Hesse, *Op. cit.*, S. 89 f.
- ²¹⁸ Messerschmidt, *Die Wehrmacht im NS-Staat*, S. 414 f.
- ²¹⁹ См. приведенную выше цитату из *Донесений о событиях в СССР*, № 128 от 3.11.1941 г. (прим. 119).
- ²²⁰ *BA/MA RH 23/v. 63, -/v. 66, -/v. 67*. Комендантом этого тылового района был генерал-лейтенант Дёла. См. об этом также: Andreas Hillgruber, «Endlösung», S. 146 f. Хильгрубер приходит там к гораздо более критической оценке роли фон Манштейна и 11-й армии, чем в своей статье по поводу «меморандума Манштейна»: «In der Sicht des kritischen Historikers», in: *Nie außer Dienst. Zum achtzigsten Geburtstag von Generalfeldmarschall von Manstein*, Köln 1967, S. 65–83, особо см. S. 76 f.
- ²²¹ Документ 810-й полевой комендатуры (V) № 144/41 секр. от 27 июля 1941 г., *RH 23/v. 63*, курсив в ориг.
- ²²² Примечательно, что в тех документах, где говорится о «расстрелах», «казнях» или «ликвидации» евреев, неоднократно делались попытки, – предположительно, со стороны коменданта тылового района или его квартирмейстера, – затушевать эти понятия. Вместо них использовался термин: «переселение».
- ²²³ См. отчёт 683-го моторизованного взвода полевой жандармерии от 29 октября 1941 г., *RH 23/v. 67*.
- ²²⁴ Донесение 287-й гарнизонной комендатуры I (V) от 22 ноября 1941 г. коменданту 553-го тылового района, *Ibidem*.
- ²²⁵ Донесение гарнизонной комендатуры г. Армянска от 30 ноября 1941 г. коменданту 553-го тылового района, *Ibidem*. – Взводы армейской полевой жандармерии также помогали органам СД в «переселении» евреев: см. донесение офицера штаба полевой жандармерии за январь 1942 г. второму квартирмейстеру 11-й армии от 2 февраля 1942 г., *NOKW-1283*.
- ²²⁶ Два примера в кн.: Hilberg, *Op. cit.*, S. 199.
- ²²⁷ «Особый приказ» от 12 января 1942 г., цит. по: Hillgruber, «Endlösung», S. 147. В некоторых «заметках для военного дневника» 2-го квартирмейстера 11-й армии находится рубрика «состояние переселения», то есть собственно армейский обзор состояния казней в зоне ответственности армии: *BA/MA RH 19 VI/457*. – В начале декабря 1941 г. штаб 11-й армии потребовал от Олендорфа до Рождества уничтожить евреев, цыган и крымчаков города Симферополя. Зондеркоманда 11 b (командир: оберштурмбанфюрер СС доктор Вернер Брауне) возражала, поскольку не имела для этого достаточного количества сил. В результате, обер-квартирмейстер армии полковник Ханк предоставил в её распоряжение грузовые машины, водителей, горючее и полевую полицию: показания Олендорфа и Брауне, *Trials*, IV, S. 251, 292, 324 f.
- ²²⁸ См. его показания на Нюрнбергском процессе, *IMG*, XXI, S. 16.
- ²²⁹ Стремление оправдать Манштейна особенно заметно в описании его защитника на процессе (Reginald T. Paget, *Manstein – seine Feldzüge und sein Prozess*, Wiesbaden 1952, zit. in *Nie ausser Dienst*, S. 89 f.): Штаб армии Манштейна, который знал об этих вещах, якобы оставил его в неведении об этом, поскольку были опасения, что он заявит Гитлеру протест, будет отстранён от должности и тем самым потерян для армии, ничего этим не достигнув. Не говоря уже о неубедительности примеров, приведенных в отношении Бласковица и фон Кюхлера, возникает вопрос – почему тогда в этом штабе для Манштейна разрабатывался приказ, который призывал армию к пониманию в отношении убийства евреев.
- ²³⁰ В тыловом районе 11-й армии айнзацгруппа «Д» в течение 1–15 октября 1941 г. расстреляла 4891 евреев к востоку от Днепра, 8000 – в Мариамполе, 2000 – в Мелитополе, а в течение 5–15 ноября 1941 г., – то есть за неделю до издания приказа и в окрестностях ставки, – ещё 11 000 евреев в Симферополе: *Trials*, X, S. 45–47.
- ²³¹ *Донесения о событиях в СССР* № 10, 2.07.1941 г., R 58/214. Далее см. об этом «особый приказ» Гейдриха № 2, *BA R 70 SU/32*, л. 14.

²³² Документ оперативного отдела 17-й армии, приложение № 1 к военному дневнику, отчёт офицера абвера разведотдела за 15 мая – 12 дек. 1941 г. (= NOKW-2272), заметка от 22 сент. 1941 г. Уже 25 июля было отмечено: «Связь с СД установлена. В Жмеринке команда СД приняла энергичные меры (повреждение кабеля евреями – возмездие)».

²³³ Документ офицера абвера разведотдела 17-й армии от 30 июля 1941 г. (= NOKW-1693), по: Hilberg, *Op. cit.*, S. 198.

²³⁴ См., в т. ч. Müller, *Heer und Hüler*, и Groscurth-Tgb. – Штюльпнагель, после того как в октябре 1941 г. был отстранён от должности по состоянию здоровья, стал в феврале 1942 г. командующим вооружёнными силами во Франции. Там он 20 июля 1944 г. руководил единственной успешной акцией военного сопротивления. Он был приговорён народным судом к смерти и казнён 30 августа 1944 г.

²³⁵ Документ отдела пропаганды вермахта № 7 от 16 августа 1942 г.: сопоставление противоречивых высказываний военных по поводу пропагандистской борьбы против еврейства, комиссаров и т.д., *ВА/МА RW 4/v. 257*. Из письма фон Штюльпнагеля передан только приведенный отрывок с курсивом.

²³⁶ Примечательно, что вместе с командующим 4-й танковой группой генерал-полковником Хёпнером ещё один влиятельный участник военной оппозиции «прекрасно» сотрудничал с командами СД, см. выше прим. 181, а также приказ Хёпнера от 2 мая 1941 г., приведенный выше в прим. 47 к гл. III. – Третий участник оппозиции против Гитлера, начальник V управления РСХА Небе занимал между июнем и ноябрём 1941 г. должность начальника айнзацгруппы «Б», которая в это время ликвидировала более 40 000 евреев. – Это факты отнюдь не умаляют значения сопротивления против Гитлера, но они показывают, что в отношении участников сопротивления следует очень жёстко ставить вопрос о мотивах, которыми они руководствовались.

²³⁷ Об этом см. Groscurth-Tgb., S. 534–542.

²³⁸ О Гроскурте см. выше на стр. 110 и сл. и Groscurth-Tgb.

²³⁹ *Ibidem*, S. 537.

²⁴⁰ *Ibidem*, S. 536.

²⁴¹ *Ibidem*, S. 537.

²⁴² *Ibidem*, S. 541.

²⁴³ *Ibidem*, S. 542.

²⁴⁴ Цит. по: Krausnick, *Judenverfolgung*, S. 310.

²⁴⁵ Hassell-Tgb., S. 206 (1.11.1941).

²⁴⁶ И это, хотя последствия уничтожения евреев негативно сказались также на прифронтовой зоне. В то время, когда продолжать наступление на Москву стало чрезвычайно сложно из-за ухудшения ситуации со снабжением, не говоря уже о том, что зимнее обмундирование по причине нехватки вагонов нельзя было вовремя доставить на фронт (в октябре 1941 г. из необходимых ежедневно 240 000 вагонов в наличии имелось всего 124 000: Reinhard, *Wende*, S. 113, см. S. 127), большие депортационные поезда шли из рейха в Лодзь, Варшаву, Ковно, Минск и Ригу (см. Krausnick, «*Judenverfolgung*», S. 313). Между 16 октября и 13 ноября 1941 г. 20 000 немецких евреев были депортированы в гетто Лодзи и ещё 30 000 – в оккупированные советские области. Главнокомандующий группой армий «Центр» фон Бок жаловался Гальдеру на вызванный тем самым срыв продовольственных поставок: Reinhard, *Wende*, S. 188 f. – Айнзацгруппа «А» в период между 15 октября 1941 г. и 1 февраля 1942 г., – то есть в то время, когда шли бои под Москвой и только путём применения крайней жестокости удалось предотвратить крушение Восточного фронта, – истребила в тыловом районе группы армий «Север» и в рейхскомиссариате «Остланд» 113 000 евреев (см. донесение айнзацгруппы «А» от 15 октября 1941 г. [= 180-L] и недатированную сводку айнзацгруппы «А» по состоянию на 1 февраля 1942 г.: *ВА R 70 SU/15*, л. 69) – в ходе акций, потребовавших транспортных средств, продовольствия и энергии, которые с точки зрения войсковых командиров можно было более разумно использовать в другом месте.

²⁴⁷ См. цитату в начале гл. VI, 5.

²⁴⁸ Майор генерального штаба Рудольф-Кристоф фон Герсдорф, офицер абвера разведотдела группы армий.

²⁴⁹ *ВА/МА N 22/10*. То, что фон Бок не был знаком с начальником айнзацгруппы «Б» Небе, является важной деталью для разъяснения позиции некоторых командующих: они не поддерживали связей с органами СС, но пользовались услугами с их стороны.

²⁵⁰ Отчёт начальника хозяйственной инспекции «Центр» № 248/41; отчёт был направлен непосредственно командующему тыловым районом группы армий «Центр»: *ВА/МА RH 22/v. 205*. До 20 августа 1941 г. команды айнцагруппы «Б» уже расстреляли 16 964 евреев: *Донесения о событиях в СССР № 73* от 4.09.1941 г., R 58/216. – В Минске, где войска 4-й армии создали концентрационный лагерь, согнав в него почти всё мужское население города (около 40000 чел.), айнцагруппа «Б» по просьбе полномочных учреждений вермахта вместе с тайной полевой полицией провела ряд совместных «акций» против евреев, коммунистов, «азиатов» и «уголовников». Эти акции, продолжавшиеся с июля по сентябрь, привели к тысячам жертв: *Донесения о событиях в СССР № 21* (13.07), № 36 (28.07), № 50 (12.08), № 67 (29.08), № 73 (4.09), № 92 (23.09.1941 г.): R 58/214–/217. В сентябре айнцагруппа «Б» вместе с полевой жандармерией провела в Минском гетто «крупномасштабную акцию», жертвами которой пали 2278 евреев: *Донесения о событиях в СССР № 73* от 4.09.1941 г., R 58/216.

²⁵¹ См. выше прим. 176.

²⁵² 28 июля 1941 г. кавалерийская бригада получила от Гимmlера приказ об уничтожении «расово неполноценных жителей» в этом районе: см. *Unsere Ehre...* S. 210 ff., там же – отчёт бригады.

²⁵³ Документ начальника оперативного отдела тылового района группы армий «Центр» от 23 сентября 1941 г., расписание для курса «по борьбе с партизанами», *ВА/МА RH 22/v. 203*. Курс не ограничивался только теорией. На 3-й день обучения охранный полк должен был оцепить какой-либо населённый пункт к югу от Могилёва. «При этом давался повод не только к оцеплению этого населённого пункта, но и к ознакомлению на практике с методами захвата партизан, комиссаров и коммунистов, а также с прочёсыванием населения. Все участники обучения принимали в этом участие».

²⁵⁴ Приказ офицера абвера разведотдела 11-й армии от 22 июля 1941 г. в кн.: Poliakov-Wulf, *Op. cit.*, S. 375. См. Hilberg, *Op. cit.*, 213 f.

²⁵⁵ См. приказы: 30-го армейского корпуса (генерал фон Зальмут; в составе 11-й армии) от 2 авг. 1941 г.: NOKW-2963 в кн.: Hilberg, *Op.*

cit., S. 214 f.; обер-квартирмейстера 6-й армии от 10 авг. 1941 г., NOKW-1654 (*ibid.*); офицера абвера разведотдела группы армий «Юг» от 24 сентября 1941 г. (подпись фон Рундштедта): Zentralstelle, Versch., Ordner № 102, Bild 346; начальника ОКВ (подпись Кейтеля) от 2 ноября 1941 г. в кн.: Willi A. Boelcke, *Wollt Ihr den totalen Krieg?*, München 1969, S. 254. – То, что приказы были дублированы высшими командными инстанциями, свидетельствует о том, какой это стало проблемой. Гейдрих 30 авг. 1941 г. также просил начальников айнцагрупп «на основании приобретённого до сих пор опыта... не допускать во время проведения массовых казней присутствия свидетелей, даже если речь идёт об офицерах вермахта»: *VA R 70 SU/32*, л. 25. – 12 ноября Гейдрих также запретил членам айнцагрупп фотографировать казни, а 16 февр. 1942 г. призвал начальников и комендантов общей полиции принять участие в возможном продолжении массовых казней: Hilberg, *Op. cit.*, S. 214.

²⁵⁶ Приказ командующего тыловым районом группы армий «Юг» № 3/41 секр. от 1 сент. 1941 г.: NOKW-2594.

²⁵⁷ *Донесения о событиях в СССР № 119* от 20.10.1941 г., R 58/218. Далее подчёркивалось, что личный состав вермахта, но не отнюдь не работники милиции, имеет право грабить вслед за этим еврейские жилища.

²⁵⁸ См. приказ начальника разведотдела тылового района группы армий «Юг» № 1175/41 секр. от 29 июля 1941 г. (подпись фон Рока): Zentralstelle, Versch., O. 4, B. 880 f.; в той же форме его повторили 1 сентября 1941 г.: NOKW-2594; далее см. уже упомянутые приказы 30-го армейского корпуса от 2 августа, 6-й армии от 10 августа и главнокомандующего группой армий «Юг» от 24 сентября 1941 г.

²⁵⁹ Айнцагруппы также заявляли, что действуют в рамках дисциплины. Уже во время конфликта по поводу преступлений айнцагрупп в Польше Гимmlера особенно раздражал упрёк в том, что это дескать влечёт за собой одиначие войск и задействованных в этом команд: см. запись 4-го обер-квартирмейстера в ОКХ фон Типпельскирха от 20 февраля 1940 г. о переговорах с Гимmlером в кн.: Müller, «Zur Vorgeschichte», *VfZ* 18 (1970), S. 113.

²⁶⁰ См. Messerschmidt, *Die Wehrmacht im NS-Staat*, S. 306 ff.

²⁶¹ Приказ от 1 сентября 1941 г., см. прим. 256, курсив в ориг.

²⁶² В частности, известность получил случай с неким генералом, который в 1942 г. хотел добиться вынесения приговора военно-полевого суда в отношении инспектора военно-административного отдела за убийство им 75 мужчин, женщин и детей еврейской национальности; однако военно-полевой суд отказался это сделать: было заявлено, что генерал не является членом НСДАП и не знаком с политической стороной дела. Виновный был приговорён к 2-м годам тюрьмы и ещё к 3-м месяцам – за издевательство над собакой: Messerschmidt, *Op. cit.*, S. 366. – Аналогичный случай в качестве поучительного примера привёл в апреле 1943 г. начальник управления кадров сухопутных сил, шеф-адъютант Гитлера генерал-лейтенант Шмундт: Командир батальона убил нескольких советских военнопленных на том основании, что один из его братьев был убит партизанами. Полевой суд приговорил его к 2-м годам тюрьмы и лишению звания. Но Гитлер отменил это несерьёзное наказание на том основании, что, дескать, «нельзя наказывать столь живые натуры... даже если они отвергают в отношении большевистского мирового врага все заповеди человечности»: *Ibidem*, S. 422.

²⁶³ См. Messerschmidt, *Op. cit.*, S. 210 ff.

²⁶⁴ Зачастую команды рассматривались именно как «подстрекатели вермахта». С особой ясностью это следует из отчёта 683-го моториз. взвода полевой жандармерии от 29 октября 1941 г., направленного коменданту 553-го тылового района (11-й армии): гарнизонная комендатура Каховки «приговорила к смерти 2-х грабителей и передала службе безопасности СС... для приведения приговора в исполнение»; точно так же поступали и с партизанами, которых согласно плану «Барбаросса» должны были расстреливать войска: *ВА/МА RH 23/v. 67*. Передача партизан для казни в СД неоднократно подтверждается в источниках; см., например, «отчёты» 1-й айнзацкоманды, *ВА R 70 SU/15*, из которых следует, что обычно лица, заподозренные в партизанском движении, расстреливались по распоряжению начальника раз-

ведотдела «соответствующего армейского корпуса». – Особенно мрачной главой представляется в связи с этим ликвидация всех душевнобольных, которая, по-видимому, была проведена по инициативе учреждений вермахта, причём идея эвтаназии оказалась созвучна с их практической потребностью в местах постоя. Так, в зоне ответственности группы армий «Север» в Макарево по инициативе 28-го армейского корпуса и с согласия командующего 18-й армией генерал-полковника фон Кюхлера командами СД было расстреляно 230 душевнобольных женщин: NOKW-2268. – В зоне ответственности группы армий «Центр» в Шумячах командами СД было расстреляно 16 душевнобольных детей, после того, как главврач тамошнего лазарета заявил, что они якобы «заражены опасной болезнью» и «что поэтому их желательно расстрелять»: *Донесения о событиях в СССР № 148* от 19.12.1941 г., R 58/219. – Давая показания, Олендорф также заявил, что неоднократно побуждался 11-й армией к ликвидации душевнобольных, но якобы отказывался это делать: *Trials*, IV, S. 260 f. – Однако айнзацгруппы не всегда соглашались выполнять грязную работу за вермахт; в некоторых случаях айнзацгруппа «А» отказывалась это делать: «Поскольку ... вмешательство полиции безопасности здесь не требовалось, учреждениям вермахта была дана возможность принять необходимые меры собственными силами»: донесение айнзацгруппы «А» от 15 октября 1941 г., *IMG, XXXVII*, S. 691 (= 180-L).

²⁶⁵ 180-L, *Ibidem*, S. 672. См. показания Олендорфа, *Trials*, IV, S. 265 f.

²⁶⁶ В документе отдела пропаганды сухопутных сил № 2111/41 от 12 июля 1941 г.: *ВА/МА АОК 17/14499/51*. Курсив в ориг.

²⁶⁷ См. выше прим. 232 и 233.

²⁶⁸ Для непредвзято мыслящего человека ситуация выглядела по другому: «Позиция еврейского населения изначально была боязливо-угодливой... Нет доказательств того, что евреи сплочённо или хотя бы в большом объёме участвовали в акциях саботажа... Нельзя утверждать, что евреи как таковые... представляют какую-то опасность для немецких вооружённых сил». [Доклад старшего военного советника проф. Серафима, которого инспектор по вооружению «Украи-

ны» направил 2 декабря 1941 г. начальнику управления военной экономики и вооружения в ОКВ Томасу: *IMG*, XXXII, S. 73 (3257-PS).]

²⁶⁹ *Донесения о событиях в СССР* № 7 от 28.06.1941 г., R 58/214.

²⁷⁰ *Донесения о событиях в СССР* содержат достаточное количество доказательств. См. об этом также Hilberg, *Op. cit.*, S. 216–218, а также Streim, *Op. cit.*, S. 89–91.

²⁷¹ *IMG*, XXX, S. 79 (= 2273-PS).

²⁷² Бек и фон Хассель очень остро переживали вызванное действиями самих военных падение авторитета вооружённых сил, причинами которого были, конечно, не только описанные здесь события, см. об этом Hassel-Tgb., S. 28, 88, 106, 126, 246 (1 ноября 1942 г. – там же использованное фон Беком выражение).

²⁷³ См., например, Krausnick, «Judenverfolgung», S. 297.

²⁷⁴ Adam, *Judenpolitik im Dritten Reich*, Düsseldorf 1972, S. 303 ff., цитата на S. 357. – См. также ещё более убедительные аргументы у Мартина Бросзата (Broszat, «Hitler und die Genesis der ‚Endlösung‘», *VfZ* 25 (1977), S. 759–775), который, идя дальше Адама, отстаивает мнение, что пространного приказа Гитлера об уничтожении евреев, возможно, вообще не существовало. – В качестве ещё одного аргумента в пользу тезиса Адама можно было бы привести тот факт, что эксперт Гитлера по Востоку Розенберг продолжал говорить о «временном переходном решении [еврейского вопроса...] (принудительный труд обитателей гетто)» даже после неоднократного и очень подробного обсуждения с Гитлером его планов: Докладная записка для Гитлера от 29 апреля 1941 г., 1024-PS; см. 1028-PS и упомянутые в прим. 19 к гл. IV «Записки» Розенберга. 18 ноября уже и Розенберг знал, что «еврейский вопрос... может быть решён только путём биологического искоренения всех евреев в Европе»: Речь перед редакторами, лично отрецензированный Розенбергом текст, *RAAA*, Pol. XIII, отчёты представителей управления внешних связей при ОКВ и армиях, 1941–1942 гг.

²⁷⁵ См. стенограмму неоднократно упоминавшегося совещания 16 июля 1941 г.: *IMG*, XXXVIII, 221-L, цитата на S. 92. Кейтель

дважды повторил: «Жители должны знать, что каждый, кто не работает, будет расстрелян и что за любую провинность последует наказание».

²⁷⁶ Директивы Гейдриха: CSSD/B.Br. IV – 1180/41 сов. секр. от 2 июля 1941 г., BA R 70 SU/15, лл. 6–10. См. приведенное в гл. III, 1 соглашение между Вагнером и Гейдрихом.

²⁷⁷ *Ibidem*, лл. 11–15, здесь л. 11.

²⁷⁸ Директивы Гейдриха, *ibid.*, л. 7 и сл. Инспекторы полиции и СС не могли получить от Гейдриха иных устных указаний, поскольку Гейдрих слишком поздно был информирован начальником полиции порядка о позиции этих инспекторов и успел дать свои указания только в письменном виде: *Ibidem*.

²⁷⁹ Краусник, *Judenverfolgung*, S. 301, делает на основании рассмотренного выше в гл. VI, 2 проекта Гейдриха от 28 июня 1941 г. о селекционной работе айнзацкоманд в лагерях для военнопленных вывод, что айнзацкоманды на Востоке также уже получили приказ об убийстве *всех* евреев. Гейдрих мог требовать ликвидации всех пленных евреев только потому, что он уже добился от генерала Рейнеке принципиального согласия в этом вопросе. Начальником айнзацгрупп он мог призывать только к «возможно большому» уничтожению евреев. То, что они говорили в своих послевоенных показаниях о существовании приказа о «полном» уничтожении, ясно из их положения.

²⁸⁰ Отчёт Шталекера, *IMG*, XXXVIII, S. 670–717, здесь S. 687, 180-L.

²⁸¹ *Ibidem*, S. 672.

²⁸² Из директивы Гейдриха от 2 июля, R 70 SU/15, л. 8, курсив в ориг.; уже раньше 29 июня в телеграмме начальникам айнзацгрупп со ссылкой на свои, отданные 17 июня в Берлине устные указания: R 70 SU/32, л. 11.

²⁸³ Начальник айнзацгруппы «Д» Олендорф утверждал после войны, что Гиммлер был очень заинтересован в том, чтобы отстоять эту первую возможность доступа в район действия сухопутных сил и поэтому был готов пойти армии на уступки по ряду требований: *Trials*, IV, S. 266.

²⁸⁴ С моей точки зрения, делать вывод о позиции Гитлера в 1941 г. только на основании его позднейших высказываний о недостатке готовности со стороны армии выполнять

идеологически обоснованные приказов невозможно, см. выше прим. 8 к гл. VI. Денежные айнзагруппы не дают для этого оснований. Если в конце 1942 г. Гитлер и выступил с критикой, то причина этого заключалась в непонимании. В 1941 г. армия на основании неверной оценки положения позволила частично втянуть себя в преступную политику. Однако в совершенно изменившейся обстановке она была не готова и дальше действовать исходя исключительно из идеологических соображений, стремясь занять более близкую к реалиям «политическую» позицию.

²⁸⁵ Krausnick, «Judenverfolgung», S. 312 ff., Adam, *Judenpolitik*, S. 292 ff. – Даже на этом этапе решения принимал не один Гитлер; все решения проходили ряд бюрократических инстанций. При этом вполне возможно было «по крайней мере отсрочить преследование евреев». Так в ноябре 1941 г. граф Мольтке при поддержке начальников управлений Канариса и Томаса боролся в ОКВ против принятия постановления о евреях и добился его отсрочки, но не смог одержать верх над предложенным Кейтелем и Рейнке решением: см. его письма к жене от 8–17 ноября 1941 г., опублик. в кн.: Balfour-Frisby, *Helmuth von Moltke*, S. 170–177; цитата из письма от 13 ноября 1941 г.

VII. Массовая смертность советских военнопленных в 1941–1942 гг.

¹ Вернер Мансфельд (род. 1893 г.) был одновременно руководителем V главного управления имперского министерства труда. В ноябре 1941 г. Геринг поручил рабочей группе по использованию рабочей силы общее управление процессом «использования [труда] советских военнопленных в невоенных целях»; см. об этом гл. VIII.

² Согласно исправленной от ошибок смете генерал-квартирмейстера сухопутных сил, до 20 декабря 1941 г. в руках у немцев оказалось 3 350 639 пленных; в эту цифру вошли освобождённые, умершие и бежавшие пленные: *KTB OKW*, I, S. 1106.

³ Как видно из других источников (см. прим. 43), имеется в виду период с конца ноября 1941 г. по 31 января 1942 г.

⁴ Протокольная запись отдела по вооружению III Z St [управления военной экономики и вооружения в ОКВ] от 20 февраля 1942 г.: *BA/MA Wi/IF 5.3434*, курсив в ориг.

⁵ Из 3 350 639 пленных к 1 февраля 1942 г. в немецком плену ещё оставался 1 020 531 человек: документ офицера связи в управлении военной экономики и вооружения и военно-экономическом штабе «Восток» при генерал-квартирмейстере сухопутных сил № 683/42 секр. от 27 мая 1942 г., *BA R 41/172*, л. 61. К этому времени в зоне ответственности ОКХ отпущено было 280 108 пленных: документ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/400/ сов. секр. от 20 февраля 1942 г., *BA/MA H3/729*. После вычета количества бежавших и сравнительно небольшого числа отпущенных, в зоне ответственности ОКВ осталось ещё примерно 2 млн. чел., которые были расстреляны или погибли.

⁶ Директива отдела пропаганды штаба оперативного руководства вермахта № 9965/41 от 10 ноября 1941 г. в документе 2-го квартирмейстера 9-й армии от 14 декабря 1941 г.: *BA/MA RH 23/v. 238*; то же повторяется в «директивах по ведению пропаганды в оккупированных областях», дело в отделе пропаганды штаба оперативного руководства вермахта № 8790/41 секр. от 24 ноября 1941 г., *BA/MA RH 22/v. 234*. – Эта линия в пропаганде продолжала соблюдаться даже в 1944 г., см. изданный в качестве пропагандистской листовки «приказ № 513» Кейтеля, в котором красноармейцам при переходе к немцам гарантировалось хорошее обращение: *BA RH 3/1820*, л. 133.

⁷ Это объяснение прозвучало в приведенном выше докладе Мансфельда. – Представитель РСХА заявил 27 января 1943 г. на съезде принимавших участие в отборе «нежелательных» пленных команд в Люблине, что «от сыпного тифа и прочих болезней» умерло 2 млн. пленных: офицер связи полиции безопасности и СД при начальнике службы содержания военнопленных особого назначения [в генерал-губернаторстве], *Протокол...* от 28 января 1943 г. (см. об этом гл. XI, 4).

⁸ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 389/42 секр. от 24 марта 1942 г., *BA/MA RW 6/v. 272*.

⁹ *IMG*, XV, S. 451 f., см. показания Кейтеля,

IMG, X, S. 665 f., и разработку Рейнеке для Кейтгеля – «ОКВ и служба по делам военнопленных», 1.02.1946 г., *ВА/МА* № 54/30.

¹⁰ По приказу генерал-квартирмейстера сухопутных сил № П/0315/41 сов. секр. от 3 апреля 1941 г. от армий требовалось предоставлять донесения о *притоке* пленных раз в три дня. Группы армий должны были докладывать об общем количестве пленных, поступивших с начала боевых действий, 1-го и 15-го числа каждого месяца. При этом следовало приводить количество пленных, которых использовали на работах, пленных в лагерях, чей труд не использовался, и пленных, эвакуированных в зону ответственности ОКВ: *ВА/МА* RH 22/v. 11. К 1 января 1942 г. была введена новая схема, в которой требовалось предоставлять также данные «убыли» пленных:

Убыль в течение последнего месяца:

- а) умершие, расстрелянные;
- б) бежавшие;
- в) переданные в СД...
- е) отпущенные.

[Особые распоряжения о снабжении оберквартирмейстера 16-й армии № 165 от 1 января 1942 г., *ВА/МА* АОК 16/22745/69].

Сохранившиеся донесения окружных комендантов по делам военнопленных, комендантов пересыльных лагерей и армейских пунктов сбора военнопленных содержат так же мало текущей информации о количестве пленных и точных данных об их эвакуации, как и отчёты квартирмейстеров тыловых районов.

¹¹ Это следует из сметы имперского министерства труда, в которой на конец ноября 1941 г. даны лишь округлённые (до тысячи) цифры; точные цифры приведены только на 1 января 1942 г.: *ВА R* 41/281, л. 269 f. – Когда 27 ноября 1941 г. обер-квартирмейстер при командующем войсками в Польше впервые провёл обзор количества пленных на территории генерал-губернаторства, цифры также были приведены округлённые (до тысячи): *ВА/МА* RH 53 – 23/v. 64.

¹² См. Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 199.

¹³ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 4629/41 от 2 июля 1941 г., *ВА/МА* RW 6/v. 220.

¹⁴ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 7043/41 от 30 сентября 1941 г., *ibid*.

¹⁵ В соответствии с этим сохранившиеся сметы справочного бюро вермахта не имеют большой ценности; большое количество зарегистрированных там пленных составило – на 31 июля 1943 г. – всего 647 545 чел.: RW 6/v. 222. Это было чуть более 11% общего количества (5,7 млн.) советских пленных.

¹⁶ С сентября 1941 г. докладывались данные по некоторым, но отнюдь не по всем лагерям на территории рейха: *ВА/МА* RW 6/v. 450 ff. Данные о количестве поступающих из зоны ответственности ОКВ пленных имеются только для нескольких месяцев, так что описание процесса смертности возможно лишь самое ограниченное.

¹⁷ См. гл. VII, 2, а.

¹⁸ В Польше, Франции и Югославии также готовились к принятию большой массы пленных. Если ситуацию там и здесь нельзя назвать идентичной, тот факт, что взятие в плен за несколько недель западной кампании 1,9 млн. французских пленных не вызвало серьёзных проблем, показывает, что организационные трудности не могли быть первостепенными.

¹⁹ Письмо от 26 августа 1941 г. из собственности графини Мольтке.

²⁰ *IMG*, XXV, 022-PS, S. 81 f. Позднее Дорш был председателем Шпеера, как начальника организации Тотта.

²¹ Для этой зоны наряду с отдельными отчётами из 21-го армейского пункта сбора военнопленных (*ВА/МА* АОК 2/19902/67) и 240-го пересыльного лагеря (RH 23/v. 238; RH 49/v. 97), военным дневником и инспекционными отчётами коменданта по делам военнопленных округа «J» (за июль 1941 г. – март 1942 г., RH 22/v. 219 -/v. 220), а также военным дневником и отчётами квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» (за июль–декабрь 1941 г.: RH 22/v. 205) в нашем распоряжении имеются очень важные источники высокой степени достоверности. Значение этих источников состоит не только в том, что они дают богатый материал о ситуации с пленными осенью и зимой 1941–1942 гг., но и в том, что они освещают эти события с разных позиций. Это даёт возможность установить степень достоверности многих показаний и, кроме того, определить – в какой мере донесения фильтровались по пути вверх. Но и эти источ-

- ники либо не дают, либо дают очень мало удовлетворительной статистической информации.
- ²² Рационы в зоне ответственности 155-го пересыльного лагеря в Лиде, 10-го армейского пункта сбора военнопленных в Вильне и других лагерей: отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 29 июля 1941 г., RH 22/v. 220.
- ²³ Подробное описание питания пленных см. гл. VII, 2, а; там же приведены дальнейшие примеры рационов в первые месяцы.
- ²⁴ Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 29 июля 1941 г., *ibid.*
- ²⁵ Эти пленные, предположительно, пережили эвакуацию из зоны ответственности группы армий «Центр», но их шансы на выживание стремительно убывали.
- ²⁶ RH 22/v. 205, лл. 39 и сл., 54; 71.
- ²⁷ *Ibidem*, л. 71.
- ²⁸ В ночь с 5 на 6 сентября 1941 г. умерло 220 из 20 300 пленных. Лагерь был переполнен, 8000 чел. – лежало под открытым небом, медикаментов не было, голод уже довёл некоторых пленных до каннибализма: Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 8 сентября 1941 г., RH 22/v. 220. – Это не было первым случаем эпидемии. Согласно приведенному письму Мольтке от 26 августа, эпидемии к этому времени уже приняли широкий размах. – Уже 15 июля комендант по делам военнопленных округа «J» ругался в 231-м пересыльном лагере в Волковийске по поводу отсутствия предметов гигиены: из-за этого, мол, существует угроза эпидемии; 20 июля в 126-м пересыльном лагере в Минске возникло подозрение на дизентерию: Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 15 и 21 июля 1941 г., *ibid.*
- ²⁹ RH 22/v. 205, л. 115, курсив в ориг. (отчёт за ноябрь). Ежедневные показатели смертности в 0,3 % были при этом названы «очень благоприятными»!
- ³⁰ *Ibidem*, л. 136, курсив в ориг. (отчёт за декабрь 1941 г.).
- ³¹ Поскольку данные о количестве пленных за этот месяц отсутствуют, дать им оценку довольно сложно. Следует предположить, что потери в порядке возрастания составляли: в июле и августе 5 000–10 000 пленных, в сентябре – 10 000–20 000, в октябре – 20 000–50 000 пленных. В ноябре потери достигли максимальной отметки в 80 000–100 000 пленных.
- ³² Документ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/251/42 сов. секр., «Положение военнопленных в прифронтовой зоне», от 28 янв. 1942 г., ВА/МА Н 3/729. Данные на 1 дек. 1941 г. высчитаны на основании приведенных данных на 1 янв. 1942 г. + «убыль в декабре». Поступления с фронта при всех подсчётах остались неучтёнными. – Цифры месячной смертности, которые из этого следуют, находятся в явном противоречии с данными отчёта квартирмейстера тылового района группы армий «Центр», который говорит о «2% в день»; согласно этому, месячная смертность должна была бы составить 30–60 %. Смертность в зоне отдельных армий была, по-видимому, гораздо меньшей, чем в тыловом районе группы армий.
- ³³ Подсчитано на основании донесений генерал-квартирмейстера сухопутных сил от 20.02, 24.03 и 24.04.1942 г.: Н 3/729.
- ³⁴ Подсчитано на основании донесения от 24 апреля 1942 г. и документа офицера связи в управлении военной экономики и вооружения и военно-экономическом штабе «Восток» при генерал-квартирмейстере сухопутных сил № 107/42 сов. секр. от 25 мая 1942 г., ВА R 41/172, л. 55 и сл.
- ³⁵ В январе – 43,4 % (1,4 % в день), в феврале – 25,2 % (0,9 % в день), в марте – 15,5 % (0,5 % в день): отчёт главного коменданта по делам военнопленных тылового района группы армий «Центр» за март 1942 г. от 31 марта 1942 г., RH 22/v.220.
- ³⁶ В пересыльном лагере Старая Русса в районе 16-й армии в конце октября от истощения каждый день умирало по 20 пленных: отчёт представителя отдела внешних связей 16-й армии от 30 октября 1941 г., PAAA, Handakten Ritter, Russland 1941–1944, Bd. 1–2. В районе 18-й армии около 10 ноября умирало по 100 пленных в день, а в пересыльном лагере в Плескау (Пскове) в конце ноября из 20 000 пленных – по 1000 чел. в неделю: *Trials*, XI, S. 132; 569 f. – Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «Ц» № 1518/41 от 28 декабря 1941 г., ВА/МА RH 22/v. 223.
- ³⁷ Подсчитано на основании названных в ВА/МА Н 3/729 и ВА R 41/172 данных. – Здесь

- также следовало бы ожидать более высоких цифр для декабря, поскольку по донесению коменданта по делам военнопленных округа «Ц» № 61/42 от 8 января 1942 г. в лагерях тылового района группы армий «Центр» умерло «около 20% пленных»: *BA/MA RH 22/v. 232*. – См. также отчёты за январь и февраль 1942 г., *ibid*.
- ³⁸ Документ обер-квартирмейстера 17-й армии от 25 ноября 1941 г., *Trials*, XI, S. 584 f.
- ³⁹ Подсчитано на основании названных в Н 3/729 и R 41/172 данных. – В отличие от районов групп армий «Север» и «Центр» в тыловом районе группы армий «Юг» смертность была меньшей, чем в зоне ответственности отдельных армий. Из донесения коменданта по делам военнопленных округа «N» от 21 дек. 1941 г. следует, что в 4-х лагерях тылового района группы армий «Юг» (52 500 пленных) смертность в это время составляла в среднем 5,8%: NOKW-1605.
- ⁴⁰ Включая данные миссии сухопутных сил в Румынии.
- ⁴¹ Подсчитано на основании названных в Н 3/729 и R 41/172 данных.
- ⁴² Телеграмма отдела IIд рейхскомиссариата «Остланд» от 5 декабря 1941 г.: *BA R 41/169*, лл. 181–185.
- ⁴³ Документ отдела Va рабочей группы по использованию рабочей силы № 5780.28/1115/42 секр. от 10 февр. 1942 г., *BA R 41/281*, л. 269 и сл. Там приведены данные о количестве пленных на «ноябрь 1941 г.» и «январь 1942 г.». Сравнение указанных для генерал-губернаторства цифр с донесениями обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства показывает, что цифры за «ноябрь» соответствуют состоянию на 29/30 ноября 1941 г. В декабре из рейхскомиссариатов «Остланд» и «Украина» пленных не вывозили, как то следует из донесений Мансфельда от 31 дек. 1941 г. и 10 февр. 1942 г. (R 41/281, лл. 266, 269), так что убьёт следует объяснить исключительно за счёт смертных случаев.
- ⁴⁴ Донесение старшего военного советника Се-рафима, *IMG*, XXXII, S. 75 (= 3257-PS).
- ⁴⁵ Заметка Розенберга за 16 дек. 1941 г., *IMG*, XXVII, S. 272 (= 1517-PS). Эта заметка представляет собой очень интересный пример того, как Гитлера информировали об этих вещах: Китцингер, по словам Розен-берга, сообщил, что «пленные, мол, всё равно уже не способны принимать нормальную пищу, и следует смириться с тем, что мало кто из них останется жив. К тому же рабочей силы в этой стране довольно много, отчасти страна даже перенаселена». Исходя из этого, у Гитлера могло сложиться только одно впечатление – было бы явно излишним пред-принимать что-либо для спасения пленных.
- ⁴⁶ *BA R 41/281*, л. 269 и сл.
- ⁴⁷ *Ibidem*. – Цифры приведены по документу офицера связи в управлении военной эконо-мики и вооружения и военно-экономическом штабе «Восток» при генерал-квартир-мейстере сухопутных сил № 683/42 секр. от 27 мая 1942 г., R 41/172, л. 61, и документу генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/400/42 сов. секр. от 20 февраля 1942 г., *BA/MA N 3/729*.
- ⁴⁸ 1 сентября 1941 г. из частей тыловых райо-нов групп армий «Север», «Центр» и «Юг» были образованы рейхскомиссариаты «Ост-ланд» и «Украина».
- ⁴⁹ См. ниже подробное описание отношений, сложившихся при эвакуации и размещении пленных.
- ⁵⁰ Донесение Мансфельда Герингу от 13 декаб-ря 1941 г., *BA R 41/281*, л. 268.
- ⁵¹ Следующие цифры выведены на основании данных из «приложений к военному днев-нику» оберквартирмейстера при командую-щем войсками генерал-губернаторства: *BA/ MA RH 53 – 23/v. 63 -/v.65* (1.05–30.10. 1941 г.; 1.11.1941 г.–8.02.1942 г.; 9.02–29.07.1942 г.).
- ⁵² См. соответствующие донесения с данными от 27.11, 2.12, 16.12.1941 г., 2.02.1942 г. (RH 53 – 23/v. 64) и 1.03, 15.03, 1.04, 15.04.1942 г. (RH 53 – 23/v. 65).
- ⁵³ Для периода с 21 октября по 1 декабря 1941 г. имеются данные о переводе пленных из «летних лагерей» в «зимние». Поскольку в это время ни один пленный из генерал-губернаторства не был эвакуирован на тер-риторию рейха (состоялась только транзит-ная перевозка пленных с территории рейхс-комиссариата «Остланд»), разница в приве-денных общих данных объясняется исклю-чительно смертными случаями (RH 53 – 23/ v. 62 -/v. 64).
- ⁵⁴ Данные по состоянию на 15 апреля 1942 г., *RH 53 – 23/v. 65*.

- ⁵⁵ Донесение штандартенфюрера СА доктора Кёппена о «застольной беседе» 17 окт. 1941 г., *BA R 6/34a*, л. 50. Эта цифра потому кажется слишком заниженной, что в середине августа в некоторых лагерях в больших объёмах свирепствовала эпидемия дизентерии, и только в 307-м стационарном лагере в Бяла-Подляске до 19 сент. 1941 г. из 20000 заболевших умерло более 2500 человек: Отчёт старшего санитарного офицера при командующем войсками генерал-губернаторства от 20 сент. 1941 г., *RH 53 - 23/v. 63*.
- ⁵⁶ При подсчёте количества пленных на декабрь 1941 г. и январь 1942 г. кроме указанных в прим. 51 источников была использована также сводка офицера связи в управлении военной экономики и вооружения и военно-экономическом штабе «Восток» при генерал-квартирмейстере сухопутных сил от 27 мая 1942 г., *BA R 41/172*, л. 61.
- ⁵⁷ В целом к 15 апреля 1942 г. на территории генерал-губернаторства оказалось 659436 пленных. Из них 263587 были эвакуированы на территорию рейха, 26080 – отпущены как национальные меньшинства, 8169 – были переданы для работ в СС, строительные батальоны и т. д.: сводка по состоянию на 15 апреля 1942 г., *RH 53 - 23/v. 65*.
- ⁵⁸ Эта цифра определёнno чересчур занижена, см. выше прим. 131 к гл. VI. Следует полагать, что остальные жертвы были названы в качестве умерших.
- ⁵⁹ В отчётах отдела по делам военнопленных в Международный Комитет Красного Креста данные за сентябрь содержатся только по нескольким лагерям, а за декабрь 1941 г. и январь 1942 г. – по большинству лагерей. Однако информация отсутствует по меньшей мере по 11 крупным лагерям в Восточной Пруссии, в которых осенью 1941 г. размещалась большая часть эвакуированных на территорию рейха советских военнопленных; их стали учитывать только с 1 февраля 1942 г.: *BA/MA RW 6/v. 450* и сл.
- ⁶⁰ *BA R 41/168*, л. 25.
- ^{60a} Окружное управление Фалькенберга, «События в лагере для военнопленных в Ламсдорфе», строго секретно: *IfZ*, Фв 95/70. За ссылку на этот документ я благодарю господина профессора доктора Хельмута Краусника. – Окружное управление требовало более строгого соблюдения тайны в отноше-

нии происшествий в лагере, поскольку «среди населения зачастую говорят, будто советских пленных хотят умерить голодом». – О случаях каннибализма среди пленных см. ниже прим. 157.

- ⁶¹ Приказ начальника вооружения сухопутных сил и командующего армией резерва /62 f. VA ... в: документе администрации XII корпусного округа В 62-/Kgf. ... от 10 сентября 1941 г., *BA/MA RH 49/v. 99*. – В 52-м офлаге в Эбенроде и 53-м офлаге в Погегене (Восточная Пруссия) уже летом 1941 г. «смертность резко увеличилась», поскольку пленные долгое время жили «в земляных норах»: Донесение Вейса в имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий от 6 ноября 1941 г., *BA R 6/95*, л. 8.
- ⁶² См. гл. VII, 2, а.
- ⁶³ Документ начальника полиции безопасности и СС № 2009 В/41 секр. – отдел IV А 1 с от 9 ноября 1941 г., Jacobsen, «Kommissarbefehl», S. 222.
- ⁶⁴ Eberhard Kolb, *Bergen-Belsen*, Hannover 1962, S. 36 f. – Вероятно, смертность была гораздо выше: так, в стационарном лагере XI С Берген-Бельзен к 1 декабря 1941 г. насчитывалось всего 4880 пленных, то есть их количество по сравнению с началом ноября (9120 чел.) уменьшилось на 65%: *RW 6/v. 450*. Однако вполне возможно, что именно в это время большие лагеря были разукрупнены с целью уменьшить риск эпидемии.
- ⁶⁵ В [конце] ноября 1941 г. на территории рейха находилось 390000 пленных, а к 1 января 1942 г. – 318000: донесение Мансфельда от 10 февраля 1942 г., *BA R 41/281*, л. 269 и сл.
- ⁶⁶ Запись совещания, проходившего у генерала охранных войск и командующего тыловым районом группы армий «Север», документ квартирмейстера № 257/42 сов. секр. от 20 апр. 1942 г., *BA/MA RH 22/v. 251*.
- ⁶⁷ Данные на 1.01.1942 приведены по *R 41/172*, л. 61; другие цифры взяты из *BA/MA RW 6/451* и сл. Данные о поступлениях из зоны ответственности ОКХ, которые были учтены, даны согласно донесениям генерал-квартирмейстера сухопутных сил, *BA/MA N 3/v. 729*.
- ⁶⁸ См. об этом гл. VIII, 1, б.
- ⁶⁹ Заметка IV отдела по вооружению [управления военной экономики и вооружения] от 11 ноября 1941 г., *IMG, XXVII*, S. 69 (1206-PS), курсив в ориг.

- ⁷⁰ Протокольная запись 2-го квартирмейстера [при командующем войсками генерал-губернаторства] для военного дневника от 20 октября 1941 г., *ВА/МА RW 6/v. 277*.
- ⁷¹ См. выше гл. V, 1, в.
- ⁷² Пленные из сражений под Вязьмой и Брянском находились в это время на пути к армейским пунктам сбора пленных и пересыльным лагерям в тыловом районе группы армий. Пленные из сражения под Киевом также не могли ещё находиться в генерал-губернаторстве. 200 000 пленных из полосы наступления 17-й армии в период между 10 и 24 окт. 1941 г. были эвакуированы пешим маршем из Александрии через Новоукраинку в Умань: *ВА/МА RH 22/v. 7*. Эвакуация пленных из сражения под Киевом в генерал-губернаторство по железной дороге была запрещена по приказу квартирмейстера тылового района группы армий «Юг»: *BAV № 79, ВА/МА RH 22/v. 263*. Это является указанием на то, что положение пленных в генерал-губернаторстве уже в это время было критическим; в середине августа в генерал-губернаторство уже однажды запрещали ввозить пленных: военный дневник квартирмейстера тылового района группы армий «Центр», 17 авг. 1941 г., *ВА/МА RH 22/v. 205*.
- ⁷³ См. названные выше в гл. V, 2 распоряжения штабов 4-й и 17-й армий.
- ⁷⁴ *ВА/МА RH 22/v. 205, л. 39*.
- ⁷⁵ Особые распоряжения по снабжению оберквартирмейстера 11-й армии № 2 от 29 июня 1941 г., *ВА/МА RH 19 VI/398*. См. полные размеры рационов в таблице.
- ⁷⁶ При вероятно редко достигаемом максимальном размере рациона в 500 г хлеба и 100 г сала.
- ⁷⁷ Донесение 11-го армейского пункта сбора пленных коменданту 553-го тылового района [11-й армии] от 31 августа 1941 г., *ВА/МА RH 23/v. 63*. – Мясные рационы для пленных в этом районе покрывались за счёт «финского мяса», то есть мяса, которое санитарная инспекция признала негодным, вместе с внутренностями и отходами при убое скота.
- ⁷⁸ Особые распоряжения по снабжению оберквартирмейстера 11-й армии № 8 от 10 июля 1941 г., *ВА/МА RH 19 VI/398*.
- ⁷⁹ Отчёт советника дипломатической миссии Баума о заседании в ведомстве Розенберга

- 17 июля 1941 г., *RAAA Pol. XIII, Bd. 9, Allg. Akten Mai-Aug. 1941*. – Распоряжение «организационного приказа» отдела по делам военнопленных от 16 июня 1941 г. (*ВА/МА RW 4/v. 578, л. 96*), – до выхода «особого приказа» применять в отношении советских пленных указания, касающиеся всех остальных военнопленных, – было, по-видимому, ликвидировано устным распоряжением.
- ⁸⁰ [OKH/ChHRu und BdE./Az. 62 f. VA/Ag. V III/V 3 (Vc)] в: Особых распоряжениях по снабжению оберквартирмейстера 11-й армии № 25 от 29 августа 1941 г., *ВА/МА RH 19 VI/399*. – Этот приказ от 6 августа 1941 г. был переиздан 12 августа генерал-квартирмейстером. – Командующему армией резерва подчинялись лагеря в зоне ответственности ОКВ; однако поскольку ОКВ как «министерское ведомство» определяло принципиальные вопросы обращения с пленными, этот приказ, видимо, был отдан на основании принципиальных указаний со стороны ОКВ. О происхождении его сказать ничего нельзя. В установлении рационов наряду с заинтересованными военными ведомствами – отделом по делам военнопленных в ОКВ, генерал-квартирмейстером, начальником вооружения сухопутных сил и командующим армией резерва, а также начальниками медицинской службы вермахта и сухопутных сил – определённо принимали участие также имперское министерство продовольствия и рабочая группа по питанию в управлении 4-летним планом.
- ⁸¹ См. выше прим. 53 к гл. V.
- ⁸² Рационы для немецкого населения по хлебу и жирам, а также – со 2 июня 1941 г. – по мясу с самого начала войны были сокращены, но даже отдалённо не достигли голодных рационов Первой мировой войны. См. таблицу.
- ⁸³ См. таблицу. Питательная ценность высчитана на основании *полноценных* продуктов питания, которые пленные или совсем не получали, или получали крайне редко.
- ⁸⁴ Это следует из ещё подлежащего анализу приказа от 21 октября 1941 г., последний абзац которого гласил: «Дальнейшие предложения по повышению рационов поэтому нецелесообразны. Все уже поданные предложения тем самым должны быть отменены».

⁸⁵ См. выше прим. 61. Некоторые продукты питания при этом были заменены менее ценными. Рационы соответствовали питательности в 2060 калорий, но сравнение с рационами 6 августа 1941 г. обманчиво, поскольку последние в целом были гораздо питательнее. См. таблицу.

⁸⁶ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № 1/23738/41 секр., *BA/MA RH 22/v. 234*. См. таблицу.

⁸⁷ См. приведенную выше протокольную запись обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства от 20 октября 1941 г. Этот факт был известен также и в ОКХ, поскольку лагеря на территории генерал-губернаторства подчинялись непосредственно начальнику вооружения сухопутных сил и командующему армией резерва.

⁸⁸ Рацион должен был содержать в минимальных размерах обезжиренный творог и яичный порошок, которые были предусмотрены для пленных, но которых по крайней мере в прифронтовой зоне не было: см. далее.

⁸⁹ Здесь также путём перехода к менее ценным продуктам питания питательность была меньшей.

⁹⁰ *Ibidem*, курсив в ориг.

⁹¹ *Ibidem*, курсив в ориг.

⁹² *Ibidem*.

⁹³ От генерал-квартирмейстера присутствовали генерал-интендант Клеебергер и полковник генерального штаба Бенч, а также начальник административного управления сухопутных сил генерал-лейтенант Остеркамп. – Об этом заседании существуют 2 записи: одна, составленная начальником «штаба связи управления военной экономики и вооружения в ОКВ при рейхсмаршале» генерал-майором Гансом Нагелем (запись от 16 сент. 1941 г., сов. секр., *IMG, XXXVI, S. 105–109, 003-EC*), вторая – референтом Геринга, министерским советником, доктором, инженером Гёрнертом (*BA R 26 IV/v. 51*).

⁹⁴ *BA R 26 IV/v. 51*.

⁹⁵ 003-EC, S. 107 f., курсив в ориг.

⁹⁶ Так в 003-EC, S. 107.

⁹⁷ Опасения Геринга не были полностью лишены оснований. Составленные органами СД «Донесения из рейха» отмечали среди «негативных отзывов» сразу после начала нападения на Советский Союз «опасения

относительно ситуации с продовольствием» (которые, возможно, ещё усилились благодаря притоку новой массы военнопленных): № 196 от 23 июня 1941 г., а также № 205 от 24 июля 1941 г.: *Meldungen aus dem Reich*, S. 153, 159. Не стоит полагать, будто эти донесения остались в это время незамеченными национал-социалистским руководством.

⁹⁸ См. приведенное выше обоснование Геринга по поводу отборов (прим. 57 к гл. VI) и гл. VIII, 1, а.

⁹⁹ Доклад отдела Fu I L военно-экономического штаба «Восток» В № 40813/41 секр. от 20 октября 1941 г., «Полумесячный отчёт за 16–30 сент. 1941 г.», *BA R 41/135, л. 28* и сл.

¹⁰⁰ См. полумесячные отчёты военно-экономического штаба «Восток» за 16 сент. – 31 дек. 1941 г. и месячный отчёт за январь 1942 г.: *BA R 41/135 -/137*.

¹⁰¹ Прежде всего не было транспорта для доставки пленных к линиям железной дороги. Для этой цели генерал-квартирмейстер сухопутных сил выделил в сентябре 1200 грузовиков из трофейных запасов. – Во втором полугодии 1941 г. на территорию рейха среди прочего было доставлено: 207374 голов скота, 9198 т зерна, 26924 т масличных культур и растительного масла, 2519 т масла и животных жиров, а также 10839 т текстильного сырья: месячный отчёт военно-экономического штаба «Восток» за январь 1942 г., *R 41/137*. Мясо, пищевые жиры и текстильное сырьё пользовались по требованию Геринга от 16 сентября 1941 г. приоритетом, см. приведенную выше цитату. Часть мяса должна была быть переработана в консервы и опять отправлена на Восток – в войска. «Остатки должны были послужить поддержанию нынешнего уровня рационов на территории рейха» (полумесячный отчёт военно-экономического штаба «Восток» за 1–15 октября 1941 г., *R 41/136*, курсив мой). Решительно большее количество продовольствия было реквизировано немецкими войсками на территории прифронтовой зоны и вывезено для потребностей немецкого населения.

¹⁰² *BA R 26 IV/v. 51*. – «Укрывательство продуктов» на селе было для жителей оккупированных советских городов единственной возможностью выжить. Киев, например, после оккупации в сентябре «официально не

должен был получать в середине ноября никакого зерна». Полумесячный отчёт военно-экономического штаба «Восток» за 16–30 окт. 1941 г. от 27 ноября 1941 г., *BA R 41/135*.

¹⁰³ Военно-экономический штаб «Восток», отчёт за 16–30 сент. 1941 г., *R 41/135*, л. 42.

¹⁰⁴ Приказ отдела II Oгг./IV Qu. штаба оперативного руководства вермахта № 2588/41 секр. от 31 октября 1941 г. (= EC-194).

¹⁰⁵ См. гл. VIII.

¹⁰⁶ Граф Мольтке, который с самого начала войны на Востоке при поддержке адмирала Канариса выступал за человеческое обращение с советскими пленными, с горечью писал в письме своей жене:

«Из ставки приходят указания, которые заставляют усомниться в рассудке сидящих там людей. А в целом – это просто смешно. Русские пленные теперь вдруг должны в большом количестве использоваться во всей экономике, причём сказано, что «достаточное питание является само собой разумеющейся предпосылкой». Они поступают так, как будто ничего не знают о своих прежних приказах». [Письмо от 6 ноября 1941 г., в частной собственности графини Мольтке.]

¹⁰⁷ На совещании 16 сентября 1941 г. Геринг подчеркнул, что речь идёт не об экономии на основе фактических ограничений, но об экономии на основе лучшей организации и лучшего использования находящихся в нашем распоряжении ресурсов, то есть «лучшей» эксплуатации оккупированных территорий: *BA R 26 IV/v. 51*.

¹⁰⁸ [Рейхсмаршал Германского Рейха, уполномоченный по 4-летнему плану], «Совещание 7 ноября 1941 г. об использовании труда советско-русских пленных», *IMG, XXVII*, S. 56–59 (1193-PS), здесь S. 58. См. подробный анализ этих директив в гл. VIII, 2, а.

¹⁰⁹ Документ IV отдела по вооружению управления военной экономики и вооружения от 11 ноября 1941 г., «Заметка о выступлении рейхсмаршала 7 ноября 1941 г.», сов. секр., *IMG, XXVII*, S. 65–69 (1206-PS), здесь S. 67, курсив в ориг.

¹¹⁰ [VJPI]/V.P. 20289/3/2 секр. от 29 ноября 1941 г., *IMG, XXXIX*, S. 446 f. (USSR-177). – На Нюрнбергском процессе Рейнеке постоянно стремился переложить ответственность за питание и размещение пленных на начальника вооружения сухопутных сил

и командующего армией резерва. Однако его роль на этом совещании и его участие в совещании 7 ноября 1941 г. вновь подтвердили то, что именно он несёт за это главную ответственность; начальник вооружения сухопутных сил и командующий армией резерва был всего лишь исполнительным органом. Рейнеке утверждал, что на обоих совещаниях выступал якобы за повышение рацийов: *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7229 f.

¹¹¹ Остатки сахарной свеклы, образующиеся после выработки из неё сахара.

¹¹² *Ibidem*, S. 446 f.

¹¹³ *Ibidem*, S. 447.

¹¹⁴ Только в несколько изменённом составе: 65 % ржаной муки, 25 % отходов сахарной свеклы, 10 % соломенной муки. Приказом министерства продовольствия от 17 апреля 1942 г. состав хлеба вновь был изменён: 72 % ржаной муки и 28 % отходов свеклы. Окончательно от этого «хлеба» отказались только в октябре 1942 г., после того как вызванные им желудочные болезни приняли слишком большой размах.

¹¹⁵ См. таблицу. Для «русского хлеба» в расчёт принималось 245 калорий на 100 г; однако 100 г *хорошего* ржаного хлеба содержали 253 калории.

¹¹⁶ Приказ имперского министерства продовольствия № II/1-7092 от 17 апреля 1942 г., *BA/MA Wi/IF 5.2717*: Обезжиренное молоко было исключено, рацион хлеба сокращён на 10 %, а картофеля – увеличен. Точный подсчёт питательности рациона невозможен, поскольку один из главных продуктов – брюква – должна была выдаваться «по мере наличия». Дневной рацион должен был содержать от 2070 (при 5 кг брюквы) до 2500 (при 15 кг) калорий. – Вместо хлеба следовало по возможности использовать соответствующее количество ржаной муки для «приготовления мучного супа, который соответствовал бы столовым привычкам русских». Это распоряжение было включено во все последующие приказы.

¹¹⁷ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 8223/41 от 26 ноября 1941 г., *Wi/VIII.21*.

¹¹⁸ См. разработку Рейнеке для Кейтеля, *BA/MA № 53/30*, и его показания на Нюрнбергском процессе, *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7170.

- ¹¹⁹ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 8223/41, Wi/VIII.21.
- ¹²⁰ Приказ имперского министерства вооружения и боеприпасов № 9010/41–71, подпис. Тодтом, BA R 13 I/373.
- ¹²¹ С этой целью имперское министерство вооружения и боеприпасов запросило 15 января 1942 г. у имперского министра финансов 5 млн. рейхсмарок, поскольку по распоряжению Тодта «около 400 000 русских военнопленных следовало привлечь к необходимым работам в немецкой оборонной промышленности»: Документ имперского министерства вооружения и боеприпасов № 8518-213 от 15 января 1942 г., BA R 2/21725. В целом предполагалось истратить 25 млн. рейхсмарок, которые должны были пойти на транспортировку пленных, их размещение, питание, создание ограждений, камер для дезинсекции и т. д. Т. е. на одного пленного приходилось 62,5 рейхсмарки.
- ¹²² Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 678/42 от 19 февраля 1942 г., BA/MA Wi/IF 5.1189.
- ¹²³ О перечислениях и зарплате см. VIII, 3, в.
- ¹²⁴ Во всяком случае это предписание было существенно ослаблено 2-мя приказами отдела по делам военнопленных: приказом № 1472/42 от 1 апреля 1942 г. и приказом № 2079/42 от 14 мая 1942 г.: RW 6/v. 272.
- ¹²⁵ См. *Hassel-Tgb.*, S. 315 (12.06.1941). На землях фон Рора была размещена «рабочая команда». Когда в 1943 г. умерли два советских пленных, фон Рор распорядился достойно их похоронить и принял в этом личное участие. Ефрейтор охранной команды, чьё обращение с пленными фон Рор неоднократно критиковал, донёс на него; в результате, «за грубейшее оскорбление чувств немцев своим ненемецким и недостойным поведением» фон Рор был приговорён земским судом Грайфсвальда к 8 месяцам тюрьмы: *Demminer Tageblatt* от 5.01.1944 г. Приговор, правда, был отменён имперским судом, а дело передано на повторное рассмотрение в земский суд Нейстрелица: Hubert Schorn, *Der Richter im Dritten Reich*, Frankfurt 1959, S. 442–449. Мне бы хотелось выразить по этому случаю благодарность фрау Рор за предоставленную информацию.
- ¹²⁶ История деятельности команды по вооружению в Дюссельдорфе, 1 января – 31 мая 1942 г., BA/MA RW 21 – 16/10, S. 12 f.
- ¹²⁷ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил... от 16 ноября 1941 г. в: «Нормах рационов для русских военнопленных», документе 2-го квартирмейстера [при командующем войсками генерал-губернаторства] № 1221/41 секр. от 29 ноября 1941 г., RH 53 – 23/v. 64.
- ¹²⁸ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № I/36760/41 секр. от 26 ноября 1941 г. в приказе квартирмейстера тылового района группы армий «Юг» № 611/41 секр., «Особые распоряжения по снабжению» № 96 от 3 декабря 1941 г., RH 53 – 22/v. 263. Подтверждено приказом генерал-квартирмейстера сухопутных сил № 36761/41 секр. от 2 декабря 1941 г. в: PzAOK I/APiFu PzAOK I/19194/43. – См. таблицу.
- ¹²⁹ Одновременно были утверждены новые рационы. Так, рацион хлеба был увеличен, а рацион сахара – снижен: приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил от 28 мая 1942 г. в приказе квартирмейстера тылового района группы армий «Юг», «Особые распоряжения по снабжению» № 140, RH 22/v. 66; о частностях см. таблицу. – Уже прежде было отдано распоряжение в виде опыта давать советским военнопленным хлеб, состоящий на 65 % из отрубей и на 35 % из пшеничной муки или на 50 % из пшеничных отрубей и на 50 % из ячменной муки; причём через 6 недель следовало сообщить «переносят ли военнопленные такой хлеб и если да, то каким образом»: «Особые распоряжения по снабжению» квартирмейстера тылового района группы армий «Юг» № 121 от 31 марта 1942 г., RH 22/v. 65.
- ¹³⁰ См., например, отчёт VI инспекции по вооружению в Мюнстере от 14.10.1941 г. и 13.12.1941 г. (RW 20-6/22), а также военный дневник команды по вооружению в Дортмунде, 6.12.1941 г., 24.01.1942 г. (RW 21-14/9), 28.03.1942 г. (RW 21-14/10). Руководитель группы северо-западного округа [Русской области] хозяйственной группы металлургической промышленности генерал-диригент Эрнст Поензген (председатель правления объединения «Штальверке АГ») предложил на заседании окружной группы 19 ноября 1941 г. «ввиду требуемой от рус-

ских производительности труда» подумать об «определённом повышении размера рационов»: Протокол заседания, *BA R 13 I/373*, лл. 28–30. Эти требования поддержал также Мансфельд, которому Геринг поручил в ноябре 1941 г. как можно быстрее привлечь к работе в военной экономике возможно большее количество пленных. В своём докладе Герингу от 23 марта 1942 г. он писал, что имперское министерство продовольствия «согласно лишь на самое малое улучшение пищевых рационов, которого будет явно недостаточно, чтобы обеспечить полноценную работоспособность русских»: *BA R 41/281*, л. 272.

¹³¹ См. табл. – Подробное обоснование, которое статс-секретарь Баке предоставил в начале марта 1942 г. немецкому руководству (*BA R 23 IV/v. 51*), представляет большой интерес. В качестве главных причин Баке указывает на то, что с одной стороны следует учитывать низкий урожай и сокращение резервов, а с другой – рост потребностей из-за иностранных рабочих и военнопленных, прироста населения и растущего числа тех, кто получает надбавки (лица, занятые на тяжёлых работах, и т. д.); однако «самое большое напряжение» создаёт «постоянно растущая численность вооружённых сил», ибо «хлебные рационы военных в два раза превышают рационы обычных жителей, а мясные – даже в три раза». 50 млн. обычных потребителей получают 50 % имеющегося в нашем распоряжении мяса, 8 млн. солдат – 28 %, а 4 млн. иностранцев и военнопленных – всего 4 %. (При этом не учитывалось, что советские военнопленные получали только половину рационов гражданского населения). Удовлетворить непокрытые потребности, по словам Баке, можно только за счёт Советского Союза. Из-за неблагоприятных обстоятельств (потери урожая по причине боевых действий и трудностей с транспортом) в баланс будет включено меньшее количество продовольствия, чем предусматривалось. Действительная добыча, правда, превышает эти итоговые цифры. В целом из запланированных 2,6 млн. т 1,3 т уже оказались в немецких руках, а ещё 1,2 млн. т, предположительно, будут добыты. Кроме того, армия уже в течение 7 месяцев кормится «по большей части» за счёт оккупированной страны:

«Итак, в целом запланированное количество в 2,6 млн. т может быть добыто, но ситуация с транспортом не позволяет включить это количество в баланс, поскольку его нельзя использовать ни для снабжения войск, ни для вывоза на родину».

В заключение Баке подчеркнул, что рационы в среднем по прежнему существенно превосходят высшие рационы Первой мировой войны.

¹³² Фриц Заукель – гауляйтер Тюрингии, тогда же – 21 марта 1942 г. – назначенный генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы.

¹³³ Запись Шпеера по поводу разговора с Гитлером 22/23 марта 1942 г. в: Willi A. Boelcke, Hg., *Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg. Hitlers Konferenzen mit Albert Speer*, Frankfurt 1969, S. 86.

¹³⁴ Доклад команды по вооружения в Дюссельдорфе № 2304/41 секр. от 6 декабря 1941 г., *BA/MA RW 21-16/8*. См. отчёт VI инспекции по вооружению в Мюнстере о положении дел на 15 декабря 1941 г. № 6095/41 от 13 декабря 1941 г., *RW 20-6/22*. Из сопоставления следует, что это было единственная пища пленных.

¹³⁵ Военный дневник VI инспекции по вооружению, 19.12.1941 г.: одновременно с 750 до 500 г были снижены дневные рационы для армии резерва, что, правда, было не столь важно, поскольку им по прежнему выдавались полноценные продукты питания. Причиной этого были серьёзные трудности со снабжением, которые объясняются в первую очередь проблемой распределения. VI инспекция по вооружению пыталась добиться в качестве компенсации выдачи других продуктов питания, чтобы сохранить пленных в рабочем состоянии: военный дневник, 21.12.1941 г., *RW 20-6/4*.

¹³⁶ NI-3991.

¹³⁷ *Panzerwerkstatt v. 17.01.1942 г.*, D-310 (перев. с англ.), *Kesselbau*, 26.03.1942, D-297 (перев. с англ.). – В ответ на жалобы ответственных мастеровых, один из служащих заводской полиции заявил, что когда, мол, имеешь дело с большевиками, вместо пищи следует награждать их побоями (D-318). Начальнику бюро локомотивной фабрики, который в интересах роста производительности труда хотел организовать лучшее питание

советских военнопленных, один работник Немецкого Трудового Фронта сделал строгое замечание, заявив, что он «слишком старается ради большевиков». В ответ на возражение, что пленный, мол, «получили в качестве рабочей силы, а не в качестве большевиков», представитель Немецкого Трудового Фронта заявил, что «большевики – это бездушные люди, и если даже погибнет сто тысяч большевиков, им на смену придут тысячи новых» (D-297). Один из чиновников, ответственных за использование советских военнопленных на заводах Круппа, доктор Генрих Леман не проявлял никакого интереса к улучшению питания пленников. В ответ на вмешательство представителя локомотивной фабрики, который обратил его внимание на то, что пленные, которые утром между 4 и 5 часами получили 300 г хлеба, вплоть до 18 часов не имели возможности оторваться от работы и получить на обед горячую пищу, он заявил, – следуя аргументу Геринга, – «что русские военнопленные не должны привывать к западноевропейскому довольствию» (IMG, XXXV, S. 79 f.).

¹³⁸ Приказ имперского министерства продовольствия № II-1-10477 от 6 октября 1942 г., BA R 43 II/614, л. 154.

¹³⁹ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 10840/42 в «Сборнике приказов» отдела по делам военнопленных № 17 от 26 октября 1942 г., BA/MA RW 6/v. 270, курсив в ориг. – Здесь заметны усилия настоять на увеличении рационов. Это было необходимо для того, чтобы политика немецкого руководства добиться за счёт минимальных издержек максимального результата не потеряла полный крах.

¹⁴⁰ Кое-что можно сказать о генерал-губернаторстве. Предписанные ОКХ 6 августа 1941 г. рационы были там снижены уже в середине сентября, после того, как переговоры с генерал-губернатором Франком показали, что наряду с уже выдвинутыми требованиями выжать из генерал-губернаторства ещё и продовольствие для 400 000 немецких солдат и 400 000 советских военнопленных в требуемом объёме невозможно. Рационы, которых добивался командующий войсками генерал-губернаторства, но которые гражданская администрация не соглашалась предоставить в полном объёме,

оставались в среднем на уровне 1700 калорий в день и 32 г белков, то есть почти на 20, а то и на 50% ниже установленных ОКХ 6 августа 1941 г. рационов: MiG/IVa, "Ausnutzung des Landes" [16.09.1941], RH 53 – 23/v. 63. Ещё более важную информацию даёт сообщение о том, что стационарные лагеря из-за недостатка транспорта смогли начать заготовку картофеля только после завершения строительства зимних лагерей в конце октября 1941 г.: телеграмма оберквартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства от 29 октября 1941 г., *Ibid.* Только 23 ноября было объявлено о 28 поездах с картофелем (по 500 т в каждом) для тех полевых обер-комендатур, в зоне которых располагались стационарные лагеря. Эти поезда следовало разгрузить в течение 2-х дней, поскольку картофель и так уже на протяжении 4-х дней был на морозе. Однако это вряд ли было возможно, так как все лагеря на территории генерал-губернаторства располагали всего 31 грузовой машиной вместимостью до 48,9 т и гужевым транспортом, чья вместимость составляла 90 т: донесение начальника службы содержания военнопленных особого назначения в отдел по делам военнопленных от 3 ноября 1941 г.: RH 53 – 23/v. 64. Итак, до января 1942 г., исходя из имевшегося в лагерях количества продовольствия, было уже невозможно выдавать рационы в полном объёме; к тому же некоторые продукты, например, картофель, были в значительной степени обмороженными или испорченными. – На совещании обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства с начальником службы содержания военнопленных и главным санитарным врачом 4 декабря 1941 г. было отдано распоряжение вместо 1000 г картофеля выдавать 150 г ржаной муки в виде мучного супа, что без сомнения означало улучшение ситуации (*ibid.*). Этим, правда, нельзя было достигнуть предусмотренной питательной ценности (вместо 850 калорий – 540).

¹⁴¹ См. гл. VII, 1, а.

¹⁴² Отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за июль, август 1941 г., RH 22/v. 205, лл. 39, 40.

¹⁴³ Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 13 августа 1941 г., RH 22/v. 220.

- ¹⁴⁴ Протокольная запись для военного дневника 2-го квартирмейстера 9-й армии, АОК 9/13904/1.
- ¹⁴⁵ Протокольная запись для военного дневника от 15 августа 1941 г., *Ibid.*
- ¹⁴⁶ Отчёт 7-го армейского пункта сбора военнопленных за 8–16 июля 1941 г., RH 23/v. 238. – 29 августа 1941 г. обер-квартирмейстер 9-й армии приказал по поводу эвакуации пленных из битвы в районе Великих Лук, чтобы «уже ввиду трудностей перехода питанием пленных не пренебрегали» и в случае необходимости брали продовольствие из армейских складов: *Ibid.*
- ¹⁴⁷ Документ 2-го квартирмейстера 17-й армии от 15 августа 1941 г., АОК 17/14499/18.
- ¹⁴⁸ Среди прочих «из общей массы были отобраны и устранены 30–40 пленных, заподозренных в том, что они были комиссарами»: (*ibid.*) и документ начальника штаба 17-й армии от 13 августа 1941 г. (*ibid.*) Оба донесения показывают, что командование армии потребовало от задействованных ведомств отчёта о причинах сложившейся в 16-м армейском пункте сбора пленных ситуации.
- ¹⁴⁹ RH 22/v. 205.
- ¹⁵⁰ Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 8 сентября 1941 г., RH 22/v. 220.
- ¹⁵¹ Отчёт от 18 сентября 1941 г. (*ibid.*)
- ¹⁵² Документ начальника оперативного отдела 403-й охранной дивизии от 4 сент. 1941 г., RH 22/v. 203, курсив в ориг.
- ¹⁵³ Из документов коменданта по делам военнопленных округа «J» за октябрь 1941 г. сохранился только один весомый отчёт: RH 22/v. 220. – Отчёт коменданта 240-го пересыльного лагеря в Смоленске за 22 сентября – 22 октября 1941 г. также содержит лишь противоречивые данные о питании и смертности пленных: RH 23/v. 238.
- ¹⁵⁴ Отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за октябрь 1941 г. от 8 ноября 1941 г., RH 22/v. 205, лл. 76, 87.
- ¹⁵⁵ Военно-экономические инспекции – органы военно-экономического штаба «Восток», чьи отчёты совпадают с отчётами групп армий.
- ¹⁵⁶ Полумесячный отчёт военно-экономического штаба «Восток» за 16–31 окт. 1941 г. от 27 нояб. 1941 г., BA R 41/135, курсив в ориг.
- ¹⁵⁷ В экстремальных жизненных условиях нарушались самые элементарные запреты. Каннибализм являлся «преступлением», которое, по-видимому, часто имело место в жутких условиях, царивших зимой 1941–1942 гг. в лагерях для пленных, и потом приводилось в качестве доказательства расовой и моральной неполноценности советских пленных, см. об этом речь Геринга перед гаулятерами и командующими войсками 6 августа 1942 г., *IMG*, XXXIX, S. 399 (170-USSR): насколько легко побудить советских военнопленных бороться против своих же земляков, если только разрешить им пожрать их. – Немецкие военнопленные в советском плену также не были застрахованы от этого явления: Hedwig Fleischhacker, *Der Faktor Hunger*, S. 234 f.
- ¹⁵⁸ Доклад советника военно-административного отдела доктора Фаульхабера хозяйственной группе металлургической промышленности в конце октября 1941 г., направленный 15 ноября 1941 г. из хозяйственной группы председателям правления различных сталелитейных концернов: *Trials*, VI, S. 696 f. = NI-5253 (обратный перевод с английского).
- ¹⁵⁹ Отчёт 2-го квартирмейстера 17-й армии за 1–15 сент. 1941 г., *BA/MA* АОК 17/14311/6.
- ¹⁶⁰ Отчёт 2-го квартирмейстера 17-й армии от 22 сентября 1941 г., *Ibidem.*
- ¹⁶¹ Отчёт 2-го квартирмейстера 17-й армии от 23 сентября 1941 г., *Ibid.* – Использовать закрытые вагоны было повсюду запрещено, см. VII, 2, б.
- ¹⁶² Донесение 2-го квартирмейстера 17-й армии коменданту 550-го тылового района от 26 сент. 1941 г., *Ibid.*
- ¹⁶³ Рапорт 24-й пехотной дивизии 2-му квартирмейстеру 17-й армии от 25 сент. 1941 г.; записка обер-квартирмейстера 17-й армии о совещании обер-квартирмейстеров 26 сент. 1941 г.: «Некоторые пленные уже за сам бунт должны быть расстреляны» (*ibid.*).
- ¹⁶⁴ Записка о совещании обер-квартирмейстеров 26 сентября 1941 г., АОК 17/14311/6, курсив в ориг.
- ¹⁶⁵ Приказ 2-го квартирмейстера 17-й армии от 5 октября 24-й пехотной дивизии; отчёт перед комендантов 550-го тылового района от 6 октября. Согласно документу обер-квартирмейстера 17-й армии № 1019/41 сов. секр. от 24 сентября 1941 г., «Счётные данные», в распоряжении 24-й пехотной дивизи-

зии находилось около 20000 человек и 5500 коней, о *Kfz.*: *Ibidem*.

¹⁶⁶ То, что тогда не было возможности эвакуировать пленных по железной дороге, не кажется очевидным. Маршрут шёл через Александрию – Новоукраинку.

¹⁶⁷ Радиограмма начальника оперативного отдела 24-й пехотной дивизии от 15 октября 1941 г., RH 22/v. 7. Штаб группы армий ничего не узнал об этих трудностях. Начальник штаба командующего тыловым районом группы армий «Юг» докладывал 16 октября: «24-я пехотная дивизия проводит эвакуацию пленных при определённых трудностях, но по плану».

¹⁶⁸ Это были самые низкие из предписанных ОКХ рационов.

¹⁶⁹ Среди трофеев, захваченных 11-м армейским корпусом до 23 сент. 1941 г., – корпусу при этом досталась большая часть пленных 17-й армии, – наряду с 4300 повозок, 9700 лошаадьми, 2-мя пекарнями, 86 складами с припасами и одним складом пшеницы значилось *также 120 полевых кухонь*: сводка обер-квартирмейстера 17-й армии, около сентября 1941 г., АОК 17/14311/6. В этом случае войска также игнорировали приказ оставлять пленным при переходе их полевые кухни.

¹⁷⁰ Отчёт обер-квартирмейстера 17-й армии от 25 ноября 1941 г., *Trials*, XI, S. 584 f. (обратный перевод с английского).

¹⁷¹ То есть «десять тысяч».

¹⁷² Документ 2-го квартирмейстера 9-й армии №2075/43 секр. от 22 апр. 1943 г., стенограмма совещания в штабе группы армий «Б» в Киеве 19 апр. 1943 г., АОК 9/34426/12.

¹⁷³ Квартирмейстер тылового района группы армий «Центр» уже в сентябре констатировал снижение работоспособности используемых на работах пленных (RH 22/v. 205, л. 72). Вскоре дело дошло до того, что, несмотря на большое количество пленных в лагерях, требования войск в рабочей силе для доставки боеприпасов, строительства дорог и прочих объектов нельзя было больше удовлетворять, ибо всё большее количество пленных в рабочих командах становилось неработоспособными или умирало.

¹⁷⁴ Для зоны ответственности групп армий «Центр» и «Юг» см. приведенную выше цитату в прим. 156 из отчёта военно-экономи-

ческого штаба «Восток»: для питания пленных использовались продукты питания, о которых не могло быть и речи в деле снабжения войск. – В зоне ответственности группы армий «Центр», правда, существовали трудности и со снабжением войск, но в октябре рационы не были сокращены. При этом «потребность в колбасе и свежем мясе... полностью, а потребность в муке на 60 % покрывалась за счёт оккупированных территорий»: отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за октябрь, RH 22/v. 205, л. 76.

¹⁷⁵ Полумесячный отчёт военно-экономического штаба «Восток» за 16–31 октября 1941 г., BA R 41/135.

¹⁷⁶ *Ibidem*.

¹⁷⁷ Эта позиция находит своё чёткое выражение в высказываниях Геринга 7 ноября 1941 г., см. выше прим. 108. Мне кажется, что эта позиция проявилась уже в требовании руководства сухопутных сил кормить пленных «самыми низкосортными продуктами», причём в индивидуальном отношении она, конечно, очень сильно варьировалась. Во всяком случае за это говорят рационы для пленных, применявшиеся в зоне ответственности коменданта по делам военнопленных округа «J» в июле месяце и заниженные по всей видимости из простого незнания последствий.

¹⁷⁸ Отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за ноябрь 1941 г., RH 22/v. 205, л. 94 и сл., курсив в ориг.

¹⁷⁹ Из-за голода и лишений во время марша пленные до того ослабли, что желудки уже отказывались принимать пищу.

¹⁸⁰ Это явно имело успех только в самых крайних случаях; см. гл. VII, 2, в.

¹⁸¹ RH 22/v. 205, л. 101 и сл. Отчёт за ноябрь 1941 г., курсив в ориг. – *Ibidem*, л. 114.

¹⁸⁰ *Ibidem*, л. 115 и сл., курсив в ориг.

¹⁸³ Донесение коменданта по делам военнопленных округа «J» от 14 ноября 1941 г., RH 22/v. 220.

¹⁸⁴ Мероприятия по дезинсекции были чрезвычайно важны из-за распространившегося уже сыпного тифа. Однако, малая пропускная способность камеры означала, что потребовалось бы по крайней мере 2 месяца, чтобы хотя бы *по разу* подвергнуть обработке более 300000 пленных лагеря; дейст-

венная профилактика была поэтому невозможна. См. гл. VII, 2, г.

¹⁸⁵ Открытые грузовики, в которых пленные были совершенно незащищены и подвергались действию холода, снега и дождя.

¹⁸⁶ Итак, в пересыльном лагере Бобруйска умерло 9,4% прошедших через него пленных. Столь высокая смертность, возможно, превышает средние показатели, но она показывает в какой мере уменьшалась масса пленников на различных этапах пути от фронта в лагерь в зоне ответственности ОКВ.

¹⁸⁷ RH 22/v. 220. – Пленные уже в течение около 4-х недель находились в руках немцев. Бобруйск находится в более чем 400 км от Вязьмы и Брянска, так что пленным пришлось маршировать в течение по крайней мере 14 дней.

¹⁸⁸ Шенкендорф записал для беседы с фон Бокком 23 ноября 1941 г. следующие пункты: «Питание должно по меньшей мере соответствовать предписанным нормам. Его хватает для пленных, которые физически здоровы. Но все прибывшие из *сражений под Брянском и Вязьмой настолько истощены*, что даже *этих норм не достаточно, чтобы спасти их от смерти*. Во всех лагерях одна и та же картина!

Смертность колеблется от 0,6 до 2,2 % в день. Чтобы установить, нет ли тут *преступной небрежности*, я распорядился организовать в Вязьме *военно-судебное расследование!*». [ВА/МА RH 22/v. 203, курсив в ориг.].

¹⁸⁹ Отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за ноябрь 1941 г., RH 22/v. 205, л. 95, курсив в ориг.

¹⁹⁰ Там в первой половине месяца хлебные рационы были сокращены на 50%, а мясные рационы – на 40 г, но с 15 ноября опять выдавались полные рационы (*Ibid.*, л. 94). Это можно объяснить тем, что 4-я армия не имела системы запасов (Военный дневник квартирмейстера тылового района группы армий «Центр», 15.11.1941 г., *Ibid.*).

¹⁹¹ *Ibidem*. Л. 94.

¹⁹² Запись начальника штаба 18-й армии, NOKW-1535.

¹⁹³ *Ibidem*.

¹⁹⁴ См. об этом: Reinhardt, *Die Wende vor Moskau*. – Вагнер, который ещё 29 сент. 1941 г. писал своей жене, что он, наладив снабжение, «беспрепятственно... доведёт группу

армий «Центр» до Москвы», в середине октября стал гораздо более осторожен в высказываниях, а в середине ноября заговорил уже о «приостановлении наступления зимой»: Wagner, *Der Generalquartiermeister*, S. 203, 207 (письма от 29.09, 19.10.1941 г.). – Начальник генерального штаба Гальдер и теперь ещё излучал уверенность в победе. Перед начальниками штабов групп армий и армий в Орше он заявил, что предыдущий этап войны «прошёл как по маслу» и «не замечено никаких ошибок». То, что это не было показным оптимизмом только для ушей начальников штабов войск, видно из требования Гальдера как можно скорее приступить к описанию истории предыдущих кампаний! (NOKW-1535). – На совещании Вагнера с обер-квартирмейстерами армий 23 ноября 1941 г. в ОКХ Гальдер также заявил, что «военная мощь России» не является более источником опасности для устройства Европы»: *KTB Halder*, III, S. 306 (23.11.1941.).

¹⁹⁵ Это также не было лишь следствием объективно существовавших трудностей. 16 ноября 1941 г. Гальдер обсуждал с представителем генерал-квартирмейстера транспортную проблему; в качестве «ошибки» был признан тот факт, что армейские транспорты не пропускались через генерал-губернаторство в приоритетном порядке, а также то, что фронтовые учреждения при отборе продовольствия действовали недостаточно гибко: *KTB Halder*, III, S. 291. – Следует также вспомнить о том, что следующие на Восток поезда с депортированными понизили существующую пропускную способность железных дорог.

¹⁹⁶ NOKW-1535. – То, что речь при этом шла о принципиальной, неоднократно признаваемой военным руководством позиции, видно из записи совещания, которое состоялось за неделю до этого (6 ноября 1941 г.) между начальником экономической инспекции «Юг», генералом Штилером фон Хейдекампом, и представителями командующего тыловым районом группы армий «Юг». После того как Штилер сообщил о «повышенных требованиях» продовольствия со стороны Гитлера, генерал Фридрики, представлявший фон Рока, потребовал, чтобы питание населения также было обеспечено

в определённой мере: «Тот, кто должен работать на нас в промышленности и торговле, не может совершенно умирать с голоду. Речь здесь идёт не о какой-то гуманной акции, но о чисто целесообразной мере в интересах Германии».

Штилер вновь указал на задачи, которые ему нужно выполнить; запасов должно хватить и для армии, и для родины: «Пострадает, правда, местное население. О рабочих на предприятиях позаботятся, – пусть и в небольшой степени, – но не об их семьях и иждивенцах» [BA/MA RH 22/v. 263].

¹⁹⁷ См. гл. IV, 1.

¹⁹⁸ 16 сентября Геринг заявил, что по экономическим соображениям захват крупных городов нежелателен, предпочтительней блокада; кроме того, соответствующее питание должны получать только те, кто работает: *IMG*, XXXVI, S. 107; 109.

¹⁹⁹ 8 июля 1941 г. Гальдер записал:

«Фюрер принял непреклонное решение – Москву и Ленинград сровнять с землёй, чтобы не оставлять там людей, которых нам пришлось бы кормить этой зимой. Города должны быть уничтожены с помощью авиации. Танки для этого можно не использовать. «Катастрофа, которая лишит центров не только большевизм, но и Московию» [слова Гитлера]».

(*KTB Halder*, III, S. 53). – Цель – уничтожить Ленинград – оставалась в силе и в 1942 г.: в исправленном издании генерального плана «Восток», который был завершён в июне 1942 г., городское население в «Ингерманландии» оценивалось в 200 000 чел. вместо 3 200 000 чел. в 1939 г.: см. генеральный план «Восток», опубл. в: *Polish Western Affairs*, 3 (1962), S. 436. – Плану по разрушению Киева (*KTB Halder*, III, S. 186, 189 [18., 20.08.1941 г.]) не суждено было сбыться из-за того, что для предусмотренного 5-дневного «разрушительного обстрела города» под рукой не было необходимого количества боеприпасов.

²⁰⁰ 21 сент. 1941 г. руководитель группы I Н(ор) в отделе «L» штаба оперативного руководства вермахта подполковник фон Лоссберг завизировал докладную записку по вопросу о том, как лучше всего осуществить уничтожение Ленинграда (документ отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта

№ 02119/41 сов. секр. (I ор), BA/MA RW 4/v. 578, лл. 144–146), курсив в ориг. Лоссбергу открылись следующие возможности:

1. От занятия города следует отказаться, «потому что тогда на нас ляжет ответственность за его снабжение».

2. «Город следует подвергнуть жёсткой блокаде и по возможности окружить забором из колючей проволоки с проведённым по ней электрическим током, охраняемый пулемётами. Недостатки: Из 2 млн. человек слабые в скором времени умрут от голода, зато сильным останутся все продукты питания и они выживут. Угроза эпидемий, которые распространятся и на наш фронт. Кроме того, сомнительно, смогут ли наши солдаты стрелять в плачущих женщин и детей».

3. «Женщин, детей, стариков следует вывезти из кольца блокады, а остальных оставить умирать от голода». Это было бы «теоретически хорошим решением, но практически вряд ли выполнимым», потому что прогнать сто тысяч человек через вражеские позиции едва ли удалось бы.

4. Предоставить Ленинград финнам также нельзя, потому что финны не смогут решить «проблему населения Ленинграда»: «Это должны сделать мы».

Лоссберг выдвинул следующие предложения по решению проблемы:

а) Мы заявим перед всем миром, что Сталин защищает Ленинград как укрепление. Следовательно, мы вынуждены обращаться с городом и всем его населением как с вражеским объектом. Несмотря на это, мы делаем следующее: После капитуляции Ленинграда мы разрешаем филантропу Рузвельту под надзором Красного Креста обеспечивать продуктами питания не попавших в плен жителей на судах нейтральных стран или вывезти их в свою часть света и предоставим этой эскадре свободный конвой (предложение, конечно, не может быть принято; его следует расценивать лишь в качестве пропагандистской уловки).

б) Сначала мы берём Ленинград в жёсткую блокаду и разрушаем город, насколько то позволяют артиллерия и авиация (пока в наличии имеются только слабые силы авиации).

в) Когда город созреет от террора и начавшегося голода, ворота будут открыты и безо-

ружные люди выпущены наружу. Их насколько возможно следует вывезти во внутренние районы России, а остальных – принудительно распределить по стране.

г) Тех, кто останется в «гарнизоне крепости», следует предоставить в зимнее время самим себе. Весной мы войдём в город, ... вывезем тех, кто ещё остался в живых, во внутренние районы России или уведём в плен, а Ленинград сровняем с землёй путём ряда взрывов и передадим пространство к северу от Невы финнам».

О плане уморить Ленинград голодом Лоссберг говорит в своих мемуарах как об «одном из самых низких решений» Гитлера, но умалчивает при этом о своих собственных соображениях: Bernhard von Loßberg, *Im Wehrmachtführungsstab*, Hamburg 1949, S. 133 f. Эти соображения отнюдь не были чисто теоретическими выкладками, но должны были найти своё воплощение на практике. По крайней мере некоторые идеи через ОКХ были доведены до действующих войск. 12 октября 1941 г. ОКХ передало в штаб группы армий «Центр» указание фюрера ни в коем случае не принимать капитуляции Москвы, чтобы тем самым «не брать на себя ответственность за снабжение Москвы за счёт родины» и не ставить под угрозу жизнь немецких солдат: *KTB OKW*, I, S. 1070. В группе армий «Центр» уже были обдуманы соответствующие мероприятия: Москва должна быть окружена «кольцом блокады»; советские граждане смогли бы покинуть это кольцо только по 3-м ведущим на Восток магистралям, там, где предполагалось сделать пропускные пункты в проволочном заграждении. Женщин, детей и стариков следовало собрать в пересыльных лагерях и с помощью полиции вывезти на Восток; с безоружными мужчинами следовало обращаться как с военнопленными и использовать на работах. Но перед этим всех следовало «проверить» на пропускных пунктах командам СД: Военный дневник группы армий «Центр», по кн.: Lew Besymenski, *Sonderakte Barbarossa*, Stuttgart 1968, S. 231 f. – Сходство с предложениями Лоссберга очевидно.

²⁰¹ Вагнер, вероятно, присутствовал на упомянутом выше совещании с Герингом 7 ноября 1941 г.; 10 ноября он информировал

Гальдера о «совещании в Берлине по поводу рабочей силы (вопрос военнопленных) и ситуации с питанием» (*KTB Halder*, III, S. 286).

²⁰² См. выше прим. 128 и таблицу.

²⁰³ RH 22/v. 205, л. 136. Это объясняется тем, что снабжение мясом изначально было ограничено «кониной, низкосортным мясом и отходами от забоя скота»: «Тем самым надлежащие нормы не могут быть соблюдены» (*op.cit.*, л. 120).

²⁰⁴ *Ibidem*, л. 120.

²⁰⁵ Донесение 2-го квартирмейстера 9-й армии от 7 декабря 1941 г., RH 23/v. 238.

²⁰⁶ Отчёт 240-го пересыльного лагеря от 19 декабря 1941 г. коменданту 582-го тылового района, *Ibidem*.

²⁰⁷ Отчёт 240-го пересыльного лагеря от 4 декабря 1941 г. коменданту 582-го тылового района, *Ibidem*.

²⁰⁸ Отчёт 240-го пересыльного лагеря от 14 декабря 1941 г. коменданту 582-го тылового района, *Ibidem*.

²⁰⁹ При малых рационах пересыльный лагерь сам ежедневно нуждался в 2 т ржи, которую мололи на найденной комендантом, но не конфискованной мельнице. Воду поначалу носили в бочках из Волги, пока не был обнаружен и налажен ведущий в Ржев водопровод. Улучшение помещений оказалось возможным, потому что комендант обнаружил и опять привёл в действие сгоревший лесопильный завод, но другие подразделения этим пренебрегали. После того, как для завода было приобретено необходимое дизельное топливо, смогли сделать необходимые доски. Таким образом бараки обрели двойные стены, а промежутки в целях защиты от холода были заполнены стружками; «кухонный барак» до тех пор вообще не имел боковых стен: отчёт от 4.12.1941 г. и 14.12.1941 г., *Ibidem*.

²¹⁰ Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 11 дек. 1941 г., RH 22/v. 220.

²¹¹ *Ibidem*, речь идёт о 19-м армейском пункте сбора военнопленных в Михайловском. В ночь перед этим из 10 400 пленных умерло 144 (1,4 %). Полковник Маршалл потребовал соблюдать предписанные рационы и дал указание «разместить кандидатов на тот свет ... в особом бараке, чтобы другие, которые ещё сохраняют жизненную энергию, были избавлены от зрелища многих

умирающих. Для кандидатов на тот свет можно сохранить бывшие до сих пор продовольственные нормы».

²¹² *Ibidem*.

²¹³ Донесение обер-квартирмейстера 2-й армии начальнику штаба 2-й армии от 7 марта 1942 г.; см. донесение (нового) коменданта 21-го армейского пункта сбора пленных от 19 января 1942 г.:

«Размещение пленных неудовлетворительно и недостойно людей; около 120 пленных до сих пор ютятся в земляных норах...

Состояние здоровья катастрофическое. В округе в это время лежат 600 пленных, которые, очевидно, все умрут; причём следует также принять во внимание, что в самом лагере лежат и другие больные, которых может постигнуть та же участь.

Тем не менее вину за такое положение дел нельзя переложить исключительно на [прежнего] коменданта лагеря. Прежде следует учесть, что лагерь долгое время находился в подвешенном состоянии и недели мы не получали ни приказов, ни указаний. *Главной причиной плохого состояния дел в лагере следует признать то обстоятельство, что здесь практически все разделяли мнение, что, мол, было бы очень хорошо совсем избавиться от пленных – то ли посредством расстрелов, то ли путём естественной смертности* [курсив мой]...

Что касается снабжения, то я преодолел здесь величайшие трудности. Смертность в лагере объясняется главным образом истощением. В настоящее время пленные дважды в день получают горячий суп (из пшена, по 500 г на человека) и 300 г хлеба. Конину во время моего пребывания в лагере (14 января 1942 г.) им выдавали всего один раз [ВА/МА АОК 2/19902/67].

²¹⁴ В 230-м пересыльном лагере в Вязьме в середине января было 5000 пленных, из которых ежедневно умирало 60–100 человек (1,2–2 %); 4200 чел. (84 %) были нетрудоспособны, зимние запасы отсутствовали, лагерь не получал от несущей за него ответственность армии [4-й армии?] никакого продовольствия. В 124-м пересыльном лагере в Гжатске 40 % пленных были нетрудоспособны; пленные получали 300 г хлеба, 150 г [наверное, 15 г!] конины, 100 г ржаной муки в день (1260 калорий): отчёт коменданта по

делам военнопленных округа «J» от 17/18 января 1942 г. – В 142-м пересыльном лагере в Брянске работавшие пленные получали 500 г хлеба, 80 г мяса, 100 г муки в день (1710 калорий). В 20-м армейском пункте сбора пленных в Рославле пленные якобы получали предписанные рационы, но смертность составляла 3 % (30 смертных случаев) в день: отчёт от 25 января 1942 г., RH 22/v. 220.

²¹⁵ См. отчёт о деятельности 2-го квартирмейстера 16-й армии за 16 октября – 20 декабря 1941 г. («снабжение военнопленных зачастую осуществляется в крайне незначительном количестве») и за 22 декабря 1941 г. – 31 марта 1942 г. («питание военнопленных часто бывает крайне недостаточным»). – Даже посредством добавок для рабочих, занятых на тяжёлых работах, оказалось невозможным ни снизить смертность, ни поднять производительность труда): АОК 16/14989/58 и -/22745/89–90. – То же самое в отчёте коменданта по делам военнопленных округа «С» [в тыловом районе группы армий «Север»] от 28.12.1941 г. [RH 22/v. 223] и 8.01, 28.01, 27.02.1942 г. [RH 22/v. 232]. – В 152-м пересыльном лагере в районе 1-й танковой армии [зона ответственности группы армий «Юг»] пленные в феврале получали 1640 калорий в относительно питательном составе; в 112-м строительном батальоне военнопленных они получали только «два раза в день суп и 100 г хлеба». Комендант 152-го пересыльного лагеря возмущённо жаловался 20 февраля 1942 г. 2-му квартирмейстеру 1-й танковой армии: «Как только может человек при таком питании работать от 8 до 10 часов. Я прилагаю величайшие усилия, чтобы всеми возможными способами поднять состояние здоровья военнопленных, а войска, которые получают в какой-то мере накормленных пленных, позорят себя тем, что почти не дают им есть» (PzAOK 1/19194/43).

²¹⁶ Ему были подчинены коменданты по делам военнопленных округов «К» и «Р». Установление должности «главного коменданта по делам военнопленных» и несколько позже – начальников службы содержания военнопленных в тыловых районах групп армий, то есть усиление исполнительных и контрольных инстанций, было одним из орга-

- низационных результатов, которые вытекали из того убогого состояния, в котором пребывала служба по делам военнопленных.
- ²¹⁷ Это явно не соответствовало действительности: во время посещения 13 марта 1942 г. 112-го пересыльного лагеря в Шуе Маршалл утверждал, что питание в целом слишком недостаточное. В лагере Калугова оно вообще достигло «низшего уровня»: RH 22/v. 220.
- ²¹⁸ Отчёт за март от 31 марта 1942 г., *Ibidem*.
- ²¹⁹ См. отчёт 2-го квартирмейстера 16-й армии за 22 декабря 1941 г. – 31 марта 1942 г., АОК 16/22745/89–90. Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «С» за март–май 1942 г., RH 22/v. 249 (в марте: снабжение в целом достаточное, главным образом замечен недостаток хлеба; апрель: питание «в целом достаточное, хотя долгое время остаётся на нижней грани возможного»; май: положение со снабжением «в целом удовлетворительное»). – В отчётах начальника службы содержания военнопленных при командующем тыловым районом группы армий «Юг» и квартирмейстером этого района за март–июль 1942 г. [RH 22/v. 65; -/v. 66] не содержится нужных данных, но тот факт, что ситуация была такая же самая, позволяет сделать вывод об аналогичном характере процесса смертности. – В зоне ответственности 11-й армии предписанные рационы в марте не выдавались, поскольку в распоряжении не было достаточного количества запасов (отчёт обер-квартирмейстера 11-й армии № 33/42 сов. секр. от 6 апреля 1942 г., NOKW-1329); в апреле армия также устанавливала собственные рационы: отчёт 2-го квартирмейстера 11-й армии от 30 апреля 1942 г., RH 19 VI/v. 457.
- ²²⁰ Месячный отчёт за май 1942 г. от 30 мая 1942 г., RH 22/v. 249.
- ²²¹ Отчёт 2-го квартирмейстера 16-й армии за май 1942 г., RH 22/v. 249.
- ²²² Ещё 19 марта 1943 г. представители генерал-квартирмейстера сухопутных сил требовали на совещании с квартирмейстерами подразделений группы армий «Б» в Киеве, чтобы войска оставляли у себя пленных только для работ, признанных безусловно необходимыми, и вернули назад «домашних рабов»: запись 2-го квартирмейстера 9-й армии № 2075/43 секр. от 22 апреля 1943 г., АОК 9/34426/12.
- ²²³ В тыловом районе группы армий «Юг» уже в марте 1942 г. не была покрыта потребность в 37 500 пленных, которые были нужны прежде всего для ремонта магистралей и в сельском хозяйстве: донесение квартирмейстера тылового района группы армий «Юг» начальнику материально-технической части штаба группы армий «Юг» от 19 марта 1942 г., RH 22/v. 65. – В тыловом районе группы армий «Север» ситуация была аналогичной; в мае 1942 г. оказалось необходимым проверить возможность бережного обращения с используемыми рабочими командами, поскольку потребность в 20 000 военнопленных нельзя было удовлетворить: отчёт коменданта по делам военнопленных округа «С» за май 1942 г., RH 22/v. 249.
- ²²⁴ Подобное требование содержится в приказе обер-квартирмейстера 16-й армии № 321/42 секр. от 29 апреля 1942 г., АОК 16/23467/27: Пленные должны сразу же направляться в пересыльный лагерь; уже войска должны бережно с ними обращаться, чтобы пленные сохранили работоспособность. При использовании на работах пленные не должны надрываться: «Работы в течение 12 часов в воде и грязи, к которой следует добавить также многочасовые марши туда и обратно, при нынешней погоде нежелательны. Из-за подобных мер из строя выходит всё большее количество военнопленных, которых тем самым больше нельзя использовать в качестве рабочей силы на пользу Германии... Так, не годится, например, использовать для работы в воде людей, которые имеют только валенки; из-за этого ещё в последнее время наступали обморожения третьей степени и смертные случаи».
- ²²⁵ Отчёт 2-го квартирмейстера 16-й армии за май 1942 г., RH 22/v. 249. «Новый приказ» штаба группы армий «Север» от 23 мая дал, наконец, возможность производить выдачу полных рационов.
- ²²⁶ Донесение коменданта по делам военнопленных округа «J» от 25 января 1942 г. (130-й пересыльный лагерь в Рославле), RH 22/v. 220. – Военный дневник коменданта по делам военнопленных округа «J», 27.01.1942 г., 15.02.1942 г., RH 22/v. 219.
- ²²⁷ По-видимому, это часто случалось там, где военнопленные в составе рабочих команд передавались в распоряжение войск. Комен-

дант по делам военнопленных округа «J» сообщал в марте 1942 г., что военнопленные зачастую возвращаются из рабочих команд больными сыпным тифом, истощёнными и обессиленными: отчёт от 31 марта 1942 г., RH 22/v. 220. – См. выше прим. 215, где приводится донесение коменданта 152-го пересыльного лагеря (район 1-й танковой армии) от 20 февраля 1942 г. – 2-й квартирмейстер 16-й армии, напротив, утверждал в своём отчёте за 22 декабря 1941 г. – 31 марта 1942 г., «что только те небольшие рабочие команды военнопленных долгое время сохраняют работоспособность, которые используются непосредственно при войсках и регулярно получают там более хорошую, чем в самом лагере пищу». (АОК 16/22745/89–90). В приказе от 29 апреля 1942 г. оберквартирмейстер выступил против «нежелательного» обращения со многими рабочими командами, которое приводит к тому, что «всё большее количество» пленных становится потерянным для Германии в качестве рабочей силы, см. прим. 224. Насколько мало было таких войсковых частей, которые были склонны выполнять этот – подписанный начальником штаба 16-й армии – приказ, видно из того, что три недели спустя *командующий* 16-й армией генерал-полковник Буш был вынужден повторно издать приказ аналогичного содержания; приказ оберквартирмейстера 16-й армии от 21 мая 1942 г.: АОК 16/23467/27.

²²⁸ Донесение коменданта по делам военнопленных округа «J» о проведённом Рейнеке совещании в Варшаве 4 сентября 1941 г., RH 22/v. 220. – Месту советских и польских пленных в иерархии военнопленных соответствовало то, что для них также *официально* в качестве «воспитательной меры» был предусмотрен «один день заключения на хлебе и воде»: приказ отдела по делам военнопленных № 7762/41 в собрании донесений отдела по делам военнопленных № 8 от 31 декабря 1941 г., BA/MA RW 6/v. 270. – Особенно варварски обращались с советскими пленными части «ваффен СС»: когда 12 ноября 1941 г. в лагере Скуровска [тыловой район группы армий «Центр»] извне был застрелен охранник, в качестве карательной меры было расстреляно 50 пленных, а остальные пленные в течение 3-х

дней не получали пищи (донесение 1-й бригады СС в кн.: *Unsere Ehre*, S. 63), что для многих означало смертный приговор.

²²⁹ IMG, XXXIV, S. 130 (4064-PS).

²³⁰ IMG, XXXV, S. 85 (411-D), курсив в ориг.

²³¹ Приложение к приказу отдела пропаганды сухопутных сил № 221/10.41 секр., октябрь 1941 г., BA/MA RW 4/v. 253. – См. приказ отдела пропаганды штаба оперативного руководства вермахта № 9965/41 от 10 ноября 1941 г. в приказе оберквартирмейстера 9-й армии от 14 декабря 1941 г.: RH 23/v. 238, и приказ отдела пропаганды штаба оперативного руководства вермахта № 8790/41 секр. от 24 ноября 1941 г., RH 22/v. 234.

²³² См. высказывания Вагнера и его представителя фон Альтенштадта на совещании оберквартирмейстеров 17/18 апреля 1942 г.: запись совещания квартирмейстера тылового района группы армий «Север» № 257/42 сов. секр. от 20 апреля 1942 г., RH 22/v. 251. – 6 августа 1942 г. Гальдер вновь потребовал «полной автаркии Восточного фронта в области снабжения»: приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № 1/4957/42 сов. секр. в приказе квартирмейстера тылового района группы армий «Север» № 333/42 сов. секр. от 20 августа 1942 г., *Ibidem*.

²³³ См. запись 2-го квартирмейстера 9-й армии от 22 апреля 1943 г. о совещании с представителями генерал-квартирмейстера сухопутных сил в штабе группы армий «Б» 19 апреля 1943 г. в Киеве: АОК 9/34426/12.

²³⁴ Ernst-Günther Schenck, *Das menschliche Elend im 20. Jahrhundert*, S. 471.

²³⁵ Отчёт оберквартирмейстера группы армий «А» от 28 мая 1940 г., BA/MA W 6969/29.

²³⁶ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/0315/41 сов. секр. от 3 апреля 1941 г., RH 22/v. 11.

²³⁷ Донесение коменданта по делам военнопленных округа «J» от 7 июля 1941 г., RH 22/v. 220.

²³⁸ См. донесения от 15.07, 29.07, 3.08.1941 г., *Ibidem*. См. также военный дневник коменданта по делам военнопленных округа «J» RH 22/v. 219 (3.08, 4.08.1941 г.). Усилия по эвакуации пленных по железной дороге и автоколоннами считались необходимыми также с чисто военной точки зрения, «ибо тем самым экономились охраняемые силы, которых, как правило, не хватало для пеших

- переходов» (донесение от 31 июля 1941 г., RH 22/v. 220).
- ²³⁹ Военный дневник квартирмейстера тылового района группы армий «Центр», 31 июля 1941 г.: RH 22/v. 205.
- ²⁴⁰ Отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за июль, август 1941 г., *Ibidem*, лл. 40, 54.
- ²⁴¹ См. документ обер-квартирмейстера 16-й армии от 30 июня 1941 г. начальнику армейского снабжения, АОК 16/14989/56. – Документ обер-квартирмейстера 17-й армии уполномоченному офицеру по транспорту от 16 августа 1941 г.: «Настоятельно просим указаний для комиссара Ладышина, отвечающего за погрузку, чтобы военнопленные вывозились на следующих порожняком поездах в открытых вагонах»: АОК 17/14311/5. – См. отчёт коменданта 7-го пункта сбора военнопленных коменданту 582-го тылового района (9-й армии) от 5 августа 1941 г., RH 23/v. 238.
- ²⁴² Протокольная запись 2-го квартирмейстера 9-й армии для военного дневника от 17 июля 1941 г.: АОК 9/13904/1.
- ²⁴³ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № 11787/41 от 31 июля 1941 г. в приказе обер-квартирмейстера 9-й армии от 4 августа 1941 г., *Ibidem*, курсив в ориг.; см. также приказ обер-квартирмейстера 2-й армии от 5 августа 1941 г., NOKW-2145.
- ²⁴⁴ В районе 16-й армии, где было взято сравнительно мало пленных, эвакуация пленных по железной дороге и следовавшими порожняком автоколоннами не дала «поводов для протеста»: отчёт 2-го квартирмейстера 16-й армии за 22 июня – 7 августа 1941 г., АОК 16/14989/56.
- ²⁴⁵ Отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за ноябрь 1941 г., RH 22/v. 205, л. 116 и сл.
- ²⁴⁶ См. приведенное выше письмо графа Мольтке, где речь идёт о доходящих до 80 % потерях (прим. 19).
- ²⁴⁷ Один маршрут проходил через Дисну–Докжичи–Молодечно–Гродно–Сувалки в Восточную Пруссию, второй – через Борисов–Минск–Столбцы–Барановичи–Слоним–Желву в генерал-губернаторство: отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за август 1941 г., RH 22/v. 205, л. 54.
- ²⁴⁸ См. запись коменданта по делам военнопленных округа «J» о совещании по поводу эвакуации пленных с представителями ОКВ, ОКХ, командующего войсками рейхс-комиссариата «Остланда» и т. д. от 4 октября 1941 г., RH 22/v. 220.
- ²⁴⁹ «Донесения о событиях в СССР» № 144 от 10.12.1941 г., BA R 58/219.
- ²⁵⁰ Приказ начальника оперативного отдела 403-й охранной дивизии от 4 сентября 1941 г., RH 22/v. 203, курсив в ориг. Эта дивизия по меньшей мере с июля была занята эвакуацией пленных; то, что подобные приказы были необходимыми ещё три месяца спустя, видно из позиции войск в отношении пленных.
- ²⁵¹ См. донесение коменданта по делам военнопленных округа «J» от 13 августа 1941 г., RH 22/v. 220. – Отчёт 2-й квартирмейстера 16-й армии за 22 июня – 7 августа 1941 г., АОК 16/14989/56. – Приказ штаба группы армий «Центр», конец августа 1941 г., упомянут в приложении № 3 к приказу оперативного отдела 4-й армии № 3038/41 секр. от 31 августа 1941 г., АОК 4/13748/2.
- ²⁵² Отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за ноябрь 1941 г., RH 22/v. 205, л. 116; против этого, однако, говорит приведенное выше донесение айнзац-группы «Б» от начала *декабря*.
- ²⁵³ Донесение коменданта по делам военнопленных округа «J» от 30 сентября 1941 г., *Ibidem*.
- ²⁵⁴ Военный дневник коменданта по делам военнопленных округа «J», RH 22/v. 219.
- ²⁵⁵ Отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за ноябрь 1941 г., RH 22/v. 205, л. 88.
- ²⁵⁶ Донесение от 22 ноября 1941 г., RH 22/v. 220.
- ²⁵⁷ В зоне ответственности группы армий «Центр» с 5 ноября 1941 г. стоял мороз и шёл снег; начиная с 6 ноября Волга покрылась льдом, а 11 ноября температура ночью упала до -10° : Reinhardt, *Wende vor Moskau*, S. 126. В районе Москвы средняя температура в октябре 1941 г. равнялась $2,1^{\circ}$, в ноябре – $5,3^{\circ}$: *Ibidem*, S. 79, прим. 211.
- ²⁵⁸ Приказ начальника оперативного отдела 2-й полевой транспортной комендатуры от 26 ноября 1941 г., 3 декабря переданный обер-квартирмейстером 9-й армии коменданту 582-го тылового района: RH 23/v. 238.

- ²⁵⁹ Это привело к тому, что благоприятную погоду использовать не удалось и что пленные при наличии поезда перевозились невзирая на мороз.
- ²⁶⁰ См. ниже прим. 271.
- ²⁶¹ Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «С» за январь 1942 г., RH 22/v. 232. При этом подчёркивалось, что пленные были истощены уже при взятии в плен.
- ²⁶² Телеграмма отдела II d рейхскомисариата «Остланд» в имперское министерство труда, BA R 41/169, л. 181 и сл. Перевозка в открытых или неотапливаемых закрытых вагонах приводила к жертвам не только во время самой транспортировки; потерю сил нельзя было компенсировать с помощью минимальных рационов. Когда в начале декабря 1941 г. генерал-губернаторство должно было принять ещё 100 000 пленных из зоны ответственности группы армий «Центр», командующий войсками генерал-губернаторства потребовал «во избежание нового роста смертности, которая в последнее время несколько снизилась», чтобы транспортировка «ни при каких обстоятельствах не производилась в открытых вагонах»: телеграмма начальника штаба командующего войсками генерал-губернаторства от 2 декабря 1941 г., RH 53 – 23/v. 64.
- ²⁶³ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ №4224/41 секр., упомянутый в отчёте квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за декабрь 1941 г., RH 22/v. 205, л. 137.
- ²⁶⁴ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ №4217/41 секр. от 6 декабря 1941 г. (проект), BA R 41/169, л. 145 и сл.
- ²⁶⁵ Отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за декабрь 1941 г., RH 22/v. 205, л. 137.
- ²⁶⁶ См. переписку рабочей группы по использованию рабочей силы с отделом по делам военнопленных в фонде BA R 41/169. – В некоторых письмах предусмотренное в проекте заглавие «имперский министр труда» было изменено на «уполномоченный по 4-летнему плану/ рабочая группа по использованию рабочей силы» – прекрасное доказательство изменения конституционной структуры национал-социалистского режима. – См. также донесения Мансфельда Герингу от 13.12.1941 г., 10.02, 23.03.1942 г. R 41/281.
- ²⁶⁷ Квартирмейстер тылового района группы армий «Центр» получил 3 декабря от генерал-квартирмейстера сухопутных сил приказ эвакуировать из 131-го пересыльного лагеря в Бобруйске 20 000 пленных для использования их на работах на территории рейха. Спустя два дня он получил донесение, что, мол, вследствие плохого состояния здоровья вывезти можно только 2500 пленных: военный дневник квартирмейстера тылового района группы армий «Центр», RH 22/v. 205. – Из 100 000 пленных, которых командующий войсками генерал-губернаторства должен был согласно приказу отдела по делам военнопленных в ОКВ принять от группы армий «Центр», ни один, насколько известно, не был доставлен на территорию генерал-губернаторства: см. военный дневник оберквартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства, 30.11, 6.12, 9.12.1941 г.: RH 53 – 23/v. 61. – См. отчёт коменданта по делам военнопленных округа «С» за декабрь 1941 г.: Эвакуация пленных прекратилась, поскольку вспыхнула эпидемия сыпного тифа и работоспособные пленные пондобились также в тыловом районе группы армий «Север»: RH 22/v. 223.
- ²⁶⁸ Отчёт главного коменданта по делам военнопленных в тыловом районе группы армий «Центр» за март 1942 г., RH 22/v. 220. Как и прежде, эвакуация пленных из-за сыпного тифа в лагерях и сильных холодов была крайне затруднена; кроме того, чуть ли не все работоспособные пленные были «крайне необходимы» в самом тыловом районе.
- ²⁶⁹ Документ обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства, приложение к военному дневнику, 9.02–29.07.1942 г., №60, RH 53 – 23/v. 65.
- ²⁷⁰ Доклад рабочей группы по использованию рабочей силы от 23 марта 1941 г. Герингу, BA R 41/281, л. 272.
- ²⁷¹ Ограбление пленных при их взятии в плен представляло собой проблему, которая, как видно из постоянно повторявшихся приказов, не была устранена даже в 1943 г. Так, к примеру, штаб 11-й армии уже 29 июня 1941 г. отдал приказ оставлять пленным предметы их снаряжения, как то шинели, одеяла, посуду, предметы личного пользования и полевые кухни: BA/MA RH 19 VI/405. Эти распоряжения ещё более настойчиво

были повторены в «особых распоряжениях по снабжению» (BAV) № 12 и 13 от 22 и 24 июля 1941 г. (RH 19 VI/398) и вновь – в приказе обер-квартирмейстера 11-й армии №472/41 секр. от 3 августа 1941 г. – свидетельство того, что в войсковых частях эти приказы просто игнорировали. Имеются примеры и по другим районам. – Так, ещё в 1943 г. генерал-квартирмейстер сухопутных сил вынужден был настаивать на том, чтобы пленным оставляли их снаряжение, иначе, мол, эти предметы придётся изготавливать в Германии: см. запись 2-го квартирмейстера [9-й армии] №2075/43 секр. от 22 апреля 1943 г. о совещании в штабе группы армий «Б» в Киеве, АОК 9/34426/12. См. далее приказ о подготовке последнего крупного немецкого наступления в 1943 г. (операция «Цитадель»): Особые указания по снабжению обер-квартирмейстера обновлённого штаба «Харьков» [4-й танковой армии] №69/43 от 15 мая 1943 г.: PzAOK 4/44065/2 (следует «самыми суровыми мерами» бороться против лишения пленных одежды, сапог, ценностей, посуды, поскольку иначе их нельзя будет использовать на работах). То же самое было повторено в особых указаниях по снабжению обер-квартирмейстера 4-й танковой армии №922/43 сов. секр. от 28 июня 1943 г., PzAOK 4/44065/4. См. также приказы квартирмейстеров: 585-го тылового района №6 сов. секр. от 3 июля 1943 г., RH 23/v. 321, и 580-го тылового района №171/43 сов. секр. от 5 мая 1943 г., RH 23/v. 206. – Приказ об оставлении пленным трофейных полевых кухонь также постоянно не выполнялся.

²⁷² Здесь приоритеты были изменены лишь в самой малой степени; как и прежде, снабжение советских военнопленных следовало осуществлять за счёт оккупированных территорий.

²⁷³ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил №II/7718/42, RH 23/v. 321, курсив в ориг.

²⁷⁴ Это было ясно уже на этапе планирования: см. письмо обер-квартирмейстера 4-й армии №421/41 сов. секр. от 26 мая 1941 г. генерал-квартирмейстеру сухопутных сил, АОК 4/11193/9. – См. приведенное выше сообщение о положении в лагере для военнопленных в Минске, где примерно рота сол-

дат охраняла 100000 пленных (прим. 20 к гл. VII) и рассказ об имевшем место случае на Украине, когда 30 солдат эвакуировали 12500 пленных (прим. 158 к гл. VII). – В августе 1941 г. на 100 пленных в среднем приходилось по 2 охранника; благодаря увеличению количества охраны (до 11,5 охранников на 100 пленных) и применению отрядов имперской службы труда ситуация должна была улучшиться: *KTW Halder*, III, S. 191 (21.08.1941). При эвакуации пленных эти средние показатели, конечно, далеко не всегда соблюдались; так, для эвакуации пленных из сражения под Киевом руководство сухопутных сил сочло возможным использовать одну дивизию для 200000 пленных (*ibidem*, S. 191 [21.08.1941], там, правда, по ошибке стоит «20000» вместо «200000»).

²⁷⁵ Не найден; из других источников следует, что он был отдан 14 августа 1941 г.

²⁷⁶ *Tgb. Bock, VA/MA № 22/10.* – Такое решение проблемы определённо считалось невозможным – пока не были готовы изменить приоритеты и, используя железнодорожный транспорт и предоставив лагерям соответствующее материальное оборудование (автомобили для доставки продовольствия и т. п.), сделать поддержание жизни пленных важной частной целью. Здесь представляется, что Бок был готов как можно скорее сложить с себя ответственность.

²⁷⁷ Донесение офицера абвера разведотдела группы армий «Центр» от 31 августа 1941 г., RH 23/v. 236. Донесение фон Шенкендорфа датируется 27-м августа 1941 г.; кроме того, фон Шенкендорф выступал против грабежей немецких солдат, о которых постоянно сообщали.

²⁷⁸ Донесение начальника оперативного отдела 403-й охранной дивизии от 4 сент. 1941 г., RH 22/v. 203, курсив в ориг. См. донесение начальника оперативного отдела 4-й армии №3038/41 секр., приложение к приказу №3 от 31 авг. 1941 г., АОК 4/13748/2; донесение начальника оперативного отдела 9-й армии №4109/41 секр. от 10 окт. 1941 г., памятка для службы по делам военнопленных, RH 23/v. 155. В приказах по большей части в характерных выражениях рекомендуется при попытке к бегству и при неповиновении «применять самые суровые меры» – свидетельство того, что попытки прекратить из-

- девательства и расстрелы остались безуспешными.
- ²⁷⁹ *KTB Halder*, III, S. 221 (12.09.1941).
- ²⁸⁰ Такой приказ найти не удалось.
- ²⁸¹ Запись коменданта по делам военнопленных округа «J» от 4 октября 1941 г. о совещании в Могилёве, RH 22/v. 220.
- ²⁸² Отчёт о положении дел коменданта 240-го пересыльного лагеря за 22 сентября – 22 октября 1941 г., RH 49/v. 97.
- ²⁸³ Приложение к приказу отдела пропаганды штаба оперативного руководства вермахта № 8644/41 секр., донесение от 15 ноября 1941 г., RW 4/v. 253. – Начальник штаба оперативного руководства вермахта Йодль заметил по этому поводу: «Принимая во внимание наши нынешние намерения относительно русских военнопленных, мы должны стремиться вернуть работоспособность как можно большему их числу. В остальном следует использовать контрпропаганду, а именно, говорить, что в данном случае речь идёт о пленниках, которые якобы отказывались идти дальше не потому, что не *могли* идти, а потому, что не *хотели*» (курсив в ориг.).
- ²⁸⁴ Приложение № 1 к отчёту о положении дел № 8 отдела пропаганды «Б» («Остланд») от 30 ноября 1941 г., RH 22/v. 234. – Начальник штаба тылового района группы армий «Север», один из адресатов донесения, переговорил по этому поводу с квартирмейстером, желая принять меры против расстрелов.
- ²⁸⁵ Приложение № 1 к отчёту о состоянии дел № 12 отдела пропаганды «Остланда» [около 30 января 1942 г.], *Ibidem*.
- ²⁸⁶ Отчёт военно-экономического штаба «Восток» за 16–30 сентября 1941 г., BA R 41/135.
- ²⁸⁷ Отчёт командира 24-й дивизии от 18 октября 1941 г., BA/MA RH 22/v. 263. – Уже 15 октября оперативный отдел дивизии докладывал о более чем 1000 умерших «вследствие расстрелов и истощения»: RH 22/v. 7.
- ²⁸⁸ См. об этом гл. VII, 3, а.
- ²⁸⁹ См. донесение 683-го моториз. взвода полевой жандармерии от 20 ноября 1941 г., BA/MA RH 23/v. 67.
- ²⁹⁰ Отчёт военно-экономического штаба «Восток» за 1–15 ноября 1941 г. от 8 декабря 1941 г., BA R 41/136.
- ²⁹¹ Донесение Лахузена от 31 октября 1941 г., NOKW-3147.
- ²⁹² См. выше прим. 186.
- ²⁹³ См. приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/6311/41 секр. от 23 сентября 1941 г., BA/MA RW 6/v. 276.
- ²⁹⁴ *Ibidem*; см. заметки Кейтеля на полях по поводу позиции Рейнеке в его «докладной записке от 18 ноября 1945 г.», BA/MA № 54/30.
- ²⁹⁵ См. гл. VIII.
- ²⁹⁶ См. выше прим. 79.
- ²⁹⁷ Донесение Вейса в имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий от 23 октября 1941 г., BA R 6/95, лл. 1, 8. Неработающие пленные в течение дня должны находиться под открытым небом: «...при сырой и холодной погоде они, кажется, сильно страдали».
- ²⁹⁸ В Берген-Бельзене – в шалашах: Kolb, *Berген-Belsen*, S. 36 f. В 344-м стационарном лагере в Ламсдорфе (Верхняя Силезия) десять тысяч пленных ютились в ямах длиной 300–400 м, шириной 3 м и глубиной 1,65 м: Datner, *Crimes Against POWs*, S. 233 f.
- ²⁹⁹ Стандартный, заранее изготовленный тип барака, который первоначально использовался имперской службой труда.
- ³⁰⁰ Приказ начальника вооружения сухопутных сил и командующего армией резерва № 6680/41 от 17 октября 1941 г., USSR-422 (1) в фонде BA/MA № 54/14.
- ³⁰¹ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 8223/41 от 26 ноября 1941 г., BA/MA Wi/VIII.21.
- ³⁰² Отчёт рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-летним планом от 13 декабря 1941 г., BA R 41/281, л. 266 и сл.
- ³⁰³ Отчёт о положении дел команды по вооружению Дюссельдорфа от 6.01.1942 г., прилож. к военному дневнику: BA/MA RW 21 – 16/8. В районе этой команды до конца декабря 1941 г. из 6207 затребованных фирмами советских военнопленных на работах использовалось только 800, поскольку состояние здоровья остальных было очень плохим.
- ³⁰⁴ Военный дневник команды по вооружению Дортмунда, 1 марта – 31 мая 1942 г., RW 21 – 14/10.
- ³⁰⁵ Документ 2-го квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства, «сводка» от 23 октября 1941 г., RH 53 – 23/v. 63: в начале июля 1941 г. начальник службы содержания военнопленных особого

- назначения получил приказ построить на территории генерал-губернаторства зимние лагеря для 1 млн. пленных; командующем войсками генерал-губернаторства возражал против этого, так что для постройки зимних лагерей, видимо, вообще ничего не было сделано; 24 сентября 1941 г. было отдано распоряжение о размещении 500000 пленных, но это число, правда, не было достигнуто.
- ³⁰⁶ «Донесения о событиях в СССР» №81 от 12.09.1941 г., ВА R 58/217.
- ³⁰⁷ Военный дневник обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства, RH 53 – 23/v. 61, 10, 11, 14 сентября 1941 г.
- ³⁰⁸ *Ibidem*, 16.09.1941 г.
- ³⁰⁹ *Ibidem*, 8.10, 15.11.1941 г. Первая колонна состояла из одного среднего легкового автомобиля, одного лёгкого и 10 средних грузовиков, то есть обладала пропускной способностью в 15–30 т.
- ³¹⁰ Документ обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства, «Зимние помещения для военнопленных», 16 октября 1941 г.: RH 53 – 23/v. 63. Некоторые примеры: в крепости Деблин – от 40000 до 75000 мест; в Казерне Владове – от 1000 до 27000 мест; на фабрике Понятова – от 5000 до 30000 мест.
- ³¹¹ По приказу обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства №3374/41 от 9 декабря 1941 г. 4-й и 5-й ряды были убраны, поскольку из-за массовой смертности теперь требовалось гораздо меньше места: RH 53 – 23/v. 64.
- ³¹² См. текущие отчёты обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства, RH 53 – 23/v. 63; -/v. 64. С 9–16 ноября 1941 г. перевозки не проводились.
- ³¹³ Отчёт главного санитарного офицера при командующем войсками генерал-губернаторства от 20 сент. 1941 г., RH 53 – 23/v. 63.
- ³¹⁴ Отчёт главного санитарного офицера при командующем войсками генерал-губернаторства от 19 февр. 1942 г., RH 53 – 23/v. 65.
- ³¹⁵ См. Datner, *Crimes Against POWs*, S. 229–231. Там подробное описание по словам очевидцев.
- ³¹⁶ См. приложение к приказу обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства № 3295/41 от 1 декабря 1941 г., RH 53 – 23/v. 64.
- ³¹⁷ Datner, *Op. cit.*; правда, названное Датнером общее количество умерших – 80000 чел. представляется слишком большим, поскольку лагерь по данным обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства был не очень крупным; однако, для Бяла-Подляски, где прежде располагался 307-й стационарный лагерь, никаких точных данных нет.
- ³¹⁸ Военный дневник обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства, 2.02, 7.03.1942 г.: RH 53 – 23/v. 61. – 10 апреля 1942 г. 24-е военно-геологическое ведомство пришло к выводу, что вследствие загрязнения грунтовых вод «телами умерших от сыпного тифа» и фекалиями летом «в окрестностях» крепости следует ожидать повторной вспышки тифа и других болезней: *Ibidem*, 10.04.1942 г., см. 21.04.1942 г. Лагерь Островек также был закрыт.
- ³¹⁹ Приказ обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства № 3324/41 от 5 декабря 1941 г., RH 53 – 23/v. 64; среди прочего им должны были выдавать двойную порцию алкоголя.
- ³²⁰ См. отчёт обер-квартирмейстера 9-й армии №2508/41 секр. от 24 сент. 1941 г. коменданту 582-го тылового района, RH 23/v. 155.
- ³²¹ См. отчёт коменданта 240-го пересыльного лагеря, RH 23/v. 238.
- ³²² См. отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 15.07.1941 г. о 231-м пересыльном лагере в Волковийске, RH 22/v. 220.
- ³²³ Отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за сентябрь 1941 г., RH 22/v. 205, л. 70.
- ³²⁴ Отчёт за октябрь 1941 г., *Ibidem*, л. 86.
- ³²⁵ Отчёт за ноябрь и декабрь 1941 г., *Ibidem*, лл. 114, 135, курсив в ориг.
- ³²⁶ См. отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 6 сентября 1941 г. (112-й пересыльный лагерь в Молодечно: 8000 военнопленных под открытым небом); от 18 сентября 1941 г. (314-й пересыльный лагерь в Бобруйске: под крышей только 6000 пленных, остальные располагаются отчасти в укрепленных ямах в грязи; 131-й пересыльный лагерь в Бобруйске: 18100 пленных, все под крышей; 220-й пересыльный лагерь в Гомеле: 8500 пленных, из которых под

крышей 3000 могут лежать или 5000 (статья): RH 22/v. 220. – В 240-м пересыльном лагере в Смоленске, который состоял по сути из 2-х отдельных лагерей, в конце октября в одном лагере под крышей удалось разместить 5000 чел. (из них 2000 в бараках), в другом – 10000 чел. в подвале разрушенного университета (5000 чел. на деревянном и каменном полу, остальные – на 3-ярусных нарах); более точные данные отсутствуют: отчёт коменданта 240-го пересыльного лагеря от 25 окт. 1941 г., RH 49/v. 97. См. приведенные выше в прим. 257 данные о средней температуре в октябре и ноябре 1941 г.

³²⁷ См. приведенный в гл. VII, 2, а подробный отчёт полковника Маршалла.

³²⁸ *Ibidem* (185-й пересыльный лагерь в Могилёве).

³²⁹ См. отчёт Маршалла от 11 декабря 1941 г., RH 22/v. 220. В 220-м пересыльном лагере в Гомеле помещения «были построены безукоризненно», однако смертность там была очень высокой по другим причинам.

³³⁰ См. приведенный выше в прим. 213 отчёт коменданта 21-го армейского пункта сбора военнопленных от 19 января 1942 г.

³³¹ Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 31 марта 1942 г., RH 22/v. 220.

³³² Отчёт коменданта 240-го пересыльного лагеря от 14 декабря 1941 г. коменданту 582-го тылового округа, RH 23/v. 238. В предыдущем отчёте от 4 декабря 1941 г., *Ibidem*, отвратительные жилищные условия были названы «одной из главных причин высокой смертности».

³³³ См. упомянутый выше (прим. 209) отчёт коменданта 240-го пересыльного лагеря.

³³⁴ См. отчёт коменданта 7-го армейского пункта сбора военнопленных за 8–16 июля 1941 г., RH 23/v. 238. – Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 13 августа 1941 г., RH 22/v. 220.

³³⁵ Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 6 сентября 1941 г., RH 22/v. 220. – См. рапорт начальника службы содержания военнопленных особого назначения в отдел по делам военнопленных ОКВ от 3 ноября 1941 г.: большинство лагерных комендатур оказалось без собственных транспортных средств, что сделало положение с транспортом «совершенно неудовлетворительным»: согласно штатам персонал фронт-

того стационарного лагеря на 10000 плен-ных состоял из 14 офицеров, 10 чиновников, 10 кладовщиков, 10 унтер-офицеров и 73 рядовых; соотношение членов персонала в одном из созданных в округе «J» в ноябре лагерей представляло собой пропорцию 5:4:1:6:19; кроме того, вместо предусмотренных 8 грузовиков лагерь располагал лишь одним и сверх того 2-мя повозками: отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 22 ноября 1941 г., RH 22/v. 220.

³³⁶ Приказ группы особого назначения генерального штаба группы армий «Центр» от 19 сентября 1941 г., RH 23/v. 238.

³³⁷ Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 22 ноября 1941 г., RH 22/v. 220. – Благодаря предписанной замене картофеля на брюкву в соотношении 1:3 размеры подвозимого продовольствия стали ещё больше.

³³⁸ Докладная записка Розенберга Кейтелю от 28 февраля 1942 г., *IMG*, XXXV, S. 156–161 (081-PS). Издателем этой докладной записки был доктор Отто Бройтигам, заместитель руководителя главного политического отдела в имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий; см. его проект с исправлениями без указания даты: *BA/MA* RW 6/v. 276. Бройтигам уже в августе 1941 г. выступал за улучшение обращения с пленными. Он аргументировал это тем, что, мол, овладеть советским пространством будет возможно только если удастся приобрести поддержку населения. При этом, однако, необходимо обращаться с пленными «строго, но справедливо». Следует заставить их восхищаться Германией и сделать из них «пропагандистов дела Германии и национал-социализма»: 081-PS, то же самое в его памятной записке от 26 августа 1941 г., RW 6/v. 276. – В августе 1941 г. Розенберг не был готов поддержать эти требования. Только теперь, в совершенно иной ситуации он решил потребовать у Кейтеля изменения политики. Благодаря аналогичным требованиям, среди прочих также генерал-квартирмейстера, удалось добиться модификации политики в отношении плен-ных, но отнюдь не принципиального её изменения: см. гл. XI.

³³⁹ Сыпной тиф или голодный тиф представляет собой инфекционное заболевание, ко-

торое передаётся через вшей и особенно бурно распространяется среди ослабленных голодом людей. Средняя смертность составляет 20 %.

³⁴⁰ Запись коменданта по делам военнопленных округа «J» от 6 сент. 1941 г., RH 22/v. 220.

³⁴¹ Показания генерал-полковника медицинской службы профессора доктора Хандлосера, бывшего тогда санитарным инспектором сухопутных сил, а затем – начальником санитарной службы вермахта, *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7251–7254; Рейнке полностью поддерживал его меры. См. разработку Рейнке о службе по делам военнопленных для Кейтеля, *ВА/МА № 54/30*.

³⁴² Отчёт главного санитарного офицера при командующем войсками генерал-губернаторства от 19 февр. 1942 г., RH 53 – 23/ v. 65. – 14 ноября начальник генерального штаба Гальдер писал по поводу посещения стационарного лагеря в Молодечно в рейхскомиссариате «Остланд»: «Сыпной тиф обрёл русский лагерь (20 000 чел.) на вымирание». Помочь ничем нельзя: *КТВ Halder*, III, S. 289. – В последнюю неделю ноября сыпной тиф проник в лагерь к западу от Одера: письмо графа Мольтке своей жене от 30.11. 1941 г., собственность графини Мольтке.

³⁴³ Уже в середине декабря во II корпусном округе в Померании 15 000 военнопленных нельзя было использовать на работах из-за опасности сыпного тифа: отчёт президента земской биржи труда Померании в имперское министерство труда от 15 декабря 1941 г., *ВА R 41/168*, л. 249 и сл. – В III корпусном округе в Берлине во всех лагерях был объявлен карантин: отчёт президента земской биржи труда Бранденбурга в имперское министерство труда от 23 декабря 1941 г., *R 41/169*. – Из 61 «русского лагеря» на территории рейха к концу января 1942 г. сыпного тифа не было только в 13: доклад Мансфельда Герингу от 10 февраля 1942 г., *R 41/281*, л. 269 и сл.

³⁴⁴ Из-за распространения эпидемии эвакуация военнопленных специалистов из восточных областей сорвалась уже в начале декабря. Несмотря на все усилия рабочей группы по использованию рабочей силы при отделе по делам военнопленных в ОКВ не удалось организовать даже вывоз 8000 уже отобранных специалистов из рейхскомиссариата

«Остланд»: см. доклад рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-летнего плана от 5 декабря 1941 г. и 6 января 1942 г. в отделе по делам военнопленных в ОКВ, а также ответный доклад отдела по делам военнопленных в ОКВ в рабочую группу по использованию рабочей силы от 3 января 1942 г.: *R 41/169*, лл. 117 и сл., 189 и сл., 193 и сл.

³⁴⁵ Доклад Мансфельда Герингу от 13 декабря 1941 г., *R 41/281*, л. 267, курсив в ориг.

³⁴⁶ *ВА/МА RH 22/v. 205*, л. 115. В этом донесении вообще впервые говорится о создании дезинсекционных камер (л. 102); в донесении за декабрь говорится, что повсюду был объявлен карантин, но уже в следующем абзаце значится, что в карантинных бараках лежат только «заразные» пленные, чтобы создавать угрозы для рабочего процесса: *Ibidem*, л. 136. – В отчётах коменданта по делам военнопленных округа «J» об этом лишь изредка идёт речь; в одном из лучше всего организованных лагерей, 185-м пересыльном лагере в Могилёве, только в конце ноября вошла в строй дезинсекционная камера; однако, она имела столь малую мощность, что единовременная дезинсекция всех пленных заняла бы по меньшей мере два месяца: отчёт от 22 ноября 1941 г., *RH 22/v. 220*. Из других отчётов следует, что в 19-м армейском пункте сбора военнопленных в Михайловском дезинсекционных камер не было до 11 декабря (отчёт от 11 декабря 1941 г., *Ibidem*), в 240-м пересыльном лагере во Ржеве – до 19 декабря (*RH 23/v. 238*), а в 21-м пункте сбора военнопленных – до начала января 1942 г. (отчёт коменданта 21-го армейского пункта сбора военнопленных от 19 января 1942 г. коменданту 580-го тылового района, *АОК 2/19902/67*).

³⁴⁷ Документ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 4217/41 секр. от 6 дек. 1941 г., приложенный в качестве проекта к письму отдела по делам военнопленных в ОКВ № 4280/41 секр. от 13 дек. 1941 г. в имперское министерство труда; приказ в это время ещё не вышел! – требовалось соорудить карантинные лагеря для размещения в них менее 9000 чел. в *нормальных* помещениях: *R 41/169*, лл. 143–146. – Аналогичные требования в приказе генерал-квартирмейстера сухопутных сил № 1/47688/41 от 19 дек.

1941 г., подп. Вагнер: *ВА/МА АОК 16/22745/89 – 90*. ОКХ самое позднее с 14 ноября знало о распространении эпидемии, см. выше прим. 342.

³⁴⁸ См. выше прим. 70.

³⁴⁹ В районе 9-й армии пленные получали набитые соломой или бумагой «спальные одеяла»: отчёт коменданта 240-го пересыльного лагеря от 19 декабря 1941 г. коменданту 582-го тылового района, *RH 23/v. 238*; в 1943 г. это было правилом также в зоне ответственности ОКВ: приказ отдела по делам военнопленных № 4441/43 в «собрании приказов» № 25 от 17 мая 1943 г., *RW 6/v. 270*. – В 1941 г. изготовление бумажных одеял было, по-видимому, правилом в зоне ответственности ОКВ; в приказе отдела по делам военнопленных № 2158/42 (в «собрании приказов» № 11 от 11 марта 1942 г., *Op. cit.*) говорится, что до сих пор такие одеяла изготавливались лишь в малом количестве, изготовление их следует ускорить, ибо пленные должны содержаться в тепле. Хотя врачи и запрещают их применение, поскольку эти одеяла служат хорошей питательной средой для вшей, их всё же следует продолжать использовать и дальше.

³⁵⁰ Запись коменданта по делам военнопленных округа «J» от 6 сент. 1941 г., *RH 22/v. 220*.

³⁵¹ Приказ 2-го квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства № 3324/41 от 5 дек. 1941 г., *RH 53 – 23/v. 64*.

³⁵² Особые распоряжения о снабжении оберквартирмейстера 16-й армии № 74 от 11 сентября 1941 г.: по приказу ОКХ от 27 августа 1941 г. каждый пленный должен был получить один кусок хозяйственного мыла на 2 месяца и один кусок туалетного мыла на 6 месяцев: *АОК 16/14989/57*. В марте 1942 г. пленным, которые направлялись на особенно грязную работу или работали поварями, было разрешено выдавать по куску мыла в месяц: приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № 1/13901/42 в фонде *RH 22/v. 65*, отсюда же цитата.

³⁵³ См. приказ квартирмейстера тылового района группы армий «Юг» № 1927/42 от 28 марта 1942 г., *RH 22/v. 65*; военный дневник оберквартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства, *RH 53 – 23/v. 61* (6.06.1942 г.); ещё 20 июня

1942 г. 4348 военнопленных в генерал-губернаторстве были больны сыпным тифом: отчёт главного санитарного офицера при командующем войсками генерал-губернаторства от 21 июня 1942 г., *RH 53 – 23/v. 65*.

³⁵⁴ Завизированная послом Риттером нота, которую министр иностранных дел Риббентроп предположительно 22 декабря 1941 г. представил Гитлеру: *РААА, Handakten Ritter, Akten betr. OKW, Eingänge des OKW 1941–1944*. – Об усилиях Международного Комитета Красного Креста относительно гуманного обращения с пленными с обеих сторон см. ниже гл. X.

³⁵⁵ Документ отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта № 003150/41 и документ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 8770/41 от 24 декабря 1941 г. (подпис. Кейтелем и Рейнеке): *ВА/МА RW 6/v. 276*.

³⁵⁶ «Донесения о событиях в СССР» № 144 от 10 декабря 1941 г., *ВА R 58/219*.

³⁵⁷ Josef Ackermann, *Heinrich Himmler als Ideologe*, Göttingen 1970, S. 216 f. – Согласно сообщению г-на Штрайма из Центрального архива в Людвигсбурге по меньшей мере в одном случае заражённый сыпным тифом лагерь был ликвидирован айнзацкомандой.

³⁵⁸ См. выше прим. 7.

³⁵⁹ «Донесение о сыпном тифе» от 11 февраля 1942 г. главного санитарного офицера при командующем войсками генерал-губернаторства, *RH 53 – 23/v. 64*. – До 20 июня 1942 г. умерло 2286 пленных и 396 немецких охранников: «Донесение о сыпном тифе» от 21 июня 1942 г., *RH 53 – 23/v. 65*.

³⁶⁰ См. об этом «директивы о поведении войск», гл. III, 4; основной приказ отдела по делам военнопленных ОКВ от 16 июня 1941 г. (гл. V, 1, в); приказ Гальдера от 3 апреля 1941 г. (гл. III, 2 и V, 2), приказ Мюллера от 25 июля 1941 г. (гл. VI, 3) и приказ Вагнера от 25 июля 1941 г. (гл. VI, 2).

³⁶¹ Однако возможно, что не сохранившиеся приказы отдела по делам военнопленных ОКВ № 2114/ 41 секр. от 26 июня 1941 г. и № 2401/41 секр. от 17 июля 1941 г. уже содержали эти, полностью соответствовавшие требованиям «политической солдатчины» указания, и что приказ Мюллера от 25 июля основывался на этих приказах.

³⁶² 4 сентября 1941 г. он провёл уже неоднократно упоминавшееся заключительное со-

вешание с представителями службы по делам военнопленных из зон ответственности ОКВ и ОКХ в Варшаве; цитата – из протокола коменданта по делам военнопленных округа «J»: RH 22/v. 220.

³⁶³ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ №3058/41 секр. от 8 сентября 1941 г., подп. Рейнеке, *IMG*, XXVII, S. 274–283 (= 1519-PS), курсив в ориг.

³⁶⁴ На неоднократно упоминавшемся совещании 4 сентября 1941 г. в Варшаве Рейнеке подчеркнул также и этот пункт. Советский пленный «далеко не так добродушен, как кажется»; поэтому «всеми средствами следует добиваться того, чтобы в обращении с пленными соблюдалась самая строгая дисциплина. Целесообразно также создать лагерную полицию из рядов самих военнопленных, которые лучше смогут управляться со своими товарищами».

Таким образом с немецкого лагерного руководства была снята часть забот, а пленным дана возможность «самим поддерживать порядок и дисциплину в лагерях» (протокол коменданта по делам военнопленных округа «J» от 6 сентября 1941 г., RH 22/v. 220). Для пленных определение в лагерную полицию было одной из немногих возможностей выжить в лагере: они получали гораздо лучшее и прежде всего стабильное питание, поскольку руководство лагеря было заинтересовано в сохранении этих сил; см. установленные по приказу генерал-квартирмейстера сухопутных сил рационы в «особых распоряжениях о снабжении» квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» №64 от 1 ноября 1941 г., RH 22/v. 203. Чтобы удержаться в этом положении, пленные готовы были с крайней жестокостью действовать против своих же товарищей, что немецкое руководство опять-таки рассматривало в качестве признака моральной и расовой неполноценности этих пленных.

³⁶⁵ 1519-PS, S. 281.

³⁶⁶ Это и следующие положения см. *Ibidem*, S. 282 f., курсив в ориг.

³⁶⁷ Фанатичных национал-социалистов, правда, не интересовали эти тонкости; порку пленных они считали нормальным и желательным обращением с ними. Так, руководитель отдела немецкой прессы в министерстве пропаганды, радиокomentатор Ганс

Фриче заявил на пресс-конференции в Берлине 7 января 1942 г. следующее:

«Справедливо, что при обращении с советскими военнопленными в Германии в лагерях для пленных большую роль играют кнут, палка и розги, ибо только с помощью револьвера порядок поддерживать нельзя. Советский пленный привык к такому обращению и только таким образом его можно заставить трудиться» (Цит. по: Willi A. Boelcke, *Wollt Ihr den totalen Krieg*, S. 303).

³⁶⁸ В циркулярном письме №21/41 секр. от 30.09.1941 г., *IMG*, XXVII, S. 273 f.

³⁶⁹ См. гл. XI, 5, а.

³⁷⁰ Текст из кн.: Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 208–210, см. об этом гл. X.

³⁷¹ Заметка Кейтеля от руки на этой докладной записке, *Ibidem*, S. 208.

³⁷² Докладная записка Канариса, *Ibidem*, S. 209.

³⁷³ *Le Crime methodique*, S. 209.

³⁷⁴ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ №389/42 секр., RW 6/v. 272.

³⁷⁵ *Ibidem*, курсив в ориг.

³⁷⁶ См. RGBI, 1934 II, S. 207 ff. – О последующем см. также: Streit, «Das Schicksal der verwundeten sowjetischen Kriegsgefangenen» (1995).

³⁷⁷ Об этом см. ниже гл. X.

³⁷⁸ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил №1/17916/41 от 7 июля 1941 г. в «особых распоряжениях по снабжению» обер-квартирмейстера 11-й армии № 14 от 28 июля 1941 г., RH 19 VI/398, курсив в ориг. – Категорически запрещено согласно соответствующему приказу об исполнении 2-й армии от 5 августа 1941 г., NOKW-2145.

³⁷⁹ См. то, что было сказано в гл. VII, 2, в об абсолютном недостаточном материальном обеспечении пересыльных лагерей.

³⁸⁰ Это служит чётким указанием на то, что раненых ожидала страшная участь, знать о которой другие пленные должны были как можно меньше.

³⁸¹ В соответствующем приказе об исполнении 2-й армии это было «принципиально» подчеркнуто: NOKW-2145.

³⁸² Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил №II/4590/41 секр. от 24 июля 1941 г., AOK 16/14989/56, курсив в ориг.

³⁸³ Комендант 7-го армейского пункта сбора пленных сообщал в своём отчёте за 8–16 июля 1941 г., что о поступивших в его

лагерь раненых вряд ли заботились со времени их взятия в плен: RH 23/v. 238. – В тыловом районе группы армий «Центр» согласно отчёту квартирмейстера выполнялись указания генерал-квартирмейстера, см. отчёт за июль, август, сентябрь 1941 г., RH 22/v. 205, лл. 39, 48, 53 и сл., 71; там даже предоставляли немецкие лекарства, что, конечно, не было правилом.

³⁸⁴ См. военный дневник 18-й армии, 25 августа 1941 г.: NOKW-1317. – Отчёт о боевых действиях 10-го армейского корпуса (в штаб 16-й армии), NOKW-2897. – Заметки в военном дневнике 342-й пехотной дивизии за 15 и 19 декабря 1941 г.: NOKW-2281 (дивизия входила в состав 3-й танковой армии). Всё это случайно найденные доказательства.

³⁸⁵ Согласно отчёту санитарного инспектора службы по делам военнопленных профессора доктора Конриха об инспекционной поездке по Южной Украине, больные и раненые там лежали, как правило, только на нарах (часто 2-хъярусных). Операционные принадлежности удовлетворяют лишь «самым скромным требованиям», обеспечение медицинскими приборами «отчасти чрезвычайно убогое», в лазарете Кривоного Рога «отсутствует, к примеру, даже ампутационный нож... Перевязочные и медицинские средства в одном месте крайне убоги, в другом – вполне достаточны; многое зависит здесь от ловкости лагерного врача, который по возможности снабжает себя за счёт ближних и дальних соседей, поскольку регулярное снабжение чрезвычайно затруднительно» [BA/MA Wi/IF 5.530]. Отчёт Конриха в целом не производит впечатление, будто он сам особенно глубоко озаботился улучшением положения. – Об обращении с ранеными более подробно см. Datner, *Crimes against POWs*, S. 337–359. Датнер много внимания уделил участи «военнопленных крупного лазарета» в Славуте близ Шенетовки на Украине, где в 10 трёхэтажных зданиях размещались 15000–18000 раненых. Согласно данным советской комиссии там умерло около 150000 пленных (S. 353 f.). Конрих оообщал о крупном лазарете в Смеле-Бобринской, в котором были размещены 5000 раненых и который был рассчитан на 10000 человек.

³⁸⁶ RH 22/v. 205, л. 71 и сл.

³⁸⁷ Донесение коменданта 240-го пересыльного лагеря от 17 декабря 1941 г. коменданту 582-го тылового района, RH 23/v. 238.

³⁸⁸ Rudolf Bucher, *Zwischen Verrat und Menschlichkeit*, Frauenfeld 1967, S. 135. Бухер принадлежал к швейцарской миссии врачей-добровольцев, которая с октября 1941 г. по январь 1942 г. работала в немецких лазаретах на Восточном фронте. Когда в ноябре 1941 г. некоторые из этих врачей «непозволительным образом» проникли в лазарет для пленных в Смоленске, то получили от верховного командования официальный запрет оказывать советским пленным и гражданским лицам медицинскую помощь (S. 79).

³⁸⁹ Приказ обер-квартирмейстера 9-й армии от 30 декабря 1941 г., RH 23/v. 238.

³⁹⁰ См. приведенные в гл. VII, 2, а требования Геринга и Вагнера. 16 марта 1943 г. военно-экономический штаб «Восток» установил новые рационы для советского населения. Согласно им, «члены семей рабочих, нероботоспособные, больные в учреждениях ежедневно получали по 850 калорий»: «особые распоряжения о снабжении» обер-квартирмейстера армейской группы Кемпфа № 34 от 19 июля 1943 г., BA/MA AOK 8/42095/4, часть 2.

³⁹¹ Отчёт коменданта по делам военнопленных округа «С» за декабрь 1941 г. от 28 декабря 1941 г., RH 22/v. 223.

³⁹² Отчёт командующего тыловым районом группы армий «Север» от 15 февраля 1942 г., RH 22/v. 232.

³⁹³ Отчёт от 15 марта 1942 г., *Ibidem*. «Размещение» их состоялось в районе Гдова на озере Пейпус.

³⁹⁴ В тыловом районе группы армий «Север» уже в конце октября 1941 г. в ходе ряда акций из предместий Ленинграда было «эвакуировано» более 50000 гражданских лиц. Начальник штаба группы армий «Север» генерал-лейтенант Бреннеке настойчиво подчёркивал в одном из отданных по этому поводу приказов, что это «возвращение» следует проводить «только в интересах войск, а не ради помощи населению. Области вокруг озера Самро и Себежа предположительно будут голодать» (приказ начальника материально-технической части штаба группы армий «Север» № 8690/41 секр. от

3 декабря 1941 г., RH 22/v. 234, курсив в ориг. См. приказ начальника материально-технической части штаба группы армий «Север» № 7991/41 секр. от 21 октября 1941 г., RH 22/v. 223).

³⁹⁵ Военный дневник квартирмейстера тылового района группы армий «Север» (14.05.1942 г.): RH 22/v. 248, см. отчет коменданта по делам военнопленных округа «С» за май 1942 г., RH 22/v. 249.

³⁹⁶ Этот приказ упомянут в приказе обер-квартирмейстера 4-й танковой армии № 600/43 секр. от 28 апреля 1943 г., дополнение № 2 к приложению № 10: PzAOK 4/44065/4. – См. отчет главного коменданта по делам военнопленных в тыловом районе группы армий «Центр» от 31 марта 1942 г., RH 22/v. 220. – В тыловом районе группы армий «Юг» отпустить этих военнопленных распорядились 1 февраля 1942 г.: «особые распоряжения о снабжении» квартирмейстера тылового района группы армий «Юг» № 119 от 20.03.1942 г., RH 22/v. 65. Донесения о проведенных отпусках: донесение квартирмейстера тылового района группы армий «Юг» № 950/42 секр. от 31.05.1942 г.; № 1236/42 секр. от 7.07.1942 г., RH 22/v. 66.

³⁹⁷ Наряду с памяткой об эвакуации военнопленных лучшее обращение с пленными и в целом и лучший уход за ранеными в частности предусматривал приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/7718/42 от 15 июня 1942 г. (RH 23/v. 321). «Справедливое обращение с пленными и «поддержка их в рабочем состоянии» были теперь признаны «высшим принципом». – В 1943 г. «как можно больший захват пленных и их ускоренная отправка в тыл ... стали одной из важнейших задач» в ходе будущих операций: приказ обер-квартирмейстера 4-й танковой армии № 922/43 сов. секр. от 28 июня 1943 г. (для операции «Цитадель», последнего крупного немецкого наступления на Востоке), PzAOK 4/44065/4. – В это же время армиям было приказано докладывать об отправке в тыл всех «транспортабельных и выздоравливающих» раненых или больных пленных, «чью работоспособность в скором времени можно будет восстановить благодаря лучше организованному уходу»: отчет 2-го квартирмейстера 3-й танковой армии за 1 июля – 31 декабря 1943 г. (2.07.1943 г.),

PzAOK 3/46780/11. Эту акцию проводили под кодовым названием «Атлантик».

³⁹⁸ Приказ 2-го квартирмейстера штаба оперативного руководства вермахта № 003378/42 сов. секр. от 22 сентября 1942 г., BA R 41/173, лл. 15–17.

³⁹⁹ Об истинном смысле приказа говорит также гриф «совершенно секретно», который иначе был бы неуместен.

⁴⁰⁰ Приказ отдела IV A 1 с РСХА № 430/42 сов. секр. от 3 декабря 1942 г., R 58/1298, лл. 189–192. «Отдел IV A 1 с» был отделом штаурбанфюрера СС Кёнигсхауса, который отвечал за выдачу приказов о казни отобранных советских пленных.

⁴⁰¹ Ввиду проводимой в концлагерях «акции 14 f 13», в ходе которой наряду с душевнобольными и «нежелательными» (в том числе евреями) пленными казнены были также инвалиды (Broszat, «National-sozialistische Konzentrationslager», SS-Staat, II, S. 104 f.), трудно представить, чтобы пощадили как раз советских пленных, которые наряду с евреями занимали одно из самых последних мест в национал-социалистской расовой шкале. О прудумшленном уничтожении говорит также то, что докладывать об «использовании» пленных требовалось не в главное управление СС «администрация и экономика», а в РСХА, которое не имело никакого отношения к использованию заключённых концлагерей на работах. Приведенное ограничение следует понимать так, что здесь так же, как и в случае с отобранными «нежелательными» пленными, в отделе IV A 1 с РСХА следовало получить формальное разрешение на казнь. – В приказе об исполнении управленческой группы «Д» главного управления СС «администрация и экономика» № 902/42 сов. секр. от 9 декабря 1942 г. (подп. Либхеншелем), который был направлен в концлагеря, говорилось, что согласно приказу Мюллера следует проверить работоспособность пленных; затем коротко значилось: «О смертных случаях следует в самой простой форме докладывать только полномочным органам [то есть в главное управление СС «администрация и экономика»]» (BA NS 3/v. 425).

⁴⁰² R 58/1298, л. 192. Штаурбанфюрер СС Лиска, офицер связи при начальнике службы содержания военнопленных в генерал-

губернаторстве, должен был тут же связаться с начальником этой службы и доложить о результатах беседы «непосредственно» инспектору полиции и СС в генерал-губернаторстве, а также в РСХА. Несмотря на явно оказываемое давление, передача пленных в генерал-губернаторстве, по-видимому, и дальше наталкивалась на «существенные трудности». В марте-апреле 1943 г. командующий корпусным округом в генерал-губернаторстве записал в военном дневнике, что начальник полиции безопасности и СД «дал указания своим органам связаться с командами корпусного округа по поводу передачи найденных в настоящее время в лагерях и лазаретах советских военнопленных, долгое время находившихся в нерабочем состоянии. Вплоть до выхода приказа об условиях исполнения передачу следует прекратить». (Военный дневник командующего корпусным округом в генерал-губернаторстве, приложение № 36, RH 53 – 23/ v. 67.) Это является ещё одним доказательством того, что подобным приказам вполне возможно было противостоять в том случае, если существовало соответствующее групповое согласие.

⁴⁰³ Соответствующий приказ ОКХ мог быть отдан в середине ноября 1942 г.; 23 ноября 1942 г. он был передан в армии по приказу № 1594/42 сов. секр. главнокомандующего группой армий «Центр». С этого времени в донесениях армий по поводу пленных вместо термина «отпущен» то и дело всплывает термин «передан руководству СС и полиции как нетрудоспособный»: см. месячные отчёты обер-квартирмейстера 9-й армии за апрель-август 1943 г., АОК 9/34426/12, и заметка в военном дневнике 2-го квартирмейстера 3-й танковой армии за 29 ноября 1942 г., PzAOK 3/27140/11. В сохранившихся донесениях о военнопленных 3-й и 4-й танковых, а также 9-й армии о передаче такого рода данных нет.

⁴⁰⁴ Показание под присягой Линдова от 30 сентября 1945 г., 2542-PS.

⁴⁰⁵ *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7380. – Полковник Крафт, руководитель организационного отдела служб по делам военнопленных, заявил, что он знал о предложении РСХА передавать неизлечимо больных военнопленных, но это предложение якобы «встретило

решительный отказ» (*ibidem*, S. 1664). Это также не соответствует действительности.

⁴⁰⁶ Поскольку в конце 1941 г. «возникли сомнения» по поводу того, кто должен приводить в исполнение смертные приговоры в отношении советских военнопленных, Рейнеке отдал 29 дек. 1941 г. приказ, чтобы в этих случаях сначала попытались найти пленников, которые были бы готовы к этому и которым «следовало выдать за это компенсацию (деньгами, продовольствием и т. д.)». Если это невозможно, то «приговорённого следует передавать в ближайшее учреждение тайной государственной полиции, которое, пожалуй, будет в состоянии привести приговор в исполнение с помощью находящегося под арестом иностранного заключённых. О приведении приговора в исполнение личным составом немецкого вермахта не может быть и речи» (приказ отдела по делам военнопленных ОКВ № 4411/41 секр. от 29 дек. 1941 г., RW 5/v. 542). Однако уже 22 ноября Рейнеке приказал, чтобы все повторно пойманные советские военнопленные, которым по мнению коменданта лагеря для «поддержания лагерной дисциплины» не достаточно дисциплинарных или судебных наказаний, передавались для казни в гестапо: приказ отдела по делам военнопленных ОКВ № 3624/41 секр. от 22 ноября 1941 г., *Ibidem*.

⁴⁰⁷ Так с апреля 1944 г. назывался отдел в РСХА, ответственный за выдачу приказов о казни советских военнопленных; прежде он назывался IV A 1с, а с весны 1943 г. – IV D 5d.

⁴⁰⁸ Приказ начальника отдела по делам военнопленных в ОКВ № 1998/44 секр. от 16 июля 1944 г. в приказе IV управления РСХА № 1484/44 секр. от 17 августа 1944 г. (подпис. доктором Пифрадером), BA R 58/1299, л. 280 и сл. – То, что все заболевшие советские военнопленные направлялись в гестапо, не следует прямо из приказа; об этом известно только из речи пленников, которых «согласно приказам об обращении с советскими военнопленными должны были передать тайной государственной полиции». В сохранившемся (в документе РСХА) отрывке приказа ОКВ эти приказы не названы, так что невозможно проверить, имелись ли в виду только сохранившиеся приказы. 5 октября 1943 г. начальник гестапо Мюль-

лер вместе с рейхсфюрером СС и начальником отдела IV D 5 d отменил свой приказ от 3 декабря 1942 г. (№ 571/43 сов. секр.), «по-скольку передача [неработоспособных советских военнопленных] больше не принимается во внимание», – «за исключением оккупированных и присоединённых территорий!» – однако упомянутый выше ход событий показывает, что эта тема никоим образом не была закрыта.

⁴⁰⁹ См. гл. VI, 2.

⁴¹⁰ Это и следующее по показаниям господина прокурора Берлина Хаусвальда.

⁴¹¹ О дальнейшем см. отчёты и протоколы допросов коменданта полиции безопасности Житомира за 24–27 декабря 1941 г., *IMG*, XXXIX, S. 478–488 (= USSR-311).

⁴¹² *Ibidem*, S. 479 f.

⁴¹³ «Опытные» эсэсовцы, которые «уже в Киеве принимали участие в массовой казни нескольких тысяч человек», не считались с сопротивлением и потому были застигнуты врасплох. – Остальные пленные были казнены несколько позже, причём стационарный лагерь 358 N Бердичев выставил против партизан солдат. Кроме того, в качестве «возмездия» в окрестных деревнях «были схвачены и подвергнуты особому обращению» 20 отпущенных военнопленных (S. 487 f.).

⁴¹⁴ Курт Бёме (Kurt W. Böhme, *Absicht oder Notstand?*, Вопп 1963), сравнивая судьбу военнопленных в немецких и союзных лагерях, главную причину массовой смертности пленных видит в вызванной тотальной войной нужде, – хотя не исключает и мотивированный идеологией умысел. Он, правда, судит об обращении с советскими военнопленными на основании очень сжатого описания Даллина (Dallin, *Deutsche Herrschaft*) и поэтому недооценивает признанное вермахтом вторжение идеологических принципов в обращение с советскими пленными. Он также сравнивает проведённые по приказу высших инстанций и при поддержке вермахта массовые расстрелы советских пленных, – которые якобы не были ни расстрелами, ни актами мести, но лишь продуманными и плановыми мерами по устранению совершенно определённых групп политически и расово нежелательных пленных, – с расстрелами немецких пленнх во время

эксцессов в Белграде 1944 г., Праге и Словении 1945 г.: *Ibidem*, S. 26.

⁴¹⁵ Приказ обер-квартирмейстера группы армий «А» от 28 мая 1940 г., *ВА/МА АОК 4/W 6969/29*; курсив в ориг.

⁴¹⁶ Эта цитата относится, правда, к 1942 году [высказывание референта по вопросам расовой политики в имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий доктора Эрхарда Ветцеля по поводу генерального плана «Восток» от 27 апреля 1942 г.: *VJZ 6* (1958), S. 318], но превосходно выражает данную цель.

⁴¹⁷ См. гл. VIII, 1, б.

⁴¹⁸ См. выше прим. 283.

⁴¹⁹ См. прим. 291.

⁴²⁰ См. выше гл. III, б. – О позиции «истинных» национал-социалистов см., например, приведенное в прим. 137 высказывание работника Немецкого Трудового Фронта.

⁴²¹ Эту позицию характеризует единодушное осуждение «услужливого» Кейтеля со стороны бывших войсковых командиров и работников генерального штаба во время устроенного союзниками процесса и в мемуарах. – Ульрих фон Хассель неоднократно обращался к знакомым ему военным с упреком, что, мол, «наивные мысли о повиновении приличествуют чиновникам и офицерам рангом, грубо говоря, не выше командира дивизии, дальше – начинается ответственность» (*Hassel-Tgb.*, S. 157 (19.01.1941 г.), см. S. 88, 106, 209).

VIII. Решение об использовании советских военнопленных в качестве рабочей силы на территории рейха

¹ Имеется в виду приказ отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта № 2588/41 секр. от 31 октября 1941 г., подп. Кейтелем, ЕС-194. – По теме «использование рабочей силы советских военнопленных» см. названные выше в прим. 59 и 60 к гл. I работы Хомзе и Пфальмана. – К сожалению, в «Истории», написанной начальником управления военной экономики и вооружения Томасом, отсутствует глава об использовании рабочей силы в 1941–1943 гг. – Изданная Немецким Промышленным Институтом работа Ганса-Эккарта Канапина, *Wirt-*

schaft unter Zwang, Köln 1966, в своей аполлогии предполагает у читателя слишком большую долю незнания и доверчивости.

² Цель, указанная в докладной записке Гитлера о задачах 4-летнего плана в 1936 г., *VfZ* 3 (1955), S. 206.

³ О значении ноябрьской катастрофы для национал-социалистской политики см. среди прочего: Tim Mason, «The Legacy of 1918 for National Socialism». Исследуя социальную политику национал-социалистов в 30-е годы, Мэсон приходит к выводу, что национал-социалисты, сознавая, что рабочий класс не стоит за режим, старались – до Сталинграда – как можно меньше возлагать на его плечи тяготы войны: «...fear of working-class discontent over social and economic issues was a recurrent and dominating feature of government and party policy throughout the period 1936–1945» [*Ibidem*, S. 226].

Для подтверждения этого тезиса можно привести в последующем ещё ряд доказательств, причём следует заметить, что понятие «рабочий класс» нельзя понимать слишком узко. – То, что поддержанию «морального духа» отдавался приоритет, следует также из того, что все имевшиеся в ноябре 1941 г. пути сообщения с Востока в рейх использовались исключительно для того, чтобы доставлять в Германию продовольствие; из-за этого для других, важных для войны грузов путей сообщения «зачастую явно не хватало»: управление военной экономики и вооружения в ОКВ, «Военно-экономический отчёт о положении дел за ноябрь 1941 г.», цит. по: Reinhardt, Wende, S. 113. – До конца декабря 1941 г. на территорию рейха было доставлено 207374 голов скота, 9198 т зерна, 26924 т масличных культур и 2519 т масла. Из важнейшего сырья для оборонной промышленности следует назвать 18966 т марганца: отчёт военно-экономического штаба «Восток» за январь 1942 г. от 18 февраля 1942 г., BA R 41/137. Вывозу скота уделялось особое внимание, поскольку Гитлер при снижении мясных рационов в начале лета потребовал, чтобы к осени они вновь были повышены, см. прим. 20 к гл. IV.

⁴ Dietrich Eichholtz, *Geschichte*, S. 20 f. См. Milward, *Kriegswirtschaft*, S. 13–15.

⁵ Speer, *Erinnerungen*, S. 229. Ср. современные записки Шпеера о беседах с Гитлером:

Boelcke, *Deutschlands Rüstung*, S. 86, 91, 98 f., 109, 117. Такой тонкий наблюдатель, как фон Хассель также заметил у Гитлера «признаки страха перед постоянно недовольным рабочим классом»: *Hassel-Tgb.*, S. 155 (23.12.1940.).

⁶ Речь перед представителями министерства иностранных дел 24 мая 1939 г., цит. по: Eichholtz, *Geschichte*, S. 18.

⁷ Milward, *Kriegswirtschaft*, S. 31–33, 96–98, ср. Mason, *Op. cit.*, S. 230 ff.

⁸ Об этом см. подробный анализ Клауса Рейнхарда (Reinhardt, Wende), где также подробно рассматриваются и военно-экономические проблемы.

⁹ Приказ «о вооружении на 1942 г.», КТВ ОКВ, II, S. 1265 ff., об этом см. Reinhardt, S. 268–273.

¹⁰ См. речь Геринга перед промышленниками 17 декабря 1936 г., *Trials*, XII, S. 461 (= NI-051). Имперское министерство труда уже в конце 1938 г. считало, что не хватает более миллиона рабочих рук: Mason, *Op. cit.*, S. 230.

¹¹ Документ главного уполномоченного по экономике № 7/437/39 секр. в отдел имперских территорий в ОКВ майору Брейеру [то есть в будущий отдел по делам военнопленных]: 488-ЕС.

¹² В Германской империи, включая «присоединённые восточные области», в экономике было занято:

в июне 1940 г. – 393 712 пленных;
в сентябре 1940 г. – 1 125 158 пленных;
в декабре 1940 г. – 1 178 668 пленных;
в марте 1941 г. – 1 217 420 пленных;
в июне 1941 г. – 1 305 778 пленных.

(Der Arbeitseinsatz im Deutschen Reich [zit.: Arbeitseinsatz], № 13 от 5 июля 1941 г.: BA RD 89/28).

Большая часть занятых в экономике в июне 1941 г. пленных (706894 чел. = 54,1%) использовалась в сельском хозяйстве; на втором месте стояло строительство – 234556 человек (18%), на третьем – металлургическая промышленность и цветная металлургия – 105 041 человек (8%): Arbeitseinsatz, № 15 от 5 августа 1941 г., *Ibidem*. В ходе войны в этом распределении рабочей силы должны были произойти изменения.

¹³ Использованию женского труда мешали особые идеологические преграды, которые

- имели значение для Гитлера. Геринг в своей уже упомянутой речи перед промышленниками в 1936 г. (NI-051), а затем в октябре 1938 г. (1301-PS) потребовал более широко «привлечения женщин к работам». Гитлер, напротив, возражал против любой интенсификации женского труда, мотивируя это «заботой о здоровье немецких женщин, нынешних и будущих матерей нашего народа» (цитата из речи Заукеля от 20 апреля 1942 г., IMG, XXV, S. 64 = 016-PS). Самое позднее в это время Геринг также поддержал эту точку зрения. См. письмо Готлоба Бергера к Гиммлеру от 2 апреля 1942 г. в кн.: *Reichsführer!*, hrsg. v. Helmut Heiber, München 1970, S. 141 f.
- ¹⁴ См. директивы Гитлера № 32 и [32b] от 11 июня и 14 июля 1941 г., Hubatsch, *Weisungen*, S. 151–156; 159–162, курсив в ориг.
- ¹⁵ Запись Томаса о совещании Кейтеля с представителями частей вермахта 16 августа 1941 г. по поводу дополнений Гитлера к директиве №32b: Thomas, *Geschichte*, S. 467. Эта запись показывает, что уверенность в победе разделяли не только генеральный штаб сухопутных сил и руководство вермахта в узком смысле, но и всё военное руководство в целом. – См. исследования оперативного отдела ОКХ от 15 июля 1941 г.: Moritz, *Fall Barbarossa*, S. 329 f.
- ¹⁶ Слова Геббельса на «министерских конференциях» в имперском министерстве народного просвещения и пропаганды 7 и 9 июля 1942 г.: Voelcke, *Wollt Ihr den totalen Krieg?*, S. 335, курсив в ориг.
- ¹⁷ Приказ отдела по делам военнопленных №26/41 сов. секр. от 16 июня 1941 г., RW 4/ v. 578, л. 95, курсив в ориг.
- ¹⁸ Из беседы министра иностранных дел Риббентропа с представителем министерства иностранных дел Турции 12 июля 1941 г.: ADAP, Ser. D, XIII, 2, S. 825.
- ¹⁹ Заметка отдела Va имперского министерства труда №5135/5805/41 секр. от 5 июля 1941 г., BA R 41/168, л. 123.
- ²⁰ См. запрос отдела IVd управления военной экономики и вооружения №5245/41 секр. от 30 июня 1941 г.; протокол совещания в имперском министерстве труда от 5 июля 1941 г., R 41/168; протокол совещания в отделе IVd (по использованию рабочей силы) управления военной экономики и вооружения: IMG, XXVII, S. 63 f. (= 1199-PS), оттуда же цитата.
- ²¹ Протокол имперского министерства труда, R 41/168, лл. 123–125.
- ²² Документ отдела IVd управления военной экономики и вооружения № 5245/41 секр., 2-е приложение, от 2 августа 1941 г., *Ibidem*.
- ²³ Приказ уполномоченного по разработке общих вопросов восточно-европейского пространства № 94/ 41 сов. секр. от 8 июля 1941 г., *Ibidem*. Это служит ещё одним доказательством того, что ведомство Розенберга с самого начала, то есть ещё до того, как борьба за полномочия между Розенбергом, с одной стороны, и рейхскомиссарами и Гиммлером, с другой, перешла в открытую фазу, не было информировано о важнейших решениях войны на Востоке в полной мере. Представители Розенберга, по-видимому, не знали ни о приказе о комиссарах, ни об уже идущих переговорах между отделом по делам военнопленных в ОКВ и РСХА по поводу ликвидации политически и расово «нежелательных» пленных.
- ²⁴ Т.е. по различным, чётко разделённым понятиям: евреи и «азиаты» исключались из числа работающих по «национальному» признаку, а коммунисты – по «идеологическим» мотивам. Защита от шпионажа и саботажа считалась «задачей контрразведки» и осуществлялась военной контрразведкой. Аналогично между ведомствами были разделены и остальные задачи – как «относящиеся к полиции безопасности», так и «касающиеся контрразведки».
- ²⁵ Документ отдела Va имперского министерства труда №5135/6510/41 секр. [предположительно 1 августа 1941 г.] статс-секретарю в управлении 4-летним планом Нейману, R 41/168, л. 15 и сл. – Уже на совещании 4 июля рассматривали на 25-процентную «убыль»: 1199-PS, S. 64.
- ²⁶ Приказ группы IV/Qu. отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта №01239/41 секр., BA/MA Wi/IF 5.1189.
- ²⁷ Приказ отдела по делам военнопленных №5015/41 от 2 августа 1941 г., подпис. Рейнеке, *Ibidem*, курсив в ориг. «Следует немедленно организовать обратную отправку на Восток имеющихся азиатов и говорящих по-немецки советских военнопленных». Примечательно, что возможность доставки ев-

- реев на территорию рейха вообще не принималась в расчёт.
- ²⁸ Письмо президента земского отдела труда в Саксонии в имперское министерство труда от 15 августа 1941 г., R 41/168, л. 26, курсив в ориг. – В отличие от управления военной экономики и вооружения имперское министерство труда в это время отнюдь не настаивало на использовании этих военнопленных. Хотя президент земского отдела труда в Саксонии настоятельно просил использовать приобретённый им положительный опыт, – все военнопленные – отличные работники, – «в качестве повода для переговоров с ОКВ относительно передачи следующей партии русских», референт в имперском министерстве труда заметил, что ничего не следует предпринимать, поскольку письмо «предназначено исключительно для внутреннего пользования министерства».
- ²⁹ Протокол совещания 16 авг. 1941 г., документ управления военной экономики и вооружения № 2747/41 сов. секр. от 18 авг. 1941 г. в кн.: Thomas, *Geschichte*, S. 468.
- ³⁰ Приказ отдела по делам военнопленных № 3058/41 секр., IMG, XXVII, S. 280 (1519-PS), курсив в ориг.
- ³¹ Показания Бройтгама на процессе по делу ОКВ, ОКW-Prozeß, Prot. dt., S. 8977.
- ³² Наряду с уже упомянутым использованием рабочих подразделений военнопленных в прифронтовой зоне следует назвать план министра вооружения Тодта, «при беспощадной эксплуатации русских военнопленных как можно скорее построить дорогу из Рованиеми [у Полярного круга] вдоль Полярного моря до Петсамо – длиной около 500 км: см. «директиву № 36» Гитлера от 22 сентября 1941 г., Hitlers Weisungen, S. 180. Несколько позже Кейтель в дополнение к этому потребовал ускорить начало строительных работ: «При этом для используемых на стройке русских военнопленных следует приготовить только жильё самого простого типа»: *Ibidem*, S. 184 f.
- ³³ Многочисленные доказательства этого содержатся в «застольных беседах» (см. *Tischgespräche* и *Table Talk*), а также в дальнейших записках представителя Розенберга в ставке фюрера, штандартенфюрера СА доктора Вернера Кёппена, BA R 6/34 а.
- ³⁴ «Застольная беседа» 13 октября 1941 г., *Table Talk*, S. 54 (обратный перевод с англ.).
- ³⁵ Тодт был также генерал-инспектором по автомобильным дорогам Германии.
- ³⁶ Письмо Бормана Ламмерсу от 15 октября 1941 г., BA R 43 II/670 а, л. 41. – Ламмерс писал 31 октября 1941 г. в имперское министерство труда, имперское министерство транспорта, имперское министерство внутренних дел (!), начальнику ОКВ и в «генеральный строительный совет по реконструкции столицы»; имперское министерство труда в ответ на это дало 11 ноября 1941 г. указание земскому отделу труда Баварии «по прибытии очередной партии советских военнопленных в VII корпусный округ» предоставить пленных в его распоряжение: *Ibidem*, л. 42 и сл.
- ³⁷ Возможно, именно Шпеер предложил использовать пленных для этой цели, поскольку это было единственной возможностью осуществить трудоёмкие земляные работы по строительству запланированной узловой станции, которая должна была заменить собой Потсдамский и Ангальтский вокзалы, что опять-таки послужило предпосылкой для собственно начала строительства; письмо Бормана подтверждает это предположение. Сам господин Шпеер в последующем не мог вспомнить о том, был ли он инициатором этого (сообщение от 9 апреля 1974 г.). Борман, который как представитель «инициатора проекта», ревниво наблюдал за Берлинским планированием, добился, чтобы и Мюнхен также получил соответствующую долю советских пленных (сообщение господина Шпеера). Советские пленные были предоставлены Шпееру в течение октября, однако это лишь в незначительной степени способствовало реализации гигантского строительного проекта. Поскольку пленные «из-за своего физического состояния были признаны никуда не годными», Шпеер добился у Рейнеке разрешения, чтобы в будущем его люди сами отбирали пленных и «могли брать на себя все заботы о них»: «Хроника» Шпеера, BA R 3/1735. В целом Шпеер не отдавал сугубо оборонным задачам того приоритета, о котором заявлял в своих «Воспоминаниях» (*Erinnerungen*, S. 195 f., 199 f.). 25 ноября 1941 г. он «ещё раз» обратил внимание статс-секретаря Кёр-

нера, представителя Геринга в управлении 4-летним планом, на желание Гитлера предоставить в его распоряжение советских военнопленных «для подготовки мер по реконструкции Берлина в соответствии с 'военной программой Шпеера'». Поскольку Герингу между тем было поручено определиться с использованием рабочей силы советских военнопленных, а контингент Шпеера при пересмотре приоритетов не был принят во внимание, то в декабре Шпеер «вновь поднял этот вопрос на совещании у фюрера» и добился «его согласия ... на использование вначале 30 000 советско-русских военнопленных в районе Берлина для проведения работ в рамках военной программы». Только 27 декабря Шпеер предоставил Гитлеру 30 000 строительных рабочих для устранения трудностей со снабжением на Востоке («Хроника», 25.11.1941 г., декабрь 1941 г.: *Ibidem*) – после того как 24 декабря привлечение советских военнопленных в оборонную промышленность было названо в приказе фюрера «решающей проблемой» и отдано распоряжение об отсрочке всех прочих проектов, «не дающих действующей армии непосредственной выгоды», см. ниже прим. 112.

³⁸ Записка Кёппена от 18 октября 1941 г., VA R 6/34 а, л. 51. Несколько позже на совещании начальников ведомств в имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий, в котором наряду с Розенбергом приняли участие министр экономики Функ, руководитель Немецкого Трудового Фронта Лей, рейхскомиссары Лозе и Кох, статс-секретари Кёрнер (управление 4-летним планом) и Пфундтнер (имперское министерство внутренних дел), генерал Томас и представители ряда министерств, партийной канцелярии и пр., Тодт заявил, что запланировал *пять магистральных дорог*: 1) Кёнигсберг–Минск–Москва; 2) Восточная Пруссия–Рига–Ревель; 3) Познань–Варшава–Брест–Минск; 4) связная дорога из рейха через Краков–Львов в район поселений вокруг Киева–Полтавы, которую следует продолжить через Ростов в Крым; 5) связная дорога между этими магистралями и Минском. Предпосылкой этого строительства является улучшение соседних дорог. По немецким понятиям строительство этой до-

рожной системы должно занять 30–40 лет: «Однако поскольку я всё же надеюсь получить в своё распоряжение в восточных областях гораздо больше рабочей силы (военнопленных), то следует полагать, что этот труд можно будет завершить за более короткий срок».

На этом совещании также проявилось типичное внутреннее противоречие, присущее национал-социалистским проектам будущего. Младший статс-секретарь в имперском министерстве экономики, генерал фон Ханнекен «указал на то, что фюрер в принципе не желает создания и дальнейшего развития предприятий перерабатывающей промышленности в оккупированных восточных землях. Весь процесс промышленного производства принципиально должен происходить только на территории рейха, тогда как восточные земли обречены оставаться всего лишь сырьевой базой для экономики Германского рейха».

Однако с этой «классической» моделью колониальной эксплуатации, – Гитлер постоянно мечтал о восточной империи не иначе, как о «немецкой Индии», – строительные планы были явно несовместимы. «Тодт сможет осуществить эти планы только в том случае, – говорил фон Ханнекен, – если в восточных областях опять будут восстановлены необходимые для производства строительных материалов и строительных машин предприятия перерабатывающей промышленности» (протокол совещания начальников ведомств от 30 октября 1941 г., VA R 6/17, л. 12).

³⁹ Донесение Кёппена от 18 октября 1941 г., R 6/34 а, л. 50.

⁴⁰ Слова Геббельса на уже упомянутой министерской конференции в июле 1942 г., Voelcke, *Wollt Ihr den totalen Krieg?*, S. 336.

⁴¹ См. заметку Розенберга за 1 июня 1941 г., FR № 140 от 22 июня 1971 г., S. 3.

⁴² В завещании Гроскурта находится принадлежавшая, предположительно, Остеру заметка о последствиях планируемой в Польше оккупационной политики от 18 октября 1939 г. В ней говорится, что большевистская Россия благодаря оккупированным ею польским землям легко может распространить своё влияние также на генерал-губернаторство, поскольку тамошнее население «бедно, разорено, продажно, полно ненависти

ко всему немецкому и является прекрасной питательной средой для большевизма». Через польских рабочих, взятых для работ на территории рейха, «большевистские элементы проникнут в рейх и принесут нам аналогичные отношения»: Groscurth-Tgb., S. 381 f. В 1941 г. эти сомнения определённо не стали меньше, однако эти круги собирались избрать иные методы по устранению этой потенциальной угрозы, чем это сделало немецкое руководство.

⁴³ Eichholtz, *Geschichte*, S. 243, 290.

⁴⁴ Об этом высказывании крупного промышленника во время празднования 70-летия председателя правления объединения «Штальверке АГ» Эрнста Поензгена 17 октября 1941 г. фон Хассель узнал от генерала Томаса: Hassel-Tgb., S. 207 (1.11.1941).

⁴⁵ См. выше прим. 136 и 137 к гл. VII.

⁴⁶ См. письмо президента земского отдела труда в Саксонии в имперское министерство труда от 15 августа 1941 г., R 41/168, л. 25.

⁴⁷ См. докладную записку рабочей группы W III концерна Круппа от 8 ноября 1941 г., NIK-12355.

⁴⁸ Документ отдела Va имперского министерства труда № 5135/1277 от 26 августа 1941 г., IMG, XXXI, S. 475 (3005-PS).

⁴⁹ В том числе члены правлений объединений «Штальверке АГ», «Крупп АГ», «Хёш АГ», «Маннесман Рёренверке», «Штальверксфербанд АГ», «Дортмунд Хёрдер Хюттен АГ», «Бохумер Ферайнс», «Август Тиссенхютте АГ» и др., а также управляющий делами хозяйственной группы металлургической промышленности Рейхерт и различные представители промышленного лобби: см. список участников, BA R 13 I/373.

⁵⁰ Эту надежду лелеяли также в концерне Круппа, см. докладную записку Лемана (об использовании рабочей силы) от 6 августа 1941 г., NIK-15521.

⁵¹ R 13 I/373, л. 28.

⁵² *Ibidem*, лл. 28–30.

⁵³ Военный дневник команды по вооружению Дортмунда, 1 июня – 31 августа 1941 г., BA/MA RW 21 – 14/7 (28.06.1941).

⁵⁴ Военный дневник команды по вооружению Эссена, 1 июня – 31 августа 1941 г., отчёт за неделю 23–30 июня 1941 г., RW 21 – 18/5, стр. 197. Ср. отчёт за неделю 30 июня – 5 июля, 6–12 июля 1941 г., *Ibidem*. Согласно

им интерес к пленным заметно упал и только в отчёте за неделю 6–12 октября 1941 г. опять было указано:

«Ситуация с рабочей силой настолько обострилась, что теперь уже сами оборонные предприятия настаивают на использовании любых, даже советских военнопленных там, где их возможно использовать в закрытых колоннах» (RW 21 – 18/6, стр. 226; см. 11.11, 18.11, 25.11, *Ibidem*).

⁵⁵ Военный дневник VI инспекции по вооружению в Мюнстере, 31 августа 1941 г.: RW 20 – 6/4. См. отчёт за сентябрь, *Ibidem*.

⁵⁶ См. Военный дневник VI инспекции по вооружению за июль–декабрь 1941 г., *Ibidem*, и «Отчёт о положении дел» VI инспекции по вооружению, 15 августа 1941 г. – 15 февраля 1942 г., RW 20 – 6/22.

⁵⁷ Отчёт о положении дел за 14.10.1941, *Ibidem*.

⁵⁸ Приказ отдела по делам военнопленных № 4795/41 от 24 июля 1941 г.: BA/MA Wi/IF 5.1189.

⁵⁹ *Ibidem*, курсив в ориг. – Насколько при этом обострилась ситуация с использованием рабочей силы, видно из подписанного Рейнке тайного приказа, который призывал начальников служб содержания военнопленных «лично заняться этим делом». Приказ отдела по делам военнопленных № 2498/41 секр. от 25 июля 1941 г.: Wi/VIII. 21.

⁶⁰ Документ отдела Va имперского министерства труда № 5135/1277, IMG, XXXI, S. 474–476 (3005-PS).

⁶¹ См. приказы отдела по делам военнопленных: № 5587/41 от 25 авг. 1941 г.; № 5779/41 от 1 сентября 1941 г.; № 6324/41 от 26 сентября 1941 г., все Wi/VIII.21. Среди прочего, начальники служб содержания военнопленных должны были телефонировать о результатах.

⁶² См. отчёт о положении дел VI инспекции по вооружению за 14.10, 14.11, 13.12.1941 г., RW 20 – 6/22; военный дневник VI инспекции по вооружению, 21 декабря 1941 г., RW 20 – 6/4.

⁶³ Приказ отдела по делам военнопленных № 6940/41 от 14 октября 1941 г. («Быстрее!»), Wi/VIII.21. Эти положения показывают также, что страх перед коммунистическим влиянием на рабочий класс был по меньшей мере так же силён, как и страх перед акциями саботажа.

⁶⁴ 11 ноября 1941 г. ОКВ и ОКХ уточнили свои расчёты по требующимся на зиму 1941–1942 гг. на Востоке силам: вместо 58 дивизий на Востоке теперь должны были остаться 108. ОКХ в это время ещё надеялось на то, что можно будет «высвободить 10 пехотных дивизий на Востоке и 6 на Западе» для улучшения положения с рабочей силой: Reinhardt, *Wende vor Moskau*, S. 141, прим. 105.

⁶⁵ *Ibidem*, S. 30, 39.

⁶⁶ *Ibidem*, S. 103 f.

⁶⁷ На основании имеющегося документально-материала процесс принятия этого решения может быть восстановлен лишь в общих чертах.

⁶⁸ Имперское объединение угля, созданное в марте 1941 г. с целью поднять добычу угля путём более эффективной организации и представления интересов горной промышленности, являлось важным конгломератом, в котором переплелись государственные, партийные и экономические интересы национал-социалистского государства. В президиуме заседали важнейшие представители немецких горных концернов; начальники имперского объединения угля Пауль Плейгер, генеральный директор концерна «Герман Геринг», в 1941 г., видимо, находился ещё в тени Геринга; однако во второй половине войны он, затмив собой Геринга, приобрёл самостоятельную власть и стал одним из самых могущественных людей в немецкой экономике. Плейгер, как «старый нацист» и советник по экономическим вопросам в округе Южная Вестфалия, уже в 1941 г. получил доступ к Борману, который дал гауляйтерам указание поддерживать Плейгера (письмо Плейгера статс-секретарю Геринга Кёрнеру от 8 апреля 1941 г., *BA R 10 VIII/19*). – Изображение Маттиасом Риделем роли Плейгера в национал-социалистской экономике (Matthias Riedel, *Eisen und Kohle für das Dritte Reich. Paul Pleigers Stellung in der NS-Wirtschaft*, Göttingen 1973) исходит из неравнечанного до сих пор понимания национал-социалистской экономики как экономики, находящейся под давлением партии и государства, и характеризует Плейгера в общих чертах именно так, как он сам, будучи обвиняемым, представил себя во время Нюрн-

бергского процесса. Плейгер предстаёт технократом, для которого интересы промышленности стоят на первом месте, которого привела к национал-социализму ненависть к коммунизму, но который в основном не интересовался национал-социалистской политикой. То, что это далеко не соответствует истинной роли Плейгера, позже станет ясно при рассмотрении политики использования рабочей силы, к которой он призывал.

⁶⁹ Согласно письму Плейгера Герингу от 9 декабря 1941 г. добыча угля с ноября 1938 г. (770 008 т в день) выросла до 838 351 т в ноябре 1940 г. и 884 800 т в день в ноябре 1941 г. (территория «старого рейха», включая «Австрию», а также Юг и Восток «Верхней Силезии»): *R 10 VIII/19*. Реальный рост, правда, был гораздо меньшим.

⁷⁰ Письмо Плейгера генералу Томасу и генералу Рейнеке от 30 июня 1941 г., *BA/MA Wi/IF 5.3434*, отсюда же цитата. Об этом см. далее. – В Рурской области добыча каменного угля в 1941 г. составляла: в марте – 13,09 млн. т; в июне – 11,80 млн. т; в августе – 11,10 млн. т; в октябре – 11,03 млн. т; в ноябре – 10,60 млн. т; в декабре – 10,90 млн. т (согласно военному дневнику VI инспекции по вооружению и её же отчётам о положении дел, *RW 20 – 6/4; RW 20 – 6/5; RW 20 – 6/22*). – Согласно этим данным приведенный выше отчёт Плейгера Герингу об успехах кажется несколько приукрашенным.

⁷¹ Письма: Тотда к Плейгеру от 9 авг. 1941 г., *R 10 VIII/20* (оттуда и цитата), Геринга к Плейгеру от 12 авг. 1941 г., *R 10 VIII/19*.

⁷² Письмо Плейгера Герингу от 15 авг. 1941 г., *Ibidem*. – Зимой 1941–1942 гг. плохое обеспечение населения углём привело к резкому перелому в его «настроениях», см. Riedel, *Eisen und Kohle*, S. 272 f. Плейгер поэтому оказался под давлением гауляйтеров, которые настаивали на создании зимних запасов.

⁷³ Геринг отчасти согласился с представлениями Плейгера, см. его письмо рейхскомиссарам по обороне (= гауляйтерам) от 9 сентября 1941 г.: по согласованию с инспекциями по вооружению должны быть названы предприятия, для которых на основании представленного Плейгером доклада следует ограничить поставки угля: *R 10 VIII/19*.

⁷⁴ Письмо Плейгера Томасу и Рейнеке от 30 июня 1941 г., *Wi/IF 5.3434*.

⁷⁵ *Ibidem*.

⁷⁶ Уже 2 сентября 1941 г. статс-секретарь Геринга Кёрнер писал статс-секретарю в имперском министерстве труда Сирупу, что Геринг хотел бы ещё раз переговорить с Гитлером об увеличении утверждённого им числа советских военнопленных для немецкой военной экономики. Кёрнер, являвшийся также председателем наблюдательного совета концерна «Рейхswerке Герман Геринг», потребовал одновременно 10 000 советских военнопленных для 3-х крупных строительных проектов концерна в Зальцгиттере, Линце и Брюксе: NI-3746.

⁷⁷ Это «монопольное объединение» было типичной формой проявления запланированной эксплуатации захваченных областей «на долгосрочной основе... с колониальной точки зрения и колониальными методами» (цитата из приказа Геринга от 18 ноября 1941 г., NI-440): государство и частный бизнес, в том числе представлявшие его интересы имперская торговая палата и хозяйственные группы горной и металлургической промышленности, приняли участие в уставном капитале, см. договор об объединении от 20 августа 1941 г., NI-4565.

⁷⁸ Докладная записка отдела IV d управления военной экономики и вооружения от 20 сентября 1941 г., *Trials*, XIII, S. 963 f. (EC-75). Согласно Плейгеру, рабочие наряду с питанием должны были получать только «карманные деньги» и поддержку для своих семей, поскольку оплата по немецкой шкале заработной платы может якобы негативно сказаться на прибылях Днепро-Донецкой угольной промышленности. Тем самым Плейгер действовал в полном согласии с долгосрочными целевыми установками политического руководства, см. ниже текст к прим. 97. 20 октября 1941 г. ещё один магнат национал-социалистской экономики, генеральный уполномоченный по специальным вопросам химической промышленности (Гебехем) и председатель надзорного совета концерна «ИГ Фарбен АГ» Карл Краух также направил генералу Томасу предложение, как лучше всего использовать советских военнопленных в оборонной экономике (письмо подполковника Киршнера в штабе Гебехем генералу Томасу от 20 октября 1941 г., EC-489. Предложение самого

Крауха, по-видимому, не сохранилось). Позиция Крауха в управлении 4-летним планом позволяет предположить, что он представил аналогичный проект Герингу, но поддержку во всяком случае получили именно усилия Плейгера и Томаса. Об усилиях концерна «ИГ Фарбен АГ» добыть дешёвую и бесправную рабочую силу в связи с крупным промышленным комплексом по производству синтетического каучука в Освенциме см. ниже в гл. IX.

⁷⁹ Отдел Va имперского министерства труда, «Протокол заседания от 24 сентября 1941 года», подп. Лечем, R 10 VIII/54, лл. 6–8. Имперское министерство требовало «принципиально закрытого» использования рабочей силы на основе добровольной вербовки. При оплате труда не нужно принимать какой-то особый порядок, но следует «проводить сокращение заработной платы в зависимости от уровня налогов», как в случае с поляками и евреями.

⁸⁰ Документ III отдела абвера управления разведки и контрразведки № 04094/41 от 2 октября 1941 г. в имперское министерство труда, рейхсфюреру СС, в управление военной экономики и вооружения, в отдел по делам военнопленных: Wi/IF 5.3434.

⁸¹ *Ibidem*. На сохранившемся отрывке из документа управления военной экономики и вооружения имеется сердитое замечание тамошнего сотрудника, поскольку эта позиция, которая грозила поставить под сомнение требуемое решение, считалась «позицией ОКВ». – Примечательно, что там также требовалось кормить советских военнопленных «не намного хуже», чем других пленных, «чтобы сохранить их работоспособность».

⁸² Письмо Геринга Плейгеру от 24 октября 1941 г., R 10 VIII/54, л. 9 и сл. – В начале ноября комиссия из представителей ОКВ, РСХА, имперского министерства труда, НСДАП и имперского объединения угля собралась в Кривом Роге, чтобы обсудить дальнейшие меры. Горняки были проверены командами полиции безопасности, транспорты должны были охраняться отрядами СС: циркулярные письма имперского объединения угля от 1 ноября и 1 декабря 1941 г.: NI-4104, NI-4102. В циркулярном письме от 1 ноября подчёркивалось, что

использование украинцев было предпринято по предложению имперского объединения угля и что у политических органов существовали «определённые сомнения» по этому поводу.

⁸³ Первые 756 рабочих из Кривого Рога поступили в Рурскую область только 27 декабря 1941 г., следующий транспорт ожидался в конце января: письмо окружной группы угольной промышленности в имперское объединение угля от 12 января 1942 г., NIK-12560. Однако второй транспорт, по-видимому, не прибыл, так как по докладной записке управляющего делами имперского объединения угля Зогемайера Плейгеру до 6 августа 1942 г. все 800 украинцев были «размещены» по горнодобывающим предприятиям: R 10 VIII/19, л. 181.

⁸⁴ Документ отдела IV d/c управления военной экономики и вооружения от 4 октября 1941 г., Wi/I.55. Для оборонной промышленности, в том числе рангов «С» и «СС», – 404 000, для плана Крауха (производство синтетического горючего) – 43 000, для имперских железных дорог – 101 000 человек. – Всего на конец сентября 1941 г. количество вакантных рабочих мест составляло 1 713 000 человек: документ отдела Vd имперского министерства труда № 4055/41 секр. от 27 октября 1941 г.: R 41/147.

⁸⁵ То есть освобождение занятых на Востоке дивизий.

⁸⁶ Документ отдела IV d/c от 4 октября 1941 г., Wi/I.55.

⁸⁷ Рукописная заметка Томаса, *Ibidem*.

⁸⁸ Рукописная заметка в упомянутом в прим. 80 документе (мнении) III отдела абвера управления разведки и контрразведки: «Начальник управления доложил о деле [рейхсмаршалу], а тот представил его фюреру».

⁸⁹ Документ группы II Org./IV Qu. отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта № 2588/41 секр. от 31 октября 1941 г., ЕС-194. Адресатами среди прочих были имперское министерство труда, имперское министерство продовольствия, имперское министерство вооружения и боеприпасов, управление разведки и контрразведки в ОКВ, отдел по делам военнопленных ОКВ.

⁹⁰ Позднее используемое выражение.

⁹¹ *Ibidem*. – По последнему пункту см. гл. VII, 2, а.

⁹² О позиции Геринга существует два документа: во-первых, протокол министерского совета Нормана (управление 4-летним планом), изданный 14 ноября статус-секретарём Геринга Кёрнером в качестве *официальной* директивы (текст в: *IMG*, XXVII, S. 56–60, 1193-PS). Значение этой директивы состоит в том, что она была признана обязательной высшими имперскими органами (см. донесение рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-летним планом [= V отдел имперского министерства труда] от 13 декабря 1941 г., подпис. Мансфельдом, R 41/281, л. 266 и сл.) и направлена: партийной канцелярией – гауляйтерам и крайсляйтерам (циркулярным письмом R 32/41 секр. от 26 ноября 1941 г., *BA NSD* 3/14, S. 580 ff.), и экспертом по обороне, в том числе имперской промышленной группой, – в комиссии по обороне, особые комиссии, в хозяйственную группу металлургической и сталелитейной промышленности и промышленные отделы хозяйственных палат (документ имперской промышленной группы от 22 декабря 1941 г., R 13 I/373). – Во-вторых, наряду с ним о высказываниях Геринга имеется также записка отдела по использованию рабочей силы в управлении военной экономики и вооружения от 11 ноября 1941 г., в которой резкие формулировки Геринга отнюдь не были сглажены: *IMG*, XXVII, S. 65–69 (= 1206-PS).

^{92a} То есть протекторат «Чехия и Моравия». Такое название носили остатки захваченной немцами Чехии (без Судетской области).

⁹³ Приказ Кёрнера от 14 ноября 1941 г., 1193-PS, стр. 59 и сл. – В случае с имперским министерством труда речь идёт теперь уже и о формальной передаче полномочий от верховного имперского ведомства управлению 4-летним планом. Этот процесс начался ещё в 1938 г. с создания рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-летним планом (Broszat, *Der Staat Hitlers*, S. 370–372); в марте 1942 г. рабочая группа по использованию рабочей силы, то есть *фактически* прежний V главный отдел имперского министерства труда, должна была стать рабочим органом вновь назначенного генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Тем самым должно

было начаться ограничение власти Геринга со стороны «Центрального Планирования» (Шпеер, генерал-инспектор авиации Геринга Мильх и статс-секретарь Геринга Кёрнер), которое в важнейших вопросах уже было подготовлено мерами Заукеля.

⁹⁴ 1193-PS, S. 56.

⁹⁵ Требование Геринга действовать быстро, «поскольку количество рабочей силы ежедневно сокращается из-за потерь (вызванных нехваткой еды и жилья)» (1206-PS, S. 69), показывает, что он знал о массовой смертности, однако из последующих его высказываний следует, что он не сделал из этой информации никаких выводов и не видел в этом угрозы для названных далеко идущих планов. Он полагал, что нужно использовать только здоровых квалифицированных рабочих, которые не вызывают сомнений ни в политическом, ни в «физическом» плане, и тем самым покрыть огромную, описанную им потребность.

⁹⁶ 1193-PS, S. 56 f.

⁹⁷ *Ibidem*, S. 58 f., курсив в ориг. – Этот принцип давно уже стал устоявшейся предпосылкой имперского правительства для ведения войны. Классическую формулировку ему дал министр экономики Функ на совещании начальников ведомств 3 октября 1941 г., в котором приняли участие министры Ламмерс, Шверин фон Крозиг, Дарре, Тодт и Розенберг, а также статс-секретари и высшие чины важнейших ведомств, партийной канцелярии и ОКВ: в разговоре между ним, министром финансов Шверингом фон Крозигом и рейхскомиссаром по ценообразованию (гауляйтером Йозефом Вагнером) прозвучало, «что все, мол, едины во мнении, что в войне следует жить за счёт запасов, причём сделать это будет несложно, поскольку ход войны позволяет ожидать пополнения запасов за счёт дешёвого сырья и рабочей силы из захваченных областей и заграницы»; см. представляющий большой интерес для военных целей и экономической политики протокол этого совещания, который в виде циркулярного письма R 25/41 сов. секр. был направлен гауляйтерам: BA NS 6/v. 336.

⁹⁸ 1193-PS, S. 57 f., курсив в ориг.

⁹⁹ 1206-PS, S. 68.

¹⁰⁰ 1193-PS, S. 57.

¹⁰¹ Геринг требовал ни в коем случае «...не допускать возникновения солидарности!». – Об этом комплексе «безопасности» см. также более детальные положения об использовании советских военнопленных в горном деле, которые руководитель отдела горной промышленности в имперском министерстве экономики Габель издал 10 ноября 1941 г.: R 41/168, л. 219 и сл.

¹⁰² Это подчёркивал и Геринг 7 ноября: 1206-PS, S. 65. – Начальник группы труда в военно-экономическом штабе «Восток» и одновременно начальник военно-административного отдела Рахнер, – прежде руководитель отдела в имперском министерстве труда, – уже 11 сентября 1941 г. требовал усиленного использования советских гражданских лиц и русских военнопленных, поскольку полученный опыт опроверг «выдвинутые некоторыми группами» политические сомнения: R 41/147, л. 4 и сл.

¹⁰³ Гитлер говорил далее, что в будущем нужно будет перейти к стандартизированному производству, причём машинные прессы всё в большей мере будут заменяться токарными станками: «С помощью этого колоссального человеческого материала, – я оцениваю количество подлежащей использованию русской рабочей силы в 2 млн. человек, – нам удастся изготовить машины, которые нам нужны» (*Table Talk*, S. 158–29.12.1941 г.; мой перевод с англ.). Эту аргументацию Гитлер мог заимствовать только у специалистов оборонной промышленности; Плейгер был владельцем машиностроительной фабрики в Рурской области, которая среди прочего изготавливала гранаты.

¹⁰⁴ О следующем см. также: David Schoenbaum, *Die braune Revolution*, Köln 1968, и рецензию Ганса Моммзена в «*Spiegel*» №36 от 2 сентября 1969 г., S. 138–140.

¹⁰⁵ Mommsen, *Op. cit.*, S. 140.

¹⁰⁶ К 30 сентября 1944 г. на работах были заняты 2 174 644 «остарбайтера», в том числе (по состоянию на 15 августа 1944 г.) 631 559 советских военнопленных: *Arbeitseinsatz*, №10 от 31.10.1941 г., № 11/12 от 30.12.1944 г.: BA RD 89-28.

¹⁰⁷ Schoenbaum, *Op. cit.*, S. 26.

¹⁰⁸ Исследование существовавших в 1941 г. со стороны национал-социалистского руководства и немецких промышленников перспек-

тив на будущее было бы чрезвычайно увлекательным и вполне осуществимым в плане источникового материала. Об этом см. также ниже гл. IX.

¹⁰⁹ Документ отдела Va рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-летнего плана № 5780.28/9894/41 секр., R 41/281, лл. 266–268. – 8000 военнопленных из рейхскомиссариата «Остланд» на территорию рейха доставить не удалось вследствие транспортных трудностей.

¹¹⁰ Донесения рабочей группы по использованию рабочей силы от 10 февраля и 23 марта 1942 г.: R 41/281, лл. 269–272.

¹¹¹ Мансфельд докладывал в декабре об использовании 308 000 пленных. Однако в конце января на работах было занято всего 147 736 военнопленных. В донесении от 23 марта 1942 г. содержалось требование доставить в феврале ещё 38 000 рабочих рук (+25,7 %); однако 28 февраля на работах было занято только 153 674 человек (+4 %): см. таблицу ниже на стр. 212 и сл. О положении вещей в нижнем звене см. военный дневник VI инспекции по вооружению, 21.12.1941 г., RW 20 – 6/4; отчёты о положении дел VI инспекции по вооружению от 13.12.1941 г. и 14.01.1942 г.: RW 20 – 6/22; военный дневник команды по вооружению в Дортмунде № 9, RW 21 – 14/9 (6.12. 1941, 24.01.1942).

¹¹² Приказ (отдела «L») штаба оперативного руководства вермахта № 003150/41; приказ отдела по делам военнопленных № 8770/41 от 24 декабря 1941 г., подп. Кейтелем, f. d. R. Рейнеке, RW 6/v. 276.

¹¹³ Следует полагать, что на решение Гитлера определённое влияние оказала докладная записка начальника управления военной экономики и вооружения Томаса, в которой Томас призывал «направлять все силы исключительно на достижение победы, а все идеи и работы, касающиеся мирного времени, следует отложить до достижения победы». Томас подсчитал, что имеющихся в октябре 1941 г. возможностей едва хватит для частичного покрытия потребности в 1,1 млн. рабочих рук (500 000 – в результате демобилизации из армии на Востоке, 100 000 – путём закрытия нерентабельных предприятий, 100 000 – посредством вербовки иностранцев, 300 000 – путём усиленного ис-

пользования рабочей силы советских военнопленных и гражданских рабочих) и что вместо этого оборонная промышленность из-за призыва лишится ещё 200 000 рабочих рук. Томас, правда, требовал не увеличения использования советских военнопленных, но прежде всего призыва мужчин из Немецкого Трудового Фронта в вермахт, а женщин – в инженерные войска и для внутренней службы, чтобы не допустить дальнейшего призыва квалифицированных специалистов из оборонной промышленности, которых нельзя будет заменить ни необученными новичками, ни советскими рабочими: документ управления военной экономики и вооружения № 4010/41 сов. секр. от 23 декабря 1941 г. в кн.: Thomas, *Geschichte*, S. 470–477.

¹¹⁴ Документ отдела Va рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-летнего плана № 5135/45 от 8 января 1942 г., RW 6/v. 278, курсив в ориг.

¹¹⁵ Документ отдела II b/IV с управления военной экономики и вооружения № 191/42 секр. от 28 февраля 1942 г., R 41/169, лл. 221–223.

¹¹⁶ Они касались категорий оружия, в производстве которого следовало использовать советских военнопленных.

¹¹⁷ По проекту управления военной экономики и вооружения от 18 февраля 1942 г. использованием рабочей силы должно было руководить имперское министерство вооружения и боеприпасов совместно с рабочей группой по использованию рабочей силы: см. проект вместе с примечанием от руки министерского советника Леча, *Ibidem*, лл. 213–215. См. также окончательный приказ (лл. 221–223). Цитата взята из приказа Геринга от 10 января 1942 г., R 41/140.

¹¹⁸ О возникновении «Центрального Планирования» (ЦП) см. Gregor Janssen, *Das Ministerium Speer*, Berlin, 2. Aufl. 1969, S. 56–59.

¹¹⁹ Под 21 авг. 1942 г. в своей «Хронике» Шпеер утверждает, что передал Заукелю требования по поводу рабочей силы: «Министр обещал вознаградить усердие генерального уполномоченного по использованию рабочей силы посещением оперы, если будет доставлено 2 млн. русских рабочих» (BA R 3/1736). – См. также протокол заседаний «Центрального Планирования», BA, фонд R 3. На 38 заседании «Центрального Планирования» 22 апр.

1943 г. Шпеер заявил, что если Заукель не доставит достаточное количество советской рабочей силы, поставки угля частным хозяйствам придётся сократить, и тогда именно Заукель будет нести ответственность за то, что население зимой будет мёрзнуть от холода: Janssen, *Op. cit.*, S. 208 f. – О беспощадных требованиях Шпеера и Мильха см. также показание под присягой министра-дирижента Грамша, VJPI: NID-13362.

¹²⁰ Во всяком случае это могло иметь значение для территории рейха без Восточной Пруссии, см. выше прим. 129 к гл. VI.

¹²¹ Протокол совещания в отделе Va имперского министерства труда № 10153/41 секр. (министерский советник доктор Леч) от 22 декабря 1941 г., R 41/168, л. 203 и сл.

¹²² Упомянуто в письме начальника содержания военнопленных в VII корпусном округе № 15/42 секр. в гестапо Мюнхена, *IMG*, XXXVIII, S. 444 (178-R).

¹²³ Инструкция начальника полиции безопасности и СД № 2321 В/42 (отдел IV A 1 с) от 13 февр. 1942 г., *BA R 58/1298*, л. 111 и сл.

¹²⁴ В то время, как обычно документы такого типа направлялись в учреждения гестапо, инспекторам полиции и СС, а также начальникам полиции безопасности и СД оккупированных областей, здесь среди адресатов были также Гиммлер, Гейдрих, семь начальников управлений РСХА и несколько начальников отделов управления гестапо Мюллера. – За несколько дней до этого руководитель группы IV A в РСХА штандартенфюрер СС Панцингер «доверительно» в телеграмме обратил внимание мюнхенского гестапо на то, что «численность советских военнопленных по различным причинам значительно ниже допустимой, а потому необходим тщательный отбор при равном соблюдении интересов полиции безопасности и оборонной промышленности» (*IMG*, XXXVIII, S. 480, 178-R).

¹²⁵ См. гл. XI, 4.

¹²⁶ Из речи Геринга 7 ноября 1941 г., *IMG*, XXVII, S. 69 (1206-PS), курсив в ориг.

¹²⁷ Признаком такой неповоротливости было то, что такой важный орган, как северо-западный округ хозяйственной группы металлургической промышленности, в которой как-никак была представлена значительная часть оборонной промышленности Рурской

области, ещё 19 ноября 1941 г. не имел никакой информации о решении 31 октября и директивах Геринга от 7 ноября (см. вышеупомянутый протокол, прим. 49), а также то, что эти директивы только 22 декабря 1941 г. поступили в оборонную промышленность (см. выше прим. 92).

¹²⁸ *Arbeitsinsatz*, № 5 от 5.03.1942 г., *BA RD 89/28*. Для конца января 1942 г. в первый раз дана статистика использования рабочей силы военнопленных с разбивкой по национальностям и отраслям экономики. – См. об этом и последующем таблицу ниже на стр. 212 и сл.

¹²⁹ *Arbeitsinsatz*, № 7 и 8/9, *Ibidem*.

¹³⁰ *Arbeitsinsatz*, № 11 от 5.06.1942 г., *Ibidem*.

¹³¹ В ходе боёв за Крым в плену оказалось 250 тыс. красноармейцев, а под Харьковом (конец мая) – 240 тыс.: Gruchmann, *Der Zweite Weltkrieg*, S. 187 f. В период с 2 июня по 26 июля 1942 г. в лагеря генерал-губернаторства прибыло 73 транспорта со 153425 военнопленными: список с данными о состоянии здоровья (около половины транспортов – «хорошее», шесть – «плохое», десять – «удовлетворительное», остальные транспорты без оценки) и одежды (очень многие пленные прибыли босиком, обувь и одежду у них отобрали перед транспортировкой): *RH 53 – 23/v. 65*.

¹³² VI инспекция по вооружению уже в октябре 1941 г. сообщала о положительном опыте, см. выше прим. 57.

¹³³ О системе главных и особых комиссий см.: Milward, *Kriegswirtschaft*, S. 57–60; Eichholtz, *Geschichte*, S. 121–132.

¹³⁴ Донесение VI особой комиссии (по танкам), подпис. Мансфельдом, от 10 января 1942 г., *NI-4017*; см. *NI-3988*.

¹³⁵ *NI-4017*. – Это донесение даёт чрезвычайно ценную информацию и по другим вопросам. Так, было упомянуто, что фирма «Фольксваген» не будет выписывать пленных через полномочную биржу труда, но уполномоченный фирмы сам отберёт пленных во фронтовом стационарном лагере (!) по профессиональной пригодности; этот метод рекомендовался также другим танковым заводам. Подчёркивалось, что следует подумать о дезинсекции пленных, что было упущено в Фаллерслебене (и что привело там к вспышке эпидемии сыпного тифа, см. *NID-*

13897). Докладчик был удивлён тем, что русские производят «неплохое впечатление» и не относятся к «явно азиатскому или монгольскому типу». Акции саботажа до сих пор не имели места: «Если русские позволяют себе нарушения того или иного рода, виновных следует немедленно наказывать со всей строгостью и энергией».

¹³⁶ Доклад дирекции металлургического завода «Донавиц» имперского концерна «АГ Альпине Монтан» Герману Герингу от 7 февраля 1942 г., NID-13897. – В Ватенштедте «смертность была чрезвычайно высока, поскольку особенно в начале в вопросе питания военнопленных были допущены серьёзные ошибки». – Фирма «Альпине Монтан» планировала широкое использование советских военнопленных при разработке рудного месторождения в Эрцберге (Штирия).

¹³⁷ Письмо Динкелакера («Фридрих Крупп АГ») директору Ину (главное управление концерна Круппа) от 20 марта 1942 г., D-318. См. выше прим. 136 и 137 к гл. VII.

¹³⁸ Письмо Бускюля Флика, NI-5207-F, *Trials*, VI, S. 838 (факсимиле), курсив в ориг. – Несмотря на тщательную дезинсекцию, всё равно вспыхнула эпидемия сыпного тифа, и «имевшие место случаи заболевания и смерти среди персонала привели к чрезвычайно сильной обеспокоенности».

¹³⁹ Письмо Вейса Бускюлю от 18 февр. 1942 г., NI-5236.

¹⁴⁰ Т. е. это было возможно в том случае, если предприятие обращало на это внимание. Однако и здесь это не осталось без изменений, поскольку 7 июля 1943 г. Вейс сообщал в докладной записке для Флика, что на завод «Линке-Гофман» направлены 500 французских гражданских рабочих, посредством которых должны быть компенсированы «убытки весны этого года, главным образом, из-за русских военнопленных»: NI-3613.

¹⁴¹ Понятие «технократ» используется здесь для обозначения того типа национал-социалистских промышленников, для которых идеологически мотивированные предубеждения имели меньший вес и которые при беспощадном использовании всех средств, – в том числе используя как техническое вспомогательное средство человеческую рабочую силу, – пытались добиться выполнения поставленных политическим руководством

производственных целей. Этот тип постепенно приобретал всё большее и большее значение, в особенности на втором этапе войны; наиболее яркими представителями этого типа являются такие деятели, как Шперер, Мильх, Роланд, Гейленберг и Дегенкольб.

¹⁴² Эта позиция в той же форме заметна также у Пауля Плейгера и в управляемом им концерне «Герман Геринг». – В руководстве концерна Флика в использовании советских военнопленных увидели возможность значительно увеличить производство железнодорожных вагонов на заводе «Линке-Гофман» и использовать это как средство для занятия этим предприятием ведущих позиций в вагоностроении. Предприятие «Линке-Гофман АГ» потребовало в ноябре 1941 г. первую партию советских военнопленных и получило 8 декабря 41 350 человек. Одновременно в широком объёме строилось жильё и запрашивалось производственное сырьё, так что в последующем запросы можно было подкреплять аргументом, что, мол, жильё пустует, а значительная часть производственных мощностей простаивает без всякой пользы: рапорт «Линке-Гофман АГ» в главную комиссию рельсового транспорта, 20 марта 1942 г., NI-3586. В своей докладной записке от 14 февраля 1942 г. для Флика (NI-3585) Вейс указал на то, что тогдашнее производство 300 вагонов в месяц можно будет увеличить до 800, если будут доставлены 800–1000 советских военнопленных. В смысле рационализации следовало позаботиться о том, чтобы предприятия, которые трудно использовать для оружейного производства, – такие, как MAN, машиностроительная фабрика в Эсслингене, фабрика по производству моторных и обычных вагонов «Висмар АГ», фабрики по производству вагонов в Дессау и Готе, а также предприятие «Готфрид Линднер АГ» в Аммендорфе, – отказались от производства вагонов. Соответственно Вейс уже установил контакт с имперским министерством вооружения и боеприпасов и хозяйственной группой металлургической и сталелитейной промышленности. В апреле 1942 г. стремились уже довести выпуск продукции до 900 вагонов, теперь также при поддержке главной комиссии рельсового транспорта: докладная записка Вейса для Флика от 29 апр. 1942 г., NI-3587.

В июле 1942 г. было дано обещание в течение короткого времени увеличить выпуск продукции до 1300 вагонов в месяц (схема «достижения группы Флика» от 9 июля 1942 г., NI-3496), а 8 октября 1942 г. Вейс сообщил в докладной записке для Флика, – дающей чрезвычайно ценную информацию о методах по соблюдению интересов промышленников в национал-социалистской военной экономике и о возможностях их реализации, – о переговорах с председателем главной комиссии рельсового транспорта демаг-директором Дегенкольбом. Председатель правления «Линке-Гофман АГ», генеральный директор доктор Путце обещал на этом совещании увеличить выпуск продукции до 1500 вагонов в месяц, если доставят ещё 2000 рабочих. Имперское министерство вооружения и боеприпасов соглашалось установить для Путце квоту в 1200 вагонов в месяц, но Путце всё же настоял на «обещанной Дегенкольбу» квоте в 1500 вагонов, а Дегенкольб, – один из беспощадных дельцов, которые добились при Шпеере увеличения выпуска военной продукции, – и в последующем продолжать оказывать поддержку его требованиям. Мастерски используя поддержку Дегенкольба, Вейс добился на переговорах с имперским министерством вооружения и боеприпасов и имперским министерством труда поддержки и со стороны этих ведомств в своих требованиях рабочей силы, причём большое значение, по-видимому, имел аргумент – «нам нужны только русские военнопленные». – Наконец, в какой мере осуществился этот запланированный рост выпуска продукции с 300 вагонов в феврале 1942 г. до 1500 в октябре, установить не удалось. Думаю, что не стоит объяснять, насколько симптоматичен был описанный здесь случай. Однако уже на основании его видно, что апологетическое клише о «находящейся под давлением экономике» нельзя воспринимать всерьёз и что исследование будущих перспектив немецкой промышленности в 1939–1945 гг. было бы очень интересной задачей. Материал об этом имеется в архивах ряда фирм, а также в федеральном архиве. – Фирма «Фридрих Флик» оказалась в связи с этим менее общительной. Прощение от 3 июля 1973 г. о разрешении поработать с сохранившимися доку-

ментами старой фирмы «Фридрих Флик», – эти документы были возвращены фирме «Фридрих Флик» из федерального архива на том основании, что они, мол, не представляют научного интереса, – было 3 августа 1973 г. отклонено на том основании, что, мол, полномочный секретарь находится в отпуске. Следующее письмо от 25 октября 1973 г. было оставлено без ответа.

¹⁴³ Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы, «Программа использования рабочей силы», Wi/IF 5.1189.

¹⁴⁴ См. об этом гл. XI, 6, а.

¹⁴⁵ См. гл. XI, 4.

¹⁴⁶ Приказ отдела по делам военнопленных ОКВ № 6999/41 от 19 сентября 1941 г., Wi/IF 5.1189.

¹⁴⁷ В сельском и лесном хозяйстве для польских и советских военнопленных в день выдавалось 0,54 рейхсмарки, тогда как другим пленным – 0,80 рейхсмарок: памятка по оплате труда военнопленных по состоянию на 30 апреля 1942 г., Wi/VIII.21.

¹⁴⁸ Это были средства в собственности лагеря для пленных, из которых финансировались предметы для досуга пленных, как, например, книги, музыкальные инструменты и т. д.

¹⁴⁹ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 8218/41 от 14 ноября 1941 г., Wi/IF 5.1189.

¹⁵⁰ Естественно, производительность труда считать очень сложно, однако многие признаки указывают на то, что после начального периода, то есть после апреля 1942 г. она составила около или выше 60%. В военном дневнике VIII инспекции по вооружению в Бреслау под 29 августа 1942 г. записано, что согласно общим сведениям выработка советских военнопленных составляет 60–80%, в исключительных случаях – 100% выработки немецкого рабочего: RW 20 – 8/12. 3 марта 1943 г. имперское объединение угля представило в имперское министерство финансов предложение о сокращении сборов для советских военнопленных, обосновав его тем, что последние якобы производят продукции в среднем всего на 45% (BA R 2/5359), хотя данные, конечно, были явно занижены. Это видно уже из того, что соответствующее предложение окружной группы угольной промышленности Рура от 19 февраля 1943 г. исходило из выработки в 50–

60 % (*ibidem*), а неофициально соглашались с тем, что выработка «по большей части достигает 80 %» и даже 100 % (опытный отчёт директора горнодобывающего предприятия Васкёнига в циркулярном письме окружной группы угольной промышленности Верхней Силезии от 10 января 1944 г., *BA Ost 27/29*). Это находит своё подтверждение также в письме председателя имперского объединения железа Рёхлинга Шпееру от 4 декабря 1943 г. (*BA R 3/1820*, л. 375). См. далее опытные отчёты инспектора предприятий Норкуса, которого Плейгер использовал для того, чтобы разведать возможности роста производительности труда, от 12 апреля и 31 мая 1943 г., NI-3042 и NI-3057.

¹⁵¹ По приказу отдела по делам военнопленных № 8072/41 от 22 декабря 1941 г. предприниматели с 1 января по 28 февраля 1942 г. должны были платить всего 0,30 рейхсмарок в день плюс жильё и питание: *Runderlasse des RAM f. d. Arbeitseinsatz-, Reichstreuhand- und Gewerbeaufsichtsverwaltung* (zit.: *ARG*), 1942, № 71/42: *BA RD 89/15 -4-*. Для всех военнопленных, которые летом 1942 г. использовались в горной промышленности, отдел по делам военнопленных в приказе № 4087/42 от 7 сентября 1942 г. (*Wi/IF*) задним числом дал согласие на те же условия в течение 2-х месяцев с 1 мая 1942 г.

¹⁵² См. гл. XI, 3.

¹⁵³ См. гл. XI, 6, г.

¹⁵⁴ Так сказано в крайне важной по другим положениям «Истории немецкой военной экономики» Дитриха Эйхгольца (*Eichholtz, Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft*, S. 89 f.).

¹⁵⁵ *ibidem*.

¹⁵⁶ См. работу Канапина (прим. 1).

¹⁵⁷ При этом пока что следует оставить без внимания вопрос, какое место в расчётах *некоторых* крупных фирм занимало использование рабского труда на предприятиях в ещё требующих завоевания восточных областях. Об этом говорят промышленные комплексы, подобные заводу по производству синтетического каучука концерна «ИГ Фарбен АГ» в Освенциме-Моновице.

¹⁵⁸ См. дискуссию между Тимом Масоном («*Der Primat der Politik*» in: *Das Argument* 41 (1966), S. 473–494; «*Primat der Industrie? – Eine Erwiderung*», *Argument* 47 (1968), S. 193–208) и Эберхардом Чихоном («*Der*

Primat der Industrie im Kartell nationalsozialistischer Macht», S. 162–192), Дитрихом Эйхгольцем и Куртом Госсвейлером (*Eichholtz – Gossweiler, «Noch einmal: Politik und Wirtschaft 1933–1945*», S. 210–227).

¹⁵⁹ Mason, «*Primat der Politik*», S. 490.

IX. Советские военнопленные в лагерях СС

¹ Об этом приказе см.: Höss, *Kommandant in Auschwitz*, S. 98 f., 179 f.

² Слова якобы принимавшего участие в планировании члена правления «ИГ Фарбен АГ» доктора Отто Амброса на учредительном заседании 7 апреля 1941 г. в Катовице: NI-11117 (обратный перевод с англ.).

³ Историки ГДР, как, например, Дитрих Эйхгольц (*Geschichte*, S. 113), видят в этом процессе очевидное доказательство «государственно-монополистической» организации экономики в национал-социалистском государстве. Однако даже если проекты вроде завода по производству синтетического каучука в Освенциме и считались приоритетными, – это уже было указано на втором примере, заводе Круппа в Маркштедте, – это толкование упускает из виду тот факт, что Гиммлер видел в этом собственную выгоду и преследовал собственные цели и, во-вторых, что предприятия такого рода, указывая на важнейшие тенденции, были ещё исключениями.

⁴ «ИГ Фарбен АГ», протокольная запись о совещании в имперском министерстве экономики, 6.02.1941 г., NI-11112.

⁵ Письмо строительной фирмы Амбросу от 11 января 1941 г., NI-11783.

⁶ Со слов Хёсса в беседе с директором «ИГ Фарбен АГ» Дюрфельдом 27 марта 1941 г.: NI-15148.

⁷ Протокол совещания от 18 января 1941 г. (NI-11784), письмо главного инженера Фауста главному инженеру Занто от 25 января 1941 г., NI-15258; донесение Занто о совещаниях в Бреслау и Катовице от 10 февраля 1941 г., NI-11785. Позднее Фауст взял на себя руководство строительными работами в Освенциме.

⁸ NI-11785.

⁹ Заметка доктора Эйсфельда («ИГ Фарбен АГ») от 13 февраля 1941 г., NI-11782 (обрат-

- ный перевод с англ.). Уже 6 февраля 1941 г. Краух потребовал обратиться к Гиммлеру по поводу переселения немецких рабочих: «ИГ Фарбен АГ», протокольная запись от 10.02.1941 г., NI-11113.
- ¹⁰ Приказ Геринга от 18 февраля 1941 г. к Гиммлеру, NI-1240.
- ¹¹ Письмо Крауха Амбросу, 25.02.1941 г., NI-11938.
- ¹² Краух был одним из могущественных магнатов национал-социалистской экономики, см. Broszat, *Staat Hitlers*, S. 372–375.
- ¹³ Письмо Крауха к Амбросу от 4 марта 1941 г., NI-11086.
- ¹⁴ См. также: Höss, Kommandant in Auschwitz, S. 98 f., 179 f. Брайт и президент правительства Верхней Силезии выступили против планов Гиммлера и «ИГ Фарбен АГ» с «довольно резкими протестами», которые Гиммлер отклонил.
- ¹⁵ Отчёт доктора Дюрфельда («ИГ Фарбен АГ») от 30 марта 1941 г., NI-15148.
- ¹⁶ Бютефиш, начальник завода в Левне, не был ни экспертом в деле производства синтетического каучука, ни специалистом по вопросам использования рабочей силы: *IGF-Proz.*, Prot. S. 164.
- ¹⁷ См. отчёт Дюрфельда о переговорах с Вольфом на первой строительной конференции 24 марта 1941 г., NI-11115.
- ¹⁸ NI-15148.
- ¹⁹ *Ibidem.* – Предпосылкой этого было приобретение арматурной проволоки для строительства помещений в концлагере, – это хотел сделать концерн «ИГ Фарбен АГ», – и возможность вербовки достаточного количества полицейских из уголовников. Была установлена продолжительность рабочего дня с 9 до 23 часов (зимой и летом); подсобному рабочему платили в концлагере три рейхсмарки в день, квалифицированному – четыре. Несмотря на огромное расширение концлагеря, Хёсс хотел покрыть общие потребности в кирпиче и гравии, а также в поставках картофеля и овощей! – На 2-й строительной конференции 1 апреля 1941 г. после дальнейших переговоров с Хёссом было решено уже в 1941 г. иметь 1500 заключённых, а в 1942 г. – 3000–4000: NI-11116.
- ²⁰ Протокол учредительного собрания, NI-11117.
- ²¹ Письмо Амброса Тер Мееру и Штрассу от 12 апреля 1941 г., NI-11118.
- ²² Это, как сказано, было *тенденцией* развития, подтверждённой следующим проектом концерна Круппа. См. планы по возведению завода по производству автоматического оружия («поскольку автоматическое оружие является оружием будущего...») в концлагере Освенцим в сентябре 1942 г.: NI-2868, и по возведению завода в Маркштетте, где производство автоматического оружия было поставлено на поток: NIK-7269, 7445, 7454, 7455, 7456, 7469, особенно NIK-11504.
- ²³ Процесс развития в ходе войны должен был показать, что прагматичный Гитлер в этой связи не позволил Гиммлеру строить замки на песке. Шпеер, который вскоре понял, что идеал Гиммлера – производство вооружения в концлагерях – экономически нецелесообразен, добился того, что вместо него большее количество узников концлагерей стало передаваться в руки частных предпринимателей, что Гиммлер отказался от требуемого по этому случаю влияния и что методы Гиммлера – путём полицейских акций добывать рабочую силу для предприятий концентрационных лагерей – в 1944 г. были поставлены под сомнение: см. беседы Гитлера со Шпеером 20/22 сентября 1942 г. и 3/5 июня 1944 г., Voelcke, *Deutschlands Rüstung*, S. 187 f., 376.
- ²⁴ Höss, Kommandant in Auschwitz, S. 98.
- ²⁵ *Ibidem.*, S. 178.
- ²⁶ В циркулярном письме Полю, Глюксу, Гейдриху и всем комендантам лагерей от 5 декабря 1941 г. Гиммлер требовал, – характерная для этого периода несокрушимая уверенность в будущем, – чтобы «до заключения мира» в лагерях были подготовлены, «во-первых, как минимум 5000 камнетёсов, во-вторых, 10000 каменщиков». Предприятие должно ежегодно поставлять минимум 100000 кубометров гранита для масштабных строительных проектов фюрера, – то есть больше, чем производилось в Германии до войны: цит. по: Enno Georg, *Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS*, Stuttgart 1963, S. 110 f.
- ²⁷ В отчёте «ИГ Фарбен АГ» в Освенциме за 12-ю неделю (10–16 августа 1941 г.) Фауст сообщает, что он по предложению областного уполномоченного «Гебехем» «с некоторы-

ми сомнениями» принял 1000 советских военнопленных: NI-15089. Действительно ли их использовали в производстве – неясно; кроме того, речь при этом шла не о военнопленных из концентрационного лагеря. – В отчёте за 42-ю неделю (9–15 марта 1942 г.) сообщалось, что «по инициативе» VIII инспекции по вооружению в Бреслау состоялись переговоры с Хёссом, чтобы выяснить, удалось ли разместить в «трудовом лагере СС» советских военнопленных, которые должны были использоваться на работах в концерне «ИГ Фарбен АГ». Представители «ИГ Фарбен АГ» при этом подчеркнули, что используются только такие военнопленные, которые «размещены в концлагере Освенцим»; кроме того, они желают использовать только «здоровых, сильных и полностью работоспособных военнопленных»: NI-15256. Здесь также неясно, были военнопленные всё же использованы или нет. Точно известно лишь то, что на «Фюрстлих Плессише Бергверк АГ» и на собственно принадлежавшем «ИГ Фарбен АГ» руднике, который добывал уголь для завода по производству синтетического каучука, советские военнопленные использовались.

²⁸ *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7382–7390, см. показания Кейтеля, *IMG*, X, S. 629 f.

²⁹ Рейнеке сохранил за собой право решения всех вопросов, связанных с военнопленными, которые должны были поступать на «рассмотрение начальника ОКВ», в том числе относительно освобождения пленных и передачи их полиции: ответы Рейнеке на вопросы Кейтеля, *ВА/МА* № 54/30.

³⁰ Телеграмма отдела по делам военнопленных в ОКВ № 6299/41 от 25 сентября 1941 г. командующему войсками генерал-губернаторства, *ВА/МА* RH 53 – 23 v. 63.

³¹ О последующем см. Jerzy Brandhuber, «Die sowjetischen Kriegsgefangenen im Konzentrationslager Auschwitz» in: *Heft von Auschwitz*, 4 (1961), S. 5–62, затем Höss, *Kommandant in Auschwitz*, S. 105–107, и Hermann Langbein, *Der Auschwitz-Prozeß*, Frankfurt 1965, Bd. I, S. 103–106, 464–466; II, S. 187.

³² С июля 1941 г. туда постоянно прибывали небольшие партии отобранных пленных, – старших офицеров, комиссаров, партийных работников, – которых полицейские или расстреливали, или убивали кирками и

лопатами. 3 сентября 1941 г. прибыл транспорт из 900 пленных, которые под руководством Хёсса были отравлены газом – Циклоном В; заместитель Хёсса Фрич уже раньше «опробовал» этот метод на советских военнопленных. Тем самым было найдено средство, которое сделало возможным уничтожение европейских евреев: Höss, *Op. cit.*, S. 126 f., 159 f., Brandhuber, *Op. cit.*, S. 16 f.

³³ Сохранившийся строительный план лагеря был составлен 14.10.1941 г. В лагере в 174 бараках следовало разместить 95 700 пленных. Бараки, простые кирпичные строения размером 36,25 x 11,4 м, должны были вмещать в себя по 550 пленных: Brandhuber, *Op. cit.*, S. 26, 38–40.

³⁴ См. потрясающее описание пленных и обстоятельства их жизни в кн.: Höss, *Op. cit.*; Brandhuber, *Op. cit.*, S. 22–26.

³⁵ Brandhuber, *Op. cit.*, S. 22.

³⁶ См. приведенные Брандхубером (*Ibid.*, S. 22) свидетельства.

³⁷ Книга смертей сохранилась; казни в ней не отмечались. Сильно заниженные цифры смертности показывают, что очень значительная часть смертных случаев объясняется убийством.

³⁸ *Ibid.*, S. 31.

³⁸ Broszat, *Konzentrationslager*, S. 96.

⁴⁰ О Майтхаузене см. Gisela Rabitsch, *Das KL Mauthausen*, in: *Studien zur Geschichte der Konzentrationslager* (zit.: *Konzentrationslager*), S. 67 f. Из прибывших туда в начале октября 1941 г. примерно 5000 пленных в марте 1942 г. в живых осталось всего 80. – В *Нойенгамме* в октябре 1941 г. прибыло 1000 военнопленных; те из них, которые выжили, в июне 1942 г. были переведены в Заксенхаузен: Werner Johe, *Das KL Neuengamme*, in: *Konzentrationslager*, S. 36. – Во *Флоссенбурге* из 2000 поступивших осенью 1941 г. военнопленных выжило всего 102: *IMG*, XXX, S. 158–164. – В *Бухенвальде* в середине (наверное, осенью) 1941 г. прибыл первый транспорт из 3000 военнопленных, а затем следующие; более детальных данных об их судьбе Ойген Когон (Eugen Kogon, *Der SS-Staat*, S. 188 f.) не даёт. – В *Гросс-Розен* в октябре 1941 г. прибыл транспорт из 2500 военнопленных, из которых через два месяца в живых осталось всего несколько дюжин: Datner, *Crimes against POWs*, S. 300 f. В *Зак-*

сенхаузен погубило по меньшей мере 12 000 военнопленных; из них по крайней мере 10 000 были расстреляны, причём однажды ночью сразу 3000 человек. В какой мере речь при этом шла об отобранных пленных неясно: van Dam – Ralph Giordano, *KZ-Verbrechen*, S. 225–227, 330–334.

⁴¹ Szymon Datner, (Hg.), *Genocide*, S. 66.

⁴² 9 апреля 1943 г. он официально стал именоваться «концлагерем». В этом лагере, известном под названием Майданек, «посредством труда» было уничтожено более 200 000 евреев: Krausnick, «Judenverfolgung», S. 339.

⁴³ *Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939–1945*, hg. v. W. Präg und W. Jacobmeyer, Stuttgart 1975, S. 483.

⁴⁴ Записки из управлений III С и II в главных управлениях СС «администрация и экономика» и «бюджет и строительство» от 11 дек. 1941 г. и 9 янв. 1942 г.: NO-2147.

⁴⁵ Отчёт коменданта 21-го армейского пункта сбора военнопленных о положении дел в лагере в Конотопе коменданту 580-го тылового района от 19 января 1942 г., *ВА/МА АОК 2/19902/67*, см. выше прим. 213 к гл. VII. Признаком особенно жестокого обращения следует считать тот факт, что в этих лагерях неоднократно предпринимались попытки побегов, которые варварски подавлялись. Когда часовые были застрелены партизанами, то в качестве «возмездия» в одном случае было расстреляно 25 военнопленных, в другом – 50. К тому же в лагере три дня не выдавали пищи: см. военный дневник начальника штаба рейхсфюрера СС и отчёты 1-й бригады СС: *Unsere Ehre*, S. 60 ff., 147 ff. См. также отчёт квартирмейстера тылового района группы армий «Центр» за ноябрь 1941 г., RH 22/v. 205, л. 117, а также отчёт коменданта по делам военнопленных округа «J» от 11 декабря 1941 г. (лагеря в Новгороде-Северском, Глухове, Конотопе) RH 22/v. 220, см. об этом гл. VII, 3, а.

⁴⁶ Приказ отдела по делам военнопленных № 7132/41 от 4 октября 1941 г., подпис. Брейером, RW 6/v. 220, курсив в ориг. Требовалось также докладывать о смертных случаях согласно предписаниям вермахта о гражданском состоянии.

⁴⁷ Приказ инспекции концлагерей при рейхсфюрере СС от 23 октября 1941 г., *ВА NS 3/v. 425*.

⁴⁸ Приказ инспекции концлагерей при рейхсфюрере СС от 29 октября 1941 г. (*ibid.*). – То, что потребовалось подобное судебное расследование, кажется абсурдным ввиду сложившейся в концлагерях практики, однако является также указанием на то, что ещё не были уверены в том, как вермахт воспримет такие случаи и как следует себя вести. На это указывает также то, что подобные донесения не должны были поступать в судебные органы СС и полиции.

⁴⁹ Приказ инспекции концлагерей при рейхсфюрере СС от 29 ноября 1941 г., NO-2113.

⁵⁰ Приказ начальника полиции безопасности и СД № 639/41 секр. от 13 октября 1941 г., подп. Мюллером: Архив Международной сыскальной службы, Арользен. О значении, которое Мюллер придавал этому приказу, видно из того, что его кроме всех начальников управлений РСХА получили также Гейдрих и Гиммлер.

⁵¹ Приказ инспекции концлагерей при рейхсфюрере СС (об акции «14 f 14») от 15 ноября 1941 г., подпис. Глюксом, *IMG, XXXV*, S. 163 f. (569-D).

⁵² Согласие начальника полиции безопасности и СД следовало запрашивать от случая к случаю; согласно заявкам лагерный врач должен был подтвердить, «что с медицинской точки зрения противопоказаний по использованию данного лица на работах не существует!». – Об «уничтожении трудом» в каменоломнях Маутхаузена см. Rabitsch, «Mauthausen», S. 65, 67 (там же довольно часто встречающееся в литературе заблуждение, будто эти пленные были доставлены в концлагерь на основании *приказа о комиссарях*).

⁵³ Broszat, *Konzentrationslager*, S. 108.

⁵⁴ «ИГ Фарбен АГ», Освенцим, отчёт за 30-ю неделю 15–21 декабря 1941 г., NI-14556 (обратный перевод с англ.).

⁵⁵ Противоречивость отданных Гиммлером приказов, пусть и в своём только деле, подчёркивает Хёсс (Höss, *Kommandant in Auschwitz*, S. 172 f.). – По свидетельствам очевидцев начальники блоков в «трудовом лагере СС», уголовники из концлагеря Заксенхаузен, похвалялись, что по первому же приказу Хёсса обяжутся истребить каждый по 1000 большевиков и что Хёсс якобы уже приказал им запастись для этого спе-

циальными дубинками: Brandhuber, *Op. cit.*, S. 23.

⁵⁶ Отчёт «ИГ Фарбен АГ» о 14-м строительном совещании 16 декабря 1941 г., NI-11130.

⁵⁷ Телеграмма Гиммлера Глюксу от 26 января 1942 г., цит. по: Broszat, *Konzentrationslager*, S. 108 f.

⁵⁸ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 3932/42 от 10 октября 1942 г., BA/MA Wi/IF 5.530. Руководящими органами были: для «ваффен СС» и концлагерей – главное управление СС «администрация и экономика», для учреждений СС и полиции – РСХА; в последующем эти учреждения действовали в тесной связи с начальником по делам военнопленных в ОКВ.

⁵⁹ См. также выше прим. 23.

Х. Попытки добиться обращения с советскими военнопленными согласно нормам международного права

¹ Нормы всеобщего, то есть не кодифицированного международного права, естественно, нельзя определять однозначно. Важнейшие принципы Гагской и Женевской конвенций, в том числе принцип о том, что с пленными надлежит обращаться «человечно», представляют собой кодификацию всеобщего международного права и тем самым являются обязательными для *всех* государств, независимо от того, ратифицировали ли они эту кодификацию. См. об этом дискуссию, переданную в кн.: Uhlig, *Der verbrecherische Befehl*, S. 327–347. Этот факт также был известен руководству вермахта, см. приведенную ниже докладную записку Канариса–Мольтке.

² См. Boris Meissner, *Sowjetunion und Haager LKO*, Hamburg 1950, S. 8 ff.

³ Об этом см. гл. VII, 3, б.

⁴ См. гл. V, 1, в.

^{4a} Управленческая группа «Заграница» (Amtsgruppe Ausland) наряду с «Абвером» входила в состав управления разведки и контрразведки. Она вела сбор информации за границей при посредстве военных атташе. Возглавлял её контр-адмирал Л. Бюркнер. – *Прим. перев.*

⁵ Оба письма завизированы руководителем III группы отдела по делам военнопленных (немецкие пленные за рубежом) и подписаны

начальником отдела по делам военнопленных Брейером: BA/MA RW 5/v. 506, л. 5 и сл. – О следующем см. также Ger van Rooij, «Graf Moltke als Völkerrechtler im OKW», *VfZ* 18 (1970), S. 12–61.

⁶ Согласно статье 82 Германия была обязана соблюдать условия конвенции в отношении *соподписавшихся* даже в том случае, если в войну вступил один неподписавшийся.

⁷ RW 5/v. 506, л. 6.

⁸ Эту инициативу предполагает проф. доктор Гюнтер Енике, которому тогда подчинялся отдел VI f (по делам военнопленных) группы. Было якобы принято по телефону договариваться о подобном запросе на нижнем уровне, чтобы добиться подключения группы и приобрести тем самым возможности влияния. Брейер, который подписал оба документа, считался в VI группе «умным и любезным» в отличие от Рейнеке, который был известен, как нацист: см. справку, данную проф. Енике 22 июня 1971 г.

⁹ Имелись в виду приказ о комиссарах и приказ о плане «Барбаросса»; на обратной стороне письма отмечены номера обоих приказов.

¹⁰ Документ отдела VII с управленческой группы «Заграница» управления разведки и контрразведки от 27 июня 1941 г., RW 5/v. 506, л. 10.

¹¹ Это видно из следующего письма управленческой группы «Заграница» № 8729/41 секр. от 12 июля 1941 г.: *Ibidem*, S. 11. Примечательно, что конвенция о раненых упомянута там лишь мимоходом, без указания на вытекающие из неё обязательства.

¹² Текст по: *Rapport du Comite international de la Croix-Rouge*, (zit.: *Rapport*), Bd. III, Genf 1948, S. 424 f. По нему же (S. 424 ff.) и следующее.

¹³ Международный Комитет Красного Креста 9 июля сообщил об этом советскому правительству: *Ibidem*, S. 426.

¹⁴ Записка советника посольства Альбрехта от 1 авг. 1941 г., *ADAP*, Ser.D, XIII, 1, № 173, S. 228 f.

¹⁵ *Ibidem*.

¹⁶ Женевская конвенция, разработанная на основе опыта, полученного во время Первой мировой войны в связи с недостаточно точными статьями Гагской конвенции, регулировала порядок обращения с пленными го-

- раздо точнее и содержала прежде всего более сильные правовые гарантии. Соблюдение её правил гарантировалось инспекциями нейтральных стран.
- ¹⁷ Опул. в кн.: Jacobsen, «Kommissarbefehl», S. 211–215. Управленческая группа «Заграница» получила копию документа 8 сентября 1941 г. из правового отдела вермахта: RW 5/v. 506.
- ¹⁸ Ср. положения постановления с текстом Гаагской и Женевской конвенций.
- ¹⁹ Записка Макебена от 25 июля 1941 г., PAAA, Handakten Ritter, Russland 1941–1944, Bd. 1–2.
- ²⁰ Интересно, что из этого, по-видимому, не было чётко определено, кто отвечает за выяснение международных вопросов для ОКВ: министерство иностранных дел, правовой отдел вермахта или управленческая группа «Заграница».
- ²¹ ADAP, XIII, 1, № 173.
- ²² *Ibidem*, S. 229, прим. 5. О влиянии Хевеля говорит также профессор Енике. Текст более жёсткого проекта: RW 5/v. 506, л. 14.
- ²³ *Ibidem*.
- ²⁴ Об этом см. выше прим. 155 к гл. VI. – Собранные VI группой трофейные приказы Красной Армии показали, что это в подавляющем большинстве случаев происходило вопреки приказам советского руководства. Уже 30 июня 1941 г. командование советской 5-й армии выступило против того, чтобы немцы расстреливались из чувства мести, «вызванной зверствами фашистских разбойников». 14 июля политический комиссар советского 31-го стрелкового корпуса призвал подчинённых ему комиссаров «разъяснять подразделениям всю вредность недостойного Красной Армии поведения в отношении пленных». Следовало пояснять, «что немецкий солдат – рабочий и крестьянин – воюет вопреки своей воле и если сдаётся в плен, то перестаёт быть врагом». Начальник политического отдела советской 9-й кавалерийской дивизии требовал, чтобы пленные доставлялись на допрос в высшие штабы, а войскам разъясняли, что и без того «ни один оккупант не оставит нашу землю живым»: RW 5/v. 506, лл. 17, 28, 64.
- ²⁵ Запись Бормана о совещании Гитлера с Розенбергом, Герингом, Ламмерсом, Кейтелем и Борманом 16 июля 1941 г., IMG, XXXVIII, S. 87, 221-L.
- ²⁶ Запись начальника II группы отдела кадров авиации о беседе с капитаном Клеменсом в отделе по делам военнопленных в ОКВ от 16 сентября 1941 г., RW 6/v. 279. Об усилениях Рейнке см. далее.
- ²⁷ Ответная нота шведскому правительству была направлена 25 августа, то есть спустя пять недель после получения советской ноты, см. упомянутую в прим. 26 запись.
- ²⁸ До 13 августа 1941 г. вермахт оценивал количество пропавших на Востоке без вести солдат в 19 319 человек: *KTB Halder*, III, S. 205 (29.08.1941).
- ²⁹ Запись начальника II группы отдела кадров авиации от 16 сентября 1941 г., RW 6/v. 279.
- ³⁰ Обязанность представлять интересы вермахта перед лицом министерства иностранных дел, государств-гарантов и Международного Комитета Красного Креста лежала на плечах управленческой группы «Заграница». Однако на практике этот институт с согласия указанной управленческой группы напрямую сносился с Рейнке и отделом по делам военнопленных: замечания Рейнке на докладную записку Кейтеля от 18 ноября 1945 г., *BA/MA* № 54/30.
- ³¹ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 4629/41 от 2 июля 1941 г. отменил положение организационного приказа от 16 июня 1941 г., согласно которому докладывать в справочное бюро вермахта о советских военнопленных не требовалось; это было прямым ответом на заявление СССР о намерении обменяться списками пленных, но относилось только к военнопленным на *территории рейха*: RW 6/v. 220, см. приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 5229/41 от 23 июля 1941 г., *Ibidem*, а также *Rapport*, III, S. 426.
- ³³ *Rapport*, III, S. 427 f. 8 августа 1941 г. советское правительство сообщило послам Болгарии, Японии, Швеции и США, что намерено соблюдать в отношении Германии Гаагскую конвенцию, конвенцию о раненых 1929 г. и Женевский протокол от 17 июня 1925 г. о запрещении биологического и химического оружия в той же степени, в какой это делает сама Германия: PAAA, Handakten Ritter, Rußland 1941–1944, Bd. 1–2. – *Foreign Relations of the United States, ... 1941* (zit.: *Foreign Relations*), I, 1958, S. 1005 f.

³³ О дальнейшем: *Rapport*, III, S. 427 ff. – См. мемуары Жюно (*Junod, Kämpfer beidseits der Front*, Zürich 1947), которые, правда, мало убедительны и крайне неточны в датировках. Жюно изображает Рейнеке сравнительно светлыми красками, в то время как Брейер выглядит у него довольно неприглядно: S. 236–241. Показания Мольтке, Лахузена, Бройтигама и Енике, лучше знавших внутреннюю подоплёку событий, следует, конечно, предпочесть этим данным.

³⁴ *Rapport*, III, S. 431.

³⁵ *Ibidem*, S. 430, 436.

³⁶ Телеграмма Папена № 1129 от 30.08.1941 г. в министерство иностранных дел, *PAAA, Handakten Ritter, Russland 1941–1944, Bd. 1–2*.

³⁷ *Rapport*, III, S. 431 ff., по нему же и следующее.

³⁸ 8 октября 1941 года шведское посольство в Берлине вручило ответную советскую ноту. В ней Советский Союз категорически возражал против того, будто «он обращается с пленными немецкими солдатами не в соответствии с законами войны». Было заявлено, что советское правительство не намерено заключать с правительством Германского рейха какой-либо конвенции о военнопленных и ставит ... только одно требование – в точности соблюдать всемирно признанные нормы относительно обращения с военнопленными и в особенности принципиальные положения Гаагской конвенции 1907 г. (*ADAP, D, XIII, 2, № 389, S. 510 f.*).

³⁹ Майский поддержал эти усилия, равно как и министр иностранных дел Великобритании Иден: письмо американского посла Винанта госсекретарю Гуллу от 17 января 1942 г., *Foreign Relations 1942, II, S. 773*.

⁴⁰ *Rapport*, III, S. 435–437.

⁴¹ Письмо госсекретаря Гулля послу Штейнхардту от 7 ноября 1941 г.; см. письмо Гулля послу Винанту (в Лондоне) от 14 ноября и меморандум Грина для Лонга от 24 декабря 1941 г., *Foreign Relations 1941, I, S. 1009–1011; 1023*.

⁴² См. гл. XI, 4 и XI, 5, а.

⁴³ Однажды указали на то, что должно быть объявлено о присоединении к конвенции самого швейцарского правительства, что не имеет доверия к Швейцарии, поскольку она долгое время не признавала СССР. В другой раз заявили, что признание Женев-

ской конвенции невозможно, поскольку в статье 9 этой конвенции требуется разделение пленных по расовому признаку, а это противоречит советской конституции: отчёт американского посольства от 24.10, 26.11. 1941 г., *Ibidem*, S. 1007 f., 1014–1016.

⁴⁴ Даже военные атташе Америки и союзной Англии не получили разрешения наблюдать за проведением военных операций: письмо Штейнхардта к Гуллу от 24.10.1941 г., *Ibidem*, S. 1008.

⁴⁵ См. циркулярную ноту Молотова от 25 ноября 1941 г., *IMG, VII, S. 384 ff.*

⁴⁶ Письмо Гулля в посольство США в Куйбышеве от 23 декабря 1941 г.; письмо Лонга от 30 декабря 1941 г.: *Foreign Relations 1941, S. 1020–1024*.

⁴⁷ Обращение с советскими пленными наряду с истреблением евреев было для Мольтке одним из самых характерных признаков моральной деградации национал-социалистской политики и её носителей. Одной из целей сопротивления было привлечение к суду ответственных за это лиц; см. письмо Мольтке своей жене от 12 сентября 1941 г. (собственность графини Мольтке), далее «основные черты нового порядка» от 9/10 сентября 1943 г. в: *Ger van Roon, Neuordnung im Widerstand*, München 1967, S. 347–357, и *Hassel-Tgb.*, S. 255 (31.12.1942.).

⁴⁸ Текст докладной записки (см. Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 208–210) был составлен тогдашним лейтенантом права доктором Гюнтером Енике: сообщение проф. Енике.

⁴⁹ Это соответствовало также общему пониманию международного права, как оно было изложено в одном из официальных сборников законов: «Если письменная норма военного права выпадает, то это ни в коей мере не приводит к правовому вакууму, но пробел ... заполняется нормами обычного права. Нормы обычного права зачастую соответствуют по содержанию только формально выпавшему договорному праву» (*Friedrich Giese – Eberhard Menzel, Deutsches Kriegführungsrecht*, Berlin 1940, S. IV).

⁵⁰ См. гл. VII, 3, а.

⁵¹ Абвер, согласно сообщению проф. Енике, установил, что сбежавшие военнопленные распределялись по подразделениям Красной Армии с тем, чтобы сделать известными факты обращения с ними со стороны вермахта.

- ⁵² Кейтель заметил по этому поводу: «это было бы бесполезно».
- ⁵³ Кейтель, вероятно, представил Гитлеру предложение только обоснования своего отказа. Это предложение, однако, не было востребовано и Канарисом. На Нюрнбергском процессе (*IMG*, X, S. 625 f.) Кейтель утверждал, будто он разделял опасения и предложил Гитлеру «прекратить» процесс; своё замечание он написал уже после того, как Гитлер сказал ему, что нечего надеяться на то, что с их собственными пленными будут обращаться в соответствии с международными принципами.
- ⁵⁴ Имеется в виду неоднократно упомянутый приказ Рейнке от 8 сентября 1941 г.
- ⁵⁵ Запись начальника II группы отдела кадров авиации от 16 сентября 1941 г., RW 6/v. 279.
- ⁵⁶ *Ibidem*.
- ⁵⁷ Письмо Мольтке своей жене от 14 ноября 1941 г., собственность графини Мольтке.
- ⁵⁸ Следующее по: *Rapport*, III, S. 437–443.
- ⁵⁹ Точная дата не установлена. Этот вопрос был представлен Гитлеру на рассмотрение предположительно 22 декабря 1941 г. Поскольку выработка позиции отдела как раз по этому вопросу потребовала довольно много времени, Мольтке смог написать по этому поводу приведенное выше замечание.
- ⁶⁰ Докладная записка Риббентропа для Гитлера, PAAA, Handakten Ritter betr. OKW, Eingänge d. OKW 1941–1944 (= *ADAP*, E, I. № 51, S. 90 f.). По нему же и следующее.
- ⁶¹ См. гл. VII, 2, г.
- ⁶² Против 30000 немецких фамилий, – столько солдат считалось пропавшими без вести к середине декабря 1941 г., – хотели назвать 30000 или 38000 советских, – столько плен-ных было тогда в Германии по советским данным.
- ⁶³ Они подчинялись общему управлению Рейнке.
- ⁶⁴ Докладная записка Риббентропа от 22 декабря 1941 г., *Ibid*.
- ⁶⁵ См. высказывания Геббельса на министерской конференции от 22.10.1942 г. и 17.05.1943 г.: Voelcke, *Wollt Ihr den totalen Krieg?*, S. 382; 385.
- ⁶⁶ Протокольная записка посла Риттера от 9 января 1942 г., *ADAP*, E, I. № 106, S. 193 f. – Вторая причина была указана преждевременно, так как с предложенным Рейнке и Риббентропом ограничением в 380000 фамилий она, конечно, теряла силу.
- ⁶⁷ *Ibidem*.
- ⁶⁸ По «сообщению адъютанта Кейтеля» Риббентроп ещё в феврале–марте 1945 г. жаловался на недостаточную «веру» в ОКВ, которая началась при Кейтеле: Görlitz, *Keitel*, S. 315, прим. 10.
- ⁶⁹ См. следующее по.: *Rapport*, III, S. 441–443.
- ⁷⁰ Союзники Германии с самого начала были заинтересованы в соглашении с СССР и изъявили готовность пойти на уступки. Но они этим ничего не добились, так как СССР поставил это соглашение в зависимость от согласия Германии.
- ⁷¹ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 03226/44 в *сборнике приказов* № 36 от 1 июня 1944 г., RW 6/v. 270.
- ⁷² *Rapport*, III, S. 452.
- ⁷³ В какой мере США предпринимали попытки оказать в 1941 и 1942 годах влияние на Германию, установить не удалось.
- ⁷⁴ См. записки о беседах в *Foreign Relations 1942*, III, S. 567 f., 572.
- ⁷⁵ Телеграмма немецкого посла в Софии от 28 апреля 1942 г., PAAA, Büro des StS., Akten betr. Rußland, Bd. 8.
- ⁷⁶ Сообщение немецкого посла при Ватикане Бергера от 22 апреля 1943 г. (*Ibidem*, Bd. 10). Папским легатом в Анкаре был монсеньор Ронсалли, который позднее стал папой Иоанном XXIII.
- ⁷⁷ Приказ отдела по делам военнопленных № 3329/43 от 20 июля 1943 г., содержится в: Luftgaukdo. III/Пб/4 Az Зр20 от 13.08.1943 г., *ВА/МА* RH 49/v. 77. В нём среди прочего цитируется высказывание посла Коллонтай: «Советский Союз не знает, что такое советский военнопленный. Он считает попавших в руки к немцам советско-русских солдат дезертирами».
- ⁷⁸ Заметка доктора Альбрехта для статс-секретаря фон Вайцеккера от 2.02.1943 г., PAAA, Büro des StS., Bd. 10; см. также ещё требующее рассмотрения письмо Рейнке в министерство иностранных дел от 3.09.1943 г.
- ⁷⁹ Письмо Альбрехта к Вайцеккеру от 3 марта 1943 г. и комментарии к нему от 10 марта, *ibid*. – Насколько силен был в национал-социалистском руководстве страх перед тем, что немецкое население может изменить представления о Советском Союзе, показы-

вает непосредственно последовавший за этим шаг Риббентропа. Когда из Стокгольма стало известно, что президент шведского Красного Креста хочет обратиться к Красному Кресту СССР с предложением об обмене списками пленных, Риббентроп велел попросить шведское правительство не предпринимать этого шага. Было заявлено, что обещаниям СССР относительно этого верить нельзя; что списки наверняка будут фальшивыми, и это лишь вызовет у родственников напрасные надежды. А для семей пленных русских это будет иметь «самые нечеловеческие последствия», поскольку они будут «беспощадно истреблены»: письмо Риббентропа в немецкое посольство в Стокгольме от 11 марта 1943 г. (*ibidem*).

⁸⁰ Письмо Рейнке в министерство иностранных дел от 3.09.1943 г., Büro des StS., Bd. 10.

⁸¹ *Ibidem*.

⁸² Сообщение проф. Енике.

XI. Использование труда советских военнопленных в 1942–1945 годах

¹ *Arbeitseinsatz*, № 6 от 30 июня 1943 г., *Institut f. Weltwirtschaft*, Kiel, Y 3650 1943.

² Это было бы целесообразно уже ввиду самих источников, ибо зачастую, например, в статистике фирм речь идёт только о «русских», не делается никакого различия между «остарбайтерами» и военнопленными.

³ См. выше прим. 59 и 60 к гл. I.

⁴ Соответствующие документы имперского министерства продовольствия и имперской продовольственной палаты, по-видимому, безвозвратно утеряны. Идея профессора доктора Эриха Машке восполнить пробел, исследовав этот вопрос по чисто аграрному региону, вроде Северного Бадена или Северного Вюртемберга, не может быть реализована, поскольку в необходимых для этого архивах (в генеральном земском архиве в Карлсруэ и государственном архиве в Людвигсбурге) нет достаточного материала.

⁵ См. протокол совещания обер-квартирмейстеров у генерал-квартирмейстера, выполненный квартирмейстером группы армий «Север», № 257/42 сов. секр. от 20.04.1942, *ВА/МА RH 22/v. 251* и приказы генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/2710/

42 от 7.03.1942 и № I/11081/42 от 16.03.1942, *RW 6/v. 276*. Согласно этим приказам перебежчики и пр. тут же должны были получать добавки, предусмотренные для рабочих, занятых на тяжёлых работах, и табак; «хлеб из эрзацсырья» им не выдавали.

⁶ См. протокол совещания Розенберга с главнокомандующими групп армий Восточного фронта 18 декабря 1942 г., *ВА/МА RH 22/v. 96* (протокол выполнен начальником штаба при главнокомандующем группы армий «Б» полковником Гильхаузенем) и *ВА R 58/225*. Цитаты передают высказывания Гильхаузена и главнокомандующего группы армий «Центр» фон Шенкендорфа. – На этом совещании присутствовал также тогдашний майор генерального штаба граф фон Штауфенберг, который, осознав вначале необходимость военной альтернативы, пришёл к выводу, что необходима также принципиально иная политическая альтернатива и что вермахт должен взять на себя политическую ответственность.

⁷ Отдельные установленные распоряжения уже названы в прим. 5.

⁸ Это были последние крупные окружения, которые удались немецкому руководству на Востоке.

⁹ См. подробно цитированную в гл. VII, 2, 6 памятку об эвакуации пленных от 15 июня 1942 г.

¹⁰ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/3910/42 секр. от 9 июня 1942 г. с приложением (служебная инструкция для начальников служб содержания военнопленных в прифронтовой зоне), *ВА/МА АОК 16/23467/27*.

¹¹ Приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил от 31 июля 1941 г. в документе обер-квартирмейстера 9-й армии от 4 августа 1941 г., *АОК 9/13904/1*.

¹² См. выше прим. 227 к гл. VII.

¹³ Отчёт 2-го квартирмейстера 16-й армии за 16.06 – 31.12.1942 г., *АОК 16/32647/95*.

¹⁴ Приказ офицера абвера разведотдела 9-й армии № 527/42 секр. от 8 сентября 1942 г., *АОК 9/27970/7*. Из приказа следует, что «истинные» национал-социалисты по-прежнему обращались с пленными, применяя методы концлагерей. Так, руководитель одного лагеря для пленных, «производя холостой выстрел, заставлял военнопленных бежать и

- при этом одного из них расстреливал». Против него был начат уголовный процесс, исход которого неизвестен.
- ¹⁵ Пленные получали бедную витаминами пищу питательностью от 1500 до 1700 калорий. Во время работы они часто падали замертво, не признаваясь в том, что больны, ибо опасались, что «за сообщение о болезни будут наказаны лишением пищи».
- ¹⁶ Отчёт врача 3-й танковой армии от 25 сент. 1942 г., PzAOK 3/27140/11. По отчёту оберквартирмейстера за месяц в сентябре 1942 г. умерло 1292 военнопленных, а 43 – были переданы в СД (*Ibidem*).
- ¹⁷ Приказ 2-го квартирмейстера 3-й танковой армии от 27 сентября 1942 г. (*Ibidem*). – В какой мере эти распоряжения соблюдались на практике, не установлено.
- ¹⁸ Приказ квартирмейстера группы армий «Дон» № 160/42 секр. от 18 декабря 1942 г. с приложением, RH 22/v. 77.
- ¹⁹ *Ibidem*, курсив в ориг.
- ²⁰ *Ibidem*. – Одновременно генерал-квартирмейстер направил памятку по использованию рабочей силы, в которой указывалось, что «хищническая эксплуатация рабочей силы военнопленных вредит ведению войны». Памятка должна была вручаться «адресатам» лично под расписку (приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/13651/42 от 1 декабря 1942 г., BA/MA Wi IF/5.530). Из имевших место трудностей со снабжением уже в октябре 1942 года был сделан вывод: было заявлено, что обеспечение военнопленных продовольствием является отныне задачей не самого лагеря, а «исключительно задачей армейских органов снабжения». Предписанные меры предусматривали даже «временное освобождение от работ тех военнопленных, у которых вследствие ухудшения общего состояния следовало ожидать упадка сил и в любом случае перевод их в оздоровительные лагеря», – подобные приказы были немислимы в 1941 году. О развитии смертности в 1942–1945 гг. см. гл. XI, 2.
- ²¹ Приказ начальника оперативного отдела 580-го тылового района № 171/43 сов. секр., RH 23/v. 206. Приказ достиг предела в своих требованиях: «Каждому военнопленному с момента взятия его в плен следует дать понять, что отныне он будет заботиться о те-
бе». Этот приказ в значительной мере восходит к предыдущему приказу 2-й армии (*Ibidem*).
- ²² Приказ общего управления при начальнике вооружения сухопутных сил и командующем армией резерва № 93/43 секр. от 27 января 1943 г., BA/MA H 1/441. Используя труд советских военнопленных, солдаты могли свободно действовать на фронте.
- ²³ См. «основополагающий приказ № 13» (об обращении с перебежчиками) = приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/2310/43 секр. от 20 апреля 1943 г., подпис. Пейтцлером, RH 23/v. 206. Согласно ему политических комиссаров также можно было рассматривать как перебежчиков (см., однако, гл. XI, 4); перебежчики подлежали привелицированному обращению, «их следовало щедро кормить из армейских запасов» и размещать в особых лагерях. Допрашивать их следовало «по общим действующим правилам Женевской конвенции», офицеры должны были пользоваться привилегиями.
- ²⁴ «Особые распоряжения о снабжении» (для операции «Цитадель») первого квартирмейстера 4-й танковой армии № 922/43 сов. секр. от 28 июня 1943 г., PzAOK 4/44065/4.
- ²⁵ Приказ 2-го квартирмейстера группы армий «Центр» № 1808/43 сов. секр. от 4 июля 1943 г.; приказ 2-го квартирмейстера 2-й армии № 467/43 сов. секр. от 25 апреля 1943 г., RH 23/v. 206.
- ²⁶ *Ibidem*. При оккупации населённого пункта «всех способных носить оружие мужчин» следовало размещать в сборных лагерях, а женщин «хватать» и направлять на работы. Точно так же следовало проводить «вербовку для работ на территории рейха». См. названные в прим. 24 «особые распоряжения о снабжении» 4-й танковой армии.
- ²⁷ Об усилиях центральных имперских ведомств, вроде имперского министерства вооружения и боеприпасов и генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, а также ведущих организаций экономики, вроде имперских объединений угля и железа, по увеличению рабочей силы см. гл. XI, 6, в.
- ²⁸ Об этом см. гл. XI, 2.
- ²⁹ Военный дневник 2-го квартирмейстера 3-й танковой армии, 15.07.1942 г., PzAOK 3/27140/11.

³⁰ Приказ квартирмейстера 580-го тылового района № 1903/42 секр. от 25 октября 1942 г. (= NOKW-2276).

^{30a} «Хиви» (Hilfswillige = букв. «готовые помочь») – добровольные помощники. К ним относились полицаи, солдаты РОА и т. д. Наши войска считали «хиви» предателями и в плен не брали. – *Прим. перев.*

³¹ В зоне ответственности 4-й танковой армии к 11 июля 1943 г. насчитывалось 7979 «добровольных помощников» (норма: 16 807), из которых 4833 были бывшими военнопленными; к 12 октября 1943 г. их насчитывалось уже 13 724 (норма: 22 145), из которых 6433 были бывшими военнопленными: PzAOK 4/51392/5.

³² Находившиеся на подвластной немцам территории итальянские солдаты после перемены фронта Италией осенью 1943 года были по большей части интернированы. «Интернированным итальянцам» пришлось теперь ощутить на себе долго сдерживаемое презрение политического и военного руководства Германии. В расовой шкале военнопленных они были поставлены почти в один ряд с советскими пленными. В последующем на них распространили большинство тех же нечеловеческих условий в области питания и работы, что и для советских военнопленных; среди прочего, их также использовали в горном деле.

³³ См. военный дневник обер-квартирмейстера 4-й танковой армии, PzAOK 4/51392/1.

³⁴ Предписанное уже в июле 1941 года (по приказу генерал-квартирмейстера № II/4590/41 секр. приложение II от 25 июля 1941 г., *ВА/МА* RH 23/v. 155) освобождение представителей определённых национальных меньшинств (этнические немцы, прибалты и украинцы, позднее также белорусы) было предварительным шагом к ведению войны в собственно политическом смысле. Поскольку уже к 13 ноября 1941 г. освобождения были приостановлены (по приказу отдела по делам военнопленных в ОКВ № 3900/41 секр. *ВА R* 41/168) и оставались позже ограниченными лишь исключительными случаями, они не достигли значительного объёма: к 31 марта 1942 г. в *зоне ответственности ОКХ* было отпущено всего 292 702 военнопленных, из которых было 277 769 украинцев: приказ генерал-квартирмейстера № II/

630/42 сов. секр. от 24 апреля 1942 г., *ВА/МА* H 3/729. В *зоне ответственности ОКВ* количество отпущенных было ещё меньшим; в генерал-губернаторстве, где располагалась основная масса отпущенных, к 15 апреля 1942 г. было освобождено 26 068 военнопленных: смета в RH 53 – 23/v. 65. В 1942 и последующих годах освобождения происходили только в том случае, если соответствующие военнопленные пополняли ряды «добровольных помощников», добровольных охранников и полицаев или вступали в «добровольческие соединения». Затем освобождения достигли значительного размаха; к 1 мая 1944 г. в зоне ответственности ОКХ было освобождено 535 523, в зоне ответственности ОКВ 287 707, то есть в целом 823 230 военнопленных: NOKW-2125. – Освобождение в 1941 г. не означало, что эти военнопленные могли наслаждаться своей свободой. Так, пленные, отпущенные в генерал-губернаторстве, большую часть пути на родину должны были пройти пешком, причём «очень значительная часть их пала вследствие упадка сил»: заметка обер-квартирмейстера при командующем войсками генерал-губернаторства для военного дневника от 2 окт. 1941 г., RH 53 – 23/v. 63. – Айнзацкоманды чувствовали себя обязанными ещё раз проверить отпущенных военнопленных и выявили «значительный процент подозрительных элементов», которые были расстреляны: *Донесения о событиях в СССР* № 47 от 9.08.1941 г.; № 111 от 12.10.1942 г., *ВА R* 58/215; – /218.

³⁵ Отчёт главного окружного коменданта по делам военнопленных тылового района группы армий «Центр» за март от 31.03.1942, RH 22/v. 220; см. приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/12370/42 от 25.10.1942 г. (приложение к приказу квартирмейстера группы армий «Дон» № 167/42 секр. от 23.12.1942 г.), RH 22/v. 77.

³⁶ Приказ 2-го квартирмейстера гр. армий «Дон» № 32/43 сов. секр. от 22.01.1943 г., *Ibidem*.

³⁷ Документ 1-го квартирмейстера 4-й танковой армии № 511/43 секр. от 3 апр. 1943 г. к оберквартирмейстеру группы армий «Юг», приложение 3, PzAOK 4/44065/4.

³⁸ Смета отдела иностранных армий «Восток» от 20 февр. 1945 г., H 3/723. – Насколько известно, потери в армиях во время крупных

отступлений достигали порой нескольких тысяч человек. Так, в 4-й танковой армии они составили в августе 1943 г. 2600 человек (донесение квартирмейстера 580-го тылового района оберквартирмейстеру 4-й танковой армии от 8 сент. 1943 г.: NOKW-2261); см. донесения в PzAOK 4/51392/1; -/15.

³⁹ Приказ главнокомандующего группы армий «Центр» № 750/45 секр. от 27 февр. 1945 г., направленный Борманом для ознакомления гауляйтерам и крайсляйтерам в виде циркулярного письма № 149/45 от 19 марта 1945 г.: BA NS 6/v. 354 (курсив в ориг.). – Рвение Шёрнера было направлено против тех штабов, которые препятствовали распространению фанатизма в войсках, желали «вести войну гражданскими методами» и «отвергли идеи революции... Я не намерен больше терпеть отписки в этом вопросе. Я требую проявления ясного и чёткого фанатизма и ничего иного».

⁴⁰ Это число только условно может быть принято в качестве сравнительного числа, потому что в нём содержится неизвестное количество пленников, занятых в авиации и на флоте.

⁴¹ См. график на стр. 274.

⁴² Цифры даны по смете отдела иностранных армий «Восток» в Н 3/728; -/729. См. график на стр. 245.

⁴³ Цифры даны по донесениям о пленных генерал-квартирмейстера сухопутных сил, Н 3/729; донесениям офицера связи управления военной экономики и вооружения и военно-экономического штаба «Восток» при генерал-квартирмейстере сухопутных сил от 25 мая – 26 сентября 1942 г., BA R 41/272; документу VI группы генерального уполномоченного по использованию рабочей силы № 5017/1715/43 секр. от 11 марта 1943 г., R 41/229, л. 106; приказу отдела по делам военнопленных в ОКВ от 1 мая 1944 г. (NOKW-2125); смете отдела по делам военнопленных в ОКВ, BA/MA RW 6/v. 450–453.

⁴⁴ Согласно смете группы Па отдела иностранных армий «Восток» от 20 февраля 1945 г., BA/MA Н 3/723.

⁴⁵ Якобсен (Jacobsen, *Kommissarbefehl*, S. 165) считает цифру в 3,3 млн. умерших «скорее слишком низкой, чем слишком высокой». Это вполне соответствует действительности, если учесть ещё тех красноармейцев, кото-

рые были расстреляны сразу после взятия в плен и о которых тем самым вообще не было заявлено как о пленных.

⁴⁶ Смета отдела VIII (удостоверений) справочного бюро вермахта, BA/MA RW 6/v. 220.

⁴⁷ За основу взято число имевшихся к 1 ноября 1944 г. по смете справочного бюро вермахта (*Ibidem*) пленников: французов – 893 672, англичан – 161 386, американцев – 45 576 человек. Количество французских пленников первоначально было гораздо большим, но в последующем очень многие были отпущены. Среди польских пленников к 1 ноября 1944 г. было зарегистрировано ещё 67 055 человек, так что процент смертности (при 3299 умерших) составил 4,92 %. При этом следует принять во внимание, что и среди них подавляющая часть была отпущена, но при этом подверглась гораздо худшему обращению, чем отпущенные французские военнопленные. Однако если у них и у французов ещё можно учитывать отпущенных, то среди советских военнопленных смертность была просто ужасающа.

⁴⁸ Из 235 473 англо-американских военнопленных умерло 8348 человек = 3,55 %: показание последнего начальника службы по делам военнопленных, обер-группенфюрера СС Бергера на Нюрнбергском процессе: *Trial*s, XIV, S. 287 f.

⁴⁹ Kurt W. Böhme, *Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand*, S. 151.

⁵⁰ В «прочие потери» входили смертные случаи, побеги, передачи в СД и в люфтваффе. В период с декабря 1941 по март 1942 года, когда эти «прочие потери» распределялись по категориям, смертные случаи составляли подавляющую часть общей численности. С некоторыми оговорками «прочие потери» и для последующего периода можно рассматривать как указание на приблизительное количество смертных случаев, тем более что количество побегов в период с декабря 1941 по март 1942 года постоянно сокращалось, составив менее 4% смертных случаев, а передачи в СД – равнозначные расстрелам – были ещё меньшими.

⁵¹ См. соответствующие донесения офицера связи управления военной экономики и вооружения и военно-экономического штаба «Восток» при генерал-квартирмейстере сухопутных сил, BA R 41/172 и -/173.

⁵² См. прим. 18.

⁵³ См. график на стр. 245.

⁵⁴ В зоне ответственности ОКВ к 1 мая 1944 г. в целом было освобождено 282 707 военнопленных: NOKW-2125.

⁵⁵ Одна только 4-я танковая армия в период с 1 июня по 30 ноября 1943 г. передала в органы ОКВ по меньшей мере 22 000 военнопленных (донесения о военнопленных 4-й танковой армии и коменданта 580-го тылового района в PzAOK 4/51392/5 и RH 23/v. 323, -/v. 324); 9-я армия передала в июле и августе 1943 г. по меньшей мере 2500 военнопленных: военный дневник обер-квартирмейстера 9-й армии, AOK 9/34426/12. – Об акциях по приобретению пленных для горной промышленности см. гл. XI, 6, в.

⁵⁶ См. график на стр. 245.

⁵⁷ Смета имперского объединения угля, BA R 41/284, л. 166. Об акциях «горный мастер» и «забойщик» см. гл. XI, 6, в. При этом следует учитывать, что поступившие в угольную промышленность военнопленные составляли всего лишь часть доставленных на территорию рейха пленных. Согласно записке инспектора по использованию рабочей силы в горной, металлургической и сталелитейной промышленности ... от 1 июля 1943 г. из 13 939 военнопленных, доставленных в несколько этапов в стационарные лагеря Зенне и Ламсдорф, только 3327 (= 23,9%) были пригодны к горному делу; 793 были больны, немощны или мертвы, а 3 196 – «нуждались в лечении».

⁵⁸ Смета отдела VIII (удостоверений) справочного бюро вермахта, RW 6/v. 222.

⁵⁹ Военный дневник команды по вооружению в Дортмунде, 1.01–31.03.1944 г., RW 21 – 14/17.

⁶⁰ NI-3007. Докладчиком был старший полевой врач проф. доктор Фромме.

⁶¹ *Ibidem.* – Главная причина такого положения дел виделась в недостаточном питании. Даже при оптимальном использовании выделяемых средств всё равно выявился бы дефицит, который можно было покрыть только путём сокращения рабочего времени и устранения лишних препятствий, вроде долгих пешеходных переходов к месту работы. Горячую пищу пленным следовало давать до работы, а обед – после работы, но не слишком поздно. Это были требования, ко-

торые постоянно выдвигались (в том числе и отделом по делам военнопленных), начиная с 1942 г., но которые, очевидно, игнорировались предпринимателями, как неудобные. Далее Фромме требовал «соответствующего санитарным нормам размещения», отопления помещений, лучших возможностей для личной гигиены и «справедливого человеческого обращения». Фромме выступал также против слишком запоздалого оказания пленным медицинской помощи, что, очевидно, происходило из-за того, что пленные боялись обвинения в «уклонении от работы». Своевременное обследование требовалось прежде всего из-за вызванной недоеданием склонности к туберкулёзу. – Это, правда, были требования, которые явно находились в противоречии с постоянно требуемым повышением производительности труда, см. гл. XI, 6, а. – 500 занятых на шахтах концерна «Штейнколенбергверке АГ» в Эссене советских военнопленных в период с конца 1942 по начало октября 1943 г. прибавили в весе в среднем на 7,960 кг. Однако к 27 февраля 1944 г. они сбавили в весе в среднем на 4,629 кг: письмо концерна председателю правления Тенгельману от 9 марта 1944 г.: NI-3420. Руководство шахт требовало лучшего питания.

⁶² Письмо Бускюля (председателя правления концерна «Гарпенер Бергбау АГ» и руководителя окружной группы угольной промышленности Рура) начальнику своего концерна Флику 31 августа 1944 г., NI-4735. – Численность больных туберкулёзом была гораздо выше, около 10% от общего количества пленных. Окружная группа Рура, стремясь помешать значительному сокращению рабочей силы, настаивала на том, чтобы увозили только военнопленных с *открытой формой* туберкулёза, которых было около 5%: циркулярное письмо окружной группы Рура от марта 1944 г., NI-2745. – В течение лета положение, по-видимому, стало ещё хуже. В сентябре только на 2-х шахтах концерна «Гарпенер Бергбау АГ» у 179 из 2676 советских военнопленных и «остарбайтеров» (7%) был обнаружен туберкулёз: NI-3132.

⁶³ Военный дневник инспекции по вооружению VIII b, 24.04.1944 г.: Из-за этого между охраной и руководством шахт якобы происходили «частые конфликты»: RW 20 – 8/

34. – Уже в феврале 1944 г. инспекция по вооружению VIII в в ходе обследования занятых на металлургическом заводе «Фриденсхютте» пленных (откуда из примерно 800–850 занятых в период с августа 1943 по январь 1944 года военнопленных в лагеря в качестве нетрудоспособных был возвращён 481 военнопленный) констатировала, что пленные «повсюду чрезвычайно исхудали. ...Физическое истощение очевидно». Военнопленные получали почти исключительно брюкву из-за того, что ситуация с продовольствием якобы не позволяла раздобыть картофель: докладная записка от 8 февраля 1944 г., RW 20 – 8/33.
- ⁶⁴ Документ комиссии по вооружению VIII в № 170/44 секр. от 13 июля 1944 г.; документ инспекции по вооружению VIII в № 3470/44 секр. от 5 августа 1944 г., RW 20 – 8/35.
- ⁶⁵ Приказ отдела по делам военнопленных от 4 сентября 1944 г., NI-2812.
- ⁶⁶ Письмо от 19 октября 1944 г., NI-2809. Об этом см. ниже гл. XI, 6, а. – В декабре 1944 г. из 35000 занятых в верхнесилезской горной промышленности советских военнопленных 6000 (17,1 %) опять были больны туберкулёзом и по требованию начальника службы по делам военнопленных тут же были возвращены в лагеря: письмо окружной группы Верхней Силезии в имперское объединение угля от 16 декабря 1944 г., BA R 10 VIII/57, л. 44.
- ⁶⁷ NI-2812.
- ⁶⁸ NI-1968.
- ⁶⁹ См. об этом NI-3007, NI-2812 и рецензию окружной группы Верхней Силезии от 19 октября 1944 г., NI-2809.
- ⁷⁰ См. прим. 133 к гл. VII.
- ⁷¹ См. письмо имперского министерства вооружения и боеприпасов № 371-9027/42 секр. от 18 авг. 1942 г. генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы, где также ссылались на более раннее письмо с выдержками из отчётов предприятий: BA R 41/269, лл. 184–186. – См. записки в военном дневнике VI инспекции по вооружению, 29.07., 4.08.1942 г., BA/MA RW 20 – 6/6; военный дневник команды по вооружению в Дортмунде, 28.03, 23.05, 18.06, 25.07, 17.09.1942 г.: RW 21 – 14/10; –/11.
- ⁷² Письмо имперского министерства продовольствия № II/1-10304 от 23 сент. 1942 г. в имперскую и партийную канцелярии, BA R 43 II/614.
- ⁷³ Нормы рационов в документе отдела Vd (62fV3) в ОКВ от 14 октября 1942 г., BA/MA RH 49/v. 77. См. соответствующее заявление для общественности в сообщении ДНБ от 14 сентября 1942 г., BA R 43 II/614, л. 145 и сл. и приведенные там основания: завоёванные благодаря самоотверженности немецкого солдата восточные территории сделали возможным это повышение. См. речь Геринга 4 октября 1942 г. во Дворце спорта, IMG, XXXVIII, S. 522 f. (111-RF).
- ⁷⁴ Приказ имперского министерства продовольствия № II/1-10477 от 6 октября 1942 г., R 43 II/614, л. 154 и сл., см. таблицу выше на стр. 140–142. Хлебные рационы были повышены только для рабочих, занятых на тяжёлых работах, а в изготовлении особого «русского хлеба» были добавлены ломтики сахарной свеклы. Однако сравнительно высокая питательность приведенных в таблице продуктов вводит в заблуждение, ибо при определении питательной ценности были использованы данные только для полноценных продуктов питания, тогда как советские военнопленные получали гораздо менее качественные, лежалые или наполовину испорченные продукты.
- ⁷⁵ Приказ отдела VIa генерального уполномоченного по использованию рабочей силы № 5135/1646 от 24 июля 1944 г., ARG 1944, S. 352, BA RD 89/15 -6-. Такие же добавки получали и «остарбайтеры». Добавки для «интернированных итальянцев» были несколько ниже.
- ⁷⁶ Тем самым среди прочего стремились, очевидно, добиться повышения содержания белков. Молоко советские военнопленные на территории рейха в последний раз получали в период после начала массовой смертности 1941 г.
- ⁷⁷ Приказ имперского министерства продовольствия № II/1-6718 от 26 июля 1944 г., R 43 II/614, л. 161. Это означало некоторое уменьшение хлебных рационов, но зато явное повышение рационов жира и сахара; к ним же добавлялись мармелад, сыр и творог.
- ⁷⁸ Приказ имперского министерства продовольствия № II/1-7460 в приказе отдела VIIa имперского министерства труда № 8738 от

17 ноября 1944 г., ARG 1944, S. 623 f., RD 89/15 -6-.

⁷⁹ Как и прежде *все* пленные должны были «по возможности» получать лишь конину и низкосортное мясо, а рацион сахара стал ещё меньше. Особые выдачи по прежнему исключались.

⁸⁰ Циркулярное письмо окружной администрации Немецкого Трудового Фронта в Амберге-Зульцбахе № 1/44 от 23 августа 1944 г., NI-3164.

⁸¹ См. гл. XI, 6, а.

⁸² Предложение инспектора предприятий Норкуса от 31 мая 1943 г., NI-3057. Норкус был уполномочен имперским объединением угля найти способы повышения производительности труда советских военнопленных. См. далее приказ имперского министерства продовольствия от 6 окт. 1942 г. (прим. 74); приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 17 от 26 окт. 1942 г., RW 6/v. 270; письмо отдела по делам военнопленных в имперское объединение угля от 4 сент. 1944 г. (NI-2812); циркулярное письмо окружной группы Рура № 43 от 29 января 1943 г., BA R 10 VIII/56, л. 36 и сл.; приказ отдела Va генерального уполномоченного по использованию рабочей силы № 5780/1313 от 15 июня 1942 г., *Ibidem*, л. 5; отчёт о результатах обследования Фромме от 22 июня 1944 г., NI-3007.

⁸³ Для зимы 1942–1943 гг. это явно не соответствовало действительности, так как урожай картофеля был «очень богатый»: военный дневник VI инспекции по вооружению, 1.10–31.12.1942 г., RW 20 – 6/7. – Команда по вооружению в Дортмунде заметила в марте 1944 г., что брюква и картофель для военнопленных «по большей части поступали в недостаточном количестве» и что предприниматели, которые «из лучших побуждений» хотели приобрести продукты питания, были наказаны. Вследствие этого случаи, когда пленные падали замертво во время работы «или добирались до своего рабочего места при поддержке своих товарищей ... не были единичными» (RW 21 – 14/17).

⁸⁴ См. приведенные выше высказывания чиновников концерна Круппа и одного из крупных промышленников, прим. 137 к гл. VII и прим. 44 к гл. VIII. – 29 октября 1942 г. на совещании руководства предприя-

тия (концерн «Плессише Бергверкс АГ» в Катовице) директор завода Брукман заявил, что «использование труда русских должно повлечь за собой соответствующие сверхдоходы, и что русские не должны поедать из наших скудных запасов больше, чем они производят», – призыв наказывать за низкую производительность труда, – не взирая на её причины, – лишением пищи: [Fürstl. Pless. Bergwerks-AG] Bk/Dr. 10/44 an Betriebsleiter v. 11.01.1944, BA Ost 27/29. См. об этом гл. XI, 6, а.

⁸⁵ Докладная записка Штеммера для фон Бюлова, NIK-12356.

⁸⁶ Письмо Эйкмайера Леману от 30 октября 1942 г., NIK-12359.

⁸⁷ Циркулярное письмо окружной группы Рура № 43 от 29 января 1943 г., R 10 VIII/56, л. 36 и сл. – Большинство советских военнопленных, которые использовались в Рурской области, были из этого лагеря, главным образом из лагерей-филиалов при угольных шахтах; это был крупнейший лагерь в рейхе. На 1 янв. 1943 г. из этого лагеря распоряжались 47428 военнопленными, на 1 ноября 1944 г. – 99440, после чего их численность сократилась: RW 6/v. 450–453.

⁸⁸ Предприниматель в том случае, если он предоставлял жильё и питание, получал от стационарного лагеря 0,20 или 0,80 (на питание) рейхсмарок в день за одного военнопленного в виде компенсации: приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 6999/41 от 29 сент. 1941 г., Wi/IF 5.1189. Этот порядок был в силе ещё в 1943 г., причём за рабочего, занятого на тяжёлых работах, платилась компенсация в 1 рейхсмарку.

⁸⁹ Отдел по делам военнопленных в ОКВ дал категорическое распоряжение, чтобы предприниматели приобретали рабочую одежду за свой счёт, а не заставляли оплачивать её самих военнопленных: *сборник приказов*, № 15 от 10 августа 1942 г., RW 6/v. 270.

⁹⁰ Письмо концерна «Максимилиансхютте» предприятиям от 26 февр. 1943 г., NI-0013.

⁹¹ 19 апреля 1944 г. руководство металлургического завода в Зульцбахе-Розенберге в письме администрации заводской столовой констатировало, что 12 % советских военнопленных страдают расстройством желудка и объясняется это тем, что уже «в течение четырёх недель» в столовой варят одну лишь

- брюкву; оно ставило вопрос – нельзя ли «временно» выдавать горох и бобы: NI-3163.
- ⁹² Среди овощей попадалась также брюква!
- ⁹³ Письмо эссенского концерна «Штейнколенбергверкс АГ» руководству шахты в Дорстфельде от 14 июля 1944 г., NI-3128.
- ⁹⁴ Предложение Норкуса от 31 мая 1943 г., NI-3057.
- ⁹⁵ R 10 VIII/55, л. 12 и сл.
- ⁹⁶ *Ibidem*, курсив в ориг.
- ⁹⁷ *Ibidem*, курсив в ориг.
- ⁹⁸ 21 июля 1944 г. Гиммлер был назначен начальником вооружения сухопутных сил и командующим армией резерва, а 1 октября 1944 г. получил в свои руки службу по делам военнопленных, см. гл. XII, 1; фон дер Бах был его начальником штаба.
- ⁹⁹ Приказ начальника вооружения сухопутных сил и командующего армией резерва от 2.11.1944 г., ARG 1945, S. 37, RD 89/15–7–.
- ¹⁰⁰ Памятка об «отношении к военнопленным из восточных народов», изданная генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы, ОКВ, Немецким Трудовым Фронтом и ProMi, V.I. 22/265 от 11 мая 1943 г., BA NSD 3/16, S. 542 f.
- ¹⁰¹ Об этом см. гл. XI, 6, а.
- ¹⁰² См. гл. VIII, 3, б.
- ¹⁰³ Приказ отдела S I A 1 а РСХА №467/42 от 16 февр. 1942 г., подпис. Штрекенбахом (его фрагменты любезно предоставлены прокурором Берлина, господином Хаусвальдом).
- ¹⁰⁴ Приказ отдела IV A 1 с IV управления РСХА №2468/42 секр. (предоставлен господином прокурором Хаусвальдом). – По приказу отдела IV A 1 с РСХА №2468/42 секр. от 31 июля 1942 г. деятельность айнзацкоманд на территории рейха была прекращена, однако чиновники гестапо и в дальнейшем должны были поддерживать связь со стационарными лагерями, чтобы по просьбе комендантов проверять «подозрительные элементы»: R 58/1298.
- ¹⁰⁵ Приказ отдела IV A 1 с РСХА №2468/42 секр. от 27 апреля 1942 г. (предоставлен господином прокурором Хаусвальдом); приказ отдела по делам военнопленных №1155/42 секр. от 5 мая 1942 г., RW 6/v. 272.
- ¹⁰⁶ *KTB OKW*, II, 1 (1942), S. 341.
- ¹⁰⁷ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ №92/42 сов. секр., курсив в ориг. Дата устанавливается на основании приказа отде-
- ла IV A 1 с РСХА № 2468/42 секр. от 2 июня 1942 г. и соответствующего приказа об исполнении РСХА, оба – RW 6/v. 272.
- ¹⁰⁸ *Ibidem*.
- ¹⁰⁹ Приказ отдела IV A 1 с РСХА №3536/42 секр. от 20 октября 1942 г., NO-2140. – Комиссары были «уничтожены трудом»: см. Gisela Rabitsch, «Mauthausen», S. 67.
- ¹¹⁰ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ №92/42 сов. секр., RW 6/v. 272.
- ¹¹¹ Донесения штаба 11-й армии: RH 19 VI/457. Далее 47-й танковый корпус (в составе 2-й танковой армии) в августе и сентябре 1942 г. передал 86 военнопленных: XXXXVII. PzK/26308/20. – 3-я танковая армия в период с июля 1942 по май 1944 г. передала по меньшей мере 589 военнопленных: донесения в PzAOK 3/27140/11; -/41967/11. – Группа Вейса или 9-я армия передала в апреле-июле 1943 г. 471 военнопленного: AOK 9/34426/12.
- ¹¹² Копия любезно предоставлена господином прокурором Хаусвальдом.
- ¹¹³ То есть «особых приказов» №8 и 9.
- ¹¹⁴ «Протокол...», *Ibidem*. – Из протокола со всей ясностью следует, что именно айнзацкоманды решали – жить пленным или умереть, а РСХА лишь формально давало добро на предложение о казни.
- ¹¹⁵ По сделанному под присягой заявлению начальника айнзацгруппы «Д» Олендорфа от 5 ноября 1945 г. военнопленные еврейской национальности в течение всей восточной кампании «отбирались» и расстреливались: 2622-PS.
- ¹¹⁶ *IMG*, XXIX, S. 133 (1919-PS). – Когда в июле 1943 г. в «русском лагере» гамбургской больницы русские начали выступать против распоряжений врача и бунтовать, команда гестапо расстреляла на месте 8 «зачинщиков». Гиммлер телеграммой выразил своё одобрение соответствующему инспектору полиции и СС, поставив его поведение в пример другим инспекторам полиции и СС и начальникам главных управлений: «Малейшее непослушание или неповиновение среди иностранцев не должно остаться безнаказанным... Только так вы и должны постоянно поступать» (R 70 SU/26, л. 19).
- ¹¹⁷ Приказ отдела по делам военнопленных №389/42 секр., RW 6/v. 272. То же самое было повторено в приказах №1155/42 секр.

от 5 мая 1942 г. (*ibidem*) и №4277/42 секр. от 14 дек. 1942 г. (в приказе отдела IV A 1 с РСХА №807/42 секр. от 28 дек. 1942 г., *BA R 58/1298*).

¹¹⁸ См. выше прим. 104.

¹¹⁹ Приказ начальника службы по делам военнопленных в ОКВ №278/43 секр. от 28 января 1943 г., предоставленный господином прокурором Хаусвальдом.

¹²⁰ Как правило, это были кражи еды или одежды, ибо пленным по необходимости нужно было в чём-то ходить. По условиям Женевской конвенции пленные за соответствующие проступки могли быть наказаны только *по решению суда*.

¹²¹ Приказ отдела IV A 1 с РСХА №2920 В/42 секр. от 30 марта 1943 г., NO-2141.

¹²² *Ibidem*.

¹²³ Приказ отдела IV A 1 с РСХА №2468 В/42 секр. от 3 сентября 1942 г., NO-2137.

¹²⁴ См. прим. 154 к гл. VI.

¹²⁵ О польском особом уголовном праве см. Broszat, *Polenpolitik*, S. 138 ff.

¹²⁶ Документ отдела II A 2 РСХА №567/42 секр. от 5 ноября 1942 г., подпис. Штрекенбахом, к инспекторам полиции и СС, R 58/1298.

¹²⁷ Цитата в упомянутом выше приказе Штрекенбаха. – Об этой теме см. Broszat, *Der Staat Hitlers*, S. 420–422. – Этому предположительно способствовал также Олендорф, который, вернувшись с Востока в РСХА, с подозрением следил за приговорами военных судов и сообщал о слишком мягких приговорах, с одной стороны, министру юстиции Тираку, с другой – в партийную канцелярию (об этом см. фонд *BA R 22/4203*). В самом деле, часто случалось, что военные суды поначалу выносили довольно мягкие приговоры за кражу советскими военнопленными продуктов; см. случаи, приведенные в письме Олендорфа Клопферу в партийную канцелярию от 22 ноября 1942 г. (*ibidem*).

¹²⁸ См. прим. 154 к гл. VI.

¹²⁹ См. донесение аугсбургского отделения в бюро мюнхенского гестапо от 13 января 1944 г.: Троиш вырвавшихся на свободу советских военнопленных опять схватили. Они украли немного хлеба, масла и мяса, а также 3-х кроликов («стоимостью 150 рейхсмарок»); кражу одежды доказать не удалось.

Занимавшийся этим делом чиновник гестапо внёс предложение «ввиду общего поведения обвиняемых... подать в РСХА заявку на особое обращение» (RH 49/v. 27).

¹³⁰ По условиям Женевской конвенции офицеры и унтер-офицеры не обязаны были работать. Этого права были лишены советские военнопленные; перемена в этом отношении среди прочего сказалась и на других пленных.

¹³¹ О негативном влиянии, которое обращение с советскими военнопленными оказало на обращение с другими военнопленными, см. также гл. XI, 5, а.

¹³² Приказ отдела IV D 5 d РСХА №61 В/44 сов. секр., подпис. Мюллером, *IMG*, XXVII, S. 424–428 (= 1650-PS). – В рамках реорганизации РСХА отдел IV A 1 с был преобразован 24 мая 1943 г. в отдел IV D 5 d. Кёнигсхаус сохранил свои полномочия. То, что в его отделе «занимались» теперь также побегам других пленных, объясняется негативным влиянием обращения с советскими военнопленными.

¹³³ Rabitsch, «Das KL Mauthausen», по ней и следующее.

¹³⁴ См. подробное описание у Ганса Маршаллека (*Die Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen*, S. 201–207). Маршалек считает, что из 5040 узников, убитых в ходе операции «Пуля», 4300 были советско-русскими. – 2 февраля 1945 г. несколько сотен пленным, – почти исключительно советские офицеры, – вырвались на свободу. 419 из них удалось покинуть территорию лагеря, хотя многие из-за истощения смогли пройти всего несколько сотен метров. Преследование беглецов продолжалось три недели; при участии населения эта «охота» завершилась кровавой оргией. Захваченные пленные были частью расстреляны на месте, частью замучены до смерти. Только 17 пленным схватить так и не удалось. 9 из них остались в живых. Они добрались в Чехословакию до советских войск или были спрятаны австрийскими и чешскими крестьянами.

¹³⁵ См. приказ начальника службы по делам военнопленных в ОКВ №2149/42 секр. от 4 июля 1942 г., подпис. фон Гревеницем, *BA R 41/172*, л. 151. В нём говорилось, что о советских офицерах нельзя якобы судить

- «по принятым в европейских странах меркам», поскольку они «из-за отсутствия соответствующих традиций, выправки, воспитания и образования ничем не отличаются от общей массы рядового состава». А потому нет никаких оснований обращаться с ними лучше, чем с самым последним по званию пленным другой национальности. По этой причине все офицеры не старше 45 лет привлекались к работам, правда, при соблюдении особо строгих мер безопасности.
- ¹³⁶ Приказ отдела по делам военнопленных в ОКВ № 389/42 секр. от 24.03.1942, RW 6/v. 272.
- ¹³⁷ Приказ отдела по делам военнопленных, цит. по: V.I. 38/487 от 28 августа 1943 г., BA NSD 3/16, S. 541 f.
- ¹³⁸ Приказ отдела по делам военнопленных № 539/42 от 16 янв. 1942 г., подпис. Брейером, R 70 NL/71.
- ¹³⁹ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 3142/42 от 20 июля 1942 г., *IfZ* MA 553, V. 4826 f. Выполнение было распланировано с бюрократической точностью: немецкий медицинский персонал не должен был к этому привлекаться, добротность татуировки требовалось проверять несколько раз и «в случае необходимости обновлять её», ланцеты и китайскую тушь следовало брать в медицинской аптечке, дату выполнения операции отмечать в личном деле. Всё это, правда, «не должно было мешать» трудовому процессу.
- ¹⁴⁰ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 8503/42 от 3 августа 1942 г., Wi/IF 5.530.
- ¹⁴¹ *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7199–7202.
- ¹⁴² См. Wilhelm Wengler, «H. J. Graf von Moltke (1906–1945)» in: *Die Friedenswarte* 48 (1948), S. 301.
- ¹⁴³ *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7199–7202 (показание Рейнеке).
- ¹⁴⁴ Т. е. Рейнеке или отдел по делам военнопленных.
- ¹⁴⁵ Приказ отдела IV A 1 с РСХА № 3536/42 секр. от 20 октября 1942 г., NO-2140.
- ¹⁴⁶ Последний подтверждаемый документально случай касается 2-х советских военнопленных, которые 21 ноября 1944 г. были «переведены» штуртартским бюро гестапо в Дахау: письмо штуртарт. бюро гестапо в концлагерь Дахау от 28 дек. 1944 г. (архив Международной Сысской Службы в Арользене).
- ¹⁴⁷ Приказ отдела IV A 1 с РСХА № 2652/43 секр. от 7 апреля 1943 г., R 58/1299.
- ¹⁴⁸ Со слов представителя РСХА на съезде айнзацкоманд в генерал-губернаторстве в январе 1943 г., см. прим. 112.
- ¹⁴⁹ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 853/43 секр. в приказе отдела IV A 1 с РСХА № 2652/43 секр. от 7 апреля 1943 г., R 58/1299.
- ¹⁵⁰ *Ibidem.* – Об этом см. директивы имперского министерства юстиции президентам верховных земельных судов и генеральным прокурорам от 14 января 1943 г. по поводу уголовного преследования в случаях связи немецких женщин с военнопленными: *IfZ*, MA-553, лл. 4805–4810.
- ¹⁵¹ Сообщение господина генерального прокурора Хаусвальда на основании свидетельских показаний на процессе по делу Кёнигсхауза.
- ¹⁵² Приказ отдела по делам военнопленных № 389/42 секр. от 24 марта 1942 г., RW 6/v. 272.
- ¹⁵³ Приказ отдела по делам военнопленных № 1155/42 секр. от 5.05.1942 г., RW 6/v. 272.
- ¹⁵⁴ Приказ отдела IV A 1 с РСХА № 2920/43 секр. от 30.03.1943 г., NO-2141.
- ¹⁵⁵ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 979/43 секр. в приказе отдела IV A 1 с РСХА № 2848/43 секр. от 6 мая 1943 г., R 70 NL/71. Перевод этих военнопленных в стационарный лагерь для офицеров XIII D Нюрнберг, как того, очевидно, требовали в качестве компромиссного решения некоторые коменданты лагерей, был категорически запрещён. – 12 июня 1944 г., резюмируя вышедшие ранее приказы, было ещё раз подчеркнуто, что «отказывающихся работать» советских офицеров следует передавать в СД: приказ начальника службы по делам военнопленных № ?/44 от 12 июня 1944 г., UK-21 (в BA/MA № 54/14).
- ¹⁵⁶ См. Janis Schmelzer, *Das hitlerfaschistische Zwangsarbeitssystem und der antifaschistische Widerstandskampf der ausländischen Kriegsgefangenen und Deportierten (1939–1945)*, Diss. Phil. Halle-Wittenberg 1963, S. 181–189. Шмельцер, правда, приписывает БСВ большие успехи. Однако он упускает из виду обстоятельство, что, – преувеличенная им, – низкая производительность труда пленных в значительной мере объяснялась

их физической слабостью, о чём довольно часто говорилось в современных источниках, как и вообще о готовности по меньшей мере значительной части пленников больше работать при лучшем питании. – Поскольку ни в ВА, ни в ВА/МА достойных упоминания источников нет, придётся ограничиться этим замечанием.

¹⁵⁷ См. переписку между стационарным лагерем VII А и бюро мюнхенского гестапо, RH 49/v. 27.

¹⁵⁸ См. докладную записку начальника заводской полиции концерна Круппа фон Бюлова от 7 октября 1943 г. (NIK-12 362) о беседе с представителем службы по делам военнопленных. Речь при этом шла об одном советском военнопленном, который высказался по поводу немцев в том смысле, что скоро, мол, в Германии всё будет разрушено, всем мастерам перережут глотки и пленные будут тогда жить в нормальных домах, а немцы – в бараках. После того как фон Бюлов узнал, что передача в гестапо означала *неминуемый* смертный приговор, оба участника разговора пришли к единому мнению, что «в данном случае это будет вполне справедливой карой». – По приказу ОКВ о передаче в гестапо при повторной поимке бежавших пленников следовало сообщать работодателю: «*сборник приказов*», № 32 от 15 янв. 1944 г., RW 6/v. 270.

¹⁵⁹ Письмо руководства концерна «БМВ Флюг-моторенбау» № 55/43 секр. от 19 ноября 1943 г. в бюро абвера в VII корпусном округе и пр. с приложением: ВА/МА RH 49/v. 27. – Подобного рода проблемы можно было решать и по другому. В октябре (?) 1944 г. представитель имперского министерства вооружения и боеприпасов обратился в учреждение по вооружению с предложением предоставлять в распоряжение военнопленных, в особенности советских, малоценные отходы, чтобы они могли заниматься делом и перестали воровать материалы: ВА R 3/1820. – 7 марта 1944 г. дирекция концерна «Даймлер-Бенц АГ» обратилась к начальнику технического отдела в имперском министерстве вооружения и боеприпасов Зауру с жалобой на поведение французских пленников. Эти пленные, «как политически крайне опасные элементы», среди прочего настаивали на соблюдении рабочего времени.

Предприятие призывало Заура оказать содействие в том, «чтобы такие силы больше не направлялись в оборонную промышленность, чтобы их подвергли соответствующему обращению и объяснили, как должны себя вести солдаты побеждённого государства». В имперском министерстве вооружения и боеприпасов это письмо было использовано в качестве предлога для «совещания СС»: письмо дирекции концерна «Даймлер-Бенц АГ» от 7 марта 1944 г. Зауру, с приложениями и комментариями, ВА R 3/1820, л. 198 и сл.

¹⁶⁰ Об этом см. далее.

¹⁶⁰ См. письмо окружной группы угольной промышленности Рура в имперское объединение угля от 15 июля 1944 г. и письмо имперского объединения угля генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы от 22 июля 1944 г.: бежавших «остарбайтеров» следует не передавать в гестапо, а опять направлять в горное дело: R 10 VIII/55. – Об устремлениях некоторых предпринимателей см. усилия по поводу штрафного лагеря «Дехеншуле» в концерне Круппа в октябре 1943 г.: NIK-15377, NIK-15383, NIK-9803; D-144. – См. ещё требующие рассмотрения предложения по повышению производительности труда военнопленных со стороны имперского министерства вооружения и боеприпасов, гл. XI, 5, б.

¹⁶² В зоне ответственности вермахта также существовали штрафные лагеря для «не желающих работать»: приказ отдела по делам военнопленных от 12 июня 1944 г., UK-21 (в № 54/14). Более об этом сказать нечего.

¹⁶³ См. приведенную выше в прим. 100 памятку об обращении с пленными и высказывания Гиммлера в его речи перед группенфюрерами СС в Познани 4 октября 1943 г.: *IMG*, XXIX, S. 122 f. (1919-PS).

¹⁶⁴ См., например, его показания по поводу ещё требующего рассмотрения приказа отдела по делам военнопленных № 3879/42 от 19 августа 1942 г., *OKW-Proz.*, Prot. dt., S. 7234, и показания его начальника штаба подполковника Константина фон Бегвелдина, *Ibidem*, S. 7492.

¹⁶⁵ Огромное множество важных приказов вообще сохранилось только таким образом.

¹⁶⁶ Приказ общего управления ОКВ от 24 сент. 1941 г., в R 113/41 от 26 сент. 1941 г., NSD

- 3/14, S. 524 f. – Для изображения «политических проблем», при которых требовалась помощь партии, приведём случай, имевший место в верхнебаварском горнодобывающем районе Пенцберг. Там в октябре 1943 г. из одной рабочей команды бежали советские военнопленные офицеры. В результате этого крайслейтер и ландрат пытались добиться от гауляйтера и бюро мюнхенского гестапо удаления из этих мест рабочей команды. Командант стационарного лагеря VII А по связанному с использованием рабочей силы причинам выступил против этого. Однако бюро гестапо настояло на удалении пленных, поскольку использование «вероятных коммунистов» в «ранее заражённой коммунизмом области» недопустимо: см. подробное описание этого события в *ВА/МА RH 49/v. 27*.
- ¹⁶⁷ V.I. 44/585 от 22 июня 1942 г., NSD 3/14, S. 535 f., курсив в ориг.
- ¹⁶⁸ По моему мнению, это единственный случай, где об этом было упомянуто в сопроводительном письме партийной канцелярии.
- ¹⁶⁹ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 2916/42 от 26 июня 1942 г., Wi/IF 5.530, также как и V.I. 56/751 от 14 авг. 1942 г.: NSD 3/14, S. 543 f.
- ¹⁷⁰ *Ibidem*, курсив в ориг.
- ¹⁷¹ Приказ отдела по делам военнопленных № 3879/42 от 19 августа 1942 г. в: R 135/42 от 4 сентября 1942 г., NSD 3/14, S. 542 f.
- ¹⁷² Messerschmidt, *Wehrmacht im NS-Staat*, S. 463.
- ¹⁷³ Приказ отдела по делам военнопленных № 9969/42 от 16 ноября 1942 г. в: R 185/42 от 27 ноября 1942 г., NSD 3/14, S. 526–528.
- ¹⁷⁴ Приказ чиновника для особых поручений при начальнике ОКВ № 2704/43 в распоряжении № 35/43 от 23 мая 1943 г., NSD 3/16, S. 479–481. Здесь в заглавии *впервые* появляется должность «чиновника для особых поручений при начальнике ОКВ», которым являлся направленный в качестве офицера связи в общее управление ОКВ министеряль-директор Пассе. По показанию Рейнке он, как посредник Бормана, нес ответственность за все отданные с 1941 г. приказы такого рода. – Этот «чиновник...» (z. b. V/ Chef OKW) был представителем партийной канцелярии при начальнике верховного командования вермахта. – *Прим. перев.*
- ¹⁷⁵ R 163/43 от 25.11.1943 г. В нём – последовательно рассмотренный приказ начальника службы по делам военнопленных № 11082/43 от 26.10.1943 г., NSD 3/16, S. 481–484.
- ¹⁷⁶ *Ibidem*, курсив в ориг.
- ¹⁷⁷ Приказ начальника службы по делам военнопленных от 13 мая 1944 г. в: V.I. 19/158 от 30 июня 1944 г., NSD 3/17, S. 294, курсив в ориг.
- ¹⁷⁸ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 4440/44 от 17 августа 1944 г. в: B. 243/44 от 13 сентября 1944 г., NSD 3/18, S. 278–283.
- ¹⁷⁹ Об институте НСФО см. Messerschmidt, *Wehrmacht im NS-Staat*, S. 441–480, а также исследования Вальдемара Бессона и Герхарда Л. Вайнберга, см. прим. 15 к гл. V. Рейнке был начальником национал-социалистского руководящего штаба в ОКВ.
- ¹⁸⁰ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 4440/44 от 17 августа 1944 г., NSD 3/18, S. 281, курсив в ориг.
- ¹⁸¹ Документ имперского министерства вооружения и боеприпасов от 23 декабря 1943 г., подпис. Шпеером, R 3/1818, лл. 164–167.
- ¹⁸² Это весьма примечательное распоряжение. По имеющимся основаниям продовольственное положение интернированных итальянцев к этому времени уже резко ухудшилось (см. NI-3420), так что неработоспособность играла по меньшей мере такую же роль, как и отсутствие готовности помогать бывшему союзнику одержать победу, которая только увеличила бы продолжительность нынешнего рабства. Партийные и хозяйственные органы, которые отсылали такого рода донесения в ставку фюрера, должны были знать, что низкая производительность труда была вызвана не одной лишь «ленью».
- ¹⁸³ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 1006/44 от 28 февраля 1944 г., подпис. фон Гревеницем, R 3/1820, л. 114.
- ¹⁸⁴ Приказ имперского министерства вооружения и боеприпасов от 10 мая 1944 г., R 3/1820, л. 352 и сл.
- ¹⁸⁵ R 3/1820, лл. 298–300, без даты, примерно сентябрь–октябрь 1944 г.
- ¹⁸⁶ См. рецензию ответственного за условия трудовой деятельности отдела управления военной экономики и вооружения от 17 октября 1944 г.; документ II отдела управле-

- ния военной экономики и вооружения от 23 октября 1944 г.: *Ibidem*, лл. 271 и сл., 296 и сл. – Сомнения возникали в отношении бригадира, которого «жестоко избьют сами советские люди», если он получит за свою работу какую-нибудь льготу; производственные добавки также сочли сомнительным средством, поскольку «среди советских людей царит относительное товарищество» и от добавок откажутся, если их не получат все (л. 271).
- ¹⁸⁷ Документ начальника службы по делам военнопленных № 71/45 секр. от 9 января 1945 г. (2 письма), RH 49/v. 80.
- ¹⁸⁸ См. соответствующие приказы о вербовке, *Ibidem*.
- ¹⁸⁹ См. цитированный выше приказ Гальдера от 3 апреля 1941 г. (прим. 73 к гл. V), а также цитированные требования Рейнеке от 4 сентября 1941 г. (прим. 228 к гл. VII).
- ¹⁹⁰ «ИГ Фарбен АГ» в Освенциме, отчёт за неделю № 72/73 (5–18 октября 1942 г.), NI-15254.
- ¹⁹¹ Докладная записка начальника заводской полиции фон Бюлова, D-144.
- ¹⁹² Если в последующем концерн «Фюрстлих Плессише Бергверкс АГ» стоит на первом месте, то это объясняется в первую очередь тем, что в ВА содержатся уцелевшие документы этого предприятия. В какой мере позиция концерна характерна для всей верхнесилезской горной промышленности, установить невозможно.
- ¹⁹³ Из протоколов совещаний директоров предприятий 29.10 и 30.11.1942 г., цит. по письму Брукмана к директорам предприятий и комендантам лагерей от 11 января 1944 г., *VA Ost 27/29*.
- ¹⁹⁴ *Ibidem*.
- ¹⁹⁵ Письмо администрации горнодобывающих предприятий Верхней Силезии RWHG министерскому советнику Клаассену от 31 июля 1943 г. (*ibidem*).
- ¹⁹⁶ Циркулярное письмо окружной группы Верхней Силезии от 31 августа 1943 г. (*ibidem*).
- ¹⁹⁷ *Ibidem*. (Цитата из письма начальника службы содержания военнопленных).
- ¹⁹⁸ На рудниках «Пястшехте АГ» и «Рейхсверке» военнопленные лагерные полицейские, «видимо, из чувства лагерного товарищества», отказались от участия в неравномерном рас-

пределении пищи. Концерн «Плессише Бергверкс АГ» потребовал от вермахта принять соответствующие меры: письмо «Пястшехте» Брукману от 5 августа 1943 г.; письмо «Плессише Бергверкс АГ» в окружную группу Верхней Силезии от 10 августа 1943 г. (*ibidem*).

¹⁹⁹ Записка доктора Птока от 12 ноября 1943 г. (*ibidem*).

²⁰⁰ См. гл. XI, 6, г.

²⁰¹ 1 июля 1943 г. концерн «Плессише Бергверкс АГ» запросил у окружной группы Верхней Силезии – учтены ли в выделяемой стационарным лагерем на питание военнопленных сумме в размере 0,90 рейхсмарок в день на одного военнопленного «также побочные расходы на приобретение и приготовление пищи». 14 июля 1943 г. окружная группа присоединилась к этому мнению. Хотя Немецкий Трудовой Фронт, который также был запрошен по этому поводу, и заявил 24 июля, что «ни при каких обстоятельствах нельзя финансировать из выделяемых на продовольствие сумм какие-либо иные побочные расходы», руководство фирмы решило и впредь покрывать за счёт этой суммы по крайней мере расходы на персонал столовых: *VA Ost 27/28*. Это имело довольно важное значение. Ведь средства на указанные органами снабжения продукты питания оказывались меньшими, чем выделяемая стационарным лагерем сумма. Однако, за счёт остатка можно было приобретать такие бесхозные продукты питания, как брюква или овощи, чтобы улучшить питание пленных, как это и делали некоторые предприниматели. Как следует из обобщающего указания директора Брукмана от 11 января 1944 г., даже входившие в I группу военнопленные не получали высшего из предписанных имперским министерством продовольствия рационов («для горняков дневной смены»), но только второй по значимости («для занятых на тяжёлых работах») с производственной добавкой. В I группу были включены только сдельные рабочие, производившие 80 % выработки. Посменные рабочие, производившие менее 80 %, были включены в III группу и получали только рационы для занятых на *тяжёлых работах* рабочих, хоть они и работали в дневную смену: письмо концерна «Плессише Берг-

веркс АГ» в окружную группу Верхней Силезии от 10 авг. 1943 г.; циркулярное письмо окружной группы Верхней Силезии от 31 авг. 1943 г.; письмо Брукмана руководству рудников от 11 января 1944 г.: Ost 27/29.

²⁰² Когда в июне 1942 г. было подготовлено повторное введение в эксплуатацию угольного карьера в Донец-Бекене, Плейгер договорился с генерал-квартирмейстером Вагнером о том, чтобы для 60 000 советских военнопленных, которые будут там заняты, «всякая продовольственная добавка, которая превышала бы размеры минимального рациона (в то время 300 г хлеба в день [то есть максимум 735 калорий!]), выдавалась только в виде продуктивной добавки». – Согласно более позднему приказу Вагнера об исполнении эти пленные должны были получать рационы от 2 декабря 1941 г. (см. таблицу на стр. 138–140) «при самом широком предоставлении добавок рабочим, занятым на тяжёлых работах» (то есть максимум 2760 калорий): записка [генерал-квартирмейстера] о беседе между Вагнером и Плейгером от 16 июня 1942 г. и приказ генерал-квартирмейстера сухопутных сил № II/4238/42 секр. от 25 июня 1942 г., BA/MA RH 22/v. 109. – Следствием этой убийственной эксплуатационной политики было то, что из 26 000 пленных, которые с сентября 1942 г. использовались в Донецком горном деле, из-за ежемесячной смертности в 12,5 % вскоре осталось всего 8 000 человек: 3012-PS. – Ридель (Riedel, Eisen und Kohle) опускает этот аспект деятельности Плейгера.

²⁰³ Доклад Норкуса от 12 апр. 1943 г., NI-3042; предложение Норкуса от 31 мая 1943 г., NI-3057.

²⁰⁴ NI-3057.

²⁰⁵ Ibidem.

²⁰⁶ Ibidem.

²⁰⁷ Эти директивы окружная группа Рура переслала своим членам в виде циркулярного письма № 610 от 30 декабря 1943 г. (NI-3048), а окружная группа Верхней Силезии – 31 января 1944 г.: Ost 27/28.

²⁰⁸ Выработку в 60% от выработки среднего немецкого рабочего следовало поощрять выплатой 0,20 рейхсмарок (в лагерных деньгах). При более высокой выработке соответственно росла и премия, достигая 1,00 рейхсмарки при 100%. Рабочим за эти

деньги разрешалось покупать: пиво, лимонад, табак-махорку, семечки, сырой салат, свеклу, лезвия, расчёски, нитки, карандаши (ibidem).

²⁰⁹ Ibidem. – Эти методы, по-видимому, возникли в горной промышленности Рура, см. циркулярное письмо окружной группы Рура № 610 от 30 декабря 1943 г., NI-3048.

²¹⁰ См. циркулярное письмо окружной группы Верхней Силезии от 31 января 1944 г., Ost 27/28.

²¹¹ Цитата из циркулярного письма окружной группы Верхней Силезии от 23 марта 1944 г., Ost 27/29, где говорится о конфликте по поводу продуктивного питания. – В военном дневнике инспекции по вооружению VIII b в Катовице под 24 апреля 1944 г. находится заметка о беседе инспектора по вооружению с начальником штаба начальника службы содержания военнопленных: «Между охраной и работодателями зачастую случаются трения. Питание военнопленных оставляет желать лучшего. Особенно велика убыль из-за недоедания и заболеваний туберкулёзом в горной промышленности. Меры по оказанию помощи подробно рассмотрены» [BA/MA, RW 20-8/34].

²¹² См. циркулярные письма окружной группы Рура от 29 января и 19 апреля 1943 г., BA R 10 VIII/56, лл. 36 и сл., 41. – Письмо отдела пропаганды вермахта в имперское объединение угля от 18 июня 1943 г.: NID-12962. – Письмо администрации рудника «Фюрстенгрубе» в 515-й стрелковый батальон охраны тыла в Сосновице от 17 июля 1943 г.: NI-10519. – Письмо отдела пропаганды вермахта от 15 сентября 1943 г. генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы и в имперское объединение угля: стационарный лагерь VI G Бонн сообщает: «Жалобы на избиения советских военнопленных и издевательства над ними по-прежнему весьма многочисленны на предприятиях горной промышленности. Все предпринятые меры оказались безуспешными». – См. далее особенно ценные письма в имперское объединение угля отдела по делам военнопленных от 4 сентября 1944 г. (NI-2812) и окружной группы Верхней Силезии от 19 октября 1944 г. (NI-2809). – Далее письмо начальника службы по делам военнопленных в имперское объединение

угля от 2 ноября 1944 г.: NI-1663, NI-1664. – Письмо имперского объединения угля в окружную группу угольной промышленности Центральной Германии от 8 декабря 1944 г.: NI-1968.

²¹³ Соответственно окружная группа Рура также старалась искоренять «пороки», см. циркулярные письма № 43 от 29 января 1943 г. и № 32 от 19 апреля 1943 г., R 10 VIII/56, лл. 36 и сл., 41 и сл. В первом письме говорится: «Со стороны вермахта и гражданских учреждений по прежнему поступают жалобы на то, что обращение с русскими военнопленными на некоторых шахтах всё ещё оставляет желать лучшего, что побои и издевательства не прекращаются, что отсутствует всякое человеческое обращение.

Из этого следует, что отсутствует не только справедливое отношение к доверенным военнопленным, но и вообще интерес к ним. Иначе как можно объяснить ежедневную убыль рабочей силы из-за смертности и вывоза совершенно истощённых и умирающих людей, которая продолжается уже целый месяц?».

²¹⁴ Концерн «ИГ Фарбен Верк» в Брюксе добился «после переговоров со стационарным лагерем IV Е Вистриц близ Теплиц-Шёнау разрешения бить за нарушение дисциплины также и французских военнопленных». Руководство концерна рекомендовало «отдельным предприятиям договориться о том же с соответствующими стационарными лагерями» (протокол заседания от 4 марта 1943 г., NI-7110).

²¹⁵ См. далее.

²¹⁶ См. прим. 195.

²¹⁷ Это и следующее даётся по письму имперского объединения угля в окружную группу Верхней Силезии от 22 ноября 1944 г., NI-1970.

²¹⁸ Договорились о *месячном* доходе в размере 2000 рейхсмарок (основная зарплата: 1600 рейхсмарок, деньги за жильё 250 рейхсмарок, надбавка за работу не по месту жительства 150 рейхсмарок): NI-1970. В то же время общее жалование министеряль-директора категории А 1 а (жена, ребёнок, престижный населённый пункт) составляло (включая доплату за жильё) 1165 рейхсмарок: по состоянию на апрель 1941 г., *Stat. Jb. f. d. Dr. Reich*, 1941/42, S. 407.

²¹⁹ Их объём не установлен, но имперское объединение угля было удовлетворено ходом событий, см. NI-1970.

²²⁰ Документ имперского объединения угля № 408/42 секр. от 23 июня 1942 г., R 10 VIII/54, л. 17 и сл. Следовало немедленно начать поставки на территорию рейха большого количества пленных: до 29 июня по 2000 человек в день, затем по 4000 и, наконец, с 1 июля 1942 г. – по 5000 человек в день. Из пленных должны были быть отобраны специалисты в области путей сообщения и вооружения, а «остальная масса» в той мере, в какой она была «пригодна ... в физическом отношении», – направлена в горное дело.

²²¹ 19 августа 1942 г. Плейгер в присутствии «глубокоуважаемого товарища Заукеля» сообщил о дальнейшей потребности в рабочей силе, причём выразил сомнение в том, что Заукелю удастся сдержать данное им 22 июля перед «Центральным Планированием» обещание до 22 августа поставить в горную промышленность 120 000 рабочих рук: R 10 VIII/52, лл. 78–80. Это сомнение человека, имевшего прямой доступ к Гитлеру, определённо должно было подстегнуть рвение Заукеля. – Плейгер и сам испытывал аналогичное давление. В мае–июне 1942 г. он потребовал ограничить потребление угля, вызвав тем самым резкую реакцию Шпеера: «Прежде чем мы проведём сокращение объёмов производства вооружения, нам следует вместе с Вами пойти к фюреру и чётко и ясно объяснить ему, что Вы не в состоянии добывать больше угля» [R 10 VIII/20, л. 44 и сл.].

²²² Об усилиях по сокращению расходов на советских военнопленных см. гл. XI, 6, г.

²²³ Тезисы [Плейгера] для совещания 21 июля 1942 г., R 10 VIII/19, лл. 185–187. То, что Геринг был участником разговора, следует из содержания.

²²⁴ Заметка Плейгера: «Необходимые решения Центрального Планирования», R 10 VIII/19, л. 49 и сл.; итоги 11-го заседания Центрального Планирования, R 3/1688, л. 62 и сл.

²²⁵ Письмо Плейгера Заукелю от 19 августа 1942 г., R 10 VIII/52, л. 78 и сл.

²²⁶ [Имперское объединение угля]: «Использование рабочей силы в угольной промышленности от 15 апреля – 22 августа 1942 г.», R 10 VIII/52, л. 83.

²²⁷ Проводя более гибкую, чем в 1941 г. оборону, Красная Армия в дальнейшем избегала «котлов».

²²⁸ Докладная записка доктора Фишера для Плейгера, 29 августа, R 10 VIII/54, л. 24.

²²⁹ *Ibidem*.

²³⁰ Письмо начальника службы по делам военнопленных № 2770/42 секр. от 17.08.1942 генеральному уполномоченному по использованию рабочей силы: R 41/172, л. 377; см. приказ фюрера от 13.05.1942, *Ibidem*, л. 379, и Boelcke, *Wollt Ihr den totalen Krieg?*, S. 328.

²³¹ Так, Фишер в заметке для Плейгера от 29 августа 1942 г. заметил: «Вам будет интересно узнать, что Рёхлинг [председатель имперского объединения железа] ежедневно получает для сектора «железо» один транспорт гражданских русских.

²³¹ Смета имперского объединения угля, R 10 VIII/52, л. 81.

²³³ *Ibidem*, л. 103.

²³⁴ См. график на стр. 274 и таблицу выше на стр. 245.

²³⁵ В ноябре 1942 г. в Вестфалии из сельского хозяйства были «переведены» 7500 военнопленных; ещё 8850 поступили из сельского хозяйства Восточной Пруссии, Нижней Силезии, Померании: *ibidem*, л. 98 и сл.

²³⁶ Документ инспектора по использованию рабочей силы для горной, а также металлургической и сталелитейной промышленности... от 1 июля 1943 г., R 10 VIII/54, л. 49.

²³⁷ Итоги 36-го заседания Центрального Планирования, 26.04.1943 г., R 10 VIII/19.

²³⁸ Протокол совещания у начальника общего управления ОКХ генерала пехоты Ольбрихта 29 мая 1943 г.: R 10 VIII/53, лл. 52–54. На нём среди прочих присутствовал Плейгер, а также представители ОКВ, генерального уполномоченного по использованию рабочей силы и имперского министерства экономики. – См. письмо имперского объединения угля № 316/43 секр. от 18 июня 1943 г., подпись Плейгером, Заукелю (*ibidem*), где Плейгер жалуется на донесения Заукеля, которые якобы передают лишь «чисто формальные достижения» генерального уполномоченного по использованию рабочей силы, но из которых не следует никаких практических выводов по поводу предоставленных в распоряжение горной промышленности сил. – Кроме того, возраставшее воз-

действие англо-американских авианалётов привело к тому, что ежедневная добыча угля в Рурской области сократилась до 362 000 т в мае – вместо запланированных 433 000 т – и 370 000 т в июне.

²³⁹ *Ibidem*.

²⁴⁰ См. заметки Шпеера о его беседе с Гитлером от 30 мая 1943 г.: Boelcke, *Deutschlands Rustung*, S. 267.

²⁴¹ Итоги 42-го заседания Центрального Планирования, R 10 VIII/19, л. 96 и сл. – В качестве средства для борьбы с «текучестью кадров», то есть прежде всего с побегами принудительно набранных рабочих, из кругов горной промышленности поступило предложение переводить пойманных беглецов в разряд военнопленных и использовать в горном деле (письмо начальника имперского объединения железа Рёхлинга Шпееру от 4 декабря 1943 г.). Шпеер запросил у Кейтеля – можно ли реализовать это «заманчивое предложение», но Кейтель отклонил его 21 марта 1944 г., заявив, что гражданские рабочие из западных враждебных нам стран пользуются «многочисленными льготами», в том числе защитой со стороны Международного Комитета Красного Креста. С «остарбайтерами» же эти сомнения отпадают, но органы службы по делам военнопленных просто не в состоянии охранять ещё каких-то военнопленных помимо уже имеющихся. Кейтель предложил организовать с помощью Кальтенбруннера «гражданские штрафные отряды», идея, которую обсудили в имперском министерстве вооружения и боеприпасов и которую начальник управления по вооружению генерал-лейтенант доктор Вегер назвал «весьма перспективной»: R 3/1820, лл. 370–375.

²⁴² R 10 VIII/19, л. 96 и сл. Одновременно было принято решение о мерах по повышению производительности труда, которые главным образом следовали предложениям окружной группы Рура (см. NI-3042; NI-3057).

²⁴³ Циркулярное письмо имперского объединения угля от 29 июня 1943 г.: NI-2840.

²⁴⁴ Побег «остарбайтеров» были возможны по той причине, что им в целях повышения производительности труда вынуждены были предоставлять большую свободу действий. Часто они убегали только для того, чтобы найти более сносное рабочее место, напри-

мер, в сельском хозяйстве. Если, несмотря на риск угодить за это в концлагерь или попасть на виселицу из-за «преступных последствий побега», количество побегов не уменьшалось, то это позволяет судить об условиях жизни и работы в горной промышленности.

²⁴⁵ Об этом см. гл. XI, 6, г.

²⁴⁶ То есть квоты, которую генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы предоставил в мае горной промышленности за счёт других секторов экономики.

²⁴⁷ NI-2840.

²⁴⁸ Плейгер уже 28 июня подготовил записку к предстоящему тогда докладу у Гитлера, но тот, судя по всему, не состоялся. К докладу 7 июля он подготовил ещё одну записку: R 10 VIII/19, л. 144–146; 136 и сл. Оба отрывка отпечатаны на «машинке фюрера».

²⁴⁹ См. об этом заметки Шпеера: Boelcke, *Deutschlands Rüstung*, S. 279.

²⁵⁰ См. приказ об исполнении № 02958/43 секр. от 8 июля 1943 г., подпис. Кейтелем: BA/MA RW 4/v. 763, л. 4 и сл., курсив в ориг.

²⁵¹ *Ibidem*, курсив в ориг. – Женщины и дети должны были поступать в распоряжение генерального уполномоченного по использованию рабочей силы. Большую часть их Гиммлер хотел использовать для работ на своих предприятиях по добыче каучука: приказ Гиммлера начальнику подразделений по борьбе с бандитизмом фон дер Бах-Зелевскому: NI-10400.

²⁵² Этот приказ, правда, был вскоре после этого ограничен подписанным Кейтелем приказом об исполнении. В нём говорилось: «При особо вероломных действиях бандитов и их пособников командиры рангом не ниже командира дивизии вправе заблаговременно распорядиться пленных не брать, а захваченных в процессе борьбы пленных и гражданских лиц расстреливать» (OKW/Nr. 03408/43 geh. WFSt/Op. (H) v. 18.08.1943, RW/4 v. 763, Bl. 25).

²⁵³ Плейгер, правда, выразил «сомнения по поводу возможности использования пленных партизан в угольной промышленности». Это следует из письма Заукеля Плейгеру от 8 сентября 1943 г. (NI-1515). Заукель предложил Плейгеру отбросить сомнения, поскольку «в любом случае последует проверка со стороны органов полиции».

²⁵⁴ Начальник управления по вооружению Вегер составил проект планируемого приказа фюрера и 26 июня 1943 г. передал его Плейгеру для ознакомления: R 10 VIII/54, лл. 44–47. В нём было высказано требование до 1 августа доставить на территорию рейха 250 000, а до конца 1943 г. ещё 200 000 советских военнопленных и «*остарбайтеров*», причём военнопленных должно быть по крайней мере 50 %. Непригодные для горного дела силы следовало направлять в *оборонную промышленность*. В соответствии с этим приказ от 8 июля требовал только пригодных к горному делу военнопленных.

²⁵⁵ Приказ отдела по делам военнопленных № 2760/43 секр. от 15 июля 1943 г., RW 4/v. 763, лл. 7–11.

²⁵⁶ См. документ 2-го квартирмейстера армейской группы Кемпфа № 1178/43 секр. от 21 июля 1943 г., АОК 8/ 42095/4.

²⁵⁷ Военный дневник команды по вооружению в Дюссельдорфе, август 1943 г., RW 21 – 16/14. См. военный дневник VI инспекции по вооружению в Мюнстере за июль 1943 г., RW 20 – 6/10.

²⁵⁸ Военный дневник VI инспекции по вооружению, сентябрь 1943 г., RW 20 – 6/10.

²⁵⁹ Документ главного управления имперского объединения угля по планированию и статистике от 19 ноября 1943 г., R 41/284, л. 166. – В бурогольной промышленности на 12262 поступивших приходилось 5504 «убывших». – В обоих случаях речь могла идти о потерях исключительно вследствие истощения, нероботоспособности, смерти или болезни.

²⁶⁰ Документ отдела энергии и горного дела [имперского министерства вооружения и боеприпасов] от 26 января 1944 г., R 3/1820, л. 3 и сл. Количество занятых в горном деле советских военнопленных увеличилось с 98391 (15.07.1943) до 165512 (15.02.1944) человек.

²⁶¹ Циркулярное письмо окружной группы Рура № 83 от 6 октября 1943 г., NI-12790. До сего времени окружная группа Рура получила 20000 советских военнопленных и должна была получить ещё 60 000 «интернированных итальянцев».

²⁶² Министр вооружения Шпеер приказал 7 марта 1944 г. перевести в горную промышленность 40 000 «интернированных итальянцев». Поскольку это дало «лишь

- незначительный эффект», 15 августа 1944 г. он вновь был вынужден распорядиться о переводе 50 000 советских военнопленных из всех отраслей экономики в горную промышленность: документ отдела I с группы III по использованию рабочей силы имперского министерства вооружения и боеприпасов № 335-2223/44 секр. от 15 августа 1944 г., R 3/1820, л. 548 и сл.
- ²⁶³ Итоги 58-го заседания «Центрального Планирования», R 10 VIII/19, л. 109 и сл. Об этом см. протокол заседания, R-124-Q. Плейгер опять-таки настаивал на советских военнопленных, поскольку интернированные итальянцы не выдерживают работы. Они просто физически к ней не приспособлены, не помогает даже грубое насилие.
- ²⁶⁴ То есть бывших военнопленных, которые записались в качестве добровольцев в различные «легионы», вроде «тюркского легиона», но из-за ненадёжности опять были переведены в разряд военнопленных.
- ²⁶⁵ Документ генерального уполномоченного по использованию рабочей силы № 5780.28/7202/44 секр., R 10 VIII/54.
- ²⁶⁶ Документы для беседы Плейгера с Кейтелем от 17 июля 1944 г., подготовленные управляющим делами имперского объединения угля Зогемайером, R 10 VIII/53.
- ²⁶⁷ Так, 15 августа 1944 г. Шпеер распорядился о переводе в горную промышленность 50 тыс. советских военнопленных или «остарбайтеров» (R 3/1820, л. 548 и сл.), но и это не ни к чему не привело.
- ²⁶⁸ См. выше таблицу на стр. 212 и сл. – В районе комиссии по вооружению VIII b в Катовице количество «убывших» пленных в июле–августе существенно превысило количество прибывших: отчёт от 11 августа, RW 20-8/35.
- ²⁶⁹ См. доклад, с которым представитель имперского объединения угля выступил в «Центральном Планировании» 8 ноября 1944 г.: «О ситуации с поставками угля на начало 1944 г.»: R 10 VIII/19.
- ²⁷⁰ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 4087/42 от 7 сентября 1942 г., Wi/IF 5.530. О происхождении этого распоряжения ничего не известно.
- ²⁷¹ Питание составляло 0,80 рейхсмарок, жильё – 0,20 рейхсмарок, жалование вместе с паушальным налогом – 0,43 рейхсмарок, итого – 1,43 рейхсмарки. Пленный получал 0,20 рейхсмарок в лагерных денгах.
- ²⁷² Письмо окружной группы угольной промышленности Рура от 11 янв. 1943 г. в отдел по делам военнопленных, BA R 2/5359.
- ²⁷³ Это подробное обоснование см. в *Op. cit.*
- ²⁷⁴ Любопытно, что это среди прочего было аргументировано тем, что в списках следует учесть то обстоятельство, «что после окончания войны придётся считаться с более высокими расходами на зарплату немецких горняков».
- ²⁷⁵ Тем не менее сведения о доходах крупных горнодобывающих предприятий свидетельствуют, что положение было не таким уж плохим. Так, концерн «Штейнколенбергверке АГ» в Эссене сообщил об увеличении своих доходов весной 1942 года с 63 до 75,6 млн. рейхсмарок (+ 20%), а «Гарпенер Бергбау АГ» – с 60 до 69 млн. рейхсмарок (+ 15%): *Ruhr und Rhein Wirtschaftszeitung*, 15.05. bzw. 3.07.1942, S. 231, 271.
- ²⁷⁶ D.R.d.F./We 3205/380 I от 15 марта 1943 г., R 2/5359.
- ²⁷⁷ Паушальный сбор в виде 10% от размера зарплаты был повышен в качестве компенсации за отпавшую необходимость вносить взносы за социальное страхование.
- ²⁷⁸ Из этого следует, что государство за работу примерно 90 000 советских военнопленных, которые к 1 января 1943 г. были заняты в горной промышленности, получало в день 162 000 рейхсмарок, а в месяц, – при 28 рабочих днях, ибо советским военнопленным только раз в 14 дней давался выходной, – около 4,536 млн. рейхсмарок.
- ²⁷⁹ Посчитано по образцовому столовому расчёту, который концерн «Штейнколенбергверке АГ» в Эссене направил 14 июля 1944 г. своей шахте в Дорстфельде: NI-3128. Рационы по сравнению с 1943 г. не изменились.
- ²⁸⁰ Исходя из расчёта в 300 рабочих дней, довольно много, см. прим. 278.
- ²⁸¹ Записка Бернгарда Вейса для Флика от 24 апреля 1941 г., R 10 VIII/57.
- ²⁸² Документ начальника вооружения сухопутных сил и командующего армией резерва № 6680/41 от 17 окт. 1941 г., USSR-422 (1) (в стандартном бараке на длительный срок).
- ²⁸³ При этом во внимание не принято то обстоятельство, что хозяйственные бараки уже были учтены в расходах на питание.

- ²⁸⁴ Письмо Плейгера Шверину фон Крозигу от 3 марта 1943 г., R 2/5359. На этом письме ещё следует остановиться подробнее.
- ²⁸⁵ D.R.d.F./We 3205/380 I от 15.03.1943, *ibid.*
- ²⁸⁶ Matthias Odenthal, *Die Entwicklung des Arbeitseinsatzes in Rheinland und Westfalen unter besonderer Berücksichtigung der Ausländer und Kriegsgefangenen 1938–1943*, hg. v. Rhein.-Westf. Inst. f. Wirtschaftsforschung, Essen, 1944, S. 67. Оденталь ограничивается периодом «до 15 мая 1943 г.».
- ²⁸⁷ NI-3042; NI-3057.
- ²⁸⁸ Опытный отчёт директора горнодобывающего предприятия Васкёнига в циркулярном письме окружной группы Верхней Силезии от 10 января 1944 г., BA Ost 27/29.
- ²⁸⁹ Если принять в расчёт расходы на жильё в 0,40 рейхсмарок, – вдвое больше установленной ОКВ суммы, – на питание в 0,80 рейхсмарок и добавить к этому самое неблагоприятное *линейное* сокращение «дополнительных расходов, исходя из минимальной производительности труда», то даже при 70-процентной выработке получится доход в 4,74 рейхсмарки, при 80-процентной – в 6,28 рейхсмарок, а значит при действовавшей в марте 1943 г. сумме отчислений получается значительная прибыль в 3,85 рейхсмарки.
- ²⁹⁰ Бусколь был среди прочего председателем правления концерна «Гарпенер Бергбау АГ», а позже – представителем Флика в имперском объединении угля и руководителем окружной группы Рура; Кнеппер был среди прочего председателем правления предприятий «Гельзенкирхенер Бергверкс АГ», «Бохумер Ферайнс» и «Дортмунд-Хёрдер Ферайнс», Тенгельман – председателем правления концерна «Штейнколенбергверке АГ» в Эссене, ещё одного предприятия Флика.
- ²⁹¹ Записка Б. Вейса для Ф. Флика от 24 апреля 1941 г., R 10 VIII/57.
- ²⁹² D.R.d.F./We 3205-380 I v. 15.03.1943, R 2/5359.
- ²⁹³ Письмо Плейгера, В 835 от 3 марта 1943 г., *ibidem*.
- ²⁹⁴ См. данные эксперта имперского министерства угля Норкуса: в феврале 1943 г. производительность труда составляла «около 55%»: NI-3042; NI-3057.
- ²⁹⁵ То, что это было существенным фактором для принятого тогда решения, следует из более поздней заметки в докладе Бендера (Referat 4/We 3205-434 I v. 28.09.1943, R 2/5359): на желание горной промышленности следует обратить более пристальное внимание, поскольку только это поможет избежать «угрожающего роста цен на уголь, которое поставит под угрозу всю ценовую политику рейха».
- ²⁹⁶ Письмо Плейгера от 3 марта 1943 г., *ibidem*.
- ²⁹⁷ D.R.d.F./We 3205-380 I от 15 марта 1943 г.
- ²⁹⁸ Крозиг, который завизировал проект, вычеркнул некоторые формулировки, чтобы придать ему более миролюбивый тон.
- ²⁹⁹ Заметка генерального уполномоченного по использованию рабочей силы № 1280/44 от 24 февраля 1944 г., *ibidem*.
- ³⁰⁰ Даже исходя из заведомо завышенных выплат, уже при 50-процентной выработке получается ежедневная прибыль в размере 0,48 рейхсмарок, а при 80-процентной выработке она доходит до 4,98 рейхсмарок.
- ³⁰¹ [RFM] Abt. I/Ref. 4/We 3205-434 I от 28 сентября 1943 г.
- ³⁰² D.R.d.F./We 3205-477 I от 20 марта 1944 г. и GBA/... № 1280 от 24 февраля 1944 г. – См. соответствующий приказ генерального уполномоченного по использованию рабочей силы: ARG 1944, S. 144, RD 89/15 -6-.
- ³⁰³ Представители Рурской горной промышленности заявили на переговорах, что «на пути производственных добавок до сих пор в большинстве случаев выплачивалось по меньшей мере 0,35 рейхсмарок», что вновь указывает на то, что средняя производительность труда была больше 70%.
- ³⁰⁴ 1,00 + 0,30 рейхсмарок паушального сбора в стационарный лагерь; 0,80 рейхсмарок на питание, 0,20 рейхсмарок на жильё, а также 0,35 рейхсмарок в качестве зарплаты пленным и максимум, – при 100%-й производительности труда, – 1,00 рейхсмарка в качестве производственной добавки.
- ³⁰⁵ Докладная записка [«ИГ Фарбен Верк»] Anorgana Gendorf от 9.11.1943, NI-2744.
- ³⁰⁶ Об этом см. замечания о ситуации с источниками во введении.
- ³⁰⁷ Следующие цифры приведены на основании данных издаваемых имперским министерством труда (с 1943 г. – генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы) списков *Der Arbeitseinsatz im Groß-Deutschen Reich* 1942 и 1944: BA RD 89/28 bzw. 1943: Inst. f. Weltwirtschaft, Kiel, Y 3650 1943.

³⁰⁸ Сюда включены также работы по ремонту имперских автомобильных и железных дорог.

³⁰⁹ Можно предположить, что эти пленные средне прочего использовались теперь на стратегически важных работах по строительству укреплений, очистке завалов и восстановлению.

³¹⁰ Хотя из сферы имперского министерства продовольствия и имперской продовольственной палаты важные документы и не сохранились, это объяснение всё равно может быть принято с высокой степенью достоверности, поскольку в источниках имперского министерства труда, министерства вооружения и «Центрального Планирования» нигде не говорится о преимущественных потребностях сельского хозяйства или специальных заготовительных акциях.

³¹¹ С августа 1943 г. мы располагаем данными с перерывом в три месяца. Резкий рост мог произойти и до февраля 1944 г.

³¹² Стационарный лагерь VI А Хемер был крупнейшим из лагерей, которые направляли советских военнопленных в лагеря горнодобывающих предприятий. Численность занятых там военнопленных возросла, – из-за акций, предпринятых горной промышленностью летом 1942 г., – с 8091 чел. 1 августа 1942 г. до 47 428 к 1 января 1943 г. До 1 августа 1943 г. она колебалась в пределах 48000 человек, а затем вновь стала расти: 1 сентября 1943 г. было зарегистрировано 64 250 пленных, 1 октября 1943 г. – 80 144. В период с декабря 1943 по сентябрь 1944 г. численность выросла до 85 000 человек, причём постоянная убыль одних пленных и приток других говорят о текучести рабочей силы вследствие болезней и смерти (например: с 1 июля по 1 сентября 1944 г. отмечено сокращение с 86 546 человек до 83 772). К 1 октября 1944 г. численность вновь выросла до 99 340 чел., а к 1 ноября 1944 г. – до 99 440 чел., достигнув абсолютного максимума. Этот рост предположительно следует объяснить за счёт перевода сюда эвакуированных советских военнопленных из северофранцузской и бельгийской горной промышленности. К 1 декабря 1944 г. численность опять сократилась до 97 047 чел., а к 1 января 1945 г., – последние установленные данные, – до 95 430 человек (Данные в *ВА/МА* RW 6/v. 451 ff.).

³¹³ За сентябрь и октябрь 1943 г. цифры отсутствуют, так что полностью проследить динамику роста невозможно.

³¹⁴ Статистические данные имеются только по периоду до 15 августа 1944 г.

³¹⁵ Цифры за ноябрь и декабрь 1942 г. отсутствуют.

³¹⁶ См. график на с. 274 и таблицу на с. 212 и сл.

³¹⁷ Если в среднем исходить из 316 000 пленных в 1942 г., 467 000 в 1943 г. и 615 000 в 1944 г. и принять среднюю, – скорее всего слишком заниженную, – сумму отчислений в 1,30 рейхсмарк за одного пленного в день, то получится сумма в 563 млн. рейхсмарок.

ХII. Судьба советских военнопленных на заключительном этапе войны

- ¹ Приказ Гитлера цит. по циркулярному письму Бормана № 288/44 секр. от 30 сентября 1944 г., *IMG*, XXV, S. 114–116 (= 058-PS).
- ² В зоне ответственности ОКХ, которая к этому времени уже существенно сократилась, армия и в последующем сохраняла все свои полномочия.
- ³ См. Görlitz, *Keitel*, S. 415; замечания Рейнеке на «докладную записку» Кейтеля от 18.11.1945 г., *ВА/МА* № 54/30.
- ⁴ См. прим. 171 к гл. XI.
- ⁵ Замечания Рейнеке, № 54/30.
- ⁶ Boelcke, *Deutschlands Rüstung*, S. 339.
- ⁷ *Trials*, XIII, S. 59 f. – Бергер был начальником главного управления СС.
- ⁸ Так, в марте 1944 г. 80 английских офицеров авиации бежали из лагеря для пленных лётчиков под Заганом (Верхняя Силезия). 50 из этих пленных были пойманы и с ведома ОКВ расстреляны гестапо. Ещё один пример негативных последствий обращения с советскими военнопленными см. в апологетическом очерке Гёрлица (Görlitz, *Keitel*, S. 425 f.) и показаниях преемника фон Гревеница генерал-майора Адольфа Вестгофа, *IMG*, XI, S. 179–181. Эти действия Гиммлера были вызваны не в последнюю очередь тем, что большое количество побегов пленных постоянно сковывало крупные силы полиции.
- ⁹ Цит. по циркулярному письму Бормана от 30 сент. 1944 г., см. прим. 1, курсив в ориг.

- ¹⁰ *Ibidem*. – Инспектора полиции и СС вскоре после этого были названы «верховными начальниками службы содержания военнопленных»; см. касающуюся их служебную инструкцию: документ начальника службы по делам военнопленных при командующем армией резерва № 365/44 секр. от 25.11.1944 г., подпис. Бергером, *ВА/МА WK VII/4575*.
- ¹¹ Это ведомство было частью прежнего отдела по делам военнопленных под руководством генерал-майора Адольфа Вестгофа, который 1 апреля 1944 г. сменил фон Гревеница на посту начальника службы по делам военнопленных. Инспекция по делам военнопленных и в дальнейшем оставалась частью общего управления Рейнеке.
- ¹² Подробное описание его полномочий см. в документе начальника службы содержания военнопленных в VII корпусном округе № 538/44 секр. от 6.11.1944 г. (*ibidem*).
- ¹³ *Trials*, XIII, S. 62 f.
- ¹⁴ *Мойсер*, родился в 1896 г., только в 1935 г. вступил в рейхсвер и в 1940–1943 гг. служил при штабе корпусного округа в Нюрнберге. В сентябре 1943 г. был переведён в начальника службы содержания военнопленных на Украине. Затем стал комендантом пересыльного лагеря, а с 1.10.1944 – начальником штаба у Бергера: *Trials*, XIII, S. 51 f.
- ¹⁵ См. гл. XI, 5, б.
- ¹⁶ Документ начальника службы по делам военнопленных № 71/45 секр. от 9 января 1945 г. (2 письма), RH 49/v. 80, см. прим. 187 к гл. XI.
- ¹⁷ Циркулярное письмо Бормана от 30 сентября 1944 г., 058-PS. – 2 октября 1944 г. начальник службы по делам военнопленных запретил хранить в лагере для пленных консервы и готовые к использованию продукты питания, припасы следовало привозить только за день до их употребления в пищу, – весьма примечательный приказ, учитывая положение с транспортом в это время: приказ начальника службы по делам военнопленных № 1136/44 сов. секр., RH 49/v. 80.
- ¹⁸ Приказ начальника службы по делам военнопленных № 160/45 секр. от 24 января 1945 г., подпис. Бергером, в приказе начальника службы содержания военнопленных в VI корпусном округе № 280/45 секр. от 5 февраля 1945 г., *Ibidem*.
- ¹⁹ За исключением использованных в последующем фондов ни в *ВА*, ни в *ВА/МА* больше источников нет. Запросы в земские архивы (генеральный земский архив в Карлсруэ, главный государственный архив в Штутгарте, гессенский главный государственный архив в Висбадене, баварский главный государственный архив в Мюнхене, главный государственный архив в Дюссельдорфе, государственный архив в Мюнстере, нижнесаксонский главный государственный архив в Ганновере, государственный архив в Гамбурге, а также тайный государственный архив в Берлине) ничего не дали. Международный Красный Крест, Женева и Международная Сыскная Служба в Арользене также не дали никаких сведений о судьбе советских военнопленных в последние дни войны (сообщения от 29.10.1973 и 11.10.1973).
- ²⁰ Военный дневник VI инспекции по вооружению, отчёт за март 1944 г., RW 20-6/12.
- ²¹ Письмо Штейнбринка (уполномоченного по угля на Западе) управляющему делами имперского объединения угля Зогемайеру от 28 апреля 1944 г., NI-10093.
- ²² Приказ 2-го квартирмейстера 2-й армии, приложение к военному дневнику, *ВА/МА АОК 2/60316/12*.
- ²³ Приказ 2-го квартирмейстера 2-й армии № 6503/44 секр. от 16 авг. 1944 г. (*ibidem*), курсив в ориг.
- ²⁴ Приказ 2-го квартирмейстера 2-й армии № 6336/44 секр., (*ibidem*).
- ²⁵ См. АОК 2/60316/12 и PzАОК 4/62754/1.
- ²⁶ Группа «Бохум» концерна «Гарпенер Бергбау АГ» сообщила в начале октября 1944 г. в горное управление в Виттене, что она должна принять в сентябре 400 советских военнопленных и 45 «остарбайтеров» из Саарской области. Одновременно было заявлено, что среди 2676 советских военнопленных и «остарбайтеров» группы «Бохум» отмечено 179 случаев заболевания туберкулёзом и что 80 больных туберкулёзом эвакуированы в стационарный лагерь Хемер.
- ²⁷ Приказ 2-го квартирмейстера штаба оперативного руководства вермахта № 06951/44 секр., приложение II, в циркулярном письме № 281/44 партийной канцелярии от 18 сент. 1944 г., NS 6/v. 351. – ОКВ, правда, добавило к этому, чтобы «в сомнительных

- случаях ... предпочтение отдавалось быстрой эвакуации».
- ²⁸ Письмо Гофмана Борману от 20 сентября 1944 г., NS 19/199 (f. 350/4).
- ²⁹ Заметка имперского объединения угля от 7 ноября 1944 г., R 10 VIII/52, лл. 120–123. Согласно ей и остальное.
- ³⁰ По докладной заметке имперского объединения угля (прим. 29) в начале ноября 1944 г. около 50 000 горняков были привлечены к рытью окопов, из них в Рурской области – 23 000, в Верхней Силезии (временами) – 16 000, в Сааре – 10 000.
- ³¹ Об этом см.: Janssen, *Das Ministerium Speer*, S. 245–249.
- ³² R 10 VIII/52, лл. 120–123.
- ³³ Это составило 0,96% от общего числа имевшихся к 1 ноября 1944 г. британских и американских пленных (цифры даны по смете в *ВА/МА RW 6/v. 220*). К 30 апреля 1945 г. умерло 1227 англичан и 45 американцев, так что количество жертв уже до 31 января 1945 г. выросло на 64%.
- ³⁴ Последние цифры дал Бергер в своём заключительном слове на Нюрнбергском процессе по делу министров: *Trials*, XIV, S. 287.
- ³⁵ Часть смертных случаев среди британских и американских пленных можно объяснить тем, что за ранеными военнопленными в последние дни был плохой уход. Однако этого не достаточно в качестве объяснения.
- ³⁶ Об этом, а также о следующем см. приговор над Бергером, *Trials*, XIV, S. 443–447.
- ³⁷ *Lagebesprechungen*, S. 317, 319, 337.
- ³⁸ См. заметку имперского объединения угля от 11 февраля 1945 г., R 10 VIII/53, л. 96.
- ³⁹ *Trials*, XIV, S. 446. – По этому пункту Бергер был оправдан, поскольку суд счёл недостаточными доказательства.
- ⁴⁰ Evelyn le Chene, *Mauthausen. The History of a Death Camp*, London 1971, S. 49 f.
- ⁴¹ Бергер сообщил, что советские пленные сами настаивали на их эвакуации, поскольку опасались, что их покарают как «предателей»: *Trials*, XIV, S. 446. В какой мере это соответствовало действительности, сказать трудно; не исключено, что это правда. – Ещё 27/28 марта 1945 г. начальник штаба оперативного руководства вермахта Йодль по телефону заявил начальнику службы содержания военнопленных XIII корпусного округа, «что каждый комендант лагеря для пленных, который допустит захват врагом хотя бы одного военнопленного, ответит за это своей головой» (заметка группы I начальника службы по делам военнопленных при командующем армией резерва от 29 марта 1945 г., *ВА/МА RW 6/v. 12*). Мойерер по этому поводу решил, что во всяком случае больные, [на длительное время] не пригодные к службе пленные, «исключительно англо-американцы», должны оставаться.
- ⁴² Документ отдела II а службы содержания военнопленных в VII корпусном округе № 295/45, RH 49/v. 80. В какой мере это решение восходит к новому приказу ОКВ или начальника службы по делам военнопленных – не ясно.
- ⁴³ По свидетельству Бергера жертвами авианалётов в период с 1 ноября 1944 по 15 февраля 1945 годов пали 660 англо-американцев: *Trials*, XIV, S. 288. – О следующем см. *Rapport*, III, S. 452 f.
- ⁴⁴ См. Dallin, *Deutsche Herrschaft*, S. 440; Dietrich Beyrau, *Solschenizyns 'Archipel GULAG' und das sowjetische Lagersystem*, *GWU* 27 (1976), S. 546. – Между тем (1990 г.) о судьбе советских пленных стало известно гораздо больше, см. введение, стр. 23.

XIII. Решения относительно судьбы советских военнопленных в связи с национал-социалистской политикой

- ¹ См. также важнейшие возражения, которым Герман Грамл в своей рецензии (*Probleme einer Hitler-Biographie. Kritische Bemerkungen zu Joachim C. Fest, VfZ* 22 (1974), S. 76–92) придавал большое значение.
- ¹ См. Fest, *Hitler*, S. 884 ff. Ошибочность оценок Феста следует показать на трёх примерах. Так, Фест возлагает на Гитлера всю ответственность за то, что армия на Востоке оказалась русской зимой без зимнего снаряжения. Гитлер при этом, по его словам, «с характерным для него решительным жестом повернулся спиной к стене» (S. 890 f.). Однако недостаток зимнего снаряжения в равной степени является виной руководства сухопутных сил (см. выше гл. V, 3). – Далее Фест возлагает исключительно на Гитлера ответственность за суровый приказ для Восточного фронта «ни шагу назад» в декаб-

ре 1941 – январе 1942 годов; однако и здесь в принятии решения участвовали как руководство сухопутных сил, так и войсковое командование, см. Reinhardt, Wende, S. 204 f., а также S. 304–312. – Наконец, решение Гитлера самому стать вместо ушедшего в отставку фон Браухича главнокомандующим сухопутных сил, также не было его единоличным решением: шеф-адъютант вермахта генерал-майор Рудольф Шмундт был, очевидно, тем человеком, который натолкнул Гитлера на эту мысль: см. *Aufzeichnungen Engel*, S. 115 (22.11.1941) и 117 (7.12.1941).

³ Fest, *Hitler*, S. 908.

⁴ Это, конечно, не новые научные данные, см. среди прочего названные в прим. 18 к гл. II работы Бросзата и Моммзена. – По поводу решений в декабре 1941 – январе 1942 г. о ведении войны на Востоке богатый материал предлагает работа Рейнхарда. Для Рейнхарда, правда, вопрос о процессе принятия этих решений не был главным.

⁵ См. гл. VIII, 1, б.

⁶ См. гл. VII, 2, а.

⁷ См. сообщение г-на Шпеера от 9.04.1974 г.

⁸ Здесь очень важно оценивать мемуары и

показания выживших генералов с большой долей сомнения, отдавая приоритет современным источникам. См. Speer, *Erinnerungen*, S. 433.

⁹ См. прим. 112 к гл. VIII.

¹⁰ См. показания Йодля от 15.05.1945 г., КТВ ОКВ, IV, 2, S. 1503.

¹¹ Fest, *Hitler*, S. 890.

¹² См. гл. III, 5. – Герман Кайзер, один из важнейших деятелей второго звена военного сопротивления, образцово изложил эти ожидания в письме в июне 1940 г.: «Возможно, дело примет такой оборот, что победоносная армия одержит верх и внутри государства, устранив из администрации все негодные элементы, восстановит школы и университеты, оздоровит экономику, возродит церковь как высшую инстанцию верующего народа, которая должна была претерпеть много невзгод, чтобы очиститься». (Цит. по: Ger van Roon, *Hermann Kaiser und der deutsche Widerstand*, VfZ 24 (1976), S. 265). Кайзер тогда служил в штабе командующего армией резерва.

¹³ Mommsen, *Zur Verschränkung traditioneller und faschistischer Führungsgruppen*, S. 176.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

А. Неопубликованные источники

- I. Фонды Федерального архива – Военного архива, Фрайбург и Бр.** (Bundesarchiv/Militärarchiv (BA/MA), Freiburg i. Br.).
- 1. Верховное командование вермахта** (OKW: Oberkommando der Wehrmacht):
- а) Документы отдела пропаганды вермахта* (OKW/Abt. Wehrmachtpropaganda): RW 4/v. 253; 257; 298.
- б) Особо важные дела по плану «Барбаросса» отдела «L IV» штаба оперативного руководства вермахта* (OKW/WFSt/L IV «Chefsachen Barbarossa»): RW 4/v. 575; 577; 578.
- в) Документы квартирмейстера штаба оперативного руководства вермахта, 1943–1945 гг.* (OKW/WFSt/Qu. 1943–1945): RW/v. 705; 763.
- г) Документы группы армий «Север»* (OKW/Nord): OKW/32.
- д) Документы разведки и контрразведки вермахта* (OKW/Amt Ausland/Abwehr): RW 5/v. 506.
- е) Документы справочного бюро вермахта* (OKW/Wehrmachtauskunftstelle): RW 6/v. 220; 222.
- ж) Документы отдела по делам военнопленных* (OKW/AWA/Kgf.): RW 5/v. 242
RW 6/v. 12; с 270 до 274; с 276 до 279; с 450 до 453
- з) Документы управления военной экономики и вооружения* (OKW/WiRüArnt): Wi/IF 5.530; 5.624; 5.1189; 5.1213; 5.1767; 2717; 5.3064; 5.3190; 5.3434; 5.3560; 5.3561; 5.3562.
Wi/I. 5; 55.
Wi/VI. 82.
Wi/VIII. 21; 279.
- 2. Верховное командование сухопутных сил** (OKX: Oberkommando des Heeres):
- а) Документы начальника вооружения сухопутных сил и командующего армией резерва* (OKH/ChHRu u. BdE): H 1/441.
- б) Документы отдела иностранных армий «Восток» генерального штаба сухопутных сил* (OKH/GenStdH/Abt. Fremde Heere Ost): H 3/304; 512; 728; 729.
- в) Документы начальника архива сухопутных сил* (Chef der Heeresarchive): H/40/54.
- 3. Корпусные округа** (Wehrkreise):
- а) Документы управления VII корпусного округа* (Stv. Gen. KdoVII. AK): WK VII/4575;
- б) Документы управления XVII корпусного округа* (Str. Gen. Kdo XVII. AK): WK XVII/6; с 274 до 283.
- 4. Командующий войсками и командующий корпусным округом в генерал-губернаторстве** (Militärbefehlshaber bzw. Wehrkreisbefehlshaber im GG): RH 53-23/v. 31; 40; 61; с 63 до 67.
- 5. Различные организации по делам военнопленных** (Verschiedene Kriegsgefangeneneneinheiten): RH 49/v. 27; 77; 80; 97; 99; 100.
- 6. Инспекции по вооружению** (Rüstungsinspektionen):
- а) Документы VI инспекции по вооружению в Мюнстере* (Ruin VI, Münster): RW 20-6/3 до 12; 22.
- б) Документы VIII и VIII b инспекций по вооружению в Бреслау и Катовице* (Ruin VIII, Breslau bzw. Ruin VIII b, Kattowitz): RW 20-8/7; 12; 24; 26; с 27 до 19; с 33 до 35.
Wi/IF 5.1740; 5.1310; 5.1311; 5.1312; 5.1313.

7. Команды по вооружению (Rüstungskommandos):

а) Документы команды по вооружению в Дортмунде (Rüstungskommando Dortmund): RW 21-14/7 до 17.

б) Документы команды по вооружению в Дюссельдорфе (Rüstungskommando Düsseldorf): RW 21-16/7 до 18.

в) Документы команды по вооружению в Эссене (Rüstungskommando Essen): RW 21-18/5; 6; 10; 11.

8. Действующая армия (Feldheer):

а) Документы групп армий (Heeresgruppen): группы армий «Север» (HGr Nord): RH 19 III/634.

б) Документы командования армий (Armeeoberkommandos):

2-й армии (АОК 2): 19902/66; 67; 60316/12.

4-й армии (АОК 4): W 6969/25 до 29; 11193/9; 13748/2; 17119/17.

8-й армии (АОК 8): 42095/4

9-й армии (АОК 9): 13904/1; 14162/7; 18989/6; 21519/2; 3; 26612/7; 27970/7; 34426/12.

11-й армии (АОК 11): RH 19 VI/398; 399; 405; 457.

16-й армии (АОК 16): 14989/56 до 58; 22745/88 до 90; 23467/27; 32647/95; 60286/24; 65282/10.

17-й армии (АОК 17): 14311/2; 5; 6; 14499/18; 51; 24411/42; 25607/10; 34332/16; 39430/10; 40422/9; 50805/8.

18-й армии (АОК 18): 11271/1; 3; 4; 13787/23; 17562/296.

в) Документы командования танковых армий (Panzerarmeeoberkommandos):

1-й танковой армии (PzАОК 1): 19194/43; 36835/13.

2-й танковой армии (PzАОК 2): 28499/24.

3-й танковой армии, в том числе 3-й танковой группы (PzАОК 3/ PzGr 3): 13119/1; 27140/11; 41967/10; 11; 46780/11; 63340/2.

4-й танковой армии (PzАОК 4): 44065/2; 4; 51392/1; 2; 5; 62754/1; 2.

г) Документы армейских корпусов, танковых корпусов (Armeekorps, Panzerkorps):

2-го арм. корпуса (II. АК): RH 24-2/575.

13-го арм. корпуса (XIII. АК): 18225/3.

47-го танкового корпуса (XXXVII. PzK): 26308/20; 37814/7.

51-го арм. корпуса (LI. АК): 15290/24 до 26.

д) Документы тыловых районов групп армий (Rückwärtige Heeresgebiete):

Тылового района группы армий «Юг» (R. H. Geb. Süd): RH 22/v. 7; 11; 65; 66; 109; 263.

Начальника жандармерии охранных войск и командующего тыловым районом группы армий «Дон» (Kdr. Gen. d. Sicherungstruppen u. Befh. im HGeb. Don): RH 22/v. 77.

Командующего тыловым районом группы армий «Б» (Befehlshaber im HGeb. B): RH 22/v. 96.

Командующего тыловым районом группы армий «Центр» (R.H.Geb. Mitte): RH 22/v. 203; 205.

Коменданта по делам военнопленных округа «J» (Kriegsgefangenenbezirkskommandant J): RH 22/v. 219; 220.

Командующего тыловым районом группы армий «Север» (R.H.Geb. Nord): RH 22/v. 221; 222; 223; 232; 234.

Начальника жандармерии охранных войск и командующего тыловым районом группы армий «Север» (Kdr. Gen. d. Sicherungstruppen u. Befh. im HGeb. Nord): RH 22/v. 238; 248; 249; 251; 260.

е) Документы тыловых районов армий (Rückwärtige Armeegebiete):

Коменданта 553-го тылового района 11-й армии (Korück 553, zu АОК 11): RH 23/v. 63; 66; 67; 68.

Коменданта 582-го тылового района 9-й армии (Korück 582, zu АОК 9): RH 23/v. 155; 236; 238.

Коменданта 580-го тылового района 2-й армии (Korück 580, zu АОК 2): RH 23/v. 203; 206.

Коменданта 585-го тылового района 4-й танковой армии (Korück 585, zu PzАОК 4): RH 23/v. 311 до 324.

9. Завещания (Nachlässe):

Завещание генерал-фельдмаршала фон Бока (Nachlaß GFM von Bock): N 22/8 до 10.

Завещание генерал-фельдмаршала Кейтеля (Nachlaß GFM Keitel): N 54/14; 21; 30; 34.

Завещание генерала пехоты Карла фон Рока (Nachlaß Gen. d. Inf. Karl v. Roques): N 152/3.

10. Протокол процесса по делу ОКВ на немецком и англ. языках (Protokoll des OKW-Prozesses (Ms. vervielf.) dt., bzw. engl.):

Тома (Teilbände) 5, 6, 23, 24, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 96, 103, 110.

11. Нюрнбергские документы:

Серии NOKW, NO.

II. Фонды федерального архива в Кобленце (Bestände des Bundesarchivs Koblenz):

1. Центральные имперские органы власти (Zentrale Reichsbehörden):

– *Документы имперского министерства финансов* (Reichsfinanzministerium):
R 2/5359; 21725.

– *Документы имперского министерства вооружения и боеприпасов, а также имперского министерства вооружения и военной продукции* (Reichsministerium für Bewaffnung und Munition bzw. Reichsministerium für Rüstung und Kriegsproduktion):

R 3/v. 466; 501; 1547; 1631; 1688; 1698; 1705; 1707; 1713; 1721; 1722; 1735; 1736; 1765; 1818; 1820.

– *Документы имперского министерства по делам оккупированных восточных территорий* (Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete):

R 6/17; 27; 34a; 51; 65; 69; 95.

– *Документы имперского палаты продовольствия* (Reichsnährstand):

R 16/162; 167.

– *Документы имперского министерства юстиции* (Reichsjustizministerium):

R 22/1144; 4203.

– *Документы управления 4-хлетним планом* (Vierjahresplan):

R 26 IV/v. 51.

– *Документы имперского министерства труда* (Reichsarbeitsministerium):

R 41/25a; с 135 до 137, 139; 140; 147; с 168 до 170; 172; 173; 199; 228a; 229; 269; 281; 284; 288b; RD 89/15 -3- до -7-; RD 89/28.

– *Документы имперской канцелярии* (Reichskanzlei):

R 43 II/613; 614; 670; 670a; 683; 683a; 683b; 684.

– *Документы организации Тодта* (Organisation Todt): R 50 I/236; 237.

– *Документы главного управления имперской безопасности* (PCXA; Reichssicherheitshauptamt):

R 58/214 до 225; 272; 697–699; 1298; 1299.

2. Имперские органы власти в оккупированной Европе (Reichsbehörden im besetzten Europa):

– *Документы полиции безопасности* (Зипо) и *СД* (Sicherheitspolizei und SD):

R 70 NL/71.

R 70 SU/9; 15; 20; 22; 26; 27; 31–33; 36; 37.

– *Документы рейхскомиссариата «Остланд»* (Reichskommissariat Ostland):

R 90/v. 235; 556.

3. Организации НСДАП (Organisationen der NSDAP):

– *Документы СС* (SS):

NS 3/v. 425 до 427; NS 19 neu/126. NS 19/151 (f. 106); 199 (f. 350/4); 909; 1447.

– *Документы партийной канцелярии НСДАП* (NSDAP, Parteikanzlei):

NS 6/162; 198; 199; 336; 339; 344; 345; 350 до 354.

NSD 3/12 до 18.

4. Хозяйственные организации (Wirtschaftliche Organisationen):

– *Документы имперского объединения железа* (Reichsvereinigung Eisen):

R 10 III/7; 53; 65; 134a; 134c.

– *Документы имперского объединения угля* (Reichsvereinigung Kohle):

R 10 VIII/15; 19; 20; 52 до 57.

– *Документы хозяйственной группы металлургической промышленности* (Wirtschaftsgruppe Eisen schaffende Industrie):

R 13 I/373; 580; 581; 596.

5. Отдельные предприятия:

Fürstlich Plessische Bergwerks AG, Kattowitz

Ost 27/25; 27 до 30; 34; 35.

Ost 27 Anh./1; 2.

III. Фонды политического архива иностранных дел (Bestände des Politischen Archivs des Auswärtigen Amtes, Bonn).

Фонды:

Pol. XIII, 9; Pol. XIII, 15; Pol. XIII, 25.

Рукописи Риттера (Handakten Ritter):

– Akten betr. OKW.

– Rußland 1941–1944, Bd. 1–2.

– Grenzstellung/ARLZ/Kriegsgefangene 1944.

– OKW 1944.

Бюро государственного секретаря:

– Kriegsgefangenenfragen Okt. 42 – Okt. 43.

– Akten betr. Rußland, Bde. 5–10.

IV. Фонды Института современной истории (Bestände des Instituts für Zeitgeschichte):

– Нюрнбергские документы серий NI, NO, NG, NOKW.

– Микрофильмы Fa 506/12; Ma 553; MA 679/10.

– Протокол процесса над концерном «ИГ Фарбен АГ».

Б. Опубликованные источники и литература

- Ackermann, Josef: Heinrich Himmler als Ideologe, Göttingen 1970.
- Adam, Uwe Dietrich: Judenpolitik im Dritten Reich (= Tübinger Schriften zur Sozial- und Zeitgeschichte I), Düsseldorf 1972.
- Adenauer, Konrad: Erinnerungen 1945–1953, Frankfurt (Fischer TB) 1967.
- ders.: Erinnerungen 1953–1955, Frankfurt (Fischer TB) 1968.
- ders.: Erinnerungen 1955–1959, Frankfurt (Fischer TB) 1969.
- Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945, Serie D, 1937–1941 [zit.: ADAP].
- Bd. XIII, 1: Die Kriegsjahre, 23. Juni bis 14. September 1941, Göttingen 1970.
- Bd. XIII, 2: Die Kriegsjahre, 15. September bis 11. Dezember 1941, Göttingen 1970.
- Akten zur deutschen auswärtigen Politik, 1918–1945, Serie E, 1941–1945 [zit.: ADAP].
- Bd. I: 12. Dezember 1941 bis 28. Februar 1942, Göttingen 1969.
- Arntz, Helmut: Die Menschen Verluste der beiden Weltkriege, in: Universitas 8 (1953), S. 703–708.
- Balfour, Michael und Frisby, Julian: Helmuth James von Moltke 1907–1945. Anwalt der Zukunft, ins Dt. übertr. und bearb. v. Freya von Moltke, Stuttgart 1975.
- Baumann, Hans: Die 35. Infanterie-Division im 2. Weltkrieg 1939–1945. Die Geschichte einer einsatzbereiten, standhaften und anspruchslosen bad.-württ. Infanterie-Division, Karlsruhe 1964.
- Baumgart, Winfried: Deutsche Ostpolitik 1918. Von Brest-Litowsk bis zum Ende des Ersten Weltkrieges, München 1966.
- ders.: Zur Ansprache Hitlers vor den Führern der Wehrmacht am 22. August 1939. Eine quellenkritische Untersuchung, VfZ 16 (1968), S. 120–149 und VfZ 19 (1971), S. 294–304.
- Berghahn, Volker R.: NSDAP und „geistige Führung“ der Wehrmacht 1939–1943, VfZ 17 (1969), S. 17–71.
- ders.: Wehrmacht und Nationalsozialismus, NPL 15 (1970), S. 44–52.
- Besson, Waldemar: Zur Geschichte des Nationalsozialistischen Führungsoffiziers (NSFO), VfZ 9 (1961), S. 76–116.
- Besymenski, Lew: Sonderakte Barbarossa. Dokumentarbericht zur Vorgeschichte des deutschen Überfalls auf die Sowjetunion – aus sowjetischer Sicht, Stuttgart 1968.
- Betz, Herman Dieter: Das OKW und seine Haltung zum Landkriegsvölkerrecht im Zweiten Weltkrieg, Diss. jur. Würzburg 1970.
- Beyrau, Dietrich: Solschenizyns „Archipel GULAG“ und das sowjetische Lagersystem, Geschichte in Wissenschaft und Unterricht 27 (1976), S. 538–565.
- Böhme, Kurt W.: Absicht oder Notstand? (Beiheft „Zur Geschichte der Kriegsgefangenen“), als Manuskript gedr. v. Suchdienst des DRK, o. O. [Bonn] 1963.
- ders.: Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. Eine Bilanz (= Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges, hrsg. v. Erich Maschke u. a., Bd. 7), München 1966.
- Boelcke, Willi A. (Hrsg.): Deutschlands Rüstung im Zweiten Weltkrieg. Hitlers Konferenzen mit Albert Speer 1942–1945, Frankfurt 1969 [zit.: Boelcke, Deutschlands Rüstung].
- ders. (Hrsg.): Wollt Ihr den totalen Krieg? Die geheimen Goebbels-Konferenzen 1939–1943, München (dtv) 1969.
- Bollmus, Reinhard: Das Amt Rosenberg und seine Gegner. Studien zum Machtkampf im nationalsozialistischen Herrschaftssystem (= Studien zur Zeitgeschichte 1), Stuttgart 1970.
- Bräutigam, Otto: So hat es sich zugetragen. Ein Leben als Soldat und Diplomat, Würzburg 1968.
- Bracher, Karl Dietrich: Die deutsche Diktatur. Entstehung, Struktur, Folgen des Nationalsozialismus, Köln 1969.
- Brandhuber, Jerzy: Die sowjetischen Kriegsgefangenen im Konzentrationslager Auschwitz, Hefte von Auschwitz 4 (1961), S. 5–62.
- Broszat, Martin: Hitler und die Genesis der „Endlösung“. Aus Anlaß der Thesen von David Irving, VfZ 25 (1977), S. 739–775.
- ders.: Nationalsozialistische Konzentrationslager 1933–1945, in: Anatomie des SS-Staates, Bd. 2, München (dtv) 1967, S. 9–133 [zit.: Broszat, „Konzentrationslager“].
- ders.: Nationalsozialistische Polenpolitik 1939–1945, Frankfurt (Fischer TB) 1965 [zit.: Broszat, Polenpolitik].
- ders.: Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung, (= dtv-Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts 9), München 1969.
- Bucher, Rudolf: Zwischen Verrat und Men-

- schlichkeit. Erlebnisse eines Schweizer Arztes an der deutsch-russischen Front 1941/42, Frauenfeld 1967.
- Buchheim, Hans: Befehl und Gehorsam, in: Anatomie des SS-Staates, Bd. 1, S. 213–318.
- Buchheit, Gert: Lüdwig Beck. Ein preußischer General, München 1964.
- Buxa, Werner: Weg und Schicksal der 11. Infanterie-Division, Kiel 1952.
- Carell, [Paul], [d. i. Paul Karl Schmidt]: Unternehmen Barbarossa. Der Marsch nach Rußland, Berlin 1963.
- Ciano's Diplomatic Papers. Being a record of nearly 200 conversations held during the years 1936–42 with Hitler, Mussolini [...] together with important memoranda, letters, telegrams, etc., hrsg. v. Malcolm Muggeridge, London 1948.
- Conze, Werner: Die Geschichte der 291. Infanterie-Division 1940–1945, Bad Nauheim 1953.
- ders.: Das deutsch-russische Verhältnis im Wandel der modernen Welt (= Die deutsche Frage in der Welt 4), Göttingen 1967.
- Le Crime methodique. Documents éclairant la politique de l'Allemagne nazie en territoire soviétique de 1941 a 1944, hrsg. v. E. Boltine u. a., Moskau 1963.
- Czichon, Eberhard: Der Primat der Industrie im Kartell nationalsozialistischer Macht, Das Argument 47 (1968), S. 162–192.
- Dahms, Hellmuth Günther: Geschichte des Zweiten Weltkrieges, Tübingen 1965.
- Dallin, Alexander: Deutsche Herrschaft in Rußland 1941–1945. Eine Studie über Besatzungspolitik, Düsseldorf 1958 [zit.: Dallin, Deutsche Herrschaft].
- van Dam, H. G. – Ralph Giordano: KZ-Verbrechen vor deutschen Gerichten. Dokumente aus den Prozessen gegen Sommer (KZ Buchenwald), Sorge, Schubert (KZ Sachsenhausen), Unkelbach (Ghetto in Tschenstochau), Frankfurt 1967.
- Darstellungen aus den Nachkriegskämpfen deutscher Truppen und Freikorps. Im Auftrage des Oberkommandos des Heeres bearbeitet und herausgegeben von der Kriegsgeschichtlichen Forschungsanstalt des Heeres, Bd. 2: Der Feldzug im Baltikum bis zur zweiten Einnahme von Riga, Januar bis Mai 1919, Berlin 1937.
- Datner, Szymon: Crimes against POWs. Responsibility of the Wehrmacht, Warschau 1964.
- Datner, Szymon – Gumkowski, Janusz – Lesczynski, Kazimierz: War Crimes in Poland. Genocide 1939–1945, Warschau-Posen 1962.
- Deutschland im Zweiten Weltkrieg, Bd. 2: Vom Überfall auf die Sowjetunion bis zur sowjetischen Gegenoffensive bei Stalingrad (Juni 1941 bis November 1942), von einem Autorenkollektiv unter der Leitung von Karl Drechsler, Köln 1975.
- Das Diensttagebuch des deutschen Generalgouverneurs in Polen 1939–1945, hrsg. v. Werner Präg und Wolfgang Jacobmeyer (= Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte 20), Stuttgart 1975.
- Eichholtz, Dietrich: Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945, Bd. 1, Berlin (Ost) 1969 [zit.: Eichholtz, Geschichte].
- Eichholtz, Dietrich – Gossweiler, Kurt: Noch einmal: Politik und Wirtschaft 1933–1945, Das Argument 47 (1968), S. 210–227.
- Eisenblätter, Gerhard: Grundlinien der Politik des Reichs gegenüber dem Generalgouvernement, 1939–1945, Diss. phil. Frankfurt, 1969.
- [Engel, Gerhard]: Heeresadjutant bei Hitler 1938–1943. Aufzeichnungen des Majors Engel, hrsg. u. kommentiert v. Hildegard von Kotze (= Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 29, Stuttgart 1974 [zit.: Aufzeichnungen Engel]).
- Erdmann, Karl Dietrich: Die Zeit der Weltkriege (= Bruno Gebhardt, Handbuch der deutschen Geschichte, 9. Aufl., hrsg. v. Herbert Grundmann, Bd. 4), 2. Teilbd., Stuttgart 1976.
- Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion (1940/41), ausgewählt u. eingeleitet v. Erhard Moritz, Berlin (Ost) 1970.
- Fest, Joachim C.: Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft, Berlin (Ullstein TB) 1969.
- ders.: Hitler. Eine Biographie, Berlin 1973.
- Fleischhacker, Hedwig: Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Hunger (= Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des Zweiten Weltkrieges 3), München 1965.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1941, Bd. I, General. The Soviet Union, Washington 1958 [zit.: Foreign Relations].
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers 1942, Bd. II, Europe, Washington 1962; Bd. III, Europe, Washington 1961 [zit.: Foreign Relations].

- Forwick, Helmuth: Zur Behandlung alliierter Kriegsgefangener im Zweiten Weltkrieg. Anweisung des Oberkommandos der Wehrmacht über Besuche ausländischer Kommissionen in Kriegsgefangenenlagern, Militärgeschichtliche Mitteilungen 2/1967, S. 119–134.
- Georg, Enno: Die wirtschaftlichen Unternehmungen der SS (= Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 7), Stuttgart 1963.
- Geschichte des Großen Vaterländischen Krieges der Sowjetunion, hrsg. v. einem Autorenkollektiv unter der Leitung von G. A. Deborin, 6 Bde., Berlin (Ost) 1962–68.
- Giese, Friedrich – Menzel, Eberhard: Deutsches Kriegführungsrecht. Sammlung der für die deutsche Kriegführung geltenden Rechtsvorschriften (= Taschengesetzesammlung 198), Berlin 1940.
- Görlitz, Walter (Hrsg.): Generalfeldmarschall Keitel – Verbrecher oder Offizier? Erinnerungen, Briefe und Dokumente des Chef OKW, Göttingen 1961.
- von der Goltz, Rüdiger Graf: Meine Sendung in Finnland und im Baltikum, Leipzig 1920.
- Graml, Hermann: Probleme einer Hitler-Biographie. Kritische Bemerkungen zu Joachim C. Fest, VfZ 22 (1974), S. 76–92.
- Groscurth, Helmuth: Tagebücher eines Abwehroffiziers 1938–1940. Mit weiteren Dokumenten zur Militaropposition gegen Hitler (= Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte 19), hrsg. v. Helmut Krausnick und Harold C. Deutsch unter Mitarbeit v. Hildegard v. Kotze, Stuttgart 1970 [zit.: Groscurth-Tgb.].
- Gruchmann, Lothar: Euthanasie und Justiz im Dritten Reich, VfZ 20 (1972), S. 235–279.
- ders.: Nationalsozialistische Großraumordnung. Die Konstruktion einer „deutschen Monroe-Doktrin“ (= Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 4), Stuttgart 1962.
- ders.: Der Zweite Weltkrieg. Kriegführung und Politik (= dtv-Weltgeschichte des 20. Jahrhunderts 10), München 1967.
- Guderian, Heinz: Erinnerungen eines Soldaten, Heidelberg 1951.
- Halder, Franz: Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942, 3 Bde., hrsg. v. Arbeitskreis für Wehrforschung, bearb. v. Hans-Adolf Jacobsen in Verbindung mit Alfred Philippi, Stuttgart 1962–64 [zit.: KTB Halder].
- Hartl, Hans – Marx, Werner: 50 Jahre sowjetische Deutschlandpolitik, Boppard 1967.
- von Hassell, Ulrich: Vom Andern Deutschland. Aus den nachgelassenen Tagebüchern 1938–1944, Frankfurt (Fischer TB) 1964 [zit.: Hassell-Tgb.].
- Heiber, Helmut: Der Generalplan Ost, VfZ 6 (1958), S. 281–325.
- ders. (Hrsg.): Lagebesprechungen im Führerhauptquartier. Protokollfragmente aus Hitlers militärischen Konferenzen 1942–1945, München (dtv) 1963 [zit.: Lagebesprechungen].
- Henkys, Reinhard: Die nationalsozialistischen Gewaltverbrecher, Stuttgart, 2. Aufl. 1965.
- Hesse, Erich: Der sowjetrussische Partisanenkrieg 1941 bis 1944 im Spiegel deutscher Kampfangeweisungen und Befehle (= Studien und Dokumente zur Geschichte des Zweiten Weltkrieges 9), Göttingen 1969.
- Heusinger, Adolf: Befehl im Widerstreit. Schicksalsstunden der deutschen Armee 1923–1945, Tübingen 1950.
- Hilberg, Raul: The Destruction of the European Jews, Chicago 1961.
- Hildebrand, Klaus: Deutsche Außenpolitik 1933–1945. Kalkül oder Dogma?, Stuttgart 1971 [zit.: Hildebrand, Außenpolitik].
- Hillgruber, Andreas: Die „Endlösung“ und das deutsche Ostimperium als Kernstück des rassenideologischen Programms des Nationalsozialismus, VfZ 20 (1972), S. 133–153.
- ders.: In der Sicht des kritischen Historikers, in: Nie außer Dienst. Zum 80. Geburtstag von Generalfeldmarschall von Manstein, Köln 1967, S. 65–83.
- ders.: Hitlers Strategie. Politik und Kriegführung 1940–1941, Frankfurt 1965 [zit.: Hillgruber, Strategie].
- ders.: Kontinuität und Diskontinuität in der deutschen Außenpolitik von Bismarck bis Hitler, Düsseldorf 1969.
- ders., (Hrsg.): Staatsmänner und Diplomaten bei Hitler. Vertrauliche Aufzeichnungen über Unterredungen mit Vertretern des Auslandes 1939–1941, Frankfurt 1967.
- Hitler's Table Talk 1941–1944, with an introductory essay on the mind of Hitler by H. R. Trevor-Roper, London 1953 [zit.: Table Talk].
- [Hitler, Adolf]: Reden des Führers. Politik und Propaganda Adolf Hitlers 1911–1945, hrsg. v. Erhard Klöss, München 1967.
- [Hitler, Adolf]: Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945. Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen, hrsg. v. Max Domarus, 4 Halbbde., München 1965.

- [Hitler, Adolf]: Picker, Henry: Hitlers Tischgespräche im Führerhauptquartier, hrsg. v. Andreas Hillgruber, München (dtv) 1968.
- Höhne, Heinz: Der Orden unter dem Totenkopf. Die Geschichte der SS, 2 Bde., Frankfurt (Fischer TB) 1969.
- [Höss, Rudolf]: Kommandant in Auschwitz, Autobiographische Aufzeichnungen des Rudolf Höss, hrsg. v. Martin Broszat, München (dtv) 1963 [zit.: Höss, Kommandant in Auschwitz].
- Hoffmann, Peter: Widerstand, Staatsstreich, Attentat. Der Kampf der Opposition gegen Hitler, München 1969.
- Homze, Edward L.: Foreign Labor in Nazi Germany, Princeton 1967.
- Hubatsch, Walther (Hrsg.): Hitlers Weisungen für die Kriegführung 1939–1945. Dokumente aus dem Oberkommando der Wehrmacht, München (dtv) 1965.
- ders.: 61. Infanterie-Division. Kampf und Opfer deutscher Soldaten, Kiel 1952.
- Jacobsen, Hans-Adolf und Jochmann, Werner: Ausgewählte Dokumente zur Geschichte des Nationalsozialismus, Bielefeld 1961.
- Jacobsen, Hans-Adolf: Kommissarbefehl und Massenexekutionen sowjetischer Kriegsgefangener, in: Anatomie des SS-Staates, Bd. 2, München (dtv) 1967, S. 135–232 [zit.: Jacobsen, „Kommissarbefehl“].
- ders.: Der Zweite Weltkrieg. Grundzüge der Politik und Strategie in Dokumenten, Frankfurt (Fischer TB) 1965.
- Jäckel, Eberhard: Hitlers Weltanschauung. Entwurf einer Herrschaft, Tübingen 1969.
- Janssen, Gregor: Das Ministerium Speer. Deutschlands Rüstung im Krieg, Berlin 1968.
- Johe, Werner: Das KL Neuengamme, in: Studien zur Geschichte der Konzentrationslager, Stuttgart 1970.
- Junod, Marcel: Kämpfer beidseits der Front, Zürich 1947.
- Kannapin, Hans-Eckhardt: Wirtschaft unter Zwang. Anmerkungen und Analysen zur rechtlichen und politischen Verantwortung der deutschen Wirtschaft unter der Herrschaft des Nationalsozialismus im Zweiten Weltkrieg, besonders im Hinblick auf den Einsatz und die Behandlung von ausländischen Arbeitskräften und Konzentrationslagerhäftlingen in deutschen Industrie- und Rüstungsbetrieben, Köln 1966.
- Kardel, Hennecke: Die Geschichte der 170. Infanterie-Division 1939–1945, Bad Nauheim 1953.
- Kempner, Robert M. W.: Rosenberg, jetzt ist Ihre große Stunde gekommen. Aufzeichnungen über Eroberungspläne Hitlers, Frankfurter Rundschau Nr. 140 v. 22.6.1971, S. 3.
- Kogon, Eugen: Der SS-Staat. Das System der deutschen Konzentrationslager, München 1946.
- Kolb, Eberhard: Bergen-Belsen. Geschichte eines „Aufenthaltslagers“ 1943–1945, Hannover 1961.
- Kosthorst, Erich: Die Deutsche Opposition gegen Hitler zwischen Polen- und Frankreich-feldzug (= Schriftenreihe der Bundeszentrale für Heimatdienst 8), Bonn 1954.
- Krausnick, Helmut: Denkschrift Himmlers über die Behandlung der Fremdvölkischen im Osten (Mai 1940), VfZ 5 (1957), S. 194–198.
- ders.: Hitler und die Morde in Polen. Ein Beitrag zum Konflikt zwischen Heer und SS um die Verwaltung der besetzten Gebiete, VfZ 11 (1963), S. 196–209.
- ders.: Judenverfolgung, in: Anatomie des SS-Staates, Bd. 2, München (dtv) 1967, S. 233–366.
- ders.: Kommissarbefehl und „Gerichtsbareitserlaß Barbarossa“ in neuer Sicht, VfZ 25 (1977), S. 682–738.
- Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab) 1940–1945, 4 Bde., hrsg. v. Percy Ernst Schramm, Frankfurt 1961–1965 [zit.: KTB OKW].
- Langbein, Hermann: Der Auschwitz-Prozeß. Eine Dokumentation, 2 Bde., Frankfurt 1965.
- le Chene, Evelyn: Mauthausen, The History of a Death Camp, London 1971.
- von Loßberg, Bernhard: Im Wehrmachtführungsstab. Bericht eines General Stabsoffiziers, Hamburg 1949.
- Madajczyk, Czeslaw: Generalplan Ost, Polish Western Affairs 3 (1961), S. 391–442.
- von Manstein, Erich: Verlorene Siege, Bonn 1955.
- Marsalek, Hans: Die Geschichte des Konzentrationslagers Mauthausen. Dokumentation, Wien 1974.
- Maschke, Erich: Die Verpflegung der deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion im Rahmen der sowjetischen Ernährungslage, in: Hedwig Fleischhacker, Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Der Faktor Hunger [s. o.].
- Mason, Tim: The Primacy of Politics – Politics and Economics in National Socialist Germany, in: S. J. Woolf (Hrsg.), The Nature of Fascism, New York 1968, S. 165–195.

- ders.: The Legacy of 1918 for National Socialism, in: A. Nichols – Erich Matthias (Hrsg.), German Democracy and the Triumph of Hitler. Essays in Recent German History, London 1971, S. 115–139.
- ders.: Der Primat der Politik, Das Argument 41 (1966), S. 473–94.
- ders.: Primat der Industrie? – Eine Erwiderung, Das Argument 47 (1968), S. 193–208.
- Meissner, Boris: Sowjetunion und Haager LKO. Gutachten und Dokumentenzusammenstellung, Ms. vervielf., Hamburg 1950.
- Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939–1944, hrsg. v. Heinz Boberach, München (dtv) 1968.
- Messerschmidt, Manfred: Die Wehrmacht im NS-Staat. Zeit der Indoktrination, Hamburg 1969.
- Milward, Alan S.: Die deutsche Kriegswirtschaft 1939–1945 (= Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 12), Stuttgart 1966 [zit.: Milward, Kriegswirtschaft].
- Mommsen, Hans; Beamentum im Dritten Reich. Mit ausgewählten Quellen zur nationalsozialistischen Beamtenpolitik (= Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 15), Stuttgart 1966.
- ders.: Zur Verschränkung traditioneller und faschistischer Führungsgruppen in Deutschland beim Übergang von der Bewegungs- zur Systemphase, in: Wolfgang Schieder (Hrsg.), Faschismus als soziale Bewegung, Hamburg 1976.
- Müller, Klaus-Jürgen: Das Heer und Hitler. Armee und nationalsozialistisches Regime 1933–1940 (= Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte 10), Stuttgart 1969.
- ders.: Zu Vorgeschichte und Inhalt der Rede Himmlers vor der höheren Generalität am 13. März 1940 in Koblenz, VfZ 18 (1970), S. 95–120 [zit.: Müller, „Zur Vorgeschichte [...]“].
- Müller, Norbert: Wehrmacht und Okkupation 1941–1944. Zur Rolle der Wehrmacht und ihrer Führungsorgane im Okkupationsregime des faschistischen deutschen Imperialismus auf sowjetischem Territorium, Berlin (Ost) 1971.
- Nekritsch, Alexander – Grigorenko, Pjotr: Genickschuß – Die Rote Armee am 22. Juni 1941, hrsg. v. Georges Haupt, Wien-Frankfurt 1969.
- Nolte, Ernst: Der Faschismus in seiner Epoche. Die Action Francaise. Der italienische Faschismus. Der Nationalsozialismus, München 1963.
- Odenthal, Matthias: Die Entwicklung des Arbeitseinsatzes in Rheinland und Westfalen unter besonderer Berücksichtigung der Ausländer und Kriegsgefangenen 1938–1943 (= Rheinisch-Westfälisches Inst. f. Wirtschaftsforschung, Essen, Heft 16), Essen 1944.
- Petzina, Dieter: Autarkiepolitik im Dritten Reich. Der nationalsozialistische Vierjahresplan (= Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 16), Stuttgart 1968 [zit.: Petzina, Autarkiepolitik].
- Pfahlmann, Hans: Fremdarbeiter und Kriegsgefangene in der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945, Darmstadt 1968.
- Philippi, Alfred – Heim, Ferdinand: Der Feldzug gegen Sowjetrußland 1941 bis 1945. Ein operativer Überblick, Stuttgart 1961.
- Der Prozeß gegen die Hauptkriegsverbrecher vor dem Internationalen Militärgerichtshof. Nürnberg 14. Oktober 1945–1. Oktober 1946, 42 Bde., Nürnberg 1947–1949 [zit.: IMG].
- Rabitsch, Gisela: Das KL Mauthausen, in: Studien zur Geschichte der Konzentrationslager, Stuttgart 1970.
- Rapport du Comite International de la Croix-Rouge sur son activite pendant la seconde guerre mondiale (1er septembre 1939 – 30 juin 1947), 3 Bde., Genf 1948 [zit.: Rapport].
- Reich-Volksordnung–Lebensraum. Zeitschrift für völkische Verfassung und Verwaltung, Darmstadt 1941 ff.
- Reichsführer!... Briefe an und von Himmler, hrsg. u. eingel. v. Helmut Heiber, München (dtv) 1970.
- Reinhardt, Klaus: Die Wende vor Moskau. Das Scheitern der Strategie Hitlers im Winter 1941/42 (= Beiträge zur Militär- und Kriegsgeschichte 13), Stuttgart 1972 [zit.: Reinhardt, Wende].
- Reitlinger, Gerald: Ein Haus auf Sand gebaut. Hitlers Gewaltpolitik in Rußland 1941–1944, Hamburg 1962.
- ders.: The Truth about Hitler's "Commissar Order". The Guilt of the German Generals, Commentary 28 (1959), S. 7–18.
- Revue Internationale de la Croix-Rouge, 21 (1939) ff.
- Riedel, Matthias: Eisen und Kohle für das Dritte Reich. Paul Pleigers Stellung in der NS-Wirtschaft, Göttingen 1973 [zit.: Riedel, Eisen und Kohle].
- van Roon, Ger: Graf Moltke als Völkerrechtler im OKW, VfZ 18 (1970), S. 12–61.

- ders.: Hermann Kaiser und der deutsche Widerstand, VfZ 24 (1976), S. 259–286.
- ders.: Neuordnung im Widerstand. Der Kreisauer Kreis innerhalb der deutschen Widerstandsbewegung, München 1967.
- Rückerl, Adalbert (Hrsg.): NS-Prozesse. Nach 25 Jahren Strafverfolgung: Möglichkeiten–Grenzen–Ergebnisse, Karlsruhe 1971.
- von Salomon, Ernst (Hrsg.): Das Buch vom deutschen Freikorpskämpfer, Berlin 1938.
- Schall-Riaucour, H. Gräfin: Aufstand und Gehorsam. Offizierstum und Generalstab im Umbruch. Leben und Wirken von Generaloberst Franz Halder, Generalstabschef 1938–1942, Wiesbaden 1971.
- Scheidl, Franz: Die Kriegsgefangenschaft von den ältesten Zeiten bis zur Gegenwart. Eine völkerrechtliche Monographie, Berlin 1943.
- Sthellenberg, Walter: Memoiren, hrsg. v. Gita Petersen, Köln 1959.
- Schenck, Ernst-Gunther: Das menschliche Elend. Eine Pathographie der Kriegs-, Hunger- und politischen Katastrophen Europas, Herford 1965.
- Schmelzer, Janis: Das hitlerfaschistische Zwangsarbeitssystem und der antifaschistische Widerstandskampf der ausländischen Kriegsgefangenen und Deportierten (1939–1945) (dargestellt unter besonderer Beachtung der IG-Farbenbetriebe im Bereich Halle-Merseburg), Diss. phil. (Ms.), Halle-Wittenberg 1963.
- Schoenbaum, David: Die braune Revolution. Eine Sozialgeschichte des Dritten Reiches, Köln 1968.
- Schulze, Hagen: Freikorps und Republik 1918–1920 (= Militargeschichtliche Studien 6), Boppard 1969.
- Speer, Albert: Erinnerungen, Berlin 1969.
- Streim, Alfred: Zum Beispiel: Die Verbrechen der Einsatzgruppen in der Sowjetunion, in: Rückerkel; NS-Prozesse [s. o.], S. 65–106.
- Strik-Strikfeldt, Wilfried: Gegen Stalin und Hitler. General Wlassow und die russische Freiheitsbewegung, Mainz 1970.
- Studien zur Geschichte der Konzentrationslager (= Schriftenreihe der Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte 21), Stuttgart 1970.
- von Tettau, Hans – Versock, Kurt: Geschichte der 24. Infanterie-Division 1939–1945, Stolberg 1956.
- Thomas, Georg: Geschichte der deutschen Wehr- und Rüstungswirtschaft (1918–1943/45), hrsg. v. Wolfgang Birkenfeld (= Schriften des Bundesarchivs 14), Boppard 1966 [zit.: Thomas, Geschichte].
- von Tippelskirch, Kurt: Geschichte des Zweiten Weltkriegs, Bonn, 3. Aufl. 1959.
- Trials of War Criminals Before the Nuernberg Military Tribunals under Control Council Law No. 10, Nuernberg October 1946–April 1949, 14 Bde., Washington 1950–1953 [zit.: Trials].
- Uhlig, Heinrich: Der verbrecherische Befehl, in: Vollmacht des Gewissens, hrsg. Europäische Publikation e. V., Bd. 2, Frankfurt 1965, S. 289–347.
- Unsere Ehre heißt Treue. Kriegstagebuch des Kommandostabes Reichsführer SS. Tätigkeitsberichte der 1. und 2. SS-Inf.-Brigade, der 1. SS-Kav.-Brigade und von Sonderkommandos der SS, hrsg. v. Fritz Baade u. a., Wien–Frankfurt 1965.
- Urlanis, Boris Zesarewitsch: Bilanz der Kriege. Die Menschen Verluste Europas vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart, Berlin (Ost) 1965.
- Die Verfolgung nationalsozialistischer Straftaten im Gebiet der Bundesrepublik Deutschland seit 1945, hrsg. v. Bundes Justizministerium, Bonn 1964.
- Vogelsang, Thilo, Neue Dokumente zur Geschichte der Reichswehr 1930–1935, VfZ 2 (1954), S. 397–436.
- Wagner, Elisabeth, (Hrsg.): Der Generalquartiermeister. Briefe und Tagebuchaufzeichnungen des Generalquartiermeisters des Heeres, General der Artillerie Eduard Wagner, München 1963.
- Waite, Robert G. L.: Vanguard of Nazism. The Free Corps Movement in Postwar Germany 1918–1923, Cambridge, Mass. 1952.
- Warlimont, Walter: Im Hauptquartier der deutschen Wehrmacht 1939–1945. Grundlagen. Formen, Gestalten, Frankfurt 1961.
- Weinberg, Gerhard L.: Adolf Hitler und der NS-Führungsoffizier (NSFO), VfZ 12 (1964), S. 443–456.
- Wengler, Wilhelm: H. J. Graf von Moltke (1906–1945), in: Die Friedenswarte 48 (1948), S. 297–305.
- Werth, Alexander: Rußland im Krieg 1941–1945, München (Knaur TB) 1967.
- von zur Mühlen, Patrick: Zwischen Hakenkreuz und Sowjetstern. Der Nationalismus der sowjetischen Orientvölker im Zweiten Weltkrieg, Düsseldorf 1971.

В. Дополнение к библиографии, 1991 г.

- Arbeitskreis Blumen für Stukenbrock, Hrsg.: Das Lager 326. Augenzeugenberichte, Fotos, Dokumente, Porta Westfalica 1988.
- Bartov, Omer: The Eastern Front, 1941–45, German Troops and the Barbarisation of Warfare, Oxford 1985.
- Benz, Wigbert: Der Rußlandfeldzug des Dritten Reiches: Ursachen, Ziele, Wirkungen. Zur Bewältigung eines Völkermordes unter Berücksichtigung des Geschichtsunterrichts, Frankfurt 1986.
- Bergen-Belsen, Begleitheft zur Ausstellung, hrsg. v. d. Niedersächsischen Landeszentrale für politische Bildung, Hannover 1990.
- Billstein, Aurel: Fremdarbeiter in unserer Stadt. Kriegsgefangene und deportierte ‚fremdvölkische Arbeitskräfte‘ 1939–45 am Beispiel Krefelds, Frankfurt 1980.
- Blank, Alexander: Die deutschen Kriegsgefangenen in der UdSSR, Köln 1978.
- Bonwetsch, Bernd: „Die Geschichte des Krieges ist noch nicht geschrieben‘. Die Repression, das Militär und der ‚Große Vaterländische Krieg‘“, in: Osteuropa 39 (1989), S. 1021–1034.
- Boog, Horst u. a.: Der Angriff auf die Sowjetunion (= Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, Bd. 4), Stuttgart 1983 [zit.: DRZW4].
- Brodski, J. A.: Die Lebenden kämpfen. Die illegale Organisation brüderlicher Zusammenarbeit der Kriegsgefangenen (B. S. W.), Berlin (Ost) 1968.
- Brodski, J. A.: Im Kampf gegen den Faschismus. Sowjetische Widerstandskämpfer in Hitlerdeutschland 1941–1945, Berlin (Ost) 1975.
- Buchbender, Ortwin: Das tönende Erz. Deutsche Propaganda gegen die Rote Armee im Zweiten Weltkrieg, Stuttgart 1973.
- ders./Sterz, Reinhold, Hrsg.: Das andere Gesicht des Krieges. Deutsche Feldpostbriefe 1939–1945, München 1982.
- Bürgerinitiative für Frieden und Abrüstung Hemer, Hrsg.: STALAG VI A HEMER. Kriegsgefangenenlager 1939–1945, Dokumente, Augenzeugenberichte, Analysen, Meinungen, Iserlohn o. J. [1982].
- Eichholtz, Dietrich: Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939–1945, Band II: 1941–1943, Berlin (DDR), 1985.
- Forster, Jürgen: „Zur Rolle der Wehrmacht im Krieg gegen die Sowjetunion“, in: Aus Politik und Zeitgeschichte, B 45/1980, S. 3–15.
- ders.: „Die Sicherung des Lebensraumes“, in: DRZW 4, S. 1030–1078.
- ders.: „Das Unternehmen ‚Barbarossa‘ als Eroberungs- und Vernichtungskrieg“, in: DRZW 4, 413–447.
- Goldschmidt, Dietrich, Hrsg.: Frieden mit der Sowjetunion – eine unerledigte Aufgabe, Gütersloh 1989.
- Heimatgeschichtlicher Wegweiser zu Stätten des Widerstandes und der Verfolgung 1933–1945, hrsg. vom Studienkreis zur Erforschung und Vermittlung der Geschichte des Widerstandes 1933–1945 und dem Präsidium der VVN, Band I: Hessen, Köln 1984.
- , Band 2: Niedersachsen I. Regierungsbezirke Braunschweig und Lüneburg, Köln 1984.
- , Band 3: Niedersachsen II. Regierungsbezirke Hannover und Weser-Ems, Köln 1986.
- Herbert, Ulrich: Fremdarbeiter. Politik und Praxis des ‚Ausländer-Einsatzes‘ in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches, Bonn 1985, 2. Auflage 1986.
- Hirschfeld, Gerhard, Hrsg.: The Policies of Genocide. Jews and Soviet Prisoners of War in Nazi Germany, London 1986.
- ‚Historikerstreit‘. Die Dokumentation der Kontroverse um die Einzigartigkeit der nationalsozialistischen Judenvernichtung, München 1987.
- Hoch, Gerhard – Schwarz, Rolf, Hrsg.: Verschleppt zur Sklavenarbeit. Kriegsgefangene und Zwangsarbeiter in Schleswig-Holstein, Alvenslohe 1985.
- Hoffmann, Joachim: Die Geschichte der Wlassow-Armee, Freiburg 1984.
- ders.: „Die Kriegführung aus der Sicht der Sowjetunion“, in: DRZW 4, S. 713–809.
- ders.: Die Ostlegionen 1941–1943, Freiburg 1976.
- Huser Karl: „Das Stalag 326 (VI/K) Stukenbrock-Senne 1941–1945. Sowjetische Kriegsgefangene in der Senne als Opfer des nationalsozialistischen Rassekrieges. Ein Zwischenbericht“, in: Opfer und Täter. Zum nationalsozialistischen und antijüdischen Alltag in Ostwestfalen-Lippe, hrsg. v. Hubert Frankemölle, Bielefeld 1990, S. 165–174.
- Klink, Ernst: „Die militärische Konzeption des Krieges gegen die Sowjetunion“, in: DRZW 4, S. 190–277.

- Kosthorst, Erich/Walter, Bernd: Konzentrations- und Strafgefangenenlager im Dritten Reich. Beispiel Emsland. Zusatzteil: Kriegsgefangenenlager, Bd. 3, Düsseldorf 1983.
- Kozlov, V. I.: „Die Kriegsverluste der Sowjetunion. Neue Berechnungen eines sowjetischen Wissenschaftlers“, in: Osteuropa 40 (1990), S. A 199–209 (Osteuropa-Archiv).
- Krausnick, Helmut – Wilhelm, Hans-Heinrich: Die Truppe des Weltanschauungskrieges. Die Einsatzgruppen der Sicherheitspolizei und des SD 1938–1942 (= Quellen und Darstellungen zur Zeitgeschichte 22), Stuttgart 1981.
- Die Kriegsgefangenenlager Oberlangen und Wesuwe. Begleitheft zur Ausstellung, hrsg. vom Dokumentations- und Informationszentrum (DIZ) Papenburg, Papenburg o. J.
- Lager unterm Hakenkreuz. Reichsarbeitsdienst, Kriegsgefangene und Flüchtlinge in der Grafenschaft Bentheim, hrsg. v. der Volkshochschule der Stadt Nordhorn, Nordhorn 1990.
- Mayer, Arno J.: Der Krieg als Kreuzzug, Das Deutsche Reich, Hitlers Wehrmacht und die ‚Endlösung‘, Reinbek 1989.
- Messerschmidt, Manfred: „Der Kampf der Wehrmacht im Osten als Traditionsproblem“, in: Ueberschär/Wette, Hrsg.: ‚Unternehmen Barbarossa‘, S. 253–63.
- Michalka, Wolfgang, Hrsg.: Der Zweite Weltkrieg. Analysen, Grundzüge, Forschungsbilanz, München 1989.
- Moltke, Helmuth James von: Briefe an Freya, hrsg. von Beate Ruhm von Oppen, München 1988.
- Müller, Rolf-Dieter: „Das Scheitern der wirtschaftlichen ‚Blitzkriegsstrategie‘“, in: DRZW 4, S. 936–1029.
- ders.: „Von der Wirtschaftsallianz zum kolonialen Ausbeutungskrieg“, in: DRZW 4, S. 98–189.
- Nolte, Ernst: „Vergangenheit, die nicht vergehen will“, in: Historikerstreit, S. 13–35.
- ders.: „Zwischen Geschichtslegende und Revisionismus?“, in: Historikerstreit, S. 39–47.
- Oberaus, Herbert und Sybille, Hrsg.: ‚Schreiben, wie es wirklich war ...‘. Aufzeichnungen Karl Dürkefaldens aus den Jahren 1933–1945, Hannover 1985.
- Otto, Reinhard: „Das Kriegsgefangenenlager Stalag 326 (VI/K) Senne-Forellkrug“, in: Meynert, Joachim – Klönne, Arno, Hrsg.: Verdrängte Geschichte. Verfolgung und Vernichtung in Ostwestfalen 1933–1945, Bielefeld 1986, S. 201–19.
- Overmans, Rüdiger: „Die Toten des Zweiten Weltkriegs in Deutschland. Bilanz der Forschung unter besonderer Berücksichtigung der Wehrmacht- und Vertreibungsverluste“, in: Der Zweite Weltkrieg, S. 858–73.
- Pietrow-Ennker, Bianca: „Deutschland im Juni 1941 – ein Opfer sowjetischer Aggression? Zur Kontroverse über die Präventivkriegsthese“, in: Der Zweite Weltkrieg, S. 586–607.
- Pieper, Volker – Siedenhans, Michael: Die Vergebenen von Stukenbrock. Die Geschichte des Lagers in Stukenbrock-Senne von 1941 bis zur Gegenwart, Bielefeld 1981.
- Raiser, Elisabeth u. a., Hrsg.: Brücken der Verständigung. Für ein neues Verhältnis zur Sowjetunion, Gütersloh 1986.
- Roschmann, Hans: Gutachten zur Behandlung und zu den Verlusten sowjetischer Kriegsgefangener in deutscher Hand von 1941–1945 und zur Bewertung des sogenannten ‚Docurnents NOKW 2125‘ (Nachweisung des Verbleibs der sowjetischen Kriegsgefangenen nach dem Stande vom 1. 5. 1944), Ingolstadt 1982.
- Schockenhoff, Volker: „Schätzen oder ‚Errechnen‘? Replik auf einen untauglichen Versuch zur Errechnung der Totenzahlen des Kriegsgefangenenlagers Stukenbrock“, in: Lippische Mitteilungen aus Geschichte und Landeskunde, 59 (1990), S. 289–301.
- Schröder, Hans-Henning: „ ‚Weiße Flecken‘ in der Geschichte der Roten Armee. Die sowjetischen Militärs diskutieren den ‚Stalinismus‘“, in: Osteuropa 39 (1989), S. 459–77.
- Schulte, Theo J.: The German Army and Nazi Policies in Occupied Russia, Oxford 1989.
- Siegfried, Klaus-Jörg: Rüstungsproduktion und Zwangsarbeit im Volkswagenwerk 1939–1945. Eine Dokumentation, Frankfurt 1987.
- Streim, Alfred: Die Behandlung sowjetischer Kriegsgefangener im ‚Fall Barbarossa‘. Eine Dokumentation. Unter Berücksichtigung der Unterlagen deutscher Strafverfolgungsbehörden und der Materialien der Zentralen Stelle der Landesjustizverwaltungen zur Aufklärung von NS-Verbrechen, Heidelberg 1981.
- ders.: Sowjetische Gefangene in Hitlers Vernichtungskrieg. Berichte und Dokumente 1941–1945, Heidelberg 1982 [gekürzte Ausgabe des vorangehenden Titels].
- Streit, Christian: „Die Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen und völkerrechtliche Probleme des Krieges gegen die Sowjetunion“,

- in: Ueberschär/Wette, Hrsg.: ‚Unternehmen Barbarossa‘, S. 197–218.
- ders.: ‚Ostkrieg, Antibolschewismus und ‚Endlösung‘“, in: Geschichte und Gesellschaft 17 (1991), Heft 2.
- ders.: ‚Sozialpolitische Aspekte der Behandlung der sowjetischen Kriegsgefangenen“, in: Wacław Długoborski, Hrsg.: Zweiter Weltkrieg und sozialer Wandel. Achsenmächte und besetzte Länder, Göttingen 1981, S. 184–96.
- Ueberschär, Gerd R. – Wette, Wolfram, Hrsg.: ‚Unternehmen Barbarossa‘. Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente, Paderborn 1984.
- Weidner, Marcus: Nur Graber als Spuren. Das Leben und Sterben von Kriegsgefangenen und ‚Fremdarbeitern‘ in Münster während der Kriegszeit 1939–1945, Münster 1984.
- Wolkogonow, Dimitri: Stalin. Triumph und Tragödie. Ein politisches Porträt, Düsseldorf 1989.

Г. Дополнение к библиографии, 1997 г.

- Borgsen, Werner/Volland, Klaus, Stalag X B Sandbostel. Zur Geschichte eines Kriegsgefangenen- und KZ-Auffanglagers in Norddeutschland 1939–1945, Bremen 1992.
- Heer, Hannes, Hrsg., „Stets zu erschießen sind Frauen, die in der Roten Armee dienen“. Geständnisse deutscher Kriegsgefangener über ihren Einsatz an der Ostfront, Hamburg 1995.
- ders./Naumann, Klaus, Hrsg., Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941–1944, Hamburg 1995.
- Heimatgeschichtlicher Wegweiser zu Stätten des Widerstandes und der Verfolgung, hrsg. v Studienkreis Deutscher Widerstand, Bd. 5: Baden-Württemberg I: Regierungsbezirke Karlsruhe und Stuttgart, Frankfurt 1991; Bd. 6: Baden-Württemberg II: Regierungsbezirke Freiburg und Tübingen, Frankfurt 1997.
- Hüser, Karl/Otto, Reinhard, Das Stammlager 326 (VI K) Senne 1941–1945. Sowjetische Kriegsgefangene als Opfer des Nationalsozialistischen Weltanschauungskrieges, Bielefeld 1992.
- Karner, Stefan, Im Archipel GUPVI. Kriegsgefangenschaft und Internierung in der Sowjetunion 1941–1956, München 1995.
- Keller, Rolf, „Die kamen in Scharen hier an, die Gefangenen“. Sowjetische Kriegsgefangene, Wehrmachtssoldaten und die deutsche Bevölkerung in Norddeutschland 1941/42“, in: KZ-Gedenkstätte Neuengamme, Hrsg., Rassismus in Deutschland, Hannover 1995, S 35–60.
- ders., „‚Russenslager‘. Sowjetische Kriegsgefangene in Bergen-Belsen, Fallingbostal-Oerbke und Wietzendorf“, in: Hans-Heinrich Nolte, Hrsg., „Der Mensch gegen den Menschen“. Überlegungen und Forschungen zum deutschen Überfall auf die Sowjetunion 1941, Hannover 1992, S. 111–136.
- Kriegsgefangene – Wojennoplennyje. Sowjetische Kriegsgefangene in Deutschland. Deutsche Kriegsgefangene in der Sowjetunion, hrsg. v. Haus der Deutschen Geschichte, Düsseldorf 1995.
- Manoschek, Walter, Hrsg., „Es gibt nur eines für das Judentum: Vernichtung“. Das Judenbild in deutschen Soldatenbriefen 1939–1944, Hamburg 1995.
- Mommsen, Hans/Grieger, Manfred, Das Volkswagenwerk und seine Arbeiter im Dritten Reich, Düsseldorf 1996.
- Müller, Rolf-Dieter, Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS, Frankfurt 1991.
- Nowak, Edmund, Ocalone dla pamieci w 50 rocznice wyzwolenia obozow jenieckich w Lamsdorf (Lambinowicach), Opole 1995.
- Ogorreck, Ralf, Die Einsatzgruppen und die ‚Genesis der Endlösung‘, Berlin 1996.
- Osterloh, Jorg, Ein ganz normales Lager. Das Kriegsgefangenenmannschaftsstammlager 304/IV H Zeithain bei Riesa in Sachsen 1941–1945, Leipzig 1997.
- ders., Sowjetische Kriegsgefangene 1941–1945 im Spiegel nationaler und internationaler Untersuchungen. Forschungsüberblick und Bibliographie, Dresden 1995.
- Otto, Reinhard, „Vernichten oder Ausbeuten?“. „Aussonderungen“ und Arbeitseinsatz sowjetischer Kriegsgefangener im Reichsgebiet in den Jahren 1941/42, Phil. Diss. (Ms.) Paderborn 1996.
- Schockenhoff, Volker, „‚Dem SS-Einsatzkommando überstellt‘. Neue Quellen zur Geschichte des Stalag 326 (VI K) Senne im Moskauer Staatsarchiv“, in: Geschichte im Westen, 8 (1992), S. 201–209.

ders., „Wer hat schon damals genau gezählt. Zur Auseinandersetzung um die Zahl der Toten des Stalag 326 (VI K) von 1945–1992“, in: Westfälische Zeitschrift 143 (1993).

Sokolow, Boris, „Der Preis des Sieges. Anmerkungen zu den Menschenverlusten in der UdSSR (1941–1945)“, in: Hans-Adolf Jacobsen u.a., Hrsg., Deutsch-russische Zeitenwende. Krieg und Frieden 1941–1995, Baden-Baden 1995, S. 521–537.

Stopsack, Hans-Hermann/Thomas, Eberhard, Hrsg., Stalag VI A Hemer. Kriegsgefangenenlager 1939–1945, Hemer 1995.

Stebel, Bernhard, „Die ‚Lagergesellschaft‘. Aspekte der Häftlingshierarchie und Gruppenbildung in Ravensbrück“, in: Claus Füllberg-Stolberg u.a., Hrsg., Frauen in Konzentrationslagern: Bergen-Belsen; Ravensbrück, Bremen 1994, S. 79–88.

Streit, Christian, Gen. d. Inf. Hermann Reinecke, in: Gerd R. Ueberschär, Hrsg., Militärs und ihre Verstrickung in die NS-Politik, Darmstadt 1997 (in Vorb.).

ders., Das Schicksal der verwundeten sowjetischen Kriegsgefangenen, in: Heer/Naumann, Vernichtungskrieg, S. 78–91.

ders., Zum Schicksal der sowjetischen Kriegsgefangenen in deutscher Hand, in: Hans-Adolf Jacobsen u.a., Hrsg., Deutsch-russische Zeitenwende. Krieg und Frieden 1941–1995, Baden-Baden 1995, S. 437–454.

Unverzagt, Vera, „Das soll sich nicht wiederholen. Weibliche Kriegsgefangene der Roten Armee im KZ Ravensbrück“, in: Füllberg-Stolberg, Hrsg., Frauen in Konzentrationslagern, S. 307–312.

Wegner, Bernd, „Der Krieg gegen die Sowjetunion 1942/43“, in: Horst Boog u.a., Der globale Krieg. Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Wechsel der Initiative 1941–1943 (= Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg, 6), Stuttgart 1990, S. 759–1102.

Weischer, Heinz, Russenlager. Russische Kriegsgefangene in Heessen (Harmn) 1942–1945, Essen 1992.

Zoepf, Arne W.G., Wehrmacht zwischen Tradition und Ideologie. Der NS-Führungsoffizier im Zweiten Weltkrieg, Frankfurt 1988.

Гриф секретности снят. Потери вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. – М., 1993.

Источники и литература на русском языке (дополнение редактора)

Источники:

Большевизм вывел русских из ограниченности... (документы о русских рабочих и военнопленных в Германии) // «Военно-исторический журнал» (далее – ВИЖ), 1994, № 9.

Голубков С.А. В фашистском лагере смерти. Воспоминания бывшего военнопленного. – Смоленск: Книжное изд-во, 1957. – 253 с.

Гриф секретности снят. Потери Вооружённых Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование / Под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. – М.: Воениздат, 1993. – 580 с.

Дневник оstarбайтера // «Знамя», 1995, № 5. С. 135–155.

Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Вып. II. – М., 1945. – 392 с.

Дьяков Н.Ф. Под чужим небом. Солдатские записки 1941–1944 гг. – М.: «Наука», 1998. – 149 с.

Женевские конвенции от 12 августа 1949 года и дополнения протоколов к ним. – М.: Международный комитет Красного Креста, 1997. – 319 с.

Исполатов Н.М. Люди трудной судьбы. – М.: «Молодая гвардия», 1963. – 241 с.

История отечества в документах 1917–1993 гг. Ч. 3: 1939–1945 гг. / Сост.: Колосков А.Г., Гевуркова Е.А. – М.: ИЛБИ, 1995. – 190 с.

Истребление гитлеровцами советских людей путем заражения сыпным тифом. – М., 1944.

Мировые войны XX века: В 4 кн. – М.: «Наука», 2002. Кн. 4: Вторая мировая война: Документы и материалы. – 667 с.

Немецкий плен глазами врача (воспоминания Ф.И. Чумакова) // «Отечественные архивы», 1995, № 2. С. 68–69.

Нюрнбергский процесс: Сб. материалов. В 2 т. Изд. 2-е исправл. и дополн. / Под ред. К.П. Горшенина (гл. ред.), Р.А. Руденко и И.Т. Никитченко – М.: Государственное из-

- дательство юридической литературы, 1954 (см. также: <http://nurnbergprozess.narod.ru/>).
- Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов. В 8 т. – М.: «Юридическая литература», 1987–1990.
- Нюрнбергский процесс. Преступления против человечности. Сб. материалов. В 8 т. – М.: «Юридическая литература», 1991–1997 (см. также: <http://militera.lib.ru/docs/da/np/index.html>).
- Они не сдались... (учетные карточки советских военнопленных) // ВИЖ, 1989, № 12.
- Основные положения Женевских конвенций и дополнения протоколов к ним. – М.: Международный комитет Красного Креста, 1994. – 69 с.
- Постановление ГКО от 27 декабря 1941 г. // История отечества в документах (1939–1945 гг.). – М., 1994. С. 121.
- Постановление ГКО СССР о порядке проверки военнопленных-военнослужащих Красной армии // ВИЖ, 1993. № 11;
- «Преступные цели – преступные средства». Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. – М.: Политиздат, 1968. 383 стр., 35 фотографий (см. также: http://knigipointcccp.diinoweb.com/files/Prestupnye_celi_prestupnyye_sredstva.zip).
- Приказ Ставки ВГК Красной армии. 270 от 16 августа 1941 г. // История отечества в документах (1939–1945). – М., 1994. С. 124.
- Россия и СССР в войнах XX века: Потери вооруженных сил: Статистическое исследование / Под общей ред. Г.Ф.Кривошеева. – М.: «Олма-Пресс», 2001. – 607 с. (см. также: <http://www.soldat.ru/doc/casualties/book/>).
- «Русский человек и перед лицом смерти не пасует». Из воспоминаний военнопленного Г.Н.Сатирова // «Отечественные архивы», 2003, № 6 (см. также: <http://rusarchives.ru/publication/satirov.shtml>).
- Самутин Л. В норе // «Родина», 1991, № 6–8. С. 96–100.
- Совершенно секретно! Только для командования. Документы и материалы. – М.: «Наука», 1967. – 752 с.
- Соколов Б.Н. В плену. – СПб.: «Галей-принт», 2000 (см. также: http://militera.lib.ru/memo/russian/sokolov_bn/).
- Сообщение Чрезвычайной государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. – М.: Политиздат, 1944. 320 с.
- СС в действии. Документы о преступлениях СС. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 675 с.
- Три месяца в фашистской тюрьме (солдатские мемуары) / Публ. Е.В. Старостина // «Отечественные архивы», 1995, № 3.
- УК РСФСР 1926 г. – М., 1927.
- УК СССР 1935. – М., 1935.
- Хрестоматия по отечественной истории (1914–1945 гг.): Учебное пособие для студентов вузов / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. – М.: «Владос», 1996. – 896 с.
- Шелленберг В. Мемуары. – М.: «Прометей», 1991. – 315 с.

Литература:

- Алексеев Н.С. Ответственность нацистских преступников. – М.: «Международные отношения», 1968. – 127 с.
- Архангельский В.А. Бухенвальд. Из блокнота журналиста. Очерк. – Ташкент: Изд-во литературы и искусства, 1970. – 115 с.
- Бикташев В.М. Мы старше своей смерти: записки узника Дахау. – Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1978. – 463 с.
- Биркемайер В. Оазис Человечности № 7280/1. Воспоминания немецкого военнопленного. – М.: «Текст», 2005. – 301 с. (см. также: <http://rapidshare.com/files/30030554/Birkemeyer.zip.html>).
- Большой юридический словарь / Под ред. А.Я.Сухарева, В.Е.Крутских. – М., 2002. С. 39.
- Бродский Е.А. Во имя победы над фашизмом. Антифашистская борьба советских людей в Гитлеровской Германии (1941–1945 гг.). – М.: «Наука», 1970. – 587 с.
- Бродский Е.А. Живые борются. – М.: Воениздат, 1965. – 240 с.
- Ветте В. Гитлеровский вермахт: Этапы дискуссии вокруг одной немецкой легенды // «Неприкосновенный запас», 2005, № 2–3. С. 270–274.
- Ветте В. Образ врага: Расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Вторая мировая война: Взгляд из Германии. – М.: «Эксмо»; «Яуза», 2005. С. 94–124.

- Всемирная история: В 24 т. Т. 24: Итоги второй мировой войны. / А.Н.Бадак, И.Е.Войнич, Н.М.Волчек и др. – Мн.: «Литература», 1997. – 592 с.
- Галицкий В.П.* Проблема военнопленных и отношения к ней советского государства // «Государство и право», 1990, № 4. С. 124–130.
- Гилязов И.* Кто же он, профессор фон Менде? // «Татарстан», Казань, 1996. № 7. С. 52–61.
- Гуркин В.В.* О людских потерях на советско-германском фронте в 1941–1945 гг. // «Новая и новейшая история», 1992, № 3. (<http://militera.lib.ru/opinions/0009.html> или <http://mitglied.lycos.de/ww2memorial/istor/istor.html>)
- Даллин А.* Германское правление в России: 1941–1945 гг. Анализ оккупационной политики. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 616 с.
- Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во II Мировой войне. – М.: Изд-во Иностранной литературы, 1963. – 488с.
- Деларю Ж.* История Гестапо. – Смоленск: «Русич», 1993. – 478 с.
- Ерин М.Е.* Под угрозой расстрела или по доброй воле? // ВИЖ, 1990, № 4. С. 40–62.
- Ерин М.Е.* Советские военнопленные в Германии в годы второй мировой войны // «Вопросы истории», 1995, № 11–12. С. 140–152.
- Ерин М.Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. – Ярославль: ЯрГУ, 2005. – 178 с.
- Ерин М.Е., Хольный Г.А.* Трагедия советских военнопленных (история шталага 326 (VI К) Зенне, 1941–1945 гг.) / Яросл. гос. ун-т. – Ярославль, 2000. 138 с.
- Земсков М.В.* Вопрос о репатриации советских граждан // «История СССР», 1990, № 4. С. 40–55.
- Ивашов Л.Г., Емелин А.С.* Нравственные и правовые проблемы плена в отечественной истории // ВИЖ, 1992, № 1. С. 47–60.
- Истребительная война на востоке. Преступления вермахта в СССР. 1941–1944. Доклады / Под ред. Габриэля Горцика и Кнута Штанга. – М.: «Аиро-XX», 2005. – 96 с. (см. также: http://knigipoistcccp.diinoweb.com/files/Voina_na_vostoke.zip).
- Карнер Стефан.* Архипелаг ГУПВИ. Плен и интернирование в Советском Союзе 1941–1956 / Пер. с нем. О.Асписовой. – М.: РГГУ, 2002. – 303 с. (см. также http://knigipoistcccp.diinoweb.com/files/Karner_Arhipelag_GUPVI.zip).
- Картье Р.* Тайны войны: По материалам Нюрнбергского процесса. – Саратов: Поволжская академия государственной службы, 2000. – 204 с.
- Кожневников Ф.И.* Великая Отечественная война Советского Союза и некоторые вопросы международного права. – М.: «Юриздат», 1954. – 376 с.
- Козлов В.И.* О людских потерях СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // «История СССР», 1989, № 12. С. 58–65.
- Конасов В.Б., Кузьминых А.Л.* Судьба советских военнопленных в нацистской Германии. (Рец. на: *Ерин М.Е.* Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. (Ярославль, 2005) // ВИЖ, 2006, № 8. С. 78–79.)
- Конасов В.П., Терещук А.В.* К истории советских военнопленных (1941–45 гг.) // «Новая и новейшая история», 1996, № 5. С. 54–74.
- Краснов В.В.* К суду истории. – Саратов: Приволжское книжное изд-во, 1986. – 174 с.
- Кудряшов С.* Предатели, освободители или жертвы войны? // «Свободная мысль», 1993, № 14. С. 84–115.
- Кудряшов С.* Чувство голода было подавляющим // «Родина», 2003, №2. С. 63–81.
- Лебедева Н.С.* Подготовка Нюрнбергского процесса. – М.: «Наука», 1975. С. 238.
- Лемешук Н.М.* Не склонив головы. (О деятельности антифашистского подполья в гитлеровских застенках). 2-е изд. – Киев, 1978. – 154 с. (1-е изд.: Киев, 1978. – 135 с.)
- Меженько А.В.* Военнопленные возвращались в строй // ВИЖ, 1997, № 5. С. 31–44.
- Минасян Н.М.* Международные преступления третьего рейха. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1977. – 387 с.
- Мюллер Н.* Вермахт и оккупация, 1941–1944: О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Пер. с нем.; Предисл. А.Ф.Юденкова. – М.: Воениздат, 1974. 387 с.
- Немецко-фашистский оккупационный режим. – М.: Политиздат, 1965. – 388 с.
- Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. И.В.Розанова; общ. ред., вступ.

- статья и предисл. И.М. Фрадкина. – Смоленск: «Русич», 1993.
- Полторак А.И.* Нюрнбергский эпилог. – М.: Воениздат, 1965. – 552 с. – «Военные мемуары» (см. также: http://militera.lib.ru/memo/russian/poltorak_ai/index.html).
- Полторак А.И., Савинский Л.И.* Вооруженные конфликты и международное право. – М.: «Наука», 1976. – 416 с.
- Полян П.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем рейхе и их репатриация. – М.: Ин-т географии РАН, Ин-т по изуч. последствий войн им. Л.Большмана, 1996. – 442 с.
- Полян П.* Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. – М.: «РОССПЭН», 2002. – 511 с.
- Полян П.М.* Советские граждане в Рейхе: сколько их было? // «Социологические исследования», 2005, № 5. С. 95–100.
- Проблемы военного плена: история и современность. Материалы Международной научно-практической конференции 23–25 октября 1997 г. в г. Вологде. В 2-х ч. – Вологда, 1997.
- Пронин А.В.* Трагедия плена: гуманизм против бесчеловечности // ВИЖ, 1998, № 1. С. 80–87.
- Просьянкина Т.Ю.* Документальные публикации по истории Великой Отечественной войны на страницах российских журналов (1990–1994 гг.) // «Исторический архив», 1995, № 3. С. 216.
- Пустогаров В.В.* Международное гуманитарное право. – М.: Институт государства и права РАН, 1997. – 55 с.
- Пустогаров В.В.* Неофашизм и международная безопасность. – М.: «Наука», 1989. – 253 с.
- Пыхалов И.* Правда и ложь о советских военнопленных // «Спецназ России», 2005, № 9 (<http://www.specnaz.ru/article/?776>).
- Романов В.А.* Исключение войны из жизни и общества. Международно-правовые проблемы. – М.: Госюриздат, 1961. – 200 с.
- Ромашкин П.С.* Военные преступления империализма. – М.: Госюриздат, 1963. – 440 с.
- Ромашкин П.С.* Преступления против мира и человечества. – М.: «Наука», 1967. – 357 с.
- Семиряга М.И.* Судьбы советских военнопленных // «Вопросы истории», 1995, № 4. С. 19–33.
- Семиряга, М.И.* Тюремная империя нацизма и ее крах. – М.: «Юрид. литература», 1991.
- Скворцов Ю.* На «камне смерти» положи цветок // «Труд», 1988, 21 мая.
- Словарь международного права. – М., 1997. С. 168.
- Советские военнопленные: бухгалтерия по-фашистски // ВИЖ, 1991, № 9, С. 30–43.
- Сорокин И.А.* «Лагерь 48» // «Отечественная история», 2001, № 6. С. 95–102.
- Урланис Б.Ц.* История военных потерь вооруженных сил Европейских стран в войнах XVII–XX вв. (историко-статистич. исследование). – СПб.: «Полигон», 1998. – 559 с.
- Шнеер Арон.* Плен. Советские военнопленные в Германии, 1941–1945. – М.: «Мосты культуры»/«Гешарим», 2005. – 624 с.
- Штрайт К.* Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные. 1941–1945 гг. – М.: Издательство иностранной литературы, 1978. – 468 с.
- Штрайт К.* Солдатами их не считать. Вермахт и советские военнопленные в 1941–1945 гг. / Сокр. пер. с нем. – М.: «Прогресс», 1979. – 113 с.
- Штрайт Кристиан.* Они нам не товарищи. Вермахт и советские военнопленные. (Главы из книги) // ВИЖ, 1992; 1993; 1994.
- Штрайт К.* Советские военнопленные в Германии // Россия и Германия в годы войны и мира (1941–1995). – М.: «Гея», 1995. – С. 310.
- Шелокаева Т.А.* Юридические основания уголовного преследования иностранных военнопленных в СССР (1939–1956 гг.) // «Право и политика», 2000, № 7. С. 55–63.
- Эрлихман В.* Потери народонаселения в XX веке. Справочник – М., 2004. – 176 с.
- Якобсен Х.* Приказ о комиссарах и массовые убийства советских военнопленных. – М.: Политиздат, 1965.

Другие материалы в интернете:

- Веремеев Ю.* Нормы питания немецких военнопленных в 1941–1943 годах // <http://armor.kiev.ua/army/hirt/-paek-sov-plennyx.shtml>
- Веремеев Ю.* Нормы питания советских военнопленных в 1941г. // <http://armor.kiev.ua/army/hirt/-paek-sov-plennyx.shtml>
- Веремеев Ю.* СССР и Женевская Конвенция о военнопленных // <http://armor.kiev.ua/army/hirt/-genev-konvencia.shtml>

Гастинг Макс. Уроки Нюрнберга // <http://shoa.com.ua/php/content/view/468/9/>
Дембицкий Н.П. Судьба пленных // http://scepis.ru/library/id_1250.html
Кривошеев Г.Ф. Анализ сил и потерь на советско-германском фронте. (Доклад на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны 29.12.1998 г.) // <http://www.hrono.ru/statii/2003/krivosh.html>
Малыгина С.А. Советские военнопленные второй мировой войны: первые итоги научного изучения // Материалы научных конференций студентов и аспирантов исторического факультета ТГУ. 1998–2001 гг. //

<http://www.humanities.edu.ru/db/msg/50890>
Полян Павел. Прорыв в исследованиях о советских военнопленных и конфронтация памяти о мертвых с памятью о живых (к итогам одной интересной конференции) // <http://www.demoscope.ru/weekly/027/nauka02.php>
Преступное отношение к советским военнопленным // <http://wolfschanze.newmail.ru/3.htm>
«Советские военнопленные во время Великой Отечественной войны» // <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (в этой же статье Википедии можно найти также ссылки на публикации по этой теме, в т. ч. в интернете).

От редактора:

Конечно, приведенный выше список публикаций далеко не полон. В последние годы в России публикуется (как в печати, так и в интернете) все более материалов, так или иначе связанных с преступлениями вермахта по отношению к военнопленным и судьбе советских военнопленных в Германии. Новые, неизвестные ранее, события, открытые в документах, фото-материалах и подтвержденные свидетелями, часто просто шокируют своими зверствами и циничностью. Дискуссии в ту-зоне интернета часто завершаются весьма жесткими резюме.

Отметим также, что справедливость по отношению к советским военнопленным далеко не восторжествовала. Подавляющее число нацистских военных преступников отделалось вместо расстрелов тюремными сроками, которые в 50-е годы в большей своей массе были отменены; нацисты, оказавшиеся в англо-американской зоне оккупации, уже сразу после войны отделались символическими наказаниями.

Не получили должной оценки преступления и зверства нацистов в общественной и государственной оценке современной Федеративной Республики Германии. Ныне западная пропаганда на 100% обеспокоена превышениями и злоупотреблениями исключительно с советской стороны. Если к преступлениям по отношению к лицам еврейской национальности, пострадавшим в результате нацистских преследований (холокост), осуждающие оценки приняты на государственном уровне, то по отношению к советским военнопленным и интернированным советским гражданам с оккупированных советских территорий ныне проводится политика замалчивания на фоне истерии по поводу злоупотреблений и преступлений со стороны советских войск во время последовавшей после разгрома фашистской Германии советской оккупации.

Не мы начинали войну. Не мы с бомбардировками и тактикой выжженной земли пришли на территорию противника.

Чем занимался немецкий солдат на оккупированной советской территории? только ли «воевал... стрелял в противника, ел тушенку, праздновал рождество...»? Оказывается еще «...насилывал, жег деревни, резал скот, расстреливал пленных, стрелял по курам, грабил по домам, убивал прикладом пленных, просивших у русских баб хлеба, срал в Ясной Поляне, взрывал церкви, набивал колодцы детьми, выгонял людей на мороз в норы и землянки, расстреливал с воздуха беженцев, морил голодом целые районы, сжигал деревни вместе с жителями, посылал баб на разминирование, расстреливал юношей мужского пола при отступлении...» (привожу наиболее типичные цитаты из дискуссий на эту тему в интернете).

Миллионы советских людей встали на защиту Родины и погибли в боях... Сотни тысяч военнопленных и мирных граждан расстреляны, повешены и сожжены заживо... Миллионы угнанных в плен, погибли от голода, пыток и нечеловеческого обращения...

Можно ли это простить?... Даже если виновники и их покровители (а теперь и их потомки) об этом и не просят прощения?... А можно ли об этом просто тупо забыть??

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (ПЕРСОНАЛИИ)

А

Альбрехт, доктор, полномочный советник посольства (правовой отдел министерства иностранных дел) 239, 427, 430

Альперс, Фридрих, статс-секретарь в имперском управлении лесного хозяйства 344

Альтенштадт, Иоганн Шмидт фон, подполковник генерального штаба, начальник военно-административного отдела при генерал-квартирмейстере сухопутных сил 29, 81, 143, 328, 330, 396

Амброс, Отто, профессор, доктор, член правления концерна «ИГ Фарбен АГ» 230, 423, 424

Арним, Ганс-Юрген фон, генерал-лейтенант, командир 17-й танковой дивизии 88

Б

Баке, Герберт, статс-секретарь в имперском министерстве пищевой промышленности, с 1942 г. – министр пищевой промышленности 147, 153, 156, 293, 314, 344, 345, 387

Барт, начальник военно-административного отдела в военно-экономическом штабе «Восток» 344

Баум, советник дипломатической миссии, представитель министерства иностранных дел при Розенберге 358, 383

Бах-Зелевский, Эрих фон, обер-группенфюрер СС, в 1941 г. инспектор полиции и СС «Центральной России», в 1943 г. – начальник подразделений по борьбе с бандитизмом, в 1945 г. – начальник штаба командующего армией резерва 107, 128, 266, 370, 438, 447

Беггелин, Константин фон, подполковник, начальник штаба, а также отдела имперских территорий в общем управлении ОКВ 275, 361, 441

Бек, Людвиг, генерал-полковник, в 1935–1938 гг. – начальник генерального штаба сухопутных сил, участник заговора против

Гитлера (в июле 1944 г.), покончил с собой 13, 23, 35, 54, 57, 61, 338, 339, 342, 377

Белов, Николай фон, полковник, адъютант Гитлера при авиации 306

Бендер, доктор, министериаль-диригент, референт в имперском министерстве финансов 298–301, 449

Бенч, полковник генерального штаба, генерал-квартирмейстер сухопутных сил 384

Бергер, Готлоб, обер-группенфюрер СС, начальник главного управления СС, с октября 1944 г. – начальник службы по делам военнопленных 282, 307–309, 311, 312, 411, 430, 450–452

Беренс, старший врач (131-й пересыльный лагерь в Бобруйске) 166

Бест, Вернер, доктор, обер-группенфюрер СС 331

Бласковиц, Иоганн, генерал-полковник, главнокомандующий группой армий «Восток» 54, 337, 373

Блобель, Пауль, руководитель зондеркоманды 4а 120, 125, 126

Бломберг, Вернер фон, генерал-фельдмаршал, военный министр 59, 325, 338, 341, 371

Бок, Макс фон, командующий XX корпусным округом (Данциг) 337

Бок, Федор фон, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий группой армий «Центр» 45, 109, 127, 166, 177, 179, 180, 200, 321, 329, 333, 337, 363, 364, 374, 391, 399, 455

Борман, Мартин, начальник партийной канцелярии 46, 72, 75, 156, 207, 275, 277, 310, 314, 325, 345, 347, 348, 412, 415, 428, 434, 442, 451, 452

Брауне, Вернер, доктор, обер-штурмбанфюрер СС, руководитель зондеркоманды 11b 373

Браухич, Вальтер фон, генерал-фельдмаршал, в 1938–1941 гг. – главнокомандующий сухопутных сил 17, 23, 29, 30, 32, 33, 35, 39, 43–47, 50–53, 56, 57, 61, 62, 75, 80, 81, 84, 89,

- 109, 112, 113, 127, 130, 316, 317, 329, 331–334, 336–339, 342, 343, 353, 355, 362, 365, 372, 453
- Брахт, Фриц*, гауляйтер Верхней Силезии 229, 424
- Брейер, Ганс-Йоахим*, полковник, начальник отдела по делам военнопленных в общем управлении ОКВ 71, 75, 81, 97, 204, 233, 264, 346, 347, 358, 410, 427, 429, 440
- Бреннеке*, генерал, начальник штаба 4-й армии (1940 г.) и группы армий «Север» (1941 г.) 340, 406,
- Бройтигам, Отто*, доктор, генеральный консул, заместитель руководителя главного политического отдела в имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий 103, 104, 321, 359, 361, 367, 368, 402, 412, 429
- Брукман*, директор горнодобывающего предприятия («Фюрстл. Плессисше Бергверкс АГ» в Катовице) 283, 437, 443, 444
- Бурбёк, Вильгельм*, гауптштурмфюрер, ответственный за использование рабочей силы заключённых в главном управлении СС «бюджет и строительство» 230
- Бурдорф, Вильгельм*, генерал пехоты, начальник управления кадров сухопутных сил 71
- Бурхард, Карл Й.*, представитель Международного Комитета Красного Креста 242, 243
- Бусколь, Эрнст*, генеральный директор, председатель правления концерна «Гарпенер Бергбау АГ», руководитель окружной группы угольной промышленности Рура 223, 300, 421, 435, 449
- Буш, Эрнст*, генерал-полковник, командующий 16-й армией 396
- Булов, фон*, начальник заводской полиции в концерне Круппа 437, 441, 443
- Бютефиш, Генрих*, доктор, член правления концерна «ИГ Фарбен АГ» 229, 424
- В**
- Вагнер, Йозеф*, гауляйтер Силезии и рейхскомиссар по ценообразованию 418
- Вагнер, Эдуард*, генерал артиллерии, генерал-квартирмейстер в генеральном штабе сухопутных сил 29–33, 47, 50, 52, 80–83, 104, 105, 114, 115, 118, 143, 166, 167, 255, 327, 328, 330, 331, 335, 336, 339, 341, 346, 352, 355, 362, 372, 377, 391, 396, 404, 406, 444
- Вайцеккер, Эрнст фон*, статс-секретарь в министерстве иностранных дел 338, 430
- Варлимонт, Вальтер*, генерал-майор, начальник отдела «L» в штабе оперативного руководства вермахта 29–31, 36–41, 43, 44, 46–50, 61, 62, 75, 76, 92, 316, 327–336, 341, 343, 347, 350, 351, 355, 362
- Васкёниг*, директор горнодобывающего предприятия 423, 449
- Вегер*, доктор, генерал-лейтенант, начальник управления по вооружению в имперском министерстве вооружения и боеприпасов 446, 447
- Вейс* (имперское министерство по делам оккупированных восточных территорий) 438
- Вейс, Бернгард*, генеральный уполномоченный Флика 223, 226, 364, 400, 421, 422, 448, 449
- Вейхс, Максимилиан фон*, генерал-полковник, командующий 2-й армией 337
- Вестгоф, Адольф*, генерал-майор, начальник службы по делам военнопленных в ОКВ (1944 г.) и инспектор по делам военнопленных в ОКВ (с окт. 1944 г.) 71, 347, 450, 451
- Ветцель, Эрхард*, доктор, референт по вопросам расовой политики в имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий 409
- Вёлер, Отто*, полковник, начальник штаба 11-й армии 128
- Вельцль, доктор*, капитан, начальник разведывательного отдела штаба VII корпусного округа в Мюнхене 360
- Винант, Джон*, посол США в Великобритании 429
- Виноградов Сергей Александрович*, советский дипломат в Турции 241, 242
- Витмер*, майор, комендант 185-го пересыльного лагеря 107, 108, 363
- Виттас, Пауль Риттер фон*, генерал-лейтенант для поручений, начальник службы содержания военнопленных в генерал-губернаторстве 351
- Вицлебен, Эрвин фон*, генерал-фельдмаршал, командующий 1-й армией 337
- Вольф, Карл*, обер-группенфюрер СС, начальник личного штаба рейхсфюрера СС 229, 230, 424
- Вышинский, Андрей Януарьевич*, заместитель наркома иностранных дел СССР 241
- Г**
- Габель*, руководитель отдела горной промышленности в имперском министерстве экономики 418

- Гайсерт, Виктор*, генерал-лейтенант для поручений, начальник службы содержания военнопленных при командующем вооружёнными силами «Остланда» 158
- Гальдер, Франц*, генерал-полковник, начальник генерального штаба сухопутных сил в 1938–1942 гг. 17, 29–35, 39, 40, 43, 46, 47, 50, 52–54, 57, 58, 61, 62, 78, 80, 81, 84–86, 89, 111, 127, 166, 177, 316, 317, 327–335, 337–339, 343, 346, 348, 352–355, 362, 365, 374, 391–393, 396, 403, 404, 428, 443
- Гebbельс, Йозеф*, министр пропаганды 90, 189, 203, 247, 249, 411, 413, 430
- Гейдрих, Рейнхард*, обер-группенфюрер СС, начальник главного управления имперской безопасности и СД 31–33, 47, 50, 52, 75, 81, 92, 93, 96, 97, 99, 103–105, 108, 109, 114, 118, 132–134, 316, 326, 328, 336, 337, 339, 341, 353, 357, 358, 361–364, 368, 370, 372, 373, 375, 377, 420, 424, 426
- Гейленберг, Эдмунд* 311, 421
- Генуит, Вильгельм*, директор завода «Лиутпольдхютте» в Амберге концерна «Рейхсверке Герман Геринг» 266
- Гергот, Адольф*, генерал-лейтенант для поручений, начальник службы содержания военнопленных особого назначения в генерал-губернаторстве 79, 349–351
- Геринг, Герман* 28, 32, 63–65, 69, 72, 75, 98, 147, 151–153, 167, 182, 188, 206, 211, 213–218, 220–223, 229, 266, 289, 290, 306, 311, 324–326, 344, 345, 360, 378, 381, 384, 385, 387–389, 392, 398, 403, 406, 410, 411, 413, 415–421, 424, 428, 436, 445
- Герсдорф, Рудольф-Кристов фон*, майор генерального штаба, офицер абвера разведотдела группы армий «Центр» 126, 127, 374
- Гёдеке*, подполковник, руководитель службы по делам военнопленных при окружной группе угольной промышленности Рура 288
- Гёрделер, Карл Фридрих*, доктор 18, 61
- Гёрнерт*, доктор, инженер, министерский советник, личный референт Геринга 384
- Гильхаузен*, полковник, начальник штаба командующего тыловым районом группы армий «Б» 431
- Гиммлер, Генрих*, рейхсфюрер СС 10–12, 14, 28, 30, 31, 33, 46, 53, 65, 68, 71, 72, 75, 81, 116, 118, 126, 132, 134, 190, 196–198, 204, 214, 219, 228–235, 269, 270, 274, 282, 294, 306, 307, 309, 311, 317, 324, 325, 327, 337, 345, 346, 353, 358, 359, 362, 365, 370, 375–377, 411, 420, 423, 424, 426, 427, 438, 441, 447, 450
- Гинденбург, Оскар фон Бенкендорф*, генерал-лейтенант для поручений, начальник службы содержания военнопленных в I корпусе в Кёнигсберге 350
- Гитлер, Адольф* 10–13, 17, 22–26, 28–40, 46–48, 50–58, 61–64, 66–68, 71–73, 75, 80, 82, 84–86, 92, 97, 101, 115, 121, 123, 124, 127, 132, 141, 156, 167, 189, 190, 195, 198, 201, 202, 206–208, 211–213, 215, 217, 218, 239–241, 245–250, 253, 256, 268, 272, 275, 281, 289, 290, 292–295, 306, 307, 311, 313–317, 321, 324–327, 329, 331–340, 343, 345, 347–349, 352–356, 360, 365, 368–374, 376–378, 381, 387, 392, 393, 404, 410–413, 416, 418, 419, 424, 428, 430, 445–447, 450, 452, 453
- Глюкс, Рихард*, бригаденфюрер СС, начальник ведомственной группы «Д» в главном управлении СС «администрация и экономика» и инспектор концентрационных лагерей 75, 229, 230, 233, 234, 311, 424, 426, 427
- Гольц, Рюдигер фон дер*, руководитель добровольческого корпуса в Прибалтике 341
- Гот, Герман*, генерал-полковник, командующий 3-й танковой группой, с 3 октября 1941 г. – 17-й армией 23, 89, 122, 123, 125, 130, 334, 372
- Гофман, Альберт*, гауляйтер Южной Вестфалии 310, 452
- Грамиш*, министерский-диригент в управлении 4-летним планом 420
- Гревениц, Ганс фон*, генерал-майор, начальник службы по делам военнопленных в ОКВ 71, 196, 249, 272, 277, 278, 281, 288, 301, 347, 439, 442, 450, 451
- Греифенберг, Ганс фон*, генерал, начальник штаба группы армий «Центр» 45, 166
- Грин* (гос. департамент США) 429
- Гроскопф*, полномочный советник посольства, представитель министерства иностранных дел при Розенберге 98, 358
- Гроскурт, Хельмут*, подполковник генерального штаба, начальник отдела для особых поручений в генеральном штабе сухопутных сил в 1939–1940 гг., начальник оперативно-го отдела 295-й пехотной дивизии в 1941 г. 53, 57, 125, 126, 329, 335, 337–340, 343, 349, 363, 372, 374, 413, 414
- Гудериан, Хейнц*, генерал-полковник, командующий 2-й танковой группой 18, 354, 372
- Гуль, Кордел*, гос. секретарь США 243, 429

Д

- Дарре, Рихард Вальтер*, министр пищевой промышленности в 1933–1942 гг. 418
- Дегенкольт*, председатель главной комиссии рельсового транспорта 421, 422
- Дейшл, Ганс*, доктор, обер-фюрер СС 190
- Детмеринг, Рольф*, генерал-лейтенант, начальник службы содержания военнопленных в VIII корпусном округе в Бреслау 311
- Дёла*, генерал-лейтенант, комендант 553-го тылового района 373
- Димер-Вильрода*, подполковник, руководитель организационного ведомства отдела по делам военнопленных в ОКВ 350
- Динкелакер*, председатель особой комиссии по тракторам 223, 421
- Дорш, Ксавьер*, министерский советник, организация Тодта 138, 379
- Дорфельд, Вальтер*, доктор, руководитель проекта концерна «ИГ Фарбен АГ» по строительству завода по производству каучука в Освенциме 230, 423, 424

Е

- Егер, Карл*, штандартенфюрер СС, руководитель 3-й айнзацкоманды 361, 371
- Енике, Гюнтер*, лейтенант права (отдел международного права управления разведки и контрразведки в ОКВ) 321, 346, 427–429, 431
- Ельцин Борис Николаевич* 22*
- Ешонок, Ганс*, генерал-полковник, начальник генерального штаба авиации 40

Ж

- Жюно, Марсель*, доктор, представитель Международного Комитета Красного Креста 241, 242, 246, 429

З

- Зальмут, Ганс фон*, генерал пехоты, начальник штаба группы армий «Б», командир 30-го армейского корпуса 336, 375
- Зандбергер, Мартин*, штандартенфюрер СС, руководитель зондеркоманды 1а 116
- Занто*, главный инженер (концерн «ИГ Фарбен АГ») 423
- Заукель, Фриц*, гауляйтер Тюрингии, генеральный уполномоченный по использованию

рабочей силы 156, 207, 221, 223, 235, 252, 253, 289, 290, 292, 293, 301, 346, 387, 411, 418–420, 445–447

- Заур, Карл Отто*, начальник технического управления в имперском министерстве вооружения и боеприпасов 441
- Заур, Отто Риттер фон*, генерал-лейтенант, начальник службы содержания военнопленных в VII корпусном округе в Мюнхене 100–102, 360
- Зельдте, Франц*, министр труда 216
- Зогемейер, Мартин*, доктор, управляющий делами имперского объединения угля 262, 417, 448, 451
- Зоденитерн, Георг фон*, генерал пехоты, начальник штаба группы армий «Юг» 126

И

- Иден, Энтони*, министр иностранных дел Великобритании 429
- Ин*, директор (концерн Круппа) 421

Й

- Йодль, Альфред*, генерал артиллерии, начальник штаба оперативного руководства вермахта 29, 30, 36, 37, 39–41, 46, 48–50, 52, 71, 75, 88, 92, 132, 136, 198, 247, 250, 326, 327, 331, 332, 334–336, 338, 339, 353, 400, 452, 453

К

- Кайзер, Герман*, капитан (в ведомстве начальника вооружения сухопутных сил и командующего армией резерва в ОКВ) 453
- Кальтенбруннер, Эрнст*, доктор, обер-группенфюрер, начальник полиции безопасности и СД 307, 309, 446
- Канарис, Вильгельм Франц*, адмирал, начальник управления разведки и контрразведки в ОКВ 35, 54, 57, 75, 192, 244, 245, 272, 328, 329, 335, 353, 358, 378, 385, 405, 427
- Кейтель, Вильгельм*, генерал-фельдмаршал, начальник верховного командования вермахта 7, 15, 29, 30, 37, 41, 46, 48, 50, 52, 59, 71, 75, 76, 81, 97, 152, 187, 192, 195–197, 205, 215, 216, 220, 231, 239, 240, 244, 245, 247, 249, 250, 272, 275, 281, 290, 293, 295, 297, 306, 315, 316, 319, 321, 324, 325, 327, 331, 333–335, 338, 347–350, 353, 363, 368, 371, 372, 375, 377–379, 385, 400, 402, 403, 405, 411, 412, 419, 425, 428, 430, 446–448, 450, 455

* Лица, отмеченные знаком «*», отсутствовали в разделе «Персоналии» немецкого издания.

- Кемпф*, обер-квартирмейстер армейской группы 406*
- Керл, Ганс*, начальник управления планирования в имперском министерстве вооружения и боеприпасов 221, 296
- Кёнигсхаус, Франц*, гауптштурмфюрер СС, управляющий отделом IV А 1 с в главном управлении имперской безопасности 268, 359, 407
- Кёппен*, доктор, штандартенфюрер СА, личный референт Розенберга 324, 348, 382
- Кёппен, Вернер* 412, 413*
- Кёрнер, Пауль*, статс-секретарь в управлении 4-летним планом, член «Центрального Планирования» 221, 289, 344–346, 412, 413, 415–418
- Киришнер*, подполковник 416
- Китцингер, Карл*, генерал-лейтенант, командующий вооружёнными силами на Украине 141, 381
- Клаасен*, министерский советник 443
- Клеебергер*, генерал-интендант при генерал-квартирмейстере сухопутных сил 384
- Клейст, Эвальд фон*, генерал-полковник, командующий 1-й танковой группой 119
- Клеменс*, капитан (в отделе по делам военнопленных) 428
- Клопфер, Герхард*, доктор, руководитель 3-го отдела партийной канцелярии 331, 439
- Клюге, Гюнтер фон*, генерал-фельдмаршал, командующий 4-й армией 45, 82, 138, 333, 336, 337
- Кнеппер, Густав*, председатель правления концерна «Гельзенкирхенер Бергверкс АГ» 300, 449
- Коллонтай, Александра Михайловна*, советский посол в Швеции 243, 430
- Конрих*, профессор, доктор, санитарный инспектор службы по делам военнопленных 406
- Кох, Эрих*, гауляйтер Восточной Пруссии и рейхскомиссар «Украины» 345, 413
- Краух, Карл*, член правления и председатель наблюдательного совета концерна «ИГ Фарбен АГ», генеральный уполномоченный по специальным вопросам химического производства 229, 416, 417, 424
- Крафт, Теодор*, полковник, начальник организационного отдела службы по делам военнопленных 408
- Кребс, Ганс*, генерал-майор, начальник штаба 9-й армии 254
- Круппы* (Берта Крупп, ее муж Густав Крупп фон Болен-унд-Хальбах и Альфрид, их сын), представители династии немецких промышленников из Эссена, известной с XVI в., обеспечили мощь Германии в вооружениях в период Первой и Второй мировых войн 388, 414, 421, 423, 424, 437, 441*
- Кюхлер, Георг фон*, генерал-полковник, командующий 18-й армией 57, 334, 337, 340, 373, 376

Л

- Ламмерс, Ганс-Генрих*, доктор, начальник имперской канцелярии 207, 325, 412, 418, 428
- Латман, Эрих*, доктор, старший советник военной юстиции, руководитель III группы (правового отдела) при генерале для особых поручений в ОКХ 29, 43, 44, 46, 50, 51, 88, 332–334, 340
- Лахузен фон Вивремон, Эрих*, полковник, руководитель 2-го отдела управления разведки и контрразведки в ОКВ 97, 348, 358, 361, 368, 400, 429
- Леб, Вильгельм Риттер фон*, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий группой армий «Север» 334, 337, 354
- Лей, Роберт*, доктор, руководитель Немецкого Трудового Фронта 413
- Леман, Генрих*, доктор (концерн Круппа) 388, 414, 437
- Леман, Рудольф*, министерский диригент, начальник правового отдела вермахта 29, 36–44, 50, 75, 322, 330–337
- Лемельзен*, генерал, командир 47-го танкового корпуса 18, 322
- Леч*, доктор, министерский советник (в имперском министерстве труда) 364, 416, 419, 420
- Лёрнер, Георг*, обер-фюрер СС, начальник 1 отдела в главном управлении СС «бюджет и строительство» 229
- Либхеншель, Артур*, обер-штурмбанфюрер СС (главное управление СС «администрация и экономика», управленческая группа «Д») 407
- Линдов, Курт*, штурмбанфюрер СС, руководитель отдела IV А 1 в главном управлении имперской безопасности 196, 268, 359
- Лиска*, штурмбанфюрер СС, чиновник связи при начальнике службы содержания военнопленных в генерал-губернаторстве 268, 407
- Лозе*, доктор, подполковник, руководитель службы по делам военнопленных при ок-

- ружной группе угольной промышленности Верхней Силезии 288
- Лозе, Генрих*, гауляйтер Шлезвиг-Гольштейна и рейхскомиссар «Остланда» 345, 413
- Лонг*, заместитель государственного секретаря США 243, 429
- Лоссберг, Бернгард фон*, подполковник генерального штаба, руководитель группы I (ор) отдела «L» в штабе оперативного руководства вермахта 392, 393
- Людерс*, полковник, офицер связи ОКВ при имперском объединении угля 288
- М**
- Майский, Иван Михайлович*, советский посол в Великобритании 243, 429
- Макебен*, посол, представитель министерства иностранных дел в ОКВ 239, 428
- Макензен, Август фон*, генерал-фельдмаршал 343
- Мансфельд, Вернер*, министриаль-директор, руководитель V главного отдела в имперском министерстве труда и рабочей группы по использованию рабочей силы в управлении 4-летним планом 135, 141, 153, 182, 187, 219, 220, 378, 381, 382, 387, 398, 403, 419, 420
- Манштейн, Эрих фон*, генерал пехоты, командир 56-го танкового корпуса, затем – командующий 11-й армией, с 1942 – генерал-фельдмаршал 121, 122–125, 129–131, 170, 171, 372, 373
- Марвиц-Фридерсдорф фон дер* 343*
- Маршалл*, полковник, комендант по делам военнопленных округа «J» 139, 158, 164, 169, 172, 174, 185, 186, 395, 402
- Мейер-Хетлинг, Конрад*, штандартенфюрер СС, руководитель управления планирования в штабе рейхскомиссариата обороны 325
- Мейнелъ*, майор, офицер по использованию рабочей силы при начальнике службы содержания военнопленных в VII корпусном округе 101, 102, 360
- Менде, Герхард фон*, профессор (в имперском министерстве по делам оккупированных восточных территорий) 97, 358, 359
- Мильх, Эрхард*, генерал-фельдмаршал, генерал-инспектор авиации, член «Центрального Планирования» 221, 289, 418, 420, 421
- Мойрер, Фриц*, полковник, начальник штаба начальника службы по делам военноплен-
- ных при командующем армией резерва в 1944–1945 гг. 308, 309, 312, 451, 452
- Молотов, Вячеслав Михайлович*, нарком иностранных дел СССР 238, 248, 429
- Мольтке, Хельмут Джеймс фон*, граф, сотрудник отдела международного права управления разведки и контрразведки в ОКВ 138, 192, 237, 244, 245, 247, 250, 272, 321, 378–380, 385, 397, 403, 427, 429, 430, 440
- Мориц*, министриаль-директор в имперском министерстве пищевой промышленности 153
- Мост*, майор, гарнизонный комендант Могилёва 107
- Муссет*, доктор, начальник военно-административного отдела в военно-экономическом штабе «Восток» 344
- Мюллер, Генрих*, группенфюрер СС, начальник IV управления в главном управлении имперской безопасности 97, 98, 102, 142, 196, 197, 221, 234, 267, 270–272, 358, 361, 362, 364, 365, 408, 420
- Мюллер, Ойген*, генерал-лейтенант, генерал для особых поручений при главнокомандующем сухопутных сил 29, 38–41, 43–48, 50, 52, 56, 75, 81, 89, 91, 112, 113, 191, 322, 331–339, 342, 343, 353–356, 362, 368, 374, 404, 407, 426
- Н**
- Нагель, Ганс*, генерал-майор, начальник штаба связи управления военной экономики и вооружения при Геринге 215, 384
- Небе, Артур*, бригаденфюрер СС, начальник айнзацгруппы «Б» 117, 118, 127, 128, 374
- Нейман, Эрих*, статс-секретарь в управлении 4-летним планом 411
- Нейрат, Константин фон*, министр иностранных дел в 1933–1938 гг. 338
- Нельс*, капитан (полицейский полк «Центр») 107
- Норкус*, инспектор предприятий (окружная группа угольной промышленности Рура) 286, 287, 300, 423, 437, 438, 444
- Норман фон*, министерский советник (в управлении 4-летнего плана) 417
- О**
- Олендорф, Отто*, штандартенфюрер СС, начальник айнзацгруппы «Д» 128, 372, 373, 376, 377, 438, 439
- Ольбрихт, Фридрих*, генерал пехоты (1940),

- начальник общего управления сухопутных сил, участник заговора против Гитлера, расстрелян в 1944 г. 255, 446
- Остер, Ганс*, полковник, начальник штаба управления разведки и контрразведки в ОКВ 35, 54, 57, 61, 342, 353, 413
- Остеркамп*, генерал-лейтенант, начальник административного управления сухопутных сил 384
- Остеррайх, Курт*, генерал-лейтенант, начальник службы содержания военнопленных в XX корпусном округе в Данциге 350
- П**
- Паннинг, Герхард*, доктор, полковник медицинской службы 361
- Панцингер, Фридрих*, обер-фюрер СС, руководитель группы IV А главного управления имперской безопасности 102, 360
- Папен, Франц фон*, в 1932 г. – рейхсканцлер, немецкий посол в Турции 242, 243, 429
- Пассе*, министеряль-директор, чиновник связи партийной канцелярии в ОКВ 442
- Петцель, Вальтер*, генерал артиллерии, командующий XXI корпусным округом в Познани 337
- Пифрадер, Гумберт*, доктор, обер-фюрер СС (главное управление имперской безопасности) 408
- Плейгер, Пауль*, председатель имперского объединения угля 212–216, 218, 221, 227, 266, 285, 289, 290, 292–294, 296, 300, 301, 415–418, 421, 423, 444–449
- Поензген, Эрнст*, председатель правления концерна «Ферайнигтен Штальверке АГ» 209, 210, 386, 414
- Поль, Освальд*, обер-группенфюрер СС, начальник главного управления СС «администрация и экономика», «бюджет и строительство» 75, 229, 230, 296, 307, 309, 424
- Попиц, Иоганн*, профессор, доктор 61, 342
- Пток*, доктор (концерн «Фюрстл. Плессише Бергверкс АГ» в Катовице) 285, 443
- Путце, Освальд*, доктор, генеральный директор, председатель правления концерна «Линке-Гофман АГ» 422
- Пфундтнер, Ганс*, статс-секретарь в имперском министерстве внутренних дел 413
- Р**
- Рахнер, Гюнтер*, доктор, министеряль-диригент в имперском министерстве труда, начальник военно-административного отдела в военно-экономическом штабе «Восток» 344, 418
- Раш, Отто*, доктор, бригаденфюрер СС, начальник айнзагруппы «Ц» 105, 106, 117, 118, 123
- Редер, Эрих*, адмирал, главнокомандующий военно-морскими силами 339
- Рейнеке, Герман*, генерал пехоты, начальник общего управления в ОКВ 13, 15, 20, 71, 75, 76, 81, 96–99, 102, 109, 113, 141, 153, 154, 170, 186, 187, 189, 191, 192, 196, 197, 205, 206, 208, 213, 221, 231, 235, 240–242, 244–250, 255, 268–270, 272, 275–277, 280, 281, 288, 306, 308, 316, 321, 329, 334, 337, 338, 343, 346–350, 357, 358, 361, 363, 364, 371, 377–379, 385, 396, 400, 403, 405, 408, 411, 412, 414, 415, 419, 425, 427–431, 440, 442, 443, 450, 451
- Рейхенау, Вальтер фон*, генерал-фельдмаршал, командующий 6-й армией 23, 59, 107, 117, 119–123, 125, 126, 130, 131, 171, 181, 200, 368, 371, 372
- Рейхерт, Якоб Вильгельм*, главный управляющий делами хозяйственной группы металлургической промышленности 414
- Рёслер*, майор 372
- Рёхлинг, Герман*, председатель имперского объединения железа 423, 446
- Риббентроп, Йоахим фон*, министр иностранных дел 98, 240, 246, 247, 404, 411, 430, 431
- Рике, Ганс-Йоахим*, начальник группы сельского хозяйства в военно-экономическом штабе «Восток», министеряль-директор в имперском министерстве пищевой промышленности 344, 345
- Риттер, Карл*, посол (министерство иностранных дел) 248, 404, 430
- Розенберг, Альфред*, министр по делам оккупированных восточных территорий 67–69, 97, 98, 138, 182, 187, 203, 204, 324, 335, 345, 346, 358, 359, 361, 377, 381, 383, 402, 411, 413, 418, 428, 431
- Рок, Карл фон*, генерал пехоты, командующий тыловым районом группы армий «Юг» 105, 129, 321, 334, 376, 392, 455
- Рок, Фриц фон*, генерал пехоты, командующий тыловым районом группы армий «Север» 195
- Роланд, Вальтер*, доктор, заместитель председателя правления концерна «Ферайнигтен Штальверке АГ», заместитель начальника

- управления по вооружению в имперском министерстве вооружения и боеприпасов 421
- Ронсалли, Анджело Джузеппе*, монсиньор, папский легат в Турции 430
- Рор, Ганс-Йоахим фон*, землевладелец 155, 386
- Рот*, земский советник (Могилёв) 107
- Рузвельт, Франклин Делано*, президент США 248, 392
- Рундштедт, Герд фон*, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий группой армий «Юг» 105, 116, 119, 121, 125, 375
- С**
- Серафим*, профессор, старший военный советник 376, 381
- Сируп, Фридрих*, статс-секретарь в имперском министерстве труда 344, 416
- Сталин (Джугашвили), Иосиф Виссарионович* 22, 31, 85, 113, 135, 136, 242, 319, 325, 392
- Т**
- Тенгельман, Эрнст*, председатель правления концерна «Штейнколенбергверке АГ» в Эссене 300, 435, 449
- Тер Меер, Фриц*, доктор («ИГ Фарбен АГ») 424
- Тесмер*, директор военно-административного отдела (тылового района группы армий «Центр») 117
- Теттау, Ганс фон*, генерал-лейтенант, командир 24-й пехотной дивизии 178, 179, 200
- Тидеке*, гауптштурмфюрер СС, управляющий делами отдела IV А1 с в главном управлении имперской безопасности 359
- Типпельскирх, Вернер фон*, подполковник, руководитель группы IV/Qu. отдела «L» штаба оперативного руководства вермахта 29, 36, 41, 48, 49, 332, 335
- Типпельскирх, Курт фон*, генерал-майор, 4-й обер-квартирмейстер в генеральном штабе сухопутных сил 337, 339, 340
- Тирак, Отто Георг*, доктор, министр юстиции 270
- Тодт, Фриц*, министр вооружения и боеприпасов 138, 154, 205, 207, 213, 216, 254, 299, 379, 412, 413, 415, 418
- Томас, Георг*, генерал пехоты, начальник управления военной экономики и вооружения в ОКВ 18, 54, 64, 65, 68, 69, 75, 83, 201, 213, 215, 322, 327, 338, 343, 345–378, 409, 411–413, 415–417, 419
- Тресков, Хеннинг фон*, генерал-майор, начальник оперативного отдела группы армий «Центр» 336
- У**
- Улекс, Вильгельм*, генерал артиллерии, командир 10-го армейского корпуса 54
- Ф**
- Фалькенхан, Гюнтер*, генеральный директор, председатель правления концерна «Фюрстл. Плессише Бергверкс АГ» в Катовице 284, 382
- Фаульхабер*, доктор, советник военно-административного отдела (хозяйственной группы металлургической промышленности) 389
- Фауст*, главный инженер, руководитель строительства завода по производству каучука в Освенциме («ИГ Фарбен АГ») 230, 423, 424
- Фегельян, Герман*, группенфюрер СС, офицер связи «ваффен СС» при Гитлере 311
- Фишер*, доктор (имперское объединение угля) 446
- Флик, Фридрих* 223, 265, 421, 422, 435, 448, 449
- Фрайслер, Роланд*, доктор, президент Народной судебной палаты 72
- Франк, Ганс*, генерал-губернатор Польши 232, 311, 388
- Франк, Карл-Герман*, руководитель добровольческого корпуса судетских немцев 339
- Фридерики*, генерал, в ноябре 1941 г. – командующий тыловым районом группы армий «Юг» 392
- Фридрих Великий* 335*
- Фрич, Вернер фон*, генерал-полковник, главнокомандующий сухопутных сил в 1935–1938 гг. 130, 325, 338, 339
- Фрич, Карл*, гауптштурмфюрер СС, начальник превентивного заключения в концлагере Освенцим 235, 425
- Фриче, Ганс*, руководитель отдела немецкой прессы в имперском министерстве пропаганды 405
- Фромм, Фридрих*, генерал-полковник, начальник вооружения сухопутных сил и командующий армией резерва в ОКХ 70, 75, 307, 325, 347
- Фромме*, профессор, доктор, консультант по гигиене при командовании VI корпусного округа 435, 437

Функ, Вальтер, министр экономики 413, 418

Х

Халлер, Эдуард де, представитель Международного Комитета Красного Креста 242

Хандлозер, Зигфрид, профессор, доктор, генерал-полковник медицинской службы, санитарный инспектор сухопутных сил 403

Ханк, полковник генерального штаба, оберквартирмейстер 11-й армии 373

Ханнекен, Герман фон, генерал пехоты, младший статс-секретарь в имперском министерстве экономики 344, 345, 413

Хассель, Ульрих фон, посол в Риме в 1932–1937 гг. 18, 23, 28, 35, 54, 61, 126, 330, 338, 342, 344, 377, 409, 410

Хевель, Вальтер, постоянный представитель Риббентропа в ставке фюрера 240, 247, 428

Херман, Гюнтер, штурмбанфюрер СС, руководитель зондеркоманды 4b 123

Хён, Рейнхард, профессор, доктор, штандартенфюрер СС 331

Хёпнер, Эрих, генерал-полковник, командующий 4-й танковой группой 116, 117, 130, 330, 374

Хёсс, Рудольф, штурмбанфюрер СС, комендант концлагеря Освенцим 228–230, 234, 235, 423–426

Хойзингер, Адольф, генерал-майор, начальник оперативного отдела в генеральном штабе сухопутных сил 31, 85, 86, 328, 335

Хубер, Макс, президент Международного Комитета Красного Креста 238

Ц

Цейтцлер, Курт, генерал пехоты, с сентября 1942 г. – начальник генерального штаба сухопутных сил 432

Ш

Шахт, промышленник 338

Шверин фон Крозиг, Лютиц, граф, министр финансов 298, 300, 301, 418, 449

Шевалье, фон дер, генерал, командир 99-й лёгкой дивизии 368

Шелленберг, Вальтер, бригаденфюрер СС, начальник VI управления в главном управлении имперской безопасности 328

Шеммель, Николаус, генерал-лейтенант, начальник службы содержания военнопленных в XIII корпусном округе в Нюрнберге 102

Шенкендорф, Макс фон, генерал пехоты, командующий тыловым районом группы армий «Центр» 127, 128, 166, 172, 177, 179, 200, 358, 391, 400, 431

Шермер, обер-штурмфюрер СС (бюро мюнхенского гестапо) 360

Шерф, Вальтер, генерал-майор, начальник военно-исторического отдела в ОКВ 71

Шёрнер, Фердинанд, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий группой армий «Центр» (1945 г.) 257, 434

Шлоттерер, Густав, министеряль-диригент в имперском министерстве экономики, начальник военно-административного отдела в военно-экономическом штабе «Восток» 344

Шмаузер, Генрих, обер-группенфюрер СС, инспектор полиции и СС в Силезии 229

Шмидт, Рудольф, генерал танковых войск, командир 39-го армейского корпуса 330, 354

Шмитц, Эрнст Мартин, профессор, доктор, капитан права, советник по международно-правовым вопросам в управлении разведки и контрразведки ОКВ 237

Шмундт, Рудольф, генерал-лейтенант, шеф-адъютант вермахта при Гитлере 71, 315, 376, 453

Шоберт, Ойген Риттер фон, генерал-полковник, командующий 11-й армией 117, 119, 123, 372

Шнеер, Альберт, генеральный инспектор строительства имперской столицы, министр вооружения и боеприпасов и министр вооружения и военной продукции в 1942–1945 гг. 14, 156, 201, 207, 221, 252, 256, 263, 280, 289, 290, 294–296, 306, 309, 313, 314, 321, 343, 346, 379, 387, 410, 412, 413, 418–424, 442, 445–448, 453

Шталекер, Франц, доктор, бригаденфюрер СС, начальник айнзацгруппы «А» 116–118, 133, 377

Штауфенберг, Клаус Шенк фон, граф, майор генерального штаба, участник заговора против Гитлера (в июле 1944 г.), расстрелян 431

Штейнбринк, Отто 451

Штейнхардт, посол США в Советском Союзе 243, 429

Штеммер 437*

Штилер фон Хейдекампф, генерал, начальник экономической инспекции «Юг» 392

Штраус, Адольф, генерал-полковник, командующий 9-й армией 82

Штрейхер, Юлиус, гауляйтер Центральной Франконии 59, 130
Штрекенбах, Бруно, бригаденфюрер СС, начальник I управления в главном управлении имперской безопасности 438, 439
Штрасс, Эрнст, доктор («ИГ Фарбен АГ») 424
Штуккарт, Вильгельм, доктор, группенфюрер СС, статс-секретарь в имперском министерстве внутренних дел 331
Штюльпнагель, Карл-Генрих фон, генерал пехоты, командующий 17-й армией, в 1942 г. – командующий войсками во Франции, участник заговора против Гитлера (в июле 1944 г.), казнен 83, 117, 119, 123–125, 339, 368, 372, 374
Шуберт, Вильгельм, доктор, генерал-лейтенант, начальник военно-экономического

штаба «Восток» 64, 65, 152, 178, 181, 344, 345

Э
Эберхард, генерал-майор, комендант Киева 372
Эберштейн, Фридрих Карл фон, обер-группенфюрер СС, инспектор полиции и СС Мюнхена и Верхней Баварии 101, 102
Эйкмайер (концерн Круппа) 437
Эйсфельд, доктор («ИГ Фарбен АГ») 423
Энгель, Герхард, майор, адъютант Гитлера при сухопутных силах 30, 336, 343, 355, 370

Я
Ягвиц фон, подполковник, комендант 191-й полевой комендатуры 107

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Кристиан ШТРАЙТ

ОНИ НАМ НЕ ТОВАРИЩИ

**Вермахт и советские военнопленные
в 1941–1945 гг.**

ISBN 978-5-93165-147-7

0 7 8 5 9 3 1 6 5 1 4 7 7

Утверждено к печати – *Ю.В.Яшнев*
Выпускающий редактор *И.А.Настенко*
Технический редактор *О.Е.Пугачева*
Оформление, макет SPSL.

АНО «Русское историческое общество», НП ИД «Русская панорама».
109028, Москва, Серебряническая наб., 27, оф. 103. Тел.: (495) 9175983, 9177094.
E-mail: in@rus-pan.ru; web: www.rus-pan.ru

Подписано в печать 16.11.2008. Формат 70x100/16. Гарнитура SPSL-Dutch. Печать офсетная. 40 пр. печ. л. Бумага офсетная № 1. Тираж 1 500 экз. Заказ № 165.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП Калужской обл. «Облиздат».
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5.

Карта лагерей для советских военнопленных на территории Рейха. Лето 1941 г.
(Huser K., Otto R., Das Stammlager 326 (VI K) Senne 1941–1945. Bielefeld, 1992)

Это исследование профессора Гейдельбергского университета является самой цитируемой книгой по проблеме советских военнопленных в Германии в 1941–1945 гг. Вызвавшая после первого издания неприятие и ожесточенные дискуссии как среди советских военных историков, так и с немецкой стороны, ныне эта книга считается «хрестоматийной» и «классической». Оценки общего количества советских военнопленных и числа погибших в немецком плену, которые приводит профессор Штрайт, ныне считаются наиболее объективными и продолжают оставаться свидетельством преступной деятельности фашистского режима. В полном объеме на русском языке публикуется впервые.

Советские военнопленные в концлагере Маутхаузен.
Bundesarchiv, Bild 192–208